

XI КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ

Ассоциация антропологов и этнологов России
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

XI КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ

КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.

ISBN 978-5-4211-0128-4

9 785421 101284

Ассоциация антропологов и этнологов России
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

XI КОНГРЕСС

АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.

Москва
Екатеринбург
2015

УДК 39 + 572
ББК 63.5 + 28.71
Х 58

Редколлегия:

В.А. Тишков (ответственный редактор), А.В. Головнёв (ответственный редактор),
Д.В. Громов, М.Ю. Мартынова, Е.В. Первалова

*Конгресс проводится при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации,
Федерального агентства по делам национальностей,
Правительства Свердловской области,
Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-01-14045г)*

X58 XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред.: В.А. Тишков, А.В. Головнёв. – Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. – 504 с.

ISBN 978-5-4211-0128-4

Сборник содержит материалы, представленные к XI Конгрессу антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.). Главная тема форума – «Контакты и взаимодействия культур» – приобретает особое звучание и глубину на фоне происходящих в современном мире геополитических, этнических, культурных и социальных процессов. В рамках темы рассматриваются ключевые сюжеты: мониторинг межэтнических отношений, этноперекрестки и трансграничье, этноконфессиональные процессы и межрелигиозные отношения, региональные исследования и их методология, традиция vs новация, история науки и ее современные направления.

УДК 39 + 572
ББК 63.5 + 28.71

ISBN 978-5-4211-0128-4

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2015
© Институт истории и археологии УрО РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

Содержание

Вступление	5
Пленарное заседание	7
Симпозиумы	
Симпозиум 1. Мониторинг межэтнических отношений	
<i>Секция 1А.</i> Идентичность и самоопределение. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании	52
<i>Секция 1Б.</i> Идентичность и самоопределение. Формы и принципы самоопределения народов	65
<i>Секция 2.</i> Миграция и мигранты	79
<i>Секция 3.</i> Кросскультурные исследования и психология межкультурного взаимодействия	97
<i>Секция 4.</i> Антропология медиа	113
<i>Секция 5.</i> Культурная память в процессах межкультурного взаимодействия	121
<i>Секция 6.</i> Этнические (национальные), расовые, религиозные и языковые меньшинства в странах Европы	135
<i>Секция 7.</i> Культурное многообразие русских и образ «другого»	139
Симпозиум 2. Этноперекрестки и трансграничье	
<i>Секция 8.</i> Роль и значение популяционных контактов в формировании антропологического состава древнего и современного населения Евразии	149
<i>Секция 9.</i> Перекрестки и границы в картинах мира Евразии	162
<i>Секция 10.</i> Экологическое сознание и модели экологического поведения в северной и центральной Евразии	168
<i>Секция 11.</i> Идентичность и модернизационные процессы среди кочевников и скотоводов Центральной и Северной Азии	178
<i>Секция 12.</i> Сопространственность культур и коды территории «памяти»	185
<i>Секция 13.</i> Культурные контакты в фольклоре и мифологии народов мира	202
<i>Секция 14.</i> Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации	208
<i>Секция 15.</i> Исторические реалии и историография этнографического финно-угроведения	219
Симпозиум 3. Этноконфессиональные процессы и межрелигиозные отношения	
<i>Секция 16.</i> Взаимодействие религиозных институтов и общин в полиэтнических регионах	222
<i>Секция 17.</i> Этноконфессиональные общности: конструирование и преодоления границ	229
<i>Секция 18.</i> Геоинформационные методы изучения этноконфессиональных процессов и религиозной жизни в России	237
<i>Секция 19.</i> Религиозно-мифологические традиции финно-угорских народов, культурные идентичности и межкультурное взаимодействие	243
<i>Секция 20.</i> Этничность и религиозность: идеологемы и практики взаимодействия в российских регионах	255
Симпозиум 4. Региональные исследования и их методология	
<i>Секция 21.</i> Конструирование региональной идентичности и брендинг территории	261

<i>Секция 22.</i>	Этнология и антропология Арктики	272
<i>Секция 23.</i>	Межэтнические взаимодействия и этноконфессиональные процессы в Урало-Поволжье	282
<i>Секция 24.</i>	Социокультурная коммуникация у народов Кавказа	292
<i>Секция 25.</i>	Соотношение поля и теории в антропологии: перспективы сибирской этнографии	302
<i>Секция 26.</i>	Горожане вне города	305
<i>Секция 27.</i>	Полевые исследования в социально-культурной антропологии: вызовы времени и новые методики	310
<i>Секция 28.</i>	Устная история как метод и источник этнографических и антропологических исследований	318
Симпозиум 5. Традиция vs новация		
<i>Секция 29.</i>	Народные знания и традиционная культура в контексте проблем современности	327
<i>Секция 30.</i>	Ритуал и культ: от полевой этнографии к теоретической интерпретации	336
<i>Секция 31.</i>	Календарные традиции и праздничная культура	344
<i>Секция 32.</i>	Традиционная пища народов мира: сакральные и профанные аспекты	352
<i>Секция 33.</i>	Этнография исполнительского искусства: музыка, театр, танец	360
<i>Секция 34.</i>	Народное декоративно-прикладное искусство в условиях глобализации	364
<i>Секция 35.</i>	Новая материальность и исследования материальной культуры	371
<i>Секция 36.</i>	Антропология дара	380
Симпозиум 6. История науки и ее современные направления		
<i>Секция 37–38.</i>	История этнологии и этнографического музееведения: проблемы и направления	386
<i>Секция 39.</i>	Политическая антропология: антропология традиционализма	402
<i>Секция 40.</i>	Человек и право на перекрестке культур	411
<i>Секция 41.</i>	Механизмы, критерии и принципы этноэкологической и этносоциальной экспертизы	418
<i>Секция 42.</i>	Медицинская антропология: основные направления и проблемы исследований	428
<i>Секция 43.</i>	Отношение к инвалидности и людям с ограниченными возможностями в разных культурах	443
<i>Секция 44А.</i>	Женское vs мужское в культурах мира. Русская культура и женская история сквозь призму мужского и женского (XVIII – начало XXI в.)	448
<i>Секция 44Б.</i>	Женское vs мужское в культурах мира. Культура этноса сквозь призму мужского и женского с древности до наших дней	470
Круглые столы		
<i>Круглый стол 1.</i>	Урал: граница Европы или центр Евразии?	487
<i>Круглый стол 2.</i>	Проблемы современного этнологического образования и реализация направления подготовки «Антропология и этнология»	492
Указатель авторов		496

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Когда два года назад мы выбирали основную тему для XI Конгресса антропологов и этнологов России, вернее не тему, а слова для ее обозначения, обсуждались понятия «этноперекресток», «трансграничье», «этнодиалог». Выбрали попроще и попривычнее – «контакты и взаимодействия культур». Но настроение осталось, и неравнодушные люди подогревали его призывами разобраться с границами не только между народами и культурами, но и между нашей наукой и другими гуманитарными дисциплинами, а также с границей между антропологией и этнологией где-то внутри нас самих. Действительно, антропология и этнология – не синонимы, а разные измерения науки о человеке и о народе (они, кстати, и народились в разное время, и траектории у них разные, пусть и пересекающиеся); иногда они даже атакуют друг друга претензиями на приоритет.

Смещение фокуса с «границы» и «разграничения» на «трансграничье» и «взаимодействие» – общий тренд антропологии и этнологии, выражающийся в сдвиге от статики простых (или упрощенных) форм к динамике сложных сочетаний с их вариативностью и ситуативностью. Там, где раньше искомым итогом были формализованные классификации и дефиниции, сегодня нужны реалистичные композиции и сценарии. Этот сдвиг к задачам большей сложности требует нового исследовательского инструментария и маневренности на междисциплинарном пограничье. На перекрестках наук и прежде нередко рождались новые методы и знания. Ныне эти контакты и взаимодействия обретают облик многослойных дискурсивных полей и даже потоков, образующих междисциплинарные направления (или измерения) вроде этнополитологии, гендерных исследований, «мигрантологии», «идентики» (если так можно назвать исследования идентичности). На нашем конгрессе секции по идентичности, мигрантам и гендерной проблематике – самые многочисленные, и именно в них особенно велико представительство смежных с антропологией и этнологией дисциплин.

Урал – удобная площадка для осмысления и обсуждения «контактов и взаимодействий». Этот этноперекресток связывает Европу и Азию, Арктику и Великую степь; здесь с глубокой древности рождались, расселялись, встречались и уживались разные народы. На основе взаимной адаптации и диалога сложился отмечаемый многими местными жителями и внешними наблюдателями тон взаимной деликатности различных по происхождению, религии и языку сообществ – своеобразная «уральская толерантность». Полиэтничность и поликонфессиональность Урала дополняются мозаикой индустриальности и аграрности, сетью крупных городов, заводов, сел, деревень, аулов, паулей. Урал звучит и мансийским санквылтапом, и башкирским кураем, и гулом заводов, и свердловским роком. Иногда «уральская толерантность» кажется устойчивой до неуязвимости и потому не требующей особой опеки. Однако есть и другая перспектива, обычно скрытая злобой дня: обычаи и технологии этого этнодиалога, сложившегося не по указу и не по примеру, а на своей собственной основе, представляют собой достояние, достойное изучения и распространения, например, в качестве бренда территории.

Собравшийся на Урале XI КАЭР привлёк внимание более 1 500 исследователей из России и зарубежных стран, подавших заявки на участие. После отбора и согласований свое очное участие в Конгрессе подтвердили 850 человек с 967 докладами. Из заявленных секций сформировано шесть симпозиумов: «Мониторинг межэтнических отношений» (8 секций), «Этноперекрестки и трансграничье» (8), «Этноконфессиональные процессы и межрелигиозные отношения» (5), «Региональные исследования и их методология» (8), «Традиция vs новация» (8), «История науки и ее современные направления» (8). Всего в рамках Конгресса состоятся заседания 45 секций, а также 2 круглых столов: «Урал: граница Европы или центр Евразии?» и «Проблемы современного этнологического образования и реализация направления подготовки «Антропология и этнология»».

Впервые в рамках Конгресса пройдет IX Российский фестиваль антропологических фильмов. Тем самым направление, называемое визуальной антропологией, киноантропологией или этнокино, выходит на новый уровень, и обычные дискуссии о том, что и как лучше снимать, мы заменяем показом и конкурсом профессиональных киноработ. Нам интересно, насколько конгресс и кинофестиваль дополняют и поддержат друг друга и насколько конгресс в реальном времени повлияет на развитие антропологического (этнографического) кино. На этот раз у конгресса будет свой фестиваль, а у фестиваля – своя профессиональная аудитория. Мы учредили на фестивале «Приз Конгресса» (вместо обычного приза зрительских симпатий)

и приглашаем исследователей принять непосредственное участие в оценке конкурсных фильмов и дискуссиях с режиссерами.

Россия представлена на XI КАЭР исследователями из городов Абакан, Анадырь, Апатиты, Архангельск, Барнаул, Бийск, Боровск, Владивосток, Владикавказ, Волгоград, Вологда, Воронеж, Вуктыл, Глазов, Горно-Алтайск, Грозный, Екатеринбург, Ижевск, Йошкар-Ола, Иркутск, Казань, Карасук, Кемерово, Киров, Кострома, Краснодар, Красноярск, Курган, Курск, Кызыл, Липецк, Магадан, Магнитогорск, Майкоп, Махачкала, Миасс, Москва, Набережные Челны, Нальчик, Нерюнгри, Нефтекамск, Нижний Новгород, Нижний Тагил, Новосибирск, Омск, Оренбург, Пенза, Пермь, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Рязань, Салехард, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Северодвинск, Смоленск, Ставрополь, Старый Оскол, Сургут, Сыктывкар, Тамбов, Тверь, Тобольск, Томск, Тотьма, Тула, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Уссурийск, Уфа, Ханты-Мансийск, Чебоксары, Челябинск, Череповец, Черкесск, Шадринск, Элиста, Южно-Сахалинск, Якутск, Ярославль.

Зарубежные участники Конгресса антропологов и этнологов России представляют Азербайджан, Армению, Беларусь, Бельгию, Болгарию, Великобританию, Венгрию, Германию, Грецию, Грузию, Израиль, Казахстан, Киргизию, Китай, Колумбию, Латвию, Литву, Молдову, Монголию, Польшу, Таджикистан, Сербию, США, Узбекистан, Украину, Финляндию, Францию, Чехию, Швецию, Эстонию.

Таким образом, КАЭР открывает обширную панораму актуальных тем и исследований в России и за рубежом. По предварительным наблюдениям, в нашем сообществе заметен сдвиг интереса от традиции к инновации, от прошлого к настоящему и будущему, от стандартных обзоров к поиску новых подходов и практик (в том числе в профессиональном образовании, этноэкспертизе, видео-кибер-медиапространстве). С этим согласуется весомое представительство на Конгрессе исследовательской молодежи.

Ориентированным на практику будет и планируемое в рамках Конгресса собрание (съезд) Ассоциации антропологов и этнологов России. На этот раз Ассоциации предстоит сделать выбор: сохранить прежний формат аморфного объединения, обновляющего свою «идентичность» от конгресса к конгрессу, или преобразоваться в постоянно действующую структуру со своим бюджетом, полем экспертиз и проектов общероссийского масштаба, активными региональными отделениями.

Конгресс – не только показ-смотр домашних заготовок и достижений, но и живой исследовательский процесс. Нет сомнения, что участники Конгресса обновят и обогатят круг своих интересов и знакомств. Надеюсь, наш необычный по масштабам форум (столь крупный КАЭР собирается впервые) не только обозначит актуализацию антрополого-этнологической проблематики и рост числа профессионалов, но и окажется тем редким случаем, когда работа и праздник непротиворечиво сочетаются. Полезных наблюдений, ярких впечатлений, а также вдохновений и открытий в Екатеринбурге!

*Президент Ассоциации антропологов и этнологов России
А.В. Головнёв*

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Тишков Валерий Александрович – академик-секретарь Отделения историко-филологических наук, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И СОВЕТСКИЙ НАРОД

Начну доклад цитатой из текста «Истоки народного подвига», который мой старший коллега, ныне покойный академик Ю.А. Поляков подготовил для нового многотомного труда по истории Великой Отечественной войны. Ю.А. Поляков спрашивает: «Что защищали советские люди?» и дает такой ответ: «Победу СССР в Великой Отечественной войне обусловила группа взаимосвязанных факторов... Бесспорно, существенную роль сыграли пространства страны, ее огромные материальные и людские ресурсы, помощь союзников, просчеты противника. Но главная заслуга принадлежит советскому народу. Именно он сплотился перед общей бедой, забыв или отодвинув в тень свои обиды и невзгоды. На борьбу с германским нашествием поднялись все: стар и млад, мужчины и женщины, все нации и народности СССР». Чем же был вызван патриотизм советских людей? Как считает историк и свидетель советской эпохи, вопрос этот сегодня чрезвычайно запутан. «Прежние, ставшие стереотипами постулаты о том, что народы СССР защищали «советскую социалистическую Родину, “идеалы социализма”, в результате распада республик утратили во многом прежнюю убедительность, а новых, достаточно вразумительных ответов пока не дано»¹. За последнее время этот вопрос стал еще более острым, несмотря на завершение названного выше фундаментального труда и появление многих документальных публикаций и монографических исследований о войне. Этнологи и антропологи эту тему обходили своим вниманием, за исключением таких сюжетов, как плен, депортации, «окопные» темы, военный фольклор². Но едва ли кто будет отрицать, что одним из очевидных проявлений национального самосознания (идентичности) российского (советского) народа был гражданский патриотизм в годы Великой Отечественной войны³. Собственно говоря, название войны и переводится на английский язык как The Great Patriotic War, т.е. слова «отечественная» и «патриотическая» являются синонимами.

* * *

Под гражданским патриотизмом мы понимаем чувство сопричастности со страной гражданства, которая обычно и называется Родиной. Причем, эта сопричастность, в отличие от более широкой категории национального самосознания (или идентичности), имеет однозначно позитивные чувства и привязанности, называемые часто «любовью человека к Родине». Национальное самосознание может включать в себя более широкий спектр чувства сопричастности, включая критическое отношение и даже «любовь через ненависть» (В.Г. Белинский: «ненавижу Россию, потому что я ее люблю»). Патриотизм же имеет позитивный спектр сопричастности, хотя не исключает как критического отношения, так и огульного оправдания типа «Родина всегда права». Последнее особенно свойственно т.н. ультра- или ура-патриотизму. *Патриотизм – это сложный комплекс чувств и эмоций. Он результат как примордиальных ощущений, связанных с местом рождения и ранней социализацией личности, так и целевой индоктринацией через воспитательный процесс, пропаганду и разнообразные социально-политические воздействия, включая воздействие во взрослом возрасте.* В любом случае патриотизм – это важный компонент национальной идентичности, и сам процесс нациестроительства (в его гражданско-политическом смысле) есть утверждение общего представления о собственном народе как нации и связи с ней на личностном и коллективном уровнях⁴.

В ситуации войны речь идет не просто о патриотизме, а о массовом героизме как коллективном жертвенном поведении во имя потребностей фронта и во имя военных побед. Здесь мы исходим из постулата, что чувство сохранения жизни является первичным по отношению к другим экзистенциальным ситуациям, а сама жертвенность вызвана особым, критическим сочетанием факторов, включая психоэмоциональное состояние

личности. Война является таким сочетанием факторов, при которых явление коллективной и индивидуальной жертвенности становится почти нормой. Однако не каждая война и не каждая коллективность (в данном случае речь идет о народе) вызывают к жертвенности и вызывают ее проявления. Великая Отечественная война была чрезвычайной ситуацией вторжения на территорию страны внешнего агрессора, имевшего целью разрушение государства, низведение славянского и другого населения на низшие позиции, физическое уничтожение представителей некоторых национальностей (евреев, цыган). И хотя в военное время в СССР еще более ужесточился тоталитарный режим партии большевиков во главе с И.В. Сталиным, хотя существовала безграничная власть одной личности и всевластие спецслужб, все же *есть основания говорить о свободном проявлении лояльности и любви к Родине, чувстве советской общности среди граждан СССР.*

Мы берем период войны как время, выпадающее из нормы существования той или иной нации, когда сама нация подвергается особому испытанию. Известно, что оккупация гитлеровской Германией некоторых европейских стран, например, Австрии и Норвегии, фактически привела к разрушению самих институтов государственности и к кризису национальной идентичности граждан этих образований. Воспевание австрийского патриотизма через голливудский фильм «Звуки музыки» было в большей степени послевоенным искуплением, чем отражением степени австрийского патриотизма в период войны. Норвегия также могла похвалиться только стойкостью представителей королевской короны, сохранившей власть в эмиграции, но особых проявлений национальной солидарности неизвестно, да и сама норвежская нация консолидировалась только в послевоенное время. Эти примеры подтверждают, что *процесс складывания наций и ее консолидации имеет к этническому составу населения страны далеко не самое прямое отношение.* Население довоенной Норвегии было этнически гомогенным (если не считать саамское меньшинство), но общее чувство «норвежскости» было в нем развито слабо. И другие уже, казалось бы, сложившиеся европейские нации выбрали (или им уготовили условия войны) разные варианты коллективного поведения перед внешней угрозой. Некоторые вполне консолидированные и даже примерные гражданские нации (например, французы) предпочли конформизм и официальное сотрудничество с врагом, а власть и население совсем не пребывали в согласии. Другие, менее гомогенные (например, британцы) и даже не до конца сложившиеся (например, югославы), наоборот, выбрали жесткое сопротивление.

Советский «многонациональный народ» в Отечественной войне – явление во многих отношениях уникальное и, возможно, не до конца еще понятое и объясненное в силу его сложного и меняющегося состава, особой эмоциональной окрашенности темы и ее вечной актуальности. В Советском Союзе патриотизм, как и идея защиты Отечества, имел исторические корни. Они были наследованы от дореволюционного времени, и в своих разных временных и идеологических ипостасях нашли отражение в научном, публицистическом и художественном творчестве⁵. Но коммунистическая идеология наполнила патриотизм новыми концептами. С одной стороны, прошлое страны было проклято как «тюрьма народов» и как «мир насилия», но, с другой стороны, революция и советская страна представлялись как «авангард человечества» и как «надежда мира». К этому добавились формулы «союза народов», а уже в годы войны родился и утвердился концепт «советского народа». И все же отправным моментом при формировании гражданского самосознания служил исторический опыт контактов в целом толерантных по отношению друг к другу представителей российских национальностей, а также последователей разных мировых религий, которым импонировали коммунистическая идея равенства граждан и народов, установление справедливого порядка, а также усилия большевистской власти сохранить страну – историческую Россию.

После образования СССР появляются новые компоненты советского официоза: это интернационализм, понимаемый как солидарность «трудящихся» (людей труда) в стране и во всем мире, а также «дружба народов» как взаимоуважение и сотрудничество представителей разных национальностей. Эти идеологические «скрепы» были задействованы быстро и эффективно⁶. Уже в довоенный период существенными для формирования советской солидарности и патриотизма становились повседневные социальные и культурные практики. Совместные труд и творчество, профессиональные занятия и увлечения, художественная литература и изобразительное искусство, обмен хозяйственным и культурным опытом, этика коллективизма, семейно-родственные связи и привязанности – все это создавало основу для чувства принадлежности к «советской Родине». Однако в какой мере все это было уже укоренено в обществе, чтобы проявиться в годы войны? Ведь слишком мало времени прошло с момента ухода с исторической сцены старой России, и слишком много страданий и травм уже успел нанести гражданам и целым социальным и этническим группам советский режим, чтобы можно было рассчитывать на отсутствие в СССР антисоветских и антиболь-

шевистских настроений, а также идеологии национализма и межэтнических проблем. Нам известно, что отторжение советской власти и идеологии большевизма частью населения имели социальную, этническую и религиозную окраску. Наиболее критические и сепаратистские настроения были среди жителей присоединенных накануне войны территорий, а также среди мусульманской части населения и тех групп, которые подверглись большевистско-сталинским репрессиям в 1920–1930-е годы, а также в ходе самой войны.

Духовная жизнь в предвоенные годы представляла собой противоречивое явление. «С одной стороны, за годы советской власти компартии удалось воспитать у советских людей политическую сознательность и преданность идеалам социализма. Советский народ был готов самоотверженно и стойко защищать свое социалистическое Отечество. С другой стороны, говоря о духовной сплоченности советских людей в предвоенные годы, следует помнить, что на морально-политической атмосфере негативно сказывались ускоренная индустриализация, принудительная коллективизация, а также духовное принуждение людей. Произвол и беззаконие, всевластие Сталина породили обстановку подозрительности и недоверия, которая мрачной тенью ложилась на общественное сознание»⁷.

О том, что тяготы обычной жизни и жестокости властей вызывали среди части основного населения, не говоря уже о жителях присоединенных территорий, далеко не всегда патриотические чувства, писали еще в советское время некоторые авторы, главным образом писатели. Как говорил К. Симонов, «тогда одновременно существовало словно не одно, а два соседних и разных времени. Одно явное и понятное, с полетами через полюс, с революционной помощью Испании, с ненавистью к фашизму, с пятилетками, с работой до седьмого пота, с радостной верой, что выше и выше поднимаем страну, с любовью и дружбой, с нормальными людскими отношениями; и тут же рядом – только ступи шаг в сторону – другое время, страшное и с каждым днем все более необъяснимое»⁸. Сегодня нам известны факты проявления недовольства и сопротивления власти, особенно на территориях проживания нерусского населения (в Поволжье, на Северном Кавказе, в Средней Азии), а после 1940 года – на территориях Прибалтики, Украины и Молдавии)⁹. И все же население страны в целом принимало основы существовавшего строя. Провозглашаемые идеи, прививаемые населению ценности, действующие правовые нормы, а также формулируемые руководством цели развития страны и задача защиты Отечества были понятны советским людям и одобрялись ими. То есть можно говорить, что *в основе поддержки народом советского строя были социальные и идейно-ценностные основания, а не просто страх и принуждение*. Потребовалось всего два десятилетия, чтобы в сознании советских людей через систему образования, общественные организации, средства информации (печать и радио) утвердились главные постулаты марксистско-ленинской идеологии, что социализм должен победить во всем мире, что СССР – это оплот трудящихся всех стран в их борьбе против эксплуататоров, что миссия страны – защищать угнетенные народы и нести в мир идею равенства и братства людей труда. *Этот момент быстрой индоктринации населения огромной страны представляется, конечно, не единственным явлением в истории, но очень поучительным, особенно для современного мира принципиально новых методов воздействия на массовое сознание и представления людей.*

* * *

Война стала сильным индикатором испытания гражданской идентичности и политической ориентации советских людей разных национальностей. В целом доминирует мнение, что представители всех советских народов встали на защиту общей Родины и внесли вклад в победу над нацизмом. Тема народа и патриотизма в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. была многократно освещена в исторических исследованиях¹⁰. Но все же единственный тезис о защите своего Отечества от чужеземного вторжения не исчерпывает более сложное содержание патриотизма советских людей. В СССР проявлялось и культивировалось «чувство семьи единой», т.е. представители нерусских народов защищали и обретенную ими в составе Союза собственную государственность. Если, конечно, не считать такие территории, как прибалтийские республики, суверенная государственность которых была ликвидирована в 1940 г., а также представителей советских национальностей, автономные образования которых были уничтожены в момент депортации. Так что вопрос о лояльности этнической периферии остается обсуждаемым, и именно он сегодня подвергается радикальной ревизии зарубежными историками и политиками. Однако обратимся к некоторым фактам и аргументам.

В процессе «форматирования советскости»¹¹ этнокультурный компонент составлял важную часть политики государства, проводившего курс на формирование общесоветского единства на основе большевист-

ской идеологии, социально-экономического, политического и культурного развития «ранее угнетаемых наций». Переход к советской общегражданской идентичности сопровождался изменениями коллективного самосознания, в том числе и через конструирование новых социалистических наций. Менялись социальная структура народов, их быт и ценностные ориентации. Следуя за случайным высказыванием Сталина о «60 советских нациях», при обнародовании итогов Всесоюзной переписи населения 1939 г. вся этническая номенклатура была сокращена более чем вдвое (вместе 160 групп было показано всего 62 «советские нации и народности»). Пережитые репрессии, насильственная коллективизация и культурная (антирелигиозная) революция, не могли не вызвать среди части представителей российских национальностей, включая и русских людей, неприятие власти, советского государственного устройства. Это, кстати, учитывал противник, надеясь на отсутствие консолидированного согражданства народов СССР¹². Тем не менее, государственная этнополитика, массированная и разнообразная пропаганда, модернизация жизни привели к впечатляющим результатам по части утверждения гражданственности, культурной гомогенности, советской ценностно-поведенческой нормы.

В предвоенные годы была упорядочена административно-государственная структура за счет ликвидации нескольких тысяч нежизнеспособных из-за своей этнической избирательности «национальных» округов и сельских советов. Во главе региональных и местных органов власти стали ставить прошедшие специальные партийные курсы проверенные кадры, в том числе из «коренных националов». Вместо политики «коренизации» упор был сделан на языковую русификацию, когда в 1937 г. Сталин объявил о безусловном приоритете русского языка в программах учебных заведений национальных республик. Тогда же был осуществлен перевод графики языков нацменьшинств с латиницы на кириллицу. Началось масштабное издание периодики и книг на русском языке для нерусских народов. В армии началась ликвидация воинских формирований по этническому принципу (т.н. «национальные части и формирования РККА»), а для призывников-националов были организованы курсы и школы по изучению русского языка.

Перед войной во всех республиках, краях и областях были открыты партийные школы и учреждения политического просвещения. В 1938 г. был опубликован «Краткий курс истории ВКП(б)», основным автором и редактором которого был Сталин. Миллионы людей в стране стали учить историю и философию по этой книге. Одновременно стали устраиваться официальные мероприятия по поводу круглых дат создания республик и юбилеев «культурных героев», из которых постепенно выстраивался советский пантеон «великих людей». Тогда же началась практика проведения декад искусства национальных республик. Все это дало свои результаты. *Великая Отечественная война подтвердила приверженность подавляющего большинства советских людей, независимо от их этнической, конфессиональной и социальной принадлежности, гражданским ценностям, центральное место среди которых занял советский патриотизм.*

Но не только пропаганда и предписания властей давали свои результаты. Вооруженная борьба на фронте, работа в тылу по обеспечению фронта, сопротивление врагу на оккупированной территории – все стороны общественной жизни в СССР касались каждого человека, объединяя людей разных национальностей во имя единой цели. Военные условия актуализировали межэтнические контакты, особенно в воинских частях, в эвакуации, на производстве и на оккупированной территории. При этом усложнение этнического состава разных коллективов, организаций, мест проживания и структур управления воспринималось вполне толерантно, хотя и не всегда гладко.

* * *

По воспоминаниям старшего поколения членов Российской академии наук, эвакуация институтов академии вместе с сотрудниками и членами их семей в Ташкент, Свердловск и Казань не вызвала никаких проблем с точки зрения взаимодействия с властями и контактов с местным населением. Везде эвакуированные встречали поддержку, с ними делились жильем и продуктами. Всего на восток были эвакуированы к ноябрю 1941 года свыше 10 млн человек и более 1360 крупных предприятий. На Урале к концу 1942 года было размещено 830 предприятий; туда были переселены более 2 млн человек, т.е. четверть эвакуированного населения¹³. Поскольку наш конгресс проходит в Екатеринбурге, приведу некоторые места из воспоминаний академика Полякова. Вместе со студентами и преподавателями МИФЛИ он был сначала эвакуирован в Ташкент. По пути поезд остановился на несколько дней в Муроме, где их расселили по частным квартирам. В его воспоминаниях есть такие строки: «Было 6 ноября 1941 г. (кстати, в этот день в родильном отделении Нижне-Сергинской больницы родился автор доклада! – В.Т.). За мелкими частными делами по расселению

стояло одно главное: что происходит? Настроение было подавленное. За сводками Информбюро чувствовалось определенно: армия отступает, Ленинград окружен, противник ведет бои в ближнем Подмосковье, в поселках, где летом селились дачники. И мы едем черт знает куда и зачем. Да, мы готовы жить в землянках, работать по 20 часов в сутки, но будет ли от этого толк? И вот, 6-го ноября вечером мы прильнули к черному рупору радиоточки. Не отрываясь, выслушали доклад Сталина. Со всей искренностью, через семь без малого десятков лет я чувствую и говорю о том поразительном влиянии, которое сталинский доклад 6-го, парад 7-го ноября и выступление 7-го ноября оказали на настроение и армии, и тыла. Почему этот неяркий по форме доклад и кратенькая речь с обычными на войне заявлениями о грядущей победе, с неизбежными неправдоподобными данными о потерях врага так воздействовали на умы и сердца граждан? Велика сила слова! Сталин сказал то, что хотел услышать каждый: «Мы отстоим Москву и перейдем в наступление»¹⁴.

Отметим, что выступления Сталина 6 и 7 ноября, а также военный парад на Красной площади стали выдающимися фактами Отечественной войны: это была не просто вера в победу, это была демонстрация уверенности в победе. В своей первой речи 3 июля 1941 года он говорил об угрозе социально-политическому строю, о том, что враг ставит целью «восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности... свободных народов Советского Союза». 6 ноября он говорил о «нашем социалистическом государстве», о том, что при царизме попирались права нерусских народов, устраивались «средневековые еврейские погромы». 6 и 7 ноября в речах Сталина появился тезис об особой роли русского народа, о великой русской нации, были названы имена ее выдающихся представителей, в том числе русских полководцев Суворова и Кутузова¹⁵. Тема ведущей роли русского народа и утвердившееся в те годы понятие «старшего брата» стали одними из основных в пропаганде.

После Муромы коллектив МИФЛИ добрался до Ташкента, а затем и до Ашхабада, где слился с университетским коллективом МГУ. Зимой 1941–1942 годов и весну 1942 года объединенный коллектив провел в Ашхабаде. Кстати, ректором московской и ашхабадской частей был историк Илья Саввич Галкин, который в годы моего студенчества в первой половине 1960-х годов заведовал кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ. Местные власти и жители оказали студентам и преподавателям всю возможную помощь, а студенты и профессора участвовали в весенних полевых работах, читали лекции на предприятиях, в госпиталях, проводили субботники. В июне 1942 года правительство приняло решение перевести МГУ в Свердловск.

Ю.А. Поляков так вспоминает Свердловск 1942 года: «Занятия начались только 10 ноября. До этого студентов использовали на сельхозработах (студенческие кадры использовались всесторонне)... Проработав в колхозе неделю (это была деревня в Красноуральском районе – В.Т.), мы вернулись в Свердловск... В Свердловске сложился довольно сильный и значительный коллектив. Занятия шли более организованно и регулярно, чем в Ашхабаде. Заметной стала комсомольская жизнь. В марте 1943 г. все комсомольцы – и те, кто работал на заводах, в воскресный день участвовали в строительстве Свердловского водопровода... Главным вкладом университета в оборону была работа на заводах (скорее всего, это и была основная причина перевода МГУ из Ашхабада в Свердловск – В.Т.). Многие имели производственные специальности – прежде всего, на химическом, физическом, биологическом, геологическом факультетах. Немало студентов работали шоферами, грузчиками, подсобными рабочими. Конечно, большое значение имели доклады, лекции, которые читались профессорами и преподавателями на предприятиях, в воинских частях, в госпиталях. Учебный процесс не прерывался ни на один день. Учебной базой был УИИ (Уральский Индустриальный Институт). В огромном, выстроенном незадолго до войны здании места для занятий хватало. Хуже было с жильем. Часть студентов поместили в общежитие, часть разместили в жилища граждан «путем уплотнения»... Итак, большинство студентов поступили на заводы, продолжая занятия в университете. Добавлю, что работа была не только хлебной (по рабочей карточке с оборонного завода студенты получали 600 грамм хлеба в день – В.Т.). Это был искренний патриотический долг, веление души и сердца. А о хлебе говорили много, полагая, что это прибавляло сытости»¹⁶. Тема Академии в эвакуации заслуживает изучения, ибо, кроме давней книги Б.В. Левшина¹⁷ об АН СССР в годы войны, новых работ не появилось.

* * *

Теперь о действующей армии, о тех, кто воевал, и о том, как на фронте воспринимался т.н. национальный вопрос. По Конституции 1936 г. были упразднены всякие социальные и этнические ограничения на выполнение воинских обязанностей граждан СССР. Обязательной мобилизации подлежало все мужское

население определенного возраста, хотя, по некоторым данным, существовал список в несколько десятков национальностей, представителей которых брали на воинскую службу только как добровольцев. В целом это не сильно влияло на этнический состав военнослужащих. Все военные части были многоэтническими по составу. В начале 1942 года в действующей армии находились 1,2 млн азербайджанцев, армян, башкир, грузин, казахов, киргизов и узбеков. В годы войны из республиканских призывов было укомплектовано свыше 80 национальных (по этническому признаку) дивизий и бригад, хотя эта практика уже не была всеобщей.

Отношения в воинских подразделениях были не без проблем: сказывались разные уровни развития, знания русского языка, ментальность и некоторые идейно-политические взгляды. Политработники и «особисты» (военнослужащие особых отделов НКВД при воинских частях) сообщали неоднократно информацию «о недостатках работы с красноармейцами нерусских национальностей». Цитирую одно из них – «об отношениях некоторых командиров и политработников частей Южного фронта к бойцам нерусских национальностей» от 12 апреля 1942 г.: «Некоторые командиры и политработники частей Южного фронта пренебрежительно относятся к бойцам – грузинам, азербайджанцам, дагестанцам и узбекам. В 188-й кав. полк 60-й кав. дивизии прибыло 300 чел. Пополнения из восточных республик без подготовки были направлены в бой. В результате чего понесли большие потери. По распоряжению командира 188-й кав. полка Ольшанского позади этого пополнения был установлен заградительный отряд из казаков с задачей расстреливать каждого в случае отхода. Как установлено следствием, Ольшанский о прибывшем пополнении из восточников заявил: “Пусть их давят танки и расстреливает противник, тогда скорее уедем в тыл на комплектование. Казаков и русских нам нужно сохранять, они нам пригодятся”. Ольшанский арестован особым отделом...»¹⁸. Еще одна цитата из донесения начальника политуправления Южного фронта о взаимоотношениях красноармейцев в 57-й армии от 8 мая 1942 года: «3-й батальон 1157 сп 351 сд 57 армии состоит из 23 национальностей. В батальоне заметна отчужденность между русскими и нерусскими красноармейцами: так, кабардинцы, узбеки собирались группами и делились между собой табаком, но если к ним обращался русский за табаком, то они отказывали. Замечая это, политруки и сам военком не организовали ни одной беседы о сталинской национальной политике, о дружбе народов СССР»¹⁹.

Как следует из донесений политработников и особистов, среди нерусских солдат были чаще случаи дезертирства и членовредительства. 7 июня 1942 г. начальник орготдела ГлавПУРККА докладывал высшему начальству о фактах измены Родине в частях действующей Красной Армии: «В лагерь врага переходят, главным образом, рядовые военнослужащие, семьи которых остались на территории, оккупированной противником, лица, вышедшие из окружения или побывавшие в плену у немцев, а также красноармейцы нерусских национальностей, призванные в областях и республиках Закавказья и Средней Азии. По одной только Приморской армии среди изменников Родине лица нерусской национальности составляют 79,8%. В феврале, марте и апреле из частей этой армии перешли в стан врага: азербайджанцев – 135 чел., грузин – 111, лезгин – 71, армян – 75, украинцев – 55 и других национальностей – 48»²⁰. Из донесения Главпура Юго-Западного фронта о членовредительстве от 21 июня 1942 г.: «Анализ случаев членовредительства показывает, что они идут главным образом за счет красноармейцев нового пополнения, причем большинство из них красноармейцы нерусской национальности, плохо или совершенно не владеющие русским языком... Причинами такого большого количества членовредительства главным образом являются неудовлетворительная постановка работы среди прибывающего пополнения нерусской национальности. Как установлено проверкой в 242-й, 76-й с.д. и др. частях, отдельные бойцы, особенно не владеющие русским языком, не знали о строгой ответственности за членовредительство»²¹.

В документах РГАСПИ хранится докладная записка руководителя группы агитаторов ГлавПУРККА генерала Ставского о результатах поездки на Закавказский фронт в октябре-ноябре 1942 г. в район Моздока и Орджоникидзе, где шли жестокие бои с немецкими войсками. В ней содержится подробный анализ проблемы межэтнических отношений и поведения на фронте военнослужащих разных национальностей. 4 декабря 1942 г. Ставский писал зам. начальника Главпура И.В. Шикину: «Совершенно недопустимым является тот факт, что даже среди руководящего командно-политического состава довольно свободно и безнаказанно гуляет “теория”, что якобы кадры нерусской национальности не умеют и не хотят воевать. Пренебрежительно-насмешливые клички по отношению в народностям Кавказа имеют широкое хождение (“Сыны Кавказа”, “братья-славяне” (?), “кучерявенькие”, “черненькие” и т.д.). Даже среди ряда несомненно авторитетных и заслуженных руководящих работников армии неправильные разговоры на данную тему не только не находят должного отпора, но и снисходительно поощряются... Сплошное охаивание качеств

и преданности Родине целых народов (азербайджанцев, армян, грузин, узбеков и т.д.) проникает в среду бойцов. Отношение к бойцам нерусской национальности, особенно не знающим русского языка, подчас бывает недопустимо высокомерным, грубым, способным только озлобить и оттолкнуть. Есть ли факты резко отрицательного порядка среди бойцов нерусской национальности? Да, есть и немало. Не прекратились факты перехода на сторону врага, притом иногда массового перехода... Есть факты дезертирства, малодушия, самострелов. Все эти факты требуют принятия самых решительных мер и карательного, и воспитательного порядка. Однако, во-первых, подобного рода факты имеют место и среди отдельных бойцов русских, украинцев, белорусов. Во-вторых, на примере этого же фронта можно привести факты, когда дивизии, многонациональные по составу, хорошо дерутся. Такова, например, 417-я стрелковая дивизия. В-третьих, совершенно недопустимым является обобщение этих отрицательных фактов в сплошную картину, сплошное охаивание целых народностей и попытки за данными фактами спрятать бездеятельность, безрукость и политическую близорукость самих политорганов, попустительство которых само по себе становится в известной мере причиной, обуславливающей возможность существования указанных фактов»²². Предложения генерала Ставского были вполне дельными: обязать Военный совет Закавказского фронта обсудить вопрос о работе с бойцами нерусской национальности, разработать и выполнить план мероприятий по фронту, группе армий, дивизиям и бригадам. «Разработать тезисы доклада о Красной Армии, как братской семье народов Сов. Союза, о коренных вопросах ленинско-сталинской национальной политики в обстановке Великой Отечественной войны Сов. Союза против гитлеровской Германии», срочно организовать обучение русскому языку бойцов нерусской национальности, увеличить тиражи литературы, выпускаемой на нерусском языке для Закавказского фронта, «разработать и разослать массовым тиражом во все армии специальные карманные словари на основных языках нерусских национальностей с подбором слов в первую очередь необходимого военного обихода (грузинско-русский словарь, осетинско-русский словарь и др.)»²³.

Среди архивных документов, представленных в публикациях серии «Документы советской эпохи» (редактор серии О.В. Хлевнюк), докладная записка Ставского выделяется тем, что в ней был затронут вопрос о взаимоотношениях армии и местного населения на Северном Кавказе. «Имеются факты недружелюбного отношения к Красной Армии (“Зачем пришли сюда воевать на нашу землю”), факты открытых антисоветских высказываний (“Мы войны не хотим, мы – нейтральны”). Сказывается вражеская деятельность просачивающейся гитлеровской агентуры – есть факты скупки оружия, причем за баснословные цены, убийства бойцов, формирование антисоветских групп, оруduющих в горах, и т.д. В отдельных случаях открыто высказываются пожелания, чтобы пришли немцы. Всеобщее удивление вызывают мужчины – чеченцы и ингуши, которых можно наблюдать в прифронтовой зоне, как правило, богато и нарядно одетых и бездельничающих. Если мотивы, по которым это мужское население не берется в армию, еще иногда доведены до бойца (и то далеко не всегда и далеко не везде), то уж трудно объяснимым является вопрос о том, почему этому населению дается право бездельничать, когда урожай полностью и вовремя не собран, когда, чтобы он не погиб, уборка возлагается на части Красной Армии, а из местного населения работают только женщины и т.д.».

Здесь же генерал пишет о фактах иного порядка, в которых проявляется слабая работа армейских политорганов и местных властей. А именно, «опять-таки огульное отношение ко всему местному населению (причем сюда иногда присоединяют и призываемых в армию осетин, балкар, кабардинцев и др.), как, якобы, целиком антисоветски настроенному, является неправильным и недопустимым. Столь же недопустимым и неоправданным является имеющее место среди частей Красной армии игнорирование местных национальных особенностей – традиций, обычаев; отдельные (правда единичные факты), когда бойцы самовольно берут у мирного населения картошку, кукурузу, скот; неумение разъяснить населению роль Красной армии, значение защиты Кавказа, реальную перспективу для них в случае прихода немцев, злодеяния немцев на уже занятой территории Северного Кавказа и т.д. и т.п. Элементы разобщенности между населением и частями Красной армии, несомненно, могли бы быть значительно и даже полностью сглажены, если бы была организована соответствующая политическая работа и среди частей Красной армии, и среди населения. Между тем этого нет»²⁴. Интерес представляют предложения по данной проблеме, которые были совместно выработаны агитгруппой и местным обкомом ВКП(б). Среди них: «организация кровной мести местного населения фашистским захватчикам», «проведение местным населением газавата против немецких оккупантов», а также постановка вопроса перед ЦК ВКП(б) о трудовой повинности мужского населения Северного Кавказа, не призываемого в армию»²⁵.

* * *

Многих интересует главный вопрос: кто как воевал? Каковы военные заслуги солдат и офицеров разных национальностей? Этим озабочены историки, ветераны, общественные активисты. Приведем извлечения из архива так называемой «комиссии Минца», когда в ходе войны в Институте истории АН СССР под руководством Исаака Израилевича Минца была создана группа, которой было поручено провести беседы и собрать устные свидетельства среди участников боев Красной Армии. Материалы этой комиссии недавно были введены в научный оборот²⁶.

Из беседы (сотрудников Комиссии) с генерал-лейтенантом Василием Ивановичем Чуйковым – командующим 62-й армией. 5 января 1943 г. Сталинград:

«Сталинград оборонялся на 99,9% армией, теми самыми сибиряками, украинцами, узбеками и другими национальностями, приехавшими в Сталинград защищать советскую власть, одни хуже, другие лучше, но факт остается фактом... Были корреспонденты – иностранцы, все допытывались, какие части здесь стояли, где они комплектовались. Спрашивали, что это сибирские части? Я говорю, ничего подобного – русские, украинцы, узбеки, татары, казахи и т.д. Фактически так и было. Здесь были представители всех национальностей, а не какие-то особые, отборные части, специально созданные для Сталинграда. Конечно, русских было больше, потому что русского населения было больше. Лучше всего дрались у нас русские, потом украинцы и даже узбеки, которые раньше никогда не воевали. Правда, первый и второй день плачут, потом сама обстановка заставляет его смотреть на русского, на украинца и с ними вместе бьется и умирает. Высокое политическое сознание было исключительное для бойцов. Мы бы там легли, но мы бы не отступили, в крайнем случае, пули бы себе в лоб пустили. Такое у нас было решение, что без приказа свыше, мы ни в коем случае не уйдем. В этом отношении я со всей ответственностью заявляю, что военный совет не ушел, а за ним не ушли бы и другие»²⁷.

Из беседы с генерал-майором Александром Ильичем Родимцевым – командиром 13-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии. 7 января 1943 г. Сталинград:

«Там получилось немного не так, то есть дали пополнение, а люди не пошли – узбеки, которые крайне плохо воюют. Из этой группы, кто не пошел, расстреляли всех. Ставилась задача после взрыва этой группы, обеспеченной огнем, ворваться в железнодорожный дом. Там были люди русские, старые бойцы, которые хорошо воевали, разведчики... Лучше всех воевали сибиряки»²⁸. Эти слова были сказаны генералом Родимцевым практически в окопных условиях. Зная прямолинейность и резкость характера генерала, необходимо привести другое свидетельство из его воспоминаний, связанное с известнейшим эпизодом Сталинградской битвы – обороной бойцами 13-й гвардейской стрелковой дивизии так называемого «Дома Павлова». Тогда уже генерал-полковник и дважды Герой Советского Союза А.И. Родимцев так написал об этом героическом эпизоде: «На личной карте Паулюса этот дом был отмечен как крепость. Пленные немецкие разведчики считали, что его обороняет батальон. Об этом доме сначала узнала наша армия, потом вся страна и, наконец, весь мир. (...). Да, это был дом-крепость, его обороняли бойцы, каждый из которых стоил целого отделения, а то и взвода противника, и слава о них не померкнет в веках»²⁹. Как говорил генерал, гарнизон этого дома олицетворял многонациональный характер и дружбу народов нашей страны. Он состоял из воинов десяти национальностей: русские (10 чел.), украинцы (6 чел.), два грузина, два татарина, армянин, казах, узбек, таджик, еврей, калмык³⁰. Следует отметить, что никто специально не выбирал бойцов по национальности, отбирали их исключительно по боевым качествам. А генерал Родимцев, вспомнив своё участие в гражданской войне в Испании, называл их «настоящей интербригадой».

Преимущественно как добровольцы попадали на фронт аборигены из малочисленных народов Севера. В Ямало-Ненецком автономном округе в первые дни войны подали заявление с просьбой о направлении в действующую армию 140 человек, а из коренных народов Дальнего Востока ушли на фронт свыше 600 добровольцев. Только из нанайского колхоза «Новый путь» воевали 97 человек, из одного кетского колхоза Таймырского округа более 20, из колхоза имени Кирова – 10 энцев. Из Тонкинского района сражались с врагом более 50 эвенков, 23 из них погибли. Героями Советского Союза стали нанайец А. Пассар, эвенк-разведчик И. Увачан. У одного убитого немецкого офицера было найдено неотправленное письмо, в котором он писал: «Огромные потери мы несем от русских снайперов. Они преследуют нас в любых местах и не дают поднять головы... Из числа убитых в моем батальоне большая часть пала от выстрелов какого-то азиата». Этим азиатом был эвенк из Якутии Иван Кульбертинов³¹.

В контексте драматической ситуации на Украине полезно вспомнить, что в освобождении Украины участвовали представители всех народов СССР. Среди бойцов и офицеров 1-го Украинского фронта на 1 января 1944 года против гитлеровских захватчиков сражались представители 89 национальностей, среди личного состава частей и соединений 2-го Украинского фронта – 83 национальностей. На земле Украины громили врага соединения, сформированные во многих республиках. В боях за Украину прославились воины дивизий, сформированных из ополченцев Москвы, танкисты 10-го гвардейского Уральского танкового корпуса, 150-й Сибирской добровольческой стрелковой дивизии, 416-й дивизии, сформированной в Азербайджане, 344-й – в Грузии, 387-й – в Казахстане, 399-й – в Узбекистане и т.д. Значительную прослойку в частях и соединениях Украинских фронтов составляли воины-украинцы, численность которых в войсках вырастала по мере освобождения Украины и мобилизации в армию мужского населения освобожденных районов. В 1944 г. немало частей и подразделений на 50–70% состояли из украинцев. Среди 700 воинов 1-го Украинского фронта, удостоенных звания Героя Советского Союза в битве за Днепр и Киев, представители 33 национальностей. За героические подвиги почти 4 тысячам освободителям Украины присвоено звание Героя Советского Союза, в том числе 2598 русским, 668 украинцам, 69 белорусам, 62 грузинам, 35 армянам, 33 узбекам, 30 казахам, 17 азербайджанцам, а всего представителям 43 национальностей³².

Всего в годы войны орденами и медалями были награждены более 7 млн человек. Свыше 11 500 воинов удостоились звания Героя Советского Союза, в их составе были представители всех советских национальностей. Отдел по учету награжденных при Секретариате Президиума Верховного совета СССР в мае 1946 года подготовил справку о количестве награжденных орденами и медалями СССР за время Великой Отечественной войны. По национальному составу данные были подготовлены на 7330519 человек³³. Из них: русские – 4985449 (68%), украинцы – 1305584 (17,8%), белорусы – 211806 (2,9%), евреи – 141502 (2%), татары – 138632 (2%), казахи – 76061 (1%), узбеки – 61899, армяне – 57073, мордва – 44980, грузины – 42868, чуваша – 41143, азербайджанцы – 29746, башкиры – 22798, удмурты – 15309, марийцы – 14696, туркмены – 11482, коми – 11287, таджики – 11070, киргизы – 11064, осетины – 10678, молдаване – 9896, латыши – 8644, дагестанцы – 8490, карелы – 6437, эстонцы – 5895, бурят-монголы – 5542, литовцы – 3318, адыгейцы – 2830, кабардинцы – 2784, якуты – 1715, хакасы – 1642, каракалпаки – 1322, абхазы – 1117, народы Севера – 926, ойроты – 891, тувинцы – 126, аджарцы – 84, другие национальности СССР – 6858, национальности других стран – 16875. Если порядок расположения национальностей в справке был подчинен официально принятому порядку расположения народов СССР (по иерархии национально-территориальных образований), то представить себе, что кто-то в наградных отделах фронтов определял и координировал между собой каких представителей каких национальностей и какими знаками награждать, то такое представить невозможно. Эта справка говорит о том, что воевал весь советский народ и заслужившие получали свои ордена и медали. К сожалению, в этом списке не представлены депортированные народы, среди которых был много награжденных, в том числе самыми высокими наградами и званиями.

Исследования последних лет исправляют эти несправедливости, включая фальсификации типа истории о белом скакуне, который горцы якобы собирались подарить Гитлеру. Сегодня можно уверенно сказать, что народы Кавказа с самого начала выступили на войну с немецким агрессором и считали эту войну справедливой, освободительной. После депортации сотрудники НКВД и пропагандисты намеренно создавали голословные версии о массовом пособничестве оккупантам, но на самом деле не существует данных о таком пособничестве, а тем более – о массовом участии горских народов Кавказа в военных действиях против советских войск. Ситуация носила обратный характер, а именно – достаточно свидетельств об активном участии в боевых действиях и героизме кавказцев в годы войны³⁴. Опубликованные в книге «Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России» исследования и архивные документы дают представление о самоотверженности и героизме чеченского народа в защите от гитлеровских захватчиков. В этой книге список чеченцев – участников обороны Брестской крепости; материалы о чеченцах – командирах кавалерийского, пехотного, авиационного полков, танкового батальона; данные о тех, кто входил в армейскую разведку, воевал на военно-морском флоте, участвовал в партизанской борьбе против фашистов в Белоруссии и во французском Движении сопротивления; персоналии Героев Советского Союза и России. За годы войны из Чечено-Ингушетии в Красную Армию было мобилизовано свыше 50 тыс. человек (русских, чеченцев, ингушей, армян, евреев, татар и представителей других народов), в том числе больше 30 тыс. чеченцев³⁵. За время отступления советских войск, когда звание Героя Советского Союза редко присваивалось, его получили только четыре чеченца; во время же наступлений десятки чеченцев, представленных

к этому званию, не получили его из-за того, что их народ был депортирован в феврале 1944 года. Десять участников ВОВ из числа чеченцев стали Героями Советского Союза³⁶. Недавно вышла книга С. Аккиевой и Х.-М.А. Сабанчиева о балкарцах в годы войны, о «несостоявшихся» героях Советского Союза из депортированных балкарцев³⁷.

* * *

Среди факторов победы следует назвать *эмоциональный фактор ненависти к врагу*, что не равнозначно понятию патриотизма или гражданского долга. Советская идеология в годы войны была направлена на воспитание чувства ненависти к фашизму и его носителям. Для ненависти советских людей были особые причины. «Безусловно, гитлеровцы обращались с местным населением России, Белоруссии, Украины, Молдавии куда более жестоко, чем, например, с чехами или французами. Но и там безжалостность врага породила неутраченный гнев... В СССР были сожжены тысячи деревень, уничтожены миллионы мирных граждан, подверглись бомбардировкам сотни больших и малых городов. С советскими пленными немцы обращались куда безжалостнее, чем с гражданами других государств. Поэтому волна ненависти к врагу нарастала с каждым днем. Это чувство усиливала целенаправленная агитационно-пропагандистская работа партийных комитетов и организаций, органов советской власти, комсомола, профсоюзов»³⁸. В результате пропагандистской работы возрастала ненависть уже не столько ко всему фашистскому, сколько к немецкому как таковому. Слова Сталина в февральском приказе 1942 года о том, что «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается»³⁹, не изменили ситуацию. Германия стала изображаться как исконный враг России, всегда стремившийся поработить русских. Доказывалось также вековое превосходство русских над немцами («что русскому здорово, то немцу – смерть»), появилась презрительная кличка «фрицы»⁴⁰. Эта концентрация негатива в отношении врага была неизбежной, ибо требовалась тотальная мобилизация сознания на борьбу. В течение всей войны тема ненависти к врагу и призыв к мести за совершенные захватчиками злодеяния были доминирующими. Как написал Константин Симонов в 1942 году:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его поскорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

При вступлении Красной Армии на территорию Германии ненависть к врагу стала приводить к расправам, грабежам, изнасилованиям. Потребовались коррективы, армейские приказы, критика Эренбурга за то, что он изобразил немецкий народ как «единую колоссальную шайку»⁴¹. И все же «Красная Армия, освободив свою Родину, вступила на территорию других государств, в том числе и Германии, в силу военной необходимости не как агрессор. Имевшие место случаи несправедливого отношения отдельных солдат и офицеров Красной Армии к мирным жителям не могут опровергнуть того исторического факта, что армия-победительница была великодушна и добра к гражданам освобожденных от фашизма стран, включая и поверженный рейх»⁴².

Уже за рубежами Родины война воспринималась как справедливое возмездие врагу, как конечная цель «добивания врага в его собственном логове». Победное окончание войны затмило вопрос о цене этой победы и о неизбежных для народа послевоенных тяготах жизни. Советский народ потерял в войне более 27 млн жизней, из которых почти 8,7 млн были военнослужащие⁴³. *Этот трагический факт грандиозной утраты заслуживает вечной памяти и усилий ученых сохранять его в нашей исследовательской повестке.* Таким образом, *все народы СССР, все слои населения страны, воспринимали войну против третьего рейха как войну справедливую, священную, Отечественную. Их сплочение было обусловлено пониманием смертельной опасности, нависшей над страной, над каждым ее гражданином. И это сплочение как одна из форм национального самосознания обеспечило победу СССР.*

Примечания

¹ Поляков Ю.А. Истоки народного подвига // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова / Сост. В.Б. Жиромская; отв. ред. В.А. Тишков, Ю.А. Петров. М., 2014. С. 58–59.

² Антропологические аспекты, этнография войны освещаются в работах последнего времени. См., например, материалы международного colloquium в Санкт-Петербурге 17–20 июня 2013 г.: Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в. СПб., 2014.

- ³ Об этом см. также: *Аманжолова Д.А.* Патриотический подъем народов в борьбе с фашизмом в 1941–1945 гг.: Общее и особенное // Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 2010; *Бугай Н.Ф., Зубкова Е.Ю.* Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941 – 1960-е годы) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М., 2012.
- ⁴ О теории нации и идентичности см.: Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.
- ⁵ См. мои рассуждения в книге «Российский народ...», а также книги, изданные к 200-летию Отечественной войны 1812 года и 1150-летию российской государственности в рамках целевого конкурса РГНФ, особенно книги: Война 812 года и концепт «отечество». Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследование и материалы / Под ред. М.В. Строганова. Тверь, 2012; Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / Под ред. А.В. Буганова. М., 2013. Одними из первых этнологов эту тему в аспекте русского этнического самосознания начали разрабатывать М.М. Громыко и ее ученики: *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2007.
- ⁶ О рождении «дружбы народов» как концепта см.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.
- ⁷ Советское общество. 1920–1941 гг. Цивилизационный феномен. Исследования. Документы / С.А. Мельников, Ю.Л. Дьяков, Л.П. Колодникова, В.Ф. Зима, Т.С. Бушуева. М., 2014. С. 273.
- ⁸ *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 288–289.
- ⁹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933–1945 / Сост. Л.С. Гатагова и др. М., 2009.
- ¹⁰ См.: Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1985; Война и общество. 1941–1945. Кн. 2 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004; Народ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 2010; см. также портал Министерства обороны России «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».
- ¹¹ *Аманжолова Д.А.* Форматирование советскости: Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 1920–1930-е гг. М., 2010.
- ¹² См., например: *Гилязов И.* Национал-социалисты и тюркские народы СССР: развитие представлений и планов (конец 30-х – начало 40-х годов) // Панорама форум. 1997. № 16.
- ¹³ *Хисамутдинова Р.Р.* Вклад Урала в победу над фашистской Германией // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Национальная и этноконфессиональная политика. Оренбург, 2010. С. 3–12.
- ¹⁴ *Поляков Ю.А.* Минувшее. Фрагменты: (Воспоминания историка). Кн. 1. М., 2010. С. 190–191.
- ¹⁵ См.: *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953.
- ¹⁶ *Поляков Ю.А.* Минувшее. С. 196–199.
- ¹⁷ *Левшин Б.В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983.
- ¹⁸ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. С. 665.
- ¹⁹ Там же. С. 670.
- ²⁰ Там же. С. 675.
- ²¹ Там же. С. 677.
- ²² Там же. С. 706–707.
- ²³ Там же. С. 707–708.
- ²⁴ Там же. С. 708–709.
- ²⁵ Там же. С. 709.
- ²⁶ Частичная публикация фонда Комиссии по истории Великой Отечественной войны из Архива ИРИ РАН в книге: У всякого народа есть Родина, но только у нас – Россия: Проблема единения народов России в экстремальные периоды истории как цивилизационный феномен российской государственности. Исследования и документы / Редколлегия: В.А. Тишков и др. М., 2012.
- ²⁷ Там же. С. 271–297.
- ²⁸ Там же. С. 306–307.
- ²⁹ *Родимцев А.И.* «Гвардейцы стояли насмерть». М., 1969. С. 84.
- ³⁰ Полководцы Сталинградской битвы / Авторы-сост. научные сотрудники Государственного музея-панорамы «Сталинградская битва». Волгоград, 2007. С. 559; *Родимцев А.И.* На берегах Мансанареса и Волги. Петрозаводск, 1966. С. 216.
- ³¹ *Горохов С.Н.* Народы Севера на фронтах Великой Отечественной войны // Героическое и трагическое лихолетье. Смоленск, 2000. С. 149–151.
- ³² *Мингазутдинов А.Ф.* Боевое содружество воинов – представителей народов СССР в боях за освобождение Украины (1943–1944 гг.) // Героическое и трагическое лихолетье. С. 212–214; *Поночевный М.И.* Украина в планах фашистского рейха: история, реальность, факты и современность (1939–1945) // Там же. С. 236.

- ³³ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933–1945 / Сост. Л.С. Гагазова и др. М., 2009. С. 1006–1008.
- ³⁴ См.: *Ибрагимов М.М.* Власть и общество в годы Великой Отечественной войны. М., 1998; Он же. Народы Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1997; Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России / Отв. ред. Х.В. Туркаев. М., 2008.
- ³⁵ См.: *Филькин В.И.* Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Грозный, 1960. С. 43; *Гакаев Х.А.* Чеченцы в боях против немецко-фашистских захватчиков // Чеченцы. История и современность. М., 1996. С. 235.
- ³⁶ Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России. С.412–438.
- ³⁷ *Акжиева С.И., Сабанчиев Х.-М. А.* Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.). Нальчик, 2014.
- ³⁸ *Поляков Ю.А.* Истоки народного подвига. С. 66.
- ³⁹ *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 46.
- ⁴⁰ *Поляков Ю.А.* Истоки народного подвига. С. 67.
- ⁴¹ Правда. 15 апр. 1945 г.
- ⁴² *Поляков Ю.А.* Истоки народного подвига. С. 68.
- ⁴³ Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. С. 386–389.

Базаров Борис Ванданович – чл.-корр. РАН, д.и.н., директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН

МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПОСТИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД: проблемные зоны научного освоения

Распад мир-системных связей монгольского мира к началу XVII века сопровождался формированием множества разрозненных объединений; логика деградации кочевого мира обуславливала формирование новой региональной и локальной политики, изучение которой даже в отдаленно отстоящем историческом периоде не теряет своей научной и политической актуальности. Этот регион является зоной особого внимания государств Евразии. Разные территории формировались в различной исторической обстановке, и даже трансграничный характер их взаимодействия, казалось бы, только подчеркнул центробежные характеристики этого сложнейшего геополитического процесса.

Формирование монгольских территорий в Центральной и Восточной Азии явилось результатом сложных процессов смены основных мировых систем и центров. Доминирование в основных мировых системах образующих центрах кочевых сообществ, длившееся практически полтора тысячелетия, завершилось распадом монгольской империи. Огромная территория расселения монгольских народов стала предметом передела для новых государств и сообществ, а инерция распада обладала такой тектонической мощностью, что не позволила определиться новому политическому центру монгольской кочевой цивилизации. Эта роковая характеристика децентрализации и деградации монгольской мировой системы стала лейтмотивом глобального геополитического разделения Евразии.

Период «малых ханств» XVI–XVII веков характеризуется появлением и функционированием постоянно нарастающего множества государственных и полугосударственных объединений, ханы которых находились в ситуации сложнейшего выбора между консолидацией в единое государство и прагматичными региональными интересами. Эти идеи и интересы не имели ничего общего с прошедшей историей империи. Возможно, и сам дух империи стал слишком тяжелой духовно-политической ношей для политических элит и лидеров. Эта деградация была несовместима с единением страны, тем более что, как бы повторяя ошибки прежних исторических жертв монгольской империи, каждый из ханов надеялся даже в условиях враждебных отношений между территориями выжить и развиваться самостоятельно.

Южная территория монгольской ойкумены, при видимом доминировании Чахарского ханства, делилась на несколько полузависимых ханств. В северной Монголии находились Тушету-ханство, Сэцэн-ханство, Дзасакту-ханство, а в конце XVII века – Сайн-нойон-ханство. В западной Монголии утвердилось государство Алтан-ханов. В самом начале XVII века здесь возникло крупное Ойрато-Джунгарское ханство. Мир и дружеские соглашения покинули распавшиеся территории монгольского ядра великой кочевой империи. Реальностью стала оживленная борьба разных внутригосударственных объединений за лидирующее положение в Великой степи, окончательно истощившая остатки былого могущества империи.

Сформировавшееся мощное маньчжурское государство, используя эти системные противоречия, сумело утвердить свое положение в монгольском мире и, используя древнее правило «разделяй и властвуй», извлекло пользу из противоречий конкурентов. Эволюция распада монгольского сообщества приобрела необратимый характер, стали углубляться центробежные тенденции, значительная часть территорий, даже не заявляя об автономии, стала самостоятельно распоряжаться ресурсами бывшего государства.

Надо отметить, что значительная часть земель, ныне входящих в восточно-сибирскую окраину Российской Федерации, в тот период считалась периферией политического мира Восточной Азии, придатком настолько естественным, что никто не считал необходимым прислушиваться к политическим и социальным процессам в этих «диких» лесостепных зонах, пребывая в полной уверенности в их зависимом положении. Поэтому обратная связь не сработала в тот момент, когда, вслед за усилением ойратских политических объединений в Монголии, возникла устойчивая тенденция самоопределения северных окраин монгольского мира в рамках новых геополитических координат. Появление халхасских и бурятских самостоятельных младозтнических образований, тяготеющих к разным полюсам новых центров мировых сил, довершило общую картину в новой конфигурации внутривнутриполитического размежевания монгольских народов и государств.

Хотя формирование цинского Китая изучено достаточно хорошо, но представляется необходимым указать некоторые факторы, искажающие восприятие исторических процессов. Дело в том, что в результате динамичных событий XX века (Синьхайская революция, государство Маньчжоу-Го, разгром Квантунской армии) произошел ренессанс китайской и монгольской национальной идеи. Поэтому в историческую мысль и методологическую основу исследований вошли идеи вождей – основоположников стран новой формации в азиатском пространстве. Ввиду этого многовековая история цинского правления стала рассматриваться как сплошная полоса антиманьчжурского национально-освободительного движения. Не вступая в полемику по существу проблем освободительного движения, отмечу, что доминирование этого взгляда в качестве методологической научной основы привело к принижению Китая, сформировало сомнения в его цивилизационной целостности, создало миф об его отсталости. Это не могло не повлиять и на описание его региональной истории, и на монгольскую историографию.

В историографии принято выделять несколько этапов маньчжурского завоевания монгольского пространства – Южной Монголии, Халха-Монголии и Западной Монголии. Из этого делался вывод о соответствующих этапах освободительной антиманьчжурской борьбы монголов. Соглашаясь в целом с подходом предшествующих авторов, отметим, что любое движение в этом сложном историческом процессе нельзя трактовать однозначно, тем более, когда это касается кочевой истории. Каждый этап маньчжурского завоевания был поступателен, не знал поражений с точки зрения государственной стратегии, опирался на глубокое знание проблем монгольского трайбализма и разобщенности степных народов. С каждым новым этапом маньчжуры рекрутировали себе союзников из покоренных народов, противопоставляя друг другу бывших друзей и союзников. Одновременно они осуществили покорение Китая, двигаясь исторической тропой, проложенной Чингисханом и Хубилаем. Таким образом, они создали новую, маньчжурскую парадигму монголо-китайского государства в Восточной Азии. Падение маньчжуров было предопределено демографическим несоответствием в рамках управляемой территории, и только управленческие умения в совокупности с особенностью китайского менталитета и подавлением национальных элит отсрочили этот процесс дэ юрэ.

Необходимо правильно оценить тот факт, что каждый из этапов маньчжурского продвижения характеризовался усилением его тылов и в течение длительного периода (практически за полтора века) этот почерк мало менялся, обнаруживая удивительную стратегическую последовательность, всегда приемлемую тактическую подвижность, а главное – высокий уровень эффективности при достижении результатов. Нужно еще раз не только проследить знаменитую челночную политику маньчжуров, но и правильно синхронизировать деятельность различных территорий монгольского мира в период завоеваний. Можно обратить внимание на то, как складывалась ситуация с чахарскими территориями Южной Монголии. В 1616–1636 годах состоялась затяжная война с южными монголами во главе с чахарским Лигдэн-ханом. За счет не только умелых военных действий, но и использования тонкостей номадного наследования и особенностей внутривнутриплеменного расклада длительная борьба завершилась в пользу маньчжуров. Затем в союзе с южными монголами маньчжуры отхватили прилегающие китайские территории. Южная Монголия фактически признала маньчжурское государство и в дальнейшем выступала как часть нового государства.

Затем, с 1637 по 1691 гг., в полной драматизма борьбе была покорена внешняя Монголия. И, на обратном ходу «челнока», территория Китая времен Хубилая.

С конца XVII до середины XVIII века шла затяжная война в Западной Монголии; она также завершилась успехом. Войны в Джунгарии и Халхе недостаточно квалифицировать как национально-освободительные. Это завоевание независимых государств в рамках осуществления маньчжурской доктрины нового китайского государства.

Усиление маньчжурского давления на территорию монгольских государств, аннексия значительного пространства, небывалое ранее продвижение в Центральную Азию вызвали стремление к освободительному движению и серии драматичных столкновений, еще плохо прописанных в российской историографии. Раздробленность монгольского мира, умелое дипломатическое маневрирование маньчжурского руководства, его выверенная стратегия и тактика позволили маньчжурам им как новым доминионам Азии. Затянувшийся ойрато-халхасский конфликт конца XVI – начала XVII века, развивавшийся с переменным успехом, привел к непримиримому противостоянию во всей монголосфере и к стремительному ослаблению концепта государства, а калейдоскопическая смена политических лидеров – к окончательному падению авторитета власти. Это обстоятельство привело к усилению позиции нарастающего маньчжурского государства, умело использовавшего противоборство враждующих сторон.

В этих условиях окраинные этносы были вынуждены находить новые выходы из сложившихся исторических тупиков. В сложной политической коллизии неожиданно проявились новые пути, которым было суждено стать магистральной перспективой, определившей судьбы народов монгольского мира. Показательна судьба Северной Монголии, более известной в современном мире как Бурятия.

Продвижение казаков в Сибирь, поначалу носившее стихийный характер, вскоре стало частью продуманной политики освоения Российским государством громадной территории. Не останавливаясь на оценке и деталях этого сложнейшего государствообразующего процесса, отметим, что присоединение территорий Восточной Сибири, включавшей обширные земли «братских народов», как называли бурят русские первопроходцы, было сложным и неоднозначным, однако поступательным.

Созданные на территории Забайкалья Удинский, Селенгинский, Баргузинский, Нерчинский, Иркутский и другие остроги образовали сеть военных укреплений, обеспечивших контроль над территорией края. Но уже в скором времени эти остроги стали и административно-политическими, и торгово-экономическими центрами. Построение острогов, появление вокруг них заимок служилых людей и пашенных крестьян способствовало оживлению мирных торгово-меновых и бытовых отношений между бурятами. Складывание мирного диалога с бурятским населением, усиление положительной комплиментарности, а также взаимное проникновение культур фактически определили волю народов и завершили процесс присоединения Бурятии к Российскому государству. В развивавшемся геополитическом противостоянии в Восточной Азии опора на складывавшиеся положительные отношения с местными этническими объединениями сыграла решающую роль.

Присоединение территории этнической Бурятии к России шло в течение целого столетия. Несмотря на разнообразие методов расширения границ Российского государства (в том числе, силовых), исследователи приходят к выводу о том, что буряты не были завоеванным народом. В сложных условиях геополитических перераспределений во второй половине второго тысячелетия бурятский народ сделал самостоятельный исторический выбор, определив свое развитие в рамках Российского государства. Этот выбор, несомненно, был. Разные этнополитические группы и союзы могли на разных этапах сделать выбор в пользу Джунгарского государства, покориться перед нарастающей мощью маньчжурского давления, настоять на халхасском союзе или закрепиться на позициях «самостийности». В ходе обретения нового взгляда на реальность существовавшего мира, исходя из особой ответственности родоплеменных сообществ перед будущими поколениями, древние автохтоны Сибири определились в выборе Российского государства.

Это положение не противоречит главному тезису российской историографии о покорении, завоевании и колонизации Сибири, а только подчеркивает пестроту и сложность этого процесса на гигантской исторической арене. Заметим, что на освоение сибирского пространства двинулись не государственные структуры, не оснащенные царским доверием дипломаты и чиновники, не армии, подчинявшиеся правилам и уставам, а подвижные купеческо-казацкие группы, которые и сформировали стихийную тактику присоединения земель. Подавляющее большинство из них не знали ни родины, ни флага. Настроения этих групп были сродни знаменитому в последующем «духу Клондайка». Они не шли за «землей обетованной», не искали

«землю и волю», не хотели создавать новых государств. Надо понять состояние души многих из этих удивительных подвижников, которым не стоило большого труда, а было делом чести, подвига и геройства сходиться в разбойничий набег «за зипунами» куда-нибудь в Персию, поживиться на «большой дороге» за счет неосторожных купцов, вступить в бой за свой небогатый скарб. Все это соответствует духу и букве казачьей вольницы, сформированной десятилетиями воинского братства. Пример Ермака Тимофеевича, одного из авторитетных старшин, сложившего буйную голову в таких же походах, как будто прорвал уральскую плотину, десятки и сотни отрядов кинулись искать счастья на огромных сибирских просторах, ощущая совершенно осязаемый запах добычи. Этот стихийный поток постепенно начал регулироваться предпринимательским и купеческим сословием, деловым народом, который хорошо размечал пути следования лихих людей. И только затем резко увеличилась регулирующая роль государства.

Приход русских в Приангарье и на Верхнюю Лену, непосильные поборы ясака, погромы казачьими отрядами улусов, произвол и притеснения со стороны администраций острогов дали мощный дополнительный импульс к сплочению всего предбайкальского населения. Особенно остро чувство единства проявилось в середине 40-х и начале 50-х годов XVII века, когда буряты сообща стали поднимать крупные вооруженные восстания. Одновременное участие в верхоленском восстании булагатов, эхиритов, батулинцев, ашебагатов, хонгодоров и других племен и родов, выставление ими объединенных отрядов численностью до 2 тыс. человек несомненно свидетельствуют о существовании западнее Байкала коалиции племен. Об этом же убедительно говорят и ангарские события. Обещание, а затем исполнение угрозы побить русских на Белой и Голоустной показывает, что предбайкальцы в понятие «родина» включали все Предбайкалье, а не только территории отдельных родов и племен. Здесь будет уместно сказать, что существовавшее мнение о неразвитости бурятских племен и объединений перед присоединением к России не выдержало проверки на научную состоятельность. Присоединение произошло в результате распада и деградации монгольской мир-системы по всем параметрам. Социально и политически угнетенное и депрессивное состояние монгольских (в том числе и бурятских) этнических сообществ, их постоянная и ослабляющая конкурентная борьба привели к высокому уровню дезинтеграции, когда за выживание сообщества могли отвечать только дисперсно расположенные и замкнутые группы бывших кочевников. При усилении центробежных тенденций в империи развитие удаленных групп населения происходило по самому неблагоприятному варианту. Отсюда и тот странный факт, что вооружение бурят того периода соответствовало высокому уровню феодализации общества, воинская идеология была на соответствующем уровне, существовало почтение к воинским процедурам. Но вся эта энергия затрачивалась на преодоление внешних угроз, большинство из которых распределялось в пределах монгольской ойкумены, в том числе и межплеменных распрей.

Если учесть, что все русское население Северной Азии в конце XVII века не превышало 20 тыс. человек (что сопоставимо с численностью только одного крупного сибирского народа – бурят), то становится понятной сложность самой задачи русской администрации – привести в подданство и «объясачить» бурятские роды и племена. В социально-экономическом отношении буряты были одним из наиболее развитых сибирских этносов, могли оказывать и часто оказывали серьезное военное сопротивление, выставляя сотни хорошо вооруженных, но не имеющих достаточного количества огнестрельного оружия всадников. Бурятская аристократия сама получала ясак со своих южно-сибирских кыштымов (данников) и вовсе не была готова при первом появлении русских отрядов не только отказаться от ясака с подчиненных племен и народов, но и начать покорно отдавать «мягкую валюту» пришельцам. Для этого требовались очень веские причины.

События XVII века застали бурят в состоянии раздробленности. У них отсутствовала не только государственная организация, но и федеративное объединение племен и родов. Их сопротивление русским экспедициям иногда было успешным, но в итоге они вынуждены были мириться со строительством острогов, утратой кыштымов и «объясачиванием».

Сами буряты до присоединения к России были кыштымами халха-монгольских правителей и подвергались постоянным набегам монголов и джунгар. Принимая русское подданство, они получили военную защиту от беспокойных южных соседей. При этом, поскольку в течение еще многих десятилетий российско-монгольская граница была нестабильной и проницаемой, отдельные бурятские племена или роды в случае обострения отношений с властями могли полностью или частично мигрировать. Они часто перекочевывали за пределы России, а по прошествии какого-то времени, вновь взвесив «за» и «против», возвращались на север.

Еще одна веская причина, обусловившая относительно мирное вхождение бурят в состав России, – выгоды российско-бурятской торговли, постепенное включение в общероссийский рынок, предоставлявший в обмен на пушнину и продукты животноводства достаточно разнообразную и дешевую промышленную продукцию, во многом превосходившую товары из Монголии и Китая. К тому же буряты в тот исторический период оказались фактически отдалены от выхода в Восточную Азию огромным пространством Монголии и неупорядоченностью торгово-экономических факторов Центральной Азии.

Дополнительное изучение проблемы присоединения Бурятии к России показало справедливость сложившегося в российской историографии положения о добровольном характере присоединения бурят. Несмотря на то, что этот процесс занял долгий период, в его рамках заметен резкий перелом общих настроений, когда бурятские роды и племена Предбайкалья самостоятельно определились с собственным выбором. Фактическое присоединение «бращих народов» на значительном пространстве Восточной Сибири позволило Российскому государству нарастить активность на рубежах Дальнего Востока и Восточной Азии.

После заключения Нерчинского договора (1689 г.) российско-китайская граница фактически отсутствовала (по крайней мере, около тридцати лет). Буряты, ставшие российскими подданными, не были стеснены в своих миграциях, поездках и контактах, значительно расширили свои кочевья.

Положение изменилось, когда российский посланник С. Владиславич-Рагузинский заключил с представителями Китая в августе 1727 года Буринское соглашение, а в июне 1728 года Кяхтинский договор. Этими дипломатическими актами русско-китайская граница была достаточно четко определена от Аргуни до истоков Енисея. Крупные миграции бурят и монголов с этого времени прекратились, и этническая картина в Забайкалье стала заметно более стабильной. Стоит подчеркнуть, что бурятское население не только не сопротивлялось этим мерам российского правительства, но проявило полную лояльность, о чем Владиславич-Рагузинский дал без преувеличения восторженный отзыв.

Так завершился растянувшийся на столетие процесс присоединения Байкальской Сибири к Российскому государству. Присоединение Бурятии к России явилось переломным событием в истории Бурятии и ее коренных народов. Оно изменило весь ход истории бурятского народа и во многом предопределило его судьбу. Все культурные, экономические и политические связи Бурятии с этого момента в значительной степени были переориентированы с юга, Монголии и Китая, на север и запад.

Буряты, находясь в составе России, приобщились к новому уровню и способу экономического развития, земледельческому и промышленному труду, успешно развивали животноводство и промыслы. В связи с этим они постепенно переходили от кочевого образа жизни к полуоседлому и оседлому; условия их быта и жизни постоянно совершенствовались.

В состав Российского государства буряты вошли с ценностью буддийской религии и культуры, а приобрели – письменность, образование, науку, медицину, литературу и искусство. В этом отношении непреходящее значение имела русская культура, сыгравшая передовую роль в формировании содержания и новых видов цивилизационного развития народов Бурятии. Буряты сформировались, таким образом, в рамках этнического развития, на стыке выдающихся цивилизаций мира. При этом преемственность и диверсификация кочевой культуры не только наложили печать на общее развитие бурятского народа, но и повлияли на усиление диалога культур Запада и Востока.

Итак, инерция исторического распада монгольского мира носила столь мощные характеристики, что проявившиеся центробежные силы были неудержимы и привели к разрушению видимого единства сначала Монгольской империи, а затем и монгольских государств. При отсутствии заградительных механизмов стихия исторического творчества продолжила далее свое разрушительное действие до процессов этнического трайболизма и поставила ранее консолидированное сообщество на грань полного распада. Процессы деления продолжались даже тогда, когда государственность была утрачена полностью, а племена и народы в течение длительного времени находились в составе других государств. Так закончились тысячелетия кочевников и кочевых цивилизаций.

Это обстоятельство было чрезвычайно удобным для управления со стороны государств, в которых находились кочевники. Появление мощной и раздробленной группы народов на отдаленных рубежах государств имело политическое значение. Истощенные в междоусобной войне монголыязычные племена и народы вставали под знамена мощно поднимающихся государств. Двойной интерес заключался в том, что эти народы перестали нести в себе потенциал реальной угрозы; вместе с тем, они превращались в мощный

естественный воинственный заслон на оголенных рубежах новых государств. Понятно, что мотивы образования этих живых заслонов были разными, но однозначно и то, что это давало не только приток народонаселения, но и мощное нарастание границы, обеспечивало ей мощь и неуязвимость. Вместе с тем, необходимо проследить логику исторического процесса в целом в отношении монгольских народов Центральной и Восточной Азии, вместе с отделившимися локальными группами. В составе России и Китая монгольским народам удалось преодолеть инерцию распада, приобрести новую способность к консолидации, восстановить и увеличить население. Никакое сильное государство не позволило бы своим подданным действовать на основе разрушения законов и права; вместе с тем, выделенные территории управлялись достаточно самостоятельно, сохраняя свою самобытность и традиционные права и культуру. Был дан исторический шанс для адаптации больших групп народов в принципиально иной хозяйственной и административно-политической среде. Этот рост этноса и процессы консолидации должны были в конечном итоге привести к усилению этнических центростремительных процессов и новому уровню диалога внутри государств.

Развернувшаяся к концу XIX – нач. XX века борьба за влияние в Центральной и Восточной Азии, нарастающая волна революционно-преобразующих процессов, вместе с совпавшими процессами ослабления Российской Империи и Китая, значительно изменили геополитические преимущества положения монгольских народов и поставили на очередь дня вопрос об образовании суверенного государства. В этот же период интенсивно шла автономизация монгольских народов в СССР и Китае.

Таким образом, группа монгольских народов со всеми суверенными правами стала своеобразным буфером во взаимоотношениях великих держав, прежде всего СССР и Китая, в Центрально-Восточной Азии, а их внутренние автономии – своеобразными форпостами в международных отношениях. Каждая из великих стран, прежде чем войти в монгольское пространство, должна была задуматься о новых формах и предлагаемых моделях развития сопредельных территорий. Любое усиление политического влияния какой-либо страны на Монголию резко негативно воспринималось политическим оппонентом. Ввиду этого модели культурно-исторического развития приобрели исключительную ценность.

Для выравнивания развития монгольских народов большое значение имел весь послевоенный период, включая так называемую «перестройку». Несмотря на драматичные разногласия СССР и Китая, обращает на себя внимание факт типологического сходства их политических систем, идеологических установок, а ввиду этого – сходных моделей социальной адаптации, здравоохранения, профессиональной науки, культуры и образования. При этом подавляющее большинство вариантов развития, экспериментов падало на внутренние автономии, после чего они в апробированной форме проводились на монгольской территории. Ни одна страна не возражала против структуры, содержания и механизмов развития новой культуры и цивилизации, была только борьба за влияние, политические интересы. Результатом явилось то обстоятельство, что внутренняя способность и восприимчивость бывших центральноазиатских кочевых сообществ к культуре, знаниям, помноженная на их стремление к прогрессу, дала мощный импульс, который привел монгольские народы к выравниванию цивилизационного развития. Добавим, что это обстоятельство послужило усилению конкурентоспособности монгольских народов в мировом культурно-образовательном пространстве. Объективный историк при этом должен помнить и об огромном материальном и финансовом вкладе, сделанном для достижения этих целей. Ввиду этого термин «культурная революция» в нормальном гуманитарном смысле, на наш взгляд, списывать еще очень рано. Отметим, что исторический спор о результатах XX столетия еще не получил однозначного решения; многие оценки, еще вчера казавшиеся непогрешимыми, меняются.

Безусловно, путь «культурных революций» объективно нес в себе громадный разрушительный потенциал, в его основе был заложен нигилизм по отношению к историческому прошлому, обильно настоящий на грубо сформулированном классовом подходе; безапелляционно отрицались культурно-исторический опыт народов, традиционная культура. Нельзя не согласиться со многими негативными оценками горького исторического опыта политико-культурных экспериментов XX века.

XXI век, в его видимых очертаниях, следует парадигме прошлого развития, особенно в тех тенденциях, которые выпукло обозначились в последние десятилетия и стали лейтмотивом эпохи. Это десятилетие было ознаменовано выдающимся историческим явлением, которое уже сейчас получило название «китайское чудо». Однако новое время привносит и новые реалии. Дисинхрония российско-китайского развития приобрела устойчивую перспективу выравнивания. Мы видим, что Россия, преодолевая настроения политической китаефобии, идет к стремительному оживлению контактов в области экономики, культуры и

образования. Сам путь крупнейших реформ в Китае и России еще не получил адекватной исторической оценки, а те, что имеют место быть, несут на себе печать аберрации близости. Вместе с тем, масштабный опыт Китая последних десятилетий XX века вызывает глубокое уважение. Проводимая политика «открытого общества» дала ощутимое геополитическое преимущество Китаю, послужила подъему великой страны, обеспечила привлечение громадных внешних инвестиций.

Для монгольских народов эта парадигма XX века дает принципиально новую схему трансформационных процессов. Во Внутренней Монголии значительно усилились социально-экономические процессы. Размеры экономической помощи Китая только за последние годы превысили размеры всех инвестиций за все годы социалистического периода в несколько раз. Исходные точки этого экономического процесса заложены, во-первых, в концепции развития Китая, потребовавшего выровнять развитие Центра и регионов, во-вторых, в политике открытого общества, в-третьих, в новом подходе к решению национального вопроса. Вся эта группа вопросов объединена внутренним, совершенно прагматичным единством.

Монголия на пути реформ проявила удивительную способность к маневрированию и во внутренней, и во внешней политике. Отход от советской политической модели, сопровождавшийся коллизиями демократизации, не привел к появлению более устойчивой и содержательной модели развития. Но процессы суверенизации, национализации общественного сознания, определения государственных национальных приоритетов были, безусловно, достижением национально-демократической общественной идеи. Дальнейшая траектория развития Монголии будет зависеть от взаимодействия России и Китая.

Рубежные регионы России, в которые входит и Бурятия, испытывают процессы прямо противоположные процессам во Внутренней Монголии. «Прирастание Сибири» может существенно скорректировать обстановку в социальной сфере, но вопросы социально-экономического, социального, культурного, этнического развития идут в явной дисинхронии с миром Восточной и Центральной Азии, демонстрируют меньше ресурсных возможностей.

Таким образом, монголоязычные народы, волей исторических судеб расположившиеся на огромных степных просторах, в XX веке прошли громадный участок цивилизационного развития, приобрели устойчивую способность к саморазвитию, конкурентоспособность в координатах развитых государств. Это обстоятельство повышает их геополитическое значение. Дальнейшее развитие Евразии приведет к новому уровню взаимоотношений, в которых будут более заметны их роль, исторические корни и унаследованный веками опыт человеческого общежития. Всё это еще раз подчеркивает необходимость и актуальность дальнейшего изучения истории монгольских народов, которая таит в себе огромное неизведанное поле, освоение которого потребует нашим современникам для усиления диалога между народами.

Силин Яков Петрович, д.экон.н., заместитель председателя Правительства Свердловской области, первый заместитель председателя Консультативного совета по делам национальностей Свердловской области

УРАЛЬСКОЕ ТРАНСГРАНИЧЬЕ: МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Региональная специфика

Свердловская область, с одной стороны, является «опорным краем державы», индустриальным и динамично развивающимся регионом страны, с другой – исторически и культурно насыщенной, многонациональной и многоконфессиональной общностью. На границе двух континентов Свердловская область является местом, где в мире и согласии проживают люди 160 национальностей, представляющие 20 религиозных конфессий. Местом, где «пограничные столбы» не разделяют цивилизации, а наоборот, дают возможность взаимно проникать и влиять друг на друга.

Формирование населения Свердловской области происходило в течение нескольких столетий, в первую очередь под влиянием перманентных волн как добровольной, так и принудительной миграции, в результате становления здесь индустриального общества, а затем и формирования элементов постиндустриального. Учет исторических особенностей формирования уральского региона в целом, и Свердловской области

Таблица 1

Изменение численности и удельного веса постоянного населения наиболее крупных этнических групп Свердловской области (по материалам переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.)¹

	Человек			В % к итогу		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Все население	4706763	4486214	4297747	100	100	100
в т.ч.:						
русские	4176948	4002974	3684843	88,7	89,2	90,6
татары	183781	168143	143803	3,9	3,7	3,5
украинцы	82215	55478	35563	1,7	1,2	0,9
башкиры	41500	37296	31183	0,9	0,8	0,8
марийцы	31297	27863	23801	0,7	0,6	0,6
немцы	31461	22540	14914	0,7	0,5	0,4
азербайджанцы	7290	15171	14215	0,2	0,3	0,3
удмурты	23610	17903	13789	0,5	0,4	0,3
белорусы	28879	18541	11670	0,6	0,4	0,3
армяне	3684	11093	11501	0,1	0,2	0,3
таджики	1427	6125	11138	0,03	0,1	0,3
узбеки	4581	3836	9358	0,03	0,1	0,3
чуваши	16295	11510	8304	0,3	0,3	0,2
киргизы	1330	1923	6304	0,03	0,04	0,2
мордва	15453	9702	6303	0,3	0,2	0,2
евреи	14317	6810	5423	0,3	0,2	0,1

в частности является важнейшим условием реализации национальной политики на всех уровнях от федерального до местного.

Анализ динамики численности народов и национальностей в Свердловской области в период между тремя последними переписями населения позволяет выделить следующие основные особенности и тенденции (см. табл. 1).

Во-первых, общая численность населения Свердловской области за 1989–2010 годы сократилась с 4 706 763 человек до 4 297 747 человек (или на 8,7%).

Во-вторых, в условиях становления демократии и гуманистических принципов у многих народов, и в первую очередь малочисленных, появилась тяга к возрождению национального самосознания, к идентификации своей этнической принадлежности.

Данные трех последних переписей населения зафиксировали заметные усиления ранее слабо выраженных процессов этнического разделения, существенный рост числа национальностей в Свердловской области. Если в 1989 году на территории области заявили о себе представители 125 народов, то в 2010 году – уже 160. В народонаселении области заметно усилилась этническая пестрота.

В-третьих, абсолютная численность этносов и национальностей в пределах Свердловской области варьирует в очень широких интервалах – от нескольких десятков и сотен человек (например, испанцы, англичане, манси, сирийцы) до нескольких миллионов. В Свердловской области насчитывается 27 этносов численностью более одной тысячи человек, среди них 11 – свыше 10 тыс. человек.

В-четвертых, подавляющее большинство жителей Свердловской области относится к славянской группе, представленной в основном русскими, украинцами и белорусами. В совокупности на их долю приходилось 86,8% всего населения региона (против 91,1% в 1989 г.). По существу несколько уменьшился мононациональный характер структуры населения Свердловской области, в первую очередь в связи с резким уменьшением численности украинцев (с 82,2 тыс. до почти 35,5 тыс. человек, или на 43,2%) и белорусов (с 28,9 тыс. до 11,7 тыс. человек, или на 40,5%). Доля русского населения, крупнейшего на территории области этноса, поднялась с 88,7% до 90,6%, хотя за этот же период численность русских сократилась абсолютно почти на 497 тыс. человек (с 4176,9 тыс. до 3684,8 тыс. человек, или на 11,8%).

В-пятых, вторая по численности группа народов в Свердловской области – представители коренных тюркоязычных народов (татары, башкиры, чуваши) – тоже количественно уменьшилась в абсолютном и в

относительном выражении. Если в 1989 г. на их долю (суммарно) приходилось 5,1% всего населения региона, то в 2010 г. уже 4,3%.

Сократилась численность жителей и в третьей многочисленной группе этносов – финно-угорской (марийцы, удмурты, мордва, манси, коми, коми-пермяки, карелы) с 1,6% в 1989 г. до 1,2% в 2010 г.

Существенно уменьшилась численность населения в четвертой группе народов, которые получили возможность отбыть в свои национально-государственные образования, расположенные на западе, за пределами Свердловской области. Это немцы, евреи, поляки, болгары, а также литовцы, латыши, эстонцы и финны. Так, немцы, занимающие шестую позицию среди многолюдных этносов области, сократили свою численность с 31,5 до 14,9 тыс. человек (или на 47,3%). Суммарно доля рассматриваемой группы этносов сократилась с 1,1% в 1998 г. до 0,7% в 2010 г.

Следует обратить внимание на то, что если уменьшение численности населения в первых трех группах этносов области явилось следствием преимущественно естественной убыли населения (превышение смертности над рождаемостью), то сокращение численности этносов четвертой группы связано с миграционными процессами – оттоком населения в свои национальные государства.

В-шестых, в Свердловской области этнонациональные процессы напрямую связаны преимущественно с такими новыми миграционными явлениями, как беженство, вынужденные переселения, иммиграция, эмиграция, нелегальные мигранты.

Вызовы и практики

Основные вызовы современного развития Свердловской области во многом связаны с этапами социально-экономического развития региона, прописанными в приоритетных направлениях стратегии социально-экономического развития области на период до 2020 года (утверждена Постановлением Правительства Свердловской области от 27 августа 2008 года № 873-ПП «О стратегии социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 года»). Формирование сектора «новой экономики», развитие человеческого потенциала, реализация стратегических проектов немыслимы без здорового развитого гражданского общества, стабильной социальной ситуации, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений.

В Свердловской области этнонациональные процессы напрямую связаны с такими новыми миграционными явлениями, как беженство, вынужденные переселения, иммиграция, эмиграция, нелегальные мигранты. Численность прибывающих в регион мигрантов, по экспертным оценкам, доходила в отдельные периоды 1990-х и 2000-х годов до 400 и более тысяч человек.

Данные переписи населения 2010 года зафиксировали в этнических процессах Свердловской области эти новые особенности. Следует, в первую очередь, выделить существенный рост и расселение на ее территории этносов – выходцев из южных республик бывшего СССР (в частности, таджиков, киргизов, узбеков, азербайджанцев, армян, грузин), а также представителей некоторых стран Юго-Восточной Азии со сложной внутривнутриполитической, экономической и демографической ситуацией (среди них – китайцы, корейцы, вьетнамцы). В частности, за период 1989–2010 годов численность таджиков возросла с 1427 до 11138 человек (в 7,8 раз), армян – с 3684 до 11501 человек (в 3,1 раза), а вьетнамцев – почти в 7 раз. Беспрецедентно выросла численность китайцев – более чем в 40 раз. Как мы видим, если эмиграция из Свердловской области – в основном «европейская», то иммиграция – «азиатская». Идет активный процесс замещения одних этносов другими.

Подавляющая часть приезжающих в Свердловскую область из ближайшего и дальнего зарубежья – это люди без серьезного образования и профессиональной подготовки. Они пополняют ряды неквалифицированной рабочей силы. Вновь прибывшие в Свердловскую область мигранты, в большинстве своем, заняты торговлей на рынках, сезонными строительными работами, ремонтом квартир; работают в общественном питании, на станциях технического обслуживания, в сфере услуг и т.п. «Азиатская» иммиграция, как мы видим, по своим экономическим причинам имеет иную природу, нежели «европейская» эмиграция.

Нынешняя миграция – это не простое пополнение трудовых ресурсов региона. Это и культурная экспансия, чреватая не только позитивными, но и негативными последствиями. Вместе с мигрантами в регион вливаются различные нетрадиционные для России культурные ценности, нормы поведения, религиозные течения. В сложившихся за прошлое столетие отношениях, традициях, нормах поведения обнаруживаются признаки значительной этнокультурной деформации. Местное сообщество было не готово к подобным

изменениям и не принимает их, что уже привело к различного рода конфликтам и попыткам (прежде всего, на бытовом уровне) защитить себя от приезжих.

Небольшие этнические группы в инонациональном окружении (и уже вследствие этого не имеющие достаточно благоприятных условий для своего развития) резко активизируют свою социально-экономическую и иную мобильность по сравнению с коренными жителями. Эти действия нередко сопровождаются некорректным отношением части мигрантов к местным уральским обычаям и традициям. Неслучайно в местах проживания пришлых этносов нередко обостряются межэтнические отношения. Возникающая локальная «автономизация» ряда этнических групп негативно воспринимается местным населением и рассматривается как потенциальная угроза сложившимся устоям и нормам поведения.

Активный процесс вселения «пришельцев» с другой культурой, религией, другим языком в Свердловскую область в определенной сфере нарушает, трансформирует исторически сложившееся этнотерриториальное единство и приводит на данном этапе к этническому разделению, образованию на новом месте компактных, замкнутых этнотерриториальных ячеек, так называемых диаспор нового типа, слабо контактирующих с коренными жителями.

Межнациональные конфликты в чистом виде на территории Свердловской области крайне редки и скоротечны. Обычно, возникнув на бытовой, социально-экономической или иной почве, конфликт может лишь в ходе эскалации приобрести этническую окраску. Эскалация этнического конфликта больше всего зависит от способности узкой группы людей, действующей от имени того или иного этноса, превратить бытовые, хозяйственные конфликты в этнические или религиозные.

Характерным фактором является сегодня возрастание роли диаспор (армянской, таджикской, азербайджанской, узбекской и др.) в жизни региона. Их внутриэтнические проблемы и интересы все чаще становятся политической проблемой местного сообщества. Видоизменяется культурная среда, вынужденно впитывающая в себя несвойственные национальные и религиозные традиции и нормы поведения.

Ключевая роль в регулировании межэтнических отношений и сохранении стабильной обстановки в регионе принадлежит руководителям национальных объединений Свердловской области. В целях противодействия проявлений национализма и экстремизма, активизации межэтнического диалога в Свердловской области создана Ассоциация национально-культурных объединений, учредителем которой стали 36 национально-культурных объединений. Всего в области функционирует 111 национально-культурных объединений, из них 58 официально зарегистрированы. Только за 2014 год и I квартал 2015 года Ассоциацией национально-культурных объединений проведено более восьмисот крупных мероприятий. Это научно-практические конференции, «круглые столы» по проблеме профилактики наркомании, по трудовой миграции, взаимодействию со средствами массовой информации.

В 2012 г. в центре Екатеринбурга был открыт Дом народов Урала. В настоящее время здесь действуют информационно-методический Центр по гармонизации межнациональных отношений, рабочие группы Консультативного совета по делам национальностей Свердловской области, национально-культурные объединения, работает юридическая приемная для соотечественников и мигрантов. Дом народов стал центром работы с молодежными представителями разных национальностей. Практически ежедневно проводятся молодежные мероприятия различной направленности. По примеру Дома народов Урала муниципальные образования постепенно создают подобные центры. Первые примеры уже есть – это Центр на базе библиотеки в Каменске-Уральском.

В области двенадцати лет назад создан и функционирует Консультативный совет по делам национальностей, который призван координировать работу многочисленных организаций по эффективной реализации государственной национальной политики РФ в Свердловской области, проводить мониторинг межнациональных отношений и раннего предупреждения межнациональных конфликтных ситуаций, а также обучать чиновников и активистов национальных общественных организаций по вопросам гармонизации межнациональных отношений и т.п.

Возрастающую роль в деле гармонизации межнациональных отношений, в пропаганде культурных ценностей и социальных норм играют СМИ. Журналисты, освещая и обсуждая те или иные явления жизни (в том числе этнические и конфессиональные), «явно или латентно выступают в роли общественного эксперта, формируют отношения, представления, мнения, взгляды, стремления»². При национально-культурных объединениях Свердловской области действуют две телевизионные программы, издаются три газеты. В настоящее время активно формируется в СМИ так называемая «этническая журналистика», освещаю-

щая разные проблемы этничности, внедряющая в массовое сознание образы различных этнокультурных общностей и т.п.³

В Свердловской области существует телепрограмма «Национальное измерение», программа «Урал многонациональный», проводятся традиционные областные фестивали национальных культур – «Мы живем на Урале», «Венок дружбы», «Звуки музыки народной» и т.п. В Екатеринбурге с 2013 года проходит Российский фестиваль антропологических фильмов и крупные научные и общественные форумы по проблематике межнациональных отношений.

Межконфессиональные отношения

Федеральным Законом РФ «О свободе вероисповеданий» (1990) все религиозные объединения в стране провозглашались отделенными от государства и равными перед законом. Этот закон гарантировал права не только для традиционных конфессиональных общин (христиан, иудеев, мусульман и др.), но и для сравнительно новых религиозных групп (адвентистов, баптистов, мормонов и др.).

Свердловская область – один из самых поликонфессиональных регионов Российской Федерации. Здесь исторически сформировалась специфическая религиозная культура, в которой взаимодействуют и даже конкурируют разные конфессии. Эта культура предполагает не только активную конфессиональную жизнь в высокоурбанизированном регионе, но и достижение общественного согласия, в том числе на религиозной основе. В 2015 году в конфессиональном пространстве Свердловской области действует 765 официально зарегистрированных религиозных организаций двадцати религий мира, среди которых 552 организации Русской православной церкви, 10 организаций Русской Православной старообрядческой церкви и других старообрядческих течений, 124 организации представляют протестанты, 60 – мусульмане и др. (см. табл. 2). Общее число зарегистрированных религиозных организаций в Свердловской области возросло по сравнению с 2002 г. в 1,7 раза. Следует подчеркнуть, что религия, с одной стороны, удовлетворяет запросы верующих, а с другой – ориентирует человека в его самоидентификации. Вместе с тем, православие для уральцев, как, видимо, и для большинства россиян, – основополагающий фактор не только религиозной, но и этнонациональной, культурной и духовно-нравственной идентичности. Православие является важным условием сосуществования традиционных религий (ислама, иудаизма, буддизма и др.).

Таблица 2

Структура религиозных организаций Свердловской области на 1 января 2015 г.

Русская православная церковь	552
Старообрядчество	10
Римско-католическая церковь	4
Протестантизм (в том числе баптисты, евангелисты, лютеране, адвентисты седьмого дня и др.)	124
Армянская апостольская церковь	1
Ислам	60
Буддизм	2
Иудаизм	9
Индуизм	3
Всего	765

Мусульманство – одна из быстро растущих религий Среднего Урала. Ислам находит все большее пространство в конфессиональном пространстве региона, в первую очередь за счет мигрантов-мусульман из Средней Азии, а также перехода в ислам представителей других религий, в том числе и православных христиан. В настоящее время только в Екатеринбурге насчитывается более 150 тыс. мигрантов-мусульман, в то время как общая численность татар и башкир, традиционно исповедующих ислам, составляет 45 тыс. человек. Еженедельно на пятничных молитвах в мечетях города (в частности, в мечетях «Рамазан», «Мавлид») собирается в общей сложности от 2 до 2,5 тыс. человек, а в праздничные дни – более 10 тыс. человек. Строятся новые мечети в Каменск-Уральском, Серове, Березовском, Ревде, Асбесте и других городах и селах области. О значимой роли религий Среднего Урала в конфессиональном пространстве страны говорит тот факт, что в течение только одного 2013 года Екатеринбург посетили два Патриарха (Патриарх

Московский и всея Руси Кирилл и Патриарх всех армян Гарегин II) и Верховный муфтий России Талгат Таджуддин.

Вместе с тем, в Свердловской области сохраняются угрозы усложнения межконфессиональных отношений. Здесь отмечены попытки формирования исламских организаций экстремистской направленности, привлечения неофитов к совершению противоправных действий, распространения экстремистской литературы, пропаганды радикального ислама. Создаются молельные комнаты в местах компактного проживания и работы мигрантов-мусульман (на рынках, складских базах, крупных стройках, автопредприятиях и т.д.). У них появилось желание иметь «своих» муфтиев. Предпринимаются попытки проникновения в Свердловскую область отдельных сторонников Исламской партии Туркестана, а также Таблиги Джамаат, Нур Джамаат.

В целях сохранения межконфессионального согласия, гармонизации отношений между различными религиозными общинами в Свердловской области в 2007 году был создан Межрелигиозный Совет, куда вошли представители традиционных религий: христианства (прежде всего, православия), ислама и иудаизма, религиозные организации которых составляют более 80% от общего числа зарегистрированных в области. Совет на своих заседаниях рассматривает актуальные вопросы межрегионального сотрудничества, взаимодействия с региональной и муниципальной властью, борьбы с религиозным экстремизмом. Руководители религиозных организаций в своей публичной деятельности стараются занимать позицию взаимного уважения, недопущения и предотвращения вражды по этноконфессиональному признаку, призывают верующих к согласию и сотрудничеству, миру и спокойствию.

С февраля 2014 года распоряжением Губернатора Свердловской области была создана постоянно действующая Рабочая группа по гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений. В ее составе – ученые, чиновники регионального и муниципального уровня, представители общественности. Она осуществляет постоянный анализ, диагностику и мониторинг межконфессиональной и межнациональной ситуации в области во всем ее многообразии, предлагает превентивные и оперативные меры по решению возникших проблем, в том числе по сведению к минимуму питательной среды для радикального ислама.

Угроза столкновений на межнациональной или межконфессиональной основе в Свердловской области в ближайшем будущем невелика, если их искусственно по различным причинам не будут инициировать. Угроза невелика именно в силу наличия на Среднем Урале особой культурной среды, особой ментальности его жителей, сформировавшейся на основе многовекового диалога, взаимодействия и взаимоотношений между различными этносами, а также общественными, региональными и местными властными структурами. Подобного рода конфликты не носят predetermined характера. Более того, данный процесс является управляемым.

Универсальной особенностью Свердловской области является ее трансграничье – географическое положение на стыке континентов и обладание современной развитой инфраструктурой (транспортной, инженерной, информационной, промышленной и др.) и мощным потенциалом (интеллектуальным, кадровым, научным, финансовым, социально-экономическим и др.).

* * *

В России исторически сложилась модель национальной и религиозной полисистемности (толерантности), которая и в XXI веке занимает центральное место в доктрине национальных отношений. Именно политика взаимоуважения и веротерпимости диктует разным этносам уважительное, терпимое отношение к верованиям, идеям, поведению, мнению представителей других этносов. Взаимное понимание достигается не через акцентирование различий между этносами, а через поиск и согласование общих интересов, применение методов разъяснения и воспитания, диалога. Недопустимо доминирование одних народов над другими или насаждение превосходства, исключительности одних и неполноценности других.

В восприятии идей толерантности в нашей стране определяющую роль сыграла русская культура, которая включила в свой состав, по словам Д.С. Лихачева, культуры десятка других народов и издавна была связана с соседними культурами; поэтому она – «культура универсальная и терпимая к культурам других народов». Это уникальное преимущество полинационального российского государства, в котором проживает около 200 народов. Уважение всех через признание каждого – принцип, гарантирующий мирное сосуществование народа и государства.

В России, как и в бывшем СССР, административно-территориальное деление конституционно сопрягается с этнонациональным многообразием. Многочисленные нации и народы сохраняют свою национальную идентичность, язык, культуру, уклад жизни (в первую очередь в пределах своих территориальных образований). Национальные языки используются в органах местного самоуправления, общем образовании, культуре, народном творчестве, СМИ. Объединение многих народов вокруг русского народа обогатило всех и дает исторические перспективы каждому из них.

Примечания

- ¹ Таблица составлена по данным Свердловоблстата.
- ² Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. Учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 38.
- ³ Малькова В.К., Остапенко Л.В. Этническая журналистика и проблемы толерантности [текст] // Пресса и этническая толерантность (Пособие для журналистов). М.: НИП-ПРЕСС, 2000. С. 21.

Головнёв Андрей Владимирович, чл.-корр. РАН, д.и.н., в.н.с. Института истории и археологии УрО РАН, заведующий кафедрой археологии и этнологии Уральского федерального университета

АРКТИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: ТЕХНОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ*

Кочевники хуже других поддаются текстовому описанию, но лучше других выглядят на экране. Например, яркие и динамичные картины загона большого стада в кораль или движения кочевого каравана визуально завораживают, но вербально передаются лишь восклицаниями, пышными абстракциями или, напротив, неуклюжими в своих длиннотах и частностях описаниями. Эта неадекватность оборачивается неполнотой образа кочевника и его культуры – вместо стратега больших пространств, принимающего сложные решения, в тексте фигурирует маленький пастух, монотонно караулящий оленей. Непостижимость и чужеродность кочевой жизни, выражавшаяся в Средние века представлениями горожан о кочевниках как «детях ада», в XX веке приняла вид цивилизаторского высокомерия и пренебрежения кочевыми технологиями.

Еще недавно номадизм рассматривался как архаизм, с которым (в стиле модернизационных концепций XX в.) следовало поскорее покончить, осчастливив кочевников «переводом на оседлость». Искренняя убежденность в том, что номады – рудимент цивилизации, дополненная стремлением упрочить контроль над их территориями, настраивала чиновников разных стран, в том числе СССР, на строительство больших поселков, культбаз, школ-интернатов для оседания кочевников. И только завидное упорство и приверженность номадов собственным ценностям позволили им устоять перед административными нажимами и соблазнами оседлости.

Сегодня многое изменилось. С одной стороны, опыты перевода кочевников на оседлость обернулись «драмой поселков» с их депрессивной маргинальностью, отсутствием занятости и полноценной самореализации (особенно мужчин) – в отличие от «здоровой тундры», по-прежнему дающей образцы культурной и экономической состоятельности, человеческого достоинства и успеха. С другой стороны, на рубеже XX–XXI веков в мире распространилась мода на нео-номадизм, чему в немалой степени способствовал бум туризма, кибер- и медиа-путешествий; «новыми кочевниками» стали называть себя «люди сети» (кибер-номады) и «транслокальных культур» (вроде *Techno* и *New Age*)¹, а также представители политического и делового истеблишмента, мигрирующие по миру в своих бесконечных вояжах. Правда, речь идет больше о виртуальности и метафорах, чем об устойчивых социальных явлениях, но сам дух мобильности изменил отношение к феномену движения и номадизма, востребовав, обновив и популяризовав опыт кочевников.

Если кочевника рассматривать не как тупиковую ветвь, а как естество человека (кстати, человечество и родилось в кочевье), то номадология предстанет направлением, раскрывающим механизмы динамики и статики в человеческой истории и культуре, причем как в прошлом, так и в будущем. Иначе говоря, кочев-

* Исследование выполнено по гранту РФФИ № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации».

ник становится интересен не только как образчик экзотики, но и как образец энергии и движения, исконно присущих человеку и человечеству. Этот подход в корне меняет отношение к кочевникам, их культуре, технологиям, мотивациям. Вопрос состоит уже не в том, как научить кочевника правильно жить, а в том, как у него научиться философии нomaдизма и «комфорта в движении».

Цель антропологического и этнологического исследования движения состоит в рассмотрении цепочки мотив–решение–действие как алгоритма жизни и деятельности, причем не в итогах, а в истоках. В этом отношении антропология движения ориентирована не в прошлое, хотя осмысляет опыт истории, а в будущее с его сценариями и форсайтами. Обращенность к опыту прошлого, мониторингу настоящего и сценариям будущего придает антропологии движения практическую или прикладную перспективу. Например, она удобна в этноэкспертизе, как нам недавно довелось убедиться на Ямале. Именно картина движения позиционирует коренных кочевников Севера не как малые отсталые сообщества, заслуживающие снисхождения и опеки, а как равноправных партнеров освоения пространств Арктики, обладающих мощным потенциалом стратегий и конкурентными преимуществами в разработке перспективных совместных проектов, например, на стыке оленеводства и газодобычи, традиций и инноваций на Ямале².

Для понимания ценностей и алгоритмов нomaдизма актуально изучение практик «естественных кочевников», населяющих Российский Север. В этом состоит цель проекта «Мобильность в Арктике», ориентированного на изучение потенциала северного нomaдизма и «дизайна кочевий», в трех моделях – ненецкой, саамской и чукотской. Механизм движения, заложенный в системах миграций кочевников Арктики, с одной стороны, воспроизводит древний алгоритм освоения человеком планеты, с другой – многообразно применен в новейших стратегиях мобильности.

С физической мобильностью кочевников Арктики парадоксально, на первый взгляд, сочетается стабильность их культурных традиций и этнических ценностей. Вместе с тем, кочевые культуры Арктики обладают гибкой адаптивностью к экологическим и социальным воздействиям; например, в XVI–XVIII веках по тундрам Евразии прокатилась «олeneводческая революция», превратившая охотников в оленеводов. Включенные в состав государств Скандинавии и России, арктические культуры адаптировались к меэтническому диалогу и внешним формам управления, сохранив свои приемы контроля над пространством. В последние десятилетия оленеводы Севера Евразии в разной степени успешно адаптировались к новейшим технологиям коммуникации, управления, информации, дав впечатляющие примеры неотрадиционного развития культуры, экономики и самоуправления (сообщества арктических кочевников породили выдающихся лидеров коренных народов Севера регионального, национального и международного уровней).

Для детального изучения технологий нomaдизма нами апробирован и используется новый метод записи движения, условно обозначаемый ПКД – путь–карта–действие (tracking–mapping–acting) и фиксируемый в виде трех документов: (а) GPS-запись (трек) передвижений человека в течение дня; (б) карта кочевий в течение года/сезона; (в) видеофоторяд движений/действий. Новшество состоит в применении современных инструментов в сфере, где прежде довлело текстовое описание. Запись движения средствами GPS-мониторинга с попутным визуальным сопровождением позволяет наглядно передать «анатомию мобильности». Это своего рода анимация деятельностного пространства, где та или иная практика выглядит как последовательность/схема действий, персонифицированных конкретным человеком. Комплекс исследовательских методов включает замеры движения посредством визуальных средств и GPS-навигатора, моделирование ментальных карт кочевников, а также дизайн кочевого пространства. Цель этого метода записи движения состоит в создании многомерной картины движения с его пиками и паузами, персональными и социальными траекториями.

Трек дневного пути на карте дополняется характеристиками (1) основного занятия в течение дня, (2) ритма и эпизодов действия, в том числе пауз, (3) снаряжения и инструментария, (4) взаимодействия с партнерами, (5) исполнения задач и самостоятельных решений, (6) местности, (7) погоды. Действия фиксируются фото- и видеорядом, при этом желательно визуальное отображение всех характеристик движения/действия. Мера полноты этих характеристик определяется ситуативно с учетом внешних (например, климатических эксцессов на Ямале 2013–2014 гг.³) и внутренних (например, самочувствие кочевника) обстоятельств.

В идеальном варианте синхронная запись треков всех обитателей стойбища дает полную картину движения/деятельности кочевой группы, по которой можно определить общий ритм и напряженные эпизоды

деятельности, узлы и сгустки коммуникации, роль лидера в организации и направлении движения/действия. Впрочем, абсолютно полная картина кочевья/стойбища предполагает также запись треков животных (олений, собак), вещей, а также соседних кочевых групп. Этот абсолют труднодостижим и даже избыточен, поэтому целесообразна запись отдельных треков и их сопоставительно-обобщающий анализ. Важна запись «типичных» треков кочевого сообщества – мужчин и женщин, взрослых и детей, исполнителей разных функций.

Миграции оленных ненцев, саамов и чукчей пересекают обширные пространства евразийской тундры. Дизайн мобильности этих трех кочевых сообществ варьирует в зависимости от ландшафта, близости к морским берегам, горам и лесам, а также оседлым группам, административным центрам, промышленным объектам и т.д. Мобильность кочевников многообразна в гендерных, возрастных, статусных, сезонных, пространственных вариациях. Например, у ненцев Ямала трек бригадира отличается от трека обычного пастуха большей протяженностью, поскольку он не только окарауливает стадо, но и осматривает окрестности для оптимизации режима выпаса и миграций. У чукчей в период августовского сбора оленей оленеводы распределяются на караульчиков основного стада и искателей отколовшихся групп, чьи треки существенно разнятся. У саамов и коми-зырян Кольского полуострова в ходе сбора оленей на зимний кораль взаимодействуют группы пастухов (державших основное стадо), «моряков» (собрателей «кусков» стада в отдаленной приморской тундре), «огородников» (сторожей изгородей, регулирующих движение оленей) и «коральщиков» (работников оленеводческой базы и коралья). Кроме того, повсеместно различаются треки мужчин и женщин: первые развернуты в пространстве тундры, последние сконцентрированы у дома; у оседлых северян (жителей поселков) женские и мужские треки почти неотличимы.

Картографирование дает представление о системе движения в разных масштабах, от схемы годовичных миграций (общий план) до карт сезонных перекочевок (средний план) и топографии отдельных стоянок, стойбищ, пастбищ (крупный план). Общий план показывает, помимо маршрута, контакты кочевников с полуседлым промысловым и оседлым поселковым населением – сеть взаимодействия всех этих групп. Выявление структуры передвижения, особенностей мобильности разных групп и характера их контактов (кооперации, конкуренции, коалиции по отношению к внешним агентам) необходимо для понимания стратегии и мотивации мобильности.

Свод треков дает картину насыщенности жизненного пространства движением/деятельностью. Картографирование треков ямальских ненцев показывает, что каждая стоянка оленеводов является центром окружности с радиусом не менее 5 км, внутри которой оленеводы пасут оленей, стараясь при каждом окарауливании двигаться посолонь (по солнцу), благодаря чему складывается «лепестковый дизайн» движения стада. Проекция этой геометрии движения на весь ход кочевий (при вычисленном экспериментально радиусе выпаса), дает картину необходимой площади и конфигурации пастбищ и существенно корректирует визуальный стереотип, в котором маршруты кочевий рисуются линиями и стрелками. В действительности кочевой маршрут оленеводов – не линия, а кружево, охватывающее огромные площади, к тому же динамично обновляемое в зависимости от конкретных погодных и производственно-бытовых ситуаций.

Этнографическое исследование мобильности включает не только непосредственное полевое наблюдение с применением специальных методик записи, но и феноменологическое (герменевтическое) восприятие и толкование модулей мотивов–решений–действий. Этот алгоритм согласуется с ментальной картой кочевников, схемой их передвижений и действий в пространстве–времени (у кочевников эти категории синтезированы). Для постижения кочевого движения этнографу и дизайнеру недостаточно наблюдать, а необходимо сопереживать состояниям движения, особенно в его критических эпизодах.

Ненцы демонстрируют самый длинный годовой маршрут и самый быстрый ритм миграций, тогда как чукчи и саамы практикуют более короткие миграции и более длительные остановки, хотя все три модели сопоставимы по интенсивности пастушеских практик и непредсказуемости внешних вызовов. Точками повышенной сложности и напряжения оказываются эпизоды пурги, тумана, гололеда, волчьих потрав, вторжений диких оленей, разбега стад в «оводовый» и «грибной» периоды, и другие фазы охраны и сбора стад. Эти эпизоды требуют напряжения и особых психокультурных навыков, например, мастерства быстрого действия и быстрого сна.

В чукотских кочевых практиках я заметил удивительную способность пастухов быстро чередовать состояния крайнего напряжения и расслабления. Пастух, только что несшийся с собакой за стадом оленей, забирается в кузов вездехода и мигом засыпает, но при очередном крике бригадира моментально вскаки-

вает и выполняет его команду. Нечто сходное я заметил в поведении пастухов, держащих стадо. Подгоняя оленей, они двигаются быстро, а останавливаясь, умудряются наскоро поспать – сон в стаде короток и чуток. Это в августе, когда ночные заморозки сокращают ночлег, а дневное солнце дает шанс прилечь на теплую кочку. Зимой на морозе ритм учащается: пастух согревается, бегая за оленями, а, разогретый, падает на снег и спит, пока не замерзнет; затем, вскочив от холода, он снова гоняет оленей и согревается; и так весь день – то бежит, то спит.

По чукотской традиции, мужчина согревается не огнем очага, а собственным движением. Он восстанавливает силы мгновенным расслаблением-сном. Искусство чередовать напряжение и расслабление в ритмах и аритмии кочевой жизни представляется одной из замечательных технологий арктического номадизма. К такого рода психо-технологиям я бы отнес и искусство долгого ожидания, обозначаемое в чукотской традиции метафорой «спина длинной становится». Наконец, динамичным кочевникам свойственна не только пластичная адаптивность, но и цепкость в восприятии новаций, благодаря которой, например, оленеводы «очукотили» заимствованную ими конструкцию палатки в качестве зимнего кочевого жилища и выработали собственную модель механизированного выпаса оленей. В кочевой круговорот встраиваются новые вещи: вездеход участвует в празднике молодого оленя, снегоход тянет нарты на перекочевке, бинокль сокращает пространство и расширяет горизонт кочевника.

Стойбищное пространство предполагает совмещение методов этнографии и дизайна, поскольку является средоточием вещей и сгустком коммуникации. При минимализме материальной культуры кочевников особое значение имеют полифункциональность вещей, их распределение в пространстве и режим их использования. В кочевом обществе у вещей есть свой распорядок движения, и их циркуляция в хронотопе представляет самостоятельный интерес. Для выявления того, как движение вещей соотносится с движением людей, целесообразно картографирование вещей на стойбище и отслеживание частоты их применения. Это соотношение показывает, как снаряжение и оборудование обеспечивает кочевье и движение в целом.

Наблюдения на Чукотке, Кольском полуострове и Ямале выявляют и динамику другого рода – во всех центрах оленеводства сейчас происходят технологические преобразования, связанные с распространением сноумобилей, квадроциклов, мобильных телефонов, навигаторов, электрогенераторов, компьютеров. Всюду, хотя и в разной степени, эти новшества существенно преобразуют традиции и создают зависимость от внешних технологических ресурсов, открывая вместе с тем перспективы новых стратегий и приемов движения, мышления, кочевания, содержания стад. В обстановке «технологической революции» особенно значимо сочетание опыта стариков и активности молодежи, а также взвешенных действий администрации регионов и сельхозпредприятий. Из трех рассматриваемых арктических регионов ситуация регулируема, хотя и по-своему сложна, на Ямале и Кольском полуострове, где судьба оленеводства находится в руках самих оленеводов. В Чаунской тундре Чукотки обстановка – на грани SOS из-за конфликтного противостояния и системного расхождения позиций чукчей-оленеводов и дирекции сельхозпредприятия «Чаунское». Разрушительные действия дирекции, идущие в разрез с нормами кочевой жизни и оленеводства, подрывают авторитет старейшин и целостность бригад, а перенос базы предприятия из с. Рыткучи в г. Певек грозит деградацией национального села с перспективой межэтнического конфликта.

Опора на феномен движения нова в науке и прикладных экспертизах, поскольку прежде не существовало эффективных методов документирования и анализа жизненной мобильности. Появление этих методов во многом связано с недавно открывшимися возможностями визуальной записи и презентации. В прошлом в гуманитарных науках акцент делался на фиксированных внешних формах и логически противопоставленных состояниях (в том числе «культур», «идентичностей», «интересов»); ныне, в предлагаемой системе методов антропологии движения, акцент смещен на общий для всех северян потенциал движения–действия, предполагающий оптимизацию (дизайн) ролей и функций в реальном взаимодействии. Опыт записи движения ненцев, саамов и чукчей не только открывает новые ракурсы жизни и культуры арктических кочевников, но и позволяет заимствовать их алгоритмы в практики нео-номадизма, в том числе северного.

Мобильность, включая номадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения Российской Арктики. Сегодня тема контраста ценностей номадизма и седентаризма, кочевий и селений, представляется для Арктики стержневой. Соотношение традиций и новаций, коренных и пришлых культур на Севере обычно рассматривается как конфликт ценностей и интересов. В действительности это взаимодействие насыщено встречными воздействиями и заимствованиями, своего рода стимулирующей конкуренцией. Многие технологические новшества, прежде всего транспортно-навигационные, не разрушают,

а развивают кочевую культуру. Многие традиционные технологии жизни-в-движении представляют собой ресурс для обогащения современных стратегий освоения Арктики. Становление дискурса о понятиях движения и технологиях мобильности, от физических до виртуальных, имеет особое значение для Севера с его коренными кочевниками и подвижными мигрантами, в том числе вахтовиками и туристами. В «северном измерении» России уместно осмысление и применение стратегий арктического нomaдизма, в том числе полиритмичной мобильности, этики минимализма, принципа полифункциональности, энергоэкономии и других актуальных для современности традиций коренных северян.

Примечания

- ¹ Э. Д'Андреа полагает, что исследование нео-номадизма с его текучестью (fluidity), изменчивостью (changeability) и рефлексивностью (reflexivity) открывает новый ракурс культуры глобализации, образцы поведения «новых кочевников» (транслокальных контркультур), замещающие локальность версиями глобального нео-номадизма (global neonomadism) (см.: *D'Andrea A. Neo-Nomadism: A Theory of Post-Identitarian Mobility in the Global Age // Mobilities. 2006. Vol. 1. No 1. Pp. 95–119*).
- ² См.: *Головнёв А.В. Кочевье, путешествие и нео-номадизм // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45). С. 133–138; Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения / А.В. Головнёв, С.В. Лёзова, И.В. Абрамов, С.Ю. Белоруссова, Н.А. Бабенкова. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014.*
- ³ *Перевалова Е.В. Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей 2013–2014 гг. и перспективах ненецкого оленеводства // Уральский исторический вестник. 2015. № 2(47). С. 39–49.*

Балзер Марджори Мандельштам (Balzer Marjorie Mandelstam) – доктор антропологии, профессор, Джорджтаунский университет, штат Вашингтон (США)

ТРЕНДЫ АМЕРИКАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ИХ ВОЗМОЖНЫЙ РЕЗОНАНС В РОССИИ

Во время дискуссии на заседании Американской антропологической ассоциации (ААА) в 2014 г., в которой я принимала участие, возникло напряжение, шокировавшее всех присутствующих. В годовщину существования группы «Союз», сети исследователей, занимающихся изучением Центральной и Восточной Европы и стран бывшего Советского Союза, основанной мной вместе с Брюсом Грантом¹ и Нэнси Райс², была организована сессия «20 лет Союза: теория и дискурс постсоциализма». Дискуссия касалась «классической» проблемы антропологии: в состоянии ли «сторонние» исследователи изучить данное сообщество или территорию, представлять общественности результаты своего исследования или говорить от имени изучаемого сообщества. В частности, обсуждалась проблема Македонии и радикальной реконструкции ее столицы Скопье, призванной представить монументальные скульптуры, фонтаны и здания, символизирующие и актуализирующие славный «золотой век» Македонии, особенно в лице завоевателя/героя Александра Великого. Нападкам со стороны «коренного» восточно-европейского этнографа подвергся политический антрополог, молодой перспективный аспирант Университета Чикаго, которого автоматически определили как «западного» исследователя. Аспирант совершил методологическую ошибку, допустив во время презентации слегка иронический тон по поводу блистательного Александра в окружении львов. Также он скептически оценил некоторые тенденции популистского национализма, подчеркнув разделенность жителей Скопье и драматичность реконструкции его центра.

В моей презентации рассматриваются актуальные вопросы «национализма» и «ностальгии», помимо некоторых вопросов, поднятых на сессии ААА, а также ряд наработок двух последних десятилетий. Основные тренды и темы могут быть вычленены из моего выступления – исходя из духа подачи моего идиосинкразического понимания значительных и разнообразных антропологических направлений. Это помогает мне «перерабатывать» мои собственные интерпретации, искать новые направления применения новых «теорий и дискурсов» без допущения, что мы в североамериканской антропологии достигли неких успехов, которые могут быть непосредственно применены к России. Действительно, на высоко конкурентных собраниях нашей ассоциации, становящихся все более интернациональными, нередко присутствуют коллеги из России. Я не претендую на обзор всей «западной» антропологии, так как, на мой давно сформирова-

ровавшийся взгляд, ее не существует как единого явления. Более того, моими наставниками были циркумполярист Фредерика де Лагуна³, меланезианист Уорд Гудинаф⁴ и эколог Роберт Неттинг⁵, учившие меня уважать различное культурное и интеллектуальное наследие «национальных антропологий» и «локальных этнографий», в том числе Великобритании, Канады, Франции, Германии и России. Но наше исследование более «глобально», с резонансами в различных, иногда неожиданных уровнях, при которых модный неологизм «глокальный» оказывается слишком простым. Транспарентность важна для данного подхода: я исхожу из оснований символической, культурной антропологии (в понимании Клиффорда Гирца⁶), а также подходов политической «антропологии действия» (выраженных, например, независимой организацией «Культурное выживание», основанной Дэвидом Мэйбьюри-Льюисом⁷). Творческое объединение этих подходов было целью моих исследований в Сибири и на Дальнем Востоке⁸.

Методологически мы все боремся с противоречием между тем, что мы интуитивно знаем (или думаем, что знаем) – как члены с «переключающимися кодами» наших собственных «племен» (и здесь я имею в виду как гражданство, национальность, так и профессию) – и тем, что мы узнаем, став непосредственными наблюдателями традиционного и неожиданного поведения в той «полевой работе», которую мы избрали. Это позволяет антропологам впитывать детали, которые другие упускают. По ходу работы мы часто задаем вопросы, которые нестандартны для данного сообщества, и, конечно, не ограничиваемся специфически повторяющимися выражениями серийно структурированных и стратифицированных социологических опросов. Таким образом, как писал Майкл Херцфилд⁹ в его работе с пронизательным названием «Антропология и зарождающаяся интимность власти», мы логически и эмоционально обращаемся к полевой работе, которая позволяет нам изобличать несправедливости, видеть структурную нищету в трущобах, от посещения которых власти нас ограждают, и изучать протестные демонстрации в тех местах, где полицией может применяться насилие. Его собственные исследования в различных местах могут служить иллюстрацией этого: изучение мужских ритуалов на греческом острове, бюрократической атаки на римское жилое здание, тайских трущоб.

Другой комплиментарной тенденцией в выборе темы и региона стало явление «studying up» (термин, введенный Лаурой Нэyder¹⁰). Одна из ключевых сессий Антропологической ассоциации в 2014 году носила название «Наверх, вниз и со стороны: как антропологи отслеживают траектории власти». В последнее время антропологи нередко отправляются в кабинеты крупных предприятий, изучают людей на фондовом рынке, на расширяющихся атомных электростанциях, в парламентах, пищевой промышленности, на диспетчерских вышках аэропортов, в подводных лодках и других нетрадиционных местах. Антропологию с несоциологическим характером формирует как раз длительная полевая работа, при которой оказывают поддержку собеседникам, становящимся уже не просто «информаторами»; а также слушают, как люди говорят и что считают важным. Вместе с другими науками в поисках многосоставных и точных сравнений мы были больше заняты дальнейшим поиском определения «сообщества». Стало важно и даже обязательно повторно обращаться к региону исследования, не только чтобы заручиться долгосрочным доверием, но и укрепить дружеские отношения, задокументировать культурные, социальные, экономические и политические изменения в исследуемом сообществе, каким бы оно ни было.

Несмотря на то, что в итоге я возвращаюсь к методологическим и этическим вопросам, это выступление посвящено следующим темам: (1) признание и изучение «эмоций» и «сознания» в антропологии (под воздействием исследований Лутца и Абу-Лугход¹¹, недавних исследований шаманства); (2) изучение взаимозависимых проблематик в различных местах, связанных с такими глобальными вопросами, как миграция, туризм, торговля людьми (с участием Мадлен Ривз¹², Кати Ко¹³, Велин Смит¹⁴, Денис Бреннана¹⁵); (3) экологическая антропология, которая обеспечивает многоуровневые обзоры надвигающихся угроз и катастроф меняющегося климата, определяемых иногда как «антропоцен» (например, в выступлении Бруно Латура); (4) правовая и политическая антропология, которая выходит за пределы структурно-функционального анализа и рассматривает, как антропологи могут «говорить правду власти» (например, Крис Диксон¹⁶, Хью Густерсон¹⁷, Элизабет Повинелли¹⁸); (5) медицинская антропология, которая исследует опыты наркоманов или страдающих от ВИЧ, и сочетает в себе гуманистические идеи с прагматическими стратегиями политики (особенно Жоао Биль¹⁹, Филипп Буржуа²⁰, Вина Дас²¹, Майкл Фишер²², Артур Клейман²³); (6) антропология миссионеров и их целей или новообращенных (с участием Тани Лурманн²⁴, Симона Коулмана и Розалинды Хэкет²⁵); (7) гендерные исследования, реинтегрирующие концепции родства и культурных различий, рассматривающие проблемы прав женщин (в том числе Элизабет Краус и

Милена Марчези²⁶, Саба Махмуд²⁷, Ты П. Кавика Тенджен²⁸); (8) Индигенность, этнография коренных народов, креативность и устойчивость развития (в том числе Майкл Браун²⁹, Пол Надэзди³⁰, Кирина Нараян³¹); (9) общественное и культурное наследие, актуализируемое в рамках совместных музейных проектов³²; (10) горячие точки: проблематизация «неолиберализма», национализма и идиом «этнического конфликта» на примере израильско-палестинского активизма³³, Африки³⁴ и Украины³⁵.

Помимо общего направления, ориентированного на Центральную и Восточную Европу или Евразию, какой еще может быть резонанс? Во-первых, резонанс сам по себе полезная аналитическая концепция – это может рассматриваться в положительном или отрицательном ключе. При положительном это может привести к потрясающим синергетическим, коллаборативным теориям. При отрицательном ракурсе его провокативность может быть поляризующим фактором. Во-вторых, важно признать, что отдельные, а иногда и сходные тенденции в этнографических и этнологических подходах были разработаны в России. Например, гуманистически и с чувством юмора Лев Штернберг в его «Десяти заповедях этнографа» 1920-х годов³⁶ выделил сравнительный подход раньше, чем Фред Эган³⁷ в «Методах контролируемого сравнения». В-третьих, влияние может идти в нескольких направлениях. Я провела большую часть своей научной карьеры, помогая американским и европейским читателям приобщиться к богатству исследований «коренных» этнографов, базирующихся в различных республиках, работающих в советский период в многопрофильных институтах под названиями «Язык, литература и история», редактируя журнал «Антропология и археология Евразии».

Наследие истории и историцизма является важной частью науки (в том числе марксистской) в России, хотя лично я не одобряю крайности исследований этногенеза, евразийства и других злоупотреблений историей во имя национализма. Я восхищаюсь также последними уже хорошо известными и процветающими мультидисциплинарными исследованиями по мониторингу этнических конфликтов (московский, но с программами по всей России и за ее пределами), гендерными исследованиями (особенно в Санкт-Петербурге), религиоведением, юридической антропологией, лингвистической антропологией, городской антропологией, медицинской антропологией, коллаборативной антропологией – в том числе здесь, в принимающем нас Екатеринбурге. Из того, что мне удалось извлечь из прочитанного, понятно, что они трансформировались в некоторой степени под влиянием того, что сделано антропологами «Запада». Я, конечно, не утверждаю, что все должны читать по-английски или Пьера Бурдьё в оригинале³⁸. Но важно предупредить, что некоторые русские переводы базовых работ были изданы с недочетами, а иногда читатели видят в них лишь то, что сами хотят видеть в англоязычных источниках. Это касается в первую очередь теоретических и богатых на «конструктивизм» антропологических исследований о «поддержании этнических границ» Фредрика Барта³⁹, или «воображаемых сообществах» Бенедикта Андерсона (рекомендую издание 2006, а не оригинал 1983 г.), или национализме, возникшем в результате модернизации и при содействии интеллигенции, Эрнеста Геллнера⁴⁰. Я сторонница более открытого, заинтересованного и эклектичного чтения англоязычных источников для того, чтобы понять, что круг потенциальных тем и теорий поистине огромен; на мой взгляд, нужно идти к релевантному и позитивному резонансу с минимальным количеством фильтров и предрассудков, насколько это возможно.

Любезная старушка в деревне на севере Республики Саха как-то спросила меня, основала ли я собственную антропологическую «школу» в Соединенных Штатах. Смеясь и объясняя, что ни я, ни мои коллеги к этому не стремились, я потом поняла, что она размышляла об этом как о престиже и наследии. Или, может быть, она была обеспокоена тем, что некоторые из моих студентов будут вторгаться в ее деревню? Но наши цели (и в этом меня поддерживают многие американские антропологи) более независимы и нестандартны. Мы просим наших студентов обращаться к взаимосвязи методологии, этики и теории путем интерактивного соотнесения их исследовательских вопросов с их собственным опытом, а не с нуждами научного руководителя или коллектива, без всякой «школы мысли». Делает ли это нас наивными индивидуалистами и воплощенными клише об американцах? Возможно.

Примечания

¹ Grant, Bruce 1995 *In the Soviet House of Culture: a Century of Perestroikas*. Princeton: Princeton University Press.

² Ries, Nancy 1997 *Russian Talk: Culture and Conversation During Perestroika*. Cornell: Cornell University Press.

³ de Laguna, Frederica 1972 *Under Mount St. Elias: The History and Culture of the Yakutat Tlingit*. 3 vols. Washington: Smithsonian Institution Press.

⁴ Goodenough, Ward 1963 *Cooperation in Change: An Anthropological Approach to Community Development*. New York: Russell Sage Foundation.

- ⁵ Netting, Robert 1977 *Cultural Ecology*. Berkeley: University of California Press. (2nd Edition, Waveland)
- ⁶ Geertz, Clifford 1973 *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.
- ⁷ Maybury-Lewis, David 1997 *Indigenous Peoples, Ethnic Groups and the State*. Boston: Allyn and Bacon.
- ⁸ Balzer, Marjorie Mandelstam 1999 *The Tenacity of Ethnicity: a Siberian Saga in Global Perspective*. Princeton: Princeton University Press; 2012 *Shamans, Spirituality and Cultural Revitalization: Explorations in Siberia and Beyond*. New York: Palgrave-Macmillan.
- ⁹ Herzfeld, Michael 2015 "Anthropology and the inchoate intimacies of power" *American Ethnologist* 43(1): 18–32.
- ¹⁰ Nader, Laura 1972 "Up the Anthropologist—Perspectives Gained from Studying Up" Dell H. Hymes, ed. *Reinventing Anthropology*. New York: Pantheon.
- ¹¹ Lutz, Catherine and Abu-Lughod, Lila, eds. 1990 *Language and the Politics of Emotion*. Cambridge: Cambridge University Press.
- ¹² Reeves, Madeleine 2013 "Clean Fake: Authenticating Documents and persons in migrant Moscow" *American Ethnologist* 40 (3): 508–524.
- ¹³ Coe, Cati 2013 *The Scattered Family: Parenting, African Migrants, and Global Inequality*. Chicago: University of Chicago Press.
- ¹⁴ Smith, Valene L. 2009 *Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2nd edition.
- ¹⁵ Brennan, Denise 2014 *Life Interrupted: Trafficking into Forced Labor in the United States*. Durham: Duke University Press.
- ¹⁶ Dixon, Chris 2014 *Another Politics: Talking across Today's Transformative Movements*. Berkeley: University of California Press.
- ¹⁷ Gusterson, Hugh 2009 "The Empire of Bases" *Bulletin of Atomic Scientists* March 10, 2009.
- ¹⁸ Povinelli, Elizabeth 2011 *Economies of Abandonment: Social Belonging and Endurance in Late Liberalism*. Durham: Duke University Press.
- ¹⁹ Biehl, João 2013 *Vita: Life in a Zone of Social Abandonment*. Berkeley: University of California Press. 2nd edition.
- ²⁰ Bourgois, Philippe, Geoffrey Schonburg 2009 *Righteous Dopefiend*. Berkeley: University of California Press.
- ²¹ Das, Veena 2015 *Affliction: Health, Disease, Poverty*. New York: Fordham University Press.
- ²² Fischer, Michael 2009 *Anthropological Futures*. Durham: Duke University Press.
- ²³ Kleinman, Arthur 2007 *What Really Matters: Living a Moral Life Amidst Uncertainty and Danger*. New York: Oxford.
- ²⁴ Luhrmann, Tanya 2012: *When God talks back: understanding the American evangelical relationship with God*. New York: Knopf.
- ²⁵ Coleman, Simon and Rosalind Hackett, eds. 2015 *The Anthropology of Global Pentecostalism and Evangelicalism*. New York: New York University Press.
- ²⁶ Krauss, Elizabeth, Marchesi, Milena 2007 "Fertility Politics as 'Social Viagra': Reproducing Boundaries, Social Cohesion and Modernity in Italy" *American Anthropologist* 109(2): 350–364.
- ²⁷ Mahmood, Saba 2004 *Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject* Saba Mahmood. Princeton: Princeton University Press.
- ²⁸ Tengen, Ty P. Kāwika 2008 *Native Men Remade: Gender and Nation in Contemporary Hawai'i*. Durham: Duke University Press.
- ²⁹ Brown, Michael F. 2003 *Who Owns Native Culture?* Cambridge: Harvard University Press.
- ³⁰ Nadasdy, Paul 2007 "The Gift in the Animal: The Ontology of Hunting and Human-Animal Sociality" *American Ethnologist* 34 (1): 25–43.
- ³¹ Narayan, Kirin 2012 *Alive in the Writing: Crafting Ethnography in the Company of Chekhov*. Chicago: University of Chicago Press.
- ³² Hanp., Nguyễn, Văn Huy, Kendall, Laurel Kendall, Laurel, eds. 2003 *Vietnam: Journeys of Body, Mind, and Spirit*. Berkeley: University of California Press; Fienup-Riordan, Ann 1996 *Our Way of Making Prayer*. Anchorage: Anchorage Museum of History and Art.
- ³³ Allen, Lori 2013 *The Rise and Fall of Human Rights: Cynicism and Politics in Occupied Palestine*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- ³⁴ Comaroff, John and Jean 2009 *Ethnicity Inc*. Chicago: University of Chicago Press.
- ³⁵ Dunn, Elizabeth Cullen and Bobick, Michael S. 2014 "The empire strikes back: War without war and occupation without occupation in the Russian sphere of influence" *American Ethnologist* 41(3): 405–413.
- ³⁶ Gagen-Torn, Nina I. 1971 "The Leningrad Ethnographic School in the 1920s" *Soviet Anthropology and Archeology* 10(2): 161–162. (from *Sovetskaia Etnografiia* 2: 134–145.
- ³⁷ Eggan, Fred 1954 *Social Anthropology and the Method of Controlled Comparison*. New York: Bobbs-Merrill.
- ³⁸ Hanp.: Bourdieu, Pierre 1980 *Le sens pratique*. Paris: Le Editions de Minuit.
- ³⁹ Barth, Fredrik, ed. 1969 *Ethnic Groups and Boundaries*. Boston: Little, Brown.
- ⁴⁰ Gellner, Ernest 1983 *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell; 1994 *Encounters with Nationalism*. Oxford: Blackwell.

Функ Дмитрий Анатольевич – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой этнологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; г.н.с. лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета

ОБ ИТОГАХ И ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЭТНОЛОГИИ/АНТРОПОЛОГИИ В РОССИИ¹

Вводные замечания

Разрыв с прежними парадигмами советской/российской этнографии и ее научным языком совпал по времени с исчезновением с карты мира государства под названием СССР и был отчетливо маркирован в этой дисциплине переименованием главного и, по сути, единственного на тот момент этнографического академического журнала. Вместо «Советской этнографии» начиная с 1992 года стал выходить журнал под названием «Этнографическое обозрение». Вольно или невольно, но название это весьма отчетливо наводило на мысль о возможном продолжении этнографии в новой России с обязательным возвращением к эволюционистской парадигме столетней давности (напомню, журнал «Этнографическое обозрение» выходил в России в 1889–1916 гг.). Реальность, к счастью, оказалась иной, а название «Этнографическое обозрение» было, как мне представляется, не более чем свидетельством растерянности российских коллег и потому – попыткой обрести хоть какую-то долю уверенности в завтрашнем дне через обращение к «корням». Не случайна потому и публикация в 1992–1993 годах практически в каждом номере обновленного журнала в специально выделенной рубрике «Размышления о судьбах науки» дюжины интереснейших статей как с критикой, так и с защитой прежних подходов, как с мыслями об истории науки и судьбах исследователей в ней, так и с прогнозами о будущем этнографии².

Любопытно, как далее шла публикация текстов в рамках этой дискуссии. Если обратиться к уже названному обновленному «Этнографическому обозрению», то мы обнаружим отдельные статьи на ту же тему еще лишь в 1994 и 1996 гг., а в дальнейшем первое место рубрики «Размышления о судьбах науки» (уже своим названием навевавшей грусть) было заменено нейтральным «Вопросы теории и методологии» и «Вопросы теории», хотя и здесь эпизодически встречались публикации о предмете и традициях (отечественной) этнографии³.

Разная по направленности и научному языку, в целом по научному аппарату рефлексия «о судьбах науки», порой выплескивавшаяся на страницы этого журнала и после 2000 г., с 2005 года ушла из «Этнографического обозрения». Именно в 2005 г. журнал отказался от застывших и скучных названий рубрик и взял на вооружение прием специальных тем номеров с приглашенными редакторами, что, на мой взгляд, кардинально изменило и сам журнал и, собственно, подход к пониманию сути антропологии в России. Это вовсе не означает, что размышления об истории, о достижениях, о месте и будущем такой науки, как этнография оказались никому более не нужны. Вовсе нет. С одной стороны, изменилось, расширилось, наконец, до общепринятого понимание этой дисциплины, которую вслед за европейскими и американскими коллегами мы стали называть антропологией, лишь порой сужая ее до социальной или культурной антропологии. С другой стороны, названная рефлексия все же сохранилась. Она лишь расширилась до обсуждения сходных проблем в антропологическом мире за пределами страны⁴, да, пожалуй, такого рода размышления о судьбах российской этнографии (этнологии/антропологии) чаще стали публиковаться в других – культурологических и исторических – отечественных журналах⁵.

Многие стороны трансформационных процессов в этнографии, которая в научном языке постсоветского времени в подавляющем большинстве случаев обрела новое имя – «этнология» или даже «антропология», уже подвергались детальному обсуждению. Здесь я бы хотел поделиться с коллегами своими соображениями по поводу лишь трех сюжетов, которые представляются важными с точки зрения выявления значимых трансформаций или же, наоборот, отсутствия заметного прогресса в последние два с половиной десятилетия. Это проблема наличия качественных образовательных площадок в вузах, проблема наличия переводной литературы и учебников/хрестоматий (и собственно доступа к современной научной литературе), и, наконец, проблема наличия качественных профессиональных журналов. От того, как именно будут

и будут ли вообще решены эти проблемы, во многом будет зависеть скорость и качество дальнейших трансформаций в российской антропологии.

Но сначала краткий комментарий в отношении термина «антропология». Та тихая революция, которая произошла в журнале «Этнографическое обозрение» в 2005 году, привела в итоге к тому, что – без каких бы то ни было дебатов и баталий по поводу «необходимости» сохранения и главенства этнической тематики (фактически навязываемой исследователям самим термином «этнография», или «этнология») – в этом журнале «по умолчанию» было принято новое понимание сути и состава дисциплины «антропология».

Далее при рассуждениях об антропологии я буду исходить из общепринятого понимания структуры этой социальной дисциплины, включающей, как всем хорошо известно, четыре составные части: 1) социальную, культурную, или социокультурную антропологию; 2) лингвистическую антропологию; 3) биологическую, или физическую антропологию; 4) археологию.

Вузовская антропология в России

Начать разговор мне хотелось бы с положения в этнологическом/антропологическом образовании в российских вузах. Именно в вузах должен закладываться тот интерес к науке и должны прививаться навыки аналитической работы, которые в дальнейшем могут позволить части выпускников стать преподавателями, учеными, сотрудниками властных структур, музейными работниками, специалистами в СМИ, экспертами в фондах и консалтинговых агентствах.

В годы недавнего советского прошлого (послевоенного периода) с этнографией в РСФСР все было довольно просто: профильные кафедры существовали в МГУ, ЛГУ и позже также в Омском университете, все три – в рамках исторических факультетов. Практически все первое десятилетие после распада СССР было временем поиска своего места в новых и очень непростых социально-экономических условиях бывшими сотрудниками факультетов философии и социологии. Именно в 1990-е и, пожалуй, в первой половине 2000-х годов в России была полная неразбериха в содержании старых и новых образовательных программ, в названии которых имелись термины «этнология», «социальная антропология», «культурная антропология», «философская антропология». Реализация этих программ зачастую (или даже, как правило) осуществлялась коллегами, не имевшими профильного этнологического образования. Но уже в 2000-х годах, по крайней мере в двух университетах ситуация начала постепенно меняться к лучшему. Этнологический факультет Европейского университета в Санкт-Петербурге и учебно-научный Центр социальной антропологии (УНЦСА) в РГГУ в Москве стали пионерами на пути кардинальной смены образовательных стандартов в области (социальной и культурной) антропологии.

Стараниями, главным образом, директора УНЦСА В.А. Тишкова и заместителя директора этого Центра О.Ю. Артемовой были разработаны и утверждены федеральные государственные образовательные стандарты по направлению подготовки «Антропология и этнология», в марте 2010 года для магистратуры⁶, а в ноябре 2011 года и для бакалавриата. Оставался, по сути, лишь шаг от образовательных стандартов к их реализации через разработку качественных программ, создание (или перепрофилирование) специализированных кафедр, центров и лабораторий и, наконец, получение бюджетных мест, что можно было бы рассматривать как своего рода социальный заказ государства на специалистов. И этот шаг в итоге был сделан – в рамках магистерской подготовки – на Антропологическом факультете Европейского Университета (Санкт-Петербург), на кафедре этнографии и антропологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (новая программа под названием «Этнологическая экспертиза» была аккредитована в 2014 г.) и в ДВГУ (здесь магистерская программа ориентирована на страны и культуры АТР), а также в рамках полного цикла обучения (бакалавриат и магистратура) – в Учебно-научном Центре социальной антропологии РГГУ (Москва) и на исторических факультетах Казанского (Приволжского) федерального университета, Омского государственного университета и, начиная с 2015 г., национального исследовательского Томского государственного университета⁷.

Поскольку все программы в перечисленных вузах ориентированы на лучшие образцы вузовских антропологических программ Европы и стран Северной Америки, можно считать это важным достижением постсоветского периода развития антропологии в нашей стране. Но есть одно «но». В стране по-прежнему остаются разные образовательные стандарты. В целом ряде вузов по-прежнему изучается «этнология», причем изучается не с первого курса, а лишь начиная с третьего, в качестве так называемой специализации по профильной кафедре на историческом факультете.

Не хочу вдаваться в детали уже давно ведущегося у нас в стране спора о пользе (или отсутствии такой) истории при подготовке антропологов. Замечу лишь, что этнология, понимаемая как историческая дисциплина, заведомо оставляет ее в рамках гуманитарных наук (arts and humanities), в то время как антропология в названном выше широком понимании термина относится к наукам социальным (social sciences). Будучи не понаслышке знаком с программами подготовки этнологов в российском вузе на базе исторического факультета, могу сказать, что в существующей ситуации пытаться наполнить бакалаврскую программу всей палитрой необходимых хорошо подготовленному антропологу лекционных курсов и практических занятий просто невозможно. Хотя бы потому, что на собственно профильное «этнологическое» образование студентам истфака отводятся лишь 5–7-й семестры, а 8-й, заключительный, семестр в значительной мере должен высвобождаться для написания выпускной квалификационной (бакалаврской) работы.

Выход – хотя, разумеется, лишь частичный – может быть найден, думается, в переориентации существующей магистерской программы этнологии в рамках исторических факультетов на государственный образовательный стандарт по направлению подготовки «Антропология и этнология» и с выделением этого направления, пусть даже в рамках исторических факультетов, хотя бы в разряд отделений.

Не менее сложной для решения представляется и проблема качества научной подготовки самих преподавателей. Любая степень аттрактивности названий и даже собственно программ курсов лекций гасится уровнем подготовки профессорско-преподавательского состава. На большей части профильных кафедр вообще нет ни «своих» с профильным зарубежным антропологическим образованием, ни хотя бы приглашенных профессоров. В программах либо совсем нет, либо это единичные случаи, когда есть возможность слушать какие-то важные лекционные курсы на европейских (английском, немецком или французском) языках. И вряд ли для кого-то станет откровением, что на большей части наших профильных кафедр незнание иностранных языков – это скорее норма, чем исключение. Сказанное наглядно подтверждается как количеством, так и качеством (о котором можно судить хотя бы по изданиям в высокорейтинговых профессиональных журналах) публикаций вузовских преподавателей (см., например, данные на elibrary.ru).

Что и где читать?

Продолжая разговор о вузовском антропологическом образовании, мы неминуемо придем к проблеме учебной и научной литературы. Казалось бы, ну какая здесь проблема, если мы говорим об учебниках? Но именно в этом, в ориентации именно на учебники⁸, в которых в сжатой форме было бы «всё обо всем» написано, и есть главная сложность антропологии как социальной науки. Мы не можем ни целому обществу, ни какой-либо одной его части сказать: «Замри! Я сейчас буду тебя описывать». Потому-то антропологические учебники могут строиться (и строятся до сих пор) по двум основным принципам: описание статистики, как правило на уровне конца XIX – начала XX вв. (то есть, описание того, чего уже давно нет, и часто тем научным языком, который был характерен для колониальной этнографии) или же введение в проблематику с опорой на хрестоматии, составленные из лучших антропологических научных работ.

Первый сценарий, увы, наш, второй – за редким исключением – лишь зарубежный. Что касается введения в антропологию, то стараниями коллег из ИЭА РАН и ВШЭ за последнее время студенты получили два прекрасных учебника: «Социальная антропология: исследуя социальную жизнь людей» Алана Барнарда (2009)⁹ и «Что такое антропология?» Томаса Хилланда Эриксона (2014)¹⁰. Так в чем же тогда проблема? Проблема в языке, на котором пишется современная антропология. Мы вернемся к этой проблеме еще раз чуть ниже при обсуждении наших профессиональных журналов, но здесь я тоже коснусь ее.

Сначала две короткие истории.

В 2008 г. мне довелось побывать в институте этнологии университета г. Тюбинген. Там я разговорился со студентами, один из которых, третьекурсник, примерно так описал мне свои ощущения от изучения антропологии на первом курсе: «Я думал, что просто умру. Я специально подсчитывал, сколько страниц на английском нам надо было читать каждый день. Около ста! И это, не считая литературы на немецком!»

Второй нарратив был записан во время недавней поездки к коллегам-антропологам в университет Вены. Там от профессора Петера Швайцера я услышал такое утверждение: «Конечно же, магистратура у нас только на английском. Да и как вообще можно сейчас заниматься антропологией без знания английского, если 70% всей научной литературы выходит на этом языке» (ноябрь 2014 г., Вена).

В приложении к хрестоматиям сказанное означает, что эти хрестоматии надо либо читать на языке оригинала, либо переводить на русский язык. Второе возможно, но сложно в силу обилия этих хрестоматий, не

говоря уже о получении разрешений на перевод от издательств. Хрестоматий же этих огромное множество. Вот, например, лишь несколько названий из числа книг, выпущенных издательством Wiley-Blackwell в серии антологий по социальной и культурной антропологии и стоящих у меня на книжной полке: “Linguistic Anthropology: A reader”, “A Reader in the Anthropology of Religion”, “The Anthropology of Politics: A Reader in Ethnography, Theory, and Critique”, “Kinship and Family: An Anthropological Reader”, “The Anthropology of Development and Globalization: From Classical Political Economy to Contemporary Neoliberalism”, “The Anthropology of Art: A Reader”, “Feminist Anthropology: A Reader”, “Ethnographic Fieldwork: An Anthropological Reader”, “Psychological Anthropology: A Reader on Self in Culture”, “A Reader in Medical Anthropology: Theoretical Trajectories, Emergent Realities”, “The Anthropology of Performance: A Reader”... Но ведь это отнюдь не единственное серийное издание антропологических хрестоматий. Есть, например, прекрасные хрестоматии по этничности, по городской антропологии¹¹, по social impact assessment (то, что в России многие коллеги почему-то пытаются называть «этнологической экспертизой», сводя решение широких социальных проблем на уровень «этнического»).

Увы, в данном случае нам практически нечем похвалиться.

На практике проблема еще более сложна. Нельзя забывать о том, что все тексты в этих хрестоматиях/антологиях родились в рамках иных научных школ, все эти тексты появились на свет в результате длительных дискуссий и имеют, таким образом, своих предшественников, свою историю. Эти дискуссии, эта история часто остаются за рамками хрестоматий, поскольку профессура, использующая эти книги на своих занятиях со студентами, владеет этим материалом и всегда может ввести учащегося в суть той или иной дискуссии. Часть, но лишь очень небольшая, монографий и отдельных статей переводится на русский язык и выходит либо в журналах, либо в виде книг в серийных изданиях. Можно выделить публикации Института этнологии и антропологии РАН, Высшей школы экономики, издательств «Наука», «Восточная литература», «Новое литературное обозрение», РОССПЭН и ряда других. Но в целом переводных книг все же ничтожно мало.

Ситуация усугубляется тем, что значительная часть научно-исследовательских учреждений, включая Институт этнологии и антропологии РАН, не имеет доступа к электронным журнальным базам. Здесь, как ни странно, некоторые российские университеты, в частности, ВШЭ, РГГУ, ЕУ СПб, ТГУ и ряд других существенно обошли академическую науку. Впрочем, ни в одной организации в России антропологи не могут похвастать столь же широким и полноценным доступом к журналам, книгам, диссертациям, аннотациям, какой есть, например, в Институте социальной антропологии общества Макса Планка (г. Галле, Германия). Коллеги, работающие в этом Институте, имеют постоянный доступ к 34 электронным базам антропологической литературы самого широкого профиля¹².

Думаю, что в данной ситуации лишь достаточное финансирование, которое откроет, наконец, доступ к научной литературе, и время, необходимое на ее регулярное, ежедневное чтение, смогут в обозримом будущем кардинально изменить к лучшему сложившееся положение.

Журналы

Если еще буквально два с половиной десятилетия тому назад «Советская этнография» / «Этнографическое обозрение» было единственным профессиональным журналом отечественных этнографов, да какие-то статьи близкой направленности могли печататься в журналах «Восток», «Славяноведение» или, скажем, «Человек», то сейчас число лишь более или менее профильных антропологических журналов выросло по меньшей мере в 5 раз, а журналы, в которых, в принципе, можно опубликовать антропологические работы (особенно с учетом невообразимого числа всякого рода «Вестников», «Трудов» и «Ученых записок»), перечислить стало и вовсе проблематичным.

Это – безусловное достижение постсоветского периода развития антропологии. Но здесь мы сталкиваемся с такой важнейшей проблемой, как качество этих журналов. Не секрет, что введение Списка обязательных журналов ВАК вызвало к жизни множество новых журналов, публикующих всё и вся, и что соискатели ученых степеней кандидатов и докторов наук порой за год, прямо накануне защиты, издадут, соответственно, по 3 или по 15 «научных» статей в стремлении заполучить заветные степени. Представить себе, что где-то, за пределами действия этой порочной системы, серьезный ученый-антрополог может опубликовать за год хотя бы даже 3–5 солидных статей в академических журналах, просто невозможно. Почему же такое возможно у нас? Секрет кроется в местечковости (local journals) значительной части наших

журналов, нравится кому-то это определение, или нет. Журналы часто позволяют себе быть «придворными», включая в состав своих редколлегий преподавателей/профессуру того вуза, при котором этот журнал выходит, позволяют себе публиковать статьи «своих» же сотрудников и, наконец, либо не рецензируют, либо лишь формально рецензируют статьи «своих» авторов своими же силами.

Если мы обратимся к критериям определения уровня журналов, используемым такой крупной международной журнальной базой, как, например, ERIHPLUS¹³, то обнаружим следующие три группы в зависимости от состава авторов (https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/about/criteria_for_inclusion):

- состав авторов считается *международным*, если менее двух третей авторов, публикующихся в журнале, происходят из той же самой страны;
- состав авторов считается *национальным*, если более двух третей авторов, публикующихся в журнале, происходят из той же самой страны;
- состав авторов считается *локальным*, если более двух третей авторов, публикующихся в журнале, работают в той же организации [на базе которой выходит журнал. – Д.Ф.].

Если мы проанализируем состав авторов в уже не раз упомянутом журнале «Этнографическое обозрение», то увидим, что лишь за период с 1995 по 2010 год журнал существенно сократил число «своих» авторов (то есть авторов из Института этнологии и антропологии РАН) и значимо – в три раза – увеличил число авторов зарубежных. В 1995 г. из 77 авторов статей 45% составляли авторы из самого ИЭА РАН, 52% – иногородние и авторы из иных организаций; в 2010 г. это соотношение составляло 35 и 56% соответственно. Впрочем, как тогда, так и сейчас журнал может быть отнесен лишь к числу «национальных», но никак не «международных».

Коль скоро речь зашла о международности наших журналов, стоит обратить внимание на еще одну важную их характеристику, а именно на представленность (или, в случае с российскими журналами, на непредставленность) в крупнейших международных журнальных базах и/или системах индексирования. В сугубо административных попытках найти ключи к оценке качества научной работы гуманитариев упор был сделан на включенность журналов, в которых исследователи публикуют результаты своих работ, лишь в такие базы, как Web of Science, Scopus и, кажется, Springer, поначалу оставив вне поля зрения европейскую базу ERIH (в настоящее время ERIH PLUS¹⁴) и до сих пор игнорируя такую гигантскую базу, как EBSCOhost – прямого партнера Scopus.

Включение или невключение (порой просто невхождение как сознательный акт редакции журнала) того или иного журнала в одну из названных баз или систем индексирования, как хорошо известно коллегам-профессионалам, не может считаться единственным критерием для оценки и качества этого журнала и, соответственно, публикуемых в нем текстов. Из наглядных примеров – интердисциплинарный журнал *Sibirica*, издаваемый крупнейшим мировым научным издательством *Berghahn* (New York and London). Этот журнал до сих пор не входит ни в Web of Science, ни в Scopus, но при этом является одним из ведущих академических журналов в сибиреведении. Чрезвычайно престижной в научном мире является публикация в американском журнале *Oral Tradition* – лидере в исследованиях устных традиций народов мира. Этот журнал с 30-летней историей также не входит ни в одну из упомянутых систем индексирования. До 2013 г. ни в Web of Science, ни в Scopus не учитывались ни такой знаменитый французский журнал, как *Études Mongoles & Sibériennes, Centrasiatiques & Tibétaines*, ни, скажем, такой высокопрофессиональный, хотя и узкопрофилированный, венгерский (стопроцентно международный по составу авторов) журнал *Shaman*.

Впрочем, пока администраторы от науки вынуждают ученых «играть» по каким-то своим правилам, приходится принимать во внимание и этот критерий оценки. И в случае с российскими журналами картина оказывается удручающей. Из действительно профессиональных качественных российских антропологических журналов (и журналов, в которых антропологи могут публиковать свои работы) в базе Scopus числятся лишь «Этнографическое обозрение» (с 2011 г.), «Вопросы языкознания» (с 2010 г.), «Урало-алтайские исследования» (с 2013 г.), «Вестник Российской Академии наук»¹⁵ (с 2006 г.)... Можно, наверное, назвать еще 2–3 журнала, но единственным пока индексируемым SCImago российским журналом, причем именно в категории «антропология», является выходящий на английском языке журнал “Social Evolution and History”. По итогам рейтинга 2013 г. (SJR-2013) этот журнал входит в четвертую квартиль, занимая 247-е место из 255 лучших антропологических журналов мира¹⁶. Из первых же 63 антропологических журналов (первая квартиль) 34 составляют журналы из США, 21 – Великобритании, 2 – нидерландские журналы, и по одному журналу из Австралии, Португалии, ЮАР, Франции, Германии и Италии.

Обидная для нас, но в целом справедливая картина. Как быстро нам удастся ее изменить, сказать сложно¹⁷. Важнее, на мой взгляд, начать формировать международные редколлегии и бороться за максимально широкое представительство авторов с использованием такой признанной системы рецензирования поступающих в журнал статей и материалов, как двойное анонимное рецензирование (double blind peer review), и тогда признание – в том числе в виде включения в лучшие международные базы и системы индексирования – обязательно придет.

Заключительные ремарки

Получившаяся картина выглядит, пожалуй, не очень радостно. Но, думаю, порой нужен именно такой взгляд, может быть, даже с некоторым сгущением красок, чтобы четче представить себе масштабность предстоящей работы. В том же, что эта работа выполнима, у меня нет никаких сомнений.

Примечания

- ¹ В основу доклада положены тезисы выступления на сессии Отделения историко-филологических наук 16 декабря 2014 г.
- ² См., например: *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // *Этнографическое обозрение*. 1992. № 1. С. 5–20; *Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее? // *Этнографическое обозрение*. 1992. № 4. С. 3–17; *Марков Г.Е.* О бедной науке замолвим слово // *Этнографическое обозрение*. 1992. № 5. С. 3–7; *Шнирельман В.А.* Наука в условиях тоталитаризма // *Этнографическое обозрение*. 1992. № 5. С. 7–18; *Кон И.С.* Несвоевременные размышления на актуальные темы // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 1. С. 3–8; *Арутюнов С.А.* Преодоление какого кризиса? // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 1. С. 8–14; *Соколовский С.В.* Этнографические исследования: идеал и действительность // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 2. С. 3–13; № 3. С. 3–14.
- ³ См., например: *Семенов Ю.И.* Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 2. С. 3–17; *Басилов В.Н.* Традиции отечественной этнографии // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 2; *Карлов В.В.* Этнонациональная рефлексия и предмет этнологии (к проблеме самосознания науки) // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 4. С. 3–21.
- ⁴ См., например, великолепную подборку статей «Дисциплина и общество: национальные традиции» под редакцией А.Л. Елфимова (*Этнографическое обозрение*. 2005. № 2. С. 4–101) и коллективный труд: *Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: Сб. статей / ред. и сост. А.Л. Елфимов. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 208 с.*
- ⁵ Например: *Соколовский С.В.* Четверть века российской антропологии: 1975–2000 // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 2003. Вып. 9. С. 136–159; его же.* Российская антропология: иллюзия благополучия // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2009. № 1. С. 45–64; *его же.* В цейтноте: заметки о состоянии российской антропологии // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2011. № 2. С. 70–89; *Тишков В.А.* Горизонты российской этнологии. К 70-летию Института этнологии и антропологии РАН // *Новая и новейшая история*. 2002. № 5. С. 3–18; *Тишков В.А., Пивнева Е.А.* Этнологические и антропологические исследования в российской академической науке // *Новая и новейшая история*. 2010. № 2. С. 3–21; *Функ Д.А.* Обсуждение перспектив развития кафедры этнологии МГУ // *Исторический журнал: научные исследования*. 2014. № 1. С. 93–102.
- ⁶ В мае 2015 г. был принят новый федеральный стандарт подготовки магистров по этому направлению, ФГОС 3+.
- ⁷ В ТГУ эта программа подготовлена в рамках реализации проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», выполняемого на средства гранта Правительства РФ № 14.B25.31.0009.
- ⁸ См. также подробный критический анализ современных российских вузовских учебников этнологии/антропологии: *Артемова О.Ю.* Десять лет «первобытности» в постсоветской России: анализ некоторых, преимущественно учебно-методических, публикаций // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 2. С. 139–156.
- ⁹ *Барнард А.* Социальная антропология: исследуя социальную жизнь людей. М.: ИЭА РАН, 2009.
- ¹⁰ *Эриксен Т.Х.* Что такое антропология? М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.
- ¹¹ См. подробную рецензию на недавнюю оксфордскую хрестоматию “The Urban Ethnography Reader” (*Трубина Е.Г.* Рец. на кн.: Duneier Mitchell, Kasinitz Philip and Alexandra K. Murphy (eds.) The Urban Ethnography Reader. Oxford Univ. Press, 2014. // *Сибирские исторические исследования*. 2014. № 2. С. 126–133).
- ¹² Справка была любезно предоставлена сотрудниками библиотеки Института социальной антропологии в январе 2014 г.
- ¹³ С 2014 г. указание на число публикаций в журналах, учитываемых базой ERIH PLUS, наряду с публикациями в изданиях, учитываемых Web of Science и Scopus, стало официальным требованием при заполнении формы участника проекта в Российском гуманитарном научном фонде.

¹⁴ European Reference Index for the Humanities and Social Sciences.

¹⁵ Журнал также индексируется Science Citation Index Expanded.

¹⁶ См.: <http://www.scimagojr.com>.

¹⁷ См. также недавнее обсуждение проекта включения 1000 лучших научных журналов на русском языке во «вторую лигу» Web of Science в Информационном бюллетене НИУ ВШЭ «Окна академического роста» (https://www.hse.ru/data/2014/12/24/1104092949/okna_95.pdf).

Чистов Юрий Кириллович – д.и.н., директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

КОСТЮМ НАРОДОВ РОССИИ В КОЛЛЕКЦИЯХ КУНСТКАМЕРЫ XVIII ВЕКА

Предметы, характеризующие традиционную культуру народов мира, появились в Кунсткамере вместе с первыми приобретенными Петром I в Европе коллекциями. Так, в 1716 г. в Копенгагене, в Кунсткамере, созданной Фредериком III, Петр I увидел «русские лапти; пожелал, как бы в замену оных, иметь тамошних мужиков обувь, и ему поднесли деревянные коты¹, употребляемые их лопарями, которые с упомянутым окаменелым хлебом Его Величество по возвращении своем в Санкт-Петербург внес в свою Кунст-Камеру»².

В конце XVII – начале XVIII века, когда Петр стал заниматься созданием музея в Санкт-Петербурге, кабинеты артифициалей европейских коллекционеров пополнялись в основном экзотическими экспонатами из Китая, Ост- и Вест-Индии, которые собирались как «куриозитеты», а не с целью научного исследования. Такова была и часть коллекции А. Себы, купленная по указанию царя в 1717 г. в Амстердаме. Но Петр I был знаком и с другим отношением европейских коллекционеров и собирателей к традиционной культуре народов. Таким собирателем, коллекцию которого Петр хорошо знал, был амстердамский бургомистр, один из руководителей Ост-Индской компании, автор книги «Северная и Восточная Тартария» Николаас Витсен³. Часть собрания Витсена составляли предметы, полученные им из России, в том числе то, что мы сейчас назвали бы «этнографической» коллекцией. Присылать Витсену интересные его экспонаты из России мог и сам Петр. В «Северной и Восточной Тартарии» Витсен часто ссылается на свое собрание при описании того или иного народа.

В том числе в коллекции Н. Витсена был и каяк с сидящим в нем человеком (манекеном?) в одежде и с полным оснащением. Этот экспонат собрания Витсена изображен на гравюре «Северной и Восточной Тартарии» издания 1785 г.⁴ Похожий каяк с сидящим в нем «человеком» в костюме для морской охоты описан был и на первой экспозиции Кунсткамеры, временно располагавшейся в Кикиных палатах. Вот описание его одним из посетителей Кунсткамеры в 1720 г.: «Было там изображение (*effigies* – дословно «чучело» – Ю. Ч.) дикого человека, которого нашли неживым, с двумя лодками. На одной лодке были рыбы, копье и колчан со стрелами из морского тростника; тростники были суковаты, а копье широкое железное; где это ему сделали? Лука не было – вероятно, выпал, или ветер вырвал. На другой лодке сидел сам дикарь, и умер сидя. Платье его из странной пестро-желтой шкуры с рогами из еще более странной кожи. Сам он был малого роста»⁵. Этот один из первых экспонатов Кунсткамеры можно видеть на одном из рисунков, которые выполнялись в XVIII в. для предполагавшегося к изданию каталога музея.

Еще до учреждения Академии наук Петр приступил к выполнению своего плана по посылке научных экспедиций (позже они получили название академических экспедиций XVIII в.) в разные регионы России, в первую очередь, в Сибирь. Целью таких экспедиций было изучение географии и природы, полезных ископаемых и местного населения огромной страны; они привели ко многим географическим, научным, научно-техническим открытиям.

В 1718 г. в Петербург по приглашению Петра I и Р. Арескина, чтобы принять участие в создании Кунсткамеры и Академии, приезжает 33-летний выпускник университетов Йены и Галле доктор медицины Д.Г. Мессершмидт. Он оказался, по сути, первым молодым ученым, сделавшим нелегкий выбор в пользу научной карьеры в России. После встречи с Петром I в Петербурге Мессершмидт специальным указом посылается в первую в истории России научную экспедицию, формальная цель которой была сформулирована, прежде всего, в соответствии с интересами Медицинской канцелярии, к которой он был приписан: «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корений и семян и прочих статей в

лекарственные составы»⁶. Уже во время своего путешествия в Сибирь Мессершмидт расширил зону своих научных интересов и предположил составить коллекцию «всего того, что могло бы послужить к пополнению и украшению царской библиотеки и музея»⁷.

На местах, в административных центрах Сибири он с большим трудом привлек помощников, в основном из пленных и сосланных шведских офицеров (в том числе, Ф.И. Табберта фон Страленберга и, в качестве художника, 16-летнего сына ссыльного шведского офицера Карла Густава Шульмана). В путевой журнал, который вел Мессершмидт, вносились ценные сведения по этнографии – о расселении, внешнем облике, образе жизни, верованиях и обрядах, жилищах, одежде, хозяйственных занятиях татар, калмыков, бурят, монголов, ненцев, селькупов, хантов, эвенков и других сибирских народов. Эти записи сопровождались рисунками, автором которых, помимо Шульмана, был и сам Д.Г. Мессершмидт. Ему удалось собрать достаточно богатые этнографические коллекции, в том числе одежды народов Сибири и Поволжья, которые после его возвращения в Петербург были выставлены в Кунсткамере⁸. Но считается, что все эти экспонаты были утрачены, как и часть рукописей и рисунков, во время пожара в Кунсткамере в 1747 г. Сохранился⁹ поясной рисунок удмуртки в национальной одежде и высоком головном уборе «амкон», сделанный Мессершмидтом карандашом в 1726 г.¹⁰

Однако привезенные Д.Г. Мессершмидтом вещи еще не были в полном смысле слова «этнографической» коллекцией, так как приобретения этим собирателем предметов быта народов Сибири носили скорее случайный, чем целенаправленный и регулярный характер. Можно сказать, что первыми «научными» сборами этнографических предметов, в том числе традиционной повседневной и праздничной одежды народов Сибири, стала деятельность участников Академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743), прежде всего Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа, С.П. Крашенинникова. Академические профессора, посланные в экспедицию в Сибирь, были подготовлены к сбору научных коллекций. Миллер и Гмелин хорошо знали состав коллекций академического музея, в том числе привезенных из сибирской экспедиции Мессершмидтом, специально изучали имевшиеся к тому времени описания народов Российской империи.

Эта грандиозная экспедиция, абсолютно уникальная для истории не только российской, но и европейской науки XVIII в., продолжалась в общей сложности десять лет; в ней было задействовано семь отрядов, в работе которых, как считается, приняли участие до 800 человек, среди них академики, адъютанты Академии наук и студенты академического университета. Были разработаны программы и маршруты исследований, в том числе письменные инструкции для участников. В работе Академического отряда принимали участие специально подготовленные и проинструктированные «рисовальные мастера»: Иоганн Христиан Беркан (I.C. Berkhan), Иоганн Вильгельм Люрсениус (I. Lursenius), Иоганн Корнелиус Деккер (I.C. Decker).

Считается, что руководитель Академического отряда Второй Камчатской экспедиции двадцативосьмилетний академик Г.Ф. Миллер сам послужил автором¹¹ рассмотренной и одобренной на заседании Конференции Академии наук 5 апреля 1733 г. инструкции «О истории народов»¹². Эта программа исследований, состоящая из 11 параграфов, включала в себя, выражаясь современным языком, сбор сведений о географии расселения народов, об их этнической истории, о межэтнических браках, типах жилищ и поселений, традиционных верованиях и религиозных обрядах, домашних и брачных обычаях и обрядах, народной одежде и т.д. Инструкция предписывала: «Каждого народа и племени несколько человек обоего пола, которых свойства сего народа на глазах и на стане тела видны, вместе с употребительнейшею их одеждою тщательно списаны, также и несколько образцов одежды всякого рода в Санкт-Петербург привезены быть должны».

Всего четырьмя годами позже, в 1737 г., для отправлявшегося из Якутска в Охотск студента С.П. Крашенинникова И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер составили подробнейшую инструкцию уже из 89 пунктов¹³.

Более того, чуть позже (в 1738 г.) Миллер дополнил «этнографическую» часть инструкций, данных Крашенинникову, большим отдельным руководством, озаглавленным «Допросы при описании народов и их нравов и обычаев» с подробнейшим списком вопросов для собирания этнографических сведений о народах Камчатки¹⁴. В этом документе охватывается уже гораздо больший круг тем для описания «нравов и обычаев народов», материал для освещения которых должен был собирать С.П. Крашенинников.

Инструкцией Миллера и Гмелина в том числе предписывалось: «В Охотске и на Камчатке стараться тебе всячески о получении для отсылки в императорскую Кунсткамеру лучшего платья всяких иноземческих народов как мужского, так и женского, также и ребячьего, ежели, кроме величины, есть в чем какая отмена»¹⁵.

В октябре 1739 г. Миллер получил из Петербурга распоряжение, предписывающее ему возвращаться в Петербург, передав дела адъютанту Академии наук И. Фишеру. Для Фишера Миллер написал еще более

подробную инструкцию, озаглавленную им «Наставления в том, что следует принимать во внимание при описании народов, особенно сибирских»¹⁶.

Для оценки масштаба и значения этого документа, аналогов которого не было в истории европейской науки первой половины XVIII века, следует отметить, что эта инструкция состояла уже из 923 пунктов и четырех приложений: «О географических картах»; «О рисунках»; «О собирании различных вещей для Императорской Кунсткамеры»; «Словарь, по которому следует собирать языки и диалекты народов».

Пункты 72–94 этой инструкции посвящены описанию традиционной одежды. В том числе рекомендовалось изучать зимнюю и летнюю одежду каждого народа; описывать каждый предмет во всех подробностях; записывать, как называют каждую деталь; особо описывать церемониальную одежду замужних женщин, обращать внимание на различия в одежде мужчин, женщин, вдов, девушек, детей, какие украшения обычно нашиваются и навешиваются на одежду, особенно женскую; описывать оторочку одежды мехом, вышивку, предметы, которые подвешивают на пояс и т.п.

Инструкция «О рисунках» предписывала: «В первую очередь следует сделать рисунки мужчин и женщин каждого народа с их характерными чертами лица и в их обычной, простой и нарядной одежде, в действии или какой-то позе, которые типичны для этого народа». Инструкция «О собирании различных вещей для Императорской Кунсткамеры» рекомендовала приобретать и отсылать в музей «всевозможные одежды как мужские, так и женские всех народов».

И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер при отсылке собранных коллекций в Петербург сопровождали их реестрами. Прилагаемые к ящикам реестры включали их конкретные названия и указания на то, какому народу принадлежат вещи; сведения о месте приобретения вещей, о материале, из которого изготовлены экспонаты, технике изготовления, о функции предметов коллекции в бытовой культуре конкретного народа.

Например, 21 января 1741 г. из Тобольска были отправлены два ящика и один мешок «с платьем разных сибирских народов». К этой партии отправляемых вещей, полученных в Петербурге 16 апреля 1741 г., прилагался «Реестр иноземческому разным сибирских народов платью, которое посылается в Куншт камеру из Тобольска генваря [21] дня 1741 году в двух ящиках и в одной кожаной суме»¹⁷. Полностью документ был недавно опубликован в «Летописи Кунсткамеры»¹⁸, мы же приведем для примера лишь несколько описаний: «№ 1. Самоедская мужская верхняя шуба, гусь оленья, из Березова <...> № 34. Юкагирская мужская шапка, ровдужная, вышита волосом узорами собачьей черною опушкою, на затылке ремешки, с реки Колымы... № 66. Тунгусская верхняя парка мужская, шерстью вверх, по полам и по подолу вышита узорами, с пришитыми рукавицами, из Охотска». Всего в документе описано 108 предметов, и это только одна партия отправленных участниками экспедиции вещей.

Несомненно, в ходе этой экспедиции речь идет о сборе уже собственно научных этнографических коллекций, хотя сам термин «этнография» появился несколько позже. Миллер и другие участники Второй Камчатской экспедиции говорили об «истории народов» и «описательном народоведении».

Задача сбора научных коллекций была одним из краеугольных камней и в планах последующих научных экспедиций XVIII в., в ходе которых осуществлялась широкая программа изучения быта народов России, сформулированная, как было показано выше, в инструкциях участникам экспедиций. Это программа исследований, размах и сроки экспедиционных исследований, инструкции по сбору коллекций, документированию полевых материалов были абсолютно беспрецедентны в истории мировой науки. Они немало способствовали институционализации этнографии и смежных с ней дисциплин.

Таким образом, в музей, который еще долгие годы (официально до 1836 г.) продолжал называться «Кунст и натурал каморой», начиная со времени создания Санкт-Петербургской Академии наук и организации научных исследований на территории империи (в частности, проведения Великой Северной (2-ой Камчатской) экспедиции в 1733–1743 гг.), поступали многочисленные этнографические предметы, в том числе традиционной повседневной, промысловой и праздничной одежды народов России. Собранные академиком, их студентами и другими сотрудниками Академии наук в ходе выполнения программы научных исследований, они поступали в музей не только для экспонирования, но и для последующего научного изучения в Санкт-Петербурге.

Ко времени поступления массовых материалов от участников Второй Камчатской экспедиции коллекции в академическом музее были систематизированы, размещены по определенным залам и шкафам, описаны в готовящемся к изданию каталоге коллекций музея. Присылаемые и привезенные вещи поступали в Кунсткамеру и занимали там отведенное им место на галерее, обозначаемой в музейных документах

первой половины XVIII века как галерея «ВВ». Следует отметить, что такая музейная экспозиция, в которой все предметы были расположены в соответствии с существовавшей на тот период времени научной классификацией в естественных и гуманитарных науках, была, пожалуй, единственной в Европе.

Прежде чем перейти к описанию экспозиций этнографического собрания Кунсткамеры в первой половине XVIII века, следует отметить, что в истории академического музея был драматический рубеж, который негативным образом повлиял не только на его развитие, но и на формирование этнографической науки в Санкт-Петербургской Академии наук. Речь идет об уже упомянутом выше большом пожаре, произошедшем в здании Кунсткамеры ранним утром 5 декабря 1747 г. Начавшись в нижней обсерватории, пожар перекинулся в круглый зал башни, где стоял Готторпский глобус, а оттуда – на расположенную рядом галерею «ВВ» третьего этажа, где хранились и экспонировались художественные коллекции музея, в том числе и его этнографическое собрание. Несмотря на усилия служителей Кунсткамеры, многие экспонаты (прежде всего, вещи из ткани, кожи, меха) были уничтожены огнем.

Мы располагаем достаточно точными данными о том, где и в каком порядке были выставлены коллекции, в том числе «этнографическое» собрание. Источниками для документальной реконструкции являются гравюры с изображениями и чертежами залов Кунсткамеры¹⁹, первый каталог академического музея «*Musei imperialis Petropolitane vol. 1–2*» (далее – МПР), изданный на латинском языке в 1741–1745 гг. и включавший том, посвященный «артифициалиям»²⁰, а также так называемый «Нарисованный музей»²¹, т.е. архивное собрание рисунков ранних экспонатов Кунсткамеры. Все эти источники дополняют друг друга и для реконструкции коллекций Кунсткамеры их необходимо рассматривать в единстве.

Для раскрытия темы доклада важна следующая особенность МПР: он составлен как топографический каталог, то есть описывает экспонаты в том порядке, как они располагались в музее, – по залам, а внутри залов – по шкафам. Собрание предметов, которое мы условно, но не безосновательно называем этнографической коллекцией Кунсткамеры, располагалось в 11 шкафах на галерее западного крыла здания, которая отмечена на гравюре V «Палат Санктпетербургской императорской Академии наук...» буквами ВВ.

Еще один бесценный источник по составу коллекций Кунсткамеры в первой половине XVIII века – это уже упоминавшиеся выше акварельные рисунки, созданные в 1730–1760-е годы художниками и учениками Рисовальной палаты Академии с предметов, хранившихся в коллекциях Кунсткамеры.

Наиболее интенсивное зарисовывание предметов Кунсткамеры велось в 1730-е годы и для хранения рисунков в конце 1730-х годов были изготовлены специальные коробки-футляры. К 1741 г., времени публикации МПР, в Кунсткамере было 58 томов с рисунками. Интересующих нас «этнографических» рисунков с изображением предметов, поступивших в Кунсткамеру из экспедиций, к 1741 г., по данным рукописного каталога, было 141 (сохранилось 124).

Сохранившиеся рисунки этнографической коллекции имеют большое научное значение, поскольку на них представлены самые ранние изображения предметов одежды и быта народов Сибири и Поволжья. Значение этих рисунков велико еще и потому, что сами предметы из первых этнографических коллекций Кунсткамеры не сохранились: как было уже сказано, они сгорели в 1747 г.

Но «нарисованный музей» имеет еще одну особенность, которая позволяет использовать этот корпус рисунков в реконструкции экспозиций Кунсткамеры до 1747 г.: на листах с изображениями предметов даны ссылки на страницу описания их в МПР и номер шкафа, в которых они хранились. Таким образом, используя чертежи и описания к ним в «Палатах», каталог МПР с экспедиционными реестрами и «нарисованный музей», мы имеем возможность документально восстановить экспозицию этнографического собрания Кунсткамеры на период до пожара 1747 г.

Выше уже упоминалось, что эти интересующие нас коллекции были выставлены в Кунсткамере в 11 шкафах (с 9-ого по 19-ый на плане галереи ВВ). В «Толковании литер и чисел» издания «Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры...» 1744 г.²² они поименованы следующим образом:

Шафы 9–10	Платье Сибирских и других в России обретающихся народов
Шаф 11	Платье Китайское, Турецкое и проч.
Шафы 12–14	Шаманское платье, бубны и идолы язычных в России и Сибири народов
Шафы 15–17	Китайские и другие идолы, статуйки и подобные сему разной работы вещицы из дерева, камня и меди
Шафы 18–19	Всякие Азиатских народов сосуды, уборы и другие подобные вещи

Один из шкафов (Tab. V, № 9) вмещал одежду, обувь, головные уборы мужчин, женщин, детей; сумки, мешки, прежде всего, сибирских народов (в терминологии того времени – самоедов, тунгусов, остяков, камчадалов и т.д.). В основном это были сборы Д.Г. Мессершмидта и участников Второй Камчатской экспедиции.

В шкафу, обозначенном номером 10 (Tab. V), была представлена одежда народов Поволжья – мордвы, татар, черемисов. Но и в этом шкафу не было строгого следования выбранному принципу. Возможно, это было связано с отсутствием достаточного места для хранения и показа предметов, а также желанием несколько разнообразить вид шкафа. В нем разместили, как это описано в каталоге MIP, украшения из перьев птиц индонезийского происхождения; колпаки дервиша, поваров турецкого султана.

Рядом стоял шкаф (№ 11 на чертеже) с «платьем китайским, турецким и проч.». Среди «прочего» были персидские туфли и перчатки, аргентинские туфли, башмаки «американские». Здесь же было представлено и то, что выставлялось скорее как некий курьез – например, туфли необычайного размера.

У другой стены, через проход с вышеописанными, стояли три шкафа (Tab. V, № 12–14), в которых были выставлены предметы, связанные с «язычными» верованиями народов России: «шаманское платье, бубны и идолы». В одном шкафу (№ 12) располагались шаманские кафтаны, головные уборы, уздечки и пояса. В другом (№ 13) – довольно большое собрание шаманских бубнов, но они соседствовали с вполне обычными кузовками и коробами.

Как уже было сказано, неразобранными по шкафам, но размещенными на галерее с этнографическим собранием оказались поступления от участников Второй камчатской экспедиции, присланные после 1741 г. Группировались они по народам, изучением которых занимались академические профессора. При этом собирались типичные для разных этносов предметы. Собиралось то, что необходимо «к описанию народов», как отметил в своем реестре С.П. Крашенинников²³. Составлялись коллекции: платье «самоецкое», «остяцкое», «якуцкое», «юкагирское», «ламуцкое», «коряцкое», «тунгусское»²⁴. Крашенинников посылал «камчатское платье»²⁵. Из архивных документов известно, что 28 апреля 1747 г. художник И.Х. Бергхан, в 1746 г. вернувшийся из Второй Камчатской экспедиции, получил задание «имеющееся на верхней галерее [здания Кунсткамеры] платье азиатских народов срисовать с колерами, и для того рисования дать ему от мастера Гриммеля глидерман»²⁶. Это были первые шаги к формированию идеи использования в экспозиции Кунсткамеры манекенов для демонстрации «платья азиатского»²⁷.

Гравюры, сделанные на основе экспедиционных зарисовок костюмов у народов Сибири, публиковались в книгах академиков Г.Ф. Миллера²⁸, С.П. Крашенинникова²⁹, а также в «Атласе», приложенном к шеститомному изданию (1773–1788) «Путешествие по разным провинциям Российского Государства» академика П.С. Палласа³⁰.

Особое место в истории отечественной науки занимают публикации академика И.Г. Георги, который в ходе своей четырехлетней экспедиции (1770–1774 гг.) объехал Поволжье, южное и среднее Приуралье, западную Сибирь, Алтай, Забайкалье. В 1774–1776 гг. он издал 13 выпусков альбома «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся»³¹, в которых было опубликовано 65 раскрашенных гравюр Х.М. Рота, выполненных по рисункам Георги и других участников академических экспедиций, а также по образцам традиционных народных костюмов, хранившихся в Кунсткамере. Затем, в 1776–1777 гг., Георги опубликовал свою знаменитую трехтомную книгу «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...», которую часто называют первой монографией по этнографии народов России³².

Практически одновременно с русским изданием это многотомное исследование вышло в 1776–1780 гг. на немецком и в 1776–1777 гг. на французском языках. Русское переиздание этой книги в 1799 г. уже было четырехтомным. Всего в этом издании было опубликовано 100 гравюр жителей Российской империи в традиционной повседневной, праздничной и промысловой одежде. Некоторые из костюмов были показаны в двух видах – спереди и сзади. Как подчеркивал в «Предуведомлении» к изданию 1799 г. И.Г. Георги, «показанные здесь изображения народов, обитающих в России, представляют их большей частью в обыкновенных их одеяниях и лицечертаниях, елико можно было ближе к естественным или природным каждому из них. Вырезаны оные Санкт-Петербургскими резчиками: Ротом, Шлеппером и другими, частию с находящихся рисунков и фигур при Императорской Санкт-Петербургской Академии наук в Кунсткамере, а частию с живых подлинников»³³. В этой цитате содержится чрезвычайно важное указание на то, что авторы рисунков и гравюры стремились передать с максимальной точностью не только детали одежды, но и антропологический облик различных народов России.

Выше уже говорилось, что упоминания о манекенах (иногда называемых фигурами или немецким словом «глидерман») появляются в документах по истории Кунсткамеры очень рано. Может быть, в том или ином виде манекены присутствовали в самых ранних экспозициях музея, начиная с Кикиных палат.

Известно, что второго января 1780 г. архитектор М. Павлов подал в Академическую комиссию рапорт о том, что директор Академии наук С.Г. Домашнев приказал ему «сделать в Кунсткамеру для разного курioзного платья азиатского несколько манекенов с натуральными к тому платью лицами и прочему прибору, чтоб составляло для великолепия кунсткамеры, которые будут поставлены по приличным местам в башне»³⁴.

Манекены изготавливались из холста и войлока, имели стеклянные глаза, на голове волосы, а лица и руки их были отлиты из воска. Фигуры шамана и шаманки были вырезаны из дерева³⁵. В коллекции № 1027 нашего музея и поныне хранятся три восковые головы и фрагменты кисти руки, которые, очевидно, сохранились от этих манекенов.

Из путеводителя по Кунсткамере, составленного О.П. Беляевым и опубликованного в 1800 г.³⁶, мы узнаем, что в Кунсткамере к рубежу XIX в. не только существовала обширная этнографическая экспозиция, но и были накоплены научные сведения по культуре народов России и ряда соседних стран, которые позволили автору, по сути, написать первую в истории российской науки популярную историю народов и их обычаев. Основная же часть экспозиции строилась вокруг десяти манекенов – «статуй», как их называет О.П. Беляев, восемь из которых были из воска, а две – деревянные. Это были «восковая статуя, представляющая чиновного Китайца [мандарина]», «восковая статуя Китайской женщины посредственного состояния», «восковая статуя Алеутской женщины», «восковая статуя Остяка», «восковая статуя Семояда», «восковая статуя Киргизца», «восковая статуя Тунгусской женщины», «деревянная статуя, представляющая Сибирского шамана в природном его одеянии и убранстве», «деревянная статуя Шаманки в собственном ее убранстве», «восковая статуя, представляющая Японца посредственного состояния».

Помимо огромного количества сведений об этнографии выше упомянутых народов (включающих, кроме описания их одежды, множество данных о национальных особенностях их характера, антропологическом облике, быте, занятиях, домашней утвари, «нравах и образе жизни»), Беляев приводит описание разделов экспозиции, в которых были выставлены одежда и другие экспонаты, относящиеся к мордве, красноярским татарам, якутам, бурятам, ламутам, курильцам, чукчам, а также предметы одежды и быта «народов к Америке простирающихся».

В 1836 г. при разделе Кунсткамеры на ряд самостоятельных музеев был создан Этнографический музей, самый старый из этнографических музеев мира, а в 1879 г. музей был реформирован и получил название Музей антропологии и этнографии. В нашем музее и сегодня не только бережно хранятся уникальные коллекции, начало которым было положено российскими учеными XVIII века, но и сохраняется множество «академических» традиций, включая широкое использование в залах музеев манекенов, представляющих традиционную одежду народов мира.

Примечания

- ¹ *Кóты* (народно-разговорный) – род тёплой обуви, преимущественно женской.
- ² *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Т. V. С. 203–204.
- ³ *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye, ofte, Bondigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest: beneffens vescheide tot noch toe onbekende, en meest noit voorheen beschreve Tartersche en nabuerige gewesten, lantstreken, steden, rivieren, en plaetzen, in de noorder en oosterlykste gedeelten van Asia en Europa, zo buiten en binnen de rivieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische-Ooster, en Swarte Zee gelegen; gelyk de lantschappen Niuche, Dauria, Jesso, Moegalia, Kalmakkia, Tangut, Usbek, Noorder Persie, Georgia, Circassia, Crim, Altin, enz. mitsgaders Tingoesia, Siberia, Samojedia, en andere aan Hare Zaerze Majesteiten Kroon gehoorende heerschappyyen : met der zelve lant-kaerten : zedert nauwkeurigh onderzoek van veele jaren, en eigen ondervindinge beschreven, getekent, en in 't licht gegeven. Amsterdam, 1692. 2-е изд. Amsterdam, 1705. Русский перевод: *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария / Пер с гол. В.Г. Трисман, ред. Н.П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам, 2010. Т. 1–3.
- ⁴ В издании «Северной и Восточной Тартарии» 1785 г. есть гравюры, обозначенные литерами, которые отсутствуют в предыдущих изданиях 1692 и 1705 гг. Исследователи предполагают, что эти гравюры были выполнены с предметов из коллекции Н. Витсена.
- ⁵ Краткое описание города Петербурга и совершившегося в нем в 1720 году (Записки поляка-очевидца) // Русская

- старина. 1879. Т. 25. С. 263–290. См. также: Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1991. С. 144.
- ⁶ СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. № 32. Л. 1.
- ⁷ СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Л. 102–108.
- ⁸ Салмин А.К., Терюков А.И. Первая музейная коллекция одежды народов Волго-Камья в Кунсткамере Санкт-Петербургской Академии наук // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2010. Вып. 3. С. 42–51.
- ⁹ СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 122.
- ¹⁰ Напольских В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726 г. Ижевск, 2001.
- ¹¹ Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 60.
- ¹² [Миллер Г.Ф.] Инструкция, данная Академией Г.Ф. Миллеру при отправлении в Сибирское путешествие «О истории народов» // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 460–461.
- ¹³ РГАДА. Ф. 199. Портф. 527. Д. 7. Л. 1–19.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 199. Портф. 509. Д. 10. Л. 1–16 об.
- ¹⁵ Пункт 79. РГАДА. Ф. 199. Портф. 527. Д. 7. Л. 1–19; Цит. по: Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. Вып. III. (Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. LXIV). М.; Л., 1961. С. 197.
- ¹⁶ Инструкция опубликована на немецком языке Ф.В. Руссовым [Russow 1900: 37–99].
- ¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 841. Л. 27–32 об., 40.
- ¹⁸ Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 // Авт.-сост.: М.Ф. Хартанович, М.В. Хартанович; отв. ред.: Н.П. Копанева, Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 557–561.
- ¹⁹ Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей сочиненное для охотников оныя вещи смотреть желающих. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1741; 2-е изд. 1744.
- ²⁰ Musei Imperialis Petropolitani, vol. 2, pars 1. Qua continentur Res Artificiales. Typis Academiae scientiarum Petropolitanae. SPb., 1741. 212 p.; Копанева Н.П. Описание собрания рисунков предметов Кунсткамеры в каталоге «Musei Imperialis Petropolitani... Vol. 1–2. [СПб.], Typis Academiae scientiarum Petropolitanae. 1741–1745» [Приложение 2] / «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. СПб., 2004а. Т. 2. С. 160–161.
- ²¹ «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760 гг. / Ред. Р. Кистемакер, Н.П. Копанева, Д. Мейерс, Г.В. Вилинбахов. Т. 1. СПб., 2003; Т. 2. СПб., 2004; The Paper Museum of the Academy of Sciences in St Petersburg c. 1725–1760 Introduction and Interpretation / Eds: R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers, G.V. Vilinbakhov. Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, Amsterdam 2005.
- ²² Палаты... 1744. С. 17–18.
- ²³ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 841. Л. 127.
- ²⁴ Там же. Л. 33–39.
- ²⁵ Там же. Л. 127–127 об.
- ²⁶ Глидерман (нем. Glidermann). Манекен в виде человеческой фигуры, служащий моделью при рисовании, лепке [См.: Словарь русского языка XVIII века]. См.: Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. 8 (1746–1747). С. 441.
- ²⁷ Хартанович М.В. Манекены Кунсткамеры Петербургской Академии наук конца XVIII в. // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 116–122.
- ²⁸ Восемь рисунков женских костюмов, сделанных художниками Люрсениусом и Берканом еще в 1733 г., были опубликованы во втором издании книги: Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791.
- ²⁹ Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. Т. 1–2. СПб., 1755.
- ³⁰ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Атлас. СПб., 1788. 111 с.
- ³¹ Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся [№ 1–13]. СПб., 1774–1776.
- ³² Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Переведено с немецкого. Изданием книгопродавца К.В. Миллера. Ч. 1–3. СПб., 1776–1777.
- ³³ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнение, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Творение, за несколько лет пред сим, на немецком языке, Иоганна Готтлиба Георги, в переводе на российский язык весьма во многом исправленное и вновь сочиненное. В 4-х частях. СПб. При императорской Академии наук, 1799. Ч. 1. С. XV.
- ³⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 30. Л. 29–30.

³⁵ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. № 146. Л. 1, 2 и об.; Ф. 3. Оп. 8. № 42. Л. 28, 31 и др.

³⁶ *Беляев Осип Петрович*. Кабинет Петра Великого. Отд. 2: Отделение второе, содержащее в себе подробное историческое описание всех вообще достопамятных как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере Санктпетербургской Императорской Академии наук сохраняющихся, с присовокуплением многих таблиц и разных любопытных анекдотов. СПб., 1800.

СИМПОЗИУМЫ

Симпозиум 1 Мониторинг межэтнических отношений

Секция 1А ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ. ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Губогло Михаил Николаевич – д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: guboglo@yandex.ru

Жигунова Марина Александровна – к.и.н., доцент, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН (Омск)

E-mail: marizh.omsk@rambler.ru

АККИЕВА Светлана Исмаиловна

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
(Нальчик), asisma@yandex.ru*

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДВУЯЗЫЧИЕ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Язык выступает как одна из важнейших составляющих этнической культуры и этнической идентичности, выполняет этноконсолидирующую роль в условиях трансформации и глобализации. В полиэтничной Кабардино-Балкарии, где на протяжении длительного времени проживают народы трех языковых групп – славянской, адыго-абхазской и тюркской, русский язык выступил языком-посредником. А к 70-м годам XX в. национально-русское двуязычие стало широко распространенным явлением. Развитие массового национально-русского двуязычия привело к некоторому сужению общественных функций родных языков. В конце XX в. в республике был принят ряд законодательных актов, направленных на повышение функций родных языков. В 1995 г. все три языка были наделены статусом государственного языка. За прошедший период времени стало ясно, что реализация некоторых положений закона, касающихся использования, реального функционирования кабардинского и балкарского языков как государственных в официально-деловых документах, в научном стиле оказалась недостижимой, и эти языки не дотягивают до уровня русского. Но в тех сферах, в которых они востребованы: духовной, образовательной, СМИ – все три языка – кабардинский, балкарский и русский – могут сосуществовать как государственные. Материалы переписей 1989, 2002 и 2010 гг. показывают возрастание числа кабардинцев и балкарцев, признающих родным языком язык русский (в основном) или другой язык. Данные социологических исследований, проведенных автором и его коллегами, показывают, что язык остается важным маркером этнической идентичности.

АКСЮМОВ Борис Владимирович

*Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь),
aksbor@mail.ru*

О НЕОБХОДИМОСТИ ИНТЕГРИРУЮЩЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Потребность современной России в мощной интегрирующей идентичности становится все более очевидной. Конкуренция гражданской и этноконфессиональной идентичностей превращает этнокультурное разнообразие страны из фактора развития и модернизации в фактор конфликтности. В условиях социокультурного раскола мобилизация этноконфессиональной идентичности становится угрозой для сохранения целостности российского государства и общества. Неуклонный рост количества межнациональных и межкультурных конфликтов заставляет усомниться в целесообразности продолжения политики мультикультурализма. Не случайно в последнее время ведущие российские политики все чаще обращаются к идее образования единого цивилизационного пространства России на основе русской культурной доминанты, а в общественном и научном дискурсе активизировались поиски сильных интегрирующих идентичностей. В этой связи чаще всего речь идет о цивилизационной идентичности, основанной не на формальной гражданской принадлежности к существующему в данный момент государству, а на аксиологической причастности к тысячелетней истории российской цивилизации. Успешное формирование цивилизационной интегрирующей идентичности необходимо сегодня не только в целях гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений внутри России, но и для обеспечения адекватного позиционирования российской цивилизации на международной арене, в условиях санкций и резкого обострения геополитической напряженности. Консолидация российского социума на волне воссоединения с Крымом показала, насколько важной является задача восстановления утраченного с распадом СССР культурно-цивилизационного пространства России.

Решение этой исторической задачи во многом зависит от эффективности процесса формирования мощной интегрирующей идентичности России образца XXI в.

АЛЕКСЕЕНКО Светлана Сергеевна

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева,
Уфимского ИЦ РАН (Уфа), afortinias@mail.ru*

АБРАМОВА Светлана Радиковна

*Башкирский государственный университет (Уфа),
abramovascv@mail.ru*

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ (на примере Республики Башкортостан)

Для молодежи, родившейся после распада Советского Союза, осознание чувства общности, или же принадлежности к государственному образованию, значительно отличается. Видимо, это объясняется тем, что молодежь, менталитет и этнополитические представления которой формировались в период трансформации российского общества, совсем иначе воспринимает эти воздействия. Если, с одной стороны, на нее влияли общероссийские ценности и представления, то, с другой, в период суверенизации республик приоритеты были акцентированы на национально-региональную составляющую. Как показывают данные опроса, большинство русской (69,2%), одна треть башкирской и немногим менее половины (45,3%) татарской молодежи признали своей родиной только Россию. Региональная идентичность среди русской молодежи оказалась относительно невысокой. Лишь 18% опрошенных русских отметили, что для них родиной является Башкортостан, тогда как этот показатель у титульной молодежи составил 59,2%. В контексте общегражданской идентичности интересными выглядят показатели отношения молодежи к государственным символам. Так на вопрос: «Если бы у Вас был выбор, какой флаг Вы предпочли бы в качестве государственного флага России?» немногим более половины молодежи башкирской (56,5%), татарской (57,5%), абсолютное большинство русской (69,1%) и представителей других национальностей (64,1%) отметили, что они отдадут предпочтение бело-сине-красному флагу нынешней России. Иными словами, российская идентичность современной молодежи также ярко проявляется и в отношении к государственным символам Российской Федерации.

АНАЙБАН Зоя Васильевна

Институт востоковедения РАН (Москва), anayban@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (по результатам этносоциологических исследований в Туве)

Как известно, отмечаемая актуализация этнической идентификации в постсоветский трансформационный период, когда в ряду групповых идентичностей этническая идентичность выступила как наиболее важная составляющая, была обусловлена тем, что в это время именно она стала для многих опорой и психологической поддержкой, заменив утраченную прежнюю государственную идентич-

ность. По результатам наших исследований, проведенных в последние годы среди населения Республики Тыва, местная молодежь, независимо от этнической принадлежности, в числе наиболее значимых для них идентичностей по-прежнему называет этническую. При этом молодежь республики убеждена, что главным объединяющим фактором является язык. Далее иерархия идентичностей тувинской и русской молодежи заметно отличается. Если в числе важных представители титульной национальности считают родовую и региональную идентичность, то русская молодежь соответственно – российскую и религиозную. Кроме того, тувинскую молодежь объединяет с представителями своей национальности земля, традиции и обычаи. Социально-экономическая идентичность, по мнению и тех, и других, наименее важна. По данным исследования, опрошенные нами молодые люди ответили, что одинаково относятся к людям любой национальности и испытывают симпатию. Численность тех, кто относится к людям другой национальности настороженно, составила в основных этнических группах республики – тувинцах и русских – незначительную долю. Важно отметить, что подавляющее большинство как тувинской, так и русской молодежи назвали межнациональные отношения в Туве хорошими и нормальными.

БАЙБУРИН Альберт Кашфуллович

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), abaiburin@yandex.ru

ПРАКТИКИ (САМО)ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В 1930-е ГОДЫ

После запрета на указание вероисповедания в официальных документах (Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г.), все чаще в них стала появляться графа «национальность» или «народность». Никаких требований по заполнению этой графы не существовало, и заполнялась она со слов граждан, получавших тот или иной документ. Введение паспортов в 1932 г. не изменило принцип самоопределения национальной принадлежности. Так продолжалось до 1938 г., когда Циркуляром НКВД СССР № 65 от 2 апреля был введен новый порядок указания национальности, обязывающий «при записи национальности владельца паспорта исходить исключительно из национальности по рождению (по родителям)». Появление этой инструкции было связано с так называемой «польской операцией», направленной на выявление польских шпионов, диверсантов и вредителей, которые могли записаться белорусами, украинцами, русскими. Вскоре такие подозрения были распространены на немцев, греков и представителей других «инонациональностей». Поскольку сотрудники НКВД определяли национальность, как правило, по именам и фамилиям, круг подозреваемых в сокрытии «истинной» национальности был очень широк. В Госархиве РФ сохранились письма в Верховный Совет, авторы которых пытались доказать, что их национальность указана в паспортах неверно, и они принадлежат к другим национальностям. Эти письма представляют несомненный интерес как образцы самоопределения национальной принадлежности. Доклад посвящен анализу аргументов, к которым прибегали авторы писем для доказательства своей «правильной» национальности.

БЕЛЬГИБАЕВ Ержан Адильбекович

Алтайский государственный университет (Барнаул)

НИКОЛАЕВ Василий Владимирович

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
nikolaevvv06@mail.ru*

СОВРЕМЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ФОРМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ КУМАНДИНЦЕВ, ТУБАЛАРОВ И ЧЕЛКАНЦЕВ*

Рост национального самосознания, возрождение интереса к собственной культуре в начале 1990-х годов вкупе с изменениями в административно-территориальном делении региона способствовали актуализации таких самоназваний коренных малочисленных народов Алтая, как кумандинцы, тубалары, челканцы. Причина распространения данных этнонимов кроется не только в росте национального самосознания, но и в административных мерах, выразившихся в принятии «Официального единого перечня коренных малочисленных народов России» и предоставлении им государственных дотаций. Вытесненные на второй план этнонимы «алтаец» и «татарин» сохраняют свою сферу бытования. Наименование «татарин» перешло на бытовой уровень и приобретает ярко выраженный негативный характер. Этноним «алтаец» сохраняет свою устойчивость среди старшего поколения автохтонного населения Республики Алтай. Формы самоопределения коренных малочисленных народов Алтая корректируются под воздействием внешних факторов в контексте этносоциальных и этнополитических процессов. Актуализация межэтнического противостояния определяет современную ситуацию в Республике Алтай. В настоящее время для кумандинцев, тубаларов, челканцев характерны административные и общественные формы самоорганизации. Фиксируется заимствование интеллектуальной элитой североалтайских народов основных методов самоутверждения у южных алтайцев. Среди них: возрождение традиции проведения праздников или их конструирование на квазиэтнической основе, конструирование этнической истории.

БЕЛЯЕВА Людмила Александровна

САМКОВА Валентина Александровна

*Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург), belyaeva@uspu.ru*

СОЦИАЛЬНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Социально-синергетический подход позволяет рассматривать этнокультурную идентификацию как способ духовной самоорганизации индивида и общества, как стохастический, нелинейный процесс трансляции культурных ценностей. Ситуацию кризиса социальной, индивидуальной, культурной идентичности можно определить как бифуркационное состояние, которое определяет необходимость выбора объектов культурной идентификации, выполняющих функцию социальных аттракторов. При этом существует возможность как подлинного культурного наследования, так

* Работа выполнена по проекту РФФИ № 13-06-00821 А «Оценка человеческого потенциала и социальной мобильности коренных народов Западной Сибири в контексте модернизационных процессов (XX – начало XXI вв.)».

и неподлинного, обусловленного объектами антикультуры или чужеродного заимствования.

Социально-синергетический подход к процессу этнокультурной идентификации позволяет нам выявить особую роль этнокультурных традиций как аттракторов социального наследования. Каждый этнос обладает не только собственным видением своей модели подлинной культурной идентичности, но при этом этнокультура выступает геномом, носителем наследственности, позволяющим кодировать и сохранять эту модель. Подчеркивая роль этнокультурных традиций как аттракторов социального наследования, можно выделить два их уровня – макроуровень и микроуровень, которые хорошо репрезентируются с помощью модели «айсберга».

Несмотря на необратимые процессы глобализации, национальное начало, национальное основание культуры и традиций не утрачивают свое значение для конструирования коллективных и индивидуальных идентичностей. При недостатке традиционных объектов идентификации, человек ищет новые виды идентичности, которые могут быть представлены различными объектами массовой культуры, практицизма, маргинальной культуры, в ущерб духовности. По той же причине сегодня получают развитие многие культуры, характер которых не только религиозный, но и политический, экономический, социальный.

БЕРКОВИЧ Наум Арьевич

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики (Санкт-Петербург), naum_berkovich@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОСОЦИУМА

Российский этносоциум как целостный полиэтнический организм, имеет несомненное сходство с многонациональной нацией – многонациональным народом Российской Федерации, поскольку они в своем становлении и развитии позиционируются как длительный, на десятилетия сменяемых поколений, процесс раскрытия потенциала консолидации и утверждения общероссийской гражданской идентичности.

Этот процесс амбивалентен по динамизму и метаморфозам развития. Он актуализирует, среди прочих, доминирующую проблему: каким образом суметь преодолеть заметные различия между народами по степени их включенности в общероссийскую консолидацию, сохранение и модернизацию цивилизационного ядра, как условия их интеграции в российскую этнокультурную целостность. При этом этническая идентичность способна демонстрировать и воспроизводить деструктивные формы своей принадлежности, отражая деформированное этническое самосознание, его ментальную «вывихнутость». В перечне этих форм маргинальная, мифологизированная, архаическая, территориально-местная и земляческая, психически акцентируемая, идеологизированная, фундаменталистская и т.п. негативные идентичности.

В противоречивых, предопределенных растущими социально-экономическими диспропорциями кризисных состояниях российского, фактически евразийского, этносоциума, мобилизационный этнокультурный потенциал народов в действительности оказывается невостребованным в

должной мере. Тем самым очевидно, что нет аргументированных оснований говорить о приоритете общероссийского самосознания и гражданской идентичности над этнической принадлежностью.

ВАСИЛЬЧЕНКО Валерий Александрович

*Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь),
peskiganga@mail.ru*

ЭТАТИСТСКОЕ, ДУХОВНОЕ И ПРАВОВОЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН

Многочисленные социологические исследования показывают, что идентификация себя в качестве гражданина России является для россиян одной из наиболее значимых. Этот факт позволяет предполагать, что общероссийская гражданская идентичность сформирована у значительного числа россиян и что проводившуюся в постсоветский период социокультурную политику по формированию общероссийской гражданской идентичности до известной степени можно считать успешной. В то же время в сознании россиян маркерами гражданской идентичности выступают в первую очередь этатистские и духовные компоненты, выражающиеся в ощущении духовного единения или исторической связи с Россией как государством или российским народом. Понимание гражданства в качестве политико-правового института, регулирующего отношения с государством через признание и гарантии прав и свобод человека, является для россиян менее важным. Таким образом, идентичность россиян складывается вокруг смыслов, обеспечивающих лояльность к власти. Такой тип идентичности нельзя в полной мере считать гражданским, то есть отражающим правовую связь лица с государством.

ГРИГОРЬЕВА Регина Антоновна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), grigorieva_r@mail.ru*

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: МИГРАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Особенность Калининградской области (самого западного российского региона, российского анклава) заключается в том, что население области формировалось в основном за счет переселенцев из разных регионов бывшего СССР в послевоенное время. Вплоть до 1990-х годов национальный состав оставался относительно стабильным, преобладали русские, белорусы, украинцы. В 1990–2000-е годы за счет миграций из Казахстана, Средней Азии, а также из Сибири, численность немцев увеличилась в 6 раз и составила 8,3 тысячи человек. Более ощутимым стало присутствие армян, азербайджанцев. Появились казахи, таджики, узбеки, чеченцы и другие народы.

К 2010 г. русская составляющая усилилась (доля русских возросла с 82% до 86%) и сократилась численность почти всех этнических общностей. Это связано не только с миграциями, но и с особенностями идентификации населения. Как показывают данные опросов школьников (2014 г.) в двенадцати городах области, чуть более 62% молодых людей отнесли себя только к русскому народу, а еще 30%

отнесли себя к нескольким народам, с участием русского компонента.

В результате опросов было выявлено довольно заметное размытие белорусской и украинской идентичностей, которые воспроизводятся менее 10% молодежи. Кроме этнической идентичности, молодые люди ассоциируют себя также с регионом проживания (46% обозначили себя «калининградцами») и страной проживания или гражданством (33% назвали себя россиянами), но эти идентичности большинство из них поставили на второе и третье место (после русской).

ГРОМОВА Алла Витальевна

*Московский городской педагогический университет (Москва),
gromovaav@mail.ru*

СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Первая «волна» эмиграции из России возникла после 1917 г. в результате революции и гражданской войны. Несмотря на гостеприимную политику многих европейских стран, приютивших тысячи беженцев, русские считали своей задачей сохранение родной культуры в изгнании. Они открывали русские школы, университеты, издательства, посещали русские православные церкви. Многие до конца жизни не овладели иностранными языками. Среди молодежи не поощрялись межэтнические браки. Даже когда не осталось надежд на возвращение в Россию и остро встала проблема адаптации, эмигранты отрицали возможность ассимиляции. Различные стратегии сохранения идентичности отразились и в художественной литературе эмиграции: в произведениях Н. Берберовой, А. Куприна, Б. Зайцева, Г. Газданова, В. Набокова. Большинство писателей стремились показать возможность выстроить свой «русский мир» внутри инокультурной среды, будь это крестьянская община в Провансе (Н. Берберова), «русский дом» в Париже (Б. Зайцев), пространство русской классической культуры (В. Набоков) или внутреннее духовное пространство личности (Г. Газданов). Одной из специфических стратегий сохранения русской идентичности стало приобщение к миру православных монастырей, находящихся на территории Европы. Эта тенденция породила целую литературу паломнических путешествий на Афон, Валаам и в Псково-Печерскую обитель (произведения Б. Зайцева, В. Маевского, И. Шмелева, Л. Зурова). Уникальная форма сохранения идентичности отражена в деятельности Л. Зурова, занимавшегося собиранием данных по русской этнографии на территории Латвии и Эстонии.

ГУБОГЛО Михаил Николаевич

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), guboglo@yandex.ru*

ДУВАЗЫЧИЕ – СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Беспрецедентные результаты референдумов в Гагаузии (02.02.2014) и в Крыму (16.03.2014) выявили серьезное отставание гуманитарного знания в деле изучения и осмысления особенностей языковой жизни, речевого поведения, а также энергетики этнорегиональной идентичности и по-

тенциальных возможностей корпуса младореформаторов в процессах самоопределения и современного нациестроительства.

Парад референдумов в европейских странах в 2014 г., в том числе стремление корсиканцев, басков, каталонцев и шотландцев к независимости, этнополитическая стабильность автономных образований в Гренландии и на Фарерских островах, опыт Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии служат убедительными и красноречивыми примерами значительной роли этнокультурного развития и принципов этнорегионализма в выборе моделей самоопределения.

Доктринальные идеи, программатика и практика движений к самоопределению основаны на стремлении малочисленных этнических или этнорегиональных меньшинств строить свои отношения с численно доминирующей нацией или с представителями столичной политической элиты на основе доверия и справедливости, равноправия и взаимной ответственности, а также на основе равного доступа к природным ресурсам и материальным благам нации.

ДАНЧЕНКО Евгений Михайлович

*Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Москва),
dantchen@rambler.ru*

ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО

Идентичность является проявлением внутренне присущего человеку стремления упорядочить представления о мире и определить свое место в нем через осознание своей принадлежности к различным сообществам: половозрастным, этническим, гендерным, расовым, субкультурным и т.п. Это помогает легче ориентироваться в многообразии человечества, создает ощущение защищенности в кругу «своих», а, значит, выполняет адаптивные функции.

Идентичность многолика, а ее составляющие могут проявляться явно или иметь скрытый характер. На протяжении жизни человек меняет возрастные, субкультурные, профессиональные, социально-политические, конфессиональные, территориальные группы. Этническое самосознание гораздо более устойчиво, хотя может фиксироваться на разных уровнях – субэтноса, этноса, суперэтноса. Формируясь на основе единства происхождения, территории, языка, культуры, религии, оно с какого-то времени начинает существовать вполне автономно от изменяющихся внешних условий, подобно коллективным представлениям, которые усваиваются последующими поколениями на бессознательном уровне, как родной язык. Групповая солидарность людей, относящих себя к одному этносу, скрепляется представлениями об общности исторической судьбы, героических предках, культ которых, наряду с почитанием «исконной» территории, является проявлением универсальных архетипов. Этническая идентичность во многом означает принадлежность к общности, которая уже перестала существовать, претерпев значительные изменения в языке, культуре, верованиях, антропологическом составе, территории. Поэтому сформировавшийся в обыденном сознании обобщенно-стереотипный образ своего народа порой не соответствует современным реалиям и оказывается ретроспективным, мифологизированным и субъективным.

ЕРМЕКБАЙ Жарас Акышулы

Казахстанский филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Астана, Республика Казахстан), ermekjaras@mail.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ И САООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КАЗАХСТАНЕ

В силу дискриминационных политических решений руководства СССР в 1940-х годах карачаевцы, чеченцы, ингуши и балкарцы оказались на территории Казахстана. Потомки этих этносов являются коренными насельниками Северного Кавказа и входят в кавказскую горскую цивилизацию, отличающуюся полиэтничностью, религиозным синкретизмом, особым типом хозяйства в условиях высокогорья, культурными особенностями и этикетом жизнедеятельности. По характеру поведенческой культуры можно судить об этническом самосознании этих народов, в культурном наследии которых воспеваются любовь к родной земле, горам, ущельям, вершинам Эльбруса и Казбеку. У них сохранилось чувство семейно-родового коллективизма. Они всегда ощущают себя частью семьи, тейпа (рода), а свобода, равенство и братство составляют главный смысл их существования. Первое поколение этих народов, оказавшихся в Казахстане, сумело выжить в нелегких для них новых условиях, пройти сложный путь бытовой адаптации, усвоить основные правила поведения и наладить контакт с местным населением. Они овладели русским языком, достаточным для общения на производстве и в быту, а на юге некоторые могли общаться на казахском. Основная масса карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей вернулась на Кавказ, а у оставшихся постепенно начала формироваться система двойной самоидентификации. Ощущая себя чеченцами, ингушами, балкарцами и карачаевцами, они в то же время являются гражданами Республики Казахстан и понимают, что здесь их вторая родина и земля обитания, которая их кормит.

ЖИГУНОВА Марина Александровна

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН (Омск), marizh.omsk@rambler.ru

РУССКАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЯН*

Любая нация определяется через приобщенность к культуре, культура все чаще служит основанием для определения национальной идентичности. Своеобразной основой культуры и главным средством выполнения ее функций является язык. В российском обществе русский язык выполняет интегрирующую функцию. За рубежом понятия «русский» и «российский» воспринимаются как идентичные, но в России они далеко не всегда совпадают. Единое культурное пространство, общность морально-нравственных ценностей, – тот необходимый единый стержень, который может объединить и сплотить всех россиян. Современная этнокультурная идентичность русских отличается значительным многообразием, отсутствием четкости, зачастую не совпадает самоидентификация и реальная ситуация, про-

* Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».

тиворечат этноним и происхождение, языковая, культурная, религиозная и этническая идентичности.

Для консолидации россиян необходимо целенаправленно укреплять русскую этнокультурную идентичность, поднимать престиж русской этничности и русского языка. Учитывая, что процессы самоидентификации являются результатом процессов социализации, инкультурации и адаптации, необходимо уделить им особое внимание. Мероприятия по изучению и сохранению этнокультурной идентичности русских должны носить комплексный характер. Используя уже имеющийся опыт, необходимо продолжить научно-исследовательскую, методическую, образовательную, воспитательную и культурно-просветительскую деятельность в данном направлении. Проблемы сохранения русской этнокультурной идентичности должны находиться в центре государственной политики РФ и обеспечиваться соответствующим информационным пространством, направленным на пропаганду русской культуры и формирование позитивных стереотипов и образов основного государствообразующего этноса.

ЗИНЕЕВА Заида Залимхановна

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований (Черкесск), zineeva_zaida@mail.ru

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (досоветский период)

Понятие «военная интеллигенция» в отечественной историографии последних полутора десятилетий приобретает все большую популярность. Некоторые работы, посвященные генезису интеллигенции Северного Кавказа, включают это понятие в свое название. Между тем именно офицеры – ногайцы, осетины, черкесы, кумыки и т.д., как правило, происходившие из дворян, сохранявшие веру, язык, этническое самосознание, – были теми, кого можно с полным основанием назвать первым поколением национальной интеллигенции народов Северного Кавказа. Для представителей северокавказского феодального сословия русская интеллигентская культура обладала притягательностью уже в силу ее дворянского по происхождению характера. В начале XX в. ситуация с профессиональной подготовкой офицеров-северокавказцев изменилась. Абсолютное большинство их оказывается к 1914 г. выпускниками кадетских корпусов, юнкерских и военных училищ. Именно это – интегрированность в сообщество «военной интеллигенции» России – объясняет активное участие офицеров из числа представителей народов Северного Кавказа в Белом движении. При том, что формирование культурного типа русского военного интеллигента с петровских времен было связано с выработкой у офицера особого отношения к русскому православию, мыслившемуся как составная часть традиционных устоев Отечества, веротерпимость в среде офицеров различных исповеданий достигала как раз уровня той широты взглядов, которая вообще характерна для интеллигенции. Таким образом, особенностью самоидентификации военной интеллигенции Северного Кавказа в означенный период является тенденция к соединению этноконфессиональных установок с сословными и профессиональными установками русского офицерского сообщества.

ИВАНОВА Светлана Юрьевна

Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь), isu-socf@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

Проблемы формирования гражданской идентичности и российского патриотизма приобрели особую актуальность в современной России, непосредственный социальный и практический смысл, и их решение должно стать ключевым фактором дальнейшего развития в условиях углубляющегося кризиса.

Массовая миграция, в том числе нелегальная, депопуляция русского населения, привели к качественным изменениям состава населения. Возник культурный разрыв не только между «старым» и «новым» населением, но и между носителями истинно советских традиций образованности и культуры и выживающим населением, которое уже не способно поддерживать традиционный культурный статус, поскольку парализовано нуждой и грузом проблем общероссийского масштаба.

Наличие причин, обуславливающих в совокупности депатриотизацию значительной части наших соотечественников, не означает, тем не менее, невозможности возрождения патриотизма и формирования на его основе позитивной гражданской идентичности. Именно крайне сложное положение, в котором оказалось наше общество в 2014 г., предполагает мобилизовать все возможности и средства, по-прежнему имеющиеся еще у не утратившей окончательно своей силы и величия страны.

Российская идентичность и патриотизм в прошлом и в настоящем существует в государственно-правовом контексте. Именно государство выступает структурирующим началом в российской идентичности. В то же время власть может внедрять позитивный автостереотип россиян, используя различные медиапрактики – образование, литературу, ритуальные и церемониальные практики.

КИМЕЕВ Валерий Макарович

Кемеровский государственный университет (Кемерово), Kimeev@mail.ru

МЕТАМОРФОЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕЛЬСКИХ ГРУПП СОВРЕМЕННЫХ ШОРЦЕВ КУЗБАССА И ХАКАСИИ

Сельские группы шорцев (10% от 10.672 чел. в 2010 г.), сохранивших свою идентичность, фиксируются в небольших таежных поселках трех сельских (Усть-Кабырзинском, Кызыл-Шорском, Каларском) и двух городских поселений (Шерегешском, Спасском) Таштагольского района, а также в поселках Междуреченского и Мысковского городских округов. В перспективе численность их будет снижаться из-за отсутствия рабочих мест, закрытия школ и ФАП, низкой рождаемости и высокой смертности от несчастных случаев. Планы региональных властей через развитие туризма и предпринимательства улучшить ситуацию реализуются только в крупных городах и поселках, как например, Междуреченск, Таштагол и Шерегеш. Спасти оставшихся жителей, а значит и сами поселки, на наш взгляд, может только государственная адресная финансовая поддержка работающих семей и организация их в родовые общины.

Другая этническая ситуация у сельских шорцев Республики Хакасия (Таштыкский и Аскызский районы, 1150–1500 чел. на 2010 г.), отнесенных законом РФ к коренным малочисленным народам. В списки для увеличения федеральных субсидий были включены и те, кто по паспорту были записаны хакасами, но по происхождению и самосознанию оставались верхнеабаканскими шорцами. Для образования родовых общин и получения льгот некоторые через суд доказывали свою «правильную» этническую принадлежность. Властями моделируется новая «шорская» идентичность – заимствуются у кузбасских шорцев сценический костюм, песни, начато преподавание шорского языка в школах.

КОМАРОВА Галина Александровна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), galakom@mail.ru

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО: ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Понятие «научное сообщество» вошло в оборот в середине XX в. С тех пор познавательная деятельность отдельного ученого определяется тем, что он принадлежит к научному сообществу, т.е. входит в субстрат этого сообщества, и тем, что эта деятельность осуществляется и обретает смысл только в связи с ориентацией на научное сообщество как на индивидуальную реальность. Трансдисциплинарное научное сообщество – это та структура, в которой общее знание индивидов и разрозненное знание коллектива служат решению общей научной проблемы. Сегодня это понятие стало частью концептуального аппарата мировой науки и используется для самоописания, прежде всего для описания механизмов самоорганизации в среде ученых. В докладе говорится о том, что такое понимание, на мой взгляд, недостаточно, т.к. не дает возможности понять связь между бытием ученого в сообществе и процессом научного познания. Подобное понимание не учитывает, что любому профессиональному сообществу, в том числе и научному, присуща не только своя соционормативная культура, но более того, собственная профессиональная субкультура, особая субкультура профессии, все то, что составляет круг научных исследований антропологии академической жизни. Подобный подход особенно важен в том случае, когда научный коллектив состоит из ученых, имеющих подготовку в разных областях знания, с характерными для каждой дисциплины понятиями и концепциями, методами, материалом и терминологией, но объединенных совместной работой в условиях постоянной коммуникации.

КРЫЛОВ Михаил Петрович

Институт географии РАН (Москва), mpkrylov@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В УКРАИНЕ: ТРАНСФОРМАЦИИ 2012–2014 ГОДОВ**

Нациестроительство и конструирование идентичности во вновь созданном украинском государстве вызвали не-

одинаковую реакцию в регионах Украины. Проведенные в 2012–2013 гг. исследования на территории Левобережной Украины зафиксировали разнообразные комбинации украинофильских и русофильских тенденций в процессах формирования идентичностей «снизу». Россия постоянно выступала как мощный репер для идентичностей в Украине. При преобладающем сохранении ориентации на русскую культуру, а частично – и на русский язык – нередко была распространена негативная реакция на Россию как государство. Как вполне ожидаемое следствие попытки формирования идентичности «сверху» в Левобережной Украине прослеживается феномен своеобразного культурного сепаратизма. Повсеместно распространены представления об особости своего региона, хотя и на общукраинском фоне. В качестве «эталонов украинской культуры» воспринимаются и Полтавщина, и Закарпатье, и Западная Украина, и Наднепровье, а часто также и свой собственный регион.

События 2014 г. резко активизировали роль России как катализатора украинской идентичности. Проведенный интернет-опрос показал, что поляризация местных идентичностей в Украине усугубляется – на фоне усиления этнонациональной консолидации и энтузиазма (Киев, Нежин, Сумы) происходит дополнительный «раскол» идентичностей (Харьков, Полтава). В результате событий 2014 г. восприятие России как «значимого другого» в пределах Левобережной Украины трансформировалось в восприятие ее как противника, а ранее распространенные русофильские тенденции в большинстве регионов исчезли.

ЛОГИНОВ Константин Кузьмич

Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН (Петрозаводск), kuzmich@sampo.ru

ГРУППОВАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРУППОВАЯ ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАРЕЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Групповая этническая, субэтническая и локальная (административно-локальная) идентичность носит многоуровневый характер. В норме эти идентичности перемежаются, существуют в головах их носителей непротиворечиво. Важно, что атрибутом этнической и субэтнической идентичности является этноним, атрибутом групповой локальной идентичности – локоним.

Локонимы, как и локальное самосознание, жестко связаны с названиями поселенческих, административных образований, уровни которых возрастают в строгой последовательности: название отдельной деревеньки, общее название куста деревень, название прихода, волости (сельской администрации), уезда (района), губернии (области или автономного образования). Со сменой административной притяженности или названий поселений, как показывает личный опыт автора, в течение трех-четырех поколений меняется локальное самосознание, что выражается в смене звучания локонима. Если локальная группа начинает позиционировать себя в качестве части элитной субэтнической группы, возникает феномен «субэтнической мимикрии». Если представители «микроэтнической» группы, проживающие в иноэтническом окружении, начинают «мимикрировать», они теряют этничность, изредка обращаются в рядовую локаль-

* Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 13-01-00043 «Трансдисциплинарное научное сообщество: опыт интеграции и сохранения идентичности».

** Работа выполнена по гранту РНФ, проект № 14-18-03621.

ную группу другого этноса (две группы «корелы», вепсы-«замошане»).

Этнонимы в норме отражают территориальную общность группы (напр.: «помор», «водлозер», «заонежанин» и др.). Этноним не совпадает с экзонимом, когда этническую специфику группа желает подчеркнуть особо (напр.: «даниловцы» – «Боговы дети», «гангозеры» – «чистые воды»). Этноним способен терять этнонимические свойства, будучи включен в иноэтническую лексику (например, «помор» у карел Карельского берега Белого моря).

МАКАРОВА Гузель Ильясовна

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань), makarova_guzel@mail.ru

РОССИЙСКАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАР И РУССКИХ ТАТАРСТАНА В КОНТЕКСТЕ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

В ходе массового опроса населения Татарстана, проведенного в 2014 г., среди факторов, объединяющих с Россией, язык назвали половина русских-горожан и две пятых сельчан. К ним присоединилось более четверти городских татар; среди сельских татар, в большей степени татароязычных, доля таковых составила лишь 8%. Культуру отметили 29% русских-горожан и 13% сельчан, среди татар 14% и 6% соответственно. При ответе на аналогичный вопрос, касающийся общности с регионом, выделили язык (в данном случае имелся в виду татарский язык, выражающий специфику республики) теперь уже более половины татар и десятая часть русских. Культуру обозначили две пятых городских и пятая часть сельских татар, и вновь только десятая доля русских.

Таким образом, как государственно-гражданская, так и региональная идентичности жителей Татарстана обнаруживают связь с определенным языком и культурой. Эта связь проявляется в различной степени в зависимости от отношения респондентами себя к той или иной этнической группе и связана как с эмоционально-чувственными моментами, так и прагматическими.

Исследование показало статистическую взаимосвязь региональной идентичности татар и русских с их компетентностью в области татарского языка, а также с отношением к различным аспектам языковой политики республики. При этом главным вопросом, продолжающим вызывать спорные оценки тех и других, остается вопрос о формах и объемах преподавания в школах республики татарского языка.

МАЛЫГИНА Ирина Викторовна

Московский государственный институт культуры (Москва), irinamalygina@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Динамика российской идентичности в последние десятилетия оформилась в две доминирующие тенденции, совпадающие с общемировыми трендами: с одной стороны, формирование нового наднационального (цивилизационного) уровня в ее структуре; а, с другой – актуализация локальных, партикулярных оснований идентичности.

Очевидно, что в поисках цивилизационно-культурной идентичности Россия исторически тяготеет к западноевропейской модели, однако сегодня говорить о ней приходится с большой осторожностью, поскольку, с одной стороны, Европейский союз и европейское сообщество не стремятся включить в свой состав Россию, а, с другой, – в российском общественном сознании сегодня происходит переоценка «европейских ценностей».

События последнего года стимулировали отклонение векторов динамики российской идентичности от последовательного движения в сторону Запада и их смещение к восточному полюсу; переосмысление Востока как неотъемлемой части российской цивилизации, в актуализации евразийской концепции в связи с артикуляцией новой российской идентичности. Таким образом, формирование новой исторической формы российской идентичности еще не завершено, и говорить о ней можно лишь как о тенденции.

Второй вектор проявляется в «сублимации» поисков идентификационных оснований в сторону «региональной» и «местной» форм идентичности в России, которые стали альтернативными актуальными формами самоопределения россиян. Вместе с тем, актуализация партикулярных оснований идентичности стимулирует тенденцию к фрагментации российского культурного пространства, утрате его целостности и единства, и, соответственно, сдерживает формирование общероссийской идентичности.

МАТВЕЕВ Олег Владимирович

Кубанский государственный университет (Краснодар), vim12@rambler.ru

ВЕКТОРЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ БЕЛОРУСОВ В ХОДЕ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (по материалам конца XVIII – начала XX века)

В источниках конца XVIII – первой половины XIX века, освещающих миграционные процессы на Кубани и в Черноморье, идентифицировать белорусский компонент можно зачастую лишь основываясь на указании мест выхода переселенцев. Этот признак в ряде случаев не вполне надежен, поскольку не всегда характеризует этническую принадлежность выходцев из белорусских поветов. Офицерский состав Кавказской армии и казачества пополнялся представителями белорусской шляхты, «белорусскую» идентичность которых выявить достаточно сложно. Векторы идентичностей выстраивались на основе либо общих конфессиональных и этнокультурных славянских ценностей (как это имело место в случае с православными белорусами), либо на основе ценностей служилых и сословных (как в случае с белорусами-католиками). В иерархии идентичностей второй половины XIX – начала XX в. элементы самосознания белорусский/кубанский/русский уже не исключали друг друга, а составляли множественность, вбиравшую в себя все более высокие уровни. При этом речь вовсе не шла об ассимиляции и «насильственной переделке» белорусов в великороссов. Происходил процесс интеграции белорусов как в этнически родственное восточнославянское сообщество в рамках региона, так и в состав религиозно-этнической общности русских в рамках империи.

МЕЛЬНИКОВА Светлана Витальевна

ЖУРАВЛЕВА Надежда Ивановна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), meln-svetlana@mail.ru, nadic1@mail.ru

ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Городская идентичность предполагает не только идентификацию себя с конкретным городским сообществом, но и некими уникальными свойствами и характеристиками, отличающими этот город от всех других городов мира. Осваивая его пространство, встраиваясь в его темпоритм, усваивая практики и перенимая привычки, мы присваиваем город только тогда, когда наш повседневный опыт общения с ним дополняется личностным отношением к индивидуальности города. Какие факторы влияют на наше восприятие своего места жительства? Что, помимо непосредственного впечатления, помогает человеку, не обладающему интуицией художника, увидеть узнаваемую и неповторимую индивидуальность города? Ответ на эти вопросы можно искать в разных областях гуманитарного знания, а значит, предлагаемые методологические подходы будут различны. Их выбор во многом зависит от стратегических целей исследования. Ставя перед собой актуальные задачи по формированию имиджа города, развитию городской среды и созданию новых, позитивных смыслов, отечественная урбанистика опирается на богатый зарубежный опыт и ищет креативные решения, тогда как семиотический подход, объединяющий разные гуманитарные сферы, направлен на обнаружение глубинных оснований «локальной мифологии». Несмотря на оговариваемую комплиментарность обеих стратегий, вопрос о приоритетах остается дискуссионным.

МЫЗНИКОВ Сергей Алексеевич

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), myznikovs@rambler.ru

ЯЗЫКОВАЯ АССИМИЛЯЦИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ И ЭТНИЧНОСТЬ

Языковая ситуация в наши дни может служить индикатором общего социально-экономического неблагополучия малочисленных народов. В настоящее время лишь 42,3% малочисленных народов Севера считают родным языком язык своей национальности (36,1% северных этносов в качестве родного языка называют русский язык, а 21,6% – другие языки России, при этом свободно владеют русским языком 52,2%); только 18,3% северных народов общаются дома на родном языке (60,1% населения используют для семейного общения русский язык и 21,6% – другие языки); доля представителей малочисленных народов Севера, использующих родной язык в производственной сфере общения, составляет всего 6,7% (на русском языке общается в этой ситуации 73,2% северян, на других языках – 20,1%); доля лиц коренной национальности, пользующихся при общении преимущественно родным языком, оценивается всего в 3,4% (русский язык используют здесь 75,8%, другие языки – 20,8%).

Степень владения родным языком коррелирует с возрастом носителей: языковые коллективы расслоились на возрастные группы (поколения), причем старшие являются

носителями языковых и культурных традиций, то есть такой группой, для которой характерны центростремительные, консервативные тенденции, а младшие, наоборот, являются носителями инновационных, центробежных тенденций в культуре, и, соответственно, ориентированы не на родной язык, а на язык более крупного этноса.

Степень владения языком коррелирует с большим количеством других параметров: численность народности, тип хозяйственной деятельности (традиционная / нетрадиционная), географическое положение населенных пунктов.

НАМ Ираида Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), namirina@bk.ru

СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

Актуализации и политизации сибирской идентичности способствовала Всероссийская перепись населения 2010 г. Само присутствие названия «сибиряки» в списке возможных ответов на вопрос о национальной принадлежности стало толчком к возрождению идеи сибирского регионализма («областничества»), разрабатывавшейся сибирской интеллигенцией во второй половине XIX – начале XX в. В сибирском движении выделяются два направления – «националисты», трактующие категорию «сибиряк» как национальную общность, которая существовала всегда, «отличаясь от русских и говором, и хозяйством, и бытовыми привычками, и мировоззрением, и даже внешним видом», и «регионалисты» («сепаратисты»), рассматривающие «сибиряков» как выражение территориальной идентичности («сибиряк – тот, кто живет в Сибири») и разрабатывающие различные проекты сибирской государственности. «Сибирские националисты», как они сами себя называют, своей главной задачей считают конструирование сибирской нации. Сторонники регионального патриотизма – «регионалисты» главную проблему усматривают в «неправильно выстроенных финансовых взаимоотношениях с центром», а ее решение – в предоставлении экономической и политической самостоятельности Сибири («Сибирь – сибирякам»). Они выступают за создание Сибирской Республики в составе РФ, вплоть до отделения и создания сибирской государственности в форме Сибирской Конфедерации.

НИКОГЛО Диана Евгеньевна

Институт культурного наследия АН Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова), nikoglo2004@mail.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ГАГАУЗОВ

Для гагаузов, проживающих в Республике Молдова в рамках территориальной автономии, исторически русский язык является вторым родным языком и выполняет функцию подключения к цивилизационному пространству. Кроме того, для гагаузов русский язык никогда не являлся ассимиляционным фактором. История гагаузов неразрывно связана, начиная с начала XIX века, с историей Российской империи, а затем и СССР. Одним из факторов социокультурной идентичности гагаузов выступает положительная историческая

память по отношению к России, которая в настоящее время не только не ослабевает, но и становится наиболее актуальной. Гагаузская этническая общность сталкивается с угрозой нивелирования и вытеснения русского языка и культуры под влиянием геополитических факторов. Дело в том, что Республика Молдова на протяжении 23-х лет находится в идеологическом контексте Румынии. В этом контексте нет, и не может быть места истории гагаузов, которая по определению в нее не вписывается. Причина состоит в абсолютно искаженной трактовке истории самой Российской империи и СССР, в извращении исторических фактов, умалчивании, подмене понятий. Таким образом, имеет место планомерное нивелирование истории гагаузов и вытеснение русского языка из системы образования, что со временем неизбежно приведет к утрате гагаузами своей идентичности. Данные тенденции набирают силу в последнее время в связи с событиями на Украине, где также проживают гагаузы. В Автономии началась беспрецедентная пропаганда антирусских настроений, которая исходит в основном от многочисленных чиновников из ЕС, а также от представителей НАТО. Следует отметить, что сами гагаузы не разделяют подобные установки, навязываемые им извне, и продолжают быть ориентированными на Россию и Таможенный союз, о чем свидетельствуют результаты референдума 2014 г. об отложенном статусе и геополитическом выборе.

НИКОЛАЕВА Оксана Владимировна

*Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (Санкт-Петербург),
oknikolaeva@rambler.ru*

ГЕРОИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Идентичность – свойство человека относить себя к какой-либо группе, обладающей устойчивыми характеристиками. Идентичности можно подразделить на естественные, не требующие организованной деятельности по их воспроизводству, и искусственные, которые нуждаются в постоянном организованном поддержании (Трофимов). Естественную идентичность поменять крайне трудно, как, например, расу и связанную с ней расовую идентичность. Национально-гражданская идентичность является искусственной и требует постоянного внешнего поддержания через детализацию и формирование ряда вторичных идентичностей. Одной из них является героическая идентичность, т.е. отнесение себя к межпоколенной общности героев-победителей. Она в значительной степени базируется на мифе, который становится все более актуальным по мере ухода из жизни реальных участников Великой Отечественной войны. Рост героической идентичности в последние 1–2 года вызван как действительными событиями (Олимпиады–2014 в Сочи, воссоединение Крыма с Россией), так и мемориальными мероприятиями, связанными с памятными датами героических событий прошлого (70-летие Победы в Великой Отечественной войне, годовщины полного освобождения Ленинграда от блокады и т.п.). Общественная активность и потребность в массовых митингах тематически разворачивается лицом к мифологизированному героическому прошлому. Это делается административными и пропагандистскими способами, чтобы отвлечь внимание от реальных поводов для акций, одной из которых стал митинг

против карикатур на пророка Мухаммеда 19 января 2015 г. в Грозном, в котором участвовало около миллиона человек. Таким образом, героическая идентичность в значительной мере является временным конструктом, призванным перенаправить социальную напряженность в безопасное русло.

ПАШАЛЫ Петр Михайлович

ГОТИШАН Николай Георгиевич

Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М.В. Маруневич (Кишинев, Республика Молдова), pashaly1955@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И ДВУЯЗЫЧИЯ ГАГАУЗОВ – ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ ИДЕНТИЧНОСТИ

В многовековой истории гагаузского народа выработалась совокупность определенных духовных ценностей, которые составляют неотъемлемую часть традиционной культуры. Фольклор у гагаузов, как и у других народов, пользуется неизменной любовью, и долгое время был для большинства людей единственным доступом к художественному слову. В настоящее время гагаузы проживают в Молдове, Одесской и Запорожской областях Украины, на Северном Кавказе, в Казахстане, Болгарии, Греции, Турции. После распада СССР большая часть – ядро народа – строит свою государственность в виде автономии в составе Республики Молдова. Сложный процесс формирования гагаузской идентичности происходил в условиях смешения различных этнических групп. Как любой другой народ, гагаузы являются хранителями культурного наследия, которое является продуктом переосмысления и преобразования древнего фольклорного фонда в определенных исторических условиях. История свидетельствует, как сложно формировался гагаузский народ в процессе многократных этнических смешений, когда не раз приходилось вступать в определенные взаимоотношения с другими народами, что неизбежно вело за собой взаимодействие фольклорных традиций. Исследования этнических традиций гагаузов с точки зрения информации исторического, этнографического, лингвистического характера являются первостепенной задачей в деле осмысления этнической и этнорегиональной идентичности гагаузов.

ПЕТРОВА Галина Ивановна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), Seminar_2008@mail.ru

КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В НЕКЛАССИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ: РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНО- ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Образование – институт культурного наследования, сохранения традиций и национально-личностной идентичности. Однако эта функция сегодня не очевидна, ибо изменился классический механизм социального развития: в глобальном мире: традиция уступила место инновации, что привело к изменению социальной онтологии. Это фиксируется в таких понятиях, как «коммуникативная онтология» (Ю. Хабермас), «текущая социальность» (З. Бауман), «танец систем» (Д. Медоуз), «пространство потоков» (М. Кастельс). Что в условиях глобализации происходит с классическим университетом? Если, по Гумбольдту, классический университет самоиден-

тифицируется с «духом народа», то в неклассическое время в «духе» какого народа самоопределяется университет?

Эти вопросы ставятся при понимании того, что содержание идентичности зависит от исторической смены ее форм – «примордиальной», «модернистской» и «постмодернистской». Первая (немецкие романтики, русская религиозная философия) базируется на самоотождествлении людей с общим, родственным и вечным «архе» (пределом). Вторая рассматривает идентичность исторически изменяющейся вслед за изменениями «предела» – условий существования (Э. Геллнер, Дж. Мид, Э. Эрикссон). «Постмодернистская» форма отрицает всякую возможность достижения предела в связи с его бесконечным «воображаемым» изменением – «знаковой прорвой» (Ж. Бодрийар). Появляются идентичности без самоотождествления – «множественная идентичность» (Ж.-Л. Нанси), «текущая идентичность» (З. Бауман).

Современный классический университет, с одной стороны, включен в процессы постмодернистской идентичности и меняется в беспределе «прорвы», с другой, – актуально встает общий вопрос: можно ли изменять классику? Если «да», то до каких пределов?

ПОПОВ Максим Евгеньевич

*Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь),
maximus.popov@gmail.com*

КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В первое десятилетие XXI века во всем мире возрастает интерес к концепциям конфликтов культурных идентичностей. Идентичность становится призмой, через которую рассматриваются и изучаются проблемы безопасности современных обществ как глобальных акторов поступательного демократического развития. Незавершенные социально-политические, социокультурные и экономические трансформации в посткоммунистической России, устрашающий разрыв между модернизационным вызовом глобализации и региональным традиционализмом служат катализаторами острой эскалации культурных конфликтов, угрожающих цивилизационной безопасности страны, выбравшей более двадцати лет назад демократический и правовой вектор развития. В постсоветские десятилетия начался неотрадиционалистский рост этнического и религиозного самосознания, что в последнее десятилетие нового века выражается в требованиях этно- и регионоцентризма, эскалации радикально-этнонационализма на всех уровнях социальной и политической жизни, в существенном изменении гражданского и правового аспектов этнического взаимодействия, принимающего характер непреодолимых конфликтов идентичностей, конфликтов ценностей и мировоззрений.

САФИН Файль Габдуллович

ХАЛИУЛИНА Айгуль Ильясовна

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), failsafin@mail.ru, aygul_kamila@mail.ru*

ЭТНОЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА

В докладе на основе материалов переписи и результатов этносоциологических исследований предпринята попыт-

ка раскрыть этноязыковой аспект идентичности населения Башкортостана. По данным переписи населения 2002 г., русские в республике уже не стопроцентно отмечали в качестве родного язык материнского этноса. А среди татар и, особенно, среди башкир, языковая и этническая идентичности значительно отличаются. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 85,3% татар и 75,3% башкир в качестве родного отметили язык своей национальности. Результаты этносоциологического опроса молодежи в 2014 г. показали, что в качестве родного язык своей национальности отметили 87,1% татар и столько же башкир. Доля татар с родным русским языком составила 15,4%, башкир – 9,5%. Среди башкир и татар, отметивших значимые критерии определения первого языка, на первом месте стояла ассоциация – что это «язык моего народа», соответственно – 34,8 и 36,6%, а среди русских на первом месте оказался ответ – «это был мой первый язык» – 32,9%, а «язык моего народа» переместился на вторую ступень. Такие символы, как «язык матери», «язык отца» упоминались в два раза реже, чем первые два. Таким образом, несмотря на всеобщую глобализацию и межкультурное взаимодействие народов, язык остается одним из важнейших маркеров этнической идентичности в поликультурной среде.

СИГНАЕВСКАЯ Ольга Романовна

*Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург), Signaevskaya2011@yandex.ru*

ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ МИРА РОССИИ В ПОСТАНТРОПОЛОГИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Как отмечал У. Черчилль: «Россия – это загадка, покрытая тайной и спрятанная в проблему». Действительно, что такое Россия – часть мира Европы, западного цивилизационного универсума или это самобытный мир в мире миров локальных цивилизаций современности? Какая у России в ней – русской нации историческая и геополитическая сущность – европейская, азиатская, евразийская, маргинальная, универсально-мессианская или все-таки русская и российская? Как все эти идентификационные проблемы проецируются на современную Россию? Какими идентификационными противоречиями живет русский мир, в чем суть идентификационной тайны времени для современной России? Почему в постантропологическую эпоху страна и нация живут логикой перманентных идентификационных расколов и кризисов? Обладает ли история России и в ней русская культура цивилизационно образующим и объединяющим потенциалом? В чем специфика мира русской духовности, какими акцентами духовного поиска вооружила себя Россия в своем историческом творчестве? По существу, в нашей истории был только один тип времен, которые мы должны изжить – это Смутные времена, безмерно напоенные психозом самоненавистничества, отрицанием национальных основ в истории и исторических основ в нации. Эти периоды – начала XVII в. (1598–1613), революционная эпоха начала XX в. (1905–1920), наконец, новейшее Смутное время (1985–2000), являются чем-то вроде репетиций утраты истории, утраты исторического смысла России. В эти эпохи происходит временный перевес отрицания, и те, кто сегодня заявляют о неприкосновенности и незыблемо-

сти «ценностей» 1990-х годов, вольно или невольно отрицая историческую Россию.

СОУКУПОВА Бланка

Карлов университет (Прага, Чехия), 6446@mail.fhs.cuni.cz

ДИСКУССИЯ НА ТЕМУ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ РЕФЕРЕНДУМА ГЛАЗАМИ ЭТНОЛОГА: РАСПАД ЧЕХОСЛОВАКИИ (1992) И НАЦИОНАЛИЗМ МАЛЫХ НАРОДОВ

Падение Австро-Венгерской монархии и возникновение Чехословакии 28 октября 1918 г. воспринималось чешским обществом как триумф нации. Чехословацкая республика была декларирована как государство национальное. Вторая государственная нация (словацкая), которая, в отличие от чешской, не имела традиции государственности, в конце концов извлекла из создания общего государства больше.

Новая чехословацкая государственность окончила свое существование 14 марта 1939 г. По окончании Второй мировой войны возрожденная Чехословакия попала в сферу интересов советской сверхдержавы. Как следствие Пражской весны, Чехословацкая республика была преобразована в федерацию (1969).

После «бархатной революции» (1989), в атмосфере распада Советского Союза, произошло в высшей степени мирное разделение Чехословакии на два суверенных государства-преемника, государства стабильные, экономически достаточно благополучные. Это событие получило название «бархатный развод». Решение о разделении Чехословакии было принято не гражданским референдумом, а политическими партиями. Несмотря на то, что в настоящее время большинство чехов считает, что основные системные изменения были правильными, результаты изучения общественного мнения говорят о том, что в 1992 г. 60% чехов голосовало бы против распада федерации. Для поколений, которые помнят времена Чехословакии, она осталась местом позитивных ностальгических воспоминаний. Старые, взаимно негативные стереотипы не мешают добрососедским отношениям.

В данной работе предпринимается попытка ввести характерные для эпохи аргументацию и представления о государстве в контекст теории национализма и современных этнологических дискурсов.

СТАРЧЕНКО Роман Александрович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), Starchenckj.roman@yandex.ru

ДВУАЗЫЧИЕ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА (по материалам этносоциологических опросов 2013–2014 гг.)*

Массовые опросы 2013–2014 гг. были посвящены изучению языковых компетенций и региональной идентичности населения Крыма. Выборка массовых опросов была сформирована по квотному принципу на основе данных Всеукраинской переписи населения 2001 г. Общий объем

* Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 15-01-18089е «Опыт сравнительного исследования региональной идентичности населения Крыма и Приднестровья в системе идентичностей человека и группы».

выборочной совокупности массовых опросов в мае 2013 г. составил 547 человек, а в мае–июне 2014 г. – 681 человек.

Осознание крымчанами своей региональной идентичности формировалось в постсоветский период на базе сложившейся модели совместного проживания. Крым значительно отличался от других регионов Украины преобладанием в этническом составе русского населения, востребованностью российской культуры и доминированием русского языка во всех сферах крымского общества, а также – в речевом поведении русских, украинцев и, отчасти, крымских татар, проживающих на полуострове. Все эти факторы, наряду с территориальной близостью полуострова к России, формировали особую региональную идентичность крымчан, которая зиждилась на противопоставлении Крыма Украине. Крымским татарам также был присущ высокий уровень региональной идентичности, но он в конечном итоге не повлиял на их позицию по отделению полуострова от Украины и переходу в состав России. Это связано, в первую очередь, с тем, что у крымско-татарского населения сформировалось устойчивое неприятие России, подкрепленное трагическими историческими событиями массовых эмиграций в XVIII–XIX вв. и сталинской депортации в XX в.

СУВОРОВА Наталья Геннадьевна

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск), sng19911@rambler.ru

КАТЕГОРИИ «СИБИРЯК» И «СИБИРСКИЙ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ XIX ВЕКА

Вопрос о «сибиряке» или «сибирстве» – вопрос дискурсивных практик научного, общественно-политического и колониального контента второй половины XIX – начала XX века. В качестве субъекта конструирования выступают имперские эксперты (ученые, политики, администраторы) и их оппоненты, создатели колониальных проектов, их реанализаторы и критики. Значимо проследить эволюцию данных категорий в научных изданиях, статистических обзорах, энциклопедических изданиях и словарях. Выявив, как менялось их содержание, идейно-теоретические и эмоциональные контексты научного дискурса, можно сопоставить данные категории с официальными версиями номинаций и классификаций сибирского населения, используемыми в законодательных актах и делопроизводственной документации этого времени. В данном исследовании предполагается охарактеризовать влияние научных и «бюрократических» конструкторов на формирующуюся областническую идеологию и административную практику (волостное устройство, практики водворения ссыльных и переселенцев).

ЧУРКИН Михаил Константинович

Омский государственный педагогический университет (Омск), proffchurkin@yandex.ru

КРИЗИС СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА И ВАРИАНТЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Процесс активизации миграционных настроений в крестьянской среде черноземных губерний России сопровождался

ждался важными переменами, происходившими в сознании главного субъекта земледельческой колонизации восточных окраин империи – крестьянства. В качестве ключевого, определяющего содержание переселенческого процесса на всех его стадиях, может быть использовано понятие идентичности, определяемое Э. Эриксоном как субъективное ощущение тождества и целостности человека с окружающими объектами. В процессе эскалации миграционных настроений в крестьянской среде в пореформенный период складывались условия для формирования «измененного сознания», что являлось определяющим признаком кризиса идентичности. Наиболее предметно процессы структурирования «измененного сознания» зафиксированы в крестьянском дискурсе, представленном в многочисленных крестьянских прошениях о переселении в различные губернии Сибири. Выборочный анализ ходатайств крестьян о переселении демонстрирует, что при формулировании основных причин, объясняющих крайнюю потребность в миграциях, наряду с указанием рациональных факторов – малоземелья, роста народонаселения в районе проживания – крестьяне часто использовали фразеологические обороты, выдававшие их негативное эмоциональное состояние. Таким образом, ухудшение условий хозяйствования в районах традиционного земледелия ставило крестьянина в жесткие условия выбора между сословной дисквалификацией, в результате сворачивания хозяйства в районах проживания, и поддержанием сословной идентичности, предполагающей усиленный поиск новых мест и способов приложения своего труда. Перенос хозяйственного комплекса и трансляция крестьянского образа жизни в сибирские условия позволяли сохранить признаки принадлежности к крестьянству, способствовали преодолению кризиса идентичности.

ЩЕРБИНА Елена Анатольевна

*Институт гуманитарных исследований при Правительстве
Карачаево-Черкесской Республики (Черкесск), adenas@list.ru*

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
РОССИЯН: МНОГОУРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ
(на основе социологических опросов)**

В условиях геополитических рисков и угроз возрастает необходимость укрепления общероссийской идентичности. Анализ социологических опросов населения на общерос-

сийском, региональном (СКФО) и субрегиональном уровнях (Карачаево-Черкесская Республика) позволил выделить общие ценности и объединяющие символы.

Рассмотрение их на общероссийском уровне зафиксировало такие символы, как общность истории страны, и такие ценности, как семья, здоровье, свобода. Вторым структурным уровнем изучения является региональный уровень – СКФО. Стержневой основой социокультурного кода жителей региона являются ценности: семья, мужественность, честь, свобода, любовь к труду. Кросс-анализ позволяет выделить те ценности, которые являются общими: семья, честь, свобода. В качестве общих объединительных символов выступают – гордость за общую победу в Великой Отечественной войне, любовь к Родине.

На третьем субрегиональном уровне была выделена система ценностей жителей КЧР. Большинство опрошенных в системе ценностей выделили здоровье, семью, традиции предков, честь и достоинство. В качестве объединяющих символов назвали победу в Великой Отечественной войне.

ЯНКОВА Венета Петрова

*Шуменский университет (Шумен, Болгария),
veneta_yankowa@abv.bg*

**МАСКИ, КАРНАВАЛ И ИДЕНТИЧНОСТЬ
(на примерах Венгрии и Болгарии)**

Маска как культурная универсалия связывается с актуальным концептом современной антропологии и этнологии – идентичностью [Pollock D., 1995; Piction J., 1990; Иванов В., 2006; Софронова Л., 2006 и др.]. Это изложение ориентируется на результаты анализа собственных конкретных эмпирических примеров из праздничного календаря нынешней Венгрии и Болгарии. Его цель – раскрыть, каким способом характерное для определенной общности становится представительным для целого региона и элементом городской, сельской, локальной и даже – национальной идентичности. Анализ ищет причины для проявления разных уровней идентичности, их динамики и взаимодействия, как и для идентификации личности и группы. Специальное внимание уделяется процессам трансформации традиции в контексте городской культуры, подчеркивается роль местных властей для конструирования «новой традиции». Доклад сопровождается видео- и фотоматериалами из полевой работы.

Секция 1Б
ИДЕНТИЧНОСТЬ И СЕООПРЕДЕЛЕНИЕ.
ФОРМЫ И ПРИНЦИПЫ СЕООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ*

Зорин Владимир Юрьевич – д.пол.н., профессор, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: v.y.zorin@mail.ru

Амелин Веналий Владимирович – д.и.н., профессор, Оренбургский государственный университет (Оренбург)

E-mail: avenali@mail.ru

АЛИЕВА Вилоят Ренатовна

Институт истории АН Республики Узбекистан (Ташкент, Республика Узбекистан), viloyat@rambler.ru

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ
КАК ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Толерантность есть стремление понять многообразие культур, форм самовыражения, способов проявления индивидуальности. В век глобализации конфликты потенциально угрожают миру. Толерантность оказывает воздействие на общественные отношения, растет необходимость утверждения толерантности молодежи. Возрастает социальная активность, связанная с жизненной позицией, безразличием человека к миру.

Укрепление толерантности молодежи выступает актуальной общественной задачей. Основанное на толерантности конструктивное взаимодействие между людьми, этносами, государствами, имеющими различные традиции, ценности, религии, политические ориентиры, может эффективно способствовать стабильности. Толерантность благоприятствует гармонии между разумом и культурами, современностью и традицией, национально-культурной идентичностью, между социальным прогрессом (универсальной целью) и культурой (ценностным выбором). Толерантность допускает многообразие самовыражения личности. Толерантность выступает как принцип стремления людей к сотрудничеству. Глобализация, необходимость выживания человечества сделали толерантность молодежи условием регулирования социальных отношений в контексте разнообразия общественного развития. Достижение консенсуса в диалоге конфликтующих сторон невозможно без терпимости, признания права на инаковость, без претензий на абсолютную истину. Для нормального функционирования социальной системы и мирного сосуществования неидентичных сообществ толерантное сознание является фундаментальным.

Основополагающим аспектом толерантного отношения является осознание идеи невозможности устранения «инаковости» из общественного бытия. «Различие» в рамках цивилизационной парадигмы является благом. На уровне личности толерантность как ценностная ориентация инди-

вида является вариативным, применяемым в определенных жизненных ситуациях. В условиях формирования гражданского общества необходимо изучение сущности таких видов толерантности, как политическая, этническая, религиозная, социальная.

АНУФРИЕВ Олег Николаевич

Национальный музей народной архитектуры и быта Украины (Киев, Украина), etnosociology@ukr.net

**СОВРЕМЕННОЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ
СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ
УКРАИНСКОГО ПРИДУНАВЬЯ
(социокультурный аспект)**

Полиэтничность Придунавья предопределена многими факторами, среди которых особое место занимают исторические, что в определяющей мере повлияли на заселение этого края разными народами (болгарами, гагаузами, украинцами, русскими и другими).

Этносоциокультурные исследования, которые проводились нами в течение долгого времени с 1990 до 2013 г., дали возможность проследить динамику этнических индикаторов культуры в повседневном существовании людей региона, определить те изменения, которые наметились в городской и сельской среде сегодня.

В регионе прослеживаются такие модели этнической маргинализации сознания, как (1) психологическая, моральная амбивалентность; (2) самоидентификация с одним из этносов; (3) двойная или множественная этническая самоидентичность.

Сложные межэтнические и интегративные процессы в регионе способствуют созданию феномена инкультурации: усвоению психоэтнических и бытовых этносоциоориентаций, психокультурных и ментальных аспектов жизни разных этносов Придунавья, что отражается на модусе мышления этого региона в целом. Именно сегодня в Придунавье создается своеобразный стереотип поведения человека региона, что на уровне этнического сознания воспринимается как обобщение – «мы» – своеобразный феномен «модус мышления среды».

Этнокультурное сознание народов Придунавья базируется на архетипах этнонациональной памяти автохтонного этноса и активном процессом социализации, а также ассимиляционных тенденциях размывания этнических признаков в целом.

* Проект РГНФ № 15-37-14017 «Разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов».

АПОЛЛОНОВ Иван Александрович

Кубанский государственный технологический университет
(Краснодар), obligo@yandex.ru

**ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ ЭТНИЧНОСТИ В
САМОПОНИМАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ КУБАНСКИХ И
АБХАЗСКИХ ВУЗОВ**

В контексте «этнического парадокса современности» значительный интерес представляет исследование онтологического статуса этнокультурной идентичности, границ этничности, как того особенного, которое соединяет единичное (индивида) и всеобщее (человечность). Такая граница является пространством культуры (М.М. Бахтин), удерживающей собственное «Я» человека между «лицемерным пафосом шовинизма» (И.А. Ильин) и «химерой космополитизма» (П.Я. Чаадаев), в которых это «Я» теряется. Граница этничности находится в сознании человека и связана, прежде всего, с осмыслением своей принадлежности к народу, которое разворачивается в рамках бытийного вопрошания: «Что для меня значит быть представителем моей национальности?». В данном контексте рассматривается не только данность своего присутствия в мире, но ценностная перспектива подобного присутствия, определяются основания полноты и подлинности своей жизни. Результатом такого осмысления является формирование структуры этнического самосознания. Проведенные исследования показывают, что основными компонентами этой структуры у кубанских и абхазских студентов являются чувство гордости, связанный с этим чувством патриотизм, сохранение традиций и черт национального характера. Вместе с тем, можно выделить два вектора в осмыслении границы этничности. Первый представляет собой обособление, при котором личностная значимость связывается с фактом принадлежности к своему народу. Другой, наоборот, обращен к границам культуры, и национальность рассматривается как особенная форма общечеловеческого бытия. Предельно национальное при этом оборачивается предельно человеческим.

АТНАГУЛОВ Ирек Равильевич

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова (Магнитогорск), i.atnagulov@mail.ru

**ИДЕНТИЧНОСТИ НАГАЙБАКОВ:
ГЕНЕЗИС, СТРУКТУРА, ДИНАМИКА**

История нагайбаков является примером сюжета стремительного формирования и изменения идентичностей небольшой группы, сформировавшейся в результате государственной деятельности по социальному обустройству региона. Изучая идентичности нагайбаков, мы столкнулись с существенной проблемой; а именно: с противоречием между установившейся ранее научной классификацией, в соответствии с которой нагайбаки являются составной частью татар – субэтнос, этнографическая группа, этносословная группа, и их современной групповой самоидентификацией, которая, допуская два уровня, – крымско-татарский и нагайбакский, игнорирует татарский. Точная характеристика оснований и маркеров нагайбакской идентичности возможна с устранением данного противоречия. До 1843 г. конфессиональная и сословная идентичности являлись главными маркирующими

ми в условиях татарско-крымско-татарского этнического окружения. С 1843 по 1920-е гг. нагайбаки находятся в окружении русских казаков, и прежние идентификационные признаки утрачивают функцию маркирующих. В этот период идентичность нагайбаков опирается на собственно этнические признаки – язык и материальную культуру. Реалии XX в. свели на нет сословно-конфессиональную идентификационную базу, еще более усилив этническую. Вместе с тем, основные этнические маркеры либо принципиально изменились (унификация материальной культуры), либо заметно уменьшили сферу функционирования (нагайбакско-русский билингвизм). Существенная роль в укреплении этнической идентичности принадлежит государству. В 1926 г. этноним «нагайбаки» был включен в список народов СССР, а в 1928 г. образован Нагайбакский район. По результатам наших исследований подготовлен ряд материалов, иллюстрирующих этнонимическую номенклатуру, структуру и динамику современной идентификационной базы нагайбаков.

АЧКАСОВ Валерий Алексеевич

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), val-achkasov@yandex.ru

**«СТРОИТЕЛЬСТВО РЕГИОНОВ»:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ**

К числу важных исследовательских задач относится изучение следующих вопросов: какие социальные силы или группы контролируют приписывание идентичностей, на какой основе эти идентичности строятся, как эти идеи распространяются в региональном социуме, какой потенциал для конфликта или сосуществования они содержат. Иначе говоря, необходимо изучение способов реализации дискурсивных ходов в формировании региональных идентичностей.

Такое понимание задач «регионального строительства» напрямую связано с попытками теоретического осмысления новой структуры мирового пространства, возникшей в последнее десятилетие XX в. Традиционные концепции объясняли существование региона главным образом в терминах культурных, лингвистических, социально-экономических и иных подобий, подчеркивая, таким образом, «замкнутость» региона. Однако при таком понимании моделей регионов всегда оставался открытым вопрос, какие факторы являются «внешними», а какие «внутренними» в формировании и функционировании региональных структур, если нация, по Б. Андерсону, предстает одновременно как открытое и закрытое (суверенное) сообщество, то регион сообщество открытое. Таким образом, регионы, согласно этой концепции, также могут рассматриваться как «воображаемые общности», однако их идентичность, как правило, это результат преднамеренных политических усилий как «изнутри региона», так и «извне», или реакция и результат возникновения и распространения локальных национализмов.

БАБКОВСКАЯ Ксения Викторовна

Центр дополнительного образования и досуга «Затверецкий»
(Тверь), kseniya-11@yandex.ru

**КУКЛЫ КАРЕЛ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ:
САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЭТНОСА ЧЕРЕЗ ИГРУ**

Доклад посвящен проблеме взаимодействия русской и карельской культур в Тверской области на примере тради-

ционной народной куклы. Поселения карел на территории нынешней Тверской области появляются во второй половине XVI – начале XVII в. «Тверская Карелия» представляет собой ареал компактного расселения карел в Тверском регионе. Несмотря на длительное проживание на Тверской земле, практически полную бытовую и культурную ассимиляцию с русскими, представители этого финно-угорского народа и до сих пор выделяют свою национальную принадлежность вплоть до записи в паспорте. Карельские деревни преобладают в Лихославльском районе, составляют значительную часть в Максатихинском, Рамешковском, Спировском и Весьегонском районах. Сейчас в большинстве из них население смешанное или русское. По официальным данным, численность карел в Тверской области составляет 7 тыс. человек. Анализ экспедиционных материалов позволяет сделать выводы о степени самоидентификации этноса.

БАЙГОЖИНА Асия Махтаевна

Казахская Национальная академия искусств им. Темирбека Жургенова (Алматы, Республика Казахстан), amakhtai@yandex.kz

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В КАЗАХСКОМ КИНО ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Казахстан – единственная в Центральной Азии страна с полиэтническим населением. Государствообразующим этносом по Конституции считается казахский. Русский язык в республике имеет хождение наряду с государственным и обладает статусом официального. В РК проживают сегодня представители почти ста наций. Поиски и споры о собственной самоидентичности по гражданскому или этническому признаку продолжают до сих пор. Игровое, неигровое и анимационное кино эпохи независимости РК (и в особенности молодое кино) отражают эти поиски: темы, герои, проблемы, тенденции. Что значит национальное кино в эпоху глобализации на примере нашего кино? Какой образ страны, народа мы видим в современном кино – независимом и госзаказе. «Месседж» исторического кино и фильмов про реалии сегодняшнего дня. Не случайно 2015 г. в стране объявлен Годом Ассамблеи народа Казахстана. Доклад – попытка на примере фильмов последнего времени проанализировать, как режиссеры пытаются «освоить» столь деликатную, а подчас и взрывоопасную тему, как межнациональные отношения в обстоятельствах суверенитета. (Фильмы «Жеруюк», «Ирония любви», «Мне –20 лет!», «Ограбление по-казахски», мультфильмы по заказу Ассамблеи народа РК).

БОБРОВ Игорь Владимирович

ЧЕРЕПАНОВ Максим Сергеевич

Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень), bobrov-tyumen@yandex.ru, maximcherepanov@yandex.ru

УГРОЗЫ И ПРЕДЕЛЫ НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современных политических отношениях дискурс национализма как сознательной этнизации социальных отношений занимает все большее и большее место. Это связано с тем, что в условиях продолжающейся социальной трансформации России конструирование социальных групп, обеспечение их мобилизации и социального дей-

ствия на основе не социокультурных/этнических характеристик затруднено. Именно национализм является одной из причин, затрудняющих укоренение в общественном сознании и практиках принципов общества, базирующегося на гуманизме, равенстве и справедливости и республиканского, демократического и правового государства.

В то же время сам национализм в качестве мировоззренческо-идеологической системы востребован различными социальными группами, разными по своим социальным и культурным капиталам. Поэтому в общественно-политическом пространстве сталкиваются реакционные, право- и лево-консервативные, республиканские концепции национализма. Одни из них связаны со слоями, уходящими с общественной арены, вторые обеспечивают своим носителям сохранение status-quo, третьи являются доступными в настоящее время концепциями превращения подданных в народ, а государства – из владычества истеблишмента в республику (общее дело ради общего блага). Именно поэтому, на наш взгляд, более чем двадцатилетняя легитимация национализма как социального и политического принципа не принесла заметного успеха националистическим силам, действующим в российском обществе.

БРАГА Лилия Ивановна

Институт юридических и политических исследований АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова), 009braga@gmail.com

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛДАВСКОГО ЭЛЕКТОРАТА

Республика Молдова, будучи небольшим по территории и численности населения государством, представляет собой полиэтническое социокультурное образование, где, наряду с молдаванами как государствообразующей нацией (78,8%), проживают представители многих других этносов. Складывающиеся в настоящее время в стране межэтнические отношения во многом обусловлены процессами демократизации, разворачивающимися в контексте движения за национально-культурное возрождение молдавского народа. Предельная актуализация в общественном сознании проблем этнокультурной самоидентификации еще в начале 1990-х гг. привела молдавское общество к этнополитическому расколу, который предопределил главные черты его политико-культурного фона. Современные электоральные предпочтения молдавского общества концентрируются вокруг двух основных политических узлов. Один из них, представленный сторонниками левых взглядов, выступающими за дальнейшее укрепление суверенитета и независимости страны, за изыскание внутренних резервов развития, за поддержание традиционных межгосударственных связей, набирает сторонников как среди государствообразующей нации, так и в числе представителей национальных меньшинств. Другой объединяет представителей неолиберальных позиций с ярко выраженным креном в сторону радикализма, национализма и антикоммунизма, ратующих за окончательный разрыв с прошлым как в идеологическом, так и в геополитическом отношении, а также уповающих на активную поддержку со стороны структур Евросоюза и МВФ. В числе сторонников указанных позиций подавляющую часть составляют представители титульной нации. Преодоление сложившегося этнополитического раскола возможно лишь в том случае, если мир молдавской политики сумеет подняться поверх этнических разделительных барьеров.

БУДАЕВА Светлана Владимировна

КРИКАУ Любовь Владимировна

*Карасукский краеведческий музей Новосибирской области
(Карасук), museumkarasuk@mail.ru, lkrikau@rambler.ru*

УКРАИНЦЫ КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Кулундинская степь с конца XIX в. была одним из самых «украинских» регионов Сибири. По итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. на севере Кулунды в границах современного Карасукского района Новосибирской области проживало более 30 тыс. человек. Наиболее многочисленным сообществом были украинцы. Местами их компактного расселения были села Ирбизино (возникло в 1885–1888 гг.) с населением 1 841 человек, Белое (возникло в 1891 г.) с населением 2 038 человек. Большинство в этих селах составляли выходцы из Полтавской и Харьковской губерний. Украинцы, адаптируясь к условиям Западной Сибири, долгое время сохраняли язык, стандарты традиционной культуры жизнеобеспечения, семейные и календарные обряды и праздники, декоративно-прикладное искусство. Однако активно взаимодействуя с региональным полиэтничным сообществом (русские, немцы и казахи), украинцы постепенно перешли на русский язык (к 1960-м гг.), одновременно произошла смена идентичности.

БУДЕНКОВА Валерия Евгеньевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), soler@front.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ

В условиях глобализации четко обозначилась проблема коллективной идентичности, ее оснований, уровней, форм. Многоликость социокультурной реальности, многообразие ее процессов и компонентов, усложнение взаимодействий между ними провоцируют рост числа «идентичностей», в том числе коллективных. Но идентичность – это все-таки нечто устойчивое, она не может меняться до бесконечности. Идентичность можно сравнить с «матрешкой»: от персональной самоидентификации до культурно-цивилизационной. Ступени – «матрешки» складываются по принципу коммуникации и движения от индивидуального к коллективному: каждая последующая включает в себя предыдущие, а число субъектов – потенциальных участников коммуникации – постоянно увеличивается. Зависимость от уровня и характера коммуникаций делает идентичность ситуативной. При этом коллективная идентичность в большей степени подвержена манипуляциям, поскольку формируется под влиянием разнообразных факторов, способных ослаблять друг друга или, наоборот, усиливать. Так, например, в сегодняшней Украине гражданская идентичность ослаблена влиянием национальной; а национальная, в свою очередь, формируется через образ врага – России, общее прошлое, с которым «не вписывается» в современную систему идентификационных координат. Другим примером может служить европейская идентичность, которая, по признанию самих европейцев, так и не стала реальностью. Несмотря на наличие единого «европейского пространства», фактор «своего»

прошлого зачастую одерживает верх над формальными узами «общего» настоящего. «Единая» Европа слишком молода, чтобы иметь историческую память, а значит, и европейскую идентичность. Данные обстоятельства следует иметь в виду и при конструировании национальной российской идентичности.

ГОНЧАРОВА Татьяна Александровна

*Томский государственный педагогический университет (Томск),
ga.76@mail.ru*

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ВЕРБАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЫ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ТОМСКИХ ПОЛЯКОВ*

Важной характеристикой диаспоры являются представления об исторической родине. В современных условиях, когда институциональными формами существования диаспор стали национально-культурные организации, одной из форм поддержания коллективной памяти являются диаспорные печатные издания. Качественный анализ тематического содержания печатных изданий возможен с применением лингвистических методов, которые позволяют выявить особенности вербального моделирования образа исторической родины. В качестве ключевого концепта в данном случае выступает концепт *Родина*. В Томске к числу старейших диаспор относится польская. В 1998 г. организация «Дом польский» стала выпускать газету «Dom Polski». В настоящее время издание выходит раз в два месяца на двух языках объемом 12–20 страниц. История этого издания насчитывает уже более пятнадцати лет и, следовательно, дает возможность проанализировать в динамике представления об исторической родине. Анализ газеты «Dom Polski» показал, что заметная часть публикаций о Польше посвящена выдающимся личностям – Ф. Шопену, Иоанну Павлу II и др. Также на страницах издания содержатся статьи, отражающие ключевые исторические события – первые выборы короля Польши, авиакатастрофу 2010 г., а также различные постановления польского правительства относительно Польши. В целом, анализ контекстов показал, что все многообразие выявленных признаков концепта *Родина* может быть представлено в двух основных семантических профилях: Польша, которой можно гордиться, и Польша, которая заботится о Польши.

ГРОШЕВА Галина Васильевна

*Томский государственный педагогический университет (Томск),
groshvagv@mail.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛЯКОВ В ИНТЕРНЕТ- ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА ТОМСКА**

Польская диаспора г. Томска представлена в интернет-пространстве сайтами Томской региональной общественной организации «Центр польской культуры «Дом

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-11-70001 «Славянские диаспоры г. Томска в историко-этнографическом аспекте».

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-11-70001 «Славянские диаспоры г. Томска в историко-этнографическом аспекте».

польский» в Томске», Томского польского национального центра «Белый орел», web-страницей Центра польского языка и культуры Местной общественной организации Национально-культурная автономия поляков города Томска «Томская Полония». Все организации представлены на сайте Дворца народного творчества «Авангард». Указанные интернет-ресурсы, представляя пространство репрезентации, предлагают основу для демонстрации, воспроизводства и конструирования этнокультурной идентичности поляков. Огромную роль в структуре этнической репрезентации играют образы традиционной народной культуры, посредством которых происходит актуализация образа этнического Своего. В качестве ориентиров и этнокультурных символов используются языковые средства (приветствия на польском языке, номинативы и др.), визуальные образы (польский традиционный этнический костюм, предметы быта, блюда традиционной кухни, символика народных календарных и религиозных праздников). Большое значение придается сохранению и моделированию исторической памяти. Осуществляется апелляция к общему историческому прошлому и исторической родине – Польше, поднимается тема исторической «судьбы народа» (депортации), представлен вклад поляков в развитие экономики и культуры Томской области. Огромное внимание уделяется активному вовлечению членов диаспоры в культурные мероприятия польских организаций (реклама курсов польского языка, музыкальных и театральных фестивалей, традиционных праздников и др.). Проявляемая в интернет-пространстве идентичность томских поляков формируется избирательно и во многом зависит от характера деятельности организаций, профессиональной ориентации и интересов их лидеров.

ДЕГАЛЬЦЕВА Екатерина Александровна
Бийский технологический институт (Бийск),
katerina3310@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ЛГБТ

В современном мире растет уровень агрессивности, а формирование альтернативных социальных групп и идентичностей вызывает неоднозначную оценку в разных типах обществ и при разных политических режимах. Политические факторы сегодня провоцируют глубокий кризис социокультурной толерантности. Однако одновременное существование ЛГБТ-моделей сексуального и социального поведения с традиционными моделями не должно приводить к социальным конфликтам. Важность изучения отношения общества к гомосексуальным бракам заключается, во-первых, в том, что оно может пролить дополнительный свет на российскую политику, право и общество в целом, выявить, в какой степени социальные институты могут реагировать на социокультурные и гендерные изменения. Во-вторых, изучение отношения молодежи к ЛГБТ поможет ответить и на более общие вопросы, которые стоят перед современными науками об обществе, продолжают ли в новых социокультурных, ментальных и социально-политических условиях иметь значение прежние нормы и традиции. Кроме того, необходимость реализации международных стандартов и обязательств по правам человека без какой-либо дискриминации актуализирует данное исследование. Его реализация

позволит выработать практические рекомендации относительно политических мер в сфере прав человека, образовательных методик и формируемых в процессе обучения компетенций, стратегии общественных организаций для предотвращения и пресечения гомофобии и дискриминации, выработки стратегии поощрения объективного освещения и восприятия в СМИ вопросов, связанных с гендерной и сексуальной идентичностью.

ЗАПОРОЖЧЕНКО Андрей Владимирович
ФЕДИНА Наталья Григорьевна

Новосибирский государственный педагогический университет
(Новосибирск), zanglier@yandex.ru, ngfedina@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Проблема межнациональных отношений и межэтнической толерантности в современной России относится к числу актуальных. Наиболее остро ксенофобия проявляется в молодежной среде, в том числе среди студенчества. Следует признать, что целенаправленное обучение в данном направлении в вузах не ведется. Формирование навыков толерантного взаимодействия с различными участниками образовательного процесса осуществляется стихийно. Невозможно исключить возникновение межэтнического, межнационального конфликта в условиях образовательного пространства в вузе, создавая специально «смешанные» учебные группы, игнорируя проблему межнациональных отношений. В современной России комплекс социальных обид часто принимает форму национальных. Это приводит к ощущению у населения – и у студентов в частности – притеснения со стороны этнически чуждых лиц и формированию образа национальных противников и врагов. По результатам опроса среди студентов Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ), проведенного весной 2014 г., около половины учащихся считают причиной возникновения социальных конфликтов этнический фактор. Это проявляется в отношении к мигрантам. Две трети опрошенных считают, что мигранты должны уехать к себе на родину, так как плохо относятся к русским и имеют другую конфессиональную принадлежность. Из студентов первого курса 70% склонны объяснять возникновение конфликтов при общении национальностью собеседника. Целый ряд курсов продемонстрировал доминирование этнофанатизма и этнозоизма, что может иметь следствием проявление деструктивности в межэтнических отношениях.

КАМАЛОВА Гульдар Рашитовна

Башкирская академия государственной службы и управления при
Президенте Республики Башкортостан (Уфа), guldar@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ: АНАЛИЗ ПРАКТИК

В данной работе представлены некоторые результаты исследований, проведенных автором статьи в 2005 г. и в 2013 г. по изучению языковой идентичности молодежи Республики Башкортостан. Языковая идентичности рассматривается через формирование этнокультурной идентичности и анализируется через такие показатели, как «язык

как основное средство общения», «родной язык», «язык как средство общения в инокультурной среде» и др.

По данным двух исследований большинство респондентов (90% в 2005 г. и 88% в 2013 г.) считает, что человеку необходимо знать свой родной язык. 68% (2005 г.) и 64% (2013 г.) респондентов отметили свободное владение своим родным языком наряду с русским. Большая часть респондентов отметила, что знает несколько языков. Анализ данных показывает, что большинство респондентов, знающих свой родной язык, готовы изучать второй и третий языки. Так, башкиры (80% в 2005 г.) и (84% в 2013 г.), которые знают свой родной язык и русский язык, готовы изучать иностранные языки. Русские, отметившие знание башкирского языка (25% и 22%), также выражают желание (92% и 98%) изучать другие языки народов мира (превалирует английский язык). В исследовании 2013 г. помимо английского и немецкого языков респонденты выразили желание изучить китайский (18%), японский (11,5%) и итальянский (11%). Билингвизм порождает интерес к другим языкам и культурам, при этом сохраняя позитивную этнокультурную и языковую идентичность.

КАМКИЯ Беслан Астамурович

Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов (Сочи), bkamkiya@mail.ru

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Этническое поведение имеет место в условиях определенного контекста, времени и пространства, характеризующихся различными предпосылками, предпочтениями и особенностями. Поиск универсальных закономерностей в политическом поведении этносов обречен на провал именно по этой причине. Рассмотрение свойств личности и характера ситуации (и отдельно, и в сочетании друг с другом) может стать плодотворной стратегией для контекстного анализа. В подтверждение этого тезиса в докладе приводятся примеры из социологической, политологической и психологической литературы. В докладе ставятся вопросы: как люди воспринимают политический мир? когда личность имеет значение? как информация преобразуется в мнения? что формирует личность, и когда она становится политически обусловленной? Эти вопросы в докладе интерпретируются в рамках конструкции «человек – ситуация». Контекстуальный анализ позволяет выявить причины политизации этнических взаимодействий.

В основе рекомендации для теоретической основы конструкции «человек – ситуация» лежит предпочтение определенной эпистемологии причинности. Обосновывается недостаточность такой социологии, при которой социальный мир предстает как обусловленный простыми линейными причинно-следственными связями. В докладе обосновывается альтернативный подход, подчеркивающий многочисленные причинно-следственные связи и условные факторы, которые более близки к реальности. Причинно-следственные закономерности гораздо более сложны, чем простая линейная регулярность. С позиций контекстуального видения содержание справедливости в этнических взаимодействиях (в условиях возникновения напряженности) возможно выявить в процессе рассмотрения проблем, связанных с формированием стандартов справедливости, которые в свою очередь порождают новые модели поведения, отличающихся от первоначального

понимания справедливости. В докладе делается вывод: ученый должен подвергать свои теоретические размышления эмпирическим столкновениям, но не для того, чтобы проверить их правильность, а чтобы открыть для себя картину условий. При контекстуальном анализе картина этнических взаимодействий становится более полной.

КАРАВАЕВА Дина Николаевна

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), dina.karavaeva@bk.ru

АНГЛИЙСКОСТЬ: ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ (на материалах современной Северной Англии)

Доклад представляет результаты комплексного историко-антропологического исследования дискурса английской идентичности (сложной идентичности «титულიной нации») в ее национальной, этнической и региональной проекциях (т.н. «матрешка идентичностей» – британскость, английскость, североанглийскость), в многослойном дискурсе. Данная работа обращается к английскости в ситуативных и изменчивых «диалогах», в том числе историографического, общественно-политического, экономического, литературно-кинематографического и повседневно-бытового толка; обращается к «этнодискурсу» индивидуальных высказываний и коллективных мнений, а также анализу контекстов (иммиграция, регионализм, глобализация и пр.). Исследование позволяет по-новому взглянуть на исследование феномена идентичности, являющегося как системой отношений, существующих и продуцирующих определенный дискурс, так и комплексом представлений, тесно связанных с понятием территориального образа и бренда. Исследование также содержит множество впервые вводящих в научный оборот эмпирических данных о населении Англии.

Основные модели региональной североанглийской идентичности: локальные модели – Север как индустриальный, урбанистический край, пространство рабочего класса и Север как современное урбанизированное и природное пространство, конгломерат историко-культурного наследия различных локальных сообществ, край андеграундной молодежной культуры; магистральные модели – Север как регион-порт, регион-транзит и Север как космополитичный мультикультурный край. Сегодня противостояние региональной, национальной и интернациональной ипостасей идентичности создает причудливую картину: северянин ищет себя в индустриальном прошлом, потребительском настоящем и неопределенном постиндустриальном будущем. Ключевой категорией региональной идентичности выступают концепты локальности, «малой родины»; таким образом, корректнее говорить не об общей североанглийской идентичности, а о множестве североанглийских идентичностей.

КОРОВУШКИН Дмитрий Георгиевич

ООО «Эксперт» (Новосибирск), peka1963@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕЛЬСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ДИАСПОР ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Сельские переселенческие диаспоры Юга Западной Сибири в своей основе сформировались в конце XIX – первой

трети XX в. Сложившийся в этот период этнокультурный облик населения Западной Сибири и составляющих его диаспоральных групп в последующем претерпевал многочисленные и многоплановые трансформации, в том числе трансформации этнического самосознания. Последние являются прямым следствием этнокультурной и языковой адаптации (фактически, ассимиляции) этнолокальных групп нерусских переселенцев, численно преобладающим русским этнотерриториальным массивом, в массе которого они в той или иной степени растворены. Несомненно, именно трансформациями этнического самосознания объясняется стремительное снижение переписной численности и доли нерусского не автохтонного населения в общей его массе. Резкое падение численности не автохтонных этнических групп, демонстрируемое результатами переписей населения начала текущего столетия по всем субъектам Юга Западной Сибири, индицируют нарастающие масштабы смены официального этнического самосознания.

КУБАНОВА Лиана Владимировна

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований (Черкесск), lianakubanova@mail.ru

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛОЧИСЛЕННОГО НАРОДА АБАЗИН В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В работе анализируются особенности демографических процессов абазин, коренного малочисленного этноса, проживающего в полиэтнической Карачаево-Черкесской республике. В ходе подъема этнополитической активности в постсоветский период абазинскими общественными движениями неоднократно поднимался вопрос об образовании национально-территориального района в местах этногеографического расселения абазин. В 2006 г. в результате референдума, проведенного в районах их компактного проживания, после протестных выступлений и решения Чрезвычайного съезда абазинского народа был образован Абазинский район. Исследование показало, что актуальными для абазин остаются этнодемографические проблемы. На основе эмпирических данных сделан вывод о том, что определенные социально-экономические и этнополитические причины определяют достаточно высокий уровень миграционных ориентаций молодежи. При сохраняющихся тенденциях демографические показатели абазин в ближайшей перспективе не претерпят значительных улучшений.

ЛУКИЧЕВА Любовь Юрьевна

Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области (Ульяновск), lubonika@mail.ru

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ-ЭМИГРАНТОВ ИЗ РОССИИ (по результатам пилотажного исследования)

События последних десятилетий конца XX – начала XXI вв. отразились на судьбе практически каждого человека. Распад Советского Союза определил не только территориальные границы, но и самоидентификацию населения республик. Прошло уже более 20 лет, активно работают программы по переселению соотечественников из-за рубежа, ведется политическое, экономическое, социальное сотрудничество с другими странами. Однако вопросы само-

идентификации эмигрантов остаются актуальными и до сих пор. В 2014 г. было проведено пилотажное исследование на тему: «Культурная идентичность эмигрантов из России» (на примере выпускников вузов 2000-х гг.). Результаты исследования позволили выявить несколько взаимосвязанных блоков, которые составили феномен культурной идентичности мигрантов: влияние семьи на человека (взаимоотношения, миграционные установки, образовательные и культурные стандарты); специфика полученного образования; причины переезда, особенности миграционных предпочтений; социальное самочувствие мигрантов после переезда; самоопределение (национальное, культурное) мигрантов за рубежом.

МАКСИМОВА Ольга Николаевна

Оренбургский государственный аграрный университет (Оренбург), onmaksimova@mail.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: АКТОРЫ, СИМВОЛЫ, ДИСКУРС

Будущую повестку дня, будущую политическую реальность любого государства будет формировать молодежь. Влияние социокультурных факторов на процессы и направления политической мобилизации и обратное воздействие политической системы на этнонациональные процессы позволяет обратить внимание на лекала, по которым «раскраивается» идентичность современной молодежи. Факторами, внедряющими определенную политическую риторику в общественное сознание молодежи, формирующую поведение, обусловленное новыми ценностными установками являются субъекты, заинтересованные в конструировании определенного типа этнополитической культуры. К таким акторам можно отнести общественные структуры, политические партии, конфессиональные группы, средства массовой информации, этнические сети. Этнополитический дискурс, проецируемый основными субъектами этнополитического процесса на общественное сознание, имеет публичную и латентную сторону. Важная роль в процессе конструирования идентичности молодежи на современном этапе отводится стратегиям правящего режима в отношении к символическому националистическому капиталу. Рост национализма и ксенофобии – это обратная сторона отсутствия публичной политики. Ценности и нормы, на основе которых в тех или иных сообществах происходит социализация молодежи, профилируют этнополитическую культуру данной демографической группы общества. Известно, что возможность для социально-политических изменений открывается при условии накопления некоего культурного капитала в новых поколениях. О качестве культурного капитала российской молодежи, в свете проекций будущей политической реальности, необходимо серьезно задуматься сегодняшним субъектам этнополитического процесса.

МАХМУТОВ Зуфар Александрович

Институт истории АН Республики Татарстан (Казань), zufar@inbox.ru

ЭТНОАФИЛИАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ ТАТАР КАЗАХСТАНА

Наше исследование основано на проведенных нами этносоциологических опросах и глубинных интервью среди

татар Алматинской, Восточно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Южно-Казахстанской, Кустанайской, Павлодарской, Карагандинской областей Республики Казахстан в 2005–2014 гг.

Согласно нашим данным, для татарского населения достаточно характерными являются этноаффилиативные тенденции: около 76% респондентов заявило: «я никогда не забываю, что я представитель своего народа» и более 80% татар считают, что «человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы».

Наибольшее стремление к психологическому единению со своей этнической группой продемонстрировали татары старшей возрастной группы, наименьшее – татары 1970-х гг. рождения, чья социализация прошла в период, когда доктрина этнонигилизма в СССР, подкрепленная интенсивными процессами языковой и культурной ассимиляции среди народов страны, достигла наивысшего расцвета.

Помимо возрастного фактора, существенное влияние на индикатор групповой солидарности оказывают религиозный и языковой факторы. Нами была зафиксирована корреляция уровня этноаффилиативных установок со степенью религиозности и компетенцией респондентов в знании национального языка. Также значение имеет и компактность проживания татар в том или ином регионе: чем больше доля татар в регионе, тем выше среди них уровень этноаффилиативных установок.

Высокие этноаффилиативные установки в целом характерны для татарского населения, проживающего как на исторической Родине, так и за ее пределами, что с одной стороны, свидетельствует о высоком позитивном образе «Мы», с другой о коллективистском типе культуры, характерном для данной этнической группы.

НЕМЫЧЕНКОВ Владимир Иванович

Международный общественный Фонд святого всехвального апостола Андрея Первозванного (Москва), vladnem@list.ru

РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Перед каждым человеком и народом в целом стоит метафизическая задача осмысления себя и своего места в мире, цели своего бытия, то есть задача познания истины и приобщения к ней. У всех исторических народов эту задачу выполняла религия. Сохраняемые в традиционной религии истина и способ приобщения к ней в нерелигиозной сфере образуют культурные смыслы и ценности. Поэтому культуру можно определить как совокупность средств и способов познания, выражения и передачи истины следующим поколениям, а также совокупность способов освоения окружающего мира в соответствии с целями, указанными познанной истиной. При князе Владимире произошел выбор того типа религиозной и культурной идентичности, в соответствии с которым предстояло преобразить, изменить, перестроить практически всё: мировоззрение, государственную власть, правовую систему, искусство, письменность, семейные и межличностные отношения, быт и т.д., наконец главное, самого человека. Плодами этого великого духовного и культурного преображения стали не только русское православное богословие и церковные искусства – иконопись, фрески, церковное зодчество, но и философия, светские искус-

ства – литература, живопись, музыка, архитектура, которые являются частью великой русской культуры. В современной России доминирующей является именно русская культура, которая в процессе своего развития аккумулировала в себе богатства культур многих народов и сопредельных цивилизаций, однако определяющим фактором ее становления и формирования было православие. Все этносы, входившие в русское государство, развивались в поле русской культуры и под ее влиянием.

СИДОРЕНКО Наталья Сергеевна

ОВДИЕНКО Виктория Игоревна

*Кубанский государственный университет (Краснодар),
movdienk@mail.ru*

СОВРЕМЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПАТРИОТИЗМА В РОССИИ И ПРОБЛЕМА УТРАТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Иван Ильин писал о том, что патриотизм предполагает некое духовное родство, причастность собственной культуре и ее достижениям. Нужно вырасти русским человеком, чтобы любить русских и Россию. А современный человек, привыкший по-деловому подходить к решению любого вопроса, забывает, что многие проблемы неразрешимы путем проведения ряда соответствующих мероприятий, поскольку относятся к вопросам, так сказать, интуитивного и инстинктивного свойства. Так и с феноменом патриотизма. Здесь велика роль инстинктов, интуиции, эмоций, словом, того пласта человеческой личности, который трудно описывать в категориях логики. Нечто необъяснимое общее связывает каждого из нас со своим народом и будет продолжать связывать, даже если отдельные индивиды исчезнут, полагал И. Ильин. Но может ли возникнуть такое необъяснимое чувство в душе человека, не знающего своей культуры, человека, не имеющего возможности участвовать в ее трансляции через традиции, ведь именно таким человеком стал современный россиянин? Ответ очевиден.

Идеология патриотизма в современной России будет действенна только тогда, когда будет сопровождать меры по возрождению культуры и укреплению семьи. А в пространстве усвоенных извне чуждых для российского общества ценностей любая попытка привить патриотизм окажется несостоятельной.

ОСТАПЕНКО Любовь Викторовна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), Lost_82@mail.ru*

РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ КИРГИЗИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ*

Киргизия – одна из стран ближнего зарубежья, где русские, несмотря на миграцию, еще сохраняют свое присутствие. Будущее русской диаспоры в значительной мере зависит от поведения русской молодежи, ее этнокультурных ориентаций, социально-экономических позиций, миграционных настроений, характера отношений с киргизами и т.п.

* Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 14-06-90102 «Молодежь в системе межэтнического взаимодействия в полиэтнических средах. Киргизия».

Материалы проведенного в 2014 г. этносоциологического исследования среди молодежи разной этнической принадлежности показали, что ситуация в этом отношении далеко не однозначна. С одной стороны, большинству русских юношей и девушек не свойственна актуализация своей этнической принадлежности, они поддерживают широкие контакты с киргизами, стараются перенять положительные элементы культуры киргизов, интересуются историей Киргизии, многие считают Киргизию Родиной, и т.п., с другой – они не только полностью осознают себя русскими, аргументируя это рядом факторов, но и пользуются преимущественно русским языком практически во всех сферах жизни, ощущают себя этническим меньшинством, признавая факты дискриминации русских. При тенденции к росту материального благосостояния русской молодежи четко фиксируется процесс межпоколенной нисходящей мобильности – снижение уровня образования и социально-профессионального статуса респондентов по сравнению с их родителями. Будучи достаточно аполитичными, многие молодые люди, тем не менее, готовы участвовать в протестных акциях в случае серьезного ущемления их экономических интересов или резкого ухудшения отношения к русским со стороны властей и местного населения.

ОШРОЕВ Рубен Германович

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Нальчик), ruben.kbr@mail.ru

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ОРИЕНТИРОВ КАК ФАКТОР УГРОЗ И РИСКОВ В СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

С конца 80-х гг. XX в. этничность стала альтернативным и основным источником удовлетворения потребностей населения Кабардино-Балкарии в идентификации, которая в силу объективных факторов утратила свою привлекательность ко второй половине 1990-х гг. Естественной реакцией населения стало «отправление в поход» в поисках источников идентификации – «детерминантов» надлежашего социального самочувствия.

В условиях отсутствия государственной идеологии, цементирующей идентификационное пространство поликультурного массового сознания, в условиях кратковременного ее замещения имманентными составляющими в форме возрождения этничности и ее затухания, внушительная часть населения стала находить идентификационные ориентиры в религиозном фундаментализме. Этому способствовали такие условия и факторы, как социальная депривация и фрустрация, порожденные нереализованными обещаниями регионального и общегосударственного масштабов, массовая безработица, трудоизбыточность региона, поляризация общества, а также повышение влияния внешних сил, которые в целом стали формировать и укреплять протестные настроения в среде самых различных категорий населения.

Своего рода нормой стали проявления апатии и инертности, которые дополнились социальной anomией и социальной энтропией. Последнее проявилось не просто как мера неупорядоченности, расстройств современной Кабардино-Балкарского общества, но и как мера несоответствия его состояния принятым целевым установкам.

Следствием отмеченных процессов стало повышение криминогенной обстановки в обществе, уход определенной части молодых людей в подполье. В этих условиях обострилась проблема диалога между властью и обществом как главного фактора в борьбе против угроз экстремизма и терроризма.

ПАПЦОВА Алла Константиновна

Комратский государственный университет (Комрат, Республика Молдова), papcova@mail.ru

ОБРАЗ ПРОШЛОГО ГАГАУЗОВ МОЛДОВЫ – КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Гагаузы – православный тюркоязычный этнос, катализатором этнической мобилизации которого стали социокультурные трансформации второй половины XX в. В 1994 г. Республика Молдова признала статус Автономии Гагауз Ери. Возможность и успешность становления Автономии предопределялась тем обстоятельством, что еще в конце XIX века постепенно начал формироваться гагаузский культурный проект, важнейшей составляющей которого явился специфический образ прошлого. Образ прошлого эволюционировал и в настоящее время активно развивается. На целостность гагаузского культурного проекта не влияет то, что его становление происходило в условиях сложных геополитических трансформаций. В отличие от многих других нациообразующих конструкторов культурный проект гагаузов изначально выстраивался не как европейский проект. Это позволило избежать комплексов «европейской неполноценности» и «самоколонизации». Наиболее значимым для него было подчеркивание связи с тюркским миром. Однако и отношения с тюркским миром выстраивались не по типу «центр – периферия». Гагаузский мир представал более цельным и завершенным, так как обладал «правильной верой». Значимость религиозной идентичности для гагаузов велика, возрастание значения этнической идентичности и возрастание значения языка просто трансформировали проявления значимости религиозной идентичности. На каждой новой ступени эволюции гагаузский культурный проект впитывал укрепляющие его идеи, мимикрируя в соответствии с трендами эпохи. Содержатся в нем и черты советского проекта, а сейчас он приобрел черты и европейского проекта, акцентируя «первенство в толерантности», благодаря которой удалось явить миру образец успешного разрешения межэтнического конфликта.

РАБИНОВИЧ Роман Аронович

Университет Высшая антропологическая школа (Кишинев, Республика Молдова), rotanescu@mail.ru

РЯБЦЕВА Светлана Станиславовна

Институт культурного наследия АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова), sveta_earing@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ В ПРУТО-ДНЕСТРОВЬЕ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВУЮ ЭПОХУ

Географическое положение Пруто-Днестровского региона (далее – ПДР) на стыке Восточной, Юго-Восточной и

Центральной Европы уникально. Исследования ПДР в разные археологические эпохи показывают чуть ли не закономерность его традиционного расположения в пограничье, на периферии влияния одновременно сразу нескольких значительных культурно-исторических миров.

В эпоху раннего средневековья эти миры оказывали на ПДР активное культурно-историческое воздействие, иногда в виде непосредственного переселения сюда населения – носителя тех или иных этнических и культурных традиций, что привело к созданию здесь уникальной этнокультурной ситуации. В ПДР одновременно проживало и находилось в активном культурном взаимодействии как оседлое население, представляющее сразу три ветви славянства – восточных, западных и южных, так и оказавшее на последнее влияние кочевое и полукочевое население Восточной Европы – тюрко-болгары, венгры, печенеги, половцы, монголы.

Восточнославянское население представлено древностями лука-райковецкой и древнерусской археологических культур, южные славяне – памятниками балкано-дунайской культуры (культуры Первого Болгарского царства), а как принадлежащие западнославянскому этносу интерпретируются нами поселения типа Екимауцы-Алчедар.

Вклад в материальную культуру евразийских кочевников – тюрко-болгар и венгров, особенно презентативен на памятниках в центральной зоне междуречья Прута и Днестра. На севере – на городищах типа Екимауцы-Алчедар, как показывают последние исследования, также чувствуется их влияние в наборе вооружения, снаряжения коня и всадника, ювелирном уборе и домостроительстве (очаги, тамбуры входа в жилища).

РЕВА Нина Максимовна

РЕВА Лариса Григорьевна

Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев, Украина), LesyaReva@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ДУХОВНОСТИ И ПРАВСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Образ современного человека с его стилем жизни и качеством знаний меняется вследствие процессов информационной революции. Технологические инновации влияют на мобильность и открытость информационных процессов, которыми пользуется человек. Качественный и количественный поток информационных ресурсов, в свою очередь, выдвигает перед научными организациями неотложные проблемы. Среди них не последнюю роль играет литературоведение, в частности, художественная литература, публицистика, которая еще более чувствительна к отображению окружающего и его героев, – именно они призваны влиять на формирование эстетической и этической культуры человека, его сознания. Проблема особенно остро стоит в наше время, на стыке XX–XXI вв. Однако, как бы детально мы не рассматривали предмет и то, собственно, что сделало литературную биографику именно литературной биографикой, без ее предыстории нам не обойтись. Биографические произведения всегда были объектами номер один как у писателей, так и в критической литературе.

РОЖНОВА Ольга Юрьевна

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина (Бийск), orognova@mail.ru*

СОБСТВЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛОНИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭТНИЧНОСТИ

Мировая глобализация, с одной стороны, объединяет, а с другой, ведет к изменению формы социальной организации культурных различий. Исправить ситуацию помогают национальные центры. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. на фоне подъема национального самосознания в крупнейших городах Западной Сибири стали возникать польские национальные центры, объединившие этнических поляков и лиц польского происхождения с целью возрождения, сохранения и развития этничности. Таким образом, польское присутствие в Западной Сибири оформилось в полонийные организации, которые в определенной степени позволили восполнить утраченные в прошлом национальные особенности. Одно из направлений работы, предусмотренных уставом полонийной организации – издательская деятельность и формирование собственных средств массовой коммуникации. В совокупности различные виды средств массовой информации, принадлежащие польским объединениям, образуют информационное пространство, которое, во-первых, предназначено для лиц, имеющих прямое отношение к польской диаспоре, во-вторых, в них представлена полонийная тематика, в-третьих, они образуют информационную площадку для установления контактов и общения по вопросам Полонии. Собственный информационный ресурс выполняет функции, связанные с воспроизводством, сохранением и трансляцией национальных традиций, языка и культуры. Информационное поле, формируемое средствами массовой информации Полонии Западной Сибири, выступает базой конструирования национального самосознания и дает возможность человеку, оказавшемуся вдали от исторической родины, реализовать свои потребности в информации и в поддержке связей с соотечественниками. Собственное информационное пространство – это способ трансляции себя миру в качестве поляка.

САЛОХИН Николай Павлович

*Омский государственный технический университет (Омск),
salokna@yandex.ru*

ЕДИНИЦА ИДЕНТИЧНОСТИ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ ТРАНСФОРМИРУЕМОЙ РОССИИ

Конституция провозглашает Россию симметричной федерацией имманентно равноправных субъектов государства. Регионально-национальный аспект управления имеет стратегическое значение для государства и общества. Попытки создания национально-государственной идеи и концепций национальной стратегии не получили логического завершения, столкнувшись с противоречием идентичности и самоопределения. Указанное противоречие, объективируясь гносеологии «русского» и «российского», тормозит утверждение социальных отношений постмодерна. Принадлеж-

ность четырех пятых населения России к русскому народу – реальность, определяющая содержание управления как на федеральном, так и на региональном уровнях. Признавая этот этно-демографический факт, теории и практики устойчиво продолжают разрабатывать общероссийскую онтологию. Но утверждение российской национальной идеи предполагает существование россиян как субъекта – носителя таковой. В отдаленной перспективе мы видим возможность складывания общности россиян, но в современных условиях таковые выступают теоретико-гносеологическим концептом, не имеющим места в действительности. Конструирование российской национальной идеи в реалиях государственности России являет онтологическую ошибку субъекта управления, стремящегося виртуальных россиян представить как единицу социального в системе бытия общества, осуществляющего постиндустриальный проект. Региональная и национальная политика в системе управления являют два краеугольных основания внутренней жизни. Баланс регионального и национального в системе управления, равно как и отношений саморегуляции, обеспечивает устойчивость власти, укрепляет территориальную целостность и единство государства и общества.

САМАРКИН Сергей Владимирович

*Костанайский государственный педагогический институт
(Костанай, Республика Казахстан), ssamarra@mail.ru*

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРО- КАЗАХСТАНСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА (на примере Кустанайского уезда/губернии)

В результате переселенческих процессов население Североказахстанского региона в период между переписями 1897 и 1926 гг. увеличилось более чем в два раза. Изменилась национальная структура населения. Удельный вес казахского населения снижается, увеличивается доля других этнических групп. Согласно переписи 1897 г., на украинском языке разговаривало 2,3% населения Кустанайского уезда (3537 человек). В дальнейшем число «малороссов» значительно выросло. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., число украинцев в Кустанайской губернии составляло 160844 человека (41,3% от общего числа жителей) – самый большой показатель среди всех национальностей. При этом пятая часть из них уже не считала украинский язык родным, а родной грамотой владело лишь 9,6%. Это свидетельствовало об активном процессе языковой ассимиляции. Несмотря на проблемы, связанные с постепенной потерей национальной идентичности, украинское население активно влияло на общее культурное развитие региона. Так, украинская труппа «Промінь» заняла на местных театральных подмостках ведущие позиции, а позже волилась в состав созданного областного драматического театра. В течение нескольких месяцев 1925 г. в кустанайской прессе активно дискутировался вопрос об открытии школ на украинском языке. Однако проблема их создания так и не вышла за рамки предварительного обсуждения. К этому времени завершился первоначальный процесс формирования полиэтнической структуры Североказахстанского региона, в котором украинский национальный элемент сыграл одну из решающих ролей.

СМИРНОВА Тамара Михайловна

*Государственный университет аэрокосмического
приборостроения (Санкт-Петербург), tokva@inbox.ru*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СПОРТИВНЫЕ ОБЩЕСТВА ПЕТЕРБУРГА КАК ФОРМА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВОСПИТАНИЯ (конец XIX – начало XX века)

Вторая половина XIX в. в России – начало физического воспитания и спорта как компонентов общественной жизни. Среди них не последнее место занимали национальные спортивные общества, объединяющие лиц одной этнической принадлежности. Первое национальное спортивное общество Петербурга – немецкое гимнастическое общество «Пальма», созданное в 1863 г. В 1864 г. в столице появилось английское гребное общество «Стрела». В 1898 г. начинается свою деятельность одно из самых крупных и успешных национальных спортивных обществ Петербурга – эстонское общество «Калев», 1901 – Финское гимнастическое общество, 1908 – еще одно эстонское спортивное общество – «Выймула» («Сила»). В начале XX в. в Петербурге начинается сокольское движение – культивирование славянской системы физического воспитания, работали русские, чешское и польское общества «Сокол». В 1914 г. было создано общество «Kamraterna» («Товарищество») для молодежи, говорящей по-шведски. На 1 января 1915 г. в Петрограде работали, кроме перечисленных, следующие национальные спортивные общества: немецкое общество «Фразин», общество любителей бокса «Цестус», атлетический клуб «Кениг», французский тиринг-клуб, финский спортивный и гимнастический кружок «Тармо», гимнастическое еврейское общество, спортивный кружок при Петербургском эстонском обществе молодых людей. Кроме непосредственно спортивных задач, в уставах национальных обществ предусматривалось устройство спектаклей, концертов, семейно-танцевальных вечеров, а также издание спортивных газет. В сокольских организациях практиковались хоровое пение, оркестровая игра, музыкальные и танцевальные вечера, общие прогулки. В помещениях обществ устраивались библиотеки, читальни, выставки и даже музеи. Национальные спортивные общества способствовали поддержанию этнокультурной идентичности в условиях многонационального мегаполиса.

СМОЛИНА Наталья Сергеевна

*Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург),
n.s.smolina@urfu.ru*

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОСТСОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА: ВОЗМОЖНОСТЬ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Понятие «идентичность» в современных исследованиях приобретает значение категориальной рамки для описания трансформационных процессов в постсоветской действительности, позволяя исследователям проанализировать изменения с точки зрения агента социальной системы. Важная проблема здесь – соотношение коллективной и персональной идентичности: где индивид – социальный агент и потому источник социальных изменений, а где человек проявляет групповую лояльность, не рационализируя процесс идентификации и составляющие собственной

идентичности. В глобальном смысле проблема может быть обозначена, как индивид в контексте социальной системы. Второй пласт теоретических проблем – как составляющие коллективной идентичности модернизируют/консервируют социальную действительность. Выявленные противоречия позволяют по-другому посмотреть на процессы социальной трансформации.

ТАЙМАСОВ Леонид Александрович

*Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
(Чебоксары), taymasov@mail.ru*

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В современной России вопросы самоопределения и национальной идентичности приобрели огромную общественную значимость. В представляемом докладе рассмотрена роль религиозного фактора в процессе трансформации национальной идентичности народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. Широкое внедрение миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского в религиозное обучение и воспитание привело к масштабной этноконфессиональной дифференциации полиэтнического населения. В мозаичном сообществе христиан, мусульман, язычников религиозная принадлежность являлась определяющей в самоопределении и выборе этноидентичности. Так, принятие ислама чувашами, марийцами, удмуртами приводило к их отатариванию, приверженцы традиционных религий признавали себя истинными представителями исторических этносов, что отразилось в самоназваниях таких этноконфессиональных групп, как: «чи мари» (истинный мариец), «чн чваш» (истинный чуваш) и т.д. Основная часть крещенных народов, восприняв христианские ценности, сохранила этноидентичность, твердо определившись с конфессиональным выбором. Трансформация идентичности на основе православия способствовала формированию национальных элит, сближала новокрещенных с русскими и другими православными россиянами, способствовала складыванию общегражданской идентичности. Этнокультурные процессы рубежа XIX–XX вв. отражены в работах представителей поволжских народов: Н.В. Никольского (чуваш), М.Е. Евсеева (мордвин), В.Т. Тимофеева (татарин), Г.Е. Верещагина (удмурт), Г.Я. Яковлева (мариец) и др. В советскую эпоху борьба с религией привела к снижению роли религиозного фактора в самоопределении и выборе идентичности народов, однако в постсоветскую эпоху он снова стал одним из основных в этнокультурных процессах.

ТЕРЕЩЕНКО Татьяна Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), tatere@yandex.ru

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

В силу своих специфических характеристик изобразительное искусство способно представить чрезвычайно интересные материалы для изучения восприятия других народов

(или обобщенно «Других»), культурных отличий, этнических стереотипов и др.: это, прежде всего, конкретность и наглядность при полисемантизме, а также обобщенность, сочетающаяся с ограниченным набором характеристик персонажей. Очевидно сходство этих качеств изобразительного искусства с этностереотипами, отличающимися упрощенностью, а также акцентом на ограниченном количестве характеристик. Дополнение изучения феноменов, осмысливающих восприятие себя и «Других» визуальными материалами, способствует их комплексному всестороннему осмыслению. Особое значение имеют ретроспективно-исторические исследования такого рода. Они помогают осмыслить соответствующие современные феномены, выявить определенные универсалии существования и развития этих феноменов, провести их сравнительный анализ. Особое значение здесь принадлежит эпохе античности, что связано с тем, что именно туда уходят корни многих паттернов восприятия инаковости, в первую очередь этноцентризма. Главными особенностями осмысления и репрезентации инаковости древнегреческим искусством являются: синкретизм разных видов «Других» – этнических, псевдоэтнических и неэтнических, каждый из которых мог отражать межэтнические отношения, культурные и расовые отличия; схематизм – доминирование устойчивой визуальной схемы; дихотомизм характеристик «нас» и «Других», представленный посредством традиционных средств изобразительного искусства.

В докладе будут представлены и проанализированы наиболее значительные и характерные примеры репрезентации образов «Других» в античном искусстве.

ХАРИТОНОВ Александр Михайлович

*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (Владивосток),
mavr@tig.dvo.ru*

ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДА В ОДНОМ НОГАЙСКОМ РОДОСЛОВНОМ ПРЕДАНИИ

Русские фамилии тюркского происхождения не являются редкостью. Но вот в недавно переизданной монографии дореволюционного российского историка В.Д. Смирнова «Крымское ханство XIII–XV вв.» [М., 2011] приведена ногайская родословная легенда. Согласно ей предком ногайцев является Улус. Его сын Байрас имел трех жен. Дети от первой жены звались Етишкэ-Оглу, от второй – Еди-Сан и от третьей – Гэлье. Мы обратили внимание, что если имя Улус передать как Урус (в смысле – русский), то сыном этого Руса окажется Борис, сыновья которого отзываются на имя детишки, дети и огольцы. Это навело нас на мысль, что единственными историческими фигурами, отвечающими этим требованиям, являются Владимир (Булат-Темир?) Святой и его сын Борис. Последний во главе печенегов неоднократно пытался перехватить престол Киева у своего брата Ярослава по «Эймундовой саге» и был, в конце концов, убит варягами.

Насколько верно предание? Трудно сказать. Ведь в основу родословий, составляемых «задним числом», нередко попадали сведения, которых у исторических персонажей более ранних времен быть не должно. Однако согласно иным тюркским родословиям Рус, Тюрк и Славен были братьями,

и пересечение этих персонажей, как видим, оказалось возможным и в других родословных легендах. Да и имя Урус известно среди татар в средние века, в т.ч. и у ханов.

ХЎЖАХОНОВ Исмоилжон Мансурович

Институт истории АН Республики Узбекистана (Ташкент, Республика Узбекистан), khujahonov@mail.ru

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЗБЕКСКОГО НАРОДА (историографическо-методологический анализ)

Работы, посвященные изучению проблемы этнической идентичности узбекского народа с теоретическо-методологической точки зрения, написаны на основании двух следующих подходов: примордалистического и конструктивистического.

В примордалистическом направлении этническая идентичность узбекского народа изучается на основе принципов «Теории этноса». Согласно данной теории формирование узбекской идентичности представляет собой непрерывно продолжавшийся исторический процесс. Этногенез узбекского народа начался с античного периода или последней эпохи бронзы, и в XI–XII вв. узбеки окончательно были сформированы как народ, этноним узбек был освоен достаточно в поздний срок. В начале XX вв. узбеки делились на следующие три крупные субэтнические группы: сарты, «тюрки» и дештикипчакские узбеки. Далее они были консолидированы в рамках единой узбекской нации. В последние годы формирование этнической идентичности в Средней Азии изучается и на основе принципов конструктивистического подхода. До прихода в регион России этнические понятия в жизни общества уступали место религиозным, территориальным, родо-племенным и др. в повседневной идентичности народа. Формирование узбекской идентичности непосредственно связано с социально-политическими процессами в регионе; в частности, советская власть в целях раздробления крупных языковых и религиозных объединений искусственно создала почву на появление современных среднеазиатских наций. Признавая уместность исторического подхода в исследовании проблемы формирования узбекского народа и его этнической идентичности, также нельзя отрицать важное значение социально-политических процессов, имевших место в 20-е гг. XX в. в развитии национальной идентичности.

ЧИРКИНА Евгения Михайловна

Новосибирский государственный университет (Новосибирск), evi99@yandex.ru

НЕОЯЗЫЧЕСТВО В СРЕДЕ МОЛОДЕЖИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

В России с 1990-х гг. ведется активная разработка молодежной политики. «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2016 г.» (2006 г.), делая акцент на обеспечении национальной безопасности, предполагает разработку программ духовно-нравственного воспитания с учетом вариативности моделей самоопределения. В среде молодежи Сибири в последние годы заметно усиливаются неоязыческие (глав-

ным образом – славянские) группировки. Социокультурные перемены эпохи глобализации влияют на мировоззрение, ценности и стратегии самоидентификации молодежи. Эксперименты с неоязычеством как совокупностью квазирелигиозных социо-культурных практик обеспечивают равновесие индивидуальной и социальной жизни молодого человека. Игровая природа неоязыческих практик является органичным форматом для юношества. Но популярность неоязыческих группировок оборачивается распространением жизненных стратегий, основанных на представлениях об «истинной вере и ценностях нации». Самоопределение на основе конфронтации деструктивно. Есть примеры экстремистской деятельности неославянских организаций. В 2009 г. в Сибири, в г. Омске была прекращена деятельность Древнерусской церкви православных староверов-инглингов в связи с пропагандой ею расового превосходства «славяно-ариев». Однако неоязычество в Сибири продолжает развиваться при поддержке российских и европейских центров, включая: Союз славянских общин славянской родной веры (ССО СРВ), Велесов круг, Круг языческой традиции, Европейский конгресс этнических религий (ЕЦЕР). Одна из крупных общин ССО СРВ существует в г. Новокузнецке. Повсеместно в Сибири распространено движение анастасийцев. В значительной степени деятельность этих структур опирается на молодежные инициативы.

ЧУГАЕВА Ирина Григорьевна

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), irinachugaeva555@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В современном мире обостряются процессы, приводящие к размыванию культурных границ, утрате первостепенного значения национальной культуры как главного фактора, формирующего идентичность молодого человека. Кризис национально-культурной идентичности личности юношей и девушек проявляется во внутренней нестабильности, потере ценностных, смысловых, мотивационных ориентиров. В связи с этим возрастает значение образования как социального института, позволяющего сделать процесс формирования личности учащихся целенаправленным, устойчивым и определенным. Большими возможностями формирования национально-культурной идентичности личности обладает художественное образование, цель которого – развитие целостной личности, аккумулирующей в себе духовные богатства национальной и мировой культуры. Ценностно-смысловое восприятие художественного произведения затрагивает механизмы эмпатии и рефлексии, активизирующие когнитивные процессы осмысления художественного явления в сопоставлении со своим личностным опытом, культурной принадлежностью. Мы определяем национально-культурную идентичность личности учащегося как результат осознания им в процессе ценностно-смыслового восприятия художественного произведения собственного «Я» как целостного, активно действующего и ответственного субъекта, для которого характерны: стремление к самопознанию, самопониманию, ценностному самоопределению и творческому самовыражению. Эффек-

тивным средством формирования национально-культурной идентичности личности учащихся является художественная коммуникация, которая представляет собой педагогически организованное полисубъектное взаимодействие учащихся с миром художественной реальности, нацеленное на ценностно-смысловое восприятие художественного произведения. Данный способ организации художественной коммуникации возможен в рамках герменевтического подхода, через постижение учащимся смысла художественного произведения, субъективное переживание и порождение собственного смысла в процессе коммуникации с учителем, сверстниками, самим собой.

ШИЛОВ Николай Владимирович

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва), shilov13@mail.ru*

**МОРДОВСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ В 1990-е – СЕРЕДИНЕ 2010-х гг.:
ОТ ОППОЗИЦИИ К СОЦИАЛЬНОМУ
ПАРТНЕРСТВУ**

В 1990-е – начале 2000-х гг. в Республике Мордовия (РМ) формируется национальное движение мордовского (мокшанского и эрзянского) народа. Первые мордовские этнокультурные организации («Вельмема», «Вайгель», «Масторава»), а также I съезд мордовского народа подвергли открытой и зачастую весьма острой критике власти – федеральные и особенно местные, республиканские – за недостаточное внимание к культурным, языковым и социальным, демографическим проблемам мордовского народа. Однако в дальнейшем этнокультурное движение мордвы встало на путь конструктивного сотрудничества и социального партнерства с политическим руководством РМ, что в полной мере нашло отражение в последующих (II–VI) съездах мордовского народа и во время масштабных торжеств, связанных с 1000-летием единения мордовского народа с народами Российского государства. Сохранившаяся же до настоящего времени этнонациональная оппозиция в лице организации Фонд спасения эрзянского языка носит марги-

нальный характер и существенно не влияет на этнополитическую ситуацию в современной Мордовии.

ШПИЛЬКИН Юрий Иванович

Южно-Казахстанский государственный педагогический институт (Шымкент, Республика Казахстан), shpily45@mail.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ И
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ**

Одним из самых сложных и запутанных в социальных науках и социальной философии является вопрос о природе и сущности понятий этнос и нация. Во многом отсутствие парадигмальной определенности этих понятий сослужило недобрую службу в разжигании украинской трагедии.

Этнос (этническая общность, от греч. *ethnos* – народ) – исторически сложившаяся социальная общность, отличающаяся уникальными характеристиками культурного фонда и обладающая этническим самосознанием, менталитетом и групповой идентичностью. В качестве главного критерия для определения конкретных этносов выдвигается субъективный признак – идентичность, а в качестве внешнего проявления – этноним, самоназвание. Русскому человеку, да и не только русскому, далеко не безразлично, если его будут называть украинцем, казахом или белорусом. Более того, могут запретить говорить на родном языке, как это произошло в Крыму и на юго-востоке Украины.

Понятие «нация» (от лат. *natio* – народ, племя) понимается как социальная общность людей, совокупность этносов, складывающаяся в ходе формирования экономических связей, литературного языка, этнических особенностей культуры и характера. В англоязычной литературе нация – синоним государства и его граждан. Часто нации присуща одна или несколько из следующих особенностей: язык, культура, религия, политические и другие институты, история, с которой она отождествляет себя, и вера в общую судьбу. Обычно нации населяют компактную территорию.

Итак, основным критерием этноса является самоидентификация, а результатом формирования гражданской нации – гражданское общество.

Секция 2 МИГРАЦИЯ И МИГРАНТЫ*

Степанов Валерий Владимирович – к.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: eawarn@mail.ru

Полещук Вадим Владимирович – магистр права, Центр информации по правам человека (Таллинн, Эстония) – Mag. Jur., докторант Гронингенского университета (Гронинген, Нидерланды)

АГИЛЕРА Андрес

*Университет Ла Салле (Богота, Колумбия),
andres.aguilera@gmail.com*

КИМ Екатерина Валериановна

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
yx_0001@hotmail.com*

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ДИАСПОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Согласно данным ООН, в 2013 г. насчитывалось свыше 232 млн международных мигрантов, что составляло 3,2% мирового населения. В современном мире мигранты формируют транснациональные сети, проявляя при этом способность к самоорганизации на диаспоральном уровне.

Одновременно в мире растет число государств, реализующих широкомасштабные программы по взаимодействию с зарубежными соотечественниками. Как правило, страны исхода взаимодействуют с уже консолидированными и организованными диаспоральными институтами. В соответствии с национальными интересами мировые державы ведут свою деятельность по трем основным направлениям: наращивание потенциала, расширение прав и получение обязательств от диаспоры.

В 1950-е годы одними из первых политику по взаимодействию с зарубежными соотечественниками развернули Израиль и ФРГ. Стратегии этих двух стран заключались, прежде всего, в массовой репатриации соотечественников. В 1970-е годы Китай предложил политику «локализации», или поощрения гражданства страны проживания. С начала 1990-х годов Китай, Индия, Республика Корея инициировали создание транснациональных диаспоральных бизнес-сетей для стимулирования международной торговли и привлечения инвестиций. В последние годы страны Латинской Америки, Африки, а также страны СНГ активно разрабатывают стратегии взаимодействия с соотечественниками.

Таким образом, страны, включенные в активные миграционные процессы, осознают значительный человеческий капитал диаспоры, и разработка диаспоральных стратегий в мировом сообществе расширяется из области культуры, охватывая сферу международного бизнеса и политики.

АКИМОВ Игорь Александрович

*Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Ярославль),
igor_akimov@hotmail.com*

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ГУБЕРНСКИЕ ЦЕНТРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX в. (на примере г. Ярославля)

Миграционные процессы в центральной части России еще в конце XIX века были связаны с увеличением темпов роста промышленности и спросом на рабочую силу в промышленных центрах. Туда направлялись жители деревень и менее развитых городов и регионов. Приезжие трудоустроивались на крупные промышленные предприятия и в небольшие мастерские (или создавали свои); некоторые из мастерских широко использовали ручной труд. Значительная доля мигрантов того времени была занята и в сфере обслуживания, что было связано с общим ростом населения городов. В отношении Ярославля имеется редкая возможность проследить миграцию по первичным материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., анализируя сведения о местах рождения, прописки, жительства и работы мигранта, его возрасте, сословии, родном языке, вероисповедании и образовании. Это дает возможность сделать выводы о роли мигрантов в экономической структуре губернского города, об участии приезжих в различных секторах экономики центральной России.

АЛЕКСЕЕВ Антон Кириллович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), ant.alexeev@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ

Доклад подготовлен на основании полевых материалов автора, собранных в Курдском Автономном районе (КАР) Ирака в 2014 г. в рамках НИР «Большинство и меньшинство» Центра азиатских и африканских исследований НИУ ВШЭ. Миграционные процессы в КАР, представленные практически всеми видами миграции, в значительной мере связаны с политической и социально-экономической ситуацией в данном регионе Ближнего Востока, в условиях сложной военно-политической обстановки и большого количества беженцев, слабого развития промышленного сектора, избыточности трудовых ресурсов при большой доле натурально-го хозяйства в экономике. До начала 2000-х годов Иракский Курдистан был преимущественно территорией исхода со

* Секция организована и проводится в рамках гранта РНФ, проект № 15-18-00099.

значительным объемом невозвратной миграции. В настоящее время КАР одновременно является миграционным донором и реципиентом. В связи с избытком рабочей силы продолжается трудовая миграция в страны Европы, США и Канаду – туда, где имеются сформировавшиеся диаспоры южных курдов-*сорани*. Активная миграция направлена также в соседние Турцию и Иран, которые являются главными региональными торгово-экономическими партнерами КАР. Одновременно регион принимает мигрантов и вынужденных переселенцев, как из соседних областей Федерального Ирака, так и соседних государств, в первую очередь, Сирии. Общая численность мигрантов и вынужденных переселенцев в КАР превышает 1,5 млн чел., что приводит к качественным изменениям в характеристике населения отдельных районов автономии (Дахук, Эрбиль, Ханакин и др.).

АМЕЛИН Веналий Владимирович

*Оренбургский государственный университет (Оренбург),
avenali@mail.ru*

МИГРАЦИЯ И РИСКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ОРЕНБУРЖЬЕ*

После распада СССР Оренбургский регион стал приграничной зоной, приобрел важное геополитическое значение и стал территорией миграционного транзита. Местные русские, татары, башкиры, украинцы, казахи в межнациональном общении обладают высоким потенциалом терпимости. Но сегодня местные жители сталкиваются с «новыми» для себя этническими группами мигрантов из сопредельных государств, чьи культурно-бытовые особенности оказались непривычными. Автономность образа жизни мигрантов, их отчужденность от местного населения порождают в местной среде ростки интолерантности.

В регионе имеется определенный конфликтогенный потенциал в сфере взаимодействия местного населения и мигрантов. Отношение местных жителей к приезду мигрантов неоднозначное: настороженное отношение отмечают 38% опрошенных, нейтральное – 34%, негативное – 17%, положительное – 7%. Следует отметить мнение молодежи: положительно относится к приезду мигрантов 11%, отрицательно – 30%, безразлично – 58%. Прибывая в регион, мигранты через социальные и правовые барьеры нередко воспринимают местную ситуацию тоже обостренно. Используя всевозможные ресурсы, они «выстраивают» свой порядок в миграционной среде.

Вместе с тем, общий протестный потенциал невелик. Пикеты и акции против мигрантов готовы поддержать лишь 8%, а не готовы – 74% опрошенных местных жителей Оренбуржья.

БАЛДАНО Марина Намжиловна

КИРИЧЕНКО Светлана Викторовна

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(Улан-Удэ), histmar@mail.ru*

ДИАСПОРЫ В МОНГОЛЬСКОМ МИРЕ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Монгольский мир – это историко-культурное пространство, разделенное границами государств и их контекстом. Вместе с тем, сущностная характеристика монгольского мира

заключена в его высокой территориальной мобильности. На протяжении веков кочевое скотоводство было не только укладом экономики, но и основой образа жизни. В процессе становления государств современного типа менялась, наполнялась новым содержанием, и традиционная система кочевания. Откочевка как уход на новую территорию в другое государство родовыми группами, со скотом как основой экономической деятельности, вела к воспроизводству на новом месте традиционной социальной структуры, системы управленческих и иных отношений, образа жизни и хозяйственного уклада.

Диаспора – особый тип человеческих взаимоотношений, специфическая система формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик, основанных на общности исхода с «исторической родины», на усилиях по поддержанию образа жизни «в рассеянии» – в качестве национального меньшинства в иноэтничном обществе. Опыт почти вековой жизни шэнэхэнских бурят в независимой Монголии, их уникальная «одиссея», свидетельствуют о том, что уклад жизни, языковое и культурное родство, коллективные представления об исторической общности и многое другое стали факторами и механизмом защиты от ассимиляции. Несмотря на высокий уровень адаптированности к местным условиям у шэнэхэнских бурят сформировалась особая самоидентификация и характерная диаспоральная модель жизнеустройства.

БАНАЕВА Марина Геннадьевна

Независимый исследователь (Улан-Удэ), mbanaeva@mail.ru

ВОЗВРАТНАЯ МИГРАЦИЯ БУРЯТ С ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В БУРЯТИЮ

На примере московских бурят рассмотрены причины их возвращения на историческую родину в Бурятию. Источниками исследования послужили глубинные интервью респондентов, мнения экспертов, официальные статистические данные, материалы социальных сетей интернета. Проведенный анализ факторов, способствующих принятию решения о возвращении, выявил круг причин возвратной миграции, которые связаны с личными стратегиями мигрантов, семейными обстоятельствами, поиском работы, проблемами со здоровьем, жилищными вопросами и др.

Вместе с тем, Бурятия не подготовлена к массовому притоку мигрантов, причем даже несмотря на нехватку высококвалифицированных специалистов. В целях решения проблем возвратной миграции, необходимы более эффективные действия законодательной и исполнительной власти республики.

БЕЛОВА Наталья Андреевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), natale4ka@inbox.ru*

ЖИТЕЛИ КОСТРОМЫ ОБ ОТНОШЕНИИ К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ**

Изучение миграции и отношения местного населения к инокультурным трудовым мигрантам, прибывающим в Россию из других стран, сегодня актуально даже для внутрироссийских регионов. С целью изучения общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интегра-

* Исследование выполнено по проекту РФФИ, № 14-06-00117.

** Доклад подготовлен при поддержке РНФ, грант № 14-18-03090.

ции в 2014 г. по программе ИЭА РАН и Сети этнологического мониторинга проведен опрос жителей г. Костромы старше 18 лет, постоянно проживающих на территории региона. Обследованы все основные половозрастные группы с учетом уровня образования. Исследование показало, что население настороженно относится к мигрантам, а причины – личная неустроенность и восприятие приезжих в качестве конкурентов (хотя бы даже мнимых) за рабочие места. Помимо этих факторов на отношение к мигрантам влияет и «международная обстановка». Так, исследование выявило, что мнение местных жителей не всегда позитивно в отношении потенциальных приезжих из Украины и стран Балтии, что очевидно связано с нынешней антироссийской риторикой со стороны властей этих государств.

БЕЛЯКОВ Алексей Олегович

*Амурский государственный университет (Благовещенск),
aob111111@gmail.com*

«МАНЬЧЖУРСКИЙ КЛИН» В СВЕТЕ ЭТНО-МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

«Маньчжурский клин» – поселение подданных империи Цин на левом берегу реки Амур, возникшее вследствие подписания Айгунского договора в 1858 г. между Россией и Китаем. Общая численность поселений невелика – от 44 до 64; здесь проживало более чем 14 тыс. жителей, из которых около 4,5 тыс. были маньчжурами, 1 тыс. даурами и более 9 тыс. китайцами. Общее название для народов, проживавших на данной территории, – «зазейские маньчжуры», что синонимично термину «маньчжурский клин», представляющему на карте конфигурацию заселения маньчжурами региона. Данный ареал прекратил свое существование в 1900 г. в связи с военными событиями на Амуре.

«Маньчжурский клин» является уникальным феноменом, поскольку испытывал влияние сразу нескольких культур – даурской, китайской и русской. Показателем степени того или иного влияния, раскрывающим основные элементы этого взаимодействия, являются предметы материальной культуры, требующие внимания современных исследователей. Этническое разнообразие народов, проживавших на этой территории, сформировало своеобразный пласт культурного и духовного наследия, синкретизм которого только предстоит изучить.

Культура народов маньчжурского клина относится к «этнографическому» периоду истории Приамурья, археологически она не изучалась, и все выводы сделаны на основании письменных источников.

Следует подчеркнуть актуальность сравнения материальной культуры «маньчжурского клина» с культурой маньчжур Северо-Восточного Китая. Такое сравнение позволит глубже понять специфику, а также выделить основные элементы взаимодействия культуры маньчжурской, даурской, китайской и русской.

БЛАЖКО Владимир Алексеевич

*Институт политических и юридических исследований АН
Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова), vblajco@mail.ru*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ В МОЛДОВЕ

Республика Молдова занимает второе место в мире по удельному весу мигрантов – за пределами страны находит-

ся более половины трудоспособного населения. По данным социологических служб, на постоянной основе за границей работают около 600 тыс. чел., а маятниковая миграция доводит их численность до 900 тыс.

На выбор страны и адаптацию весьма существенно влияют культурно-этнические факторы. Мигранты из Молдовы выбирают страны с «близкой» культурой и языком. Основная масса гастарбайтеров из Молдовы находится в России и Украине (78%), странах с романской культурой (Италия, Испания, Португалия – 20%), а также в Турции. Значительную часть активных мигрантов составляют русские, украинцы, гагаузы, болгары, а также представители титульной национальности из этнически смешанных семей.

Иностранный язык изучают в Молдове лишь 19% потенциальных мигрантов, в основном, кто планирует уехать в США или Канаду. Гастарбайтерство носит четко выраженный гендерный характер: мужчины едут на стройки в Россию, Украину, Испанию, Португалию, а женщины заняты в сфере услуг Италии, Турции, Греции. Прослеживается стремление мигрантов заключать за рубежом смешанные браки, в т.ч. и для облегчения адаптации и натурализации.

Как показывают социологические исследования, миграция в Молдове приобретает долговременный и даже конечный характер – более четверти уехавших из Молдовы не планируют вернуться обратно, а покинуть свою родину собираются 68%, в т.ч. около 80% молодежи страны.

ВИНОКУРОВА Анна Викторовна

*Дальневосточный федеральный университет (Владивосток),
vinokurova77@mail.ru*

ТРУДОВАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В ПРИМОРЬЕ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Определение приоритетов социального и экономического развития российских регионов требует комплексного изучения миграционных процессов, в т.ч. их этнокультурного аспекта. В Приморском крае численность постоянного населения неуклонно сокращается с первых послесоветских десятилетий до настоящего времени. Вместе с тем, увеличивается количество мигрантов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ. Иностранные граждане прибывают в Приморье для осуществления трудовой, коммерческой и иной деятельности, и для получения образования. Мобильность местного населения и вновь прибывших увеличивает и приобретает сложный характер по части официального паспортного статистического учета и социально-культурных последствий. Специфика современной миграционной ситуации в Приморском крае состоит в формировании массовых трансграничных потоков мигрантов, которые все сильнее влияют на разные сферы общественной жизни и в значительной мере предопределяют развитие региона. Но миграции порождают и вызовы, связанные с обострением проблем занятости, усилением криминогенности, опасностью межгрупповых и межнациональных противоречий. Важной задачей является привлечение гражданского и академического сообщества к решению проблем миграции при сотрудничестве с органами государственной власти и местного самоуправления.

ГАБДРАФИКОВ Ильдар Махмутович

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), ildargab@yandex.ru*

**ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В МЕСТНОЕ
СООБЩЕСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ
РЕГИОНАЛЬНОГО НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА
(на примере республик Поволжья)**

Поволжье является сложным по этническому и конфессиональному составу макро-регионом России. По количеству этнических групп и их удельному весу в общей численности населения Поволжье сопоставимо с Северным Кавказом. При большом этническом разнообразии высок уровень межэтнической терпимости, причем это характерно не только для взаимоотношений в среде местных групп населения, но и по отношению к приезжим. В ходе нашего исследования выявлено: местные жители республик Поволжья позитивно или, по крайней мере, терпимо относятся к мигрантам иной этнической и конфессиональной принадлежности. Это связано, прежде всего с тем, что разные национальности в данном регионе имеют длительный опыт совместного проживания, и в культурной сфере давно укоренились навыки сосуществования; есть и единая региональная идентичность. Культура межгруппового общения и региональная идентичность поддерживают гражданский мир. В бесконфликтном взаимодействии особая роль принадлежит региональным и местным властям, а также общественным институтам, причем исключительно важным является эффективное взаимодействие первых и вторых. В поволжских республиках приняты специальные государственные и муниципальные программы, а также работают многочисленные общественные организации, чья деятельность направлена на интеграцию иноэтнических групп.

ГАЛИМОВА Лилия Надиповна

Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации (Ульяновск), galina_200475@mail.ru

**ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА
И СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**

В результате геополитических изменений 1990-х годов часть населения бывшего СССР оказалось за пределами исторической родины. В связи с этим для групп «новых диаспор», образующих русский мир зарубежья стала актуальной проблема этнокультурного сохранения и воспроизводства групповой идентичности. Для поддержания «русскости» в диаспорах и среди эмигрантов особое значение имеет работа с молодежью, которая быстрее других категорий эмигрантов склонна к аккультурации и ассимиляции. В самой России должен быть поставлен вопрос о формировании интегрированной модели молодежной политики, которая бы ориентировалась не только на российскую молодежь, но и на зарубежных соотечественников. Изучение приживаемости молодежи в инокультурной среде необходимо рассматривать комплексно: с позиции сохранности этнокультурной идентичности; с точки зрения возможностей поддержания социально-культурных и семейно-бытовых условий, способствующих сохранению языка, культуры и

идентичности; с позиций формирования интереса молодежи русской эмиграции к культуре России; с точки зрения влияния на молодежь общественных и политических организаций, влияния на молодежь Русской православной церкви. Необходим анализ многочисленных факторов, потенциально способных объединять русскую молодежь в эмиграции.

ГОРОШКОВ Николай Павлович

*Воронежский государственный университет (Воронеж),
nikgoroshkov@yandex.ru*

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ «СТАРЫХ» МИГРАНТОВ

Сложная социально-экономическая и политическая ситуация в государствах Закавказья и Центральной Азии, а также проблемы занятости в Северо-Кавказском регионе РФ вынуждают большие массы трудоспособного населения переезжать в российские города и приспосабливаться к непривычной жизни.

Затянувшийся кризис в странах и регионах исхода, вынуждает мигрантов надолго обосновываться в российских городах, перевозить туда свои семьи, или создавать новые. При этом они стремятся воссоздать привычную для себя культурно-бытовую среду.

Но дети мигрантов, родившиеся в России или окончившие здесь школу, зачастую, отказываются воспринимать родительские устои. Так, молодые девушки менее «покорны», как предписано на исторической родине, зачастую они не соблюдают половые табу до замужества, хотя это и принято на Востоке. Но и в таких случаях мигранты-родители не спешат отдавать замуж своих дочерей за представителей другой национальности и за иноверцев. Они ищут подходящую пару у себя на родине. Проблема, однако, в том, что поиск брачного партнера на родине также не приводит к желаемому результату, так как мешают слухи о «порочности невест» выросших в другой стране. Таким образом, приходится констатировать, что в среде мигрантов как первого, так и второго поколения возможен риск социального отчуждения, а также и рост противоречий между представителями старших и младших возрастных категорий мусульманских диаспор, обосновавшихся в российских регионах.

ГУСЬКОВА Алена Олеговна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), alengus@list.ru

**РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В
АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В ПОДМОСКОВЬЕ***

В ходе исследования возможностей адаптации трудовых мигрантов в Московской области в рамках гранта ИЭА РАН особое внимание уделено культурному взаимодействию и предоставлению этой части населения соответствующих услуг. В ходе интервью с работниками культуры установлено, что подобная работа с мигрантами уже проводится. В докладе сообщаются результаты изучения адаптационных возможностей мигрантов, благодаря поддержке мусульманской общины Подмосковья, полученные в 2014 г. Основными представителями местного исламского сообщества издавна являются татары (преимущественно мишарские), что соз-

* Проект РНФ № 14-18-03090.

давало особый характер уммы – урбанизированного, давно контактирующего с русской культурой общества. За последние десятилетия отмечаются существенные изменения в составе мусульманской общины как в отношении увеличения количества верующих (что вызывает необходимость строительства новых культовых сооружений), так и в отношении все большего ее этнического разнообразия. Исследователи М. Сафаров и Д. Опарин отмечают даже наличие «старого» и «нового» поколений московских мусульман. В докладе анализируется деятельность мусульманских и других религиозных объединений по адаптации мигрантов.

ГУСЬКОВА Алена Олеговна
ЧУБУКОВА Дарья Геннадьевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), alengus@list.ru, Fiery_fiend7@mail.ru*

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА МАТЕРИАЛОВ ОПРОСА В КРЫМУ И МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ КРЫМЧАН*

В рамках проекта Института этнологии и антропологии РАН «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации», поддержанного в 2014 г., проведена экспертиза аудиозаписей телефонного опроса крымчан об их мнении по поводу ситуации в Крыму, межнациональных отношениях, уровне и условиях жизни, желании или нежелании покинуть полуостров и переехать на длительный срок или постоянное место жительства в другой регион или другую страну. Поскольку в отношении Крыма в связи с политическими переменами, сегодня распространено большое количество спекуляций, в т.ч. в западной прессе, материалы проведенного опроса нуждались в тщательной экспертизе корректности, нужно было подтвердить или опровергнуть то, что жители Крыма свободно выражали в этом опросе свое мнение. Массовые аудиозаписи интервью представляют собой неоспоримый документ, ценный не только с точки зрения политики межнациональных и межгосударственных отношений, но и для фундаментальной науки, фиксирующей общественные перемены на важных этапах истории. В этой связи даже отдельные высказывания респондентов могут предстать как иллюстрация и даже доказательство полученных статистических обобщений. В ходе масштабной этнологической экспертизы материалов опроса оценивалось качество труда анкетеров, наблюдения самих экспертов, создавалась база нарратива в виде цитат, предложений и замечаний жителей Крыма. Выявлено, что миграционная подвижность крымчан остается на довольно низком уровне и практически не связана с произошедшими на Украине политическими событиями и военными столкновениями.

ДОБРЫДНЕВ Владимир Александрович
*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова (Архангельск), obrazmira@yandex.ru*

РОЛЬ РОДСТВЕННЫХ И ДРУЖЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПРИ ЗАСЕЛЕНИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВЫХОДЦАМИ С РУССКОГО СЕВЕРА

С конца XVI века жители России стали осваивать и заселять обширные территории к востоку от Урала. Вслед за

отрядами служилых людей двигались на новые земли массы крестьянского и посадского люда. Значительную долю составляли уроженцы севернорусских уездов. «Правительственная» колонизация Сибири поначалу опиралась именно на черносошных и дворцовых крестьян, посадских и служилых людей Русского Севера. Параллельно с ней шла колонизация «вольнонародная», стихийная и часто нелегальная. Многие северяне отправлялись за Урал на заработки, для участия в промыслах и торговле. На протяжении всего XVII и начала XVIII века поток переселенцев в Сибирь не прекращался, то усиливаясь, то ослабевая. Неоднократными были переселения нескольких семей из одного и того же населенного пункта, перевоз за Урал близких и дальних родственников, друзей, знакомых, соседей, земляков. Было много беглых частновладельческих и государственных крестьян, а также преступников. Все эти люди искали лучшей жизни на новых землях, подчас подвергая себя и близких смертельной опасности. В экстремальных условиях переселенцам помогали родственные и дружеские связи и контакты с родиной – это оказалось необходимым условием выживания и успешной адаптации. Устойчивые родственные и земляческие связи способствовали усилению миграционных процессов и складыванию в Сибири народной культуры, близкой по своим характеристикам к народной культуре Русского Севера.

ЕРМАК Галина Геннадьевна

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток), gaermak@yandex.ru

МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

Современная этноконфессиональная ситуация в Приморском крае значительно усложняется тем, что сюда, в приграничные рубежи России, активно прибывают мигранты из других государств, в частности, из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии. Выходцы из этих стран обладают этнокультурными, религиозными и языковыми характеристиками, отличающимися от местного населения. В регионе актуализируется тема интолерантности во взаимоотношениях «славянского православного большинства» и «мигрантских мусульманских меньшинств». Мусульмане в Приморье традиционно консолидируются по земляческому признаку: выходцы из Поволжья – татары, башкиры, представители Кавказа – чеченцы, аварцы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки и ингуши, представители среднеазиатских государств – узбеки, таджики. Сложны взаимоотношения этих групп по вопросу лидерства. Так, религиозные мусульманские организации Приморского края возглавляют татары, как представители старожильческой части населения в регионе, а наиболее активные посетители молельных домов – узбеки. Более религиозны в общей массе выходцы из республик Северного Кавказа, менее религиозны – местные татары и азербайджанцы. При сохранении интенсивности миграционных потоков из государств Средней Азии роль религиозного (исламского) фактора в общественных взаимоотношениях в Приморье будет возрастать.

* Российский научный фонд (грант № 14-18-03090).

ЗЕЛЕНЕЕВА Гульнара Султановна

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (Пошкар-Ола), zeleneeva.gulnara@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ (по материалам социологических исследований)*

Значительное влияние на состояние межнациональных отношений в Республике Марий Эл оказывают миграционные процессы. В республику прибывают представители народов Кавказа и Средней Азии с целью найти работу. Квалификационный показатель приезжих работников низкий и в основном это лица мужского пола, которые согласны работать за невысокую оплату труда. Мигранты задействованы в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, коммунальных и социальных услугах, торговле. Безработные в республике из числа местного населения составляют, по данным наших исследований, около 10%. Следствием проводимой миграционной политики, ориентированной на привлечение неквалифицированной рабочей силы, является ухудшение в регионе криминогенной обстановки.

По данным отдела социологии МарНИИЯЛИ на основе комплексного социологического исследования «Межнациональные отношения в Республике Марий Эл», для местных жителей характерно настороженное отношение к прибывающим мигрантам. Более терпимо воспринимают мигрантов из других регионов России, менее терпимо – прибывших из стран СНГ и ближнего зарубежья.

ЗОРИН Владимир Юрьевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), zorin@iea.ras.ru

МИГРАЦИЯ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ

Россия, в отличие от отказывающихся от политики мультикультурализма стран Запада, имеет свой исторический путь решения задач бесконфликтного общественного развития. Рост нетерпимости наблюдается даже в тех странах, которые достигли высокого качества жизни. Это происходит на фоне признаков мирового экономического кризиса, нарастания миграционных потоков и геополитического передела мира. Россия, как вторая страна в мире по числу внешних мигрантов – не исключение. По данным ФМС, количество иностранных граждан, посетивших Россию в 2014 г. превысило 17,8 млн чел. Значительная часть мигрантов прибывает в поисках работы. Российская экономика нуждается в иностранной трудовой миграции, но миграция способна деформировать структуру занятости, вызвать дисбаланс в социальной сфере, провоцировать межгрупповые конфликты. Нелегальные мигранты в России – в основном из государств СНГ, прежде законно въехавшие в страну, однако впоследствии нарушившие срок пребывания. Перейдя в разряд нелегалов, они минимизируют контакты с представителями власти, осуществляют незаконную трудовую деятельность, образуют замкнутые сообщества. В

* Доклад выполнен при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-11-12601 «Обрядовая культура русского населения Республики Марий Эл: традиции и трансформации».

группе риска молодежь, плохо владеющая русским языком и не готовая гармонично вписаться в социально-культурное пространство российского общества, что порождает мигрантофобию в среде местных жителей. Особая роль в решении задач предупреждения конфликтов принадлежит институтам гражданского общества. ФМС взаимодействуют с 1300 организациями. Для адаптации и интеграции мигрантов и выработки эффективных механизмов в настоящее время реализуется пилотный проект ФМС России «Центр социальной адаптации трудовых мигрантов».

ИБРАГИМОВ Магомед-Расул Абдуллаевич

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН (Махачкала), ibragimovm@mail.ru

МИГРАЦИИ, УРБАНИЗАЦИЯ И РУРАЛИЗАЦИЯ ПО-ДАГЕСТАНСКИ**

Процессы урбанизации и рурализации можно рассматривать как индикаторы социально-экономического благополучия населения. Внутренние и внешние миграции стали типичным явлением для Дагестана. Вместе с тем, Дагестан остается аграрным краем, занимая одно из последних мест по урбанизации среди российских регионов – доля городского населения республики составляет 45,2% (2010 г.).

Для Дагестана характерно возникновение городов в середине XIX века как иноэтнических вкраплений русских, евреев, армян и др. в ареале местных тюркских народов. В советский период вплоть до 1970-х годов наблюдалось преобладание русских среди горожан, а затем стали возрастать численность и доля представителей дагестанских национальностей. В следующие десятилетия наметилось снижение прироста городского населения, вызванное уменьшением рождаемости, усилением оттока горожан из Дагестана, особенно русскоязычных.

Рурализация в Дагестане обусловлена неконтролируемым притоком сельских жителей в города и псевдоурбанизацией, т.е. пополнением сельскими жителями городов и переносом сюда сельского образа жизни и традиционных промыслов (ювелирного дела, ковроткачества, вязания). Фиксируемый в 1990-е годы отток горожан в села и занятие горожанами сельским трудом (скотоводством, огородничеством, рыболовством) вызваны отсутствием сферы приложения труда. Эта модель сохраняется. Наблюдается также сезонное пребывание горожан старшего поколения в сельской местности в летнее время в «родовых» селах, что не вполне идентично «дачной миграции» в других российских регионах.

ИГНАТЬЕВ Роман Николаевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), roman_ignatiev@mail.ru

ИММИГРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ИСПАНИИ: ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ

Испания занимает особое положение в ЕС и южной Европе, имея сухопутную границу с Африкой, что налагает на Мадрид дополнительные обязательства по сдерживанию нерегулируемой иммиграции. Практикуется так называемое

** Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00440.

«немедленное выдворение», заслужившее критику правозащитных организаций, так же, как и специальные центры интернирования тех иностранцев, которые въезжают в страну незаконно. При этом собственный географически обширный эмиграционный опыт испанцев, а также их католические традиции влияют на восприятие иммигрантов скорее как нейтрально-благожелательное. Положение иммигрантов, особенно нелегальных, на которых не распространяются меры социальной помощи и медицинское обслуживание за исключением экстренных случаев, используется левыми политическими силами в стране для критики правительства. Для современной Испании характерен не только приток, но и отток иностранных мигрантов. Как следствие экономического кризиса, с 2012 г. страну покидает больше иммигрантов, чем въезжает.

В докладе рассматривается формирование испанской иммиграционной модели и проблемы ее функционирования, корпус законодательства в отношении иммиграции, а также освещается иммиграционная ситуация в автономных сообществах Испании.

КАЛАНДАРОВ Тохир Сафарбекович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), tohir_s70@mail.ru

КОНТАКТЫ ТАДЖИКСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В МОСКВЕ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ЛИДЕРАМИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

Большая часть трудовых мигрантов из Таджикистана в Москве – это молодые люди и лица в возрасте до 45 лет, многие исповедуют ислам ханафитского мазхаба. Но есть проблема доступа к религиозным институтам, религиозным практикам, духовным контактам. Доклад представляет антропологические наблюдения встреч трудовых мигрантов с религиозными лидерами из Таджикистана братьев Турадджонзода. По словам лидеров, они очень часто получают приглашения со стороны мигрантов посетить Москву. На встрече в обсуждениях и проповедях звучали темы разлуки с родиной, необходимости соблюдения мигрантами законов РФ, говорилось о свободе религии в РФ и дефиците этой свободы в Таджикистане, высказывалась критика в адрес таджикских националистов и некоторых мулл. Подобные встречи являются полезными и для мигрантов – они получают духовную пищу на родном языке; но также и для религиозных лидеров, что приносит некоторые финансовые пополнения бюджета мечети Мухаммадия в Таджикистане, а также формирует возможный политический электорат.

КАШНИЦКИЙ Даниил Савельевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), kashnitsky@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ ИСКЛЮЧЕННОСТЬ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ ДОСТУПА К МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В МОСКВЕ

Трудовые мигранты из Средней Азии живут в Москве в условиях социальной исключенности и плохого материального обеспечения. Тяжелый физический труд, стесненные

условия проживания (подчас в непригодных для этого помещений) и скудное питание негативно сказываются на состоянии их здоровья. Однако возможность обращения за медицинской помощью в столичном мегаполисе для них ограничена не только из-за недостатка финансовых средств, отсутствия у мигрантов медицинской страховки, равно как и информации о медицинской инфраструктуре, но также по причинам негативного отношения к ним со стороны местных жителей и из-за дискриминационных практик, с которыми мигранты сталкиваются при посещении больниц и поликлиник. Поэтому мигранты вынуждены применять собственные «стратегии», занимаясь, например, самолечением или обращаясь к различным «знакомым». Есть и варианты получения медицинских услуг в частных клиниках, которые ориентированы именно на данную категорию населения. В ходе исследования выявлены формальные и неформальные «стратегии», т.е. действия, которые мигранты предпринимают в случае болезни. В докладе представлены результаты, полученные при опросах в медицинских учреждениях, на которые указали сами мигранты – это и государственные больницы, и частные клиники, оказывающие медицинскую или посредническую помощь трудовым мигрантам.

КИРИЛЛОВА Антонина Игоревна

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), Antonia_K@mail.ru

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

В современной России механизмы интеграции мигрантов становятся составной частью процессов социализации. Вторичная социализация активизируется и строится на межкультурном сравнении. Это характерно и для приезжих, и для местных жителей. По данным проведенного нами опроса мигрантов в г. Новосибирске, большинство мигрантов-носителей исламской культуры имеют ярко выраженную этническую и конфессиональную атрибуцию, их отношение к нормам и традициям российского общества неоднозначно. Более включенные в «свою» этническую культуру лучше адаптируются, но они же чаще отмечают свою отличность от россиян. Семьи групп близкого контакта входящей и принимающей сторон испытывают дополнительную нагрузку по конструированию собственной идентичности и формированию взаимоотношений с «противоположной» стороной. Однако далеко не все семьи мигрантов берут на себя подобную функцию. Можно говорить о тенденции к формальной интеграции мигрантов при их стремлении к сохранению «своей» этноконфессиональной культуры: социализация мигрантов происходит преимущественно как приобщение к родной этнической культуре, с включением навыков, необходимых для успешной жизни в российских реалиях. Таким образом, трансформация социализационных функций семьи происходит и в социокультурной (ценностно-ориентационной, идентификационной), и в практической областях – диспозиционной и проактивной (готовность действовать определенным образом, личный выбор и активность).

КОПЕЦКА Людмила Анатольевна

*Карлов Университет (Прага, Чехия),
ludmila.kopecka@yahoo.com*

МИГРАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ ИЗ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В ЧЕХИИ

Получение образования является все более распространенной причиной для миграции. Согласно Институту Статистики ЮНЕСКО, за последние десять лет количество иностранных студентов во всем мире увеличилось в два раза. Студенты играют важную роль как в принимающих странах, так и в странах, которые они покидают.

В Чешской Республике образование является одной из самых распространенных причин при обращении за долгосрочной визой или временного вида на жительство. Среди иностранных студентов по численности лидируют студенты из Словакии, России, Украины и Казахстана.

В докладе анализируются миграционные стратегии студентов из России и Казахстана, и то какую роль играет семья и жизненные фазы студентов в поездках за образованием. Антропологическое полевое исследование было проведено в России, Казахстане и, прежде всего, в Чехии – в студенческих общежитиях, университетах, языковых школах и иных местах, важных для студентов. Исследование включает в себя качественные интервью с 55 студентами. Для большинства участников исследования, получение образования в Чехии является частью их жизненного проекта – переезда за рубеж (в некоторых случаях целой семьи). Есть и те, кто намерен получить образование в Чехии и вернуться на родину более конкурентоспособным на рынке труда в России или Казахстане. По мере пребывания в Чехии на учебе, первоначальные стратегии могут изменяться.

КОСМАРСКАЯ Наталья Петровна

Институт востоковедения РАН (Москва), kosmarskis@gmail.com

БЫТОВОЙ НАЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ФОНЕ (восприятие иноэтничных мигрантов и миграции жителями Москвы)

Доклад посвящен тому, как к притоку трудовых мигрантов в Россию (и в особенности в Москву) относятся рядовые жители мегаполиса. В западной научной литературе изучение миграции из-за рубежа через призму восприятия местных жителей является предметом неослабевающего внимания на протяжении нескольких десятилетий. Правда, проблемам самих мигрантов посвящено на порядок больше публикаций.

Аналогичный разрыв существует и в России. На фоне растущего числа работ о различных аспектах жизни трудовых мигрантов попытки взглянуть на нее глазами местного населения довольно редки, причем они опираются преимущественно на количественные методы (массовые анкетные опросы). Наше исследование, которое проводится в рамках международного проекта «Современный российский национализм и “новый другой”» (2013–2015, при поддержке Норвежской ассоциации по изучению России), базируется на качественных методах (30 интервью с москвичами, собранных с октября 2013 по октябрь 2014 г.).

В докладе мы попробуем показать, каким образом «работают» в России, в Москве выявленные в западных исследованиях факторы, «ответственные» за негативизм по отношению к иноязычным мигрантам. Особое внимание уделяется тому, как в нарративах респондентов выглядят фоновые факторы (contextual factors), отражающие специфику мегаполиса и определяющие тональность и содержание отношения москвичей к мигрантам.

На основе сопоставления результатов изучения мигрантофобии различными методами предлагается понятие «манифестной ксенофобии».

КОЧ Светлана Вадимовна

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина), svkoch@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ЮГО-ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ: ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СЕТИ

Доклад посвящен социальным трансформациям в пограничье, этническая и социальная структура которого сформирована в результате длительного миграционного (колониационного) процесса. В условиях маргинальной социально-политической среды пограничья (Украины – Молдовы – Румынии) этнические общины выступают не только субъектами конструирования социального пространства, но и приобретают качества политических субъектов.

На основе анализа моделей взаимодействия диаспор и этнических групп в социокультурном поле приграничных государств и государств метрополий (Румынии, Молдавии, Болгарии, Греции, России, Турции) рассмотрено превращение негосударственных субъектов этнополитики в участников политического процесса.

Социально-политический ресурс многих этнокультурных общин Юго-Западной Украины (русских, болгарской, гагаузской, греческой, еврейской, армянской и др.) позволил им превратиться в значимых трансграничных акторов, интересы которых «реализуются» через группы влияния разной природы: отраслевые, корпоративные, политические, территориальные, конфессиональные. Сетевые социальные системы способны выступать в качестве альтернативной структуры по отношению к официальным государственным институтам.

Способность выступать в качестве элемента транснациональной сети, которая аккумулирует значительную часть национальных ресурсов в странах пребывания и дает возможность выступать в качестве лоббиста геополитических интересов метрополии, делает многочисленные этнокультурные сообщества активными участниками социально-политических процессов.

Анализ социально-экономических и политико-правовых ресурсов сетевой структуры этнических диаспор Юго-Западной Украины дает возможность прогностического анализа и разработки стратегий взаимодействия между Украиной, государствами-метрополиями и этносоциальными сетевыми системами, частью которых являются этнические группы региона.

КОЧЕРГИН Алексей Анатольевич

Телерадиокомпания «НТК» (Краснодар), a-coch@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ПО АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Предметом анализа выбраны управленческие практики, заявленные в разделе «Создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов» региональных планов мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. субъектов Южного федерального округа. Предполагаемая нормативными документами активность органов власти в соответствующей сфере, минимальна и сводится к нескольким направлениям:

1) административный контроль миграционного процесса, заключающийся в квотировании, учете, определении потребности в привлечении мигрантов;

2) поддержка и содействие соотечественникам, в том числе за рубежом;

3) поддержка социально ориентированной деятельности некоммерческих организаций, под которой понимается исключительно организация курсов русского языка, основ российского законодательства и истории России для мигрантов;

4) правовая социализация мигрантов, разъяснение им миграционного законодательства.

Такие ограниченные управленческие практики свидетельствуют о том, что концептуально политика адаптации и интеграции мигрантов слабо проработана и не является приоритетом для региональных властей. Отсутствует понимание адаптации и интеграции как процесса, культурной социализации и даже определенной трансформации идентичности мигрантов. Последние остаются «чужими» в самовосприятии и с точки зрения общества и властей, по сути, они не рассматриваются как субъект взаимодействия. Для региональных властей активность в данной сфере продолжает носить имитационный характер, которая сводится к сопровождению миграционных процедур, установленных федеральными структурами, и ориентирована на то, чтобы бюрократически корректно отчитаться в исполнении соответствующих вышестоящих решений.

КУЛЬБАЧЕВСКАЯ Ольга Вячеславовна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), ola_kul@mail.ru

МИГРАЦИЯ В РОССИИ И КУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ*

За последние несколько лет для России крайне актуальной становится не только проблема изучения различных аспектов миграции, но и анализ рисков миграции – экономических, социальных, политических и культурных. Отсутствие авторитетных и доказательных оценок миграционных рисков заставляет российских политиков, даже очень высокого ранга, делать противоречивые заявления, а это вносит сильнейший разлад в государственную политику в сфере миграции и государственную национальную политику. По-настоящему комплексных, а, значит, и более доказа-

тельных научных исследований в области оценки миграционных рисков на сегодняшний день в России до сих пор не имеется. Методы исследования, применяемые Институтом этнологии и антропологии РАН в рамках проекта позволяют впервые приступить к разработке алгоритма принятия управленческих решений в сфере адаптации мигрантов и изучению его возможностей для целей прогноза и управления миграционными рисками.

ЛАПКИНА Наталья Андреевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), tataika@yandex.ru

ВЗАИМНАЯ МЕЖКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ И ДЕТЕЙ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В КРУПНЫХ ГОРОДАХ

Проблеме адаптации детей мигрантов посвящено множество федеральных и региональных программ, но дальнейшая реализация существующих программ будет проходить значительно легче при условии снижения негативного отношения общества-реципиента к вновь прибывшим. В детской среде уже можно наблюдать зачатки межкультурной нетерпимости. В докладе будет представлен материал по практической реализации методик формирования естественной толерантности у детей дошкольного и младшего школьного возраста. Данная методика в течении нескольких лет разрабатывалась в рамках исследовательского проекта РГНФ № 13-31-01271 «Межкультурная адаптация детей дошкольного и младшего школьного возраста», задачей которого является выработка определенного поведенческого алгоритма, основанного на формирующемся культурном коде, в котором преобладающей реакцией ребенка на незнакомые культурные паттерны становятся позитивные эмоции, для чего участники исследования помещаются в незнакомую культурную среду.

Дети, будучи погруженными в иную культурную среду, на собственном жизненном опыте понимают, что существует не только их автохтонный культурный код, но и огромное разнообразие жизненных укладов и культурных особенностей жителей других стран. Изучение истории и этнографии, культурных феноменов, традиций страны пребывания позволяет ребенку в дальнейшем, при встрече представителя другой национальности у себя на Родине, с большим пониманием отнестись к существованию различий между ними.

МАРТЫНОВА Марина Юрьевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), martynova@iea.ras.ru

МИГРАНТЫ И ИХ ИНТЕГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА (на примере Москвы)**

В рамках исследования по проекту мы стремились выяснить, насколько трудовые мигранты включены в московскую повседневность, легко ли они адаптируются и как их принимают в мегаполисе, в котором распространены свои культурные традиции. Сегодня даже среди специалистов

* Проект «Миграционные риски России: анализ интеграционных перспектив» (грант РФФИ № 14-06-00117).

** РФФИ № 14-06-00117 «Миграционные риски России: анализ интеграционных перспектив».

популярна точка зрения, согласно которой барьером во взаимопонимании между представителями мигрантских групп и москвичами является несовпадение культурных норм обеих «сторон», мол, традиции московской урбанизированной среды с развитыми социальными коммуникациями, высокой социальной мобильностью и выраженным индивидуализмом полярно отличаются от «патриархального и кланового» образа жизни, якобы присущего трудовым мигрантам. Тезис о многонациональности Москвы, ее этнокультурном многообразии, о значимости этнических отличий часто используется в популистских речах политиков, публикациях журналистов, в выступлениях представителей национально-культурных объединений. Нашей задачей было изучить проблему открытости/закрытости повседневной культуры москвичей, так ли она труднодоступна из-за различий культурных традиций. Учитывая, что миграции в столичные города и мегаполисы широко распространены во всем мире, проблема доступа к культуре повседневности представляет собой важный объект фундаментального и прикладного исследования.

МИКИДЕНКО Наталья Леонидовна

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), nl_nsk@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ТРУДОВОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ*

Новосибирск как один из российских мегаполисов, не остался в стороне от миграционных процессов, в том числе трудовой миграции, которая на нынешнем этапе стала частью повседневной жизни города. Новосибирск обладает инфраструктурой, сложной для восприятия тех мигрантов, которые недостаточно или слабо владеют русским языком, либо не знают местные культурные особенности. Создание доступной информационной среды для этой категории населения позволяет улучшить информирование трудовых мигрантов по актуальным социальным, бытовым, правовым и культурным вопросам. В докладе представлены результаты анализа информационных потребностей мигрантов, въезжающих для трудовой деятельности в регион, обсуждаются подходы к разработке информационных материалов, способствующих налаживанию межкультурных и социальных контактов трудовых этнических мигрантов в условиях принимающего сообщества.

МУХАМЕТШИНА Наталья Семеновна

Самарский государственный архитектурно-строительный университет (Самара), nmukhametshina@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И РЕСУРС ЭТНИЧНОСТИ В АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ**

Изучение мигрантских диаспор фиксирует их социальную неоднородность – земляческие общины, родственные, возрастные, религиозные группы, общественные организации. В общинах диаспор сложилась сеть оказания миграци-

онных услуг. Опрошенные эксперты в Самарской области отмечали, что представители диаспор не только участвуют в обустройстве земляков и родственников, но и привлекают их для работы в других российских регионах. Помощь осуществляется безвозмездно, но существует «рекрутинг» и на коммерческой основе. Часть миграционных услуг оказывается внутри общин по этническому принципу. Внутри-диаспорные посредники образуют сетевые объединения на этнорегиональной (земляческой) основе и оказывают услуги приезжающим из «своих» регионов – встречают и сопровождают их до места проживания, помогают встать на миграционный учет, оформить медицинские справки, обеспечивают работой, сводят с посредниками.

«Профессиональные» посредники владеют информацией о рабочих вакансиях, поэтому к ним обращаются независимо от этнической принадлежности и гражданства. При оказании услуг по трудоустройству стирается общинная изолированность. В качестве посредников для любых миграционных групп активность проявляют азербайджанцы, армяне, «русские» (местные). Посредники есть и в каждой диаспорной общине.

Полагаем, что существует специализация и раздел «сфер влияния» субъектов миграционных услуг. Четких границ между миграционными услугами, предлагаемыми в общинах внешними коммерческими организациями или физическими лицами, не существует, и между субъектами миграционных услуг как внутри общин, так и за их пределами, постоянно возникает конкуренция.

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Александровна

Московский институт открытого образования (Москва), aalenom@gmail.com

АДАПТАЦИЯ ИНОЭТНИЧНЫХ УЧАЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ И МОНИТОРИНГУ

Для российских образовательных учреждений Москвы характерен многонациональный состав учащихся. Дополнительные сложности в организации учебного и воспитательного процесса создает поступление в класс детей из семей иностранных мигрантов, которые выросли в иноязычной и инокультурной среде. Адаптация таких учащихся к новой образовательной среде представляет собой многоступенчатый и многофакторный процесс. Автором разработан инструментарий, помогающий провести как первичную диагностику степени языковой, культурной, социальной и психологической адаптации иноэтнических учащихся, так и осуществить регулярный мониторинг. Комплексный подход к оценке и мониторингу постепенного вхождения учащихся в новый коллектив позволяет учитывать не только возраст и уровень владения ребенком русским языком, но и в ряде случаев – страну происхождения, этнокультурные характеристики и религиозную принадлежность учащегося.

Основная практическая задача исследования заключается в том, чтобы сформулировать методические рекомендации для руководителей образовательных учреждений и педагогов, сталкивающихся с проблемой выбора модели адаптации иностранных учащихся при обучении и воспитании. Доклад основан на социологических исследованиях автора за 2005–2014 гг. Также приводятся данные, полученные ме-

* Исследование поддержано Министерством региональной политики Новосибирской области (грант № 49 от 17.10.2014).

** Исследование поддержано Министерством региональной политики Новосибирской области (грант № 49 от 17.10.2014).

тодом включенного наблюдения в ходе многолетнего мониторинга процедур языковой и социокультурной адаптации учащихся – детей мигрантов в образовательных учреждениях Москвы и других российских регионов.

ООРЖАК Сайлана Ужар-ооловна
МОНГУШ Алдынай Артис-ооловна

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (Кызыл), saylana@yandex.ru

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ
г. КЫЗЫЛА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

В докладе приводятся результаты социологического исследования «Оценка состояния и тенденций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в г. Кызыле Республики Тыва», проведенного в декабре 2014 г. сотрудниками сектора прикладной социологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Более двух третей опрошенных не хотят уезжать из республики. Но каждый пятый хотел бы уехать – на длительное время (14%) или навсегда (7%). Миграционный потенциал более выражен у местных русских, они чаще высказывают желание уехать навсегда (15%), тогда как среди тувинцев такое желание является сравнительно редким (3%). На длительное время чаще изъявляет желание уехать молодежь (18%). Респонденты называют причины, подталкивающие их к переезду: отсутствие работы (64%), потребность в учебе (41%), экономические проблемы (27%), коррупция (23%), преступность, пьянство, наркомания (23%). Что касается экспертов, то они, кроме того, указывали на слабую социальную инфраструктуру региона, незначительные перспективы социального роста экономически активного населения, упоминали суровый климат. К наименее значимым причинам миграционного оттока отнесены такие возможные индикаторы, как политическая нестабильность, ухудшение межэтнических отношений, плохая транспортная доступность региона.

ОРЛОВА Ольга Викторовна

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола), cyril.orlov@hotmail.com

МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ
О ПРОБЛЕМАХ МИГРАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)

Социологическое исследование «Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл», проведенное МарНИИЯЛИ в республике в 2011 г. и исследования «Миграционная ситуация в общественном восприятии населения региона» и «Изучение общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интеграции в регионе» по программе Института этнологии и антропологии РАН в 2014 г. выявили заметную неприязнь местного населения к приезжим и даже нежелание части местных жителей видеть в республике иностранных трудовых мигрантов.

В Республике Марий Эл нет большого количества мигрантов, как в крупных экономически развитых регионах, нет и проявлений открытого противостояния между группами населения. Но жители республики «знают» о проблемах

в других регионах из СМИ, интернета, повседневного общения. Эта далеко не всегда объективная информация формирует мнение и фобии. Анализ социально-экономической ситуации, рынка труда и занятости населения республики позволяет сделать вывод о том, что удовлетворение потребностей рынка труда республики происходит, главным образом, за счет внутреннего потенциала трудовых ресурсов. Доля иностранной рабочей силы и ее вклад в экономику республики остаются низкими. Вместе с тем, можно предположить, что регион не нуждается в активном привлечении рабочей силы извне, а если потребность все же есть, то требуется комплекс мер по адаптации мигрантов к условиям жизни в регионе и не менее важно решить проблему воспитания толерантности в среде местного населения.

ПОГОДАЕВ Николай Петрович

Томский государственный университет (Томск), nik-pogodaev@yandex.ru

ВЛАДЕНИЕ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК УСЛОВИЕ
АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-МИГРАНТОВ ИЗ
ТАДЖИКИСТАНА В УНИВЕРСИТЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ТОМСКА

В рамках проекта «Студенты-мигранты из Таджикистана в университетах Томска: образцы, практики и стратегии адаптации» в качестве одного из основных механизмов адаптации рассматривается освоение студентами русского языка. В основе исследования лежат глубинные интервью студентов – таджиков и русских, прибывших из Таджикистана, а также представителей таджикской диаспоры, проживающих в Томске, и преподавателей томских университетов, экспертов и других субъектов рассматриваемого процесса. В качестве методологической основы исследования использованы работы Э. Гидденса и М. Беннета. Речевая коммуникация рассматривается через призму «коррекции слушания» и требований, которые предъявляются к мигрантам за пределами университетской жизни. Язык рассматривается в качестве одного из основных каналов «межкультурной чуткости», необходимой для аккультурации студентов на том уровне социума, который они рассматривают в качестве приемлемого с точки зрения личных притязаний и профессионального статуса. Проблемы освоения русского языка представлены через призму метафоры Р. Уивера «о встрече двух айсбергов» – владение языком есть индикатор восприятия приезжими местной культуры, и уровень владения может свидетельствовать о способности индивида к расшифровке «культурных кодов» принимающего сообщества. В докладе анализируются эти и иные факторы, влияющие на освоение студентами-таджиками русского языка в университетах Томска.

ПОДЛЕСНЫХ Ольга Николаевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), olga_podlesnyh@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ НАСЕЛЕНИЯ
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ПРОБЛЕМЫ
ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ*

В 2014 г. Институт этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этнологического мониторинга по единой

* Доклад представлен в рамках проекта, поддержанного РНФ в 2014 г., грант № 14-18-03090.

программе провел этносоциологическое изучение общественного мнения населения в отношении интеграции мигрантов в регионах РФ, в т.ч. опрашивались жители Подмосковья (гг. Коломна, Красногорск, Люберцы, Одинцово, Химки, Щёлково, пос. Поведники Мытищинского р-на) с учетом существующих пропорций по полу, возрасту и образованию. Учитывались этническая и языковая идентичность опрошенных, их место рождения (у мигрировавших также и регион выезда) и источники дохода (включая занятых физическим трудом, в том числе тяжелым), личное участие в миграции, социальное самочувствие и уровень социальной депривации, склонность поддерживать или не поддерживать стереотипы и предрассудки в отношении мигрантов. Выяснилось, что подмосковные жители нередко более резко настроены против миграционного притока и интеграции мигрантов, нежели москвичи. У мигрантов выяснялась и оценивалась их готовность к интеграции и знание русского языка, наличие сетей поддержки (родственники, земляки).

ПОЛОНЕЦ Иван Иванович

РАКАЧЕВ Дмитрий Николаевич

*Центр этносоциальных и демографических исследований
(Краснодар), rv-rv-rv@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ*

Приток иноэтничного населения увеличивает частоту межэтнических контактов, которые не всегда носят позитивный характер, и это может сказываться на социальном самочувствии населения. По итогам социологического исследования, проведенного в рамках проекта в Краснодарском крае в 2014 г., более половины респондентов отметили, что мигранты «отрицательно влияют на жизнь их населенного пункта», объясняя таковое «влияние» неуважительным поведением и особенностями менталитета приезжих, и их нежеланием принимать нормы и ценности местного сообщества. По мнению респондентов, мигранты представляют особую проблему в сфере труда, где они конкурируют за рабочие места с местными жителями. Прежде всего респонденты опасаются конкуренции со стороны мигрантов в уровне оплаты труда. Респондентов беспокоит и «некачественное выполнение работ, производимых мигрантами», например, в строительстве. Вместе с тем, половина опрошенных, по их самооценке, практически не взаимодействует с мигрантами. Таким образом, представление о мигрантах, их влиянии на жизнь принимающего сообщества формируется у респондентов опосредованно и зависит от качества источников информации. Если исходная информация, например, тиражируемая СМИ, уже содержит предубеждения против мигрантов, то это может быть усвоено аудиторией. Исследование выявило также, что в представлениях принимающего общества мигранты «ранжируются» по территориям происхождения, и в зависимости от этого в отношении мигрантов в общественном сознании применяются стереотипные, не всегда лицеприятные, характеристики.

* Проект РГНФ № 13-03-00577.

РАКАЧЕВА Ярослава Владимировна

*Кубанский государственный университет (Краснодар),
jaroslava.r@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ**

Эффективность взаимодействия мигрантов и местного населения во многом зависит от состояния принимающего общества. С целью измерения взаимосвязи между отношением к миграции и социальным самочувствием у населения Краснодарского края в сентябре-октябре 2014 г. проведено социологическое исследование. Полученные результаты были представлены в виде индексов социального самочувствия. У жителей края выявлен высокий уровень удовлетворенности жизнью (70%). Но по некоторым показателям удовлетворенность респондентов оказалась заметно ниже, в частности – удовлетворенность миграционной ситуацией в регионе (44%). Так же выявлена низкая удовлетворенность респондентов собственными перспективами и возможностями социальной мобильности, уровнем занятости, качеством местной экономики. Относительно лучше выглядят показатели, характеризующие самочувствие респондентов в культурной сфере. При этом уровень удовлетворенности населения края состоянием межнациональных отношений выше других показателей. Можно сделать вывод о том, что обостренное восприятие населением края миграционных проблем связано у респондентов в первую очередь с неудовлетворенностью в социальных и экономических вопросах, и в значительно меньшей степени со сферой межнациональных отношений.

САВИН Игорь Сергеевич

*Институт востоковедения РАН (Москва),
savigsa@inbox.ru*

МИГРАНТЫ МОСКВЫ И ОПЫТ НКО В ПОВСЕДНЕВНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ

В докладе рассматриваются примеры моделей интеграции разнородных сообществ, успешно и малыми силами реализованные на локальном уровне отдельных районов Москвы. Под интеграцией понималась готовность и способность сообществ к бесконфликтному взаимодействию на низовом уровне повседневного общения и обычной деятельности. НКО «Международное ненасилие» в 2013–2014 гг. реализовала модели интеграции на двух «площадках»: на территории двора, прилегающего к так называемому «этническому кафе» и в самом кафе, которое нужно было превратить, по мере проведения различных мероприятий, из «места для чужаков» в место совместного пользования местными жителями и приезжими. Эта практика была анонсирована столичными СМИ как «Обеды с мигрантами». Вторая модель реализована в помещении клуба восточных районов Киргизстана, причем плохо говорящие по-русски. Мы старались актуализировать у них стремление к интеграции и научить навыкам комфортного сосуществования в инокультурной среде. Другой проект

** Проект РГНФ № 13-03-00577.

реализовывался при участии автора «Институтом Стрелка» и группы волонтеров, которые за три недели в ранее «неизвестном» для них районе Москвы смогли изучить местную социальную среду и создать на базе одной из местных библиотек «Центр межкультурной коммуникации» при активном участии с одной стороны, жителей прилегающих домов, а с другой – рабочих ЖКХ и обитателей общежития для мигрантов из Средней Азии.

САВОСКУЛ Мария Сергеевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), savoskul@yandex.ru

УСПЕШНЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ РОССИИ И УКРАИНЫ ВО ФРАНКФУРТЕ-НА-МАЙНЕ (ГЕРМАНИЯ)

В современной Германии, по различным данным, проживает до 3 млн выходцев из стран СНГ, различающихся по этнокультурному и социальному составу, а также по регионам происхождения. Большинство мигрантов прибыло в Германию из России, Казахстана и Украины. Самую многочисленную группу составляют «этнические» мигранты – российские немцы и члены их семей. Также к «этническим» относят еврейских переселенцев из стран СНГ. Имеются многочисленные группы приезжающих на учебу, а также «семейные» мигранты (брачная миграция, воссоединение семей и проч.). Многочисленные сценарии адаптации этих групп, в т.ч. различные сценарии успешной адаптации. Доклад опирается на результаты эмпирического исследования автора, проведенного летом 2013 г. во Франкфурте-на-Майне и посвященного интеграции успешных высококвалифицированных мигрантов в принимающее сообщество. В ходе исследования проведены 20 интервью с мигрантами, работающими в Гёте-университете, в банках и других бизнес-структурах. Все респонденты считают себя успешными, состоявшимися в Германии в профессиональном и личном плане. В докладе рассматриваются мотивы их эмиграции, механизмы переезда, представлены примеры миграционных биографий; прослеживаются социально-территориальные и трансграничные связи успешных мигрантов, выявлены условия и факторы таких связей.

СОДНОМПИЛОВА Марина Михайловна

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), sodnompilova@yandex.ru

ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО И МИГРАНТЫ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В БУРЯТИИ

Усилившиеся миграционные потоки, в том числе трансграничные, и возникшие на их основе многочисленные диаспоры стали неотъемлемой чертой современной России. Бурятия, как и другие регионы, стала притягательной для выходцев из других государств. Экономический кризис 1990-х годов вызвал активный отток местного населения в западные регионы России, особенно – квалифицированных работников и молодежи. В Бурятии демографический спад и достаточно комфортные межэтнические отношения стали важными предпосылками увеличения притока иностранных трудовых мигрантов. Высокий уровень толерантности мест-

ных жителей во многом обусловлен сохранившимися традиционными нормами. Однако проблемы все же возникают вследствие недостаточности опыта общения с представителями иных культур, в частности, среднеазиатскими мигрантами. Впрочем, возрастающее с каждым годом влияние мигрантов на повседневность постепенно трансформирует отношение местного сообщества к мигрантам как менее «чужим». В нашем исследовании интерес представляет значение традиционных норм поведения и коммуникации, характеризующих принимающее сообщество Бурятии. Такие нормы способствуют формированию в целом позитивного восприятия мигрантов и удерживают общество от проявлений ксенофобии. Вместе с тем, заслуживают внимание отдельные моменты общественных взаимоотношений, которые можно было бы квалифицировать как пределы толерантности.

СОЛОДОВА Галина Сергеевна

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), gsolodova@gmail.com

ИНОЭТНИЧНАЯ МИГРАЦИЯ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

Активные миграционные процессы в России актуализируют изучение процессов взаимодействия принимающего общества и мигрантов как предмет государственной политики и управления. Исследование, проведенное при поддержке РГНФ (№ 13-03-00351), выявило, что в принимающем обществе г. Новосибирска присутствует понимание необходимости привлечения трудовых мигрантов. Одной из причин этого является нежелание местных жителей работать в таких сферах и на тех условиях, на которые согласны мигранты. Наряду с осознанием вклада мигрантов в производственную сферу, торговлю, строительство, сферу услуг, принимающее общество с беспокойством оценивает социокультурные «последствия» иноэтничной миграции, рассматривая их как «угрозу» российской культуре и традиционным религиям. Респондентов беспокоит активное воспроизводство в среде мигрантов привнесенных культурных, трудовых, религиозных и языковых практик. Респонденты из числа местных жителей более негативно, чем мигранты, оценивают допустимость ношения национальной одежды и религиозных атрибутов в общественных местах, им не нравится общение в публичных местах на ином языке, кроме русского. Местное население не согласно на придание привносимым традициям «статуса», равного местным и российским традициям и ценностям. Исследование показало, что принимающее общество меньше, чем мигранты заинтересовано в сближении, оно отрицательно относится к возможным бракам с иноэтничными мигрантами и к совместной учебе с детьми трудовых мигрантов.

СТЕПАНОВ Валерий Владимирович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), eawarn@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ РОССИЯН, ПОТЕНЦИАЛ КОНФЛИКТНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ*

Сегодня СМИ и политики говорят, что экономический кризис и антироссийские международные санкции сни-

* Проект РФФИ № 14-06-00117.

жают приток иностранных трудовых мигрантов в Россию. Однако спад – явление временное, и миграция остается для России важным ресурсом и серьезным общественным вызовом. Влияние «кризиса и санкций» усиливает конкуренцию (явную и мнимую) на рынке труда, и возрастает опасность конфликтов между представителями разных культурных сообществ. По нашему общероссийскому опросу в 2014 г., 38% россиян полагают, что приезжие отнимают рабочие места у местных жителей и 11% поддержали бы пикеты и иные акции против «чужаков».

Миграционный опыт населения ограничен: 72% россиян – уроженцы своих регионов, а прибывшие из других территорий и стран проживают на новом месте, как правило, более 10 лет. Лишь 17% россиян намереваются выехать из своего региона на длительный срок или постоянное проживание. Вместе с тем, имеют родственников в других странах 42% (половина – на Украине), а на постсоветские государства приходится три четверти заграничных родственных связей россиян. О полезности центров социальных услуг для мигрантов заявили 74% россиян и 31% не исключили, что посетят такие центры для собственных нужд. Таким образом, российское общество готово и не готово воспринимать мигрантов, а «кризис» не «отодвигает» идею интеграционных программ, но наоборот требует интенсификации соответствующих фундаментальных и прикладных разработок, которые мы проводим в рамках проекта.

СУББОТИНА Ирина Алексеевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), irinalsu@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА СОВРЕМЕННУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ РАССЕЛЕНИЯ АРМЯН В РОССИИ

На протяжении последнего десятилетия существования СССР и в постсоветские десятилетия важнейшей чертой расселения армян являлось их нарастающее рассредоточение и центробежный характер миграций. Однако доминирующим направлением для переселений является российский вектор. Россия близка армянам в силу исторически сложившихся контактов и совместного проживания, единства православной веры, широкого распространения и хорошего уровня владения армянами русским языком, высокой степенью доверия армян к России и русским, наличия в России с давних времен многочисленной армянской диаспоры. Обширный рынок труда, сравнительно высокий уровень заработной платы, возможности реализации различных жизненных стратегий способствуют привлечению в Россию и удержанию в ее орбите армянских трудовых мигрантов. Многолетние трудовые миграции армян из Армении, постепенно перерастают в конечную, носят характер эмиграции, создают заметные предпосылки снижения демографического, социального и профессионального потенциала армян в самой Армении.

Изменения картины расселения армян в России, особенно с 1980-х гг., отражают две тенденции: неизменное увеличение их численности и усиление дисперсности расселения по регионам. При этом наблюдается ослабление урбанизационного вектора, что выражено в снижении доли городских жителей во всем армянском населении России.

СУЛЕЙМАНОВА Олеся Анатольевна

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского НЦ РАН (Апатиты), sul-olesya@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ К МИГРАНТАМ С УКРАИНЫ

Вследствие военного конфликта, начавшегося в 2014 г. на востоке Украины, значительно усилился приток ее граждан в Россию, в т.ч. на Кольский Север. По данным УФМС России по Мурманской области, на 1 декабря того же года численность прибывших составила более 8 тыс. чел. Отношение местных жителей к приезжающим двойственное: с одной стороны, они сочувствуют чужой беде, с другой – выражают недовольство по поводу того, что выходцы из Украины занимают рабочие места, на них тратится местный и областной бюджет. Анализ местных СМИ показывает, что в региональном сообществе отношение к мигрантам скорее сочувственное, нежели негативное. О том, в частности, свидетельствуют заголовки газетных статей: «Беженцы с Украины: на Севере люди невероятные, добрые и отзывчивые», «Равнодушных у нас нет» и т.п. Есть, впрочем, статьи указывающие на трудности работы с беженцами: «Возможности Мурманской области принимать, размещать и кормить беженцев с Украины ограничены», «Мурманские власти хотят развеять слух о предпочтениях беженцам с Украины». Анализ местных СМИ, а также интервью с жителями Мурманской области позволяют выявить положительные и отрицательные оценки в отношении мигрантов с Украины.

ТИТОВА Екатерина Валерьевна

Приморский государственный университет им. Шолом-Алейхема (Биробиджан), efimovaekaterina91@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Исследования по этнокультурной коммуникации и адаптации приобретают все большее значение в связи с процессами глобализации и интенсификации международной трудовой миграции. Этнокультурная адаптация сопряжена с личностными изменениями и подчас драматичным решением проблемы совместимости родной и чужой культуры.

В постсоветский период часть местного населения региона эмигрировала в Израиль, США, европейские страны. В отличие от других дальневосточных регионов в ЕАО коэффициент напряженности на рынке труда один из самых низких. В области ведется строительство жилья и крупных промышленных предприятий, поэтому есть потребность в дополнительной рабочей силе.

Основные страны исхода трудовых мигрантов в Еврейскую автономную область (ЕАО) – Китай, Узбекистан, Таджикистан, Украина, Армения, Азербайджан. При этом значительная доля среднеазиатского населения устремляется на Дальний Восток не для временного, а для постоянного проживания. Доля китайских мигрантов, прибывающих в ЕАО, выше чем в Приморье. На территории области более 150 предприятий с китайскими инвестициями. На территории области сложилось несколько этнических диаспор – азербайджанская, таджикская, корейская, мусульманская, китайская. В связи с этим возникает необходимость про-

филактики бесконфликтных межэтнических и религиозных отношений.

Наиболее приемлемой адаптационной стратегией для трудовых мигрантов является интеграционная модель. Но есть трудности овладения русским языком и преодоления замкнутости земляческих общин. Мигранты нередко испытывают пренебрежительное отношение властей и части местных жителей, что также затрудняет процесс адаптации.

ТОЛОКНОВ Вячеслав Сергеевич

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), mailtoloknov@gmail.com*

ТИБЕТСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ИНДИИ: СТАТУС, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Прошло более полувека с тех пор как индийское правительство под руководством Д. Неру предоставило тибетским беженцам право проживать на территории Индии, а также выделило земли для строительства необходимых им зданий, сооружений и инфраструктуры. С одной стороны, это существенно повлияло на процесс осознания тибетцами себя как нации за пределами Тибета, с другой – осложнило и без того непростые отношения Индии с Китаем.

Сегодня тибетские беженцы в Индии являются во многом уникальным диаспорным сообществом. Не обладая de jure статусом беженцев (Индия не присоединилась к Конвенции ООН 1951 г. о статусе беженцев), проживающие здесь тибетцы ведут весьма активную политическую, экономическую и культурно-религиозную деятельность, занимая довольно обособленное положение в структуре населения. Одновременно с усиливающейся риторикой внутри тибетской диаспоры по поводу необходимости принятия экстренных мер для сохранения культуры и идентичности тибетцев, усиливаются процессы размывания границ их традиционной культуры, налицо деградация языка и секуляризация. Для тибетской диаспоры в Индии сегодня характерна т.н. повторная эмиграция, когда проживающие здесь тибетские беженцы всеми доступными способами пытаются уехать в США, Канаду или страны Западной Европы чтобы улучшить уровень жизни и затем оказать помощь своим родственникам в Индии и Китае.

ФРОЛОВА Елена Валерьевна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань),
elenaieup@mail.ru*

ЖЕНЩИНЫ-МИГРАНТЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И ОТНОШЕНИЕ К ПРИНИМАЮЩЕМУ ОБЩЕСТВУ

Татарстан – полиэтническая республика Российской Федерации, хотя по численности преобладают татары и русские. В настоящее время фиксируемый прирост иноэтнических мигрантов делает региональную картину населения еще более сложной. Основные государства, из которых прибывают иностранные граждане – Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Киргизстан. По оценкам, не менее 30% трудовых мигрантов составляют женщины.

В нашем исследовании мы анализировали готовность женщин-мигрантов к межэтническому взаимодействию и решению проблем адаптации. В частности, выявлялись их

лингвокультурные ориентации. Изучены компетенции респондентов в отношении русского и татарского языков и ориентации респондентов на повышение этой лингвистической компетенции. Выявлены показатели социальной дистанции респондентов по отношению к мусульманам других национальностей. Наибольшие трудности с адаптацией испытывают мигранты-узбечки. Они имеют низкий уровень владения русским языком и высокий уровень внутригрупповой консолидации, что затрудняет взаимодействие с местными жителями. Более успешные стратегии адаптации демонстрируют женщины-азербайджанки, поскольку они лучше знают русский и татарский языки, у них более выражена настрой на изучение их детьми языков принимающего сообщества, для них характерен сравнительно небольшой уровень социальной дистанции по отношению к местным татарам.

ХИЛАЗЕВА Гульдар Фаритовна

*Институт социально-политических и правовых исследований
Республики Башкортостан (Уфа), aguldar@yandex.ru*

МИГРАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ (на примере республики Башкортостан)

Миграция как фактор и проявление процессов глобализации играет определенную роль в формировании этнического состава населения российских регионов, способствует усложнению межэтнических и межконфессиональных контактов. После распада Советского Союза миграционные процессы получили новый импульс: из стран ближнего и дальнего зарубежья в российские регионы возрос поток мигрантов. Вначале это были беженцы и вынужденные переселенцы, а затем трудовые мигранты. Миграция в Россию представителей «новых» этнических культур еще более усложнила ее этнический состав. С начала 2000-х годов в связи обострением социально-экономической ситуации в некоторых регионах России начался процесс оттока местного населения в центральные и некоторые западносибирские регионы. Происходили два разнонаправленных миграционных процесса – приток представителей «новых» этнических культур и миграционный отток местного населения. В результате в ряде мест менялась численность и половозрастная структура этнических групп. Наряду с этим возросла интенсивность межкультурных взаимодействий в различных сферах. В докладе указанные процессы прослеживаются на примере Республики Башкортостан.

ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна

*Институт философии, политологии и права АН Республики
Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан),
larkhop@gmail.com*

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА: НОВАЯ СИТУАЦИЯ

Численность таджикских трудовых мигрантов в России в 2014 г. составила 999,2 тыс. Таджикистан стал страной-донором рабочей силы уже в 1990-е годы – отток населения вызвала гражданская война, экономическая разруха, а затем и кризис. В конце того десятилетия в условиях невозможности обеспечить занятость трудоспособного населения, из-за

крайне низкого уровня оплаты труда и отсутствия системы социальной защиты внешняя трудовая миграция официально была объявлена частью политики занятости и даже фактором жизнеобеспечения Таджикистана. Среди выгод трудовой миграции указывали повышение квалификации рабочей силы, содействие становлению рынка авиационных и автотранспортных перевозок, развитие сферы банковских услуг и торговли. В 2011 г. властями Таджикистана заявлено, что миграционная политика «будет формироваться с учетом потребностей внутреннего рынка», с обязательной «возвратностью» мигрантов, признавалась необходимость их реинтеграции. Но в 2015 г. в России сложилась принципиально новая ситуация, характеризующаяся сочетанием негативных факторов для таджикских мигрантов: падение курса рубля сделало трудовую миграцию «невыгодной»; необходимость сдачи экзамена по русскому языку и истории России; обязательность получения патента на работу. Снижение потока трудовых мигрантов в Россию и их массовое возвращение в Таджикистан (уже в 2014 г. в республику вернулось 454 тыс.) может возыметь серьезные последствия в виде формирования социальной базы молодежного протестного движения в Таджикистане, создание условий для вербовки бывших мигрантов радикальными террористическими организациями, а при условии повышения курса рубля возможен рост объемов нелегальной миграции в Россию.

ХУСНУТДИНОВА Ляйля Гельсовна

Уфимский государственный университет экономики и сервиса (Уфа), Lavanda-55@mail.ru

**РОЛЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В
АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ
(Республика Башкортостан, Пермский край,
Самарская обл.)**

Проблема адаптации и интеграции мигрантов в новых для них условиях представляет собой одну из наиболее сложных в социальных науках. Переселение порождает множество проблем, не только связанных с регистрацией, поиском жилья и трудоустройством, но и с приспособлением к непривычной природной и культурной среде, с необходимостью установления новых социальных и межличностных контактов. Решение интеграционных задач, связанных с нормативно-правовой и семейно-бытовой сферой, невозможно без участия региональных и муниципальных органов власти, роль которых резко возросла с массовым притоком мигрантов с Украины в 2014–2015 гг. УФМС РФ по регионам, областные, городские и районные администрации – это те органы, через которые в обязательном порядке проходит каждый легально въехавший в Россию мигрант. Деятельность названных органов власти способна гарантировать исполнение законодательных решений в сфере миграционной политики. Большую роль в процессе адаптации мигрантов могут играть и общественные институты, такие как национально-культурные центры. В докладе анализируется нормативно-правовая база по регулированию миграционных процессов и приводится анализ деятельности муниципальных органов власти и общественных организаций в Республике Башкортостан, Пермского края и Самарской области, направленной на адаптацию и интегра-

цию мигрантов. Так, в Самарской области реализуются госпрограммы («Социальная адаптация и интеграция мигрантов, прибывающих в Самарскую область» и др.), проводятся круглые столы, семинары, научно-практические конференции, для мигрантов распространяется информация на узбекском, киргизском, русском и других языках.

ЧЕМОДАНОВ Игорь Владиславович

Вятский государственный гуманитарный университет (Киров), igor.che.modanov@gmail.com

**ЭСТОНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ВОЛОГОДСКО-
ВЯТСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В ГОДЫ
СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ**

Перед Первой мировой войной территория современного Опаринского района Кировской области уже являлась местом компактного проживания эстонских крестьян-колонистов, переселившихся сюда в годы столыпинской аграрной реформы. Процесс переселений эстонских крестьян на европейский северо-восток России был вызван в первую очередь экономическими причинами. Предполагалось «разгрузить» малоземельное крестьянское население на западе и увеличить благосостояние переселенцев путем наделения их значительными земельными участками. Государственной программой была проработана организация переселения, определены источники поддержки переселенцев. К факторам духовного порядка, побуждавшим эстонских крестьян оставлять свою историческую родину и осваивать трудные для возделывания земли, могут быть отнесены протестантская трудовая этика и «миграционная парадигма» – утопическая мечта об обретении счастья в некой далекой идеальной стране, в которой можно добиться всеобщего крестьянского благоденствия. Хозяйственные навыки переселенцев, их энтузиазм и надежды стали предпосылкой успешной адаптации к новой для них природной и культурной среде. Мигранты привнесли в новый этнокультурный ландшафт элементы своей традиционной культуры. Уже в начале XX века в вологодско-вятском пограничье возникла хуторская система поселений эстонских крестьян, придавшая региону особую этнокультурную специфику. В настоящее время на территории Опаринского района проживают люди, являющиеся потомками столыпинских переселенцев. Часть из них сохраняет связи со своей исторической родиной и эстонскую этническую идентичность.

ЧЕРНОВА Ирина Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), Ikar561965@mail.ru

**ВЫХОДЦЫ ИЗ ЛАРЬЯКСКОЙ ВОЛОСТИ
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ВАСЮГАНСКОМ
ПРИХОДЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(по данным метрических книг 1840–1910-х годов)**

Утверждение о том, что границы инородческих волостей были для местных народов условностью, является банальным. В метрических книгах церковей Нарымского края нередко встречаются представители соседних волостей и даже губерний. В докладе приводится оценка численности таких выходцев из Ларьякской волости Тобольской губернии, граничившей с Васюганской волостью. Анализ около

40 метрических книг церкви с. Васюганское за 1840–1910-е годы показал, что записи о выходцах из Ларьякской волости встречаются почти ежегодно, но составляют небольшую часть (от 1 до 5–6 на 50–100 записей). Наибольшее количество записей приходится на 1840–1850 годы, и почти сходят на нет в начале 1870-х годов, далее возобновляются в 1880–1890-е годы и стабильно повторяются до начала 1920-х годов. Чаще всего встречаются записи о крещении детей, где выходцы из соседней губернии указаны как родители или крестные. Отмечено и около двух десятков браков. Записи же о погребении выходцев из Ларьякской волости на васюганских кладбищах крайне редки.

Стабилен состав фамилий выходцев из Ларьякской волости, зафиксированных на Васюгане. Часто встречаются четыре фамилии: Олугины (ю. Варгананжины), Мурасовы (ю. Усть-Чажапка) и Маргины и Югины из одноименных юрт. Дальнейшее изучение данного вопроса может вывести на родственные и этнические связи между представителями данных фамилий и жителями Васюганского прихода.

ЧУВЬЮРОВ Александр Алексеевич

*Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
chuvjurov@yandex.ru*

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ ВЕРХНЕПЕЧОРСКИХ КОМИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Этнографическая группа верхнепечорских коми (*печора катыдса*) сформировалась в XVIII в. На их духовную культуру большое влияние оказало старообрядчество, а на дальнейшей этнокультурной трансформации сказались происходящие здесь миграционные процессы. С середины 1920-х и по 1950-е годы в периоды коллективизация и промышленной разработки Печорского угольного бассейна в этот район усилился приток переселенцев из других российских регионов, появились поселки для ссыльных (спецпереселенцев) и соответствующие «спецучреждения». Поселки переселенцев разобили ареал верхнепечорских коми, разделив их на локальные, в значительной степени изолированные друг от друга группы. В 1960–1970-е годы было закрыто значительное число коми сельских поселений (кампания по укрупнению сельских населенных пунктов). Переориентация традиционной хозяйственной деятельности жителей этого района на лесную и добывающую промышленность, разработку газовых и нефтяных месторождений (Усинск, Вуктыл) привели к значительным внутрирегиональным перемещениям: сельская молодежь перебиралась из деревень во вновь строящиеся города и поселки. Активные миграционные процессы происходят в этом регионе и в последние десятилетия. Так, значительную часть трудовых кадров компании «ЛУКОЙЛ» составляют рабочие, прибывшие из других регионов РФ и стран ближнего зарубежья (Украины, Белоруссии, Молдавии и др.). Прошлые и современные миграционные процессы можно отнести к числу значимых факторов, которые способствовали размыванию этнокультурных особенностей данной этнографической группы коми, значительному сокращению в их среде коми языка, утрате локальной идентичности верхнепечорских коми.

ШАФИЕВА Гилала Мирсияф кызы

*Институт истории АН Республики Татарстан (Казань),
gisha247@rambler.ru*

АРАБЫ-ЭМИГРАНТЫ ИЗ ГОСУДАРСТВ, ГДЕ ПРОИСХОДЯТ КОНФЛИКТЫ

К началу политических волнений в странах Магриба в конце 2010 г. регион уже являлся крупным источником миграционных потоков, поскольку 8 млн мигрантов находились за пределами этих стран. Из этих мигрантов 62% убыли в страны ЕС, 27% – в арабские государства (20% в страны Персидского залива) и 11% – в другие страны. Подсчитано, что за предыдущее десятилетие общая численность эмигрантов из макрорегиона увеличилась на 42%. Но с 2011 г. начались еще более массовые перемещения из-за политических конфликтов в Египте, Ливии, Тунисе (а также на Ближнем Востоке в Сирии), породивших феномен беженства, огромную безработицу и экономические трудности.

ШЕЙБАК Вадим Викторович

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь), iraraf@yandex.ru*

БЕЛОРУССКИЕ СМИ О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ: ОТРАЖЕНИЕ ОПЫТА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО СТЕРЕОТИПА

В настоящее время в Республике Беларусь значительную часть проживающих на ее территории мигрантов составляют выходцы из государств Средней Азии. Эти страны резко отличаются от Беларуси по многим параметрам, включая этнический и лингвистический состав, хозяйственно-экономический уклад, природно-климатические условия. Поэтому закономерен интерес белорусских СМИ к культуре и вопросам адаптации среднеазиатских переселенцев. Подчеркнутое внимание масс-медиа обращено к «белорусским» казахам, что связано с интенсивным сотрудничеством Беларуси и Казахстана в рамках интеграционных процессов.

В белорусском информационном пространстве материалы, характеризующие среднеазиатских мигрантов и особенности их социальной адаптации, представлены в газетных статьях, интернет-публикациях, в теле- и радиорепортажах. Многие публикации и репортажи посвящены переселенцам, которые имеют в Беларуси достаточно высокий социальный статус, пользуются авторитетом в принимающем обществе, вносят вклад в формирование конструктивного межкультурного диалога местных жителей и мигрантов. Освещая примеры успешной адаптации мигрантов, описывая их достижения в бизнесе, искусстве, науке, образовании, белорусские СМИ способствуют созданию позитивного образа переселенцев из Средней Азии.

ЩЕКЛАЧЕВА Татьяна Владимировна

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), humster.84@mail.ru

«СЕПАРАЦИЯ» МИГРАНТОВ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ (по материалам исследований в г. Новосибирске)

«Сепарация» (социальная автономность) иностранных трудовых мигрантов, прибывающих в российские регио-

ны, имеет множественные причины. Современное поколение мигрантов в возрасте до 35 лет не владеет в полной мере русским языком и не знакомо с русской культурой. Для значительной части трудовых мигрантов приверженность исламу является основой их самоидентификации, что служит дополнительным основанием для сплочения и подкрепляет мигрантские социальные сети и диаспоры. Сепарация мигрантов – это еще и следствие их сегрегации принимающим обществом. Часть мигрантов уже является гражданами России или имеет вид на жительство. Мигранты привозят семьи с детьми, либо создают семьи в России, и их дети, согласно российскому законодательству,

имеют равные права с детьми местных жителей. Однако местное население не всегда учитывает эти обстоятельства. Исследования выявили несовпадения в установках и взаимных ожиданиях с одной стороны мигрантов, с другой – принимающего сообщества. Вместе с тем оказалось, что мигранты высказывают заметно большую заинтересованность в контактах с местным населением, нежели местное население – в контактах с мигрантами. Сепарация, как в определенной мере необходимый на стадии адаптации и интеграции процесс, нередко усугубляет культурную и социальную дистанцию между мигрантами и местным населением.

Секция 3
КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПСИХОЛОГИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Гриценко Валентина Васильевна – д.полит.н., профессор, Смоленский гуманитарный университет (Смоленск)

E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Бутовская Марина Львовна – д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

АБРАМОВА Мария Алексеевна
ГОНЧАРОВА Галина Савитовна
КОСТЮК Всеволод Григорьевич

*Институт философии и права СО РАН (Новосибирск),
marika24@yandex.ru*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Социокультурная типология молодежи позволяет в теоретическом плане построить «мост» между макро- и микро-теоретическими подходами в социальных, в том числе этносоциальных, исследованиях, а в практическом аспекте – выявить такие социокультурные типы населения, которые содействуют или, наоборот, препятствуют позитивной социокультурной динамике общества и внести на основе данного знания коррекцию в механизмы социального регулирования этносоциальных процессов. В актуальных для современной России проблемах межэтнической интеграции и дифференциации эмпирическая «проверка» теоретических моделей социокультурной типологизации на материалах исследования молодежи в Республиках Саха (Якутия) и Хакасия позволила установить, что аккультурационной стратегии интеграции (когда для индивида важна и этническая, и общероссийская самоидентификации) склонны придерживаться вдвое больше среди молодежи социокультурного типа «коллективист со сформированным этническим самосознанием», нежели среди молодежи полярного ему социокультурного типа «индивидуалист – “космополит”». При эмпирической верификации модели «проактивность – реактивность» выявлено, что к межэтнической интеграции более всего склонен социокультурный тип проактивной личности (с активной жизненной позицией, позитивным отношением к другим людям, принимающий на себя ответственность за себя и свою жизнь), а менее всего – его антипод, так называемая «реактивная масса». Авторы полагают, что в каждом регионе России, представленные типологии имеют как общие для всей страны черты, так и свою этническую специфику, что очень важно учитывать при построении политики регулирования социальных процессов и формировании программ развития образования.

БАРТОШ Татьяна Петровна

*Научно-исследовательский центр «Арктика» ДВО РАН (Магадан),
tabart@rambler.ru*

ТИПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ПОДРОСТКОВ РАЗЛИЧНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ
ГРУПП МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследовали особенности этнической идентичности подростков на Севере, проживающих в различных соци-

ально-экономических условиях сельской и городской среды Магаданской области. Применяли методику Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, которая позволяет диагностировать этническое самосознание и его трансформации в условиях межэтнической напряженности. Всего было обследовано 188 подростков обоего пола Магаданской области, которые были разделены на 3 группы: 1-я – учащиеся из числа северных народностей (коряки и эвены), проживающие в отдаленном пос. Эвенск Магаданской области; 2-я – уроженцы Севера в 1–3-м поколении (русские, украинцы) родившиеся и проживающие в пос. Эвенск; 3-я – уроженцы Севера в 1–3-м поколении, проживающие в Магадане. Показано, что доминирующим типом этнической идентичности во всех группах школьников является Позитивная этническая идентичность: 49% подростков 1-й группы, 45% во 2-й и 36% в 3-й (сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам). Высокие показатели были отмечены по шкале Этническая индифферентность (размытость и неактуальность этнической принадлежности) у 15% подростков 1-й, 21% во 2-й и 11% в 3-й группах. По шкале Этнофанатизм высокие баллы показали 12% школьников обеих групп Эвенска и 4% школьники Магадана. По остальным изучаемым шкалам Этнонигилизм, Этнозогизм, Этноизоляция высокие показатели отмечены от 1% до 8% учащихся всех групп. Выявлены взаимосвязи самооценки личности с показателями шкал опросника.

БОНДАРЕНКО Дмитрий Михайлович

Институт Африки РАН (Москва), dbondar@hotmail.com

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ
И СОВРЕМЕННЫХ АФРИКАНСКИХ
МИГРАНТОВ В США: КУЛЬТУРНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Африкано-американцы и африканцы не образуют единую «черную общину». Отношения между ними характеризуются одновременным взаимным притягиванием и отталкиванием. Помимо социально-экономических, существуют и культурно-психологические причины столь сложных и

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ в рамках научных проектов № 14-01-00070 «Африкано-американцы и мигранты из стран Африки в США: культурная мифология и реальность взаимоотношений» и № 13-01-18036 «Отношения между африкано-американцами и мигрантами из стран Африки в США: социокультурный аспект взаимовосприятия общин».

неоднозначных взаимоотношений между двумя сообществами с общим географическим происхождением, но очень разными историческими контекстами складывания и развития. В докладе взаимоотношения между африкано-американцами и недавними мигрантами из стран Африки в США рассматриваются под углом зрения их самовосприятия и восприятия друг друга как, соответственно, «настоящих американцев», без которых немислима история страны и на ком, на протяжении столетий, зиждется ее процветание, и «приезжих», еще только стремящихся влиться в американский социум. В частности, показано, какие коллизии порождает неоднозначность и неодинаковость места Африки в коллективном сознании двух сообществ. В основу работы положен полевой материал, собранный научным коллективом под руководством автора доклада в 2013 и 2014 гг. в шести штатах США (Алабаме, Иллинойсе, Массачусетсе, Миннесоте, Нью-Йорке и Пенсильвании); в ряде малых и крупных городов – Бостоне, Миннеаполисе, Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго.

БРОДСКИЙ Юрий Игоревич

*Вычислительный центр им. А.А. Дородницына РАН (Москва),
yury_brodsky@mail.ru*

МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: ГУМАНИТАРНЫЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

С помощью уравнений конкуренции моделируется взаимодействие двух культур. Двумерные уравнения конкуренции широко применяются в математической биологии, начиная с работ А. Лотки и В. Вольтерра. Однако к социальным системам, в отличие от биологических, применим принцип рациональных ожиданий, впервые предложенный американским экономистом Джоном Муттом (John Fraser Muth) в 1961 г. Применительно к проблеме взаимодействия культур, этот принцип гласит, что обе культуры всеми доступными им средствами (в том числе и с помощью результатов исследования моделей, имеющихся в их распоряжении), будут стараться улучшить свое положение. Применение принципа рациональных ожиданий к динамической системе Лотки-Вольтерра превращает ее в позиционную дифференциальную игру, динамика которой гораздо сложнее динамики системы обыкновенных дифференциальных уравнений. Тем не менее, такая игра была исследована, и получены достаточно интересные результаты, допускающие интерпретацию в предметной области межкультурных взаимодействий. Результаты исследования конкурентных моделей, с привлечением результатов из области описания и синтеза моделей сложных многокомпонентных систем, а также моделей коллективного поведения, применяются для анализа таких сложных явлений, как культурный код, определяющий тот или иной тип поведения – способ стандартных ответов на стандартные запросы среды в различных культурах, на примере анализа цивилизационного выбора Александра Невского. Исследуются также некоторые вопросы внеэкономической природы экономических кризисов, коренящиеся в способах поведения агентов, т.е. в их культурном коде.

БУРКОВА Валентина Николаевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), burkovav@gmail.com*

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ДОМА У НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ (на примере Республики Танзания)*

Пространственная организация дома является отражением социальных связей в пределах семьи, усваивается детьми с раннего возраста и воспроизводится во взрослой жизни зачастую неосознанно. Сами способы структурирования жилого пространства всегда этнически специфичны и, в целом, являются одним из компонентов культуры народа [Бгажноков, 2011: 21]. Известно, что на представление о пространстве дома влияют пол, возраст, национальность и культурная среда [Бутовская, 2007; Фаст, 1997; Феденок, 2012]. Кросскультурные исследования показывают, что понятие тесноты и связанное с ним отрицательное психологическое восприятие толпы присуще не всем культурам. Современные танзанийские города представляют собой конгломерат совершенно разных этнических и социальных групп. Наше исследование было проведено в г. Дар-эс-Салам Республики Танзания – одном из самых больших городов Восточной Африки, отражающем современные тенденции урбанизации Африки. В исследовании приняли участие танзанийцы африканского происхождения из различных этнических групп, в основном бантуязычные народы, среднего и бедного слоев населения. На основе полученных интервью в докладе будут рассмотрены следующие проблемы: структурирование жилого пространства дома у народов Танзании в современности и их традиционные представления, степень терпимости африканцев к тесноте и скученности, этикетные нормы поведения в жилище, половозрастная сегрегация структурирования пространства.

БУТОВСКАЯ Марина Львовна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), marina.butoskaya@mail.com*

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЯН В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

В докладе представлен анализ материалов полевых исследований, проведенных нами в Восточной Африке (Эфиопия, Танзания, Кения, Уганда, Руанда), собранных в рамках грантов Форда «Русский Мир» (2009–2010, 2014 гг.). Частично, эти данные уже получили некоторое освещение в ряде публикаций [Бутовская и др., 2011, 2014]. В докладе приводится обобщенная информация о социально-психологическом и экономическом портрете русскоязычных соотечественников в этих странах. Показаны общие проблемы адаптации россиян на африканском континенте, рассматриваются положительные и отрицательные стороны жизни на новом месте, и специфика интеграции в принимающее общество в каждой из этих стран с акцентом на следующие факторы: традиционные связи между российским и африканским обществом (конкретная страна),

* Проект выполнен при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01288.

конфессиональная принадлежность, лингвистические и культурные барьеры. Детально анализируются личностные характеристики россиян, постоянно проживающих в этих странах, способствующие их карьерному росту, социальной интеграции и удовлетворенности жизнью в новом социо-культурном окружении.

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Евгеньевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва), yusvlad@rambler.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ИЗУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Язык – источник развития национальной личности и исторически сложившегося «этнического поля поведения и активности» (Л.Н. Гумилев). Но, наследуя картину мира и особенности его языковой концептуализации, человек избирательно «присваивает» культурно обусловленные принципы бытия, формирует собственные представления о смысле жизни и «проекте» личностного саморазвития (С.Л. Рубинштейн). А понимание подлинного бытия как единства личного существования и сущности создает «познавательно-этическое напряжение жизни изнутри ее самое» (М.М. Бахтин). Поэтому язык, удваивающий мир, приобретает экзистенциальное измерение при обращении к бытию личности. Следовательно, исследование взаимодействия инофонов предполагает раскрытие свойственного им экзистенциально-аксиологического кода, «объемлющего язык изнутри, придающего всему изначальный импульс» (В. фон Гумбольдт). Анализ языкового бытия как целостной совокупности языковой системы, речевого поведения и дискурса выявил триады, лежащие в основе западноевропейского и русского языкового бытия: личностно-правовую <закон – право – истина>, восходящую к античным идеалам подчинения закону, уважения прав личности, поиска истины, и нравственно-религиозную <справедливость – совесть – правда>, обусловленную православными представлениями о справедливости, суде собственной совести и высшей правде. Рассматривая экзистенциальную парадигму изучения национальной личности и ее языкового бытия как «точку роста» гуманитарных наук, занимающихся кросскультурными исследованиями, представляется целесообразным ввести следующее понятие: экзистенциальная личность – это исторически сложившийся тип носителя языка и культуры, опосредованный ценностными представлениями о смысле существования, который выступает в роли интегративной структуры личности.

ВОЛОВИКОВА Маргарита Иосифовна

Институт психологии РАН (Москва), margarita-volovikova@ya.ru

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА У РУССКИХ

В докладе рассматривается значение такого качества как любовь к Родине в представлениях русских о нравственном идеале. Приводятся результаты теоретического анализа проблемы отношения к Родине у русских по существующим литературным источникам. Делается вывод о том, что любовь к Родине является системообразующей характеристикой нравственного идеала народа. Результаты

эмпирического исследования представлений о нравственном («порядочном») человеке, проведенного в разных регионах (Москва, Смоленск, Хабаровск, Красноярск) и на разных возрастных выборках (школьники, студенты), показали неоднозначную картину отношения к Родине современных молодых людей. Частотный анализ обнаружил факт осознанного неприятия патриотизма, тогда как факторный анализ позволил выявить фактор «любви к Родине» во всех выборках (за исключением красноярской). Характерно, что основным качеством, с которым сопряжен патриотизм, оказывается дескриптор «не нарушает данное им слово». В выборке московских школьников в данный фактор добавляется также дескриптор «смелый». Делается вывод о сохранении патриотизма у русских на глубинном, пока мало осознаваемом уровне психики. Предполагается возможность позитивных изменений в самый последний по времени исторический период.

ГАВРОНОВА Юлия Дмитриевна

Смоленский государственный университет (Смоленск),
gavronova0104@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ

Интерес в сфере изучения взаимодействия культур представляет вопрос о влиянии ценностей культуры на профессиональные ценностные ориентации личности. Цель исследования: изучение влияния ценностей культуры на профессиональные ценностные ориентации русских и немецких студентов: непротиворечивые профессиональные (четкая профессиональная доминанта), противоречивые профессиональные (доминируют как профессиональные, так и внепрофессиональные ориентации), непротиворечивые внепрофессиональные (ориентация на деятельность, не связанную с профессиональной). Участники исследования: 200 русских и 200 немецких студентов. Методы исследования: методика Ш. Шварца «Профиль личности» [Лебедева, 2014], методика определения типа ценностных ориентаций [Головаха, 1988], метод статистической обработки данных (дискриминантный анализ). Дискриминантный анализ показал, что в группе русских студентов на выбор профессиональных ценностных ориентаций значимое влияние оказывает ценность *Власть* ($\lambda=0,92$; $p\leq 0,001$), а в группе немецких студентов – ценности *Власть* ($\lambda=0,854$; $p\leq 0,001$) и *Гедонизм* ($\lambda=0,93$; $p=0,001$). С помощью канонических функций, было выявлено, что чем значимее ценность *Власть*, тем более четкая профессиональная доминанта у русских студентов, а у немцев более выраженная ориентация на внепрофессиональную деятельность. Но при этом, чем большую значимость ценность *Гедонизм* имеет для немецких студентов, тем выше их стремление реализовать как профессиональные цели, так и личные. Итак, потребность в доминировании стимулирует русских студентов к профессиональным достижениям, а немецких – к реализации внепрофессиональных целей. А при ориентации на ценности удовольствия немецкие студенты стараются найти баланс между профессиональным развитием и личными желаниями.

ГАЙВОРОНСКАЯ Александра Александровна

*Юридический колледж международной полицейской ассоциации,
Смоленский филиал (Смоленск), aleksandra_gaivoronskaya@mail.ru*

ЭТНИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Этнический экстремизм представляет собой вербально-деятельностные проявления в межэтническом социальном взаимодействии системы взглядов (идеологии), в основе которой лежат представления о социальной несправедливости в распределении общественных благ, о месте и роли того или иного этнического сообщества в общественном управлении, а также представления об этническом/расовом превосходстве (нацизм).

В данном исследовании прототипический анализ (по П. Вержесу) предназначался для выявления ядерно-периферической структуры социальных представлений об этническом экстремизме, где ядро – это основная часть социальных представлений, выражающая ценности, установки, нормы. Социальные представления – это «наивные теории», объясняющие события окружающего мира, при конструировании которых происходит познание различных феноменов, в том числе этнического экстремизма. В зону ядра представления об этническом экстремизме вошли понятия: насилие, освободительная борьба, поиск справедливости, агрессивное утверждение своих групповых интересов любой ценой, справедливые действия, межэтнические конфликты, бескомпромиссная борьба. Эти высокосогласованные контенты являются категориями, отражающими сущностные характеристики данного феномена, а именно присутствует указание на то, что этнический экстремизм – это насилие, связанное с поиском справедливости, бескомпромиссностью, освободительной борьбой.

ГРИЦЕНКО Валентина Васильевна

*Смоленский гуманитарный университет (Смоленск),
gritsenko2006@yandex.ru*

ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АДАПТАЦИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ К НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА*

В докладе обосновываются перспективы использования системного подхода (Б.Ф. Ломов, В.А. Барабанщиков, А.Л. Журавлев и др.) для объяснения сложных диалектических взаимосвязей между психическими процессами и психическими состояниями, с одной стороны, и эффективностью деятельности и свойствами личности в процессе ее адаптации к новой среде с другой. В рамках данного подхода адаптация понимается как сложное, целостное, полиструктурное и полифункциональное явление, как непрерывно развивающийся процесс, включающий биологические, психологические и социальные процессы, находящиеся и во внутрисистемных, и в межсистемных взаимоотношениях.

Интегрирующим и системообразующим компонентом такого многокачественного явления как адаптация высту-

пает отношение человека к действительности, к другим людям, к самому себе в каждый момент времени (В.Н. Мясищев). Отношение человека – это центральная характеристика всего компонентного состава психической адаптации. В адаптации она представляет уровень сознания и самосознания человека. Отношение как характеристика сознания – это отношение к окружающей действительности: отношение как характеристика самосознания – это саморегуляция, самоконтроль, самооценка, т.е. установление равновесия между внешними влияниями, внутренним состоянием и формами поведения человека.

Таким образом, рассмотрение адаптации как системного процесса раскрывает диалектику взаимосвязи различных структурных компонентов адаптации, выполнения ими ведущей или подчиненной роли в зависимости от стадии протекания процесса адаптации, обособывает координирующую роль ценностно-смысловых характеристик личности в направлении значимых для субъекта целей.

ДАГБАЕВА Соелма Батомункуевна

*Забайкальский государственный университет (Чита),
soela@bk.ru*

ВОЗРАСТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

В эпоху Интернета, массовых коммуникаций, сдвига ценностей этническая социализация детей, подростков и молодежи претерпевает серьезные изменения. Реальность сегодняшнего дня – рост межэтнической напряженности [Путин, 2012]. Основными предпосылками роста напряженности являются неопределенность ценностей; рост гипермобильности населения, изменение социальной дистанции между различными этническими группами; возникновение в обществе ксенофобии, этнофобии, мигрантофобии; создание радикальных «сайтов ненависти» в Интернете и т.д. [Асмолов, 2011]. В ситуации исторически значимых изменений общества проявляются реальные изменения современного ребенка [Фельдштейн, 2011]. Среди этих изменений следует отметить негативную динамику присвоения культурных ценностей, оторванность ребенка от культурных традиций общества и его истории, отсутствие или недостаточность знаний о традициях, нормах поведения и ценностях представителей других культур и др. Нами проведено исследование особенностей этнической социализации школьников на различных возрастных этапах: младшие школьники, подростки, старшие школьники. Исследование выявило неопределенность и неустойчивость этнической идентичности младших школьников; определенную избирательность в межэтнических отношениях подростков, выражающуюся в социальной дистанции по отношению к представителям некоторых национальностей, в негативных стереотипах и трансформации этнической идентичности по типу этнической индифферентности или этнофанатизма; недостаточный уровень развития гражданской и этнической идентичности старшеклассников, проявляющих негативные переживания, связанные с гражданской принадлежностью, тенденцию к этноэгоизму и этнонигилизму.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15-06-10188.

ДЕНИСОВА Анастасия Валерьевна

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону),
adenisova84@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ АВТОСТЕРЕОТИПА И ОБРАЗА «ДРУГОГО» В ПРАКТИКЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ И США

Организация пространства межкультурного взаимодействия для студентов провинциальных вузов является эффективным инструментом повышения их самооценки и мотивации к социальной и географической мобильности, а также формирования устойчивой установки на международное сотрудничество. В 2014–2015 гг. в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону) совместно с Университетом Миссури (Сент-Луис, США) реализуется проект «Обучение гражданственности через деятельность – кросскультурный подход по привлечению студентов к участию в гражданском обществе». Цель проекта: преодоление социально-этнических стереотипных образов друг друга, которые навязываются масс-медиа молодежи обеих стран, а также выявление поколенческой близости учащейся молодежи двух стран и мировоззренческих различий средствами непосредственных практик общения и социально-ориентированной деятельности. Уже в период дистанционной и интернет-коммуникации в онлайн-формате студенты обнаружили межгрупповые культурные различия смыслов в понимании ими базовых для поколения понятий «успех», «неудача», «менторство», которые определяют стратегию социальной мобильности и установку на социально-ориентированную деятельность. Американские студенты, отталкиваясь от принципа «помоги себе сам», переходят к принципу «помоги другому» через рефлексию собственного опыта (в том числе и неуспешного), который они могут транслировать другим. Российские студенты не рассматривают свои неуспешные практики как компонент собственного позитивного опыта, не готовы к роли наставника, по-прежнему ориентированы на патернализм со стороны представителей старшего поколения. Организованный межкультурный диалог создает возможность для самостоятельной коррекции самооценки и социальных установок на индивидуальном уровне.

ЕСИКОВА Татьяна Владиславовна

Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург),
tatjana.esikowa@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В межкультурном пространстве в настоящее время существует потребность в развитии правовой личности, способной быть законопослушной, осознающей право и необходимость соблюдать закон в процессе осуществления своей профессиональной деятельности. Правовое сознание – это сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых

ситуациях. Спецификой этой сферы общественного сознания является правовое опосредование и осознание социальных явлений, соотнесение их с правовыми требованиями, с представлениями о необходимости и границах правового регулирования, с правовыми оценками и отношениями (В.Л. Васильев). Для проверки теоретического предположения о том, что уровень нравственности и морального сознания влияет на правовое сознание и, затем, развитие правового сознания влияет на профессиональную мобильность, было проведено диагностическое исследование среди молодых людей из различных стран. Повышению уровня правосознания в процессе профессиональной деятельности способствует развитие аналитического мышления, способностей к анализу правовой действительности, выработке собственных критических выводов, способностей обеспечить сознательный выбор правомерного поведения. Развитие правосознания способствует формированию духовно-нравственного мира, активному вхождению личности в социальные условия.

ЖИГАЛЬЦОВА Татьяна Валентиновна

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова (Архангельск), zhitava@gmail.com

ОБРАЗ ПРИГРАНИЧНОГО ГОРОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ И НОРВЕЖСКИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

В докладе представлены результаты исследования образа гетеротопий («любимых мест», «мест транзита», «мест тревоги») городов Никель и Киркинес, находящихся на границе России и Норвегии. Основой для анализа стали рисунки русских и норвежских школьников 10–17 лет. Автор подтверждает мысль о значимости «других мест» в когнитивном пространстве ребенка в приграничных городах в отличие от их стирания и исчезновения в когнитивном пространстве детей, проживающих в иных малых и больших городах.

ЖУКОВА Наталья Владимировна,

Уральский институт экономики, управления и права
(Екатеринбург), nataly-n.tagil@mail.ru

РЫБАКОВА Людмила Александровна

Нижнетагильская социально-педагогическая академия (Нижний Тагил),
luda.ribakova@yandex.ru

СВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ С ФОРМАМИ ВНУТРЕННЕГО КРОССКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА ПЕРВОКЛАССНИКОВ

На основе положений контекстного подхода (А.В. Вербицкий) нами была создана теоретическая модель содержания внутреннего кросскультурного контекста (ВКК) первоклассников, который мы определяем как систему, включающую в себя содержательные элементы: этническую и социальную идентичность. В исследовании эмпирически доказано, что присвоение новых социокультурных образцов сопровождается бессознательным включением психологических защит. Для исследования психологических защит использовалась полупроективная методика «Сказочный проективный тест». Выявлены связи форм ВКК с психологическими защитами на уровне статистической значимости ($p < 0,05$). Первоклассники с групповой формой используют механизм проективной идентификации чаще, чем перво-

классники с социокультурной формой. Вероятно, у испытуемых с социокультурной формой меньше проявляются агрессивные импульсы. Положительная роль механизма проективной идентификации проявляется в формировании нормативных социальных отношений, что позволяет соблюдать культурные традиции. Механизм проекции у первоклассников с кризисной формой включается чаще, чем у первоклассников с групповой формой. При сопротивлении в формировании социальной роли, страхи наказания и отвержения выше. Механизм отрицания характерен для детей с диффузной и кризисной формами, проявляющийся в ситуации принятия-отвержения социального окружения и себя самого. Механизм «Агрессия, направленная на себя» характерен для детей с диффузной формой. У первоклассников с нецелостным ВКК (диффузная, групповая, кризисная формы) обнаружена статистическая тенденция к большему (более чем в два раза) использованию примитивных психологических защит, чем у первоклассников с целостным внутренним контекстом (субъектная, социокультурная формы).

КАЗАРЦЕВА Екатерина Витальевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), kazarceva.ekaterina@mail.ru

ДВА ТИПА ИНТЕГРАЦИИ

КАК СТРАТЕГИИ АККУЛЬТУРАЦИИ МОЛОДЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МИГРАНТОВ В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ

В 2008 г. в Берлине было проведено исследование, посвященное изучению особенностей адаптации русскоязычной молодежи в немецком обществе. Эмпирическая база представляла собой 40 глубинных интервью с молодыми русскоязычными мигрантами в возрасте от 16 до 27 лет, прожившими в Германии не менее двух лет. Теоретической основой исследования стала концепция аккультурации Дж. Берри, предполагающая, что для адаптации в иноэтничном и инокультурном обществе индивиды выбирают один из четырех видов стратегий: ассимиляцию, интеграцию, сепарацию или маргинализацию. Результаты проведенного исследования позволили утверждать, что традиционное выделение четырех типов стратегий недостаточно для описания интеграционного процесса, поскольку есть признаки использования дополнительных стратегий успешной аккультурации. Было обнаружено, что стратегия интеграции разделяется на два типа: «предассимиляцию» и «двухкультурную интеграцию». Данные типы были выделены при помощи пяти критериев описания процесса аккультурации: интенсивности контактов с коренным населением и собственной этнической группой, культурной утраты и культурного научения, стратегий культурной идентичности, этнической самоидентификации, отношения к перспективе ремиграции.

КАЛИНЕНКО Андрей Анатольевич

Удмуртский государственный университет (Ижевск), andrey.kalinenko@yandex.ru

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ФАКТОРЫ НАМЕРЕНИЙ ЛИЧНОСТИ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

Неблагоприятные криминогенные факторы продолжают проявлять себя усилением социальной напряженности

и опасности, увеличением количества правонарушений, ростом рецидивной преступности. Не исправившийся преступник, вернувшись из мест лишения свободы, продолжает представлять опасность для общества. В связи с этим имеется объективная потребность в поиске наиболее эффективных направлений, форм, способов и средств ресоциализации осужденных – приобретения необходимых психологических ресурсов для успешной интеграции в обществе с соблюдением норм права. В ходе эмпирического исследования применялись психодиагностические методики «Жизненное предназначение» О.И. Моткова, опросник Ш. Шварца в адаптации Н.М. Лебедевой, методики Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения ценности и доступности», тест «Смыслжизненные ориентации» Д.А. Леонтьева. На примере обследованных лиц, находящихся в заключении и отбывающих наказание в исправительных колониях общего режима ($n = 137$), установлены особенности жизненных намерений осужденных, указывающие на разрыв и рассогласование аффективного (переживания нужды) и интеллектуального (конкретных способов и средств достижения цели) компонентов. Средствами дисперсионного анализа выявлены факторы потенциала реализации жизненных намерений осужденных, к которым наряду с ценностью и значимостью субъектной активности относятся этноконфессиональные ценности и религиозные смыслы [Хотинцев, Калинин, 2015]. Полученные результаты могут быть использованы в деятельности психологов пенитенциарных учреждений, осуществляющих психологическое сопровождение осужденных в условиях лишения свободы, и в работе постпенитенциарных реабилитационных организаций, деятельность которых направлена на обеспечение превентивных мер по предупреждению рецидивной преступности и повышение успешности ресоциализации освободившихся.

КАЛИНИЧЕНКО Ольга Вячеславовна

Дальневосточный федеральный университет (Уссурийск), kalynich1@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ И КОРЕЙСКИХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Проведенное нами эмпирическое исследование корейской и русской молодежи, проживающей в полиэтническом регионе – Приморском крае России, показало, что этническая и гражданская идентичность не являются ведущими компонентами при описании образа Я и идентификаций как у русских, так и у корейских респондентов, уступая место другим компонентам социальной идентичности. Были выявлены межэтнические различия в выраженности этнической идентичности в структуре социальной идентичности: представители корейского этноса придают большую значимость своей национальности и этнической принадлежности. Выявлены гендерные различия в выраженности этнической идентичности. В структуре социальной идентичности, но только в группе русских респондентов: русские юноши в отличие от девушек в большей степени подчеркивают свою этническую принадлежность и придают большую значимость своей национальности.

Выявлены значимые различия в выраженности этнической идентичности в структуре социальной идентичности, обусловленные принадлежностью к той или иной этнической группе и полу, но только в группе девушек: русские девушки значительно реже корейских девушек выделяют себя в качестве представительницы собственной этнической группы, тем самым, подчеркивая меньшую значимость собственной национальности. Исследование выраженности гражданской идентичности в структуре социальной идентичности в группах русских и корейцев показало, что не имеется гендерных и межэтнических различий, следовательно, русские и корейские юноши и девушки в одинаковой мере осознают и оценивают себя в качестве равнозначных и равноправных членов сообщества граждан одного государства.

КОЛОБОВ Олег Алексеевич

Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского (Нижегород),
dipin2012@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

В современных условиях глобальной неопределенности процессы межкультурного взаимодействия народов приобретают особый смысл и значение. Их эффективное разрешение способно противопоставить сложнейшему процессу вестернизации, происходящему в общепланетарном масштабе, тот вариант цивилизационного развития, который будет олицетворять действительно эволюционный, а не революционный ход событий, столь выгодный Западу в целом для утверждения только его ценностей. При этом цивилизационный опыт России весьма важен для правильного обустройства многих стран, поскольку дает реальную возможность преодоления многих негативных явлений современной международно-политической повседневности. Лица, принимающие решения в России (ЛПР), должны непременно учитывать данное обстоятельство и быть предусмотрительными в своих действиях, затрагивающих межэтническое согласие и психологию кросскультурных коммуникаций. Россия, расположенная на стыке мировых цивилизаций по континенту Евразия, исторически выполняла уникальную геополитическую миссию поддержки глобального равновесия между христианским и нехристианским мирами. В связи с этим, «Русский мир», как олицетворение равноправных и взаимовлияющих культурных, экономических, политических отношений, оказывается вполне приемлемым для современной противоречивой глобальной динамики. Более того, именно это утверждение на глобальном пространстве наиболее логично, так как обеспечивает естественное единение всех народов России и сопредельных государств без исключения. Этот опыт важен для всего человечества, поскольку православная самоорганизация российского населения на микро- и макроуровнях ведет к прогрессу, устойчивому развитию и процветанию многих культур и цивилизаций.

КОНЬКОВ Аркадий Николаевич

Херсонский государственный университет (Херсон, Украина),
arkadiy.konkov@mail.ru

ВСПОМИНАЯ И.А. СИКОРСКОГО: АНТРОПОГЕНЕЗ, ПСИХОТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ, ПСИХОЛОГИЯ ИХ ЯЗЫКОВ

И.А. Сикорский известен как видный психиатр, убежденный монархист, исследователь психологических основ русского национализма и патриотизма. Критически проанализировав один из главных научных трудов классика украинской исторической мысли М.С. Грушевского – «Киевская Русь», Сикорский пришел к следующим выводам: (1) В важнейшем вопросе происхождения русских и украинцев М. Грушевским использован весьма ограниченный набор антропологических фактов. (2) Со ссылкой на Н.И. Костомарова Сикорский утверждает, что в южнорусском населении тот же племенной состав, что и великорусском. Этим антропологически исчерпывается все русское население европейской России. «Украинцев здесь нет!». «Украина» и «украинцы» – это термин скорее географический и политический, но не антропологический или этнический. (3) Психотипы малоруса и великоруса отличаются между собой в том отношении, что у малоруса в меньшей степени получились те новые черты, которые приобретены от финнов. (4) Огромное влияние на единение Северной и Южной Руси оказало создание общего литературного языка, причем особую роль в этом сыграли представители Южной Руси. Участием южноруссов в создании общего всероссийского литературного языка в значительной степени был предпринят вопрос в пользу великорусского наречия. Этому способствовали некоторые благоприятные великорусской стороне психологические обстоятельства. (5) Русский и украинский языки – это не два языка, а один язык. И если между ними и есть различие, то оно не психологическое, а фонетическое. Этот вывод представляется важнейшим, поскольку единый образ мысли народа, приобретает свойства мощной психологической скрепы, позволяющей ему сохранять духовное единство.

КОРНИЕНКО Дмитрий Сергеевич

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь),
corney@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ КОМИ-ПЕРМЯКОВ И РУССКИХ В СВЯЗИ С АДАПТАЦИЕЙ К НОВОЙ СРЕДЕ*

Проблема психологического благополучия у разных групп этносов получила свое рассмотрение, в основном, в отношении иммигрантов и коренного населения [Дубовик, 2014], а работ по внутрироссийской миграции немного. Студенты являются группой, находящейся в условиях смены социальной и этнической среды, что не может отразиться на их психологическом состоянии. В исследование были привлечены студенты, поступившие на первый курс вузов г. Перми: коми-пермяки и русские (224 чел.). Группа коми-пермяков является выходцами из сельской мест-

* Материал подготовлен в рамках проекта Министерства образования и науки РФ № 2684.

ности, поэтому дополнительно была привлечена группа русских студентов, также приехавших в Пермь на обучение. Методы диагностики: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф. Этническая принадлежность определялась по самоотчету. Основной метод статистической обработки – дисперсионный анализ. Сбор данных осуществлялся в первые два месяца после начала обучения в вузе. В результате сравнения групп студентов коми-пермяков и русских были обнаружены различия по показателям психологического благополучия: «позитивное отношение к окружающими», «автономия», «открытость». Русские студенты демонстрируют более высокие значения показателей. Студенты коми-пермяки переживают ситуацию коммуникативной изоляции, беспокойства по поводу социальных оценок их действий и мнений, у них обнаруживается низкая открытость новому и высокий конформизм. Все это свидетельствует о трудности адаптации к новой среде. Практическая значимость данных результатов состоит в необходимости психологической поддержки социальной и учебной деятельности студентов.

КОРОБЕЙНИКОВА Яна Павловна

*Удмуртский государственный университет (Ижевск),
yan2669@yandex.ru*

**КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ЭТНИЧЕСКИХ
СУБЪЕКТОВ С ВЫСОКОЙ АКТИВНОСТЬЮ
ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ В СИТУАЦИИ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Одна из современных тенденций в развитии изучения совладающего поведения – исследование культурно-специфических особенностей защитного поведения. Культура – это совокупность создаваемых людьми объективных и субъективных элементов, способствующих общению ее носителей через общий язык, нормы, ценности, убеждения, которые предписывают определенное поведение ее носителям [Триандис, 2007]. В этой связи, начавшиеся сравнительные исследования совладающего поведения в разных культурах позволяют оценить роль факторов в развитии адаптивного поведения.

Цель исследования связана с изучением особенностей выбора копинг-стратегий этнических субъектов с высокой активностью преодоления трудностей в ситуации межкультурного взаимодействия. Методики: опросник «Копинг-механизмы» (Е. Хайм).

По результатам исследования установлено, что удмурты с высокой активностью преодоления трудностей в ситуации межкультурного взаимодействия общительны, проявляют заботу о других, отодвигая собственные потребности на второй план. Склонны к самообвинению и эмоциональной разгрузке. Поддерживают равновесие, стремятся не показывать своего состояния другим, любят пребывать в состоянии покоя и уединения.

Русские с высокой активностью преодоления трудностей в ситуации межкультурного взаимодействия заинтересованы в сотрудничестве, эмоциональной поддержке, испытывают потребность быть выслушанными. Придают трудностям значение и смысл, относятся к проблеме как вызову судьбы или проверке стойкости духа. Проявляют доверие с передачей ответственности другому лицу, бес-

ценивают происходящее, подавляют эмоции. Подвержены протесту, противостоянию трудностям и их последствиям, растерянности и переживанию безысходности создавшегося положения.

КОСЕНОК Алина Игоревна

КОНСТАНТИНОВ Всеволод Валентинович

*Пензенский государственный университет (Пенза),
kenyuka@mail.ru*

**ОПТИМИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ**

Скачок в развитии академической мобильности стал одной из главных причин повышенного интереса к проблеме социально-культурной адаптации иностранных студентов. Учитывая серьезные различия в культурах и менталитетах национальностей, стоит принять во внимание тот факт, что проявления культурного шока могут стать серьезным барьером на пути социально-психологической адаптации мигрантов к новым условиям жизни.

Нами была разработана программа тренинговых занятий, основанная на принципах артсинтезтерапии и способах невербальной коммуникации. Сочетание различных видов работы, а также психологическая направленность занятий позволили воздействовать на эмоциональную и интеллектуальную составляющие личности участников программы. Данный подход помог мигрантам, не владеющим языковой компетенцией, ускорить процесс адаптации и устранить проявления культурного шока. Особенностью данного метода является смешанный состав групп. В программе приняли участие более 100 студентов-мигрантов из Индии, Туркменистана, Китая и Таджикистана, которые впоследствии успешно влились в общество и избавились от проявлений культурного шока, а также русские студенты и студенты-мигранты, которые уже долгий срок проживали в России и владеют русским языком.

Результаты полученных данных свидетельствуют о том, что технологии групповой работы могут быть использованы в качестве эффективного средства преодоления проявлений культурного шока и оптимизации процесса адаптации мигрантов к новым условиям жизни.

КОТОВА Марина Викторовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), mkotova@hse.ru

**ЗАЧЕМ И ЗА СЧЕТ ЧЕГО ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ
ПОЗИТИВНАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?**

Выступление направлено на обсуждение эвристической роли стратегий поддержания позитивной этнической идентичности для понимания межгрупповых отношений.

Изучение этнической идентичности зачастую заключается в оценке уровня ее выраженности («достижимости»). При таком подходе возникают противоречия во взаимосвязях этнической идентичности с другими феноменами (национальной идентичностью, субъективным благополучием).

Сомнению стоит подвергнуть идею об универсальности достижения «позитивной» этнической идентичности за

счет общих для всех стратегий (например, аккультурации). Поскольку тогда крайне сложно объяснить устойчивую тенденцию ряда этнических групп к сепарации или даже маргинализации.

Для решения указанных проблем продуктивным будет анализ этнической идентичности как части более крупной социальной системы. С одной стороны, это развитие идей А. Тэшфела относительно стратегий поддержания позитивной социальной идентичности. Например, при поддержании позитивной этнической идентичности за счет сравнения с другими группами можно ожидать положительную взаимосвязь между выраженностью этнической идентичности, негативным отношением к аутгруппам субъективного благополучия. Но при индивидуальной стратегии выделения себя из группы, выраженная этническая идентичность может вести к снижению субъективного благополучия. С другой стороны – это анализ внешних по отношению к конкретной группе социальных процессов. В этом смысле, например, сепарация или маргинализация группы являются следствием глобальных процессов стратификации общества или целых групп государств. Взаимосвязь же между «позитивностью» идентичности и субъективным благополучием будет зависеть от стратегий переживания группой своего места в этой стратификации.

МАЛАШКИН Анатолий Владимирович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), malashkin_a_v@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НА ВЫБОР МЕСТА В ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ: АНТРОПОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА

Обыденные взаимодействия в общественном транспорте предполагают неравномерность распределения пассажиропотока: при наличии свободных мест для сидения поиски своего пространства коррелируют с гендерной принадлежностью и культурно-историческими стереотипами разрешенного и допустимого. Математическая модель наполняемости небольших помещений людьми разного пола позволила сделать предположение о том, что в электричках с 6-ти местными купе вероятность того, что к 2–4 пассажирам одного пола, уже сидящих в купе, подсядет пассажир другого пола равно примерно 30%, против 70% для пассажира того же пола, что и сидящие в купе. Аналогично в автобусах: вторым на сиденье чаще садится пассажир того же пола. Опросы гендерно-сегрегированной аудитории убеждают, что мотивация людей высокоэнтропийна. Указанные выводы могут корректироваться семейными парами и группами друзей, но остаются статистически достоверными. Социальному антропологу интересна зависимость принятия решения индивидами от запретов и терпимости в каждой конкретной культуре и эпохе, а также подсознательные константы в поведении, конструируемые тягой к комфорту, поскольку пассажир того же пола более прогнозируем и вторжение в личное пространство или приближение к нему легче переносится обеими сторонами.

МАЛИКОВА Наиля Рамазановна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), nrmalikova@mail.ru

МЕТОДЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ КРОССКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Междисциплинарная интеграция современных методов этнологии, социологии, психологии предоставила новые возможности познания этнокультурных явлений и феноменов в глобализации. Фокус исследовательского внимания обращен к анализу: (1) соотношения традиции и инноваций, (2) трансформации ценностных культурных ориентаций, (3) соотношения этнокультурных, конфессиональных, национальных/государственно-гражданских, транснациональных, региональных, локальных и глобальной идентичностей. Назрела необходимость в критической оценке исследовательских практик замещения теоретического анализа дискурсом, нарративом, политологическим журнализмом «скетч – объяснений». Продуктивно привлечение социально-психологических проективных методик (MAPS, TAT, дополнения, катарсиса) изучения этнической специфики экспрессии в межкультурной коммуникации. Востребованы модификации методов психосемантики, использование опросных методов с интеграцией методики ранжирования системы ценностей. Практически не используются этнологами возможности онлайн опросов, контент-анализа в Интернете, с привлечением компьютерных пакетов обработки информации («МАКС», «АЛЕКС», «КСЕНИЯ», TABARI/KEDS, «Concordance»; HyperRESEARCH, LEXIMANCER, PROTAN TEXPACK, QDA Miner, WordStat, SALT, MonoConc, TROPES, Qualrus, CAMEO, AnnoTape), которые позволяют находить, кодировать, декодировать текстовые, аудио, видео материалы, разных жанров, стилей, графических данных; определять корреляции, посредством проведения факторного анализа (легко импортируются в SPSS, SAS). Появились возможности привлечения результатов сравнительных международных исследований, региональных барометров, «Евразийского монитора», ESS и WVSA, в которых содержатся показатели ценностных ориентаций, «социального капитала», коммуникативной активности, интенсивности участия представителей разных стран и культур в глобальных «сетях» межкультурной коммуникации.

МАРАТКАНОВА Елена Викторовна

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), maratkanova@gmail.com

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА, ПРОЯВЛЯЮЩАЯСЯ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В начале XXI века возникла новая этническая и социально-психологическая ситуация, характеризующаяся ростом межэтнической напряженности. В связи с этим осмысление круга вопросов, связанных с этнической толерантностью, – это актуальная тема для исследований и практическое требование общественной жизни. Важно проанализировать характеристики человека, проявляющиеся в межэтнических отношениях и исследовать условия формирования этнической толерантности человека в процессе социализации. Под толерантностью мы понимаем характеристику челове-

ка (личностное свойство), означающую принятие другого. Воспитание толерантного сознания на личностно-смысловой основе может эффективно осуществляться в модели поликультурного образовательного пространства, и предполагает множественность этнических культур. Реализуется через диалог, механизмы взаимной адаптации, интерактивные методы общения, ситуации выбора и задачи развития толерантного сознания человека.

МИЩЕНКО Ольга Валерьевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), olgamishchenko@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ДАННЫЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРОЦЕССА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Этнические контакты естественного типа (непосредственные контакты больших масс людей в условиях совместного проживания и хозяйствования, устная форма контактирования) предполагают активное языковое взаимодействие, которое может осуществляться посредством различных лингвистических механизмов (языковая интерференция, заимствование и пр.).

Тот факт, что язык является инструментом познавательной деятельности людей и запечатлевает в себе ее механизмы и результаты, получает отражение в том числе и в условиях этноязыкового контактирования. Изменения в языковых системах контактирующих этносов часто оказываются не только собственно языковыми, но отражают глубинные процессы «корректировки» своего мировидения под влиянием чужой культуры и чужого языка. Наиболее проникаем здесь уровень лексической семантики.

В докладе рассматриваются некоторые языковые проявления когнитивной составляющей процесса этнокультурного контактирования: (1) факты наличия в принимающем языке семантических зон, открытых и закрытых для проникновения заимствований; (2) системный характер процесса заимствования, указывающий на заимствование принимающим языком не просто отдельных слов, а новых «ячеек» понятийной сетки и даже целых понятийных областей, что позволяет предполагать в этих случаях заимствование чужих реалий, технологий, представлений (в том числе и об уже известном), чужого членения окружающей действительности и т.п.; (3) языковая реализация ментального механизма освоения чужого, заимствованного знания через свое.

Материалом для доклада послужили лингвистические данные, отражающие древние контакты русских и финно-угров.

МОЛЧАНОВА Екатерина Александровна

Удмуртский государственный университет (Ижевск), molch.ekat@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА

В настоящее время остро стоят проблемы оптимальности способов существования в поликультурном пространстве. Урало-Поволжье с глубокой древности является поликультурным регионом, население которого отличается мозаичностью этнического состава, зоной интенсивных контактов этниче-

ских культур. Процесс освоения своей культуры, межкультурное взаимодействие определяют субъективный опыт каждого человека, представляющего собой базовый конструкт, являющийся моделью образа мира, способом мировидения, позволяющим осознать и взаимодействовать с миром. Благодаря культуре, человек получает образ окружающего, в котором все элементы мироздания структурированы и согласованы. Этническая картина мира как целостные представления о способе жизнедеятельности с этнокультурным миром служит базой для объяснения людьми своих действий. При интенсивном межкультурном взаимодействии происходит преобразование этнической картины мира, состоящей из этносоциальных представлений, наполненных образами собственной и другой этнических групп. По своей структуре этнические образы представляют три взаимосвязанных компонента: когнитивный, поведенческий и аффективный.

В эмпирическом исследовании представлены результаты по определению факторов преобразования этнического образа в межэтнических отношениях на примере удмуртской и русской этнических групп. Показана трансформация этнического образа при увеличении числа взаимодействующих субъектов, возникновении трудностей и препятствий в межкультурном взаимодействии, усилении эмоциональной напряженности и синергии межэтнических отношений. Установлены различия в преобразовании когнитивного, поведенческого и аффективного компонентов этнического образа удмуртов и русских как результат эффекта выделенных факторов, что подтверждает его опосредующую роль в межэтнических отношениях [Хотинец, Молчанова, 2014].

МУРАЩЕНКОВА Надежда Викторовна

Смоленский гуманитарный университет (Смоленск), muraschenkova.n@yandex.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ, БАЗОВЫЕ УБЕЖДЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ И ПАТРИОТИЗМЕ

Современная социальная действительность диктует необходимость анализа социально-психологических детерминант представлений молодых людей об экстремизме и патриотизме в контексте профилактики депатриотизации и экстремизации сознания и поведения современной молодежи. Актуальность исследования обусловлена также недостатком научных психологических работ в данной области. В эмпирическом исследовании приняли участие 314 респондентов в возрасте от 18 до 27 лет, постоянно проживающие в Смоленске и Смоленской области, отмечающие свою принадлежность к русской национальности и указывающие на отсутствие опыта участия в экстремистских организациях. Эмпирическое исследование проводилось в форме очного анонимного анкетирования. Социальные представления выявлялись с помощью открытых и закрытых вопросов, метода свободных словесных ассоциаций, психосемантического дифференциала. Для анализа ценностных ориентаций, базовых убеждений и этноидентичности использовались психодиагностические методики (шкалы, направленные на оценку определенности, валентности этноидентичности и интолерантности к иноэтническому окружению Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко, вторая

часть опросника Ш. Шварца по изучению ценностей, Шкала базовых убеждений Р. Янофф-Булман, методика «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой). Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что детерминантами позитивных представлений русской молодежи об экстремизме как социально-психологическом явлении выступают ориентация личности на индивидуалистические ценности, отрицание значимости коллективистских ценностей, убежденность личности во враждебности мира, этническая гиподентичность и гиперидентичность, а детерминантами позитивных представлений о патриотизме как социально-психологическом явлении выступают ориентация личности на коллективистские ценности, убежденность в доброжелательности мира, позитивная этническая идентичность.

МУСТАФИНА Лилия Шаукатовна

Институт психологии РАН (Москва), leila.mus@gmail.com

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИЧНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОВЕСТИ

В работе рассматривается региональная специфичность представлений о совести на примере двух регионов: города Москвы и столицы республики Татарстан – Казани. Региональную специфичность целесообразнее рассматривать в связке с гендерной специфичностью. Исследуется учащаяся молодежь в возрасте от 14 до 25 лет (старшеклассники и студенты ВУЗов). Результаты исследования выявляют общее и специфичное в ядре и периферии представлений казанской и московской молодежи о совести. Общими явились три элемента ядра представлений, отражающие глубокое понимание содержания совести. Содержательно полнее ядро представлений в группе девушек и юношей студентов из Казани и девушек-школьниц из Москвы, т.е. в ядре их представлений содержится большее количество элементов, отражающих глубокое понимание содержания феномена совести. Но только в ядре представлений школьников из Москвы присутствует элемент, отражающий независимость совести от внешних оценок, который может свидетельствовать о более отчетливом представлении о феномене совести и ее проявлениях. Самым малочисленным по количеству элементов оказалось ядро представлений юношей-студентов из Москвы о совести. На периферии представлений о совести выявились статистически значимые различия. Московские школьники чаще, чем казанские соглашались с положительным влиянием совести на жизнедеятельность человека и общества и считают, что «совесть – врожденное качество человека». Среди казанских студентов чаще встречаются люди с цинично-прагматичным отношением к совести, и которые отождествляют понятия «совесть» и «стыд», чем среди московских студентов.

МЫЛЬНИКОВА Светлана Андреевна

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), lanamilnik@yahoo.com

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Межкультурное взаимодействие студентов вузов осуществляется в процессе совместного обучения российских

и иностранных студентов. Расширение экспорта образовательных услуг – стратегическая задача эффективного развития вуза. Одним из направлений работы РГПУ им. А.И. Герцена с иностранными студентами является деятельность с молодыми людьми из Китая. В России они испытывают большие сложности адаптации, в частности, из-за медленного освоения русского языка. Низкий уровень социализации в иноязычной среде, в свою очередь, приводит к самоизоляции – нежеланию активно участвовать в делах и мероприятиях вуза, попыткам свести все к формальному общению, неспособности установить нормативно-допустимую степень общения.

Высокий уровень национального стандарта бакалавриата и магистратуры не делает снисхождения к студентам, год назад впервые начавшим изучать русский язык. На этом этапе реализация задачи качества происходит через отбор, адаптацию сложного профессионального учебного материала и разработку специальных приемов для успешного усвоения его иностранцами. На факультетах разработаны программы адаптации иностранных студентов в российский социум, организуются экскурсии, проводятся беседы, встречи с российскими студентами, специальные занятия. Так, служба психолого-педагогического сопровождения студентов психолого-педагогического факультета организовала и провела специальные занятия для студентов.

НАЗАРОВ Равшан Ринатович

Институт истории АН Республики Узбекистан (Ташкент, Республика Узбекистан), Shon2002@yandex.ru

КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА В СИСТЕМЕ СУПЕРЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Культура как всеобщий феномен является достоянием человечества в целом. Замыкание в этнорамках – опасно для развития культуры, приводит к отключению от «культурного поля» планеты, способствует стагнации ввиду недостатка информации. Культура Узбекистана имеет значительные предпосылки для динамичного развития. Говоря «культура Узбекистана», мы не подразумеваем исключительно узбекскую этнокультуру. Понятие «узбекская культура» включает культуру узбеков, проживающих в Узбекистане, государствах ближнего/дальнего зарубежья. Понятие «культура Узбекистана» включает культуры всех этногрупп республики. Культура Узбекистана входит в более широкое понятие – «культура народов СНГ», поскольку культурные реалии подвержены более медленным изменениям, чем реалии политико-социальные. Этнические культуры узбеков, казахов, каракалпаков, киргизов, туркмен, таджиков составляют центрально-азиатский блок культуры народов СНГ. В более широких рамках культуры этих этносов (татар, башкир, крымских татар, уйгур, турок, азербайджанцев) включены в мусульманскую суперэтническую систему. Также культуры мусульманских этносов Узбекистана (за исключением ираноязычных таджиков) входят в другую суперэтническую систему – тюркскую. Этнокультурные связи народов Узбекистана не ограничиваются «культурными полями» СНГ, ислама, тюркского мира. Многокрасочность этнопалитры Узбекистана обеспечивает плюрализм, подключенность к «культурным полям» других суперэтнических систем. Через русскоязычную культуру обеспечивается обмен со сла-

вянством. Через славян, армян, грузин, греков есть связь с христианской суперэтнической системой. Через западные группы (немцы, прибалты) есть связь с культурой Европы, через группы восточного происхождения – связь с Ближним (евреи, арабы) и Дальним Востоком (дунгане, корейцы).

НИКИТИН Максим Александрович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), proisel@gmail.com

САМОРЕГУЛЯЦИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА: ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРЕДПОСЫЛКИ

Вопросы, связанные с разрешением и предотвращением межнациональных конфликтов, до сих пор не теряют своей актуальности, несмотря на значительное внимание, которое им уделяют эксперты во всем мире. Угрозы устойчивому общественному развитию, которые они несут в себе, вынуждают органы исполнительной власти искать пути минимизации связанных с конфликтами рисков. Во многих полиэтнических государствах для этого создаются специализированные органы исполнительной власти, предметом ведения которых является формирование условий для гармонизации межнациональных отношений. В большинстве же стран не создаются подобные ведомства. Можно сказать, что в них реализуются подходы либерального характера, которые исходят из того, что «рынок все сбалансирует».

В самом широком смысле саморегуляцией можно назвать и этнические процессы сами по себе, которые также являются следствием стечения многомерных обстоятельств. Однако, в данной работе мы сделаем предметом нашего изучения области компактного взаимодействия представителей различных этнических групп.

Противопоставляя саморегуляцию политике, мы не выступаем против государственной национальной политики. Наоборот, основанная на лучшем понимании общественных процессов государственная национальная политика может быть гораздо более эффективной в деле создания условий для устойчивого развития дестабилизированного миграционными процессами современного общества.

ОБОЛЕНСКАЯ Алена Германовна

СМИРНОВ Александр Васильевич

ВАЛИЕВ Равиль Азатович

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), a.obolenskaya@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ

Объектом исследования выступает поведение, связанное с выражением благодарности, которое в современной социально-экономической системе воспринимается неоднозначно. Неоднозначность восприятия связана с тем, что норма традиции приходит в противоречие с нормой права. Существует необходимость уточнения соотношения между культурной и юридической нормой в различных этнических группах, соотнесение с парето-эффективностью.

Предметом исследования выступает отношение к формам и средствам выражения благодарности в различных этнокультурных группах. Цели исследования: (1) выявление

содержательных характеристик противоречия между нормой традиции форм и способов выражения благодарности и юридической нормой; (2) разработка модели поведения выражения благодарности, интегрирующей культурную и юридическую норму; (3) уточнение границ нормативности поведения в формах и способах выражения благодарности.

В рамках исследования используются различные авторские методики, основанные на принципах психосемантики, проекции, отвечающие критерию экологической валидности.

ПОРШНЕВА Ольга Сергеевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), porshneva@yandex.ru

СКВОЗЬ ПРИЗМУ «АНГЛИЙСКОГО ВЗГЛЯДА»: РУССКИЙ НАРОД В РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В ВОСПРИЯТИИ ВОЕННОГО АТТАШЕ АЛЬФРЕДА НОКСА

Дневник военного атташе посольства Великобритании в России генерал-майора Альфреда Нокса «Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 гг.» является важным источником изучения образа русского народа в восприятии западного очевидца в переломную историческую эпоху. Интерпретация текста дневника позволяет реконструировать ментальный мир автора, осмыслить проблемы кросскультурной коммуникации в исследовании исторического опыта взаимоотношений России и Запада. Одним из подходов, используемых для интерпретации мемуаров иностранных очевидцев событий Революции 1917 г., является историческая имагология, рассматриваемая как инструментальный исследования механизмов межкультурных взаимодействий в истории. Использование методов имагологии позволяет реконструировать механизмы влияния культурных норм и этностереотипов на восприятие А. Ноксом России и русских, роль Революции 1917 г. в актуализации глубинных культурных установок и различий. На основе интерпретации записей дневника осуществлена реконструкция представлений Нокса о характере русского народа. Выявлены: истолкование автором проявлений черт русского характера в поведении солдат, офицеров, политических деятелей; объяснение им распространенных автостереотипов русских; проявления в описаниях А. Нокса признаков колониального дискурса и мотивов культурного превосходства. Интерпретируются свидетельства восприятия русскими Англии и англичан, зафиксированные в дневнике. Показано, что непонимание и взаимные фобии усиливались в условиях развития военно-политической ситуации 1917 г. и были характерны для обеих сторон, что требует изучения данной проблемы не только в конкретно-историческом контексте, но и в контексте истории взаимовосприятия двух народов.

ПРИВОРОТНАЯ Анастасия Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), asyaprivorotnaya@gmail.com

МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРЫ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ПРИГРАНИЧНОЙ ЗОНЫ

Практики пересечения границы, экономическое, политическое и культурное взаимодействие двух государств

производит особое транснациональное социокультурное пространство, одним из примеров которого является российско-китайская приграничная территория (с одной стороны Забайкальский край, с другой – Внутренняя Монголия). Проницаемость границы влияет на выстраивание взаимодействия между двумя государствами на уровне повторяющихся стабильных практик. Пересечение границы предполагает выбор определенного способа культурной репродукции. В выделенных видах социальных практик: туризм-бизнес, студенческая мобильность, создание межкультурных семей, прослеживаются следующие тенденции. В первой группе социальных практик – туризм-бизнес, отличительной чертой являются две разные стратегии культурной репрезентации у россиян и китайцев. Туристы из Забайкалья стараются ориентироваться на свою референтную группу и замыкаются в своих социокультурных границах, поддерживая только тот уровень взаимодействия, который необходим для поддержания доверия. Китайцы, занимающиеся торговлей, в большинстве случаев ориентированы на включение в свой культурный репертуар тех элементов, которые рассматриваются ими как ресурс. Образовательная мобильность также предполагает ориентацию на свою референтную группу, но при этом происходит активное взаимодействие с «другими» и интеграция в новое социокультурное пространство: изучение языка и культуры. Межкультурные браки, в большинстве случаев отличаются ориентацией на интеграцию, при этом важным становится сохранить и передать свою культуру следующему поколению. Потомки смешанных браков, имея двойную или трансграничную идентичность, ориентированы на взаимодействие как с россиянами, так и китайцами.

РУСАКОВА Галина Сергеевна
БУТОВСКАЯ Марина Львовна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), galyarusakova@gmail.com*

ШКОЛЬНЫЙ БУЛЛИНГ И БУЛЛЕРЫ В РОССИИ

В докладе будут проанализированы результаты полевого исследования, посвященного анализу феномена школьной травли (или буллинга) в нашей стране. Мотивами для буллинга могут служить: чувство неприязни, нейтрализация потенциального соперника в группе, восстановление справедливости, борьба за власть, зависть, подчинение лидеру, самоутверждение, месть, скука и даже удовлетворения садистских потребностей отдельных личностей. В процесс буллинга включены агрессор (буллер), жертва и наблюдатель. В рамках данного доклада мы ограничимся анализом действий буллера. Рассмотрены данные по трем школам, две из которых находились непосредственно в Москве, а третья в сельской местности, в Сибири. Показано что: в сельской школе наиболее распространенными формами школьной травли являются вербальный и косвенный буллинг. Физическая агрессия встречается гораздо реже, только 19% и 18% учеников из всей школы отмечают, что видели ее. Школьники из мегаполиса в целом более агрессивны, чем их сельские сверстники. Оскорбления являлись наиболее распространенной формой буллинга в городе. В городе наличие буллеров подтвердили 73% учеников, в то время как в сельской школе большинством (55%) опровергается факт их существования. Образ буллера из сельской и

городской местности представляется несколько различным. В первом случае, это агрессивный, плохо контролирующий свои эмоции, хитрый, безжалостный и физически сильный подросток. Во втором случае – это агрессивный, несдержанный и неуверенный в себе школьник.

САМОЙЛОВА Ирина Геннадьевна

*Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
(Кострома), samirge@mail.ru*

СТРУКТУРА ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ И РУССКИХ БУДДИСТОВ

Особенностью самосознания русского человека на протяжении многих веков являлось смешение этнического и религиозного компонентов самоидентификации («Русский, поэтому православный...»), которая сегодня размывается. Другая черта этнической самоидентификации русских настоящего времени – это «пересечение» культурных идентичностей с национально-этническими, религиозными и гражданскими отождествлениями. Изучение этнической идентичности в российской психологической науке имеет давнюю историю и хорошо разработанный понятийный аппарат. Категория же религиозной идентичности изучена слабо, в основном в контексте этноконфессиональных исследований.

Одной из тенденций настоящего времени является воспроизводство религиозного сознания этнических русских не только на основе православной веры. Возрастает количество «верующих вообще», среди которых много приверженцев эклектических систем, чье мировоззрение представляет собой соединение несовместимых теорий и элементов. Появляются разнообразные формы девиантной религиозности и ложных идентификаций.

Областью наших научных интересов является проблема соотношения компонентов этнической и религиозной идентичности русских из нетрадиционных конфессиональных групп и новых религиозных движений.

По этой теме была проведена серия эмпирических исследований на молодежных выборках (2013–2015 гг.). Исследовались структуры этнической и религиозной идентичностей русских православных и баптистов (на выборке 52 чел.), русских православных и русских буддистов (на выборке 208 чел.); специфика самопредъявления религиозной идентичности русских сахаджа йогов и русских буддистов (объем выборки – 55 чел.). Основной вывод исследований: этническая и нетрадиционная религиозная самоидентификация русских существует в многообразных синкретических формах (например, православные сахаджа йоги; православные буддисты).

СКОРОБОГАТАЯ Андрианна Анатольевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), andrianna@bk.ru*

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Основная задача нашего исследования выявить и описать универсальные и специфические социально-психоло-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-06-00836а.

гические и этнокультурные факторы межкультурного взаимодействия, взаимосвязанные с этнической, религиозной и гражданской идентичностью в таких регионах как Дагестан, Тува, Хакасия и Абхазия, имеющих как сходные, так и отличные нюансы проявления сепаратистских тенденций среди определенных групп населения. Особенно нас интересуют кризисные явления в сфере идентичности, так как стремление к преодолению кризиса идентичности порождает ряд следствий, которые могут выступать предпосылками обострения межэтнических отношений, а именно: возрождается интерес людей к консолидации в первичных, естественных общностях (этнических и конфессиональных); усиливаются традиционалистские настроения и ксенофобия. Такого рода процессы консолидации способны породить этническую напряженность, поскольку в их основе лежат механизмы противопоставления первичных групп по принципу «мы» – «они». К этому в переломные периоды обычно добавляется еще и отрицательная оценка чужаков («они» хуже «нас», «мы» – жертвы «их» происков), ибо поиск внешнего «врага», виновника «наших» бед, почти неизбежен в условиях дискомфорта, сопровождающего исторические перемены. Он проявляется в росте этнической мобилизации, актуализации этнической идентичности на фоне глубоких интеграционных процессов во всех сферах жизни, а также в сохраняющейся наперекор этому убежденности многих ученых о неизбежности стирания этнических границ в современном мире [Паин, 2002]. Все эти процессы неизбежно отражаются в индивидуальном сознании, определяя адаптационный потенциал личности, который в переломные эпохи влияет на социальные и политические выборы людей.

СМОТРИЦКИЙ Андрей Валериевич

Ассоциация политических психологов Украины (Киев, Украина), andreydance@yahoo.com

**ДОСУГОВО-ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ**

В условиях кардинальной смены социокультурного окружения происходит кризис социальной идентичности, как у мигрантов, так и у представителей местного населения. Продуктивное взаимодействие и общение становятся возможными лишь после взаимной социально-психологической (социокультурной) адаптации представителей этих социальных групп, одним из ключевых механизмов которой является идентификация.

Рассматривая общение как специфическую форму «взаимодействия человека с другими людьми, как взаимодействие субъектов», Б.Ф. Ломов делал акцент именно на слове «субъектов», подчеркивая, что речь идет не просто о воздействии одного субъекта на другого (хотя этот момент и не исключается, но относится к манипулятивной «субъект-объектной» системе отношений), а именно о взаимодействии». Для реальной адаптации (термин заимствован у А.А. Реана), как и для общения «необходимы, по крайней мере, два человека, каждый из которых выступает именно как субъект с установленным (по мнению С.Н. Мельник) «равенством психологических позиций». В противном случае мы будем иметь дело с конформной моделью адаптации, кото-

рая не рассматривается нами ввиду того, что ее сомнительные достоинства с лихвой перечеркиваются недостатками, главным из которых является невозможность личностной самореализации.

Досугово-танцевальные практики выступают универсальным средством социокультурной адаптации в силу ориентации на невербальные способы общения, которые раньше осваиваются в онтогенезе и вызывают больше доверия, чем вербальные, а также ввиду ориентированности на творческое импровизационное взаимодействие участвующих в них мигрантов и представителей местного населения.

СПЕРАНСКАЯ Галина Леонидовна

Белорусский государственный институт культуры и искусств (Минск, Республика Беларусь), Flora_07@list.ru

РЕЧЬ И КИНЕСИКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Выражение себя человеком совершается одновременно в речи и кинесике, которые интегрированы в целостную культурно специфичную систему. Так, в 1960-е годы было открыто явление самосинхронизации – интеграции речи и движений в микровременных интервалах как соотношения длительности звучания звука, слога, слова, фразы с длительностью микродвижений, их комплексов и более крупных движений, а также было показано, что в паттерне самосинхронизации выделяются секундные и полисекундные ритмы (У. Кондон, У. Огстон). В речекинесическом поведении характеризуются не только индивидуальные, но и культурно специфичные особенности его ритмической организации, интенсивности и формы жестов, мимических выражений, продолжительности и частоты контактов взгляда, прикосновения. Человек бессознательно является носителем своей кинесической культуры независимо от условий и предметного содержания общения, так как речекинесический паттерн усваивается бессознательно с раннего детства в процессе овладения родным языком при подражании окружающим (Р. Бэрдуистл), а при овладении разными языками непосредственно в контакте с их носителями усваиваются и культурно специфичные паттерны кинесического поведения, которые затем и реализуются в общении на каждом языке. Например, национальная специфика жестов сохраняется в эмиграции, полностью замещаясь жестами нового культурного окружения только в третьем поколении (Д. Эфрон). Считают также, что временная и ритмическая организация поведения определяет своеобразие национального песенного и танцевального стиля (А. Ломакс). Изучение микроуровня общения, культурно обусловленного поведения требует специального методологического и аппаратного обеспечения (Р. Бэрдуистл, А. Кендон и др.).

СУЛТАНОВА Наиля Даутовна

Набережночелнинский филиал Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма (Набережные Челны), nds1959@yandex.ru

**ИЗУЧЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ ВОСПРИЯТИЯ
ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ В НОВОЙ СРЕДЕ**

Вынужденный переезд способствует созданию стереотипных представлений о мигрантах, которые исследованы в группе 60 вынужденных мигрантов и 60 местных жителей.

Сначала были изучены представления мигрантов о местных жителях, а также представления местных жителей о мигрантах. В исследовании выявлены значимые различия в представлениях местных жителей и вынужденных мигрантов о дозволенном и запрещенном, об ограничениях в процессе оформления и выдачи российского гражданства, о законности – незаконности предоставления льгот для мигрантов, об отношении к пище и др.

Для изучения специфики взаимодействия культур использован тест «Особенности вынужденных мигрантов и местных жителей», где из 48 характеристик предлагалось выбрать качества, характеризующие мигрантов и местных жителей (список разработан и апробирован Р.Д. Льюисом). Местные жители и вынужденные мигранты выбирали как можно более лестные определения в свой адрес. В то же время как для других людей стремились нарисовать отрицательный портрет.

Для изучения стереотипного поведения испытуемых просили разыграть жизненные ситуации, иллюстрирующие типичные поступки в поведении местных жителей и мигрантов. Создаваемые ситуации наглядно демонстрировали выявленные выше стереотипные представления.

Исследование выявило различия в представлениях о себе и о других у вынужденных мигрантов и местных жителей. Наблюдается склонность к шаблону, отвержение мигрантов со стороны местного населения, интолерантное отношение к «чужим», «пришлым», «непохожим». Формирующиеся стереотипы оказывают влияние на процесс адаптации мигрантов.

ТКАЧЕНКО Наталья Владимировна

Московский педагогический государственный университет (Москва), Tkachenko_nv@bk.ru

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**(на примере международной школы
завтрашнего дня Москвы)**

В решении проблемы развития чувствительности к Другому как личностного качества помогает опора на концепцию психологии переживания Ф.Е. Василюка. Познание Другого как со-переживание его опыта жизни. Особое со-бытие в пространстве опыта жизни Другого. Опыт совместных с подростками научно-исследовательских экспедиций в регионы России позволил увидеть конкретный технологический прием в котором данный опыт «со-» реализуется, это интервью. Цели данного интервью могут быть узко-исследовательскими, опирающиеся на гипотезы и задачи, могут быть широкими, общего характера. Основной вопрос в построении данной концепции: как я смогу понять Другого? Понять не столько знанием, сколько переживанием. Феноменология переживания, концепция, позволяющая развернуть процесс слушания другого. То есть позволяет организовать определенным образом построенный диалог. Данный диалог, организованный в форме глубинного интервью, позволяет соприкоснуться с опытом принятия жизни другого, а точнее опыт переживания жизни другим таким образом, чтобы смотреть и эмпатично отражать этот опыт вне сравнения со своим.

В своих разработках я опираюсь на теорию и методологию, разработанную как нашими российскими учеными: Т.Г. Стефаненко, Н.М. Лебедева, Л.Г. Почебут, О.В. Хухлаева, М.Ю. Чибисова, О.Е. Хухлаев, Г.У. Солдатова, О.В. Лунёва, Ф.Е. Василюк, так и учеными из-за рубежа: израильский ученый Ш. Шварц (культурные ценности), нидерландский ученый Г. Ховстеде (культурные ценности как последствия для коммуникации), М. Беннет (культурная компетентность как движение от этноцентризма к этнорелятивизму), Г. Триандис (культура как культурные синдромы), польско-английский ученый Г. Тэшфл (социальная идентичность).

ТУЧИНА Оксана Роальдовна

Кубанский государственный технологический университет (Краснодар), tuchena@yandex.ru

САМОПОНИМАНИЕ ЛИЧНОСТЬЮ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере исследования армянской молодежи Армении и России)

Изложены результаты сравнительного исследования самопонимания личностью этнокультурной идентичности молодежи Армении и представителей армянской диаспоры Кубани. Разработана теоретико-феноменологическая модель самопонимания личностью своей этнокультурной идентичности. Модель в своей теоретической части представляет систему утверждений, позволяющих выделить и концептуализировать феноменологию самопонимания личностью своей этнокультурной идентичности. Показано, что предлагаемая автором в рамках субъектного подхода модель самопонимания личностью своей этнокультурной идентичности позволяет выявить и проанализировать особенности самопонимания этнокультурной идентичности в условиях титульного этноса и диаспоры. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке армян из Армении и постоянно проживающих в Краснодарском крае, с применением диагностического инструментария: методики Т. Сингелис и Т. Де Чикко, модифицированной методики «граф-схем» Б.В. Кайгородова, метода Семантического дифференциала, опросника С. Шварца и В. Билски. Выявлено влияние социокультурной ситуации (принадлежности к титульному этносу или диаспоре) на формирование личностного смысла этничности, выявление общих черт и специфических особенностей в осмыслении субъектом своей этнокультурной идентичности.

ФЕДЕНОК Юлия Николаевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), fedenok.julia@gmail.com

ОБРАЗ «ДОМА МЕЧТЫ» У РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ: МЕГАПОЛИС vs МАЛЫЙ ГОРОД*

Понятие «дом» для человека имеет много смыслов – это убежище, место жительства, домашний очаг, воплощение идеи интимности, уюта и личного пространства. Внутренняя структура жилого пространства, в том числе интерьер,

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФНФ, грант № 13-31-01288.

является одной из форм презентации личности и связана с культурными ценностями человека.

Различия домов и внутренней обстановки в них обусловлены экономическими и социальными отношениями, формами семейной жизни, культурно-бытовыми традициями, а представление об «идеальном» доме формируется у человека в процессе взросления под влиянием культуры.

Для изучения представления об «идеальном доме» у современных российских подростков, проживающих в мегаполисе и в малом городе, мы при помощи рисуночного метода Э. Холла опросили 108 русских школьников в возрасте 15–17 лет: 35 из Москвы и 73 из Тольятти.

Социокультурные различия в образе «идеального дома» наблюдаются в маркерах успешности и богатства: в малом городе, в отличие от мегаполиса, подростки стремятся наполнить свои «дома мечты» максимальным числом изображений предметов роскоши и богатства. Такие предметы в реальной жизни для них менее доступны, чем для школьников из крупных городов.

В целом рисунки «идеальных» домов показали, что для российских городских подростков характерен высокий вес социальных установок, внедряемых при помощи средств массовой коммуникации, которые и формируют представления у молодежи об успешной взрослой жизни.

ХОТИНЕЦ Вера Юрьевна

*Удмуртский государственный университет (Ижевск),
khotinets@mail.ru*

КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИИ ВЫЗОВОВ И РИСКОВ

Проблема этноконфессионального противостояния, связанная с растущей интолерантностью в человеческом сообществе, ужесточением форм преследования «стигматизированных чужих», остро заявляет о себе в современном мире. Какие бы причины не лежали в основе того или иного этнического конфликта, в своем развитии он представляет собой столкновение интересов и противоборство целей. Факторам риска, провоцирующим конфликт и несущим в себе потенциальную угрозу, противостоят протективные факторы – ресурсы, позволяющие совладать с трудными ситуациями в межкультурном взаимодействии.

Актуальными являются результаты эмпирического исследования, проведенного в 2012 г. с участием представителей восточнославянских народов – русских и украинцев, проживающих на территории Российской Федерации и Украины (всего 173 чел.). Цель исследования – изучение копинг-механизмов в проблемной ситуации межкультурной коммуникации. Исследование проводилось с использованием теста рисуночной фрустрации Розенцвейга, методики

диагностики межличностных отношений Т. Лири, методики психологической диагностики копинг-механизмов Э. Хайма. В результате установлено, что ресурсные возможности славянских народов (русских, украинцев) – этнотипические модели поведения и общения, регулирующие процессы социального взаимодействия и противостоящие вызовам и рискам, в большинстве своем соотносятся друг с другом. Это объясняется тем, что модели поведения как культурные образцы вбирают в себя эффективные способы совладания с трудностями, выработанные в процессе культурно-исторического развития славянских народов, связанных своим происхождением, родственными языками и культурными доменами.

**ЦЫДЕНДАМБАЕВА Екатерина Баировна
ГРИГОРЬЕВ Дмитрий Сергеевич**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), bartukov@mail.ru, dgrigoryev@hse.ru

ВЗАИМНАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ БУРЯТ И РУССКИХ В УЛАН-УДЭ И МОСКВЕ*

Для изучения взаимной аккультурации использовалась методика Дж. Берри. Всего было опрошено 509 респондентов (109 бурят и 135 русских в Улан-Удэ; 161 бурят и 102 русских в Москве) в разных условиях аккультурации; если в Улан-Удэ буряты – титульный этнос, то в Москве они внутренние мигранты. Сопоставим аккультурационные установки и ожидания в этих двух регионах.

В Улан-Удэ полностью совпадают ожидания мультикультурализма у бурят и установка на интеграцию у русских; затем идет сегрегация у бурят и одинаково выраженная установка на сепарацию и маргинализацию у русских; далее одинаково выражены ожидания «плавильного котла» и исключение у бурят и установка на ассимиляцию у русских. Существуют средней выраженности различия между готовностью ассимиляции у русских и ожиданиями таковой у бурят.

В Москве также полностью совпадают установка на интеграцию у бурят и ожидание мультикультурализма у русских; затем идет несоответствие – сепарация у бурят и «плавильный котел» у русских; далее одинаково выраженная установка на ассимиляцию и маргинализацию у бурят, но ожидание сегрегации более предпочтительно, чем исключение у русских. Слабые различия в ожидании сегрегации и установки на сепарацию и сильные различия в ожидании ассимиляции у русских и готовности к таковой у бурят.

Таким образом, выраженная ориентация на интеграцию/мультикультурализм в обеих группах говорит о хорошем потенциале для продуктивного сосуществования этих двух групп.

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Секция 4 АНТРОПОЛОГИЯ МЕДИА

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

Малькова Вера Константиновна – д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: veramalk@mail.ru

БЛОХИН Игорь Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), igor.blohin@mail.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ КАК ФУНКЦИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Журналистика функционирует в коммуникативной среде, которой обусловлены условия журналистской деятельности. Политические функции журналистики: инструментальная функция управления, автономная функция самоуправления (в условиях гражданского общества), функция контроля (эффективность которой определена условиями общественного доверия к институту журналистики в целом). Модели измерений коммуникаций требуют учета отношений «большинство – меньшинство» и «естественные – искусственные (конструируемые) сообщества». Каждое сообщество может быть понято и осмыслено только в своем собственном ценностно-культурном контексте. В каждой культуре существует собственная иерархия («Свои», «Другие», «Чужие») и процедура идентификации других сообществ. Она состоит в согласовании ценностей и факторов коммуникативной совместимости, которая выступает в качестве естественной функции журналистики, постоянно участвующей в таком согласовании. Коммуникативная совместимость складывается из совокупности согласований политических, экономических, социальных, этнокультурных, исторических, религиозных, демографических, языковых, экологических, психологических и др. актуальных для сообществ характеристик. Согласованные (интегральные) образы «Своих», «Других» и «Чужих» состоят из расово-антропологического, социально-исторического, этногеографического, информационного и психологического компонентов. В журналистике коммуникативное действие в отношении «Другого» осуществляется на базе ценностного согласия, а в отношении «Чужого» – с целью ценностного переформатирования. Обе модели строятся на фундаменте целеполагания совместного сосуществования. Таким образом, построение такого общего фундамента преследует выполнение задачи не только достижения консенсуса по поводу совместного сосуществования, но и формулировку согласованных целей дальнейшего совместного развития.

БУЯНОВА Анна Юрьевна

Китайский информационный Интернет-центр (Пекин, Китай), annabuyanova@yahoo.com

ОБРАЗ РОССИИ В КИТАЙСКИХ СМИ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ИНТЕРНЕТ-ЦЕНТРА

Образ России в китайских СМИ во многом обусловлен спецификой российско-китайских отношений, которые ха-

рактеризуются как «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия». В настоящий момент они переживают один из лучших периодов в своей истории. Китайский информационный Интернет-центр (Чжунгован), как одно из ведущих государственных СМИ Китая, отражает разные темы, касающиеся России. Это политика, экономика, российско-китайские отношения, дружба между лидерами двух стран, взаимодействие двух народов, военное дело, культура, искусство и т.д. Образ России в китайских СМИ в общем является положительным. Материалом для доклада явились статьи Китайского информационного Интернет-центра, проанализированные в ходе осуществляемого более двух лет мониторинга, начиная с 2013 г. В качестве сравнительного материала привлекались статьи агентства «Синьхуа», газеты «Жэньминь Жибао», журнала «Китай» и т.д.

ГРИЦЕНКО Антон Алексеевич

Институт географии РАН (Москва), antohaha@yahoo.com

В ПОИСКАХ НАЦИИ: ПОСТСОВЕТСКИЕ СТРАНЫ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

Процессы, связанные с национальным государственным строительством и конструированием новых идентичностей в постсоветских странах, традиционно привлекают внимание российских печатных СМИ. В отношении соседних государств сформировался довольно ограниченный набор конкурирующих дискурсов, которые посредством изображения «другого», (вос)производства определенных образов и стереотипов развивают неодинаковое понимание российской нации и ее границ, принципов национальной самоидентификации.

Проведенный анализ российского медиа-контента, посвященного соседним странам и регионам за период с 1994 по 2012 гг., позволяет говорить о конъюнктурности обращения к этнонациональным сюжетам, особенно к т.н. «русскому вопросу». Характерный пример – освещение ситуации в Украине в 2004 и 2014 гг.

Поскольку доминирование того или иного дискурса в медиа-пространстве во многом задает контекст общественным дискуссиям, направляет их содержание и логику, формируя определенные настроения в обществе, основными вопросами остаются следующие: насколько актуализированы в российском обществе разные этнополитические дискурсы; отвечают ли они позиции добрососедства с Росси-

* Доклад подготовлен при поддержке РНФ, грант №14-18-03621 «Российское пограничье: вызовы соседства».

ей, а также эффективности взаимоотношения с соседними странами; какие события и внешнеполитические проблемы провоцируют освещение этнополитических тем; насколько изменение в доминирующих дискурсах отражает перераспределение реального режима и функций отдельных участков российских границ.

ГРОМОВ Дмитрий Вячеславович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), gromovdv@mail.ru

**УКРАИНСКИЙ КРИЗИС:
ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА В ИНТЕРНЕТЕ**

Конфликт 2014–2015 гг., происходящий на Восточной Украине, сопровождается мощной информационной войной. Если раньше информационная война велась на уровне правительств государств, командования вооруженных сил и СМИ, то сейчас в эту борьбу включены широкие массы населения – пользователи Интернета. Насколько можно судить по репостам публикаций, широкие массы пользователей сегрегируются согласно политическим предпочтениям. Обмен мнениями между такими мегасообществами сравнительно невелик; широкое распространение получает не аналитика, а агитационная публицистика. В то же время, в интернет-пространстве активно распространяется и целенаправленно или спонтанно формируемая дезинформация. Среди приемов дезинформации – использование фотографий и видеозаписей, не имеющих отношения к произошедшему событию; использование вырванных из контекста фрагментов информации; публикация основанных на случайном сходстве фотографий; компьютерная обработка изображений; постановочные видеозаписи и фотографии и т.д.

ГУРКО Александр Викторович

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь), alhurko@rambler.ru

**СМИ КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
МОЛОДЕЖИ В 2000–2010-х ГОДАХ
(на примере Гродненской области)**

Процесс формирования этнической и национальной идентичности в современных условиях определен дискурсом, создаваемым СМИ. Наши исследования свидетельствуют, что гражданская идентичность в настоящее время доминирует над генетической. Из символов, образов, связанных с этнической, национальной идентичностью, молодые респонденты назвали следующие: Герб, Флаг, Гимн, [родительский] Дом, Зубр, Олень, Аист, Леса, Озера, и др. Национальные символы сливаются у опрошенных с этническими символами, что связано в том числе и с работой СМИ, и прежде всего – с регулярным и повсеместным освещением в них гражданских и религиозных праздников и событий. В то же время существует насущная необходимость разработки современных образов и символов родной земли, человеческих образов и характерных персонажей. Все это необходимо представлять общественности через публикации в СМИ. Это относится и к элементам материальной культуры – одежде, архитектуре, пище. Родительский дом – один из наиболее устойчивых

образов, но у каждого из участников исследования он имеет свои характерные черты. Поэтому при разработке этнических, национальных образов, характеризующих коллективную идентичность, сегодня необходимо визуализировать или сконструировать какие-то общие черты, характеризующие современное жилое пространство. Материалы СМИ могут играть важную роль в трансляции национальных и этнических традиций и, в конечном итоге, активно способствовать не только решению проблемы закрепления молодежи на родных землях и привлечению трудовых ресурсов извне, но и способствовать привлекательному туристическому имиджу региона и республики в целом.

КАЗУРОВА Наталья Валерьевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), kazurova@inbox.ru

**«ВОСТОК НА ЭКСПОРТ»:
МУСУЛЬМАНСКОЕ КИНО ИЗ ЕВРОПЫ**

Исследование национального кинематографа – одна из важнейших стратегий современной антропологии медиа. Анализ национальных школ открывает несколько уровней интерпретации культур. Во-первых, визуальная специфика в синтезе со смысловыми узлами сюжета раскрывает религиозные, этнические, культурные, конфессиональные и идеологические установки изучаемого региона. Во-вторых, страны вступают друг с другом в коммуникацию посредством участия фильмов в международных фестивалях, с их последующим прокатом в кинотеатрах и размещением на веб-порталах. Заданное мультимедийное пространство приобретает особое значение для проживающих за пределами своей родины эмигрантов. Фильмы национальной школы – это весточка из прошлой жизни с привычными образами, ценностными мирами и ориентирами. Однако обосновавшиеся в новой стране эмигранты, в свою очередь, становятся соавторами ее кинематографического ландшафта. Будучи неотъемлемой частью жизни новой страны, они появляются на экранах как персонажи фильмов. Более того, многие из них начинают сами снимать кино, опираясь в своем творчестве на привычные им принципы и модели поведения. Сегодня темы эмиграции, чужака, иностранца, безработицы, языкового барьера, межкультурного общения остаются острейшими для Европы, в частности, для Германии и Франции. На примере африканского и ближневосточного компонентов французского кинематографа и турецкого кино Германии будут продемонстрированы общие тенденции и индивидуальные особенности принявшего в Европе мусульманского кино «в изгнании». Актуальные темы, стилистические приемы, жанровая направленность и зрительские предпочтения также будут представлены в докладе на конкретных примерах.

КАМЕНСКИХ Михаил Сергеевич

Пермский НЦ УрО РАН (Пермь), pomidorrr@mail.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК
ЭТНОМОБИЛИЗУЮЩИЙ ФАКТОР
(на примере города Перми)**

12 января 2014 г. город Пермь попал в сводку федеральных новостей за инцидент, произошедший у Центрального рынка. В этот день, после разосланного в социальной сети

«ВКонтакте» сообщения, в течение нескольких часов здесь собралась группа «русской» молодежи, готовая к противостоянию с пришедшими. Решительные действия полиции позволили избежать массовых беспорядков, однако сам факт произошедшего в очередной раз показал роль социальных сетей как этномобилизующего фактора. Принадлежность к той или иной группе в социальных сетях сегодня является одной из форм построения идентичности, в том числе и этнокультурной. Принадлежность к группе, сформированной по этническому признаку, может выступить и этномобилизующим инструментом. В исследовании анализируется структура, состав и информационное наполнение групп в социальной сети «ВКонтакте»: «Русская Пермь», «Пермские армяне», «Пермские армяне Ари тун», «Азербайджанцы в Перми», «Грузины Перми», «Знакомства татар и башкир в Перми», «Коми-пермяцкое молодежное землячество», «Татары Перми», «Объединение татар и башкир Перми», «Ислам в Перми», «Все казаки Перми», «Православная Пермь». Автором также проведены глубинные интервью с активистами молодежного движения об их повседневной жизни и по проблематике влияния групп, сформированных в социальных сетях по этническому признаку. Автор задается вопросом, насколько медиа-пространство социальных сетей способно влиять на реальные человеческие действия.

КАН Валерия Сергеевна

Тувинский институт гуманитарных и социально-экономических исследований (Кызыл), kan-tuva@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕМА В ТУВИНСКИХ СМИ

Межэтническая ситуация в Республике Тыва остается сложной, нестабильной. В результате оттока русских и представителей других этнических групп сокращается этнокультурное и этноязыковое разнообразие, ухудшается знание русского языка, формируются установки на этническую замкнутость и разделение, сохраняется напряженность на бытовом уровне и т.д. Недостаточно удовлетворяются этнокультурные потребности народов, проживающих в республике. Эти проблемы почти не обсуждаются в тувинских СМИ. В основном выходят материалы, посвященные культуре тувинцев. Газета «Риск-экспресс», оппозиционная Правительству Тувы, поднимает проблемы, но ее публикации в целом несут конфликтотенный потенциал.

Объективное и всестороннее освещение этнической темы затруднено по ряду причин: (1) низкий профессионализм, слабая этнологическая и правовая грамотность журналистов, уязвимое социальное положение. Они не стремятся брать эту тему, опасаясь негативной реакции властей, ухудшения отношений с начальством, потери работы. Немногие эксперты готовы открыто выразить мнение, дать объективную информацию; (2) низкий профессионализм чиновников, многие из них избегают публично обсуждать межэтнические вопросы. Не выстроена системная межэтническая политика. Доминирует стремление к лакировке действительности, недооценивается важность специального обучения представителей власти, сотрудников СМИ и привлечения экспертов; (3) слабая активность институтов гражданского общества и апатия подавляющей части населения.

В Туве, как в других регионах, нужно создать структуру, ответственную за реализацию межэтнической политики, разработать и принять долгосрочные программы по гармонизации межэтнических отношений, осуществлять этнологическую подготовку журналистов и чиновников и др.

КАРАНОВ Дмитрий Павлович

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург), karanov@inbox.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ «ИНГЕРМАНЛАНДСКОСТЬ»: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНГЕРМАНЛАНДСКОГО ПРОЕКТА С ПОМОЩЬЮ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

В 90-е годы XX века в рамках программы репатриации, инициированной Финляндией, из Санкт-Петербурга и Ленинградской области эмигрировали десятки тысяч финнов-ингерманландцев. Казалось бы, что история ингерманландской идентичности закончена. Однако с развитием Интернета и появлением социальных сетей, «ингерманландскость» как идентичность и как идея стала снова актуальна. В 2011 г. группой активистов, именующих себя «практикующими краеведами», была создана публичная страница «Ингерманландия» в социальной сети «ВКонтакте». За четыре года они опубликовали более 3,5 тыс. информационных сообщений, а количество подписчиков выросло с нескольких десятков до 7 тыс. пользователей. Эта публичная страница – часть политико-культурного проекта, призванного популяризировать в массах идею независимости Санкт-Петербурга и Ленинградской области от России в качестве Республики Ингерманландия. Жителей обоих субъектов РФ «практикующие краеведы» называют «ингерманландцами», подчеркивая их культурную и цивилизационную отличность от населения других регионов России, в особенности от жителей Москвы и Московской области. Но, несмотря на то, что «ингерманландскость» популяризируется как культурно-территориальная идентичность, создатели публичной страницы «Ингерманландия» включили в свой дискурс элементы финского ингерманландского проекта рубежа XIX–XX веков. В докладе предлагается интерпретация образов и символов, транслируемых подписчикам страницы, а также контекста их использования.

ЛЕПИЛКИНА Ольга Ивановна

Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь), oll5@mail.ru

ИНТЕРНЕТ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О НЕГАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНАХ

Информационное сопровождение конфликтного противостояния этнических групп в интернете связано с деятельностью как журналистов, так и непрофессиональных авторов. Одним из источников информации о подобных случаях для СМИ являются пресс-службы правоохранительных органов, оперативно рассылающие оповещения о происшествиях. Зачастую СМИ ограничиваются их рерайтом и помещают небольшие заметки, фиксирующие факты противостояния. Как правило, именно такие публикации собирают затем комментарии аудитории, среди которых много

высказываний с высоким уровнем агрессии. Непрофессиональные авторы разных национальностей в социальных медиа создают полярную картину мира, где «мы» – всегда носители высоких нравственных ценностей, стражи «порядка и добра». А «они» олицетворяют собой «зло» и «хаос». Мониторинг распространяемых на территории Ставропольского края материалов через средства массовой информации и региональный сегмент сети интернет с целью выявления и оперативного реагирования на материалы экстремистской направленности (согласно государственному контракту № 18 от 11 марта 2013 г.) выявил значительное количество публикаций, фиксирующих критические явления и факты в сфере межэтнических взаимоотношений в регионе. Он также позволил определить географию конфликтов и болевые, с точки зрения авторов, вопросы.

МАГИДОВИЧ Марина Леонидовна

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), socioart@hotmail.com

СИДОРОВА Лена Алексеевна

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск), lenasida@gmail.com

**РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ
ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ ЯКУТИИ**

Сегодня сложно переоценить роль СМИ в формировании идентичности молодежи. Однако в условиях отдаленности северных территорий от столичных регионов России, информация в СМИ иногда является интегральным фактором в ходе формирования идентичности, инкультурации и социально-культурных стереотипов. Проведенное в 2014 г. эмпирическое исследование «Искусство, религия и культурные индустрии в формировании общегражданской и региональной идентичности молодежи Якутска» позволило выявить предпочтения в использовании источников информации молодежью, а также особенности актуализации различных языков, которыми владеет молодежь Якутска, в ходе повседневных культурных практик. Исследование было проведено среди учащихся школ и средних учебных заведений города, студентов вузов, работающей молодежи. Так, несмотря на значительное количество федеральных и региональных печатных СМИ и телевизионных каналов, в том числе компании НВК Саха – Национальной вещательной компании Республики Саха (Якутия), исследование показало, что эти каналы недостаточно используются молодежью.

МАЙБОРОДА Эльвира Тагировна

Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь), ellamaiboroda@mail.ru

**ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЕ ЦЕННОСТИ
РЕГИОНА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ
ОРДИНАРНОГО МЕДИЙНОГО КОНТЕНТА**

Процессы глобализации и сопутствующий им волевой диктат по установлению однополярного мира оказывают влияние на поиск народами России, включая и Северный Кавказ, своей идентичности, нуждающейся в повседневной экстраполяции в средства массовой информации. Внутренним стимулом для поиска конкурентной локальной идентичности является демонстрация этносоциального

развития и культурной самобытности народов полиэтнического Северного Кавказа в региональных СМИ. Сюжеты этнологической направленности призваны иллюстрировать объективную полиэтничность и поликонфессиональность северокавказского региона, исторические судьбы народов, современное культурное взаимодействие и обмен. Большая часть сюжетов – это освещение многочисленных праздников, которые в настоящее время служат инструментом консолидации народов Северного Кавказа, попыткой обрести новую идеологию взамен утраченных иллюзий эпохи коммунизма-социализма. Демонстрация культурной самобытности продвигается в очерках этнографической направленности, в которых освещение исторической судьбы народа приобретает значение «процеживания» массива исторических знаний через патриотические, чаще всего региональные предпочтения. Дискурс публикаций в большинстве случаев является патриотическим и традиционалистским. Присутствует осторожность в формировании информационной повестки, в выборе тем и языковых средств их выражения. Медийное ординарное выражение традиционалистских ценностей выступает необходимым цементом укрепления межэтнических и межконфессиональных отношений.

МАЛЬКОВА Вера Константиновна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), veramalk@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННОЙ
РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПРЕССЕ***

Антропология МЕДИА – актуальная и обширная тема. И это связано не только с изменением современного состояния собственно традиционных и электронных каналов массовой информации, с их меняющейся ролью в обществе. Хотя эта проблема сама по себе очевидна и очень важна. Но для нас важна и другая сторона вопроса – содержание современного контента во всех формах медиа, связанного в первую очередь с межэтническими и межконфессиональными отношениями. Влияние СМИ на формирование массовых представлений и взглядов людей в сфере межэтнического взаимодействия общеизвестно. Однако каждый информационно-коммуникативный канал динамичен, и существует и работает он по своим законам и правилам. Если Интернет в начале XXI века набирает заметную общественно-политическую силу, то печатная пресса, особенно региональная, заметно теряет свои позиции в общественном пространстве. Если Интернет сочетает в себе информационно-коммуникативные функции, то печатная периодика, недостаточно поддерживаемая государством, особенно в регионах, остается во многом только информационным источником. В нашем сообщении на большом сравнительном материале будут показаны результаты анализа современной российской республиканской прессы (газеты Бурятии, Карелии, Татарстана, Тувы, Удмуртии и др.), освещающей по мере своих возможностей жизнь современных национальных республик. Будет рассмотрена основная общественно-политическая тематика и особенности ее презентации в прессе в разных регионах

* Доклад подготовлен при поддержке РНФ, проект № 14-18-03090 «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах РФ» (рук. В.А. Тишков).

страны, выявлены информационно-пропагандистские акценты на общероссийское единство или на региональную отдельность и закрытость.

НОВИКОВА Анна Алексеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), anovikova@hse.ru

ТЕЛЕВИЗОР, МОБИЛЬНИК, КОМПЬЮТЕР: ФИГУРЫ И ФОН В МЕДИАПРАКТИКАХ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ СЕЛ

В основе предлагаемого доклада лежат результаты четырех экспедиций Медиалаборатории ЦФИ НИУ ВШЭ в сельские поселения Костромской, Ростовской, Иркутской областей и Татарстана (2012–2014 гг.). Методы исследования – полуструктурированные интервью и наблюдения за медиапрактиками. Телевизор продолжает занимать центральное место в интерьере. Часто он значительно более современный и дорогой, чем остальной интерьер. Он – «фигура», вокруг которой разворачиваются ритуалы просмотра. Увиденное по телевизору продолжают обсуждать в сельском магазине и на работе, пересказывают друг другу оценки членов своей семьи. Компьютер тоже внешне является «фигурой» (часто телевизор и компьютер стоят в комнате рядом). Он считается престижной и обязательной покупкой. Уметь им пользоваться – признак высокого уровня культуры. Однако никто не описывает свое обращение к компьютеру, как ритуал. Никто из сельских жителей не ощущает привязанность к компьютеру, необходимость носить его с собой. Третий предмет – сотовый телефон. Он тоже есть во всех наблюдаемых семьях. Но он не является «фигурой». У него нет постоянного места в комнате, о нем нечего рассказать. Он нужен для того, чтобы общаться с проживающими в городе родственниками и делать фото детей и цветов. Друг другу сельские жители звонят по телефону редко. Его вообще часто оставляют (забывают) дома. Новые медиа не меняют практики сельских жителей кардинально. Новые практики вплетаются в старые. Однако расширение возможностей формирует у сельских жителей ритуал избегания медиапрактик.

ОСИН Роман Викторович

КОНСТАНТИНОВ Всеволод Валентинович

*Пензенский государственный университет (Пенза),
june-89@mail.ru, konstantinov_vse@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ МЕДИА-ИНФОРМАЦИИ К ОБРАЗУ ТРУДОВОГО МИГРАНТА

СМИ обладают огромными возможностями в формировании представлений о любом событии, факте, явлении, в том числе и о мигрантах. Основной поток сведений о внешнем мире люди получают через средства массовой информации. В силу сложившихся в принимающем обществе традиций, представлений и стереотипов отношение к приезжим мигрантам очень ограничено в социокультурном плане. Весомую роль в дистанцировании от «чужих» играет воздействие образов, символов и текстовых сообщений, формируемых средствами массовой информации. Исследование было направлено на изучение особенностей

отношения представителей различных социально-демографических групп к образу трудового мигранта в условиях медиа-воздействия. Исследование проводилось в интернете. Для этого был создан специальный сайт <http://migrantpnz.jimdo.com/>. В исследовании приняли участие 447 человек. Исходя из полученных результатов, можно говорить о том, что лицам, предпочитающим просмотр видео с негативным изображением мигрантов, присущи такие черты, как личностная тревожность и низкий уровень этнической толерантности. Это говорит в том числе и о негативном отношении представителей различных социально-демографических групп к трудовым мигрантам. У всех испытуемых выявлено, с одной стороны, устойчивое неприятие трудовых мигрантов определенной категории (асоциальной направленности), а, с другой стороны, принятие иных категорий мигрантов (квалифицированных специалистов). Описаны характеристики отношения к образу трудового мигранта в условиях медиа-воздействия. Можно выделить три модели отношения к образу трудового мигранта в условиях медиа-воздействия: (1) негативная; (2) положительная; (3) амбивалентная.

РАСПОПОВА Светлана Леонидовна

*Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь, Республика Молдова),
raspopova74@mail.ru*

СМИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ: ОПЫТ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Анализ процессов межэтнических коммуникаций в Приднестровье позволяет выделить факторы, определяющие интенсивность и результаты межэтнического взаимодействия: исторические, политические, экономические, культурные, языковые и психологические. Все эти факторы используются в материалах СМИ Приднестровья как предмет анализа, комментарии или в качестве аргументации позиции автора. В Приднестровье, наряду с изданиями, выходящими на русском языке, широко печатается периодика на молдавском и украинском языках. На трех официальных языках выходят республиканские газеты – на русском («Приднестровье»), украинском («Гомін»), молдавском («Адевірул Нистрян»). Анализ вещательной сетки «Радио 1» позволяет классифицировать этот канал как радиостанцию универсального межэтнического характера, программы которой включают широкий спектр информационных, аналитических, научно-популярных и развлекательных передач, предназначенных для всех категорий слушателей. Помимо редакций вещания на официальных языках – русском, украинском и молдавском, функционируют редакции вещания на иностранных языках. «Первый приднестровский» телеканал был и остается одним из наиболее массовых и популярных. Он информирует население о состоянии всех сфер жизни республики и вещает на русском, молдавском, украинском языках. В СМИ Приднестровья активно обсуждаются темы о национальных языках, о развитии этнических культур, об исторических событиях и героях. Важно, что авторы материалов с уважением относятся к национальным чувствам и национальному достоинству своих героев. Кроме того, журналисты держат в поле своего внимания не только этнические аспекты жизни республики, соседних

стран, России, но и вопросы вероисповедания, уделяя особое внимание православию.

РОЖКОВ Александр Юрьевич

*Кубанский государственный университет (Краснодар),
avro14@mail.ru*

ЖУРНАЛ «ПИОНЕР» КАК МЕДИАТОР В ДЕТСКОМ КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1920-е годы)

Пытаясь понять культурные коды советского общества и механизмы функционирования его коммуникационных пространств, необходимо обратиться к культурной истории первого советского поколения (младшая возрастная когорта школьников 1912–1920 гг.). В отличие от малограмотных родителей, для которых пропагандисты организовывали «громкие читки» газет, более грамотные дети проявляли повышенную читательскую активность. Читая книги, газеты и журналы, дети нередко становились «лидерами мнений» и «агентами влияния», ретранслируя родителям прочитанный материал. Это еще не являлось признаком нарождавшейся префигуративной культуры (по М. Мид), но свидетельствовало о межпоколенческой асимметрии, характерной для переломных эпох. Как заметил Е. Добренко, семья в довоенном СССР в отличие от дореволюционной семьи (городской) утратила свою «читателеформирующую» роль, в результате чего нормирующе-контрольную функцию культурно-идеологического центра приняла на себя школа. Соратником школы в процессе «формовки» нового человека выступали молодежные коммунистические организации и их печатные органы, включая журнал «Пионер». Этот журнал рассматривается нами как «действующее лицо» (медиатор) в детском коммуникационном пространстве. Через него устанавливались социальные связи между детьми, между детьми и властью, между детьми и значимыми взрослыми, создавались разветвленные сети общения и солидарности. Особенно ярко это проявилось в 1920-е годы, когда в журнале существовали дискуссионные рубрики «Бумеранг» и «Хочу переписываться». В те годы страницы журнала превращались в площадку для дискуссий на злободневные темы.

САВИНОВА Ольга Николаевна

*Нижегородский государственный (исследовательский)
университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород),
508@bk.ru*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ЖУРНАЛИСТСКИХ КАДРОВ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В последнее время, как в западноевропейских, так и в российских исследованиях, теоретические вопросы о роли СМИ в межкультурной коммуникации рассматриваются достаточно полифонично. Но, несмотря на интернационализацию научных парадигм, необходимо признать, что актуальным остается изучение особенностей и сравнительный анализ роли СМИ в межкультурной коммуникации, обмен лучшим отечественным и зарубежным опытом, поиск новых подходов и методик в журналистском образовании. Говоря о возросшем значении роли СМИ в межкультурной

коммуникации в России, можно выделить следующие тенденции этого процесса: расширение и развитие в масс-медийном пространстве сегмента этнической журналистики; увеличение числа изданий, выходящих на национальных языках; активное позиционирование в СМИ лидеров национально-культурных общественных объединений, выступающих в роли ньюсмейкеров и комментаторов событий общественной жизни; активизация общественного диалога по этнокультурным проблемам.

Взвешенная и сбалансированная позиция журналистов при освещении вопросов межнационального и межкультурного взаимодействия является важным фактором в установлении межнационального и межконфессионального согласия. Перед преподавателями кафедры журналистики, готовящими кадры журналистов, стоит задача активного поиска собственной оригинальной концепции и адекватного реагирования на изменения, происходящие в этнокультурной сфере жизни общества. Большое внимание уделяется целенаправленному развитию международного сотрудничества в сфере подготовки журналистов. В настоящее время, в рамках Соглашения о сотрудничестве ННГУ с норвежским университетом Волда, осуществляется обучающая программа для российских, норвежских и шведских студентов.

САГИТОВА Лилия Варисовна

*Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан
(Казань), liliya_sagitova@mail.ru*

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ИНТЕРНЕТ- ПРОСТРАНСТВЕ

Развитие исламофобии как в России, так и в мировом сообществе имеет своего рода точки роста, связанные с реальными событиями: 11 сентября 2001 г., похищение исламскими террористами граждан западных стран; расстрел редакции Charlie Hebdo в январе 2015 г. Для России – это Беслан, Дубровка, Волгоград и permanently тлеющий Северный Кавказ. Рожденный этими трагическими событиями дискурс неотступно развивается в мировом и отечественном масс-медийном пространстве, подпитываясь новыми событиями и поводами. Для Татарстана точкой отсчета стали трагические события 2012 г. с покушением на муфтия Татарстана и убийством Валиуллы хазрата. Редкие до этой поры публикации, появившиеся преимущественно на сайте «Регнум», стали множиться и формировать дискурс исламского терроризма в Татарстане. Анализ информационного поля республиканских СМИ показал, что местные журналисты подходят с большой осторожностью к репрезентации событий, связанных с исламом, ограничиваясь в большей мере информированием, констатацией фактов. Интернет-пространство обладает рядом преимуществ, в сравнении с печатными и электронными СМИ: свобода выражения, оперативность, интерактивность и колоссальный охват аудитории. Эти качества Интернета повышают его конкурентность в формировании разного рода дискурсов, связанных с исламом и исламским терроризмом. Вниманию слушателей секции будет предложен анализ дискурсивных практик об исламе и мусульманах Татарстана, формируе-

мых Интернет-ресурсами, а также будут рассмотрены технологии конструирования проблем на примере конкретных публикаций.

САФИНА Элина Фаилевна

СУНАГАТУЛЛИНА Зульфира Халитовна

*Башкирский государственный университет (Уфа),
sunny_elianna@mail.ru*

МАСС-МЕДИА КАК МАРКЕР ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ (на примере Республики Башкортостан)

В докладе предпринята попытка раскрыть, как через подписку на периодические издания проявляется этноязыковая идентичность населения Башкортостана. Ибо подписка на периодику является показателем языковых предпочтений населения в той или иной языковой среде. Высокий процент подписки на русскоязычные издания в целом по республике обусловлен не преобладанием русскоязычного населения, а в большей степени языковыми предпочтениями нерусского населения (татар, башкир, чувашей, марийцев и др.), которое в последние годы стало больше выписывать периодику на русском языке. Кроме того, широкий выбор печатной продукции представлен в большинстве своем на русском языке, а редакции центральных, республиканских и частных изданий уделяют большое внимание содержанию и эстетическому оформлению печатной продукции. И это немаловажно для сегодняшнего избирательного читателя. Вместе с тем, в западных и северо-западных районах с преобладающим татарским населением национально-культурные потребности, связанные с подпиской на татароязычные издания, не удовлетворяются полностью. Подтверждением чему является высокий уровень подписки на издания на татарском языке из соседней Республики Татарстан. Таким образом, анализ подписки на периодические издания в районах республики показывает, что население в целом ориентировано на чтение газет и журналов на родном языке. В то же время, русскоязычные издания также остаются востребованными для населения республики, что является свидетельством более широкого употребления и применения русского языка в национально-язычной среде.

СИДОРОВ Олег Гаврильевич

*Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Якутск), ilin_s@mail.ru*

МЕДИА ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА: МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ

В изменяющемся и глобализирующемся мире большую роль приобретают СМИ как инструмент диалога. Диалога общественного, межэтнического и диалога культур. Традиционные СМИ, несмотря на все возрастающую роль новых медиа, все еще продолжают играть огромную роль в формировании массовых взглядов, представлений и установок людей, в их социальной мобилизации, в том числе в сфере межэтнического взаимодействия. В Республике Саха (Якутия), являющейся полиэтническим регионом, СМИ играют роль общественного пространства для взаимодействия и диалога национально-культурных объединений республи-

ки. На рубеже 1980–1990-х годов начинается процесс возрождения национально-культурных общин. Именно в эти годы приобретает актуальность расширение информационного и межкультурного обмена между разными этносами. Якутия не была исключением. Работа с общественными объединениями и поддержка народной дипломатии становятся одними из приоритетных направлений в политике руководства республики. Была образована Ассамблея народов Якутии, первая в Российской Федерации. Здесь следует подчеркнуть позитивную роль в этом процессе якутской интеллигенции и первого Президента Михаила Николаева. СМИ становятся проводниками этой политики и площадкой для межэтнического и общественного диалога. Одним из таких СМИ является двуязычный историко-географический и культурологический журнал «Илин», издающийся в Якутске с 1991 г. Выпускаются специальные номера с представлением национально-культурных общин, которые несут в себе функции информационно-справочные, познавательные и культурные.

СИМАКОВА Юлия Алексеевна

*Екатеринбургская академия современного искусства
(Екатеринбург), simakova_3@mail.ru*

АНИМАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Среди современных арт-практик анимация – самый динамично развивающийся жанр. Она давно шагнула далеко за область искусства, и находит применение в информационных технологиях, в науке, в образовании. Она помогает увидеть миры, существующие только в сознании человека, недоступные его глазу или объективу кинокамеры. Однако возможности анимации не изучены в полной мере. Как и любое искусство, анимация исследует окружающий человека мир, и мир духовный, с помощью особого инструментария. Обращаясь к самой сути этого искусства, можно увидеть анимацию как инструмент познавательной деятельности не только художника, но и культуролога, антрополога, историка, философа. Возможности анимации как инструмента понимания культуры демонстрируются на примере анимационной работы с традиционными орнаментами.

СНЕЖКОВА Ирина Анатольевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), snezhkova@mail.ru*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ: РОССИЯ – УКРАИНА

Информационные войны в настоящее время являются разновидностью боевых действий, в которых объектом воздействия становится общественное мнение. Оружием информационной войны являются устройства и способы подачи информации, которые используются для широкомасштабного воздействия на военные и гражданские информационные системы потенциального противника для подрыва его экономики и финансовой системы, для снижения уровня его боеспособности. Основная цель нашей работы заключалась в сопоставлении и интерпретации информации по одним и тем же событиям, представляемым в СМИ России и Украины, изучении механизмов информационного воздей-

ствия, способов их распознавания и нейтрализации. Задачи исследования включают в себя анализ телевизионных программ, интернета, печатных СМИ. На примере информационной войны с Украиной мы видим использование информационных «каруселей», вбросов дезинформации, прямых, бездоказательных обвинений России, откровенного искажения информации о масштабных участиях российских войск в военных действиях на Украине, о сбитом «ополченцами Малайзийского самолета», обвинения ополченцев в терроризме и многое другое. В целях проверки информации автору удалось опросить беженцев с Донбасса, которые находились на лечении в Крыму летом 2014 г., чтобы на основании эмпирического материала иметь право опровергнуть информацию, предоставляемую украинскими СМИ.

ХАРЧЕНКО Виктор Алексеевич

Посольство России в Республике Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан), eawarn555@gmail.com

**ТЕХНОЛОГИИ МЕДИА
ДЛЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

Реализация проекта евразийской интеграции, в частности – расширение Евразийского Экономического Союза, должна учитывать, что образ нового интеграционного объединения складывается под влиянием многообразных источников информации. Это происходит в условиях противоречивой гаммы суждений и мнений о нем политических элит разных стран, активно тиражируемых в медиапространстве. Проведение кампании по формированию позитивного имиджа постсоветской интеграции в информационной среде, наполненной негативными суждениями и оценками, требует использования особого рода технологий. Примером может стать Кыргызстан, где усиление внешнеполитической активности России сопровождалось наращиванием присутствия российских СМИ в информационном пространстве республики. В частности, была сформирована диалоговая площадка между журналистскими сообществами двух стран; систематически проводились мастер-классы

с участием видных представителей российских СМИ – гендиректора «Российской газеты» П. Негоицы, зам. гендиректора ВГТРК Д. Киселева, ведущего программы «Однако» М. Леонтьева и др. В полном объеме была восстановлена деятельность Центральноазиатского представительства «Российской газеты» в Бишкеке; впервые региональное представительство газеты «Аргументы и Факты в Киргизстане» начало выпуск издания не только в русскоязычной, но и в киргизоязычной версии, что существенно расширило читательскую аудиторию; оказывалось содействие возникновению новых СМИ. Контент не ограничивался созданием положительного имиджа новых евразийских объединений, но и содержал критику альтернативных проектов и структур. Можно заключить, что активная работа в медиапространстве в определенной степени способствовала вступлению Кыргызской Республики в ЕАЭС.

ЯКИМОВА Ольга Александровна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), yakimova.ola@gmail.com

**ПРОТИВОРЕЧИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
МЕДИАДИСКУРСА МЕЖДУНАРОДНОЙ
МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ
МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

В докладе раскрывается роль СМИ в конструировании негативного отношения россиян к иностранным трудовым мигрантам. На основе исследования образов территории-реципиента, групп квалифицированных и неквалифицированных иностранных мигрантов, (контент-анализ, экспертные и фокус-групповые интервью) выделяются пять противоречий, присутствующих в современном дискурсе СМИ, а также конструируемые ими стратегии взаимодействия местного населения и приезжих. Доклад ставит своей целью раскрытие механизма формирования средствами массовой информации культуры взаимодействия принимающего и иммигрантского сообществ, частью которого является разрешение сформулированных противоречий.

Секция 5
КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В ПРОЦЕССАХ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Разлогов Кирилл Эмильевич – д. искусствоведения, профессор, АНО по развитию исследований и проектов в области культуры и искусства «Новый институт культурологии», ВГИК (Москва)

E-mail: kirill.razlogov@gmail.com

Габдрахманова Гульнара Фаатовна – д. социол. н., доцент, Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань)

E-mail: medi54375@mail.ru

АБРАМОВ Роман Николаевич
ТЕРЕНТЬЕВ Евгений Андреевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), Terentev.e@gmail.com

**КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В ТОПОНИМИКЕ:
СЛУЧАЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ПЕНЗЫ**

На примере двух топонимических кейсов рассматриваются дискурсивные механизмы работы культурной памяти. Первый кейс посвящен рассмотрению практик переименования советских названий в г. Санкт-Петербург. Анализ производится на материале двадцати двух полуструктурированных интервью с экспертами, представителями городских властей и гражданскими активистами. Выделяются и описываются два типа дискурсов, в рамках которых происходят публичные обсуждения: о возвращении исторических названий и о переименовании. Приводятся примеры из наиболее резонансных обсуждений – о переименовании улицы Белы Куна и возвращении дореволюционных названий 1–10 Советским улицам. Второй кейс – дискуссия о вариантах названия одной из новых площадей в г. Пенза. На основании анализа сообщений в медиа и блогосфере описываются основные аргументы сторон, раскрывается их социокультурный смысл.

АНИКИН Даниил Александрович
*Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского (Саратов), dandee@list.ru*

**ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ:
ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ
КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ**

Депортация немцев Поволжья стала одним из травматических событий отечественной истории. Воспоминания о ней долгое время сохранялись исключительно в семейной памяти, но даже после официального признания память о депортации не была деполитизирована, оставаясь предметом социальных и политических спекуляций. Можно выделить несколько факторов сохранения негативного отношения к депортации в Поволжском регионе. В начале 1990-х годов доминирующим фактором являлось стремление к сохранению установившихся экономических отношений (отказ в требованиях возврата собственности немцев Поволжья). Начиная с 2000-х годов в публицистике и даже специализированных публикациях возрастает роль политического фактора в переоценке немцев Поволжья как «пятой колонны».

АСТАФЬЕВА Ольга Николаевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), onastafieva@mail.ru

**КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ
СОЦИАЛЬНОЙ СПЛОЧЕННОСТИ В МОДЕЛИ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ***

В докладе представлены положения, раскрывающие идею укрепления общественного дискурса социальной сплоченности в условиях многокультурности, включенную в стратегию культурной политики социального государства. По мнению автора, достижение гармоничного соотношения легитимности и эффективности обращения к культурной памяти не является только проблемой власти или какой-либо ведомственной структуры, ее представляющей. Вопрос об историко-культурных основаниях социального взаимодействия, с точки зрения его изучения – сложная междисциплинарная проблема, а с позиции управления – межведомственная.

Институциональная среда культурной памяти (архивы – библиотеки – музеи) обладает многообразными символическими ресурсами и выступает инструментом культурной политики. Смена модели «сохранения» информации на модель актуализации и ее включения в общественный дискурс и научно-исследовательское пространство отвечают принципам коммуникативной стратегии культурной политики государства. Основными характеристиками выступают многообразие, доступность и открытость ресурсов культуры. Культурная память исключает как манипуляцию, так и цензуру на распространение информации.

На усвоение и познание культуры, последующие социальные действия влияет интерпретация: с одной стороны, путь к пониманию, с другой – усложнение взаимопонимания, поскольку интерпретация не исчерпывается только целью или результатом, а достигается в единстве со смыслом и ценностями, в контексте конкретной ситуации межкультурной коммуникации. Взаимодействие в условиях многообразия культур предполагает не только интерпретацию, но и свободу выбора своей идентичности и права на самобытность. Это становится центральной проблемой при определении стратегии культурной политики.

* Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Моделирование технологий межкультурных коммуникаций» ИГСУ РАНХиГС (рук. О.Н. Астафьева).

БОРИСЕНКО Алиса Юльевна

Новосибирский государственный университет (Новосибирск),
aborisenko@mail.ru

ХУДЯКОВ Юлий Сергеевич

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
khudjakov@mail.ru

**СВЕДЕНИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
КУЛЬТУР ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ
НОМАДОВ В ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ**

В периоды позднего Средневековья и начала Нового времени в странах Западной Европы возрос интерес к Северной Азии, обусловленный поисками новых торговых путей в Китай и Индию. Европейцев привлекали перспективы развития торговли пушниной и необычные особенности культур северных народов, сведения о которых они получали во время поездок в Московию. В сочинениях европейцев содержатся и сведения о хозяйственных занятиях, материальной и духовной культуре, военном деле степных тюркских и монгольских этносов. Первоначально большая часть подобных материалов собиралась дипломатами, участниками посольств разных европейских стран. В дальнейшем большое значение приобрели сведения, собранные европейскими военными специалистами, находившимися на российской службе в Сибири. Наиболее важную информацию о культурах сибирских татар и дунгаров удалось собрать одному из европейских офицеров, приехавших в Сибирь в 1666 г. для обучения военному делу полков «нового строя». С конца XVII – начала XVIII вв. сбором материалов о Сибирском регионе и культуре сибирских, в том числе тюркских и монгольских, народов стали заниматься европейские ученые, которые получали сведения у европейцев, находившихся на российской службе. Собранные европейскими исследователями материалы о культурах тюркских и монгольских народов Западной и Южной Сибири в большинстве случаев носят оригинальный характер. Они могут быть важным дополнением к сведениям русских источников.

БУРЛИНА Елена Яковлевна

КУЗОВЕНКОВА Юлия Александровна

Самарский государственный медицинский университет (Самара),
bis17@mail.ru, mirta-80@mail.ru

**ИМИДЖ РОССИЙСКОГО ГОРОДА-
МИЛЛИОННИКА: БАЛАНС ГЛОБАЛЬНОГО И
ЛОКАЛЬНОГО**

Оставив позади период своего советского развития, российские города шагнули в XXI в. Каждый город делал это согласно своему потенциалу и темпу развития. Методологический инструментарий «хронотоп» (используемый такими исследователями, как Л.Г. Илвицкая и Н.В. Барабошина) позволяет выделить индивидуальные особенности трансформации каждого города, влияющие в дальнейшем на его образ и имидж. Е.Я. Бурлина, Л.Г. Илвицкая, Я.А. Голубинов и другие исследователи изучали г. Самару на предмет взаимодействия в нем различных временных и пространственных слоев, пересечения глобального и локального. Изучив процессы, протекающие в Самаре на протяжении последних ста пятидесяти лет, можно сделать вывод, что тенденции развития у нее те же, что и у других российских городов. Но итогом развития становится не потеря городом

своей индивидуальности в типичных глобальных процессах, а возвращение к своим «корням» – к торговому геному, заложенному в начале XIX в. Не жертвуя своей идентичностью, Самара движется в общем цивилизационном направлении. Историческая память города не только не стерлась, но и начинает поддерживаться различными культурными и коммерческими проектами (памятник основателю города Григорию Засекину, скульптура «Бурлаки на Волге» по мотивам одноименной картины И. Репина, Буратино и др.). Историческая память дополняется мифологией, призванной обогатить локальное культурное пространство (памятник товарищу Сухову, бравому солдату Швейку и др.).

БЫХОВСКАЯ Ирина Марковна

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (Москва), bykirina@gmail.com

**ИНКУЛЬТУРАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ:
СОПРЯЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНОГО
КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Инкультурация во всех ее формах – как институциональных, так и внеинституциональных, всегда теснейшим образом связана со сложившимся (в ту или иную эпоху, в тех или иных странах) характером трансляции культурных ценностей, традиций, с конкретным наполнением того, что обозначается как «культурная память».

Одна из важных методологических позиций при исследовании характера сопряжения всех этих процессов – различение социального и культурного «срезов» этой проблемы. В первом случае акцент делается на вопросы адаптации, «встраивания» в тот или иной контекст, на социально-функциональные, институциональные особенности этого процесса. При втором подходе мы акцентируем, активизируем нормативно-ценностную «оптику» для исследовательской процедуры, которая призвана выявить особенности восприятия, усвоения, присвоения индивидом ориентационно-значимых, «ядерных» культурных характеристик.

Еще один аспект, значимый для данного вектора исследования, это вопрос о предпосылках, а также о реальности или иллюзорности выбора, который вынуждена делать/не делать личность, в частности личность, еще только становящаяся. Сложность и поливекторность современного процесса взаимодействия культур проецируется на сложную матричность современного инкультурационного процесса.

Уточнение теоретико-методологических оснований для анализа ситуации сопряжения процесса инкультурации с процессом межкультурных взаимодействий и проявлением роли культурной памяти в этом контексте позволяет более прицельно рассмотреть особенности такого рода сопряжения в конкретных предметных областях, в различных видах социокультурных практик (образование, досуг, медицина, искусство, спорт и др.).

ВАСИЛЬЕВ Алексей Григорьевич

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), Институт Центральной и Восточной Европы (Люблин, Польша), vasa12006@yandex.ru

«РЕГИОН ULB»: ПОЛИФОНИЯ ПАМЯТИ

После окончания Второй мировой войны в Париже выдающийся польский общественный деятель, мыслитель,

редактор и публицист Ежи Гедройц основал литературный журнал «Культура», который стал одним из главных интеллектуальных центров польской и европейской гуманитарной и общественно-политической мысли второй половины XX в. На страницах журнала Е. Гедройцем и Юлиушем Миросшевским была сформулирована концепция, получившая впоследствии имя основателя «Культуры». Основным вопросом, на который была призвана ответить «концепция Гедройца», был вопрос о характере отношений между новой независимой Польшей и новыми независимыми государствами – ее восточными соседями. Речь шла об Украине, Литве и Беларуси («регион ULB»). Проблема виделась авторам концепции в том, что в среде польских интеллектуалов и в массовом общественном сознании сохранились «фантомные боли» утраты этих земель Ягеллоновской Речи Посполитой. В будущем это могло привести к конфликтам Польши с соседями, вызванным желанием «вернуть исторические территории», поставить страну в невыгодное и небезопасное положение. Поэтому концепция утверждала необходимость предварительной опережающей работы с массовым польским историческим сознанием, формирования уважительного отношения к культуре, языку и государственности Украины, Литвы и Беларуси. Исходя из современной перспективы *memory studies*, эта концепция и ее реализация во внешней политике Польши представляет собой пример работы с исторической памятью, направленной на формирование диалога «культур воспоминания» в пространстве полифоничной памяти региона и выработки этических оснований политики памяти.

ВАСИЛЬЕВА (ЧИСТЯКОВА) Виктория Олеговна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), vchistyakova@hse.ru

ТРУШКИНА Екатерина Юрьевна

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), buzz85@yandex.ru

**«ИНСЦЕНИРОВАННАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ»:
ВИЗУАЛЬНЫЙ КОД САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ**

Процессы глобализации современного мира и феномен мультикультурализма породили сомнения в возможности существования «аутентичных» традиционных культур и традиций. В понимании традиции всё больше подчеркивается момент сознательного и активного выбора сообществом того, что для него является ценным, а значит и «традиционным», «здесь и сейчас». Исследования антропологов демонстрируют, что сознательное и рефлексивное отношение к своему наследию, конструирование традиций отнюдь не является прерогативой исключительно модернизированных обществ, будучи свойством и тех культур, которые принято называть «традиционными» («примитивными»). Активно исследуются феномены «инструментализации» традиции, использования ее как политического или экономического ресурса в современной рыночной системе.

Особое значение в рамках этих исследовательских парадигм приобретает визуальная антропология, так как она позволяет более тонко фиксировать и анализировать эмергентные процессы конструирования и использования традиции в ходе непрерывных социальных интеракций. Участ-

никам секции предлагается посмотреть фрагменты фильмов, которые вносят определенный вклад в изучение традиции в инструменталистской перспективе методами визуальной антропологии. Представленные визуальные материалы позволяют рассмотреть процессы коммерциализации традиции и ее переизобретения для внешнего наблюдателя и потребителя. Все это выводит нас и на более общие проблемы анализа межкультурных коммуникаций и диалога культур.

ГАБДРАХМАНОВА Гульнара Фаатовна

УРАЗМАНОВА Рауфа Каримовна

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань), medi54375@mail.ru

**МУСУЛЬМАНСКИЙ КУЛЬТ СВЯТЫХ У ТАТАР:
ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЕ НАРРАТИВЫ И
СОВРЕМЕННЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

Обсуждение современных проблем межкультурного взаимодействия невозможно вне проблематики памяти и Public History (публичной политики в области интерпретации истории), которая воссоздает различные нарративы с функцией легитимации «новых»/«старых» идентичностей. Особое место в этих процессах в постсоветской России занимает традиционная культура, вокруг которой формируется собственное идейно-символическое пространство, производятся общественные идеи, нарративы и репрезентации, которые формируют память и представления, поддерживают, конструируют и придают забвению культурную традицию, тем самым способствуют или препятствуют подержанию границ этнических групп.

Мусульманский культ святых – один из сформировавшихся и глубоко внедренных элементов традиционного ислама у татар. Традиционалистские нарративы памяти о святых основаны на знаниях о реальных исторических личностях, которые обладают особым статусом, связанным с богоугодными делами и высоконравственным образом жизни. Начиная с конца 1980-х гг., и особенно в первом десятилетии 2000-х гг., у татар начинают запускаться и разворачиваться процессы сохранения и воспроизведения в групповой памяти знаний о святости различных объектов (могил, кладбищ, родников). Возникшая коммеморация отличается большим разнообразием у разных слоев татарского общества, а творцы памяти и их деятельность вызывают разнообразные реакции – от категорического отрицания и осуждения до поддержки на самом высоком политическом уровне. Отсутствие согласия в понимании роли и значения мусульманского культа святых как явления бытовой культуры татар несет деструктивные последствия и усиливает отдаление народа от духовенства.

ГАФУРОВА Зинаида Рузвинновна

Национальный исследовательский технологический университет «Московский институт стали и сплавов» (Москва), gafurova@yandex.ru

**ОБРАЗЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ: УНИВЕРСИТЕТЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

В Российской империи одним из инструментов формирования социальной сплоченности выступали университе-

ты. Вопрос о создании университетов ставился властью, ею же они учреждались и финансировались. Поэтому университеты можно рассматривать в контексте диверсификации государственной идентичности в России: речь идет об имперской, монархической, но не о православной (не было богословского факультета) и никак не о национальной (большую часть преподавателей составляли иностранцы). На начало XX в. в России существовало девять университетов, основанных Романовыми, и два – Хельсинкский и Пермский, к деятельности и открытию которых царская семья имела отношение. В силу своей природы университеты – это места, где наблюдается множество теоретических пересечений и личных контактов. Часто такому множеству не хватает случайности, чтобы состоялось событие, «основывающее» начало культурной памяти. Большинство университетов империи повезло: они возникли «случайно», в результате путешествий Романовых. В силу этого в пространстве университетов накапливается память, складывается традиция и формируется, собственно, поле рефлексии. Университетская деятельность выступает, таким образом, отрефлексированным акторством в аспекте культуры.

ГОЛОВАШИНА Оксана Владимировна

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (Тамбов), oovgolovashina@mail.ru

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВЕТСКОМ НАРРАТИВЕ: ИСТОРИЯ ОБРАЗА И ОБРАЗ ИСТОРИИ

Объектом исследования является официальный исторический нарратив об Октябрьской революции, представленный в советских журналах «Мурзилка» и «Смена» в 1927–1987 годах. Анализ данного контента позволил сделать следующие выводы: (1) Если в историографии понятие исторического факта является определяющим, то в истории образа, как в зеркале, отражаются события современности, а не прошлого. Октябрьская революция, несмотря на то, что явилась началом советской истории (Событием), в популярных журналах предстает как процесс: а) борьбы за объединение всего пролетариата, против буржуазии – в 1920-е годы, б) нескончаемого успешного строительства в 1950–1960-е годы. В конце 1980-х годов потребности перестройки всего предыдущего диктовали обращение к революции как к началу, истокам того правильного, что не смогли реализовать. (2) Ключевое значение для образа Октябрьской революции имела Великая Отечественная война, масштабность и последствия которой отнесли начало советской истории. Освободительная борьба с захватчиками – распространенный нарратив в российской истории – лучше подходила для воспитания патриотизма, чем переворот 1917 г. (3) Память – более продуктивный учитель, чем история. Образ события прошлого значит столько, сколько он может значить для живой памяти и потребностей современности.

ГОЛУБИНОВ Ярослав Анатольевич

Самарский государственный медицинский университет (Самара), i.golubinov@gmail.com

ДРУЗЬЯ ИЛИ ВРАГИ: ИЗМЕНЕНИЕ ПРАКТИК УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ О ЧЕХОСЛОВАЦКОМ КОРПУСЕ В РОССИИ ЗА СТО ЛЕТ

В 1918 г. находившиеся в России военные части, состоявшие из чехов и словаков, подняли мятеж, который,

согласно советской историографии, закончил период «триумфального шествия Советской власти». Однако нас интересует не то, каким образом разворачивались события во время мятежа и последующей вооруженной борьбы, а то, каким образом эти события оказались увековечены в российской «социальной» и «исторической памяти». Особое внимание следует уделить городам, которые стали центрами мятежа, и в частности – Самаре. Можно выделить по крайней мере два периода в становлении мемориальных практик, касающихся Чехословацкого корпуса. Первый (1918–1991 гг.) характеризуется практически полным забвением вклада чехов и словаков в борьбу с противниками России в годы Первой мировой войны, а также крайне негативными оценками, которые были даны корпусу в описаниях событий Гражданской войны. Память о Чехословацком корпусе была в лучшем случае сведена до уровня невнятных городских легенд и иногда семейных историй. Второй (начавшийся в 1991 г.) можно обозначить как время яростных споров о включении Чехословацкого корпуса в официальный мемориальный дискурс. В некоторых городах выявились острейшие противоречия между представителями различных памятей – старой, советской и новой, конструируемой уже после 1991 г. Эта борьба, на наш взгляд, как никакая другая, хорошо показывает, что раскол в российской памяти, обозначившийся в 1991 г., не преодолен до сих пор.

ГРИНЬКО Иван Александрович

Российский научно-исследовательский институт природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева (Москва), wagr-fj@inbox.ru

ШЕВЦОВА Анна Александровна

Московский институт открытого образования (Москва), ash@inbox.ru

ИКОНОГРАФИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В ЖУРНАЛЕ «КРОКОДИЛ» (1930-е – 1980-е годы)

В последнее время тема визуализации этнического становится все более популярной в мировой и российской этнологии. Однако далеко не всегда анализ этнических образов имеет достаточно объемную источниковую базу.

В нашем докладе будет предпринята попытка осветить этнические образы, представленные в ведущем сатирическом издании советской эпохи – журнале «Крокодил» в период с 1950-х по 1980-е годы. Одно из влиятельных и популярных пропагандистских СМИ с тиражом, достигавшим 6,5 млн экземпляров, «Крокодил» во многом способствовал формированию у советских граждан этнических стереотипов, большинство из которых существует до сих пор.

Кроме особенностей визуального воспроизведения этнической темы будут затронуты следующие проблемы: статистика появления различных этнических образов и их связь с политическим контекстом; «белые пятна», то есть этносы, игнорировавшиеся художниками и редакторами; круг разрешенных для отображения этнических тем; базовые стереотипы в отображении различных этносов и регионов; «Крокодиловы братья» – национальные сатирические издания; «визуальный экспорт» – западные карикатуры на этническую тематику, перепечатанные в «Крокодиле».

ГУШАН Лариса Владимировна

Студия художественно-эстетического воспитания (Республика Молдова, Тирасполь), ea.dumbrava@migsu.ru

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И РЕСУРСЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Художественно-эстетическое воспитание является важной частью общего процесса социализации и инкультурации личности, включающего на разных этапах ее становления освоение практик межкультурного взаимодействия. Перед молодым поколением, постигающим разные культуры, открываются страницы истории национальной и локальной культур и новые образцы глобальной культуры. Какое влияние они оказывают на формирование человека? Почему личностные качества одного отличаются от характеристик другого, а «гении и аутсайдеры» (М. Гладуэлл) имеют различные способности к креативному мышлению в условиях социокультурной среды? Помогает ли креативность продуцированию новых практик межкультурных коммуникаций, преодолению стереотипов, закрепляемых, в том числе, и институтом культурной памяти?

На креативность мышления в равной степени оказывает влияние множество факторов: культурная память поколений; освоение художественных практик и эстетика поведенческих моделей; степень погруженности в социальный опыт и др. Совокупность представлений об артефактах глобальной, национальной и локальной культур, об истории их восприятия как неотъемлемой части «своей культуры», составляет ядро культурной памяти, выступающей ресурсом личностного развития.

В докладе раскрываются механизмы «рефрейминга», характеризующие воздействие транснационального пласта культуры, трансформирующего систему ценностей и поведенческие модели; показывается воздействие художественно-эстетических систем на формирование культурной памяти, их способности удерживать целостность личности; анализируется деятельность творческих студий, работающих с культурным наследием; обобщаются практики преодоления в индивидуальной памяти «рассогласованности» этических и эстетических моделей межкультурных коммуникаций и универсальных образцов, распространяемых глобальной культурой.

ДУМБРАВА Елена Алексеевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), ea.dumbrava@migsu.ru

ПРИНЦИПЫ КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Дискурс воспроизводства культурного единства в публичной политике в России представляется значимым в контексте формирующейся Стратегии культурной политики на современном этапе общественного развития.

Неэкономические по своей природе факторы (культурная память, этнокультурная идентичность и др.) вкупе с неразвитостью социальных институтов, в том числе граж-

данского общества, правовой культуры, социокультурной компетентности населения, актуализируют обращение к междисциплинарным стратегиям социо-гуманитарных исследований.

С одной стороны, конструирование национальной идентичности, идущей от официальных «производителей» образов и образцов социальной сплоченности и социального партнерства, распространяется через институты образования. С другой стороны, функционирование множества «институтов памяти» (архивы, музеи и др.) воспроизводит историко-культурные модели деловой культуры, семейных отношений, нравственных оснований взаимодействия. Среди субъектов публичной политики автор выделяет социальную страту предпринимателей и раскрывает возможности и ограничения их влияния на консолидацию общества на конструктивной основе взаимного доверия, выступающего механизмом, обеспечивающим интеграцию и стабильность общества.

ИГНАТЬЕВА Оксана Валерьевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь), ignatieva2007@rambler.ru

РОЛЬ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

О политике памяти на государственном уровне можно вести речь начиная с XIX в., когда запрос на формирование наций начал приводить к возникновению потребностей, во-первых, в появлении исторических нарративов, способных объединить нации, во-вторых, в репрезентации власти, прежде всего, национальной, учитывающей интересы разных этносов и социальных групп.

По мнению М. Хроха, на первой из трех представленных им стадий, через которые проходят все формирующиеся нации, учеными (этнографами, историками, лингвистами, археологами) формируется национальный «культурный пакет». Далее этот «культурный пакет» используется политиками для широкого распространения.

В России с начала XIX в. под влиянием взаимодействия с европейскими странами и благодаря деятельности образованного общества, коллекционеров отечественных древностей начал формироваться запрос на политику памяти, выражающийся в появлении национального музея. Но государство в своем стремлении всеобщего контроля и страха перед общественными инициативами данный запрос не поддержало, реализуя собственный вариант имперской политики памяти. Одной из возможных причин данного отказа было обращение авторов проектов к европейскому дискурсу нации, в то время как нормативная «самоколонизация» на уровне официального языка еще не произошла.

Практики коллекционирования на протяжении XIX – начала XX в. способствовали формированию национального «культурного пакета» и его распространению в рамках просветительского дискурса через соответствующую политику памяти.

ИЛИВИЦКАЯ Лариса Геннадьевна

*Самарский государственный медицинский университет (Самара),
laraili@mail.ru*

БАРАБОШИНА Наталья Владимировна

*Бузулукский гуманитарно-технологический институт, филиал
Оренбургского государственного университета (Бузулук),
baraboshina@mail.ru*

**ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В
ТЕМПОРАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ**

В условиях социокультурных трансформаций эпохи глобализации, сопровождающихся плюрализмом форм репрезентации прошлого, проблемы культурной памяти приобретают особое значение, так как позволяют рассмотреть и проанализировать любое явление как в рамках современного для него социокультурного контекста, так и в проекциях прошлого и будущего. Культурная память, взятая в темпоральном измерении, характеризуется полифоничностью и плюралистичностью. Полифоничность проявляется через факт сосуществования в пространстве настоящего множества смыслов, трансляция которых выходит за пределы простой хронологической последовательности исторического времени. В каждый конкретный период «воскрешаются» те или иные сюжеты, смысл и значение которых воссоздается заново. Предыдущие смыслы продолжают существовать, но в скрытом виде и способны заново оживать спустя определенное время. Плюралистичность отражает синхронистический срез культурной памяти. Социокультурная реальность – это не только универсум, но и плюриверсум, в одном социальном пространстве существуют различные варианты осмысления прошлого, существенно отличающиеся по своему содержанию. Присущие культурной памяти полифоничность и плюралистичность позволяют увидеть в ней определенный аналитический инструмент, способный объяснить сущностный смысл той или иной социокультурной реальности (общества, страны, города и т.д.), а также разработать эффективные технологии преодоления культурного забвения с помощью различных коммеморативных практик, открытия «мест памяти», методик преемственности культурного развития.

КВИЛИНKOVA Елизавета Николаевна

*Институт культурного наследия АН Молдовы (Кишинев,
Республика Молдова), cvilincova@mail.ru*

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ
ГАГАУЗОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ**

Гагаузская национальная символика, с одной стороны, отражает культурную память народа, а с другой, является выражением его политической и гражданской позиции. На протяжении четырех лет (1990–1994) гагаузы вели борьбу за признание Гагаузской Республики. Разворачивавшиеся в этот период в Республике Молдова события поставили на повестку дня вопрос о выборе этнокультурных символов для гагаузского национального флага. Политическая элита исходила не только из того, что эти символы должны отличать гагаузов от других народов Молдовы, демонстрировать их происхождение, самобытность и культурные

особенности, но они должны были выполнять функцию этнического мобилизатора, демонстрировать устремления и решимость гагаузов. Наиболее подходящим для этого образом стал волк – животное, немногочисленные сведения о сакральности которого сохранились в гагаузском народном календаре («Волчьи праздники») и древней легенде о «Хромом волке». Недостающие звенья в мифологии и народных представлениях (отсутствие тотемических легенд и др.) были автоматически инкорпорированы из мифологий других тюркских народов и рассматривались как часть общетюркского наследия. Последующее накопление обстановки со стороны молдавских властей (поход волонтеров на Гагаузию) не оставило сомнений в верности выбранного символа для национальной геральдики, хотя у гагаузов имелись и другие символы – конь и петух, «прописанные» в этнокультурной истории. В тот период гагаузам нужен был символ, призывающий к единству, сплочению и вызывающий уважение. Таковым являлся только образ волка.

КОЗНОВА Ирина Евгеньевна

*Институт философии РАН (Москва),
i.koznova@gmail.com*

**СОВЕТСКАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ КУЛЬТУРА
КАК ДИАЛОГ С ПРОШЛЫМ***

Празднование знаменательных дат, выражая интенции времени и культуры, представляет собой активный коммуникативный процесс, диалог прошлого, настоящего и будущего. В последние годы активно изучается праздничная и церемониальная культура России второй половины XIX – начала XX вв. (Е.Э. Келлер, А.В. Литягина, Р. Уортман), специфика официальной юбилейной культуры (К.Н. Цимбаев), советские массовые праздники (С.Ю. Малышева, М. Рольф), ведущие советские исторические юбилеи – Октябрьской революции и Победы (Г.А. Бордюгов). Однако феномен советской юбилейной культуры в других аспектах практически не изучен и нуждается в осмыслении. Юбилеи значимых событий и исторических личностей позволяют конкретизировать представления о взаимоотношениях власти и общества. Высвечивая актуальное прошлое, расставляя смысловые акценты, предлагая его визуальные образы, юбилей дает возможность понять как конкретное время, так и социокультурную динамику, поскольку чествование исторического события или великого человека может периодически возобновляться на протяжении определенного периода или, напротив, уходить на периферию данной празднично-юбилейной традиции, или игнорироваться вовсе. Неоднократно на протяжении советского периода власть регламентировала проведение юбилейных торжеств специальными постановлениями, появление которых во многом отражало смену политических и культурных циклов в жизни страны. Советская юбилейная культура рассматривается на материалах массового общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонек», позволяя сосредоточить внимание на образно-смысловой актуализации прошлого для нужд того или иного советского настоящего.

* Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 14-03-00192а.

КОЧЕЛЯЕВА Нина Александровна

Новый институт культурологии (Москва),
nina.kochelyaeva@gmail.com

ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ*

Отправным утверждением, на основе которого выстраивается доклад, является тезис о том, что коммеморативные практики и процессы оказывают существенное влияние на выбор и конструирование моделей региональной культурной политики в современной России. Культурная память становится одним из важнейших инструментов конструирования локальных идентичностей, что в свою очередь формирует различные основания и подходы к осуществлению культурной политики в отдельно взятом регионе.

На примере трех различных по своему статусу субъектов РФ – республики, области и края, будут рассмотрены пути и стратегии формирования культурной политики по отношению к прошлому, традициям и наследию, а также их актуализации в настоящем и при создании задела для будущего развития. В основу компаративного анализа будут положены результаты исследований культурной политики, проведенных автором в рамках реализации различных проектов международного, федерального и регионального уровней в Пермском крае, Республике Марий Эл и Ульяновской области. Анализ также предполагает выявление влияния тенденций федерального уровня и их взаимодействие со специфическими региональными особенностями стратегий культурной политики в указанных субъектах РФ.

КУЧКАРОВ Захирджан Анварович

СОКОЛОВ Павел Валерьевич

НП «Центр инноваций» (Москва), Kuchkarov@acconcept.ru

МОДЕЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Для построения целостной государственной культурной политики разработана концептуальная схема социокультурного пространства как объекта культурной политики. Социокультурное пространство определяется связанной совокупностью различных локальных (территориальных), конфессиональных, этнических, поколенческих ценностных социокультурных сред, в которых формируются и воспроизводятся различные культурные сообщества. Интегрированность культурного пространства определяется интегрированностью составляющих его культурных сред, т.е. системой культурных процессов и интегрированностью культурных сообществ (ценностной системой общества и обусловленными этой системой поступками и схемами деятельности). Для определения этих связей в социокультурном сообществе изучаются понятия артефактов культуры, субъектов культуры и культурных процессов. Целью культурной политики при указанном подходе является укрепление единого, открытого для вза-

* Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Моделирование технологий межкультурных коммуникаций» ИГСУ РАНХиГС (рук. О.Н. Астафьева).

имодействия со всеми народами и государствами социокультурного пространства. Также дается определение вызовам и угрозам локализации, деформации и исчезновения культурных сообществ, ответом на которые должна стать культурная политика.

ЛИСТОВ Виктор Семенович

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), vslistov@mail.ru

К АФРИКАНСКОМУ АСПЕКТУ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА

В примечании к главе 1 «Евгения Онегина» А.С. Пушкин приводит автобиографическую подробность: со стороны матери сочинитель «роду африканского». Этот же мотив возникает в стихотворении «Моя родословная», в «Истории Петра», в лирике, в эпистолярном наследии. Еще в раннем московском детстве и позднее в лицее поэт знает: он другой, не такой, как все окружающие. Потом происхождение от эфиопов, от «арапского салтана», станет предметом гордости, прочно войдет в понятие чести рода и личной чести. Сегодня не многие даже среди пушкинистов знают, каким насмешками, ксенофобским издевательствам подвергался поэт в светских кругах обеих столиц. Вместе с тем, он постоянно размышлял над судьбами своих африканских соплеменников, знал, что эфиопское христианство почти на тысячу лет старше русского. Пушкин помнил и о сходстве семьи своего отца с семьей кумира XIX в. Наполеона I. Супруга императора французов и мать русского поэта – обе носили одинаковое прозвище: «прекрасная креолка». Существенную часть содержания доклада мы предполагаем экспонировать на документальном экране – в фильме «Африканский ураган» (сценарий В. Листова и И. Калядина, режиссер И. Калядин) Фильм еще не был в общедоступном прокате.

ЛЫСЕНКО Олег Владиславович

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь), oleg-lysenko@yandex.ru

«ГОРОДСКИЕ ВАРВАРЫ» vs «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»: ВОСПРОИЗВОДСТВО СТИЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УРАЛЬСКОМ ГОРОДЕ

Крупные провинциальные города России (так называемая «Россия-2», по классификации Н. Зубаревич) как самостоятельный социокультурный феномен сформировались относительно недавно, не ранее 50–60-х гг. XX в. При этом городская культура (пост)советских городов обладает спецификой по сравнению с европейскими городами. Если сценарий развития «идеального» города эпохи модернизации предполагал сохранение «коренного» городского сообщества, дававшего культурный образец городского поведения для многочисленных мигрантов из деревни, то в советском городе такого социального слоя не оказалось – катастрофы первой половины XX в. уничтожили носителей урбанистической культуры и их символический статус.

В итоге в современном российском городе мы можем выделить несколько больших стилей поведения, сформированных вокруг определенного комплекса ценностей и элементов культурной и исторической памяти. Наиболее за-

метны два стиля, которые условно могут быть названы «городскими варварами» и «интеллигенцией» (названия не несут оценочных коннотаций). Первый стиль сформировался в рамках заводских поселков и транслировался через такие неформальные институты, как двор, коллектив школьников или студентов ПТУ, сформированный по месту жительства. Второй стиль в качестве образца для подражания выбрал «высокую» культуру дореволюционной интеллигенции, усваиваемую через литературу, кинематограф, школу, вуз.

Противостояние этих двух стилей поведения сохраняется до сих пор, во многом определяя особенности российского города в самых разных аспектах культурной и социальной жизни.

МАЗАЕВА Ольга Геннадьевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), Olga-mazaeva@yandex.ru

Ф.А. СТЕПУН И А. БЕЛЫЙ О СТАТУСЕ И РОЛИ ПАМЯТИ В КУЛЬТУРЕ

Межкультурное взаимодействие разных измерений, включая и личное, существует в диапазоне «память – забвение». Антропологический опыт проживания, переживания и осмысления этого опыта представителями Серебряного века богат и недостаточно освоен. Идеи Платона, В. Соловьёва, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше по-своему питали размышления о культуре и памяти таких русских мыслителей, как Э.К. Метнер, А. Белый, Ф.А. Степун.

Ф.А. Степун считал, что память значима в метафизическом и мистическом смысле. Она – онтологична, по существу, направлена на всеобщее, вечное, духовную глубину всех трёх измерений времени (прошлого, настоящего, будущего). Национальность – «соборная личность», тайна которой в «онтологической нетленности», воспоминания – онтический регион бытия, они – психологичны, это, скорее – «романтика, лирика».

Раскрытие роли памяти в движении к «коллективному бессознательному» представлено А. Белым в литературном творчестве. Построение им «линии жизни», как реализации совмещения филогенеза и онтогенеза памяти, даёт контекст для проявления самоидентификации личности и определения возможностей ее самосовершенствования в пространстве творимой культуры. Опыт осмысления А. Белым роли памяти не теряет своей актуальности. При всей автобиографичности и уникальности «линии жизни» демонстрирует значимость памяти для развития личности в «обстоянии» (по выражению Белого), то есть в процессе межкультурного существования и развития.

МАМАЖОНОВ Дилшод Сабирович

Координационно-методический центр по вопросам новейшей истории Узбекистана при Минвузе РУз (Ташкент, Республика Узбекистан), tamajonov1972@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ УЗБЕКСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Новая культура советского типа формировалась в отрыве от богатейшего национального наследия в результате кар-

динального изменения общественно-политических условий и жесткой политики атеизма. Законы преемственности оказались невостребованными. Ни один другой регион не претерпел столь существенной переориентации, поскольку в Центральной Азии речь шла о коренном изменении «содержания и формы» художественной культуры, вытекавших из изменения ее социальных и эстетических функций. Проблема утверждения национальной самобытности оказалась абсолютно новой для узбекского народа, у которого издавна в культуре существовал сложный симбиоз этнокультурных традиций. Становление новых для художественной культуры Узбекистана видов и жанров искусства – оперы, балета, кинематографа, станковой живописи и др., диктовало необходимость усваивать все это в ускоренных темпах и в короткие сроки. Логика ускоренного художественного развития Узбекистана ставила острые вопросы национального своеобразия культуры, решение которых позволяло перейти на новую европейскую модель, не утрачивая своей самобытности. Несмотря на негативный социально-политический климат, породивший большое количество серых и конъюнктурных произведений, в искусстве Узбекистана были созданы истинные шедевры, которые вошли в золотой фонд национальной культуры. У истоков новых форм художественной культуры стояли российские художники, приехавшие в Туркестан и связавшие свое творчество с этим краем. История узбекской культуры советского периода представляет собой историю поисков синтеза национального, создававшегося веками самобытного искусства с опытом мировой культуры, представленного в первую очередь русской культурой как транслятором опыта европейской культуры.

МАНКЕВИЧ Ирина Анатольевна

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург), iamankevich@yandex.ru

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Для человека, не обремененного меркантильными переживаниями об утрате семейных ценностей в их денежном и/или статусном эквиваленте, история Отечества начинается с карты малой родины, с истории своего рода, сюжеты и образы которой в идеале наследуются, осваиваются, сохраняются, приумножаются каждым последующим поколением семьи. Семейная память в ее овеществленной (письма, воспоминания, документы) и недокументированной (семейные предания, знания о событиях семейной истории) форме – это истинное культурное достояние семьи. Актуализация культурологического потенциала семейного архива дает возможность прочувствовать историю Отечества сквозь призму событий и переживаний человека. Для культуролога сохраненные семейные архивы вообще и архивы своей семьи, в частности, обладают богатейшим источниковедческим потенциалом. Они не только реальное свидетельство связи поколений и символическое выражение движения смыслов во времени, но и способ самопознания.

Сегодня большинство коренных жителей исторического центра белорусского города Светлогорска/на Березине под названием Шацилки (Шатиловичи) – это Манкевичи – потомки одного из древнейших шляхетских родов этой

местности. В послереволюционной России судьба многих потомков этого рода была столь же драматичной, как и судьба Отечества. Кому-то удалось выжить, кого-то унесло в безвестность. Иных прибило к «другим берегам». Многие погибли в годы сталинских репрессий, и лишь спустя 80 лет младшему поколению рода Манкевичей стали доступны некоторые подробности трагической судьбы своих предков.

МАНОЛИС Сергис

*Фраккийский университет им. Демокрита (Комотины, Греция),
m.gergis@gmail.ru*

ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ БОЛГАРСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1944 гг.) ВО ФРИЛОРИО, РОДОПИ

В основу доклада легли полевые материалы, собранные в течение восьми лет в селении Фрилорио (округ Родопи, Фракия, Северная Греция), которое было основано в 1923 г. понтийскими беженцами. Полевой материал представляет собой рассказы жителей (oral history) о болгарской оккупации в период с 1941 по 1944 гг.

Анализ этнографического материала позволил нам выделить десять основных разделов, о которых будет идти речь в нашем исследовании: (1) первый и последний день оккупации; (2) прибытие поселенцев болгар и новая (вторичная) топонимика значимых мест селения и местности; (3) голод; (4) ограничение передвижения для местного населения; (5) частые беспощадные наказания (издевательства, избиения и т.д.), которым подвергалось местное население; (6) принудительные работы; (7) сцены из совместной повседневной жизни с болгарскими-поселенцами; (8) социальные представления о болгарях (болгарин – «чужой»), сатира как антиструктура в раскрытии образа «чужого»; (9) положительные черты завоевателей в представлениях местного населения; (10) воспоминания участников сопротивления против болгарской оккупации.

Основные понятия, которые используются в докладе, – «травма» и «травмированная память», «страх», «голод», «коллективная и индивидуальная память или «собранные воспоминания», «сатира» как антиструктура, «мы/чужие» и т.д. В работе предпринимается попытка теоретически обобщить данные понятия.

НИКИТИНА Елена Сергеевна

Институт языкознания РАН (Москва), m1253076@yandex.ru

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В ПРОЦЕССАХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Технологизация коммуникации породила усложнение текста и межтекстовых отношений. Сегодня вырисовываются три рода социальной коммуникации, различающихся знаковой формой и послуживших основой для формирования особых социальных миров.

(1) Устная коммуникация осуществляется с помощью вербальных и невербальных знаков, образующих устную речь при условии непосредственного контакта между коммуникантами. Социальными мирами, образовавшимися на основе устной коммуникации, являются малые социальные группы. Благодаря устной коммуникации осуществляется

движение смыслов в социальном пространстве, но не во времени.

(2) Документная коммуникация возникла с изобретением письма, явившись важнейшей ступенью в социально-культурном прогрессе человечества. В структуре письменного текста появляются поля (маргиналии). Очень важно, что любые записи на этих полях сосуществуют вместе с самим текстом, вступая с ним в диалог. Возникают новые коммуникативные роли: автора и читателя. Объективация в письменных текстах мира знания позволила расширять горизонты его на временной оси. Благодаря письменности возникли мировые религии, литература как вид искусства, юриспруденция, государственная бюрократия, народное образование, наука, дипломатия и другие социальные институты.

(3) Электронная коммуникация – новейший род социальной коммуникации, включающий широкий круг технологических коммуникационных каналов. В электронных сетях текст расширяется до гипертекстовых границ, втягивая пользователя во фрактальное выстраивание реальности. Массовым явлением становится соавторство.

Культурная память как «изобретение человечества», изменяясь вместе с изменением текстовых воплощений фиксации социального опыта, обнаруживает универсальные характеристики своего развития.

НУРУЛЛА-ХОДЖАЕВА Наргис Талатовна

*Института востоковедения РАН (Москва),
Nargis.nurulla@gmail.com*

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: В ПОИСКАХ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГЛОБАЛЬНОГО И ЛОКАЛЬНОГО

На протяжении последних десятилетий в глобальном мире наблюдаются сложные взаимоотношения между двумя параллельно идущими процессами: это многоактный процесс гомогенизации культурного пространства и усиливающийся кризис идентичности. Такая раскладка связана во многом с тем, что исследователи называют «культурной памятью». Данный терминологический оборот за последнее десятилетие расширился, перейдя от индивидуального к коллективному, память уже в меньшей степени ориентирована на психологию одного человека, речь идет о широкой комбинации смыслов, что в свою очередь связано с различными формами присутствия прошлого народа в его настоящем. Это присутствие выражалось до недавнего времени путем: (1) формирования интерактивного общества, кристаллизующегося на основе определенных норм поведения и опыта; (2) «ежедневной памяти», то, что имел в виду Аристотель: «Повторение одинаковых поступков образует соответствующие нравственные устои...». Такая дихотомия делала культурную память фиксированной (точнее статичной).

Однако постмодернизм проектирует иную картину, и память становится эластичной, она подвергается константному рециклингу. Автор предполагает, что такая антиномия возникает благодаря ICT (информационным и коммуникационным технологиям), их способности минимизировать географию мира и создавать виртуальные идентичности, которые все более влияют на нашу культурную память, меняя представления о локальном и глобальном.

ПЕТРУНИНА Любовь Яковлевна

*Свободный исследователь (Москва),
Liubovgtg@yandex.ru*

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ
МУЗЕИ – КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ
ИНСТИТУТАМИ ПАМЯТИ?**

Приметой последних десятилетий XX и первого десятилетия XXI вв. было необыкновенное увлечение коллекционированием, которое стимулировало появление большого числа государственных и частных музеев – настоящий музейный бум. Их тематическая мозаика безбрежна: появились музеи утюгов и музыкальных инструментов, кукол и хрусталя, оружия и шоколада, водки и игровых автоматов, ретро-автомобилей и света.

Какова роль этих музеев в формировании культурной идентичности социальных групп? Позволяют ли они представителям активных социальных групп, выступающим организаторами музеев, транслировать определенные ценности? Насколько весома их роль в формировании коллективной памяти? Каким образом они позволяют восстановить усеченный советской идеологией образ прошлого? Поддаются ли они управленческому директивизму?

ПЧЕЛЬНИКОВА Дарья Владимировна

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва),
pchelnikovad@mail.ru*

**КРОССКУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРОВ И ИХ
ОТРАЖЕНИЯ В ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ
(на материалах современных мультфильмов)**

На 5-ой Международной исследовательской школе в рамках исследовательского проекта по социальной антропологии в июне 2012 г. было проведено кросскультурное исследование мультфильмов разных народов мира, в основу сюжета которых были положены народные сказки. Целью данного проекта было проанализировать и сравнить данные мультфильмы с целью выявления их сходств и различий.

В основу эксперимента легла теория В.Я. Проппа, который называл ее функциональным анализом, где функция – это любое действие героя, которое является значимым для развития сюжета. Суть его теории состоит в том, что при кажущемся многообразии сюжетов волшебных (народных) сказок, все они имеют структурную идентичность и могут быть сведены к единой линии повествования с определенными вариациями, что, в свою очередь, связано с единством онтогенеза различных народов.

Для анализа были взяты мультфильмы «Иван-царевич и серый волк» (Россия), «Рустам и Эсфандьяр» (Иран) и «Кункглай» (Таиланд); выбор мультфильмов был обусловлен составом участников исследовательской группы из вышеперечисленных стран.

Функциональный анализ показал, что при столь различных географических, исторических и геополитических условиях структурно данные сказки оказались очень похожими, что подтвердило теорию В.Я. Проппа.

РАЗЛОГОВ Кирилл Эмильевич

*Новый институт культурологии, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С.А. Герасимова (Москва),
kirill.razlogov@gmail.com*

**МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ В ПАМЯТИ
ПОЛИТОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Культурология и политология на нашей территории получили широкое распространение как продукты распада марксизма-ленинизма. В целом можно сказать, что политология, отпочковавшись от экономики, в симбиозе политэкономии заняла место диалектического материализма и/или научного коммунизма, а культурология соответственно исторического материализма и истории КПСС. Разумеется, у каждой дисциплины были собственные истоки и основания, не только отечественные, но и зарубежные. Для политологии это была Political Science, многим обязанная марксизму, поэтому ее интеграция в мировой научный контекст прошла практически безболезненно. Иное дело культурология. В момент ее формирования на Западе, в первую очередь в США, столкнулись две школы: с одной стороны, марксистские по методологии Cultural Studies, с другой – Cultural Anthropology как часть наук о человеке. На отечественной территории на культурологию претендовали история культуры и в особенности история искусств. Но в основе культурология связана с этнографией, которая параллельно преобразовывалась в этнологию и претендовала на аннексию антропологии в широком международном понимании.

В области академической науки отечественный аналог института антропологии – «Институт человека» был ликвидирован, и его останки слиты с Институтом философии, а останки Российского института культурологии вошли в Институт наследия. В процессах распада и перестроения научной и образовательной сфер участвуют одни и те же люди, которые являются носителями культурной памяти и традиций марксизма-ленинизма в указанных дисциплинах.

РАКАЧЕВ Вадим Николаевич

*Кубанский государственный университет (Краснодар),
midav.sf@rambler.ru*

**СОВЕТСКАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
1930-х гг. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕССЫ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА
СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ**

Взаимоотношение местного и пришлого населения на Северо-Западном Кавказе в процессе реализации советской миграционной политики 1930-х годов является практически неисследованной темой. Вследствие репрессивных мер и голода 1932–1933 гг. опустели значительные территории Северо-Западного Кавказа, которые в организованном порядке заселялись политически лояльными демобилизованными красноармейцами.

Установлению нормальных отношений между местным населением (казаками) и переселенцами (красноармейцами) в значительной степени мешала идеологическая пропаганда, результатом которой стало формирование в сознании двух взаимодействующих сторон стереотипов, которые определяли и направляли процессы социального взаимодействия. Это осложнялось исторически сложившимся здесь противостоянием: «казаки – иногородние».

Архивные и полевые материалы показывают, что переселенцы воспринимаются местными жителями не только как чужаки, но, прежде всего, как «не казаки», «кацапы», носители иных культурных норм и ценностей. Переселенцы, в свою очередь, оказавшись в напряженной ситуации и встретив неприязнь со стороны местных жителей, так же формируют и воспроизводят негативный образ казака. Местные жители, казаки наделялись такими негативными качествами, как лень, бесхозяйственность, безынициативность. Постепенно внешние проявления неприязни между переселенцами и местными жителями исчезают. Но маркеры «местный» и «пришлый» сохраняются и сегодня, хотя и не имеют яркого негативного контекста. Так, в наших полевых материалах зафиксированы указания на отдельных жителей станиц как «чужих», потомков тех, кто приехал сюда в период административных переселений 1930-х годов.

РВАЧЕВА Ольга Владимировна

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград), olgarvacheva@mail.ru

ОБРАЗЫ ПАМЯТИ В РАЗВИТИИ КАЗАЧЬЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Обращение к прошлому стало важнейшей частью казачьего возрождения, начавшегося в России в XX в. Память современных казаков об утраченном особом казачьем мире породила желание воскресить этот мир в настоящем. Это способствовало актуализации двух исторических тем, из которых затем происходила выборка необходимых сюжетов и образов: первая – репрессии в отношении казаков и формирование образа жертвы; вторая – служение Отечеству и формирование образа патриотов. В резкой фокусировке памяти потомков казаков на причиненных казакам советской властью обидах проявилось то, что называют «раненой памятью» сообщества. Актуализация образа жертвы позволила казакам предъявить власти свои претензии относительно компенсации нанесенного вреда, возрождения утраченной среды обитания. Тема служения Отечеству и формирование мифологических компонентов этого служения (казак рождался воином и слугой Отечества) не только создавали казакам политически привлекательный образ, но и обосновывали восстановление архаичного по сути института казачьей службы. В итоге в основе казачьего возрождения оказалась модель памяти, основанная на оппозиции образов: казаки – жертвы политического режима и казаки – патриоты Отечества. Такое инструменталистское использование памяти позволило казачьему движению занять свою нишу в современном социально-политическом пространстве России.

РЕЙФМАН Борис Викторович

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), brejffman@yandex.ru

В ПОИСКАХ «ВНЕАХОДИМОСТИ»: О НЕКОТОРЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «КОЛЛЕКТИВНОГО ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА» В КИНЕМАТОГРАФЕ

«Одним из проявлений эпохи катастроф считается недостаток слов и нарративов, способных запечатлеть эффект от

травматического опыта, в связи с чем читать или писать о травме проблематично», – эта цитата из статьи Р. Айермана «Социальная теория и травма» является одной из современных констатаций почти превратившейся в трюизм мысли о том, что, как выразился Т. Адорно, «после Освенцима запрещено писать стихи». Однако и стихи, и проза по-прежнему пишутся, претерпев, правда, существенные стилистические трансформации, связанные с поисками авторами средств передачи того «ощущения», которое свойственно какому-то новому, уже не по-бахтински понимаемому, состоянию «внеаходимости». На рубеже 1950-х и 1960-х годов свой путь в этом направлении начал и кинематограф. Многие кинематографические формы новой «внеаходимости» ориентированы на прямое, без посредничества языков культуры, воздействие, и связаны, таким образом, с влиятельными понятиями визуального «поворота», такими как «отсутствие», «пунктум» (Р. Барт), «фотографическое» (Р. Краусс). В современном российском кино «предчувствие» травматического опыта, который, по выражению Ф.Р. Анкерсмита, «затрагивает нашу идентичность таким образом, что заставляет нас смотреть на себя глазами постороннего», выражено, например, в «Окраине» П. Луцика и в фильмах А. Балабанова, не в наивном стремлении преодолеть «культуру», а в избегающем какого-либо «стебательства» сосуществовании разноприродных, но жестко «стоящих на своем», традиционалистского, модернистского и постмодернистского культурных кодов.

САВЕЛЬЕВА Елена Николаевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), limi77@inbox.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАТИВНЫХ И ДЕСТРУКТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Современная политика государства демонстрирует попытки восстановления духовного единства российского общества, актуализирующие поиск его скрепляющих принципов. Ставится задача осмысления базовых составляющих национально-культурной идентичности, реализующейся в коллективном формате. К инструментам, обеспечивающим единство общества через формирование его коллективной идентичности, относят сохранение культурной информации, наделяемой особым ценностно-смысловым содержанием. В ряду таковой – события Великой Отечественной войны, которые, представляя общее историческое прошлое, становятся уникальным компонентом национально-культурной идентичности. На это указывает сформировавшаяся система художественных образов, воплощающих военную тематику в искусстве. Ее смысловая и аксиологическая устойчивость приобретает сегодня конвенциональный характер. Так, важным коммуникативным маркером в межкультурных взаимоотношениях является безальтернативно негативная оценка идеологии нацизма и демонстрации нацистской символики. Но, как показывает практика, выход из единого пространства культурной памяти (через механизм пересмотра культурных смыслов и ценностей) инициирует поиск новой идентичности, что становится причиной деструктивного коммуникативно-

го поведения.. Несмотря на усилия правового характера оградить общество от реставрации нацистской идеологии (ФЗ 1995 г.), существует проблема распространения ее элементов в разнообразных изобразительных формах в пространстве современного искусства и масс-медиа. Выявляются примеры явной и скрытой пропаганды нацизма, провоцирующие этический релятивизм и неоднозначность толкования фактов истории, вердикт которым не подлежит пересмотру и является неотъемлемой составляющей культурной памяти российского общества.

СВАХИНА Ольга Викторовна

Нижегородский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета (Нижний Тагил), svahina-ov@yandex.ru

**БЫТОВАНИЕ И ФУНКЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале повестей И.С. Тургенева)**

Любой художественный текст как феномен культуры представляет собой неповторимое смысловое образование, отражающее культурную память его автора. Культурная память – это матрица художественного мышления, которая сознательно объективизируется и репрезентуется писателем в художественном тексте посредством языка с помощью культурных кодов. Осуществить передачу информации «автор – читатель» в рамках вневременного культурного дискурса позволяют различные виды прямого и скрытого цитирования. И.С. Тургенев – писатель, который имел колоссальный культурный кругозор, обусловивший интертекстуальную насыщенность его произведений. Для повестей 1850-х годов характерно сближение объема и содержания культурной памяти Тургенева и его героев. Ядром культурной памяти являются тексты Гёте и Пушкина, «вечный» образ Гамлета. Цитация прецедентных текстов, их наложение и взаимопроникновение позволили автору сформировать «Я-концепцию» «лишнего человека», а также создать на страницах произведений полемику по проблеме личного счастья и долга. В повестях 1870-х годов культурная память писателя и его героев дифференцирована. Это позволило Тургеневу исследовать своеобразие «вечных» типов, наполнить новым содержанием сложившийся в 1850-х годах концепт «тургеневская девушка». В повестях данного периода ядро культурной памяти составляют тексты Шекспира, Данте, библейские, фольклорные, народно-героические образы.

СМИРНОВА Анастасия Юрьевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), ay.smirnova@yandex.ru

**ИНТЕГРАТИВНАЯ СУЩНОСТЬ
КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ
ЦЕЛЕЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ**

В условиях культурного многообразия, поддержка которого связана с преодолением процессов глобализации, находящихся выражение в появлении гибридных культурных форм и практик, одной из сложных задач становится проблема сохранения культурной памяти, обеспечивающей целостность определенной культуры. В данном кон-

тексте автор предлагает рассматривать культурную память и культурную политику как инструменты социальной сплоченности и культурного единства. При этом ценности и смыслы, продуцируемые через институты публичной власти, отвечают разнообразию как условию существования современного общества в глобализирующемся мире. Особое внимание в докладе уделяется анализу практик взаимодействия органов государственного и муниципального управления с различными субъектами гражданского общества в области становления национально-культурной идентичности.

Проблемы формирования культурной среды связываются автором с задачами соотнесения с социальной жизнью общества, деятельностью социальных институтов, в целом – с модернизацией инструментов публичной политики. По мнению автора, содержание культурной политики не может ограничиваться только жесткими моделями управления, не затрагивая при этом ментально-культурные матрицы, социальные практики, экономические, политические аспекты. В противном случае, эта деятельность приобретет механический смысл, а продвигаемые «псевдо-аксиологические» модели культурной памяти обесценят все усилия общества, направленные на интеграцию – основу взаимодействия различных культур в условиях глобализации.

СОЛДАТОВ Антон Андреевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), sainttechnic@gmail.com

**СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА ЮЖНОЙ
ВЯТКИ КАК «ПОМНЯЩИЕ КУЛЬТУРЫ»**

Общины старообрядцев-беспоповцев представляют собой яркий пример «помнящих культур» (Ф. Йейтс, Я. Асманн), в которых единство группы обеспечивается через приобщение каждого ее члена к общей коллективной памяти. Отсутствие у беспоповцев стабильного легитимного института (клира), ответственного за сохранение и трансляцию символических образцов культурной памяти, порождает постоянную опасность дестабилизации и деформации сообщества. Вместе с тем, сохранение в течение долгого времени локальных беспоповских общин говорит о наличии ресурса устойчивости и механизмов поддержания единства данной группы в условиях трансформации элементов коллективной памяти. Доклад посвящен анализу этих механизмов на примере федосеевских и поморских общин Южной Вятки.

ТРУБИНА Елена Германовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), elena.trubina@gmail.com

**ГОРОДСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРС
ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ**

По мере того как складываются очертания «урбанизма санкций» (этим термином я обозначаю конфигурацию интересов горожан и властей России, складывающуюся с 2014 г.), идет активный поиск ресурсов жизнестойкости сообществами и индивидами. Социальные сети и нарративные интервью дают большой материал размышлений

на тему о том, как сама память становится «активом». Люди уже начали вспоминать, как именно выживали их родители и прародители в условиях нехватки денег и продуктов. Эта память была задвинута на периферию в сытые годы, а теперь перемещается в центр внимания и рефлексии происходящего. Разговоры о выживании и жизнестойкости ведутся на разных шкалах: индивидуальными субъектами и сообществами (к примеру, университетским). Есть ли смысл говорить в этой связи о городской памяти? Какие субъекты и сообщества имеют мало шансов поделить свою память выживания и совладения с трудностями? Если перечисленные вопросы вытекают из анализа пула нарративных интервью, проведенных в Томске, Екатеринбурге и Москве в 2014 г., то поиск концептуальной рамки для их интерпретации приводит к постановке иных вопросов. В частности, вопросов о том, функционирует ли память сегодня скорее как основа социального порядка либо, напротив, как основание его оспаривания и переосмысления?

ЦЕЛИЩЕВА Вероника Геннадьевна

*Санкт-Петербургский государственный технологический университет растительных полимеров (Санкт-Петербург),
nics3@yandex.ru*

**ПАМЯТЬ: АКТУАЛИЗАЦИЯ СТАРОЙ ТЕМЫ
И ДЕЛИМИТАЦИЯ ГРАНИЦ
В НОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

Вопросы социальной памяти, социального прошлого актуализируются под воздействием объективных трансформаций социального мира. Демократизация общества и эмансипация социальных меньшинств приводят к замещению государственной моноидеологии конкурирующими идеями активных групп. Ускорение социального времени, когда быстрые перемены и девальвация идеи прогресса делают будущее непредсказуемым, а прошлое, соответственно, неопределенным и сверхзначимым (поскольку неизвестно, что из него может быть востребовано завтра), затрагивает все сферы нашего существования от лояльности к государству до отношения к собственным детям и т.д. Вышеназванные трансформации, как и многие другие, влияют на весь комплекс гуманитарного знания, приводя к отказу от «метанаратива» в пользу теоретического плюрализма, к переориентации с объективистских на интерпретативные подходы, к поиску новых исследовательских методик и т.д. Переосмысление понятий, характеризующих современность, определяет динамику в представлениях о традиционности, которая уже не рассматривается как нечто принадлежащее исключительно прошлому, а осознается как активный элемент современной жизни.

Анализ трансформаций в конкретных этнокультурных группах коренного населения Дальнего Востока России – у нанайцев, ульчей, удэгейцев – составляет содержательную часть доклада, посвященного пересечению двух границ – границ межэтнических, разделяющих коренное и пришлое население указанного региона, и границ между тремя поколениями внутри изучаемых народов. Основное внимание будет уделено использованию понятий, относящихся к прошлому или будущему для маркирования указанных границ и месту памяти в этой дифференциации.

ШАПИНСКАЯ Екатерина Николаевна

Институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Москва), reenash@mail.ru

**ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРАКТИКАХ ПОСТКУЛЬТУРЫ**

Репрезентация прошлого, его событий и текстов в художественных практиках наших дней обусловлена спецификой современной культуры, сформированной под влиянием идей и практик постмодернизма, в частности, ослаблением чувства истории. Структуры темпоральности становятся предметом самых разных творческих экспериментов, которые в эпоху посткультуры приобретают все более фрагментарный и бессвязный характер, утрачивая какую-либо временную определенность.

Можно выделить основные типы сценического времени, задающие вектор репрезентационных стратегий, которые определяют и те стратегии постановок классики, которые так или иначе воплощают эти темпоральные структуры, зачастую играя различными видами времени и перемещаясь между ними. Основные стратегии по отношению ко времени – модернизация, воссоздание аутентичности, универсализация.

Модернизация является наиболее распространенной практикой наших дней. Перенесение сюжета в современность часто объясняется стремлением привлечь молодежь к классическому наследию, что является весьма спорным. Еще одной стратегией по отношению к репрезентации прошлого стало воссоздание «аутентичности», под которой подразумевается чаще всего репрезентация не столько того или иного исторического контекста, сколько представление о нем зрителя. Это условное историческое прошлое продолжает представлять в экзотическом виде, несмотря на все открытия историков, документальные программы на исторические темы и т.д. Третий подход – универсализация, которая может быть, с одной стороны, трактовкой универсального сюжета, сказочного или мифологического, с другой – интерпретацией «вечного» сюжета или архетипического персонажа.

ЯКИНА Лилия Николаевна

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), Lilia.Yakina@yandex.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСКУССТВА
ART FICTION**

Репрезентация образов культурной памяти в кросскультурном пространстве часто несет в себе трансформации их значений. В круг мегамифологических содержаний попадают образы искусства, интерпретируемые в жанре Art-historical fiction. В коммерциализированной среде эти «международные бестселлеры» продвигаются в межкультурном обмене. Репрезентации искусства в беллетристике изменяют смыслы культурной памяти включением новых семантических или стилистических элементов, средств языка другого искусства. Так, личность и полотно голландского художника XVII в. Я. Вермеера мифологизируются в популярной литературе и кино, где «образ усиливается до текста» (Р. Барт). В статье «Art fiction», перевод которой мы представляем, Н. Perry Chapman рассматривает романы –

Т. Chevalier «Девушка с жемчужной сережкой» (2003 г., фильм «Girl with a Pearl Earring» П. Уэббера) и С. Vreeland «Девушка в нежно-голубом» о несуществующей картине; оба основаны на реальности и вымысле о Вермеере и его живописи. Романы оспаривают тенденции современной истории искусства, показывают, что происходит в массовом сознании, отражают бытование искусства в культуре постмодернизма: «они обращаются к нашим эмоциональным реакциям и стремлению к удовольствию от искусства»

[Chapman Н. Perry, 2010: 130], создавая миф о художнике. Образ-fiction, утративший значения национальной культурной памяти, – это своеобразный «бренд» нидерландской живописи в мультикультурной среде. Деформации базовых составляющих культурной памяти, закрепленные в искусстве, приводят к размыванию национального образа мира. Возникает вопрос о границах и последствиях «обработки образа» в целостном общекультурном смысловом поле миропонимания.

Секция 6
ЭТНИЧЕСКИЕ (НАЦИОНАЛЬНЫЕ), РАСОВЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ МЕНЬШИНСТВА
В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Кабицкий Михаил Евгеньевич – к.и.н., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

Мартынова Марина Юрьевна – д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: kabitski@yahoo.es

ВОЛКОВ Владислав Викторович

Институт философии и социологии Латвийского Университета (Рига, Латвия), vladislavs.volkovs@inbox.lv

ИДЕНТИЧНОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ
КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА
В ЛАТВИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Рассмотрение идентичности этнических меньшинств в парадигме структурного функционализма приводит к ее оценке как субординированной по отношению к идентичности этнонационального большинства. Со второй половины XX века в социологии постепенно ставится под сомнение такое понимание, и складывается представление о равноценности идентичности этнических меньшинств и идентичности этнонационального большинства, если они базируются на общенациональных ценностях. В докладе показывается эволюция взглядов латвийских социологов на проблему идентичности этнических меньшинств от парадигмы структурного функционализма к использованию подходов мультикультурализма, социального конструктивизма и иных идей. Опрос двадцати известных латвийских ученых показывает, что идентичности этнических меньшинств все чаще анализируются как форма социальной самореализации личности в мультикультурном обществе и национальном государстве.

ЕРМОЛИН Денис Сергеевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), denis.ermolin@gmail.com

СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ:
КОСОВСКИЕ СЕРБЫ В ГОРОДЕ НИШ (СЕРБИЯ)

Доклад посвящен описанию современной ситуации, в которой находятся сербы, переселившиеся в Сербию с территории Косово в 1999 г. После вмешательства международных сил в войну в Косово и перехода края под протекторат ООН косовские сербы были вынуждены покинуть места прежнего проживания и переселиться в Сербию. Несколько тысяч косовских сербов в настоящее время проживают в г. Ниш, ближайшем к границе Косово крупном городе Юго-Восточной Сербии. Получив статус переселенцев, косовские сербы, однако, были ограничены в гражданских правах – им, например, не разрешается участвовать в выборах на муниципальном уровне (поскольку официально они до сих пор прописаны по прежнему месту жительства). Отношение со стороны местных сербов также враждебное: беженцев из Косово многие из них до сих

пор называют «шиптари» (уничижительный термин для албанцев в сербском языке). Подобные факты препятствуют полной интеграции беженцев: эти люди с «особым» статусом находятся на периферии социального ландшафта города. В сложившейся ситуации косовские сербы предпочитают оставаться в замкнутом сообществе: поддерживать трудовые и дружеские контакты внутри собственной группы, устраивать вечера памяти и поездки в родные города на храмовые праздники и поминальные дни. Коллективную идентичность косовских сербов, помимо темы войны и ее последствий, также поддерживают устойчивые стереотипы о порядочности, честности и трудолюбии албанцев Косово и, напротив, представления о нежелании выручить в трудную минуту и легкости, с которой идут на обман местные сербы. Статья основана на полевых материалах летнего сезона 2014 г.

ЖЕЛТОВА Екатерина Александровна

Европейский Университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург), kitrini92@gmail.com

«ИСТОРИЧЕСКОЕ ВОООБРАЖЕНИЕ»
И НАРРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В
ГРЕКОГОВОРЯЩИХ СООБЩЕСТВАХ ЮЖНОЙ
АЛБАНИИ (СЕВЕРНОГО ЭПИРА)

Регион Северного Эпира (Южная Албания), в котором проводилось исследование, был предметом напряженных политических конфликтов в период образования национальных государств на Балканах и проведения границ. Греция многократно заявляла свои политические претензии на эту территорию, но они не были удовлетворены. Когда после Второй мировой войны к власти в Албании пришел Энвер Ходжа, и граница была закрыта, по разные ее стороны зачастую оказывались члены одной семьи. Во время существования коммунистического режима в Албании в Греции культивировался дискурс о «порабощенных братьях» в Северном Эпире. После открытия границ в 1990 г. в Грецию хлынули огромные потоки мигрантов из Албании, и среди них, конечно, и «вориозэпириоты». Очень быстро дискурс о «порабощенных братьях» сошел на нет, а самих «братьев» стали воспринимать так же, как и остальных мигрантов. Термин «вориозэпириот» потерял свою положительную окраску [Nitsiakos, 2013].

Томас Эриксен [Eriksen, 2002], вслед за Мэри Дуглас [Mary Douglas, 1966], вводит понятие «аномальных этнических категорий». Меньшинства, о которых мы говорим, как кажется, вполне попадают под это определение.

Таким образом, греческое меньшинство оказывается обществом, погруженным в идеологию, порожденную национальным государством, но при этом лишенным своего «воображаемого сообщества» [Anderson, 1991].

Одной из стратегий разрешения этого дискурсивного конфликта становится формирование в сообществе специфического кода исторической памяти.

ЗЛАТАНОВИЧ Саня

Этнографический институт Сербской академии наук и искусств (Белград, Сербия), Sanja.Zlatanovic@ei.sanu.ac.rs

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ В СВЕТЕ СМЕШАННЫХ БРАКОВ В СЕЛЕ БЕЛО-БЛАТО В БАНАТЕ

(автономный край Воеводина, Республика Сербия)

Работа основывается на полевых исследованиях, проведенных в 2013 и 2014 гг. в селе Бело-Блато, которое находится в области Банат (община Зренянин, автономный край Воеводина, Республика Сербия). В данном селе около полутора тысяч жителей: словаков, венгров и болгар-павликиан, в то время как сербы и представители иных этнических групп составляют меньшинство. Село Бело-Блато занимает специфичное место на символической карте Воеводины. В общественном дискурсе Воеводины Бело-Блато в политических и туристических целях представляется как пример ярко выраженной межкультурности: этнические, религиозные, языковые и другие границы здесь размыты, что проявляется в повседневной и обрядовой практиках.

Проблема границ, которые для группы определяют основу дихотомизации «мы–они», является одним из самых важных вопросов в изучении этничности. В данной работе проблема границ рассматривается на примере смешанных браков. Смешанные браки в селе Бело-Блато начинают появляться в 60-х годах XX в., и в настоящее время представляют собой обычную практику. Как показывают результаты исследования, именно на примере смешанных браков наиболее ярко прослеживаются особенности границ двух или более групп в межэтническом взаимодействии.

ИЗЕРГИНА Елена Николаевна

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь), alena.izergina@gmail.com

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ БЕЛОРУСОВ В ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Этнические белорусские территории после Первой мировой войны были разделены между Польской и Литовской республиками, БССР и РСФСР. Область исследования – территории современной Литвы в межвоенный период. Государственная политика двух держав, которые только стали на путь независимого развития и становления – Польской и Литовской республик – по отношению к национальным меньшинствам различалась, но можно выделить следующие общие этапы:

Либеральный (активизация деятельности белорусской диаспоры: открываются учебные заведения, СМИ, общественные и политические организации) – первая половина 20-х годов XX г.;

Радикальный (сокращение числа белорусских учебных заведений, СМИ; ликвидация общественных и политических объединений) – вторая половина 20-х – 30-е годы XX в.

В межвоенный период Виленщина утратила статус единого центра белорусов Литвы, но являлась одним из ведущих центров развития белорусской культуры. Роль политического (в 1920–1923 гг. там действовала Рада БНР) и культурного центра белорусов закрепляется за Каунасом. К концу 1930-х годов практически все белорусские организации в Литве перестали существовать в связи с организационными и финансовыми проблемами, укреплением идеи сильного национального государства – Польской и Литовской республик, отсутствием поддержки белорусов Литвы извне. В то же время литовские белорусы сохранили свои отличительные признаки как диаспоры: язык, культуру, самосознание (главный фактор существования диаспоры).

КАБИЦКИЙ Михаил Евгеньевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), kabitski@yahoo.es

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ЧУЖОГО»: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ГРУППЫ В ЮЖНОЙ ЕВРОПЕ

В ряде стран Южной Европы присутствуют миноритарные группы, которые определяются как этнические, языковые меньшинства, этнографические, этноконфессиональные, порой даже квази-кастовые группы (вакейро, марагато, монтаньесы, шуэты в Испании, арберешы, вальсеры, окситанцы-вальденсы, румеи в Италии и т.п.). В одних случаях, это носители определенных диалектов и специфического образа жизни, в других случаях имеется представление (нередко надуманное) о приверженности их (или их предков) к особым религиозным деноминациям. Наконец, принадлежность к ним иногда определяется по фамилии (хотя ни для кого не секрет, что носители одной такой фамилии могут иметь совершенно разное происхождение).

В последние десятилетия такие группы часто определяются на официальном уровне как «языковые меньшинства». При этом нельзя не заметить их существенных культурных особенностей (с учетом того, что язык, как и особая конфессиональная принадлежность, может утрачиваться).

Интересным представляется рассмотреть механизмы этой изоляции и – меняющиеся на протяжении веков – критерии, по которым выделяются такие группы, и обосновывается (в официальном, народном и их собственном представлении) их инаковость, а порой – чуждость и враждебность отношений с соседями.

КУКАРЕНКО Наталья Николаевна

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (Архангельск), n.kukarenko@narfu.ru

ЦЕННОСТЬ ЗНАНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИММИГРАНТОВ: НА ПРИМЕРЕ ДЕТЕЙ РУССКИХ ИММИГРАНТОВ В НОРВЕГИИ

В данном исследовании рассматривается проблема неравной ценности языковых компетенций в мультикультурных сообществах. Исследование опирается на результаты

проекта, направленного на изучение процессов интеграции русских детей в норвежское общество. На примере языковой политики представлены политические дилеммы, с которыми сталкивается норвежская политика социального обеспечения, как на уровне теории, так и практики, оказываясь в разрыве между интересами «государства всеобщего благосостояния» и «интересами ребенка» применительно к детям иммигрантов.

Фокус исследования направлен на изучение того, как право на сохранение и поддержание родного языка действует в повседневной практике для детей российских иммигрантов. Параллельно рассматривается, как различные акторы и институты, представляющие интересы детства и государства благосостояния, взаимодействуют применительно к детям российских иммигрантов. Основные результаты исследования позволяют сделать выводы о том, что сохранение языкового многообразия как ценности и основы для мультикультурной демократии в Норвегии по факту распространяется только на языки коренных народов, либо на языки, рассматриваемые в качестве «социально-культурного» капитала на мировом рынке труда.

ЛЕЙДИКЕР Виталий Леонидович

Международный экономико-гуманитарный институт (Москва),
nleidiker@gmail.com

АЛЛЕГОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ РАЗЛИЧНЫХ ИУДЕЙСКИХ ОБЩИН

Стихи еврейских поэтов XI в., живших в мусульманской Испании, проникнуты различными аллегориями и образами, на первый взгляд далекими от конфессиональных параметров иудейской поэтической традиции. Под влиянием арабской культуры – тогда самой развитой и яркой в Европе – в еврейской культуре произошла литературная революция: поэзия приобрела светский характер. До того фактически единственным жанром еврейской поэзии были пниоты; писать на иврите светские стихи – стихи о войне, о любви, о человеческих переживаниях, о политических событиях – считалось неприличным, если не кощунственным; да никто таких стихов и не писал до появления в Кордове первого еврейского светского поэта – Менахема ибн Сарука. За поэмой ибн Сарука в антологии следуют другие еврейские поэты Испании: реформатор поэтической техники Дунаш бен Лабрат, литургический поэт Йосеф бен Авитор, тонкий лирик Ицхак ибн Хальфун и многие другие, из которых, конечно, выделяется «великолепная пятерка»: Шмуэль а-Нагид, Шломо ибн Габириэль, Моше ибн Эзра, Йегуда Галеви и Йегуда Альхаризи.

МОРОЗ Яна Йосифовна

Софийский Университет им. святого Климента Охридского
(София, Болгария), yanamoz@gmail.com

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РАССКАЗАХ ЕВАНГЕЛИСТОВ-ПЯТИДЕСЯТНИКОВ

В докладе рассматриваются в основном рассказы цыган-евангелистов из одной из церквей города Софии, относящейся к пятидесятничеству. Она существует сравнительно недолго, но постепенно сумела охватить большую часть населения одного цыганского квартала. Их рассказы о Боге,

его тринитарной сущности, чудесах и избавлениях, с одной стороны, развиваются по канонам данной церкви. Но с другой стороны, они сходны с фольклором и апокрифами. Эти признаки объясняются спецификой маргинализированного и замкнутого цыганского общества, его социальными проблемами, уровнем жизни и грамотности и особенностями их социальной и личной жизни и быта. В то же время у них наблюдается детская непосредственность, энтузиазм неопита и жажда утверждения себя и своего круга при жизни и после смерти. Все это приводит к известному профанированию догматов, к росту непосредственно личного восприятия новой религии, к своеобразному «детскому», более доверчивому и бесстрашному отношению к Богу, к использованию соответствующего языка, конструкций и фраз, сравнимых с фольклором. Многочисленный материал из России с рассказами евангелистов, особенно в деревнях и среди новокрещенных, демонстрирует сходные характеристики, несмотря на различную этническую принадлежность и отдаленность территории. В докладе исследуются и причины этого типологического сходства.

НОВИК Александр Александрович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), njual@mail.ru

ЧЕРНОГОРЦЫ ПЛЕМЕНИ МРКОВИЧИ: МЕЖДУ ИСЛАМОМ, ЕВРОСОЮЗОМ И ПАМЯТЮ МАРШАЛА ТИТО

В 2012–2014 гг. состоялось четыре экспедиционных выезда на юг Черногории, в места расселения племени мрковичи (мркоевичи), представляющего собой довольно замкнутую локальную этноконфессиональную группу, насчитывающую около 2,5 тысяч человек (статистические данные приводятся местными краеведами).

Конфессиональная принадлежность – ислам – служит важнейшим дифференцирующим маркером данной группы (при этом совсем незначительная часть мрковичей сохранила православие).

В современной Черногории, стремящейся стать членом Европейского Союза, мрковичи стараются занять свою нишу – с одной стороны, с черногорцами (в большинстве своем православными) их роднит язык, с албанцами, проживающими в ближайшем соседстве, их объединяет вера. Требования Евросоюза по признанию прав меньшинств предполагают некоторые шаги со стороны центрального правительства в Подгорице, направленные на развитие самобытности различных групп. В действительности же происходит некоторое искусственное конструирование новой идентичности «черногорцы-мусульмане», от наших информантов приходится слышать такие самоотнесения: я черногорец-мусульманин, т.е. я исповедую ислам, разговариваю на черногорском языке и являюсь гражданином Черногории.

Пожалуй, самыми значимыми символами самоидентификации является участие представителей группы в исторических событиях (в период Османской империи, королевской Югославии и СФРЮ, особая роль в сопротивлении фашистской оккупации, партизанском движении и др.). В зафиксированных исторических нарративах подчеркивается роль мрковичей – деятелей политики, экономики, культуры в стране периода правления Тито. Данная черта – гипертро-

фирующая приобщенность своей группы к истории бывшей Югославии – фиксируется у разных групп населения бывшей СФРЮ.

ПОПОВА Мария Петровна

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва), askorbinka_ia@mail.ru*

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ
МЕНЬШИНСТВА В ИТАЛИИ: ФАКТОРЫ
СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Историческими этноязыковыми меньшинствами («*minoranze linguistiche storiche*») на территории Италии признаются группы, малочисленные по сравнению с остальным населением, поселившиеся на определенной территории ранее XIX в., причем члены этих групп отличаются от остального населения по этническому или лингвистическому признаку. Таким образом, государством охраняются языки и культура албанского, каталонского, немецкого, греческого, словенского и хорватского населения, а также говорящего на французском, франкопровансальском, фриульском, ладинском, окситанском и сардинском языках.

Историческое происхождение, численность, современное положение этих меньшинств сильно различается, но при этом они испытывают схожие проблемы, такие, как развитие и продвижение местного языка в учебных заведениях и средствах массовой информации, поддержание интереса молодежи к традиционной местной культуре и др. Особенно остро стоит здесь вопрос сохранения локальной идентичности в глобализированном европейском государстве.

ПРЕЛИЧ Младена

*Этнографический институт Сербской академии наук и искусств
(Белград, Сербия), Mladena.Preljic@ei.sanu.ac.rs*

**МУЛЬТИЭТНИЧНОСТЬ, МЕЖКУЛЬТУРНОСТЬ И
ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ПРИМЕР СЕЛА БЕЛО-БЛАТО В БАНАТЕ**

Село Бело-Блато в Средне-Банатском округе (Воеводина, Сербия) представляет собой специфическую мультиэтническую среду, где проживают словаки, венгры, болгары-католики, а в последние десятилетия и сербы, для которой характерны мультикультурность, межкультурные контакты и многоязычие.

Что касается многоязычия, одна из наиболее бросающихся в глаза характеристик, на которой основывается позитивная картина данной общности, как изнутри, так и снаружи, – это то, что все местные жители хотя бы в некоторой степени знают все языки, на которых говорят в общности, и общаются друг с другом, безо всяких проблем меняя один языковой код на другой.

Считается, что ранее, до Второй мировой войны, в связи с историческими обстоятельствами такой тип многоязыч-

ности был широко распространен в Банате, а в настоящее время является достаточно редким и исключительным явлением локальной идентичности. Кроме того, Бело-Блато находится в непосредственной близости от охраняемой природной территории и птичьего заповедника, что дает дополнительный импульс развитию специфического облика данного населенного пункта, а также этно- и экотуризма на локальном уровне.

В работе делается попытка ответить на вопросы, каким образом конструируется локальная идентичность села Бело-Блато, кто ее создатели и популяризаторы, и насколько современная картина успешной мультиэтнической, многоязычной, практически бесконфликтной межкультурной общности, создающейся непосредственно в населенном пункте, соответствует ситуации, которую автор застала и зафиксировала в ходе полевого исследования, проводимого с 2013 г., а главное – как эта картина используется в качестве составной части (этно- и эко-) туристического предложения данного села.

РАДОЙЧИЧ Драгана

*Этнографический институт Сербской академии наук и искусств
(Белград, Сербия), dragana.radojicic@ei.sanu.ac.rs*

**РУССКИЕ КЛАДБИЩА В ЧЕРНОГОРИИ И
СЕРБИИ КАК ХРАНИТЕЛИ
ЭТНИЧНОСТИ И РЕЛИГИОЗНОСТИ***

В докладе с исторической дистанции на основе собственных полевых материалов, архивных данных, публикаций в СМИ и литературе рассматривается русская эмиграция в Черногории и Сербии с 20-х годов XX в. до сегодняшнего дня. Волею судеб эмигрировавшие после Октябрьской революции русские навсегда остались в мультиконфессиональной и мультиэтнической среде Боки Которской (Черногория) и Белой Церкви (Сербия). Это была элита царской России, в большинстве своем офицеры высшего ранга, а также профессоры, врачи, деятели искусства и их семьи. Духовность они находили в сербских православных храмах, куда ходили на богослужение, где венчались, крестили детей, отпевали умерших.

В XXI в. началась новая волна миграций русских в Черногорию, где многие россияне обзавелись вторым или основным домом. Духовная общность местного населения и русских рассматривается автором через один сегмент – восстановление Русского кладбища в г. Херцег-Нови, а также строительство и духовную деятельность возведенной там церкви Св. Феодора Ушакова, первой русской церкви в Черногории. Она стала активным местом проявления духовного единства русских и жителей Боки Которской. Ситуация в Черногории сравнивается с другими аналогичными примерами этно-религиозных связей двух народов, преимущественно касающимися обновления и функционирования Русского кладбища в г. Белая Церковь (Сербия).

* Перевод М.Ю. Мартыновой.

Секция 7
**КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РУССКИХ И ОБРАЗ «ДРУГОГО»
В НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ**

Фурсова Елена Федоровна – д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

E-mail: Mf11@mail.ru

Буганов Александр Викторович – д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: buganov@rambler.ru

АЙНИЧЕВА Анна Юрьевна

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
annmaini@gmail.com

**«ДРУГОЙ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ
СТАРОЖИЛОВ ПРИАНГАРЬЯ***

Группы русских Приангарья до сих пор включают в себя подразделения старожильческого населения, обладающего как общими, так и различающимися культурными чертами. Для локальных групп русских характерна разноуровневая самоидентификация, сопряженная с обособлением от представителей прочих групп русских и других народов. Так, выделяют себя группы кежмарей, кержаков, чалдонов, которые имеют эндо- и экзотонимы. Различная степень осознания консолидированности группы отражается в представлениях о других группах русских, выражающаяся, прежде всего, в их наименованиях, отличных от самоназвания. Устойчиво сохраняются представления о народах, ранее проживавших по соседству с русским населением. В рассказах об образовании поселений имеются сведения о прежних жителях занятых русскими мест – тунгусах. Часть русских, населяющая Нижнее Приангарье, сообщает о родстве своих предков с тунгусами (эвенками) – «мы – тунгусова родова», а название одного из значительных населенных пунктов – с. Кежда, выводят из эвенкийского языка. По мнению русских старожил, представителям кочевых народов было присуще множество положительных черт и достоинств, включая и магические свойства. В Среднем Приангарье в образах бурят, откочевывавших на другие места, просматриваются черты колдунов – «сильных шаманов», благодаря которым были даны названия населенным пунктам и горам – Шаманово, Калтук, Большая Када. Историческая память русских утверждает, что новопоселенцы не конфликтовали с тунгусами и бурятами, но, тем не менее, прежние жители покидали выбранные пришельцами места.

БЕРЕЗОВИЧ Елена Львовна

КРИВОЩАПОВА Юлия Александровна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), berezovich@yandex.ru, insekt@yandex.ru

**ОБРАЗ «МОСКВИЧА»
В НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ
(на материале русского и иностранного языков)**

Доклад основан на лексике, образованной от наименований жителя Москвы, и фразеологии с участием таких наи-

* Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (рук. А.П. Деревянко).

менований. Анализируются факты русского языка и его диалектов, а также иностранных языков и диалектов – славянских, романо-германских, в единичных случаях, финно-угорских и тюркских. При анализе фактов иностранных языков учитывается, что наименования москвича могут иметь значение ‘русский вообще’. Таким образом, «внутренний» образ москвича, имеющийся в сознании жителей России, сопоставляется с «внешним» образом москвича = русского, который укоренился в сознании географических соседей. Внешний образ сконцентрирован главным образом вокруг обозначения *москаль* (*moskal*). Лексические единицы, «транслирующие» этот образ, как правило, обладают негативной коннотацией. «Москаль» обладает солдатскими замашками (укр. *намоскалитися* ‘приобрести солдатские привычки’); жесток (польск. *dać komu pożałowanie moskiewskie* [‘выразить московское сожаление’] ‘сурово наказать’); склочен, придирчив, драчлив (словац. *moskál* ‘драчун, буян, безобразник’, при этом простоват (польск. *moskiewska odpowiedź* ‘наивный ответ’). Он медлителен (укр. *московський підожди* ‘об очень длительном промежутке времени’), небрежен в работе (укр. *москальське капарство* [‘московская халтура’]), ведет себя как мошенник (укр. *москалить* ‘мошенничать, обманывать в торговле’). Внутренний образ рисует москвича разговорчивым и красноречивым (перм. морд. *москва* ‘о разговорчивом человеке’), обладающим «внешней» культурой (арх. *московка* ‘культурная, хорошо говорящая, красиво одетая женщина’), не умеющим по-настоящему работать (арх. *москвичка* ‘неженка, любительница «чистой» работы’), заносчивым и склонным к снобизму (костр. *москвич* ‘тот, кто ведет себя заносчиво’).

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ Лариса Дмитриевна

Сибирский центр колокольного искусства Новосибирской митрополии (Новосибирск), zvonarcenter@yandex.ru

«СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» НА КОЛОКОЛЬНЕ

Нехватка колоколов в России компенсировалась приобретением их на Западе и, для районов Сибири, на буддистском Востоке. Оппозиция «свой–чужой» преодолевалась именованьем колоколов, после чего они десятилетиями осознавались как «свои». Таким же образом обходились с колоколами, литыми из отбитых у врага пушек. На территории Сибири совместно звучали русские, западноевропейские и восточные колокола. Голландские и немецкие объединялись с пришедшими буддистскими. Ассимиляция в подборе колоколов обуславливалась эстетикой звучания звона, где, в противоположность запретам классической музыки, допускались любые звучания. Уменьшительно-ла-

скательные именованья колоколов придавали ощущениям оттенок родственности, «своего». «Свой» здесь приобрело значение «русский». При работе с колоколами допускалось участие «чужих» (отливка иностранным мастером, иноконфессиональные помощники при подъеме на колокольню). Кроме того, разрешалось посещение колокольни иностранцами, например, в – Пасху, когда на протяжении Светлой седмицы разрешалось подниматься на колокольню всем желающим. Таким образом, «чужой» в пространстве колокольни мыслился не как «чуждый», а как «иной», «не такой». Однако, в технике звона и музыкальном стиле оппозиция «свой–чужой» строго выдерживалась.

В дореволюционном прошлом пока не выявлено фактов использования ворованных колоколов, но надписи на них свидетельствуют о случаях их передачи, продажи, залога. При острой нехватке колоколов использовались ранее и используются теперь их заменители: двутавры, баллоны, якорь, пила и другие. Это «временный свой», который в случае ненадобности, выбрасывается.

БУГАНОВ Александр Викторович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), buganov@rambler.ru

ОБРАЗ ВРАГА В РУССКОМ СОЗНАНИИ

Создание и продуцирование образа врага вполне можно рассматривать как почти неперенный атрибут функционирования национальной идентичности. Заложенная в ее природе антиномия *мы – они* проступает в данном случае наиболее отчетливо.

В ходе отечественной истории в национальное сознание русских входили представления о других народах, с которыми им приходилось воевать. В фольклоре и исторических воспоминаниях широко бытовал этноним *татары*, ставший недифференцированным обозначением внешних врагов. Со временем его восприятие менялось и имело локальную специфику. Довольно условными, без четкой этнической основы, были термины *чудь*, *литва*, *паны*. В разные годы врагами русских были шведы, французы, турки, немцы и др. С древности враги Русского государства, безотносительно к их конфессиональной принадлежности, воспринимались в народе как *нехристи*, *басурмане*. Басурманином был тот, кто шел войной на православную Россию.

Репрезентация врага происходит не только при внешних контактах, но и во внутренней жизни той или иной общности. Так, традиционно существовавшие некоторые взаимные обвинения между русскими и украинцами особенно актуализировались в связи с последними событиями на юго-востоке Украины. В результате, на вакантное место врага вместо устаревшего антисемитизма, претендуют не только лица «кавказской национальности», но и «вредящие хохлы», «укры».

В XX столетии репрезентация образа врага стала ярко проявляться в спортивных противостояниях, особенно во время «холодной войны», в связи с политизацией и профессиолизацией спорта. Спорт стал легальной формой войны со своими набором врагов и актуализацией агрессивно-наступательной лексики. Спортивный национализм, как и любой другой, культивирует традиционных врагов, старые обиды и унижения, которые надо компенсировать, пусть даже символически.

ВЕРНЯЕВ Игорь Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), vigoriv@mail.ru

КЛАСТЕРЫ ПРОИЗВОДЯЩИХ ПРОМЫСЛОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ КАК ЛОКАЛЬНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ГРУППЫ

С XVII в. в России складывались устойчивые ареалы мелкой («кустарной») промышленности. В рамках этих ареалов в массовых масштабах производились товары широкого, в основном простонародного спроса, для регионального, национального и международного рынка. Как правило, каждый такой ареал, охватывавший от нескольких до нескольких десятков соседних поселений, специализировался на выпуске определенной группы товаров. Постепенно такого рода промысловые кластеры превращались в полноценные локальные социокультурные группы, «стержнем» каждой из которых было то или иное промысловое мастерство. Для такого рода групп характерна относительно компактная территория, плотные внутренние хозяйственные, коммуникационные, обменные, брачные связи. В рамках промыслового кластера формировались также и субкультурные особенности, более или менее ярко выраженная идентичность и нередко – самоназвание. В докладе анализируется общая модель такого рода локальных групп, сформировавшихся на базе промысловых кластеров, выясняются ключевые факторы, определившие их складывание, осуществляется сравнение с подобного рода группами в других странах, подробно анализируются несколько выборочных промысловых ареалов в Центральной России. Ряд такого рода локальных групп в том или ином виде сохраняются и в настоящее время. Сейчас промысловая субкультура нередко рассматривается местным населением как важнейшая часть локального историко-культурного наследия и актуализируется как ресурс для символического брендинга территории.

ГОЛУБКОВА Ольга Владимировна

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), Olga-11100@yandex.ru

ОБРАЗЫ «ЧУЖИХ ДУХОВ» В НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Кульτ предков являлся одним из наиболее значимых в системе традиционных верований русского народа. Считалось, что умершие предки (в образе *чура*, *домового*) могут помогать своим потомкам и защищать их от негативного воздействия со стороны *чужих* духов, в том числе, *колдунов* и *покойников*. Для русских в Западной Сибири наиболее опасными и страшными считались святилища и кладбища народов, которые поселились на этой территории прежде них (ханты, манси, татары, аборигенные народы). Особенно «опасными» были заброшенные могилы «инородцев» и «иноверцев». Считалось, что *иные* способы погребения и ритуальной обрядности других народов не гарантируют безопасности живым, особенно «чужакам», поселившимся на новой территории. Кроме этого, другим народам приписывалось обладание

* Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (рук. А.П. Деревянко).

особыми тайными знаниями и магическими способностями. Чтобы обеспечить защиту от враждебных духов и колдунов, помимо христианских оберегов, русские стремились получить мистическое покровительство своих предков (это было особенно актуально в отрыве от своих корней, от родной земли). Согласно полевым материалам автора, в традиционной культуре русских Западной Сибири отражены эмоциональные истории о привидениях и враждебных духах, связанных с прежде жившим, дорусским, населением.

ДЕНИСОВА Галина Сергеевна

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону),
denigs@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА СОВРЕМЕННОГО КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ КАК ОСНОВАНИЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОСОБОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Мониторинг межэтнических отношений на Юге России, который проводился в рамках Распределенного научного центра в 2013–2014 гг., позволил обнаружить распространение практик институционализации служебной функции казачества, инициированных администрацией Краснодарского края во всех регионах ЮФО. В Законе «О государственной службе российского казачества» (2005) были определены основные направления государственной службы казачества при условии их регистрации. В Администрации Краснодарского края с 2012 г. реализуется программа стимулирования привлечения казаков к несению государственной службы, создано государственное учреждение «Казаки Кубани», а само казачество активно позиционируется как силовая структура. Катализатором распространения этого опыта на все регионы Юга России стал политический кризис в Украине, который вызвал военные действия на ее юго-восточных территориях и потоки беженцев в регионы Юга России. Население этих регионов России и Украины связано не только родственными узами, но и сохранившимися связями казачьих общин: казачество территорий Донбасса входит в состав Всевеликого Войска Донского (ВВД). Поэтому с начала военных действий на юго-востоке Украины добровольцы из ВВД и Кубанского казачьего войска (ККВ) стали участниками этих событий, воспроизводя и отстаивая свою служебную функцию – защитника православного населения и российской государственности. Институционализация служебной функции казачества, наряду с расширением института казачьего образования и укреплением взаимодействия с Русской православной церковью, выступают основанием представления об особой идентичности казаков как «других русских».

ДЕРЕНДЯЕВА Анна Дмитриевна

КАЗАНЦЕВ Дмитрий Анатольевич

Алтайский государственный университет (Барнаул)
a.derenadyaeva@yandex.ru, Dimkazanchev@mail.ru

ОБРАЗ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БАРНАУЛА

В современном мире, отличающемся неуклонным ростом разнообразных связей, форм взаимодействия между

отдельными индивидами, этносами и культурами, актуализируется проблема их бесконфликтного сосуществования. Ежегодные всероссийские опросы аналитических центров демонстрируют низкий уровень толерантности среди наших граждан. Каждый десятый респондент из российских городов считает мигрантов источником угрозы правам человека и целостности России (ВЦИОМ, 2003 г., 2006 г.). В этой связи нам представляется важным изучение уровня этнической толерантности студенчества (понятие «этнический» употребляется нами в смысле принадлежности к какому-либо народу, его культурным, историческим особенностям, то есть как синоним термина «национальный»). В рамках исследования проводился выборочный опрос студентов первого, четвертого и пятого курсов естественных и гуманитарных факультетов АлтГУ. Проведенное исследование нацеливает на дальнейшее изучение уровня толерантности среди студентов за пределами академической среды (например, в условиях общежития), проблемы адаптации студентов разных национальностей в университете и проведение сравнительного анализа уровня толерантности среди студентов разных ВУЗов г. Барнаула.

ДЕРИГА Елена Сергеевна

СКАЛАБАН Ирина Анатольевна

Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск), deriga_sw@ngs.ru, skalaban@ngs.ru

ДРУГИЕ: ТРЕВОГИ И СТРАХИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОЖАНИНА

Тревоги и страхи «другого» являются источником и показателем адаптированности населения к современным процессам социальных, культурных и экономических изменений. Массовый характер они приобретают в городах, где присутствие «другого» носит наиболее выраженный и разнообразный характер. Источником тревог и страхов часто становится нарастающее присутствие в городской среде относительно «новых» этнических групп. Их восприятие, стереотипизация образов в обыденном сознании, тревоги и страхи, транслируемые горожанами, изучались в контексте прогнозирования межэтнических напряжений и конфликтов в Новосибирске осенью 2014 г. методом группового интервьюирования.

Исследование показало, что массовые социальные страхи в отношении «других» вызваны нарушениями стабильности жизни, отсутствием информации о ситуации, неуверенностью в будущем. Образ «другого» для сообщества является постоянным. Его качественное наполнение изменяется в зависимости от степени привыкания к приезжим и их адаптации, изменяясь пространственно и темпорально. Страхи зависят от пространственного распределения этнических групп, их плотности (но не напрямую). Можно выделить два источника формирования страхов. Первый связан с наличием в «своем» пространстве «другого» (дискурс безопасности: «Мы их не знаем!»). Второй связан с борьбой за ресурсы (дискурс справедливости: «Они приехали и сразу получают!»). Тревоги и страхи усиливаются в тех городских пространствах, куда «другие» пришли недавно, а также там, где существует высокая демографическая нагрузка на слабую социальную инфраструктуру.

ДРАННИКОВА Наталья Васильевна

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова (Архангельск), nayad@atkn.ru

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ЗИМНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ В ФОЛЬКЛОРНО-РЕЧЕВЫХ МАТЕРИАЛАХ

В докладе ставится проблема фольклорно-речевой гомогенности локальных групп (на примере нескольких сел Зимнего берега Белого моря). Прежде всего, рассматриваются особенности функционирования присловий и локально-групповых прозвищ, которые могут выступать в роли эндонимов-самоназваний и свидетельствуют о развитии локального самосознания группы. Особое внимание уделяется особенностям фольклорно-речевой практики группы, которая выступает маркером межгрупповых отношений.

ДУБАШИНСКИЙ Роман Юрьевич

Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (Минск, Республика Беларусь), romance@tut.by

СВОЕ И ЧУЖОЕ ПРОСТРАНСТВО В ФОЛЬКЛОРНОЙ ПАМЯТИ И ПРИТЧЕ О БЛУДНОМ СЫНЕ

Свое и чужое пространство в фольклорных текстах и притчах имеет свой механизм реализации. В волшебных сказках тема *своего* и *чужого* пространства чаще презентуется через мотив путешествия. Здесь свое пространство обозначается формулой «тридевятое царство, тридесятое государство», что в тексте подразумевается как «своя земля», «свой дом». Путешествуя, герой преодолевает несколько чужих пространств, проходя через череду испытаний. В каждом новом чужом пространстве ему предстоят все новые и новые препятствия. Достигнув цели путешествия, он возвращается в свое пространство. В народных песнях чужое пространство локализуется как далекое место с конкретным названием. Свое же пространство показывается через психоэмоциональные состояния и переживания. Иная панорама разворачивается в евангельской притче о блудном сыне. Здесь свое пространство вмещает реальный дом, хозяйство, конкретную деятельность и семью. Чужое же пространство – это пространство соблазнов, веселья, расточительства, конечных падений. Призрачное «свое» видится блудному сыну в чужом пространстве. Он оставляет родной дом, вплотную соприкасается с чужим, проходит через ряд испытаний и падений, и только тогда ему открывается, где же на самом деле находится истинное «свое» и истинное «чужое». В итоге он возвращается в *настоящее* свое пространство, отчетливо понимая, что оно *таким* и является. Таким образом, в притче, как и в фольклорной традиции, «свое» и «чужое» на концептуальном уровне пространства получили диалектическое воплощение.

КАМКИН Александр Васильевич

Вологодский государственный университет (Вологда),
alkamkin@yandex.ru

ВОСПИТАНИЕ ЭТНОСОЗНАНИЯ РУССКИХ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ (программа «Истоки»)

Цель программы «Истоки» – приобщить детей к русской культуре, к ее фундаментальным основам. Но новым

поколениям далеко не все понятно и не все принимается из наследия своего народа. Каким образом представить фундаментальные ценности нашей культуры, веры, образа жизни в таком важнейшем институте социализации детей и молодежи как школа? Как сделать это доступно и увлекательно? Могут ли традиционные ценности стать жизненным ориентиром для современного подростка?

Ради решения указанной задачи двадцать лет тому назад начала разрабатываться образовательная программа «Истоки», которая ныне развивается в российском образовании. Она направлена на то, чтобы школьник попытался осознать себя деятельным субъектом сохранения и приумножения духовного, нравственного и социокультурного опыта Отечества.

Сердцевину предмета составили универсалии культуры, передаваемые из поколения в поколение. Именно они обеспечивают устойчивость цивилизации и преемственность культуры. Все категории культуры мы условно объединили в несколько групп: универсалии духовного мира, универсалии нравственности и красоты, универсалии деятельности, универсалии социума, универсалии природно-культурного пространства.

Важно показать, что эти ценности не исчезли, они среди нас и в нас. Дети начинают осознавать, что мир этих ценностей будет с нами и дальше, с новыми поколениями. И носителями, и продолжателями их будут они сами.

Мы меняемся: мы не такие, как наши предки, а наши внуки будут не такие, как мы, но вечные ценности – это то, что нас объединяет, скрепляет. Этому и посвящено содержание учебного курса.

КАСПЕРОВИЧ Галина Ивановна

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
НАН Беларуси, (Минск, Республика Беларусь),
kasperovolga@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В докладе освещаются актуальные аспекты культурного взаимодействия русских в Беларуси, что определяется комплексом важных факторов – демографических, социально-экономических, исторических, этнических и культурных. Русские в Беларуси – вторая по численности этническая общность (в 2009 г. – 785 тыс. человек, 8,3% от всего населения). Диспропорции в половой структуре русских (преобладание женщин), миграции преимущественно молодых мужчин, а также благожелательное отношение к межнациональному общению способствуют росту межэтнической брачности, в особенности русско-белорусской, в рамках которой осуществляется культурное взаимодействие и идут интенсивные процессы аккультурации и интеграции. Если ранее, в советский период, русские отдавали приоритет русской идентичности, то в современный период, о чем свидетельствуют анкетные опросы, интервью, преобладает амбивалентная идентичность, характеризующаяся идентификацией с двумя этническими общностями: «своей» и доминантной – «белорусской». В развитии сотрудничества важное место принадлежит собственно культурным факторам: близородственность русских и белорусов, длительное

проживание в едином государстве, что четко проявляется в самосознании («Для меня это все наши»). Важным фактором развития этнокультурного взаимодействия является усиление значимости религии в общественной жизни (храмовое строительство, углубление духовного образования и воспитания белорусского и русского народов, паломничества, православные ярмарки). Актуальными задачами в деле культурного сотрудничества являются сохранение и популяризация народного творчества русских и белорусов, укрепление этнической идентичности, сохранение и развитие национальных языков, популяризация исторических, этнологических знаний.

КИРИЧЕНКО Олег Викторович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), kirichenko.oleg.1961@mail.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ
НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ**

На нынешний день мы не можем говорить о полноценном развитии народной культуры у русских по нескольким причинам. В научном дискурсе и практике государственной и общественной поддержки народной культуры само это понятие выведено из области этнического бытия народа, его этнической жизнедеятельности и введено в сферу народно-профессионального художественного творчества. Сегодня – это или народно-промысловая деятельность, или фольклорно-художественная (певческая, танцевальная и т.д.), но профессиональная и социально узколокальная. Зауженное понимание народной культуры, сложившееся в советский период, вследствие идеологического подхода, сегодня мешает как полноценному восстановлению, так и ее дальнейшему развитию. В докладе рассматриваются вопросы позитивного разрешения этой проблемы и благоприятные перспективы развития народной культуры.

КРАЮШКИНА Татьяна Владимировна

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток), kvitbp@yandex.ru

**ОБРАЗ ИНОРОДЦЕВ В ПОСЛОВИЦАХ И
ПОВОРОКАХ РУССКОГО НАРОДА**

Устное народное творчество – своеобразная энциклопедия этноса, содержащая комплекс представлений об окружающем мире. Пословицы и поговорки русского народа содержат стереотипное знание о других этносах, которое опирается как на традиционное мировосприятие, так и на опыт, полученный в личных контактах. В русских пословицах и поговорках говорится о жидях, цыганах, татарях, калмыках, мордвинах, чувашах, зырянах, чуди, французах, немцах, англичанах, поляках, шведах, турках, греках и пр. Жиды изображены в паремиях жадными, лживыми, боящимися правды, злыми, стремящимися отобрать последнее у русского мужика. Народная мудрость советует не вступать с ними в контакт, не работать на них, не надеяться на их защиту. Несколько иначе обозначены цыгане: им, подобно жидам, присуща способность воровать и лгать, но воровство и ложь как черта характера цыган одобряется, причем цыгану приписывается наличие души и принадлежность «нашим». Татары и калмыки чаще рисуются в резко негативном

ключе, но могут изображаться и прямо противоположно. Высмеивается их внешность, система питания. Мордвины и чуваша, согласно пословицам и поговоркам, не имеют права носить русских имен, они болтливы и их традиционное поведение не всегда понятно русскому менталитету. Шведы и французы описаны побежденными (русским памятны военные победы над ними), а французы еще и голодными. В пословицах одобряется немецкая ученость и изобретательность, но осуждаются черты характера (педантичность) и внешний вид (излишняя худосочность).

КУПРИЯНОВ Павел Сергеевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), kuprianov-ps@yandex.ru

**ОБРАЗЫ ДРУГИХ НА ВЫСТАВКЕ
«МОЯ ИСТОРИЯ. РЮРИКОВИЧИ»:
СОДЕРЖАНИЕ, ФУНКЦИИ И МЕХАНИЗМЫ
КОНСТРУИРОВАНИЯ**

Историческая выставка «Моя история. Рюриковичи», работавшая в московском Манеже с 5 по 23 ноября 2014 г., пользовалась большой популярностью: по официальным данным за этот небольшой период ее посетило более 250 тысяч человек. Столь высокая посещаемость (беспрецедентная для исторических экспозиций) позволяет рассматривать выставку как заметное культурное событие, а главное – как значимый фактор, не только отражающий, но и формирующий исторические представления современных россиян. Это обстоятельство обуславливает важность разностороннего анализа выставки: ее концепции, композиционных принципов, образного ряда, риторических и репрезентационных стратегий и механизмов.

Выставка построена в соответствии с определенной идеологической концепцией: Россия Рюриковичей (с древнейших времен до конца XVI в.) представлена здесь как некое пространственно-временное образование, единство и идентичность которого детерминирована религиозными, географическими, политическими, культурными факторами. В конструировании такого цивилизационного единства большое значение имеет образ Других, закономерно занимающий на выставке весьма заметное место. Образ внешнего мира выполняет роль «фона» и одновременно – оппозиционного объекта, которому в концептуальном пространстве экспозиции противостоит образ России. Анализ экспозиции и текста экскурсий позволяет эксплицировать интерпретацию авторами отношений России с окружающим миром, охарактеризовать содержание и функции образа Других, проследить стратегию и приемы его конструирования.

КЫЗЛАСОВА Ирина Семеновна

Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая (Москва), I_Kyzlasova@mail.ru

**НАПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ В КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ
И МЕХАНИЗМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ РУССКИХ**

В данном докладе мы остановимся на анализе некоторых факторов, определяющих многообразие русской народной культуры, и сосредоточимся на двух основных механиз-

мах, которые обуславливают существование ее региональных и локальных вариантов. С одной стороны, выделение локальной общности из ряда соседних нередко основывается на противопоставлении себя «другому», причем «другое» может проявляться по-разному. Например, в качестве «социального другого» выступают представители разных социальных прослоек, «культурного другого» – различные культурно-языковые группы, «этнического другого» – иные этносы. С другой стороны, культурное многообразие может быть основано на отождествлении себя с престижными культурными формами.

Культурный тип, сформировавшийся на основе механизма дифференциации, старается сохранить свои культурные формы, отторгая чужие воздействия, что и приводит к его определенной изоляции и формированию локальных форм культуры. Даже оказавшись в едином пространстве, они продолжают целенаправленно культивировать свои различия.

Культурный тип, базирующийся на интегративных механизмах проявления специфичности, основан на активном усвоении различных социокультурных влияний. Например, интеграция казачества и крестьянства в некоторых селах Шацкого района Рязанской области привела к появлению особой локальной общности, отличающейся от окружающих ее поселений с преобладанием крестьянства по многим чертам культуры.

Таким образом, культурное многообразие русских может быть основано не только на процессах дифференциации, но и на интеграции. Данные положения будут проанализированы на полевых материалах докладчика, собранных в различных ареалах этнотерритории русских.

ЛИСТОВА Татьяна Александровна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), listova.ta@mail.ru

РУССКИЕ ХОХЛЫ. САМОСОЗНАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ

Согласно показаниям включенной в переписи с 1926 г. графы «национальность» русские были и остаются самым многочисленным народом страны. Однако более детальное рассмотрение самоидентификации жителей некоторых регионов, показавших себя русскими, делают очевидным неоднозначность стоящего за данным этнонимом содержания. К общностям, самоидентификация которых требует уточнения, относятся жители юго-восточных районов Воронежской области. В течение XVII–XVIII вв. эта приграничная территория была заселена выходцами с Украины, которые в течение длительного времени сохраняли свою этнокультурную специфику и осознание принадлежности к украинскому народу, чему способствовали их многочисленность, компактность проживания и ограниченность контактов с этническими соседями – русскими (*москалями*). Перед распадом СССР по переписям украинцы составляли более половины сельского населения региона, в некоторых районах 80–90%. По переписи 2010 г. их численность уменьшилась в четыре раза с соответствующим увеличением числа русских, что произошло за счет трансформации самосознания потомков украинцев. Полевые исследования в регионе позволили сделать следующие выводы: основным импульсом к ускорению происходившей в течение длитель-

ного времени постепенной перемены самоидентификации стало государственное разделение России и Украины. Для самосознания местных жителей характерны совмещение и нераздельность понятий *русский* как гражданской и как этнической категории при явном преобладании значимости государственной принадлежности. В самоидентификацию населения входит и основанное на специфике языка и культуры самоопределение *хохол* с сохранением чувства дистанцированности от соседних русских – москалей. Явной мобилизации русской-российской идентичности в настоящее время сопутствует признание местными жителями своей гомогенности с жителями сопредельных районов Украины.

ПЕЧНЯК Вячеслав Александрович

Центр традиционной народной культуры Среднего Урала (Екатеринбург), swarogwinter@mail.ru

«СОЙДУТСЯ – ТАК РАЗДЕРУТСЯ...». СОСТЯЗАТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ: ТРАДИЦИИ КУЛАЧНЫХ БОЕВ

В понятие *состязательности* входят и различные формы физических состязаний спортивного характера: кулачные бои, борьба и ее разновидности, скачки, палочные бои, взятие снежного городка, драки, игры в чижа, чику, бабки и т.д. Они становились неотъемлемой частью русской традиционной культуры. Состязательность пронизывает все сферы жизни и содержит не просто природное влечение, но активную борьбу за жизненное пространство. Особый интерес в рамках данной темы представляет собой казачество. В среде казачества как военизированного сообщества, где состязательность является еще и полноценной составляющей для воспитания дееспособного члена, она проявлялась наиболее ярко. Казачество имеет внутри себя два основных вида направления состязательности, которые можно обозначить как «воинские», «привнесенные сверху» (воинские упражнения, система подготовки молодежи, занятия на сборах, спецкурсы по обучению и проч.) и «этнические» – стихийно возникавшие, не регламентируемые сверху виды состязаний, существовавшие в коллективном бессознательном. Тогда как для русских крестьян был характерен только «этнический» элемент, казаки могли сочетать в себе оба этих пласта. В данной работе на основе полевых материалов Южного отряда этноэкспедиции 2013 и 2014 гг., собранных в Нагайбакском и Брединском районах Челябинской области, будет рассмотрен «этнический» пласт состязательной культуры среде потомков оренбургских казаков.

ПОПЫТАЕВ Дмитрий Святославович

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск), popytayev@mail.ru

ДИСКУРСЫ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

В докладе рассматривается тема этничности в националистических дискурсах, бытующих в общественно-политическом пространстве г. Омска. Автор анализирует способы осмысления и политизации этничности националистически ориентированными политиками и активистами русского националистического движения, действующими на терри-

тории города. Также автор обращает внимание на то, как общероссийские националистические дискурсы преломляются и трансформируются под влиянием регионального политического контекста. В заключение доклада делаются некоторые выводы о динамике националистических дискурсов и высказываются предположения относительно перспектив инструментализации этничности в омском общественно-политическом пространстве.

РЯГУЗОВА Елена Владимировна

Саратовский государственный университет

им. Н.Г. Чернышевского (Саратов), rjaguzova@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ДРУГОГО

Согласно разработанной авторской концепции утверждается, что личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой» являются социально-психологическими образованиями, которые представляют собой совокупность вербальных и образных значений, сформированных в ходе реальных или символических интеракций личности с Другими. Они выступают в виде предикторов социального развития личности, влияют на формирование ее установок по отношению к Другому, определяют стратегии взаимодействий с ним, особенности коммуникации и характер интерперсональных отношений. Выделяется пространство многоликих Других, основными из которых являются: реальный Другой – Другой в социуме, включенный в интруппу или аутгруппу; символический Другой – Другой в культуре, позволяющий личности в процессе инкультурации овладеть системой значений, императивов и социокультурных кодов конкретной культуры; персонализированный Другой – Другой как часть Я, представляющий собой нравственный и этический стандарт, присвоенный личностью в процессе социализации и составляющий ядро ее ценностно-смысловой сферы.

Разработан диагностический комплекс, основанный на качественной и количественной методологии научного исследования, ориентированный на анализ вербальных и графических репрезентаций взаимодействий Я – Другой, реконструкцию социокультурных смыслов, необходимых для понимания и оценивания разнообразных Других. Диагностическая процедура состоит из методики рефлексивного самоотчета Я – Другой, контент-анализа незаконченных предложений и ассоциативных рядов, контекст-анализа и интен-анализа пословиц, фиксирующих особенности национального самосознания и менталитета; психосемантического анализа высказываний и интерпретационного анализа графических образов.

Эмпирически изучены личностные репрезентации друга, врага, чужака, гостя и доказана их культурно-обусловленная специфичность.

СЕРГИЕНКО Татьяна Юрьевна

Краеведческий музей Туруханского района (с. Туруханск,

Красноярский край), turuhansk-museum@bk.ru

СТАРООБРЯДЦЫ В ТУРУХАНСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ: СВОИ И ЧУЖИЕ

Переселение в XX в. на территорию Туруханского района Красноярского края старообрядческих семей и

носителей старой веры – скитников и уставщиков, их расселение и контакты со старожильческим населением, как русским, так и кетским, будет рассмотрено на примере историй старообрядческих семей. В староверческих поселениях до сих пор живут по своему укладу, исполняя староверческие обряды (поют молитвы и стихи), помнят истории переселения из России, относящиеся к XVII–XVIII вв. Не изгладилась из памяти старообрядцев и драматические события 1950-х годов, когда в туруханской тайге сжигались тайные монастыри и скиты, был нанесен урон культуре старообрядцев. Дальнейшие события российской истории, конечно, также влияют на жизнь старообрядческих поселений.

Выявленные автором материалы о старообрядцах представлены в краеведческом музее Туруханского района на выставке предметов старообрядческой культуры. В докладе будет показан взгляд специалиста, жителя района на ту грань, где преломляется отношение от «свое и не очень», «а это, как у нас», «нет, такого у нас быть не может, потому что», до «а вот это чуждо» и «это чужое, чужие».

СПАСЕНКОВА Ирина Валентиновна

Вологодский государственный университет (Вологда),

irinaspas@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА (на материалах Европейского Севера России 1930–1940-х годов)

Сакральный компонент городов Русского Севера к началу XX в. представлял собой систему разнообразных элементов. Предметно он выражался в многообразии иерархизированных объектов, православная топография обеспечивалась названиями улиц и площадей, православный социум был разноликим, но устойчивым.

К концу 1930-х годов сакральный компонент был насильственно трансформирован и представлен тремя уровнями функционирования, отражающими новое соотношение «своего» и «чужого» в сознании различных поколений.

Мемориальный уровень включал в себя разрушенные, но продолжавшие жить в памяти горожан сакралии (монастыри, храмы, часовни, иконы, мощи и др.). Однако исчезнувшее не исчезало, оно продолжало жить в сфере коллективных воспоминаний.

Трансформированный уровень включал православные объекты, которым были насильственно присвоены новые функции (мастерские, общежития, клубы, столовые, магазины, фабрики, архивы и т.п.). Преобразованные храмы стали символическими носителями новых смыслов и ценностей. Возникал раскол обыденного сознания горожан разных поколений. Старшие воспринимали город как оскверненное старое, а молодежь – как созидание нового на обломках «старого мира».

Традиционный уровень включал православные объекты, продолжавшие функционировать. Это, как правило, единичные окраинные кладбищенские храмы. Православное сообщество стало представлять собой своего рода «духовное гетто».

Для сбережения православной традиции наиболее продуктивными оказались первый и третий уровни. Продолжая жить в памяти, уничтоженные святыни духовно восполняли сложившуюся бедность и ограниченность церковной повседневности. Что же касается второго уровня, то очевидно, что он стал ресурсом для восстановления православного пространства в конце XX – начале XXI века.

ТРУХАН Наталья Владимировна

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток), truhan77nv@gmail.ru

ФОЛЬКЛОРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЭТНОСОВ И ОБРАЗ «ДРУГОГО» В ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Образ «другого» в фольклорных произведениях прозаического жанра имеет важное значение для раскрытия специфики, формирующей культуру и самосознание восточнославянских этносов. Правда и вымысел – эти два противоположных начала – соединяются в восточнославянских сказках в одно художественное целое. Из сказки узнаем, как те или иные герои встречаются с «другим» миром, наполненным сказочными персонажами, которые отличаются от них внешностью, запахом, сверхъестественными свойствами. Это могли быть представители животного мира (конь, козел, медведь, журавль, лисица и др.), «нечистые силы» (черти, лешие, кикиморы, Баба-Яга, Кощей Бессмертный и др.), представители иных социальных, этнических групп (барин, солдат, цыган, турок и др.). Их взаимодействия с героями сказок выстраивались по классификации – это вредители (отрицательный персонаж) или помощники (положительный персонаж). Сказка не отражает чужой язык, она дает понимание о признаках «других» и их моделях поведения. Это позволяет видеть в каждой сказке обобщенную мысль народа, применить ее ко многим жизненным ситуациям. Уже давно исследователи обратили внимание на большое сходство сказок разных народов и, как следствие, похожее взаимодействие героев сказок с «миром других». Одинаковое отношение к «другим» можно объяснить только единством самой человеческой природы и закономерностями общественного развития.

ТХАМОКОВА Ирина Хасановна

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований РАН (Нальчик), otarakana@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ САМОСОЗНАНИЯ ГРЕБЕНСКИХ КАЗАКОВ В XIX в.

Гребенские казаки – самая старая группа терского казачества. Их предки в XVI–XVII вв. переселились на Кавказ. Они жили в пяти терских станицах – Старогладковской, Новогладковской, Кордюковской, Шадринской и Червленной. История всех остальных терских казаков началась значительно позже – в XVIII–XIX вв.

Как и все казаки, гребенцы гордились своим происхождением, подвигами своих предков и своей собственной военной службой. Они ощущали и защищали свое превосходство не только над крестьянами, но и над другими казаками. Считали, что казаком нужно родиться, что вчерашние

крестьяне или солдаты, которых в годы Кавказской войны тысячами зачисляли в состав терского казачества, не могут стать настоящими казаками.

В тех случаях, когда новоиспеченные казаки отличались от других еще и своим языком и культурой, социальная дистанция увеличивалась. Это проявлялось в снисходительно-пренебрежительном отношении гребенцов к казакам-грузинам станицы Шелкозаводской и в их открытой неприязни к казакам украинского происхождения, составлявшим значительную часть населения гребенских станиц.

Еще одну социальную границу создавали религиозные различия: гребенские казаки были старообрядцами, что отличало их от большинства терских казаков. Гребенцы смотрели на них как на людей малодушных, отказавшихся от веры и обычаев своих предков. Это усугубляло обособленность гребенского казачества, благодаря чему оно сохранило многие элементы старинной материальной и духовной культуры, забытые в других станицах.

ФУРСОВА Елена Федоровна

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), mfl1@mail.ru

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РУССКИХ СИБИРЯКОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП: МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ*

В основе общности этнографической группы, как и, в целом, этноса, лежат комплексные представления о «своих» и «чужих», которые включают общность происхождения и судеб, культурно-бытовых особенностей, вероисповедания. Не поставленной и, естественно, не решенной на сегодня проблемой является выявление критерия, согласно которому каждая этнографическая группа идентифицирует и сохраняет себя, а также обозначает символические «границы» разделения. До настоящего времени четко не выяснены и не идентифицированы степени этничности, тезаурус целого ряда микроэтнических общностей, не выяснены вопросы сходства и различия таксономически разных этнографических групп. Можно также констатировать, что пока не нашли должного освещения вопросы о механизмах эволюции и трансформации культур групп-мигрантов по отношению к исходной модели (первичной). Решение многих из указанных выше проблем автор пытается получить на основе сравнительно-исторического анализа особенностей культуры различных этнографических подразделений русских сибиряков. Своеобразные экзо- и эндоэтнонимы этих групп, как правило, связаны с их происхождением, исторической родиной или отражают исторические события в прошлом. Как показали полевые исследования, абсолютное большинство этнографических (локальных, конфессиональных, территориальных) групп сибирского региона в большей или меньшей степени обладают элементами самосознания.

* Работа выполнена по гранту РНФ, проект № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (рук. А.П. Деревянко).

ХАРАЦИДИС Элефтериос

Фракийский университет им. Демокрита (Комотины, Греция),
romangr2008@mail.ru

ЕСАКОВА Мария Николаевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва), maria_esakova@mail.ru

**ОБРАЗ ГРЕКА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И В
РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

В культуре каждого народа помимо представлений о мире важное место занимают представления о своем и о других народах – так называемые этнические стереотипы. В нашем докладе рассматриваются стереотипные представления русского народа о греках, отраженные в русском фольклоре и русской художественной литературе первой четверти XX века. Цель исследования – выделить наиболее устоявшиеся в русском фольклоре и в русской литературе характеристики этнотипа грека и определить художественные способы создания его образа, как образа «чужого». В качестве материала для нашего исследования были использованы как произведения русского народного творчества (поговорки, фразеологизмы, афоризмы и т.д.), в которых можно увидеть вполне конкретный образ грека, так и произведения А.И. Куприна, И. Бабеля, В. Инбер и др. Сравнительный анализ указанных источников дает возможность сделать вывод о том, что фольклор и литература рисуют схожие черты этнотипа грека. Если в устном народном творчестве образ грека упрощен, статичен, обычно характеризует одну какую-то грань его этнического характера, то в художественных произведениях этностереотипы, характеризующие грека, получают наиболее адекватное воплощение, он более индивидуализирован, многогранен и динамичен.

ЧЕРНИЦЫН Сергей Вячеславович

Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону),
svchernitsin@rambler.ru

**СОСЛОВНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЭТНОГЕНЕЗЕ
ДОНСКИХ КАЗАКОВ**

Предлагаемая тема может характеризоваться как часть более обширной проблемы соотношения социальной (сословной) и этнической составляющих в формировании этнических общностей. В научной литературе донские казаки рассматриваются как пример субэтнической группы, основным признаком которой, наряду с культурно-бытовыми и диалектными особенностями, является четко выраженное групповое самосознание. Применительно к казакам субэтническое самосознание уже в XIX в. нередко противопоставляется общезнающему, что отражается в пренебрежительных характеристиках ими *неказаков* – русских и украинцев.

В докладе подчеркивается важная системообразующая роль сословной принадлежности в формировании субэтнических признаков донских казаков.

Сложившиеся ко второй четверти XIX века сословные границы не дали казачьему населению раствориться в среде родственного, русского и украинского населения, способствуя, тем самым, его сохранению. Сословность, отделяя казаков от неказаков, вела к укреплению связей внутри во-

йского сообщества, формируя культурную специфику казачества. Сословная принадлежность оказала также влияние на самосознание донских казаков, в котором четко прослеживаются военно-служилые, сословные мотивы. На уровне самосознания уже с XIX в. складывается противопоставление казаков «иногородним», «хохлам» – представителям этнически родственных, но менее статусных групп, что, безусловно, является главным признаком субэтнической группы.

ШИТОВ Александр Викторович

ШИТОВА Наталья Ивановна

Горно-алтайский государственный университет (Горно-Алтайск),
sav103@yandex.ru

**НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО КУЛЬТУРЕ
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГОРНОЙ
ЗОНЫ ГОРНОГО АЛТАЯ***

В связи с общей унификацией культуры и уходом из жизни носителей традиций все большее значение приобретает обнаружение новых письменных источников по народной культуре, авторами которых являются ее носители. В докладе представлены результаты полевых исследований 2014 г. в селах Черга, Ильинка, Барагаш Шебалинского района Республики Алтай. Авторами зафиксирован ряд источников, которые представляют интерес как для изучения этнографии региона, так и русского этноса в целом. Среди них – записи З.И. Колпаковой, посвященные народной медицине, общим объемом 90 листов; две тетради с собранными житейницей с. Черга С.Д. Дементьевой частушками, бытовавшими в районе исследования, общим объемом 75 листов. Записи З.И. Колпаковой являются ценным источником, созданным носителем традиционной культуры; в них зафиксирован основной набор бытовавших в народе заговоров; помимо текста заговора часто приводится также описание действий целительницы, что позволяет рассмотреть это явление как сочетающее в себе ритуал и слово. В источнике отчетливо прослеживается сочетание применения слова (заговора) и всевозможных лекарственных народных средств. Ценность собрания частушек заключается в том, что оно дает представление о местном, локальном репертуаре, бытовавшем в Горном Алтае, в частности, в его среднегорной зоне.

ШКЕРИН Владимир Анатольевич

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург),
shkerin_uir@mail.ru

**КРЕСТЬЯНЕ И ГОРНОЗАВОДСКИЕ
РАБОЧИЕ УРАЛА
(первая половина XIX века)****

По мнению ряда исследователей (Р.Г. Кузеев и др.), за период с начала XVIII до середины XIX века горнозавод-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-11-04001 «Русские среднегорной зоны Горного Алтая: этнокультурная специфика».

** Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-11-66002 а(р) «Историко-символическое пространство горнозаводского Урала в формировании геокультурного образа края (XVIII – середина XIX вв.)».

ское население Урала сложилось в особую этнографическую группу. Уральский рабочий не был похож на марксова пролетария, который «ничего не имеет». Это, скорее, «рабочий с наделом», который, согласно местной поговорке, «и с заводами дружит, и от хлеба не бежит». Мастеровые жили в собственных домах, держали скот и возделывали огороды, рабочие вспомогательных производств занимались хлебопашеством. Но генетическая близость к крестьянству и элементы аграрного быта уже воспринимались рабочими в негативном ключе: указание, что они «не мужики», выступало распространенным аргументом в рассуждениях, вспомогательные рабочие просили о замене пашенных наделов денежными выплатами и выдачей провианта. Рабочие отчетливо сознавали свою принадлежность к горнозаводскому миру, противопоставляя его миру крестьянскому, деревенскому, аграрному. Переход предков рабочих из одного мира в другой трактовался как несправедливый и даже случайный («помещик в карты проиграл» или «сослали»). Однако такая несправедливость, как и тяготы заводских работ, более не влекли за собой требования возврата в крестьянство. Напротив, они вызывали чувство гордости и превосходства над земледельцами за счет приобретенного в лишениях социального опыта: «Мужики вы, мужики, Одним словом – дураки! Вы во шахтах не бывали, Нужды с горем не видали». Новая идентичность рабочих рождалась через противопоставление крестьянскому образу жизни.

ШЛЯХТИНА Наталья Валерьевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), schljachtina@mail.ru*

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ СЕМЬЯ И ТРАДИЦИЯ: ОПЫТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Насколько реально сегодня возвращение в семью некоторых элементов традиционного опыта, существовавшего в русских семьях в дореволюционной России? В поисках такого опыта пришлось обратиться к русским православным семьям, которые видят перспективы своего воцерковления не только в узко церковной жизни (посещении храма), но и в расширении знаний в области «национально-церковной», т.е. русско-церковной. Беседы с такими людьми показывают, что традицию они рассматривают не просто широко, а отчасти как миф, где реальность переплетается с домыслами, но за всем этим стоит здоровое чувство – докопаться до истины: узнать и понять, как жили наши предки сто лет назад. Оценивая эту тягу к прошлому, можно констатировать, что она очень конкретна. Так, взятый автором за основу трудовой опыт рассматривается нашими респондентами как необходимый материал для жизни их семьи. В какой-то степени это хаотичный процесс, поскольку он напрямую не связан с книжными знаниями, а больше – с поиском «общей картины», информацией, получаемой или от конкретных людей, или из книг, кинофильмов и т.д.

Симпозиум 2 Этноперекрестки и трансграничье

Секция 8 РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПОПУЛЯЦИОННЫХ КОНТАКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРАЗИИ

Багашев Анатолий Николаевич – д.и.н., Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень)

E-mail: bagashov@ipdn.ru

Васильев Сергей Владимирович – д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: vasbor1@yandex.ru

Хартанович Валерий Иванович – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

E-mail: vkhartan@mail.ru

АКСЯНОВА Галина Андреевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), gaksyanova@gmail.com*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ НАРОДОВ УРАЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

Популяции народов уральской языковой семьи в расовом отношении неоднородны. Они формируют европеоидно-монголоидный градиент изменчивости «запад – восток»: североευропеоидные типы (балтийские финны), своеобразный лапоноидный тип (саамы), восточноевропейские варианты европеоидов с уральским расовым компонентом (поволжско-приуральские финны), карпатский вариант средне-европейского типа (дунайские угры), переходные расовые типы (обские угры и самодийцы Западной Сибири), монголоидный тип (самодийцы Таймыра).

Угорская общность – одна из максимально дифференцированных совокупностей в рамках уральской семьи. Обские угры последних столетий статистически ясно различимы и одновременно близки со всеми уралоязычными народами. Выявляется их преимущественное генетическое родство с поволжско-приуральскими финнами и южными самодийцами. Современные манси и ханты образуют естественное переходное звено между характеристиками приуральских финнов и своих соседей – самодийцев. Самодийская общность объединяет народы, у которых преобладает азиатский монголоидный компонент; концентрация его увеличивается с юга на север в таежно-тундровой полосе Западной Сибири (от южных к северным самодийцам) и с запада на восток – в Заполярье (от ненцев к энцам и нганасанам).

Территория Обь-Иртышского бассейна в течение последнего тысячелетия была зоной интенсивного межэтнического контакта угорских, тюркских, самодийских популяций, преимущественно соседних; здесь отчетливо проявляются южные расогенетические связи автохтонного населения. При межэтническом сравнении антропологических особенностей угров и самодийцев устойчиво выделяются наиболее близкие общности: манси – ханты, ханты восточ-

ные – селькупы южные, ненцы – селькупы северные и энцы, нганасаны – энцы; венгры очень далеки от всех этих народов.

БАГАШЕВ Анатолий Николаевич

СЛЕПЧЕНКО Сергей Михайлович

*Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень),
bagashev@mail.ru, s_slepchenko@list.ru*

ПОПУЛЯЦИОННАЯ СТРУКТУРА И ТАКСОНОМИЯ СЕВЕРНЫХ САМОДИЙЦЕВ*

Впервые в Тазовской тундре собрана серия черепов из небольших ненецких могильников в бассейне реки Вэсако-яхи и озера Нямбой-то. Характер межгрупповой изменчивости совокупности всех известных на сегодняшний день угорских и самодийских популяций Северо-Западной Сибири (по результатам канонического анализа) показал, что основная закономерность определяется изменчивостью ширины черепа и высоты лица в сочетании со степенью выступающего носовых костей. По данным особенностям анализируемая совокупность выборок дифференцируется в соответствии с их этнолингвистической принадлежностью. В итоге наибольшая брахикrania и высоколицесть с относительно сильнее выступающим носом являются специфическими морфологическими особенностями северных самодийцев, а максимальная долихокрания с низким лицевым скелетом и слабо выступающим носом – особенностями обских угров. В совокупности северосамодийских групп наиболее типичной выступает сборная ненецкая серия, а в совокупности обско-угорских серий – хантыйская группа из Обдорска. Следует отметить, что между этими совокупностями практически отсутствует трансгрессия, а близость некоторых выборок объясняется особенностями их генетического формирования. Например, в составе хантыйской выборки из могильника на острове Халас-Погор заметную долю составляет ненецкая примесь. В целом по особенно-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и РГНФ, проекты № 13-06-00158 и № 13-02-00097.

стям краниологической структуры черепа тазовских ненцев вписываются в пределы изменчивости, свойственной северным самодийцам, морфологически сближаясь с антропологическим типом кетов. При систематике расовых типов Северо-Западной Сибири, следовательно, нет оснований рассматривать обских угров и северных самодийцев в едином таксономическом пространстве. Первая группа популяций должна быть отнесена к собственно уральскому антропологическому типу западносибирской формации, а вторая, наряду с кетами, к енисейскому антропологическому типу североазиатской расы.

БАЛИНОВА Наталья Валерьевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), balinovs@mail.ru

ХОМЯКОВА Ирина Анатольевна

Научно-исследовательский институт и Музей антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва), khomyakova@antropos.msu.ru

АНТРОПОЛОГИЯ САРТ-КАЛМАКОВ КИРГИЗИИ

По антропометрической программе изучены 84 женщины, 119 мужчин. Антропометрическое исследование осуществлялось по стандартной методике [Бунак, 1941]. Средние значения большинства антропометрических признаков в исследуемых группах не имеют значимых различий, что, вероятно, может объясняться двумя причинами – недостаточным количеством обследованных и/или реальным отсутствием существенных различий между сарт-калмаками, киргизами и метисами по основным соматическим характеристикам и размерам головы и лица. При этом можно отметить некоторые особенности. Мужчины сарт-калмаки самые высокорослые, а киргизы отличаются несколько большим весом и ИМТ. В женских выборках самыми высокими оказались женщины смешанного происхождения, у них также меньше вес и ИМТ. У мужчин киргизов больше развито подкожное жиротложение, а для женщин киргизок это нехарактерно. Головной указатель у мужчин и женщин сарт-калмаков свидетельствует о большей брахикефальности. У мужчин сарт-калмаков и метисов больше скуловой диаметр и более высокие лица, чем у киргизов; у женщин подобные тенденции не отмечаются. Достоверные различия обнаружены только по высоте верхней губы и толщине губ мужчин сарт-калмаков и по ширине носа у женщин калмычек. В дальнейшем, на основании материалов антропологического обследования субэтнических групп калмыков Калмыкии, полученных в 2014 г., будет проведен сравнительный анализ антропометрических показателей данных выборок и сарт-калмаков Иссык-Куля.

БОРУЦКАЯ Светлана Борисовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), vasbor1@yandex.ru

ОСТЕОЛОГИЯ И ПАЛЕОПАТОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА*

В общей сложности нами были исследованы скелетные останки восьми индивидов из местонахождений в Читин-

ской области из Красночикойского района: Жиндо, Падь Токуй и Усть-Менза-2, на пяти скелетах мы смогли провести те или иные измерения. У трех скелетов обследованы черепа. Несмотря на малочисленность серии, все полученные сведения являются ценными и уникальными, учитывая древность и редкость подобных палеоантропологических находок.

Прижизненный рост изученных останков индивидов оказался немного ниже среднего. По интермембральному, плече-бедренному и луче-берцовому индексам мужчины из двух могильников немного отличались. Для мужчины из Падь-Токуй были характерны немного укороченные руки, в то время как для мужчины из Жиндо все показатели соотношения длин конечностей имеют среднее значение для человека современного типа. По соотношению сегментов руки также выявлены большие отличия. Так, у мужчины из могильника Падь Токуй можно отметить несколько удлиненное предплечье, согласно вариациям значений луче-плечевого (брахиального) индекса для человека современного типа. Для мужчины из Жиндо было характерно сильно укороченное предплечье относительно плеча. В то же время для мужчин обоих могильников оказалась характерной чертой несколько более удлиненная голень, чем в среднем для современного человека.

Развитие мышечного рельефа может быть описано как среднеслабое. Основные патологии связаны с холодным воздействием. У нескольких индивидов имеются показатели болезней крови (возможно, анемии) – *ciriba orbitalia* в глазницах. Некоторые патологии скелета, вероятно, связаны с нарушением минерального состава крови, недостатка кальция в пище и воде, эндокринными нарушениями и др.

ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), vasbor1@yandex.ru

К КРАНИОЛОГИИ ЕГИПТА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

Нами была исследована серия из Древнего Египта эпохи энеолита. Серия хранится в Музее человека (Париж, Франция) и поступила туда в 1950-е годы из коллекции П. Брока. К сожалению, информация о конкретном местонахождении неизвестна. В серии было измерено 13 черепов, 4 из которых мужские и 9 – женские. Черепа обоих полов характеризуются долихокранией. По высотно-поперечному указателю – акрокраничные, то есть относительно высокие. Затылок в абсолютных размерах узкий. Лицевой скелет по верхнелицевому указателю лептенный, то есть верхний отдел лица высокий и относительно узкий как у мужчин, так и у женщин. Нос у мужчин лепторринный, у женщин мезорринный по носовому указателю. То есть мужчины более узконосы и длинноносы, чем женщины. Горизонтальная профилировка у обоих полов резко выражена даже по европеоидным меркам.

Оценивая среднеквадратические отклонения и коэффициенты вариации, можно сказать, что мужская часть серии относительно однородна, а женская – вариабельна. Также был проведен межгрупповой анализ между сериями неолита – энеолита с территории Древнего Египта.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 14-06-00442.

ВЕСЕЛОВСКАЯ Елизавета Валентиновна*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), labrecon@yandex.ru***ЛИЦЕВЫЕ ПРОПОРЦИИ
В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Полная антропологическая характеристика прижизненного облика чрезвычайно важна при изучении как современного, так и древнего населения. Подробное прижизненное описание внешности, выполняемое по черепу, становится более информативным, если сопровождается отнесением конкретных признаков и их соотношений к определенным градациям (большой, малый, средний). Эти сведения также значительно сужают круг поиска лиц при идентификации личности по костным останкам. Выполнение графических и скульптурных реконструкций в сопровождении описания прижизненных пропорций головы и лица существенно обогащает информацию, извлекаемую антропологом из костного материала, и позволяет более детально анализировать процессы формирования антропологического типа изучаемых популяций.

На основе антропометрического исследования групп европеоидов (куда вошли литовцы и русские) и бурят, общей численностью более 700 человек, были рассчитаны категории ряда абсолютных размеров и индексов, характеризующих пропорции лица. За границы средней категории принят интервал $X \pm 1\frac{1}{2} SD$, где X – среднее значение признака, SD – стандартное отклонение по этому признаку. Предлагается алгоритм перевода размеров и индексов черепа в соответствующие характеристики лица. Получены достоверные различия изученных параметров между европеоидами и монголоидами, а также между мужчинами и женщинами. Обосновывается важность использования различных стандартов в отношении пола и расовой принадлежности при восстановлении внешности по черепу.

ГЕРАСИМОВА Маргарита Михайловна*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), gerasimova.margarita@gmail.com***К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ИЗМЕНЧИВОСТИ
КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ
НА СЕВЕРНОМ КAVKAZE**

Рассматривается территориальная приуроченность и временная динамика двух черепных диаметров, черепного указателя и скулового диаметра в различных регионах Северного Кавказа. По мнению М.Г. Абдушелишвили, значительная роль в эпохальной трансформации черепа на территории Кавказа принадлежала постепенно проявляющемуся процессу брахицефализации и сопутствующему ему процессу эурипрозопии, которые привели к становлению широколицего брахикранного типа. В.П. Алексеев, напротив, считал, что на Кавказе проявлялись процессы брахицефализации и, главным образом, грацилизации, которые привели к формированию на базе кавкасионского, сохранившегося у ряда северокавказских народов и народностей Горной Грузии, понтийского антропологического типа.

Сравнительный анализ размаха межгрупповой изменчивости признаков северокавказских серий оценивался через внутригрупповую – приемом, предложенным когда-то

Я.Я. Рогинским, и с успехом использованным В.П. Алексеевым, Ю.Д. Беневоленской. Рассматриваются синхронные серии в пределах четырех выделенных периодов: 1 – конец эпохи бронзы – ранний железный век; 2 – эпоха раннего средневековья до золотоордынского нашествия; 3 – эпохи позднего средневековья; 4 – время, близкое к современности.

Вопреки представлению М.Г. Абдушелишвили, размах изменчивости скулового диаметра для всего Кавказа едва превышал 1,5 сигмы. И для Кавказа, и для Северного Кавказа наибольшей дифференцирующей ценностью обладает черепной указатель, размах изменчивости которого достигал 4 сигм. Однако его роль с течением времени для северокавказских народов уменьшается. Происходит консолидация краниологического типа, свойственного большинству северокавказских народов вне зависимости от их языковой принадлежности, за исключением северо-западных групп (шапсугов и натухайцев). Процесс грацилизации лицевого отдела и процесс брахицефализации на разных территориях Кавказа и отдельных регионов Северного Кавказа имеют различные последовательности перестроек и их интенсивность протекания во времени.

ГОДИНА Елена Зиновьевна**ХОМЯКОВА Ирина Анатольевна***Научно-исследовательский институт и Музей антропологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
(Москва), godina@antropos.msu.ru***ОСОБЕННОСТИ СОМАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
МОНГОЛЬСКИХ И КАЛМЫЦКИХ ДЕТЕЙ И
ПОДРОСТКОВ**

Проведено сравнение ростовых характеристик монгольских и калмыцких детей и подростков. Обследования проводились в 2007–2008 гг. (г. Элиста) и 2010–2011 гг. (г. Улан-Батор). Всего изучено свыше 2000 детей школьного возраста от 9 до 17 лет. Программа включала обширный набор измерительных признаков, определение конституционального типа по схеме Штефко-Островского, вычисление ряда индексов. Несмотря на этногенетическую общность двух популяций, между ними обнаружены значительные различия. Практически по всем изученным признакам школьники Калмыкии обгоняют своих монгольских сверстников, причем эти различия в наибольшей степени выражены у мальчиков. На протяжении всего ростового периода калмыки значительно выше монголов: у 17-летних юношей соответствующие цифры составляют 173,89 для калмыков и 168,34 см для монголов ($p < 0,001$). У девушек отмечены аналогичные различия: 161,8 и 159,42 см соответственно ($p < 0,05$). У монгольских детей и подростков выявлены более низкие значения толщины жировых складок и жировой массы. В обеих группах наиболее значительные величины толщины подкожного жирового слоя наблюдались на туловище, в особенности в области живота. По показателям полового созревания существенных различий не выявлено. Процесс секулярного тренда характеризуется продолжающимися изменениями в сторону увеличения продольного роста, особенно выраженными у монголов. Отмеченные различия, в силу общей этногенетической близости изученных популяций, можно объяснить влиянием социально-экономических факторов.

ГУДКОВА Людмила Константиновна

Научно-исследовательский институт и Музей антропологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
(Москва), lkgoodkova@bk.ru

**ВНУТРИГРУППОВАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ
КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ КАК
ПОКАЗАТЕЛЬ АДАПТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
АРКТИЧЕСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ НОМО SAPIENS**

Люди, живущие на Крайнем Севере, постоянно подвергаются действию экстремальных природных особенностей окружающей среды. Более того, в двадцатом столетии на выработанную тысячелетиями приспособленность аборигенов к арктическим условиям отрицательно повлияла так называемая аккультурация, или модернизация, изменившая их образ жизни. Поэтому береговым чукчам и эскимосам приходится испытывать перманентный стресс от комплекса экологических факторов как климато-географических, так и социально-культурных.

Обследованы мужские и женские выборки эскимосов и береговых чукчей. Численность – 304 человека, возраст 20–50 лет.

Модификационные изменения адаптивного характера, вызываемые различными экологическими девиациями, выражаются, в первую очередь, в увеличении изменчивости физиологических переменных в пределах нормы реакции. Увеличение внутригрупповой изменчивости, больший размах вариационного ряда исследуемых признаков являются ответом популяции на сигналы неблагополучия, поступающие из окружающей среды. Сопоставление статистических характеристик различных признаков у береговых чукчей и эскимосов, а также многочисленные биологические, медицинские, демографические, исторические и т.д. данные свидетельствуют о снижении приспособительных возможностей эскимосов сравнительно с береговыми чукчами.

В соответствии с моделью адаптации к ненаправленному ухудшению внешней среды Р.А. Фишера предполагается, что популяции более специализированные и (или) имеющие ограниченные гомеостатические возможности не могут вынести существенных экологических перемен, которые выдерживают популяции неспециализированные или с более развитым гомеостазом. Изменившийся образ жизни обусловил снижение приспособленности высокоспециализированной группы эскимосов, нарушил их физиологические особенности сильнее, чем у береговых чукчей.

ГУРБО Татьяна Леонидовна

Институт истории НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь),
hurbo@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ СМЕШАННЫХ БРАКОВ НА
ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ И
ПОДРОСТКОВ***

Для оценки характера влияния смешанных браков на физическое развитие детского населения были использованы материалы морфологических показателей школьников 7–17 лет г. Миоры Витебской области. По стандартной антропометрической программе в начале 2000-х годов в

школах было обследовано 1179 детей. В анализ включены только данные 763 детей, в анкетах которых была указана национальность обоих родителей. Для сведения показателей детей разного возраста в общую группу проведена процедура нормирования. Затем были рассчитаны статистические показатели 17 нормированных морфометрических признаков для двух групп. Первая группа – дети, оба родителя которых были белорусы. Вторая группа – потомки от смешанных браков. Обнаружены различия в характере влияния смешанных браков на физическое развитие детей в зависимости от пола. Если среди мальчиков морфологические показатели потомков от смешанных браков ниже, чем у тех, оба родителя которых являются белорусами (исключение – диаметр эпифиза бедра и поперечный диаметр грудной клетки), то у девочек картина противоположная: потомки от смешанных браков в целом опережают своих сверстниц, оба родителя которых были белорусами (исключение – ширина плеч и длина ноги). Возможно, снижение показателей у мальчиков – потомков от смешанных браков (генетически более гетерогенных) – обусловлено большей экосенситивностью мужского организма на любые изменения в среде обитания.

ДУБОВА Надежда Анатольевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), dubova_n@mail.ru

**НОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ДАННЫЕ О НАСЕЛЕНИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА**

В 2013 г. экспедиция ИИАЭ АНТ (рук. С. Бобомуллов) начала работы на возвышенности Уртобоз на окраине г. Пархара (Южный Таджикистан). Здесь, на территории современного городского кладбища в местности Чилтан-бобо, при сооружении могил местное население находило многочисленные предметы (каменные «жезлы», «гири», серебряные браслеты, керамические изделия), датированные концом III – началом II тыс. до н.э. Вскрыто 27 погребений. Погребальный инвентарь находит параллели в земледельческих культурах как Южной (Северный Афганистан), Северной (Южный Узбекистан) Бактрии, заманбабинской (низовья Зеравшана), так и в вахшской культуре (долина р. Кызылсу). Сохранность костного материала, принадлежащего человеку, очень плохая. Автору удалось предварительно обследовать останки 11 индивидуумов. Их характеризует общая грацильность и бесспорная европеоидность облика. Несколько большей массивностью (в пределах внутригрупповой изменчивости) отличается скелет из погр. 19. Изученные черепа говорят о долихоморфности и лептоморфности сложения. Выделяются два индивида – из погр. 12(1) и 20. У последнего отмечается альвеолярный прогнатизм и несколько более крупные, чем у других представителей данной популяции, зубы. Это вполне укладывается в пределы индивидуальных вариаций, но также может указывать на наличие контактов с ведоидным населением. Индивида 12(1) отличает мезокrania и мезопрозопность лицевого скелета, что может быть индивидуальной особенностью, но также может указывать на присутствие представителей антропологического типа среднеазиатского междуречья.

* Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ, № Г14МС-002 от 23.05.2014 г.

КОМАРОВ Сергей Геннадьевич

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), snirrr@mail.ru*

**К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ
СОСТАВЕ ГОРОДСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(по материалам раскопок 2012 года могильника
Маячный бугор II)**

Могильник Маячный бугор II представляет собой одно из кладбищ Красноярского городища, расположенного в низовьях Волги и отождествляемого все большим числом исследователей с первой столицей Золотой Орды – городом Сарай-Бату. Краниологические материалы, полученные в 2012 г., относятся XIII–XV вв. В работе представлены результаты изучения девяти мужских черепов взрослых индивидов. Их особенности укладываются в рамки европеоидных вариаций строения черепа. При этом серия характеризуется относительной неоднородностью, что отразилось в высоких показателях дисперсии ряда краниометрических признаков. В рамках сравнительного анализа произведено сопоставление краниологических комплексов средневекового населения Нижнего Подонья, Северного Кавказа и Предкавказья, Нижнего Поволжья, Волго-Уральского междуречья, Южного Приаралья и Среднеазиатского междуречья. Большинство серий датируется золотоордынской эпохой. Согласно результатам кластерного и канонического анализов, серия из Маячного бугра проявляет наибольшее сходство с выборками с максимальной концентрацией европеоидных особенностей (в масштабе сравниваемых групп). В их число, наряду с несколькими сериями золотоордынского времени, входят все включенные в анализ выборки из Южного Приаралья и Среднеазиатского междуречья (как золотоордынской эпохи, так и периода IX–XII вв.). Вероятно, это можно трактовать как подтверждение точки зрения, согласно которой в составе населения городов средневекового Поволжья присутствовало значительное число выходцев из Средней Азии [Яблонский, 1987].

КРУМПЛЕВСКИЙ Владислав Станиславович

*Институт истории НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь),
wladlen5@gmail.com*

**ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА НА
ТЕРРИТОРИИ БРАСЛАВСКОГО ПООЗЕРЬЯ
БЕЛАРУСИ (на основе изучения метрических книг)**

Демографическая ситуация Браславского Поозерья Беларуси в конце XIX в. отражает естественное движение, миграционные процессы и половозрастную структуру населения в соответствующий период на определенной территории. Географические границы территории исследования представлены на Браславском Поозерье. Объектами изучения демографических процессов выбраны православные и католические приходы. Благодаря метрикам, сохранившимся в архивах ЗАГСа г. Браслава, будут определены демографические показатели: характер воспроизводства населения, эволюция половозрастной структуры, уровень смертности на протяжении изучаемого периода. Методом исследования избран микроанализ истории воспроизводства населения, в основе кото-

рого лежит сплошное изучение метрик отдельного прихода. Рассчитаны средний возраст смерти для мужчин и женщин, выделены основные причины смертности, средний возраст вступления в брак, интервалы между браком и рождением первого ребенка, средние интервалы между последующими рожденьями детей. Учитывая некоторые неточности информации, источники требуют введения значительной корректировки содержащихся в них показателей. Метрические книги являются важнейшим информативным источником при изучении воспроизводства населения. При этом для получения объективных данных необходимо привлечь широкий круг других источников. Пока собраны данные метрических книг, проводится их анализ и систематизация.

КУФТЕРИН Владимир Владимирович

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы (Уфа), vladimirkufterin@mail.ru*

**МАТЕРИАЛЫ К КРАНИОЛОГИИ ТАДЖИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ТАДЖИКИСТАНА***

В докладе представлены первые краниологические материалы Нового времени с территории Центрального Таджикистана, полученные в результате охранно-спасательных работ по переносу кладбищ в зоне строительства Рогунской ГЭС. В общей сложности исследованы черепа из 15 погребений (7 ♂ и 8 ♀). Краниологические комплексы определяются как выраженные европеоидные, по-видимому, тяготеющие к так называемому «типу Среднеазиатского междуречья». Последнее в большей мере касается женской выборки. Черепа мужчин, характеризующиеся суммарной долихо- или мезокранией, в известной степени сближаются с особенностями групп «средиземноморского» варианта европеоидной расы. Случаев явной выраженности комплекса черт монголоидной расы в изученной серии не наблюдается. Рассчитанные коэффициенты полового диморфизма в ряде случаев превышают средние, однако немногочисленность выборки не позволяет сделать обоснованных заключений о различии морфологического облика мужчин и женщин. Для более весомого статистического анализа была сформирована обобщенная, «условно мужская» выборка, сопоставленная с 25 среднеазиатскими сериями Средневековья – Нового времени. Межгрупповой анализ с использованием различных методов многомерной статистики показал близость исследованных черепов к общему массиву синхронных и хронологически более ранних выборок с территории Среднеазиатского междуречья, в том числе к некоторым сериям раннего и развитого Средневековья (Старый Термез, Кахкаха).

ЛБОВА Людмила Валентиновна

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
lbvapr5@gmail.com*

**СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОРНАМЕНТАЦИИ
ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА: УНИВЕРСАЛИИ ИЛИ
КРОССКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ?*****

В современных гуманитарных эволюционных исследованиях проблематика происхождения и природы комплек-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 13-06-00233а.

** Исследование выполняется при поддержке гранта РНФ, проект № 14-50-00036.

са современного поведения занимает приоритетное место. Древнейшее изобразительное искусство является сложным феноменом, и в настоящее время исследуется в формате парадигмы знаковой деятельности, предполагающей комплексное изучение искусства как формы поведения. В научных концепциях все больше подчеркивается значение региональных данных, предполагающих выражение комплекса поведения человека и методологическое определение поведенческих стратегий на археологических материалах. В результате изучения предметов персональной орнаментации, как элементов знакового поведения в эпоху верхнего палеолита, нами выделены устойчивые типы изделий, которые отражают поразительное сходство по морфологии, орнаментации, технике изготовления на огромных пространствах Евразии. Отсюда одной из задач нашего исследования обозначена проблема выяснения общих, универсальных и специфических приемов обработки и изготовления предметов персональной орнаментации, выступавших в качестве индивидуальных и социокультурных идентификаторов как отдельной личности, так и палеосообществ. Первые знаковые системы персональной орнаментации на Ближнем Востоке появились около 90–115 тыс. лет назад. Особый всплеск и распространение таких систем, отличающихся от первоначальных расширенным ассортиментом и использованием разнообразных материалов, на рубеже 40–45 тыс. лет назад фиксируется одновременно как на территории Европы, так и в Сибири, что однозначно связывается с появлением и распространением культуры, в том числе и коммуникативной культуры человека современного физического типа.

МАКЕЕВА Анна Игоревна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), anigma1612@gmail.com

ДЕРМАТОГЛИФИКА ТАТАРОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

В исследовании проанализированы материалы о 17 мужских и 15 женских выборках татароязычного населения Волго-Уральского региона – 2906 человек (1694 мужчины и 1212 женщин). Из них автором изучены отпечатки 2180 человек (1296 мужчин и 884 женщин). Большинство обследованных групп в дерматоглифическом отношении характеризуются как метисные европеоидно-монголоидные популяции. Европеоидный компонент, обнаруженный в составе всех выборок, представлен двумя вариантами. Один имеет северное происхождение (видимо субстратный), отразившееся в стойком сохранении пониженного дельтового индекса. Второй – южноевропеоидный – отчетливо обнаруживается в составе немногочисленных выборок из северо-западной и северо-восточных окраин Республики Татарстан. Согласно данным краниологии, он прослеживается на этой территории не ранее второй половины I тыс. н.э. в связи с появлением раннеболгарских племен. Монголоидный компонент в составе большинства татарских популяций, по всей видимости, связан с появлением на этой территории племен сибирского происхождения (высокий процент осевого карпального триадиуса t – характернейшая черта аборигенов Сибири, включая Южную Сибирь). Женские группы обнаруживают, наряду с восточноевропейским компонентом, гораздо большую долю монголоидного

компонента, нежели мужские. При этом в небольшой части и мужских, и женских выборок отмечается наличие южноевропеоидного компонента. Положение татароязычного населения Волго-Уральского региона в системе народов Северной Евразии, как это следует и из более ранних работ, определяется как промежуточное, но все же немного более близкое к народам европеоидного антропологического типа по данным дерматоглифики.

МАРФИНА Ольга Владимировна

Институт истории НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь), belantrop@tut.by

ИЗМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Биологическая структура современных популяций, их генетико-антропологические особенности находятся в большой зависимости от демографических событий, происходящих в республике. На антропологических особенностях популяции отражаются миграционные процессы, интенсивность разнородных по национальному составу миграционных потоков в нашу страну и за ее пределы. Увеличивается доля межнациональных браков, способствующих повышению генетического разнообразия населения. Наиболее объективную информацию о национальном составе дают переписи населения, которые проводились в современных границах Беларуси начиная с 1959 г. Как показывают материалы этих переписей, в результате процессов ассимиляции и миграции численность и соотношение этнических групп в республике постоянно изменялись. Переписи прошлых лет постоянно фиксировали абсолютный рост численности белорусов за счет высокой рождаемости. Однако их относительная доля постепенно сокращалась – с 81,0% в 1959 г. до 77,9% в 1989 г. – вследствие притока в республику лиц некоренной национальности и оттока белорусов в другие регионы СССР. Последняя перепись 2009 г. зафиксировала значительный прирост лиц коренной национальности (до 83,7%) и снижение численности и доли русских. Третьей по величине национальной группой в Беларуси являются поляки. Их численность постоянно снижается. Незначительно изменяется доля украинцев. В настоящее время большинство населения республики составляют представители коренной белорусской национальности, как в целом по республике, в городах и сельской местности, так и в пограничных районах всех областей.

МЕДВЕДЕВА Надежда Николаевна

НИКОЛАЕВ Валериан Георгиевич

СТРЕЛКОВИЧ Наталья Николаевна

САВЕНКОВА Татьяна Михайловна

РЕЙС Евгения Сергеевна

Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России (Красноярск), medvenad@mail.ru, anatomiy_kgma@bk.ru, strelkovich@list.ru

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ МЕДИЦИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, возможно,

является единственным медицинским учебным заведением страны, при котором имеется хранилище костных останков – из некрополей городов Красноярска, Енисейска, Абакана и других территорий Восточной Сибири разных эпох и культур (около 3000 единиц хранения). Детально на сегодня исследована остеологическая серия Покровского некрополя г. Красноярска, рамки функционирования которого – первая половина XVII – середина XVIII вв. Осуществлена половозрастная идентификация скелетов, остеометрия костей посткраниального скелета, рассчитаны показатели, характеризующие физический облик первых поселенцев г. Красноярска, которые свидетельствуют о заселении территории Красноярского острога выходцами из европейской части России.

Использование таких методов исследования, как рентгенография, гистологические методы, атомно-абсорбционный анализ, позволили выявить закономерности изменчивости посткраниального скелета населения города во времени. Скелетная серия Покровского некрополя изучена (при участии специалиста из Франции) на предмет палеопатологии. Выявлены проявления таких инфекционных заболеваний, господствовавших в те времена, как туберкулез и сифилис. Также выявлены признаки патологии опорно-двигательного аппарата, аномалии развития костей скелета и последствия перенесенных травм. На примере костных образцов остеологических серий бронзового и железного веков проведен палеогенетический анализ на гаплогруппу R1a, позволяющий говорить о путях миграции народов и заселении территории Сибири.

НЕЧВАЛОДА Алексей Иванович

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского НЦ РАН (Уфа),
striwolf@mail.ru*

КАНТЕМИРОВ Азамат Айварович

*Североосетинский государственный университет (Москва),
azamat.kantemrati@gmail.com*

САМАШЕВ Зайнолла

Институт археологии им. А. Маргулана (Алматы, Республика Казахстан)

КОЧЕВАЯ ЭЛИТА БЕРЕЛЯ. ПЛАСТИЧЕСКАЯ И 3D РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ЧЕРЕПАМ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПАЗАРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ*

Берел – один из выдающихся археологических памятников на территории Казахского Алтая. Он находится в одном ряду с такими некрополями скифо-сибирского мира, как Толстая могила в Причерноморье, Филипповка в Оренбуржье, курган Иссык в Казахстане, Пазарыкские и Тузуктинские курганы на Алтае, Аржан 1 и Аржан 2 в Тыве. Берел получил всемирную известность благодаря обнаруженным захоронениям племенной знати и артефактам, выполненным в зверином стиле. Могильник Берел датируется третьей четвертью IV – первой четвертью III в. до н.э.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта «Формирование и традиционная культура юго-западной этнографической группы башкир», № 14-11-02019.

и относится к пазарыкской культуре. Нами были изучены два черепа (мужчины среднего возраста и молодой женщины) из кургана 16. Черепа послужили краниологической основой для реконструкции головы по черепу. Морфологические особенности черепа свидетельствуют, что мужчина из кургана 16 являлся представителем смешанного европеоидно-монголоидного антропологического типа. Череп женщины несет на себе яркие черты принадлежности к монголоидной расе. Даже на таком небольшом краниологическом материале можно сделать вывод о неоднородности населения, оставившего некрополь Берел. Нами использовались различные методы визуализации внешнего облика погребенных. В частности, пластическая реконструкция облика по методу, принятому в российской антропологии, с дальнейшей визуализацией созданной реконструкции головы по черепу методами 3D графики.

ПЕЖЕМСКИЙ Денис Валерьевич

*Научно-исследовательский институт и Музей антропологии
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова (Москва),
pezhemsky@yandex.ru*

ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКРЕТНО-ВАРЬИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ЧЕРЕПА В СМЕШАННЫХ ПОПУЛЯЦИЯХ

Измерительные признаки широко распространены в палеоантропологических исследованиях (краниометрия, остеометрия). Данное направление имеет в своем арсенале инструменты, позволяющие по-разному группировать индивидуальные данные. Известны случаи, когда группировка индивидуумов производится по антропологическим критериям (т.н. «типологизм»). Считается, что это недопустимо, и в ходе изучения антропологического состава необходимо искать не-антропологические критерии подразделения выборок (географический, обрядовый и т.п.).

По-иному видится проблема смешанных выборок в ходе работы с дискретно-варьирующими признаками (зубной системы, черепа). Автором изучены краниологические материалы по православному населению Восточной Сибири XIX в. (Илимск). Черепа измерены и описаны по программе дискретно-варьирующих признаков (n=55). Выборка европеоидна и неоднородна, что подтверждается величинами показателей изменчивости. Никакого ослабления европеоидного краниологического комплекса на групповом уровне не наблюдается. Однако и визуально, и морфометрически хорошо выделяются индивиды, обладающие яркими чертами азиатского краниологического комплекса. Очевидно, что перед нами пример близких межэтнических контактов русских и коренных народов Сибири. С точки зрения не-антропологических критериев выборка подразделена быть не может – серия происходит из одного православного кладбища, датирующегося достаточно узко. Система измерительных признаков позволяет исключить данных индивидов из выборки. Для того чтобы провести эту операцию, необходимо быть уверенным, что они не были включены в систему брачных связей, а ведь именно ее отражением является (палео)популяция, изучаемая по системе дискретно-варьирующих признаков. В докладе будут представлены варианты анализа материала.

ПЕРЕВОЗЧИКОВ Илья Васильевич
ГУДКОВА Людмила Константиновна
БАЛАХОНОВА Екатерина Исаевна
СУХОВА Алла Владимировна

Научно-исследовательский институт и Музей антропологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
(Москва), ealyavp@mail.ru, lkgoodkova@bk.ru,
balakhonova@gmail.ru, alla-sukhova@bk.ru

**ВНУТРИПОПУЛЯЦИОННАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ
МИГРАНТНЫХ И СМЕШАННЫХ ГРУПП
НАСЕЛЕНИЯ КАМЧАТКИ***

Миграция и смешение – характерные явления для всей обозримой истории Homo Sapiens. Рост численности населения Земли (особенно с неолита) привел к значительным перемещениям и, как следствие, к смешению ранее изолированных групп. В последние несколько столетий эти процессы стали особенно интенсивными. Многие обширные регионы в настоящее время заселены в основном недавними мигрантами и популяциями смешанного происхождения. Этногенез многих народов в значительной мере описывается во времени как последовательное чередование миграций и смешения.

Обсуждаются результаты изучения современных мигрантов на полуостров Камчатку и камчадалов, происхождение которых связано с процессами смешения коренных жителей и мигрантов последние 300 лет. По комплексной программе обследовано свыше 500 мужчин и женщин в возрасте 20–50 лет.

Внутрипопуляционный анализ обследованных признаков у камчадалов показал, что значительная доля наблюдаемой в выборке изменчивости связана с монголоидно-европеоидным вектором. Выборка мигрантов классифицируется как принадлежащая к восточно-европейскому варианту. Повышенные сравнительно с камчадалами величины жиросотложения и холестерина, а также пониженный уровень гамма-глобулинов могут указывать на некоторую дезадаптированность обследованных мигрантов. Установлено, что миграция в новую среду обитания сопровождается адаптационным стрессом, в результате чего меняются величины признаков, определяющих степень развития жиросотложения. Более низкий, по сравнению с таковым у аборигенного населения, средний уровень гамма-глобулинов свидетельствует о снижении общей иммунологической реактивности мигрантов, что характерно для групп, осваивающих новые территории.

ПОЛИНА Наталья Ивановна

Институт истории НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь),
natpolina@mail.ru

**ИЗМЕНЕНИЯ С 2002 ПО 2012 ГОД РЯДА
ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ У
ШКОЛЬНИКОВ ГОРОДА ПОЛОЦКА
(Республика Беларусь)**

Прослежена динамика функциональных показателей у школьников г. Полоцка 8, 13 и 17 лет с 2002 по 2012 гг. Систематическое АД достоверно снизилось у мальчиков: в 8 лет на 3,4 мм рт. ст. ($p < 0,05$), в 13 лет на 4,6 ($p < 0,01$), у 17-летних

юношей на 8,7 мм рт. ст. ($p < 0,001$); у школьниц уменьшение статистически значимо в 13 – на 9,8 мм рт. ст. ($p < 0,001$) и в 17 лет – на 8,5 мм рт. ст. ($p < 0,001$). Частота пульса за 10 лет существенно понизилась: у 8-летних мальчиков на 5,6 уд/мин ($p < 0,01$), в 13 лет на 7,2 ($p < 0,001$), в 17 лет на 4,2 уд/мин ($p < 0,02$); у девочек – в 8 лет на 5,1 уд/мин ($p < 0,001$), в 13 лет на 9,9 ($p < 0,001$), в 17 лет на 6,6 ($p < 0,001$). Анализ кистевой динамометрии (КД) обнаружил высокодостоверное ($p < 0,001$) снижение силы рук у 8-летних мальчиков: правой на 1,6, левой на 1,7 кг. Показатели КД у школьников мужского пола 13 и 17 лет за 10 лет выросли на 0,7–1,4 кг, у школьниц КД не изменилась. Учитывая уменьшение силы рук современных школьников в разных странах, тенденция роста КД у мальчиков-подростков и юношей г. Полоцка (на фоне оптимизации деятельности системы кровообращения) заслуживает внимания, так как отмечена в период стабилизации экологической и экономической ситуации в стране.

ПОМАЗАНОВ Николай Николаевич

Институт истории НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь),
pomazanau@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА
В МЕЖДУРЕЧЬЯХ НЕМАНА, ДНЕПРА,
ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ И ПРИПЯТИ
В XI–XIII ВЕКАХ**

Интерес к антропологии народов Балтийского региона и Восточной Европы как источнику для решения проблем их этногенеза не исчезает и сейчас – в эпоху высоких технологий. Итоги исследований генофонда современных белорусов под руководством чл.-корр. НАН Беларуси О.Г. Давыденко указывают на то, что «пул материнской и отцовской генетических компонент белорусов характеризуется высоким разнообразием и отражает несколько генетических потоков, разделенных во времени, начиная с эпохи верхнего палеолита» [Кушнеревич, 2008]. В этой связи начало формирования антропологического комплекса населения необходимо связывать с палеопопуляциями, существовавшими в более отдаленных исторических эпохах, чем Средневековье. В результате проведенного нами сравнительного анализа краниологических серий XI–XIII вв. с территории летописных кривичей, дреговичей и радимичей, исследованных Г.Ф. Дебецем в 1930 г. было установлено, что в пределах одного антропологического типа [Дебец, 1932] степень разграничения кривичей и дреговичей выше, чем кривичей и радимичей, дреговичей и радимичей.

РАДЖАБОВ Магомед Османович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН (Махачкала), radjabov_m@mail.ru

**ЭТНОГЕНЕЗ ЦЕЗСКОЙ ГРУППЫ ЭТНОСОВ
ДАГЕСТАНА ПО ДАННЫМ
МОЛЕКУЛЯРНОЙ ГЕНЕТИКИ**

Территория современного Дагестана на протяжении многих тысячелетий служила мостом, соединяющим Азию с Европой. Изучение генофондов народов данной историко-этнографической провинции может помочь обнаружить следы наиболее значимых контактов между народами ука-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00424.

занных континентов, выявить направления миграционных потоков и т.д. Малочисленные популяционные изоляты труднодоступных горных районов Дагестана способны сохранить и донести до нас информацию о своих древних генетических пластах.

Результаты исследования 11 аулов, представляющих бежтинцев (n=86), гунзибцев (n=49), цезов (n=128) и гинухцев – одноаульный этнос (n=31) по панелям 35 SNP и 37 STR маркеров нерекombинирующей части Y-хромосомы показали уникальную картину сохранности субстратного генетического каркаса практически без притока генов извне.

Так, в трех изученных нами этносах выявлена гаплогруппа J1 практически на уровне фиксации – у бежтинцев (94%), гунзибцев (100%) и цезов (99%). Возможно, она показывает наиболее раннюю компоненту их генезиса, отражая единство генетических истоков. Гинухцы – одноаульный этнос, общая численность которого не превышает 600 человек, показывает, что его генетический пул представлен двумя гаплогруппами J1 (56%) и G2a3a (44%). На наш взгляд, наличие G2a3a, сближающей их с народами западной части Северного Кавказа, объясняется локальным эффектом основателя в этой крайне малочисленной одноаульной группе.

Анализ дифференциации в обследованной группе показывает экстремально низкое значение генетической дифференциации (0,82%). Выявлено довольно высокое гаплотипическое разнообразие в пределах гаплогруппы J1 при крайне низком генетическом разнообразии по гаплогруппам, что свидетельствует о большой древности этого компонента у исследованных малочисленных этносов Дагестана.

РАЖЕВ Дмитрий Иванович

*Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень),
rajevd0@gmail.com*

САЙГАТИНСКИЕ И БАРСОВСКИЕ МОГИЛЬНИКИ: БИОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ*

Некрополи Сайгатинские и Барсовские представляют собой крупные ассоциации, располагающиеся в нескольких километрах друг от друга на территории Сургутского района ХМАО (VIII–XVI вв.) [Чемякин, Зыков, 2004]. Антропологические коллекции сайгатинской серии – до 140 черепов, в барсовской – около 40 черепов. По краниометрии обе выборки характеризуются в составе единой популяции Сургутского Приобья, хотя барсовские представители и несколько отличаются большей выраженностью европеоидных особенностей [Пошехонова, 2010]. Протический гипостоз обнаружен на 82% сайгатинских черепов и лишь на 10% барсовских, что верно для мужчин и женщин. Это свидетельствует о более качественном питании и лучших условиях жизни вторых [Ражев, 2015]. В барсовской группе травмы зафиксированы на 19% черепов, при этом их количество у женщин и мужчин сходно. В сайгатинской же совокупности обнаружено всего 4% повреждений и присутствуют они только у мужчин. Однако раны, сопряженные со смертью, выявлены только в этой выборке. В барсовской совокупности зафиксированы эндемичные повреждения, которые могут интерпретироваться как последствия особых

ритуалов [Ражев, 2013]. Хроно-географическая идентичность проживания людей, их культурная и антропологическая близость сводят к минимуму принадлежность сравниваемых некрополей разным этносам. Поэтому выявленные различия рассматриваются как показатель социальной дифференциации таежного средневекового общества. Люди, погребенные в Барсовских могильниках, по всей видимости, практиковали особые ритуалы и принадлежали к более ресурсно обеспеченной и защищенной группе, чем люди из сайгатинских погребений.

САВЕНКОВА Татьяна Михайловна

РЕЙС Евгения Сергеевна

ФОМИНА Ирина Алексеевна

*Красноярский государственный медицинский университет
(Красноярск), reis_05@bk.ru, orcinius.orca@mail.ru,
galaydova88@mail.ru*

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В СИБИРИ В XVII– XIX ВЕКАХ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ И ИСТОРИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

В работе исследовались скелетные серии из православных некрополей города Красноярска XVII–XIX вв. На женских скелетах наблюдались многочисленные травмы костей лицевого черепа, верхних и нижних конечностей, ребер. Распределение частоты встречаемости травм по полу в Покровской серии составила: у мужчин – 34,4%, у женщин – 22,9%; в Воскресенско-Преображенской: 50,8% и 34,2% соответственно. Зафиксирован случай множественных, более двадцати, переломов ребер на одном женском скелете. Выявлены случаи проявления сифилиса на костях взрослых и детских индивидуумов. Многочисленные проявления заболеваний суставов на женских скелетах свидетельствуют о тяжелых физических нагрузках. Для всех некрополей отмечается достаточно высокий процент детской смертности, в среднем 53,2%. Судя по переписным, исповедным, метрическим книгам каждая женщина в среднем рожала 15–20 раз, что не могло не сказаться на их здоровье. Согласно историческим данным, в Сибири была очень развита торговля женщинами; она была сосредоточена в Енисейске, Якутске и др. Сибиряки покупали и несовершеннолетних инородческих девушек, которые, повзрослев, становились их наложницами или же растлевались тотчас после покупки. Существовал обычай отдачи своих жен в кортом. Исторические данные свидетельствуют о жестоком обращении с женщиной. Были случаи, «когда сибиряк распарывал живот своей невольнице, чтобы убедиться съела ли она кусок рыбы без его позволения».

САЛИВОН Инесса Ивановна

*Институт истории НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь),
belantrop@iut.by*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ СЕРИЙ С ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Начавшееся в первой половине I тыс. н. э. продвижение неоднородных по антропологическому составу славян на территорию Восточной Европы происходило постепенно из раз-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и РГНФ, проекты № 13-06-00158 и № 13-02-00097.

** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-00158.

ных регионов их первоначального расселения. Распространенность на территории Беларуси обряда кремации умерших вплоть до принятия в IX в. христианства ограничивает возможности исследования истоков антропологических особенностей средневекового славянского населения только остеологическими и краниологическими материалами из погребений II тыс. н. э. Среди населения на территории нашей республики с начала II тыс. н. э., как и на территории Западной Европы, существовали локальные грацильные и массивные группы. Выявленное нами ранее у ряда локальных белорусских серий XVIII–XIX вв. сочетание сильной профилировки лица на уровне скул с несколько ослабленной профилировкой на уровне орбит, с более низким переносом и слабее выступающим носом, отмечается и у населения того же периода с территории Польши (могильники Райск и Козлики), граничащей с Беларусью. Различия между этими польскими и белорусскими сериями проявляются слабо и в целом их можно отнести к одному и тому же антропологическому типу, представленному локальными вариантами. Это позволяет предположить формирование их на основе единого древнего антропологического пласта. Более западные польские серии II тыс. н. э. отличаются несколько большей массивностью и более выраженными европеоидными чертами.

СВИРИДОВ Алексей Андреевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), sviridovahr@rambler.ru, mailto:aaer2015@mail.ru

К КРАНИОЛОГИИ МЕЛАНЕЗИЙСКОЙ РАСЫ

В докладе представлены результаты краниологического исследования ряда серий из Меланезии: остров Новая Гвинея, острова Новая Британия, Соломоновы, Луайоте, Фиджи. В общей сложности было исследовано 236 черепов, которые находятся на хранении в парижском Музее человека (Франция). Задачей работы является выявить особенности краниотипов мужской и женской частей каждой выборки и рассчитать первичные статистические характеристики краниологических серии из Меланезии; проверить мужскую часть серии на однородность; определить таксономическое положение серий среди населения Океании и Австралии. Серии краниологического материала были измерены по стандартной программе. С помощью пакета программ «Statistica 7» проведены компонентный внутригрупповой и канонические межгрупповые анализы. В результате проведенных исследований получены новые данные, помогающие лучше понять процессы формирования антропологических типов народов Меланезии, процессы их взаимодействия и миграции.

СПИЦЫН Виктор Алексеевич

Медико-генетический научный центр РАМН (Москва), spitsyns@yandex.ru

СПИЦЫНА Наиля Хаджиевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

ДИНАМИКА МИКРОЭВОЛЮЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПОПУЛЯЦИЯХ БУРЯТ

В сообщении представлены результаты сравнительного анализа биодемографических характеристик западных бурят (с. Харазаргай, Ахины, Кукунут Гаханы, Агинского рай-

она Забайкальского края) по всему спектру сравниваемых признаков за прошедшее время генетического полуколения (1987–1988 и 2013–2014 гг.). Осуществлен антропогенетический анализ с использованием современных популяционно-генетических моделей и методов исследования. Вычислены основные параметры популяционной структуры в группах бурят, выявлены особенности воспроизводства в популяциях, определены индексы эндогамии и экзогамии, определены коэффициенты инбридинга, показавшие соблюдение в популяциях традиций избегания кровнородственных браков. Результаты сравнительного анализа эффектов репродукции выявили благоприятные репродуктивные характеристики в когортах лиц, завершивших индивидуальную репродукцию, по среднему числу беременностей, приходящемуся на одну женщину, числу детей, а также низким величинам отягощенности акушерской патологией. В 1987–1988 гг. в группах проявляется действие смешанного типа репродукции: характер воспроизводства расширенный; среднее число рожденных детей 4,3730; дисперсия 5,4851; индексы потенциального отбора в пределах от 0,69129 до 1,0351. Также снижена доля лиц женского пола, половой индекс равен 1,13. В 2013–2014 гг. среднее число рожденных детей соответственно составило 3,4971; дисперсия 4,9124; индексы потенциального отбора находятся в пределах от 0,7270 до 1,5617. Выявлено относительное возрастание вклада небелиогенетических факторов в величину коэффициента отбора. По всем репродуктивным параметрам в группах женщин, завершивших индивидуальную репродукцию, несмотря на возросшие показатели социальной регуляции репродукции, параметры демографической структуры популяций отличаются относительной устойчивостью в пространстве и времени.

ТУР Светлана Семеновна

Алтайский государственный университет (Барнаул), tursvetlana@mail.ru

РЫКУН Марина Петровна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), m_rykun@mail.ru

МОРФОЛОГИЯ ПОСТКРАНИАЛЬНОГО СКЕЛЕТА СКОТОВОДОВ АЛТАЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ: ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И СРЕДОВЫЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЧИВОСТИ*

В работе анализируется морфологическая изменчивость посткраниального скелета скотоводов Алтая скифского времени. Были исследованы материалы локальных групп каменной, староалейской и пазырыкской культуры по комплексу признаков, характеризующих размеры, вес и пропорции тела, а также массивность скелета, которые отражают влияние как генетических, так и средовых факторов. Межгрупповые различия в пропорциях оценивались статистически с помощью методов, позволяющих исключить влияние фактора общих размеров. В результате проведенного исследования установлено, что население каменной культуры, имевшей широкий ареал распространения, обнаружи-

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ, проект № 14.Z50.31.0010 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

вает существенную морфологическую вариабельность на локально-территориальном уровне, свидетельствующую в пользу его смешанного происхождения. Между признаками краниального и посткраниального скелета у населения каменной культуры прослеживаются некоторые корреляции. Кроме того, в морфологии посткраниального скелета скотоводов Алтая скифского времени установлены этнокультурные различия по признакам, связанным с адаптацией к холоду, а также к лесной/степной ландшафтной зоне.

УЛЬЯНОВА Марина Владиславовна

*Кемеровский государственный университет (Кемерово),
ulmar2003@mail.ru*

ГЕНЕТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ СИБИРСКО-ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сибирские татары являются одним из коренных народов Западной Сибири, территория расселения которого охватывает Омскую, Томскую, Новосибирскую и Тюменскую области. В силу объективных причин (дисперсность расселения, смешанный этнический состав населения в местах компактного проживания сибирских татар, сложность их этнической идентификации и других) эта этническая общность крайне недостаточно изучена с точки зрения генетической демографии. Проведено исследование динамики генетико-демографических процессов в пяти этнотерриториальных группах сибирских татар (искеро-тобольские, иштякско-тогузские, татары-бухарцы, ялуторовские, ясколбинские) в административных границах Тюменской области: в Вагайском, Тобольском, Тюменском и Ялуторовском районах. Изучены демографические параметры, значимые с точки зрения генетики: динамика численности, половозрастная структура, показатели воспроизводства, репродуктивный статус, брачно-миграционная структура, индекс эндогамии и интенсивность метисации. По результатам мониторинга динамики генетико-демографических процессов в группах сибирских татар выявлена в целом однонаправленная динамика генетико-демографических процессов, выражающая в старении сельских популяций, снижении эффективно-репродуктивной доли населения, дисбалансе в структуре полов в сторону преобладания мужчин в репродуктивной части населения, усилении темпов межэтнического смешения, росте уровня миграционной активности. Однако выраженность данных процессов в исследованных популяциях различна.

ХАЛДЕЕВА Наталья Ивановна

ХАРЛАМОВА Наталья Владимировна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), nathal40@mail.ru, natasha_kharlamova@iea.ras.ru*

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ НАРОДЫ – ОСОБЕННОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В РАМКАХ ВОСТОЧНОГО ОДОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТВОЛА

Представлены результаты одонтологического исследования современных групп нанайцев, ульчей, орочей, нивхов, удэгейцев, южных эвенков [Халдеева, 1979]. В качестве сравнительных материалов брались данные по современным и древним группам – представителям восточного одонтологического ствола. Изучались признаки: лопатообразная фор-

ма I1, редукция I2, бугорок Карабелли, редукция гипоконуса на M2, M14, M16, дистальный гребень тригонида (dte), коленчатая складка метаконида (dw), tami. Бивариантные корреляционные графики показали отклонение эвенков от остальных групп, объединяемых в компактный кластер. С выборкой эвенков в нескольких случаях сближается популяция тюрю (Вьетнам), группа железного века Камбоджи, андаманцы, мезолитическая серия Лаоса. Близкие позиции по отношению к кластеру дальневосточных выборок неоднократно занимают эскимосы, якуты, некоторые группы тхай. Многомерное шкалирование: дальневосточные популяции соседствуют, с одной стороны, с объединением вьетнамских, камбоджийской, андаманской групп, в кластер которых входят южные эвенки. С другой – к кластеру тунгусо-маньчжурских групп (и нивхов) примыкает совокупность носителей черт арктической расы и смешанных вариантов с компонентами байкальского и центральноазиатского вариантов. Ниже локализуется кластер групп центрально-азиатского типа североазиатской расы. Таким образом, в одонтологических вариантах дальневосточных групп (нанайцы, ульчи, орочи, нивхи, удэгейцы) отмечаются отдельные черты сходства с народами арктической расы и центрально-азиатского варианта североазиатской расы. У южных эвенков в заметной степени констатируются элементы одонтологического разнообразия южноазиатской расы, что позволяет наметить параллели с некоторыми регионами Юго-Восточной Азии.

ХАРТАНОВИЧ Валерий Иванович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), vkhartan@mail.ru*

ПЕРВЫЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ВЕПСОВ

До последнего времени вепсы были единственным прибалтийско-финским народом, краниологические материалы которого отсутствовали в мировых музейных собраниях. Заполнение такой лакуны крайне важно для завершения общего краниологического описания прибалтийских финнов, отличающихся сложностью, многокомпонентностью антропологического состава. В 2000 г. при финансовой поддержке РГНФ проводились работы по сбору близких к современности серий вепских черепов на территории Вытегорского р-на Вологодской губернии, в Подпорожском и Лодейнопольском р-нах Ленинградской области. Отмечена крайне плохая сохранность костных останков, даже относящихся к первым десятилетиям XX в., обусловленная крайне неблагоприятными почвенными условиями.

Получена первая, небольшая по численности, вепская серия черепов. Мужские черепа вепсов в целом грацильны, имеют короткую, средней ширины, низкую, мезо-брахиокранную черепную коробку. Лицевой скелет низкий, средней ширины, мезогнатный. Горизонтальная уплощенность лицевого скелета – очень небольшая. Носовые кости и переносье довольно широкие и высокие, к линии профиля выступают не очень сильно. Общие характеристики женских черепов в целом соответствуют мужским.

При многомерном статистическом анализе краниологической серии вепсов занимает в целом промежуточное положение между саамскими группами, с одной стороны, и поволжскими и пермскими финноязычными популяциями –

с другой. Весьма вероятно, что выявленный антропологический вариант отражает реально существовавший в древности антропологический пласт населения Севера, имеющий общее происхождение с предками современных саамов, волжских финноязычных народов.

ХИТЬ Генриэтта Леонидовна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), heet@bk.ru

СОВРЕМЕННЫЕ КАРАЧАЕВЦЫ И БАЛКАРЦЫ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Материалы по антропологии современных карачаевцев и балкарцев немногочисленны. По результатам исследования двух дисперсных расово-соматологических выборок установлены принадлежность этих народов к кавкасионскому типу, тесное взаимное сходство и близость к другим северокавказским этносам – чеченцам, ингушам, осетинам, кабардинцам, черкесам, дагестанцам [Абдушлишвили, 1994; 2004; Дерябин, 2003; 2008]. Одонтологически изучено по две выборки от каждого народа. Карачаевцы и балкарцы, исследованные в 60-х годах XX в., оказались весьма сходными и дистанцировались от основного компактного скопления кавказских выборок [Кочиев, 1979]. Одонтологические выборки 1980-х годов принадлежат к южному грацильному типу и отделились от основного массива кавказских групп [Кашибадзе, 2006]. Дерматоглифические материалы, состоящие из пяти выборок (2 карачаевских и 3 балкарских), сходны по признакам кожного рельефа и по результатам многомерного анализа; они заняли центральное положение в системе 51 этноса Кавказа [Хить, 1983; 2015]. Таким образом, карачаевцы и балкарцы являются этносами-близнецами кавказского происхождения; наибольшее сходство связывает их с абхазами, черкесами, кабардинцами, абазинами и частью дагестанских народов.

ХОХЛОВ Александр Александрович

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара), Khokhlov_aa@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СЕВЕРА ЕВРАЗИИ

Опорным источником выступают краниологические материалы мезолита-энеолита Урало-Поволжской лесостепи. Приводятся краниологические характеристики. Оценивается расовая принадлежность морфологических комплексов, обосновывается их таксономическая позиция.

Рассматривается также вопрос о проявлении физических черт лесостепных популяций в краниологических материалах степных культур Поволжья и Приуралья.

ХУДАВЕРДЯН Анаит Юрьевна

Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения (Ереван, Республика Армения), akhudaverdyan@mail.ru

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИЧНОСТИ АНТИЧНЫХ ПОПУЛЯЦИЙ С ТЕРРИТОРИИ АРМЕНИИ ПО КРАНИОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

История формирования антропологического состава населения Армении в эпоху античности, в отличие от более ранних периодов, имеет определенную специфику.

Одной из характерных особенностей этого периода является усиление процессов миграции. Эти процессы, имевшие место при сложении состава античного населения, привели к некоторому ослаблению южноевропеоидных черт. Внутригрупповая гетерогенность проанализированных групп предполагает длительное их существования на данной территории. Сравнение дисперсий суммарных (мужских и женских) выборок обнаруживает повышение у большого числа признаков в мужской (34) и женской сериях (33). Нарушение корреляционных связей в мужской группе достигает 48,12%, в женской – 38,68%. Две мужские группы (1 и 3 группы) имели местное происхождение. Одна группа появилась в Армении в результате миграции. Женская 2 группа сопоставима с бениаминской второй группой, две другие группы появились на территории Ширакской равнины в результате миграции. Женщины оказались более разнородны, чем мужчины. Мужчины в силу каких-то канонов, регулирующих систему социальных отношений, были более связаны с территорией своих предков. Поэтому в мужской части популяции сильнее проявления субстратного морфологического компонента. Женскую основу популяции составили представительницы пришлого населения.

ШИПИЛЛО Владимир Александрович

Институт истории НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь), v.schipillo@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В XI–XIII ВЕКАХ

Антропологические типы населения XI–XIII вв. на территории Беларуси характеризуются неоднородностью. Согласно исследованиям Т.И. Алексеевой, полоцкие кривичи относятся к долихокравному относительно широколицему антропологическому типу, характерному для восточной части древних литовских и латышских племен и волянян, а радимичи и дреговичи – к долихокравному среднелицевому, характерному для смоленских и тверских кривичей и северян. Автор отметила, что отличить балтское население от славянского по антропологическим параметрам довольно сложно. Согласно И.И. Саливон, схожий морфофизиологический тип балтов и славян формировался на единой, еще более древней субстратной антропологической основе эпохи железного века. Краниологические серии XI–XIII вв. с территории Беларуси по своим основным морфологическим показателям характеризуются значительным сходством с антропологическими характеристиками более древнего населения Восточной Литвы и литовско-польско-белорусского пограничья периода III–IV и XI–XIII вв. Как отметил Г. Чеснис, субстратное балтское население, также как и более позднее славянское, выделялось такими чертами физического облика, как массивная вытянутая голова (долихоцефалия), низкие орбиты, относительно широкое и среднеширокое невысокое, резко профилированное лицо. По мнению автора, эти черты восходят к глубокой древности, что свидетельствует о продолжительном тысячелетнем сохранении местных антропологических особенностей, несмотря на смену этнического состава населения в результате славянской колонизации во второй половине I – начале II тыс. н. э.

ШПАК Лариса Юрьевна

*Научно-исследовательский институт и Музей антропологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
(Москва), larshp@rambler.ru*

СЛАВОЛЮБОВА Ирина Анатольевна

ЮДИНА Анастасия Михайловна

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва)*

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЧИВОСТИ ПАЛЬЦЕВЫХ УЗОРОВ НАРОДОВ ВОЛГО-КАМСКОГО РЕГИОНА

Исследована серия отпечатков рук мужчин (558 чел.) башкир, марийцев, татар и удмуртов Башкирии, чувашей Чувашии, а также мордовских и русских мужчин юго-восточной Мордовии. Вариации частот узоров на пальцах рук демонстрируют сходные тенденции во всех изученных группах. Особенности билатерального распределения узоров трех фаланговых систем выявляют одновременное усложнение узоров дистальных фаланг и упрощение медиальных и проксимальных на правых руках. Для левых рук наблюдается обратная тенденция, при этом отмечаются билатеральные различия по направленности папилляров

на фалангах. Особенности распределения признаков на апикальных пальцевых подушечках указывают в целом на преобладание европеоидной компоненты в дерматоглифике народов Волго-Камского региона. Однако усложнение кожного рельефа и увеличение количества дельт на дистальных фалангах, а также накопление простых узоров на медиальных и проксимальных фалангах может говорить об усилении монголоидной составляющей в их дерматоглифике. Сравнение исследованных групп по частотам узоров всех трех фаланговых систем выделило группы народов с минимальной долей монголоидного компонента или без него (мордва, русские), группы с наиболее выраженными монголоидными признаками (башкиры) и с группы с промежуточным положением (марийцы, чуваше, татары, удмурты). В ориентации кожных узоров фаланг пальцев наблюдается тенденция к понижению узорной симметричности в группах с промежуточным положением. Многомерные статистические анализы межгрупповой изменчивости дерматоглифики народов Волго-Камского региона демонстрируют диагностическую значимость признаков медиальных и проксимальных фаланг, что позволяет говорить о целесообразности их дальнейшего использования в этнической дерматоглифике.

Секция 9
ПЕРЕКРЕСТКИ И ГРАНИЦЫ В КАРТИНАХ МИРА ЕВРАЗИИ

Октябрьская Ирина Вячеславовна – д.и.н., зав. отд., Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

E-mail: siem405@ya.ru

Самушкина Екатерина Викторовна – к.и.н., н.с., Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

E-mail: khakassie@yahoo.com

АБЛАЖЕЙ Наталья Николаевна

Новосибирский государственный университет (Новосибирск),
ablazhey@academ.org

**ДОРОГА НА РОДИНУ: ТЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ И
РЕПАТРИАЦИИ В ИСТОРИИ
АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ**

Дискуссия о возвращении на родину в среде армянской диаспоры была связана с осмыслением исторических событий. Армянская диаспора относится к числу «исторических». Истоки ее формирования уходят в эпоху финального средневековья. Колоссальное увеличение армянской диаспоры происходит в начале XX века. Тогда, спасаясь от геноцида Османской империи 1915 г., армянские беженцы обосновались во многих городах Европы, Ближнего Востока, в России, на Украине, в Грузии, в Америке. На финальном этапе Второй мировой войны руководство СССР предложило решение «армянского вопроса» путем приема в стране полумиллиона армян, при условии возвращения Турцией западных армянских территорий, что вызвало широкий резонанс в армянской диаспоре и обеспечило массовое переселение. В 1946–1949 гг. из 12 стран Ближнего Востока, Европы и Америки в СССР прибыло почти 100 тыс. зарубежных армян. Затем, вопреки мнению руководства Советской Армении, программу возвращения свернули по политическим и экономическим причинам. Но тема «дороги на Родину» заняла важное место в мировоззрении диаспоральной элиты (политической и религиозной) и в сознании рядовых переселенцев – армян разных поколений. Для армянской диаспоры идея «возвращения» стала консолидирующим фактором в исторической памяти; послевоенная репатриация оценивалась как «Великая». Концепция «возвращения», предполагавшая репатриацию через историческую на этническую родину, стала коллективной стратегией для части этноса.

АРБАЧАКОВА Любовь Никитовна

Институт филологии СО РАН (Новосибирск), anzass@mail.ru

**ПУТЬ ШОРСКОГО СКАЗИТЕЛЯ:
СЛЕДУЯ ЗА БОГАТЫРЕМ-АЛЫПОМ**

В трансляции эпической традиции шорцев большую роль играет фигура сказителя-кайчи. Согласно канону, кайчи ведет повествование от первого лица, неустанно «следуя» за героем-богатырем. Впервые об этой особенности упомянула Н.П. Дыренкова в фундаментальной работе «Шорский фольклор» 1940 г. «Мой ум по пути сказки отправился» – так говорили сказители, что свидетельствовало об их осознанном от-

ношении к роли «путешественника» в эпическом пространстве. Дар кайчи, переданный ему духом-хозяином кая, позволял «видеть» путь богатыря и «следовать» за ним. Этот навык сохранили современные кайчи: В.В. Таннагашев, А.В. Рыжкин, А.П. Напазаков, Д.К. Турушпанов в экспозиции героических сказаний становились участниками действия, время от времени напоминая об этом слушателям – «Ехать ему долго, / Мне рассказывать коротко». Неоднократно отмечалось, что способность шорских сказителей к эпическим странствиям была сопоставима со странствиями шаманов. Сказитель, как и шаман, поддерживал связь между реальным и мифическим мирами. Он, как и шаман, не мог отступить от избранного пути; всякая ошибка (уход от богатыря) могла иметь для него трагический финал. Присутствие кайчи в эпическом сюжете в роли рассказчика, следующего за алыпом, важно было не только для него самого, но и для слушателей. По окончании исполнения эпоса, как правило, сказитель «делил» удачу героя между присутствующими. Путь богатыря-алыпа становился его личным путем обретения вдохновения, мастерства и служения творчеству.

БАЛТАБАЕВА Кулгазира Нурановна

Аналитический центр Республиканского общественного объединения «Всемирная ассоциация казахов» (Алматы, Республика Казахстан), kulgazira_777@mail.ru

ПУТИ МИГРАЦИИ КАЗАХОВ ЕВРАЗИИ

Формирование казахской диаспоры Евразии связано с колониальной и переселенческой политикой Российской империи; демаркацией границ и военными конфликтами конца XIX – начала XX века; советскими социально-экономическими преобразованиями первой половины XX века; с политическими репрессиями и голодом начала 1930-х годов. Пути массовой эмиграции казахов из северо-восточных и южных регионов советского Казахстана пролегали в Китай, Монголию, Россию; из западных и южных областей – в Иран, Афганистан. В 1930–1950-х гг. казахи Синьцзяна бежали в Индию и Пакистан; политическое убежище им предоставила Турецкая Республика; тогда же казахи оказались иммигрантами в Западной Европе и США. На 1950-е годы приходится реэмиграция казахов из Китая на территорию СССР. На протяжении XX в. казахская диаспора (около 4,5 млн чел.) оказалась представлена в 40 странах; и более всего – в Китае, Узбекистане и России. Адаптивность, мобильность в мультикультурном пространстве при сохранении этничности стали ее отличительными характеристиками. В современном Казахстане проживает более 17 млн чел. С 1991 г. по 1 января 2015 г. в страну верну-

лись и получили статус репатрианта 952 882 казаха – 5,5% от общей численности населения. К настоящему времени миграционные ресурсы Казахстана за счет этнических казахов оказались в основном исчерпаны. Перспективы его дальнейшего развития во многом связаны с формированием активных диаспоральных стратегий, прежде всего, в евразийском пространстве.

БОБРОВА Анна Ивановна

Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова (Томск)

МАКСИМОВА Ирина Евгеньевна

Томский государственный университет (Томск), imaxi59@mail.ru

ДОРОГА К ПРЕДКАМ В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭВЕНКОВ

Согласно традициям эвенков, посмертная локализация душ умерших (оми) вариативна. В иной мир ведет множество дорог. Души предков, ставшие покровителями, обитают высоко в горах-бугады. Во время общеродового праздника иконипко эвенки сооружали ритуальные конструкции, обеспечивающие перемещение в пространстве и во времени к местам их обитания. По мере «продвижения в горы» шаман «уходил в прошлое» – использовал архаичную лексику, упоминал старинные орудия труда, выкрикивал слова, обозначающие этапы сотворения земли. Но для духов-предков этот путь одновременно был «дорогой в будущее»; он не предполагал обратного возвращения.

Выстраивая схему мифического космоса, эвенки под «средней землей» располагали «землю, которой уже нет», населенную полумифическими существами: мамонтами, исчезнувшими племенами нюрингды, чулуды, нгамендри. Попасть к ним мог любой человек через пещеры, озера, водовороты. Этим же путем можно было выйти обратно.

Собственно «миры мертвых» (родовые) находились еще ниже. Шаман проникал туда через отверстие Полярной звезды вооруженный специальной атрибутикой: обувью из медвежьих лап и особого посоха-тыевуна.

Душа обычного человека добиралась «в селения предков» по реке Энгдекит, пронизывающей все уровни космоса и впадающей в «море Нижнего мира»; она могла вернуться, если у нее хватало сил выйти на берег или повернуть обратно до границы между мирами. Энгдекит изобиловала водоворотами, ведущими в «мир мертвых», где душа умирала окончательно, поэтому путь туда был для нее запретным.

ВАРЛАМОВА Елена Петровна

Сургутский государственный педагогический университет (Сургут), f-minor@mail.ru

«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА»: КОНЦЕПТ «ПУТИ» РУССКИХ ГОРОЖАН СОВРЕМЕННОЙ СИБИРИ

Преодоление больших расстояний давно стало реальностью для жителей России. В традиционном (доиндустриальном) обществе во время путешествий дистанция долгого пути приобретала событийный характер. Его хронотоп вбирал в себя множество вариантов прохождения и существования. Индустриальное общество создало развитую транспортную инфраструктуру. Современные технологии

путешествий делают неактуальным «проживание» в преодолеваемом пространстве. Хотя перемещения на большие расстояния по-прежнему играют большую роль в жизни горожан Сибири вообще и ее северных «нефтяных» регионов в частности. Среди жителей северных «нефтяных» городов большой процент составляют выходцы из европейской части России. Они чувствуют себя причастным к местам исхода и местам проживания – к статичным территориальным единицам – городам и поселкам, которые в их представлениях обладают целостным реальным обликом. В то же время, содержание «пути», который они совершают ежегодно, нивелируется. Географические карты для современных обывателей утрачивают свою актуальность. Востребованным становится расписание движения (самолетов и поездов и проч.), которое выстраивает отношение человека и со временем, и с пространством. Прогресс, ускоряя перемещение, нивелирует разницы между расстоянием и временем, которое на него затрачивается. Меняется содержание концепта «пути». Он не воспринимается более как некое жизненное, наполненное событиями, пространство. Потребность в сохранении времени приводит к разрушению пространства как такового. Оно имеет тенденцию в «исчезновению» в сознании современного горожанина Сибири.

ГЕЙБЕЛЬ Юлия Викторовна

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), julija-hld@mail.ru

МЕННОНИТЫ СИБИРИ – «НАРОД В ПУТИ»*

«Volk auf dem Weg» («Народ в пути» – нем.) – так принято называть немецкое население России, одной из групп которого являются меннониты. Историю этого этноконфессионального сообщества определяют миграции. Возникнув как протестантская деноминация в эпоху Реформации, в XVI веке в Нидерландах, меннониты противопоставили свои убеждения католической церкви и законам служения государства. В результате они подверглись притеснениям и вынуждены были на протяжении XVI–XVIII вв. скитаться по Европе. В середине XVIII века меннониты, в числе приглашенных иностранных граждан прибыли на территорию Российской Империи. Здесь по велению Екатерины I они получили право на свободу вероисповедания и существенные привилегии. Быстрый рост менонитских общин, сопровождавшийся экономическим подъемом, привел к их исходу за пределы Южной России. В конце XIX века они появились в Сибири. Частичное снятие привилегий, события Первой мировой войны, революционные преобразования в России сделали актуальной эмиграцию меннонитов в Америку. На протяжении XX века меннониты Сибири разделили трагическую судьбу немецкого сообщества России. С 1990-х годов начался исход за пределы государства. В настоящее время меннониты представлены во многих странах; их миграционные потоки не ослабевают и зачастую сопровождаются миссионерской деятельностью. Сохранившиеся общины меннонитов Сибири выстраивают карты своих контактов и путешествий с учетом связей, сложившимися с единоверцами и бывшими земляками в Германии, США и Канаде.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 14-50-00036.

ГРАМАТЧИКОВА Наталья Борисовна

*Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург),
n.gramatchikova@gmail.com*

**«РУССКИЙ ОРЕЛ» vs ПЛУТОН-ШАЙТАН:
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА ЮЖНОГО
УРАЛА В «ОРЕНБУРГСКИХ ГУБЕРНСКИХ
ВЕДОМОСТЯХ» 1840–1850 ГОДОВ**

С 1845 г. в «Оренбургских губернских ведомостях» описания этносов и этнокофессиональных групп, населяющих губернию, стали частью редакционной политики. Этнографические данные были представлены в различных газетных жанрах: в статистических обзорах, очерках, в репортажах с мест событий; они были составной частью некоторых травелогов и «передовых статей» от редакции. Несколько позднее этнографическая тематика была подвергнута влиянию беллетристики, что сразу добавило яркий элемент художественности газетным текстам. В целом в рамках формата «Оренбургских губернских ведомостей» воссоздавался весь спектр описания полиэтничного сообщества южноуральского региона: внешность, особенности характера, обычаи, верования, типичные ситуации контактов различных народов. Происходило конструирование «идеологической карты» территории, состоящей из разностилевых «слоев», где на высшем государственном уровне парил «Русский орел над Святой Русью», а в описании географических объектов (пещер, озер и др.) проникали «тени» (часто изображения демонических существ) этнического происхождения. На страницах газеты присутствовали элементы разнонаправленных стратегий освоения мультикультурного пространства, в том числе: следование расхожим этническим стереотипам, конструирование новых, важных для региона идеологем и концептов («отдых под властью русских» и др.), экспрессивное выражение чувств по отношению к многочисленным разноязычным соседям (снисхождение, презрение, опасение, страх, удивление). Таким образом, период середины XIX века можно обозначить как важный этап становления этнографической составляющей в «Оренбургских губернских ведомостях», и в целом, в уральской региональной прессе в условиях господства имперского дискурса.

ЕРЕМИН Леонид Валентинович

Правительство Республики Хакасия (Абакан)

КУЛИМЕЕВА Виктория Кимовна

*Хакасский республиканский национальный музей-заповедник
(с. Казановка, Республика Хакасия),
leo_eremin@mail.ru*

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ:
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И
ПУТИ ОСВОЕНИЯ**

В конце 2014 г. был принят Федеральный Закон № 315-ФЗ об объектах культурного наследия, который конкретизировал определение «религиозно-исторических мест» и обозначил механизмы их учета и сохранения. Изменения в федеральном законодательстве стимулировали создание профильных региональных программ, в том числе в Республике Хакасия. Культурное наследие республики включает

обширный перечень священных гор, скал, камней, перевалов; в ее границах известны более 300 объектов, около 40 из них сохраняют свое значение в актуальных сакральных практиках. К особо почитаемым относятся: изваяние *Ах тас* и скала *Тура хая* (в Хакасском республиканском национальном музее-заповеднике), изваяние *Улуг Хуртуях тас* (в Анхаковском музее-заповеднике), изваяние *Хуртуях тас палазы* (в Музее под открытым небом «Усть-Сос») и Салбыкские ворота (в музее «Древние курганы Салбыкской степи»). Рядом с ними, а также в других районах Хакасии известен феномен «дорог горных духов», которые не могут пересекать живые люди. Культурное наследие Хакасии имеет пространственное измерение. Маршруты, связывающие почитаемые объекты, входят в традиционную картину мира, в эзотерические и квазинаучные схемы. Они активно осваиваются в рамках современного туризма, формируя образ «живого» локуса – пространства гармоничной включенности человека в мироздание на условиях равновесия реального и трансцендентного, природного и социального. Сциентизация и мифологизация определяют отношение к историко-культурным ландшафтам Хакасии современных горожан. Путь к святыням остается наиболее востребованным путем освоения культурного наследия.

ИТКУЛОВА Лэйсян Ахметовна

*Башкирский государственный университет (Уфа),
litkulova@mail.ru*

**ПЕРЕКРЕСТОК КАК СИМВОЛ
ВЫБОРА В СКАЗКЕ**

«Герой на перепутье» – это один из наиболее распространенных мотивов волшебной и героической сказки: на перекрестке дорог одинокий герой размышляет о том, какая же из них приведет его к заветной цели. Выбор пути означает не просто выбор направления движения, но определение всей последующей линии его поведения. Сказочная модель выбора не является результатом интеллектуальной или моральной рефлексии. В сказке нет индивида, ее герой имеет обобщенный «геральдический» образ, отвечающий характеристикам, актуальным для коллективного бессознательного. Дорога, согласно архаичным концепциям жизни, определяет будущее. Соотнесенный с бинарностью левого и правого, чета и нечета, процесс самоопределения на перекрестке в сказке приобретает характер гадания. И нельзя утверждать, что выбор героя предопределен, а результат известен заранее. Сказочный герой может пойти «направо» и победить; может пойти «налево» и понести потери нравственного и материального порядка. Дорога «направо» нелегка, но только она приносит добрые плоды. Древнейшая модель выбора, символом которой выступает перепутье, учит, что человек должен выбирать из двух зол меньшее, которое может обернуться добром при соблюдении определенных правил (не нарушать табу, прислушиваться к советам мудрецов и т.п.). Перекресток, по всей видимости, принадлежит к числу архетипических символов. Категория «выбора», таким образом, включается в систему архаичных ценностей, но предопределяет ее дальнейшую трансформацию.

КИКНАДЗЕ Диана Гургеновна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), d.kiknadze@mail.ru

**ЯПОНЕЦ НА ЧУЖБИНЕ:
МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЧУЖОГО ПРОСТРАНСТВА
В СБОРНИКЕ ЖАНРА СЭЦУВА «РАССКАЗЫ,
СОБРАННЫЕ В УДЗИ», XIII ВЕК**

Японский жанр *сэцува*, который определяет характер сборника «Рассказы, собранные в Удзи» XIII в., формируется на основе местной традиции (сказка, синтоистское предание, буддийская легенда, светский анекдот) под влиянием китайской литературы. В повествованиях в жанре *сэцува* герои попадают в фантастические ситуации, или встречаются с мифологическими персонажами; порою эпизоды из жизни конкретных личностей обрастают невероятными подробностями. При анализе таких историй выделяются: 1) сюжеты о хождении героев за море, или о нахождении на корабле в чужеземной акватории; 2) сюжеты о злключениях японских буддийских монахов в Китае.

Эти истории объединяет выражение страха средневековых японцев перед путешествием в чужеземные страны, который определяет факт расставания с родными местами и перемещения в чужое, неведомое пространство, особенно морским путем. Причины страха коренятся не только в замкнутом образе жизни островитян, но и в архаичных верованиях (позже вошедших в синтоизм), согласно которым каждая местность охраняется локальными божествами-ками. Перемещаясь по «своей» территории, японцы, поклонявшийся местным, «родным» ками, находился под их «юрисдикцией». Во время столь далекого путешествия, как поездка в Китай, он лишался покровительства местных богов. Сюжеты заморских путешествий всегда включали описания атак демонических существ и характеристики их злых чар. Для японских монахов-буддистов гонения на буддизм в Китае оценивались сквозь призму демонологии и описывались с помощью фантастических приемов.

КИМ Екатерина Валерьяновна

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), ux_0001@hotmail.com

КОРЕЙЦЫ РОССИИ: ПУТЬ В ДИАСПОРЕ*

Путь может служить символом истории корейской диаспоры. За 150-летний период проживания в России корейское сообщество неоднократно меняло локализацию. В 1930-е годы корейцы, изначально компактно проживавшие в пределах Дальнего Востока, были депортированы в советские среднеазиатские республики, и до середины 1950-х годов проживали, главным образом, в Узбекистане и Казахстане. Со снятием репрессивных ограничений, корейцы стали активно перемещаться по всей территории СССР. В России сложился дисперсный характер их расселения. По данным Всероссийской переписи 2010 г., корейцы проживали во всех субъектах Российской Федерации; их доля от общей численности населения в регионах стра-

ны была в среднем ниже 1%, за исключением Приморского (1,04%) и Сахалинского краев (5,27%). Опросы, проведенные в Сибири, показывают, что большинство корейцев среднего и старшего возраста 2–3 раза в жизни меняли места проживания. И в настоящее время корейское сообщество характеризует высокий уровень миграционной подвижности: 28% опрошенных планируют переезд в другой регион России; 22% положительно оценивают перспективы переезда в другую страну; 4% от общего числа респондентов заявляют о планах переезда в Республику Корея. Мобильность не только территориальная, но и социальная является отличительной чертой корейской диаспоры. Государственные стратегии Республики Корея по отношению к соотечественникам учитывают этот фактор. Пример корейской диаспоры, в известном смысле, иллюстрирует тезис британского социолога З. Баумана о превращении мира в «архипелаг диаспор».

КОЖИН Павел Михайлович

Институт Дальнего Востока РАН (Москва), pmkozhin@gmail.com

**СООТНОШЕНИЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА
В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНИЧЕСКИХ
(ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ) ТЕРРИТОРИЙ**

Проблемы территорий (границы, специфика природных условий, тенденции заселения, освоения, хозяйствования, почитания) этнических групп, политических и прочих популяционных объединений для лингвистических, этнологических и археологических исследований одинаково важны, но в разной степени разрешимы. Путем увеличения числа пунктов наблюдения, указанные вопросы могут свободно уточняться в лингвистике и этнографии. Однако при переходе от пространственных обобщений в устойчивой единой этнической среде (ситуация все менее реальная при возрастающей миграционной подвижности) к изучению последовательных ретроспективных временных срезов, фиксирующих вышеуказанные показатели на разных уровнях прошлого, достоверные данные сменяются реконструируемыми. Надежность реконструкций снижается по мере того как языковая символика современной этнической группы все в меньшей степени подкрепляется письменными свидетельствами на углубляющихся в прошлое временных срезах, вследствие чего возрастает гипотетичность при попытках фиксации древних языковых состояний. При этом возможность подтверждения этнической идентичности группы все в большей степени начинает нуждаться в иных способах систематического обоснования. Особо ненадежными оказываются чисто статистические методы (малое число исходных данных, неизвестность генеральной совокупности и т.д.). Явно ощущается необходимость разработки комплексной методики. Она может, в основном, базироваться на концепции хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, разработанной М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым (1955 г.). Эта концепция имеет твердое историографическое обоснование в мировых этнологических теориях и получает позитивное подтверждение в шестидесятилетней этнографической практике, постоянно вносящей в нее необходимые методические поправки.

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 14-50-00036.

МАКСИМОВА Ирина Евгеньевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), imaxi59@mail.ru

**«БЕСКОНЕЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»:
ОБРАЗ ДОРОГИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ
ЗАПАДНЫХ ЭВЕНКОВ СИБИРИ**

Западные эвенки Сибири воспринимали практически все географическое пространство как потенциальную «дорогу», открытую для передвижений. По этому признаку они отличали себя от соседних этносов. Охотники и оленеводы, они воспринимали пространства глухой тайги как освоенные и безопасные; напротив потенциальная опасность исходила, прежде всего, от обжитых мест: чужие стоянки и святилища, духи брошенных вещей и т.п. могли причинить вред. Эвенки не боялись неторенных путей. Они «держали в голове» всю карту местности, а не только охотничьи тропы; описывали пройденный путь как смену ландшафтов и ориентиров, отражающихся в топонимах. Эвенкийские охотники совершали перекочевки на значительные расстояния, например, с реки Сым на реку Васюган, опираясь только на ментальные схемы. Для передачи текущих сведений существовала система таежных кратковременных меток. Сезонные перекочевки с оленями проходили по маршрутам, предполагающим наличие удобных пастбищ, стоянок у источников воды и т.п. Такие «дороги», особенно ведущие на водоразделы рек, обозначали постоянными метками, которые периодически обновляли. Поскольку сам образ жизни западных эвенков был постоянной дорогой, то и будущее воспринималось ими как «путь». Реальные знания корректировали сакральные практики эвенков – во время ежегодных родовых праздников *иконипко* шаманы «вели» свои рода по мифическим маршрутам, которые описывали как и реальные дороги. Протяженность и качество этих дорог определяли судьбу охотников и оленеводов тайги на ближайшее будущее.

МАТВЕЕВ Алексей Викторович

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск), amatveev@list.ru

**ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЯ
СИБИРСКИХ ТАТАР**

Традиционная культура путешествия (ТКП) сибирских татар обладает общими чертами с ТКП других народов, проживающих на территории Западной Сибири. Во многом она восходит к универсальному комплексу практических знаний и навыков и архаичным представлениям о правилах путешествия. Вместе с тем ТКП сибирских татар имеет свои характерные особенности. В ритуалах и обрядах, связанных с путешествием этого народа часто фигурирует хлеб. Приняты: ритуальное откусывание путешественником куска хлеба перед отправлением в путь, кормление во дворе собак хлебом, обязательное употребление хлеба в гостях. В среде сибирских татар известны бережные технологии, связанные с дорогой. Татары не придавали особого значения внешним характеристикам первого встречного за пределами двора человека для предсказания удачи/неудачи предстоящего пути – просто делали ему подарок. Абсолютной защитой от любых неприятностей служили монеты;

их в качестве искупительной жертвы нужно было бросать на землю, или в воду. Начало и окончание путешествия у сибирских татар имело акцентированный характер: во время проводов и встречи родных и гостей обычно исполняли песни. Согласно татарскому этикету, путешественник перед входом в чужой дом совершал комплекс действий: укреплял ветку дерева во дворе у порога дома, читал молитву в дверях дома, окуривал внутреннее помещение жилища. Все эти действия были направлены на защиту и путника, и дома, и населяющих его людей от злых духов.

НАЗАРОВ Иван Иванович

Алтайский государственный университет (Барнаул), nazarov@email.asu.ru

**ПРОМЫСЛОВЫЕ ТЕРРИТОРИИ И ОХОТНИЧЬИ
МАРШРУТЫ КУМАНДИНЦЕВ В XIX–XX ВЕКАХ**

Основу хозяйства коренного тюркского населения Северного Алтая – кумандинцев – на рубеже XIX–XX веков составляла зимняя таежная охота. Специфика местных природно-климатических условий предопределяла характер и формы ведения охоты. Обилие снежных осадков делало возможным передвижение только на лыжах. Основные маршруты промысловиков пролегли, как правило, по открытым участкам: просеки, замерзшие реки, чистые поляны и т.п. Маршруты и охотничьи угодья были разделены между *сеоками* – родовыми объединениями. Они выстраивались в пространстве, где находилась родовая гора – святины, с которой связывали благополучие человеческого и природного сообществ. Полагали, что только члены *сеока* могли осуществлять здесь промысловую деятельность. Вместе с тем, известные у кумандинцев в начале XX века способы формирования охотничьих коллективов, свидетельствуют о том, что входившие в артель промысловики, не всегда были связаны между собой родством по *сеоку*. Согласно материалам землеустроителей, осуществлявших нарезку земель поселениям на Северном Алтае в начале XX века, охотничьи маршруты кумандинцев были протяженными и занимали значительные пространства в междуречье Бии, Катунь, Лебеди. Данные середины и второй половины XX века позволяют утверждать, что закрепление за артелями промысловых угодий осуществлялось по территориальному принципу. Таким образом, происходило изменение принципов структурирования охотничьих территорий, а также изменение содержания охотничьих маршрутов в единстве их природно-хозяйственной, социальной и сакральных составляющих в ходе стремительных процессов социо-культурной трансформации аборигенных сообществ Северного Алтая.

ОКТАБРЬСКАЯ Ирина Вячеславовна

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), siem405@yandex.ru

**ПУТЬ В КУЛЬТУРЕ ТЮРКОВ СИБИРИ:
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ И
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ***

Концепт пути универсально занимает одно из значимых мест в традиционных картинах мира Евразии. Он является

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 14-50-00036.

ключевым при структурировании мироздания, имеет пространственное, временное и социальное измерение; выступает методом и формой описания реального и сакрального хронотопа, приватного и публичного пространства и времени. В мировоззренческих системах тюркских народов путь служит обобщенным выражением жизни человека в череде преград, перевалов, препятствий и испытаний. В эпической и мифо-ритуальной традициях он выступает в трех основных вариантах – путь охотника, воина-богатыря и шамана. Эти модели соотносятся друг с другом, позволяя сопрягать профанные и сакральные формы структурирования пространства и жизни. Кодифицированный эпосом и мифом путь превращается в одну из «культурных матриц» тюркского мира. Она сохраняет свое значение вплоть до современных практик. Открытый путь – символ благополучия человека в представлении казахов Алтая. Начало удачного пути сопровождает *саадака* и благословение – *бата*. Путь в открытое пространство, в будущее – это путь мужчины. Только в честь мужчин, юношей, мальчиков казахи устраивают праздничные застолья, провожая их на учебу, в армию, в паломничество. Ритуализированные проводы и встречи маркируют жизненный путь. Настаивая на непрерывности движения и бесконечности природно-хозяйственных циклов, казахская, как и все тюркские культуры Северной и Центральной Азии, акцентируют начало и конец этого пути как признак его измеримости, а значит реальности. Ритуализированные проводы и встречи делают сопричастным личному пути весь социум.

ПРИЛЬ Людмила Николаевна

*Центр документации новейшей истории Томской области (Томск),
lpril@mail.tomsknet.ru*

ПУТЬ К «ЧИСТОМУ» ПРОСТРАНСТВУ В КУЛЬТУРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ СИБИРИ

Миграционная подвижность – одна из характерных черт культуры старообрядцев. Она была вызвана не только (и порой не столько) экономическими причинами, но и рефлексией по поводу дихотомии «чистого» и «нечистого» пространства. Самой «чистой» являлась Святая Земля, где прошли земные годы Спасителя. Путешествие к ней заставляло страдать тело и возвышало душу. Но паломничество в Святую землю было невозможно для старообрядцев. Их странствия были поисками «чистого» пространства, свободного от икониян. Итогом становился выбор места, где возникал «свой мир» истинно верующих – земля обетованная, Беловодье. Крепость веры и чистота пространства были взаимосвязаны в культуре старообрядцев, где сопрягались полярности: путь и затворничество – как уход из мира антихриста и выход «чистое» пространство. Следуя христианскому канону («Я есмь путь и истина и жизнь» – Иоанн XIV, 5–6), старообрядцы-странники рассматривали путь

как метод личного восхождения к сакральному. Они искали нехоженые (тайные) дороги к незаселенным местам. Преследования и трудности увеличивали нравственные заслуги путников-староверов. Сложности пути повышали его метафизическую ценность. В поисках «чистого» пространства старообрядцы ориентировались на стратегию изоляции, когда ниша конфессиональная совпадала с нишей территориальной; и периметр безопасности приобретал не только социальные, но и географические очертания. Путь к «чистому» пространству был одновременно коллективным выбором и средством обретения, поддержания и выражения группового единства и самосознания старообрядцев Сибири.

САМУШКИНА Екатерина Викторовна

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
khakassie@yahoo.com*

«ВЕЛИКОЕ КОЧЕВЬЕ»: СОВЕТСКИЙ ПУТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ АЛТАЯ*

В 1935 г. сибирским писателем А.Л. Коптеловым был написан роман «Великое кочевье», который редактировался автором до 1964 г. Он стал пространной иллюстрацией процесса модернизации Алтая в его советской редакции. Стратегии преобразования жизни коренного тюркоязычного населения – скотоводов-кочевников края разрабатывались на протяжении 1920–1930-х годов. Особое внимание уделялось традиционным социальным институтам – родовой организации алтайцев. Осознавая реальную конкуренцию со стороны родовых старейшин – *зайсанов*, советская власть пыталась их дискредитировать. Традиционную элиту представляли проводниками царской колониальной политики, угнетателями народных масс. Основой существования социальных структур уходящего мира, по версии советских партийных деятелей, был кочевой образ жизни. Адаптируя цивилизационный концепт к константам ленинской национальной политики, идеологи нового строя рассматривали переход от кочевой жизни к оседлой, как важнейший этап национального строительства, как показатель культурного и социального прогресса. Советские агитаторы подчеркивали, что проводя идею о самобытном хозяйственно-бытовом укладе аборигенного населения, местные националисты пытались сохранить социальное неравенство, препятствовать прогрессивному поступательному развитию Алтая. Культурные и религиозные традиции подлежали забвению как проявление «темного прошлого». Показательным является один из эпизодов романа А.Л. Коптелова «Великое кочевье», описывающего «последнюю перекочевку» от традиционного образа жизни к оседлому. Символической картиной перехода от старого к новому миру была сцена, где трактор вспахивал поле и выкорчевывал из земли каменное изваяние, которому еще недавно поклонялись местные жители.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 14-50-00036.

Секция 10
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И МОДЕЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ
В СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Адаев Владимир Николаевич – к.и.н., Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень)

E-mail: whitebird4@yandex.ru

Любимова Галина Владиславовна – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

E-mail: terra-gl@mail.ru

АГАФОНОВА Анна Борисовна

*Череповецкий государственный университет (Череповец),
unerkannt@bk.ru*

ПРАКТИКИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В
ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(на материалах Вологодской и
Новгородской губерний)

Урбанизация и промышленное развитие в последней трети XIX – начале XX века обусловили возрастание антропогенной нагрузки на окружающую среду в провинциальных городах Российской империи. Приток в города сельского населения благоприятствовал поддержанию в них традиционных практик хозяйствования на протяжении достаточно длительного времени. В частности, во многих малых и средних городах жители держали домашний скот и занимались огородничеством. В условиях неразвитой городской инфраструктуры, увеличение плотности населения приводило к скорому загрязнению городской территории и водоемов. В то же время, в исследуемый период происходил постепенный отход от традиционной модели экологического поведения. Причиной тому служили общее неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние большинства городов и угроза распространения эпидемий. Механизмы трансформации данной модели основывались на законодательном и административном ограничении чрезмерного загрязнения водоемов хозяйственно-бытовыми и промышленными отходами, регламентации месторасположения промышленных предприятий, а также на установлении правил по поддержанию чистоты городской территории. Однако эффективность такого рода регулирования находилась на низком уровне, поскольку в отсутствие должного надзора предписания органов городского самоуправления в сфере охраны общественного здоровья не исполнялись. Совершенствование городской инфраструктуры в данном случае являлось следующим значимым шагом к улучшению санитарно-гигиенических условий проживания, но в силу значительных финансовых затрат, оно было обременительным для бюджетов провинциальных городов.

АДАЕВ Владимир Николаевич

*Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень),
whitebird4@yandex.ru*

КОПАНИЕ КАНАЛОВ В ТРАДИЦИИ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Исследователями неоднократно отмечалась способность даже небольших коллективов охотничье-рыболовецких

народов заметно преобразовывать окружающий ландшафт [Крупник, 1989; Sauer, 1971; Doolittle, 2000 и др.]. Среди способов антропогенного воздействия самым масштабным по своим последствиям являлось выжигание территории. Следующим в этом ряду можно назвать рытье каналов (соединение водоемов, спрямление русел и т.п.). У коренных народов Западной Сибири достаточно четко локализуется ареал, где традиционно осуществлялись подобные гидротехнические работы: это Нижнее Прииртышье – территория проживания южных хантов и сибирских татар. Так, у хантов р. Конда практиковалось рытье дополнительных рукавов в устье небольших рек для установки рыбных ловушек. Ханты р. Демьянка активно занимались перекапыванием длинных мысов для искусственного спрямления русла реки. Скорее всего, данная практика была заимствована ими от соседнего татарского населения, у которого прокладывание каналов нашло широкое применение как для обеспечения удобного транспортного сообщения между водоемами, так и для повышения эффективности рыболовства. Их каналы, соединявшие озера или уходящие от водоемов в сторону болот, местами составляли сложную разветвленную сеть. Версия с заимствованием тем более вероятна, что, например, у хантов р. Большой Юган, проживающих немногим севернее, копание каналов для спрямления русла находится под сакральным запретом. Сходные воззрения, негативно расценивающие подобные рукотворные изменения ландшафта, были зафиксированы во многих других районах Севера Западной Сибири.

АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич

*Бурятский государственный университет (Улан-Удэ),
aktamov13@gmail.com*

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК
ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ

Современное общество сталкивается с проблемами различного характера – от угроз распространения лихорадки эбола до противодействия терроризму и экстремизму во всех его проявлениях. Не менее актуальной является проблема сохранения природной среды и устойчивого развития общества. В этом плане одним из эффективных механизмов изучения проблемы и поиска путей ее решения выступает понятие «культурно-образовательная среда», которое можно использовать для адекватного описания общей культурно-образовательной ситуации в локальной местности. Сегодня образованием и воспитанием подрастающего поколения занимается не только школа, но и другие социальные культурно-образовательные институты (семья, школа, СМИ, местная власть,

общественные организации и др.). При этом вклад каждого института может быть дифференцирован. Таким образом, культурно-образовательная среда понимается как система социальных институтов, связанных между собой историко-культурной традицией, а также особыми механизмами взаимоотношений, к которым относятся этнические традиции, язык, религия. Культурно-образовательная среда влияет на формирование отношения личности к природе родного края, поскольку привязанность к «малой родине» может способствовать эмоциональному стремлению к сохранению природной среды. Формирование экологической ответственности за состояние природы родного края зависит от эффективного использования педагогического потенциала культурно-образовательной среды. И от того, как будут использоваться те или иные стимулы в конкретных условиях, зависит степень экологической ответственности детей и качество самой природной среды.

АНАНЬЕВ Александр Владимирович

*Институт восточноевропейской истории и страноведения
Тюбингенского университета (Тюбинген, Германия),
alexander.ananyev@uni-tuebingen.de*

ПРОЕКТ ЕСOGLOBREG: НОВЕЙШАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И СТРАН-ПРЕЕМНИКОВ, 1970–2000. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА*

Цель совместного немецко-французского исследовательского проекта «EcoGlobReg» – изучение советской и постсоветской экологической истории, выходящей за рамки существующих организационных и политических границ. В фокусе проекта находятся процессы экологизации политики и общества последней трети XX века, протекавшие порой достаточно бурно, и направленные как на поддержку экологии в качестве существенного фактора развития, так и против нее. Многосторонний анализ взаимодействия и взаимовлияния экологизации и деэкологизации на уровне межгосударственных отношений, а также центральных политических сил отдельных государств и деятельности региональных акторов осуществляется в рамках проекта благодаря скрещению специфических глобальных и региональных интересов отдельных исследований, объединенных общими целями. Фокус инновационного многоперспективного подхода исследовательского проекта направлен на East Side Story, восточную сторону глобальной экологической истории.

БОУКАЛ Томаш

*Университет города Пардубице (Пардубице, Чехия),
tom-b@email.cz*

ЛАНДШАФТНАЯ ЭКОЛОГИЯ СВЯЩЕННЫХ МЕСТ МАНСИ

Этнология и антропология для решения своих задач иногда эффективно пользуются экологической терминологи-

ей. Так как ландшафтная экология (геоэкология) является специфической дисциплиной со своей методологией, я предлагаю использовать ее скорее как отправную точку для рассмотрения священных мест в качестве компонентов ландшафта. Одним из первых изучением взаимодействия религиозных и экосистемных элементов на конкретных этнографических материалах занимался Р. Раппапорт (1968). Полезными в этом отношении являются и теоретические разработки Р.Т.Т. Формана и М. Годрона (1993), рассматривавших ландшафт как комбинацию экосистем, а ландшафтную экологию как дисциплину, изучающую, каким образом эта комбинация экосистем функционирует. В этом ключе священные места манси можно представить элементами ландшафта (экотоп, фация, урочище), находящимися на стыке природного и культурного пространства и устанавливающими экологические связи в рамках этнической экосистемы. Священные места анализируются здесь не только в рамках природного (горизонтального) ландшафта, но и как важная составляющая в ландшафте религиозном (вертикальном). Интереснейшими вопросами для научного анализа являются: (1) какие функции выполняют священные места в качестве компонентов ландшафта? (2) каким образом эти ландшафты пересекаются и взаимодействуют в природной и религиозной проекциях?

БОЧАРНИКОВ Владимир Николаевич

*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (Владивосток),
vbocharnikov@mail.ru*

«ДИКАЯ ПРИРОДА» И «КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ»: СМЫСЛОВЫЕ ПОЛЯРНОСТИ ИЛИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ?

Современные вызовы человечеству требуют срочного изменения парадигмы сегодняшней цивилизации, ориентированной в основном на материальные ценности и потребительские отношения в жизни людей. Проблематика этноэкологических исследований слабо отражена в большинстве географических концепций, что приводит к потерям в целостности пространственного восприятия. Только ландшафт как модель, конструкция и образ обладает целостной территориальной приуроченностью, хотя для восприятия его феномена человек должен понимать свое бытие, интерпретируя знаки, значения, образы и тексты окружающего мира. Культурный ландшафт – это особая локальная территориальная структура, формирующаяся по принципу фрактальности, то есть включения всех компонентов геосферы (абиотических, биотических, биосферных, социальных и духовных) в единую структуру. Нередко понимание культурной составляющей ландшафта ограничивается материальными объектами, посредством которых осуществляется традиционная деятельность людей. Однако главные свойства культурного ландшафта определяются смысловой полярностью концепта, у которого, с одной стороны, должны сохраняться функции природного ландшафта (реформирующие, ресурсовоспроизводящие, хранения генофонда биосферы и др.), с другой – функции обустройства «мест» и «районов» с целью создания комфортных условий жизни человека, как материальных, так и духовных.

* Работа выполнена по программе двусторонней поддержки немецко-французских исследований в области гуманитарных и социальных наук Германского исследовательского сообщества (DFG) и Французского национального исследовательского агентства (ANR).

ВИНОГРАДОВ Андрей Владиславович

Елабужский институт Казанского федерального университета (Елабуга), andreivinogradov@gmail.com

ПЕТРАШИН Станислав Сергеевич

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), s-petryashin@yandex.ru

НОВЫЙ КОКШАН В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ВНЕШНИЙ И ВНУТРЕННИЙ ВЗГЛЯД

Промышленный переворот середины XIX века привел к трансформации экологического сознания образованных слоев Российской империи и формированию экологического дискурса. Особое внимание стали привлекать к себе опасные для окружающей среды крупные промышленные предприятия, в том числе Кокшанский химический завод купцов Ушковых (лидер химической промышленности, 1850–1925), что нашло отражение в научных и публицистических изданиях. С интересом внешних наблюдателей к эколого-санитарным проблемам контрастировал взгляд рабочих и местных крестьян, у которых подобные проблемы отходили на второй план по сравнению с социально-экономическими. Полевое исследование показало, что перелом в экологическом сознании новококшанцев произошел в 1920-е годы, когда был интериоризирован экологический дискурс, который теперь свободно используется ими в коммуникации. Образ Нового Кокшана конструируется в контексте алармистских высказываний об экологической ситуации. Вместе с тем, информанты отказываются от виктимной идентичности (плохая среда – плохое здоровье), положительно оценивая состояние здоровья (свое и своих предков). Некоторое влияние на внешний образ Нового Кокшана оказали авторы исследования, обратив внимание СМИ и прокуратуры на его экологические проблемы. Представленные в исследовании материалы в рамках журналистского и юридического дискурсов были переинтерпретированы и трансформированы в привычный экологический алармизм. Таким образом, резонанс внешнего и внутреннего экологических дискурсов раскрывает большой потенциал экологической проблематики для построения локальной идентичности и конструирования узнаваемого образа Нового Кокшана.

ВОРОБЬЕВ Денис Валерьевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), pakamagan@rambler.ru

ЭКОФОБНОЕ И ЭКОФИЛЬНОЕ В КУЛЬТУРЕ ОХОТНИКОВ НА ДИКОГО СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ

В околонаучной среде применительно к сообществам охотников и собирателей существует два противоположных мнения. Согласно первому мнению, эти люди пребывают в исключительной гармонии с природой, тогда как приверженцы второго видят в них экстенсивных природных расточителей. Действительность же оказывается более сложной. Так, в культуре охотников на дикого северного оленя евразийского и американского континентов экофильные и экофобные черты часто сосуществуют и взаимодействуют. Они проявляются как в природопользовании и адаптации к условиям окружающей среды, так и в сфере верований и промысловой этики. Причины экофобности чаще кроются во внешнем воздействии (например, перепромысел под

влиянием коммерческого спроса), но реже также бывают обусловлены внутренними факторами (невозможность или нежелание обработать все туши после массовой охоты). Наряду с гуманным отношением к животному/добыче в процессе охоты могут присутствовать элементы жестокости. В большинстве случаев жестокое отношение табуировано и подвергается порицанию, но временами может практиковаться, когда в этом есть практическая и даже социальная выгода. Все вышеизложенное характерно не только для экологической культуры современных «промысловиков-дикушников», которая постоянно заимствует новые сложные технологии, но и было типичным для групп охотников на оленя в прошлом, когда контакт с доминирующим обществом был либо минимален, либо отсутствовал вовсе.

ГАНОПОЛЬСКИЙ Михаил Григорьевич

Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень), gmichaelg@mail.ru

ЭТОС И ЭТНОС: РЕГИОНАЛЬНЫЙ МАСШТАБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Слова *этнос* и *этнос* приобрели в последнее время неожиданную популярность. Из специальных научных текстов они переключались в речи политиков и статьи публицистов, утвердились в современном общественно-политическом лексиконе, легко преодолели и без того не слишком строгие терминологические рамки. Существуют версии их совместного или же последовательного происхождения. К этому подталкивает созвучие этих слов и сходство в написании. Подобные гипотезы, обладая определенным эвристическим значением, ближе к народной этимологии, нежели к серьезному лингвистическому анализу. Но такой анализ потребовал бы сопоставления понятий этноса и этноса, взятых в полном объеме. В докладе предпринята попытка рассмотреть их взаимодействие в региональном масштабе, причем применительно к вполне определенному объекту – Тюменской области периода ее интенсивного индустриального освоения. Этнос индустриального освоения, индустриальный язык в основе своей наднациональны. Они нивелировали национально-культурные различия, этническое своеобразие в жизни и деятельности людей, приехавших осваивать регион. Этому соответствовали идеологические установки периода активного освоения: принцип пролетарского интернационализма, тезис о советском народе как новой исторической общности. В подобном нивелировании были свои плюсы и минусы. Так, судьба коренных народов Севера не слишком принималась в расчет, а подходящие идеологии всегда были наготове. Будут рассмотрены некоторые вопросы соотношения индустриального этноса и этнокультурного своеобразия коренных народов, в основном с точки зрения ответственности освоителей.

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич

Сургутский государственный педагогический университет (Сургут), gololobov.eig@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XX ВЕКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Рассматривая хозяйственное освоение Севера Западной Сибири с историко-экологических позиций, очевидно,

что на его развитие повлияла политическая парадигма «покорения природы», победившая в СССР в XX в. Ее региональный вариант можно определить как «наступление на Север», «покорение Севера», «завоевание Севера». Преобладающим стал «ресурсный» подход. Акцент был сделан на всемерное развитие добывающей и тяжелой промышленности. Это требовало постоянного вовлечения в хозяйственный оборот новых ресурсов. В советском обществе и науке укоренился стереотип, что основным объектом управления и преобразования должна быть природа, видоизменять которую можно с любыми скоростями и в неограниченных размерах. При этом совершенно очевидно, что технологические и социально-экономические механизмы не менее, а более лабильны, чем природные. Человеку в системе «человек – природа» уделялось мало внимания. Вышеизложенные аспекты диктуют необходимость комплексного осмысления исторического опыта природопользования на Севере Западной Сибири, в центре которого будет находиться человек как природопользователь. При таком подходе преодолевается одномерное видение человека, как бы членимого на различные ипостаси (политическую, психологическую, культурную, социальную, этническую, экономическую) со стремлением найти некую доминанту человеческой сущности. Рассмотрение человека как природопользователя дает возможность его комплексного изучения, когда все формы жизнедеятельности мыслятся как взаимосвязанные и взаимообусловленные. Человек должен быть показан в единстве его социокультурных проявлений, реализующим себя в истории через культуру природопользования, понимаемую как систему взаимосвязанных символов, норм и институтов.

ГУЩИНА Вера Николаевна

*Воронежский государственный университет (Воронеж),
vgushchina@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ

Экологическое сознание является неотъемлемой частью современного цивилизованного мышления, которое по своему социально-пространственному генезису является урбанистическим. Городская культура берет начало в XI в. в Европе, когда рост городского населения поставил вопрос о необходимости соблюдения элементарных норм санитарии и гигиены, правил сосуществования человека и животных и т.д. [Тушина, 1999]. По мере роста сложности и плотности городской среды, эти нормы усложнялись и диверсифицировались. Следующим рубежом стал XIX век – век урбанизации и индустриализации. Пионерами в борьбе за сохранение дикой природы, эстетизацию и экологизацию городского ландшафта стали Дж. Рёскин и У. Моррис. Экологический кризис середины XX века в Европе привел к технологической революции и созданию экологического законодательства. Результатом стало улучшение экологии городов, рост экологической культуры. Россия в Индексе Экологической Эффективности 2014 г. занимает 73 место. Ученые предупреждают, что состояние ее природной среды представляет собой угрозу национальной безопасности и может привести к экологической катастрофе. Причин этой ситуации много (исторические особенности возникновения городов, отставание промышленного развития, историче-

ские катаклизмы и др.). В результате развитое экологическое сознание у россиян почти полностью отсутствует. В качестве образца можно привести экологическую политику Сингапура, который начал путь к цивилизации лишь в 1960-х годах и в 2014 г. занял четвертое место в ИЭЭ, став самым экологически чистым городом Азии.

ЕРМОЛАЕВ Терентий Степанович

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), tererm@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ «НОВОГО ОСВОЕНИЯ» ЯКУТИИ

В условиях развернувшейся борьбы за природные ресурсы Якутия становится одним из самых привлекательных нетронутых природных резерватов. Возрождение советской модели «покорения Севера» происходит сегодня при полном игнорировании экологических аспектов и местной специфики. В настоящее время нависла реальная угроза для уникальной водной артерии мирового значения, реки Лена, в связи с прокладкой по ее дну нефтепровода ВСТО траншейным способом вместо ранее утвержденного в ТЭО тоннельного варианта. Экономия на способе перехода водной преграды, корпорация «Транснефть» закладывает «нефтяную бомбу» под одну из величайших рек мира, подвергая опасности жизни сотен тысяч людей. Экологическая ситуация в Якутии, по мнению специалистов, одна из самых неблагоприятных в ДФО. Регион нуждается в создании комплексной системы экологической безопасности во избежание печальных последствий хищнической добычи природных ресурсов. Разрубить гордиев узел «сырьевого проклятия» возможно только через создание перерабатывающих отраслей с упором на малый бизнес и наукоемкие технологии при крайне бережном отношении к природе. Необходимо установить первостепенность комплексной научной экспертизы любых инвестиционных проектов на стадии их разработки. Следует ускорить законодательскую работу по созданию платформы экологической безопасности при реализации крупных промышленных проектов. Необходимо скорейшее принятие закона об экологическом аудите. Крайне актуально принятие федерального закона об экологическом страховании, который позволит установить правовой механизм возмещения экологического вреда.

КВАШНИН Юрий Николаевич

*Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень),
ukwa@yandex.ru*

АРГИШ В «СТРАНУ МРАКА»

В докладе рассматриваются особенности традиционной погребальной обрядности ненцев Тазовского района ЯНАО. Известно, что кладбища у ненцев (*хальмер' нгэсь'*) располагались на возвышенных местах, захоронения производились в наземных деревянных гробах-ящиках (*тин, лэмб'*) четырехугольной формы. После похорон и поминального обряда, возле гроба-хальмера, родственники оставляли нарты с вещами, которыми пользовался умерший. Их обязательно ломали и переворачивали вверх копыльями. Количество нарт на обследованных кладбищах тазовских ненцев было разным, от одной до трех. Три нарты, поставленные в ви-

де каравана, чаще всего встречались возле женских могил. Женщина является хозяйкой чума, соответственно и вещей, которыми она пользовалась, у нее было больше. Дискуссионным остается вопрос об ориентировке хальмеров относительно сторон света. Определенной системы на кладбищах тазовских ненцев не прослеживалось. В тундре встречались семейные захоронения, в которых все хальмеры располагались головами на запад. На больших поселковых кладбищах некоторые хальмеры были ориентированы головой на север, другие – головой на юг. Отличия имелись и в оставляемом прикладе, в частности, в посуде, подвешенной к планкам. Чайники, ведра и кастрюли на некоторых хальмерах были испорчены, в днище имелись отверстия, пробитые топором. Чаще встречалась целая посуда с закопченным дном, остававшаяся для приготовления поминальной трапезы. Локальные особенности захоронений тазовских ненцев могут быть связаны с влиянием хантыйской и энецкой культуры и с трансформацией традиционных обрядов в советское время.

КЛОКОВ Константин Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), k.b.klovov@gmail.com

ЧЕЛОВЕК И ОЛЕНЬ: СТРАТЕГИИ СОВМЕСТНОГО ВЫЖИВАНИЯ

**(сравнительный анализ социально-экологической
устойчивости традиционного оленеводства в
локальных этнохозяйственных ареалах)**

При изучении (в рамках проекта «Arctic Domus» и ряда других) отношений между человеком и северным оленем в локальных ареалах оленеводства в таежных (эвенки Сунды, Бодайбинского, Олекминского районов; тофалары, северные уйлыта) и тундровых (ямальские, канинские, колгуевские ненцы) ландшафтах выявлен ряд особенностей и закономерностей адаптации оленеводческих сообществ к изменениям природной и социально-экономической среды. Устойчивость оленеводства в локальных ареалах зависит как от моделей экологического поведения оленеводов, так и от факторов риска. Последние связаны с изменениями природной (климатические изменения, рост численности хищников, соседство с популяциями дикого северного оленя, фрагментация пастбищ при промышленном освоении и др.), и/или социальной среды (изменения регионального политического контекста, экономические реформы, социально-демографические процессы и др.). Симбиоз человека и оленя в тайге основан на индивидуальном приручении, в тундре – на методах управления стадом.

ЛИСКЕВИЧ Нина Александровна

Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень), povod_n@mail.ru

ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОГОДУ И СТИХИЙНЫЕ БЕДСТВИЯ У КОМИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Практика воздействия на погоду и стихийные бедствия у разных этноареальных групп коми имела свою специфику и была обусловлена хозяйственными потребностями и природно-географическими условиями. На территории Се-

верного Зауралья у ижемских коми, основным занятием которых было оленеводство, использовались приемы влияния на ветер, вихрь, дождь, профилактика снежных лавин. У земледельческих групп коми, расселенных в более южных районах в бассейне Тобола и Иртыша, применялись способы борьбы с засухой и вызывания дождя, либо остановки затяжных осадков, отведения грозы. Ритуальные действия в основном, проводили индивидуально, в случае сильных бедствий (пожара или засухи) практиковалось коллективное воздействие. Основные приемы – заговоры, использование острых предметов, поливание могил утопленников, замачивание могильного креста, табуирование некоторых действий, а также молебны, крестные ходы, использование церковной атрибутики и др. Так, для остановки пожара или изменения направления огня использовали иконы, пасхальные яйца, в случае сильного лесного возгорания могли собирать крестный ход. В настоящее время метеорологическая магия у коми почти не используется, некоторые приемы вспоминаются как детские забавы, но сохраняется практика молитвенных прошений о предпочтительной погоде.

ЛЮБИМОВА Галина Владиславовна

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), terra-gl@mail.ru

РУССКАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СИБИРИ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ И МОДЕЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ*

Несмотря на существование очагов местного земледелия, именно русская земледельческая традиция, привнесенная в Сибирь в XVII в., составила конкуренцию автохтонным моделям природопользования. В отличие от коренного, пришлое русское население изначально было ориентировано на земледельческое преобразование природного ландшафта. Непрерывное расширение территории расселения и вовлечение в сферу хозяйственной деятельности все новых земель на фоне постоянного противостояния суровым природным условиям предопределили чрезвычайную устойчивость свойственных сибирякам представлений о том, что «с природой нужно бороться». Долгое время подобные представления сочетались с верой в неисчерпаемость запасов природы, порождая бесконтрольное (ничем не регламентированное) потребление ее богатств. На примере ранних систем земледелия Сибири была выявлена характерная для дальнейшей этноэкологической истории региона закономерность, согласно которой обилие природных ресурсов края неоднократно становилось решающим фактором в пользу экстенсивного развития не только сельскохозяйственного, но и промышленного производства, замедляя переход к интенсивным способам ведения хозяйства [Любимова, 2010]. Тесно связанная с феноменом «ресурсного проклятия» выявленная закономерность, ярким проявлением которой стала целинная эпопея, определила парадигму освоения зауральских территорий в целом. На материалах полевых и архивных исследований в докладе рассматривается трансформация экологического сознания и смена моделей эко-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-01-00453 «Этнокультурные ландшафты Южной Сибири. Историческая динамика и сравнительный анализ (конец XIX – начало XXI вв.)» (рук. Г.В. Любимова).

логического поведения сельского населения Сибири в ходе аграрной модернизации региона. Динамика конкретных агроландшафтов представлена через выявление изменений в структуре сельхозугодий, а также в соотношении основных зон социально-освоенного пространства.

ЛЯН Кунь

Филологический институт Китайского народного университета (Пекин, Китай), liangkun@yandex.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

С 70-х годов XX века экологический кризис во всем мире с каждым днем становится все серьезнее, и отношения человека с природой вызывают всеобщее беспокойство. Эти проблемы вызвали активный отклик в российской экологической философии и литературе. По сравнению с аналогичными западными исследованиями русская экологическая философия и литература отличаются особым руслом мышления – соединением ярко выраженной рациональной окраски и религиозного сознания: в стремлении к человеческому разуму всегда содержится комплекс Апокалипсиса, то есть желание отразить негативные последствия деятельности человеческого разума с помощью эсхатологического апокалипсиса. Можно сказать, что экологическая эсхатология происходит из чувства тревоги за судьбу человечества и одновременно является предостережением для него. Подтверждение мифа философией, обращение литературы к философии привели к тому, что два различных способа мышления прихотливо переплелись между собой, оказавшись двумя разными путями к одной цели. Пытаясь отыскать путь к спасению, писатели указывают, что судьба человеческой цивилизации зависит от возвращения к разуму, который должен опираться на веру; целью же веры является нравственное самосовершенствование через прямой контакт человеческого сердца с Богом и тем самым – изменение конечной судьбы всего мира. Так создаются концепции спасения XX в.

МАЛЬЦЕВА Наталья Васильевна

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН (Магадан),
banshchikova1986@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ОЛЕНЕВодов МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Оленеводство в Магаданской области представлено двумя различными практиками ведения природопользования – палеоазиатской и тунгусской. В процессе исторических трансформаций оленеводческой отрасли на протяжении 70 лет (с 1920 по 1991 гг.) в регионе она была почти утрачена. Современное оленеводство в области представлено только двумя из восьми районов – Северо-Эвенским и Среднеканским (дальнейшая информация основана на полевых материалах автора 2010–2011 гг.). В Северо-Эвенском районе на базе оленеводческих совхозов организовано МУСХП «Ирбычан», в котором практикуется бригадная организация труда оленеводов. Сегодня это единственный

пример консервации советского опыта управления отраслью, когда этнические особенности ведения оленеводства стерты, а ключевым моментом остается поддержка государством занятых в отрасли коренных жителей. В Среднеканском районе практикуется частное природопользование оленеводов в виде родовых общин. Современный способ ведения оленеводства родовой общины «Каньон» приближен к тунгусскому типу оленеводства, в котором сохранены традиции комплексного хозяйствования. Родовая община «Эгден» ориентирована на «промысловое оленеводство», экономически основанное на эксплуатации крупных стад полудиких оленей (животные бывшего совхозного стада) и «дикарей». Родовая община «Алы-Юрях» по причине утраты стад поддерживает свое благосостояние в основном за счет пушной и мясной охоты. Таким образом, оленеводство в Магаданской области сегодня лишь выглядит как просто отрасль аграрного сектора, в реальности оно обретает более глубокое значение, в основе которого лежит этносохраняющий фактор.

МАЛЬЦЕВА Ольга Владимировна

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
olymals@gmail.com; aaer2015@mail.ru

«МАЛАЯ» И «БОЛЬШАЯ» РЕКА В ЭТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ НА ПРИРОДУ АМУРСКИХ НАНАЙЦЕВ*

Водное пространство играет огромную роль в жизни автохтонного населения Амура. Гидронимы не только подчеркивают детали водного ландшафта, но и указывают на нишу, занимаемую водоемом в эколого-культурной модели местного населения. Издревле левые рукава и боковые притоки Амура служили мостом, соединяющим Восточную Сибирь с тихоокеанским побережьем. Сибирские племена охотников и оленеводов по сети мелких рек проникали в долину Большой реки, меняя свой уклад на рыболовецкий. Местные названия боковых рек – «бира» (река), «они» (горная река) отражают природную специфику, не привязанную к сакральной сфере. Другой семантический ряд открывается в аборигенном названии реки Амур. Для амурских нанайцев «Даи Мангбо» (Великая река) служит коннотацией Мира. В экологическом центре модели местного населения все космогонические действия разворачиваются относительно Большой реки. Сакрализация реки воплотилась в морально-нравственных нормах, связанных с рядом запретов (нельзя мочиться и купаться в реке, сквернословить и бахвалиться во время рыбалки) и традициями «кормления» воды. На протяжении XX в. отношение к реке менялось в сторону антропоцентричной модели. Преобразовательная деятельность человека разрушила традиционные стереотипы, стали допустимы строительные работы на берегу реки, утилизация бытовых и производственных отходов в ней. Вместе с тем, пробивающий дорогу эколого-этический подход закрепил в сознании нанайцев отношение к Амуру как маркеру этнической идентичности.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-01-00453 «Этнокультурные ландшафты Южной Сибири. Историческая динамика и сравнительный анализ (конец XIX – начало XXI вв.)» (рук. Г.В. Любимова).

МАШАРИПОВА Анжела Хайрулловна

*Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень),
esenewka@yandex.ru*

**КОМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ЮГА
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ: ДЕМОГРАФИЯ,
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И
ЭКОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВА**

Потомки коми-зырян данного региона ведут свое происхождение от переселенцев с Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии. Начиная с 40-х годов XIX века ими были основаны с. Ивановское, дд. Большое и Малое Тихвино в Ялуторовском, д. Староалександровка в Ярко-ском, дд. Бельковка, Каменка, Яковлево в Заводоуковском и дд. Бельковка, Чуманова в Юргинском районах современной Тюменской области. Изучение особенностей расселения, демографического воспроизводства и хозяйственного освоения мигрантных групп позволяет восстановить страницы этнической истории как народа коми в целом, так и его локальных групп, переселившихся на территорию юга Тюменской области. Изначальное проживание на одной территории совместно с иноязычным населением (русские и татары), изолированность и малая численность группы привели к утрате некоторых национальных черт (одежда, утварь и т.д.). О межэтнических контактах свидетельствуют смешанные браки, которые привели к быстрой ассимиляции и стиранию этнических границ. Схожие природно-географические условия с исконной территорией проживания позволили сохранить хозяйственную ориентацию на развитие земледелия и скотоводства, что также способствовало быстрой адаптации переселенцев.

МОСТОВЕНКО Максим Станиславович

*Сургутский государственный педагогический университет
(Сургут), reiseleiter@mail.ru*

**ЧЕЛОВЕК И СРЕДА:
ОБРАЗ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СЕВЕРНОМ
ВОСПРИЯТИИ**

Север для России представляет собой нечто большее, чем просто географический термин. Он отображает не только природно-климатическую принадлежность, но и целую систему социокультурных представлений. Особую роль в формировании данной системы играет восприятие человеком природного окружения и отражение его взаимоотношений с ней. Изучение социально-культурных представлений сквозь призму взаимодействия природы и общества позволяет лучше понять менталитет человека, выявить основные факторы, формирующие его экологическое сознание. Так, для коренного населения Севера Западной Сибири, природа выступала в качестве своеобразной «кладовой», к которой необходимо бережно относиться и по возможности максимально оберегать ее богатства. В то же время пришлое население рассматривало природу как «врага», с которым необходимо бороться. Это, в свою очередь, формировало «потребительское» отношение к окружающей среде и получаемым ресурсам. Первопроходцы, отправлявшиеся осваивать северные территории, считали себя «покорителями», «завоевателями» природы. Об их подвигах сообщалась, как о сводках с поля боя, что поро-

ждало в массовом сознании картину «дикости, суровости» Севера, который во что бы то ни стало нужно победить. Все это в полной мере позволяет говорить об отсутствии экологического сознания и рационального отношения к окружающей природе. Таким образом, в процессе освоения северных территорий произошло столкновение двух противоположных по своему характеру моделей экологического сознания и поведения.

МУН Дэвид Джерард

*Йоркский университет (Йорк, Великобритания),
david.moon@york.ac.uk*

**ОСВАИВАЯ СТЕПЬ: ИННОВАЦИИ
В ПОНИМАНИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ
ЧЕЛОВЕКОМ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ**

В докладе исследуется роль приграничных регионов страны в освоении окружающей среды, которая отличается от роли центральных регионов в развитии инноваций, связанных с концептуализацией взаимоотношений между человеческими сообществами и природным окружением. В качестве примера рассматриваются степи юга Российской империи/СССР. Согласно автору, процесс осознания значения степных пространств прошел три стадии: выявление различий в ходе первоначального освоения, научно-экспедиционные исследования и внедрение инноваций, главной из которых стало почвоведение, разработанное В.В. Докучаевым в 1870–1880-е годы. В работе также рассматривается преобразование степной среды под влиянием сельского хозяйства. Значение приграничной степной зоны анализируется в сравнении с историей Великих равнин США и европейским колониализмом во всем мире.

ОХОТНИКОВ Андриан Юрьевич

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
tindrum@mail.ru*

**ПРОМЫСЛОВЫЕ УГОДЬЯ И ЗАНЯТИЯ
ДОБЫВАЮЩИМИ ПРОМЫСЛАМИ
В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НЕМЦЕВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ***

Традиционная культура российских немцев сформировалась в относительно освоенных степных ландшафтах Нижнего Поволжья и Украины, где коренное население уже эксплуатировало весьма ограниченные ресурсы при-сваивающего хозяйства. Кроме того, немецкая колонизация являлась проектом просвещенного государства, задачей которого являлось создание специфического тяглого сословия «образцовых земледельцев». Добывающие промыслы в российско-немецкой традиции остались маргинальными практиками: всерьез колонисты воспринимали земледелие, интенсивное скотоводство, ремесло и производное от них предпринимательство. С началом переселения немецких колонистов за Урал (1890-е годы) ситуация изменилась слабо. Переселенцы предпочитали оседать в засушливых степных ландшафтах Прииртышья, затем Кулунды, осваивая целинные земли, удаленные от промысловых угодий. Высокий

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (рук. А.П. Деревянко).

спрос на пшеницу на внутреннем рынке и развитие местных хозяйственных связей в переселенческих районах Западной Сибири сделали продукты сбора и рыболовства товаром, вплоть до конца 1930-х годов доступным для сибирских колонистов. Обращение к присваивающему хозяйству для сибирских немцев обусловили лишь репрессивная аграрная, а затем и национальная политика Советского государства. Навыки рационального ведения хозяйства немецкого сельского населения Западной Сибири оказались весьма востребованными в ходе аграрной модернизации 1950–1960-х годов, что обусловило приоритет традиционных производственных практик. Сколько-нибудь полно рыбалка и сбор представлены в производственной культуре немцев таежных районов Томского Приобья, где отсутствуют возможности для высокопродуктивного земледелия. Особенностью этих хозяйственных практик является высокая степень их модернизации и распространение на промыслы принципов аграрной экономики.

ПАНКИНА Марина Владимировна

Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург), marina-pankina@rambler.ru

РОЛЬ ДИЗАЙНА В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И МОДЕЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Дизайн как глобальное явление современности охватывает фактически всю предметно-пространственную среду обитания человека, присутствует в повседневной жизни как материальная составляющая бытия, влияет на модели поведения и даже картину мира. Он стал социальным явлением, составляющей коммерческой и общественно-политической деятельности. Эстетика дизайн-объектов определяется социокультурными детерминантами, ценностями и нормами, вкусом и модой. Анализ детерминант устойчивого развития и дизайна как социального процесса показывает общность их механизмов, целей и задач, понятий (например, потребности и ограничения). Дизайн решает актуальные проблемы сосуществования человека и природы, обеспечивает его утилитарные, эстетические и духовные потребности, функциональность, эргономичность и эстетичность предметно-пространственной среды, которая в свою очередь воздействует на физиологическое и психологическое состояние, социокультурные коммуникации, поведение людей, то есть задает характер жизнедеятельности, ограничивает определенными рамками. Экологические аспекты дизайна присутствуют в его эстетической и технологической составляющих. Рациональность проектных решений, среди которых модульность, многофункциональность, трансформируемость, долговечность, мода вне времени, показывает пример экологичного подхода. Вопросы воспитательного, этического и культурологического характера в процессе дизайн-проектирования становятся в настоящее время все более актуальными, должны подвергаться анализу как проектировщиков, специалистов дизайн-образования, так и широкой общественности. Дизайн может решать задачи устойчивого развития средствами искусства, а именно задавать эстетические идеалы, ценностные установки и ориентиры, вкусовые предпочтения, формировать экологическую культуру в обществе.

РАХИМОВ Ришат Халитович

Центр музейных технологий и научных экспертиз «Музеум-Студия» (Тюмень), tuzetec72@yandex.ru

МАВЗОЛЕИ ПЕРВЫХ ИСЛАМСКИХ МИССИОНЕРОВ В СИБИРИ: ЛАНДШАФТНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ

Особенностью ислама сибирских татар является почитание первых исламских миссионеров. Их мавзолее известны среди местных жителей под названием «астана». В суфизме астана – места, где жили святые и проповедники или где находятся их мавзолее. Большинство астана в Западной Сибири расположены на берегах рек или близко к пойме. Иногда они находятся в лесу или на берегу озера. Во всех случаях – это высокие незатапливаемые участки. На берегу Ишима выявлено – 2 мавзолея, Иртыша – 35, Тобола – 13, Вагая – 4, Агитки – 6, Туры – 3. Вдали от рек находятся 14 мавзолеев. Большинство располагаются у озер в труднодоступных болотисто-лесных массивах. По местонахождению выделяются категории: (1) в черте поселений; (2) на кладбищах; (3) вблизи поселений; (4) вдали от поселений. Из 77 выявленных астана в черте поселений находятся 11; на кладбищах – 18; в пределах 2–3 км от населенных пунктов – 23; вдали от поселений – 25. Вероятно, на выбор места влияло множество факторов. Как описывается в текстах грамоты хранителя астана – иногда погребение происходило в процессе военных столкновений, маршей. Возможно, в некоторых случаях смерть настигала шейхов в местах со сложными ландшафтными условиями, что затрудняло перемещение покойного. В большинстве случаев мавзолее возводились по тем же принципам, что и кладбища. При этом некоторые астана, расположенные в черте поселений или на кладбищах, являются относительно поздними захоронениями.

РУДЬ Алексей Анатольевич

Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора» (Сургут), raa@bk.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ НА САКРАЛЬНЫХ ЛАНДШАФТАХ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (по материалам Сургутского Приобья)

Одним из направлений наших исследований является современное состояние обрядово-ритуальной сферы и священных мест восточных хантов. Еще недавно поведение восточных хантов в границах сакральных ландшафтов регламентировалось традиционным мировоззрением и накладывало определенные ограничения на человека, в том числе и на его взаимоотношения с природной средой. Последние сорок лет в связи с мощным промышленным освоением, урбанизацией и изменением демографической обстановки в Сургутском Приобье в традиционной культуре восточных хантов произошли сильные изменения, которые коснулись всех сторон их жизни, в том числе и обрядово-ритуальной сферы. Декларируемые коренными жителями традиционные нормы экологического и социального поведения на священных местах сегодня не всегда согласуются с реальной практикой. Одним из проявлений этого является несоблюдение традиционных запретов или ограничений, что говорит о

трансформации традиционного мировоззрения. Примерами таких изменений являются рубка древесины, промысловая деятельность на территории сакральных ландшафтов, переселение и постоянное проживание на территориях, которые традиционно считались «землями божеств». В работе будут рассмотрены механизмы трансформации и приведено наше объяснение причин несоблюдения традиционных ограничений.

ШИДЛОВСКИЙ Сергей Олегович

Полоцкий государственный университет (Полоцк, Республика Беларусь), polacak@gmail.com

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КРИТИКИ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАКТИК ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА БЕЛАРУСИ В РОМАНЕ Э. МАССАЛЬСКОГО «ПАН ПОДСТОЛИЧ»

Российский польскоязычный писатель Эдуард Массальский (1799–1879) в «уездном» романе «Пан Подстолич» (1831–1833) подверг критике традиционные хозяйственные практики помещного дворянства «западных губерний», которые, по его мнению, приводили к истощению местных производительных ресурсов. Значительную часть доходов помещики получали от продажи леса. Именно в этой сфере хозяйственной деятельности Э. Массальский указал на ряд проблем. Лес являлся зачастую единственным ликвидным активом местных помещичьих хозяйств, которые балансировали на грани банкротства. Стремление получить максимальную сиюминутную прибыль являлось главным фактором в хозяйственных стратегиях многих частных владельцев лесных угодий. Массовые вырубки приводили к снижению цен на необработанную древесину, что подталкивало нерачительных хозяев к еще большему увеличению вырубок с целью компенсации денежных потерь. В некоторых местностях традиционно богатой лесными ресурсами Беларуси – автор упоминает окрестности реки Березины на Минщине – возник дефицит на лес, пригодный для строительства бревенчатых изб. Хищническое отношение к лесным ресурсам не находило сдерживающих факторов ни в общественном мнении, ни в традициях местных хозяйственных практик. Лес рассматривался как даровой природный ресурс, запас на «черный день». Долговременной стратегии лесопользования не существовало, дополнительные средства в развитие лесных угодий не вкладывались. Своеобразное кредо местного помещичьего лесопользования выражала польская поговорка «Nie było nas, był las; nie będzie nas, będzie las» (Не было нас, был лес; не будет нас, будет лес).

ШИРОКАЛОВА Галина Сергеевна

Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия (Нижний Новгород), shirokalova@list.ru

ОТНОШЕНИЕ К ГМО-ПРОДУКТАМ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Одна из стратегий экологического поведения – отношение к выбору продуктов питания. Доклад подготовлен на основе социологического исследования информированности населения о законодательстве, регулирующем ГМ-про-

дукты на территории России, пожеланий его корректировки, особенностях ГМ-продуктов, мотивации отношения к ним, потребительского поведения. В условиях информационной полемики между сторонниками и противниками ГМ-продукции большинство населения посчитало более убедительными аргументы противников ГМ-технологий. Но одно дело намерения потребителей, другое – реальное поведение в магазине, на рынке. Треть – однозначно против ГМ-продукции при любых условиях. 55,5% предпочитают продукцию отечественную, считая, что она экологически безопаснее; 35,8% нижегородскую, чтобы поддержать своих крестьян; 22,9% отечественную, поскольку она вкуснее; 21,9% отечественную, как более дешевую; 12,6% отечественную, она без ГМО; 3,5% импортную за лучший вкус; 2,6% импортную за экологическую безопасность; 2,6% импортную – дешевле. Как положительный момент можно отметить снижение роли откровенной рекламы в структурировании потребительского поведения. В то же время, фиксируется недостаточная компетентность респондентов в данных вопросах, поэтому при массированном «вбрасывании» информации о безвредности ГМО и экономической выгоды ситуация может поменяться. Отношение населения к ГМ-продукции является стимулом для производителей и торговых сетей, работающих с ГМО, лоббирования законов, отменяющих ограничения на их деятельность. С другой стороны, международная ситуация, активизация научных и экологических кругов заставили власть принять ряд законодательных актов в 2014 г. по защите потребительского рынка России.

ШИТОВА Наталья Ивановна

Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск), natalja.sni2011@yandex.ru

НАВОДНЕНИЕ 2014 ГОДА В ВОСПРИЯТИИ УЙМОНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ: ОСМЫСЛЕНИЕ ПРИЧИН И РЕЛИГИОЗНО- МАГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ*

В 2014 г. на территории Западной Сибири произошло сильнейшее наводнение, которое началось в Республике Алтай. С бедствием столкнулись, в том числе, и представители традиционного локального сообщества – этноконфессиональной группы уймонских старообрядцев. Известно, что в некоторых явлениях уймонцы как носители старообрядческой культуры склонны распознавать признаки ожидаемого «конца века». В этой связи особый интерес представляет осмысление причин сильнейшего стихийного бедствия – наводнения, особенностей религиозно-магических действий в это время. Согласно полевым материалам автора, участники старообрядческой общины, как и обычно, в мае 2014 г. наблюдали состояние снежного покрова на горных вершинах, и наиболее опытные из них распознавали в состоянии природы признаки возможного наводнения: снег, холод, последующее резкое потепление, обильные осадки. Автором зафиксировано, что старообрядцы для смягчения последствий стихии во время стихийного бедствия совер-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-01-00453 «Этнокультурные ландшафты Южной Сибири. Историческая динамика и сравнительный анализ (конец XIX – начало XXI вв.)» (рук. Г.В. Любимова).

шали религиозно-магические действия с пасхальными яйцами и веточками вербы, с молитвой бросая их в ситуации подмывания и обвала берега в реку (Мульта), в сторону обвала. Некоторые участники общины верят, что эти действия помогли остановить дальнейшее обрушение берега. Таким образом, выявлено, что уймонские старообрядцы воспринимают причины произошедшего в 2014 г. наводнения как следствие законов природы и не проводят взаимосвязи между наводнением и человеческими поступками, грехами. При этом в условиях стихийного бедствия проявилась традиционная для русских вера в силу христианских оберегов (пасхальное яйцо, ветки вербы).

ШУБНИЦИНА Елена Игоревна

Национальный парк «Югыд ва» (Вуктыл), shub07@yandex.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ УРАЛА И ПРИУРАЛЬЯ В МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-УРАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИРГО 1847–1850 ГОДОВ

Северо-Уральская экспедиция под руководством Э.К. Гофмана была первой экспедицией Русского географического общества. В ее задачи входили изучение Северного Урала от 60°с.ш. до Северного Ледовитого океана, а также уточнение границы между Европой и Азией. За 1847–1850 гг. исследователи прошли около 1000 км вдоль Уральского хребта. Материалы экспедиции, изложенные в нескольких книгах («Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой» (двухтомник), «Топографическое описание Северного Урала...»), включали не только данные по точным наукам – геологии, географии, астрономии, биологии, но и другие сведения. Большое внимание уделялось также этнографии и топонимике, сведения по которым были получены в ходе контактов с проводниками экспедиции, охотниками и рыбаками припечорских деревень, оленеводами-кочевниками манси, коми и ненцами. Существенный интерес представляют записанные наблюдения о взаимоотношениях коренного населения с природой Уральского Севера, сведения о местных промысловых традициях, специфике восприятия ландшафтов, принципах ориентирования в лесной и горной местности, применяемых технологиях и навыках жизни в суровых северных условиях.

ЯМСКОВ Анатолий Николаевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), yamskov@iea.ras.ru

ФАКТОРЫ И СКОРОСТЬ АДАПТИВНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ, РАССЕЛЕНИЯ И СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У РУССКИХ КРЕСТЬЯН-СТАРОЖИЛОВ ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ (вторая половина XIX века)*

Выселение молокан из Центрально-Черноземной России (лесостепи умеренного пояса) на территорию современного Азербайджана (субтропические степи и полупустыни, горы) в 1840–1850-е годы привело их к необходимости адаптации к иным природным условиям и дало возможность культурных заимствований у новых соседей. По полевым материалам 1980-х годов описаны изменения в культуре поселенцев [Yamskov, 1988; Ямсков, 1995], но вопрос о скорости и механизмах трансформации культуры не был детально рассмотрен. Использование указанных исследований в реконструкции перехода неолитических племен Среднедунайской низменности к подвижному скотоводству [Bartosiewicz, 2003; Whittle, 2007] обуславливает необходимость уточнить выводы. В Закавказье русские крестьяне в среднегорьях сохранили придомную стойлово-пастбищную форму скотоводства (1а), в условиях многоземелья усложнив систему расселения и хозяйства путем создания сезонных хозяйственных баз на окраинах сельского ареала для летнего выпаса (1б) либо зимнего стойлового содержания (1в) части поголовья. В горах возникло отгонное скотоводство с использованием отдаленных (50–150 км) зимних хозяйственных баз на равнинах для выпаса части скота с периодами стойлового содержания (2а), а в двух селениях – летний отгон на высокогорные отдаленные (30–50 км) пастбища (2б). Основную роль сыграло заимствование технологий зимнего выпаса у наемных чабанов-азербайджанцев из групп, практиковавших кочевое или полукочевое пастбищное скотоводство (3). Изменения произошли менее чем за пятьдесят лет (примерно два поколения).

* Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 13-06-00233 «Биологическая и социальная адаптация древнего и средневекового населения южных районов Средней Азии к среде обитания» (рук. Н.А. Дубова).

Секция 11
ИДЕНТИЧНОСТЬ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
СРЕДИ КОЧЕВНИКОВ И СКОТОВОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Крадин Николай Николаевич – чл.-корр. РАН, д.и.н., Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток)

E-mail: kradin@mail.ru

Степанов Шарль – д. этнологии, Высшая школа практических наук (Париж, Франция)

E-mail: charles.stepanoff@college-de-france.fr

АЗНАБАЕВ Булат Ахмерович

*Институт истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН
(Уфа), azbulatt@rambler.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ РОДОПЛЕМЕННОЙ
СТРУКТУРЫ «КОЛМАК»
В БАШКИРСКОМ ЭТНОСЕ

В литературе утвердилось мнение о том, что лишь в исключительных случаях представители иных этносов обретали права башкир-вотчинников в форме адопции. В докладе рассматривается ситуация, когда в башкирский этнос была включена группа калмыков, насчитывавшая более 40 тысяч человек. В 90-е годы XVII в. некоторые калмыцкие лидеры, будучи противниками усиления власти тайши Аюки, ушли в Уфимский уезд. Уже к началу 20-х годов XVIII в. все переселенцы были обращены в ислам, получили вотчинные права на земли и создали отдельную родоплеменную структуру внутри башкирского этноса. Основой для этнической интеграции этой группы калмыков было сходство хозяйственного типа. Калмыки, как и юго-восточные башкиры, культивировали кочевое скотоводство с преобладанием лошадей в стаде. Второй причиной относительно быстрой ассимиляции калмыков, стал многолетний опыт межэтнического взаимодействия, сформировавшийся в течение военной конфронтации башкир и калмыков. В ходе почти столетнего вооруженного противостояния сложился комплекс взаимных правил ведения степной войны. Исламизация калмыков позволила исключить возможность возвращения новых башкир в бывшую этническую среду. В данной ситуации башкиры выступали в качестве покровителя (патронаж) беглых калмыков с обязательством защищать их от претензий Аюки. В свою очередь, калмыки должны были участвовать во всех военных мероприятиях башкир, что предполагало не только службу российскому государству, но и совместные действия в антиправительственных акциях.

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(Улан-Удэ), damdin80@mail.ru*

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Процессы модернизации представляют собой актуальную тему в современном мире, поскольку они связаны с обновлением общества. Для Монголии модернизация не является относительно новым явлением, поскольку для

нее прошлое столетие – век непрерывной модернизации. Годы строительства социализма в Монголии принесли много как позитивных, так и негативных изменений. С распадом социалистической системы произошла перестройка базовых устоев функционирования страны. В современном монгольском обществе модернизация ускоряется политическими, социально-экономическими, культурными факторами в рамках интеграционных и глобализационных процессов. Наравне с внедрением демократических и рыночных принципов, в стране усугубляются проблемы поддержания достойного уровня жизни граждан, сохранения кочевой цивилизации, передачи уникальной многовековой культуры и быта монгольского народа последующим поколениям. Вызывают опасения властей изменения в структуре занятости населения, высокий уровень безработицы, неконтролируемые миграционные потоки в города, перенаселенность столицы страны, возникающие экологические проблемы и др. Ориентированность экономики страны на горнорудную промышленность делает ее всецело зависимой от мировых цен на природное сырье, а наращивание объемов добычи полезных ископаемых отрицательно влияет на экологический баланс пастбищных территорий. В Монголии на начало 2015 г. впервые зафиксировано более 50 млн голов скота, однако здесь возникают другие сопутствующие вопросы, связанные с реализацией продукции животного происхождения, ветеринарным контролем, селекционной политикой. Модернизация в Монголии происходит в непростых условиях, совмещенных комплексом сложных и взаимодополняющих факторов, требующих системного изучения.

БАИШЕВА Саргылана Макаровна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), baisargy09@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ
ОТРАСЛЕЙ КОЧУЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ НОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО
ОСВОЕНИЯ

Кочевые родовые общины в постсоветский период были воссозданы в Южной Якутии – трансграничном регионе интенсивной реализации крупных промышленных проектов. Социологическими исследованиями выявлены противоречивость процессов реформирования сообщества кочевников, ограничители модернизации в традиционных отраслях Севера. Агрессивное вторжение техногенной цивилизации наряду с негативным отношением части аборигенно-

го населения к основополагающим институтам рыночной экономики неоднозначно повлияло на этническую жизнедеятельность, формирование социальной среды, мировоззрение членов родовых общин. Несмотря на одинаковые стартовые возможности сохранения и развития этносов, в регионе отмечаются существенные территориально-этнические и культурно-этнические различия по уровню модернизации оленеводства, охотничьего промысла. Кочевники подвержены рискам антропогенного характера, в том числе и необратимым процессам изменения локального природно-культурного ландшафта. В целях модернизации традиционных отраслей Севера необходимо принятие комплекса мер: реализация программ профессионального образования и подготовки кадров, развития предпринимательства, внедрения инвестиций, строительства объектов инфраструктуры, транспорта, телекоммуникаций. Осуществление модернизации традиционных отраслей Севера Южной Якутии возможно при условии подчинения управленческих и технологических решений экономическим задачам с учетом традиционной культуры коренных этносов, их ментальности и мировоззрения. Системный кризис в экономической и в социокультурной сфере оказал негативное воздействие на аборигенные хозяйствующие субъекты в части материально-технического обеспечения товаропроизводителей, что усложнило процесс модернизации традиционных отраслей Севера. Сообщество кочевников способно адаптироваться к изменениям внешней среды, научившись осваивать новую технику, современные технологии, обладая соответствующим уровнем образования и желанием самосовершенствоваться.

БАННИКОВ Константин Леонардович

Центр антропологических исследований ARC (Хельсинки, Финляндия), bannikoff@gmail.com

**КОЧЕВНИКИ ПЛАТО УКОК.
XXI ВЕК НАШЕЙ ЭРЫ**

Плато Укок находится у пересечения государственных границ России, Казахстана, Китая и Монголии на высоте около 2500 метров над уровнем моря. Его, изрезанный моренами ландшафт, сформировался под воздействием Великого Оледенения, и использовался представителями различных кочевых народов Центральной Азии с древности до наших дней, о чем говорят археологические исследования, проводившиеся там с 1990 по 1996 гг. Когда на Укок попала та или иная этносоциальная группа, она вписывалась в уже готовую инфраструктуру высокогорного сезонного скотоводства, естественным образом сложившуюся с учетом специфических особенностей ландшафта плато, Бертекской котловины и климатических условий. В XIX в. на плато Укок, и в сопредельные долины переселилась группа казахов, чьими прямыми потомками являются наши современники – жители села Джазатор (Кош-Агачский район Республики Алтай). С 2004 по 2014 гг. на Укоке был проведен цикл экспедиций с целью описания специфической системы выпаса скота на высокогорных пастбищах в осенне-зимнее время года и связанного с ней образа жизни кочевников, а также интерпретировать факты трансформации традиционной культуры и социальных отношений на фоне общих процессов модернизации.

ВЕЖБИЦКИ Анджей Романович

Варшавский университет (Варшава, Польша), awierzicki@uw.edu.pl

**СОВРЕМЕННЫЙ ТРАЙБАЛИЗМ НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Кочевые народы региона формировались в качестве своеобразных «нации племен», в которых вместо вертикальной социально-экономической дифференциации общества существовала вертикальная или горизонтальная трайбалистская дифференциация (солидарность). Советская модернизация пыталась безрезультатно выхолащивать трайбализм. Социально-экономическая и политическая трансформация способствовала возрождению трайбализма вместе с появлением рыночных механизмов и «суверенизации» этнических элит. В результате воздействия модернизации и рыночных отношений, нынешнее трайбалистское «расслоение» общества совпадает с развивающимся социально-экономическим расслоением. Данное явление, т.е. «неотрайбализм» означает, что позиция индивида в этносоциальной стратификации зависит прежде всего от его родоплеменной или местной лояльности. «Неотрайбализм» воспринимается с одной стороны в качестве барьера модернизации, но с другой стороны способствует сохранению самобытности народов региона и преодолению проблем транзитного периода, а также установлению этнократической власти. Значение родоплеменных связей в общественной жизни казахского и киргизского населения доказывают проведенные автором исследования. На их основании можно выделить несколько групп мнений. Во-первых, трайбалистское сознание активизируется в контактах с представителями других этнических групп (борьба за власть, рынок труда, социальная сфера). Во-вторых, родоплеменная или местная идентичность преобладает над общей, этнонациональной идентичностью. В-третьих, этнонациональная идентичность сосуществует с родоплеменной и местной идентичностью. В-четвертых, появляется желание преодоления трайбалистских делений и преобладания этнонациональной идентичности. В-пятых, самой главной должна быть политическая и экономическая идентификация.

ЖАМБАЛОВА Сэсэгма Гэндэновна

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), zhambalovas@yandex.ru

**О ПЕРСПЕКТИВАХ МОНГОЛЬСКОГО
НОМАДИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Актуальность исследования перспектив номадизма у монголоязычных народов Монголии, РФ, АРВМ Китая в современном глобальном мире очевидна. В историографии недостаточно исследований о механизмах сохранения его основных свойств при различных эндогенных и экзогенных изменениях и факторах жизнеспособности кочевого образа жизни в постиндустриальных странах. При оценке номадизма выявляются две полярные точки зрения: (1) скорое исчезновение; (2) перспективность, в силу экологичности. Проведенные нами исследования выявляют наличие вариативности современного номадизма в разных странах, ее детерминированность государственной политикой, длительностью и качеством межэтнических коммуникаций,

внутренними демографическими, экономическими, социально-культурными ресурсами. Проблему эффективно рассматривать с двух линий развития: седентаризация и сохранение кочевого образа жизни. Мало изучена вторая линия проблемы, которая является перспективной для науки и практики. В XXI в. выявляются три модели адаптации монголов к современному миру: монгольская, российская, китайская. Дальнейшая их модификация просматривается в виде двух векторов: сохранение компонентов кочевого образа жизни в модернизированном обществе; утрата номадной культуры. Часть монголов Монголии и Китая сохраняют традиционную культуру жизнеобеспечения. Определенные социальные группы бурят РФ, прошедшие несколько этапов седентаризации, в новых экономических условиях вынужденно возрождают компоненты кочевого образа жизни. Сохранению кочевого образа жизни в модернизирующемся монгольском мире способствует традиционализм и высоко-развитая экологическая культура. Налицо факты масштабного существования в XXI в. монгольского номадизма в одних пределах (Монголия, Китай) и возрождения его компонентов в других (Россия).

ЗАБИЯКО Андрей Павлович

*Амурский государственный университет (Благовещенск),
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
sciencia@yandex.ru*

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ
УСЛОВИЯ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЭВЕНКАМИ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

В Амурской области ныне проживает около 1300 эвенков, большая их часть живет в пяти селах области. Сейчас далеко не все население ведет традиционный для эвенков образ жизни – лишь около половины из них разводит оленей, охотится в тайге. Большинство эвенков живут в поселках, работают на приисках, в школах, детсадах и сельских администрациях. Однако традиционные отрасли хозяйствования эвенков по-прежнему являются основными видами хозяйственной деятельности эвенков, основой их экономики и культуры. В начале XXI века социально-экономическая и культурная ситуация в местах проживания эвенков постепенно стабилизировалась и даже в определенной мере улучшилась. В Амурской области сформированы и осуществляются государственные программы поддержки эвенкийских общин, выделяются субсидии на строительство жилья, ремонт школ и других общественных зданий, поддержку оленеводства и другие нужды. Укрепилась организация этнических общин. Между ними в рамках Ассоциации коренных народов севера Амурской области растет взаимодействие. Ожилилась деятельность по сохранению этнической самобытности и языка. В начале XXI века новые импульсы получила в эвенкийских селах творческая деятельность музыкальных и танцевальных коллективов. Усиливается этническое содержание образовательных программ в школах и детских садах эвенкийских поселков. Многие эвенки сохраняют традиционные верования и обряды, которые связаны, прежде всего, с охотой и оленеводством. В эвенкийской среде предпринимаются попытки возродить шаманизм, не утрачены основы их традиционной этики.

КАКСИН Андрей Данилович

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Абакан), adkaksin@yandex.ru*

**О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ КУЛЬТУРНОЙ
КОНВЕРГЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ:
НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА**

Наблюдаемую сегодня в Республике Хакасия языковую конвергенцию естественно рассматривать в широком контексте русского влияния на традиционную жизнь коренных народов азиатской части России. Современное состояние определяется сочетанием традиционализма и использованных возможностей адаптации. Сельское население, хотя и преобладает, но массово не привязано к земле и не занимается именно традиционным сельским хозяйством. Многие хакасы уже давно живут и работают в городах и поселках городского типа. Для сохранения языка в этих условиях необходимы огромные усилия и сильные стимулы. Язык обречен, если он перестает транслироваться от поколения к поколению. Фактор владения русским языком является определяющим для миграционной мобильности молодежи. Билингвизм – это основа формирования этнической толерантности, неоспорима и его важнейшая роль (и роль образования) в формировании этнической и межконфессиональной толерантности. В ситуации с хакасским языком репрезентируется самая распространенная модель развития языков современной России. Язык является одним из решающих факторов идентификации национальной принадлежности индивида. Сегодня, когда глобализация проникает во многие сферы, всем малочисленным народам трудно сохранить свои традиции. Но хорошо, что процесс идет медленно, носит эволюционный характер. На прагматическом уровне, в сфере общения в больших человеческих сообществах понятие национальной принадлежности не исчезло. В огромном числе бытовых (и не бытовых) ситуаций, случаев сам индивидум к вопросу своей национальной принадлежности относится индифферентно. Незаметно это ведет к ситуации «добровольного отказа» от родного языка.

КИНЬЯБАЕВА Гульназира Айратовна

Академия наук Республики Башкортостан (Уфа), gulfnazir@mail.ru

**СОХРАНЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ БАШКАРДОВ
ПРОВИНЦИИ ХОРМОЗГОН (ИРАН) В УСЛОВИЯХ
ПОЛИТИКИ САМОИЗОЛЯЦИИ**

Полевой этнографический материал собирался в 2014 г. в ходе комплексной научной экспедиции в Иран в провинции Хормозгон – регион на юге Иранского нагорья среди населения, называемого «башкарды». На протяжении примерно 100 лет – до середины 90-х годов XX в. – башкарды проводили политику самоизоляции и были закрыты для активных контактов с окружающим миром. В социальной структуре башкардов отмечается наличие закрытой кастовой системы: (1) высшая каста (*хан, райес*); (2) обычные люди, работающие на себя; (3) слуги. Принадлежность к касте передается по наследству, т.е. человек, рожденный в определенном социальном статусе, не может изменить свое положение. Браки заключаются только в своей социальной среде, что также закрепляет существование кастовой системы. Для башкардского общества периода самоизоляции характеризуется сложившейся системой семейно-брачных

отношений, для которой характерно отсутствие требования родоплеменной экзогамии – уже второе поколение может вступать в брачные отношения между собой, т.е. двоюродные брат и сестра. В брак вступают в возрасте 14–16 лет. Раньше заключали брак, начиная с 9 лет. Интересен факт перехода мужа в семью к жене. Многоженство, как правило, отсутствует, хотя и разрешается шариатом. Наблюдаются в основном так называемые «неразделенные семьи» отцовского типа, т.е. проживание в одном дворе отца с матерью и детей со своими семьями, ведение ими общего хозяйства.

КОВАЛЬСКАЯ Светлана Ивановна

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(Астана, Республика Казахстан), skovalsk@mail.ru*

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Казахи-кочевники стали осваивать неорганичные стратегии развития, основанные на цивилизационно чуждых нормах организации и деятельности, став частью Российской империи. Сложной проблемой явилась задача поиска духовных целей и смысла освоения нового, которые позволили бы сделать нововведения легитимными в представлении основной части населения. Непонимание, отторжение и изоляционизм порождали противостояние, которое зачастую приводило к непрекращающимся движениям протеста. Инициаторам реформ приходилось включать традиционные сообщества в освоение хозяйственных технологий без отказа от укорененных духовных ценностей и базовых стереотипов поведения. Напротив, зачастую эти стереотипы и ценности превращались в важнейшие стимулы освоения нового. На рубеже XIX–XX вв. параллельно друг другу сосуществовали две национальные стратегии поведения. Сторонники первой выступали за незыблемость традиций кочевой жизни и все, что выходило за ее рамки, соотносили с угрозой существованию кочевничества, а значит казахского народа как такового. Их оппоненты развивали идею сочетания традиции с новшествами технологического и иного порядка, с целью эволюционного развития казахского общества и интегрирования его в общемировое пространство. При этом они не рассматривали данный процесс как угрозу национальному существованию. Интересно в этом плане упомянуть названия работ, которые публиковались в то время казахской интеллигенцией: «Проснись казах», «Зеркало для казаха», «Наставление казахам», «Давайте, дети, учиться». Основным лейтмотивом подобных произведений была необходимость пробуждения к новой жизни, изменения самих себя и представлений о лучшей доле.

КРАДИН Николай Николаевич

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток), kradin@mail.ru

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ*

В рамках проекта производилось исследование современного скотоводства у народов Внутренней Азии в конце XX – начале XXI века (буряты, монголы, монголы КНР,

тувинцы). Можно выделить несколько разных вариантов трансформации скотоводства после распада системы социализма. Первые два варианта условно можно характеризовать как «экстенсивные» (Монголия, СНГ). Оба варианта были обусловлены кризисом системы социализма. Для них характерны значительная натурализация хозяйства, возвращение к традиционным принципам ведения скотоводства без вмешательства государства. При этом для монгольского варианта был характерен относительно мягкий сценарий выхода из кризиса, а также постепенная адаптация скотоводческого хозяйства к рыночной экономике. Другой вариант предполагал более глубокий кризис и медленное постепенное восстановление скотоводства (СНГ). Третий вариант имел ярко выраженный «интенсивный» характер. Он реализовывался в условиях экономического роста КНР и сопровождался качественной трансформацией натурального скотоводства в индустриальную отрасль животноводства (Внутренняя Монголия). Однако будущие перспективы этого пути развития вызывают серьезные сомнения.

КСЕНЖИК Галина Николаевна

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Алматы, Республика Казахстан), migkz@ya.ru

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ СКОТОВОДОВ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ МОНГОЛИИ

Основным источником данной работы стали результаты этноархеологической экспедиции Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова (г. Алматы) в Монголию с 24 июля по 5 сентября 2013 года. Экспедиция проводила обследование казахской диаспоры на территории Центральной, Восточной и Западной Монголии. По нашей оценке, в Центральной и Восточной Монголии (включая Улан-Батор) проживает до 15 тыс. этнических казахов. Всего на территории Монголии сейчас расселяется от 120 до 140 тыс. казахов. В результате полевых исследований были получены ценные сведения, характеризующие модернизационные процессы среди скотоводов казахской диаспоры Монголии. Большая часть населения занимается скотоводством, что ведет к самозанятости и дает возможность неплохо жить и питаться. Статус профессии скотовода в стране – весьма высокий. В 2013 г. парламент даже утвердил закон о положении профессии «скотовода» (малчин) и ее важном социально-экономическом значении для страны. В советское время в Монголии было 27 млн голов скота, а сейчас около 40 млн. Казахская диаспора Монголии представляет существенный социально-экономический ресурс для страны и государство отнюдь не стремится «выдавливать» казахов; наоборот, их удерживают. Многие казахи нашли себя в этой стране и реализовались как личности, имеют весомый авторитет не только в казахской диаспоре, но и среди монголов.

КУЛЬГАНЕК Ирина Владимировна

Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), kulgan@inbox.ru

МОНГОЛЬСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ: ВЛИЯНИЕ ИНЫХ КУЛЬТУР

В монгольских пословицах находят отражение обряды, жизненный уклад и мировоззрение человека традиционного

* Проект РГНФ № 14-21-17005.

монгольского общества, воссоздается образный мир кочевника-скотовода, прослеживается влияние соседних культур, а также переводной тибетской буддийской литературы и русского фольклора. Так, корпус монгольских пословиц включает в себя целый пласт дидактических максим, ведущих свое происхождение от «Субхашиты», имеющей индо-тибетские корни. Лексически и содержательно выделяются так называемые «буддийские» пословицы, получившие свое развитие в Монголии, в период распространения там буддизма, и сыгравшие в свое время большую роль в жизни монгольского народа, определяя поведение человека в обществе. Таких пословиц нами выделено менее 10% от всего числа паремий. В ряде случаев монгольские пословицы и русские народные афоризмы представляют собой буквальное тождество. Одним из объяснений этого факта являются тесные контакты монгольского и русского населения, включавшие ранние торговые, политические связи и культурное взаимодействие на протяжении многих столетий. В докладе основное внимание уделено мотивам и образной системе афористических жанров, испытавших на себе воздействие культур Запада и Востока. Определенный интерес проявлен к моделям и механизмам взаимовлияния афористического жанра народного поэтического творчества монголов и реальной действительности кочевого общества, а также наиболее действенным принципам отбора монгольской фольклорной средой образов и приемов, востребованных художественным произведением.

ЛАМАЖАА Чимиза Кудер-ооловна

*Московский гуманитарный университет (Москва),
lamajaa@mail.ru*

ПРОЦЕССЫ АРХАИЗАЦИИ И НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

Противоречие между культурными традициями народов и новыми социальными отношениями в условиях кризисных проявлений модернизации выразилось в ряде сложных процессов, в том числе в возрождении архаических социокультурных программ. Данный процесс мы рассматриваем как двоякий: (1) архаизация как процесс стихийного, неосознанного массового обращения к архаическим культурным смыслам и социальным практикам (он подразделяется нами на «волны»); (2) неотрадиционализм как осознанный процесс возрождения традиций этнической культуры, в том числе архаических, для решения проблем социокультурного развития общества, имеющий определенные формы, виды. Весьма показательны в этом плане регионы с древней кочевой культурой, например, Республика Тыва. Волны архаизации здесь выразились: в натурализации хозяйственной деятельности, в актуализации архаических представлений о земле; в массовом возрождении архаических семейно-родовых объединений и правил взаимопомощи; в возрождении значения скота как мерила материального благополучия; в актуализации в общественном сознании архетипов пространства; предметных характеристик времени; в усилившейся дистанционности этносов, этнических групп, родоплеменных образований друг от друга; во власти с построением клановых корпораций вокруг глав регионов. Острота архаизации

пришлась на 1990-е годы. Сегодня относительная экономическая стабилизация позволила ряду процессов принять оформленный характер, выйти на первый план проявлениям неотрадиционализма, таким его формам как религиозная, празднично-обрядовая, культурно-хозяйственная, идеологическая, фольклорно-музыкальная.

ПЕТРОВ Сергей Анатольевич

ФЕДОРОВ Роман Юрьевич

ФИШЕР Татьяна Александровна

*Тюменский НЦ РАН (Тюмень), tumiki@mail.ru,
fedorov@mail.ru, fitan72@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ КОЧЕВЫХ НЕНЦЕВ К УРБАНИЗИРОВАННЫМ УСЛОВИЯМ

Изучение механизмов адаптации коренных малочисленных народов Севера к урбанизированным условиям невольно требует междисциплинарной интеграции целого ряда наук о человеке, включая этнологию, социологию, психологию, физиологию и ряд других направлений, в том числе и медицинские науки. Интегрирующую роль с подобной конвергенции научных дисциплин играют комплексные антропологические исследования, рассматривающие в неразрывной связи социокультурные, этноэкологические и психофизиологические аспекты жизни представителей коренных народов Севера. Опираясь на данный подход, нами были проведены исследования учащихся школы-интерната в поселке Харампур Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа, большинство – это дети кочевых ненцев, ведущих традиционный жизненный уклад. В ходе исследования были изучены этнокультурные и психоиммунные аспекты адаптации учащихся к урбанизированным условиям интерната. Результаты исследования указывают на то, что в настоящее время в культуре лесных ненцев национальные архаические и современные урбанизационные компоненты тесно переплетены между собой. Полное исключение одного из этих компонентов из современного жизненного уклада ненцев может иметь для него серьезные деструктивные последствия. Исходя из этого, нам представляется наиболее перспективной и адекватной разработка методик, направленных на обеспечение адаптационной мобильности, подразумевающей поиск наиболее безболезненных путей конверсии от одной формы жизненного уклада к другой, реализуемых в форме динамического баланса. При этом для представителей коренных народов Севера, важно обеспечить свободу и доступность самостоятельного выбора между разными культурно-хозяйственными моделями развития.

ПОПОВА Лариса Федоровна

*Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
rem_larisa@mail.ru*

ОТНОШЕНИЕ К ТОРГОВЛЕ У КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ: СМЕНА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ (XIX–XXI века)

Торговля в системе социальных ценностей кочевых и полукочевых народов Средней Азии рассматривалась как непристойное занятие. Торговая деятельность выступала как разделительный признак по линии идентичности «ко-

чевники-оседлые», определяя для кочевников негативный образ сартов. В процессе колонизации Казахстана стали появляться свои крупные негодяи, но это были единичные деятели, отношение к которым было по-прежнему окрашено отрицательными коннотациями. В советское время отношение к торговле в среде бывших кочевников в целом базировалось на традиционных нормах. В постсоветский период в условиях распада прежних экономических структур значительная группа населения Казахстана и Киргизии обратилась к торговле как практически единственному средству для выживания. Причем большую часть этой группы составили женщины. По словам информантов, опрошенных в ходе полевых сезонов 2007–2012 гг. в Казахстане и Киргизии, этот процесс имел очень болезненный характер. Однако общество смогло ответить на вызовы времени сложением новых форм социальных связей, корректировкой системы ценностей, синтезом новых реалий с традиционными установками. Так, например, в сельском обществе Киргизии владельцы торгового капитала в соответствии с архаичными представлениями о необходимости делиться богатством как общественным ресурсом, для сохранения своего авторитета помогают односельчанам денежным кредитом, выделяют товары в долг и т.п. При этом многие из торговых деятелей продолжают заниматься скотоводством, т.к. оно по сей день гарантирует высокий социальный статус.

ТЕРЕНТЬЕВ Владислав Игоревич

*Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск),
vlad33@bk.ru*

ГРАНИЦЫ ЭТНИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

В Западной Монголии проживают монголоязычные общности – потомки средневекового этнополитического объединения ойратов; и тюркоязычные народы – казахи (89% населения Баян-Ульгийского аймака) и немногочисленные тувинцы и хотоны. В научной литературе происходит наложение представлений об ойратах и современных западных монголах через смешение и разную трактовку их этнического состава, отождествление одноименных групп XVII–XVIII вв. и XXI в. и прямую синонимизацию ойратов и современных западных монголов, куда включаются иногда тувинцы и хотоны. Советские этнографы-монголоведы полагали, что в 1960-е годы сложение социалистической монгольской нации завершилось, что, скорее всего, применимо к монголоязычному большинству. Сегодня этническая пестрота региона, считавшаяся при социализме феодальным пережитком, интерпретируется как культурное многообразие, откуда следует процесс «культурного возрождения», свойственного горожанам. Поскольку в условиях оттока населения в центр, значительная часть западных монголов живет в столице, где субэтническая идентичность уступает место территориальной, а ойратская идентичность, не имеющая массового бытования, манифестируется во время периодических культурных мероприятий. В самой Западной Монголии границы между группами сохраняются, что ярко прослеживается в фольклоре. В это время среди казахов, словно находящихся за пределами конструируемой сегодня монгольской гражданской нации, наблюдается как

сближение с родственниками из Казахстана и Республики Алтай РФ, так и региональная пантюркистская интеграция путем вывода этнической истории хотонов и тувинцев из своей собственной, что подтверждается примерами в устной истории.

ТРОШКИНА Ирина Николаевна

*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории (Абакан), i.troschkina2012@yandex.ru*

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗВИТИИ ХАКАССКОГО ЭТНОСА И ЕГО СЕМЬИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ситуация, связанная с состоянием хакасского этноса в начале XXI века (2002–2010 гг.), достойна особого внимания, так как впервые в истории этноса произошло «естественное» снижение его численности с 65,4 до 63,6 тыс. чел. по региону, с 75,6 до 72,9 тыс. чел. по РФ. Данные изменения отчасти опосредованы интеграционными процессами и поглощением этносов более крупным этнообразованием. Изменение количественного состава хакасского этноса напрямую зависит от процессов дробления и примыкания народа к иным этническим группам. С принятием законов по поддержке малочисленных этносов в начале XXI века (в Хакасии к таковым относятся шорцы) заметны незначительные колебания в численности хакасов. Мы склонны считать, что в перспективе ожидается рост межэтнических брачных союзов хакасов с представителями иных этнических групп в связи с несбалансированностью полового состава титульного этноса в ряде городов и районов Хакасии; будет отмечаться усиление межрегиональной миграционной активности в ряде административных единиц, где в большей части сосредоточено коренное население, а, следовательно, там будет отмечаться естественное снижение численности титульного этноса. Количество хакасских семей снизится за счет межнациональных брачных союзов. Результатом данных процессов станут как социокультурные инновации, так и исчезновение мелких этнических групп.

ТУРАЕВ Вадим Анатольевич

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток), v_turaev@mail.ru

ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К МОДЕРНУ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ У КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЧУКОТКИ И КАМЧАТКИ

В докладе анализируются результаты этносоциологического исследования различных аспектов социокультурной модернизации у коренных малочисленных народов Чукотки и Камчатки. Исследования проводились в селах, по-разному адаптированных к рыночной экономике (выборка 200 чел.). Отбирались респонденты в возрасте 40 лет и старше, представлявшие собой к началу рыночных реформ обычных советских граждан с соответствующими воззрениями о жизни и обществе. На их долю пришлось основная ломка сложившихся стереотипов. Анализируются полученные данные по весьма широкому кругу вопросов: материальное положение и социально-психологическое самочувствие, степень адаптации к новым условиям,

ориентация на новые формы жизнедеятельности и демократические ценности, отношение к реформам и политике российского государства, формирование новых форм идентичности и т.п. Проведенное исследование дает основание говорить о глубоких сдвигах в ментальности коренных народов, обусловленных их вовлеченностью в рыночные отношения. Достаточно отчетливо фиксируется толерантность к институтам рыночной экономики, высокая степень

доверия к частной собственности. Традиционный коллективизм ощутимо уступает место индивидуальному творчеству. Налицо стремление к самостоятельности, личной ответственности за свою судьбу. При этом во многих случаях подобные изменения происходят более интенсивно, чем в целом по стране, чему во многом способствует ориентация на традиционный образ жизни, предполагающий большую автономию от государства.

Секция 12
СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ КУЛЬТУР И КОДЫ
ТЕРРИТОРИИ «ПАМЯТИ»

Романова Екатерина Назаровна – д.и.н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск)

E-mail: e_romanova@mail.ru

Миссонова Людмила Ивановна – к.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: missmila@iea.ras.ru

АЛЕКСЕЕВА Сардаана Анатольевна

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск),
alexeeva_sar@mail.ru*

**ЭТНИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ:
ТУНГУССКИЙ ЭТИКЕТ КАК
КУЛЬТУРНЫЙ «КОД» СИМВОЛИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

При определении исследовательской стратегии в процессе разработки данной темы большое внимание было уделено методологии символической антропологии, которая инициировала изучение таких культурных кодов, как особенности поведенческих и мировоззренческих моделей тунгусского мира. Герменевтический анализ духовной культуры периферийных групп северных тунгусов позволил впервые выделить и описать такой код символической коммуникации, как этническая дипломатия. В докладе рассматриваются особенности поведенческой модели этнолокальных групп тунгусов в пространстве периферийного континуума в контексте теории культурного пограничья. Проведенный анализ позволил выявить и систематизировать наиболее типичные формы ритуально-этикетного поведения тунгусов в профанном и сакральном пространстве, отраженные в системе отношений «Человек – Природа», а также причины и закономерности трансформационных процессов, происходящих в условиях глобализации.

Весьма интересными представляются рассмотренные нами этнографические материалы о коммуникативных кодах в обрядовой сфере у различных этнолокальных групп тунгусов Якутии, в которых большое значение уделялось вербальной коммуникации, языковому коду традиционной культуры. Особое внимание в докладе уделяется коммуникативной проблематике межкультурного диалога. Этнический диалог как методологический подход к исследованию, как исследовательская процедура и как форма интерпретации культурного материала является приоритетным направлением в разработке темы. Характеристика этнокультурных взаимодействий в зоне перекрестного проживания дала возможность говорить о существовавших ранее весьма интенсивных торгово-обменных отношениях на территориях якутско-тунгусского пограничья и связанных с ними социально-символических взаимодействиях.

АМИНЕВ Закирьян Галимьянович

*Институт гуманитарных исследований Республики
Башкортостан (Уфа), zakirjan_g@mail.ru*

**ГОРА ТОРА-ТАУ
КАК САКРАЛЬНОЕ МЕСТО БАШКИР**

В традиционной башкирской культуре значительное место отводилось сакральным местам, в частности, родовым горам, у которых башкиры проводили различные ритуалы. Так, для башкир рода юрматы сакральным пространством была гора Тора-тау (ныне Ишимбайский район Башкирии). О святости данной горы для башкир писал еще в XVIII в. адъютант Российской Академии наук Иван Лепехин, который, путешествуя по Башкирии, посетил гору Тора-тау. Говоря об этой горе, Лепехин отметил, что башкиры к этой горе «имеют особливое почтение и почитают ее за освященное место». Лепехин и сопровождающие его люди никак не могли заставить башкир подняться на вершину горы Тора-тау, находились всяческие отговорки. Они рассказали Лепехину, что некий татарин, смеясь над заблуждениями башкир, напакостил на вершине горы и за это поплатился: вскоре он сам и весь его род вымер. По объяснениям башкир, чтобы подняться туда, необходимы такие веские причины, как исполнение различных обрядов. В преданиях рода юрматы говорится, что раньше весной, перед выходом на летовку они шли к этой горе и на ее вершине пахтали кумыс, сходились после полудня, читали молитвы, устраивали всяческие зрелища, играли всю ночь, расходясь только перед утренней зарей. Почитание данной горы среди башкирского населения сохраняется и в наши дни.

АСАНКАНОВ Абылабек

*Кыргызский национальный университет им. Дж. Баласагына
(Бишкек, Кыргызская Республика), abyla@mail.ru*

**ПРИЧИНЫ И УРОКИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО
КОНФЛИКТА В ИЮНЕ 2010 ГОДА
НА ЮГЕ КЫРГЫЗСТАНА**

Глубинные причины межэтнической конфронтации в Ошской и Джалал-Абадской областях и г. Ош сформированы задолго до июня 2010 г. К началу XIX в. абсолютное большинство узбекской, таджикской, уйгурской и др. общностей Ферганской долины занимались земледелием, а кыргызы вели комплексное хозяйство. Более чем две трети кыргызов Ферганской и Приферганской долин перешли к оседлому об-

разу жизни и земледелию под влиянием соседних народов, но ведущую роль играло скотоводство. Торговлей, кустарничеством в городах занималось меньшее количество кыргызских общин по отношению к узбекским. Два вида трудовой деятельности взаимодополняли и взаимообогащали разные этнические общины. Хотя кыргызы, как и соседние этносы Ферганской и Приферганской долин, почти одновременно принимали исламскую религию, она не пустила глубоких корней, как у таджиков и узбеков. На это повлияли межсезонные перекочевания, оторванность от густонаселенных пунктов. Среди кыргызов хорошо сохранились доисламские верования. Неосведомленные представители молодежи узбекской общины объявляли на митингах «джихад (войну) неверным» – «кыргызам» (Полевые исследования автора, август 2010 г., г. Ош-Джалал-Абад, Кара-Суйский, Сузакский и Базар-Коргонский районы). До сегодняшнего дня между Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан и Таджикской Республикой нет полной демаркации и демилитизации границ, что является фактором дестабилизации. У части узбекской общины имеются неверные представления, что равнинные ареалы и земледельческие районы, города Ош, Узген и другие оазисы Ферганской и Приферганской долин являются исконной территорией узбекского этноса: они «первыми освоили эти земли», «эта территория входила в состав Кокандского ханства», «нынешнее поколение узбекской общины Кыргызстана является наследниками этих благодатных земледельческих районов».

БАКАЕВА Эльза Петровна

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста),
ebakaeva@yandex.ru

К ИССЛЕДОВАНИЮ ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В КУЛЬТУРЕ ОЙРАТСКИХ НАРОДОВ: О СОСТАВЕ «ОКРАИННЫХ» ЗАХЧИНОВ*

Исследование общего и особенного в культуре ойратских народов Монголии, КНР и калмыков России предполагает проведение анализа этнического состава, специфики языка и его диалектов, а также культуры. В языке ойратов Монголии порой выделяют две ареальные диалектные группы с включением в северную языков дербетов, байтов, хотонов, а в южную – торгутов, захчинов, урянхайцев, олетов. По мнению отдельных монгольских ученых, большая часть захчинов отделилась от торгутов. Наиболее многочисленная «кость» (яс) среди них – хэрэйд – торгутская по происхождению группа: к керентам (калм. *керэд*) относился клан правителей Калмыцкого ханства, в Синьцзяне проживают торгуты групп ики- и бага-хэрэйд (хотя хэрэйд есть и в составе монгольских дербетов). Но в современном языке торгутов и захчинов есть существенные отличия, в связи с чем необходим комплексный анализ, включающий исследование этнического состава. Захчины – этническая группа, сложившаяся в конце XVII в. на территории Джунгарии: из более 20 ойратских групп была составлена единая группа (*отог*) для охраны границы, получившая название «окраинные» (*зах* – ‘край, воротник’). Ныне захчины проживают

дисперсно в центральной Монголии и компактно в пяти сомонах Кобдоского аймака – Манхан, Зэрэг, Алтай, Мөст, Үенч (по переписи 2010 г. – 32845 чел.), а также в СУАР КНР, в основном в районе Хар-Усун. В составе захчинов чаще выделяют группы торгутов, дербетов и халха-монголов. Нашей задачей является сравнительный анализ наименований основных подгрупп (костей) захчинов и знаков собственности «тамга» у разных групп ойратов в свете проблемы их этнических взаимосвязей.

ВАНХОННАКЕР Матью

Брюссельский свободный университет (Брюссель, Бельгия)

МAMMUTHUS PRIMIGENIUS В СИБИРСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ С КОНЦА XVII ВЕКА ДО ВАСИЛИЯ НИКИТИЧА ТАТИЩЕВА

Начиная с Эверта Избранта Идеса (1657–1708?), порочившего трехлетнее путешествие до Китая, европейцы начинают сообщать о существовании животного, живущего в Сибири и неразрывно связанного как с сушей, так и водными территориями. Эти рассказы, указывающие на существование огромного животного с рогами, перемещающегося под землей – первые европейские письменные источники, подтверждающие существование легенд про Mammuthus Primigenius в Сибири. Василий Никитич Татищев (1686–1750) был первым, кто опубликовал в 1725 г. об этом научную статью под названием «Сказание о звере мамонте». Важность этого текста заключается как в углублении представлений о мамонте, так и в описании, предположении различных теорий, объясняющих наличие таких костей в Сибири. Благодаря существованию этих текстов мы имеем доступ к первым западным письменным источникам, демонстрирующим важность Mammuthus Primigenius в воображении сибирских народов. Возможно изучение этих источников с пояснением тематических мотивов и исследованием понятия Mammuthus Primigenius в некоторых культурах Западной и Восточной Сибири.

ВАРАВИНА Галина Николаевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), varavina1982@mail.ru

ОБРАЗ ЖИВОГО НАЧАЛА В КОНТЕКСТЕ МИФО-РОДОВОЙ ТЕРРИТОРИИ (на примере традиционного мировоззрения тунгусоязычных народов Якутии)

В докладе раскрывается логическая связь представлений о жизненных силах в традиционных верованиях эвенов и эвенков, определяемых как «душа», и мифо-родовой территории, маркированного места «памяти». У эвенов и эвенков в языке существует множество понятий, обозначающих душу и жизненные силы человека. Анализ категории души на уровне языковой семантики обнаружил следующие символические контексты: *хиян*, *ханян* – «тень», *ханин* – «дым», *бэен* – «телесная душа», *маин* – «душа-судьба», душа-*оми* и др., а также души локальных частей тела. Одной из важных характеристик образа души было ее посмертное существование в качестве духа – предка. Так, понятие *ханян* («душа-тень») включало в себя представления, связанные с миром предков и выступало своеобразным маркером между миром живых и мертвых.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 14-18-02898 «Трансграничная культура: сравнительно-сопоставительное исследование традиций западных монголов и калмыков» (рук. Э. П. Бакаева).

Смысловые коннотации слова ханян («двойник», «нутро», «отражение», «идол», «кукла», «предок», «дух», «родственник») обнаруживают архаичные элементы родства, где предки циркулируют в круговороте «рождение/смерть». С развитием шаманских религиозных представлений у северных тунгусов место предка занял дух (идол) знаменитого умершего шамана (*сайтан*). «*Сайтан*» выступал в роли «предка», который мог соединить свой род с мифической родовой территорией и родовым деревом, где зарождались души людей.

ВИНОКУРОВА Лилия Иннокентьевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), lilivin@mail.ru

СЕЛЬСКАЯ ЯКУТИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ПОВСЕДНЕВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СКОТОВОДОВ И ОХОТНИКОВ

Существующий в современной Якутии сельский культурный ландшафт (КЛ) как сложный природно-культурный организм содержит в себе компоненты самого разного генезиса. Для исследователя культурных ландшафтов ситуация благоприятна достаточно высокой сохранностью цельных фрагментов сельского КЛ второй половины прошлого века. В отдаленных малых поселениях можно обнаружить практически не изменившие внешний вид и функциональное назначение хозяйственные постройки или участки дорог.

Задачи исторической реконструкции КЛ недавнего происхождения, с одной стороны, облегчаются тем, что носители культуры, создавшей этот ландшафт, еще живы. Поэтому есть возможность сбора информации «из первых рук», перекрестной и детальной экспертизы полевых материалов и архивных документов. С другой стороны, относительная «молодость» не является гарантией целостности и достоверности для любых реконструкций.

За период второй половины XX в. ландшафт якутских сел во всей его многомерности и разнообразии претерпел серьезные изменения. В результате административных и хозяйственных трансформаций изменилась структура расселения: в частности, к концу 1970-х гг. треть сельского населения проживала в крупных поселениях с числом жителей более тысячи. На наш взгляд, сокращение количества малых сел означало сужение традиционного пространства повседневной деятельности сельских жителей. При этом этнокультурной особенностью региона является сохранность традиционных занятий народа саха до начала XXI в. Выявление и реконструкция пространства «проживания» скотоводов и охотников (рыбаков) на материалах сельской повседневности центральной Якутии позволяет увидеть и понять ресурсы и перспективы такой устойчивости.

ВУКВУКАЙ Надежда Ивановна

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН (Магадан), kerker@inbox.ru

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ФOLЬКЛОРНЫХ АНСАМБЛЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ТАНЦЕВАЛЬНОГО КОСТЮМА В ЧУКОТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

XX в. стал значимой временной вехой для традиционных культур коренных народов Чукотки. Исторические

события отразились и на состоянии национальной одежды чукчей. Значительные изменения появляются в 1980-е годы, в период культурных преобразований на всем советском пространстве. Это время можно назвать временем активизации национального самосознания традиционных обществ советского Севера, эпохой неотрадиционализма. Общество начинает искать новые формы самовыражения, у людей появляется желание не только выделиться, но и ощутить себя важным звеном в истории развития культуры. Особенно наглядно это проявляется на примере истории формирования праздничного костюма и создания фольклорных ансамблей. За сравнительно короткий промежуток времени на основе национального костюма появляется несколько разновидностей праздничного костюма: танцевальный, сценический (театрализованный), выходной. Все эти виды костюмов объединяются общим термином, определяющим направление развития в современном обществе как фольклорный костюм.

ГИЛЯРОВА Наталья Николаевна

Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского (Москва), natalja.gilyarova@yandex.ru

РУССКИЕ СТЕВЛОВЫЕ ДУДКИ (НОВЫЕ ДАННЫЕ, АРЕАЛ, ОСОБЕННОСТИ)

На территориях со сложной историей заселения и миграционными процессами формировались новые этнокультурные контакты. К таким землям относятся юго-западные районы Калужского края. Каждый исторический период, начиная с IX в., вносил свои особенности в становление местной традиционной культуры. Многие из ее реликтовых форм сохранились в современном геопространстве. Русские флейты Пана были отмечены исследователями еще в XIX в. В начале XX века сведения об этом инструменте отсутствуют. Вновь о нем заговорили перед ВОВ. Экспедициями МГК разновидности инструмента были вновь открыты в Курской (К.К. Квитка) и Брянской (тогда Орловской, Л.В. Кулаковский) областях. Инструменты при совпадающей конструкции отличались по материалу, наименованию, приемам изготовления, бытовой функции и собственно наигрышам. Долгое время брянские флейты считались уникальными для русской традиционной культуры. В Калужской области в 1970-х годах были сделаны единичные записи (с. Дуброво). Предпринятое в начале XXI в. специалистами МГК фронтальное обследование южных и юго-западных районов Калужской области позволило существенно расширить представление об этом инструменте (местные названия *дудки, стволы, ствольные дудки*). Использование инструмента в ситуации, связанной с обрядом, количественный состав флейт, на которых играет каждая женщина, позволяют говорить о сохранности на данной территории одной из наиболее древних инструментальных форм. Сложный вопрос – распространение инструмента – встает в связи с изменениями, произошедшими в социуме. Бытование флейт носило, судя по всему, очаговый характер, что было связано с историей заселения территорий и, по-видимому, с трудовой деятельностью населения.

ДАНИЛОВА Наталия Ксенофоновна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН (Якутск), tachika@mail.ru

**МЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ «САКРАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ»
У НАРОДОВ АРКТИКИ НА ПРИМЕРЕ
СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)***

В ментальной карте концепт Земли состоит из понятийной, образной и ценностной составляющих. Согласно лингвокультурологическому анализу ментальный образ Земли у якутов включает в себя следующие универсалии: *Сир ийэ* (мать земля) – женское плодоносящее начало, *те-рют сир* – «своя земля – родина», *сирдээги аналым* – судьба, предназначение. Дихотомия «Человек – Земля» представляет собой одно целое; так, человек буквально тождественен с пространством родной земли/аляс. Примечательна в этом отношении антропоморфизация образа родной земли.

Образная составляющая связана с чувственным представлением о Земле. У северных якутов, проживающих компактно в арктической зоне, зафиксировано особое отношение к предметно-чувственному образу Земли. Горная местность, относительная изолированность и удаленность от основной массы этноса способствовали некой «отчужденности». Так, например, северные якуты про центральных и вилуйских якутов говорят «*дойду дыоно*» (букв.: люди с большой земли), а про себя: «*биһиги хотулар*» (мы, северные люди). Содержание ценностной составляющей концепта Земли формируется в соответствии с системой ценностей, связанных с восприятием и репрезентацией образа территории. В макромоделе геотнической панорамы якутского этноса зона севера представляется периферийной областью. В мировоззрении же северных якутов их «своя земля» представлена неким локальным центром, островком южной коневодческой культуры.

Сейчас конструирование образа и бренд-имидж северных территорий строятся не на прежних стереотипных представлениях: о них говорят не как о «крае земли», а как о центре арктического пространства – Полюсе холода.

ДЖАЛАБАДЗЕ Натия Георгиевна

Институт истории и этнологии им. И. Джавахидови АН Грузии
(Тбилиси, Грузия), natia_jalabadze@yahoo.com

**ДИХОТОМИЯ ПРОСТРАНСТВА И ГЕНДЕР
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
ГРУЗИНСКИХ ГОРЦЕВ**

В разных культурах наблюдается различное понимание социальных ролей, прав, обязанностей и иерархических позиций мужчин и женщин. Разделяя деятельность человека на два вида (мужской и женский), грузинские горцы четко определяли гендерные роли, социальные нормы поведения и строго устанавливали гендерные ограничения. Традиционная система гендерной дифференциации и стереотипы маскулинности и фемининности обуславливали различия их бытового и ритуального поведения, которые были тесно связаны с дихотомией пространства.

* Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 14-38-00031 «Создание Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики» (рук. Д.Н. Замятин).

Гендерная стратификация четко отразилась в традиционном делении пространства на две части – мужскую и женскую, при этом границы каждой из них были в основном строго лимитированы. Дихотомию гендерного пространства можно наглядно проследить как в семейном и хозяйственном быту, так и в традиционном праве и религиозной практике горцев. Характерным тому примером является традиционное грузинское жилище: «главный столб» («*дедабодзи*») разделял его на две отдельные половины (мужскую и женскую), в каждой из которых мужчины и женщины изолированно друг от друга занимались своими делами. Кроме того, они имели и собственное пространство в процессе совершения религиозных культовых обрядов; также четко определялся ареал религиозной деятельности мужчин и женщин, т.е. женщинам категорически запрещалось посещение некоторых мест, более того – был строго определен тот или иной отрезок дороги, которым женщины могли, или же напротив – не имели права пользоваться и т.д. Примечательно, что отдельные элементы традиционной гендерной дихотомии пространства сохранились до наших времен.

ДЖОШБЕКОВА Айнагуль Рысбаевна

Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева
(Бишкек, Кыргызская Республика), rysbaevna1@mail.ru

**РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЕЛ
И ПРОМЫСЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КЫРГЫЗОВ
БАТКЕНСКОЙ, ДЖАЛАЛ-АБАДСКОЙ, ОШСКОЙ
ОБЛАСТЕЙ КЫРГЫЗСТАНА
(на материалах этносоциологических исследований)**

С возрождением народных праздников, обычаев появился спрос на национальные костюмы, пищу, традиционные украшения и предметы материальной культуры. В свое время это дало толчок возрождению ремесел, которыми искусно владели наши предки. В тяжелых социально-экономических ситуациях люди ищут пути выживания. Некоторые виды ремесел развиваются успешно, имеют налаженный вид производства и приносят немалый доход. Другие виды, требующие большого мастерства и затрат, развиваются медленно, хотя и на них есть определенный спрос. Многие опрошенные (15,5%) утверждают, что возрождение народных промыслов ощутимо помогает в трудный период. Пошив традиционной национальной одежды (головные уборы «капка», «элечек», национальные женские и мужские халаты «чепкен», женские «кембир койнок», «чыптама», «белдемчи», национальные башмаки) и приготовление блюд национальной кухни (чучук, казы-карта, олобо, максым, кымыз, бозо, чалап и др.) как ремесло, возродилось в период суверенитета. Большой спрос населения на эти виды товаров позволил людям, занимающимся этим ремеслом, наладить их производство. Данные виды ремесла как важное подспорье в создавшихся условиях отметили 10,3% опрошенных. Во время наших исследований и в ходе многолетних наблюдений мы пришли к выводу, что основными производителями кыргызской национальной одежды и национальных продуктов питания являются жители горных районов страны, которые имеют сырье, рабочие руки; они возродили способы обработки и изготовления. Своевремен-

ная адаптация к рыночным условиям привела к налаженному производству и успешной реализации этих товаров.

ДМИТРИЕВ Владимир Александрович
Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
dmitriev_home@mail.ru

СХОДСТВО В ОБРАЗОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ ГОРЦЕВ И КОЧЕВНИКОВ

Горцы Кавказа и кочевники степей Евразии существовали в разных ландшафтах, но близки по способу образования пространства культуры. Близость состоит в отрицании внешней границы пространства культуры или понимании ее как мембраны между своим и другими пространствами, структурировании своего пространства сезонными освоениями участков территории и семиотизацией природных объектов, соединением принципа владения земельным участком с приемами его освоения, метрикой конкретного движения транспортного средства. Их объединяет также наличие центра освоения пространства в месте нахождения семейного коллектива и его главы. Важным приемом организации пространства является постулирование его границ в коллективной памяти. Пространство традиционного жилища, тяготеющее к сжатию, структурируется по вертикали по сакрализованной оси, а по горизонтали – по зонам, определенным пространственными оппозициями «право–лево», «перед–зад», «старший–младший», «мужской–женский». В жилище берут начало гендерные формы пространства, центры женского пространства стягиваются к жилищу, мужского – разбрасываются на максимально дальнее расстояние. Молодым мужчинам предписывается особая активность во внешнем пространстве, отчасти такая активность распространяется на пространственное поведение девушек. Социализация пространственной оси оппозиции «свой–чужой» имеет следствие в виде развития обычаев, особо свойственныхномадам и горцам: гостеприимства (локализация чужого в своем пространстве) и набега (нормативное насилие в отношении соседей). Возможным следствием специфики традиционного пространствобразования является повышенная адаптивность к нахождению в другом пространстве, проявленная в эпоху модернизации, в т.ч. в пространстве мегаполиса типа.

ДОБЖАНСКАЯ Оксана Эдуардовна
Арктический государственный институт искусств и культуры
(Якутск), dobzhanskaya@list.ru

МНОГООБРАЗИЕ МУЗЫКАЛЬНО- ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ КАК ФЕНОМЕН АВАМСКОЙ ТУНДРЫ (Центральный Таймыр)*

Авамская тундра – природно-географическая область Центрального Таймыра, располагается в бассейнах рек Авам (приток р. Пясины) и Хета (приток р. Хатанга) с прилегающими территориями. В XX в. это исконное место кочевков западных (авамских) нганасан по ряду социально-исторических причин стало пространством сосуществования культур долган, энцев-сомат, нганасан, русских. В музы-

кальном фольклоре тесные межкультурные контакты народов отразились в умении исполнять иноязычные музыкально-фольклорные традиции, в многочисленных жанровых и сюжетных заимствованиях, а также в практике параллельного существования фольклорного произведения на разных языках. Собранные в течение 1980–2000-х годов музыкально-фольклорные материалы показывают, что для фольклорных исполнителей Авама нормой было знание и исполнение произведений из нескольких музыкально-фольклорных традиций. В нганасанской среде широко распространены и любимы ненецкие и энецкие эпические сюжеты с заимствованными у северных самодийцев напевами (ненецкими и энецкими); исчезнувшие шаманские напевы долган помнили и исполняли нганасанские фольклорные исполнители (на долганском языке); традиция исполнения личных песен до сих пор включает пение личных песен представителей других народов, с кем налажены отношения; музыкально-фольклорное произведение может существовать на нескольких языках параллельно (песни ненецкого шамана и энецкие сюдобичу были записаны на нганасанском языке). В этом смысле звуковой ландшафт авамской тундры представляет пересечение музыкальных кодов самодийских и тюркских народов.

ДОНГАК Антонина Саар-ооловна
Тувинский институт гуманитарных исследований (Тува),
antdon@mail.ru

ЧУЛУУН Сампилдондовын
Институт истории и археологии АН Монголии (Улан-Батор,
Монголия), samchuluun@gmail.com

КОЧЕВНИКИ ВОСТОЧНЫХ САЯН – ПРИХУВСУГУЛЬЕ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ТУВА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ**

Известно, что традиционная культура тувинцев исторически формировалась в тесной взаимосвязи с традициями соседних монгольских народов, чему способствовали сопредельная территория, совместное пребывание в составе древних центральноазиатских государственных образований и последней империи Китая – маньчжурской династии Цин, этническое родство и тесные языковые связи. Изучение связей тувинцев с западно-монгольскими (ойратскими) народами, такими как хотогойты, урянхайцы, баяды, дорбеты и другие, было бы неполным без включения в данный ареал цаатанов – тувинцев-оленоводо-живущих в Юго-Восточных Саянах – таежном Прихувсугулье, территории, унаследовавшей уникальное историко-культурное наследие и имеющей природно-географический, социально-экономический и геополитический потенциал. Невозможно не учитывать тесных этногенетических и этнокультурных связей данного народа с материнским этносом – тувинцами Республики Тыва.

Экспедиция работала в Эрзинском и Тере-Хольском кожуунах Республики Тыва, которые в физико-географическом отношении являются частью Юго-Восточной Тувы.

** Работа выполнена по Международному проекту РГНФ и МинОн Монголии «Этнокультурные контакты народов Саяно-Алтая и Западной Монголии» (рук. А.С. Донгак (Россия) и С. Чулуун (Монголия)).

* Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 14-38-00031 «Создание Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики» (рук. Д.Н. Замятин).

Особенностью данной территории является то, что там сохранилось тувинско-монгольское двуязычие – своего рода культурный феномен среди тюркских народов Саяно-Алтая. Природная среда и социально-экономические условия сыграли свою роль в формировании этнокультурных особенностей и стереотипа поведения тувинцев данного региона Тувы. Результаты полевых исследований двух экспедиций будут иметь прикладное значение для дальнейшего изучения, сохранения и популяризации языков и их диалектных особенностей, региональных, локальных этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая и Центральной Азии.

ДЬЯКОНОВ Виктор Михайлович

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), dyakonov_vm@rambler.ru

**СКАЛЬНЫЕ ОСТАНЦЫ С ПЕТРОГЛИФАМИ –
НЕРУКОТВОРНЫЕ ХРАМЫ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН
ЛЕНСКОГО КРАЯ***

На территории Якутии в настоящее время открыто и изучено около полутора сотен писаниц – живописных скал с рисунками, выполненными, как правило, красителями из охры преимущественно красного цвета. Датируются они в широком хронологическом диапазоне от палеолита до эпохи позднего средневековья. Большинство писаниц локализуется в Южной и Центральной Якутии, но имеются единичные объекты и далеко на севере и северо-востоке региона. Четких закономерностей сосредоточения наскальных рисунков в каких-либо определенных ландшафтных зонах пока не обнаружено. Часто они встречаются в долинах больших и малых рек, тяготеют к природным преградам – опасным участкам рек, горным перевалам. Образы, отраженные в наскальных рисунках, разнообразны, включают зооморфные, антропоморфные, орнитоморфные, полизйконические фигуры (как реалистичные, так и схематические), а также аморфные пятна. Имеются сложные композиции, пиктограммы, знаки и надписи. Возле скал с рисунками иногда встречаются жертвенники, функционировавшие зачастую на протяжении тысячелетий. Такие объекты являются культурными комплексами, где древние люди совершали ритуальные действия, направленные, например, на испрашивание у духов местности удачи в охоте. Можно предположить, что почитание скалы и каменных останцов было связано с образами главных божеств и духов местности, воплощенных в природных объектах.

ДЬЯКОНОВА Варвара Егоровна

Арктический государственный институт культуры и искусств (Якутск), dvaryae2012@mail.ru

**«ПОЮЩИЕ» И «ИГРАЮЩИЕ»: К ПРОБЛЕМЕ
ЗВУКОВОГО ЛАНДШАФТА ЭВЕНКОВ ЯКУТИИ****

Культурный ландшафт Оленёкского эвенкийского национального района Якутии в результате широких этнокультур-

ных взаимодействий якутского и эвенкийского этносов представляет зону культурного пограничья (Красноярский край, территория виллойдского и северо-западного ареала Якутии). В начале XX в., в период образования первых поселений и административных районов (1935 г.) произошла утрата эвенкийского языка, и в настоящее время современные эвенки используют якутский и русский языки. Этот факт нашел свое отражение в духовной культуре оленёкских эвенков. Так, в музыкальном фольклоре мотивы личных (родовых) песен предков современными эвенками исполняются без слов, а эвенкийские обряды по своей структуре перекликаются с якутскими. Определяющими же маркерами звукового ландшафта выступают традиционные эвенкийские фоноинструменты. Доминирующая тема – олени и птицы (звукоподражания) и связанные с оленеводством звуковые пространственные представления (общее звуковое пространство оленьих упряжей – *арык тыаһа, угаарка тыаһа*).

ЕВСЕЕВА Татьяна Игоревна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), tawantinn@gmail.com

**ИЗУЧЕНИЕ ПРИСТАНЦИОННЫХ
ЗОН МЕТРО МОСКВЫ С ПОМОЩЬЮ
ВИЗУАЛЬНОГО МЕТОДА**

По данным официального сайта Московского метрополитена, ежедневный пассажиропоток варьируется (по месяцам) от 5,7 до 7,5 млн чел. в сутки на 2012 г. Вне зависимости от того, как человек пользуется городом до и после перемещения данным видом транспорта, он вынужден проходить через пристанционные зоны у входа в метро. Столь интенсивное использование данных зон не может не влиять на данную территорию.

Изучение культурного ландшафта города остается одной из наиболее актуальных тем. Важно обратить внимание на особый тип городского ландшафта, который образуют прилегающие ко входу метро пространства. Эти пространства могут быть изучены, в частности, методами наблюдения, анализа фото, GPS и т.п. Особое место занимает метод визуального подхода к исследованию. При этом интересен не только аспект изучения особенностей общества по его зрительно фиксируемым визуальным признакам, но и предмет поиска визуализации. В работе изучается взаимодействие горожанина с пристанционным пространством у входа в метро.

ЖАПАРОВ Амантур Забирдинович

Институт истории и культурного наследия НАН Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика), amantour@mail.ru

**ПРИРОДНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТЫ
ЛОКАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
(на примере горной долины Внутреннего Тянь-Шаня)**

Доклад основан на примере одной небольшой горной долины Внутреннего Тянь-Шаня. *Төлөк* имеет длину 35 км и ширину – 5 км. Высота нижней части, где расположено одноименное село, равна 2310 м над уровнем моря. Через долину проходят грунтовая дорога и кочевые пути на альпийскую зону с широким долинным пространством, где имеется пресное озеро Сон-Куль. С гребня невысокого перевала при въезде в село открывается трудно поддающийся описанию пейзаж долины: северные склоны гор, их вершины, горная река, вдоль

* Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 14-38-00031 «Создание Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики» (рук. Д.Н. Замятин).

** Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 14-38-00031 «Создание Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики» (рук. Д.Н. Замятин).

которой виден негустой пойменный лес, южные склоны гор, отличающиеся бесснежностью, кустарники и травяной покров, сама деревня – все органически дополняет друг друга, составляя своеобразный природный ансамбль.

Пейзаж Толока одинаково привлекателен в разные сезоны года. Если для местных *Төлөк* был прежде всего пространством пастухов, то для туристов, например, он выполняет функцию транзитной территории. Следует упомянуть также связь пространства с исторической и социальной памятью, сакральностью и т.д. Природный и культурный ландшафт этой небольшой долины заметно изменился за последние три десятилетия, на что повлияли процессы, происходящие на глобальном, региональном, местном уровнях. В данной работе делается попытка найти ответы на поставленные выше вопросы.

ЖУКОВСКАЯ Наталья Львовна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), n-zhuk@yandex.ru

ЛИЧНОЕ, СЕМЕЙНОЕ И РОДОВОЕ ПРОСТРАНСТВО В МОНГОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ*

Средневековое кочевое общество, хотя и располагало достаточно большим пространством для сезонных кочевок и иных перемещений, делило его на более мелкие пространственные единицы, соотносённые с личностью, семьей, родом и даже народом в целом. Пространство личности ограничивалось юртой: с ней были связаны место, где человек родился, место, где закопали его послед, место, в котором или на котором он спит (люлька для младенца, постель су-пругов, стариков, незамужних женщин, подростков), место, где хранятся его личные вещи. Пространство семейное охватывало уже и юрту и прилегающую к ней хозяйственную территорию, где размещались загон для молодняка, коновязи, запасы топлива (аргала), небольшие амбары для хранения обработанных шкур, войлоков, зимней одежды летом и летней зимой, продовольствия и т.п. Они служили своего рода «погранзаставами» семейной территории, за которой начиналось родовое пространство, чаще называемое территориально-родовым. Оно окружает, как правило, не одну юрту, а целый *айл* или даже *хотон* и включает ряд концентрических кругов, в ближнем из которых пасутся телята и коровы, в следующем – овцы, в наиболее удаленном третьем – кони как наиболее способные постоять за себя, сбившись в табун. Все упомянутые виды пространства имеют свои символические границы и ориентиры, по которым любой носитель данной этнической культуры может их опознать.

ЗАМЯТИН Дмитрий Николаевич

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Москва), metageogr@mail.ru

СОПРОСТРАНСТВЕННОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Проблематика сопространственности возникает в тот определенный момент времени (в широком историческом

смысле), когда становится относительно ясным сосуществование разнородных, различных по генезису и способам функционирования территориальных идентичностей в пределах каких-либо территориальных сообществ, социальных групп или же на примере отдельных индивидуумов. На наш взгляд, эта проблематика становится актуальной на стадии позднего Модерна – сначала неявно, а затем явно и довольно остро. Основное содержание социокультурных процессов, связанных со становлением сопространственности (сопространственностей) можно охарактеризовать так: территориальные сообщества, а вместе с ними и территориальные идентичности постепенно начинают трансформироваться в более гибкие социо-ментальные структуры, для которых различного рода территориальные маркеры, а также пространственные образы-архетипы могут быть не согласованными и даже противоречащими друг другу в рамках традиционной формальной (аристотелевской) логики. В то же время эти признаки могут быть «плавающими», неясными, размытыми, мерцающими – проявляясь при этом довольно жестко в пограничных/лиминальных психологических, социокультурных и политических ситуациях. Так, например, человек может быть по происхождению (рождению) пикардийцем, жить в зрелом возрасте на юге Украины и считать себя «гражданином мира», что не отменяет при случае его четких в социопсихологическом смысле реакций в тех или иных ситуациях.

ЗОРИКТУЕВ Булат Раднаевич

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), enhe_z@mail.ru

ОБРАЗ ЛЕСА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТЕПНЫХ МОНГОЛОВ

В эпоху средневековья монголы делились на две группы: степных и лесных. В основу такого деления был положен не только географический принцип, но и разность происхождения, культуры, образа жизни, мировоззрения населения. Территория проживания лесных монголов располагалась по обе стороны Байкала и называлась Баргуджин-Токумом, кратко – Барга. Она представлялась степнякам глухой, холодной по климату, отдаленной провинцией на северной окраине их государства. Такой малопривлекательный образ лесной страны обусловил завышенное мнение о себе у степных монголов и одновременно заниженное суждение – об обитателях леса, хотя известно одно весьма лестное высказывание Чингис-хана о данном районе. На несколько пренебрежительное отношение жителей степей к Баргуджин-Токуму указывает, в частности, своеобразие местной этнонимии. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что среди этнонимов самоназвания не составляют большинства, большая их часть получена со стороны. К таким относилось данное соседями с юга имя наиболее крупной племенной общности у Байкала *баргут*. Его значение – «грубый, примитивный, стародавний». Оно идентично содержанию тюркского слова *байыркы* (в китайских источниках середины I тыс. н.э. – *баегу*), которое было первоначальной формой этнического названия *баргут*. К слову *баргут* семантически близок топоним Барга, определить значение которого не составляет труда – «глухой, лесистый, малоосвоенный уголок или край».

* Доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ № 15-01-00450/15 «Личность в этносоциальном контексте: кросс-культурное исследование».

** Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 14-38-00031 «Создание Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики» (рук. Д.Н. Замятин).

ИВАНОВА Нина Иннокентьевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), haar-haar@mail.ru

**ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И
ТРАНСФОРМАЦИИ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Сегодня в условиях усложнения национально-языковых проблем у каждого народа под действием различных факторов, формируются собственное видение проблем, связанных с языком, собственные стратегии поведения и тактики проявления этничности. Последние исследования отражают отсутствие на сегодняшний день проблемы размытия идентичностей, однако центристские и центробежные силы являются значительной составляющей социокультурного положения и «этноязыкового самочувствия». Тенденция к ослаблению значимости языковой идентичности (консолидирующей функции языка) у студенческой молодежи незначительное, но возрастание свободного владения якутским языком и одновременно снижение уровня владения русским языком актуализируют экспланаторный подход к решению проблем этноязыковой идентичности. Так, выявление современных предпосылок формирования единой российской идентичности и трансформации языковой и этнической идентичности на материале установок и предпочтений владения якутским и русским языками в г. Якутске (2007 и 2015 гг.), а также результаты экспликации психолингвистического значения этнически окрашенных слов-стимулов позволят увидеть социопсихолингвистическую репрезентацию феномена «языковая лояльность» носителей якутского и русского языков по отношению к родным языкам, русскому как государственному языку РС (Якутия), русскому языку как государственному языку РФ.

ИГНАТЬЕВА Ванда Борисовна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), V_Ignat@mail.ru

**ИСТОРИЯ И МЕСТА ПАМЯТИ:
МЕМОРИАЛЬНЫЕ НАРАТИВЫ И ПРАКТИКИ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ
САХА (ЯКУТИИ)**

Предметом обсуждения являются конструирование мемориального пространства и контент социальных репрезентаций на уровне региональных и локальных/местных сообществ, призванных содействовать сохранению культурного наследия саха и формированию их групповой идентичности. Большинство мемориальных практик, музеографических проектов и т.д. основаны, главным образом, на интериоризации и презентации «мест памяти», имеющих особый символический контекст: это исторические личности и события, культурные традиции, топографические точки и др., на которых концентрируются общие представления и воспоминания о прошлом.

Вместе с тем, особенностью современной социологической реальности является постепенная трансформация традиционной модели идентичности саха, в которой важную роль играли устные формы хранения и передачи коллектив-

ной памяти. Сегодня движение за идентичность характеризуется обращением к материализованным символам, связывающим воедино историю, культуру и ландшафт. Апелляция к мифологии и, одновременно, национальной историографии в значительной степени определена включением ЮНЕСКО якутского героического эпоса *олонхо* в Список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества (2005). Тесная «привязка» идентичности и памяти, их материализация в многочисленных меморативных монументах и святынях не только демонстрирует единство территории, истории и культуры саха, но и подчеркивает их особую связь с родной землей, т.е. предстает как символический ресурс, артикулирующий право народа на свои исконные земли.

КАЗАЧКОВ Григорий Викторович

Институт степи УрО РАН (Оренбург), tsvikaz@yandex.ru

**НАХОДКА ЛЕГЕНДЫ О МЕЙЕБИЛЕ –
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕ НОВОСИБИРСКИХ
ОСТРОВОВ***

В ходе исследования истории использования и охраны природных ресурсов Новосибирских островов в фондах Национального архива Республики Саха (Якутия) мною была обнаружена легенда о первом человеке, ступившем на Новосибирские острова – тунгусе по имени Мейебиль, искусном лучнике, пришедшем на острова вместе со своей женой Мокрухе (или Мохруся) и двумя работниками-якутами. Согласно легенде, один из работников Этрикен (или Этрикян), сошелся с Мокрухе и при ее содействии убил Мейебиля. После убийства оставшиеся трое не могли обеспечить себя охотой, так как лук Мейебиля отказался служить им, покинули острова и занимались грабежом на материке, пока не были пойманы якутами и тунгусами. Легенда была записана в 1928–1929 гг. в с. Казачье на р. Яна неизвестным исследователем, действовавшим от имени Якутского отделения Географического общества СССР. В рамках нашего исследования легенда интересна как отражение раннего периода освоения Новосибирских островов, а в прикладном отношении – как дополнительное средство туристического маркетинга Новосибирского архипелага.

КАТО Хирофуми

Центр изучения культуры айнов и коренных народов, Университет Хоккайдо (Саппоро, Япония), h-kato@let.hokudai.ac.jp

**ФОРМИРОВАНИЕ АЙНСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ
ОБЩНОСТИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗУЧЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ**

Айны – коренной народ Японии, а также, как известно, России. Наименование «айны» означает «люди», в противоположность понятию «мать-природа». Исторически сложилось так, что айны заселяли Хоккайдо, Сахалин (Карафуто),

* Работа выполнена по проекту «Ландшафтно-экологическое обоснование организации национального природного парка на Новосибирских островах» Программы фундаментальных исследований РАН 44П «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации» (рук. А.А. Чибилёв).

Курильские острова и северную часть острова Хонсю. На основании диалектов языка и культурных особенностей они были классифицированы как три локальные группы народа, а именно, хоккайдские, сахалинские и курильские айны (айну). Официальный опрос, проведенный в обстановке благоприятных жизненных условий 2006 г., зафиксировал 23782 айна на территории Хоккайдо, в то время как, по официальным данным Токио, в 1988 г. насчитывалось всего 2699 айнов. Учитывая, что многие представители населения, имеющие айнскую этническую самоидентификацию (самоопределение), никогда не принимались во внимание официальными обследованиями, некоторые активисты утверждают, что общее число айнов, живущих на всей территории Японии, превышает 300 тыс. чел. В этом докладе я хотел бы проследить историю исследования айнов в Японии и реконструировать процесс формирования айнской этнической принадлежности на основе современных данных археологии.

КОЧКУНОВ Айдарбек Сулайманкулович

*Кыргызско-российский славянский университет
(Бишкек, Кыргызская Республика), aidar.k@mail.ru*

МОДЕЛИРОВАНИЕ САКРАЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ АЛА-ТОО – АЛТАЙ (к вопросу об изучении этнокультурной ментальности кыргызов)

В истории кыргызского народа существуют территории и конкретные географические объекты, обладающие четко выраженной сакральностью. Большинство этих объектов находится на современной территории Кыргызстана. Однако имеются иные территории – конкретные географические точки в разных частях евразийского пространства, которые рассматриваются как часть этнополитической истории народа, являются символами в этнокультурной ментальности кыргызов. Они отражены в памяти народа посредством устной истории и фольклора. Особое место в числе сакральных территорий занимает горная система Ала-Тоо (Центральный Тянь-Шань) и Алтай, большая часть которого находится на территории России. Связка Ала-Тоо – Алтай рассматривается в этнокультурной ментальности современных кыргызов как единое целое, она является символическим выражением историко-культурной общности народов, обитающих в двух горных системах, имеющих глубокие исторические корни, и выступает одним из факторов формирования современной этнокультурной идентичности кыргызского народа. Моделирование сакральности этих двух объектов начало формироваться со времен исхода большей части кыргызов с Южной Сибири и Алтая в эпоху позднего средневековья. Этот процесс был отражен в эпосе «Манас», а также в других произведениях устного народного творчества. Вторым, не менее важным импульсом моделирования сакральности Ала-Тоо и Алтая стали результаты научных исследований по истории и культуре кыргызов, алтайцев, хакасов и др. народов Алтая, Южной Сибири, Центральной Азии в целом, подтвердивших обоснованность центральноазиатского происхождения кыргызского народа. Анализ этих материалов поможет пониманию особенностей современной этнокультурной ментальности кыргызов.

КРОТОВА Мария Владимировна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург), mary_krot@mail.ru

ФЕНОМЕН ХАРБИНА КАК ТРАНСГРАНИЧНОГО ГОРОДА

Харбин – русский город на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), построенный на рубеже XIX и XX вв., более чем полвека был уникальным местом в Китае, международным городом, где пересекались различные культуры. Харбин называли «русским островком» в азиатском окружении, русской Женовой на Востоке; здесь все перепелось – китайская экзотика, советское присутствие, дореволюционная русская культура. Он отличался большим социальным разнообразием, огромным числом «малых групп», связанных этической основой. Традиционные штампы советской историографии – «белый» Харбин с «вырождающейся», «гнилой», «умирающей» эмиграцией – никак не вязались с действительностью. Азиатская обстановка корректировала отношения между русскими эмигрантами, советскими гражданами, представителями разных национальностей бывшей Российской империи, обнаруживала больше сходства, чем различий, разрушала стереотипы в восприятии другого. Между различными слоями общества существовали непрерывная обратная связь и взаимодействие. О феномене Харбина как города культурных взаимодействий размышляли и современники, и покинувшие его в поисках лучшей доли бывшие харбинцы, рассеянные по всему миру, и исследователи. Он оставался и остается точкой притяжения для многих русских.

КУРИЛОВА Самона Николаевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), samonak@rambler.ru

ПАМЯТОВАНИЕ: НА ГРАНИ САКРАЛЬНОГО И ПРОФАННОГО*

На территории Магаданской области в настоящее время проживает 5995 представителей коренных малочисленных народов Севера. Народности проявляют относительное дробление на локальные сообщества по территориальному критерию. Каждое из этих сообществ представляет собой место памяти, что проявляется в их стремлении поддерживать коллективное памятование о собственных истории и культуре. Полевые исследования показывают, что в случаях отсутствия предметов коммеморации в пространстве и наличия в сообществе в значительной степени этнически смешанных представителей, знания историко-культурного прошлого проявляют реликтовые формы. Такие сообщества находятся в поисках своего утраченного прошлого, а его члены особо остро ощущают свою причастность к коллективной памяти. В попытках сохранить и передать знания они создают искусственные формы коммеморации, что сейчас наблюдается во многих населенных пунктах Магаданской области. Так, образцом праздника Чайрудяк, проводимого в Ягоднинском районе, стал эвенский праздник Хэбденек – эвенский Новый год, отмечаемый в день летнего солнцестояния

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 14-38-00031 «Создание Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики» (рук. Д.Н. Замятин).

на областном уровне. В празднике участвуют представители разных народов и этнических групп (населенные пункты в области многонациональные и национально-смешанные). Имея лишь фрагментарное представление о сакральном значении некоторых известных им обрядов, эвены Ягоднинского района ввели в программу праздника следующие обрядовые действия: завязывание ленточек, кормление огня, окуривание багульником. По словам информантов, такое мероприятие способствует единению народов, возможности встречи и общения за чашкой чая, что и отражено в названии праздника.

МЕЛИКИШВИЛИ Лиана Шалвовна

*Национальная АН Грузии (Тбилиси, Грузия),
lmelikishvili@hotmail.com*

**ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПОНЯТИЕ
«РОДИНЫ» В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Приблизительно 180 лет назад на опустошенных из-за набегов чужеземцев местах в высокогорном регионе Джавахети (южная Грузия) царская Россия переселила духовоборов. Здесь они создали свой микромир, отделяющий от окружающего «святыми горами» и расположенным между ними пространством, воспринимаемым ими как «Родина». Духоборы убеждены, что это пространство принадлежит им, а за пределами его расположены чужие владения. С 1989 г. частью региона овладели армяне и грузины. Образовалось новое полиэтничное общество, в котором процессы интеграции протекали сложно. На передний план в противоречии этноконфессиональных групп выступил «пространственный конфликт», т.е. распри о принадлежности территории, именуемой «родиной». По мнению переселившихся армян, это место (Джавахети), объединившееся в их менталитете с Арменией в одно целое, является их родиной. Грузинское население, переселенное сюда из других уголков страны, разумеется, считает своей родиной всю Грузию. Таким образом, «родина – родная земля» воспринимается каждой группой как этнически ориентированная территория, и каждая из них испытывает чувство собственности по отношению к этой территории. Для двух этнических групп – армян и грузин – одна и та же микротерритория представляет собой часть двух разных стран – Армении и Грузии, а для третьей группы, духовоборов, эта территория – единственная их родина. Естественно, что такое различное осмысление понятия «родины» уже само собой предопределяет и вызывает противостояние.

МЕСАРОШ Чаба

*Институт Этнографии Венгерской АН (Будапешт, Венгрия),
meszaros@etnologia.mta.hu*

**ЛАНДШАФТ КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО:
ПЕРСПЕКТИВИЗМ И АНИМИЗМ
В ЯКУТСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

На сегодняшний день *алаасы* являются основным местом выпаса и заготовки сена в Якутии. Традиционное козоводство и скотоводство якутов постепенно адаптировались к экстремальным климатическим и географическим условиям данной территории и в результате этого процесса приняли неповторимую, самобытную форму. Для якутов

алаасы означают не просто луга, которые своим существованием формировали их хозяйственную деятельность; они воспринимаются как живые, одухотворенные пространства, с которыми местные жители могут поддерживать связь различными способами. *Алаасы* всегда были заповедными и почитаемыми территориями. Помимо того, что каждый *алаас* представляет собой неповторимое зрелище, они также обладают различными духовными качествами, индивидуальными чертами характера, поэтому с каждым *алаасом* следует обращаться надлежащим образом. Луга, *алаасы*, обладающие душой и индивидуальным характером, в восприятии якутов выступают не столько в качестве ландшафта, сколько в качестве товарища, партнера. Одухотворение природы, восприятие мира как живого у якутов не распространяется на окружающую среду в целом; индивидуальными качествами наделяются главным образом только луга и более крупные открытые водные объекты (реки и озера). Предлагаемый доклад рассматривает комплексное отношение якутов к различным типам ландшафта с точки зрения перспективизма. Главный вопрос: как концептуализировать общество, если луга и озера являются членами сообщества?

МИССОНОВА Людмила Ивановна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), missmila@iea.ras.ru*

**ПРОСТРАНСТВО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ТОРГОВЫХ
ПУТЕЙ КАК ТЕРРИТОРИЯ «ПАМЯТИ» И
СОПРОСТРАНСТВЕННОСТИ КУЛЬТУР***

Одним из значимых пространств вedomой земли – территории «памяти» поколений народов, исторически представляющих различные государства – можно назвать пространство Амура, Сахалина и прилегающих морских вод. В данном социально-культурном ареале концентрировался и успешно развивался сгусток пересечения путей (расстояния преодолевались посредством передвижения на оленях и собаках по пространству острова, на лодках и кораблях по рекам и морям) китайских, тунгусо-маньчжурских народов, айнов и нивхов благодаря общему социально-экономическому интересу: крупной сезонной ярмарке в районе нынешнего Николаевска-на-Амуре. Как складывались рыночные отношения между представителями названных народов? Какова соппространственность интересов их культур? Каково восприятие этого пространства в описаниях современников и памяти представителей ныне живущих поколений? Как соотносятся естественные пространственные ориентиры культур, к примеру, восприятие сторон света (для китайцев – это земля северо-востока, маньчжуров – востока, народов Сахалина – северо-запада)? Сакральное пространство воды и суши (материка и острова) было и есть единым.

Доклад основан на полевых и лингвистических материалах, на японском источнике Сиратори Куракити «О Сахалине в китайскую эпоху Тан» (с X в.), описывающем маршрут возможного торгового пути кораблей по попутным течениям

* Работа выполняется по проекту РГНФ № 15-01-00452 «Антропология рынка и трансформация социальных связей у коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (рук. Н.В. Ссорин-Чайков).

и ветрам: из залива Ханчжоувану через воды Восточно-китайского моря и Корейского пролива до Японского моря и устья Амура, обратно – через Цусимский пролив. Структуру и колорит пространства товарообмена (включая сбор налогов) выразительно демонстрируют рисунки японских художников (с 1857 г.), хранящиеся в библиотеках г. Хакодате и Национального этнографического музея г. Осака, а также артефакты культуры коренных народов Сахалина – в краеведческих музеях пгт. Ноглики, г. Поронайска.

МИХАЙЛОВА Любовь Петровна

*Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск),
posnm87@bk.ru*

ЭКСТЕНЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА РУССКИХ ГОВОРОВ КАК СВОЕОБРАЗНЫЙ КОД ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В процессе межкультурной коммуникации в зонах длительных полиэтнических контактов происходит взаимообмен материальными и духовными ценностями, сопровождаемый изменениями в языке сосуществующих народов. На лексическом уровне, наряду с заимствованиями, происходит преобразование внешнего облика слов исконного происхождения под воздействием неродственной системы соседнего языка, появляются экстенциальные единицы. На территории бытования русских говоров процесс модификации слов особенно активно действует в зонах тесных контактов с финно-угорскими и тюркскими народами. Сильные фонологические признаки иноструктурных языков при вхождении в соседнюю систему преобразуют исконное слово, что манифестируется наличием вариантов или этимологическим отрывом при разной степени устойчивости экстенциального признака. Экстенциальные лексические единицы служат лингвистическим кодом этнокультурного взаимодействия, их ареал может рассматриваться как территории сосуществования этносов. В качестве примера определения территории тесного соприкосновения русского и тюркских народов приведем названия полотенца для рук, соответствующие русскому исходному слову *рукотерник*, а именно: *луко́терник* Сибирь, *луко́тёрок* Урал, *уко́терник* Сибирь, Алтай, Амур, *оку́терник* Арх., Вят., Перм., *уко́тёрка* Уст. Волог., *око́тёрок* Углич. Яросл., *уко́то́рок* Чаг. Волог., *уко́тёрт* Богд. Свердл., *уку́терат* Пышм. Свердл., *ко́терник* Нгр. Вят., *ко́тёлник* Урж. Вят., *ку́тельник* Богуч. Краснояр. [пометы словарей сохраняем]. В них отражено усвоение такой особенности тюркских языков, как отсутствие сонорных в анлауте. Экстенциальные единицы указывают на влияние тюркского не только в Сибири и на Урале, но и в восточных районах Европейского Севера России.

НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(Улан-Удэ), nanzatov@yandex.ru*

РЕКОНСТРУКЦИЯ БУРЯТСКИХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ XIX ВЕКА: К ВОПРОСУ О «НЕВИДИМЫХ» НАРОДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В XIX в. у бурят существовали органы самоуправления, высшими из которых были Степные думы. Далее следовали

землицы, управы и родовые управления. Буряты-казаки составляли станицы. Все эти образования имели свои территории, граничащие с крестьянскими волостями, казачьими землями, заводскими землями и городскими территориями. Даже на относительно подробных картах XIX в. исследователь не найдет бурятских населенных пунктов, даже если они превышали по численности соседние русские деревни, отраженные на карте. Имперская политика в Прибайкалье четко обозначала земли как «только русские», пригодные для вновь прибывающих поселенцев, ожидающих встретить только «русскую Сибирь». Бурятское население на картах представлено не населенными пунктами, а лишь безымянной ограниченной территорией, иногда с указанием на ней административного пункта (Степной думы или инородной управы), зачастую специально выделенного, не имеющего постоянного населения.

Реконструкция административных образований, окончательно оформившихся в XIX в., отражающая в пространстве региона современные этнотерриториальные группы бурят, представляет особую значимость для изучения истории бурят и монгольских народов в целом.

ПАВЛИНСКАЯ Лариса Романовна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), pavlinskaya@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЕВРАЗИЯ. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Впервые геополитическая роль исторической Евразии в мировой истории была освещена крупнейшим английским географом и историком Хэлфордом Джоном Маккинделом в докладе «The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History» (1904). Ученый рассматривает нашу планету как некий культурно-географический текст, состоящий из нескольких блоков (макрорегионов), которые вершат историю человечества. Среди них особую роль он отводит так называемому «осевому региону», «срединной земле» (Heartland), «Евро-Азии», территориально совпадающей с границами Российской империи. Автор приходит к выводу, что этот регион обладает огромным культурно-экономическим потенциалом, и определяет его как «географическую ось истории» Нового и Новейшего времени.

Однако потенциал «срединной земли», исторической Евразии («Евро-Азии»), Евразии-России основывается также и на специфике ее этнической истории. «Срединная земля» на протяжении тысячелетий являла собой колоссальный этногенетический горн (угры, славяне, тюрки, монголы, самодийцы, тунгусо-маньчжуры), в котором постепенно выплавлялась особая этнокультурная целостность, проявляющаяся в осознании входящими в нее народами своей причастности к единому евразийскому миру и в комплементарности межэтнических, междовых и межконфессиональных отношений. Столь разные по языку, антропологическому типу и культуре, конгломераты этносов ценой больших усилий на протяжении веков создавали этот особый, уникальный по своей природе этнокультурный мир, в котором в определенном временном ритме возникали мощные культуры, государства, империи. И каждая из них вносила свой вклад в строительство исторической Евразии.

ПАРАМОНОВА Вера Александровна

*Волгоградский государственный университет (Волгоград),
paramonova69@yandex.ru*

**УРБАНОНИМЫ – ТЕРРИТОРИЯ «ПАМЯТИ»
В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА**

На протяжении тысячелетий человечество выработало различные типы поселений: от первобытных стоянок до крупных мегаполисов. При всем разнообразии человеческих поселений город продолжает оставаться территорией «памяти», сохраняя в своем социальном пространстве «фрагменты исторического полотна». Уникальность пространства города состоит в возможности активизировать социально-историческую память территории, на которой он (город) существует. Активизация «памяти» территории осуществляется разными способами: через сохранение архитектурно-скульптурных сооружений, краеведческой работы, а также через топонимическую систему (наименования самого населенного пункта и названия линейных городских объектов, площадей и проч.). Городская топонимическая система формировалась на протяжении всей истории развития городов. В наименованиях городских линейных объектов и площадей (урбанонимах) сохраняются «воспоминания» о прошедших эпохах. Урбанонимия включает в себя: микротопонимы, гидронимы и ойконимы, именующие физико-географические объекты, подчас исчезнувшие с карты (например, Хлыновский тупик (г. Москва) – бывшее урочище Хлыново и т.п.); крупные архитектурные сооружения, зачастую исчезнувшие с карты города (например, ул. Никитская (г. Москва) – Никитские ворота и пр.); наименования этносов, проживавших на данной территории (например, ул. Большая Грузинская (г. Москва) и пр.); значимые социально-исторические события или выдающихся деятелей (например, ул. Ленина, пр. Победы и т.п.). В процессе наименования улиц прослеживается стихийность или плановость возникновения города. Переименование улиц и площадей отражает социально-политические изменения в обществе (например, ул. 25 Октября – ранее ул. Гоголя – Царицын 1918 г.).

ПЕВНОВ Александр Михайлович

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), pevnov@gmail.com

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ
КОНТАКТЫ МОНГОЛОВ И ЭВЕНОВ
НА СРЕДНЕЙ ЛЕНЕ**

До сих пор незамеченным оставалось то, что в эвенском языке имеется некоторое количество лексических и даже морфологических монголизмов, отсутствующих как в эвенкийском, так и в якутском языках. Монголы и эвены контактировали друг с другом, вероятно, на Средней Лене, причем до прихода туда тюркоязычных предков якутов, вступивших в языковой контакт с монголами и с эвенками. Можно предполагать, что монголы, придя на Среднюю Лену, постепенно оттеснили эвенов, в результате чего они – еще до миграции на Лену тюрков – веерообразно расселились на север и на восток вплоть до Камчатки. В свою очередь, как отмечала еще Е.И. Убрятова, якуты ассимилировали монго-

лоязычное население Средней Лены (на территории современных Намского и Усть-Алданского улусов). Значительно позже, активизировавшись после прихода на Лену русских, якуты потеснили эвенов, в результате занявших в течение нескольких веков обширные пространства до самого Сахалина и бассейна Амура.

ПОКАТИЛОВА Надежда Володаровна

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск),
pny_yu@mail.ru*

**ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ
НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ:
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
И МЕЖЖАНРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ**

В докладе рассматривается возможность исследования словесной традиции народов Северо-Востока Сибири как повествовательного (в широком значении) типа текста, специфичного для данного культурного пространства. Понятие «повествовательного», помимо традиционного представления о нарративной последовательности, предполагает определенный тип нарративных стратегий создания текста, которые обусловлены процессами конвергенции, взаимодействия «языков культур» на определенной территории.

Известная территориальная обусловленность словесной культуры предполагает формирование особых приемов освоения реального пространства и форм его выражения в поэтическом тексте. Процесс такой текстуализации находит выражение в глубинной семантике мифофольклорного происхождения; в структурировании пространства и поэтической функции разных типов текстов; в особом типе межжанровых трансформаций; в типологии соотношения устной и письменной традиций на Северо-Востоке Сибири. В ряде традиций (например, якутской, эвенской) отмечаются сходные в повествовательном плане межжанровые трансформации, которые не всегда предполагают сюжетно выраженную линейную последовательность и являются результатом совмещения текстов разных традиций в эволюционном поле «языков культур» определенного ареала.

Особого типа модификации повествовательного (в широком значении) текста характеризуют большей частью переходные социокультурные ситуации: (а) формирование письменной культуры, частью которой являются первые исследования и записи устных автохтонных текстов, (б) зарождение собственно литературы, актуализирующей оппозицию устный/письменный текст, (в) смена парадигм общекультурного и социального плана, обусловленная изменением (само)сознания автора-создателя, адресата текстов, а также рецепции того или иного типа текста (мифологического, фольклорного, письменного, литературного). Речь идет не столько о территориальной соотносительности различных инонациональных культурных явлений, сколько о типологическом сходстве принципов формообразования, прежде всего – жанро- и сюжетообразования, в словесной традиции Северо-Востока Сибири.

РОМАНОВА Екатерина Назаровна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), e_romanova@mail.ru

СТЕПНАЯ АРКТИКА

(пространственная память и преобразование культурного ландшафта)*

Культура жизнеобеспечения самых северных тюрков – саха, сформировавшаяся по образу степных кочевников, репрезентирует собой непрерывный метанарратив в разных временных и пространственных измерениях.

Устойчивая степная этноэкономика и духовная составляющая, ментальная карта, этноландшафтные символы и сакральная архитектура, кумысные церемонии и ритуальные практики, связанные с кочевой культурой, реализуют пространственную память народа саха. Проведенный историко-когнитивный анализ геокультурных представлений якутов обнаружил константность в долгосрочной исторической перспективе самокатегоризации (*identify*) саха и ее опознавание/отождествление (*recognize*) со стороны других именно как коневодческого народа, а Ленского края – как «удивительного островка конной культуры». Инновационная стратегия якутов-коневонов преобразовывала природную среду, превращая вечную мерзлоту и бескрайность ледяных пространств в антропогенный ландшафт кочевников Северной Азии. Якуты перерабатывали степную культуру в Арктике, создавая неповторимый стиль «северного номузма». Культурный ландшафт северных кочевников определял границы управления и контроля над пространством, где «дикое и чужое» находилось на периферии освоенного локуса (лес, горы, тундра). Историко-когнитивный анализ сакральных текстов позволил установить, что культурный ландшафт (луговые угодья-алаасы) у якутов воспринимался через «призму» знаков и символов, сопряженных с рациональным и ментальным переживанием пространства. Образ степного наследия в Арктике был соотнесен с традиционной картиной мира якутов, с архетипом «места памяти», таким образом, пространственная память о юге становится источником творчества и преобразования культурных ландшафтов северо-востока Азии. В этом контексте осмысление мироздания как красоты, где утилитарное и прекрасное выступают в единстве, является одним из важных механизмов адаптационной стратегии якутов. Красота как информационный слой «культуры воспоминаний» выступает инструментом преобразования пространственной среды.

САВВИНОВ Анатолий Иванович

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), savvin_06@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ДОЛГАН

Вопросы взаимовлияния и межэтнических контактов, их роль в формировании этнокультурных традиций долган – одного из малочисленных народов Таймыра – недостаточно изучены. Истоки этнокультурных традиций долган уходят в глубокую древность, к культурам кочевых абориге-

нов, в прошлом населявших обширную территорию между нижней Леной и нижним Енисеем. Данная этнокультурная область исторически представляла собой особую контактную зону различных племен и этнических общностей – носителей самобытных кочевых культур. В процессе развития этнических традиций долган важную роль сыграли этнокультурные факторы, на которые в известной мере оказала влияние полиэтничность среды (различные группы эвенков, северных якутов, русских старожилов и представителей самодийских народов – нганасан, ненцев и энцев).

Длительные контакты долган с аборигенами региона способствовали не только их сближению, но и развитию хозяйственно-промысловых традиций, освоению новых материалов, технологий изготовления и декорирования одежды. Ландшафтно-климатические условия арктических территорий заставили долган перенять местные способы разведения оленеводства (использование оленегонных собак, высококопильных санок), приемы охоты на диких оленей, песцовый промысел, адаптированные варианты меховой одежды (глухая одежда самодийского типа) и др. Эти особенности характеризуют самобытность и жизнеспособность культуры долган, унаследованную от их тюрко- и тунгусоязычных предков. Изучение этих проблем имеет широкий спектр вопросов, связанных с особенностями культурного пограничья, этнической интеграцией и трансформацией системы жизнеобеспечения. Безусловно, эти вопросы не могут не коснуться аспекта этнической идентичности, ее общих и региональных особенностей.

САВИНОВ Дмитрий Глебович

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), lazarevskaya_n@mail.ru

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СИСТЕМЫ КООРДИНАТ ЭЛЕМЕНТОВ ДРЕВНЕЙ/ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (по археологическим и этнографическим источникам)

Среди общих, интегрирующих понятий, необходимых при изучении глубинных истоков культурогенеза, перво-степенное значение имеют разработанные в отечественной этнологии понятия «хозяйственно-культурный тип» и «историко-генетический слой», равноприменимые при «встречном» исследовании археологических и этнографических источников. Понятие «хозяйственно-культурный тип» предполагает преемственность элементов культуры, обусловленную сходными условиями среды обитания, независимо от времени, и в этом отношении развивает исходные позиции антропогеографии. Это «горизонтальный», пространственный вектор существования культуры, соответствующий определенным географическим условиям. Понятие «историко-генетический слой» демонстрирует последовательное наложение элементов культуры в различные исторические периоды – «стратиграфию культуры», иногда имеющую на поздних «срезках» определенное этническое содержание. По своему выражению оно наиболее близко идеям диффузионизма (или образованию культурных кругов). Это временной, «вертикальный» вектор развития культуры, ареал которой выходит за пределы данного географического региона. Вместе они образуют своеобразную систе-

* Работа выполнена по гранту РНФ, проект № 14-38-00031 «Создание Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики».

му координат, где каждому элементу культуры может быть определена своя «клеточка». Рассматривая те или иные элементы культуры таким образом, в совокупности, в пределах одного пространственного поля, мы приходим к понятию «культурно-экологическая область». На начальном этапе исследования оно соответствует сочетанию «этнографическая группа – локальный вариант археологической культуры». На более высоком таксономическом уровне занимает промежуточное положение между двумя основополагающими категориями этнологических исследований («историко-этнографическая область» и «хозяйственно-культурный тип»), но в то же время адаптировано к изучению археологических источников, т.е. к выявлению глубинных истоков культуругенеза.

САСАКИ Сиро

*Национальный музей этнологии (Осака, Япония),
ssasaki@idc.minpaku.ac.jp*

САКРАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ И КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА ОХОТНИКОВ-РЫБОЛОВОВ – КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В своем докладе я хотел бы проанализировать собранные материалы по сакральным местам коренных народов Дальнего Востока России – нанайцев и удэгейцев Хабаровского и Приморского края – с позиций взглядов различных наук – экологии и этнологии, особенно сконцентрировав внимание на изучении флоры и ландшафтов этих мест. Охота и рыболовство служат важными основами жизнедеятельности нанайского и удэгейского общества. Каждое поселение имеет свое специально отведенное место, где охотники и рыболовы совершают обряды поклонения духам и божествам (хозяевам природы) во имя прошения успеха на промыслах. Эти культовые места имеют общие черты выбора ландшафтов и растительности. Для примера, можно сопоставить два поселения нанайцев и удэгейцев – Кондон в Хабаровском крае и Красный Яр в Приморском крае. Хотя сакральные территории этих поселений имеют различных властелинов и духов, которым присущи различные социальные роли, они схожи по выбору расположения места отправления культа, его ландшафта и флоры. Считаю необходимым выявить эти различия и сходства с точки зрения антропологии экологии и сравнительной этнологии Восточной Азии.

СЕМИБРАТОВ Владимир Константинович

*Кировский филиал Московского гуманитарно-экономического
института (Киров), semibratov@inbox.ru*

ВЯТКА КАК ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Своеобразие русского населения Вятского края, унаследовавшего в виде Кировской области большую часть бывшей Вятской губернии, во многом определило географическое положение на стыке Урала и Поволжья, Сибири и Поморья. Своеобразие природных условий, а также многовековые контакты с автохтонным нерусским населением (прежде всего, марийцами, удмуртами, коми, татарами) привели к появлению особой разновидности русского человека, которую легко узнавали в других местностях России. При

этом специфическими чертами (и позитивными, и негативными) характеризовали как вятского великоруса, так и край в целом. Эти и другие моменты позволяют говорить о Вятке как о ярко выраженном феномене российской провинции.

СЕМ Татьяна Юрьевна

*Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
semturem@mail.ru*

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ Т.Ю. СЕМ «ВЕРХОВНЫЙ ПАНТЕОН ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: XIX–XX ВВ. (ТИПОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ)» (Южно-Сахалинск, 2013. 240 с.)

Тунгусо-маньчжурские народы, принадлежащие к древнему культурному миру алтайских народов, сформировали особое мировосприятие, представляющее собой модель духовного освоения природы, прежде всего шаманизм. Они проживали на стыке Центральной, Восточной и Северной Азии и не только впитали привносимые культурные ценности, но и формировали локально специфичную картину мира, включающую представление о пантеоне.

Цель книги – реконструировать общетунгусский верховный пантеон божеств и духов тунгусо-маньчжурских народов, типологизировать и обозначить семантический статус персонажей, осуществить функциональный анализ обозначенных типов в верованиях, фольклоре и ритуалах, выявить и описать иконографию персонажей. В книге последовательно рассмотрены на мировоззренческом, этнокультурном и ментальном уровнях основные типы персонажей верховного пантеона тунгусо-маньчжурских народов: (1) космические божества (боги неба Буга, Абкай, Боа и горы Канда, Гуривуль); (2) астральные божества (боги света Сэвэки, Сиу и грома Агды, Хадау, Унде, Эндури); (3) астрально-растительные божества плодородия (матери прародительницы Майин, Омоси мама, Тагу мама и шаманское божество Ерхе мерген, Батуру Мани); (4) хтонические персонажи Подземелья (Илмун хан, Харги, Амба). Мифологический уровень пантеона основан на дуальном мировосприятии, а доминирующей системой мировоззрения всех тунгусо-маньчжурских народов был шаманизм, включающий шаманский пантеон.

СОЗИНА Елена Константиновна

*Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург),
elenasozina1@rambler.ru*

ДИСКУРС «СТЕПНЫХ ПЛЕННИКОВ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Среди популярных литературных мотивов и сюжетных ситуаций обнаруживаются такие, что не только служат завязке нового литературного сюжета, но и выступают в качестве этнографического материала. «Степные пленники» возникли в отечественной словесности вслед за пленниками «кавказскими» и в совокупности составили отдельный «текст», или «дискурс» о пленниках, до сих пор не потерявший актуальности. В 1820–1830-е годы мотив «степных пленников» активно эксплуатируется массовой литературой, а далее по образцу романтических поэм и повестей бывшие «пленники» или «записчики» их приключений

начинают обрабатывать аналогичный жизненный материал. Одним из первых авторов, развернувших «Кавказского пленника» Пушкина в важную для внутренних рубежей России сторону, был оренбургский поэт и военный П. Кудряшев, за «Киргизским пленником» которого потянулся целый шлейф разнообразных этнопленников (Н. Муравьева, П. Родиванского и пр.). Затем тема начинает развиваться в прозе: очерки В. Даля, С. Севастьянова, И. Железнова, В. Зефинова и др. известных писателей, значение которых для осмысления взаимодействия России с ее континентальными соседями было чрезвычайно велико. Проблемы «азиатскости» России, остроты соотношения многочисленных племен и ландшафтов, из которых слагалась ее имперское «тело», ответственности государства за своих подданных, своеобразного «картографирования» территории и многие другие были впервые поставлены именно в дискурсе о «степных пленниках».

ТАКАКУРА Хироки

Центр исследования Северо-Восточной Азии Тохоку Университета (Сэндай, Япония), hkrk@m.tohoku.ac.jp

ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ЗЕМЛИ В ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ КОНТЕКСТАХ: СЕНОКОС И ДУХИ НАРОДА САХА

Как использование экологической среды человеком влияет на способ восприятия и памяти пространства? В докладе поднимается вопрос тематического исследования сенокоса и скотоводства народа саха. Этот народ имеет уникальный опыт адаптации жизни на территории Восточной Сибири. В отличие от соседних коренных народов, им удалось приспособить с некоторыми изменениями систему выпаса лошадей, освоившую на степных пространствах Центральной Азии, к условиям сибирских лесов. Сенокос является хозяйственной деятельностью саха, уникальной для адаптации к арктическим условиям: народ избирает определенный участок земли и, подчиняя его своим жизненным нуждам, собирает урожай. Люди не возделывают землю, но защищают распределение ее ограниченного ресурса. Система землепользования применительно к сенокосу в период постсоциалистических аграрных реформ рассматривается в свете исторического опыта. Интересно отметить, что сезонные изменения в отношении к земле соответствуют религиозным практикам, связанным с духами земли. Люди должны строить отношения с духами земли, согласно сезонным циклам (ритмам) природы. Считаю важной степень зависимости влияния экологической среды на мотивированное поведение человека и подчиненный ход мыслей.

ТОМАСКА Алёна Георгиевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), algero@mail.ru

ЦЕННОСТИ В ИЕРАХИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ УЧАЩЕЙСЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ НАРОДОВ СЕВЕРА ЯКУТИИ

Учащаяся молодежь находится в процессе формирования идентичностей: в состоянии определения своего

места в жизни, выработки мировоззрения и жизненных ценностей, расширения и изменения социальных ролей при вступлении в общественную жизнь, выбора спутника жизни, создания семьи, достижения экономической независимости и социально ответственного поведения. Процесс жизненного самоопределения учащейся молодежи коренных малочисленных народов Севера происходит в условиях изменения социо-культурного пространства «село – город», сложных и динамичных изменений социальных институтов, культурных стандартов и стереотипов, противоречий, конфликтов и реформ настоящего времени. В иерархии жизненных ценностей учащейся молодежи коренных малочисленных народов Севера в пространстве города, как показали социологические исследования, физическое здоровье человека занимает ведущее место (95,8%). Следующим по значимости в иерархии идентичностей для них является профессиональное образование (93,1%), которое становится одним из важных ресурсов формирования идентичности в модернизирующемся социальном окружении. Примечательно, что рождение детей (82,7%) имеет более высокое ценностное значение, чем брачное состояние (68,8%). Несмотря на изменения ценностного контекста понятия «труд» в современной России, труд как непреходящая человеческая ценность занимает более высокое значение в становлении идентичности (75,3%) молодежи Севера, нежели заработок – 70,4%. Таким образом, система ценностей для учащейся молодежи коренных малочисленных народов Севера позволяет осмысливать пространство города, меняющуюся новую социальную среду, формировать, а поэтому определять ориентиры их социальной идентичности.

ТЭМИНА Марина Григорьевна

Педагогический колледж коренных малочисленных народов Севера (Николаевск-на-Амуре), marinatehmina@rambler.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕДВЕЖЬЕГО ПРАЗДНИКА НИВХОВ

Медвежий праздник занимал особое место в традиционной культуре нивхов. В ходе проведения медвежьего праздника использовалась определенная лексика, подразделяющаяся на тематические группы слов. В семи названиях ритуала есть два термина, обозначающих слово «медведь» – *чхыв* и *к'отр*. Термин «чхыв» имеет табуированное значение. Второй термин «к'отр» является поздним. Это объясняется диалектными и локальными различиями. Наличие диалектных и локальных вариантов отразилось и в названиях одиннадцати этапов проведения обряда, образующих другую группу слов. Лексика, относящаяся к действиям, связанным с образом медведя, составляют одну большую тематическую группу: лексика указывает на действия, совершаемые со зверем, и иные, которые нивхи выполняли во время обряда. В отдельную группу включены сакральные атрибуты, предметы, которые за пределами обряда не применялись: это названия священных стружек, ритуального помоста для головы медведя и т.д. В обряде участвовали хозяева и гости. Каждый выполнял свою определенную функцию. Наименования персонажей ритуала объединены в отдельную

тематическую группу. Для свежевания туши медведя использовалась только ритуальная посуда. Предметы утвари являлись сакральными и составляют еще одну тематическую группу. Вызывает интерес лексика, связанная с анатомией медведя. В нее входят общеупотребительные анатомические термины и слова, обозначающие названия органов медведя.

В результате полевых исследований установлено, что в нивхском языке, несмотря на межэтническую среду общения многих поколений, сохраняются устоявшиеся термины, часто труднопереводимые, указывающие на архаичность обряда.

ХУДЯЕВ Андрей Сергеевич

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова (Архангельск),
a.s.khudiaev@gmail.com*

**ОРИЕНТАЦИОННЫЙ КАРКАС
САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ
В АРХАИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ**

В докладе представлены теоретические построения в области феноменологии и семиотики сакрального пространства как концентра смыслов и кодов «памяти» этнокультурных территорий Северной Евразии. Выявляется ряд предпосылок, описание которых становится частью систематичного обоснования концепции ориентационного семиотического каркаса сакрального ландшафта. В рамках данной концепции пространство предстает как совокупность ориентаций (актуализируемых в ритуальных практиках пространственных направлений), рассматриваемых в качестве отдельного типа знаков (символов), самобытного способа актуализации смыслов. В число предлагаемых предпосылок автором включаются: (а) семиотическая: в существующих в рамках семиотики классификациях отмечается индексальный тип знаков, в который помимо других способов обозначения предмета (референта) входит и непосредственное указание в его направлении; (б) феноменологическая: ориентация рассматривается как символ, объединяющий субъект и объект религиозной интенции. По самой своей форме (геометрически ее можно изобразить как вектор) ориентация соответствует фундаментальной сущностной характеристике сознания, в качестве которой в классической феноменологии выступает интенциональность; (в) философско-антропологическая: приводится пример этимологической трактовки слова «человек» (anthropos), включающей момент пространственной направленности, а также глагола «стоять», который, будучи связанным с человеком, наделяется фундаментальным смыслом вертикальной ориентации и движения; (г) метафизическая: автор обращается к концепциям классического традиционализма, в которых направление рассматривается как фундаментальный элемент пространства, определяющий его изначальную качественность. В докладе представлены результаты не только построения, но и апробации теоретической модели на материалах этнографии коренных народов Северной Евразии.

ШЕЙКИН Юрий Ильич

ИГНАТЬЕВА Татьяна Иннокентьевна

*Арктический государственный институт искусств и культуры
(Якутск), kaikov@newmail.ru*

**АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
«МЕДВЕЖЬЕГО ПРАЗДНИКА» У НАРОДОВ
НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ***

Медвежий праздник в Нижнем Приамурье распространен среди нивхов, ульчей, орочей, негидальцев. В жизни этих народов «Медвежий праздник» является крупнейшим фольклорным событием, главными действующими лицами которого являются женщины. Основу музыкальной традиции «Медвежьего праздника» составляет ритуальная музыка, состоящая из инструментальных наигрышей на ударном бревне, женских танцев и кратких распевов, которую исполняют женщины. Ритуальные мелодии являлись своеобразным обращением к тотему с целью умиловить его. Следует отметить полное типологическое различие «Медвежьего праздника» народов Нижнего Приамурья от айнского и тем более от хантыйского и мансийского, у которых доминирующую роль в обращении к ритуальному Медведю играют мужчины и где отсутствует ударное бревно.

ЯДАНОВА Кузельш Владимировна

*Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск), kuzelsh@mail.ru*

**ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ТЕЛЕНГИТОВ О ДОЛИНЕ ЭРЕ-ЧУЙ
(по материалам экспедиций)**

С 2003 по 2007 гг. и в 2012 г. автором статьи производились записи фольклорной традиции теленгитов Кош-Агачского района Республики Алтай. Чуйская долина – долина реки Чуя (Чуй) в Республике Алтай. Чуйскую долину местные жители называют *Эре-Чуй* и приводят устойчивые формы к этому топониму: «*Алаканча Эре-Чуй* – Эре-Чуй размером в ладонь», «земля, имеющая солончак – *кужур*», «земля, где не водятся змеи». Жители объясняют, почему называют «Эре-Чуй размером в ладонь»: «В этой местности размером в ладонь змея не обитает, [это] земля, имеющая солончак».

По представлениям теленгитов Чуйской долины пространство представляет собой войлочную юрту – *кийис ай-ыл* с выходом, обращенным на восток. Правая сторона от входа юрты принадлежала женской половине, левая сторона от входа – мужской половине. Соответственно внутреннему устройству юрты, теленгиты делили священные горы на *ыйыки*, расположенные на отцовской – мужской стороне (*ада жаны*) и на *ыйыки*, расположенные на материнской – женской стороне (*эне жаны*). Традиционные представления теленгитов о долине Эре-Чуй отражены в местном фольклоре: в устных рассказах, преданиях, заклинаниях и др. Географические и климатические особенности определенной территории оказывают влияние на самобытную материальную и духовную культуру народа, проживающего в ней уже много лет.

* Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 14-38-00031 «Создание Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики» (рук. Д.Н. Замятин).

ЯРЛЫКАПОВ Ахмет Аминович

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), itbal@mail.ru*

**КЛАДБИЩА НОГАЙСКОЙ СТЕПИ КАК
СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКОВ***

Кочевая культура известна своим особым отношением к пространству, отличным от пространственного восприятия оседлых народов. Его определял подвижный образ жизни, но кочевание не было хаотичным, а имело четкие ориентиры в степи. Оно отражалось и на социальной организации: деление на родоплеменные группы было не пережитком, а соответствовало организации перемещений в пространстве. Политическое дробление вело к дроблению родоплеменной

структуры ногайцев, а с потерей государственности роды и племена стали объединяться в кубы по признаку совместного кочевания на определенной территории. Много свидетельств пространственной культуры сохранилось на кладбищах, раскиданных по территории Ногайской степи. Эти кладбища равномерно распределены по степи, не совпадая с современными населенными пунктами, возникшими после седентаризации. Они свидетельствуют о бывших маршрутах кочевания и о родоплеменном составе кочевавших на этих территориях групп ногайцев. Исследование надгробий дает огромный материал для понимания этнической структуры, ее особенностей и влияния на нее кочевого образа жизни, специфики религиозных культов. Интересно, что на надгробиях используется терминология оседлого населения (селение, квартал), за которой скрываются кочевые группы.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-06-00836 «Кризис идентичности на постсоветском пространстве. Кросскультурный анализ» (рук. А.А. Скоробогатая).

Секция 13
**КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ В ФОЛЬКЛОРЕ
И МИФОЛОГИИ НАРОДОВ МИРА**

Христофорова Ольга Борисовна – д.ф.н., Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

E-mail: okhrist@yandex.ru

Березкин Юрий Евгеньевич – д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

E-mail: berezkin1@gmail.com

АРХИПОВА Александра Сергеевна

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), alexandra.arkhipova@gmail.com

**«С РОГАМИ, ЛАПАМИ И ХВОСТОМ»:
КАК ЕВРОПЕЙСКИЙ ВАСИЛИСК СТАЛ
КУБИНСКИМ УДАВОМ***

«Когда он достигает возраста в 100 лет, он бросается со скалы в море и прощается с сушей, а до этого у него вырастают рожки, петушиные шпоры, и он поет как петух», – так рассказывают жители востока Кубы о распространенном в тех местах эндемическом виде боа констриктора – *таја*, достигающего трехметровой длины.

Описания *таја*, на первый взгляд, совершенно биологичны: повадки, характер, как он охотится. Однако при пристальном рассмотрении нарративов выясняется, что «биологическое» описание повадок животного воспроизводит черты, свойственные васьилиску – мифологическому существу, известному в текстах поздней античности, а также в средневековых бестиариях Европы (химеричность образа – полупетух/полузмея; мотив бросания в море, табуирование его имени). Испанские крестьяне, переселившиеся в поисках лучшей жизни на Кубу в XVI–XVIII вв., принесли с собой и «остаточную» мифологию, получившую новое развитие, когда, например, переселенцы столкнулись на острове с гигантским пресмыкающимся. Судя по отрывочным записям, похожий процесс происходил и в других испанских колониях.

Однако исследовательский интерес вызывают даже не сами представления о васьилиске, а то, что они почти полностью потеряли свою мифологическую интерпретацию: подобные «особенности» *таја* объясняются информантами «квазибиологическим» образом, хотя сами мифологические элементы сохранились. Это позволяет нам не только увидеть эволюцию мифологии на микроуровне, но и понять особенности культурных контактов.

АРТЕМОВА Ольга Юрьевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), artemova.olga@list.ru

**ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ БУШМЕНОВ
ЮЖНОЙ АФРИКИ И КОРЕННЫХ
АВСТРАЛИЙЦЕВ, КАК ОНА ОТРАЖЕНА
В ИХ ФОЛЬКЛОРЕ**

Доклад содержит небольшую часть результатов многолетних исследований автора, направленных на понимание

* Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

общих типологических черт и локальных, или этнокультурных, особенностей в устном художественном творчестве охотников и собирателей. В первую очередь, автор фокусирует свое внимание на том, как в мифах, сказках и быличках преломляются нравственные представления и отражаются человеческие отношения и эмоции. В докладе представлен сравнительный анализ фольклорных произведений бушменов *ксам* и австралийских аборигенов этнолингвистической общности *вик*. Демонстрируются существенные различия между первыми и вторыми в сюжетах, образах и художественных средствах, с помощью которых раскрывается содержание нарративов.

Так, анализ оригинальных текстов и их подстрочных переводов на английский язык показывает, что мифы и былички *вик* представляют собой скорее сценарии для драматических инсценировок, нежели устные рассказы, в то время как мифы и былички бушменов *ксам* – это повествования в полном смысле слова, чрезвычайно длинные, избилующие повторами. В произведениях *вик* с особым вниманием (можно сказать, со вкусом) изображаются ссоры и драки между персонажами в сопровождении весьма реалистических деталей, отражающих бытовавшие у создателей текстов приемы боя в диадных поединках и групповых столкновениях. В текстах *ксам* этого почти нет, но, напротив, есть указания на то, что ссоры и драки достойны осуждения и должны пресекаться. Наибольший накал эмоций в мифах и быличках *вик* характерен для персонажей, которые показаны как мужья, жены и любовники, в то время как в текстах *ксам* отражаются эмоции, присущие близким кровным родственникам. Имеется и много иных различий, которые продемонстрированы в докладе.

БАЙДУЖ Марина Иннокентьевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), amentie@gmail.com

**БОЛЬШАЯ ГРУДЬ ДОМОВОГО:
КОНТАМИНАЦИЯ ТЮРКСКИХ И РУССКИХ
ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ О
ДОМАШНИХ ДУХАХ**

В мифологических рассказах, собранных нами в г. Тюмень, в рамках типичного сюжета об удушении во сне домовым встречаются упоминания о страшной старухе, которая также душит во сне. Иногда напрямую ее называют *албасты*. Оригинально *албасты* – это тюркский демонологический персонаж, популярный в фольклоре западносибирских татар (вторая по численности этническая группа, населяющая Тюмень), вредящий людям, в частности, роженицам.

Однако в записанных нами нарративах о снах действие *албасты* (душит) интерпретируется не как вред, а как либо предсказание о будущем, либо забота о доме (*албасты* душит того, кто ей не нравится и вызывает ее гнев как хозяйки дома).

Это явление, на наш взгляд, неслучайно; оно является результатом контактов двух развитых демонологических традиций. При такой интерференции появляются дополнительные черты облика и функции мифологических персонажей, которые кардинально меняют их характеристику, например: (а) вредоносная *албасты* становится заботливой хозяйской дома/места; (б) домовая является людям как уродливая старуха.

БЕЛОВА Ольга Владиславовна

Институт славяноведения РАН (Москва), kotmonya@yandex.ru

«ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ» ЛЕГЕНДЫ В СЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В докладе представлен текстологический анализ славянских фольклорных этиологических легенд, для которых базовыми являются мотивы происхождения своего и чужих этносов. Такие «этногенетические» тексты составляют неотъемлемую часть любой «национальной космогонии» и «народной этнологии», с одной стороны, отражая этнокультурные стереотипы в восприятии «чужих», а с другой — становясь обязательным элементом локальной истории в ее фольклорной проекции; легенды о происхождении народов тесно связаны с легендами о происхождении различных языков и конфессий, отражая, таким образом, основные составляющие славянского «этногенетического мифа», включающего в понятие «народ» представления о неразрывности этничности и конфессиональности. Особенностью этой группы текстов является использование архаических мотивов (к образованию этносов причастны творцы-демиурги, первопредки, мифологические персонажи, сакральные персонажи; фольклорная география расселения народов повторяет мотивы средневековой космографии — в одном пространстве обитают люди и мифические народы) в новом для них контексте, а также способность выступать в качестве культурных брендов в эпоху национального романтизма и времена исторических кризисов.

БЕРЕЗКИН Юрий Евгеньевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), berezkin1@gmail.com

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ КАВКАЗОМ И БАЛТОСКАНДИЕЙ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ

Недавние работы Фрога, доказывающие значительное сходство картины мира в Эдде и в прибалтийско-финских рунических песнях и, главное, примерно датирующие формирование обеих традиций серединой I тыс. н.э., во-первых, позволяют связать все это с последствиями «события 536» (кратковременного похолодания в середине VI в., приведшего к демографической катастрофе в Северной Европе и, соответственно, к изменениям в культуре) и, во-вторых, вновь обратить внимание на циркумбалтийско-кавказские фольклорные параллели. Если аналогии между Эддой и

осетинским нартским эпосом хорошо известны, то кавказско-прибалтийские параллели, видимо, нет. Речь идет прежде всего о текстах на сюжет «длинного быка», но не только о них. Прямые контакты Кавказа с Балтоскандией исключены, и речь, скорее всего, идет об аланской (и готской?) традиции на территории степной Украины и южной России, фрагменты которой сохранились, с одной стороны, на севере (Балтоскандия и отчасти Русский Север), а с другой, на Кавказе, хотя изредка параллели встречаются и в степной зоне. В частности, «длинный бык» зафиксирован в фольклоре абазин, адыгов, карачаевцев и балкарцев, ингушей, ногайцев, грузин, сванов, литовцев, эстонцев, карел, финнов, казахов, каракалпаков и бурят. Как именно степная традиция проникла на север, пока, однако, неясно.

ВОРОНЦОВА Елена Владимировна

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва), lenyadail@ya.ru

ДУХОВНЫЕ СТИХИ У СТАРООБРЯДЦЕВ ВЯТСКОГО КРАЯ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

Духовный стих занимает в народной культуре пограничное положение между устными и письменными жанрами, между литургическими и фольклорными текстами. В исследовательской среде высок интерес к изучению региональных собраний духовных стихов. Но сравнительное рассмотрение репертуаров духовных стихов отдельных региональных и даже более узко — конфессиональных групп с целью получения информации о культурных контактах до сих пор не развито. Нет единых принципов описания собраний, поэтому даже сравнение инципитариев затруднено. Однако наличие, характер, репертуар духовных стихов того или иного региона позволяют расширить наши познания о тех культурных связях, которые существовали и продолжают существовать как внутри одного региона, так и за его пределами. В нашем докладе на материале духовных стихов мы рассмотрим культурные контакты отдельных конфессиональных групп Вятского края (старообрядцев Белокрынской иерархии, беспоповцев федосеевского и филипповского толка) с представителями старообрядческих общин соседних регионов: Верхотурья, Севера, Прибалтики, Нижегородчины и Кузбасса.

ГОЛАНТ Наталия Геннадьевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), natalita1977@yandex.ru

БАЛЛАДА О СТРОИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЕ У РУМЫН И ДРУГИХ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ: ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Баллада о строительной жертве распространена в карпато-балканском регионе необычайно широко. Известны ее варианты на новогреческом, албанском, румынском, арумынском, болгарском, сербском, венгерском языках, а также на балканских диалектах цыганского языка (в частности, на кэлдэрарском). Эта баллада изучалась такими исследователями, как Л. Шэйняну, П. Караман, М. Элиаде, А. Фоки, И. Талош, М. Арнаудов, Дж. Коккьяра, Г. Мегас, В.М. Гацак, Вяч. Вс. Иванов и др. Инвариантным для этой балла-

ды является мотив принесения в жертву молодой женщины ради благополучного окончания строительства. В текстах баллады речь может идти о строительстве моста (в новогреческих, арумьских, болгарских вариантах), крепости или городской стены (в албанских, сербохорватских и некоторых болгарских вариантах), церкви или монастыря (в румынских, некоторых албанских и цыганском кэлдэарском вариантах). Большинство исследователей отмечают преимущественное значение новогреческих вариантов для зарождения сюжета баллады и его распространения среди народов карпато-балканского региона; однако по поводу путей его распространения мнения расходятся.

ДАВЛЕТШИН Альберт Иршатович

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), aldavletshin@mail.ru

**ВНЕШНЕПОЛИНЕЗИЙСКАЯ ВЕРСИЯ
ТВОРЕНИЯ МИРА: «САМОЗАРОЖДЕНИЕ И
РОСТ ОСТРОВОВ В МОРЕ»**

Среди полинезийских народов широко известны различные версии мифа о сотворении мира: генеалогическое творение, самозарождение в пустоте, сбрасывание островов с неба и вылавливание островов в море. В ходе моей экспедиции на Нукерия (Папуа – Новая Гвинея) был записан текст, в котором творение мира описывается как рост песчаного холмика на дне моря, впоследствии превращающегося в остров; приплывающие на каноэ боги становятся его владельцами, уплывают для того, чтобы привезти на остров культурные растения, а когда возвращаются, вступают с божеством острова в борьбу за право обладать им; позже на каноэ приплывают люди – основатели кланов нукерия. Схожие версии творения мира обнаруживаются также у других полинезийских народов: капингамаранги, луангиуа, нукуману, нукуоро, сиканана, таку и тувалу. Их распределение указывает на генетическое родство традиций Северной Внешней Полинезии, что согласуется с лингвистическими данными. Доклад будет посвящен разбору сюжетов и мотивов космогонического мифа «самозарождение и рост островов в море» и анализу их распределения в полинезийском мире.

КЛЮЧЕВА Мария Аркадьевна

Марийский государственный университет (Йошкар-Ола), keymachine@yandex.ru

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИГРОВЫХ ТРАДИЦИЙ
НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ**

Тема наших исследований – контакты и взаимодействие народов Урало-Поволжья на уровне игровых традиций. В игровой лексике Урало-Поволжья обнаруживается целый пласт лексем и даже текстов (игровых приговорок) и игровых сюжетов, которые являются общерегиональными, т.е. присутствуют в языке игры как тюркских, так и финно-угорских народов, а также в местных русских диалектах. В частности, это некоторые считалки, названия игр в прятки, жмурки и догонялки, зачины в играх типа «цепи разрывные», лексика игр в кости и пр. В данном докладе мы покажем некоторые марийские названия игр с палками (*акули, петъонга, шарка*) и сопоставим их с соответствующими игровыми термина-

ми в языках соседних народов. В марийском языке многие игровые термины являются заимствованиями из чувашского, татарского, русского. Сюжеты игр, к которым отсылает метафорическая игровая терминология, бывают связаны с мифологическими представлениями, некогда бытовавшими в ареале распространения игры, что мы покажем на примере марийской святочной игры *сокыр тага* («слепой барашек»), общерегиональной для Урало-Поволжья.

КУЧЕРОВА Ирина Алексеевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), ikucherova@gmail.com

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ЧУЖАКАХ»
В «САГАХ О ДРЕВНИХ ВРЕМЕНАХ»**

Характерной особенностью «саг о древних временах» является широкий географический охват. Эти тексты воспринимались не только как развлечение, но и как своего рода «энциклопедия», позволявшая исландцам узнать о других странах. Герои этих саг (в большинстве случаев норвежцы) нередко путешествуют, посещая иные земли и общаясь с их жителями. К XIII–XV векам в данном жанре складывается определенный канон изображения иноплеменников. Как «чужаки» описываются прежде всего представители иных этнических и религиозных групп (язычники); саги сближают их с героями фольклора. Саамы и бьярмы описываются по сходной с альвами или троллями сказочной модели; их внешность в значительной мере стереотипна и выступает в роли сюжетного маркера. Опасность представляют и малоосвоенные территории: через посредничество средневековых энциклопедистов в сагах появляются заимствованные персонажи (например, псоглавцы-хундинги), живущие в «дальних странах». Сходными чертами наделены и владеющие вредоносной волшебной силой язычники. Напротив, христиане воспринимаются как разделяющие ценности «придворной» культуры и, соответственно, имеют человеческий облик.

Как следует из текстов саг, на категоризацию «свой/чужой» влияло несколько факторов: изученность территории; иной антропологический тип (наиболее «нечеловеческий», гротескный вид имеют африканцы, изредка упоминающиеся в текстах), религиозные отличия (демонизация язычников); языковая (германцы vs. финно-угры) и «культурная» дистанция (охотники и рыболовы саамы воспринимались как более чуждые).

ЛЕВКИЕВСКАЯ Елена Евгеньевна

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), elena_levka@mail.ru

**ПОЛЕССКАЯ МИФОЛОГИЯ В СВЕТЕ
РЕКОНСТРУКЦИИ МЕЖСЛАВЯНСКИХ
КОНТАКТОВ И ВЗАИМОВЛИЯНИЙ***

В докладе будут отражены некоторые результаты реконструкции полесской мифологической системы. Исследование традиционной культуры Полесья, начатое еще в 1960–1970-е годы, дает основание полагать, что мифологическая система этого региона складывалась в результате взаимовлияния раз-

* Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

ных по времени и отличавшихся по культуре ранних славянских миграционных потоков, заселявших эту территорию. Этнографические, фольклорные, языковые, археологические данные позволяют говорить о существенных диалектных различиях между Западным и Восточным Полесьем (с границей по рекам Ясельде, Припяти, Горыни), анализу которых за последние тридцать лет посвящен значительный корпус работ. Мифология Центрального Полесья (в границах между Горынью и Днестром) в меньшей степени привлекала внимание исследователей, однако картографирование мифологических материалов показывает, что именно в этом ареале сохраняются представления, мотивы и сюжеты, не характерные для восточнославянской традиции, центр распространения которых находится в Балкано-Карпатской славянской зоне (например, представление о том, что покойник становится ходячим, если дорогу похоронной процессии перешло животное или перелетела птица). В рамках доклада будет представлен ряд диалектных карт, отражающих балкано-карпатские рефлекс в полесской мифологии, и предложены гипотезы, объясняющие возможность появления этих рефлекс в восточнославянском ареале в результате миграции в центральное Полесье части населения с юго-западных (по отношению к этому региону) территорий славянского мира.

МАТУСОВСКИЙ Андрей Александрович

Независимый исследователь, документальный научно-популярный проект «Малые народы мира» (Москва),
AndreyMatusovskiy@rambler.ru

ОБРАЗ «СВОЕГО» В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ИНДЕЙЦЕВ ВЕРХНЕЙ ПИРА-ПАРАНЫ

Два десятка разноразличных групп индейцев, населяющих бассейны рек Ваупес – Апапорис на юго-востоке Колумбии, образуют особую социокультурную общность. Она, в частности, основана на схожих мифологических представлениях и ритуалах. В докладе рассматриваются механизмы, которые способствуют функционированию этого сложного социокультурного образования, и особенности материальной и духовной культуры, позволяющие отделить «своих» от «чужих»: культы и мифологические представления, связанные с *малойкой* (большим общинным домом), отношение к коке как к священному растению, общие для многих племенных групп святилища и участие представителей этих групп в совместных ритуалах, унифицированные формы материальной культуры (предметы быта и культа) и, наконец, владение большинством местных индейцев несколькими аборигенными языками. Доклад основан на материалах, собранных автором в ноябре 2014 г. во время экспедиции к индейцам барасана и татуйо, живущим на верхней Пира-Паране.

НАУМОВА Юлия Николаевна

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), iulia.naumova@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ЧУЖОГО» В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА И КАЗАХОВ-«ОРАЛМАНОВ»

На проблему формирования образа «чужого» у казахского населения по отношению к казахам-«оралманам», или «воз-

вращениям» (этническим казахам-репатриантам, вернувшимся в Казахстан из Китая, Монголии, Турции, Афганистана и других стран по госпрограмме переселения диаспоры, начатой в 1991 г.) мы обратили внимание в ходе первой экспедиции в Северный Казахстан (2009 г.). В результате полевой работы нами был отмечен ряд критериев, играющих важную роль в формировании образа «чужаков» по отношению к вернувшимся: (1) религиозные представления (местные казахи отмечают отличие религиозных представлений и практик переселенцев, которые, по их мнению, заимствованы из верований других народов и не имеют отношения к исламу); (2) социальное положение (официальный статус «оралман» предусматривает финансовую поддержку от государства и другие льготы, что вызывает зависть и недовольство местных жителей); (3) страна недавнего проживания, с которой продолжают ассоциироваться переселенцы (вернувшиеся из России или Узбекистана более «свои», чем те, кто переехал из КНР или Монголии); (4) образование и сфера занятости (низкий уровень образования некоторых оралманов, вплоть до неграмотности; низкоквалифицированный труд); (5) комплекс «домашних» верований, обрядов и ритуализованных практик, отличающий переселенцев (особенно из Монголии и Китая) от жителей Казахстана. В докладе подробно будут рассмотрены выделенные критерии, отдельно остановимся на мифологических и религиозных представлениях и их роли в формировании образа «чужого».

НОСОВ Дмитрий Алексеевич

Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург),
dnosov@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОЛЬКЛОРА МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ И ПИСЬМЕННЫХ КУЛЬТУР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В современных исследованиях по фольклору монголов, бурят и калмыков все чаще встает вопрос о прямом влиянии собственной и соседних письменных культур на устное народное творчество. Возникают предположения о возникновении ряда жанров непосредственно из письменных источников. На данном этапе у нас недостаточно сравнительного материала, чтобы их подтвердить или опровергнуть, но мы можем отметить ряд процессов, которые были характерны для взаимодействия устного народного творчества монгольских народов и письменных культур Центральной Азии. Во-первых, это влияние переведенных с тибетского языка и санскрита буддийских дидактических сочинений на корпус сюжетов монгольских сказок. Здесь мы имеем достаточно архивных и рукописных материалов, чтобы реконструировать процесс заимствования от рукописного текста к устному бытованию. Во-вторых, влияние оригинальных исторических сочинений и китайских хроник на народные исторические легенды. В-третьих, прямое сюжетное сходство между монгольскими топонимическими легендами и подобными историями из китайских сборников. К сожалению, опубликованный корпус монгольских топонимических легенд, мифологических и этиологических рассказов слишком мал, чтобы делать однозначные выводы об их происхождении под влиянием той или иной культуры. Описанные выше процессы дают нам основание полагать, что влияние тибетской, китайской и других письменных культур на монгольские народы не ограничива-

лось образованными слоями общества. Оно транслировалось на все население путем заимствования интересных сюжетов и паремий из письменного в устное бытование.

ПАНТЮХИН Дмитрий Александрович

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), dmitry-pantukhin@yandex.ru*

**КУБИНСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ:
МЕЖДУ ЭТНИЧНОСТЬЮ И РАСОЙ**

Обратившись к теме этнического анекдота на Кубе, я столкнулся с тем, что сам термин «этнический анекдот» не вполне отражает содержание текстов, записанных мной на острове. Для Кубы, население которой формировалось из представителей различных рас, большое значение имеет тема межрасовых отношений и расовой дискриминации. Поэтому чернокожий (исп. *негро*) герой кубинских анекдотов является не представителем другой этнической группы, а кубинцем, у которого цвет кожи отличается от цвета кожи белого кубинца. Китаец (*chino*) может быть не столько китайцем, приехавшим из Китая, сколько кубинцем, который имеет предков из числа китайских иммигрантов, прибывших на Кубу во второй половине XIX в. Во время переписи населения 1981 г. «азиаты» (исп. *asiáticos*) в последний раз были выделены в отдельную категорию. Тогда их количество составило 0,1% от всего населения страны. Несмотря на это, китаец до сих пор остается популярным героем кубинских анекдотов, что во многом объясняется характерной для него косноязычностью – ошибки в произношении приводят к возникновению комичных ситуаций. Также стоит отметить, что кубинская анекдотическая традиция не выделяет в качестве отдельных героев «белых» (исп. *blancos*) и «метисов и мулатов» (исп. *mestizos y mulatos*). Доклад подготовлен на основе полевых материалов автора, любительской коллекции кубинских анекдотов (составитель – Модесто Ароча) и литературе.

САТАЕВ Роберт Мидхатович

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), rob-sataev@mail.ru*

**ОБРАЗ «ЗУБРА-БИЗОНА» КАК МАРКИРУЮЩИЙ
ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ
ДРЕВНЕЙ МАРГИАНЫ И КАВКАЗА**

В 2004 г. при раскопках царского некрополя Гонур-Депе (Туркменистан) в гробнице 3235 был обнаружен клад из 7 сосудов. Среди серебряных сосудов самый примечательный – конический кубок с рельефным изображением разных животных (быка, льва, оленя, козла, барана, выдры, медведя, волка, зайца, рыба). Одним из наиболее ярких образов переднего плана является фигура быка, в котором все признаки позволяют опознать зубра (*Bison bonasus*). Однако по имеющемуся палеофаунистическим данным этот зверь в конце III – начале II тыс. до н. э. на территории Средней Азии и прилегающих к ней территорий не обитал, а самой южной границей распространения зубра в голоцене считается Закавказье. Можно с большой вероятностью говорить, что композиция, украшающая кубок, обнаруженный на Гонур-депе, отражает реальную природную ситуацию, существовавшую в III–II тыс. до н. э. на Кавказе, что может указывать на наличие контактов между населением Гонура и Кавказа. Однако форма сосуда, техника

изготовления кубка и рельефа являются типичными для Бактрийско-Маргианского археологического комплекса и значительно отличаются от таковых в изделиях одновременных Гонуру культур Кавказа. Очевидно, что простое, однозначное объяснение этого феномена отсутствует. Можно лишь предположить, что автор изображения был родом с Кавказа, побывал там или частично воспроизвел сцену со знакомого ему изображения в художественном стиле, распространенном на территории древней Бактрии и Маргианы.

ХРИСТОФОРОВА Ольга Борисовна

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва), okhrist@yandex.ru*

**ПАНТЕОН РЕГЛА ДЕ ОЧА-ИФА КАК РЕЗУЛЬТАТ
КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ***

Регла де Оча-Ифа (лукуми, сантерия) – афро-христианский культ, сложившийся на Кубе к XIX в. на основе верований *йоруба* и элементов католицизма. Пантеон этого культа составляют *ориша*, или *сантос* – божества *йоруба*, отождествляемые с католическими святыми. Например, громовержец Шанго отождествляется со св. Варварой; целитель Бабалу-Айе – со св. Лазарем; *ориша* моря Йемайя – с Девой Марией де ла Регла; «черной Мадонной»; *ориша* любви Очун – с Девой Марией де Кобре, покровительницей Кубы, и др. В пантеон также входят персонажи «индейского происхождения», собирательный образ которых представляет Касик – статуэтка конного индейца в характерном головном уборе. В наши дни образы *ориша/сантос* можно видеть в домашних алтарях, сантерийских храмах, католических церквях, а также в музеях. Анализ изображений и данных интервью позволяет сделать выводы о механизмах синкретизации, проследить, как этот процесс приводил к трансформации исходных визуальных образов и функций божеств и в итоге – к образованию новых культурных форм. В основе доклада – полевые материалы автора, собранные в гг. Матансас, Гавана, Тринидад, пров. Ольгин в 2013–2015 гг.

ЦЫБЕНОВ Базар Догсонович

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(Улан-Удэ), bazar75@mail.ru*

**КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ
В ФОЛЬКЛОРЕ ДАУРОВ****

Даурский фольклор остается одним из малоизученных вопросов в российском востоковедении. Между тем, различные жанры фольклора хранят ценную информацию о культурных взаимосвязях дауров с соседними народами. Ряд волшебных сказок этих народов объединяет мифологический мотив женитьбы героя на небесной фее, которая прилетает купаться на озеро. Этот сюжет, присутствующий в даурской сказке «Харалдай-Мэргэн», имеет место в бурятских легендах о Хоридой-Мэргэне – прародителе одиннадцати родов хоринских бурят, в якутском олонхо «Сын лошади Аталами-богатырь»,

* Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-21-03004 «Монгольские этносы северо-востока Китая: история, культура, язык».

эвенкийском эпическом сказании «Дэлэду», в сказке русского сказочника Д.С. Асламова – выходца из Прибайкалья. Подробное изучение данного сюжета показывает, что все указанные версии восходят к маньчжурской легенде о трех сестрах – небесных феях. Даурская сказка о мальчике с золотой спиной и серебряной грудью имеет аналоги в бурятском, русском, юкагирском и тофаларском фольклоре. К числу одинаковых моментов в даурских и бурятских волшебных сказках, свидетельствующих о культурных контактах, относятся змеборческие сюжеты, эпизоды борьбы птицы и змеи, кормление героя грудным молоком и др. Репертуар детского фольклора дауров свидетельствует о культурном взаимодействии с эвенками и русскими. Например, даурская сказка, построенная на диалоге (вопросы-ответы), очевидно, восходит к эвенкийским сказкам нимнгакан-эвивун (сказка-игра, или сказка-игрушка), а сказка «Лооб татагу ургил» (Сказка о том, как тянули репку), записанная в 1954–1957 гг. исследовательницей даурского языка Б.Х. Тодаевой, полностью совпадает с русской основой.

ШАГАПОВА Гулькай Рахимьяновна

Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета (Нефтекамск), shagapovanfbgu@mail.ru

О ПАРАЛЛЕЛЯХ В ИГРАХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

В докладе представлены предварительные результаты изучения игровой культуры народов мира. Выделяется по-

нятие игрового сюжета, под которым понимается определенный набор правил отдельно взятой игры, одинаковых у разных народов. Игровой сюжет всегда особенный, можно сказать, узнаваемый. Название игры не несет значительной смысловой нагрузки и может варьироваться даже в рамках одной культуры. Для анализа взяты локально распространенные – в Сибири и на Дальнем Востоке – специфические игры с копьем, сложные прыжки, игры с большим количеством камней и некоторые другие. Изучение и картографирование материала показывает, что они распространены среди чукчей, эскимосов, юкагиров, ульчей, нанайцев, ханты и манси. Близкие по смыслу игры можно увидеть у части якутов и эвенков. В то же время мы либо не найдем рассматриваемых игр у народов Алтая, либо они существуют в абсолютно другой форме. Очевидно, что между Дальним Востоком, Западной и Северо-Восточной Сибирью большая лакуна, но специфичность правил, характерные половозрастные и сезонные черты игр исключают их самостоятельное происхождение. Можно предположить, что в прошлом юг Сибири представлял единый этнокультурный ареал, в последующем распавшийся. Потомки были вытеснены на периферию, где и сохранились реликтовые элементы культуры. Приводятся и другие примеры, показывающие, что изучение игровой культуры может быть весьма плодотворным в выделении древних этнокультурных ареалов, в определении основных путей миграций культур, в реконструкциях древнейших обрядов, из которых берут свое начало игры.

Секция 14
**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Карлов Виктор Владимирович – д.и.н., профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

E-mail: vikarlov@mail.ru

Окладникова Елена Алексеевна – д.и.н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

АБЕТОВА Зейнеп Тулегеновна

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(Астана, Республика Казахстан), zeynep.abetova@mail.ru*

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЭТНИЧНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Толерантность как принцип межэтнической и культурной коммуникации вновь оспаривается в мире в свете происходящих политических волнений и событий. Статья посвящена обоснованию принципа толерантности как основы коммуникации в полиэтническом, ценностно плюрастическом мире в условиях глобализации, а также интерпретации этнического мира как феномена, сущность которого обусловлена природой человека и состоит в созидании онтологических и культурных предпосылок человеческого существования.

БЕЛЯЕВА Надежда Фёдоровна

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева (Саранск), tatyana_salaeva@mail.ru*

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДВЫ В
УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Республика Мордовия издавна сложилась как поликультурный и поликонфессиональный регион, что обусловило сложности процессов этнического самосознания и самоидентификации. В условиях, когда мордва в республике сейчас этническое меньшинство, усиливается роль этнических корней, традиционных ценностей, исторической памяти, то есть актуализируется значение этнической культуры как фактора самоидентификации. Именно через освоение национальной культуры формируется национальное самосознание как отдельной личности, так и новых поколений этнической общности. Собранные полевые материалы, данные результатов анкетирования показывают рост значимости этнической культуры в системе жизнеобеспечения мордвы. Это выразилось и в расширении этнокультурного образования на всех уровнях общеобразовательных учреждений. Только в Мордовском государственном педагогическом институте имени М.Е. Евсевьева преподается более двадцати дисциплин, связанных с историей и культурой мордвы. Сохранению этнической культуры способствует деятельность столичных, районных, школьных музеев, создание культурных центров в ряде мордовских сел, возрождение традиционных народных промыслов и ремесел. За последние десятилетия

вышли в свет десятки наименований учебников, учебных пособий, научной и художественной литературы на эрзя и мокша языках. Формированию этнической идентичности, национального самосознания способствовали проведение широкомасштабных мероприятий: «Шумбрат Финно-Угрия», «1000-летие объединения мордовского народа с народами Российского государства», всероссийских и межрегиональных выставок-ярмарок декоративно-прикладного искусства.

БИТТИРОВА Тамара Шамсудиновна

*Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского
НЦ РАН (Нальчик), tbittir@mail.ru*

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ ДЕТСКИЕ ИГРЫ
И ВЕРБАЛЬНЫЙ МИР МАЛЫША**

Карачаево-балкарский народный опыт воспитания имеет несколько концептуальных, базовых положений, на которых держится весь комплекс воспитательных мер и образовательных средств, среди которых главное – привитие константных понятий через вербальный опыт, т.е. перекодирование зрительного образа в вербальную форму.

Самые первые игры малышей связаны с узнаванием частей тела, их обозначений на родном языке. Эти названия сначала произносились на особом детском языке. Так, рука – *кьол* на языке детей – *кока*, нога – *аякь* – *кака*, Сам ребенок в этой лексике называется *киккя*. Понятия, передающие самые значимые для ребенка продукты питания, также имеют место в детском словаре: молоко – *сюття*, хлеб – *баппу*, мясо – *чиччя*, фрукты – *кагу*, *гагу*, конфеты – *капий*. В детской лексике хранятся названия домашних животных, окружающих малыша с первых дней его жизни: собака – *гютчя*, кошка – *кишиу*, корова – *уммо*, коза – *чиби*, козленок – *чапай*, ягненок – *коссай*, волк и весь враждебный малышу мир – *маму*... Небольшой список глаголов в детской лексике связаны с первыми действиями ребенка: кушать – *чам-чам*, хлопать в ладоши – *чаби-чаби*, спать – *чата-чата*, ходить – *тяттий-тяттий*, *дяттий-дяттий*. Сдвоенность лексем указывает здесь на закрепление понятия через повтор действия.

Если детский словарь формирует представления об окружающем мире в локальной его форме, то фольклорные произведения развивают ребенка эмоционально. Это связано, в первую очередь, с синкретичностью фольклора: стихи и музыка, дополняя друг друга, создают комфортные условия для постижения мира.

БОЙКО Владимир Сергеевич

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул), vboyko2010@yandex.ru*

**КОРЕЙЦЫ НА УРАЛЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
АДАПТАЦИИ ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩИНЫ**

Появление корейцев на Урале в XX в. совпало с окончанием гражданской войны и связанными с ней миграционными процессами. В дополнение к немногочисленным отделениям национальных обществ появляются союзы корейских рабочих, ставшие школой самоорганизации корейцев в России и СССР. Наращивание их социально-культурного потенциала, неизбежная корпоративность и национализм побуждали власти принять бюрократическое решение о роспуске этих организаций и курсе на ассимиляцию корейцев. Особые социально-психологические свойства представителей этого этноса, их высокая мотивация на профессиональный рост, образование, сохраняющиеся контакты с оккупированной японцами родиной возбуждали подозрение в условиях угрозы мировой войны. Но миграция корейцев на Урал позволяла более успешно решать социально-экономические, культурные и иные проблемы принимающего региона.

Эти же факторы определили и возрождение корейской общины на Урале в послевоенный период и особенно в 2000-е годы (создание национально-культурной автономии и активное участие в межгосударственном/межрегиональном сотрудничестве России и Кореи). Если в первой половине XX в. иномациональные группы возникали на рубежах Европы и Азии как следствие вынужденной миграции, то их дальнейшее развитие все больше происходит под влиянием глобализации.

ЗАЗУЛИНА Мария Рудольфовна

*Институт философии и права СО РАН (Новосибирск),
zamatashka@yandex.ru*

**ЭТНОСОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРСКИХ
ТАТАР ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБЩИЕ
ТЕНДЕНЦИИ И ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАЦИИ**

Тюменская область традиционно является местом компактного проживания представителей татарского этноса. Комплексное медико-биологическое и этносоциальное исследование этнолокальных сообществ сибирских татар, проживающих на территории Тюменской области, реализованное летом 2014 г., позволило определить основные тенденции в развитии этнолокальных сообществ татар, а также выявить локальные вариации их развития в зависимости от района проживания. Современные этнокультурные процессы в этнолокальных сообществах сибирских татар характеризуются повышением престижа родного языка и высоким уровнем владения им, сохранением культурной преемственности и традиционной обрядности на уровне национальных праздников. При этом влияние современных глобализационных процессов на развитие этнолокальных сообществ является крайне противоречивым. Так, удаленность этнолокальных сообществ, их моноэтничность и обособленность в наибольшей степени способствуют сохранению национальной культуры и языка. Однако с точки зрения перспектив развития этноса, именно подобный тип сообществ демонстрирует тенден-

цию к старению, депопуляции, что обусловлено, прежде всего, низким потенциалом социально-экономического развития территорий его проживания. Близость этнолокальных сообществ к крупным урбанистическим центрам, неминуемо приводящая к усилению воздействия на традиционную культуру, в то же время гарантирует возможности для их активного социально-экономического развития и сохранения их и в дальнейшем в качестве мест компактного проживания этнолокальных сообществ.

ЗОЛОТАРЕВА Наталья Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), natashik@sibmail.com

**ЛЯНТОРСКИЙ ХАНТЫЙСКИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ КАК ЦЕНТР
ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
ЦЕННОСТЕЙ ХАНТЫ**

В условиях глобализации важным звеном сохранения и поддержания этнических традиций стали музеи, выступающие трансляторами информации, которая раньше аккумулировалась в семье и передавалась из поколения в поколение.

Сохранить и передать потомкам уникальное историко-культурное наследие – основная задача Лянтурского хантыйского этнографического музея. Это научно-исследовательский центр, активно возрождающий традиции и обычаи пимских ханты. Материальная культура здесь представлена фондами и экспозицией. Фонды музея насчитывают более 8 тыс. единиц хранения. В постоянной экспозиции представлены материальная и духовная культура ханты. Кроме того, материальная составляющая культурного наследия в музее сосредоточена на этнографической площадке с постройками, дающими представление о традиционной культуре, быте и хозяйственной деятельности ханты.

Музей регулярно проводит национальные праздники («День ворона», «Праздник трясогузки», «День рыбака и охотника», «Медвежий праздник») и свадебный обряд «Вместе». Их задача – воссоздание и сохранение для будущих поколений культуры ханты, сконцентрированной в обрядовой сфере, т.е. воспроизводство прежде всего нематериальной составляющей уникальной культуры. Аутентичность музейных реконструкций достигается благодаря регулярно проводимым этнографическим экспедициям. В музее разработан проект по развитию этнографического туризма «Добро пожаловать на стойбище». Участвуя в этнотуре, посетитель получает возможность познакомиться с традиционными постройками, обрядами, пищей, а также прикладным искусством ханты.

Лянтурский хантыйский этнографический музей как центр современного воспроизводства этнокультурных ценностей играет важную роль в сохранении и трансляции традиционной культуры ханты.

ЗУСИНА Светлана Аркадьевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), svetlanazus@gmail.com

**ВИДЕОФИЛЬМ «ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ДЕРЕВНЯ ЛЕСЕДИ»**

Видеофильм «Этнографическая деревня Леседи» посвящен проблемам организации этнографического туриз-

ма и подробно рассматривает работу, проводимую в этой области странами БРИКС. В фильме детально рассмотрен пример организации и функционирования этнографического объекта «LesediCulturalVillage» в городе Лансерия под Йоганесбургом (ЮАР). Фильм дает уникальную возможность познакомиться с бытом и традициями разных народов, проживающих в Южной Африке, затрагивает вопросы межэтнических и межкультурных взаимодействий, а также позволяет понять суть и методы работы южноафриканского этнокомплекса. Опыт ЮАР в организации межэтнического и межконфессионального диалога, предотвращении конфликтов на этнической почве и противопоставления культур требует внимательного исследования и осмысления. Именно этому и посвящен фильм.

КАМАЛОВА Гульдар Рашитовна

Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан (Уфа), guldar@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДРЕВНИХ БАШКИРСКИХ МИФОВ В КИНЕМАТОГРАФЕ

В башкирском кинематографе появились работы, нацеленные на современное осмысление древних башкирских мифов: «В поисках Акбузата» (сценарист Ш. Шакурова, реж. Р. Исхаков, 2006), «Пусть ветер унесет мои слова!» (сценарист Ш. Шакурова, реж. А. Аскаров, 2015). «В поисках Акбузата» – научно-популярный фильм, рассказывающий через призму сакрального башкирского народного эпоса «Урал-Батыр» о живописной башкирской природе: батыр вместе со своими сыновьями изгонял дивов, несущих всемирный потоп, создавал мир (родину башкир – Уральские горы, звезды, реки и т.д.).

История, рассказанная в короткометражном художественном фильме «Пусть ветер унесет мои слова!», основывается на другом культовом произведении – на башкирском народном байте «Сак и Сук». Этот байт по-прежнему популярен среди башкирского народа благодаря своей завораживающей музыке и пронзительной, леденящей душу истории о матери, проклявшей своих сыновей. Братья воплощали собой два начала, две неделимые половинки (близнечный миф), но материнское проклятие сделало невозможное, разорвало эти узы, и теперь Сак и Сук в образе птиц обречены искать друг друга в Темном лесу до скончания веков. Птицы олицетворяют души близнецов, разделенных силой материнского проклятия.

Более развернуто эта история изложена в одноименной книге Ш. Шакуровой, вышедшей в 2014 г. Характерно, что сюжет модернизирован: его героиня наша современница с библейским именем Сара. Однако сюжетная линия сохранена.

КАРАМАН Юрий

Академия наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова), caramaniurie@gmail.com

КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация, сущностной основой которой является информационная революция, оказывает решающее влияние на все сферы человеческой жизни – экономику, политику, культуру, язык, образование, духовно-нравственное разви-

тие, межэтнические и межконфессиональные отношения. Все эти сферы, вовлекаясь в убыстряющийся темп освоения информации и ее обмена, приобретают качественно новые черты.

На сегодняшний день нет общепризнанной концепции глобализации. В разных регионах, обществах, научных дисциплинах этот термин имеет свой специфический смысл. Процесс глобализации, таким образом, еще нуждается в серьезном теоретическом осмыслении.

В Декларации тысячелетия Организации Объединенных наций говорится: «Глобализация может обрести полностью всеохватывающий и справедливый характер лишь через посредство широкомасштабных и настойчивых усилий по формированию общего будущего, основанного на нашей общей принадлежности к роду человеческому во всем его многообразии».

Культура любой нации является отражением национального самосознания и национальных чувств. Представители одной нации отличаются от представителей другой не только физическим типом, но и типом поведения, бытовыми навыками, мировоззренческой позицией, так как в процессе исторического развития нации вырабатывали свои определенные представления и ценностную ориентацию. Поэтому лишить нацию такой основы, как культура просто невозможно. Пока жива нация, жива и культура.

КАРЛОВ Виктор Владимирович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), vikarlov@mail.ru

ЭТНОСЫ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: УНИФИКАЦИЯ ИЛИ РОСТ МНОГООБРАЗИЯ КУЛЬТУР?

Глобализация породила огромное разнообразие взглядов на ее суть и оценок происходящих изменений. Основные из них можно свести к следующим: (а) глобализация – процесс унификации культурного разнообразия человечества; (б) глобализация – трансформация культур и их гибридизация; (в) глобализация – нарастание культурного разнообразия, а не к унификации. Первая и третья позиции полярно противоположны, вторая как будто учитывает обе тенденции. Научная же оценка сути перемен требует ясного представления о месте этноса и этнической культуры в прошлом и в современности. Исходить следует из того, какие функции лежат в основе этнических культур доиндустриального, индустриального и постиндустриального мира. Этнические культуры доиндустриального этапа были наиболее специфичны в том смысле, что отражали этноспецифичный способ адаптации в среде. В индустриальном мире эта функция перешла от этноса к нации (нация как феномен имеет связь с этносом, но она не тип этноса и может включать несколько этносов). В постиндустриальную эпоху происходит переход к иному способу адаптации, где воспроизводственные механизмы передаются от нации к сетевым структурам. Этнос индустриального мира были вписаны в национальные системы производства; в новой же ситуации, где начинают преобладать как макро-, так и микропроцессы, место этносов и этнического – вопрос открытый, и он нуждается в профессиональном анализе структуры связей на уровнях глобальном, национальном, региональном и культурно-воспроизводственном.

КВИЛИНKOBA Елизавета Николаевна

Институт Культурного наследия АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова), cvilincova@mail.ru

САКОВИЧ Василий Андреевич

Государственный институт международных отношений Молдовы (Кишинев, Республика Молдова), 113vs@mail.ru

**СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ – ВОПРОС
ВЫЖИВАНИЯ ЭТНОСА**

В процессе глобализации предпринимается попытка ассимиляции через подавление и разрушение традиционных обществ и культур. Для решения этой глобальной проблемы необходимо отказаться от метода унификации и ассимиляции, взять за основу принцип взаимодополнения культур. Для всех, особенно малочисленных народов, живущих в инациональном окружении, характерно, с одной стороны, стремление к сохранению наиболее существенных компонентов своей собственной культуры, с другой стороны – стремление к заимствованиям значительных по объему и количеству разнообразных инокультурных элементов. Изменения являются неотъемлемым свойством культуры и включают в себя как внутреннюю трансформацию культурных явлений, так и внешние перемены. Однако для целого ряда народов задача сохранения своего культурного наследия в условиях «культурной» глобализации – это вопрос выживания этноса в буквальном смысле слова. Данная задача является чрезвычайно сложной в силу некоторых объективных факторов, среди которых немаловажное значение имеет малочисленность этноса. Нередко указанный фактор дополняется дисперсным проживанием представителей и без того небольшого по численности этноса. Эффективное разрешение проблемы сохранения народами своего культурного наследия в немалой степени зависит от реального установления многополярного мира и сохранения поликультурного пространства. Необходимость создания гармоничного глобального гражданского общества делает актуальной задачу формирования нового типа культурного взаимодействия, основанного на осознании важности роли межкультурного диалога.

КЕШЕВА Зарема Мухамедовна

ОШРОЕВ Рубен Германович

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Нальчик), kesheva10@yandex.ru

**ЛОКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В описаниях современных тенденций развития антропогенной цивилизации ключевыми стали понятия «глобализация», «глокализация», «модернизация» и другие близкие им по смыслу термины. На место прежней «изоляции» локальной культуры пришло возрастающее сближение, усреднение и интернационализация типов материального и культурного потребления, образов жизни, источников и содержания социальной информации при одновременном ослаблении этнокультурной идентичности.

Личностная и групповая идентификация лишь по этническим параметрам, сведение социальной идентичности лишь к ее этнической разновидности в постсоветский пери-

од уже показала свою ограниченность и узость с точки зрения социальных горизонтов и перспектив. Если в советское время вектор этнокультурной динамики был направлен на формирование единой культуры – «национальной по форме и социалистической по содержанию», то постсоветский период ознаменован плюрализацией культурных ориентиров.

Исторический опыт свидетельствует, что если большинство появившихся в обществе культурных новшеств сначала вызывали неодобрительную реакцию, настороженность (сопротивление), особенно среди старшего поколения, то по прошествии определенного времени эти новшества становились малозамечаемыми (смирение), после чего превращались в нормы (адаптация). Есть основания полагать, что традиционные фундаментальные ценности культуры постепенно уходят в маргиналии как локального, так и мирового общества. Нельзя исключить, что они не исчезнут окончательно, но станут основой различных реминисцентных субкультур, объединяющих людей в замкнутые сообщества (группы) (по аналогии с «монастырской парадигмой» Т. Розака).

КОЗЛОВА Мария Андреевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), makozlova@yandex.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ
В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ
(на примере советских и постсоветских
учебников для начальной школы)**

Государственное обучение в России всегда было проектом в рамках управления многообразием: и в имперский, и в советский периоды, и на современном этапе школы воплощали разные стратегии управления, а точнее – совладания с культурным плюрализмом. Таким образом, выстраиваются официальные границы идентичности и система социальной стратификации, которая воспроизводится в повседневных взаимодействиях. Учитывая эти соображения, представляется важным проследить, каким образом позиционированы в школьных учебниках этнические группы, формируется образ представителей этнических меньшинств в учебной литературе, предназначенной для обучения детей из доминирующей культуры, и как этот образ трансформируется в разные периоды отечественной истории. Проведен анализ контента учебников для начальной школы советского и постсоветского периодов: частоты употребления понятия «народ» в разных значениях и контекстов упоминания этнических групп. «Народы-этносы» упоминаются в учебниках советского периода исключительно в контексте рассмотрения природно-климатических зон с акцентом на традиционный тип природопользования. В постсоветских учебниках «народы-этносы» упоминаются также в национально-гражданском и историческом контекстах. Указывается необходимость однозначной этнической идентификации индивида, критерии которой – язык, фольклор, расово-антропологические признаки, психический склад. Утверждение гомогенности группы приводит к утверждению гомогенности нации, которая мыслится современным учебником как политически зрелая форма этноса. Подобные контексты закрепляются через утверждение репрессивной морали социаль-

ного порядка в качестве единственно возможной моральной системы, способствующей поддержанию целостности группы и ее благополучия.

КУРЬЯНОВА Татьяна Сергеевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), tanutka_88@mail.ru

**МУЗЕИ ЮЖНОЙ СИБИРИ КАК ЦЕНТРЫ
ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
СМЫСЛОВ И ПРАКТИК**

Важной частью культурного наследия является его этнокультурная составляющая, с одной стороны, стремительно исчезающая под влиянием процессов модернизации, глобализации и урбанизации, нивелирующих культуру повседневности, с другой – активно возрождаемая усилиями национальных культурных объединений или отдельных представителей этнической интеллигенции. Поскольку именно в музеях сегодня сконцентрированы исчезнувшие из повседневности реалии традиционной культуры в виде предметов, технологий их изготовления и мировоззренческих интерпретаций, зафиксированные у самих носителей традиций, изучение и осмысление опыта музеефикации приобретает особую остроту звучания. Музеи Южной Сибири (Алтай, Хакасия, Тывы) – хранители уникального наследия коренных этносов региона. Воспроизводство этнокультурных смыслов и практик в музеях реализуется посредством комплексной музеефикации разнотиповых элементов наследия. Музеефикация нематериального наследия в музее реконструирует элементы празднично-обрядовой сферы, ритуалы, фольклорные традиции и т.д. При этом музеи становятся центрами, аккумулирующими усилия национально-культурных объединений, центров фольклора и декоративно-прикладного искусства, развлекательно-досуговых учреждений.

Деятельность музеев Южной Сибири способствует возрождению самобытной культуры автохтонов, поддержанию их этнической идентичности, формированию чувства сплоченности.

ЛАТЫПОВ Ильдар Абдулхаевич

Удмуртский государственный университет (Ижевск), latypoveldar@hotmail.com

**СЕТЕВОЙ ТРОЛЛИНГ В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
КОММУНИКАЦИЯХ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ**

Сетевые коммуникации в условиях глобализации дают возможность представителям этноса поддерживать свою общность даже без многих других традиционных средств и форм поддержания и воспроизводства общности. В содержании такого традиционного философского понятия, как «дух народа» благодаря сетевой общности появляются новые признаки. В частности, это становится возможным благодаря бурному развитию соответствующих социальных сетей (например, «Uralistica (Finno-Ugric social network for collaboration and action)»), блогов, посвященных этническим проблемам, и сетевых средств массовой коммуникации. Однако наряду с позитивными последствиями формирования и развития сетевой среды этнокультурного воспроизводства, появляются и множатся некоторые негативные аспекты. К та-

ким негативным аспектам сетевых коммуникаций относится троллинг. Происхождение этого понятия связывают с соответствующим способом ловли на блесну. В сетевых межкультурных коммуникациях это связано с тем, что «сетевой тролль» провоцирует и ловит оппонента на каких-либо комплексах, связанных с этническими проблемами, как будто цепляет на «крючок». Фактически, задевая объекта травли за живое, «тролль» манипулирует оппонентом. Вместе с этим, понятие «тролль» соотносится и с общеизвестным скандинавским фольклорным персонажем. С этой точки зрения данный термин оказывается в сетевых коммуникациях двусмысленным. Но с обеих точек зрения «тролль» оказывается неприятным субъектом сетевых коммуникаций. Особенно же негативно троллинг сказывается в такой деликатной сфере, как межэтнические коммуникации, затрудняя или делая невозможным поиск общего языка и стремление к консенсусу.

МАЛАХАЕВА Светлана Карловна

Байкальский государственный университет экономики и права (Иркутск), smalahaeva@yandex.ru

**НАРРАТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ШКОЛЫ: КАЗУС БУРЯТСКОЙ ГЛУБИНКИ**

Проект национальных школ создан для поддержания изучения родного языка малых народов и формирования этнической идентичности. Закон об образовании (1992) предоставил возможность развивать национально-культурный компонент в рамках общеобразовательной школы. К 2012 г. на территории Усть-Ордынского Бурятского округа бурятский язык как учебный предмет преподается в 66 из 126 общеобразовательных школ по типовой программе национальных школ. В данном контексте автор проблематизирует вопрос о современных национальных школах как пространстве, в котором можно наблюдать борьбу дискурсов «национально-культурного возрождения», «государственного реформирования образования» и стратегий субъективации индивидов, стремящихся к реализации собственного успешного жизненного проекта. Собраны рассказы учителей и учеников бурятских национальных школ Усть-Ордынского Бурятского автономного округа о школьной жизни; сделана попытка показать, каким причудливым образом переплетаются разнообразные социальные практики, как традиционные, так и современные/постмодерные, создавая уникальный контекст взросления человека и становления его субъектности. Анализируется комплекс узловых проблем образования (от реформ и ЕГЭ до формализации и снижения качества обучения и воспитания и специфических режимов круговой поруки) характерных для всей системы в целом; в нарративах бурятской глубинки этот комплекс проблем показывает неуловимую в общей панораме микрофизику социальных взаимодействий и обнажает грани традиционного в практиках модерна и наоборот.

МАМЕДЛИ Алиага Эйюб оглы

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана (Баку, Азербайджан), aliaga58@mail.ru

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В АЗЕРБАЙДЖАНЕ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ**

Глобализация, или тенденция к усилению всемирной взаимосвязанности, оказывает серьезное влияние на состо-

яние и перспективы и азербайджанской этнической культуры. Объективный процесс интеграции в мировую экономическую и политическую системы обуславливает большую открытость Азербайджана для проникновения культурных новаций, довольно часто противоречащих устоям традиционной культуры азербайджанцев. Эти устои сами по себе достаточно динамичны и определяются природно-географической средой, историей и ментальностью каждого конкретного этноса. Наконец, устои традиционной культуры придают устойчивость и предсказуемость функционирования этноса. Они выступают в роли своеобразного фильтра на пути потока глобальной культуры. Приобщение все большего числа жителей Азербайджана, особенно молодого возраста, к новым каналам обмена информацией в значительной степени ускоряет темпы внедрения в традиционную культуру инноваций. Особенно это заметно в сфере соционормативной культуры; в частности, в нормах поведения, формах общения. В то же время эти инновации отчасти отдаляют подрастающее поколение от традиционных способов общения, влияют на формирование нового духовно-нравственного облика азербайджанской молодежи.

МАРКОВ Виктор Иванович

Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово), vikt-markov@yandex.ru

**СИСТЕМНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
КУЛЬТУРНЫХ ИНТРОДУКЦИЙ**

Теоретическая репрезентация конкретной культуры как органической системы позволяет выявить новые ракурсы в проблематике культурных взаимодействий и интродукции культурных достижений.

Распространенная либеральная апология абсолютной открытости не отражает реальной и ситуативной по сути диалектики открытости/закрытости в истории культур.

Поэтому культурные заимствования также должны ограничиваться пределами стихийной или регулируемой обществом и государством меры. Мера эта, к сожалению, не может прогнозироваться и не всегда явно актуальна. Большею частью она определяется ретроспективно по критерию позитивного влияния на развитие собственного потенциала творчества, а не повторения воспринятых извне образцов.

Учет системных закономерностей, во-первых, предполагает соблюдение количественной меры заимствований, позволяющее учет пределов устойчивости системы, связанных как с ее общими характеристиками, так и с актуальным состоянием (стадия развития, временное ослабление или усиление). Во-вторых, с качественной точки зрения, желательны фильтры, позволяющие отбор заимствований по принципу необходимости их для заполнения лакун в собственной культурной жизни. При этом необходимо прогнозировать неизбежное стихийное изменение роли и функций воспринятых элементов в обрамлении новых системных связей: желательна сознательная адаптация к своей культуре, а не сохранение «подлинной» их сущности. Жесткость подобных фильтров определяется степенью близости ценностно-мировоззренческих оснований взаимодействующих культур (другие, чужие, чуждые).

Наконец, необходимо избегать заимствований крупными блоками, с сохранением чужих системных связей, разд-

робляя совокупности элементов для более быстрой их адаптации к собственной культуре.

ОБОЛЕНСКАЯ Алена Германовна

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), a.obolenskaya@mail.ru

**ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТИ**

Страны Юго-Восточной Азии, в первую очередь Таиланд, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, в сегодняшней всеобщей погоне за технологиями и глобализацией не теряют корней. Множество традиций сохраняется, переплетается с зарубежными, в том числе европейскими; это порой приводит к интересным результатам. Здесь можно наблюдать всю актуальность межкультурного диалога на рубеже смены основных социальных укладов. Анализ смешанных браков и иностранных предприятий на территории региона говорит о неотвратимости культурной, экономико-социальной и духовной синергии. Однако многие традиции весьма стойки и не динамичны. К примеру, культура питания значительно различается в зависимости от исторического прошлого, бытовые уклады не размываются даже в приграничных территориях. Качество жизни, несмотря на схожесть культур, значительно различается, однако мало влияет на оптимизм видения будущего.

ОКЛАДНИКОВА Елена Алексеевна

Российский педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), okladnikova-ea@yandex.ru

**ПРИНЦИП «СВОЙ/ЧУЖОЙ» КАК ИНСТРУМЕНТ
РАЦИОНАЛИЗАЦИИ УГРОЗ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЖИТЕЛЯМИ
РОССИЙСКИХ МЕГАЛОПОЛИСОВ**

Этноцентризм (включая и всевозможные расовые предубеждения) есть естественная реакция людей на все «чужое» и неизвестное (К. Леви-Строс). Собственно «самоцентричная» модель человека и его сообщества лежит в основе дискриминации вообще. В истории науки было создано множество теорий, которые обосновывали миф о естественной иерархии культур и их носителей, отличие которых определялось дихотомией «свой/чужой». Серия социологических исследований, проведенных нами по теме «Трудовая миграция в зеркале общественного мнения жителей Санкт-Петербурга» методом нарративного интервью, показала, что этот принцип – удобный инструмент, который наши респонденты используют для рационализации окружающей этнокультурной реальности в условиях новых мобильностей. Так, они используют этот принцип для: (1) формулировки своих представлений о возможности/неизбежности внутригосударственных межэтнических конфликтов (далее – ВМК) с участием трудовых мигрантов в мегалополисе; (2) осуществления собственной этноидентификации; (3) установления размеров социальной дистанции; (4) определения параметров социальных лифтов; (5) поддержки социально-интеграционных механизмов, с помощью которых они готовы защищать «свои» ресурсные базы от покушения «чужих». Респонденты эмоционально

негативно переживают присутствие «чужих» – выходцев из бывших республик СССР (торговцев на рынке, работников сферы услуг, сотрудников ЖКХ, рабочих на стройках и т.п.). Виртуальная возможность ВМК переживается респондентами как «неизбежность», «близкая беда». Рационализация этих эмоций, вопреки нашим ожиданиям, делает их сознание интолерантным, формируя установку на то, что они должны принять участие в межэтнических конфликтах в условиях мегалополиса, если они вдруг вспыхнут.

ПАТРУШЕВА Галина Михайловна

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск), gmp-04@rambler.ru

НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Традиционными способами презентации культурного наследия продолжают оставаться постоянно действующие экспозиции и выставки, которые направлены на демонстрацию этнографических коллекций. В настоящее время возможность обращения к экспозициям и фондам музеев благодаря компьютеризации имеется почти повсеместно.

В музеях Омской области имеются значительные накопления этнографических коллекций, появилась потребность организовать музейное пространство на новом уровне. В области существуют Музей археологии и этнографии Омского ГУ им. Ф.М. Достоевского, Омский государственный историко-краеведческий музей, Музей народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирский культурный центр Государственного центра народного творчества, а также 25 районных краеведческих музеев с самостоятельными фондовыми коллекциями, посвященными культурам народов мира. Было принято решение о создании музейно-этнографического комплекса под открытым небом в с. Любино-Малороссы, включающего нескольких блоков: реконструкции традиционных построек, сюжетов сибирской истории и промыслов, а также научно-образовательные центры. Создание такого комплекса позволит развивать музейную сеть принципиально новыми методами, а также появятся новые возможности для развития туризма.

Ныне в области существуют историко-культурный комплекс под открытым небом «Старина Сибирская» (п. Большеречье) и Музей под открытым небом «Сибирский тракт», созданный сотрудниками Тюкалинского историко-краеведческого музея. Они значительно удалены от Омска, что делает их менее доступными для посещения туристов.

Инновационные процессы в музейной сфере области развиваются, совершенствуются, что позволит стать региону привлекательным для туристов и местных жителей.

ПУШКАРЕВ Антон Андреевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), push150692@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Глобализация не ограничивается тем или иным обществом, она обходит любую географическую, политическую,

государственную границу, любой исторический рубеж и любую социальную характеристику. В то же время она проходит не везде одинаково, отличаясь зачастую своим характером, степенью проявления, выраженностью и интенсивностью. Глобализация, проходя через любые препятствия, все же находится в серьезной зависимости от политических, экономических, социальных реалий той страны, государства, общества, где она разворачивается. Соответственно, и влияние глобализации может иметь различные проявления, приводить к различным последствиям.

Отталкиваясь от результатов кросскультурного исследования, можно выявить отличительные черты глобализации во Франции и России, а также проследить ее влияние на современные социокультурные ориентации французских и российских студентов. Разная историческая судьба, различное политическое и экономическое положение в двух странах привели к тому, что процесс постепенной атомизации общества проявляется в среде французского студенчества в большей степени, нежели российского. Заключается же он в постепенном снижении значимости крупных коллективных идентичностей и их постоянном дроблении на все более мелкие. Таким образом, сравнивая ответы студентов из Франции и России, можно уверенно отметить большую значимость коллективных идентификаций у российских студентов и преобладание малых идентичностей у французских, что можно объяснить как следствие разницы в интенсивности процессов глобализации.

РЕЗЯПКИН Михаил Александрович

Независимый проект «Малые народы мира» (Москва), rezyapkin@hotmail.com

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАЛЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ДВУХСТУПЕНЧАТОЙ АССИМИЛЯЦИИ ПО-КИТАЙСКИ

Проблема сохранения культурной идентичности не только не теряет своей актуальности с течением времени и развитием современных средств коммуникации, но и обостряется в связи с возрастающей угрозой потери этнического самосознания вследствие глобальной унификации всех сторон жизни человека.

В среде малых этнических групп, существующих в иноэтничном окружении, как реакция на подобную угрозу активизируются процессы этнокультурной синергетики, позволяющие сплотить ядро этноса вокруг основных ценностных символов, что обеспечивает молодому поколению карту понятийных ориентиров, необходимую для сохранения культуры.

На примере групп кочевников пограничья между Китаем, Россией, Казахстаном и Монголией можно наблюдать, какие «ловушки» ставит государственная политика ассимиляции перед малыми народами. Так, тувинцы, ни при каких обстоятельствах не желающие записываться китайцами в переписях населения, с большим удовольствием записывают себя монголами (это более близкий по языку и религии народ). Вместе с тем, подобные «монголы» в следующем поколении уже теряют свою изначальную идентичность и с большим безразличием относятся к вопросу идентичности, позволяя себя в дальнейшем записать китайцами.

САГДИЕВА Эльвина Азадовна

*Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан
(Казань), elvina_n@inbox.ru*

**О ВЛИЯНИИ МНОГООБРАЗИЯ ФОРМ
ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ
НА СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН**

Сохранение и развитие этнокультурной специфики села зависит от экономического состояния сельского хозяйства. В современном татарском селе Республики Татарстан наблюдается сохранение традиционной культуры и высокий уровень этнического самосознания сельского населения. Большую роль в этом играет национальная и этноязыковая политика, благоприятное развитие демографических процессов в сельской местности, республиканские программы поддержки села и сельхозпроизводителей, в том числе – полная газификация сел Татарстана, строительство или реконструкция сельских школ и больниц, их наполнение современным оборудованием и специалистами, обеспечение учреждений образования доступом в Интернет и т.д. Экономическая поддержка села осуществляется путем предоставления возможностей для развития разнообразных форм хозяйствования: семейные фермы, крестьянско-фермерские хозяйства, общества с ограниченной ответственностью, производственные кооперативы, индивидуально-предпринимательские практики. Такое рациональное сочетание разных форм собственности и хозяйствования наблюдается во многих современных селах Татарстана, оно позволяет говорить об экономически эффективном состоянии и развитии села. В то же время следует отметить ряд факторов, которые подрывают социальное благополучие в селах и, следовательно, разрушают традиционные культурные устои: безработица на селе и как следствие – высокий отток населения (особенно молодого трудоспособного возраста), низкий уровень заработной платы, отсутствие стабильного и эффективного рынка сбыта сельскохозяйственной продукции и низкая социальная благоустроенность некоторых сел.

СОЛДАТОВА Анна Евгеньевна

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (Москва),
aesoldatova@gmail.com*

**ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ И
ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ**

В докладе рассматривается опыт Москвы, Лондона и Мехико в области обучения детей-мигрантов и этнических меньшинств. Автор ставит цель выявить, в какой степени образовательная политика в этой области оказывается обусловлена современными глобальными тенденциями развития образования и в какой степени на нее оказывают воздействие локальные конкретно-исторические и социокультурные условия. Работа выполнена на основе полевых материалов, собранных в трех городах, в том числе длительного включенного наблюдения в Москве.

СУББОТИН Сергей Васильевич

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва), vasilich_1990@mail.ru*

**ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПСИХОЛОГИЯ
ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Усвоение значительного числа этнических стереотипов происходит еще в раннем детстве, причем, как правило, из вторичных источников, а не из непосредственного опыта. Более того, многие из них, глубоко оседая в сознании и встраиваясь в картину мира, используются детьми задолго до появления у них ясных представлений о тех группах, к которым они принадлежат (автостереотипы), или о других группах (гетеростереотипы). Однако имеющиеся у человека стереотипы зачастую имеют мало общего с действительностью. И даже если то или иное качество в самом деле характеризует группу, это еще не гарантирует того, что все ее члены будут обладать этим качеством. В результате, сталкиваясь с подобным рода несоответствиями, человек (будь то ребенок или взрослый) получает негативный опыт межличностного взаимодействия, что может послужить причиной возникновения у него разного рода травмирующих психологических переживаний. В условиях происходящих в современном мире глобальных процессов, когда стираются границы, увеличивается количество контактов между представителями различных групп, когда человека со всех сторон атакуют потоки информации, вероятность получения такого опыта значительно возрастает, что чревато разрушением отдельных элементов человеческого мировосприятия, серьезной нагрузкой на психику и сознание. Изложенное будет проиллюстрировано в докладе на тувинском материале: на основе собственных наблюдений автора, а также на данных, полученных в ходе ряда исследований психологического склада тувинцев.

СУСЛОВА Светлана Владимировна

ДОНИНА Лариса Николаевна

*Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан
(Казань), sv_suslova@mail.ru, lis.art@mail.ru*

**К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА
ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ КУЛЬТУРЫ:
ТАТАРСКИЙ КОСТЮМ**

Проблема воспроизводства этнических стереотипов культуры рассматривается в современных обществоведческих науках как в рамках анализа теоретических изысканий, так и в области прикладной этнографии. В середине XIX в. традиционная татарская одежда еще преобладала. Об этом говорят типологические и картографические материалы Историко-этнографического атласа татарского народа. Во второй половине XIX века в процессе роста экономических и культурных связей между татарами российских регионов неизбежным явилось нарушение сравнительно устойчивых ранее этнотерриториальных комплексов одежды. Это привело к зарождению новых тенденций, связанных с формированием общенационального костюма, в основу которого легли этнокультурные традиции референтной группы этноса – казанских татар.

На рубеже XX–XXI веков традиционная сфера функционирования костюма переместилась в область празд-

нично-сценической и профессиональной деятельности. Воспроизводство этнических традиций идет по нескольким направлениям, которые соответствуют, в целом, современным общероссийским тенденциям: фольклорно-этнографическое, фольклористическое, общенационально-знаковое, авангардное.

В рамках мусульманского ренессанса 1990-х годов в Татарстане наметилась тенденция использования зарубежного восточно-мусульманского костюма типа *хиджаб*, что не соответствует в основном светским традициям поволжских татар. Неслучайно в настоящее время особая роль в сохранении национальных традиций отводится профессиональному моделированию. Коллекции одежды для мусульманок разрабатываются с учетом тенденций мировой моды, этнической специфики и одновременно в соответствии с канонами Исламских предписаний.

ТЕЛЕБАЕВ Газиз Турысбекович

РГУ «Қоғамдық келісім (Общественное согласие)» (Астана, Республика Казахстан), telebaevg@gmail.com

**КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ
МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В условиях глобализации становятся востребованными модели успешных практик в сфере межэтнических отношений. Государственная этническая политика в Казахстане основана на модели, которая известна сегодня во многих странах мира под названием казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия. Ее базовые составляющие следующие. (1) Председателем Ассамблеи народа Казахстана является Президент – гарант Конституции, и этим определен ее высокий статус как общественно-политического института. (2) Казахстанская модель сформирована на основе диалога институтов гражданского общества и государства, в который вовлечены все значимые политические силы страны. (3) Уникальной особенностью Казахстана является единый в гражданско-правовом отношении и общественном восприятии статус этнических групп. Их представители выступают не в качестве национальных меньшинств, а являются обладателями всей полнотой прав гражданами единого народа Казахстана. (4) Общественное согласие выступает важнейшей политико-идеологической ценностью, которая не только транслируется по всем информационным каналам, но и поддерживается и поощряется всеми центральными и региональными органами власти. (5) Девять депутатов Мажилиса Парламента, избираемых АНК, обеспечивают гарантированное парламентское представительство этносов страны. (6) Сохранению и умножению культурного многообразия способствует неизменная политика государства по поддержке этнических языков и культур (школы на национальных языках, воскресные школы, этнические СМИ, национальные театры). (7) Межнациональное согласие охраняется в РК законом на самом высоком уровне. Пункт 2 статьи 39 Конституции РК признает «неконституционными любые действия, способные нарушить межнациональное согласие».

ТРЕГУБОВА Динара Дмитриевна

Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва), 2narka@mail.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РОДОВОЙ СТРУКТУРЫ
БУРЯТСКОГО ЭТНОСА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

На протяжении всей этнической истории бурят родоплеменная структура бурятского общества трансформируется. С появлением русских в Прибайкалье в XVII в. интенсифицируются миграционные процессы, приводящие к изменению первоначальной территории обитания родовых групп бурят, сужению общей этнической территории, межэтническому смешению. В XVIII–XIX веках из генеалогической организации бурятский род превращается в административную единицу. В советское время культивирование внешних атрибутов нации при разрушении ее структурных элементов приводит к образованию специфической этнической общности. Обладая менталитетом титульной нации, буряты, между тем, не составляют большинства населения Республики, ассимиляционные процессы усиливаются. 1990-е годы связаны для Бурятии с не уникальным для российской действительности тех лет процессом национально-культурного возрождения: принятием декларации о государственном суверенитете и новой Конституции Республики; постановлением «О реабилитации народов Бурятии», признающим незаконным акт 1937 г. о передаче части территории БМАССР Иркутской и Читинской областей, созданием Всебурятской ассоциации развития культуры и т.д. 2000-е годы характеризуются проводимой на государственном уровне деполитизацией этничности, служащей ответом на вызовы глобализации, одним из которых является обострение восприятия собственной этнической принадлежности. С деполитизацией этничности связан процесс укрупнения регионов России, болезненно воспринятый в Бурятии. Знание же о собственной субэтнической принадлежности воспроизводится и существует по своим внутренним законам, гораздо менее зависящим от политических рычагов управления. С изучением этих законов связан наш полевой материал.

УВАРОВА Татьяна Борисовна

Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва), ethn.uvarova.tb@inbox.ru

**СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА И СИБИРИ**

Этническая идентичность коренных малочисленных народов Севера и Сибири со времени появления сведений о них в русскоязычных источниках характеризовалась такими особенностями, как принадлежность к родовым и племенным объединениям, территориальным группам. В советский период произошло оформление общеэтнической, или как было принято ее обозначать, национальной принадлежности этой категории населения России. Изменились и этнонимы, принятые в дореволюционный период, на новые, зачастую закрепленные и в системе административно-территориальных образований «титульных наций».

Активизация миграций и изменения традиционного хозяйственно-бытового уклада, обусловленные процессами модернизации страны, снижали значимость таких факторов, как территориальный или сохранение этнокультурной специфики (вплоть до свободного владения родным языком). Аналогичные процессы характерны не только для российского индигенного населения, но и для жителей глобальной циркумполярной зоны. В конце XX – начале XXI вв. ЮНЕСКО дважды объявляло Десятилетия аборигенного населения.

Новыми формами демонстрации своей этнической принадлежности стало участие в общественных движениях и организациях (Ассоциация КМНС России). Заметной сферой деятельности стала «охрана аборигенной культуры»: создание природных и историко-культурных заповедников, развитие профессиональной художественной деятельности различных видов – от декоративно-прикладных промыслов до танцевально-музыкальных ансамблей. Формой сохранения и развития этнической идентичности становится просветительно-образовательная деятельность, в т.ч. разработка специальных программ для общего школьного образования. Наконец, представители коренных народов включаются в научно-исследовательскую работу по изучению своей истории и культуры (феномен Института народов Севера).

ФАЙЗУЛЛИНА Галия Шаукетовна

Объединение музеев города Алматы (Алматы, Республика Казахстан), galiyf2@yandex.ru

СОВРЕМЕННАЯ ОДЕЖДА «АБЫСЫН» ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ КАЗАХСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА «БЕТАШАР» КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА СНОХИ В КАЗАХСКОЙ СЕМЬЕ

В современном Казахстане, по мнению экспертов, модернизация разворачивается в формате архаизации, с актуализацией традиций. Свидетельством этого является свадебный обряд *Беташар* (открывание лица невесты). В большинстве регионов Казахстана он проводится в начале основного торжества. В соответствии с традицией, невесту поддерживают две *абысын* (жены братьев жениха). Они одеты в современную праздничную одежду. Статус обозначается тем, что их головы повязаны платками или платки привязаны выше локтей. Данью традиции является безрукавка (камзол) с казахским орнаментом, которую одевают поверх праздничного платья. В южных районах Казахстана, где обряд *Беташар* и основное свадебное торжество разделены в пространстве и времени, *абысын* одеты в современные популярные трикотажные халаты с вставленным замком спереди, яркого, чаще всего красного цвета, на ногах – яркие тапочки, на головах – платки, т.е. одеты практически в «праздничную» домашнюю одежду. «Домашний наряд» в современном Казахстане, особенно в его сельских южных районах, превращается в статусный символ. Он актуализирует традиционные ценности – статуса снохи как главного «обслуживающего» персонажа в сложной системе семейных взаимоотношений казахов. «Халат, платок, тапочки» – это стереотипный образ замужней женщины, рожденный в эпоху модернизации. В популярном казахстанском фильме «Келинка Сабина» («Невестка Сабинка») 2014 г. он пусть в ироничной форме, но постулируется на

общенациональном уровне. Традиционные ценности транслируются в городскую среду, что демонстрирует процесс урбанизации казахского общества.

ФЕДОТОВА Наталья Дмитриевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), fndsimon@mail.ru

К ВОПРОСУ ДОСТУПНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Современный этап развития общества предъявляет особые требования к человеку. В этих условиях значение доступности образования все более повышается. Ведь роль образования не ограничивается экономической сферой, но распространяется и на культурную и социальную сферы. Характерными особенностями современной России являются глубокие изменения в социальной структуре общества, противоположные интересы различных социальных групп. Так, неравенство влечет за собой неодинаковые возможности для различных групп и в вопросе доступности образования. Для национальных республик данное неравенство имеет и другую составляющую, проявляющуюся в сохранении и развитии культурной самобытности.

ЦЕХАНСКАЯ Кира Владимировна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), Kirilla2011@gmail.com

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ: КОНФЛИКТ ИДЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ В ПОСТСОВЕТСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В докладе рассматриваются процессы вестернизированной модернизации традиционного этнокультурного и религиозного самосознания российского общества и, прежде всего, государствообразующего русского этноса. Модернизация, то есть «улучшение», «качественное изменение» консервативного этнопсихотипа народа происходит под воздействием идей постмодерна – этого главного полномочного «эmissара» глобализма. Технологии постмодерна сегодня заполняют все масс-медийное и вербально-знаковое пространство социокультурной жизни страны. Цель постмодернистских атак – изменение традиционного менталитета русских и других народов России и дальнейшее приведение их к ценностным стандартам глобализма, необходимым для дальнейшего нивелирования самобытности и самостоятельности российской цивилизации. В докладе анализируется столкновение идей постмодернизма и традиционализма в стратегических сферах русской духовности – традиционной культуре и церковной жизни.

ШАКИРОВ Искандер Аликович

Институт истории, языка и литературы Уфимского ИЦ РАН (Уфа), ihitk@ufanet.ru

ОТКРЫТОСТЬ ОБЩЕСТВ И УСТОЙЧИВОСТЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УСТОЕВ ГОСУДАРСТВ

Мобильность человека есть неперенное условие и следствие формирования открытого общества. Начало

XXI в. уже продемонстрировало усиление динамики миграционных процессов. Одними из важных факторов, обуславливающих воспроизводство любого этноса, наряду с его территориальной организацией, политическим статусом, спецификой межэтнических контактов, является характер миграционного поведения. Текущее управление миграционными процессами в России сводится к оперативному реагированию на проблемы, то есть, оно не направлено на достижение конкретной долгосрочной цели как составляющей среди задач оптимизации государственного управления в целом. Религиозная характеристика этнической общности также играет существенную роль в интеграции мигрантов.

Оборотной стороной политики мультикультурализма в целом ряде государств стали всплеск национализма и ксенофобии со стороны коренного населения. В нашей культуре слово «мигрант» приобрело негативное смысловое наполнение. Миграция как явление, обладающее гетерогенной природой, способна не только позитивно отразиться на социально-экономическом развитии государства, укрепить и умножить потенциал «человеческого ресурса» – основного богатства любой страны, но и, при отсутствии контроля, пошатнуть национальные устои общества, вызвать всплеск преступности и коррупции, нанести непоправимый вред суверенитету.

Секция 15
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ

Загребин Алексей Егорович – д.и.н., Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск)

E-mail.ru: zagreb72@izh.com

Жеребцов Игорь Любомирович – д.и.н., Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар)

E-mail.ru: isaid@bk.ru

КОРШУНКОВ Владимир Анатольевич

*Вятский государственный гуманитарный университет (Киров),
vla_kor@mail.ru*

**КРОВАВЫЙ НАВЕТ И УДМУРТЫ-
НОВОКРЕЩЕНЫ (по вятским архивным
материалам XIX века)**

В Государственном архиве Кировской области выявлено несколько судебно-следственных дел середины XIX века по обвинению удмуртов Малмыжского и Елабужского уездов в человеческих жертвоприношениях. Все происходило задолго до Мултанского процесса (1892–1896 гг.). Подозреваемыми и доносчиками были крещеные удмурты. Доносы поступали на односельчан. Дела инициировались то человеком с признаками помешательства, то больным горячкой, то арестантом. В отличие от Мултанского дела, не нашлось ни одного трупа со следами ритуального убийства. Следствие велось тщательно, все было оставлено без последствий. Заметно, что дела могли начинаться в случаях, когда у доносителя имелись давние обиды на соседей. Подозрения обострялись во время эпидемий. Ясно, что рассказы о человеческих жертвоприношениях были распространены, причем среди самих новокрещеных. Причины были разнообразны. На циркуляцию слухов влияли растущая смертность и конфликтность – вплоть до раскола на язычников и крещеных (сплоченность была очень важна для удмуртов). Характерна постоянная увязка темы человеческого жертвоприношения с идеей поедания плоти. Очевидно, новокрещеные, знакомые с языческой практикой принесения в жертву животных, приобщаясь к христианству, узнавали, что православные «едят» своего Бога.

ЛАЛЛУККА Сеппо

*Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия),
seppo.lallukka@elisinet.fi*

**ГАЗЕТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ УНО ХОЛЬМБЕРГА
О МАРИЙЦАХ И УДМУРТАХ**

В первой половине XX века Уно Хольмберг (позднее – Харва) относился к ведущим исследователям мировоззренческих представлений и духовной культуры древних финнов. Однако из числа его трудов наилучшим образом выдержали испытание временем те, которые посвящены другим финно-угорским народам.

В 1911 и 1913 гг. У. Хольмберг совершил две экспедиции в Закамье и на Вятку, на основе материалов которых он написал ставшие классическими труды по религиозоведению и этнографии марийцев и удмуртов. В центре вни-

мания ученого – обряды жертвоприношения, почитание умерших, свадебные обряды, земледелие и другие способы добывания средств к существованию. Эти сюжеты преобладали также и в опубликованных в финских газетах путевых письмах, направленных на популяризацию научных знаний. Данные письма были в 2014 г. опубликованы в Санкт-Петербурге в русском переводе под заглавием «Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг.».

САДИКОВ Ранус Рафикович

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), kissapi@mail.ru*

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛЕВЫЕ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ**

В XXI в. закамская этнографическая группа удмуртов остается в центре внимания этнографов-полеводов. В июне–июле 2008 года в с. Б. Качак Калтасинского района Башкортостана современное состояние культовых мест изучала магистрант Хельсинкского университета Кирси Мякеля. В августе 2008 г. работала этнографическая экспедиция Университета города Печ под руководством Золтана Надя. Аспирантка Печского университета Богларка Мачаи продолжила свои этнографические исследования в летние сезоны 2012–2014 гг. в Татышлинском районе Республики Башкортостан.

В 2006–2008 гг. ряд деревень закамских удмуртов посетили ученые, работавшие над проектом по изучению этнически смешанных селений (руководитель А.Д. Коростелев, Москва). В 2009 г. проведены экспедиционные исследования по проекту изучения этноконфессиональных меньшинств (руководитель Е.А. Ягафова, Самара).

В 2013–2014 гг. проводились съемки этнографических видеоматериалов по традиционным религиозным верованиям сотрудниками Тартуского университета Евой Тулуз и Лийво Нигласом в Татышлинском районе РБ. В июне 2013 г. были сняты видеоматериалы о молениях в дд. Новые Татышлы и Альга, а также в с. Кирга Пермского края; в декабре 2013 г. – дд. Кызыльяр и Альга; в июне 2014 г. – дд. Бальзюга и Уразгильды. Исследовательской группой предполагается монтаж фильма о религиозных обрядах местных удмуртов.

В первом десятилетии XXI в. Р.Р. Садиковым (Уфа) проведены этнографические исследования среди малоисследованных бавлинских (2004, 2006), красноуфимских (2002, 2006) и крещеных князь-елгинских (2002, 2007) удмуртов.

СПОДИНА Виктория Ивановна

*Институт прикладных исследований и разработок
(Ханты-Мансийск), ouipir@mail.ru*

**ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ
ЧЕЛОВЕКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
ОБСКИХ УГРОВ И САМОДИЙЦЕВ**

В докладе рассматривается понятие «тело» в хантыйском, мансийском и ненецком языках, характеризуются пропорции, размеры, форма и особенности частей тела, описываются типы телосложения и их оценочные значения, строение тела и его аномалии в традиционной культуре обских угров и самодийцев. Автор акцентирует внимание на особенностях мужского и женского телосложения и влиянии полового диморфизма на характер человека.

ЧЕРНИЕНКО Денис Аркадьевич

*Удмуртский институт истории, языка и литературы
УрО РАН (Ижевск),
denis_chernienko@mail.ru*

**ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
МАРИЙЦЕВ БАШКИРИИ В МАТЕРИАЛАХ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
А.С. БЕЖКОВИЧА 1929–1930 ГОДОВ**

Научное наследие этнографа и музееведа А.С. Бежковича (1890–1977) из-за сложной судьбы и репрессий известно лишь частично.

Важной вехой его научной биографии стало участие в комплексной экспедиции АН СССР в 1929–1930 гг. в ряде кантонов Башкирской АССР. По итогам экспедиции ученым позднее (в 1950–1960-е годы) был подготовлен цикл статей, посвященных этнографическим особенностям земледелия и животноводства у славянских, тюркских и финно-угорских народов Башкирии, в том числе, выращиванию и сбору урожая, пахотным орудиям, земледельческим культам и поверьям. Эти труды остались в рукописном виде и хранятся в архивных фондах Петербурга, Киева, Уфы. Подготовлена к печати была лишь одна обзорная статья в 1973 г.

Финно-угорский пласт экспедиционных исследований содержит разнообразные сведения о мари́йцах БАС-СР, которые дают представление о демографических процессах, характере расселения, особенностях ведения сельского хозяйства, формах межэтнического культурного сотрудничества и взаимовлияния. А.С. Бежкович описывает структуру домохозяйств мари́йцев, приводит статистические показатели их обеспеченности землей и скотом, классифицируя этнические формы земледелия и животноводства, выделяет сходную по ряду черт «чуваш-мари-русскую» группу. Особое внимание исследователя уделено системам полеводства и технике земледелия: способам и орудиям пахоты, жатвы, уборки, молотбы, складирования и хранения зерна, а также некоторым посевным обрядам. Материалы экспедиции могут быть использованы для сравнительного анализа динамики материальной культуры различных диаспорных групп мари́йцев Волго-Уральского региона.

ЧИБИСОВ Борис Игоревич

*Институт российской истории РАН (Москва),
borischibisov@yandex.ru*

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

К рубежу XX–XXI веков отечественная историография подошла с солидным научным «багажом», содержание которого все реже пересматривается. Среди множества исследовательских направлений сохраняются тенденции, ставшие классикой науки. Среди них – вопрос о «встрече руси и чуди», поставленный еще в начале XIX века.

Изменение фонда источников, вызванное бурным развитием археологии, позволило очертить общие контуры этнокультурных процессов на Северо-Западе и Севере Новгородской земли (Е.А. Рябинин, А.И. Сакса, С.И. Кочуркина и др.). Исследование материальной культуры упустило из вида социальный аспект межэтнических отношений. Этот пробел постепенно восполняют филологи, особенно специалисты в области ономастики (И.А. Кюршунова, А.Л. Шилов, О.Л. Карлова). Выявление прибалтийско-финского населения в Новгороде существенно помогает историкам воссоздавать этническую картину региона.

К серьезным проблемам современной историографии необходимо отнести следующее: полное отсутствие перечней, баз данных и статистических материалов по прибалтийско-финскому населению Новгородской земли; чрезвычайно широкий охват источников и, как следствие, уход из поля зрения обширного антропонимического материала. Эта тенденция приводит к тому, что появляются исторические работы со слабой методологией: высчитывается процент прибалтийско-финского населения в Новгородской земле к началу XVI века, при этом остаются неизвестны критерии отнесения имен к антропонимам с прибалтийско-финскими основами (А.Г. Новожилков).

ШАРАПОВ Валерий Энгельсович

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
(Сыктывкар), sharapov.valerij@gmail.com*

**«ФИННО-УГОРСКАЯ МЕТАГЕОГРАФИЯ»
АМЕРИКАНСКОГО ЦЕНТРА УРАЛО-
АЛТАИСТИКИ (1940–1950-е годы)**

Наименее известные, ранее не востребованные (по идеологическим, языковым и др. причинам) в советском/российском научном дискурсе тексты имеют особую онтологическую ценность в понимании характера взаимосвязей между «субъектами» и «объектами» современных финно-угорских исследований. В этом плане, несомненный интерес представляет история подготовки цикла публикаций по фольклору и этнографии финно-угорских народов СССР, изданных в середине 50-х годов XX в. американским центром урало-алтайских исследований (Center of Uralic and Altaic Studies, Indiana University Bloomington), который был создан в 1942–1943 гг. под руководством молодого венгерского лингвиста Т.А. Се-

беока, в то время специалиста по марийскому языку и фольклору. В частности, речь идет о цикле этнополитических справочников, изданных в 1955 г. в сериях «Area and Ethnic Analyses» и «Graduate Program in Uralic and Asian Studies»: «The Karelians»; «The Cheremis»; «The Votes»; «The Zyryans (Komi)»; «The Vepsians»; «The Mari Region, USSR». Эти издания были подготовлены при участии и

под редакцией Т.А. Себеока финно-угроведами из Финляндии, Норвегии и Швеции, а также лингвистами, эмигрировавшими в разное время в США из Венгрии и Эстонии. Впоследствии, Т.А. Себеок – крупный специалист в области семиотики, описывал этот период своей научной карьеры, как «my Finno-Ugric years at Indiana University» (1969, 1992, 1997).

Симпозиум 3 Этноконфессиональные процессы и межрелигиозные отношения

Секция 16 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ И ОБЩИН В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ

Амоголонова Дарима Дашиевна – д.и.н., доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ)

E-mail: amog@inbox.ru

Главацкая Елена Михайловна – д.и.н., профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

E-mail: Elena.glavatskaya@urfu.ru

АЛЕКСАНДРОВА Надежда Николаевна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань),
kazan-religioved@yandex.ru*

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛУЖЕНИЯ» ЦЕРКВЕЙ ПЯТИДЕСЯТНИКОВ-ХАРИЗМАТОВ В ТАТАРСТАНЕ

Характерной чертой деятельности протестантских деноминаций в Татарстане является организация так называемых «национальных служений». Пятидесятники-харизматы активно используют татарские народные традиции в миссионерской деятельности. Миссионеры выезжают с проповедями по татарским деревням, организуют группы по изучению Инжила.

Служения проводятся на татарском языке, для чего во многих деревнях были созданы группы для перевода гимнов и религиозной литературы. Во время служений исполняются также татарские народные мелодии, сохраняются элементы традиционного костюма, практика молений сидя.

Наиболее активно в этот процесс вовлечены две церкви – церковь «Краеугольный камень» и «Свободная библейская церковь». Однако «национальные» общины в Татарстане немногочисленны, они часто держатся на инициативе пасторов или руководителей групп.

АЛЕКСЕЕВ Антон Кириллович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), ant.alexeev@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ (на примере ирано-иракского пограничья)

Доклад подготовлен на основании материалов, собранных в ходе нескольких полевых сезонов в районах Иракского Курдистана в рамках работы над проектом «Меньшинство и большинство» ЦААИ НИУ ВШЭ.

Курдский автономный район (КАР) отличает весьма пестрая этноконфессиональная картина. В этом контексте Курдистан является уникальной площадкой для исследований взаимодействия этноконфессиональных меньшинств как между собой, так и с религиозным большинством,

принадлежащим к религиозно-правовой школе (*мазхаб*) суннитов-шафиитов. Несмотря на сложную военно-политическую и социально-экономическую ситуацию, КАР представляет собой пример мирного сосуществования представителей различных этноконфессиональных групп: мусульман (*ишиитов* и *суннитов*), представителей синкретических течений (*алевитов, какаи, езидов*), христиан (*армян, халкедонитов-католиков*) и иудеев.

Подобная веротерпимость курдов сложилась под воздействием их религиозного синкретизма, в котором *ислам* играет обрамляющую роль, перерабатывая различные более ранние пласты верований и представлений.

АМОГОЛОНОВА Дарима Дашиевна

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), amog@inbox.ru

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ БУДДИЗМА И ПРАВОСЛАВИЯ В БУРЯТИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ*

Несмотря на официальное признание буддизма в качестве религии, исповедуемой частью подданных Российской империи, все же подразумевалось, что буддисты («инославные», «иноверные») потенциально представляют некоторую угрозу для государства, поскольку могут находиться под влиянием политики иностранных государств. Хотя и не допускалось гонений на буддистов, но деятельность и число дацанов и священнослужителей-лам были строго регламентированы соответствующими законами (к примеру, Положением о ламайском духовенстве в Восточной Сибири 1853 г.). Православные деятели, а также многие государственные чины, полагали, что легитимно дозволенные границы распространения буддизма дают буддийской церкви чрезвычайно большие возможности для распространения ее вероучения, тогда как православие находится в значительно худшей ситуации, не позволяющей эффективно обращаться бурят в христианство. Критика Положения усилилась в свя-

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».

зи с бурятским возрождением конца XIX – начала XX вв., когда национальные лидеры усилили пропаганду буддизма среди западных бурят-шаманистов.

Современная религиозная ситуация в Бурятии существенно отличается от имперского периода, поскольку гуманитарно-географический образ духовного пространства определяется, главным образом, буддизмом. Однако создание в 2009 г. Улан-Удэнской и Бурятской епархии способствует укреплению региональной православной идеологии, создателем и проводником которой является архиепископ Савватий.

БАБЕНКОВА Наталья Алексеевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), babenkova_natasha@mail.ru

ЦЕРКВИ ХРИСТИАН ВЕРЫ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ В СВЕРДЛОВСКОЙ И КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТЯХ: ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ С ГОСУДАРСТВОМ*

Церкви Христиан Веры Евангельской (пятидесятники) появились на Урале еще в середине 1920-х годов, однако репрессивная политика властей привела к тому, что пятидесятники перешли на нелегальное положение. Изменение ситуации в стране в конце 1980-х годов обусловило смену политики и в отношении религий. Существовавшие тайно группы начали регистрировать, появились новые течения, что привело к необходимости изменений в области государственно-конфессиональных отношений.

Задачей данного исследования является сравнительный анализ эволюции положения церквей ХВЕ на территории Свердловской и Курганской областей в конце XX – начале XXI вв. При работе над темой были использованы: материалы СМИ, официальные сайты правительств областей, церквей ХВЕ, результаты полевых исследований 2012–2014 гг.

В результате сделан вывод о том, что государственно-конфессиональные отношения на территории Свердловской и Курганской областей различны и во многом зависят от того, кто оказывается у власти. В отличие от дискриминации положения ХВЕ и других протестантских церквей на территории Свердловской области, связанной с лишением возможности вести диалог с другими конфессиями в рамках Межрелигиозного совета и встреч с губернатором, в Курганской области с 1990-х годов выстроилась линия сотрудничества в отношениях между РПЦ, евангельскими церквями и государством.

БАДМАЦЫРЕНОВ Тимур Баторович

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ), batorovitch@mail.ru

БУДДИЗМ В РОССИИ И МОНГОЛИИ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИОРЕЛИГИОЗНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Целью данной работы является исследование современных социорелигиозных процессов трансформации роли буддизма в постсоветских России и Монголии. Историческая, социокультурная, этническая и конфессиональная

близость ряда российских регионов (Бурятия, Калмыкия, Тыва) и Монголии, идеологическое единство и предельное сходство политической системы в советский период позволяют проводить кросс-национальные сравнения. В постсоветский период можно констатировать существенный рост числа верующих и религиозных организаций, активное проникновение буддийских идей и ценностей в массовую культуру и публичное информационное пространство.

«Возрождение» буддизма в России и Монголии основано преимущественно на социокультурных образцах Гелуг – направления тибетского буддизма в тех формах, которые закрепились к началу XX в., включая церковно-монастырскую организацию, систему образования, культовую и приходскую системы. Вместе с тем, как в России, так и в Монголии буддийские организации демонстрируют высокий адаптивный потенциал, реализуя современные образовательные программы, активно участвуя в общественно-политическом процессе, формируя новые организационные структуры, вовлекая новых верующих. Изучение взаимодействия общества и сангхи в этих странах имеет ряд важных аспектов, среди которых следует отметить сравнительный анализ политической роли буддийских организаций и групп, особенности воспроизводства буддийских идей в информационном пространстве, адаптацию культовой системы к изменившимся общественным потребностям.

БАЙДАРОВ Еркин Уланович

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки МОН Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), erkin_u.68@mail.ru

ИСЛАМ В ЖИЗНИ УЗБЕКСКОЙ ДИАСПОРЫ КАЗАХСТАНА

Исторически сложилось, что традиционно большая степень исламизации среди мусульманских народов Казахстана присуща узбекской общине, компактно населяющей юг страны. Религиозное сознание узбеков в большей степени исламизировано, этническая и религиозная идентификация узбекского населения республики практически совпадают с исламом, исламскими традициями и обычаями. Это обуславливает большую степень религиозности и значимость ислама в жизни узбекской диаспоры республики. Узбеки, как и большинство мусульманских этносов Казахстана и Центральной Азии, традиционно исповедуют ислам суннитского толка ханафитского мазхаба, кредо которого – акиды (вероубеждение) аль-Матуриди (870–944/945). Ислам регламентирует все стороны жизни диаспоры: мировоззрение, быт, семейные нормы узбеков, оказывая большое влияние на весь уклад их жизни, на всю их культуру, впитав в себя многие элементы древних верований, приобретших за тысячелетие своеобразные формы и черты. Весьма устойчивой является обрядовая сторона религии. Узбеки Казахстана, как и другие мусульманские этносы РК, отмечают такие праздники, как Курбан-хайт и Рамазан-хайт. Верующие люди, в большинстве пожилые, соблюдают пост – уразу. Ими же (в частности, узбеками ЮКО) совершаются паломничества к могилам святых (аулие), например, мавзолеям Ибрагима-ата, Карашаш-ана (родители Ходжа Ахмета Яссави), Ак-ата (наставник Яссави) и др. Собираются обряды обрезания, религиозного бракосочетания, традиционные формы погребальных и поминальных обрядов

* Доклад подготовлен при поддержке Конкурса молодых ученых УрФУ-2014 (№ 1.2.2.2-14/5).

и т.д. Согласно данным социологических опросов, религиозность узбеков остается сравнительно высокой не только в Казахстане, но и в регионе в целом.

ГЛАВАЦКАЯ Елена Михайловна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), elena.glavatskaya@urfu.ru

**РЕЛИГИОЗНЫЕ СООБЩЕСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО
ГОРОДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
МАТЕРИАЛЫ К ЭЛЕКТРОННОМУ АТЛАСУ
ЕКАТЕРИНБУРГА***

Религиозные сообщества являются одной из универсальных форм объединений людей. Исследование этнорелигиозных отношений и факторов, влияющих на их состояние, динамику, демографические процессы и т.д. становится особенно актуальным в условиях социально-экономических и политических трансформаций общества, возрастающего расслоения населения, усиления миграционных потоков и роста роли религиозных и этнических идентичностей.

Екатеринбург, созданный в контактной зоне представителей различных языковых групп и религиозных традиций, включил различные этнические и религиозные сообщества с самого начала своей истории. В условиях изменения государственной политики в конце XIX – начале XX вв., урбанизации, вступления России в Первую мировую войну произошёл рост численности вынужденных и добровольных мигрантов, адаптационные стратегии которых были связаны с актуализацией религиозных идентичностей. Эти процессы проявились в усложнении религиозного ландшафта Екатеринбурга, росте численности старых религиозных сообществ, появлении и институционализации новых. При этом религиозные институты взяли на себя решение социальных задач, с которыми государство не могло справиться.

Таким образом, религиозные институты способствовали сохранению этнической идентичности части населения и играли важную роль в организации социальной защиты наименее защищённых групп населения. Это обстоятельство позволяет выдвинуть гипотезу о неизбежном росте роли религии и религиозности населения в целом в кризисных условиях.

В докладе будут представлены проблемы изучения численности религиозных сообществ и опыт картографирования религиозных институтов на примере Екатеринбурга в конце XIX – начале XX вв.

ГОРБАЧЕВ Олег Витальевич

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), og_06@mail.ru

**РЕЛИГИОЗНОСТЬ КОММУНИСТОВ УРАЛА НА
МАТЕРИАЛАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ
ПЕРЕПИСИ 1922 ГОДА****

Процессы трансформации религиозности получили отражение в материалах Всероссийской партийной пе-

реписи 1922 г., охватившей всех членов партии страны. В первичный бланк переписи было включено несколько вопросов о религиозных верованиях членов партии, на основе которых проанализировано отношение к вере различных социальных групп коммунистов. Более 90% респондентов на вопросы анкеты, касающиеся религии, отвечали отрицательно, при этом указывая, что веру в Бога они утратили 2–3 года назад. Подобные ответы не вызывают доверия, но на их основе можно диагностировать начавшийся процесс трансформации отношения к религии. Членство в партии предполагало отказ от религии и религиозных практик как несовместимых с положением коммуниста.

Кроме основной категории «неверующих», в материалах переписи 1922 г., выделяются три группы «верующих» членов партии: (1) верующие в Бога (независимо от конфессии); (2) верующие в коммунизм; (3) атеисты. К первой группе относятся члены партии (крестьяне, а также интеллигенция со средним и высшим образованием), сознательно защищавшие свои взгляды. Во вторую и третью группы включены носители «новой» религиозности (коммунистической и рациональной), среди которых преобладала молодежь.

Таким образом, материалы переписи очевидно свидетельствуют о начале трансформации религиозного сознания.

ИНОЯТОВА Диларам Манглиевна

*Национальный университет Узбекистана им. Мирза Улугбека (Ташкент, Республика Узбекистан),
indima59@mail.ru*

**УЗБЕКИСТАН – СТРАНА
МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ
ТОЛЕРАНТНОСТИ**

К 1 января 2015 г. население Республики Узбекистан составило 31,5 млн человек. На территории проживают более 130 наций и народностей. Определяющую роль в обеспечении межнационального согласия и стабильности в обществе играет религиозная толерантность. Основная часть населения исповедует ислам, в то же время созданы условия для свободы вероисповедания других религий. Соблюдение данного принципа подтверждается на практике: созданы и функционируют 2222 религиозные организации, в том числе 2029 мечетей и более 180 церквей, синагог, принадлежащих к 16 религиозным конфессиям. Свою деятельность осуществляют 164 христианские организации, 8 еврейских общин, 6 общин бахаи, общество кришнаитов и буддийский храм. За годы независимости были построены новые и отреставрированы сотни церквей, синагог и молельных домов. В Узбекистане сформировалась полноценная система религиозного образования, которая включает в себя Международный научный центр по изучению и исследованию ислама, Ташкентский исламский институт, 10 медресе, православную и протестантскую семинарии. На узбекский язык переведены и изданы Коран, Новый Завет и 16 книг Ветхого Завета. Международная организация ЮНЕСКО в 2007 г. признала Ташкент столицей исламской культуры.

* Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 15-06-08541 «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX – начале XXI вв.)» (рук. Е.М. Главацкая).

** Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 15-06-05611 «Типология раннесоветской семьи по материалам Партийных переписей 1920-х гг.».

КЛЮЕВА Вера Павловна

*Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень),
vormpk@gmail.com*

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОТЕСТАНТСКИХ ЦЕРКВЕЙ: СЛУЧАЙ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Тема миссионерства стоит на повестке дня многих христианских церквей и объединений России. При этом наиболее активно миссионерскую деятельность в стране ведут протестантские общины, принадлежащие к различным течениям и движениям. В Тюменской области миссионерской работой (евангелизацией) занимаются евангельские христиане-баптисты и пятидесятники (христиане веры евангельской), это может быть как личной инициативой верующего, так и систематической работой религиозной общины.

Одно из направлений миссионерской деятельности – работа среди представителей коренных народов Севера, которая заключается в регулярной духовной и материальной поддержке верующих. В регионе имеется прецедент возникновения «национальной» церкви, в которой большинство составляют ханты (община в пос. Русскинская).

Зачастую миссионерская активность протестантов вызывает негативное отношение со стороны светского общества и властей. Это связано с восприятием протестантизма как «чуждой» религии и опасением, что изменение конфессиональной идентичности может привести к утрате этнической самобытности. В свою очередь, у протестантов меняется отношение к коренному населению: от опеки до восприятия полноправными членами религиозной общины. Для самих верующих принятие протестантизма предполагает новые возможности, которые реализуются при поддержке религиозной общины.

КЛЮКИНА-БОРОВИК Юлия Викторовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), borulia@yandex.ru

СООБЩЕСТВО СТАРООБРЯДЦЕВ- ЧАСОВЕННЫХ ЕКАТЕРИНБУРГА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕРКОВНОГО УЧЕТА*

Сообщество старообрядцев-часовенных Екатеринбургa сформировалось в контексте развития горно-заводского производства и до середины XIX в. было связано преимущественно с промышленными и торговыми предприятиями. В послереформенный период миграции крестьян в города оказали влияние на социальный облик традиционных для каждого региона религиозных сообществ.

В Екатеринбурге, являвшемся одним из центров старообрядцев-часовенных, община этого согласия также претерпела заметные изменения в начале XX вв.: на первое место по численности вышли переселившиеся в город крестьяне.

В докладе рассматривается воздействие фактора внутренней миграции на рождаемость и детскую смертность

* Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 15-06-08541 «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX – начале XXI вв.)» (рук. Е.М. Главацкая).

городского населения данной религиозной группы в зависимости от социальной и сословной принадлежности, рода занятий родителей, их брачного статуса, семейных связей и положения в городском старообрядческом сообществе.

КОЛЬДИНА Анастасия Сергеевна

*Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
(Чебоксары), koldina.nastia@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ УКРЕПЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШИИ

В постсоветский период началось возрождение религиозной жизни в стране. Этноконфессиональная ситуация современной Чувашии во многом обусловлена историческим наследием. Русская православная церковь вернула субъективный статус доминанты в духовной жизни полиэтнического общества. Большинство населения Чувашской Республики относит себя к православным христианам, хотя в регионе функционируют и другие религиозные системы (ислам, протестантизм, язычество). Растущая социальную роль РПЦ получила программное выражение в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятой на Архиерейском соборе в 2000 г. На динамику этнорелигиозных процессов сегодня влияют как глобализационные тенденции, так и локальные изменения воспроизводства социальной системы. Наше исследование показало, что главными факторами укрепления православия в Чувашии явились: (а) изменение отношения общества и государства к религии и церкви; (б) пробуждение национальных движений, в которых религия выступала одной из мобилизующих сил; (в) активная поддержка населения в восстановлении и строительстве церквей и монастырей; (г) количественное и качественное изменение состава православного духовенства; (д) возросшая роль средств массовой информации (включая современные информационные технологии) во взаимоотношениях церкви и общества; (е) структурные изменения в управлении церковью: учреждение Чувашской митрополии, включающей три епархии (Чебоксарскую, Канашскую, Алатырскую); (ж) высокий авторитет митрополита Чебоксарского и Чувашского Варнавы среди духовенства и мирян.

Таким образом, православие в Чувашской Республике в постсоветский период имело положительную динамику. В то же время материалы исследования показывают отсутствие единого мнения населения о месте и роли церкви в современном обществе.

КРУМПЛЕВСКАЯ Анна Анатольевна

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь), gannachka90@mail.ru*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (на основе материалов государственного архива Витебской области)

Витебская область (северная часть Беларуси) была образована в 1938 г. Особенность данного региона обусло-

вили предшествующие события 1920-х годов: разделение территории Беларуси на Западную и Восточную, вхождение указанной территории в разные государственные образования. В 1930-е годы в Восточной Беларуси значительно сократилось количество религиозных организаций. Так, был закрыт 1371 храм, действующих осталось 74, в том числе в Витебске 16 из 17 храмов были закрыты. В то же время в Западной Беларуси сохранился традиционный для пред- и послевоенного периода более высокий уровень религиозности и, соответственно, сохранилось гораздо большее количество общин и храмов (416), чем в восточных областях. В годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.) на оккупированной территории БССР немецкими властями была предпринята попытка активизировать религиозную жизнь в расчете на завоевание симпатий верующего населения. После освобождения территории БССР от нацистских захватчиков начался период сравнительно мирного сосуществования христианских конфессий и коммунистического государства, который продлился до середины 1950-х годов. С этого времени руководством был предпринят ряд административных и идеологических мер, направленных против Католической и Православной Церкви, что можно проследить на примере сокращения числа религиозных организаций Витебской области. Так, на 1966 г. зафиксировано 48 религиозных организаций, принадлежащих Русской Православной Церкви (РПЦ), 13 – Католической, 24 – Протестантской; на 1973 г. зарегистрировано 43 – принадлежащих РПЦ, 11 – Католической, 5 – Протестантской церкви.

ЛЫГДЕНОВА Виктория Васильевна

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
asterisk1980@mail.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО СИНКРЕТИЗМА У СОВРЕМЕННЫХ БАРГУЗИНСКИХ БУРЯТ: ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС*

Исторический опыт взаимодействия религий в Республике Бурятия является недостаточно изученной научной проблемой. Буряты, проживающие в Баргузинской долине, представляют особый интерес для исследования в связи с тем, что среди них, в отличие от населения южных районов Республики, шаманизм являлся доминирующей религией до середины XIX в. Сложность современной религиозной картины связана с тем, что различные верования, являясь противоречивыми по своей ценностной ориентации, так или иначе сосуществуют в традиционном мировоззрении баргузинских бурят. В результате взаимодействия буддизма с автохтонными обрядами баргузинских бурят к концу XX – началу XXI вв. сложилась очень сложная система религиозного синкретизма. В результате полевых исследований выявлено, что основной особенностью религиозного синкретизма у современных баргузинских бурят является больший интерес к культовой стороне верований, нежели к содержательной.

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РНФ, проект № 14-50-00036.

МАЗУР Людмила Николаевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), Lmaz@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Во второй половине XX в. атеизм официально стал господствующей общественной идеей в СССР, что на практике не только не исключало религиозность, а напротив, способствовало формированию нового типа религиозного сознания. Особенностью советского типа религиозности стало смешение атеистических и коммунистических идей, опиравшихся на механизм веры; народной религиозности и элементов уфологии, эзотерики и восточных учений; религий малочисленных народов Севера и Сибири, которые сохраняли свое влияние даже в среде «неверующих».

Соотношение этих основных компонентов в структуре религиозного сознания определяло спектр вариаций, которые складывались в различных социальных группах населения в зависимости от социально-культурных, этнических, исторических факторов.

Трансформация сознания советского человека соответствовала модели «мнимого» атеизма, в соответствии с которой под влиянием внешних обстоятельств человек сначала публично осуждал свои религиозные взгляды и отказывался от них, а затем ограничивал и контролировал свое религиозное поведение, тем самым создавая для себя запретные зоны. Параллельно шло переключение сознания на новые идеи и символы веры, связанные с представлениями о социализме и коммунизме. В результате атеистические взгляды большинства населения приобретали форму иррационального, т.е. опирались не на знание и разум, а на веру. Тип «советской религиозности» окончательно утвердился в 1970–1980-е годы и сохраняет свое влияние в современных условиях.

МАКАРОВ Леонид Дмитриевич

*Удмуртский государственный университет (Ижевск),
arch@uni.udm.ru*

ПРАВОСЛАВИЕ В ВЕРХОКАМСКО-ЧЕПЕЦКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На территории Верхокамско-чепецкого междуречья в период до 1920 г. располагалась часть Глазовского уезда Вятской губернии, в том числе Понинская, Карсовайская, Гординская (Юсовская), Люкская волости. По свидетельству священника Карсовайского прихода Н.Н. Блинова, служившего здесь в начале 1860-х годов, коми-пермяцкое население этой территории почти совершенно обрусело.

Христианизация коми-пермяцкого населения началась еще в XV в. Раскол церкви вызвал бегство в глухие места старообрядцев поморского согласия, осевших в скитах Верхокамья в конце XVII – начале XVIII в. Последующее расселение русских и обрусевших пермяков в междуречье в конце XVIII – первой половине XIX в. вызвало появление здесь и «расколоучителей», умело вербовавших сторонников из

** Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 15-06-05611 «Типология раннесоветской семьи по материалам Партийных переписей 1920-х годов».

числа «никониан». По сведениям Н.Н. Блинова (1863 г.), только в Карсовском приходе на 2468 «никониан» приходилось 413 старообрядцев (все из обрусевших пермяков). В 1912 г. уже около трети жителей междуречья составляли старообрядцы (точное число не установлено), а число «никониан» достигало 18799 человек. До сих пор элементы коми-пермяцкого язычества и старообрядчества присутствуют в погребальной обрядности и в быту населения региона.

**МАРТЫНЕНКО Александр Валентинович,
НАДЬКИН Тимофей Дмитриевич**

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева (Саранск), arkanaddin@mail.ru,
ntd2006@yandex.ru*

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В СЕРЕДИНЕ 2010-Х ГОДОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В 1990 – начале 2000-х годов в Республике Мордовия сформировалась мусульманская община (умма), этническим и организационным ядром которой являются татары. Мусульмане республики развернули активную религиозно-просветительскую и социально ориентированную деятельность.

В то же время жизнь уммы постсоветской Мордовии не лишена проблем, во многом характерных для всего российского ислама. Во-первых, это соперничество трех духовных управлений мусульман (муфтиятов) республики, которые ориентируются на различные централизованные структуры мусульман России. Во-вторых, это проникновение в Республику Мордовия салафитских проповедников. Кроме того, в 2014 г. возникла конфликтная ситуация между республиканскими властями и частью местного мусульманского сообщества в связи с официальным запретом на ношение в школах Мордовии хиджабов. Несмотря на указанные негативные явления и процессы, умма Республики Мордовия обладает сильным потенциалом для дальнейшего развития.

УСТИНКИН Сергей Васильевич

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород),
sv.ustinkin@gmail.com*

ДУХОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА – ПАРТНЕРЫ ВЛАСТИ В ПРИНЯТИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Мусульманское общество Центрального федерального округа насчитывает 725 тыс. чел., уступая по численности уммам Приволжского, Южного и Уральского округов. Мусульманские организации ЦФО входят в три центральные структуры – ДУМЕР, Региональное ДУМ Москвы и Московской области в составе ЦДУМ и ДУМ Сибири в составе ЦДУМ.

По своему этническому составу умма ЦФО является конвергентной и объединяет большие группы народов, относящейся как к Поволжской, так и к Кавказской умме. Заметную ее часть также составляют народы Средней Азии, турки, арабы и пуштуны.

Ведущим муфтиятом Москвы и окружающих территорий считается Духовное управление мусульман Европейской части России (ДУМЕР), внутренняя организация которого позволяет относительно эффективно управлять общинами, взаимодействовать с федеральной и городской властью, зарубежными организациями и другими религиозными традициями. При ДУМЕР действует целый ряд вспомогательных организаций, которые занимаются книгоизданием, благотворительными программами, трудоустройством мусульман и соответствующей положением шариата финансовой деятельностью.

Высшим исполнительным органом мусульманского духовенства с 1996 г. юридически стал Совет муфтиев России, который координирует деятельность большинства духовных управлений Российской Федерации.

В настоящее время Москва стала административным центром мусульманской жизни страны. Помимо центрального аппарата Совета муфтиев России, в столицу переместились руководящие органы КЦМСК и ЦДУМ. Здесь же находятся головные офисы ДУМ АЧР и ДУМ «Ассоциация мечетей России», а также всех общероссийских мусульманских благотворительных и правозащитных организаций.

ХАЙНИЦКАЯ Элеонора Андреевна

*Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
(Биробиджан), lera_hainickaya@mail.ru*

ПЕРВЫЙ ЖЕНСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ МОНАСТЫРЬ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

В мае 1934 г. была образована Еврейская автономная область. С момента образования область является полиэтническим регионом, так как на ее территории проживают русские, украинцы, евреи, азербайджанцы, таджики, корейцы, китайцы и другие народы. Самую многочисленную конфессию представляют православные христиане. В октябре 2002 г. на основании постановления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви, была создана Биробиджанская епархия. В августе 2007 г. по представлению епископа Биробиджанского и Кульдурского Иосифа в Священный Синод, в селе Раздольное Биробиджанского района ЕАО был открыт первый монастырь – женская обитель во имя Святителя Иннокентия Московского. Монастырь ведет активную работу с населением, СМИ, занимается благотворительностью. Проблемой обители является ослабленная православная культура, так как при советской власти на территории области не было ни одного православного храма. Целью создания женского монастыря является возрождение православной культуры и формирование истинной монашеской традиции.

ЯКУБОВА Татьяна Анатольевна

*Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского (Киев,
Украина), tanya.yakubova@mail.ru*

САКРАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА КРЕПОСТИ ОЧАКОВ (XVI–XVIII века)

На территории крепости Очаков и ее окружи находились сакральные объекты, посещавшиеся не только турецким

населением Османской империи, но и украинскими казаками, которые приезжали в качестве торговцев или с целью военной разведки. Кроме того, часть украинских казаков в плену принимала ислам, что предполагало обязательное посещение мечетей в приграничных турецких крепостях.

В крепости Очаков имелась султанская мечеть с деревянным минаретом и зданием шариатского суда. Мечети существовали и в других небольших крепостях Очакова и содержались за счет лавок, постоянных дворов, бань и мельниц.

Армяне, проживавшие на территории Османской империи, в отличие от общин, оказавшихся в зоне влияния

католической Польши, смогли сохранить древний уклад и практику ведения службы на армянском языке. Армянские православные храмы в XVIII в. находились на территории Кинбурнской косы и в Килие.

Сосуществование исламских и христианских сакральных пространств на территории крепости Очаков и ее окружи позволяло находить пути диалога представителям ислама и христианства, несмотря на периоды военных противостояний. Исторические факты говорят о формировании традиций религиозной толерантности на турецко-татарском пограничье в XVI–XVIII вв.

Секция 17
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ГРАНИЦ

Данилко Елена Сергеевна – д.и.н. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail.ru: Danja9@yandex.ru

Пригарин Александр Анатольевич – к.и.н., доцент, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова (Одесса)

E-mail.ru: prigarin_alexand@mail.ru

АГЕЕВА Елена Александровна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), etenetta@yandex.ru

ДАНИЛКО Елена Сергеевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), Danja9@yandex.ru

**«УРАЛЬЦЫ» КАРАКАЛПАКИИ:
КАК СОЗДАЮТСЯ ГРАНИЦЫ***

В основе настоящего доклада – полевые материалы 2014 г., собранные среди русских старообрядцев (казаков-уральцев) в Каракалпакии (Узбекистан). В последний раз подобные исследования в этих местах проводились в середине прошлого столетия известным этнографом Е.Э. Бломквист. Наши маршруты практически совпадали. Однако с тех пор ситуация во многом кардинально изменилась. Изменился общественно-политический контекст, и «уральцы» оказались на территории другого государства. Изменилась экологическая среда, что повлекло тяжелейшие последствия для всей системы жизнеобеспечения группы. В этой связи, наиболее важными направлениями нашего исследования были: (1) сопоставление архивных данных о расселении, количественном и субконфессиональном составе «уральцев» и получение общего представления о состоянии культурной традиции; (2) определение направлений социокультурной адаптации в экологически неблагоприятном регионе; (3) выявление особенностей межэтнических взаимодействий с местным населением. В докладе будут представлены основные результаты наших исследований с акцентом на механизмах создания и поддержания групповой границы.

АРГУДЯЕВА Юлия Викторовна

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток), argudiaeva@mail.ru

**СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-
АМЕРИКАНСКИЕ КОНТАКТЫ
РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ**

После раскола в русской православной церкви в XVII в. значительная часть русских старообрядцев вынуждена была эмигрировать в сопредельные страны. Эти миграции продолжались на протяжении всей истории староверия. В частно-

сти, в 1930-е годы старообрядцы Алтая и Дальнего Востока бежали в Китай (Маньчжурия, Синьцзян). Некоторые из них (преимущественно старообрядцы-беспоповцы) в 1960-е годы переселились из Китая в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе в Южную и Северную Америку. Здесь их стали называть синьцзянцы и харбинцы. Эти общности сохранили, благодаря своему вероисповеданию, русский язык и во многом – культуру. В силу этого, в последние десятилетия наладились различные контакты между русскими старообрядцами Америки и России (Алтай, Дальний Восток, Сибирь). По форме это письменный и телефонный бытовой обмен; взаимные гостевые родственные поездки (прежде всего, представителями старших поколений); взаимодействие в вопросах решения старообрядческих соборов; брачные связи; отправка старообрядцев Америки в российские старообрядческие монастыри на притоки Енисея и посещение их родственниками; обмен информацией между русскими старообрядцами, прибывшими в Приморье по программе переселения соотечественников с их взрослыми семейными детьми и другими родственниками, оставшимися в Южной Америке; посылки одежды в старообрядческие поселки Дальнего Востока из США и др. Система подобных контактов позволяет транслировать и сохранять традиционную русскую культуру в зарубежье. Ее анализ выявляет факторы формирования в современном мировом сообществе полиэтнических культур, которые, возможно, выступают прообразом будущего человечества.

ВИНОГРАДОВА Ольга Владимировна

Чжэцзянский университет (Ханчжоу, Китай),
Российский новый университет (Москва), grapes8@mail.ru

**МИЛОСТЫНЯ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ
СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ
(по полевым материалам Украины,
Румынии, Молдовы)**

Обычай подаяния нищим во имя духовного очищения и спасения культивируется всеми наиболее известными в настоящее время религиями (иудаизмом, исламом, буддизмом, даосизмом и др.). Подаяние может быть персональным и безадресным, анонимным (что до середины XX в. было очень распространено в русских старообрядческих селах), повседневным и праздничным, установленного образца и согласно желанию подающего и т.п. Интерес представляют как анонимные подаяния в рамках взаимодействия с монастырями и сельскими богадельнями, так и современное со-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00033 «Культурные особенности этнолокальных групп русских в исторической ретроспективе и на современном этапе» (рук. С.А. Иникова).

стояние традиций милостыни, отношения к деньгам, отношения к «путникам» в рамках религиозных представлений, установлений и др.

ВОЗЧИКОВ Дмитрий Викторович

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), catullus89@mail.ru

**«ЧЕРНЫЕ ХРИСТИАНЕ»: ХРИСТИАНСКАЯ
НУБИЯ В ВЕНЕЦИАНСКОМ ИСТОРИКО-
ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ТРАКТАТЕ XIV ВЕКА**

В докладе рассматривается образ «черных христиан» в трактате венецианского дипломата и сановника Марино Санудо Торчелло «Книга тайн верных креста» (1307–1321). В задачи исследования также входит выявление влияния текущих внешнеполитических задач Венеции на конструирование панорамы христианской Африки. Трактат Санудо содержал проект всехристианского крестового похода против Египта под руководством Венецианской республики и при поддержке «черных христиан Нубии и других стран». «Полномочным представителем» африканских христиан в труде Санудо предстала Нубия – очевидно, государство Мукурра, оставшееся в начале XIV в. христианским, – а не Эфиопия, как в более поздних европейских источниках. В тексте Санудо «черные христиане» изображены заклетыми врагами мусульман. Автор писал о «гонениях и бичах», которые получили христиане Нубии, попав в сферу влияния мамлюкского султаната. Однако картина религиозной жизни нубийцев-монофизитов конструировалась Санудо через церковный дискурс ересей. Статус нубийцев как Других (с конфессиональной и географической точки зрения) подчеркивался указанием на их черный цвет. Еще один смысл этого цветового кода инаковости, причем положительный для автора проекта, – обособленность нубийцев от сарацин. В целом, цвет, приписанный христианской Нубии, отражает амбивалентность ее восприятия венецианским интеллектуалом. Однако, несмотря на неоднозначность образа «черных христиан», они в источнике Санудо представлены, в первую очередь, частью христианского мира.

ГРИЦЕНКО Галина Дмитриевна

Южный НЦ РАН (Ставрополь), dissovets@rambler.ru

**ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ СТАВРОПОЛЯ И
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Ставрополье, занимая центральное положение в Предкавказье, стало своеобразным миграционным перекрестком, куда последние двадцать пять лет устремились потоки стихийных переселенцев из «горячих точек» Закавказья и республик Северного Кавказа. Произошли серьезные изменения в этноконфессиональном составе населения Ставропольского края. Образование СКФО и создание Северо-Кавказского федерального университета привели к увеличению доли представителей северокавказских республик в студенческой среде.

Социологические исследования социального самочувствия жителей Ставрополья, постоянно проводившиеся с 2006 г., свидетельствуют о постепенном росте напряженности межэтнических и межконфессиональных отношений. Было установлено, что возрастает доля тех ставропольчан, которые испытывают дискомфорт, когда часто слышат во-

круг себя чужую речь. Наблюдается также увеличение доли жителей края, которые полагают, что национальные традиции в настоящее время зачастую становятся причиной межнациональных конфликтов. Чаще всего в качестве примера приводят исполнение в ночное время на улицах Ставрополя национального танца «лезгинка», сопровождающееся нецензурной бранью, хлопаньем в ладоши, стрельбой из травматического оружия. Это приводит не только к негативному восприятию представителей Кавказа, но и к более трагическим событиям. По убеждению части ставропольчан, религия также может разобщать людей. Ношение хиджабов в образовательных учреждениях и на улицах городов, сел края разъединяет их по национально-религиозным признакам. Таким образом, усиливается распад ставропольского общества на этнические, а нередко и конфессиональные фрагменты, слабо связанные друг с другом; возрастают антиобщественные манифестации своей этноконфессиональной принадлежности.

ИВАНОВ Константин Юрьевич

Кемеровский государственный университет (Кемерово), kons-ivanov@yandex.ru

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ
СОСУЩЕСТВОВАНИЕ
(на примере Еланской волости Омского/
Тюкалинского уезда)**

Территория Еланской волости была во второй половине XIX – начале XX вв. своеобразным этноконфессиональным микрофронтиром. На небольшой ограниченной территории по различным обстоятельствам появились последователи православия (включая старообрядчество), католичества, протестантизма, иудаизма. Этническую принадлежность выявлять сложнее. Во всяком случае, термин «польский поселенец» не обязательно обозначал принадлежность именно к польской этничности. Встречались как моно-, так и поликонфессиональные селения, жители которых вступали в активное взаимодействие. Анализ записей в метрических книгах разных конфессий позволяет выявлять направления прозелитизма на местности, межконфессиональные браки и постепенную смену этноконфессиональной самоидентификации определенной части населения волости. Начало массового переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX вв. привело не только к строительству новых культовых зданий, но и расслоению православного большинства на старожилов и недавних переселенцев. Дарование же в 1905–1906 гг. свободы вероисповедания углубило это противостояние в виде оформления единоверческого прихода и легализации старообрядческих родов, десятилетиями до этого являвшихся прихожанами официальной церкви.

ИДИАТУЛЛОВ Азат Корбангалиевич

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (Ульяновск), AzKoldiat@yandex.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «НОВЫХ» И
«НОМИНАЛЬНЫХ» МУСУЛЬМАН
В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ**

Эмпирической основой доклада выступили результаты этносоциологических исследований мусульман Карачая,

Уфы и Ульяновска в 2008–2014 гг. Они позволили предположить существование напряженности между номинальными и практикующими мусульманами, сложившейся на фоне инкультурации «нового» ислама (суннизма, салафизма) в пространство «традиционной» (дореволюционной и советской) религиозной культуры. Иногда напряжение перерастает в поколенческий конфликт, на одной стороне которого «этнические», или «номинальные» мусульмане, подчеркивающие связь с культурной традицией прошлого (народным и советским исламом). На другой стороне конфликта – «новые» мусульмане (в основном молодежь), для которых ислам ассоциируется в меньшей степени с прошлым народа, в большей – с прямыми источниками мусульманской религии – Кораном, Сунной, проповедями имама, а также с соответствующими обрядами (*шахада*, *намаз*, *никах*). При этом нередко «этнические» мусульмане, будучи по большей части религиозно индифферентными, особенно на фоне активной позиции салафитов и практикующих верующих, оценивают «новых» мусульман однозначно в качестве представителей радикальных, а потому негативных движений ислама. Действительно, поиск новой религиозной идентичности в аспекте взаимодействия, а чаще и противостояния традиции и инновации протекает у ряда мусульманских народов непросто. Однако стоит отметить наметившуюся в начале XXI в. в среде умеренного (суннитского) духовенства и верующей интеллигенции попытку переосмысления ислама в более широком социокультурном контексте, что должно в конечном счете привести к взвешенной позиции относительно роли религии в обществе вообще и в жизни мусульманских народов в частности.

ИНИКОВА Светлана Александровна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), ovis2@yandex.ru*

ДУХОБОРЦЫ В XXI ВЕКЕ*

Прошло 25 лет с начала организованного переселения духоборцев из Богдановского р-на Грузии в Россию. Было три волны миграции: в Тульскую (1989–1991), Брянскую (1997 г.) и Тамбовскую области (2007 г.). Многие семьями разъехались по России к ранее переселившимся родственникам. На сегодняшний день в Богдановском (ныне Ниноцминдском) р-не из 3,5 тыс. духоборцев осталось всего 150 человек.

Процесс распада общности, принявший обвальный характер, высветил закономерности этого процесса и особенности, касающиеся именно этой конфессии. Сдерживающими факторами были иноэтничное окружение в Закавказье и маргинальность группы. Предпосылки к распаду были заложены в самом вероучении, форме его хранения и трансляции, в организационной структуре духоборческой секты. Наиболее консервативная в религиозно-культурном отношении часть духоборцев – жители села Гореловка (Горелое), где располагался духовный и административный центр секты, создали в России более-менее устойчивые компактные поселения. Однако даже в этих поселениях идет отказ от

позитивной самооценки и духоборческой идентичности, вплоть до перехода в православие.

Среди духоборцев Грузии четко выделяются две тенденции: с одной стороны, сокращение культурной дистанции с армянским населением (которое теперь абсолютно преобладает в духоборческих селениях), рост числа смешанных браков; с другой, желание небольшой группы людей старшего возраста с. Гореловка сохранить духоборческую бытовую культуру и культовую практику, сакрализовать окружающее пространство, перенести в те места библейские события, с тем, чтобы остановить выезд в Россию еще остающихся там духоборцев.

КЛИШЕВА Вера Александровна

Библиотека РАН (Санкт-Петербург), klisheva76@mail.ru

ЦЕНТРЫ ПОПОВЩИНЫ И АРЕАЛЫ ИХ ВЛИЯНИЯ

Главными центрами старообрядчества, приемлющими трехчинную церковную иерархию, были Керженец, Рогожское кладбище в Москве, Стародубские слободы и Иргиз. В них не только концентрировалось большое количество старообрядцев, но и генерировалась их идеология. При определении ареалов влияния этих центров мы опираемся, с одной стороны, на документы Синодального архива, а с другой, на памятники старообрядческой литературы.

В этих источниках ясно прослеживаются векторы влияния старообрядческих авторитетов на своих сторонников в различных регионах России. Особую важность для выявления характера связей внутри старообрядческой среды имеют полемические сочинения. Например, многочисленные послания московских поповцев по поводу старообрядческого собрания 1779–1780 гг., в которых они просят принять их сторону в споре «О чине приема беглых попов». В этих посланиях они обращаются к калужской и ярославской братии. Те, в свою очередь, заверяют рогожцев в своей поддержке против их главного оппонента – инока Никодима Стародубского. Таким образом, складывается достаточно четко географически очерченный ареал взаимодействия духовной элиты и ее сторонников. Нужно учитывать, что такие союзы не были долговременными, формировались в рамках широкой сети старообрядческих общин.

КОНДАКОВА Наталья Сергеевна

Забайкальский государственный университет (Чума), ntlz@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Существенной проблемой в современном мире является напряженность в межэтнических и межконфессиональных отношениях. Как показывает ряд исследований, в полиэтничном Забайкалье межэтническая напряженность и конфликтность не слишком заметна. Однако влияние мировых тенденций может привести к проблемам в межэтнических отношениях.

Среди важных исторических моментов, повлиявших на воспитание высокого уровня толерантности, отметим: взвешенную государственную политику, способствующую

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00033 «Культурные особенности этнолокальных групп русских в исторической ретроспективе и на современном этапе» (рук. С.А. Иникова).

быстрому включению присоединенных территорий в новую социокультурную систему; политику «минимального вмешательства» в дела местных народов и в процесс развития самобытной культуры всех этнических групп; этническую ассимиляцию и активный процесс взаимодействия представителей этноконтактных групп на основе выработки общих основ жизнедеятельности; совпадение типов культурных ценностей совместно проживающих этнических групп, способствовавшее формированию толерантности и позитивных установок по отношению к различным этноконфессиональным группам при сохранении своего национального языка, самосознания и этнической самобытности культуры; восприятие личностных качеств конкретного человека, проявляющихся в процессе его жизнедеятельности, независимо от его этноконфессиональной и социальной принадлежности; выгодное геополитическое положение, делающее регион зоной активных международных контактов России с Китаем, Монголией.

Таким образом, совместное проживание разных этноконфессиональных групп на данной территории оказало заметное влияние на взаимопроникновение и взаимообогащение быта и культуры. Исторические особенности освоения региона и черты сформировавшейся здесь социокультурной среды способствовали развитию расовой, этнической и религиозной толерантности, ставшей естественной для населения региона.

КРАВЦОВА Елена Сергеевна

Курский государственный медицинский университет (Курск),
elenakravcova@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ПОДДАННЫХ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере Курской губернии)

Курская губерния в конце XIX – начале XX вв. была довольно привлекательна для иностранных подданных других государств. В разные годы количество приехавших варьировалось от 300 до 200 человек. Так, в 1883 г. паспорта получили 163 немца, 39 швейцарца, 59 австрийцев, 21 турок, 14 персов, 7 англичан и только 2 голландца. Занятия иностранцев на Курщине были различны по своей квалификации: садовники, музыканты, машинисты и т.д. Например, голландец Жан Юзеф Клессен, который числился пивоваром, держал в губернском центре свой трактир.

Рассмотрим процесс адаптации иностранцев на примере нидерландского подданного Клессена, который в 1870 г. вместе с семьей переехал в Россию, а в 1875 г. осел в Курске. Проблема приспособления его семьи состояла в том, что она была единственной голландской семьей на Курщине, поэтому необходимо было найти не только занятие, которое приносило бы доход, но и круг общения. Ж.Ю. Клессен стал владельцем первого в Курске ресторана, который, однако, быстро обанкротился, а впоследствии стал главным пивоваром на крупнейшем в губернии пивоваренном заводе. Круг общения ограничивался прусской диаспорой, которая была довольно крупной и влиятельной в губернии. Отметим, что Ж.Ю. Клессен и его семья вписались в провинциальную действительность России в конце XIX – начале XX вв.

ЛЕСНИКОВА Анна Викторовна

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина), a.lesnikova1985@gmail.com

«MOSUL CU BABA»/«MOSUL»/«ДИДИ»: ГРАНИЦЫ «ЭТНИЧЕСКОГО» В РИТУАЛЬНОМ МАСОЧНОМ СВЯТОЧНОМ ОБРЯДЕ (по материалам Южной Бессарабии)

Обряд «*Mosul cu baba*» – отдельная единица карнавала, исполняемая в канун праздника Рождества Христова (Молдавия). Вытесненный христианской символикой праздника, утвердившейся во второй половине XIX в., он постепенно вошел в обрядность Нового года, сохранив элементы языческого символического кода. Сегодня его можно зафиксировать как часть больших святочных ритуальных шествий молдавского населения – «Капры», «Меланки» и т.п., чаще как хореографическую постановку, исполняемую в контексте сценических народных реконструкций.

В Южной Бессарабии по результатам наших полевых исследований зафиксированы обряды под названием *Mosul cu baba* (Новосельское (Сагул-Ной) Ренийского района), *Mosul* (Орловка (Катрал) Ренийского района) и *Didu/Mosi* (Шевченково (Кара-Мехмет) Килийского района), исполняемые в святочный период как носителями традиции – молдавским населением этих сел, так и их реципиентами – болгарями и украинцами.

Буджакские варианты соответствуют идентичному обряду метрополии, но характеризуются особенностями, сформированными в условиях социокультурного и этнического пограничья Южной Бессарабии, выразившимися в номинативной формуле, атрибутивных символах и изобразительном коде обряда, объединивших в едином конструкте масочных персонажей и в ритуале в целом маркеры «этнического». Также на примере данного обряда можно изучить механизм функционирования традиции и реконструировать эволюцию этнических отношений в условиях моно/бикультурных поселений полиэтноконфессионального пространства Южной Бессарабии.

МИТРОФАНОВА Анастасия Владимировна

Российский православный университет Св. Иоанна Богослова,
Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва),
anastasia-mit@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРИДНЕСТРОВСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Выступление посвящено сравнению национальных идентичностей в правобережной Молдове и Приднестровье. Идентичность населения Молдовы рассматривается как принимающая несколько разных, несовместимых друг с другом форм, которые неспособны создать консолидированную гражданскую нацию, включающую этнические меньшинства (около 22% населения). Даже внутри титульной этнической группы существует раскол идентичности, выходящий за рамки известной дилеммы румынизма/молдовенизма. Молдовенизм существует как минимум в двух версиях – этноцентричной и интегративной; необходимо также учитывать маргинальные идентичности титульного этноса (например, румыноязычный православный фундаментализм). Напротив, приднестровская идентичность отличается «твердостью» и консолидированностью, хотя состоит из разнородных составляющих, относящихся к разным временным пластам (до-

советскому, советскому и постсоветскому). Это гражданская идентичность, основой которой является не этничность, а сложная мозаичная идеология, которую нельзя свести к «неокоммунизму» или «русскому национализму». Тем самым приднестровский национальный проект остается открытым для всех этнических групп. Таким образом, воссоединение двух берегов Днестра в обозримом будущем не представляется возможным еще и потому, что их национальные идентичности не только наполнены разным содержанием, но и различаются по структуре. Методы исследования: анализ текстов, экспертные интервью, включенное наблюдение.

МИХАЛЕВА Альбина Викторовна

Пермский ИЦ УрО РАН (Пермь), miaba@yandex.ru

ИСЛАМСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ АЙЮБА АКСЕЛЯ КЁЛЕРА*

Рост численности мусульманских сообществ в Западной Европе, их политическая мобилизация и наращивание визуального присутствия в публичной сфере дали толчок новым экономическим, общественно-политическим процессам в странах с заметным мусульманским представительством. В западном обществе это нашло отражение в активизации общественного дискурса по вопросам правового положения мусульманских меньшинств, совместимости ислама и демократии, а параллельно сказалось на саморефлексии мусульманских интеллектуалов. Вопрос политического ислама актуален и с точки зрения внутреннего вызова для традиционного вероучения: как вписаться в новую систему взаимоотношений принимающей страны с наименьшими потерями для классической догматики ислама? Проблемой в данном случае являются адаптационные возможности исламской политической мысли в новых общественно-политических условиях и совместимость предлагаемых мусульманской элитой политических проектов с ценностями общества большинства. В докладе планируется рассмотреть религиозно-политические взгляды одного из известных мусульманских интеллектуалов и функционеров современной Германии Айюба Акселя Кёлера на роль ислама и исламской идентичности в принимающем обществе, чьи идеи являются духовным и идентификационным ориентиром для части немецкой уммы. Анализ политических взглядов, транслируемых видным мусульманским функционером, позволит приблизиться к пониманию политических предпочтений и ожиданий в мусульманской среде современной Германии.

МУТИНА Анна Савильевна

НИКОЛАЕВА Елена Николаевна

Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург),
only_time@bk.ru, nikolson@bk.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ РОССИЙСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ (на примере памятников из собрания Государственного музея истории религии, г. Санкт-Петербург)

Старообрядчество нередко воспринимается как закрытая система, отторгающая нововведения. Однако приверженность дониконовскому церковному обряду отнюдь не свиде-

тельствует о полном изоляционизме с точки зрения культуры. Рубеж XIX–XX вв., характеризующийся смягчением политики государства и господствующей церкви в отношении старообрядцев, был благодатным временем для возникновения новых связей. Одновременно в российской культуре возрастает интерес к искусству Византии и Древней Руси, хранителями традиций которой выступали всё те же старообрядцы.

Памятники из собрания Музея истории религии отражают эти тенденции. В первую очередь интересны произведения иконописи и декоративно-прикладного искусства, создававшиеся в старообрядческих мастерских и востребованные самыми разными слоями населения. В музейной коллекции представлены также облачения священнослужителей господствующей и старообрядческих церквей, выполненные из сходных тканей. Отражением меняющегося отношения старообрядцев к светской власти стали дары высочайшим особам: пасхальные яйца и блюда.

Многочисленные примеры расширения социокультурных связей, отраженные в памятниках иконописи, ДПИ, архитектуры, свидетельствуют о преодолении узких границ субконфессиональной общности и активном взаимодействии культур, продолжающемся и на рубеже XX–XXI вв.

НИКОЛАЕВ Василий Владимирович

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский
государственный университет (Новосибирск), nikolaevvv06@mail.ru

АЛТАЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ АЛТАЙСКОЙ ЭЛИТЫ**

Основной целью деятельности Алтайской духовной миссии, открытой в 1828 г., была христианизация коренного населения Алтая. Реализация прозелитических задач, в том числе активное развитие сети церковно-приходских школ, потребовала комплектации штата миссии из числа автохтонного населения, что привело к формированию алтайской интеллигенции к началу XX в. В этническом плане в составе алтайской интеллигенции преобладали кумандинцы, тубалары и телеуты. Администрация миссии умело использовала кадровый ресурс, закрепляя в местных административных органах лояльных ей новокрещенцов, вытеснивших некрещенных зайсанов, демичи, а также шаманов, сказителей и т.д. из социокультурной сферы. В то же время грамотность вкупе с усвоением христианских норм благоприветствовала более активным аккультурационным процессам в этой среде. В этой связи выглядит вполне закономерным появление сотрудников миссии из числа коренного населения, не владевших родным языком. Таким образом, в докладе будут рассмотрены особенности формирования национальных элит и роль в этом процессе Алтайской духовной миссии.

ОСИНЦЕВ Алексей Владиславович

Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), alexosv@yandex.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ МИФОВ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРАРОДИНЕ И ЯЗЫКЕ КАК СПОСОБ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩНОСТИ

Русское неоязычество – неоднородное религиозное движение, провозглашающее возрождение исконной славян-

* При поддержке гранта РГНФ, проект № 15-03-00604».

** При поддержке Президентского гранта № МК-4002.2014.6.

ской или русской религии и образа жизни. Мифы о прародине и языке входят в число его важнейших мифов. В их формировании существенную роль сыграли псевдонсторические сочинения, фальсифицированные источники и псевдонаучные изыскания в области лингвистики. Настоящее исследование позволило рассмотреть и систематизировать представления русских неоязычников о генезисе и родстве русского и славянских языков. Единство языка представляется: (а) как единство общеславянского языка, от которого произошли все славянские языки; (б) как «русский язык», от которого произошли восточнославянские языки и другие, в том числе неиндоевропейские. Родственность языков расцениваются как (а) почва для международного сотрудничества; (б) обоснование господства славян, русских; (в) основание для вмешательства в дела других государств; (г) представление о всеобщем родстве.

ОСИНЦЕВА Марина Андреевна

*Новосибирский государственный университет (Новосибирск),
ota9478@gmail.com*

ГЕЙБЕЛЬ Юлия Викторовна

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
julija-hld@mail.ru*

МЕННОНИТЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГРАНИЦ

Среди немецкого населения Западной Сибири в особую группу принято выделять меннонитов – этноконфессиональную группу, возникшую в эпоху Реформации в Нидерландах и оказавшуюся в конце XIX в. на территории края. Сформированная на основе религиозной догматики, система ценностей меннонитов среди прочего утверждает приоритеты семьи. До 1960-х годов в среде меннонитов преобладали гомогенные браки. Семьи включали несколько поколений и имели многодетный характер.

Детей меннониты принимали как дар Божий и верили, что каждый ребенок находится на попечительстве Бога. Они до сих пор считают, что каждый ребенок является в мир с вестью о том, что Бог не разочаровался в людях. По мнению меннонитов, не только рождение важно для Бога, но и воспитание. Задача родителей: воспитывать своего дитя как гражданина царствия Божьего. Это большая ответственность, и к ней должны быть готовы будущие родители. Семейное воспитание и религиозное развитие являются фундаментом, на котором формируется личность меннонита. Нравственные ценности прививаются ребенку с детства как в семье, так и в общине. При этом одной из ключевых догм меннонитов является то, что они отвергают крещение в младенчестве, утверждая, что его нужно принимать только осознанно. Поэтому каждый член общины имеет право выбора.

Жизнь в полиэтничном окружении, в меняющихся социально-политических и экономических условиях изменяет жизнь меннонитских общин, размывая их границы. Но базовые ценности – приоритет семейных ценностей, уважение и почитание старших, ответственность перед людьми и Богом являются основными для меннонитов Западной Сибири.

ОСИПОВА Анна Викторовна

*Музей-квартира К.Э. Циолковского (Боровск),
borovskold@yandex.ru*

ОСИПОВ Виктор Иванович

*Боровская старообрядческая община (Боровск),
osipov-borovsk@yandex.ru*

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ Г. БОРОВСКА: РАЗМЫВАНИЕ ЧЕТКИХ ГРАНИЦ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Боровск Калужской области на протяжении XVIII–XIX столетий традиционно считался городом с преобладающим старообрядческим населением. Действительно, большинство жителей, согласно переписи населения 1897 г., конфессионально определяли себя как старообрядцев. На протяжении некоторого периода времени, длившегося около полувека, старообрядцы четко отделяли себя от боровчан, исповадовавших «новую веру». Однако с середины XX в. ситуация начинает меняться. В сознании людей под воздействием различных факторов и исторических реалий того времени появляется признание «новообрядцев» как «тоже христиан», увеличивается количество «смешанных» браков. Любопытно, что в обратном направлении такие процессы если и прослеживаются, то в менее выраженной степени. Современная ситуация имеет свои особенности в связи с изменением соотношения в старообрядческой среде «потомственных» и «новопришедших», в связи с чем границы самоидентификации старообрядцев меняют свои очертания.

ПЕЛЕВИНА Ольга Викторовна

*Амурский государственный университет (Благовещенск),
olpelevina@gmail.com*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ В ПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИНАХ ГОРОДА БЛАГОВЕЩЕНСКА

Приграничное положение г. Благовещенска обусловило возможность регулярных личных контактов русских и китайцев. Эти контакты распространяются и на религиозные отношения. В городе действуют две китайские протестантские общины. Первая возникла более 10 лет назад. Ее собрания проходят регулярно в здании, принадлежащем российской Благовещенской Церкви евангельских христиан-баптистов. Большинство членов общины занимаются торговлей, строительством, заняты в сфере обслуживания. Работают на вещевых и овощных рынках, оптовых базах, в столовых и кафе китайской кухни. Собрания этой общины проходят однотипно: совместное чтение Библии, пение религиозных гимнов, молитвы. Российские баптисты не занимаются проповеднической работой в китайской общине, мешает языковой барьер. Однако отношение российских протестантов к своим китайским единоверцам основывается на христианских принципах. Это выражается в том, что русские совместно с китайцами проводят мероприятия, праздники. Помогают в решении каких-то бытовых проблем членов китайской общины (поиск работы, помощь в юридических вопросах, помощь в поиске жилья и т.д.).

Вторая община китайских протестантов возникла в 2012 г. Часть китайских верующих стали обращаться к российским протестантам за помощью в организации собраний. На эти просьбы откликаются представители пятидесятничества, поскольку располагают переводчиками с китайского языка и могут проповедовать среди иностранцев.

ПРИГАРИН Александр Анатольевич

Одесский национальный университет им. П.П. Мечникова (Одесса, Украина), prigarin_alexand@mail.ru

«ХРИСТИАНЕ-СИОНИСТЫ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ

На основе полевых материалов освящаются история и культурно-бытовые особенности одного из направлений рационального христианства: христиане-сионисты или «мурашковцы». Это религиозное объединение соединило в своем мировоззрении одну из форм протестантизма с иудейскими преданиями и этикетными нормами. Первые харизматические лидеры движения сумели организовать и структурировать в 1930-х годах мощную общину на Полесье. За свои взгляды лидеры и члены общины были преследуемы Польшей и СССР. Пройдя Казахстан и Молдову, они вновь воссоздали свой «Сион» на территории Одесской области, где он и активно функционирует.

Важное объединение «традиционности» с «инновационностью» обеспечивает социальную кооперацию и специфические формы жизнедеятельности. Созданные предания и своеобразные ритуалы отражают осмысление христианства и иудаизма, позволяют им не раствориться в глобализирующемся мире. Замкнутость, ориентация на «свое», наоборот, являются предпосылками модернизации материального аспекта существования. Их стремительное демографическое развитие является и результатом, и фактором этих процессов. Кровное родство в сочетании с религиозной солидарностью позволяет воспроизводить самобытность мировоззрения в актуальных практиках.

Анализ прошлого опыта группы и характеристика основных особенностей позволяют не столько выделить выразительную версию «христианского служения», сколько проследить его потенциалы и предельности. В частности, показательна историческая судьба выстраивания собственных границ на основе эксцентричной формы воззрений. Это же позволило не потеряться общности в инокультурном окружении советского периода, оказалось одним из факторов современного успеха общины.

САЛМИН Антон Кириллович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), antsalmin@mail.ru

ХРИСТИАНСТВО НА КAVKAZE В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ГУННО-САВИРОВ

В целях усиления своего влияния Византия постоянно поддерживала отношения с племенами Кавказа и охотно принимала их представителей на военную службу в качестве федератов и ауксiliarиев. Христианизация – мирный способ покорения. Одним из способов привлечения на воен-

ную службу была плата воинам. «Воинов вербовали, оплачивали их на определенных условиях и так поступали как Византия, так и Иран» [Пигулевская, 2011: 308]. Еще епископ Григорис, первым возглавлявший Албанскую церковь в 330–337 гг., уделял христианизации кочевников исключительное внимание. Согласно источникам, миссия епископа Григориса не охватила гунно-савирские земли.

В 522 г. царь Лазики Цафий порвал отношения с сасанидским шахом Кавадом I и перешел на сторону Византийской империи. К этому времени как раз назревала ирано-византийская война. К ней надо было хорошо подготовиться, прежде всего, набрать войска. Византийские послы возлагали большую надежду на клириков, действовавших среди гунно-савиров. С этой целью в Боспор было направлено посольство во главе с патриkiem Пробосом.

В начале VI в. савиры на Кавказе вовлекаются в персидско-византийские противостояния. Предводитель савиров Боарекс встает на сторону императора Юстиниана и закладывает основу для прививания христианства на землях гунно-савиров. К этому времени некоторые соседи савиров уже были христианами. Однако основная масса савиров еще продолжала совершать свои древние обряды. В 684 г. гунно-савиры формально были крещены епископом Алуанка Исраэлем.

ТАТАРИНЦЕВА Маргарита Петровна

Тувинский институт гуманитарных исследований (Кызыл), margotatar@mail.ru

СТАРООБРЯДЦЫ ТУВЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Русские в Туве появились позже, нежели в других регионах Сибири. Массовое переселение крестьян началось в конце XIX в. и активно продолжалось в первые десятилетия XX в. При вхождении Тувы в состав СССР (1944 г.) русского населения было 12 тыс. человек, причем треть составляли старообрядцы. Их привлекали природные богатства края, «глушь и свобода» (Гильфердинг), возможность без притеснений исповедовать «старую веру». Когда в 1930-е годы правительством ТНР был взят курс на построение социализма и борьбу с религией, старообрядцы и здесь подверглись жестоким гонениям, как и представители других конфессий. Нередко радикально настроенные верующие старообрядцы предпочитали покончить с собой, чем подчиниться действиям антихриста – именно так они воспринимали «безбожную власть». Переселившись из разных регионов Сибири, в начале старообрядцы в Туве являли собой пеструю картину толков и согласий, однако к середине XX в. четко обозначились три направления: австрийское, часовенные и поморцы, а к концу века – уже преобладало часовенное согласие. Сейчас они компактно живут в Верховье Енисея. Имеются отшельнические поселения, а также скиты-монастыри, населенные «матушками» (в первой половине века монастыри были многолюднее). Старообрядцы в Туве прошли сложный путь взаимодействия с властями, преодолели внутриконфессиональные противоречия и к настоящему времени, несмотря на присущую этой конфессии эсхатологическую философию, убеждены, что «старая вера» сохранится, как и связь между старшим и младшим поколением, что «ниточка не прервется».

ТУЛУЗ Ева

Тартуский университет (Тарту, Эстония), Институт Восточных языков и культур (Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com

НИГЛАС Лийво

Тартуский университет (Тарту, Эстония)

**РИТУАЛ КАК УКРЕПЛЕНИЕ
ДЕРЕВЕНСКОГО СООБЩЕСТВА
(на примере удмуртов Татышлинского района
Республики Башкортостан)**

Удмуртская диаспора в Башкортостане сформирована в следствие миграции с XVI в. Сегодня в районах компактного проживания удмурты сохраняют в ежедневном обиходе традиции, которые в Удмуртии были утрачены с христианизацией и позднее с советизацией. Они живут в тесном контакте с татарами этого региона. Русское население чрезвычайно малочисленно.

В докладе на основе полевых исследований мы рассматриваем цикл весенних молений в Татышлинском районе с точки зрения актуальности этих обрядов для местного населения. Анализ деревенских молений (*гурт вбсь*) показывает локальные различия: в одних местах традиции не прекращались, в других – их возрождали в последние годы. Выявлено также разнообразие между двумя молитвенными группами, которые разделяет река Юг. Но везде в сегодняшних условиях проведение этих молений, как и молений групп деревень, укрепляет чувство принадлежности к одному социуму – деревне или более широкому сообществу башкортостанских удмуртов.

ЯУШКИНА Наталья Николаевна

Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева (Саранск), yaushkina87@mail.ru

**КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ
(1990-е годы – начало XXI века)**

Республика Мордовия является поликультурным и поликонфессиональным регионом. В 2014 г. Управлением

Министерства юстиции РФ и РМ в Мордовии было официально зарегистрировано 454 религиозных организаций, в том числе 382 организации Русской православной церкви (из них 13 монастырей и 1 образовательное учреждение), 58 – мусульманских, 3 – евангельских христиан-баптистов, 3 – христиан веры евангельской (пятидесятников), 1 – адвентистов седьмого дня, 3 – лютеран, 1 – свидетелей Иеговы, 1 – старообрядцев, 1 – Общества сознания Кришны, 1 – иудаизма. Наряду с традиционными религиями (православием и исламом), в республике функционируют нетрадиционные религиозные движения и секты, стремящиеся расширить свое влияние, особенно среди молодежи.

В ходе работы над проектом по теме «Роль православия в истории и культуре мордвы: проблема межкультурного и межконфессионального диалога» в рамках ФЦП было проведено анкетирование учащихся педагогического вуза. Студенты в своих религиозных предпочтениях высказались в пользу православия. В то же время следует констатировать, что, хотя основная масса студентов идентифицирует себя с православием, признает бытие Бога, но численность истинных верующих, соблюдающих все религиозные каноны, посещающих храмы и участвующих в богослужениях, невелика. В целом, уровень современного религиозного сознания молодежи выражается в спорадическом посещении храмов, непродолжительном участии в богослужении, частичном соблюдении обрядов, чтении религиозной литературы, нечастом общении со священнослужителями и несоблюдении многодневных постов.

Секция 18
ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ

Юнусова Айслу Билаловна – д.и.н., профессор, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского НЦ РАН (Уфа)
E-mail: aislu557@gmail.com
Старостин Алексей Николаевич – к.и.н., доцент, Екатеринбургский государственный горный университет (Екатеринбург)
E-mail: alisheria@mail.ru

БАИМОВ Айрат Гайсарович

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), baitov.airat@mail.ru*

**КАРТОГРАФИРОВАНИЕ КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ
В ВОЕННЫХ ЧАСТЯХ ПРИВОЛЖСКОГО И
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ**

Электронное картографирование культовых объектов – церквей и мечетей – в местах дислоцирования частей российской армии (на примере Приволжского и Уральского федеральных округов) является одним из исследовательских инструментов при изучении института военного духовенства и этноконфессионального состава военнослужащих. Картографирование проводится на основе статистических данных Росстата, Министерства обороны, Министерства юстиции, а также централизованных религиозных организаций (Патриархия, ЦДУМ) и региональных духовных центров и управлений, с использованием ресурсов ГИС. Электронное картографирование и визуализация данных способствуют принятию решений при анализе этноконфессиональных процессов в армии с целью предупреждения межэтнической и межрелигиозной напряженности. Электронное картографирование культовых объектов предполагает историко-культурное сопровождение каждого нанесенного на карту объекта, что может лечь в основу создания атласа военных церквей и мечетей. Образцом такого издания является уникальная работа военного священника Григория Цитовича «Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание» (1913), в которой подробно представлены православные храмы, относящиеся к военному ведомству; дан список достопримечательностей и хранящихся в них святынь; указано точное местонахождение православных культовых объектов.

ГУСЕВА Юлия Николаевна

Самарский филиал Московского городского педагогического университета (Самара), j.guseva@mail.ru

ИСЛАМ НА КАРТЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Сообщение раскрывает позитивный и негативный опыт существования исламских общин в одном из крупных средневолжских регионов. На базе открытых источников СМИ, данных статистики и собственных социологических исследований с применением информационных методов рассмотрены вопросы распределения мусульманских приходов в Самарской области между различными духовными ведомствами, воздействия внутренних и внешних факторов на

развитие мусульманской общины и ее выбор юрисдикции, формирования новых мусульманских социумов в виде диаспор мигрантов из стран Центральной Азии, отличающихся от самарских мусульман – приверженцев «традиционного, татарского ислама» и сложившейся веками системы отношений государства, общества и ислама.

ДЕНИСОВ Валерий Иванович

*Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону),
denisovgeo@yandex.ru*

**ГИС-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ НА ПОСЕЛЕНЧЕСКОМ
УРОВНЕ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Религиозная жизнь населения на поселенческом уровне определяется через объективные и субъективные показатели: количественный состав, административное расселение, виды субрелигиозной деятельности, активность в проведении различных мероприятий со светскими учреждениями и др.

Особенностью религиозной жизни является ее значительная скрытность: численность верующих не фиксируется официальными органами, а ее признаки (уровень и характер религиозности, благотворительность и др.) имеют субъективный характер и не позиционируются в публичной сфере. В этом контексте использование визуальных методов фиксирования активности религиозной жизни, которые возможны средствами ГИС-информационных технологий, обеспечивают возможность ее соотнесения с состоянием социальной инфраструктуры поселений, динамикой социально-демографических, миграционных процессов, молодежной преступности. ГИС-технологии позволяют картографировать исследуемые процессы.

Информационной базой исследования выступают данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области, Государственного Унитарного предприятия технической инвентаризации Ростовской области.

ИМАМУТДИНОВА Зияя Агзамовна

*Государственный институт искусствознания (Москва),
ziliamam@mail.ru*

**ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ЧТЕНИЯ
КОРАНА. К МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА**

На примере Урало-Поволжской (тюркской – татарской и башкирской) традиции прослеживаются этнореги-

ональные особенности чтения Корана как музыкального феномена.

Исследование данной проблематики имеет методологическое значение, позволяя решить задачу картографирования традиции коранического чтения. Сложившиеся формы разделяются по (1) степени мелодизированности (стили *мураттал* и *муджаввад*), (2) этнорегиональным характеристикам, (3) индивидуальной манере. Этнорегиональные особенности чтения Корана исторически обуславливаются свойствами языка, а также – принципами музыкального мышления народов.

В языках татар и башкир различия в фонетике (башкирский ближе к арабскому) отражаются в произношении звуков и тембровых характеристиках коранической просодии. Однако проникновение пентатоники в кантилляции Корана сближает традиции, отражая влияние музыкального фольклорного мышления.

Языковой фактор позволяет размежевать арабоязычную, туркоязычную и ираноязычную части Востока и т.д. Однако музыкальная своеобразность стран Ближнего Востока предполагает их объединение в единую ойкумену, где чтение Корана оказывается подвержено влиянию устной классической музыки (*макамата*). В то же время, поскольку в Саудовской Аравии, Египте, Марокко исторически развились разные школы чтения Корана, происходит разветвление арабской традиции. В границах бывшего СССР, при учете разных факторов, выявляется специфика коранического чтения в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане, на Северном Кавказе, территории расселения мусульман-татар и башкир.

Необходимо подчеркнуть, обращение в сегодняшней жизни к электронным носителям (CD, интернет-ресурсам), как и обучение за рубежом, интенсифицирует межкультурное взаимодействие, ведя к ослаблению этнорегиональных различий в традиции чтения Корана.

МАЛАХОВ Ильдар Загидуллович

*Уфимский исламский колледж им. Марьям Султановой (Уфа),
ufamedrese@gmail.com*

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ПРИХОДОВ БАШКИРИИ МЕЖДУ ДУХОВНЫМИ УПРАВЛЕНИЯМИ И ЦЕНТРАМИ: КАРТОГРАФИРОВАНИЕ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ПЕРСПЕКТИВ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ИСЛАМА

Изучение российского ислама, мусульманских общин и мечетей предполагает объективный анализ динамики численности и распределения приходов между исламскими лидерами и центрами. Мусульманская умма России находится под канонической юрисдикцией нескольких централизованных структур, главными из которых являются Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ), возглавляемое Верховным муфтием Талгатом Таджуддином, и Совет муфтиев РФ (СМР) под председательством Равиля Гайнутдина. ЦДУМ объединяет 25 региональных муфтиятов (РДУМ) и несколько региональных представительств, куда входит более 2000 мусульманских организаций. По состоянию на 1 января 2015 г. 542 общины из 1239 мусульманских религиозных объединений Республики Башкортостан

относятся к ЦДУМ. 697 мусульманских общины относятся к Духовному управлению мусульман Республики Башкортостан (председатель – муфтий Нурмухамет Нигматуллин), которое входит в состав СМР. Послойное картографирование данных многолетней статистики визуализирует тенденции консолидации/разобщения уммы и перспективы ее развития.

МАНЬКОВА Ирина Леонидовна

*Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург),
ilman.08@mail.ru*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ЛАНДШАФТА ТОБОЛЬСКА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА

На основе письменных источников составлена карта размещения на территории Тобольска объектов православного ландшафта XVII в. Ее сопоставление с планом города С.У. Ремезова начала XVIII в. позволило проследить трансформацию православного ландшафта Тобольска. Выдвигается гипотеза, что строя церкви в конце XVI – первой четверти XVII вв., русские первопоселенцы создавали «кризисную сеть», которая помогала адаптироваться на новом месте, обеспечивала сакральную защиту занятого пространства. По мере обживания территории православным населением, когда исчезла внешняя опасность, эта первоначальная «кризисная сеть» стала замещаться другой «кризисной сетью», основанной на местных святынях – святых местах, чудотворных иконах, местах поклонений месточтимым святым и т.д. В результате этой трансформации приходские церкви стали иметь значение в первую очередь как места отправления.

МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ Регина Массаровна

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), regina@yandex.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ (ГИС) ДЛЯ ОТРАЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МНОГООБРАЗИЯ НАРОДОВ БАШКОРТОСТАНА

Реальностью Башкортостана уже много веков является этническое и религиозное многообразие. Представители более чем 130 этносов республики исповедуют ислам, христианство различных направлений, иудаизм и др. религии, в том числе возрождающиеся у финно-угорских народов этнические верования. Конфессиональное многообразие и возможность использования ГИС для его отражения предполагается рассмотреть на примере конфессиональных групп немецкого населения Башкортостана. Верующие немцы – католики, лютеране, баптисты, меннониты. Важным методом отображения религиозного многообразия является изучение религиозного опыта всех групп населения и включение их в одну информационную систему. Картографирование территорий распространения конфессий, духовных центров, культовых объектов и т.п. позволяет визуализировать изучаемые аспекты, дает возможность проследить процессы в динамике. Использование графического метода, создание карт, отражающих весь спектр конфессий, дает возможность увидеть не наполненные информацией,

малоразработанные элементы единой информационной системы, а следовательно, необходимость их разработки и проведения дополнительных исследований.

НАДЫРШИН Тимур Маратович

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского ИЦ РАН (Уфа), timurimp@mail.ru*

**ГЕОГРАФИЯ ВЫБОРА МОДЕЛЕЙ ОСНОВ
РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ И
СВЕТСКОЙ ЭТИКИ (ОРКСЭ)**

Применение ГИС как исследовательского инструмента расширяет возможности изучения вопросов взаимодействия государства и религиозных институтов в области образования, позволяет картографировать данные статистики по выбору модулей предмета «Основы религиозных культур и светской этики», изучить тенденции выбора предмета. Одновременно такие данные позволяют совместить на одной карте статистику выбора модулей с конфессиональной структурой региона и общими тенденциями развития этноконфессиональных процессов. По данным Министерства образования Республики Башкортостан, выбор родителями модуля ОРКСЭ распределяется следующим образом: основы православной культуры – 1,8%; основы исламской культуры – 3,6%; основы буддийской культуры и основы иудейской культуры – 0%; основы мировых религий – 22, 2%; основы светской этики – 72,4%. Наше исследование в городах и районах республики показало, что конфессионально-ориентированные модули «Основы православной культуры» и «Основы исламской культуры» выбирают чаще всего в многоэтнических селах и деревнях, а также в национальных гимназиях в городах. На изучение истории мировых религий и основ светской этики ориентируются родители учащихся в городах Уфа, Нефтекамск, Стерлитамак, Ишимбай, Учалы, Белебей, которые являются промышленными центрами с полиэтническим составом населения.

САДЫКОВА Лиана Рифовна

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы (Уфа), Liana@yandex.ru*

**РОССИЙСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ ТЮРКО-ТАТАРЫ
В США: РАССЕЛЕНИЕ, ЧИСЛЕННОСТЬ,
ОБЪЕДИНЕНИЯ**

Применение ГИС как исследовательского инструмента расширяет возможности изучения российского зарубежья. События XX в. привели к тому, что в Финляндии, Германии, Турции, Китае, Японии, Австралии и США сформировались диаспоры тюрко-татар – тюркоязычных народов России. Тюрко-татары – это собирательное название тюркоязычных эмигрантов из России и республик бывшего Советского Союза, к которым относятся волжские татары, сибирские татары, башкиры, туркмены, узбеки, казахи, киргизы, азербайджанцы и т.д. В США находятся две тюрко-татарские диаспоры – «Ассоциация американских татар» (American-Tatar Association) в Нью-Йорке и «Американская тюрко-татарская ассоциация» (American Turco-Tatar Association). В Нью-Йорке членами «Ассоциации американских татар» являются 88 семей численностью 352 человека. В Сан-Франциско, местечке Бурлингем в «Американской тюрко-татарской ас-

социации» насчитывается 150 семей численностью 600 человек. Общая численность тюрко-татар в США составляет 1 тыс. чел. «Ассоциация Американских Татар» в Нью-Йорке сформировалась на базе «Мусульманского единства» (Moselman Berlege), созданного в Нью-Йорке 15 марта 1927 г. Основателями ее были Нияз Максудов из Уфы, Абдулла Атлас, Загидулла Агишев, еще один Загидулла Агишев (тезка), царский полковник Рашид Хусаинов, Ахтям Сулейманов, Али Уилсон (Welsh). В «Мусульманское единство» входили также туркмены, азербайджанцы, казахи, киргизы, кабардинцы, чеченцы, адыгейцы, карачаевцы, крымские татары. Впоследствии приверженцы разных направлений в исламе, близкие по вероисповеданию и культуре народы, стали отделяться и строить свои национальные общества – крымских татар, туркмен, азербайджанцев, карачаевцев, черкесов. ГИС дает возможность визуализировать процессы миграции, консолидации мусульман и разъединения по этническому принципу.

СТАРОСТИН Алексей Николаевич

*Уральский государственный горный университет (Екатеринбург),
alisheria@mail.ru*

**МЕТОД КАРТОГРАФИРОВАНИЯ КАК СПОСОБ
ВОССОЗДАНИЯ ИСЛАМСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО
ЛАНДШАФТА НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ**

Количественные показатели при описании религиозной жизни той или иной эпохи, того или иного народа все чаще появляются на страницах научных изданий и исследований. Эти данные позволяют наглядно проиллюстрировать, насколько большим влиянием пользовалась та или иная конфессия.

Вопрос о месте и роли мусульман в истории Среднего Урала до недавнего времени был спорным и малоизученным. Однако привлечение широкого круга архивных источников, а также проведенные полевые исследования позволили определить точное количество мечетей и молельных домов на территории Свердловской области в начале XX в., точное количество закрытых храмов в середине XX в. и точное количество исламских культовых сооружений в начале XX в.

На основе собранных данных была создана серия карт, которые позволили проследить изменение исламского религиозного ландшафта на протяжении столетия. Из чисто сельского он приобрел смешанный сельско-городской характер, а сеть мусульманских общин, ранее расположенных исключительно на юге региона, существенно продвинулась на север.

Метод картографирования позволил систематизировать разрозненную архивную информацию и показать значимую роль мусульманских общин в жизни Уральского региона.

СУЛЕЙМАНОВ Раис Равкатович

*Институт национальной стратегии,
журнал «Мусульманский мир» (Казань), kazan-risi@mail.ru*

**МЕЧЕТИ И ЦЕРКВИ В СИСТЕМЕ ГУФСИН:
РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ
В УСЛОВИЯХ ТЮРЬМЫ**

С 1990-х годов в российской системе исполнения наказаний стали функционировать мечети и церкви для

удовлетворения религиозных потребностей заключенных. Сегодня практически на территории каждой колонии и в каждом следственном изоляторе имеется храм или молельная комната, используемые под религиозные нужды осужденных. Актуальность изучения этой проблемы с применением современных технологий обусловлена проблемой ваххабизации состава заключенных в связи с тем, что начиная с 2000-х годов среди заключенных появились религиозные экстремисты, в тюрьмах стали формироваться ваххабитские джамааты. Выйдя на свободу, фундаменталисты продолжают навязывать свои взгляды в мечетях, завоевывая авторитет у мусульманской молодежи, в чьих глазах они выглядят пострадавшими за веру героями, так же как в 1980–1990-е годы бывшие эски для уличной молодежи становились «авторитетами». В социальной иерархии тюремного сообщества России радикал-исламисты на сегодняшний день занимают касту «мужиков» и «фраеров»; «блатных» и «смотрящих» на «зоне» из числа ваххабитов пока не имеется. А значит, в уголовно-криминальном мире пока исламские фундаменталисты не задают тон. В то же время проблема остается, и ее решение зависит от совместной работы государства и традиционного духовенства. Применение ГИС-технологий при изучении данного феномена способствует созданию баз данных по мечетям, церквям, молельным комнатам, радикальным ячейкам в системе ГУФСИН, проведению мониторинга перемещений радикалов после выхода на свободу, определению путем пространственного анализа ареала и центров воздействия радикалов, численности подвергаемой воздействию аудитории. Результаты исследования важны для исследователей, а также для реализации задач Стратегии национальной безопасности России.

ТУЗБЕКОВ Айну́р Ильфатович

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), tuzbek.80@mail.ru*

ГИС В ИЗУЧЕНИИ ПОГРЕБАЛЬНО-КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ МУСУЛЬМАН НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Современные ГИС-технологии дают исследователю возможность проводить геостатистический анализ данных, полученных в ходе этноархеологических исследований. На территории Южного Урала сконцентрирован обширный комплекс мусульманских погребально-культовых сооружений средневековья, нового и новейшего времени. Распространение ислама в Урало-Поволжье в эпоху средневековья стало импульсом для развития уникальных элементов традиционной культуры в ее наиболее консервативном элементе – погребальном обряде. Появлению погребально-культовых сооружений мусульман предшествовал длительный период, основополагающие семантико-композиционные принципы которого начали формироваться еще в эпоху палеолита. Последующие периоды бронзы, кочевников раннего железного века и ранних тюрков соответственно обогащали традиции надмогильной архитектуры. На сегодняшний день погребально-культовые сооружения мусульман характеризуют исключительная массовость, разнообразие, оригинальность типов. Поэтому при изучении данного вида памятников у исследователя формируется большое количе-

ство баз данных, требующих разностороннего анализа, основной интеграции которых может служить автоматическая система географической информации. Применение ГИС позволяет не только фиксировать пространственное расположение погребально-культовых сооружений мусульман, но и выделять районы распространения, разделять на типы сооружений, совмещать существующие данные со всевозможными картами региона.

ФАЙЗУЛЛИНА Альбина Раисовна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань),
fazalbina@rambler.ru*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИИ И ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В настоящее время в школах всех регионов Российской Федерации введены «Основы православной культуры» и «Основы мусульманской культуры» в рамках шестимодульного предмета Основы религиозной культуры и светской этики (ОРКСЭ). Преподавание курса по истории мировых религий является составной частью системной политики, направленной на создание более благоприятных условий для межкультурного и межконфессионального диалога. Нами осуществляется сбор данных по разработке и внедрению программ интеграции светского и религиозного образования, которые ложатся в основу базы данных с последующим картографированием, ГИС-инструментальным анализом процесса на региональном уровне. С учетом регионального компонента реализуются программы разнообразных спецкурсов, факультативных и элективных курсов, таких как «Духовное краеведение Подмосковья» – Московская область; «История православной культуры земли Смоленской» – Смоленская область; «Православие и казачество» – Ростовская область; «История и культура традиционных религий народов Карачаево-Черкесской Республики» – Карачаево-Черкесская Республика; «Культура народов Республики Саха (Якутия)» – Республика Саха (Якутия); «Моя Бурятия» – Республика Бурятия; «Урал. Человек. Истоки» – Свердловская область. В ряде регионов разработаны концепции духовно-нравственного воспитания молодежи, предусматривающие взаимодействие религиозных и государственных органов. В Смоленской области издано распоряжение от 23.09.2014 1293-р/адм «О Концепции развития системы духовно-нравственного воспитания детей и молодежи в культурно-образовательной среде Смоленской области»; во Владимирской области сотрудничество Сторон в области образования, духовно-нравственного воспитания и просвещения обучающихся, развитие системы образования во Владимирской области Соглашение с Владимирской Епархией Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) о духовно-нравственном воспитании и просвещении обучающихся; в Нижегородской области учреждена Педагогическая премия преподобного Серафима Саровского и почетное звание «Серафимовский учитель». Анализ на основе применяемых технологий позволяет оценить численность аудитории и результаты реализации программ интеграции религиозного и светского образования в регионах.

ФИЛИППОВА Ирина Александровна

Средняя общеобразовательная школа № 5 (Магнитогорск),
irina0422@mail.ru

**ПРОСТРАНСТВО ЧУДЕСНОГО:
КРЕСТНЫЙ ХОД С ТАБЫНСКОЙ ИКОНОЙ**

В докладе будут представлены результаты применения геоинформационных методов в исследовании региональной традиции крестного хода с Табынской иконой Божьей Матери. Несмотря на достаточное количество работ по этой теме (Н. Чернавский, Н. Модестов, В. Сергеев, Г. Романов), такая задача исследователями до сих пор не ставилась. Систематизация дореволюционных и современных материалов в этом ключе позволяет выявить закономерности развития и формирования крестного хода с Табынской иконой, обозначить его константы, объяснить процессы возрождения региональной традиции. В результате активной деятельности оренбургских казаков, называющих себя «крестоходцами», в настоящее время существенно изменились границы крестного хода: восстанавливая «полный исторический/большой крестный ход», казаки побывали с иконой в Сербии, Абхазии, Казахстане. Картографирование информации о местах пребывания иконы, о чудесных исцелениях и сакральных объектах, связанных с ее именем, позволит описать карту культурной памяти. Очевидно, что Табынская икона как символ, интегрирующий сообщество, «стягивающий» на себя культурную жизнь провинции, организует и структурирует ее духовное пространство.

ФИШМАН Ольга Михайловна

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
olga_fishman@mail.ru

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АТЛАС
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Цель первого полидисциплинарного (актуальная регионалистика, комплексное источниковедение, историческая география, этносоциальная история и этноконфессиональное картографирование) регионального исследования этноконфессиональной ситуации XIX–XXI вв. состояла в попытке совмещения данных демографической статистики с территориальным размещением в Ленинградской обл. различных этнических и конфессиональных групп, природно-культурных и культовых объектов, элементов традиционной народной культуры.

Использование программного обеспечения Arc View 10 позволило создать различные типы карт (более 70) на единой электронной картографической основе. Главные преимущества подобных карт состоят в возможностях постоянного пополнения и редактирования баз данных и, соответственно, карт на их основе; создания неограниченного числа аналитических карт, самого разнообразного комбинирования слоев при создании карт комплексного содержания; применения разнообразных картографических средств.

Результаты проекта существенно меняют представления об этноконфессиональной истории региона как части Северо-Запада, фиксируют ее специфические черты, заданные пограничным географическим, административным, этнокультурным статусами.

Разработанную методику создания Атласа можно рассматривать как модель для подготовки аналогичных региональных атласов, которые ставят своей целью изучение целостной этноконфессиональной картины в рамках тех или конкретных регионов.

Подготовленный предварительный макет атласа основан на обширном и репрезентативном с научной точки зрения корпусе разнородных архивных, опубликованных и полевых источников (более 200 исторических и электронных карт, таблиц, диаграмм) с пояснительными текстами, справочными материалами и комментариями, иллюстрациями (350).

ХАБИБУЛЛИНА Зия Рашитовна

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), ziyahabibi@mail.ru

**МЕТОД КАРТОГРАФИРОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ
ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
МУСУЛЬМАН БАШКОРТОСТАНА**

Паломническая традиция мусульман Башкортостана, наряду с сохранением общего для всех мусульман центра паломничества – Мекки и Медины, характеризуется широким распространением обычая посещения могил святых (аулия), которыми стали подвижники ислама, суфии, религиозные деятели, известные своим благочестием и правотоверностью. Народная молва сохранила множество рассказов о творимых ими при жизни всевозможных чудесах. Мусульмане молятся у могил аулия, обращаются к ним за помощью, верят, что посещение могилы или прикосновение к надгробию поможет снискать барака – благословение святого. Данная религиозная практика достаточно известное явление в исламском мире, несмотря на то, что ортодоксы вероучения считают его вредным суеверием. Появившись под влиянием местных религиозных верований в разных странах с мусульманским населением, она продолжает существовать.

В настоящее время в Республике Башкортостан известно более 100 особо почитаемых мест захоронений аулия. Разработанная карта почитаемых объектов мусульман на основе полевых материалов, полученных автором в ходе этнографических исследований на территории Башкортостана, изучения письменных источников и специальной литературы, позволяет проследить наличие и развитие народных форм ислама в регионе, динамику распространения обычая посещения святых мест, этнические особенности традиции паломничества. Визуализация культовых объектов предоставляет возможность выработать комплекс мер по их сохранению, ввиду того, что в большинстве своем они несут уникальную информацию об истории, культуре, традициях, верованиях местных народов. Анализ карты органически дополняет исламоведческие исследования на Южном Урале.

ЮНУСОВА Айслу Билаловна

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), aislu557@gmail.com

**ГЕОИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА
«РЕЛИГИИ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ»**

Южный Урал является поликонфессиональным регионом с богатым историко-культурным наследием. В Баш-

кирии действуют 1132 мусульманских, 314 православных, 10 старообрядческих, 172 протестантских, 4 иудейские общины; в Оренбургской области – 245 православных и 103 мусульманских общины; в Курганской области из 178 религиозных объединений 135 христианских общины, в том числе 105 приходов Курганской и Шадринской епархий РПЦ, а также 42 мусульманских общины. Для решения актуальных проблем религиоведения и антропологии религии целесообразным является применение информационных технологий и геоинформационных систем (ГИС), при всей значимости традиционных методов. Исследование религиозного многообразия Южного Урала и межрелигиозных отношений предполагает использование ГИС в качестве инструмента оценки состояния религий на основе картографирования пространственных и статистических данных, создания визуальных представлений об основных институтах религий, анализа распространения, пересечения и взаимовлияния духовных ценностей этносов, развития сети религиозного образования для обеспечения учета и сохранности объектов духовного наследия народов Южного Урала. Функ-

циональные возможности ГИС позволяют визуально представлять на карте Российской Федерации основные объекты историко-культурного наследия народов поликонфессионального Южного Урала с включением видео- и звукового ряда, с разработкой электронной мультимедийной карты с глубоким справочным правовым, историко-культурным, социально-экономическим, археологическим, этнографическим, библиографическим, просопографическим, этностатистическим сопровождением, с демонстрацией объектов историко-культурного наследия – памятников, экспонатов музеев Южного Урала и других регионов, экспедиционных материалов, с применением диалоговых возможностей. ГИС «Религии и этноконфессиональные процессы на Южном Урале» содержит пространственную и атрибутивную информацию об основных этапах исторического развития многонационального региона, его народах, религиях; имеет поисковую систему, осуществляет поиск по различным атрибутам, именам, датам, предполагает регулярное обновление, возможность включения дополнений, присылаемых пользователями. Доступ к ГИС неограниченный.

Секция 19
РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ,
КУЛЬТУРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Винокурова Ирина Юрьевна – д.и.н., Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН (Петрозаводск)

E-mail: irvin@sampo.ru

Шабает Юрий Петрович – д.и.н., профессор, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар)

E-mail: shabaev@mail.illhkomisc.ru

АРУКАСК Мадис

Тартуский университет (Тарту, Эстония), madis.arukask@ut.ee

**ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЙ МИФ
О СОТВОРЕНИИ МИРА И ЕГО
РИТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ**

Известная среди прибалтийско-финских народов руническая песня, в которой говорится о возникновении мира из яйца или яиц, является достаточно редкой, поскольку в ней отсутствует прямое противодействие сотворению мира и соответствующий антагонистический персонаж. Одно из самых фундаментальных исследований этой песни провел Матти Кууси (1956), который наряду с рассмотрением региональных вариантов, сконструировал и основную структуру песни, а также показал возможную связь мифа о рождении из яйца с имеющим более широкое распространение мифом о ныряющей водоплавающей птице.

Отсутствие антагонистического персонажа в прибалтийско-финской истории сотворения мира указывает на два важных обстоятельства: 1) имеется дело с очень древней (особенно учитывая параллели с Юго-Восточной Азией), предшествовавшей распространению индоарийской культуры историей охотничьей культуры каменного века, когда по всей вероятности на передний план в такой мере не выдвигались дуалистические структуры; 2) вероятно, могло произойти относительно раннее «забывание» этого мифа в Северной Европе, когда он больше уже не действовал в качестве культурного базового текста. Поэтому и не произошло «переписывание» этой истории с использованием дуалистических (христианских) обновлений.

В Эстонии записано почти 200 вариантов песни на эту тему. В докладе я буду рассматривать эстонскую лиро-эпическую песню о сотворении мира как мифологему, существующую в традиционной культуре. Несмотря на происходившую на протяжении столетий демифологизацию текста, до XX в. вместе с исполнением песни все же сохранился определенный ритуальный контекст.

БАШКАРЕВ Андрей Альбертович

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (Санкт-Петербург), bashkarev@mail.ru

**ИОРДАНЫ КАК САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
(на примере шимозерских вепсов)**

Водные объекты исторически обладали большим значением в традиционной обрядности вепсов. Характерные

для православия представления трансформировались на исконно вепсских территориях, с учетом бытовавших в дохристианский период языческих культов. У вепсов были известны разные формы ритуалов, связанных с водой; целью этих действий было «очищение» человека, избавление его от болезней, придание физической и духовной силы. Место для ритуального омовения и набирания воды получило название «иордань». Подобные объекты были достаточно распространены в вепском ареале, располагаясь, как правило, у берегов озер. Иорданы использовались вепсами в ритуальных целях не только в зимний, но и в летний период. С использованием воды были связаны традиции проведения значимых религиозных праздников, как наиболее известных православных, так и местных (т.н. «заветных»). Примечательным представляется сакральный комплекс в дер. Пелкаса (шимозерские вепсы), состоявший из часовни, иорданы и источника. Сведения информантов, собранные автором, а также материалы предыдущих исследований позволяют выдвинуть версию о связи происхождения иорданы и находившихся рядом с ней культовых объектов с древним захоронением (вепс. *kamišt*). Захоронение могло возникнуть в результате конфликта местного населения с интервентами (т.н. «поляками»), о чем свидетельствуют сохранившиеся предания. Установлена практика современного использования сакральных объектов, в том числе иорданей населением, однако она сужается ввиду сокращения общей численности жителей деревень в вепском ареале.

БОБРИХИН Андрей Анатольевич

Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург), uralfolk@mail.ru

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЗАГРОБНОМ МИРЕ
В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ
УРАЛЬСКИХ МАРИЙЦЕВ**

В жизни и быту марийцев похоронно-поминальные обряды имеют важное значение, в них находит проявление древний культ предков. В обрядах выражается почтительное и уважительное отношение к умершему и ранее погребенным предкам, которые состоят из различных ритуальных действий и направлены на то, чтобы облегчить умершему переход в потусторонний мир, обеспечить там его благополучное существование. Согласно верованиям, соблюдение обрядов по проводам умершего в иной мир успокаивает его душу, и она может помочь живым членам семьи в их хозяйственных и семейных делах и заботах. В случае же непочтительного отношения к умершему, несоблюдения по-

ложенных обрядовых действий, его душа может обидеться и навредить оставшимся родственникам.

Фиксация обрядов, сопровождаемая ведением фото и видеосъемки, записью жанра «прощальных» песен, исполняемых в поминальных обрядах, сбором визуальных и вещественных источников, позволяет приблизиться к пониманию образа и характеристик потустороннего мира в марийском мировоззрении, символической интерпретации обрядовых действий и манипуляций.

БУСЫРЕВА Елена Владиславовна

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского НЦ РАН
(Апатиты), ebusyreva@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФИНСКИХ СЕМЬЯХ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

Истории финских семей на Кольском севере требуют отдельного внимания, поскольку анализ характера идентификации потомков финских семей, семейная память и формы ее трансляции позволяют оценить не только культурные процессы, происходящие в рамках финских диаспорных групп, но и дает представление о межкультурном взаимодействии в регионе. В результате исследования было выявлено, что степень сохранности материнской культуры зависит от культурной политики семьи. Каждая семья имеет свои установки в сфере культуры, культурную стратегию, а также использует определенные способы их реализации. Эта политика реализуется, в частности, в повседневной культурной деятельности по собиранию и хранению семейных архивов. Утрата финской идентичности у финских переселенцев на Кольский полуостров связана с миграционными траекториями конкретных семей, межэтнической брачностью и рядом других факторов. Материалом для анализа послужили интервью, полученные у информантов – потомков семей финских переселенцев, проживающих на территории Мурманской области, были использованы также документы семейных архивов.

ВЕРЕШ Петер Тибор

Комплексный институт гуманитарных исследований Венгерской АН (Будапешт, Венгрия), p.veres@ipcmail.hu

МИФ ОБСКИХ УГРОВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИХ ФРАТРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Самые близкие родственники венгров по языку ханты и манси проживают в Западной Сибири. В позапрошлом веке была обнаружена легенда, в которой сами обские угры пытались объяснить возникновение их фратрий. На основе этого сказания Я. Харматта выдвинул предположение, что у обских угров члены фратрии Мось якобы действительно ели в свое время только сырое мясо в противовес брачному классу Пор. По нашему мнению, несмотря на то, что у хантов и манси в этиологическом мифе о происхождении их дуальной фратриальной системы Пор и Мось «сыромясной народ» противопоставляется «вареномясному народу», это только символизирует обрядовое различие экзогамных групп и соответствует универсальной дуальной символической классификации обских угров, отражающей бинарную общественную структуру и связанную с ней своеобразную двоичную мифическую модель мира. Противопоставление

«сырое–вареное» по фратриям не отражает процессов этнического смешения у обских угров (как ранее предполагали академик Харматта и профессор Ласло, не знакомые с русскоязычной специальной литературой и семиотикой), однако подтверждается финно-угорским лингвистическим материалом, на что венгерские ученые не обратили внимания. Финно-угорский и угорский общий корень хантыйского и мансийского фратриального названия Мось, этимология этнонимов манси и мадь-яр обозначает «говорящий человек» и генетически связана между собой. Мы уже раньше обратили внимание финно-угроведов и этнологов на то, что почти во всех языках мира слова «сказка-миф-легенда» этимологически происходят из глагола «сказать/говорить».

ВИНОКУРОВА Ирина Юрьевна

Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН
(Петрозаводск), irvin@sampo.ru

КАРЕЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЕВЕРНОВЕПСКОЙ КАЛЕНДАРНОЙ МИФОЛОГИИ И ОБРЯДНОСТИ*

Северные (прионежские) вепсы – этнодиалектная вепсская группа, начало формирования которой относится к XIV в. и связано со славянской колонизацией, вытеснившей часть вепсов Присвирья на земли западного побережья Онежского озера. Примерно с XV в. по XIX в. прионежские вепсы с севера и запада находились в непосредственном окружении карельского населения. В дальнейшем на западе русская колонизационная полоса по рекам Ивине и Шуе все более разделяла вепсов и карелов. Длительное соседство с карелами не прошло даром и, как показывают междисциплинарные данные, оказало влияние на самоназвание северных вепсов (*lūdinikad* – 'людики') и их культуру. Целью доклада является рассмотрение карельских заимствований в северновепсской календарной мифологии и обрядности.

Влияние карелов на вепсов Прионежья, связанное с близостью проживания, можно объяснить культурными аналогиями, диапазон распространения которых колеблется в следующих пределах: карелы (довольно широко), только северные вепсы, могут быть и смежно живущие русские. К таким аналогиям относятся: архаичные черты в организации института праздничной гостебы девушек (вепс. *adiv*; кар. *adivo*); комплекс девичьих обрядов повышения привлекательности (*лемби* – у карел, *славутности* – у северных вепсов и заонежан); четкое выделение границ и название летних святок (*kezan sünduma*); жатвенная обрядность, связанная с первым снопом.

У вепсов повсеместно слово *Sünd*, прибалтийско-финского происхождения, имело значение «Бог-Творец, Иисус Христос», приобретенное после христианизации. Однако у северных вепсов были обнаружены более ранние представления о *Sünd*, сходные с южными карелами. В них *Sünd* – предок, ежегодно приходящий на землю в зимние святки.

* Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие: новые смыслы», проект «Вепсы и карелы в Евразийском полиэтническом пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей» (рук. И.Ю. Винокурова).

ВЛАСОВА Виктория Владимировна

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
(Сыктывкар), vv505@hotmail.com*

**К ВОПРОСУ О САКРАЛЬНОМ ЗНАНИИ
В НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАСТАВНИКАХ
В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИНАХ КОМИ**

Концепту «знания» особое внимание уделялось в контексте изучения колдовства и соответствующих практик, а также при рассмотрении вопросов лидерства в массовых религиозных движениях (старообрядчество, русские мистические секты). В докладе выделяются основные содержательные составляющие концепта «знания» применительно к институту наставничества коми староверов. Особое внимание уделяется механизмам формирования религиозного авторитета в беспоповских старообрядческих общинах коми, существовавших на верхней Вычегде, верхней Печоре и Удоре.

В представлениях коми староверов о наставнике нашли отражение и христианский канон, и поверья, восходящие к архаическим традициям. С одной стороны, наставник следил за «чистотой веры», читал и трактовал священные тексты, являлся лидером религиозной общины; с другой – мог являться, по мнению верующих, носителем тайного знания (тодысь). Поведение и поступки наставника могли наделяться общественным мнением разными смыслами в зависимости от его личной репутации. Непротиворечивое существование синкретических представлений о наставниках было возможно в рамках народной концепции «знания», которая не конкретизировалась его направленностью, о чем свидетельствуют номинация лиц, обладающих сакральным знанием, как в русской, так и в коми традициях.

ВОЛДИНА Татьяна Владимировна

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск),
tvoldina@rambler.ru*

**ОБРАЗ ДРЕВА ЖИЗНИ
В ФОЛЬКЛОРЕ И ОБРЯДАХ ОБСКИХ УГРОВ
В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О РЕИНКАРНАЦИИ**

Важнейшей мифологическим символом во многих традиционных культурах мира, отражающим первичные принципы мироздания является образ мирового дерева (как вариант – дерева жизни). В традиционном мировоззрении хантов и манси образ дерева жизни связан с представлениями о жизненной силе и вечной жизни, и нашел свое отражение в фольклоре и обрядовой деятельности. Например, миф о мировом космическом древе исполнялся у хантов в песенной форме и относился к разряду священных. В сказаниях упоминается семиствольная береза, через которую герои попадают в разные миры. В родильных и погребальных обрядах деревья также выполняют эту же символическую функцию. Цель доклада раскрыть этот образ через призму обско-угорских традиционных представлений, связанных с реинкарнацией – верой в перевоплощение человеческих душ.

ВОЛКОВА Марина Семеновна

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева (Саранск),
marina-volkova-sar@yandex.ru*

**РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ПРОВЕДЕНИИ
ТРАДИЦИОННОГО МОРДОВСКОГО
СВАДЕБНОГО ОБРЯДА**

Начиная со второй половины XX века менялась роль женщины в обществе – поле ее деятельности расширилось. Но какова бы ни была современная жизнь, какие бы новые роли не играли женщины, – одно остается неизменным, – только женщина является хранительницей семейного очага, семейных устоев и без ее ведома не проходит ни один мордовский обряд. В традиционной мордовской свадьбе женщина играла главную роль. В доме невесты – невеста со своими подругами, а в доме жениха – сваха, которая управляла всей свадебной обрядностью и поэтому ей приписывали роль самого божества дома «Кудавы». Невеста в традиционной мордовской свадьбе после сватовства причитала и готовила дары для родственников мужа. В приготовление даров ей помогали подружки. Они же были главными действующими лицами при проведении девичника, которой у мордвы-эрзи называется «Кашадоярсамо», в переводе «кушать кашу» и при посещении невестой бани «Тейтерень баня». Свахе отводилась роль руководителя свадебной процессией. В эрзянской свадьбе после венчания сваха в церковной сторожке заплетала молодой волосы в две косы и надевала женский головной убор «кокошку», а затем покрывала ее голову фатой. На второй день свадьбы под руководством свахи молодуха пекла блины, ходила за водой, чтобы ее представили «Ведяве» (Богине воды), а также ее нарекали другим именем. В первую субботу после свадьбы молодая топила баню молодухи («Одирвань баня»).

ГОЛЕВА Татьяна Геннадьевна

*Пермский научный центр УрО РАН (Пермь),
golevat@yandex.ru*

**РИТУАЛ НАПИСАНИЯ «КАБАЛЫ»
У КОМИ-ПЕРМЯКОВ И РУССКИХ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ***

Ритуал написания «кабалы» лесному – один из приоритетных способов поиска пропавшего животного на отдельных территориях проживания коми-пермяков. Аналогичная традиция описывается исследователями севернорусских областей. Данные публикации позволяют провести сравнительный анализ похожих обычаев двух народов. На первый взгляд удивляет их близкое сходство в лексическом обозначении, в акциональном и вербальном исполнении и даже в зафиксированном периоде бытования традиции.

Вместе с тем, при тщательном анализе выявляются и некоторые отличительные черты. Прежде всего, различия проявляются в вариантах локальных традиций. Сравнение позволяет установить первоначальный эталон ритуала, выя-

* Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00072 «Этнокультурные процессы у народов Урала в конце XIX – начале XXI вв.»

вить инновационные элементы в других примерах, проследить его трансформацию.

В коми-пермяцкой среде инновации и трансформации связаны с адаптацией ритуала к архаичным этническим традициям или с использованием православных элементов; с техническим развитием общества, с социальными преобразованиями и изменением роли знахаря. Кроме этого, сравнение обычаев ставит вопросы об истоках появления и условиях распространения ритуала (то есть о взаимодействии русских и коми-пермяков), а также о влиянии его на другие компоненты традиционной культуры народа.

Факты распространения ритуала среди русского населения на разных территориях, написания и чтения текстов кабалы коми-пермяками, как правило, на русском языке, а также некоторые другие свидетельства говорят в пользу восприятия коми-пермяками рассматриваемого способа поиска скота от русского населения и дальнейшей адаптации и развития его в собственной культуре.

ДУБРОВСКАЯ Елена Юрьевна

*Институт языка, литературы и истории
Карельского НЦ РАН (Петрозаводск),
dubrovskaya@krc.karelia.ru*

ВОСПОМИНАНИЯ ФИНЛЯНДЦЕВ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, КОНТАКТЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ

Проблема контактов российских военных с населением Финляндии в годы Первой мировой войны, противоречия, возникавшие между ними, как и явления этнокультурной терпимости в повседневной жизни военных и гражданского населения Финляндии в более ранний период, складывавшиеся представления друг о друге долгое время не становились предметом специального изучения. Армейская психология, формировавшаяся и наиболее ярко проявившаяся в 1914–1918 гг., накладывала характерный отпечаток на жизнь общества в целом и после выхода России из мировой войны. Вслед за изменениями военного времени в армейской и флотской среде произошли перемены как в культурной, так и в религиозной жизни. Проанализирован миф военных, столкнувшийся с мифом жителей Великого княжества, особенно в период российской революции 1917 г.

Это открывает перспективы для изучения проблем политической культуры, военной антропологии, влияния военного фактора на жизнь населения «своей» / «чужой» территории, какой воспринималась Финляндия в Российской империи; позволяет проследить за отношением армейцев и флотских чинов к деталям быта и иным аспектам гражданской жизни. Материалы, обнаруженные в коллекции «1918 год» Архива Финского литературного общества в г. Хельсинки, дают возможность увидеть российских военных глазами финляндцев, как правило, их младших современников, правда, почти через полувековую толщу времени. Документы российских и финляндских архивов проливают свет на круг вопросов, связанных с взаимным восприятием друг друга военными и населением княжества.

ЖУКОВ Алексей Юрьевич

*Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН
(Петрозаводск), zhukov_a@sampo.ru*

ПРЕСТОЛЬНЫЕ ПРАЗДНИКИ КАРЕЛОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ КАРЕЛОВ- ЛИВВИКОВ И ЛЮДИКОВ (XV–XVIII вв.)*

За XV–XVI вв. у карелов Приладожья и северной половины Корельской земли сложился традиционный корпус престольных предпочтений, отличный от тогдашних престольных почитаний их соседей вепсов. В XVII–XVIII вв. при образовании из карелов и вепсов новых этнических групп карелов-ливвиков и людиков на севере ареала проживания древних вепсов параллельно шел процесс взаимного восприятия карелами-переселенцами и местными вепсами престольных предпочтений друг друга. В результате к середине XVIII века у ливвиков и людиков сложились корпус общего престольного именослова. Анализ наименований престолов в переписях XV–XVIII вв. позволяет установить этапы и динамику складывания общего именослова престольных посвящений и выявить роль и значение генезиса престольных предпочтений в данном этническом процессе.

ИВАНОВА Людмила Ивановна

*Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН
(Петрозаводск), ljuchiki@mail.ru*

ЛЕМБИ И ЛЕМПО: К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНО- МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ КАРЕЛОВ

Доклад подготовлен на основе изучения ритуальной практики и архаической лексики карелов, а также таких фольклорных жанров, как эпическая и заклинательная поэзия и мифологическая проза. Рассматривается одно из основных понятий любовной магии карелов – лемби. Выявлена постепенная трансформация религиозно-мифологических воззрений карелов и сужение рамок использования этого термина. Во второй части доклада исследуется образ Лемпо, его эволюция от некоего божества любви и покровителя молодых людей до злого духа, обитающего в лесу и похищающего детей.

КАРАКИН Евгений Валентинович

*Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск),
karakin.86@mail.ru*

МЕСТО «ВЕЛИКОГО РАЗРЕШЕНИЯ» (материалы по карельской родильной обрядности, связанной с баней)

Целью настоящего доклада является рассмотрение данных из различных источников (этнография, фольклористика, лингвистика) о бане как месте, где совершались роды у карелов.

* Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие: новые смыслы», проект «Вепсы и карелы в Евразийском полиэтническом пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей» (рук. И.Ю. Винокурова).

Устоявшееся мнение ряда исследователей заключается в том, что у карелов наиболее подходящим местом для родов считались хлев и баня, и только в редких случаях рожали в доме. Тем не менее, именно баня, как место «великого разрешения» оставила след в эпических песнях, заговорах и устойчивых выражениях карельского языка.

Роды в бане сопровождались различными обрядами и заговорами: топка бани особенными дровами, вхождение роженицы в баню, первое купание ребенка в бане и подготовка воды для этого. Немаловажную роль при родах и в послеродовой период играла повитуха, которой должна была быть, как правило, немолодая, знающая свое дело, женщина.

Трудно себе представить жизнь карела без бани. На протяжении всего жизненного цикла человек был тесно связан с этой хозяйственной постройкой. В начале прошлого столетия добрая половина карелов провела свои первые часы и дни жизни в бане. Эти значимые моменты в жизни человека придают бане особый статус и особое отношение к ней, заставляют выдвинуть предположение, что именно это место, а не хлев, было первым помещением для родов в карельской традиции.

КОНККА Алексей Петрович

Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН (Петрозаводск), aleksikonkka@hotmail.com

СВЯТОЙ ИЛЬЯ В КАРЕЛИИ*

Ветхозаветный пророк Илья – редкий пример почитания в православных странах святого раннехристианского, иудейского происхождения. Объяснением этого факта является его связь с дохристианскими богами-громовержцами, прослеживающаяся в различных культурах. Так происходило и в официальном российском православии (языческий Перун и вставший на его место Илья), но эта тенденция также прослеживается во многих других местах. Так, самый популярный на российском Севере и в Карелии, наряду с Николаем Чудотворцем, святой, унаследовал свои функции от карельского языческого верховного божества Укко – повелителя погоды и громовержца. У карел и финнов еще сохранилось достаточное количество представлений об Укко, чтобы реконструировать его образ и сравнить с верованиями, связанными с Ильей пророком. Одним из древнейших обрядов, связанных с именем Ильи, был календарный обряд жертвоприношения животных, «мировая жертва», необходимая для нормального хода природных процессов и функционирования связанной с ними хозяйственной деятельности. На Илью в некоторых местах проводились конские ристалища. В докладе представлены также карты распространения престольных праздников в честь Ильи в период XVI–XIX вв. и определяются два пути миграции их на север: вдоль шведско-финско-российской границы из Корельского уезда и по западному берегу Онежского озера с вепсских территорий.

* Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие: новые смыслы», проект «Вепсы и карелы в Евразийском полиэтническом пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей» (рук. И.Ю. Винокурова).

КОРОВИНА Надежда Степановна

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар), nadezhdakorovina@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЙ И ОБЫЧАЕВ В КОМИ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

При изучении древней коми культуры исследователям в большинстве своем приходится оперировать разрозненными фактами, т.к. письменные памятники, характеризующие раннюю историю Коми края, весьма скудны. Многие ранние обряды и обычаи можно описать только лишь путем их реконструкции на основе более поздних свидетельств, не связанных прямо с первоначальными группами населения края. Поэтому «драгоценным историко-этнографическим источником» при изучении древнего мировоззрения коми может стать сказка, т.к. она в генетическом, функциональном и образно-содержательном плане связана с социальными и бытовыми институтами народной жизни и устойчивыми повторяющимися ситуациями. Конечно, сказочный материал не отражает какой-либо законченный цикл действий, связанный с обрядом или обычаем. Вместе с тем отдельные сказочные сюжеты содержат много интересных сведений, характеризующих те или иные стороны обрядовой жизни, например, древние погребальные обычаи (обычай захоронения в жилище). В одних случаях содержание сказок отражает те данные, которые уже нашли подтверждение в исследованиях этнографов и археологов (обычай снабжения умершего сопроводительным инвентарем), в других случаях сам фольклорный материал становится источником для изучения обряда или обычая (захоронения в жилище, обрядов посвящения).

КОРОЛЕВА Светлана Юрьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь), petel@yandex.ru

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЕ ПРЕДАНИЯ О СИЛАЧАХ ПЕРЕ И МИЗЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА И СВЯЗЬ С СОВРЕМЕННЫМ САКРАЛЬНЫМ ЛАНДШАФТОМ

Устные предания о братьях-силачах Пере и Мизе фиксируются исследователями с 1771 г. по настоящее время. На основании известных записей реконструируется ареал бытования, совпадающий с зоной интенсивных межэтнических контактов коми, коми-пермяков и русских (часть Республики Коми и Кировской области, Красновишерский р-н Пермского края и все районы Коми-Пермяцкого округа). Исследователями отмечалась распространенность отдельных сюжетов и мотивов, связанных с Перой, в фольклоре не финно-пермских народов, что может свидетельствовать о сложном генезисе цикла. Очерчена в научной литературе (Д.И. Гусев, М.Н. Ожегова) и его историческая основа: так, сюжеты о борьбе с лешим соотносятся с родовым строем коми-пермяков, противостояние героя графу Строганову – с периодом крепостного права и т.д. Новейшие записи, сделанные в Гайнском р-не округа в 2014 г., свидетельствуют о прямой связи этих преданий с объектами местного сакрального природно-культурного ландшафта. С именами Перы и Мизи связываются два больших камня; силачам

приписывается основание деревни Мэдгорт; в лесу обнаруживаются следы «амбара» Перы и его «могила». Она расположена поблизости от старого кладбища, что типично для почитаемых могил «старых людей» (по-видимому, первых насельников) у соседних косинских и кочевских коми-пермяков. Уточнить историческую основу преданий помогает обращение к писцовым и переписным книгам, ревизским сказкам (XVI–XIX вв.). В частности, появление на родине братьев-силачей нескольких семей Мизёвых (по преданию, прямых потомков Мизи) впервые фиксируется в источнике 1647 г.

КУПЕРЬЯНОВ Андрес

Эстонский литературный музей (Тарту, Эстония), cps@folklore.ee

ВЕРОВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ДЕРЕВЬЯМИ, В ФОЛЬКЛОРЕ ЭСТОНЦЕВ И ДРУГИХ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Деревья образуют большую часть окружающего нас ландшафта, имеющего различный вид. Начиная с 1995 г., отделом фольклористики Эстонского литературного музея в базы данных введено более 140 тыс. записей текстов из большинства сборников эстонского фольклора. 20 тыс. из них помечены как связанные с деревьями в 400 различных аспектах. Важнейшие из них относятся к народной медицине, календарной обрядности, народной астрономии, хозяйственному использованию деревьев в каждодневной жизни, предсказаниям приплода скота и урожая зерновых. Также заметная часть связанных с деревьями текстов касается нарративов о скрытых сокровищах.

Интересный кластер образуют нарративы, связанные с мифологией, например, мотивы о деревьях, посаженных королями (предсказания будущего изменения границ и др. мотивы); о свадебных гостях, превратившихся в деревья; о невольниках, убегающих от преследователей и попросивших превратить их в деревья; о священных деревьях. В раннем эпическом фольклоре содержатся сведения о мировых деревьях. В докладе подробнее рассматриваются аспекты и мотивы, связанные с мифологией и святостью, проводятся параллели с фольклором финно-угров и славян.

КЫЙВА Маре

Эстонский литературный музей (Тарту, Эстония), mare@folklore.ee

ГЛАВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ЭСТОНСКИХ ЗАГОВОРАХ

В докладе рассматриваются различные человеческие и нечеловеческие главные персонажи, обнаруженные в полном текстовом корпусе эстонских заговоров. Самые многочисленные группы: (а) мифологические существа, покровители природных явлений; (б) христианские персонажи, включая святых; (в) природные объекты; (г) заклинатели; (д) человеческие и нечеловеческие больные.

Кроме того, дан краткий обзор их функций и передач функций: (а) помощь и защита, усиление магической силы; (б) нанесение вреда, зловредность, увеличение вредительских намерений и т.д.

В докладе также дается сравнение главных персонажей эстонских заговоров с прибалтийско-финскими и славянскими.

КЮРШУНОВА Ирина Алексеевна

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск), kiam@onego.ru

ОСОБЕННОСТИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В ОНОМАСТИКОНЕ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА (по памятникам письменности Карелии XV–XVII века)

Антропонимия Карелии XV–XVII вв. представляет синтез славянской и финно-угорской (прибалтийско-финской, саамской) систем именования, обусловленный длительными контактами народов на протяжении веков. Обе антропонимические системы к указанному периоду испытали мощное влияние христианства и в старорусское время использовали для наращения календарные имена, адаптированные русским языком. Несмотря на то, что христианская система становится основополагающей для старорусского периода, в антропонимии региона, по данным русскоязычных и шведских документов, сохранились и до конца XVII века активно функционировали дохристианские имена и прозвища, имеющие славянскую или финно-угорскую (прибалтийско-финскую, саамскую) апеллятивные основы (Третьяк, Боран, Кукой, Ребуй, Конжуй, Kuika, Härkä и т.д.). В ономастической системе возникают гибридные именования, совмещающие разнотипные компоненты (Никифорко Орел Яковлев сын Лембитов, кемлянин). Переплетение ономастических формирует особую антропонимическую картину.

Анализ отапельлятивной части ономастикона, сопоставление разнотипных единиц позволяет определить наиболее культурноносные элементы, его универсальные и специфические составляющие. Так, в обеих системах именования имеется мощный пласт зоонтопонимов, однако при совпадающих компонентах частотность выбора конкретных названий животных в качестве именования человека неодинаковая.

Безусловно, в данный период антропонимы подвергались мотивировочной эволюции, развивали новые ассоциативные признаки при сохранении старых, связанных с древними верованиями. Поэтому каждую отапельлятивную антропонимическую единицу отличает комплекс мотивов именования: от древнейших мифологических до новых семантических коннотаций.

Таким образом, в региональной антропонимии особым образом отражается диалог культур, проявляются национально-духовные ценности полиэтничного общества.

ЛИМЕРОВ Павел Федорович

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар), plimeroff@mail.ru

ЗАГРОБНЫЙ МИР В РЕЛИГИОЗНО- МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КОМИ

Вера в загробную жизнь является неотъемлемой и едва ли не основной концепцией всех религий мира. Согласно учению Церкви, человеческая душа, пережив эсхатологическую драму смерти, посмертного суда и загробного воздаяния, направляется в место своего вечного пребывания – ад или рай – в зависимости от суммы совершенных при жизни грехов или праведных деяний. Представления коми о загробном мире складывались под непосредственным влиянием

ем христианского вероучения, но, в то же время, сохраняли некоторые мотивы и образы дохристианских описаний мира предков. Загробный мир отделен от мира живых реальным географическим пространством как далекая обитель предков на севере. Чтобы его достичь, умерший совершает долгое и трудное путешествие, пересекая высокие горы, леса и реки. Загробный мир представляет собой крутую и скользкую гору, окруженную со всех сторон огненной рекой. На горе находится Рай, к которому стремятся души умерших. Архангел Михаил на лодке перевозит через реку души праведных, души грешников должны переходить через реку по узкой жерди. В образе «огненной реки» угадывается концепция Ада, преисподней, куда падая, проваливаются грешники. Возникновение преисподней обосновано в мифологии рядом версий: (1) низвергнутый с небес Омбь-Чёрт уходит в нижний мир через отверстие от забивания колышка; (2) после проклятия Еном первой женщины, убившей по совету Омбля двенадцать своих дочерей, она проваливается в преисподнюю, где становится смертью, а ее дочери – духами болезней; (3) мифические первопредки коми – чужь погребают себя в земле или уходят под землю, тем самым открывая «нижний мир» и становятся первыми умершими; (4) преисподнюю «открывают» два первых умерших грешника – пьяница и скупец.

МИНВАЛЕЕВ Сергей Андреевич

Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН (Петрозаводск), minvaleevs@gmail.com

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КАРЕЛОВ-ЛЮДИКОВ (по материалам первой этнографической экспедиции Р.Ф. Тароевой)*

Настоящий доклад посвящен анализу такого консервативного обряда жизненного цикла, как похоронный обряд у карелов-люди́ков. Похоронно-поминальная обрядность карелов первой половины XX века рассматривается на основе материалов первой этнографической экспедиции, совершенной к лю́ди́кам в 1956 г. под руководством Р.Ф. Тароевой, по праву считающейся основательницей этнографической науки в Карелии. Цель данного исследования: попытка реконструировать на основе экспедиционных записей традиционную погребально-поминальную обрядность кондопожских лю́ди́ков из деревень Койкары, Наволок, Святнаволо́к, Курганова Сельга, Юркостров (Республика Карелия). В докладе рассматриваются такие основные циклы погребального ритуала, как подготовка покойника к захоронению, непосредственно похороны и поминальная обрядность. Важной частью исследования является сопоставление состава и структуры лю́ди́ковской похоронно-поминальной обрядности с обрядностью других этнолокальных групп карелов (ливви́ки и северные карелы) на основе работ Ю.Ю. Сурхаско, К.К. Логинова и др. Помимо общекарельских черт, обрядность похоронного цикла у лю́ди́ков сохранила свои локальные особенности, такие как вынос покойника из дома на четвертый день после смерти, запрет картофеля в составе

поминального стола и др. В докладе широко используются цитаты из экспедиционных записей, приведены примеры из жизни информантов. Несмотря на то, что к 1950-м годам традиции карельской похороннопогребальной обрядности под влиянием модернизационных процессов и государственной атеистической политики были частично утрачены, все же данная обрядность у лю́ди́ков сохраняла свои древние маги́ко-ритуальные черты и компоненты христианского происхождения.

МИННИЯХМЕТОВА Татьяна Гильничихметовна

Институт истории и европейской этнологии университета Инсбрука (Инсбрук, Австрия), tatiana.minniyak@uibk.ac.at

ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ОСВОЕНИЯ И СТРУКТУРИРОВАНИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА (на примере удмуртов)

В поисках источников для освещения смысла понятий и представлений какой-либо конкретной культуры не раз прибегали к помощи мифологии, космологии, верований, обычаев и обрядового искусства. Известно, что символы, коды и их интерпретации действуют в рамках определенной культуры, основываясь на том, как люди «видят, чувствуют и представляют себе мир» [Ortner, 1983], и эти растолковывания формируют систему общего культурного смысла [Des Chene, 1996], но всегда с учетом духовной и материальной составляющих.

В данном сообщении предлагается рассмотреть привычные в прошлом или традиционные навыки освоения и структурирования окружающего мира, связанные с этим «движение времени» в мировосприятии удмуртов и «адаптированные» к общепринятым нормам способы их передачи в современности. Изучение вопроса само вынуждает обратиться к проблеме границы и лиминальности: на периферии процессы всегда протекают более активно, чтобы оттуда устремиться в ядерные структуры и вытеснить их [Лотман, 2000]. Другим неперемным условием в исследовании вопроса является изучение различий между сакральным и несакральным и их переходное состояние; поддержание и сохранение их разницы постоянно воссоздают социальный порядок общины [Siikala, 2005].

Принимая во внимание, что в антропологии ситуация усугубляется неопределенностью самого ее предмета и дисциплинарных границ [Соколовский, 2011], исследование опирается на теоретические основы смежных наук.

МИРОНОВА Наталья Петровна

Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар), sidnap@mail.ru

ВЛАСОВА Татьяна Анатольевна

Удмуртский государственный университет (Ижевск), tavlasova@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ В ОЦЕНКАХ РОДИТЕЛЕЙ (на примере Республики Коми и Удмуртии)

С принятием в 2012 г. нового закона об образовании исчезло понятие «национально-региональный компонент» в образовании. Тем не менее, в школах и детских садах сохраняются региональные программы обучения родным языкам. В настоящем исследовании представлены результаты

* Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие: новые смыслы», проект «Вепсы и карелы в Евразийском полиэтническом пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей» (рук. И.Ю. Винокурова).

опросов 2013–2014 гг. о востребованности этнокультурного образования в образовательных учреждениях Республики Коми и Удмуртии. Анализ итогов исследования позволяет утверждать, что основной характеристикой, в соответствии с которой родители оценивают образовательный потенциал школы, является качество образования, выражающееся в баллах ЕГЭ и количестве детей, поступающих в вузы. Усилий образовательных и общественных структур явно не достаточно, чтобы поддерживать устойчивый интерес учеников школ и их родителей к участию в этнокультурных программах. Основными проблемами, которые сопровождают реализацию этнокультурных программ, можно назвать, во-первых, слабую мотивацию учеников и родителей; во-вторых, отсутствие коммуникативного пространства, где происходило бы общение на родном языке. Несмотря на то, что большинство семей в повседневном общении использует русский язык, родители считают возможность изучения родного языка и знание родной культуры важным ресурсом для трансляции культурных ценностей в семье.

МОКШИН Николай Федорович

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск), kaf_dor@mail.ru

ЭТНОНИМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ В ФАМИЛИЯХ МОРДВЫ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ИЗУЧЕНИЯ ЕЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Внедрение в мордовскую среду фамилий русского образца было связано с потребностями государственного делопроизводства, ибо антропонимическая путаница создавала затруднения в учете населения, раскладке налогов, ведении судебных дел, розыске беглых крестьян. Фамилии присваивались местным жителям русскими священнослужителями, чиновниками, помещиками, производившими их обычно из имени или прозвища отца, от этнонимов, в том числе мордовских, и других основ по типу русских фамилий на -ов, -ев, -ин, (к)ин, -онков, -енков, -енский.

Фамилии, содержащие в своей основе этнонимы мордва, эрзя, мокша или личные имена, произведенные от них, распространены ныне не только среди мордвы, но и русских, татар. Они, как правило, свидетельствуют о мордовском происхождении их первоначальных носителей: Мордва-нюк, Мордвилко, Мордвин, Мордвин-Шодро, Мордвиненко, Мордвинкин, Мордвинов, Мордвинцев, Мордвишов, Мордвушин, Мордвянинов, Мордовин, Мордовкин, Мордовских, Мордовцев, Мордовочкин, Мордовченко, Полу-мордвинов, Мокшаев, Мокшакин, Мокшаков, Мокшанин, Мокшанихин, Мокшанкин, Мокшанов, Мокшанский, Мокшанцев, Мокшарев, Мокшин, Мокшов, Эрзямаев, Эрзизма-нов, Эрземасов, Эрзов, Эрзяев.

Из наиболее известных псевдонимов, произведенных от этнонимов мордва, мокша и эрзя, назову псевдонимы Мордовец (писатель), Мокшони (писатель), Эрзя (скульптор).

В то же время среди мордвы так или иначе закреплялись фамилии с иноэтнической этнонимной основой, свидетельствующие о немордовских корнях в родословной их носителей: Арапов, Бургасов, Башкиров, Веткасов, Вотяков, Губанов, Куманев, Ногаев, Немцев, Печказов, Поляков, Русяев, Русскин, Рузавин, Татаркин, Цыганов, Цыганкин, Черкасов, Чувашов, Чудаев, Чудайкин и др.

НЕЧАЕВА Марина Юрьевна

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), atlasch@narod.ru

МОНАСТЫРСКИЕ ЛАНДШАФТЫ И ПАЛОМНИЧЕСКИЕ ПУТИ УРАЛА: УСТОЙЧИВО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ И БРЕНДИРОВАНИИ

Позиционирование определенных архитектурно-природных комплексов как культурных ландшафтов требует учета различных системных элементов. В частности, важно учитывать характер идентификации населения с определенным качественным состоянием культурного ландшафта. Данный фактор необходимо принимать во внимание и в тех случаях, когда существует вариативность видового определения ландшафтов. В частности, такие спорные ситуации возникают при позиционировании комплексов в виде монастырского ландшафта или части паломнического пути. Так, на Урале самым известным религиозным центром с давними историческими традициями является Верхотурье, которое имеет основания позиционироваться и как исторический город, и как часть паломнического пути из Верхотурья в Меркушино, и как два монастырских ландшафта (Николаевского мужского и Покровского женского монастырей). При решении данной проблемы существенно учитывать не только целостность и сохранность комплексов построек и исторических территорий, но и историческую память, связующую жителей с ними. Спорными являются и моменты позиционирования монастырских ландшафтов, отражающих определенные периоды истории. В частности, Далматовский Успенский монастырь мог бы рассматриваться как монастырский ландшафт досоветского периода, когда монастырь был центром обширных вотчин. Однако необходимо учитывать, является ли историческая память об этой взаимосвязи значимой для населения бывших вотчин монастыря теперь, после 250-летнего обрыва этих связей.

СИРАГУЗА Лаура

Университет Абердина (Абердин, Великобритания), laurasiragusa@yahoo.it

PUNEGID: УСТОЙЧИВОСТЬ ЯЗЫКА И ЗНАХАРСКИЕ ПРАКТИКИ У ВЕПСОВ

Настоящий доклад посвящен проблеме устойчивости языка, на примере родного языка вепсов. Я считаю, что есть особые социальные (и более широко, экологические) факторы, играющие важную роль в акте говорения на родном языке, которые во многом зависят от того, где люди говорят и кто является участником акта коммуникации. Языковая экология включает в себя не только языковые идеологии и коммуникативные практики, но также порой запутанные отношения с одушевленными и неодушевленными телами и предметами, которые существуют в окружающем мире. Поэтому концепция устойчивости нуждается в своеобразном повороте в сторону экологии, где люди используют язык гораздо шире, а не только как систему правил. Под перестройкой концепции устойчивости я понимаю язык, с одной стороны, как индикатор отношений и контактов с окружающей средой, людьми и другими живыми существами, а с другой – отношения сами по себе. На основании этой идеи я

предлагаю анализ устных жанров вепсов, а именно заговоров (puhegid), посредством которых устанавливаются контакты как между людьми, так и с животными и окружающей средой с целью защиты от неблагоприятных событий и поддержания собственных культурных и социальных практик.

СУРВО Арно

СУРВО Вера

Университет Хельсинки (Хельсинки, Финляндия),

arno.survo@suomi24.fi, vera.survo@suomi24.fi

ТРАДИЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: О СПЕЦИФИКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ (по материалам Карелии)

Изымаемые из привычных контекстов традиционные символы играют в современной культуре двойственную роль «открытых произведений», значения которых не застывают в замкнутую, окончательную систему. В то же время, данная «открытость» также способствует не критичному осовремениванию традиции. В трансляции и переосмыслении символов и практик присутствует производство псевдоархаики, когда в ремесленной продукции нередко используются «универсальные», но чуждые для Карелии изобразительные мотивы: появляются калевальские эпические персонажи в обрамлении заонежского узорочья, хотя с традиционной вышивкой Карелии не были связаны ни образы эпоса «Калевала», ни былинное творчество и т.д. Подобное осовременивание символов расширяет покупательскую аудиторию, состоящую, в основном, из отечественных и зарубежных туристов. Экзотизация и квазимифологизация прежнего сельского карельского быта переводит этническую культуру в разряд одного из секторов рыночных услуг, когда этнокультурный опыт становится частью симулятивных развлечений, и традиция облачается в бутафорско-театрализованные формы, адаптированные к культурному уровню среднестатистического потребителя. При отсутствии реальной экономики на конкретном местном уровне, не просто обеспечивающей деятельность культурных организаций, но, прежде всего, трудоустраивающей население и формирующей жизнеспособную социальную среду, краеведение, музейное дело, различные осовремененные формы традиций обречены на маргинальное положение в качестве хранителей и производителей реликтового продукта. Насущной проблемой остается наполнение различных форм краеведческой и музейной деятельности экономическим и социальным содержанием.

ТЕРЕБИХИН Николай Михайлович

Северный (Арктический) федеральный университет

им. М.В. Ломоносова (Архангельск), terebihinn@mail.ru

ДОМ В РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРМСКИХ НАРОДОВ

В традиционной картине мира пермских народов особое место занимает мифологема Дома как ключевого концепта-символа, раскрывающего всеединство человека и природы, особую пермскую экологию, экософию и экологию, особый «Пермский Домострой». В пермских строительных мифах и ритуалах (как показывают результаты этносемиотического анализа) заложена священная

технологическая (операциональная) программа всякого рода профессиональной производственной деятельности человека (строительство дома, храма, корабля; кузнечные, гончарные, ткацкие ремесла; разнообразные аграрные, кулинарные технологии; промыслы и т.д.). Из всех видов и форм сакральной технологической деятельности именно строительный миф и обряд занимают наиболее заметную позицию в ритуальном процессе конструирования геоэтнокультурного пространства, пронизанного и просветленного домостроительной энергией небесного архетипа – Первого Дома. Ритуальная технология строительства дома предполагала встраивание его в многоярусную сеть родственных связей и отношений, в иерархически обустроенный образно-символический универсум, основанный на отношениях тождества и аналогии. В мифопоэтической картине мира финно-угорских народов деревья считались живыми существами, находящимися в родственных связях с людьми, поэтому ритуал выбора деревьев для строительства и последующей их рубки необходимо рассматривать как жертвоприношение живого (древесного) ритуального двойника человека, из тела которого развертывается космос нового Дома.

ФИЛИМОНЧИК Светлана Николаевна

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск),

syrsa@yandex.ru

ВКЛАД САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В РАЗВИТИЕ КОНТАКТОВ И КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ КАРЕЛИИ (1920–1930-е годы)

В художественной деятельности местных сообществ ярко проявилось своеобразие культурной жизни Карелии в послереволюционное время. Через самодеятельное искусство передавались традиционные для крестьянского мира ценности и формировались новые идеалы индустриальной эпохи. Через художественное творчество человек пытался осмыслить противоречивую современность и в определенной мере гармонизировать окружающий мир. В свою очередь власти, по мере сил создавая развитую сеть культурно-просветительных учреждений, стремились использовать искусство утилитарно, в частности, для обслуживания политики правящей элиты и для ужесточения контроля над стремительно менявшимся обществом.

В Карелии регулярно проводились республиканские и районные олимпиады художественной самодеятельности. Самодеятельное искусство было задействовано при проведении новых советских праздников. В 1930 г. в Петрозаводске был открыт Дом самодеятельного искусства, его сотрудники поддерживали тесные связи с самодеятельными коллективами, оказывали им необходимую методическую поддержку. К 1940 г. удалось подготовить более тысячи работников просветительных учреждений – количество, вполне достаточное для культпросветучреждений Карелии в то время. Более половины клубных работников составляли карелы, финны, вепсы. Однако в целом уровень образования культпросветработников оставался невысоким: большинство закончило только краткосрочные курсы. Недостаточный профессиональный уровень организаторов обусловил низкое качество части проводимых мероприятий.

Кампанейщина, формализм являлись характерными чертами работы ряда культурных учреждений, остававшихся на периферии общественной жизни.

ХОППАЛ Михай

*Институт гуманитарных исследований
Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия),
hoppal@etnologia.mta.hu*

**ИСТОРИЯ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ
УРАЛЬСКИХ МИФОЛОГИЙ»**

За последние десять лет мы видим резкое увеличение числа публикаций, которые посвящены изучению мифологических систем различных финно-угорских/уральских народов. Новое поколение молодых исследователей представило свои инновационные результаты на финно-угорских конференциях. С приходом третьего тысячелетия появилось новое интеллектуальное направление, сосредотачивающееся на изучении духовных ценностей новых религиозных движений, неоязычества, неошаманства, неотрадиционализма. Таким образом, как можно видеть, началось повторное осмысление мифологии национальных языков и фольклора, так же, как и традиции нарратива в целом как средства подтверждения этнической идентичности.

Относительно немного ученых, занимающихся сравнительной мифологией (главным образом российские, финские и венгерские исследователи), решили в 1980-х годах объединиться с молодыми исследователями и создать энциклопедию мифологий финно-угорских народов. Результаты этого усилия – изданная серия томов, объединенных общим названием «Энциклопедия уральских мифологий» (*Encyclopaedia of Uralic Mythologies*).

Предполагалось, что серия будет служить примером того, как накопленные знания о мифологии отдельных народов могут быть использованы для сравнительного изучения в пределах языковой группы, для исторического и типологического исследования; это позволяет сделать важные исторические выводы.

ЧЕТИНА Елена Михайловна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь), chetina@mail.ru

**МЕЖДУ ЧУДЬЮ И КЕРЖАКАМИ:
РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ
ТРАДИЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИКАМЬЯ**

В народной культуре Северного Прикамья широко представлены выработанные традиционным крестьянским социумом способы конструирования межэтнических и межконфессиональных отношений. Примером фольклоризованной коммуникации является диахронический контакт с «важ-местами» – осмысление археологических памятников, укорененных в традиционном ландшафте. Данный регион отличается достаточно высокой плотностью чудских культурных памятников, включенных в коми-пермяцкую календарную и магическую обрядность

Локализованные в почитаемых местах ритуалы «поминания чуди» представляют целостный культурный феномен, отражающий связь между фольклорным текстом,

культурным ландшафтом и коллективной памятью. Чудские городища, чудские колодцы, чудские «ямы» как места самопогребения чуди включены в ряд «чудских сюжетов», где в основном упоминается «карликовая чудь». Святочный период («Цветье») маркируется как «чудское время»: ранее «чудов» «гоняли» (Косинский район), «топтали» (Гайнский район), о чем свидетельствуют сохранившиеся ритуальные формулы-обереги.

В настоящее время сюжеты о «чудском народе», мемуары о первопоселенцах и староверах пересекаются и образуют универсальные нарративы о «старых людях». Религиозные традиции пермяков во многом сформированы под влиянием кержаков: «старообрядческий след» прослеживается в народных поминальных молитвах, духовных стихах, ритуалистике. Старообрядческие скиты как духовные центры крестьянского мира сформировали ряд почитаемых мест, значимость которых сохраняется, хотя мифо-ритуальный контекст трансформируется.

ШАБАЕВ Юрий Петрович

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
(Сыктывкар), shabaev@mail.illhkomisc.ru*

**ЛОКАЛЬНАЯ ГРУППА
В ПОИСКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
(коми-ижемцы: динамика культурных
трансформаций)**

Коми-ижемцы – культурная группа, сложившаяся на Европейском Севере России, система хозяйства, социальный облик и традиции которой претерпели серьезные изменения в XX столетии. Однако, несмотря на глубокие изменения во всех сферах жизни, культурная идентичность названной группы сохраняется, хотя ее восприятие как самими представителями группы, так и извне меняется. Ситуация, складывающаяся вокруг коми-ижемцев и некоторых других групп, очевидно демонстрирует неопределенность этничности и ее смысловую многозначность, а также возможности манипулирования ею. Кроме того, она показывает, что этническая идентичность и культурный статус группы нередко становятся инструментом защиты местных интересов и ресурсом, позволяющим обеспечивать более комфортные условия для выживания территориальных сообществ, лишенных иных стимулов для развития. В случае коми-ижемцами, очевиден процесс реидентификации, поскольку значительная часть группы склонна сегодня представлять себя не как часть более крупной этнической общности, а как особое культурное сообщество. Но главный смысл этого процесса реидентификации состоит не в культурном дистанцировании группы от ее этнического окружения, а в использовании этничности как формы защиты групповых интересов и как стимула для социально-экономического развития. Названный процесс не является устойчивым и находится под влиянием многих факторов. Поэтому характер идентификации коми-ижемцев можно представить как своеобразные «качели идентичности», когда за довольно короткий промежуток времени люди неоднократно и довольно существенно меняют понимание своего культурного тождества с группой.

ШОРИН Александр Федорович

*Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург),
shorin_af@mail.ru*

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ И СВАТИЛИЩА КОРЕННЫХ НАРОДОВ УРАЛА XIX–XX ВВ.: ПАРАЛЛЕЛИ ФОРМАЛЬНЫЕ ИЛИ РЕАЛЬНЫЕ

Сопоставлением неолитических культовых комплексов, обнаруженных при раскопках Кокшаровского холма, ставится задача выявления параллелей в их структурообразующих компонентах и объяснения, являются ли эти параллели формальными. Решается вопрос о том, являются ли совпадающие признаки святилищ отражением общих черт в мировоззрении древних народов. Постановка названной задачи, несмотря на значительный хронологический разрыв и разноплановость источников, возможна по двум причинам: (1) они происходят из одного природно-географического региона и население, оставившее их, вело сходный, присваивающий, тип хозяйства; (2) эти комплексы могли отражать разные этапы развития культуры народов одной уральской языковой семьи. Так как анализ и реконструкция археологических святилищ ограничена только вещными артефактами, то сопоставление их с этнографическими материалами приведено по тем маркерам, что наглядно отражены в обоих типах источников: топографии; основных структурообразующих элементах сакрального пространства; культовой атрибутике, задействованной в ритуалах. На основании выявленных параллелей между неолитическим и святилищами манси, ханты и удмуртов делается вывод, что эти сходства носят неформальный характер. Проистекают они могут из тождества мировоззренческих постулатов, особенно в мифологической картине мира, свойственных многим, если не подавляющему большинству архаичных и традиционных обществ. А они определяли и сходные механизмы преломления этих базовых мировоззренческих постулатов в культовой практике, особенно у тех народов, традиционный образ жизни которых базировался на присваивающей экономике. Но одновременно допустима трактовка этих сходств и в плане возможной генетической преемственности культовых традиций неолитического населения, оставившего святилище Кокшаровской холм, и современных уральских народов.

ЮРЧЕНКОВА Нина Георгиевна

*Средне-Волжский филиал Российской правовой академии
Министерства юстиции РФ (Саранск), nina-saransk@mail.ru*

КОНЦЕПЦИЯ Ю. КРОНА В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

К мифологии как к феномену духа, сознания, культуры было приковано внимание крупнейших ученых: филологов, историков, социологов, культурологов, этнологов, критиков, писателей, – на всем протяжении истории ее существования. В результате дискуссий и идейных размежеваний возникали принципиально новые теории мифа, трактовки и характеристики. За всеми понятиями, теоретическими определениями мифологов стоит стремление удовлетворить реальные исторические потребности.

В этом смысле современное понятие «миф» отражает не только сегодняшние взгляды и потребности ученого, употребляющего это понятие, но одновременно и целый ряд унаследованных современной наукой взглядов и идей. Однако на это феноменальное явление не сложилось единой точки зрения. Принципиальная новизна современных мифологических теорий может быть по-настоящему оценена лишь на фоне их исторических праформ. В контексте вопросов о межкультурном взаимодействии вызывает интерес географо-историческая концепция представителя финской школы Ю. Крона. Непосредственным толчком к оформлению его концепции послужила необходимость систематизации материала по духовной культуре финно-угров, в частности мифологии.

Ю. Крон, соглашаясь в принципе с идеей самобытности этносов, настаивал на изучении историко-этнографического взаимодействия культур. По его мнению, самозарождение может иметь место лишь в отдельных случаях, когда речь идет о простейших культурных единицах, схожесть же сложных по построению явлений культуры, того же мифа, может быть объяснена только заимствованием. Финский исследователь пришел к выводу, что региональные локальные варианты произведений устно-поэтического творчества финно-угорских народов находятся в непосредственной зависимости от соседней в географическом отношении традиции, как бы исходят одна из другой. Исследователь утверждал, что чем дальше версии или редакции находятся друг от друга в географическом отношении, тем больше они отличаются по содержанию и построению. Следуя по путям миграции в обратном направлении, по мнению Ю. Крона, исследователь может дойти до места зарождения и первоначальной формы сюжета и в результате определить также время его зарождения.

ЯКОВЛЕВА Светлана Васильевна

*Российский университет дружбы народов (Москва),
smsfamily2@mail.ru*

ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФИННО-УГОРСКИХ МИФОВ

Мифология древних финно-угорских племен, проживавших на территории от Приуралья и Поволжья до Прибалтики и Скандинавии, отличается достаточным разнообразием. Особое место в ней занимают мифы о появлении Вселенной и Млечного пути, который практически у всех финно-угорских народов ассоциировался с *дорогой птиц* (см. например, названия данного космонама у финнов, эстонцев, мордвы, марийцев, коми-зырян, удмуртов, хантов, манси). Существует предположение о том, что у морских саамов номинация Млечного пути – *снежного пути* – связана с поверьем о предсказании обилия снега и урожая. Известен также финно-угорский образ Млечного пути как небесного отражения *мировой реки*, соединяющей на земле юг и север, а у марийцев, занимавшихся скотоводством, возник миф о *небесной реке*, которая служила водопоем звездному стаду. В мордовских мифах эпохи общности финно-угорских народов Млечный путь – это *звезды в виде камней*, собранные на земле и рассеянные по небу богом-демиургом; в карело-финском эпосе «Калевала» – это

срубленный вышедшим из моря человеком огромный, разросшийся дуб, загораживавший кроной небесные светила. Согласно карело-финским рунам и вогульской (манси) легенде о небесной охоте, возникновение Млечного пути связано с оставленным охотником *лыжным следом*. Разно-

образные финно-угорские номинации данного космонима и возникшие на этой основе мифы о Млечном пути свидетельствуют о неразрывной связи человека и обожествляемой им природы, которая была характерна для ранних ступеней первобытно-общинного строя.

Секция 20
ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ:
ИДЕОЛОГЕМЫ И ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Титова Татьяна Алексеевна – д.и.н., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

E-mail: Tatiana.titova@rambler.ru

Козлов Вадим Евгеньевич – к.и.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

E-mail: vadim.kozlov@list.ru

АГАДЖАНИЯН Лиана Алексеевна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара), Lidiana06@mail.ru

**ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ
САМАРСКИХ АРМЯН**

Армянская община в г. Самара существует с конца XIX в. В 1918 г. была основана армянская религиозная община «Святой Гевонд», открыт молитвенный дом. Но уже в 1922 г. его передали городу, а в 1929 г. армяно-григорианская церковь прекратила свою деятельность. В 1995 г. Армянской Апостольской Церкви (ААЦ) «Сурб Хач» была воссоздана, в 2003 г. построен храм. ААЦ играет консолидирующую роль в жизни армянской общины г. Самары, способствует сохранению этнического самосознания среди ее членов, приобщению молодого поколения самарских армян к национальным традициям. Посещение храма верующими, участие священнослужителя в обрядах – один из важных элементов современной этнической культуры местных армян. Однако часть этнической группы предпочитают посещать не ААЦ, а православный храм или католический костел. Причины такого выбора объяснимы: большой миграционный поток армян в Россию, в том числе и в Самару, в конце 1980-х – начале 1990-х годов, потребность совершать обряды при отсутствии собственного храма побудили к приобщению к православной или католической традициям. Члены общины обосновывают свой выбор тем, что для них неприемлемы некоторые традиции ААЦ в Самаре, в частности вторжение в светскую жизнь, взносы на содержание храма и т.д. Определенное влияние на небольшую часть самарских армян оказывают члены религиозной организации «Свидетели Иеговы». Таким образом, армянская община в г. Самара неоднородна в религиозном отношении, что, однако, не препятствует внутринатническому общению в ней. Это может свидетельствовать о том, что при актуальности религиозного фактора в формировании этничности армяно-григорианская церковь не играет исключительной роли в религиозной жизни самарских армян.

АВКСЕНТЬЕВ Виктор Анатольевич

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН (Ростов-на-Дону), avksentievv@rambler.ru

**ЭТНИЧЕСКИЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ
ФАКТОРЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Соотношение религиозного и конфессионального факторов нестабильности на Северном Кавказе менялось на

протяжении постсоветского периода. Вектор динамики – рост религиозного компонента, все глубже проникающего в жизнь исламских народов. Однако пик религиозного возрождения в среде русского населения региона пройден. Для русских православие сохраняет значимость как идентификационный фактор. Основное напряжение сложилось по линии «религиозное – светское»; конфликтов, которые можно идентифицировать как межрелигиозные, немного. Экспертные и массовые опросы свидетельствуют, что роль этнополитических факторов конфликтности оценивается как существенно более значимая, чем конфессиональных. Однако по субрегионам соотношение меняется. Эксперты из Дагестана констатируют, что в республике почти не бывает этнических конфликтов, источником напряжения являются внутриисламские противоречия. Соответственно в почти моноэтнических Чечне и Ингушетии нет этнических конфликтов. Показательным в этом отношении является Ставропольский край, где подавляющее большинство конфликтов имеют этнический характер или приобретают его в процессе эскалации. Однако в крае нарастает напряжение в межконфессиональных процессах, вызванных неурегулированностью государственно-конфессиональных отношений (строительство соборной мечети). Получивший всероссийскую публичность скандал, связанный с ношением хиджабов ученицами одной из школ на востоке края, высветил глубину проблем, вызванных отходом от принципов светскости.

Демонстративная поддержка государством «традиционных» конфессий с целью противодействия нетрадиционным радикальным направлениям и поддержка православия, как инструмента противостояния радикальному исламу, себя не оправдали. Необходима новая концепция государственно-конфессиональных отношений, ориентированная на восстановление светскости как принципа жизни государства и общества.

АЗАМАТОВА Гюльджан Камилевна

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (Нальчик), azagulya2007@mail.ru

**ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БАЛКАРЦЕВ КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Религиозные верования являются важнейшим компонентом этнической культуры; и исследование их эволюции актуализируется в связи с возрастанием роли и значения религиозной идеологии. В структурах идентичности современных

народов Северного Кавказа в последние годы доминантное значение приобретает их этническое измерение. Для адекватного понимания исторической роли религии необходим многовекторный взгляд на проблему, учитывающий функциональные связи этого феномена в разных сферах этнической культуры – соционормативной, гуманитарной, жизнеобеспечивающей, хозяйственно-производственной. Как любое историческое явление, религиозные представления этноса и связанные с ними институты трансформируются в хронологическом пространстве, и это представляет важный исследовательский аспект поставленной проблемы.

Анализ эволюции религиозных верований в тесной связи с динамикой других сфер этнической культуры показывает в одних случаях прямое, а в других – опосредованное влияние и взаимодействие между ними и религиозным сознанием этноса.

Религиозные практики всегда выполняли функцию этнического признака, играли ведущую роль в развитии духовной культуры этноса. Благодаря преемственности поколений накапливалась этнокультурная информация, которая посредством языка этноса аккумулировалась и служила коммуникативным средством. Устойчивые социальные отношения обеспечивали широкое распространение и длительное существование традиционных космогонических и анимистических представлений, культов, связанных с системой жизнеобеспечения. Ретроспективный анализ религиозности в балкарской этнической среде выявляет проблему преемственности религиозных верований, обрядов, традиций в условиях относительной изоляции среды обитания, где религия являлась основным компонентом общественного сознания.

БАЗИЕВА Гульфия Джамаловна

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского НЦ РАН (Нальчик), gbaz@mail.ru

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Этноконфессиональные процессы в каждом государстве и регионе носят специфические социальные, экономические и культурные черты. В комплексе причин кризисной ситуации на Северном Кавказе можно выделить следующие: *экономические* (депрессивность экономики республик, высокий уровень безработицы и т.д.), *геополитические* (приграничное положение региона облегчает пути и способы влияния международного сепаратизма и экстремизма и др.) и *религиозные* (активизация западных деструктивных сект, противоречия внутри ислама и др.). В процессах культурной модернизации важное значение имеют региональные особенности: на Северном Кавказе наряду с позитивными тенденциями изучения национальных языков, фольклора, мифологии, интереса к национальным корням, истории, родословным нередко конструируются национальные мифы, направленные на формирование этнической идентичности, но построенные на возвышении или унижении культур того или иного этноса (что нередко приводит к обострению межэтнических отношений). Кроме того, остро стоит вопрос религиозной идентичности, отражающий глубинные проблемы национального сознания: что в первую очередь выступает идентификационным маркером: нация или религия? В коллективном самосознании народов Северного Кавказа исламская культура не противопоставлена традици-

онной, но реализуется не в качестве ортодоксальной догмы, а как духовная и мировоззренческая модель.

В настоящий период разрабатывается единая федеральная целевая программа по развитию Северного Кавказа (которая должна объединить множество действующих), в регионе реализуются культурно-образовательные проекты, направленные на укрепление межэтнических и межконфессиональных отношений и формирование гражданской российской идентичности.

БАТОМУНКУЕВ Сергей Дамбаевич

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), batomunkuev.s@yandex.ru

«БУРЯТСКИЙ ПРОТЕСТАНТИЗМ»: ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ДИССОНАНС

За последние два десятилетия благодаря активной миссионерской деятельности протестантов разного толка религиозная карта России стала значительно разнообразней. Далеко не все неохиты были из числа бывших атеистов; значительная их часть представляли собой последователей традиционных для данных регионов и этносов религий. Для бурят традиционными религиями считаются буддизм, шаманизм и в меньшей степени – православие. Кроме того, буддизм и шаманизм – это составные части их этнической идентичности. Поэтому «грех вероотступничества» для неохитов усугублялся диссонансом в их этнической идентичности.

Фон, на котором людям приходилось принимать решение о своем вступлении в какую-нибудь из протестантских общин, был крайне неблагоприятен. Предубеждение и некомпетентность простых людей по отношению к протестантскому пришествию, как неизвестному и непонятному явлению, подкреплялись принципиально отрицательной позицией со стороны РПЦ и неодобрительной реакцией со стороны Традиционной буддийской сангхи. Как следствие, между бурятскими протестантами и бурятским обществом возник когнитивный и идентификационный диссонанс. Он происходил из непонимания оснований «изменять» вере предков и вековым устоям.

Тем не менее на сегодня в г. Улан-Удэ есть протестантские общины, где буряты составляют 50–70% всех прихожан; есть и такие общины, где их количество составляет до 90%. Обычно этот феномен «бурятского протестантизма» объясняют тем, что протестантские миссионеры (кроме прочих) были выходцами из Республики Корея, т.е. такое объяснение сводится к общей азиатской идентичности миссионеров и неохитов. Но истинное объяснение этого факта предполагает более существенный контекст – социокультурный.

БАТЫРШИНА Эвелина Наилевна

Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета (Нефтекамск), batyrshina.evelina@mail.ru

ИСЛАМ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

На сегодняшний день 15–20% населения России считают себя мусульманами. Башкортостан занимает одно из важнейших мест в жизни мусульман России.

Центральное духовное управление мусульман Российской Федерации объединяет по России более 2 тыс. мусульманских

организаций, из которых 497 расположено на территории Республики Башкортостан, из чего следует, что 25% всех мусульманских организаций функционирует в Башкирии.

Башкортостан не отличается ортодоксальностью в соблюдении всех исламских ритуалов и норм, но, несмотря на это, считается республикой, где ислам удерживает прочные позиции. Однако на данный момент мы плохо представляем социальный, национальный, половозрастной состав верующих. Особый интерес в том, как сочетаются процессы глобализации с вновь возрождающимися, после семидесятилетней политики атеизма, религиозными представлениями.

Ислам имеет достаточно сильные позиции в городской среде. О высоком уровне исламизации свидетельствуют данные, полученные в ходе проведения анкетирования и интернет-опросов. Более 55% респондентов в городах северо-западного региона Республики Башкортостан называют себя мусульманами. Отсюда можно сделать вывод, что ислам в городскую среду проник намного глубже, чем принято считать. Наше исследование позволяет выявить картину распространения ислама, степень его проникновения в городскую среду, а также понять этноконфессиональные и этноязыковые процессы, протекающие в северо-западном регионе Башкортостана.

ВЯТЧИНА Мария Васильевна

ГУЩИНА Елена Геннадьевна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань),
maria.vyatchina@gmail.com, eeguschina@mail.ru*

ИМАН, ХИДЖАБ, ОБРАЗОВАНИЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ МОЛОДЫХ ПРАКТИКУЮЩИХ МУСУЛЬМАНОВ (на примере г. Казань)

Тезис о религиозном ренессансе стал устойчивой отправной точкой и объяснительной моделью для многочисленных исследований, которых находят отражение в числовых выражениях и наблюдениях. Однако зачастую за рамками проектов и опросов остаются повседневные практики. Данный доклад основан на материалах полевых исследований 2012–2014 гг., основное внимание будет уделено анализу интервью с практикующими мусульманками 18–30 лет. Рассматривая разные типы религиозности, мы выделим основные признаки, которые служат консолидации женских неформальных сообществ. Помимо визуальных кодов (ношение хиджаба, посещение «локусов» религиозности), мы также уделим внимание критической риторике, распространенной внутри групп. Например, критике повседневных практик, которые находят оправдание в виде отсылок к Корану и хадисам, отделению атрибутов народной религиозности, стратегиям, позволяющим формировать индивидуальные и групповые репертуары религиозности.

ГРОШЕВА Любовь Игоревна

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
(военный институт) им. маршала инженерных войск
А.И. Прошлякова (Тюмень), malivia@rambler.ru*

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗАКРЫТОГО ТИПА

В современной образовательной среде сотрудничество представителей различных культур осуществляется в рам-

ках открытой и закрытой систем обучения. Если открытая система характеризуется достаточно свободным передвижением и широким выбором в построении коммуникационных сетей, то закрытые образовательные учреждения (военные, полиция) интенсифицируют взаимодействие каждого носителя культурных ценностей с узким кругом лиц, среди которых имеются носители антагонистических воззрений. Данный факт существенно усложняет работу с полиэтническим составом, поэтому проблема изучения социокультурного взаимодействия различных этносов в образовательных учреждениях закрытого типа в последнее время приобрела особую актуальность. Неоднородность состава и способов поведения этнокультурных групп в рамках закрытого образовательного учреждения (в частности, военизированной структуры) подтверждается результатами авторских исследований, осуществляемых на базе Тюменского высшего военно-инженерного командного училища, в ходе которых было выявлено, что стремление к формированию комфортной инфраструктуры в религиозном отношении выражено у представителей отдельных конфессиональных групп неодинаково. Представляют интерес результаты изучения уровня конфликтности отдельных религиозных групп (в том числе и представителей некоторых стран). Например, в конфликтах на религиозной почве среди обучающейся молодежи принимали участие 9% православных и 21% мусульман (n=260). Результаты свидетельствуют о необходимости глубокого анализа взаимодействия представителей различных культурных групп в рамках учреждений закрытого типа. Совокупность выявленных проблем на микроуровне представляет собой интенсифицированную модель межэтнических коммуникаций, позволяющую экстраполировать результаты на макроуровень социальных исследований.

ГУРКО (Верещагина) Александра Владимировна

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь),
ver-aliaksandra@yandex.ru*

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ ДЛЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ, ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Конфессиональные предпочтения молодежи Гродненской области имеют свои региональные отличия, которые определены конфигурацией конфессиональной структуры области: практически равным соотношением православных и католиков и их явным преобладанием над протестантами. При этом язык и вероисповедание выступают основными критериями и факторами самоидентификации. Данные этнографических опросов и интервью (опрошено 128 молодых респондентов) фиксируют сохранение традиционной конфессиональной структуры и высокого уровня религиозности в регионе у современных молодых верующих – и православных, и католиков.

На вопрос, какие обычаи и традиции ассоциируются с родной землей, 15,6% респондентов дали ответ, что это – религиозные праздники, которые ассоциируются с этническими традициями. Для респондентов, которые относят себя к православию, по-прежнему является

обязательным празднование Пасхи, Рождества, посещение кладбища на Радуницу. По результатам опросов перечень указанных респондентами праздников христианского календаря включает Спасы, Рождество Иоанна Крестителя, Троицу, День Петра и Павла и др.

Характерной особенностью верующей молодежи является ее духовная и социальная активность, которая проявляется, прежде всего, в активном принятии обрядовой стороны религиозной жизни (участии в богослужениях, религиозных праздниках, таинствах и обрядах, в паломнических поездках).

Таким образом, религия является важным фактором в формировании культурно-исторической идентичности общества и этнического самосознания молодежи.

КРЖИЖЕВСКИЙ Михаил Владиславович

*Самарская государственная областная академия (Наяновой)
(Самара), k_mikhail_73@mail.ru*

КРЯШЕНЫ: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (на примере Самарской области)

В Клявлинском районе Самарской области, на границе с Республикой Татарстан, есть село Назаровка, основанное и населенное кряшенами – особой этноконфессиональной группой татар, исповедующей православное христианство. Жители данного села указывают, что они являются татарами, в быту говорят на татарском языке, принимают участие в проведении областного татарского праздника Сабантуй и татарских фольклорных фестивалей. С другой стороны, они подчеркивают, что их вера – русская, т.е. православная. Кряшены Назаровки в настоящее время носят русские имена и фамилии. Они сохранили различные особенности традиционной материальной и духовной культуры. У некоторых сельчан есть старинные костюмы, предметы быта. Местные жители активно отмечают православные праздники, в том числе, Троицу, когда молодежь гуляет с песнями, плясками, огнями, дома украшают ветками березы, а одно дерево приносят в село (вокруг него водят хороводы, а затем его опускают в воду). Проводится также обряд вызывания дождя: летом, если долго нет дождя, люди идут к речке, варят кашу из пшена, угощаются ею, совершают молитву, прося дождь, а также обливаются водой. Поддерживаются активные культурные контакты как с татарами-мусульманами, так и с русскими и другими народами.

КУЛИКОВА Анна Николаевна

*Технический институт Северо-Восточный университет
(Нерюнгри), belann81@mail.ru*

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ БЕЛЛЕТСКОГО ЭВЕНКИЙСКОГО НАСЛЕГА АЛДАНСКОГО РАЙОНА ЯКУТИИ

Неотъемлемой частью духовной жизни эвенков наслега являются традиционное мировоззрение, религиозные представления и практики. Наиболее распространены религиозные ритуалы, представленные обрядами очищения, жертвами, обращениями, призывающими к защите духов тайги и рек, разговорами. Вместе с тем, эвенки наслега хорошо знают о православии. Наряду с традиционными религиозными представлениями, эвенки трепетно и поч-

тительно упоминают о православном Боге, так как православная традиция в эвенкийской среде имеет давнюю историю, относящуюся к обширной православной христианизации народов Якутии XIX в. В настоящее время в поселках есть люди, которые осознанно идут в православную церковь на службу. Те, кто крестится, объясняет это как необходимую душевную потребность – «для себя облегчение». С современным религиозным мейнстримом эвенки наслега знакомы мало, в основной части население иными религиями не интересуется. Однако есть люди, посещающие протестантские собрания, не противопоставляя себя по религиозному признаку доминирующей части поселкового населения. Как отмечают информанты, это в основном те, «у кого проблемы, которые ждут чуда». Но неотъемлемой частью духовной жизни и крещенных православных, и некрещенных, и тех, кто относит себя к протестантам, остается «закон тайги», так как «верующие» не отказываются от традиционных анимистических воззрений на природу, национальных праздников и обрядов. Подобное сращивание христианских и традиционных народных представлений являет собой сложный синкретизм верований и религиозных практик.

МУХАМЕТЗАРИПОВ Ильшат Амирович

*Центр исламоведческих исследований АН Республики Татарстан
(Казань), muhametzaripov@mail.ru*

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА: ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА И ЕЕ ПРИМЕНИМОСТЬ В РОССИИ

Усиление миграционных процессов во второй половине XX в. привело к тому, что этнические и религиозные меньшинства представлены во многих странах. При этом отдельные этнические и религиозные общины при регулировании отношений внутри своего сообщества продолжают пользоваться собственными нормами. К примеру, мусульмане часто прибегают к нормам шариата при урегулировании бытовых споров, семейных и наследственных вопросов. Признание странами Западной Европы и Северной Америки различий в ценностных установках различных этнических и религиозных групп нашло свое выражение в политике мультикультурализма, в том числе в сфере правового регулирования. В частности, в уголовном праве это проявилось в учете культурных особенностей при назначении наказания виновному лицу или освобождении его от уголовной ответственности. В гражданском праве – в регулировании брачных отношений, в институте условного завещания. Активно стал развиваться институт религиозных третейских судов и медиации в Великобритании, Канаде, США. При этом неизбежны и конфликты, особенно в случаях противоречия этноконфессиональных норм официальному законодательству (мусульманская «параллельная юстиция» в Германии и Великобритании, запрет на ношение элементов религиозной одежды во Франции и Бельгии, запрет многоженства и др.). Изучение зарубежного опыта особенно актуально для нашей страны, так как позволяет учесть позитивные и негативные последствия различных подходов в государственной этноконфессиональной политике.

ПОПОВКИНА Галина Сергеевна

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток), galina.popovkina@gmail.com

**ТРАДИЦИОННЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ПРАКТИКИ
В СВЕТЕ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫХ КОНТАКТОВ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**

Восточные славяне, переселившиеся на Дальний Восток России, оказались в новой для них этнокультурной и экологической среде. Столкнувшись с недостатком квалифицированной медицинской помощи, они были вынуждены использовать имеющиеся природные ресурсы, а также контактировать с народами, уже проживающими в дальневосточном регионе. И если таежное сырье активно применялось в лечебных практиках, то методы лечения, затрагивающие мировоззренческие позиции врача-лечебника или пациента, не всегда находили одобрение среди славян-переселенцев, что связано, прежде всего, с их конфессиональной принадлежностью. Особенно это проявляется в магических и религиозных аспектах лечебных практик – сакральном уровне традиционной медицины, который представлен у восточных славян знахарством и православным врачеванием. Так, знахари, считающие себя в основном православными, не перенимают магических методов лечения у шаманов или китайцев, кроме рецептов по использованию дальневосточных дикоросов или средств животного происхождения. Православные верующие также не приемлют подобные методы лечения, но стараются соотносить мероприятия по оздоровлению с православной традицией. Именно на уровне сакральной традиционной медицины отчетливо проявилась оппозиция «свой/чужой» в лечебных техниках восточных славян.

РИНЧИНОВА Белигма Пурбо-Доржиевна

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ), rbp-d@mail.ru

**ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА
БУРЯТИИ И МОНГОЛИИ**

Распространение христианства среди бурят началось вместе с появлением первых русских. Иркутская епархия, созданная в 1727 г., широко развернула миссионерскую деятельность по всей Восточной Сибири.

Христианизация бурят усилилась во второй половине XIX – начале XX в.; в Бурятии функционировали 41 миссионерский стан, десятки миссионерских школ. Наибольших успехов христианство добилось у западных бурят. На материале наших полевых исследований это проявилось в том, что у западных бурят получили распространение христианские праздники: Рождество, Пасха, Ильин день, святки и др.

В Монголии же первый православный храм был построен только в XIX в. Первыми в Ургу прибыли в 1861 г. члены российского консульства, состав был небольшим: консул, секретарь, переводчик, фельдшер. Плохое знание страны привело к тому, что членов консульства сопровождали 20 вооруженных казаков под командованием конвойного казачьего офицера. Однако при виде доброго расположения монголов стало понятно, что защита оказалась не нужна, и казаки, превратившись в строителей, стали возводить консульский дом.

И уже 22 марта 1864 г. была отслужена первая божественная литургия священником из Забайкалья Иоанном Никольским. Этот день (по новому стилю 4 апреля) можно считать днем рождения Троицкого прихода в Урге. Долгое время в храме не было своего постоянного священника, и богослужения совершали приезжие священники из Забайкальской и Китайской Духовных Миссий, Иркутской епархии.

ТИТОВА Татьяна Алексеевна

КОЗЛОВ Вадим Евгеньевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань), Tatiana.titova@rambler.ru, vadim.kozlov@list.ru

**РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКОГО
НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН:
СТЕПЕНЬ И ФОРМА АКТУАЛИЗАЦИИ**

Характер межконфессионального взаимодействия в поликонфессиональном регионе определяется, в том числе, и уровнем актуализации религиозной идентичности представителей контактирующих конфессиональных групп. В случае Татарстана – этот фактор дополняется высокой степенью совпадения конфессиональных и этнических границ. Русское население Татарстана составляет абсолютное большинство православной общины республики, поэтому именно религиозная идентичность данной этнической группы определяет характер межконфессиональных отношений в регионе. Исследование продемонстрировало, что 51,1% православных русских считают себя верующими и соблюдают обряды полностью или частично. При этом посещают церковь 67,7% респондентов. Ориентацию на нормы своей религии в любой ситуации сохраняют 10,3% респондентов. Наиболее важным источником знаний о религии для православных русских является семья и старшие родственники – 40,5%, также высока значимость теле- и радиопрограмм – 19%, религиозной литературы и периодических изданий – 16,5%. Оценили вероятность возникновения конфликта между православными и мусульманами Республики Татарстан как высокую и достаточно высокую – 6,1% респондентов. Еще 17,7% православных русских оценили вероятность подобного конфликта как среднюю. Таким образом, можно отметить достаточно высокую актуализацию религиозной идентичности у русского населения Татарстана, что может влиять и на оценки респондентов, высказываемые относительно межконфессиональной ситуации в республике.

ХАЙРУЛЛИНА Аделя Ильмировна

ХАСАНШИН Равиль Раифович

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань), adelenka@mail.ru

**ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИЯ
В ТАТАРОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ**

Средства массовой информации оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения и выступают одним из регуляторов социального поведения. Они задают ритм жизни общества, оказывают воздействие на психологический климат, духовное воспитание и нравственные ценности, способствуют закреплению или изменению стереотипов. В постсоветский период произошла

демократизация в одной из самых важных областей – информационной сфере. Посредством трансляции в информационном поле (в том числе в печатных татароязычных изданиях) распространение среди населения Республики Татарстан получили такие темы, как актуализированная идея сохранения национального самосознания и религиозная тематика. При этом по результатам опросов экспертов, проводимых на рубеже 2000-х годов, в число наиболее актуальных для освещения тем данные вопросы включили лишь четверть опрошенных. Выявление специфики татароязычной прессы, анализ информационной ориентации представителей татарской интеллигенции, как выразителя общественного мнения, а также предпочтения аудитории на основе социологических исследований и глубинных интервью будут представлены в докладе.

ШУРЫГИНА Елена Геннадьевна

*Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону),
shurigina@list.ru*

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНАХ НИЖНЕЙ ВОЛГИ

Итоги 2014 г. обозначили для Прикаспийского региона перспективу становления в качестве международного регионального центра. Вектор этому направлению был задан IV-м Саммитом Прикаспийских государств, прошедшим в сентябре 2014 г. в Астрахани и вызвавшим резонанс общероссийского масштаба. Курс федерального центра на активизацию взаимоотношений со странами Каспийского региона и далее со всем Средним Востоком актуализирует необходимость постоянного этнополитического мониторинга в регионе для административного менеджмента межэтнических отношений и своевременной деэскалации межэтнической напряженности. В 2014 г. во всех шести субъектах Южного федерального округа осуществлялся ежеквартальный мониторинг состояния межэтнических и межконфессиональных отношений. В данном докладе мы коснемся только трех Прикаспийских субъектов ЮФО – Астраханской, Волгоградской областей и республики Калмыкия. Роль этнического и конфессионального фактора в политической жизни региона неоднозначна. Отношения между конфессиями, в целом, стабильные; серьезные противоречия и конфликтные ситуации возникают редко. Вместе с тем, в регионе сохраняются определенные проблемы, и время от времени возникают очаги напряженности. Наибольшие опасения вызывают три проблемные зоны: (1) взаимоотношения между постсоветскими иноэтничными ми-

грантами и этническим большинством местного населения; (2) деятельность неформальных радикальных националистических и религиозных организаций; (3) локальные стычки, которые возникают на бытовой почве, но затем превращаются в выяснение отношений между сформированными по этническому признаку группами.

ЮРГАНОВА Инна Игоревна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), inna.yurganova@mail.ru

ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ЯКУТИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ ИНТЕГРАТОР В РОССИЙСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

В Якутии на сибирскую специфику накладывались особенности проживания в условиях Крайнего Севера, здесь действовали иные механизмы, свидетельствующие о поливариантности государственной политики, учитывающей реалии хозяйствования и быта, в том числе и особую роль православия. Миссионерская деятельность Русской православной церкви стала элементом инкорпорации северных народов в состав государства. Значительные территориальные пространства, низкая плотность населения, говорящего на своих языках, отсутствие упорядоченного транспортного сообщения определили особенности инкорпорации в якутском регионе. Климатические особенности обуславливали проживание крестьян в определенных местностях, немногочисленное якутское чиновничество пребывало в областном и окружных центрах, тогда как Церковь, особенно на севере, сама «шла к пастве». Приходской священник в затерянном в бескрайней тундре или дремучей тайге приходе был представителем иной, неведомой инородцам цивилизации.

В XIX в. складывались передаваемые из поколения в поколение православные традиции, как элементы повседневности; учитывая кочевой и полукочевой образ жизни значительной части населения, именно храм являлся связующей нитью между оленеводческой общиной и мировой цивилизацией. Для населения центральных и южных округов Якутии православный приход являлся возможностью приобретения знаний – сельскохозяйственных, педагогических и др. Практика взаимодействия государственной религии империи и местного языческого мировоззрения трансформировалась и отражала специфику религиозности жителей дореволюционной Якутии.

Симпозиум 4 Региональные исследования и их методология

Секция 21 КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИИ

Ляпкина Татьяна Федоровна – д.культурологии, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (Санкт-Петербург)

E-mail: teffil@mail.ru

Кирчанов Максим Валерьевич – д.и.н., доцент, Воронежский государственный университет (Воронеж)

E-mail: soc@hist.vsu.ru

АБРИЕВ Рузикул Буранович

*Самаркандский государственный университет
(Самарканд, Республика Узбекистан),
inter_ma@rambler.ru*

СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

Для Узбекистана актуальными являются вопросы сохранения и восстановления историко-архитектурного и градостроительного наследия. К сожалению, в результате воздействия природно-климатических и антропогенных факторов большинство памятников материального культурного наследия не сохранилось (в начале XX в. их количество превышало 40 тыс., на сегодняшний день осталось не более 10 тыс.).

С обретением независимости стало уделяться особое внимание сохранению культурного наследия: за последние 20 лет на реставрационные работы были выделены большие средства, которые намного превышают аналогичные затраты предыдущих десятилетий. В генеральных планах проекта детальной планировки закладывались планировочно-пространственные основы сохранения исторического и культурного наследия, использования его градоформирующей роли путем сохранения планировочной структуры, композиционных доминантов, зон их восприятия, визуальных взаимосвязей, самостоятельных открытых человеку пространств улиц, площадей, а также архитектурной среды, формируемой рядовой застройкой, и многое другое.

Одной из важных проблем в деле сохранения памятников культуры является правильное их использование. В ряде исторических городов (Самарканд, Бухара, Хива, Коканд) многие памятники используются под музеи. Часть памятников являются объектами туристического значения. Некоторые отреставрированные памятники архитектуры не используются под современные нужды. Отдельные специалисты предлагают в некоторых медресе открыть школы различного профиля, однако они не учитывают того, что здания не отвечают современным требованиям в силу планировочных и структурных особенностей.

АГАПОВ Михаил Геннадьевич

*Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень),
magapov74@gmail.com*

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РЕГИОНА: СЛУЧАЙ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Известно, что карты используются для создания определенных историко-культурных образов. Выбор Тюмени обусловлен тем, что в силу региональных особенностей именно здесь мы находим чрезвычайно разнообразный и показательный материал. С началом крупномасштабного освоения природных богатств Западной Сибири в 1960-е годы схематическая карта Тюменской области использовалась в агитационно-пропагандистских целях. Взрывной рост популярности географического образа «Тюменщины» в 1970-х годах объясняется тем, что сборка регионального социума в это время осуществлялась не на историко-культурной, но на географической основе. Разнообразные стилизованные изображения карты Тюменской области являлись визуальной репрезентацией идеи принадлежности к общему географическому пространству. В настоящее время мы наблюдаем сосуществование разных ментальных образов Тюменской области. Если «южане» по-прежнему воспринимают ее как крупнейший субъект РФ, то «северяне» (жители ХМАО и ЯНАО) понимают под Тюменской областью только ее Юг. Стилизованные изображения карты «большой» Тюменской области используется сейчас преимущественно в самой Тюмени и на Юге области, тогда как в ХМАО и ЯНАО активно внедряется собственная региональная эмблематика, важной частью которой являются стилизованные изображения контуров округов. Данный пример показывает перспективы анализа устойчивых моделей географических образов при изучении различных аспектов региональной идентичности.

АКСЕНОВА Наталья Владимировна

*Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
(Харьков, Украина), aksjonovanat@ukr.net*

УКРАИНО-РОССИЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: КУЛЬТУРНЫЕ РЕГИОНЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ БРЕНДЫ

Новейшие исследования региональной идентичности украино-российского пограничья и его культурно-истори-

ческого районирования проводятся не в разрезе этнографических изысканий, а большей частью в рамках направления «география культуры». Следует отметить работы российских географов Михаила Крылова и Антона Гриценко, которые по-новому дают возможность посмотреть на условия формирования региональных отличий районов и подтверждают идею об отсутствии весомой экономической, культурной, ментальной подосновы размежевания как между областями союзных республик, так и в условиях государственной границы двух стран. Эти исследования позволяют рассматривать украинно-российское пограничье в качестве монолитной системы по принципу «человек – природа – хозяйство – окружающая среда». В работе поднимается проблематика создания новых трансграничных регионов. Исследуется исторически-культурная подоснова создания таких экономико-культурных анклавов и современное состояние готовности общества к их созданию. Особое внимание уделяется процессам бытования среди местного населения локальных названий регионов и использованию этих названий в рекламных и бизнес целях. Также исследуется их соотношение с новыми названиями «Ярославна», «Слобожанщина», «Донбасс», избранными для наименования новых эврорегионов в украинно-российском пограничье. Анализируется востребованность создания подобных проектов в восприятии местного населения, начиная с момента сообщения об их создании в 2009 г. Констатируется, что региональные топонимы тяготеют к реконструкции исторических названий, а сохранение исторической преемственности в их воссоздании позволяет сохранять и актуализировать региональную идентичность.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ Михаил Дмитриевич

*Центр городской антропологии КБ «Стрелка» (Москва),
alekseevsky@yandex.ru*

**КРИЗИС ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПУТИ
ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ: СЛУЧАЙ БАЙКАЛЬСКА**

Город Байкальск Иркутской области является одним из самых проблемных моногородов России: с момента строительства в 1960-е годы его история связана с развитием Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, печально известного своим вкладом в загрязнение Байкала. С середины 2000-х годов комбинат переживал серьезный кризис, который дважды заканчивался остановкой производства: временной (2008–2010 годы) и окончательной (с 2013 года).

Участвуя в разработке концепции развития территории закрывающегося комбината, Центр городской антропологии КБ «Стрелка» провел осенью 2013 г. полевое исследование, направленное на выявление доминант локальной идентичности города, которые можно использовать для культурного программирования территории.

Как показали результаты исследования, на фоне закрытия комбината городское сообщество переживает классический кризис идентичности. Утрачивая весь прежний комплекс позитивных локальных брендов – *города молодых, города целлюлозников, города научно-технической интеллигенции*, Байкальск стремится избавиться и от негативных ярлыков *моногорода, города с плохой экологией и главного загрязнителя Байкала*. При этом локальное сообщество в большей степени занято переживаниями по поводу того, какие экономические ниши смогут занять горожане, и не

вовне осознает гибельность для города перспективы нулевой идентичности.

В процессе креативного проектирования направлений развития города необходимо учитывать уровень символического конструирования. При этом важно не игнорировать сложившиеся поля локальных смыслов, поскольку они продолжают сохранять большое значение для городского сообщества, а использовать в качестве опорных точек при формировании нового смыслового поля локальной уникальности.

АНТРОПОВ Евгений Владимирович

Музей города Новосибирска (Новосибирск), evantropov@yandex.ru

**НОВОСИБИРСК: СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ
СИМВОЛИЗАЦИИ И МИФОЛОГИЗАЦИИ
ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ**

Проблематика процессов репрезентации городской идентичности в связи с разработкой долгосрочных стратегий развития в начале XXI в. относится к числу уникальных. Основные источники современного конструирования (интерпретации) коллективных представлений о городе были сформированы в советской истории, хотя сегодня могут выражаться и в «архаичных» формах (досоветского прошлого). Историческими условиями формирования городского сообщества были транзитный характер города, статус административного центра и презентационной площадки макрорегиона в рамках государственного строительства, высокая динамика социальной мобильности и трансформации в контексте интенсивных процессов урбанизации и конкурентный характер социально-экономического и культурного взаимодействия. В итоге базовые категории исторической памяти (контекст коллективной идентичности) изменялись в течение одного-двух поколений, обусловив неустойчивость и вариативность развития городской среды, не сформировавшей согласованный образ. Анализируются архитектурные, художественные и социально-культурные источники символизации городского пространства. Определяются наиболее актуальные из них в современных административных и общественных практиках интерпретации историко-культурного наследия. Предполагается, что базовые контуры локальной идентичности связаны с поддержанием и тиражированием статуса столичности. В качестве выраженной специфики символизации Новосибирска отмечается репрезентация образа *terra nova*, города без прошлого, отрицающего архаику «старой жизни» во имя новшеств, динамики и перспектив города «вечного будущего». Несмотря на вековую сложную и драматичную историю, «столица Сибири» продолжает характеризоваться как город без прошлого. Ключевой образ, отрицающий архаику, стал самостоятельным артефактом и своеобразным новосибирским брендом.

БАРАННИКОВА Анна Борисовна

*Научно-исследовательский институт истории и культуры
Ульяновской области (Ульяновск), ann.barannikova@gmail.com*

**ПОИСК БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ:
ОТ РОДИНЫ В.И. ЛЕНИНА К МУЗЕЮ СССР
(Ульяновская область)**

Ульяновская область как регион традиционно воспринимается как Родина В.И. Ленина, в советское время в раз-

работку данного бренда были вложены огромные материальные и интеллектуальные ресурсы. В начале 2000-х годов региональное правительство под руководством С.И. Морозова решило, что быть родиной Ленина уже не актуально и предприняло попытку найти новую духовную, идеологическую основу для создания бренда области. Была выбрана тактика позиционирования Ульяновска как «Культурной столицы», которая предполагала кроме большой рекламной кампании и проведение масштабных мероприятий: кинофестиваля, культурного форума, мастер-классов и т.д. Однако большинство мероприятий не стали столь масштабными, как предполагалось, и бренд «Культурной столицы» стал скорее поводом для шуток горожан. Руководством области была предпринята вторая попытка по созданию бренда, снова с претензией на столичность и эксклюзивность региона – была начата кампания «Ульяновск – на взлет», или «Ульяновск – Авиационная столица России». Данный бренд попытались обосновать наличием в городе масштабного в советское время авиационного производства «Авиастар». Было проведено несколько Международных авиационных форумов. К сожалению, данный бренд не был позитивно воспринят даже среди горожан. В 2014 г. снова была предпринята попытка привлечь внимание к региону с помощью создания на базе Мемориала им. В.И. Ленина Музея СССР. В настоящее время предпринимаются попытки вернуться к бренду Ульяновска – родины Ленина, разрабатывается контент Музея СССР и ведутся переговоры об организации «Красного туристического маршрута».

БОБЫЛЕВА Надежда Игоревна

ЕСЕЕВА Ольга Владимировна

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова (Архангельск), pur-navolok@yandex.ru
eseevaolga@mail.ru*

ЖИВЫЕ СИМВОЛЫ АРКТИКИ В КОНСТРУИРОВАНИИ ИМИДЖА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Неотъемлемой частью культурного образа Архангельской области являются живые обитатели тайги, тундры, моря. Казалось бы, новое время выбирает новые символы, но на гербах и флагах поселений Архангельской области мы обнаруживаем все тех же коня, барана, барсука, семгу, медведей, лисиц, оленей, рябчиков. Например, в 2009 г. был принят герб городского округа Новая земля с изображением, наконец, и наших героев – стоящих на льдине белых медведей. Интересен отчетливый водораздел между художественными образами и общественным мнением о символе региона. Так, один из конкурсов в 2007 г. выявил совсем другие представления жителей – респонденты называли символами спортивную команду, космодром, завод, памятники, и также активно упоминали самобытное рукоделие (поделки, пряники, игрушки). Между тем, по многим параметрам именно арктический великан может претендовать если не на «бренд» региона, то на культурный ресурс точно. Крупнейший наземный хищник, достигающий трех метров в длину и тысячи килограмм веса, питающийся морскими обитателями, живущий вдоль побережья Арктики (прежде всего, российского), свирепый и коварный, узнаваемый и презентабельный, а самое главное – абстрактный

и далекий. Особенно существенным кажется то, что мода «на белых мишек» не может нанести вреда ни репутации региона, ни самому белому медведю. Перспективы социальной технологии содействия новой, социально безопасной «моды» на «продвинутые» культурные символы и образы кажутся весьма социально значимыми.

БЫСТРОВА Татьяна Юрьевна

*Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), taby27@yandex.ru*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ БРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИИ: ВЕРСИИ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Среди множества подходов к формированию бренда территории особое место занимают концепции ценностно-культурной направленности (Ч. Лэндри, Дж. Грант), восходящие к авторитетной традиции философской аксиологии. Вычленение специфической культурно-ценностной шкалы региона или города позволяет достаточно легко определить их своеобразие, черты которого могут в дальнейшем быть оформлены, усилены, визуализированы и т.п. в процессе целенаправленного брендинга места. Анализ произвольно-выбранных моделей брендинга, разработанных без учета культурно-ценностной составляющей, показывает краткосрочность их действия из-за отсутствия реальной связи с «духом места». Автор разграничивает в докладе практики формирования идентичности территории с позиций маркетинга, имиджологии, брендинга, а также рассказывает о результатах проектно-исследовательской деятельности по брендингу территории на основе культурологического подхода, о результатах, полученных в ходе студенческих и музейных проектов (в частности, «Искусство Путешествий», музей СОКМ УОЛЕ г. Екатеринбург, 2013–2014 гг.), мастер-классов в других городах России (Омск, Анапа, Уфа).

ГОЛИКОВА Светлана Викторовна

*Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург),
avokilog@mail.ru*

РОЛЬ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

До превращения края в крупный горнометаллургический район тот смысл, который сегодня вкладывается в понятие «Урал», совершенно не был очевидным. Горнозаводская колонизация превратила местность, где были обнаружены полезные ископаемые и построены заводы, в сложное и гетерогенное социальное пространство, установила социальный контроль над территорией, научилась поддерживать и увеличивать уровень ее освоенности. Создание горнозаводского Урала происходило в то время, когда стала актуальной задача формирования внутренних границ страны и складывались представления о России как о совокупности различных регионов. Горнозаводская идентичность

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-11-66002 а(р) «Историко-символическое пространство горнозаводского Урала в формировании геокультурного образа края (XVIII – середина XIX вв.)».

стала первой формой региональной идентичности; более того, именно она образовала уральский макрорегион. Горнозаводская колонизация сумела заложить основу уральского регионального нарратива, успешно репрезентировала край на символической карте Российской империи. Период выработки концепта «горнозаводской Урал» и утверждения его в качестве региональной идентичности приходится на XVIII – середину XIX вв. Поскольку горнозаводской Урал как базовый геокультурный образ-архетип уральского мега-региона продолжает оказывать влияние на современность, остается актуальным имиджевым ресурсом, то целесообразно рассмотреть связь индустриального освоения Урала с конституированием его символического пространства, а полученные результаты использовать для брендинга и ребрендинга территории.

ДРОЗДОВА Юлия Алексеевна

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград), juliadrozдова@mail.ru

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО В СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере Волгоградской области)

Социальное пространство региона, обладая коммуникативной, диалогической функцией, с одной стороны, конструирует и определяет повседневные модели восприятия территории, а с другой, способно вызывать аффективные реакции, чувственное переживание пространства, эмоциональную стимуляцию через ощущение травмы/излечения, опасности/безопасности, негатива/удовольствия, стыда/гордости, или их сочетание. Рефлексия семантической насыщенности региональной среды, структуры регионального текста, повседневных практик и аффективных пространственных оппозиций позволяют «присваивать» регион и формировать региональную идентичность, как осознание принадлежности к сообществу того или иного региона, имеющее для индивида значимый смысл и определяющее его социальные взаимодействия. Проведенное авторское комплексное социологическое исследование (2013–2014 гг.) позволяет интерпретировать пространственный текст Волгоградской области через конгруэнтные паттерны социального взаимодействия, которые характеризуются дуализмом в восприятии, открытой и латентной конфликтностью, постоянным межкультурным, межэтническим диалогом. Трансграничное социальное пространство региона определяется информантами в зависимости от общих локальных и индивидуальных смыслов, существующих практик, стереотипов, ментальностей и культурных ценностей, ситуаций, информации, которая транслируется СМИ. Исследование выявило, что трансграничное пространство Волгоградской области образуют полиэтнические поселения Волгоградской области, исторические памятники, набережная Волгограда, Волга и Дон, школы, дороги. Пространственные сближения/отдаления, динамичность и диалогичность, консенсус и конфликт значений, смыслов, объективированных в региональных символах, конструируют и реконфигурируют региональную межэтническую среду как текст, делая его полноценным субъектом социальной коммуникации.

ИЗМОДЕНОВА Нина Николаевна

Петрозаводский государственный университет, Кольский филиал (Anatymy), nina_izmodenova@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СЕВЕРЯН

Социологические исследования, проводившиеся лабораторией социологии кафедры философии и социологии (Кольский филиал ПетрГУ) в г. Апатиты и области, позволяют констатировать, что существует северная идентичность, которая презентуется несколькими феноменами: (1) ни учащиеся школ, ни студенты, ни работающие, ни пенсионеры, в большинстве своем, не хотят уезжать из этого региона; (2) отношением респондентов к своему региону (Мурманская область) как к ценности (в других странах и регионах они хотят отдыхать или продолжить образование, но жить и работать здесь); (3) представления о модальном типе «человека Севера» существенно отличается от личности человека средней полосы России или российского юга: личность северянина характеризуется большей открытостью и доверием к другим людям, он менее прагматичен, более добр и толерантен к инакости. Идентичность «северяне» выполняет функции сохранения единства между различными социальными и этническими группами, преодоления комплекса провинциализма и периферийности. Факторами формирования такой идентичности являются: (1) существующий в г. Апатиты Кольский Научный центр Академии наук Российской Федерации; (2) упрощенная возможность получения двухгодичных шенгенских мультивиз; (3) существование регулярных авиарейсов в Москву и Санкт-Петербург; (4) существующая система региональных (северных) надбавок к заработной плате, продолжительность отпуска, возраст выхода на пенсию и другие льготы для проживающих на северных территориях. Особенным фактором и брендом территории респонденты считают природу Севера.

ИКОННИКОВА Светлана Николаевна

Санкт-Петербургский государственный институт культуры и искусств (Санкт-Петербург), ikon.08@inbox.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ – ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕНТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ

В нашем земном, чувственном мире все находится в определенном пространстве, трехмерном, а с учетом временной координаты – четырехмерном. И то, что мы называем культурой, естественно, тоже находится в этом пространстве. Эта пространственность на земле реализуется как особые протяженности, объемы, площади, особое разнообразие геокосмической и географически ландшафтной реальности. И это, последнее, чрезвычайно важно в отношении к культуре, точнее к культурам, возникающим и развивающимся в конкретных физико-географических условиях. Многие особенности культурной жизни обусловлены рельефом местности, ландшафтом, протяженностью территории. В истории культуры известны цивилизации различного типа: речные, морские, океанические, горные, степные, лесные, пустынные. Все это лишь природные факторы, но от них существенно зависит организация жизни, хозяйственный уклад, тип жилищ, способы сообщения, кулинарные предпочтения и технологии, верования, и в общем, – характер и формы культуры. Так, бескрай-

ность просторов или, напротив, пространственная стесненность, зажатость, в немалой степени определяют своеобразие культур, бытия их ценностей, форм их выражения. Ценности культуры, как специфические человеческие отношения, воплощаемые, опредмечиваемые в разнообразных носителях, создают своеобразную духовную атмосферу. Россия – грандиозный культурный ансамбль народов, объединенных общим гражданством и территорией проживания. Культурное пространство объединяет их, создавая неповторимый узор самобытных культур, сохраняя их уникальность и усиливая притягательную силу энергетически мощной ауры.

КИРЧАНОВ Максим Валерьевич

Воронежский государственный университет (Воронеж),
maksymkirchanoff@gmail.com

ПОЛИТЭКОНОМИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПЕРИФЕРИИ (Латгале в 1920–1940 годы)

Латгале – регион Латвийской Республики со значительными региональными особенностями. Вопросы латгальской идентичности относятся к числу малоизученных проблем в российской историографии. Изучение Латгале в Латвии носит эпизодический и несистемный характер, будучи сосредоточенным на проблемах политической, культурной и литературной истории. В подобной ситуации ряд проблем истории и функционирования латгальской идентичности остается вне сферы внимания исследовательского сообщества. Основное внимание в докладе будет уделено вопросам политэкономии латгальской идентичности в период между двумя мировыми войнами. В качестве источника будет привлечена региональная периодическая печать на латышском языке и его латгальской литературной норме из фондов Латвийской Национальной Библиотеки (Рига, Латвийская Республика), которая составляет корпус текстов, отражающих различные уровни и измерения, формы и проблемы бытования идентичности в условиях повседневности в рамках латышской периферии, ее применения и использования носителями, трансформации и адаптации к политическим процессам (например, недемократическому режиму Карлиса Улманиса), лингвистические и литературные измерения, религиозные формы, а также стратегии адаптации к новым политическим реалиям в 1940 г. в условиях начавшейся советизации регионального пространства. Корпус изучаемых текстов на латгальском языке можно рассматривать как источник по истории Латгале в традиционном, нормативном плане, а также как коллективное «место памяти» латышской идентичности с ярко выраженными региональными особенностями, как «воображаемое сообщество» и совокупность «изобретаемых традиций», что открывает широкий диапазон для возможных междисциплинарных интерпретаций изучаемой проблемы.

КРАСИКОВ Михаил Михайлович

Харьковское отделение Украинского этнологического центра
Института искусствознания, фольклористики и этнологии НАН
Украины (Харьков, Украина), mmkrasikov@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ХАРЬКОВЩИНЫ

С середины XVII в. территория Харьковской области входит в этногеографический регион *Слободская Украина*, или

Слобожанщина, охвативший части пространств Донецкой, Луганской, Сумской областей Украины и Курской, Белгородской, Воронежской областей РФ, Харьков с XVIII в. стал столицей края. Регион колонизировали украинские казаки и русские служилые люди. Численно преобладали украинцы, русское влияние (как естественное, так и насильственное) тоже было немалое. Политика русификации сменялась политикой украинизации (в 1920-е, 1990-е годы), однако ассимиляционные процессы происходили вне зависимости от политических установок. Это отразилось и в огромном количестве смешанных браков (особенно в XX в.), и в архитектуре, и в фольклоре, и в говоре, «суржике» (не случайной смеси русских и украинских слов, а украинской речи, со всеми ее фонетическими особенностями, пестрящей русизмами, измененными на украинский манер – напр., «Яка різниця?») и в региональной идентификации. Население этого края (независимо от этнического происхождения) в большинстве четко осознает себя *українцями* (в политическом смысле), однако называет (и ощущает) себя «*східняками*» (*схід* по-украински – восток), – т.е. жителями Востока Украины, для которых русский язык – такой же родной, как и украинский, а русская классика (для образованных) не менее дорога, чем украинская. Слобожанская идентичность (и ментальность) базируется на принципе диалога культур. Актуализируется эта идентичность тогда, когда происходит противопоставление «*східняків*» (= «москалів») «*західникам*» (= «бендерівцям»), или украинцев – русским.

ЛАЗАРЕВА Ольга Викторовна

Санкт-Петербургский государственный институт культуры
(Санкт-Петербург), ryzhayas@mail.ru

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ИНДУСТРИЙ В КОНСТРУИРОВАНИИ ИМИДЖА РЕГИОНА

Культурные индустрии давно стали привычным явлением современности. Несмотря на распространенность этого феномена, в академических кругах продолжают дискуссии об его сущности и оценке влияния на жизнь общества.

В данном докладе культурные индустрии предстают в позитивном качестве, открывая обширные возможности для реализации культурной политики, в частности, конструирования имиджа региона. Этому способствуют ряд особенностей как самого явления, так и выпускаемой культурной продукции. В частности, нацеленность на социализацию потребителя, простота реализации, легкость усвоения культурных смыслов и т.д. В отличие от СМИ, ставших традиционными в сфере конструирования имиджа, культурные индустрии могут действовать ненавязчиво, оправдывая название «мягкой силы». Сочетание этих характеристик и «искусственного» характера имиджа региона позволяет обнаружить большие перспективы в их объединении.

ЛЕВОЧКИНА Наталья Алексеевна

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск), lna1970@yandex.ru

БРЕНДЫ В СИСТЕМЕ ПРОДВИЖЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ (на примере Омского региона)

В последние десятилетия создание брендов касается многих регионов. Это связано с тем, что в ситуации гло-

бальных процессов власти современных территорий активно занимаются поиском уникальной конкурентной ниши, которая способствовала бы притоку крупных инвестиций и туристических потоков. На наш взгляд, одним из условий, снижающих последствия глобализации для России, является формирование региональных брендов, в том числе культурных. С одной стороны, региональные бренды создаются на основе региональной идентичности и общности культурных, а иногда и этнических, и иных ценностей, многообразных ресурсов, а с другой, процесс создания регионального бренда основывается на реализации долгосрочной политической и макроэкономической стратегии региона, комплекса информационных и рекламных мероприятий. Процесс создания брендов территорий набирает свою силу как в европейской части Российской Федерации, так и в отдаленных ее восточных, северных территориях. Основой развития региональных культурных брендов являются краеведческие информационные ресурсы, которые включают в себя огромный потенциал для развития территории и представляют собой научные достижения, произведения художественного творчества, традиции, обычаи, обряды и др., способствуя производству новых культурных ресурсов, обеспечивая устойчивость и продвижение региона в мировом сообществе. В целом, региональный культурный брендинг – это новая деловая философия, заключающаяся в создании и поддержании притягательности и престижа территории, а также привлекательности сосредоточенных на ней историко-культурных ресурсов и возможностей их реализации.

ЛЯПКИНА Татьяна Федоровна

Санкт-Петербургский государственный институт культуры и искусств (Санкт-Петербург), teffil@mail.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Сегодня говорить о стратегиях государственного развития без учета и изучения этно-регионального фактора нельзя. В России появился опыт конструирования «новых» идентичностей, который может быть понят через осмысление основных детерминант в следующих региональных этнокультурных процессах.

Во-первых, резко возрастающая динамика изменений природной и социокультурной среды, связанная с изменениями климата, переходом к новому вектору социально-экономического развития, ломка этнокультурных стереотипов стали приводить к значительным и быстрым трансформациям этнокультурных ландшафтов, к которым не успевают адаптироваться люди.

Во-вторых, не сбываются прогнозы относительного уменьшения роли этнического фактора в связи с процессами глобализации. Напротив, можно заметить обратное влияние этнических процессов на современное общество.

В-третьих, в России формируется нарастающая концентрация населения в урбанизированной среде. Россия сегодня – городская цивилизация, подтверждением этому являются результаты переписи населения 2010 г. Становится очевидным кризис традиционного образа жизни, а вместе с ним и этнонациональной культуры. Эта проблема обостряется распространенным стереотипом о необходимости стирания границ между городом и деревней, созданным еще в совет-

ское время. К этой проблеме добавляется проблема контраста социально-экономического развития регионов России, что не может не влиять на этнокультурные процессы.

В-четвертых, в постсоветский период национальные регионы России стали переживать новый виток модернизационных процессов, сопровождающийся стремлением национальной политической элиты к суверенизации, усилению процессов этномобилизации региона, выступающей одним из важных факторов его этнического и этнокультурного развития.

МАРЕМШАОВА Ирина Исмаиловна

Карачаево-Черкесский государственный университет (Черкесск), irina_marem@mail.ru

АЛГОРИТМЫ БРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА

Территориальный брендинг, как стремление придать собственной территории проживания привлекательный облик, в различные исторические эпохи имел на Кавказе разные формы и воплощался различными способами. Брендинг территории Северного Кавказа в рамках советского и постсоветского периода неоднократно претерпевал изменения. При этом важно отметить, что происходила не линейная эволюция содержания бренда, а кардинальное изменение его имиджевой сущности. Отличительной чертой постсоветского периода стала дробность бренда территории Кавказа. Единый алгоритм кавказского территориального бренда сменился алгоритмами территориальных брендов отдельных республик и областей. Так, основой территориального бренда Чеченской Республики сегодня является религиозный фактор; основным алгоритмом территориального бренда Кабардино-Балкарии выступает наличие уникальной природной зоны Приэльбрусье; бренд Ставрополя – это рекреационные ресурсы района Кавказских Минеральных вод и т.д. Однако для того, чтобы брендинг территории Северо-Кавказского региона обеспечивал формирование его позитивного имиджа и повышение качества жизни населения, предстоит большая работа по преодолению негативных стереотипных представлений о нем и его жителях и по созданию адекватных брендинговых алгоритмов.

МЕЛЬНИКОВА Светлана Витальевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), meln-svetlana@mail.ru

ПРОБЛЕМА РЕБРЕНДИНГА ЕКАТЕРИНБУРГА (от «опорного края державы» к «городу удовольствий»)

Один из способов определения городской идентичности – осмысление ее в более широком контексте уже устоявшегося понятия «региональная идентичность». В случае Екатеринбурга это вполне оправдано. Успешно реконструируемая и конструируемая А. Ивановым уральская идентичность, по убеждению писателя, в полной мере репрезентируется Екатеринбургом – столицей горнозаводского Урала. Индивидуальность города обусловлена уникальностью индустриального развития региона с его городами – заводами. Очевидно, что в индустриальную эпоху города развивались, да и возникали, благодаря наличию в них промышленности, однако сегодня городам следует «понравиться» для привлечения внимания к себе. Город перестает представлять

регион, он становится с одной стороны «городом вообще», с другой, теряет опору, из которой вырос (завод), как признак идентичности. Красота города сегодня перестает быть имиджевой категорией, она становится экономической. Поиск индивидуальности города соразмерен коммерческому успеху. Какой набор ключевых признаков должен быть у Екатеринбурга, чтобы город был узнаваем как бренд и привлекателен как желаемый объект посещения? Что, помимо непосредственного впечатления, помогает человеку, не обладающему интуицией художника, увидеть узнаваемую и неповторимую индивидуальность города? Откуда возникает эта индивидуальность: из плана градостроителя? намерений дизайнера? стараний горожан? случайно? Автор ищет ответы на эти вопросы, анализируя современный облик родного города, проводя опросы жителей и гостей его, сравнивая развитие Екатеринбурга с логикой развития реальных и мифологических городов.

МОРОЗОВ Александр Владимирович

*Белорусский государственный университет культуры и искусств
(Минск, Республика Беларусь), morozoff.bel@mail.ru*

ФЕНОМЕН ТОПОНИМИЧЕСКОГО РЕБРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИЙ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Под топонимическим ребрендингом подразумевается ликвидация прежнего топонима и замена его на новый: в социокультурных условиях Российской Федерации и Республики Беларусь в 90-х годах XX – начале XXI века данный процесс в основном был обусловлен идеологической подоплекой топонимов советского времени. Распад Советского Союза поставил бывшие республики, их региональные и локальные образования, перед необходимостью поиска новой идентичности и, как одного из следствий, закрепления результатов поиска в топонимах. В Российской Федерации наблюдается процесс возвращения к топонимам дореволюционного периода; в Республике Беларусь топонимический ребрендинг сопровождается появлением названий, связанных с презентацией суверенного статуса белорусской территории, в том числе во времена Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского. В настоящее время топонимический ребрендинг включен в процесс имидж-конструирования наших государств и их территориальных образований. В экономических условиях второго десятилетия XXI столетия топонимический ребрендинг приобретает четко выраженную маркетинговую составляющую, связан с рекламой территорий, в том числе в плане наличия многовековых этнических традиций и богатого историко-культурного наследия регионов Российской Федерации и Республики Беларусь.

МУРТУЗАЛИЕВ Сергей Ибрагимович

*Институт всеобщей истории РАН (Москва),
msihistory2000@yandex.ru*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И БРЕНДИНГ СКФО

Изучение регионального брендинга в субъектах Северо-Кавказского федерального округа РФ (СКФО) ослож-

нено политической, социальной и религиозной нестабильностью на рассматриваемой территории, обострением процесса возрождения интереса к этническим и историческим корням, к основаниям этнокультурной идентичности и проблеме национальной идеи, что обусловлено противоречивой политикой, проводившейся в постсоветской России. Существенное влияние на общественно-политическую и культурную жизнь Дагестана, Ингушетии и Чечни оказывает мусульманский истеблишмент, добивающийся исламизации системы образования и воспитания и т.д. «Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 года» все еще находится в стадии разработки, а более 95% молодежи в этих республиках являются приверженцами ислама и его ценностей. Исламский фактор – мощный противовес попыткам Русской православной церкви призывать к толерантности, искать точки соприкосновения между исламом и православием для достижения общероссийской идентичности. Не следует забывать, что идентичность может использоваться в качестве не только созидательной, но и разрушительной силы (например, Украина), а смысл исламского отношения к законам светского государства заключается в том, что мусульманин может следовать законам государства, но не может допускать мысли, что они выше шариатских – «судить может только Аллах». Выработка концепции национальной идеи и формирование национальной/государственной идентичности в постсоветский «кризис идентичности» не могут быть бесконфликтными. Перед российским государством стоит сложнейшая проблема – интегрировать полиэтничное и многоконфессиональное население в единую политическую нацию.

НАЗУКИНА Мария Викторовна

Пермский НЦ УрО РАН (Пермь), nazukina@mail.ru

«БРЕНДИНГ СВЕРХУ» КАК МОДЕЛЬ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СПЕЦИФИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ

В докладе анализируются процессы регионального брендинга в современной России. Практики конструирования бренда территории рассматриваются как составляющие политики идентичности. Они связаны с утверждением определенного видения реальности, места самой группы в этой реальности и означают формирование оснований для идентификации (обретение имени) и мотивов социального действия. Бренд города или региона становится знаком или символом, который осуществляет идентификационную функцию для сообщества. Анализ практик разработки региональных брендов в 2000-е годы позволяет сделать вывод о том, что возобладает вариант, при котором политические группы концентрируют в своих руках символические практики, исключая региональное сообщество из данного процесса («брендинг сверху»). Для данной модели брендинга «сверху» типичным оказываются следующие черты: слабое внимание создателей бренда к региональному сообществу и его исключение из процесса брендинга; закрытый характер разработки концепции бренда (кабинетность), концентрация в руках элитарных (административных) групп; ориентация на внешние, имиджевые задачи; проблемы с выбором уникальной основы бренда, вследствие оторванности от культурно-исторических особенностей сообщества. При

этом существует довольно серьезная завязка политики идентичности на губернатора как ключевого актора брендинга, отставка которого (Пермский край, Омская область и др.) серьезно корректирует данный политический курс.

НИКОЛАЕВА Елена Валентиновна

Московский государственный университет дизайна и технологий (Москва), elena_nika@bk.ru

ЗАПАД vs ВОСТОК В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСТСОВЕТСКИХ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ

На постсоветском пространстве конструирование новой государственной и региональной идентичности естественным образом происходит в знаковых системах Запада и/или Востока, т.е. европейской vs азиатской культур. Наиболее очевидным символическим репрезентантом региональной идентичности является столица, ее архитектурно-пространственные коды и социально-антропологические форматы повседневной культуры (памятники, архитектура, уличная/праздничная мода и т.д.).

Яркий пример «восточной» региональной идентичности представлен в столице Туркменистана Ашхабаде. «Восточная» модальность региональной идентичности, несмотря на вектор евроинтеграции, наблюдается в столице Украины. Памятники, появившиеся в центре Киева за последние два десятилетия (монумент Независимости Украины, памятники Основателям Киева, князю Ярославу Мудрому, гетману Запорожской Сечи Сагайдачному, Казаку Мамаю и др.), тематически связаны с государственностью Древней (Киевской) Руси и культурой казачьей вольницы. Порождаемые ими коннотации – восточное христианство и восточнославянский тип народной демократии (круг, вече). Конструирование региональной идентичности столичного мегаполиса в эпоху глобализации нередко основано на постмодернистских принципах сочетания несочетаемых культурных символов, что приводит к семиотической амбивалентности городского «текста» и региональной идентичности соответствующей локальной культуры. В некоторых случаях дуальность региональной идентичности носит концептуальный характер, например, новая столица Казахстана – Астана – позиционируется как центр Евразии и, соответственно, сочетает в своем социокультурном пространстве знаки азиатской (мечети, кочевники, шатры и пр.) и европейской (ампир, постмодернизм в архитектуре и др.) культурных парадигм, мифологические конструкты Древа жизни и птицы Самрук и социокультурные хайтек-пространства.

ОВЧИННИКОВ Александр Викторович

Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань), ovchinnikov8_831@mail.ru

МИФОЛОГИЯ ИСТОРИКО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ТАТАРСТАНА (на примере Болгара и Свияжска)

До 2010 г. находящиеся на территории Татарстана архитектурно-археологические памятники Болгара и Свияжска не привлекали особого внимания ни властей, ни общественности. В нарративах татарской национальной истории центром историко-культурного пространства Республики

выступала Казань, отметившая в 2005 г. свое «тысячелетие» и позиционировавшаяся как «перекресток культур и цивилизаций». Ситуация изменилась в 2010 г., когда покинувший пост Президента Татарстана М. Шаймиев создал фонд «Возрождение», официальной целью которого стало восстановление болгарских и свияжских памятников. Конструируемые с этого времени в местных СМИ, публицистических и научных сочинениях образы прошлого рассматриваются автором с позиций теории мифа К. Леви-Стросса. Противостоящими элементами мифической бинарной системы выступают Болгар («памятники татарской истории») и Свияжск («памятники русской истории»). Выделено три «уравновешивающих» систему медиатора: персональный (пропагандируемый образ М. Шаймиева как политика, не допускающего межнационального конфликта) и два территориальных: Волга – река, на берегах которой находятся Болгар и Свияжск; Казань – «древняя столица Татарстана, находящаяся на пути из Болгара в Свияжск» (последние также выполняют роль медиаторов, но, скорее, в неофициальном дискурсе: в местной печати периодически вспыхивают споры о русских (славянских) памятниках в Болгаре и татарских в Свияжске).

ОСЬМУК Людмила Алексеевна

Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск), osmuk@mail.ru

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЛЕННЫХ ИНДУСТРИЙ В КОЛЫВАНИ (НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ) В КОНТЕКСТЕ БРЕНДИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ

Современные представления о развитии территории связаны с ее брендингом, в рамках которого активно используется историческое прошлое поселений и возможность реконструкции традиционных ремесел. Исторические поселения оказываются в выгодном положении, поскольку содержат социокультурную базу для идентичности. В Новосибирской области таким известным историческим поселением является п. Колывань, однако имеющийся здесь ресурс необходимо активизировать. В целях активизации социокультурного ресурса и последующего брендинга территории был проведен анализ существующих исторических документов, а также исследование готовности жителей территории к развитию традиционных ремесел (проведено три фокус-группы). В результате проведенных фокус-групп были выявлены следующие особенности территориального сообщества: наличие исторической «памяти» сообщества, возрождение мифологии (рассказы о Козмодемьяновской ярмарке, событиях, связанных с деятельностью известных купцов и др.); обнаруженный высокий уровень пассивного участия в социокультурной жизни поселения (отсутствие собственной инициативы); открытость сетей и возможность адаптации приезжих; высокий авторитет православной церкви (на территории известен женский монастырь, храм Александра Невского); запрос на сувенирную и ремесленную продукцию для многочисленных и популярных праздников на территории. Задача развития Колывани (Колыванского района) решается через создание Социокультурного парка традиционных ремесел (подготовлена Концепция, начата реализация), среди задач которого – брендинг

территории. Колывань, как поселение, которое должно было стать центром развития Западной Сибири, может сейчас использоваться как ресурс для брендинга Новосибирской области и Новосибирска.

ПОДВИНЦЕВ Олег Борисович

Пермский ИЦ УрО РАН (Пермь),
podvintsev2009@yandex.ru

**ПСЕВДОИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ КАК
ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СУБЪЕКТАХ РФ**

Активно проводившаяся в 2000-е – начале 2010-х годов в субъектах РФ политика идентичности неизбежно подразумевала обращение к прошлому регионов и формирование наиболее благоприятных, с позиций региональных элит, образов этого прошлого. Искажение исторических реалий при этом могло происходить по нескольким, как правило, взаимосвязанным, направлениям: удревнение (времени этногенеза, возникновения государственности, основания городов и т.д.), преувеличение значения тех или иных явлений или событий, сглаживание тех или иных конфликтов и др. Одновременно с редактированием, а зачастую и «изобретением» собственного прошлого в регионах стремились вписать его в принятый канон истории России как империи. К этой деятельности стремились подключить квалифицированные исторические кадры, зачастую заранее определяя результаты, которые они должны были получить в результате своих изысканий. Возможности для этого зависели, как правило, от ресурсов региона или той роли, которая отводилась ему в Москве. Все это позитивно сказалось на поступательном укреплении региональной идентичности на уровне субъектов РФ; однако, как представляется, имело негативные последствия для состояния и авторитета отечественной исторической науки.

ПОЛЯКОВ Евгений Михайлович

Воронежский государственный университет (Воронеж),
evgenij.polyakov.1984@mail.ru

**ГРОЗНЫЙ И ГРОЗНЕНЦЫ:
ИДЕНТИЧНОСТЬ ВНУТРИ И ВОНЕ
(социокультурный феномен
постконфликтного общества)**

Одним из последствий вооруженного конфликта в Чечне стало переформатирование населения города Грозный и раскол в общине города на «старых» (живших до конфликта и сумевших пережить его последствия) и «новых» (поселившихся после конфликта) грознинцев, причем среди «старых» тоже есть две группы – оставшиеся в городе и покинувшие его навсегда. В тематических сообществах в Интернете грозненцы говорят даже об «эмиграции», описывая свои попытки «ассимилироваться» в других городах и регионах. По-разному нынешние грозненцы и «эмигранты» воспринимают и многие актуальные практики по конструированию идентичности жителей города, в том числе, связанные с топонимическими правками, городской застройкой и т.д. Сложился своеобразный феномен внутренней диаспоры «старых» грознинцев, со своей специфической субкультурой, проявляющейся в ежегодных встречах активистов, пе-

реписке (преимущественно, традиционным письмом, а не посредством электронной почты и/или социальных сетей), особом говоре. Этими чертами они принципиально отличаются от «новых» грознинцев, для которых жизнь не делится на два этапа (до и после войны), а сам вооруженный конфликт в Чечне предстает пусть и значимым событием, но не водоразделом.

РАДИНА Надежда Константиновна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижегород), rasyv@yandex.ru

**ОСНОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЖИТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ***

Представляемое исследование, посвященное изучению региональной идентичности, проходило в два этапа. На первом этапе (2002 г.) были опрошены 515 горожан, на втором (2014 г.) – 350 горожан из 16 «малых городов» Нижегородского региона и Нижнего Новгорода. В начале 2000-х годов горожане, повествуя о своем городе, были ориентированы преимущественно на природные объекты (как значимые элементы родного города упоминались реки и леса рядом с городом, возможность охотиться и ловить рыбу). Вторая доминанта – развитая промышленность, зависимость города от промышленного производства. В историях о городе в 2002 г. уделялось незначительное внимание городской архитектуре, истории города, городским событиям (праздникам, ярмаркам и т.п.). Второй этап исследования в 2014 г. показал, что образ родного города с точки зрения его жителей изменился. Две доминанты – природа и промышленность – оказались по-прежнему актуальными. Однако в нарративах о городе 2014 г. горожане значимо чаще упоминали историю города. В новых рассказах появились новые темы: торговля, спорт, религия, строительство (как результат экономического и социокультурного развития городов за изучаемые 12 лет). Доминанту природы в образе города мы связываем с постфронтальным этапом развития провинциальных городов: сначала город поглощает сельское население, деревенские жители становятся горожанами. Однако следующие поколения «новых горожан» создает образ города, тесно встроенный в природный ландшафт.

СТАСЬ Игорь Николаевич

Сургутский государственный университет ХМАО – Югры,
igor.stas@mail.ru

**ИДЕНТИЧНОСТЬ РОЖДАЮЩЕГОСЯ
СОВЕТСКОГО ГОРОДА: РЕАЛИИ И ИДЕАЛЫ
СУРГУТА В 1960-Х ГОДАХ**

В начале 1960-х годов были открыты нефтяные месторождения на севере Западной Сибири. Базовым пунктом их освоения был рабочий поселок Сургут. Ожидание строительства промышленного центра нефтедобывающей промышленности обусловило формирование новой объединяющей идентичности у сургутян. В таких условиях жители сибирского поселка обратились к образу «Третьего Баку» и видели в своем населенном пункте будущий крупный город. Такой идеал не был общепринятым. Посельчане находились в поисках оснований идентификации. Ведомства

* Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 14-03-00617.

стихийно ставили свои поселки, из-за чего не только архитектурно-планировочное пространство города стало разобщенным, но и сама идентичность жителей разделилась по профессионально-отраслевому признаку. Также происходил отказ от образа Сургута как древнего русского города в Сибири. Итак, начало 1960-х годов было бифуркационным временем, когда у жителей поселка Сургут доминировало чувство провинциальности и стремление к его преодолению. В 1965 г. Сургут получил статус города. Одновременно началась разработка генерального плана развития города, жилой массив которого должен был расположиться на площадке, отдаленной от существующей застройки: образовывалась дихотомия идентичности горожан на Новый и Старый город. Новоселы идентифицировали себя не с общегородским пространством, а с ведомственными поселками и Новым городом. Коренные жители и руководство города отождествляли себя только со Старым Сургутом, а Новый город стал рассматриваться ими как оппозиция. Таким образом, при строительстве города формировалась разобщенная, а не общегородская идентичность.

СУДАРЕВА Юлия Геннадьевна

Социокультурный проект «Мы степнинцы» (с. Степное, Челябинская область), uliya_sydareva@mail.ru

**МЕТОДЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
БРЕНДИНГА НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА
«МЫ СТЕПНИНЦЫ»**

Проблема отсутствия позитивного имиджа сельской территории как удобного места для проживания и работы тесно связана с проблемами формирования региональной идентичности. Идентичность проявляется в устойчивой эмоциональной связи человека с местом, где он родился и живет. Степное поселение расположено в Верхнеуральском районе Челябинской области. В 2012 г. здесь по инициативе местного предпринимателя с целью повышения привлекательности села образован социокультурный проект. К сотрудничеству привлекли профессионалов из лаборатории народной культуры при МГТУ. В состав инициативной группы вошли представители администрации местного самоуправления, руководители образовательных, культурных учреждений, краеведы. В процессе заседаний, круглых столов проект получил удачное название «Мы степнинцы». Применена на практике классификация механизмов вовлечения жителей в разработку бренда территории. С помощью анонсирования в СМИ и социальных сетях, проведения акций к деятельности проекта удалось привлечь более 200 степнинцев. По результатам работы в архивах и на основе воспоминаний старожилов издана тиражом 1000 штук «Карта-схема хуторов Верхнеуральского уезда»; степнинцами восстановлен сад купца В.Е. Гогина; установлены памятные знаки; разработаны туристические маршруты, один из туристических маршрутов подготовили школьники под руководством спелеоархеолога; проведена массовая акция по установке географического знака на горе Большой с участием жителей всего района; впервые организован, а теперь стал традиционным для села праздник «Мы помним хутора»; открыта гончарная мастерская при сельском Доме культуры.

ЧИСТЯКОВ Антон Юрьевич

ООО «ЭтноЭксперт» (Санкт-Петербург), chystyakov@mail.ru

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ
ФИННО-УГОРСКИХ РЕГИОНОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В современных условиях герб является одним из элементов, которые формируют образ территории. При разработке гербов их создатели стремятся найти визуальные символы, которые в наибольшей степени отражают историко-культурные особенности территории (региона или муниципалитета). Процесс их поиска часто сопровождается открытыми дискуссиями, которые фокусируют общественное внимание на проблемах этнических и локальных идентичностей. Распространенным символом, указывающим на связь территории с финно-угорскими народами, выступает равноконечный вырубной крест, заимствованный из орнаментов и осмысляемый создателями гербов как звезда или солярный знак. Этот символ присутствует в республиканских гербах Карелии, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, а также в муниципальной геральдике, причем не только финно-угорских республик, но и иных регионов России, связывающих свою историю с финно-угорским населением (гербы некоторых муниципалитетов Ленинградской области, Лихославльского района Тверской области). Иными способами презентации финно-угорской традиции стали помещение в герб мифологических персонажей (в гербе Удмуртии – человек-птица; в гербе Коми – фантастическая птица с ликом женщины на груди, выполненная в пермском зверином стиле); предметов из сферы традиционной культуры: обрядового ковша (Оршанский район, Марий Эл), трехствольной флейты чипсан (сельское поселение Чёрныш, Марий Эл), шумящей подвески с конскими головами (Граховский район Удмуртии); элементов национального орнамента (Сыктывкар). Знание о геральдических символах распространяется посредством использования их в официальной сфере, общественной жизни (при проведении культурно-массовых мероприятий), образовательных программах различного уровня.

ШАДЖЕ Асиет Юсуфовна

КУКВА Елена Сергеевна

Адыгейский государственный университет (Майкоп), shadzhe@maykop.ru, kukva@rambler.ru

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РИСКОВ
(на примере Северного Кавказа)**

«Общество всеобщего риска» приобретает черты всеобщности всё отчетливее. Часто анализ рисков, в том числе социокультурных, актуализируется в «условиях переходности». Переходное общество характеризуется переходным характером всех элементов социальной системы от общества традиционного типа к современному. Возникает противоречия в отношении восприятия социальных перемен, что обуславливает как противоречивость социального риска в переходном обществе, так и отношение к нему в обществе. Одним из рискогенных пространств современной России является Северный Кавказ. «Предельная выраженность» этнического и конфессионального разнообразия у населе-

ния северокавказского региона в условиях его «осовременивания» обостряет восприятие социокультурных рисков, которые несет в себе модернизация. Мегариски, глобальные и собственно российские риски здесь дополняются конкретными региональными. Среди них важное место занимают *этнополитические* риски, такие как экстремизм, терроризм, национализм, ксенофобия, радикализация молодежи; *социальные риски*: социальная и территориальная дифференциация, снижение качества жизни, безработица, криминализация, актуализирующая воспроизводство рисков, в том числе в молодежной среде. *Социокультурные* риски вызваны распадом ценностной системы, «запаздыванием» культурного развития, приводящим к информационно-коммуникативному неравенству; утратой базовых характеристик этнических культур и трансформацией моделей этнокультурной идентичности. Социокультурные риски относятся к «новым» видам риска. Одной из зримых перспектив их преодоления является сохранение диалога на базе северокавказских, российских ценностей, общегражданские интересы, укрепление российской национальной идентичности.

ШАЛАГИНА Гульнара Эдуардовна

Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань), galanova@rambler.ru

ТЕНДЕНЦИИ ПОСТМОДЕРНА В БРЕНДИНГЕ ТЕРРИТОРИЙ (на примере Казани)

Городская среда Казани демонстрирует социально-экономические черты постмодерна: культуру потребления, эстетику городской среды, джентрификацию. «Технополис «Но-

вая Тура» («Торговый к-рай Казани») – это решение деловой и социальной задачи: стимуляция потребительской культуры и адаптация мигрантов, учитывая их занятость. Кроме торговых предприятий (в перспективе ок. 40 тыс. рабочих мест), запланировано строительство 10 тыс. кв. м жилья (общежития для работников), турпроекты посещения религиозных центров (Свияжск, Болгар, Раифа) совместно с покупками.

Механизмы эстетизации реальности – распространение фото-, видеокамер, эстетизированный (само)контроль, *глянцевая отчетность* в Интернете, звукоусиливающая аппаратура на улицах. Уличных музыкантов, играющих ради денег, сопровождают попрошайки – «менеджеры-промоутеры». Классические музыканты в переходах репетируют, ценящие живой звук горожане охотно кидают монеты. В топонимике города – постмодернистское «включение» исторического материала, цитатность, стилизация старины, выставочность, музейность, неклассическая музеефикация эйдоса, образа (исторических названий мест).

Джентрификация в Казани условна: отсутствуют этапы сквотирования, создания репутации района. Муниципальная собственность определила изначальную заброшенность и последующее использование зданий. Лофты создаются, чтобы направить творческие инициативы молодежи, либо как коммерческий проект («Смена», «Лофт KZN»). Казанские лофты не стихийный феномен, как «дача», «гараж». Постмодерные города – города контрастов по экономическим причинам. Аутентичной, исторической полистилистики почти нет в Казани: муниципальная собственность на здания позволила перестроить город по единому проекту. Эстетические аргументы – козыри в борьбе за новостройку: старое здание сносим, так как оно «было некрасивое».

Секция 22
ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ АРКТИКИ

Пивнева Елена Анатольевна – к.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: pivnel@mail.ru

Мартынова Елена Петровна – д.и.н., профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула)

E-mail: ep_martynova@mail.ru

АБРАМОВ Илья Викторович

*Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург),
ilya_abramov@list.ru*

**ОЛЕНЕВОДЫ КОЛЬСКОЙ ТУНДРЫ:
С УПРЯЖКИ НА СНЕГОХОД***

Одним из ключевых эпизодов жизни ловозерских оленеводов (СХПК «Тундра», Мурманская область) является сбор стада после вольного выпаса летом. Группа пастухов из разных бригад отправляется на снегоходах к Баренцевому морю для отлова оленей и соединения их в одно стадо. Затем животные подгоняются к просчетному коралю. В докладе будут поэтапно рассмотрены действия мобильного отряда и сопряженных с ним групп оленеводов, которые автор наблюдал с середины ноября по начало декабря 2014 г. Непредсказуемость, неоднозначность, риск, быстрые решения характеризуют работу оленеводов в период сбора стада. В то же время «на бумаге» их деятельность обычно описывается как малодинамичный и монотонный процесс. Массовое и последовательное картирование действий оленеводов при помощи GPS-навигаторов дало возможность оценить объем работы, которая часто остается невидимой и непознанной наблюдателем. Было исследовано влияние техники, активно внедряемой в хозяйство и задающей «новый формат» мобильности. Техника вытесняет оленьи упряжки и оставляет «без работы» собак, традиционно задействованных в оленеводстве. В контексте происходящей «транспортной революции» анализируются механизмы и формы движения стад. Внимание уделено поведенческим практикам кольских оленеводов, связанным с конфликтами интересов на пограничных территориях хозяйства («ковбойское» маскулинное поведение).

АЛЕКСЕЕВ Анатолий Афанасьевич

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск), alexeev.anatoli@gmail.com

**ПРЕДВИДЯТ ЛИ ЖИВОТНЫЕ БУДУЩЕЕ?
(по материалам традиционной и современной
культуры эвенков Якутии)**

Умение предсказывать будущее было свойственно традиционным культурам, в том числе и эвенской. До наших дней оленеводы, сельские жители прибегают к предсказанию будущего шаманскими методами, обращаясь к мифо-

логическим преданиям и легендам. Предвидеть будущее для охотников-олeneводо-в означало управлять событиями грядущего. Эвенки давали прогноз на будущее, чтобы обезопасить сородичей, семью и самих себя, а также домашних оленей от негативного воздействия катастроф, несчастий, опасностей, болезней и смерти. Они применяли различные магические и шаманские методы воздействия для принятия соответствующих мер по устранению опасности в будущем. По представлениям эвенков, животные, птицы, рыбы и рептилии сообщают человеку своим особым необычным поведением о грядущем событии (по-эвенски *нунуттон* – «дурное предчувствие»). Человеку традиционной культуры было присуще умение определять будущее по особому поведению животных. Солнце, луна и звезды, а также животные и их лопаточные кости могли служить для предсказаний будущего человечества, планеты Земля, а также народов и отдельно взятого человека.

АСТАХОВА Ирина Сергеевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), irasta@list.ru

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ «ОБРАЗ АБОРИГЕНА»
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ «ПРИЕЗЖЕГО»
НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ ЯКУТИИ**

Изучение опыта советского государства по освоению северных территорий становится все более актуальным. Особый интерес представляет социальная политика по отношению к коренным малочисленным народам Севера и механизмы ее реализации, а также межэтнические контакты в регионе. В этой связи интересно проследить, как трансформировался образ коренного жителя северных окраин в представлениях приезжего населения. Автором на основе интервью и мемуарных источников были выделены способы и механизмы формирования «образа аборигена», определены его характеристики. В общественном сознании формируются, прежде всего, целостные представления и интегрирующие черты, а образ при этом может не соответствовать действительности, т.к. восприятие отражает не только объективную реальность, но и оценочные интерпретации, бессознательные компоненты. Наряду с этим, на формирование образа оказывают влияние стереотипы и установки, присущие массовому сознанию. Например, в СМИ целенаправленно формировался определенный имидж аборигена. Интересно наблюдать, как меняется отношение респондентов, у людей появляются собственные суждения, складывается свой образ, появляются его интерпретации.

* Исследование выполнено по гранту РФФИ, проект № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. А.В. Головин).

БАЛОВА Мария Борисовна

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова (Северодвинск), mbalova@yandex.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ НЕНЕЦКОГО НАРОДА

В современном федеральном и региональном законодательстве, регулирующем статус, систему управления и самоуправления, а также хозяйственную деятельность коренных малочисленных народов Севера, существуют противоречия и пробелы. В связи с этим представляет интерес изучение исторического опыта правового обеспечения положения тундровых ненцев Архангельской губернии в XIX в. Российское законодательство того периода устанавливало особый статус инородцев, которые на основании «племенного происхождения» не попадали под действие общих законов. В 1835 г. был принят «Устав об управлении Самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии». Он включал следующие положения: (1) управление самоедами должно осуществляться в соответствии с их обычаями через старост, которых избирает каждый род из своей среды; (2) местная государственная власть осуществляет управление самоедами через земский суд, которому подчиняются старосты; (3) самоеды преследуются по общим государственным законам только за уголовные преступления; (4) в частных делах осуществляется словесное разбирательство старостами по самоедским обычаям; (5) в соответствии с Уставом создаются условия для промыслов и торговли самоедов. Таким образом, правительство стремилось законодательно урегулировать различные стороны жизни самоедов, создать максимально благоприятные условия для их социально-экономического развития при сохранении традиционного жизненного уклада. Однако при этом не всегда учитывались реальные особенности их образа жизни, социального устройства, менталитета.

БРОНШТЕЙН Михаил Мокович

Государственный музей Востока (Москва), bronmi@list.ru

КОНТАКТЫ ЭСКИМОСОВ ЧУКОТКИ И АЛЯСКИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Изучение контактов между эскимосами Чукотки и Аляски, начатое на рубеже XIX–XX вв., проводится преимущественно по данным этнографии, лингвистики и физической антропологии. Однако в последние десятилетия в научный оборот введен другой корпус источников, который можно смело использовать для подобных исследований. В результате археологических раскопок в прибрежных районах северо-восточной оконечности Азии и северо-западной оконечности Америки отечественные и зарубежные исследователи выявили многочисленные предметы охотничьего снаряжения, орудия труда, домашнюю утварь, ритуальную скульптуру, относящиеся к древнеберингоморской, оквикской, ипиутакской и другим древнеэскимосским культурам начала нашей эры. С моей точки зрения, сравнительный анализ археологических находок, обнаруженных по разные стороны Берингова пролива, существенно дополняет представления о формах,

в которых осуществлялись контакты между различными эскимосскими этнотерриториальными группами, какая информация передавалась в ходе этих контактов, какую роль играло культурное взаимодействие древних эскимосов Чукотки и Аляски в становлении общэскимосской стратегии жизнеобеспечения. С большой степенью вероятности можно предполагать, что в I тыс. н. э. у жителей берингоморских побережий существовал особый социокультурный механизм, способствовавший взаимодействию различных этнических групп. Выводы, полученные в процессе изучения контактов между эскимосами Азии и Америки по данным археологии, могут быть экстраполированы на другие традиционные сообщества Крайнего Севера, которые, так же как эскимосы Берингоморья, искали наиболее эффективные способы приспособления человека к экстремально суровым климатическим и природным условиям Арктики.

ВИНОКУРОВА Ульяна Алексеевна

*Арктический государственный институт искусств и культуры
(Якутск), uottaah1707@gmail.com*

ГРАНИЦЫ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ: ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОДЫ

В настоящее время на законодательном уровне не определены территория и границы Арктической зоны Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации № 296 от 2 мая 2014 г. установлены сухопутные территории Арктической зоны Российской Федерации, в состав которых вошли территории пяти улусов Республики Саха (Якутия), прилегающие к Северному Ледовитому океану. Правительство Республики считает арктической зоной территории 13 улусов, по землям которых пролегает линия Северного полярного круга (66°33' северной широты). Исключительно географический подход представляется не соответствующим сложившемуся образу Арктики в координатах ойкумены человечества. Арктика в целом формируется как специфическая геокультурная область.

Хотя социогуманитарные критерии арктической зоны математически не точны, они глубоко проникают в образ жизни ее населения. Их использование возможно при условии взаимного признания на территории ценностей аборигенов Арктики и государственной власти. Мы предлагаем семь социогуманитарных критериев для определения границ Арктической зоны: длительность проживания на данной территории – образ «Аборигенная Арктика»; геокультурную структурированность пространства; непрерывность социокультурной динамики как гаранта сохранения жизни в суровых условиях Арктики; сформированность региональной идентичности; единые духовно-культурные ценности; культуру достоинства; сочетание ценностей природосохранения и человекоосохранения.

Предложения: обосновать научное содержание понятий «единство и целостность природно-хозяйственного комплекса»; отграничить понятие «Арктика» от понятия «Север» и «Крайний Север»; территорию всей РС(Я) признать относящейся к Арктической зоне.

ГАЛЕЕВА Наиля Фазыловна

*Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
им. И.С. Шемановского (Салехард), 13nelia31@mail.ru*

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ
ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САЛЕХАРДА**

Первые сведения о татарах, проживающих на Ямале, датируются 1897 г. И если на первоначальных этапах освоения округа их численность и роль были незначительными, то в настоящее время, во-первых, произошёл численный прирост (более 28 тыс. по переписи 2010 г.), во-вторых, заметно активизировалось участие татар в культурно-экономической жизни округа. Несмотря на отдаленность Салехарда от национальных культурных центров (Казань, Тобольск, Тюмень), татары стремятся сохранить свою культуру и традиции. В связи с географической изолированностью и сравнительной немногочисленностью татар большинство браков, заключенных ими на протяжении 1991–2001 гг., являлись межэтническими. К сегодняшнему дню значительно возросло число эндогамных браков.

В 1992 г. в Салехарде была образована общественная организация «Национально-культурная автономия татар города Салехард “Ватан”». После «простоя» автономии в период с 2000 по 2010 гг. заметна тенденция к ее активизации в социальной и культурной сфере. Этому способствуют миграционные, демографические, религиозные процессы и рост национального самосознания. В феврале 2001 г. в городе была открыта мечеть, деятельность которой способствовала повышению религиозной активности татарского населения, соблюдению религиозных обрядов и традиций. Сегодня в числе основных препятствий на пути полноценной активизации татарского населения – отсутствие помещения для работы автономии и языкового компонента (большинство татар, рожденных в г. Салехард, не владеют татарским языком).

ГАРИН Николай Петрович

РОГОВА Александра Сергеевна

Уральская государственная архитектурно-художественная академия (Екатеринбург), n_garin@mail.ru, asrogova@yandex.ru

**ВЕЩНЫЙ МИР КОЧЕВНИКОВ ЯМАЛА:
НЕОБХОДИМОЕ И ДОСТАТОЧНОЕ***

Образ будущего Арктики в общественной и научной мысли всё чаще связывают со сценарием «цивилизационного прорыва», предполагающего смену мировоззренческих установок и формаций жизни и деятельности человека в экстремальных условиях. Устойчивое развитие будущих «арктических цивилизаций» при этом предполагает преодоление конфликта прагматичных мотивов и ценностных приоритетов в практике современного освоения «холодных ресурсов». Ключевым в этом вопросе видится смещение акцентов в мировых интересах с сырьевых к инновационным, от освоения территорий к освоению жизни на этих территориях. Рассматривая арктический локалитет в качестве территории взаимодействия двух культур – коренных и пришлых, за концептуальную основу социального (экономического и культурного) и инфраструктурного прогнозирования принимается потенциал взаимодействия этих культур.

* Исследование выполнено по гранту РФФИ, проект № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. А.В. Головинёв).

Опыт коренных кочевых культур Арктики в историческом и современном контексте представляет собой уникальный пример гибкой адаптивности к экологическим и социальным условиям. Формы и технологии жизнедеятельности коренного населения в результате своего многовекового развития создали полноценную и законченную систему жизнеобеспечения. Особое внимание в исследовании уделяется анализу предметно-вещного окружения аборигенов, представляющего собой своего рода баланс, или «примирение» культуры и природы. Условия данного компромисса в системе «человек – вещь – среда» описывается в формуле «необходимого и достаточно-го» для жизнеобеспечения в условиях Крайнего Севера.

Осмысление опыта и потенциала кочевой культуры открывает возможности для инновационных подходов к проектированию и внедрению сценариев освоения Арктики. Обозначаемый в исследовании дискурс проектирования «от культуры» апеллирует к многообразию форм жизнеустройства современного человека в Арктике – от модуля жизнеобеспечения к топологии и морфологии целых систем и инфраструктур жизнедеятельности.

ГОЛЫЦЕВА Виктория Викторовна

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН (Магадан), vgolbceva@mail.ru

**ТРАДИЦИОННЫЕ ЗНАНИЯ МОРСКИХ
ОХОТНИКОВ СЕЛА УЭЛЕН**

Доклад посвящен традиционным знаниям морских охотников села Уэлен о морских льдах, системе ветров, морских течениях, преобладающих в Чукотском море в акватории Уэлена, а также о мерах предосторожности при ведении охоты на морских млекопитающих. В основу доклада положены полевые материалы, собранные во время командировок в село Уэлен Чукотского района в период 2007–2010 гг. в рамках работы по проекту СИКУ (SIKU), являвшегося частью программы Международного Полярного Года (проект МПГ № 166) 2007–2008; отдельные работы выполнялись в 2009–2011 гг.

Традиционные знания морских охотников передавались из поколения в поколение на родном языке, что было очень важно для глубокого понимания и осмысления того, что происходит во время охоты в море. В настоящее время перед нами стоит задача по документированию традиционных знаний морских охотников, которая тесно связана с проблемой утраты морзверобойной лексики на чукотском языке в связи с тем, что молодежь, которая приходит на смену опытным морзверобоям, говорит на русском языке. Таким образом, исчезает традиционная морзверобойная лексика, которой до недавнего времени пользовались все охотники Уэлена.

ГОЛОВКО Евгений Васильевич

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), evggolovko@yandex.ru

**ЗВУКОВЫЕ ЗАПИСИ В.И. ИОХЕЛЬСОНА НА
ВОСКОВЫХ ВАЛИКАХ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ
ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА АЛЕУТОВ:
НОВЫЕ ДАННЫЕ**

В начале XX в. выдающийся российский этнограф Владимир Ильич Иохельсон работал в составе экспедиции, финансируемой московским купцом Ф.П. Рябушинским.

Экспедиция имела самое современное для того времени оснащение, в том числе использовалась звукозапись на восковые валики. В 1909–1910 гг. работа проходила на Алеутских островах, где были сделаны многочисленные записи текстов на разных диалектах. В 1990 г. почти все эти записи были транскрибированы, переведены и опубликованы Кнудом Бергсландом и Мозесом Дирксом [Bergsland & Dirks, 1990, eds.]. Исключение составили несколько валиков с записью текстов на ныне исчезнувшем диалекте о. Атту. В докладе будут представлены результаты совместной работы, проведенной в 2009–2010 гг. автором и Мозесом Дирксом: тексты, не вошедшие в издание 1990 г., были расшифрованы и систематизированы. Будут охарактеризованы особенности языка аттуанских алеутов, специфика и структурные особенности текстов, а также индивидуальные стили рассказчиков. Будут высказаны соображения относительно той роли, которую могут играть эти тексты как для истории и этнографии алеутов, так и для современного алеутского сообщества.

ЕФИМОВА Виктория Викторовна

*Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск),
efimova1870@rambler.ru*

НАЙМ ИЛИ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ХОЛОПСТВО? (к вопросу об отношениях между русскими и ненцами в первой трети XIX века)

В современной научной литературе еще серьезно не обсуждался вопрос о типе отношений, который бытовал между русскими и ненцами Архангельской губернии до 1835 г. (года принятия «Положения о разборе исков по обязательствам, заключенным мезенскими самоедами между собой и с лицами посторонними»). Он неизбежно возник, когда в конце 1810-х годов правительство задумало начать христианизацию ненцев. Одной из причин, препятствующих ее проведению, стало сопротивление русских крестьян и мещан, которые боялись, что это повлечет за собой отказ ненцев от работы на них. В результате вскрылось, что среди самоедов существуют «вольные» и «невольные». Последние, не имея никакой собственности и задолжав хозяину, у которого нанимались пасти оленей за пищу и уплату ясака, давали на себя и даже своих детей «вечную кабалу». Архангельский генерал-губернатор А.Ф. Клокачев в 1822 г. категорически опроверг этот факт, настаивая на том, что такие правоотношения являются обычным договором найма, который существует и в России между богатыми и бедными крестьянами. Однако после расследования обстоятельств конкретного уголовного дела генерал-губернатор С.И. Миницкий утвердил в 1824 г. порядок заключения «письменных обязательств, которые могут заключать с самоедами мезенские мещане и крестьяне во избежание недоразумений, порождаемых закабалением их». Тем самым косвенно был признан факт наличия в реальных правоотношениях между ними элементов средневекового холопства.

ЗМЕЕВА Ольга Васильевна

*Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского НЦ РАН
(Апатиты), zmejeva@rambler.ru*

«ПЕРВАЯ» ЛАВИНА В ХИБИНАХ: КОНСТРУИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОБЫТИЯ

Город Хибиногорск и формирование апатитовой промышленности – один из образцов реализации ресурсно-до-

бывающей экономики в Арктическом регионе. Отсутствие бытового комфорта, несчастные случаи на производстве, климатические условия Заполярья – та обстановка, в которой приходилось выживать неадаптированным жителям средней полосы и юга Советского государства. При этом новый город оказался удачно вписанным в горный ландшафт. Эстетика городского пространства и сейчас продолжает оставаться одной из основных позиций в формировании образа города. Строители населенного пункта в Хибинах в 1930-е годы не учли риски природного характера. Декабрьская лавина 1935 г. стала трагической страницей в истории города. Она была первой по силе психологического воздействия на горожан, по массовости «беспричинной» смерти. Напоминания о значимом историческом событии г. Кировска содержатся в очерках, посвященных истории и строительству города, в мемуарах, письмах старожилов и в других источниках. Лавины в Хибинах и в настоящее время продолжают калечить и уносить жизни кировчан и гостей города: спортсменов, туристов и пр. Сходы лавин пополняют статистику жертв, но только «первая» лавина остается символом покорения суровой природы, усмирения «духа гор», жертвенности невинных страдальцев. Интерпретации последствий лавиной катастрофы аккумулируют опыт выживания в экзотических природных условиях, представления о прошлом и будущем социальных, возрастных, профессиональных групп, веру в справедливость выводов следственных комиссий или «божьей воли» и т.д.

ИСТОМИН Кирилл Владимирович

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
(Сыктывкар), kistomin@naver.com*

СНЕГОХОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЫНОЧНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ: ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ И ОБРАЗЕ ЖИЗНИ КОМИ-ИЖЕМСКИХ ОЛЕНЕВодов*

Культура и быт коми-ижемских оленеводов, проживающих в Республике Коми, претерпели в первом десятилетии XXI в. более существенные изменения, чем за сорок предшествующих лет. Эти изменения были обусловлены, с одной стороны, завершением затянувшегося процесса приспособления оленеводов к рыночной экономике, что выразилось в частичном восстановлении рыночно-ориентированного характера ижемского оленеводства (рыночная реставрация), а с другой – быстрым распространением среди оленеводов снегоходов, что вызвало последствия в какой-то мере сопоставимые со знаменитой снегоходной революцией в северной Скандинавии. Наиболее заметным изменением стал отказ большей части ижемских оленеводов от зимнего кочевания: оленеводы зимой живут в поселках либо на стационарных базах, выпасая оленей в радиусе 40–60 км. Снегоходы помогают оленеводам сохранять контроль над стадами. Оседлый образ жизни в зимний период позволяет более эффективно реализовать на рынке продукцию от личных оленей: мясо, рогами и, главное, изделия из камуса. Потребность в материале и времени для изготовления таких изделий привела к практически полному прекращению про-

* Исследование выполнено по гранту РНФ, проект № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. А.В. Головинёв).

изводства традиционной меховой одежды и зимних нюков, а стремление сохранить оленей на продажу – к изменению системы питания оленеводов. Указанные изменения позволили оленеводам более эффективно интегрироваться в окружающий социум и сократить отчуждение от оседлых групп населения. С другой стороны, резкое изменение практики землепользования создает риск перевыпаса пастбищ вблизи поселков и потенциально угрожает стабильности отрасли.

КАРАПЕТОВА Ирина Альфредовна

*Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
karapetovaia@yandex.ru*

**ПРЕДМЕТЫ САКРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
НЕНЦЕВ В СОБРАНИИ РОССИЙСКОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Важное значение для изучения традиционного мировоззрения народов Сибири имеют музейные собрания. Российский этнографический музей хранит одну из крупнейших коллекций по культуре ненцев, насчитывающую свыше 2400 предметов, основная часть которой была приобретена в первой четверти XX в., когда культура народа еще в полной мере сохраняла свою этническую специфику. Небольшую, но уникальную часть собрания составляют культовые предметы, собранные в начале XX в. на священных местах островов Вайгач, Белый, Колгуева, Гыданского Канинского полуостровов, побережья Обской губы. Это деревянные изображения *сядаев* – охранителей святилищ, олицетворяющих богов, хранителей места. Поступили они в музей от Б. Житкова, А. Журавского, С. Руденко, Р. Поле. Другую группу предметов составляют семейные охранители и среди них – изображения покровительниц семьи – *мяд пухуця*. Особую группу представляют изображения умерших – *сидряҕэ* и *Нытарма*. Промышленное освоение северных территорий изменило традиционный уклад жизни коренного населения. Многие, в том числе и в сфере духовной культуры, уже утрачено. Однако в последние десятилетия под влиянием внешних факторов – политических, экономических и социальных – наблюдается активизация этнического самосознания и устойчивое стремление к ценностям своей культуры. В этой связи этнокультурное наследие ненцев, хранящееся в музее, является важным источником культурной информации, значение которого с каждым годом возрастает.

КОЛОМИЕЦ Оксана Петровна

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН (Анадырь), okkolo@mail.ru

**ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО НАРОДОВ
ЧУКОТКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

В докладе анализируются современное состояние и перспективы развития важнейших традиционных отраслей хозяйства коренных народов Чукотки.

Оленеводство и морзверобойный промысел способствуют сохранению и развитию этнической культуры коренных народов, удовлетворяют их потребности в традиционных продуктах питания. Специалисты отмечают, что в целом оленеводческие хозяйства Чукотки постепенно адаптируются к новым экономическим условиям. Внедряются новые технологии переработки оленины, укрепляется материаль-

ная база. Особые надежды оленеводов связаны с перспективами развития частного оленеводства, хотя в настоящее время в округе нет ни одной общины, которая занималась бы оленеводством.

Морзверобойный промысел – традиционный вид хозяйственной деятельности и основа продовольственной базы прибрежных чукчей и эскимосов Чукотки. В наши дни морская зверобойная культура сосредоточена главным образом на участке побережья между поселками Уэлькаль у входа в залив Креста и Ванкарем на побережье Чукотского моря. Современные охотники обеспечены необходимыми материально-техническими средствами, при этом в селах не хватает тяжелой техники.

МАРТЫНОВА Елена Петровна

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого (Тула), ep_martynova@mail.ru

**ОТВЕТЫ ИЗ ТУНДРЫ НА ВЫЗОВЫ
СОВРЕМЕННОСТИ***

В XX в., несмотря на испытания социалистическими преобразованиями, ненцы сохранили кочевой образ жизни, соционормативные практики, религию, ритуалы, фольклор и родной язык. Сегодня, в условиях крупномасштабного газонефтяного освоения Ямала и господства рыночных отношений, тундровые кочевники демонстрируют поразительную готовность к адекватным ответам на вызовы времени. Бурное индустриальное развитие территорий проживания, связанные с ним экологические загрязнения, огромный приток пришлого населения в ареалы расселения коренных народов, технологическая революция, рыночная стихия породили серию ответных реакций оленеводов. В докладе будут рассмотрены основные из них: новые формы организации экономической деятельности (общины и малые предприятия); развитие частной предпринимательской инициативы (торговля олениным мясом, рыбой, ориентация на покупные продукты); восприятие технических новшеств в повседневной жизни (вездеходная техника, мобильные телефоны, компьютеры, спутниковое телевидение, Интернет); новые формы репрезентации этнической культуры (фестивали, сувениры, этнотуризм); изменения в мировоззрении и системе ценностей.

Оленеводческая культура ненцев, видимо, еще ни однажды удивит исследователей и наблюдателей не только своей традиционностью, но и проявлением поразительной способности к развитию и изменениям.

НИКОНОВА Людмила Ивановна

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск),
congress7@list.ru*

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ МОРДВЫ
В УСЛОВИЯХ АРКТИКИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2013 ГОДА**

С 22 сентября по 4 октября 2013 г. проводилась этнографическая экспедиция в г. Дудинка, Кайеркан, пгт. Диксон

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации» (проект «Коренные народы и промышленное освоение Арктики: преодоление рисков и стратегии развития»).

(руководитель – д.и.н. Л.И. Никонова, члены экспедиции – Т.Н. Охотина и М.М. Фадеева). Численность населения пгт. Диксон (2011 г.) составляет 671 чел. (мордва – 4% от общего населения Диксона). Среди опрошенных были переселенцы из Мордовии, Приморск-Ахтарска, Орска, Мичуринска. Мордовский народ вносит вклад в освоение и развитие Арктического Севера, работая в производственных отраслях, социально-культурной сфере. Вести натуральное хозяйство в условиях Арктики – крайне сложно. Невозможность заниматься привычными занятиями компенсируется новыми формами деятельности (охота и рыболовство). Представители мордвы на Север переезжали в уже образовавшиеся населенные пункты, поэтому для современных поселений и жилищ мордвы Арктики характерна утрата этнической специфики. В то же время продолжается частичное функционирование обрядов, связанных с жилищем; предметы с мордовской тематикой выступают в качестве украшения интерьера. Произошли изменения в пище мордвы: распространилась традиция сыроедения, питание стало преимущественно мясо-рыбным с преобладанием продуктов длительного срока хранения. Сохранились некоторые традиционные мордовские блюда (брага, толстые пшеничные блины, кулага). На трансформацию обрядов жизненного цикла оказали влияние активные межэтнические контакты с другими народами (добавились элементы культуры народов Севера). Тесная связь с Республикой Мордовия сказывается на бытовании традиционных песен, праздников, обрядов.

НУВАНОВ Владислав Николаевич

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН (Магадан),
vlad_nuvano@mail.ru

АРХАИКА В СОВРЕМЕННОМ УКЛАДЕ ОЛЕНЕВодов ЧАУНСКОЙ ТУНДРЫ

В наши дни традиционные элементы в культуре чукотских оленеводов продолжают существовать и развиваться. В 2010 г. в бригаде № 9 МП СХП «Чаунское» Чукотского АО проходили съемки документального фильма «Книга тундры. Повесть о Вуквукае – маленьком камне». Повседневная жизнь этой бригады может служить примером того, как развивается оленеводство на Чукотке. В настоящее время бригадой выпасается более 10 тыс. оленей. Стойбище оленеводов строго иерархично. Основной костяк тундровиков составляет семейная группа Б.Ф. Вуквука (1938 г.р.), насчитывающая пять жилищ. Б.Ф. Вуквукай – «патриарх», *ытыелралъын* («переднедомный») и непререкаемый авторитет для всех оленеводов бригады. За его жилищем размещаются *чимчилъыт* («ближние»), или *ынынныинкинет* («люди ближнего огня»). За ними стоят жилища оленеводов, не относящиеся к их семейной группе, это *эльэиынкинет* – «люди другого огня» (институт *ным-тумгыт* – «подсоседков»). В стойбище продолжают исполняться некоторые архаичные запреты и ритуалы. Например, ни утварь, ни посуда не должны использоваться и перемещаться между хозяйствами разных родов. По-прежнему оленеводы проводят традиционные праздники так, как проводили их предки столетия назад. В современном мире поддержка традиционного архаичного уклада оленеводов является основным условием сохранения и развития этнической культуры, с

одной стороны, и развития оленеводства как сельскохозяйственной отрасли, с другой.

ОСИПОВА Ольга Валерьевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), osipovaovr@rambler.ru

ИДЕНТИЧНОСТИ И АККУЛЬТУРАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ АРКТИКИ

Поскольку этничность во многом формируется в процессе взаимодействий индивидов и групп, интерес представляет не только проявление этнической идентичности этносов, но и их установки на взаимодействие друг с другом. Для арктических районов Якутии в настоящее время характерен довольно разнообразный этнический состав, в связи с чем интересен вопрос о том, как носители различных этнических идентичностей воспринимают свою культуру и понятие гражданского сообщества. Доклад будет посвящен проблеме идентичностей и аккультурационных стратегий молодежи Арктических районов Республики Саха (Якутия). Будут проанализированы эмпирические материалы анкетного опроса, проведенного в 2013–2014 гг. на территории пяти арктических районов Якутии. Автором выявлены особенности идентичностей в зависимости от декларируемой формы этнической идентификации опрошенных. Определено, что наибольший процент молодежи, выбравшей сепаратистскую стратегию, нацеленную на сохранение своей этнической культуры и идентичности, наблюдается у представителей коренных малочисленных народов Севера. В то же время они демонстрируют сравнительно низкие показатели позитивного восприятия собственной этнической идентичности. Это косвенно может свидетельствовать, что риторика своеобразия совместно с трагизацией положения КМНС, которую зачастую поддерживают сами представители данных этносов и на которой строится политика «помощи» и «защиты» государства, может приводить к неоднозначным результатам. Становясь частью внутреннего мира, позиция «приниженного» положения становится причиной эмоционально-психологической демобилизации, влияя как на самовосприятие, так и на поведение людей.

ПАТРУШЕВ Александр Юрьевич

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург),
lexpatrin@mail.ru

НЕНЕЦКОЕ КОЧЕВЬЕ: КАРТА, СХЕМА, ТРЕК

Хозяйственная и социокультурная деятельность ненцев-олeneвoдoв Ямала традиционно связана с выпасом в тундре оленьих стад и кочевым образом жизни. В ноябре 2014 г. автор в составе Ямальского отряда ЭтноЭкспедиции (исследование проводилось по гранту РНФ, проект № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации», рук. чл.-корр. РАН А.В. Головнёв) работал в частной оленеводческой бригаде А.П. Сэрэтэтто вблизи с. Яр-Сале. С помощью методов включенного наблюдения, GPS-трекинга, картографирования, интервьюирования была собрана информация о калении (перекочевке) бригады, а также о жизни на стойбище и выпасе оленьего стада.

Ненецкое каление делится на три этапа: (1) подготовка, (2) перекочевка, (3) обустройство нового стойби-

ща. В быту ненцы активно используют снегоходы и другие «блага цивилизации», но традиционные технологии ввиду особенностей климата остаются актуальными (к примеру, жилище, нарты, одежда). Полученные материалы позволяют детально представить деятельностную схему тундрового кочевника (в том числе в возрастных и гендерных вариациях) в пространственно-временной динамике.

ПЕРЕВАЛОВА Елена Валерьевна

*Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург),
elena_perevalova@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НЕНЕЦКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА (Ямал: природные катаклизмы 2013–2014 годов)*

Череда природных катаклизмов на Ямале в 2013–2014 гг. вызвала массовый падеж оленьего поголовья, в очередной раз поставив вопрос о перспективах ненецкого оленеводства. Несмотря на трагичность ситуации, среди оленеводов и в кабинетах бытует мнение, «что природа сама провела отбор». Интенсивное наращивание оленьего поголовья в 1990–2000-х годах привело к «перенаселенности» ямальных тундр оленями и людьми и истощению пастбищных угодий. Выход как будто бы очевиден – сокращение оленьего поголовья. Однако касание и увеличение численности личного стада было и остается смыслом жизни ненца. «Человек [ненец] должен быть [жить] для оленя, если это не так, то он не кочевник. Без оленя мы – никто», – рассуждают старики-олeneводы. В бригадах МОПов практикуется совместный выпас «совхозного» и личного поголовья; численность личных оленей значительно превышает число выпасаемых бригадами «совхозных» оленей. Бригады, как правило, семейно-родовые, много оленеводческих династий. За рабочие места идет жесткая конкуренция («совхозники» получают зарплату, обеспечены продуктами, бензином, печками). Наличие утвержденных маршрутов МОП помогает в регулировании непростых взаимоотношений ямальных кочевников и газовиков. «Перенаселенность» ямальных тундр также связана с отсутствием работы и жилья в национальных поселках. Оленеводы говорят: «Раньше олени помогали кочевать, а теперь – выживать, олени – наша сберкнижка». Для молодых парней остаться в тундре – осознанный («по велению сердца») или вынужденный (отсутствие работы в поселке) выбор, для молодых девушек – незавидная перспектива, связанная с тяжелым трудом оленеводок. Нехватка женщин – еще одна из серьезных проблем ненецкой тундры.

ПЕРМИЛОВСКАЯ Анна Борисовна

*Институт экологических проблем Севера УрО РАН (Архангельск),
annaperm@atnet.ru*

КРЕСТ В САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АРКТИКИ

Характерным явлением морской культуры Поморья было возведение деревянных крестов в местах рыбного,

* Исследование выполнено по гранту РФФИ, проект № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. А.В. Головинёв).

зверобойного промыслов, на побережье и островах Белого и Баренцева морей. Кресты поморы возводили на промысловых становищах, тонях, в поморских деревнях. Деревянные кресты могут быть рассмотрены как памятники архитектуры, крестьянской письменности, культа, а также навигационные знаки поморов, которые наносились на лоцманские карты. В поморской лоции XVIII в. встречаются такие описания: «Святой Нос, на коем много крестов», «В реке Коле, на левой руке на наволоче крест». На Мурмане кресты и каменные груды (кеккуры, или гурии) ставили промышленники у своих становищ, они служили ориентирами и маяками. У поморов существует поговорка: «Кто в море не бывал – тот Богу не молился». Постоянные опасности, тяжелые условия жизни и промысла способствовали обострению религиозного чувства и потребности обращаться к Богу с молитвой о помощи и защите. Кресты использовались для символического структурирования территории и выделения в ней мест с сакральным смысловым наполнением. В Арктике, где сложилась православная морская культура, крест был центром окружающего ландшафта, выполняя защитную и сакральную миссию.

ПИВНЕВА Елена Анатольевна

*Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва),
pivnel@mail.ru*

НОВЫЕ СМЫСЛЫ АРКТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР**

Аборигены Арктики за последние десятилетия накопили существенный опыт использования своих культурных традиций в современной жизнедеятельности. Одна из характерных особенностей настоящего периода состоит в том, что вчерашние традиции (так называемая традиционная культура) переходят в статус «историко-культурного наследия», которое, обогащаясь современными формами и содержанием, становится важным фактором формирования новых идентичностей, символов, устремлений. Эти процессы и явления нуждаются в научном осмыслении, в т.ч. с позиций этнологии/социально-культурной антропологии. В частности, большой интерес вызывают вопросы о состоянии и путях развития этнических культур в новых условиях, их значении в современных коллективных и индивидуальных стратегиях социальной адаптации. Актуальным представляется анализ современных форм и механизмов репрезентации и трансляции этнической культуры; соотнесение модернизационных процессов с культурной традицией, ценностями, идентификациями. Перечисленный круг вопросов является предметом обсуждения в настоящем докладе, основанном главным образом на материалах Ямало-Ненецкого АО.

** Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации» (проект «Коренные народы и промышленное освоение Арктики: преодоление рисков и стратегии развития»).

ПОВОРОЗНИЮК Ольга Алексеевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), olga-ap@mail.ru*

«ГЕНДЕРНЫЙ СДВИГ» И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИКИ*

Многие современные сообщества коренных народов Арктики сталкиваются с демографическим и социально-экономическим явлением, которое мы, вслед за другими авторами, назвали гендерным сдвигом [Бурыкин, 2002; Povoroznyuk et al., 2010]. Его суть состоит в том, что женщины мигрируют в поселки и города, получая образование и работу (преимущественно в государственном секторе), в то время как мужчины остаются в тундре/тайге, продолжая заниматься «традиционными» видами хозяйства. Такая гендерная асимметрия моделей миграции, расселения и занятости ведет к «мускулинизации» северных ландшафтов, трансформациям семейного и хозяйственного уклада, нарушению культурной преемственности и другим социальным последствиям, препятствующим устойчивому развитию кочевых сообществ Арктики.

История и современная картина гендерного сдвига проиллюстрированы в ряде антропологических исследований коренных народов Сибири и Дальнего Востока [Kwon, 1997; Vitebsky and Wolfe, 2001; Ssorin-Chaikov, 2002]. На общем фоне отличаются ямальские ненцы, среди которых наиболее полно сохраняются семейное оленеводство, бытовое кочевание, культурная и языковая преемственность между поколениями [Lyarskaya, 2010]. Накопленные эмпирические данные и локальные описания рассматриваемого явления пока не были критически проанализированы и сопоставлены в широком масштабе. В своем докладе автор попытается выявить некоторые особенности и закономерности семейно-гендерных отношений на примерах забайкальских эвенков и большеземельских ненцев.

РАЗУМОВА Ирина Алексеевна

*Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского НЦ РАН
(Апатиты), irinarazumova@yandex.ru*

МУЧЕНИКИ «СЕВЕРНЫХ БЕРЕГОВ»: МИФО-РИТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЩАНИЯ С МОРЯКАМИ «КУРСКА»

Гибель 118 моряков потерпевшей аварию в Баренцевом море подводной лодки «Курск» 12 августа 2000 г. была оценена как событие высокой исторической значимости, которое предоставило большие возможности для его символизации, использования различными социальными силами, институтами, идеологами, а также для ритуального оформления и мемориализации. В частности, особый интерес представляют мифо-религиозная интерпретация этого трагического события, ритуалы погребения моряков, а также отнесение погибших к категории «святых мучеников». Руководство Мурманской и Мончегорской епархий с самого начала заняло в этом вопросе однозначную по-

зицию. Одним из подтверждений высокой оценки статуса погибших подводников и их сакрализации стало активное бытование устных легендарных текстов жанра видений. Кроме того, зафиксирован значительный пласт мифологических рассказов о предзнаменованиях и знамениях. По свидетельствам мемуаристов (прежде всего, академика И.Д. Спасского), едва ли не беспрецедентным было ритуальное сопровождение организационно-технологических мероприятий, связанных с подъемом АПРК «Курск». Книга епископа Митрофана (Баданина), посвященная памяти данного события, содержит сюжеты, связанные с церковной мемориализацией погибших. В религиозном дискурсе идея мученичества ассоциирована с представлениями о Севере как земле, «политой кровью», и северном море как стихии, способствующей формированию в человеке «духа богоискательства».

ТРОШИНА Татьяна Игоревна

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова (Архангельск), tatr-arh@mail.ru*

ИЗУЧЕНИЕ САМОСОХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ НАСЕЛЕНИЯ, ПРОЖИВАЮЩЕГО НА ОТДАЛЕННЫХ И СЛАБОЗАСЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (в контексте традиционных способов преодоления социальных рисков)**

Стремительно теряющие население северные территории являются стратегическим ресурсом государства. Эта проблема характерна для всех северных стран, заинтересованных в привлечении населения для освоения природных ресурсов. Специфика России в том, что русское (то есть государствообразующее) население является коренным на приарктических территориях; для его сохранения государство предпринимало усилия, начиная с XVI в.

Европейский Север России по природно-климатическим условиям является «рискованным» регионом для носителей русской культуры. Слабая заселенность, плохая транспортная доступность между поселениями порождают сложности административно-территориальной организации, трудности при получении необходимых жизненных благ. Сталкиваясь с проблемами выживания, русские сформировали механизмы преодоления различных рисков. Но под влиянием вызовов современности шансы на сохранение на Севере постоянного русского населения уменьшаются.

Автором разработана исследовательская программа, направленная на выявление рисков в среде русского населения приарктической территории, анализ их развития в исторической ретроспекции с целью выяснения «болевых» точек, определения их происхождения и векторов изменений. Изучение традиционных форм самосохранения поможет сформировать социальную и демографическую политику для сохранения автохтонного населения северных территорий Европейской России.

* Доклад подготовлен при поддержке фонда РГНФ, проект № 13-31-01271 «Основы межкультурной адаптации детей дошкольного и младшего школьного возраста».

** Сообщение подготовлено в рамках исследования, поддержанного грантом РГНФ, проект № 15-11-29601-г.

ФЕДОРОВА Наталья Викторовна

*Научный центр изучения Арктики (Салехард),
mvk-fedorova@mail.ru*

**АБОРИГЕННЫЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРА
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЗОНЕ ДЕЙСТВИЯ
СЕВЕРНОГО ШИРОТНОГО ХОДА:
МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
(X–XV ВЕКА)**

Социальная адаптация аборигенных культур севера Западной Сибири к реалиям средневекового мира в обозначенный временной отрезок связана с их участием в торговых операциях вдоль Северного широтного хода. Этот феномен представляется в виде сложной системы широких зонных коммуникаций, включающих в себя сухопутные и водные пути, ответвления от основных магистралей, точки «перевала» товаров, а также ярмарки/фактории, или «торговые места». X – первую половину XV вв. можно рассматривать как время его окончательного становления и стабильного функционирования. Для западносибирского населения это период расширения освоенного пространства, активного взаимодействия с другими культурами и народами. Задача работы – рассмотреть под этим углом зрения некоторые эпизоды средневековой истории севера Западной Сибири: от широты современного г. Сургута до п-ва Ямал, с экскурсами – по необходимости – на западные склоны Северного и Полярного Урала, а также в Пермский край.

ФИЛИППОВА Виктория Викторовна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), filippovav@mail.ru

**БРАКИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ
ТУНДРЕННЫХ ЮКАГИРОВ
(по генеалогическим данным и книгам
похозяйственного учета населения с. Андрюшкино)**

В докладе дана общая характеристика современной этнической структуры населения с. Андрюшкино – основного пункта компактного проживания тундренной группы юкагиров. На протяжении нескольких десятилетий его этнический состав представлен в равном соотношении юкагирами, эвенами, якутами и чукчами. К сожалению, установить точную численность юкагиров данной группы до середины 1960-х годов сложно по ряду обстоятельств. В частности, в сохранившихся материалах переписей населения и книгах похозяйственного учета населения большинство юкагиров данной локальной группы записаны эвенами, а лица, числившиеся эвенами, относили себя к юкагирам. В книге похозяйственного учета населения за 1957–1959 гг. в Андрюшкино было зафиксировано 92 юкагира, за 2012–2013 гг. – 256 чел. Изучение структуры межэтнических семей, один из супругов в которых является юкагиром, показывает уменьшение доли однонациональных юкагирских семей. Во второй половине XX в. в общей численности семей в Андрюшкино их число снизилось с 23,5% до 12,5%. Как видно из первичных источников, браки в основном заключались между жителями данного села. В результате роста числа смешанных семей резко колебалась численность этнических групп, что характерно для Андрюшкино, где на фоне увеличения чис-

ленности юкагиров уменьшалась численность эвенов. В связи с этим актуализируется проблема реконструкции на основе совмещения родословных и книг похозяйственного учета населения межэтнических связей данной локальной группы юкагиров на протяжении XX в.

ХАРИЮЧИ Галина Павловна

*Научный центр изучения Арктики (Салехард),
haryuchi-yamal@yandex.ru*

**РОЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
МОДЕЛИ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ НЕНЦЕВ**

Экономическое положение и хозяйственная деятельность ненцев всегда были связаны с традиционными занятиями – оленеводством, рыболовством и охотой. Основу благосостояния составляло оленеводство – ведущая отрасль хозяйства. Иметь много оленей – значит иметь высокий социальный статус. И в начале XXI в. стремление нарастить поголовье – это жизненная необходимость. Но в настоящее время из-за нехватки пастбищ в результате промышленного освоения иметь большое стадо стало проблематичным. Применение «индустриального инструментария» облегчает в значительной мере традиционную хозяйственную деятельность. Благополучие коренных жителей зависит от их здоровья и образа жизни. Одним из факторов относительного улучшения материального положения кочевого населения стал рост заработной платы.

Традиционная система ценностей тундровых ненцев хотя и медленно, но меняется. Для эмоционального и психологического состояния большое значение имеет вероисповедание. В настоящее время ненцы в основном остаются приверженцами традиционных верований, православия, появились принявшие новую для них веру – баптизм. На здоровье и социально-психологическое состояние коренных народов влияют экологические и этнические факторы. Поэтому задача первостепенной важности – сохранение естественной среды обитания и традиционного хозяйственного уклада на основе новых технологий, снижение уровня загрязнения среды обитания.

ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН (Магадан), hahovskaya@mail.ru

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В СООБЩЕСТВАХ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ***

Предложена концепция описания современных этнокультурных процессов на примере коренных малочисленных народов Севера. Концепция опирается на сформулированный философией эпистемологический и онтологический статус культуры как явления действительности и предмета познания конкретных гуманитарных наук. В этнологической дисциплине культура конституируется как субстанция, феномен и, одновременно, как конкретные проявления действительности. Культура связана с реальностью воплощающим ее сообществом, и эта связь проявляется в регистре

* Исследование подготовлено при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-01-00061а «Культурно-историческое развитие коренных народов Чукотки в советский и постсоветский период».

атрибутивности. Именно в этнографии (антропологии) появилось первое научное эмпирически-описательное определение (онтологизация) культуры как одновременно *объективного* явления и *атрибута* общества [Тайлор, 1871]. Атрибутивность представляется плодотворным концептом для рассмотрения так называемых малых культур, находящихся в окружении и взаимодействии с культурами «большими». Автор исходит из того, что этнические сообщества не атрибутивны, так как атрибутивность накладывает слишком жесткие рамки на «этнофоров», лишая их возможности выбора. Те или иные этнические признаки (атрибуты) связаны с определенными группами людей через посредство

культуры, которая находится в непрерывной трансформации и именно потому проявляет свойство атрибутировать. Предметом этнологии является культура, но не всякая, а изменяющаяся под влиянием контактов с окружающей, в данном случае «большой», культурой. Предложенный подход позволяет дезавуировать распространенные утверждения об исчезновении предмета этнологии, фрагментации ее предметного поля. В дисциплинарном измерении предмет остается неизменным, но меняется содержание знаний о нем. Актуализируемая в авторском подходе эпистемология и онтология культуры дают возможность периодизации и, как следствие, типологизации малых культур.

Секция 23
МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ

Ягафова Екатерина Андреевна – д.и.н., доцент, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара)

E-mail: yagafova@yandex.ru

Коростелев Александр Дмитриевич – д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: adkoros@yandex.ru

АБРАМОВ Владимир Кузьмич
АБРАМОВА Ольга Владимировна
Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева (Саранск),
abramovvk@mail.ru, abramova-olga@rambler.ru

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ОЦЕНКАХ АКТИВИСТОВ
МОРДОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ

В рамках Российско-финляндского проекта 2013–2016 гг. «Роль общественных организаций в сохранении языков и культур финно-угорских народов» был проведен опрос руководителей и активистов мордовских национальных общественных организаций. В ответах на вопросы о роли общественной деятельности (общественных организаций) в современном российском обществе мордовские респонденты на первое место поставили роль организаций как площадок для общения людей (видимо, единомышленников) и задачи помощи государству в реализации его деятельности. Также совершенно не вызвали возражений направления работы общественных организаций по развитию демократии, предоставлению возможностей гражданам влиять на общество и вносить новые идеи в общественную жизнь. Наибольший разброс мнений вызвал пункт о роли общественных организаций в противодействии и критике государства. Также в социально-политическом блоке привлекает внимание весьма высокий процент респондентов, уклоняющихся от ответов. Это может свидетельствовать об особой осторожности людей в данной области и нежелании высказывать свое мнение по политическим вопросам даже при конфиденциальном опросе.

В целом, сравнение ответов по общественно-политическому блоку мордовских и других финно-угорских респондентов показывает, что остальные опрошенные финно-угры менее склонны затрудняться в высказываниях по общественно-политическим проблемам, чем мордвы и более радикально выражают свое мнение по ним. Но в целом практически все финно-угорские организации, за исключением единичных, демонстрируют умеренность и готовность сотрудничать с органами власти и поддерживать государство.

АЛЬМЕЕВА Наиля Юнисовна
Российский институт истории искусств (Санкт-Петербург),
almeeva@yandex.ru

ПЕСЕННАЯ КУЛЬТУРА КРЯШЕН
В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ
(этномузыкологический метод исследования
этнокультурных взаимодействий)

Песенная культура кряшен является органичной частью музыкально-исторической картины многонационального Среднего Поволжья. Главные ее особенности: (1) жанровая система (наличие обрядовых напевов календарного и семейного циклов, которые отмечены специфическим интонированием) и (2) многоголосие гетерофонного, бурдонного, контрапунктического типов, которое роднит ее с песенными культурами чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы, образуя с ними единый слой средневекового обрядового мелоса и типов исполнительства на почве общности древних культовых практик. Автор рассматривает песенную культуру кряшен как автономную традиционную культуру, сформированную в контактной зоне, вобравшую в себя признаки генетически различных этнокультурных миров – финно-угорского, индоевропейского (в том числе индоиранского), тюркского, монгольского, и потому имеющую пограничный характер. Определенные процессы консолидации выделили кряшен в оформленный субэтнос (факт крещения, последующее православное образование, практика посещения церкви). С другой стороны, татарский язык мог быть языковым барьером в контактах с финно-уграми края. Всё это препятствовало четкому культурному самоопределению кряшен. Чрезвычайно важным в этой связи представляется выявленный автором этих тезисов факт проявления этнокультурного самосознания и самоидентификации кряшен через традиционные напевы. Анализ музыкальных структур позволяет исследовать черты древней общности с песенными культурами татар, чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы, а также процессы этно- и культурогенеза.

АНТОНОВ Игорь Владимирович
Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), igan73@yandex.ru

ДРЕВНЕБАШКИРСКИЙ ЭТНОС –
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Введенное Р.Г. Кузеевым понятие «древнебашкирский этнос», охватывающее хронологический период XI–XIII вв.

(до эпохи кыпчакской миграции), пока еще не нашло адекватного отражения в работах археологов Башкортостана. Единственным критерием для выделения памятников древних башкир является доказанное Кузеевым их этническое (и, стало быть, этнокультурное) родство с печенегами. Р.Г. Кузеев не согласился с мнением Н.А. Мажитова о принадлежности башкирам памятников лагеревого типа (Ямаши-Тавуские, Хусаиновские, I и II Бекешевские и др. курганы), расположенных в восточной и юго-восточной Башкирии, хотя по некоторым признакам эти памятники напоминают печенежский погребальный обряд. Сам же Кузеев считал, что основным районом расселения древнебашкирских племен была Бугульминская возвышенность (юго-западная Башкирия). Целый ряд печенежских памятников выделен в степном Заволжье, т. е. на западной окраине Бугульминско-Белебеевской возвышенности, именно там, где башкир встретил Ибн Фадлан (922 г.), и на правом берегу р. Урал. Однако на самой возвышенности печенежские памятники не выявлены. Эта территория, очевидно, использовалась кочевниками в качестве летних пастбищ. Башкиры составляли северную этнокультурную периферию Заволжской Печенегии, причем письменные источники вполне определенно отличают башкир от печенегов. Поэтому древнебашкирскими памятниками можно считать курганы и могильники с печенежским погребальным обрядом, расположенные в волго-уральском междуречье, на юге от Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Освоение башкирами основной части возвышенности происходит в более позднее время (Сынтыш-Тамакский и другие могильники XII–XIV вв.).

АХАТОВ Альберт Тагирович

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского ИЦ РАН (Уфа), bertik@mail.ru*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БАШКИР XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В конце XX–XXI вв. в этнологической науке возросло значение междисциплинарных подходов к изучению традиционной культуры разных народов. В этнографических исследованиях, посвященных особенностям материальной культуры башкир, рассматриваются поселения и жилища, хозяйственная деятельность, костюмные комплексы, элементы и украшения, предметы вооружения, бытового обихода, в том числе и хозяйственная утварь и т.д. Исследователями особо отмечается, что башкиры не знали гончарного производства, поскольку использовали в быту деревянную, кожаную и металлическую посуду. Но в ходе археологических исследований башкирских поселенческих памятников XVIII – начала XX вв. были обнаружены кухонная утварь и посуда – сковорода, обломки чугунных котлов, фаянсовой и фарфоровой посуды (блюдца, чашки, чайники и т.д.). В большом количестве находят и фрагменты гончарной и лепной керамики, встречающиеся также и на некоторых поселенческих памятниках более раннего периода времени (XIII–XIV вв.), которые ставят перед исследователями новые вопросы о бытовании в прошлом среди башкир керамической посуды и способов ее получения – либо путем собственного производства, либо в ходе активных межэтни-

ческих контактов с представителями других этносов (русскими, татарами и т.д.), у которых существовали давние традиции гончарного ремесла.

ГАРИФУЛЛИН Ильнар Зульфатович

Центр этнологического мониторинга Исполкома Всемирного конгресса татар (Казань), Elnar-1979@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАРОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Татароязычное население Башкортостана в настоящее время составляет по разным оценкам около 1,5 млн человек. Его консолидация на территории современного Башкортостана началась в конце XIX в., в результате чего Уфа стала одним из главных центров татарского национального возрождения дореволюционного периода. По этой же причине Уфа планировалась как столица самопровозглашенного штата Идель-Урал. Кроме этого, выходцы из числа татар Уфимской губернии стали главными конструкторами Татарской национальной автономии в 1920 г. После воссоздания в 1922 г. «Большой Башкирии» татарский вопрос не утратил своей актуальности и татароязычное население вплоть до сегодняшнего дня стремилось к национальному самоопределению. В постсоветский период внутри республики был наложен фактический запрет на открытую научную полемику относительно вопросов этнического происхождения и самоопределения татароязычного населения. В ответ на это внутри республики среди татар Башкортостана широко развились краеведческие исследования, направленные на установление своего исторического прошлого. Анализ этих работ показывает, что его участники пытаются выстроить альтернативу официальной позиции башкирского академического сообщества, направленную на закрепление за этим населением башкирской идентичности.

ДАНИЛОВА Ольга Николаевна

Колледж культуры и искусств им. И.С. Палантая, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола), olzin@yandex.ru

КОМПЛЕКС МАГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОГО КРАЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Республика Марий Эл представляет собой обширное поле для исследований комплекса магических представлений в связи с продолжительным сосуществованием коренного марийского населения, среди которого есть православные, приверженцы традиционной религии мари (язычества), а также «двоеверы», и пришлого русского православного населения. Магические представления населения Марийского края, несомненно, формировались под влиянием религиозных верований. Опрос информантов разных возрастных групп, как проживающих в селах, так и переселившихся в г. Йошкар-Олу, показал, что у русского и марийского населения края существуют устойчивые представления о том, что в Республике Марий Эл очень развита магия. Русские информанты при этом не могут определенно дать ответ, в чем заключается особенность магических практик, но единодушны в том, что колдовством занимаются преимуще-

ственно мари́йцы, объясняя это ссылками на традиционную религию народа мари. Информанты-мари описывают вредоносные магические действия более конкретно и как нечто обыденное, многие подробно рассказывают о способах защиты от колдовства, при этом подчеркивают, что не одни мари́йцы занимаются магией и приписывают эту практику другим ближайшим соседям – татарам. Верхнюю границу активного распространения магических представлений можно условно обозначить началом XXI в., так как среди информантов 1980–1990-х годов рождения в гораздо меньшей степени распространен тот комплекс представлений, которые еще бытуют у информантов 1930–1970-х годов рождения.

ЕГОРОВА Оксана Вениаминовна

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары), eoks71@rambler.ru

ПОДДЕРЖАНИЕ ТРАДИЦИЙ В ДИАСПОРНЫХ ГРУППАХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЧУВАШИИ*

Для этнических групп выходцев из Средней Азии, проживающих временно и постоянно на территории Чувашии (казахов, таджиков, узбеков, туркмен), в целом характерны сходные культурные тенденции. Основными условиями, позитивно сказывающимися на сохранении элементов традиционной культуры, являются высокая толерантность со стороны принимающего сообщества (в основном, чувашей и русских) и религиозная общность мигрантских сообществ, в частности наличие условий для отправления религиозных обрядов. В наибольшей степени традиционность сохраняется в культуре питания, особенно у узбеков, чему способствует наличие достаточно большого количества кафе и ресторанов национальной кухни. Достаточно устойчивы родильные обряды, однако отдаленность от кровных родственников ограничивает воспроизводство данного комплекса в полном виде. Важно заметить, что в наибольшей степени проявляют стремление соблюдать традиционные обряды представители народов Средней Азии, проживающие в Чувашии временно – прибывшие на учебу (студенты) либо на заработки (трудовые мигранты).

ИСХАКОВ Дамир Мавлявеевич

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань), monitoring_vkt@mail.ru

К НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ ТРАКТОВКИ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СРЕДИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО И ЗАУРАЛЬСКОГО РЕГИОНОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI–XVII ВЕКАХ

В последние десятилетия в исследованиях по этнической истории чувашей, башкир и сибирских татар закрепились упрощенная трактовка, когда представления о сложившихся этносах XVIII–XIX вв. без должного обоснования в неизменном виде переносятся на XVI – начало XVII вв. Такой подход противоречит источникам, о чем сигнализируют

длительные дискуссии между учеными Татарстана и Чувашии относительно этнической принадлежности так называемых «ясачных чувашей» Среднего Поволжья по писцовым и переписным книгам второй половины XVI – середины XVII вв., «превратившихся», в конечном счете, в «ясачных татар». Таким же образом «остяки» русских источников XVI–XVII вв. «распались» на приуральских «татар» и «башкир», а в Зауралье – на «башкир» и сибирских «татар». Эта проблема затрагивает и финно-угров – мари́йцев и хантов. Анализ сохранившихся источников по периоду XVI – начала XVII вв. позволяет заключить, что этнические границы тюркских общностей названных выше регионов тогда имели иную конфигурацию, чем в более раннее время. Однако без новых методологических подходов в существовавшей тогда на данной территории этнической ситуации корректно разобраться невозможно. Такие подходы должны включать, во-первых, выяснение соотношения сословной и собственно этнической составляющих в наименованиях населения, фиксируемого в источниках; во-вторых, учет особенностей этнических процессов предшествовавших этапов – золотоордынского и поздnezолотоордынского, в которых ключевым моментом является решение остающегося спорным вопроса о золотоордынско-тюркском (татарском) этносе XIII–XVI вв.

КОПТЯЕВА Екатерина Андреевна

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН (Омск), ekaterinakoptyaeva@ymail.com

РУССКО-БАШКИРСКИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЮЖНОМ И СРЕДНЕМ УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (на материалах полевых исследований)

История русско-башкирского взаимодействия началась достаточно давно – с 1557 г., когда часть башкирского населения вошла в состав русского государства. С того времени русско-башкирские отношения неоднократно меняли свой вектор: добровольное присоединение, восстания, совместное участие в войнах и т.д. На данный момент русское и башкирское население соседствуют. Как показывают полевые материалы, собранные методами анкетирования, интервьюирования и непосредственного включенного наблюдения на территории Челябинской области и в г. Екатеринбурге, в современный период межнациональные отношения являются по большей части доброжелательными. Однако при более детальном рассмотрении можно заметить, что обе группы населения не стремятся к близким контактам и избегают ассимиляции. При этом не стоит говорить о формировании и эскалации межнационального конфликта. Многие из башкир называли в числе своих друзей русских, но при этом указывали, что брак с представителем русской национальности нежелателен. Абсолютно такая же ситуация наблюдалась и среди русских респондентов. Соответственно, возникает вопрос о реальной степени близости и готовности к контактам у данных групп населения. Полученные выводы не могут быть безоговорочно распространены на все пространство Южного и Среднего Урала, но можно предположить, что выявленные тенденции будут по большей части совпадать с теми, что характерны для межнациональных отношений в данном регионе.

* Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 14-11-21014 «Социокультурная адаптация народов Центральной Азии на территории Чувашской Республики» (рук. О.В. Егорова).

КОРНИШИНА Галина Альбертовна

ГРИШКИНА Алена Алексеевна

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск), G.Kornihina@mail.ru

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЩИНЫ МОРДОВИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. более 1% мордвы относилось к старообрядцам. На территории современной Республики Мордовия (РМ) старообрядческие общины были распространены в районах, которые ранее входили в состав Ардатовского, Алатырского и Карсунского уездов Симбирской губернии. Большинство из них принадлежало к беспоповскому направлению спасова согласия. В ряде мордовских и русских сел Атяшевского района РМ (ранее Алатырского уезда Симбирской губ.) проживали самокрещенцы (или бабушкино согласие) – одна из групп спасовцев, отличавшаяся от остальных старообрядцев тем, что они не признавали священников и крестили себя сами. В XIX в. на территории современных восточных районов РМ появились также общины Древлеправославной Поморской Церкви (даниловское, или поморское согласие). Несмотря на то, что в начале XX в. официальные источники сообщали о массовом переходе «раскольников-поморов» Ардатовского уезда в православие, до настоящего времени имеется некоторое количество людей (в основном пожилых женщин), продолжающих сохранять веру своих предков.

КОРОСТЕЛЕВ Александр Дмитриевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), adkoros@yandex.ru

«СПИСКИ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ» (1861–1885 гг.) КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ В РОССИИ

Изучение расселения народов России в его историческом аспекте и в связи с историей статистической фиксации этнических категорий населения представляет собой огромную по объему и непростую задачу. Использование для данной цели источников, при создании которых специально не ставились цели изучения этнического состава населения (материалы ревизий, конфессиональной статистики, административно-полицейского учета) не всегда позволяет провести необходимый анализ и нередко дает противоречивую информацию. Для получения наиболее точных данных желательно использовать сведения по отдельным населенным пунктам. Предпринятая во второй половине XIX в. уникальная попытка составить списки населенных мест для всей Российской империи охватила большую часть территории Европейской части России, включая Поволжье и Приуралье. Собранные сведения были опубликованы и составили 42 выпуска «Списков населенных мест Российской империи», причем во многих выпусках содержатся данные об этническом составе жителей населенных мест. Сложность задачи была связана с недостатком источников и их разнородностью, что отразилось: а) в неоднородном характере представления данных в самих выпусках «Списков»; б) в различиях встречающихся наборов этнических категорий и

особенностях их использования как в различных выпусках «Списков», так и в других источниках. Корпус источников по истории расселения и этнической статистике того или иного региона или России в целом, несмотря на их разнородность, следует изучать комплексно, что предполагает, в частности, рассмотрение проблем сопоставимости используемых этнических категорий.

КОСТЕНЮК Надежда Васильевна

Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород), nkudrash@mail.ru

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

К народам, которые издавна проживают в Нижегородской области, относятся русские, составляющие большинство населения региона, татары, мордва, чуваш и марийцы. Существуют муниципальные районы с компактным проживанием коренных этносов. Например, татары имеют моноэтнические селения в Краснооктябрьском (16 деревень), Пильнинском (4), Сергачском (5), Сеченовском (1), Княгининском (1) и Спасском (3) районах. Мордва проживает компактно в семи районах, марийцы – в трех, чуваш – в двух. В целом каких-либо серьезных признаков и тенденций, свидетельствующих о возрастании напряженности в сфере межэтнических отношений, не наблюдается. Однако для профилактики возможных конфликтов (в связи с расширением национального состава населения региона) необходимо усиление горизонтальных связей между этносами. Эту задачу должны, по-видимому, выполнять, прежде всего, национально-культурные автономии. Всего в области зарегистрировано 32 национально-культурных общества, в том числе 19 национально-культурных автономий (данные 2013 г.). Их деятельность сконцентрирована на решении вопросов сохранения самобытности, родного языка и национальной культуры. Так, например, первой задачей, определенной в официальных документах национально-культурной автономии татар, является «содействие органам местного самоуправления в развитии экономических, культурных отношений с республикой Татарстан – историческим очагом и традиционным центром татарской национальной культуры и духовности». Тем не менее, вопросы межнациональных взаимодействий на уровне региона также требуют внимания, поскольку их решение способствует позитивной этнической мобилизации.

КУЧУМОВ Игорь Вильсович

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского НЦ РАН (Уфа), ivku@yandex.ru

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БАШКОРТОСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В XX ВЕКЕ

Русские – наиболее крупная по численности этническая группа в Республике Башкортостан (1432906 чел., 36,1% части населения, 2010 г.). В течение длительного времени русское население проживает на полиэтнической территории, при этом надо отметить, что вся история нахождения их здесь практически не знает серьезных или перманентных проявлений этнических конфликтов с другими группами местного населения. Русские не сложились на исследуе-

мой территории в особую локальную общность по причине отсутствия возможностей для формирования локальной идентичности, в том числе отсутствия пропаганды «локальности», локальной идеологии и механизмов ее выражения. Уровень урбанизации русских региона с учетом городов, которые на протяжении почти половины тысячелетия имели различную типологию, был гораздо выше, чем принято считать. Русские в Башкортостане представляют собой неустойчивую общность, которая в разные периоды истории неоднократно меняла свою конфигурацию: в состав русских входили значительные группы населения, имеющие неславянское происхождение. Исходя из этого русских на исследуемой территории целесообразно определять с научной точки зрения не как этнос (этническую группу), а как этнополитическую общность. Взаимодействуя с этносами, ставшими близкими по культуре в силу длительной ассимиляции, русские всё же сохраняют обособленность от наиболее крупных этнических групп региона.

МАННАПОВ Марсель Муритович

Институт истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН (Уфа), marsel-mannapov@rambler.ru

О КОМПЛЕКСНОЙ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ К БАШКИРАМ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ*

Доклад посвящен результатам комплексной научной экспедиции ИИЯЛ УНЦ РАН в Александровский, Красногвардейский, Саракташский и Тюльганский районы Оренбургской области в августе 2014 г. в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и традиционная культура юго-западной этнографической группы башкир», поддержанного РГНФ. Комплексный подход позволил выявить специфику и тенденции развития башкирского населения на представленной территории. Осуществлены сбор, систематизация и описание историко-этнографического материала, в результате чего оказалось, что родоплеменной состав оренбургских башкир неоднороден, выявлены низкий уровень знаний родоплеменной принадлежности и высокая степень сохранности наименований родовых подразделений. Проведены антропологические исследования башкирского населения на предмет выявления его антропологического состава, происхождения антропологических типов и их связей с другими группами башкир с территории РБ. Анализ этих материалов показал, что преобладает европеоидный тип населения с вариантами памиро-ферганского и закаспийского антропологических типов, связанных со средневековым населением края.

Собранный фольклорный материал свидетельствует о том, что башкиры Оренбургской области сохранили устное народное творчество только благодаря компактному проживанию и бережному отношению к языку. Вместе с тем, следует отметить, что репертуар исполнителей значительно сократился при сравнительном анализе с материалами предыдущих экспедиций. Результаты сбора языкового материала показали фонетические и лексические особенности языка башкир Оренбургской области. Выявлено, что на современном этапе оренбургский говор очень близок к ик-сакмарскому говору южного диалекта башкирского языка.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-11-02019 «Формирование и традиционная культура юго-западной этнографической группы башкир» (рук. М.М. Маннапов).

МЕДВЕДЕВ Владислав Валентинович

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск), vlad.etno@mail.ru

ВОРОТА У ЧУВАШЕЙ: АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ И ВОЗЗРЕНИЯ

Въезд во двор со стороны улицы у чувашей был оформлен воротами *хапха*, которые можно назвать своеобразным лицом усадьбы. Архитектурные формы представлены разными вариантами. Из жердей и прясла создавали ворота *вёрлэк хапха* или *сил хапха*. Дощатые ворота без крыши называли *чъвашила хапха*. Заимствованными у русского населения были широко распространенные среди народов Урало-Поволжья *вырăсла хапха* – «русские ворота», представлявшие тесовые ворота с двускатным перекрытием. Тщательная отделка свойственна воротам именно данного типа. Рисунок, как правило, покрывал лицевую сторону столбов. На них наносили орнаменты при помощи врезной, барельефной, пропиленной (накладной и ажурной) и резной накладной видов резьбы. Дополнительными деталями выступали точеные украшения. Ворота в мировоззрении чувашей олицетворяли линию рубежа. В этом они семантически совпадают с изгородью. Их считали признаком оседлого образа жизни, пограничным периметром жилого пространства семьи. Линию «дом – улица» дополняли символические знаки. Например, накануне *мункуна* в ворота, амбары, сараи втыкали рябиновые ветви, оберегавшие домочадцев от несчастий. Защиту дома осуществляли растения чертополоха и подкова, прибитая с улицы. С воротами связан и выезд свадебного поезда со двора, у них молились по сторонам света. Принимал участие локус ворот в похоронно-поминальных обрядах. Безусловно, ворота – линия границы, что наглядно иллюстрируют как полевые ворота поселения, так и ворота во двор.

МОКШИНА Елена Николаевна

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск), kaf_dor@mail.ru

ЯЗЫЧЕСТВО И ПРАВОСЛАВИЕ В КУЛЬТУРЕ МОРДВЫ

Как известно, мордва очень медленно расставалась со своими традиционными верованиями и обрядами. Они прочно бытовали в народе, передаваясь из поколения в поколение. И даже христианскую религию мордва воспринимала не в чистом виде, а адаптируя в соответствии с местными традициями. Так возник мордовский вариант русского православия, в котором дохристианские верования и обряды мордвы в значительной степени синтезировались с русским бытовым православием. Мордовские крестьяне были далеки от абстрактной и малопоня

тной им церковной догматики. В своем «бытовом православии» они соединяли образы и обряды христианской религии с дохристианскими образами и обрядами, поскольку последние органичнее вписывались в трудовую деятельность земледельца, верившего не только в бога, но и в предков, в «нечистую и неведомую силу» – в колдунов, ведунов, знахарей. Сами православные святые выступали в мордовском менталитете как покровители и помощники в повседневных нуждах народа, обращавшегося к ним с молитвами от социальных и стихийных бед, о даровании исцеления и

успехов в хозяйстве, в общинной, семейной и личной жизни. Будучи существенной сферой народной культуры, обряды и праздники имели не только ритуальный, но и религиозно-магический смысл. Обладая своеобразным, веками формировавшимся этосом, они скрашивали крестьянскую жизнь с ее тяжелым физическим трудом, выступали одной из существенных форм инфосвязей, важным каналом трансляции культурного наследия, инструментом этнической стабилизации и консолидации.

МОЛОТОВА Тамара Лаврентьевна

*Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола),
marnii@mar-el.ru*

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ У ВОСТОЧНЫХ МАРИЙЦЕВ

Современная практика традиционных религиозных обрядов у восточных марийцев представляет интерес для этнологов. Несмотря на длительные процессы влияния со стороны других конфессий и соседних народов, данная этнографическая группа сохранила религиозно-этнические особенности. Марийская традиционная религия с начала 1990-х годов пережила своеобразный «ренессанс язычества». Ежегодно у данной группы марийцев проводятся различающиеся по степени значимости моления. При этом наиболее значимым считается летнее жертвоприношение *Кюсо кумалтыш*. Религиозная обрядность сохраняется в семейных обрядах (свадьбы, похороны, поминки и др.). Научный интерес представляют процессы модернизации и трансформации в религиозной практике. В функционировании традиционной религии роль жрецов неопределима. В последние два десятилетия их обучением и подготовкой занимается Централизованная организация Марийской традиционной религии в Йошкар-Оле. В традиционной религиозной практике марийцев ярко проявлялась гендерная специфика – женщины не допускались на языческие моления, кроме аграрного весеннего праздника *Агавайрем* (Праздник пашни), а в современных условиях они являются полноправными участниками обрядов. Более того, в некоторых районах Башкортостана роль руководителей молений взяли на себя пожилые женщины, хорошо знающие обряды и молитвы. Феноменом религиозной жизни восточных марийцев является архаичное поклонение духу керемета – покровителю, который был у каждого рода, деревни, округа. У луговых марийцев этот культ в процессе христианизации практически исчез. У восточных марийцев наиболее почитаемым является *Султан кермет*.

МУСИНА Розалинда Нуриевна

*Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан
(Казань), rnmusina@mail.ru*

РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕНЕССАНС И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ

Республика Татарстан – полиэтнический регион, где проживают представители 173 национальностей. Однако

основную часть его жителей (92,9%) составляют татары и русские (соответственно 53,2% и 39,7%), обладающие достаточно выраженной этнической и конфессиональной идентичностью. Религиозный ренессанс, характерный для россиян на постсоветском пространстве, проявился у татарстанцев в большей мере, что выразилось в более высокой степени религиозного сознания, активизации религиозных практик, актуализации этноконфессиональной идентичности.

Как показывают исследования, влияние религии на этноконфессиональное взаимодействие имеет достаточно сложный характер. С одной стороны, религия, являясь групповым маркером, формирующим этноконфессиональные границы, привносит некоторую взаимную дистанцированность этнических и конфессиональных групп, особенно в семейно-родственной сфере. С другой стороны, догматы мировых религий основываются на принципах общечеловеческих ценностей, межэтнической и межконфессиональной толерантности. Опыт многовекового добрососедского общения народов и существенная доля этногетерогенных браков, которые составляют до 1/3 от числа ежегодно заключаемых, также стимулируют процессы этноконфессионального взаимодействия в Татарстане. Связь религии и этноконфессиональных отношений неоднозначна и не прямолинейна. Религия является лишь одной из составляющих общего контекста межэтнического взаимодействия. Характер такого взаимодействия формируется под влиянием различных факторов, в том числе особенностей микросреды, социальных, демографических, исторических, культурных, политических, правовых, социально-экономических параметров межэтнических и межконфессиональных контактов.

НЕЧВАЛОДА Елена Евгеньевна

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), pishi-nikonor@yandex.ru*

ЛОКАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ БАШКИР XVIII века (по материалам больших академических экспедиций)

Огромный вклад в этнографическое изучение народов России внесли академические экспедиции второй половины XVIII в., материалы которых дают возможность увидеть традиционные культуры народов России в динамике их развития. Самые ранние изображения башкирского женского костюма были сделаны художниками – участниками академических экспедиций. Описания П.С. Палласа, И.Г. Георги, И.И. Лепехина и зарисовки экспедиционных художников отразили локальные различия. Маршруты экспедиций позволяли П.С. Палласу и И.Г. Георги зафиксировать западный, приуральский вариант костюма, а И.П. Фальку, обогнувшему в 1771 г. по дороге в Сибирь территорию башкирского Приуралья с юга, а в 1772 г. на обратном пути – с севера, – только зауральский костюмный комплекс. Материалы больших академических экспедиций XVIII в. свидетельствуют не только о существовавших локальных различиях, но и том, что уже столетие спустя (в конце XIX – начале XX в.) башкирский женский костюм заметно эволюционировал.

НОВИКОВА Ольга Владимировна

Челябинский государственный краеведческий музей (Челябинск),
rybalko.andr@gmail.com

**НИЗШАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ И «ДЕРЕВЕНСКАЯ
МАГИЯ»: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И
ПРАКТИК В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ
ЮЖНОГО УРАЛА**

Этнографические исследования 1990–2010-х годов среди сельского населения Челябинской, Оренбургской областей и Республики Башкортостан и городского населения Челябинской области выявили достаточно высокую степень сохранности традиционного комплекса представлений о существах низшей демонологии, обрядов апотропейной и карпогонической магии, системы ритуальных запретов, связанных как с христианской и исламской традициями, так и с домонотеистическими верованиями. Эти представления сохраняются далеко не всегда как реликты исчезающей картины мира. Среди достаточно большой группы информантов разного возраста и образования сохраняется вера в реальность существования персонажей низшей демонологии и действенность традиционных магических обрядов. При этом мифологическое пространство обнаруживает достаточно единство представлений при сохранении этнической специфики и локальных особенностей, связанных с местами выходов переселенцев. В процессе контактов разных этнических и локальных традиций элементы представлений и практик могут заимствоваться, если они логично встраиваются в общую систему. Повсеместно распространены и чрезвычайно живучи представления о лесных и водных духах, домашних духах, о душах умерших и нечистых духах в облике умершего человека, вступающих в контакты с его близкими, о людях, связанных с нечистой силой или обладающих особыми знаниями. Широко распространено представление, что самые сильные колдуны и знахари происходят из иноэтничной среды. Сохраняет актуальность комплекс магических действий и ритуальных запретов, призванных изгнать или задобрить нечистую силу, обеспечить успешное ведение хозяйства и удачу в делах.

ОСИПОВА Надежда Петровна

Администрация губернатора Самарской области (Самара),
onp.64@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ АКТИВНЫХ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
(на примере Самарской области)**

Самарская область, издревле являвшаяся одним из полиэтничных регионов Поволжья, и сегодня активно притягивает новые этнические группы. Ее характеризуют многонациональный и многоконфессиональный состав населения, высокая активность национально-культурных объединений, многообразие и интенсивность религиозной жизни. В условиях крайне сложных международных отношений, развитых информационно-коммуникационных технологий, радикализации ислама, активизации нетрадиционных (часто — деструктивных) религиозных течений вопросы сохранения позитивного межэтнического взаимодействия являются

приоритетными. Многие проблемы и трудности социально-экономического и территориального развития страны фокусируются именно в этноконфессиональной сфере. Ситуация в сфере межэтнических отношений в регионе характеризуется экспертным сообществом как умеренно стабильная и достаточно спокойная. По данным проведенных исследований, более половины жителей губернии характеризуют сложившиеся межнациональные и межконфессиональные отношения как «спокойные» и «добрососедские», однако каждый третий ощущает некоторую напряженность в отношениях на бытовом уровне. Уровень конфликтности на этнической и религиозной почве в области воспринимается населением как «такой же, как и везде в России» (55%), лишь немногие полагают, что в Самарской области ситуация отличается в лучшую сторону, то есть уровень конфликтности среди представителей разных национальностей ниже, чем в других регионах. В докладе будут рассмотрены основные направления деятельности органов власти, СМИ, общественных организаций по сохранению стабильных межэтнических отношений в региональном сообществе.

ПЕТРОВ Игорь Георгиевич

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), ipetrov62@yandex.ru

**ЭЛЕМЕНТЫ НАРОДНОГО КОСТЮМА НА
ЖЕНСКИХ НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКАХ
НЕКРЕЩЕННЫХ ЧУВАШЕЙ**

**(по материалам экспедиции 2014 года в Республику
Татарстан и Самарскую область)**

Характерной особенностью этноконфессиональной группы некрещенных чувашей (язычников) является не только устойчивое сохранение самосознания «*чӑн чӑваш*», т.е. «настоящий чуваш», но и некоторых этнокультурных особенностей. В значительной мере эти особенности сохранились в похоронно-поминальной обрядности и надмогильных памятниках. В целях сравнительно-сопоставительного изучения надмогильных памятников некрещенных чувашей Урало-Поволжья автором этих строк по гранту РГНФ (проекта № 14-01-18059) в 2014 г. были осуществлены выборочные экспедиционные исследования в Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Оренбургской и Самарской областях. В результате двух экспедиций в указанных республиках и областях было обследовано 17 населенных пунктов. Полученные результаты, с одной стороны, выявили устойчивое сохранение и бытование в надгробных памятниках прежних канонов и традиций, с другой — тенденции трансформации и модернизации. К числу архаичных канонов надгробных памятников некрещенных чувашей следует отнести четкое их подразделение на мужские и женские. Это касается надгробий-столбов «*юпа*», изготовленных, прежде всего, из дерева и частично из камня. Отличительными особенностями между ними является не только материал (мужские из дуба, женские из липы), форма (мужские — ровные, женские — овальные или круглые), но и наличие на памятниках элементов декора, которые в основном передают те или иные компоненты костюма. В большей мере элементы костюма сохранились на женских надгробиях. Таковыми являются вырезанные острым резцом схематические изображения головных уборов, нашивных и нагрудных украшений.

РЫЧКОВ Сергей Юрьевич

*Институт экономики, управления и права (Казань),
rychkovkazan@rambler.ru*

**ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА
РУССКИХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
МУЛЬТИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА
(на примере Республики Татарстан)***

Под этнокультурным ландшафтом понимается территориальный комплекс, представляющий историко-культурную среду обитания этноса, включая пространство межкультурного взаимодействия с другими этносами, без учета природных факторов. Актуальность темы определяется, во-первых, необходимостью сохранения и использования этнокультурного потенциала русских сельских поселений региона для решения задач снижения конфликтности, формирования устойчивых благоприятных условий жизни людей, сохранения и развития этнокультурного наследия, достижения туристической привлекательности мест; во-вторых, потребностью в исследовании опыта региональных проектов восстановления культурно-исторических объектов Болгар и Свияжск для последующего развития поселенческой среды Татарстана в целом; в-третьих, особым положением русских поселений в средневожском регионе; в сравнении с поселениями титульных народов, они характеризуются более неблагоприятными демографическими процессами; необходим скрупулезный историко-статистический анализ демографического состояния русских поселений с прогнозом на будущее; в-четвертых, важнейшей культурной ролью села – при всех негативных явлениях, присущих русским поселениям, село, зачастую в новых форматах, остается генератором и хранителем этнически маркированных форм народной духовной и материальной культуры; исследование этнокультурного ландшафта способно показать, как трансформации форм этнокультуры, межэтнические взаимодействия поддерживают сегодня жизнь села, каковы тренды данных трансформаций; в-пятых, недостаточностью этнокультурных исследований русских на фоне масштабных исследований титульных этносов, проводимых в национальных республиках Урало-Поволжья на протяжении последних десятилетий.

РЫЧКОВА Надежда Васильевна

Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань), nadvas2@rambler.ru

**СЕЛЬСКИЙ ЭТНОТУРИЗМ ПОЛИЭТНИЧНОГО
РЕГИОНА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ
ЭЛЕМЕНТОВ****

Одно из перспективных направлений возрождения и сохранения этнокультурного наследия, национально-культурной самобытности народов России является этнографи-

ческий туризм. Концептуально этнотуризм рассматривается в докладе как форма этнического самопознания, как форма познания этнической особенности другого народа, как форма межкультурного взаимодействия, как направление развития сельского бизнеса. Республика Татарстан как полиэтнический регион имеет хорошую ресурсную базу для развития разных направлений этнотуризма. Представлены результаты анализа потенциала сельского этнотуризма в республике как сегмента рынка внутреннего и въездного туризма в России. Реестр туристических ресурсов, как часть этнокультурного ландшафта русских сельских поселений, составлен по таким характеристикам как архитектура, народные промыслы, традиции, обычаи, быт, праздники. Выявлено отношение потребителей к этнотуристическим услугам: их уровень ожиданий и требований к турпродукту, реальный и потенциальный спрос.

СЕРГЕЕВА Евгения Валерьевна

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук
(Чебоксары), evgenjaserg@yandex.ru*

**ПОМИНАЛЬНАЯ ТРАПЕЗА В КОНТЕКСТЕ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ ЧУВАШЕЙ**

Обряды похорон и поминок особенно тесно связаны с ритуальной пищей – существуют набор ритуальных блюд и порядок их подачи и употребления, что в совокупности составляет ритуальную трапезу. Меню поминального стола сакрализовано и потому однообразно. Традиции в отношении поминальной пищи были столь устойчивы, что даже соседство с другими народами в пределах селения не меняло устоявшегося порядка подачи поминальных блюд. Так, например, в д. Сигачи Батыревского района Чувашской Республики, которая населена чувашами, мордвой и русскими, у чувашей и русских трапеза начинается с блинов с медом (по-чувашски *икерчĕ/кульмак*), затем подаются горячие блюда – суп из птицы, жаркое или каша. У мордвы полагается в первую очередь выпить холодной воды и лишь потом можно пробовать блины с медом, гороховую или гречневую кашу, кутью (рис с изюмом). Общим моментом в поминальных обычаях чувашей и мордвы является то, что в дом покойного принято приносить муку, чтобы до сорокового дня из нее можно было готовить блины. Таким образом, в проведении поминальной трапезы этнических групп сохраняются локальные особенности, свидетельствующие об устойчивости похоронно-поминальных обычаев в ситуации межкультурного взаимодействия.

СТОЛЯРОВА Гузель Рафаиловна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань),
guzelstol@mail.ru*

**ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ТАТАРСТАНА
(конец XX – начало XXI века)*****

Русские в Татарстане относятся к этническому большинству (наряду с татарами, вторая по численности группа) как

* Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 15-01-18013 «Этнокультурный ландшафт русских сельских поселений Республики Татарстан: от прошлого к будущему» (рук. Г.Р. Столярова).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-18013е «Этнокультурный ландшафт русских сельских поселений Республики Татарстан: от прошлого к будущему» (рук. Г.Р. Столярова).

*** Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-18013е «Этнокультурный ландшафт русских сельских поселений Республики Татарстан: от прошлого к будущему» (рук. Г.Р. Столярова).

в городах, так и в сельской местности. Главные особенности сельского расселения русских сохранились со времен колонизации края (вторая половина XVI – середина XIX вв.): русские поселения (прежде всего, со старожильским населением) сосредоточены вокруг городов и по берегам рек. В докладе на основе материалов переписей населения, текущей статистики и данных архива ЗАГС РТ рассматриваются основные тенденции демографического развития – сокращение численности русских сельских населенных пунктов и численности населения в целом, перераспределения в половозрастном и социальном составе, образовательном уровне, семейном состоянии; динамика заключения этнически однородных и этнически смешанных браков.

ТЮГАНКОВА Елена Владимировна

Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева (Саранск), tyugankova@rambler.ru

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОСОВ
В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ
САМАРСКОГО КРАЯ**

Самарский край сформировался как поликультурный и поликонфессиональный регион, где в течение нескольких веков происходило активное взаимодействие и взаимовлияние различных этносов. Фактор многонациональности и многоконфессиональности связан с особенностями его освоения. Основное население сформировалось в XVI – середине XIX вв. Самарский край являлся районом иммиграции разноэтничных групп – русских, мордвы, татар, чувашей, поляков, немцев и др. Располагаясь на территориальной периферии этноса и оказываясь в новых природно-географических и социально-экономических условиях, народы вынуждены были взаимно приспособиться друг к другу. Необходимость общения в пределах селения или округи порождала потребность в знании других языков, а в сфере хозяйствования – внедрение заимствованных приемов, средств, форм, нового земледельческого опыта. Здесь наблюдалось смешение этнокультурных традиций, активное межкультурное взаимодействие. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., самыми многочисленными этносами региона являются русские (85,6%), татары (4,1%), чуваш (2,7%), мордва (2,1%), украинцы (1,4%). На современном этапе повышенное внимание уделяется взаимодействию этнических общностей с непосредственным учетом нужд и интересов всех национальностей. В 2001 г. было открыто государственное учреждение «Дом дружбы народов», которое создает благоприятные условия для этнокультурного существования народов области, формирует этнокультурную толерантность в обществе и т. п. Ежегодно им проводится около 120 мероприятий с числом участников в 50 тыс. человек.

ХАНОВА Гульназ Салимьяновна

Институт истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН (Уфа), tuzgul@mail.ru

**МИФОЛОГИЧЕСКИЙ БАИТ «САК И СОК»
И ЕГО ДАЛЬНИЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

Доклад будет посвящен изучению сюжета мифологического баита «Сак и Сок», распространенного среди народов

Урало-Поволжья (башкир, татар и чувашей) и имеющего параллели в фольклоре болгарских и сербских народов. В сравнительном плане довольно подробно будут рассмотрены архаические мотивы культа близнецов, тотемных птиц, проклятия матери, переселения душ и обряд, связанный с трауром (вывешивание черного платка).

ХАСАНШИНА Лейсан Вазиховна

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань), spring-rain@mail.ru

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КУЛЬТА СВЯТЫХ
У ТАТАР В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
В XVIII ВЕКЕ**

Культе святых является неотъемлемой частью истории татар Среднего Поволжья. Распространению культа святых способствовало принятие ислама, проникновение суфизма, популярность суфийских идей среди татар, уважение и почитание шейхов. Многие суфии, распространяя ислам, становились святыми после смерти или при жизни. Места их захоронений почитались, к ним приходили за благословением. Прошение у «святых мест» осуждается религиозными деятелями как пережиток доисламских верований, противоречащий монотеистическому исламу. Изучение данного вопроса необходимо для формирования целостного представления о татарах-мусульманах России.

ШИРИНСКИХ Юрий Николаевич

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара), shirinskikh1992@bk.ru

**АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ОБЩИНА
В ГОРОДЕ САМАРЕ**

Азербайджанская община в г. Самаре существует с конца XIX в. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Самаре проживали 33 выходца из Бакинской и Елизаветпольской губерний (современная территория Азербайджана). Через столетие, в начале XXI в. в Самаре было зафиксировано 4273 азербайджанца. Выходцы из Азербайджана, в подавляющем большинстве азербайджанцы по этнической принадлежности, составляют, по сведениям УФМС, 7% мигрантов, приехавших в Самару. Защитой их законных прав и интересов занимаются общественные организации, такие как «Лига азербайджанцев Самарской области» (ЛАСО). Также ЛАСО занимается популяризацией и пропагандой национальной азербайджанской культуры. Организация проводит различные мероприятия, связанные с историей и культурой азербайджанского народа: День памяти жертв 20 января 1990 г., День памяти жертв Ходжалинской трагедии – 26 февраля 1992 г., Новруз Байрам, Курбан Байрам, 28 мая – День Республики и 31 декабря – День солидарности азербайджанцев всего мира. У ЛАСО есть свой печатный орган – газета «Очаг», которая выходит раз в месяц; действует музыкальный инструментальный ансамбль «Хаял». ЛАСО является членом Всероссийского Азербайджанского Конгресса. Азербайджанская община Самары сохраняет свои этнокультурные особенности, но ориентирована на широкий контакт с другими нациями: проводятся мероприятия, посвященные Дням азербайджанской культуры в Самарской области.

ЩЕРБАКОВ Александр Сергеевич

Уфимский государственный нефтяной технический университет
(Уфа), as19792004@mail.ru

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА

Взаимодействие этносов – объективный и сложный процесс. В отечественной этнографии утвердилось понимание межэтнических контактов как безусловного закона этнического развития. Среди российских регионов одним из самых интересных и перспективных для изучения межэтнического взаимодействия является Башкортостан. Располагающийся на стыке Европы и Азии, в силу своего географического положения и ряда исторических причин этот край всегда являлся полиэтничным регионом. Русские – крупнейший по численности этнос Республики Башкортостан (1432906 чел., или 36,1% населения – по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.). В течение XX в. численность русского населения в Башкирии постоянно увеличивалась. Источники увеличения численности: естественный прирост и миграции из других регионов СССР и России, а также особенности этнических процессов в регионе, влияющие на этническую идентичность. В заявленном докладе рассматриваются факторы и условия динамики численности русского населения Южного Урала как результат взаимодействий с местным – автохтонным (финно-угорским и тюркским) населением края. Отражается необходимость разработки исследовательских методик, позволяющих фиксировать различные состояния этнической идентичности населения как результат социальной политики государства.

ЯГАФОВА Екатерина Андреевна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
(Самара), yagafova@yandex.ru

ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВАЯ КУЛЬТУРА ЧУВАШЕЙ В ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННЫХ СЕЛЕНИЯХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ*

Этнически смешанные поселения чувашей с другими народами (мордвой, русскими, татарами, башкирами, удмуртами, марийцами) формировались в ходе расселения по районам Волго-Уралья в XVII–XX вв. и существуют сегодня преимущественно в ареалах этнотерриториальных групп в Приволжье, Закамье, Заволжье и Приуралье. В ходе межэтнических контактов складывались формы празднично-досугового общения и взаимодействия при проведении календарных и семейно-родовых обрядов. Конфессиональная общность православных чувашей с мордвой и русскими способствует совместному проведению этими

этническими группами календарных праздников новогоднего, масленичного, пасхального и семицко-троицкого блоков, поминальных (родительских) дней. Площадкой для взаимодействия нередко становятся праздники и обряды этнических общин: например, *акатуй/сабантуй* объединяет чувашей и татар/башкир. В полиэтничных селениях похороны и поминки, свадьбы и другие семейные торжества собирают жителей селения вне их этнической принадлежности. Таким образом, празднично-обрядовая культура играла и играет преимущественно консолидирующую роль в жизни социума этнически смешанных селений. Вместе с тем, именно в них этнически окрашенные обряды и праздники выступают в качестве этнокультурных дефиниций контактирующих групп, разграничивающих пространство в культуре между «своими» и «чужими», и способствуют формированию и сохранению этнической идентичности их членов.

ЯМАЕВА Лариса Асхатовна

Институт гуманитарных исследований Республики
Башкортостан (Уфа), yamaeva@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ БАШКИР

Несмотря на то, что башкиры почти тысячелетие считаются мусульманами, их традиционный погребальный обряд не является чисто исламским. К мусульманским относятся такие элементы обряда захоронения, как отсутствие в могиле вещей, поворот лица покойного в сторону киблы. Устройство подбоя (ляхет) на длинной стороне могилы, считающееся мусульманским обычаем, было широко распространено среди сарматов Южного Урала (зауральский вариант прохоровской археологической культуры). Противоречит ортодоксальному исламу и сохранившийся до современности у башкир обряд «давра» (выкуп грехов покойного). Этот мусульманизированный обряд сохранил архаичные представления о переносе зла, болезней людей на животных, которые были характерны для среднеазиатского маздаизма (шаманизма). Сохранились элементы домусульманской обрядности (кормление души покойного) в обычае проведения поминок на 3, 7, 40 день и в годовщину смерти усопшего. Отголосками погребальной обрядности среднеазиатского маздаизма (выставление трупа на съедение собакам и птицам) являются башкирский этнографический праздник «Каргас-туй» (праздник грифов) и бытование в современном языке выражения «Эт ашамас» (Даже собаки не едят). Сохранившиеся в погребальной обрядности современных башкир элементы древних верований расширяют представления о хронологических рамках и территории формирования народа.

* Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 14-01-00360 «Праздничная культура чувашей на рубеже XX–XXI вв.» (рук. Е.А. Ягафова).

Секция 24
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
У НАРОДОВ КAVKAZA

Абазов Алексей Хасанович – к.и.н., Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (Нальчик)

E-mail: alex_abazov@list.ru

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: anchabadze@list.ru

АБАЗОВ Алексей Хасанович

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Нальчик), alex_abazov@list.ru

**СОЦИОНОРМАТИВНЫЙ ФАКТОР
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
КАБАРДИНЦЕВ**

Соционормативная культура наряду с языком, религией, исторической памятью и т.п. на различных этапах исторического процесса выступала одним из основных маркеров этнокультурной идентичности кабардинцев. Проблема исследуется с учетом дисперсности проживания основных групп кабардинцев на Кавказе: (1) кабардинцы (населявшие территорию Кабардино-Балкарии); (2) «моздокские» кабардинцы (Северная Осетия – Алания, Ставропольский край); (3) потомки «хаджеретов» («беглых» кабардинцев, Адыгея, Карачаево-Черкесия). Прослежено влияние и воздействие исторических факторов (Кавказская война, интеграция в политико-правовое и этнокультурное пространство Российской империи, установление советской власти и формирование советской правовой системы, смена государственно-политического режима в начале 90-х годов XX века и т.п.) на динамику соционормативной культуры кабардинцев. Делается вывод, что социальные и политические трансформации на Северном и Северо-Западном Кавказе во многом обусловили специфику изменений традиционной соционормативности и ее места в структуре этнокультурной идентичности народа. В то же время исторические катаклизмы не повлекли за собой полную утрату этнокультурной идентичности ни в одной из территориальных групп кабардинцев. Напротив, все это привело к формированию у них множественной идентичности, в основе которой наряду с лингвистическим и конфессиональным, продолжал доминировать этнокультурный элемент с его соционормативной составляющей.

АБАЗОВА Марита Мухамедовна

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Нальчик), marita.abazova@yandex.ru

**МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
У ЗАРУБЕЖНЫХ ЧЕРКЕСОВ**

Миграции стали одним из основных факторов трансформации практик социокультурных коммуникаций у черкесского (адыгского) этнического социума. В 60-е годы XIX века на исходе Кавказской войны большая часть черкесского

народа переселилась в Османскую империю. Последствия миграционных процессов качественно отразились на таком важнейшем средстве социальной коммуникации как язык, что наглядно демонстрирует сравнительный анализ современного состояния речи представителей черкесской диаспоры за рубежом и кабардино-черкесского литературного языка. Языковые изменения были связаны прежде всего с активным освоением представителями диаспоры языка окружающего населения. Кроме того, трансформация речи черкесов повлекла за собой и определенные изменения в сфере социокультурной коммуникации. В ходе интеграции черкесов в этнокультурное пространство народов, проживающих на территории бывшей Османской империи, происходили заимствования элементов культуры аборигенов. Для сохранения этнической идентичности и недопущения ассимиляции с коренным населением, черкесы создавали различные общественные организации и объединения, национальные школы, издавали газеты и т.д. В результате отмеченных процессов традиционные языковые и социокультурные коммуникативные практики у зарубежных черкесов существенным образом трансформировались, приобретая во многом новые функции, смыслы и коннотации.

АНЧАБАДЗЕ Юрий Дмитриевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), anchabadze@list.ru

**КАВКАЗСКИЕ ДИАСПОРЫ ХАРБИНА
В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

В составе населения многоликого, полиэтнического и поликультурного Харбина весьма заметный сегмент представляли выходцы с Кавказа, многие из которых относились к старожилам неофициальной «столицы» КВЖД. Основными этническими группами кавказцев в Харбине были грузины и армяне, менее многочисленные общины образовывали осетины и другие выходцы с Северного Кавказа, а также представители других народов региона. Кавказцы сохраняли этническую идентичность и в то же время ощущали себя неотъемлемой частью российской диаспоры, будучи полностью включенными в политические, социальные и культурные процессы, определявшие существование дальневосточной ветви русского рассеяния. Соответственно кавказцы солидарно с российской диаспорой выступали во взаимоотношениях с аборигенным окружением. В данном случае контакты продуцировались на двух уровнях. Официальное взаимодействие с китайской администрацией,

властями Маньчжоу-Ти-Го и японскими военными были в сильной зависимости от политической ситуации на Дальнем Востоке. В то же время полиэтнический Харбин обусловил разнообразные формы бытового общения с представителями китайской, маньчжурской, корейской и японской общин городского населения. Весьма развиты были деловое партнерство в бизнесе и контакты в домашней сфере (наем маньчжуров-разнорабочих, нянь-китайнок). Кавказцы были наблюдателями, а порой (при проведении официальных мероприятий) участниками «экзотических» обрядов, церемоний, празднеств местного населения. Важное значение имело знакомство с профессиональной культурой Китая и Японии (кинофильмы, театральные гастроли).

БАГДАСАРОВА Анна Борисовна

*Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь),
ankin7@rambler.ru*

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Северный Кавказ – уникальный регион России, который представлен многочисленными этносами, имеющими древние культурные традиции. На территории Северного Кавказа с древнейших времен взаимодействовали мировые религии и различные культуры. Характерной чертой социального развития в регионе являются процессы межкультурного взаимодействия, которые представляет собой особый вид взаимосвязей и взаимоотношений, складывающихся между несколькими этническими культурами в процессе взаимобмена культурным опытом, достижениями в духовной и материальной сферах культуры. Процесс межкультурного взаимодействия между пришлыми и коренными народами Северного Кавказа можно проследить со времени освоения данной территории Российской империей. Примером этого может служить межкультурное взаимодействие славянского населения, представленного казачеством и автохтонных этносов Северного Кавказа. Как известно, в рядах защитников Кавказской Линии состояли кабардинцы, черкесы, татары и другие. Этим можно объяснить присутствие в культуре казаков отдельных элементов, характерных для культур других народов. Взаимопроникновение культур нашло яркое выражение в народном творчестве гребенских казаков, которые с давних времен являлись основой русского населения Терской области. В настоящее время актуализируется необходимость поиска социокультурных оснований интеграции Северного Кавказа в культурно-цивилизационное пространство России. Уровень межетнического, межкультурного взаимодействия определяется рядом факторов, среди которых важное место принадлежит этническому сознанию и самосознанию.

БАСИРОВА Карина Касумовна

*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН (Махачкала), karina_basirova@mail.ru*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ ДАГЕСТАНА XIX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ РЕГИОНА*

Первой этнической картой, в которой отражено расселение практически всех 29 народов Дагестана, была

«Этнографическая карта Дагестанской области» (1873). Карта (масштаб 1:600 000) составлена генерал-лейтенантом А.В. Комаровым (1830–1905) на основе материалов камерального описания 1865–1867 гг. Упрощенной версией карты являлась «Схематическая карта Дагестанской области» (1:600 000), изданная в 1895 г. Е.И. Козубским (1851–1911); в ней было показано расселение 13 народов Дагестана. «Этнографическая карта Европейской России 1875 года» (1:2 520 000), составленная по поручению ИРГО А.Ф. Риттихом (1831–1914), содержала сведения о расселении 11 народов Дагестана (русских, ногайцев, кумыков, аварцев, хюркилинцев (даргинцев), лаков (лакцев), табасаранцев, кюринцев (лезгин), мухадаров (рутульцев), горских евреев, татов). Этнографическая карта Кавказского края» (1:1 080 000), изданная в 1880 г. под редакцией Н.К. Зейдлица (1831–1907) была составлена на основе материалов камеральных описаний 1873–1876 гг. и отражала расселение относительно крупных народов Дагестана (аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, лакцев, табасаранцев и др.). «Этнографическая карта Дагестанской области» (1896, 1901), (1:840 000), подготовленная Е.И. Кондратенко, базировалась на материалах посемейных списков 1886 г. и, в отличие указанных выше карт, более адекватно отражали особенности расселения народов Дагестана. Эти карты позволяют проследить динамику этнических границ и специфику этнической географии Дагестана в XIX в.

ВАРИВОДА Наталья Владимировна

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
(Нальчик), variks1@yandex.ru*

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ И КАБАРДИНЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XIX ВЕКАХ

Внутреннее и внешнее положение адыгских народов, интересы восточной политики России и общая заинтересованность в борьбе с турецко-крымской агрессией обусловили сближение адыгов с Русским государством в середине XVI века. Примерно к этому же времени относится появление казаков на Тереке. В контактной зоне взаимодействия традиционной русской и кабардинской культур происходило в военно-бытовой сфере. Все полезное и необходимое в области военного искусства вольные казаки перенимали у своих соседей: оружие, конское снаряжение, форму одежды, военное воспитание, игры, скачки, выправку и все приемы наездничества. В процессе тесных отношений казаков и кабардинцев между ними активно развивалась торговля, происходил взаимный обмен хозяйственным опытом, заимствование различных элементов материальной культуры. Взаимодействие казаков и кабардинцев наглядно просматриваются в сфере культуры жизнеобеспечения. Терские казаки роднились с местными народами, фактически ассимилируя вливающиеся в их среду иноэтнические элементы. Укреплению экономических, культурных и семейно-родственных связей между казаками и кабардинцами способствовали обычаи куначества и аталычества. Таким образом, с появлением казаков на Тереке, между ними и кабардинцами налаживаются устойчивые взаимоотношения, основанные на боевом содружестве и взаимной экономической заинтересованности. Традиционные культуры казаков и

* Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 14-01-00440.

кабардинцев оказались достаточно динамичными и пластичными, что обусловило позитивный и взаимовыгодный характер их социокультурного взаимодействия.

ВИКТОРИН Виктор Михайлович

Астраханский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Астраханский государственный университет (Астрахань), victvic@mail.ru

«ГОСУДАРЕВА СЛУЖБА» НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ КАК ФОРМА ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (XVII – начало XIX века)

К несению «государевой службы» оказались привлечены крупные группы горцев Северного Кавказа. А в XVII–XVIII вв. она стала главным атрибутом российского казачества. Сначала параллельно, затем в соотнесенности с ним возникали своеобразные социальные структуры – субэтносы «в службе». Так, с середины XVI по начало XVIII века в Терском (Тюменском) владении жили служилые черкасы (кабардинцы) и *окочане* (вайнахи-аккинцы).

Известны «служилые вне казачества» – с начала XVIII века группа «*гребенских татар*» (из казанских, но с кумыкским яз.). В то же время беженцы конца XVIII века с персидской границы армяне и армено-таты (*кегецирэн*) предпочли в 1832–1838 гг. «службе» и «казачьему сословию» при Кизляре более низкий статус («мещан» и «крестьян») с новым перемещением в г. Святой Крест и в с. Эдиссия.

Со второй половины XVIII века в станицах западнее Моздока казаками стали дигорские осетины (*ерáштити*, *дзерáштити*). В то же время православные моздокско-курские осетины – иронцы (*цáйтá*) и местная группа адыгов-кабардинцев (с исламской подгруппой) остались в 1824–1849 гг. лишь служилыми-приписными («казачьи *братия*»). У них отмечены прежде культ грузинской иконы Иверской (Моздокской) Богоматери, на Успение – фруктовый праздник *Мерим’уу* и жертвенник *жор у* кабардино-осетинского хутора Азаниев в Курском р-не Ставрополя.

ГАБРИЕЛЯН Армине Арапатовна

Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения (Ереван, Республика Армения), arminegabriel@mail.ru, natgalleryarm@gmail.com

КАРАСНЫЙ ЗАЛ АНТИЧНОГО ЕРВАНДАШАТА

Культура ранних этапов истории и особенно периода восстановления армянского царства в IV–II вв. до н. э. мало изучена, поэтому археологическое исследование памятников этого времени очень актуально. В 2005 г. на берегу р. Аракс в Ервандашате, бывшим одним из древнейших политических центров Армении, начаты археологические раскопки дворца царей династии Ервандидов (экспедиция Института археологии и этнографии НАН РА под руководством Феликса Тер-Мартиросова). Царский дворец (III–II вв. до н. э.), сочетающий традиции строений ахеменидского Ирана и Греции, является уникальным архитектурным комплексом для Армении и для эллинистических стран Переднего Востока. В 2010–2011 гг. в восточной части дворца был раскрыт карасный зал (24×2 м). Все стены зала были оштукатурены обмазкой из глины: фрагмент обмазки раскрыт у стены

дворца. В глинобитный пол зала были вкопаны большие карасы, имевшие в средней части до 85 см. Карасы располагались в два ряда на расстоянии до 50 см друг от друга. Раскрыто 36 карасов. Значительное число карасов украшено наlepным орнаментом в верхней внешней части венчика и в виде поясков в средней части сосуда. Орнамент поясков в виде ломанной линии из мелких зубчиков не характерен для карасов большинства памятников античной Армении. У северного конца дворцовой стены раскрыто парное захоронение, которое сделано поверх разбитых карасов. Общая ситуация напоминает ритуальное захоронение.

ГЛАШЕВА Зулейха Жамботовна

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Нальчик), zu-20.80@list.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Усиление позиций Российской империи на Северном Кавказе сопровождалось изменениями в сложившихся веками социальных, экономических и политических отношениях. Разрушались привычные формы общественного быта горцев, привносилась общероссийская система хозяйствования, изменялись административно-территориальные границы. Активный процесс развития капиталистических отношений диктовал необходимость приспособить все сферы жизнедеятельности к общероссийским. Процесс вхождения Северного Кавказа в политико-правовое и экономическое пространство многонациональной Российской империи характеризуется сложностью и многогранностью. Преобразования на Северном Кавказе осуществлялись в течение длительного времени с середины XVIII века до начала XX века. Их важнейшим результатом стало коренное изменение сложившихся практик и механизмов социокультурной коммуникации в регионе, которые отныне функционировали в сложных условиях взаимодействия военного и административного факторов. Земельные, судебные и административные преобразования были неотъемлемой частью социокультурной интеграции горских народов в состав Российской империи. В докладе рассматривается эволюция системы административного управления на Северном Кавказе, начиная с XIX – заканчивая началом XX века. Это позволило выделить основные этапы формирования государственно-правового устройства региона, а также факторы, оказавшие существенное влияние на их эволюцию. Российское общество пореформенного периода переживало глубокий кризис, охвативший власть и управление, экономику и социальную сферу, государственное устройство и межнациональные отношения.

ГУБЖОКОВ Марат Нурбиевич

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашиева (Майкоп), marat_gubjok@mail.ru

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧЕРКЕСИИ

Глубинная взаимосвязь этноса и освоенного им / порождающего его пространства может выражаться и в сакральных категориях. Кавказ, в том числе, территория историче-

ской Черкесии, авторами Запада и Востока издревле считался местом, насыщенным символами и образами сверхъестественного. Северо-Западный Кавказ, регион формирования адыгов (черкесов), отличался исключительно высокой концентрацией памятников, имевших сакральную семантику, что объяснялось значительной плотностью и стабильностью этнического состава оседлого населения региона на протяжении тысячелетий. Сакральные объекты и комплексы, как природного, так и антропогенного происхождения, смыкаясь, приводили к формированию сакральных ландшафтов, покрывавших практически всю территорию Черкесии. При этом нарушение целостности сакрального пространства (посредством преодоления врагом некоей воображаемой преграды или священной границы) порождало эсхатологические предчувствия и ожидания. Изменения этнотерриториальной карты Центрального и, особенно, Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX века привели к деформации (сужению и фрагментации) адыгского сакрального пространства. Адыги диаспоры, вынужденные конструировать новое сакральное пространство, сформировали существующий до сих пор образ утраченной родины, включающий в себя и набор конкретных географических объектов. Пришлое же население региона выстроило принципиально новую сеть сакральных маркеров. «Войны памяти» последних десятилетий, бушующие на Кавказе, неизбежно сопровождаются и «войнами за сакральное пространство», охватывая и территорию исторической Черкесии.

ГУЛИЕВА (ЗАНУКОВА) Фаризат Хасановна

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Нальчик), gfariza37@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ БАЛКАРЦЕВ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В силу исторических и географических особенностей этнокультурное развитие балкарцев протекало обособленно, тем не менее они не были вовсе изолированы от внешнего мира. Одним из объектов и каналов межкультурной коммуникации была словесная культура, которую можно рассматривать в трех аспектах: (1) лингвистическом, (2) фольклорном; (3) литературном. При этом в балкарской словесности можно выявить различные пласты, являющиеся историческим наследием коммуникативных связей с культурами как родственных народов (тюркских), так и народов Кавказа и русских. Их влияние в разные периоды истории было неравномерным и разнонаправленным, что обуславливалось множеством факторов. Воздействие межэтнического общения на словесную культуру балкарцев особенно ясно фиксируется на примере развития письменности и литературы. В дореволюционный период под влиянием арабской (религиозной) культуры и благодаря усилиям представителей передовой русской и местной интеллигенции были предприняты первые попытки создания национального алфавита на основе арабской и латинской графики и осуществлена фиксация образцов религиозной литературы и первых авторских произведений. Таким образом, была заложена база для появления общедоступной письменности, а соответственно и литературы. Дальнейшее развитие словесной культуры

балкарцев протекало уже после Октябрьской революции 1917 года. Несмотря на социально-политические потрясения, межкультурная коммуникация сыграла положительную роль в истории балкарцев, которым удалось сохранить и обогатить свое культурное достояние.

ДЕЛОВА Людмила Алиевна

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашиева (Майкоп), ludmilaz29@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННАЯ СЕМЬЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Национально-смешанная семья – это малая, но весьма важная микрогруппа полиэтнического общества. Смешанные браки и семьи – один из результатов активного межэтнического взаимодействия. В полиэтничных регионах национально-смешанная семья – норма жизни. Республика Адыгея является таким регионом: на ее территории кроме двух основных этносов, населяющих республику, – русских и адыгов – (их количественное преобладание ярко выражено) проживают представители более чем 100 национальностей и этнических групп. Наиболее многочисленными из них являются (кроме русских и адыгов) армяне, украинцы, курды, татары, белорусы. Результаты эмпирического исследования, проведенного нами в 2014 г. в Адыгее, свидетельствуют: 45,6% респондентов считают, что национальность не имеет значения, если брак заключен по любви. Анализ функционирования национально-смешанной семьи позволяет осмыслить всю сложность межэтнического взаимодействия в поликультурном социуме, определить уровень межэтнической напряженности и прогнозировать политическую ситуацию в регионе. Нами была предпринята задача определить уровень национально-смешанной брачности в Адыгее в динамике. Необходимость исследования определялась и демографической ситуацией в России в целом и в Республике Адыгея в частности.

ДЕНИСОВА Наталья Николаевна

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашиева (Майкоп), deni162@rambler.ru

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «СЛАВЯНО-АДЫГСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ»

Проблема диалога культур – сложная и наименее методологически отработанных в этнологии и культурологии. Вместе с тем, исторический процесс развития человечества представляет собой «поле непрерывных сцеплений разных культур».

С данных методологических позиций в отделе славяно-адыгских культурных связей Адыгейского института гуманитарных исследований разработана и реализуется программа «Славяно-адыгские культурные связи: история и современное состояние» с учетом консолидирующего значения для Республики Адыгея славян и адыгов, исторических, демографических, географических и культурологических особенностей формирования их культурного диалога (истории заселения Северо-Западного Кавказа, включения адыгов в состав России, адаптации славян к кавказской со-

циокультурной среде, посреднической роли казачьей культуры, нахождения современной Адыгеи «внутри» Краснодарского края).

Программа представлена научно-исследовательской, просветительской и издательской деятельностью по направлениям: история славяно-адыгских культурных связей, диалог в сфере духовной культуры, система образования и формирование культурного и межконфессионального диалога, исторический и языковой аспекты славянской и адыгской топонимики региона. Разработанный подход представляется оптимальным для теоретического и практического освоения исторического опыта с учетом этнокультурного многообразия в Адыгее. В рамках программы реализуются проекты и мероприятия: лекции для молодежи, круглые столы, научные конференции, по итогам которых издаются 10 сборников статей, получивших позитивные отзывы специалистов.

ЖАДЕ Джэме Эрджиес

Центр стратегических исследований при
Президенте Республики Абхазия (Сухум, Республика Абхазия),
jadecentre@gmail.com

АДЫГО-АБХАЗСКИЕ РЕПАТРИАНТЫ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ У НАРОДОВ КAVKAZA

Адыги и абхазы в диаспоре сохранили *этнический пакет*, в том числе язык – у тех, кому за сорок и старше. Для молодого поколения, культурный кодекс поведения которого основывается на *пакете*, ценны три вещи: *хеку* (родина), *хабзе* (этикет) и *бзе* (язык). Будучи оторванными от исторической родины, многие представители диаспоры решают репатрироваться, чтобы сохранить у последующих поколений этнокультурные основания в повседневной жизни. Однако проведенное исследование показало, что многие не смогли найти идеальную родину, где можно жить по традиционному этикету и говорить на языке предков. Их социокультурная коммуникация затруднена как в отношениях с этническими соплеменниками, так и с другими народами Кавказа. Социокультурная адаптация к родине для репатриантов происходит параллельно с принятием на новом месте различных способов поведения и понимания. При этом в адыго-абхазской диаспоре существует убеждение, что они сохранили и защитили свои традиционные этнические ценности и этикет лучше, чем это удалось их собратьям на родине.

ЗАПОРОЖЧЕНКО Андрей Владимирович

ЛУГОВОЙ Кирилл Владимирович

Новосибирский государственный педагогический университет
(Новосибирск), zanglier@yandex.ru, keer@hotmail.ru

ИНДОИРАНСКИЕ МОТИВЫ В ИНИЦИАЦИОННЫХ РИТУАЛАХ ОСЕТИН (по материалам нартского эпоса)

В осетинском нартском эпосе сюжеты, эпически трансформирующие логику и структуру архаических инициационных ритуалов представлены чрезвычайно широко. Наибольший интерес вызывают тексты, связанные с такими героями как Сырдон, Хамыц и Сослан. Принципиальная

лиминальность ритуальной картины мира в рамках мифологического мышления с необходимостью трансформирует пограничное состояние на пороге между жизнью и смертью: ни жив, ни мертв, в процесс (смерть – воскрешение). Мифологические и эпические коннотации ритуального инициационного процесса представляют собой сюжеты, так или иначе воплощающие идею временной смерти и последующего возрождения, среди которых можно выделить несколько базовых мотивов: посещение иного мира или подъем по космической вертикали, символическое погребение, проглатывание героя чудовищем, расчленение тела и/или лишение плоти. В рассматриваемом контексте интересны следующие сюжетные блоки: появление у нарттов музыкального инструмента фандыра, закладка Сослана и женитьба Хамыца. Характерной чертой указанных сюжетов и мотивов является их непосредственная включенность в общий индоиранский мифоритуальный контекст, к которому они в итоге и восходят.

ЗАСЕДАТЕЛЕВА Лидия Борисовна

НИКИТИНА Галина Александровна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
(Москва), myzetno@mail.ru

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ БРАЧНОЙ ОБЯЗАННОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КAVKAZA (XVII–XXI века)

Славянское население Северного Кавказа сформировалось в процессе многовекового переселения выходцев из различных районов России и Украины. Интенсивность этнических контактов способствовала формированию на территории региона своеобразных элементов культуры – вариантов и оригинальных по отношению к областям исхода ее создателей.

Во второй половине XVII века у казаков, составляющих основную часть переселенцев, акт заключения брака был прост: в знак защиты и покровительства мужчина прикрывал женщину полой своего кафтана. Эта форма заключения брака, долгое время сохранялась в казачьей староверческой среде терцев и гребенцов, отвергавших таинство церковного брака. С новым притоком переселенцев (XVIII–XIX вв.) свадебная обрядность трансформировалась в семейно-общественный церемониал, своеобразии которого было обусловлено сочетанием русской, украинской, местной «горской» свадебных традиций. В конце XIX–XX века свадьба славянского населения региона отличалась вариативностью, возникновением паллиативных, редуцированных форм обрядов в результате взаимодействия традиций и инноваций. В последние годы, напротив, выявляется устойчивый интерес к изучению и постановке цикла свадебной игры по старинным образцам.

Народная культура русского и украинского населения Северного Кавказа представляет специфический местный вариант восточнославянской региональной культуры с множеством локальных вариаций, возникших в результате активных межэтнических и межкультурных контактов.

КРАМЫНИНА Камилла Магомедрасуловна
*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН (Махачкала), kamillorna2@gmail.com*

КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ И ЭТИКЕТ В БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ У КУМЫКОВ (XIX – начало XX века)

У кумыков существовали две формы семьи: большая (полная, неразделенная) и малая. В XIX – начале XX века большая семья, состоящая из нескольких малых семей, – была основной производственной единицей. Взаимоотношения в кумыкской семье основывались и регламентировались патриархальными нормами и традициями. Глава семьи, чаще всего старший мужчина, занимал особое положение, ему беспрекословно подчинялись и дети, и все взрослые члены семьи. Нормы этикетного поведения старшего и младшего носили преимущественно не предписывающий, а, скорее, запрещающий характер. Культура поведения и этикет кумыков в процессе своего формирования были в большой степени зависимы от социального уклада данного этноса. Таким образом, половозрастные отличия, запреты и избегания, связанные с семейно-брачной жизнью, градации, роли членов семьи вносили свой внушительный вклад в становление и развитие этикетных отношений. Постройка семьи, управление семей и организация труда строились исключительно по принципу подчинения младших старшим, женщин – мужчинам, то есть все подчинялись патриархальной этикетной регламентации, которая была свойственна многим северокавказским и дагестанским народам. Половозрастное разделение труда, обычаи избегания, а также роли и статусы, навязываемые обществом, имели большое влияние на формирование культуры поведения и этикета в большой (неразделенной) кумыкской семье.

МАГОМЕДХАНОВ Магомедхан Магомедович
*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН (Махачкала), mkhan@yandex.ru*

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В СВЕТЕ ДАННЫХ ГЛОТТОХРОНОЛОГИИ И ГЕНЕТИКИ

Смены и эволюции культур, языковые изменения характеризуют процесс этнокультурной динамики. Среди лингвистов о нижних временных границах генезиса языковой картины мира нет единого мнения. Археологи об этнокультурной определенности ранних археологических культур и их носителей говорят с большой осторожностью.

Тезис о существовании нахско-дагестанского праязыка, который распался в IV тыс. до н. э. (по С. Старостину в VI–V тыс. до н. э.) не проясняет вопросы о том, какие языки существовали в Дагестане, например, в III, II или I тыс. до н. э., почему за последние два тысячелетия не возник ни один новый язык и ни один «старый» не исчез?

Экстраполяции данных генетики на древние сообщества, этноязыковая определенность которых туманна, попытки формулировать этногенетические концепции на основе анализа генетического материала (крови), собранного по выборкам, в которых не учтены давние и новейшие внутри- и межрегиональные перемещения населения, без учета демографических и миграционных процессы на территории

Дагестана с первых веков нашей эры, – представляются несостоятельными.

Этногенез – это своего рода венец демографической и культурной истории. Его изучение не сводится к формальному соотношению данных глоттохронологии и генетики с предками современных дагестанских народов.

МАНЫШЕВ Сергей Борисович
*Институт российской истории РАН (Москва),
msergey1990@gmail.com*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И МЕДИЦИНЫ НАРОДОВ КАВКАЗА В XIX ВЕКЕ

Обращения представителей северокавказских народов к российским врачам фиксируются уже во второй половине XVIII века. Для оказания медицинской помощи местному населению в 1764 г. в крепость Моздок был определен лекарь. В условиях Кавказской войны горцы, как покорные, так и непокорные, их семьи могли получать за казенный счет в госпиталях и лазаретах квалифицированную медицинскую помощь. Знакомство с методами лечения народов Кавказа русскими врачами происходит в первой половине XIX века. В условиях военных действий часть военных пользовалась услугами местных «хакимов» и «джеррахов», которые успешно вылечивали огнестрельные и сабельные ранения. Военные медики специально изучали медицинское искусство горцев, высокую оценку которому дал Н.И. Пирогов во время своего пребывания на Кавказе в 1847 г. С начала XIX века правительство стало привлекать представителей кавказских народов к врачеванию, в частности к оспопрививанию. Народные лекари на протяжении всего XIX века составляли основу медицинской помощи в регионе. Важным фактором взаимовлияния было обучение представителей местных народов в медицинских учебных заведениях. Первоначально оно проходило в военных госпиталях, но уже с середины XIX века ряды студентов медицинских факультетов пополнили представители кавказских народов. Кроме того, широко практиковалось обучение фельдшерскому искусству в тифлисской Михайловской больнице.

МУТИЕВА Оксана Саидовна
*Дагестанский государственный институт народного хозяйства
(Махачкала), mutiewa.oksana@yandex.ru*

ЖЕНА-ГОРЯНКА КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Сближение северокавказских культур с русской протекало в разное время по-разному. Одним из каналов межкультурной коммуникации был семейный быт. Его особенность была в том, что русские первопоселенцы – гребенские казаки были вынуждены родниться с местным населением. Изначально представляя собой исключительно мужское население, гребенцы решали соответствующую проблему тем, что искали жен в среде местного населения. Жены казаков в основном были горского происхождения, и нередко попадали в станицы не по добровольному согласию, а в результате похищения. Ф.А. Щербина указывает, что «русская казачья вольница на Терек и отчасти на Дону впервые

времена своего существования буквально-таки добывала себе жен на Кавказе». По свидетельству И.Д. Попко, «казаки скоро вошли в дружеские и даже родственные связи с горцами, <...> от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жен невенчаных». В свете сказанного, очевидно, что жены-горянки оказали заметное влияние на укрепление межэтнических отношений, тем более что вплоть до XVIII в. препятствий для смешанных браков на Тереке не было. В более поздний период такие браки встречаются все реже: в Российской империи браки между православными и мусульманами не допускались и могли заключаться лишь в том случае, если мусульманин переходил в христианство.

ОМАРОВА Гульнара Ахбердиевна

Дагестанский государственный институт народного хозяйства (Махачкала), am191@list.ru

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Народные традиции и обычаи – это не только источник неиссякаемой мудрости, морального и нравственного здоровья, но и истоки духовно-нравственного возрождения общества. Преемственность поколений основывается именно на традициях и чем многообразнее традиции, тем духовно богаче народ. Уникальна в этом плане народная культура Дагестана, ее вековые традиции и обычаи. К сожалению, приходится констатировать, что старшее поколение сегодня перестает быть транслятором культурных ценностей. В современном дагестанском обществе идет процесс обращения к чужой культуре, традициям и обычаям. Это находит выражение в двух крайностях: часть общества становится приверженцами европейского образа жизни и следует диктуемой Европой стилю и моде, другая часть обратилась к мусульманскому образу, слепо подражая арабскому стилю: ношение хиджабов, увлечение кальянами и т.д. Это приводит к утрате собственной культуры.

ПАШТОВА Мадина Михайловна

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Кераиева (Майкоп), gipsa@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ НАВЫКИ КАК ЭТНИЧЕСКИЙ МАРКЕР (на материале черкесской диаспоры)

В условиях диаспоры коммуникативный дискурс выстраивает поведенческие особенности с собственно-этническими кодами и правилами. Как правило, он обращен «вовнутрь» собственной общины, актуализирует автостереотипические представления, обозначает границы «своего» (адыгского) стиля поведения и «чужого» (турецкого, арабского и пр.). Знание специфических кодов, умение использовать языковые и этикетные метакоммуникативные навыки определяют когнитивные характеристики личности и ее социальный статус. Коллективная память фиксирует воспоминания о выдающихся личностях, их особых поведенческих пассажах, характеризующихся сложной символикой, металоличным стилем, обозначаемым как «адыгское поведение».

Стереотипные устные тексты, повествующие о «необычных, сложнопрочитаемых поступках/посланиях», или ответах на коммуникативные послания, можно разделить на разновидности в соответствии с их прагматическими функциями: объяснение мифо-ритуальных, этикетных кодов и норм; «расшифровка» поэтических текстов традиционного игрового ухаживания; обоснование идеологии социального неравенства, или необходимости его преодоления; структурирование границ «своего» и «чужого» в диалогах с иноэтническим окружением.

Всякий раз речь идет о закреплении/утрате некоторых культурно обусловленных навыков. Так, ухаживание за девушкой, не умеющей читать иносказательные поэтические послания (*хъуэрыбзэ*, *цлагъыбзэ*), считается непристойным. Ритуальные символические акты (вербальные и невербальные, иногда запрещаемые служителями культа), обозначаемые как специфически адыгские, «привезенные с Кавказа», маркируются как особое утраченное знание.

ПРАСОЛОВ Дмитрий Николаевич

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Нальчик), dmprasolov@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

По мере включения народов Центрального Предкавказья в состав Российской империи в результате военно-колониционных и миграционных процессов в регионе произошло существенное перераспределение земельного фонда. До установления российской власти доминирующей военно-политической силой здесь были кабардинские княжеские владения, контролировавшие значительные земельные участки и особенно пастбищные угодья, составлявшие важнейшую часть природно-хозяйственного комплекса кабардинцев и соседних с ними балкарцев, карачаевцев, абазин и др. народов. С установлением российской администрации и проведением земельных реформ 1860–1870-х годов горизонтальные и вертикальные принципы распределения земельных угодий были ликвидированы, а все местные общества оказались равными субъектами пользования землей, фактическим собственником и распорядителем которой стало государство. Формируется новая традиция поземельных отношений, которая опиралась уже не на иерархический характер, обусловленный географической оппозицией равнина (Кабарда) – горы (Горские общества), а на совместное использование земельного пространства. Новые этнические границы были установлены государством по праву сильного в рамках региональных административных единиц, которые не совпадали с пространственной организацией полиэтнического хозяйственного землепользования.

Эти обстоятельства существенно изменили поземельные отношения в регионе в нескольких измерениях: между коренными народами Центрального Предкавказья, между местным и прибывающим иноэтническим населением, и внутри самих этнических сообществ. Реинтеграционные процессы в сфере землепользования и перераспределения землевладения сопровождались новыми правовыми, хозяйственно-идеологическими и мемориальными аргументациями.

СОЛОВЬЕВА Любовь Тимофеевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), lubsolov@gmail.com*

**ПАМЯТЬ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ
У ПОТОМКОВ АБХАЗОВ-МУХАДЖИРОВ
(по материалам воспоминаний Лейлы Ачба)**

Воспоминания абхазской княжны Лейлы Ачба, опубликованные в 2004 г. в Стамбуле на турецком языке, а в 2011 г. – в Тбилиси на грузинском, являются интересным и многоплановым историческим источником, который позволяет лучше понять многие стороны жизни абхазов-мухаджиров, обосновавшихся после выселения с родины в Османской империи. Лейла Ачба (1898–1931), с 1919 г. взявшая в султанский дворец (Харамхана) в качестве придворной дамы, относилась к третьему поколению переселенцев из Абхазии. Ее мемуары содержат сведения о различных фактах из истории семьи (как по отцовской, так и по материнской линии), о семейных историях ее родственников, степени сохранности национальных традиций у потомков мухаджиров. Воспоминания написаны молодой женщиной, и они позволяют судить о том, какие воспоминания об исторических событиях находились в сфере интересов абхазов высших сословий. Потомкам мухаджиров были доступны и интересны сведения, имевшие отношение к Абхазии, к Кавказскому региону и его народам. Мемуары Лейлы Ачба были изданы усилиями ее племянника Харуна Ачба. Комментарии издателя, помещенные в книгу, свидетельствуют, что и в наше время потомки абхазских мухаджиров хранят в своей памяти многое из того, что им известно из рассказов предков.

ТАКОВА Александра Николаевна

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
(Нальчик), sanatakova@yandex.ru*

**ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ
КУЛЬТУРЫ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ
ПОД ВЛИЯНИЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Советский период является временем перманентной работы по утверждению в обществе идеологии государственного атеизма. В Кабардино-Балкарии в 1920–1930-е годы широко применялись силовые акции по закрытию мечетей и медресе, упразднению шариатских судов, а также репрессии в отношении служителей культа. В последующие десятилетия атеистическая работа осуществлялась преимущественно агитационно-пропагандистскими методами. Важным следствием осуществления атеистической работы являлась ликвидация большинства акторов и институтов трансляции религиозной культуры. Функции транслятора были практически полностью перенесены в семью. Таким образом, выдавливание из механизма трансляции религиозной культуры профессиональных акторов и институтов привело к проникновению в культовую практику несвойственных для ислама элементов и постепенному их закреплению в социальной памяти. В итоге к исходу советской эпохи в Кабардино-Балкарии ислам приобрел специфичную народную форму. В период религиозного возрождения (1980–1990-е годы) наличие в культовой практике кабардинцев и балкарцев огромного числа искажений стало очевидным.

Попытки их ликвидации, пред принимавшиеся так называемыми «молящимися» – новой социальной группой кабардино-балкарского социума, стали одной из причин формирования острого конфликта, расколовшего республиканскую умму.

ТУАЕВА Берта Владимировна

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
Владикавказского НЦ РАН (Владикавказ), ms.amaga@mail.ru*

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В
РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ**

Сегодня вновь актуализируется исторический опыт различных видов межэтнических контактов и коммуникаций, которые призваны объяснить не только механизмы развития и функционирования современных этнических процессов, но и способы усвоения человеком иного этнического социокультурного окружения. Глобальные социально-политические и экономические потрясения приводят к масштабным миграционным процессам, переселению и этнокультурному столкновению народов, смещению ценностных ориентаций, противопоставлению «свой – чужой». В России с ее пространственным поликультурным ландшафтом, необходимо четко придерживаться позитивного исторического опыта мирного сосуществования многочисленных этносов.

В этом отношении важен опыт межэтнического общения и взаимодействия в полиэтничной Северной Осетии, где проживают представители более ста национальностей. Объединившись в 1990-е годы в единое республиканское общественно-политическое движение «Наша Осетия», до сих пор эффективно взаимодействуют 29 национально-культурных общественных объединений, в том числе 2 республиканские национально-культурные автономии – немецкая и еврейская (г. Моздок). К наиболее активным и динамично развивающимся организациям относятся азербайджанская культурно-просветительская организация «Азери», армянское национально-культурное общество «Эребуни», греческое общество «Прометей», грузинское национально-культурное общество «Эртоба», еврейское культурно-просветительское общество «Шолом», немецкая культурная автономия, общественное объединение славян «Русь», общественная организация «Союз поляков Северной Осетии “Дом Польский”», республиканское отделение Общероссийского объединения корейцев «Хон Гиль До».

Как отражение межэтнической консолидации и коммуникаций движение стало инструментом гармоничного сочетания интересов различных этнических общностей, сохранения уникального добрососедского климата межнационального общения

УРУШАДЗЕ Амиран Тариелович

*Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону),
urushadze85@mail.ru*

**НАЛЬЧИКСКАЯ ШКОЛА В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА КAVKAZE
(первая половина – середина XIX века)**

Образовательное пространство было важной средой социокультурной коммуникации у народов Кавказа XIX в. В

первой половине столетия в ряде кавказских регионах были открыты имперские учебные заведения – Тифлисское благородное училище – 1804 г.; Ставропольская гимназия – 1837 г. В дальнейшем последовали многочисленные обращения местных элит к властям с просьбой об учреждении у них школ. Так, кабардинские аристократы в 1840 г. обращались к властям с вопросом об открытии при Нальчикской крепости училища. Интересно, что для строительства здания желаемого училища они обязались самостоятельно «заготовить лес и все нужные к тому материалы». Однако судьба Нальчикской школы оказалась трудной. К этому времени в образовательной политике царской администрации проявились новые тенденции. Было сочтено, что несоизмеримо большую пользу может принести общая для кабардинцев и русских школа, поэтому сама идея школы только для горцев признана бесперспективной. В результате планируемое открытие училища не раз откладывалось, а в конце 1842 г. постройка школы вообще была отменена. Долгожданное открытие учебного заведения состоялось только в 1851 г. при содействии кавказского наместника М.С. Воронцова, который в своей культуртрегерской политике руководствовался принципами полезности знаний и экономии средств, что отражалось на работе всех учебных заведений на Кавказе, в том числе и Нальчикской школы.

ХАДИКОВА Алина Хазметовна

Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ), khadikova@mail.ru

СОЦИОНОРМАТИВНАЯ МОТИВАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕНИЯ У ОСЕТИН

Осетины склонны к сохранению соционормативных ценностей в рамках своего культурного наследия. Современные этностереотипы основаны на древней мировоззренческой парадигме – *ирондзинад* (дословно «осетинство»). Как комплекс ценностно-мотивированных идей *ирондзинад* воспринимает: (1) Наиболее привлекательный тип социального устройства, в частности, триединую социально-функциональную структуру, ассоциированную с тремя потомками мифологического первопредка Ос-Багъатыра. Представления об идеальном сочетании жреческой, воинской и созидательной функций, являющиеся важнейшим аспектом мировоззрения осетин, нашли отражение даже в государственной символике Республики Северная-Осетия-Алания; (2) Аспекты этнической самоорганизации: поведенческие и нравственные программы, ориентированные на культурные архетипы, формирующие спецификацию народной жизни; (3) Представления о престижных видах трудовой деятельности. До третьей четверти XX века наиболее авторитетными для мужчин считались военные профессии, из сельских занятий – скотоводство и выращивание зерна; (4) Предпочтительный тип личности – совокупность человеческих качеств, востребованных в данной этнокультурной системе ценностей. Если престижны военное дело и скотоводство, то в процессе воспитания формировались качества, способствовавшие успешному освоению этих занятий. Архаические модели социального престижа представлены в нартовском эпосе и сводятся к отваге, разуму и приоритету общественных интересов над личными исканиями, что является существенной частью концепции *ирондзинад*.

Базовые моральные ценности, опыт социокультурной эволюции народа существенно влияют на современные формы общения народов Кавказа, как и этнический облик в целом.

ХОТКО Самир Хамидович

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (Майкоп), inalast@mail.ru

ЧЕРКЕСИЯ И ТЮРКСКИЕ КОЧЕВЫЕ ЭТНОСЫ: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ. ПОВТОРЯЮЩИЙСЯ ИСТОРИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ

Во взаимодействии черкесов с кочевниками существовал вполне определенный и повторяющийся исторический сценарий. Каждая новая «волна» тюрок начинала со стремления подчинить черкесов. Всякий раз оказывалось, что кочевые армии не обладают необходимым ресурсом для полного покорения черкесского пространства. Наступал второй этап относительно мирного сосуществования, во время которого эпизодически имели место взаимные набеги. Воинское сообщество Черкесии было в состоянии не только громить противника на своей территории, но и предпринимать дальние рейды в степь. Третий этап состоял в появлении новой волны пришельцев, стремившихся сокрушить старых тюрок региона Дон-Кубань, которые неизбежно заключали оборонительный альянс с черкесами. Так, под натиском половцев печенеги частично смещаются в Зихию, большая часть бежит в Венгрию. Под натиском монголов ровно также поступают половцы. Оседание кочевников в адыгском ареале способствовало усилению его оборонного потенциала. На протяжении третьего этапа черкесы входят в состав управленческой элиты, а ханы женятся на черкешенках, воспитываются и находят убежище в Черкесии. Четвертый этап – интеграция кочевников в черкесское пространство. Ногайцы прошли путь от конфронтации с черкесами к появлению этнокультурной общности «черкесских ногайцев».

ЦАЛЛАГОВА Зарифа Борисовна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), sozieva@mail.ru

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ И СОБИРАТЕЛИ ОСЕТИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Историографический аспект фольклорно-этнографических исследований имеет особое значение в теории и практике историко-филологического и этнокультурного изучения региональных общностей. В этом плане особую важность приобретает историография гуманитарных знаний об осетинах, позволяющая конкретизировать основные направления научно-исследовательской работы в осетинской фольклористике и этнографии, конкретизировать степень значимости исследований отдельных авторов в этой области, представить биографии авторов, занимавшихся фольклорно-этнографическим изучением осетин. Современному фольклорно-этнографическому осетиноведению предшествовали десятилетия накопления разносторонней и разноплановой информации об осетинах. Фольклорно-этнографическое изучение осетин в XIX в. осуществлялось в специфических социально-экономических, военно-полити-

ческих и социокультурных условиях, связанных с процессом колонизации и освоения северокавказских территорий, событиями Кавказской войны, удаленностью от столичных научных центров. Первые собирательские и исследовательские работы по осетинскому фольклору и этнографии способствовали накоплению источниковой базы, углублению и дифференциации этнографической тематики. В работах С.В. Жускаева, Н.Г. Берзенова, В.С. Толстого, Переваленко, Д.З. Бакрадзе, И.Г. Тхостова, А.А. Гассиева, М.Г. Баева, К.И. Красницкого, И.Д. Канукова был накоплен большой фактический материал в таких областях этничности как мифологические представления, фольклор, религиозные культы и семейно-бытовая обрядность. Особо важную роль в формировании фольклорно-этнографических знаний об осетинах сыграла периодическая печать Кавказа (газеты «Терские ведомости», «Кавказ», «Казбек», «Закавказский вестник» и др.), публиковавшая исследовательские материалы и стимулировавшая вступление на литературно-этнографическое поприще представителей осетинской интеллигенции.

ШЕВЦОВА Анна Александровна

Московский институт открытого образования (Москва),
ash@inbox.ru

ИКОНОГРАФИЯ КОММУНИКАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КАВКАЗСКИХ ХУДОЖНИКОВ

В сообщении анализируется отражение повседневности социокультурной коммуникации в жанровой живописи и книжной/сетевой иллюстрации ряда современных художников Кавказа, в частности, М.-М. Агабалаева, С.-Х. Бицираева, В. Бораева, В. Цаллагова, З. Юшаева (РФ), В. Месхи и К. Хинвели (Грузия), Э. Сархана оглу и А. Гейбатова (Азербайджан), С. Хачатряна (Армения). Именно в жанровой живописи кавказских мастеров ярче всего проявляется ставшая этностереотипом этикетно-коммуникативная модель: мгновенный переход любого повседневного события частной жизни в хоральное измерение, когда соседи узнают о каждом твоём шаге раньше, чем ты об этом подумал. В жанровой живописи и иллюстрации, помимо архетипических, вечных сюжетов, есть все варианты монолога, диалога и полилога: от немолчного гвалта женщин до совместного молчания умудренных опытом мужчин, от беседы старика с ребенком до воркования влюбленных. Проблемное поле сообщения включает следующий круг вопросов: автоэтно-

графия художников; частота темы; варианты коммуникации и обсуждаемые сюжеты, в том числе коммуникация со зрителем; восприятие коммуникации со стороны; эмоциональный градус и образный потенциал коммуникации. Большинство рассматриваемых работ ранее не трактовались с этнографической точки зрения.

ШОМАХОВ Заур Хамидбиевич

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
(Нальчик), shoma31@rambler.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК МЕХАНИЗМА СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОЦИУМА КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Важнейшее место в механизме взаимодействия между различными социально-классовыми и этносоциальными категориями населения принадлежит образованию. При широком выборе и доступности получения профессий, исторически сложившаяся специфика профессиональных выборов долгое время сохранялась и в селе, и в городе, что было связано с традицией. Немалая роль принадлежала психологическим факторам, которые проявлялись в привычках, установках, поведении при формировании профессиональных приоритетов. Благодаря всем этим факторам на протяжении исторически короткого периода многие новации в профессиональных выборах коренного населения быстро превращались в традиции, присущие определенным слоям населения. В советский период в КБР несколько поколений людей ориентировались на ценности образования, которое давало статусные преимущества. И, хотя последние входили в противоречие с ценностями социального происхождения, многие семьи стремились помочь детям получить высшую образовательную и профессиональную подготовку. В конце 1990-х годов новые социально-экономические реалии значительно трансформировали ценностные категории и профессиональные приоритеты населения, в результате чего объем дохода перестал даже символически соотноситься с квалификацией. Молодое поколение жителей КБР в качестве базового критерия профессиональной ориентации сменило культурный престиж на материальное благосостояние, а роль образования свелась к прикладному механизму по достижению новых целей, что не могло не сказаться на трансформации роли образования как общественного института в массовом сознании.

Секция 25
СООТНОШЕНИЕ ПОЛЯ И ТЕОРИИ В АНТРОПОЛОГИИ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СИБИРСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Арзютов Дмитрий Владимирович – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург),
E-mail: darzyutov@gmail.com
Андерсон Дэвид Джордж – доктор философии, профессор, Университет Абердина (Великобритания),
E-mail: david.anderson@abdn.ac.uk

АНДЕРСОН Дэвид Джордж
*Университет Абердина (Абердин, Великобритания),
david.anderson@abdn.ac.uk*

АРЗЮТОВ Дмитрий Владимирович
*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), Университет Абердина
(Абердин, Великобритания), darzyutov@gmail.com*

**«ЭВЕНКИЙСКИЕ ТЕОРИИ» ИЗ ПОЛЯ:
ВВЕДЕНИЕ К ДИСКУССИИ**

Настоящий доклад будет представлять собой предисловие к работе предстоящей секции. Обозревая долгую историю полевой этнографии Севера и Сибири, можно сделать некоторые наблюдения относительно стилей теоретизирования, которые во многом связаны с полевым опытом исследователей. Так, путешествие князя П.А. Кропоткина стало важным моментом в формировании его концепции взаимопомощи (англ. mutual aid). Полевые исследования С.М. Широкогорова привели его к формированию концепции «психоментального комплекса», представляющей перекресток нескольких различных парадигм (З. Фрейд, Б. Малиновский, а также естественно-научные дискуссии), к синтезу которых он пришел через полевой опыт, высказав предположение о «тунгусской гипотезе». В продолжение такого толкования можно назвать имя Э. Дж. Линдгрена, которая отчасти следуя за логикой Бейтсона и Мид, а также Широкогорова, предпочла описывать эвенков и орочен как эгалитарное общество с акцентом на психологическую составляющую каждого своего информанта. Рассматривая теорию антропологии через полевой опыт исследователей, мы можем: (1) описать понятие множественности как необходимого существования антропологического знания, (2) представить в теоретическом поле не только примеры из этнографии, но и локальные онтологии и эпистемологии, как расширяющие перспективы антропологического исследования.

ВОЛЖАНИНА Елена Александровна
*Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень),
Университет Абердина (Абердин, Великобритания),
elena.volzhanina@abdn.ac.uk*

**ВЛИЯНИЕ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ
ЭКСПЕДИЦИЙ НА ТРАДИЦИОННОЕ
ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ОЛЕНЕВОДОВ ЯМАЛА
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

Землеустройство северных территорий с преимущественно промысловым населением получило всеобщий государственный характер в конце 1920-х и особенно в 1930-е годы. На качественные и количественные результаты землеустройства возлагалась ответственность за успешное

осуществление национальной, экономической и социально-культурной государственной политики на территориях проживания коренных народов Севера, чье существование обеспечивали рыболовный и охотничий промыслы, а также оленеводство. Изучая потенциальные возможности их развития, участники экспедиции должны были привести их в соответствие с перспективами социалистической реконструкции хозяйства и с плановым освоением ресурсов. Можно утверждать, что многие инновации на Севере, связанные с хозяйственной деятельностью, развитием связи и торговли, своим появлением обязаны практическим выводам и рекомендациям землеустроительных экспедиций, сумевших охватить все стороны северной жизни благодаря комплексному характеру работ в первой трети XX в. На основании научно разработанных программ при участии этнографов, экономистов, геоботаников, охотоведов в ходе экспедиций была проведена оценка пастбищных и промысловых ресурсов территории, картографированы традиционные кочевые маршруты и места традиционных рыболовных и охотничьих промыслов для их дальнейшего рационального использования коренным населением. В докладе обращается внимание на особенности фиксации и интерпретации данных, анализируется стандартная структура отчетов землеустроительных экспедиций, использование ими этнографического материала в соответствии с установками партии и правительства в стране в рассматриваемый период.

ВОРОПАЕВА Анна Геннадьевна
*Национальный исследовательский Томский государственный
университет (Томск), vlaskinaag@yandex.ru*

**ПЛАНИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ,
ОСНОВАННОГО УКРАИНСКИМИ
ПОРЕФОРМЕННЫМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ
НА СЕВЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

Деревня Большой Татош Молчановского района Томской области – одно из немногих сохранившихся до наших дней мест компактного расселения украинских переселенцев на территории современной Томской области. К началу XXI века численность жителей деревни существенно сократилась, однако сохранились постройки, возведенные в конце XIX – начале XX века выходцами из Украины и их детьми. В распоряжении автора имеются данные интервью с потомками переселенцев, а также непосредственного осмотра сохранившихся построек в дер. Большой Татош. Несмотря на сохранность, в большинстве случаев удастся проследить специфику внутренней планировки жилищ переселенцев, оценить расположение домов относительно улицы.

На начальном этапе переселения семьи строили землянки, зафиксированы случаи возведения традиционных саманных жилищ. В скором времени сибирский климат вынудил переселенцев к постройке срубных домов. В них прослеживаются черты, характерные как для восточнославянских жилищ в целом, так и для украинских домов в частности.

ВРТАНЕСЯН Гарегин Суренович

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), veges2011@yandex.ru

**КАЛЕНДАРНАЯ ЛЕКСИКА ДОЛГАН
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Долганы – единственный из малых народов Сибири, формирование которого произошло в этнографическое время и достаточно подробно зафиксировано документально. Переход части северных тунгусов на новый язык общения (якутский) мало отразился на составе лексики, долганы сохранили большинство эвенкийских слов и терминов. Оленеводство, охота, зимний лов рыбы – основа экономики долган. Представляло интерес изучение динамики трансформации календарной лексики долган, которая является обычно одной из наиболее устойчивых частей речи. Записи календарей долган известны с середины XIX и до конца XX века. Уже в середине XIX века они считали себя долганами и говорили на якутском, однако в первой записи нет ни одного якутского календарного термина. Сохранив оленеводство как основу экономики, даже в более поздних записях долганы сохраняли и начальную семантику названий месяцев, переведя на якутский язык прежние названия месяцев. При этом некоторые названия месяцев, имеющие отношение к оленеводству, сохранили эвенкийскую терминологию. Ноябрь и декабрь имели особую значимость в календарных моделях самодийцев, но долганы, даже переняв и сохранив смысл, перевели их названия на эвенкийский. Итоговая картина к концу XX века – в календарной лексике долган не было и нет ни одного «якутского» названия месяца, при этом эвенкийская лексика сохранилась в названиях некоторых месяцев («оводов», «лови налима»). Подобная устойчивость могла бы стать еще одним доводом в пользу концепции «тунгусского характера».

ЛОКТИОНОВА Анна Анатольевна

Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова (Томск), anna624@rambler.ru

**ТРАДИЦИОННАЯ БЕРЕСТЯНАЯ УТВАРЬ
ЮЖНЫХ СЕЛЬКУПОВ:
ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ**

Использование берестяной утвари в традиционном укладе было распространено у селькупов южной (нарымской) группы, проживающих на территории Томской области. В начале XX века берестяная посуда имела в каждой семье и являлась необходимым элементом в быту. Для южной группы селькупов, как для большинства этнических культур, характерно быстрое разрушение устоев традиционного быта, что привело к значительному единообразию материальной культуры.

Следует отметить, что берестяная утварь долго оставалась маркером этнической специфики южных селькупов. Образцы традиционной посуды на протяжении значительного временного периода изготавливались повсеместно, и технические особенности ее изготовления оставались неизменными.

Цель доклада – представить авторскую классификацию селькупской берестяной утвари, извлеченной из среды бытования и хранящейся в фондах музеев Томской области – областном краеведческом музее им. М.Б. Шатилова, Парабельском музее (с. Парабель), Нарымском музее политической ссылки (с. Нарым), Колпашевском краеведческом музее (п.г.т. Колпашево), – а также в Красноярском краевом краеведческом музее (г. Красноярск), Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск), Музее археологии и этнографии Омского государственного университета (г. Омск), Национальном музее Финляндии (г. Хельсинки) и Российском этнографическом музее (г. Санкт-Петербург). Классификация была произведена в процессе подготовки каталога «Берестяная утварь южных селькупов».

МИХАЙЛОВ Дмитрий Алексеевич

Сибирский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новосибирск), damihan@yandex.ru

**ИДЕЯ ЦИКЛИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ
НАРРАТИВЕ АЛТАЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА**

Представления о цикличности исторического процесса являются неотъемлемым элементом национального восприятия прошлого. В их основе лежит понимание нации как вневременного, универсального исторического субъекта. Идея цикличности выражается в описании смены периодов национального подъема и упадка. Ее ключевые функции сводятся к обоснованию древности и непрерывности национального исторического процесса, исключению из него неактуальных периодов, преодолению лакун в фактических данных. В истории алтайского национализма идея цикличности исторического процесса проявилась в творчестве сибирских областников, пытавшихся с антиколониальных позиций обосновывать высокий уровень древней культуры народов Сибири и даже ее первичность по отношению к Европе. В период институционализации алтайского национализма в годы революционного кризиса в разных общественно-политических контекстах обсуждался вопрос о возрождении Джунгарского государства – Ойротии. В советское время идея исторических циклов позволяла критиковать национальную политику царизма и обосновать, с одной стороны, глубокое историческое прошлое алтайцев, с другой, роль Октябрьской революции в появлении алтайской советской нации. После распада Советского Союза центральной идеей общественной жизни республики стала идея национально-культурного возрождения, которое помимо создания многочисленных версий древнего прошлого Алтая, стремилось вычленив из общественной памяти советский период, связать настоящее с периодом зарождения алтайского национализма начала XX века.

САЙНАКОВА Наталья Викторовна

Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, Томский государственный педагогический университет (Томск), pushkareva0723@rambler.ru

О ГРАНИЦАХ РАССЕЛЕНИЯ ШЁШКУПОВ

В докладе будет рассмотрен вопрос локализации диалектно-локальной подгруппы селькупов – обских шёшкупов.

Для его подготовки были использованы материалы М.А. Кастрена (1845), К. Доннера (1911–1912), полевые материалы и публикации томских исследователей А.П. Дульзона (1952, 1971), А.И. Кузьминой (1965, 1974), В.А. Дрёмова (1965), данные современных томских лингвистов – С.В. Глушкова, А.В. Байдак, Н.П. Максимовой.

Вопрос определения территориальных границ является чрезвычайно важным, так как, только решив его, можно будет продвинуться в решении еще более сложной задачи – реконструкции истории формирования данной диалектно-локальной группы. Этот вопрос в научной литературе освещен недостаточно. На сегодняшний день нет ни одной публикации, посвященной теме территориальных границ диалектно-локальной группы шёшкупов. В связи с этим важным является как сбор и обобщение всего имеющегося полевого лингвистического и этнографического материала, так и выявление реальных границ ареала проживания среднеобских селькупов в XIX – начале XX века.

УШНИЦКИЙ Василий Васильевич

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), vota@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ЯКУТОВ КОНЦА XIX И НАЧАЛА XX ВЕКА НАРОДОВОЛЬЦАМИ И ПОЛЬСКИМИ ПОЛИТССЫЛЬНЫМИ

Изучением этнографии якутов конца XIX и начала XX вв. занимались политссылные из числа польских революционеров и народолюбцев. Они участвовали в Сибиряковской экспедиции (1894–1896) и работе экспедиции Комитета изучения Якутской Республики (1927). К этнографам той эпохи, занимавшимся изучением якутов, можно отнести Н.А. Виташевского, Л.Г. Левенталья, С.В. Ястремского, В.М. Ионова, Д.М. Кочнева, И.П. Сойкконена, В.Ф. Трошанского, В.Е. Гориновича, В.Л. Серошевского, А.А. Попова. Они собирали материалы по эпосу, верованиям и шаманизму, празднику Ысыах, обычному праву и земельным отношениям. Многие собранные ими материалы до сих пор не опубликованы и требуют научной обработки. Они хранятся в рукописном виде в архивах Санкт-Петербурга (МАЭ РАН, филиала СПб РАН, института Восточных рукописей СПб РАН). Были опубликованы первый том монографии В.Л. Серошевского и ряд трудов обозначенных авторов, но не полностью. Сохранилась машинописная рукопись И.П. Сойкконена «Семейный быт якутов». Глубоким экономическим анализом отличаются записи Н.А. Виташевского по земельным отношениям в Дюпсинском улусе. Труд В.Е. Гориновича посвящен изучению народной медицины якутов. Нами планируется в ведение в научный оборот выписок из этих работ.

ЧУРИЛОВА Людмила Александровна

Красноярский филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (Красноярск), churtenya@mail.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НГНАСАНСКОГО ШАМАНСТВА

Наиболее плодотворным периодом изучения нганасанского шаманства как самого северного массива шаманской

традиции стал XX век. Ушедшее столетие возвестило также и об исходе шаманского феномена Таймыра, запечатленного в работах классиков сибиреведения (А.А. Попов, Б.О. Долгих, Ю.Б. Симченко, Г.Н. Грачёва), зафиксированного кинодокументалистикой, сохраненного на звуконосителях, в предметах музейных коллекций. Своевременными оказались исследования в области этномызыкального наследия нганасан и шаманских песнопений (О.Э. Добжанская), этнографического музееведения и истории музейного строительства на Таймыре (Л.А. Чурилова). Образовавшийся пласт оригинальных и интерпретирующих (и – «емых») текстов и предметов проливает свет на ранее не поднятые проблемы бытия и духовного существования антропологического феномена нганасанского шаманства. Необратимые изменения в нганасанском социуме в прошлом столетии заставляют как можно скорее решать первоочередную задачу междисциплинарного характера, в области визуальной антропологии, демографии по отношению к предельно малочисленному нганасанскому этносу, потомкам шаманской семейной традиции. Современникам последнего нганасанского шамана выпала, наверняка, счастливая случайность стать свидетелями одного из самых ярких проявлений этнического самосознания нганасан в формах реликтовых шаманских практик. Уход вслед за шаманом его детей (получивших свои имена от отца) – настоящей гордости, надежды и духовного преемства отца–деда–прадеда, уход потенциальных носителей нганасанской шаманской традиции (Мучаму) слишком стремителен, люди науки должны слышать этот колокол.

ЯКОВЛЕВА Капитолина Максимовна

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск), kapa1985@list.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ УКРАШЕНИЙ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ АЛТАЯ

Единство тюркского мира обусловлено, в первую очередь, языковой основой, а также единым архаичным пластом культуры, проявляющимся в религиозно-мифологических представлениях, предметах материальной культуры и основах хозяйствования, истоки которых сформировались в эпоху раннего кочевничества. Украшения, существуя во всех обществах с глубокой древности, в качестве одного из этнических индикаторов отражают типологическую общность культур, влияние историко-культурных контактов и связей. В рамках проекта РФФИ № 13-06-97056 «Ювелирные украшения тюркских народов Евразии: общее и особенное» были изучены украшения из фондов музеев Сибири, а также Музея археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Исследование украшений народов Алтая показало многообразие их групп, видов и типов. Все рассмотренные нами украшения отличаются архаичностью форм и самобытностью конструкций. Составлена классификация украшений народов Алтая (тувинцы, алтайцы, хакасы), которая показала общее по технике исполнения, материалу изготовления, степени бытования, орнаментике, полифункциональности украшений не только между собой, но и с другими тюрко-монгольскими народами Евразии, что связано общими корнями происхождения, многовековым народным опытом, творческим духом и эстетическими воззрениями скотоводов-кочевников древности.

Секция 26 ГОРОЖАНЕ ВНЕ ГОРОДА

Селезнева Ирина Александровна – к.и.н., Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Омск)

E-mail: ir_selez@mail.ru

Селезнев Александр Геннадьевич – к.и.н., Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН (Омск)

E-mail: seleznev@myttk.ru

БРЕСЛАВСКИЙ Анатолий Сергеевич

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(Улан-Удэ), anabres05@mail.ru*

ПРИГОРОДЫ КАК «МЕСТО ВХОДА» В ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В англо-американской парадигме устоялось восприятие пригородов как «мест выхода» успешных горожан из центральных областей крупных городов в более уединенные загородные территории. Выбор, которые делают таким образом горожане, считается свободным, не вынужденным. В то же время во многих странах развивающегося мира исследователи все чаще обнаруживают, что формирование пригородов происходит и по другой, альтернативной тенденции – вследствие вынужденного переселения населения, проживающего *вне* города (из-за войн, голода, экономической деградации окружающих территорий и пр.). Убеждения, что формирование пригородов основано на личном выборе, что источником их развития выступает главным образом городское сообщество, что сквоттерские (самовольные) поселения не стоит воспринимать как пригороды, переосмысливаются под давлением новых данных. Субурбанизация в России включает в себя обе эти тенденции. С одной стороны – дачную субурбанизацию, связанную с сезонными переездами горожан, переезд горожан в пригородные поселения с сохранением жилья и работы в городе, отказ горожан от жизни и работы в городе и выезд за город. С другой стороны, нельзя игнорировать тот факт, что в некоторых регионах страны пригороды крупных городов формируются под воздействием не самих городов, а массовой сельско-городской миграции; именно сельские мигранты становятся основным источником формирования пригородов, придавая им специфический облик и формируя специфические проблемы. Один из примеров этого – современный Улан-Удэ – крупный город Восточной Сибири – столица Республики Бурятия.

ГОЛОВНЕВА Елена Валентиновна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), golovneva.elena@gmail.com

БЕГСТВО ИЗ ГОРОДА? ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ОРИЕНТИРОВАНИЯ ГОРОЖАН В ПРОСТРАНСТВЕ ВНЕ ГОРОДА (на примере Екатеринбурга)

На фоне общего методологического поворота в urban studies к изучению городского пространства и жизни че-

ловека в городе особый интерес вызывает вопрос о практиках ориентирования в пространстве города и за его пределами. Анализ этих практик является важным компонентом в исследовании современной городской идентичности. К повседневным практикам ориентирования горожан в пространстве вне города относятся, к примеру, практики восприятия тех или иных мест, избегание их посещения и выработка «безопасных» перемещений, предпочтения в выборе туристических маршрутов и посещение так называемых «сакральных мест» и целебных источников.

Анализ полученных данных на примере Екатеринбурга свидетельствует, что перемещение горожан вне города детерминировано как субъективными, так и объективными факторами (природное расположение, транспортная доступность и т.п.), а также, во многом, обусловлено влиянием СМИ и культурной политикой в городе. В качестве теоретической основы анализа темы выбраны: идея присвоения «топографической системы» М. де Серто и теория социального производства пространства А. Лefевра. Материалами для анализа являются данные интернет-сайтов, экспертные интервью и визуальные наблюдения автора.

ГРИГОРИЧЕВ Константин Вадимович

*Иркутский государственный университет (Иркутск),
grigoritchev@yandex.ru*

САДОВОДЫ, ДАЧНИКИ, «ПРИГОРОЖАНЕ»? КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОСТЕЙ И СООБЩЕСТВ В ПРИГОРОДЕ

В докладе рассмотрен процесс формирования локального сообщества в пригородном пространстве Иркутска, которое формируется в логике стихийного субурбанизма. В основе сообщения лежит исследовательский кейс формирования пригородного поселения на основе садоводческого товарищества. Пригород рассматривается как гетерогенное пространство, существующее вне правового поля и властного дискурса. Массовый приток горожан в это пространство приводит к формированию множества разнотипных локальностей. Ставится вопрос о размытии дихотомии «село – город» и появлении в российской провинции пригорода как «третьего пути». На основе анализа исследовательского кейса развития постоянного пригородного поселения на основе садоводческого товарищества будет показан специфический механизм формирования локальности. Последний заключается в рефлекс-

сивном конструировании «невидимой» локальности через производство ((ре)освоение) физического пространства. Подобная «невидимость» описанной локальности и пригорода как особого пространства осмысливается как один из важнейших факторов их развития.

ГУТЫРА Валерия Игоревна

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН (Омск), gutira@mail.ru

ГОРОД ОМСК И ДЕРЕВНЯ ОКУНЕВО: ЕДИНОЕ СУБКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО МОЛОДЕЖИ*

Городская культура (включая субкультурные образования) расширяет свое влияние за административные границы города. В определенных условиях эту функцию выполняет молодежь. Доклад основан на материалах полевого исследования молодежной субкультуры в деревне Окунево Омской области, где сформировался крупный сакральный центр.

Обосновывается вывод о неизменности основных параметров молодежной культуры при перемещении за пределы города. Горожане вне города остаются горожанами, их город всегда с ними.

ЖУКОВА Вероника Сергеевна

Вологодский государственный университет (Вологда), zhukova_veronika@list.ru

МОБИЛЬНОСТЬ И АДАПТАЦИОННЫЕ СПОСОБНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(на материалах дневника И.Г. Глотова)

Дневник крестьянина И.Г. Глотова из деревни Берег пежемского сельского общества Никифоровской волости Вельского уезда Вологодской губернии (впоследствии Архангельской области) охватывает период с 1900 по 1931 гг. Глотов родился в 1873 г. и был младшим в семье, учился грамоте в Пежемском двухклассном сельском училище. В 1897 г. ушел из дому на заработки и конце концов оказался в 1898 г. в Петербурге, устроился на работу на фабрику Н.Н. Струк. Там женился в 1906 г. на девушке из соседней деревни, тоже жительнице Петербурга.

Проживая в городе, И.Г. Гловтов довольно быстро адаптируется к городской среде. Об этом мы можем судить по его покупкам: жене купил зонтик, плюшевое пальто и «выхухолевого меха боа». Себе купил драповое пальто, «щелбеты на шнурках и к ним летние галоши». Покупал он и украшения. В семье лечили зубы и пломбировали их. Детям покупали игрушки. В 1915 г. жена Таисия возвратилась в деревню. 13 марта 1918 г. Иван тоже переехал в деревню. После переезда И.Г. Глотова в деревню он достроил выделенный матерью дом на городской манер: обшил его и покрасил. Элементы городской жизни и в дальнейшем сопровождали его семью в повседневной жизни в деревне.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-0043 «Новый сакральный центр России в социальном окружении: проблемы взаимодействия с государственными, религиозными, медийными институтами».

КОРНИКОВА Наталья Викторовна

*Гомельский государственный университет
им. Ф. Скорины (Гомель, Республика Беларусь),
natalia1124@gmail.com*

ПОСЕЩЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СТРАНАХ АЗИИ ГОРОДСКИМИ ЖИТЕЛЯМИ ГОМЕЛЬЩИНЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Результаты полевого этнографического исследования, в ходе которого было опрошено 126 горожан Гомельской области, свидетельствуют, что поездки в страны Азии в начале XXI в. зачастую связаны со значительным интересом респондентов к историко-культурному наследию. Опрошенные жители Гомельщины отметили, что во время пребывания в странах Западной, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии они имели опыт посещения и осмотра памятников истории и культуры. Среди достопримечательностей, вызвавших наибольший интерес, были названы культовые памятники, крепостные сооружения, музеи, а также объекты городской инфраструктуры, среди которых как наиболее запомнившиеся были выделены дворцовый комплекс Гугун, Великая китайская стена, Тадж-Махал, древний город Виджаянагар, храм Тотай-дзи, Галатская башня, дворец Топканы, Ват Ратчанадда, Бурдж-Халифа и др.

Внимание к объектам историко-культурного наследия стран азиатского региона, по мнению респондентов, мотивировано в первую очередь интересом к истории и традициям различных народов. Большинство респондентов отметили, что опыт осмотра достопримечательностей позволил им ближе познакомиться с национальным колоритом государств, в которых они побывали. Опрошенные также сошлись во мнении, что посещение достопримечательностей в странах Азии способствует расширению кругозора, стимулирует интерес к изучению истории, традиций и искусства данного региона, а также дает познавательный импульс для знакомства с культурным наследием жителей других регионов мира.

КУРОПАТОВ Дмитрий Александрович

ЗАО «Котэс» (Новосибирск)

ЕРОХИНА Елена Анатольевна

*Институт философии и права СО РАН (Новосибирск),
leroh@mail.ru*

ВИРТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И ТРАДИЦИОННОЕ ЗНАНИЕ

Современная глобализация убыстряет темп жизни, обостряет личностные конфликты в семье и трудовых отношениях. Одним из способов решения подобных проблем для городских жителей является сакрализация народных традиций. Эта тенденция коснулась и жителей Дальнего Востока. Речь идет не только о горожанах, во втором или третьем поколении связанных родственными узами с коренными народами Крайнего Севера и Дальнего Востока, но также и просто любопытствующих, имеющих представление об этнических традициях лишь из телевидения и Интернета. Многие потянулись в национальные деревни, движимые идеей спасти древние сакральные знания из рук

«теряющих» их носителей. Зачастую данная тенденция принимает комичные и абсурдные проявления. Авторы доклада, приезжая в национальные деревни, встречали подобных искателей традиционного, в том числе «шаманского», знания, представление о котором они получили из передач National Geographic и других просветительских телеканалов.

Когда сложившаяся в их сознании картина не совпала с теми сведениями, которые поступали от жителей деревни, они начинали «учить» местных жителей тому, как им следует вести себя в повседневных и ритуальных действиях. Это забавляло сельчан и становилось поводом для баек, пересудов и анекдотов среди представителей местного сообщества. Материал подготовлен на основе полевых исследований в Нанайском районе Хабаровского края.

ПЕРЕВОЗЧИКОВ Юрий Александрович
Удмуртский государственный университет (Ижевск),
gudyri@mail.ru

ГОРОЖАНЕ КАК СЕЛЬСКИЕ ЗАСТРОЙЩИКИ: ВЖИВАНИЕ В ТРАДИЦИЮ

Переселение современных горожан в деревню выглядит способом решения целого ряда проблем, наиболее существенными из которых можно считать жилищную и экологическую. Причем последнюю следует понимать в широком смысле, имея в виду и своеобразную «усталость» от городского образа жизни, и «тягу к земле», свойственную второму-третьему поколению горожан, которые, как правило, имеют родственников на селе и/или обладают дачными участками.

Доклад основан на этнографическом наблюдении опыта индивидуального домостроительства городских жителей (преимущественно имеющих удмуртские корни) в традиционной удмуртской деревне и процессов формирования у вчерашних застройщиков черт бытовой и обрядовой культуры, свойственных деревенскому окружению. Так, в случае самостоятельного возведения построек, горожане нередко перенимают приемы, материалы и внешний вид, свойственные традиционному удмуртскому домостроению. Как представляется, некоторые элементы сопровождающих стройку обрядов носят характер вторичных культурных форм. К таковым можно отнести ритуальную строительную жертву, действия, сопровождающие подъем матицы, проведение строительных помочей. Городских жителей порой удивляет коллективистская солидарность соседей процессу строительства, особенно при проведении совместных работ. Деревенская жизнь, даже имеющая непостоянный характер, зачастую сопровождается вовлечением «городских» односельчан в местную систему жизнеобеспечения, налаживанием через них путей сбыта продуктов подсобного хозяйства. В тех деревнях, где еще сильны народные традиции, переселенцы из города становятся желанными гостями при проведении коллективных праздников, например, приуроченного к окончанию огородных работ дня деревни (улицы), святок (ряженья) и т.п.

СЕЛЕЗНЕВ Александр Геннадьевич

Омский филиал Института археологии и
этнографии СО РАН (Омск),
seleznev@myitk.ru

«НЕВЕЖЕСТВЕННОЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ НИЧЕГО НЕТ»: ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА И ТРАНСЛЯЦИЯ НОВОЙ МИФОЛОГИИ (по материалам сакрального центра в районе д. Окунево)*

Настоящая эпоха духовного развития России характеризуется двумя заметными социокультурными явлениями. С одной стороны, это рост новых сакральных пространств и ритуальных практик, с другой – всплеск иррациональных и мистических настроений, эзотерики и оккультизма, активное конструирование новых мифологий. Оба феномена широко отражены в медийном пространстве.

В 2011–2014 гг. проводилось этнографическое исследование знаменитого сакрального центра в районе д. Окунево Муромцевского района Омской области. Программа включала в себя изучение новой мифологии. Попутно были проанализированы материалы СМИ об Окуневском комплексе.

Полевые окуневские материалы позволили выделить ряд характерных для современного мифологического сознания черт. В их числе:

- ревитализация и модернизация традиционных образов и мотивов, инвенционные технологии конструирования новых сюжетов: порталы (=иномирье), храмы, магические кристаллы, живая вода волшебных озер, сновидения как источник духовного преображения, мотивы эсхатологии и катастрофизма, превращения Хаоса в Космос и многое другое;

- сциентизм, засилье паранаучной и техникстской фразеологии (голографическое поле, флеш-модули, Афиней, Атлантида и т.п.), но при этом – отторжение и жесткое неприятие рациональной науки; вынесенный в заголовок афоризм-оксюморон – прямая цитата нашего информанта;

- конспирология, представления о намеренном сокрытии истины, универсальности принципа «удивительное рядом – но оно запрещено», и т.п.

Механизм формирования и циркуляции новой мифологии довольно сложен. Неомифологические конструкции популяризируются, перерабатываются и «обогащаются» в медийном пространстве, а затем возвращаются широким массам в модернизированном виде. Одни и те же сюжеты могут подвергаться многократной мифологизации. Это процесс двусторонний: не только СМИ оказывают влияние на массовое сознание, но и его архетипы и комплексы активно формируют повестку медиа-пространства.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-0043 «Новый сакральный центр России в социальном окружении: проблемы взаимодействия с государственными, религиозными, медийными институтами».

СЕЛЕЗНЕВА Ирина Александровна

Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Омск), ir_selez@mail.ru

«СНАЧАЛА МЫ САМИ УБЕЖАЛИ ОТ ПРИРОДЫ – СЕГОДНЯ... ПРОСТО К НЕЙ СНОВА ВОЗВРАЩАЕМСЯ...»: ЭКОПОСЕЛЕНИЯ И САКРАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ КАК ФОРМЫ УХОДА ИЗ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА*

В докладе рассматриваются различные варианты сознательного ухода людей за пределы городского пространства, формы организации жизни в новых условиях. Особое внимание уделяется побудительным мотивам такого рода решений, идеологическим основаниям и культурно-бытовым особенностям внегородского стиля жизни.

В последнее время большую популярность приобрели экопоселения как форма организации жизни в пространстве природы. Особым вариантом являются сакральные центры, где желание жить в гармонии с природой получает мощную идеологическую оболочку в виде целого комплекса представлений о прошлом, настоящем и будущем нашего мира.

В основу доклада положены полевые исследования экодеревни Азград и сакрального центра в районе деревни Окунево, расположенных в Омской области и известных далеко за ее пределами. Специфика этих поселений, особенности организации жизненного пространства, идейные установки лидеров являются основными проблемными вопросами заявленной темы.

ТОГАЕВА Анора Зайниддиновна

Институт истории АН Республики Узбекистан (Ташкент, Республика Узбекистан), anora.togaeva@mail.ru

ТАШКЕНТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ (1950–1990 годы)

Столица Узбекистана Ташкент во второй половине XX в. была одним из самых больших городов не только республики и региона, но и всего Советского Союза. В бывшем СССР по численности населения Ташкент занимал четвертое место после Москвы, Ленинграда и Киева.

По данным переписи населения 1989 г., в Ташкенте проживало 2102 тыс. чел. В 1989 г. почти 30% всего городского населения республики проживало в столице. В Ташкенте быстрыми темпами росла численность населения.

Несмотря на многие положительные изменения в социально-экономической и культурной жизни населения города, источники свидетельствуют о наличии серьезных проблем в социальной инфраструктуре. В частности, развитие сети социального обслуживания сильно отставало от темпов роста населения.

На фоне интенсивного роста непроизводственной сферы уровень бытового обслуживания сильно отставал от растущих потребностей населения города. Особенно низкими были показатели в сфере обеспечения населения жильем.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-0043 «Новый сакральный центр России в социальном окружении: проблемы взаимодействия с государственными, религиозными, медийными институтами».

Общий жилфонд города составлял в 1965 г. 9,7 млн кв. м, а в 1991 г. 32,9 млн кв. м. Общая площадь жилья в расчете на одного ташкентца в 1979 г. составила 9,6 кв. м, а по Союзу этот показатель для городских жителей достиг 12,0 кв. м. Источники свидетельствуют о том, что Ташкент и в других отраслях социальной сферы отстал от некоторых городов страны в своей категории.

ЩЕРБИНА Евгения Евгеньевна

Сургутский государственный педагогический университет (Сургут), 21campanula@gmail.com

МЕСТО ЛЕТНЕГО ФЕСТИВАЛЯ НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ В СОВРЕМЕННЫХ ДОСУГОВЫХ ПРАКТИКАХ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ

Современный мегаполис часто воспринимается его жителями как деструктивная среда, подавляющая человека физически и психологически. В поисках выхода из этой среды горожане обращаются к альтернативным формам досуга. В число таких форм входят летние фестивали на открытом воздухе. Появившиеся в 1980–1990-х годах фольклорные фестивали, апеллировавшие к идее «возрождения народной культуры», к 2000-м годам обратились к теме «этники» как смешения культур разных народов и эпох. С середины 2000-х годов появляются фестивали без этнической и региональной привязки. Их объединяет идея отдыха горожанина от городской среды, общение с природой, достижение гармонии через творчество, а также общение в бесстрессовой обстановке. «Сегодня наша страна нуждается в массовых мероприятиях, на которых люди будут получать свободу, радость и раскрепощение без употребления алкоголя и наркотических веществ. Мы и дальше <...> будем создавать для Вас новые площадки свободы» («Фестиваль красок», Новосибирск, 2014). Большинство участников привлекает доброжелательная атмосфера мероприятий, возможность побывать на природе, что усиливает праздничный эффект. Таким образом, летние фестивали на открытом воздухе выражают концепцию «осознанного отдыха», кратковременного бегства человека из негативной городской среды в пространство творчества и единения с природой.

ЯКОВЛЕВ Айтал Игоревич

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск), ayalyakovlev@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ГОРОДА И СЕЛА В ЯКУТИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Город Якутск в период конца XIX – начала XX вв. приобретает основополагающие черты, которые сохраняются и в наше время. Значение Якутска как важного экономического, политического перекрестка, как культурного центра региона закладываются в этот период.

Глубинные социокультурные, экономико-политические процессы в повседневной жизни горожан, которые начались в начале XX в., в наше время ускоряются в связи с глобализацией. Интересны отношения между городской и сельской средой, горожанами и сельскими жителями в Якутии начала XX в. Открытым остается вопрос различного рода отноше-

ний в периферийной, приграничной стороне города и села.

Предлагаемая тема исследования откроет нам легальные и нелегальные отношения между горожанами и сельскими жителями, затронув интересные моменты повседневной жизни в Якутии начала XX в.

ЯЩЕНКО Оксана Игоревна

*Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины
(Гомель, Республика Беларусь), oksanayaschenko@yandex.ru*

ГОРОЖАНЕ БЕЛАРУСИ ВНЕ ГОРОДА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX в. одним из значимых векторов культурного развития городского населения белорусских губерний Российской империи оставалось общение с природной средой. Городской образ жизни включал природный фактор как внутри городского пространства, так и за его пределами. Жители губернских и уездных городов имели окультуренные земельные участки на территории своих усадеб, посещали зеленые зоны (городские сады и набережные), содержали домашних животных. Вне города посещение пригородных

местностей происходило в целях отдыха и занятий спортом (выезды на маевки, охота и рыбная ловля, подвижные игры, парходные и велосипедные прогулки, ученические экскурсии на природу). Накануне Первой мировой войны, по свидетельству исторических источников (фото документов, публикаций в местной периодической печати), широко распространился дачный отдых, состав дачников существенно демократизировался. Отмечено необычайное оживление дачной жизни, сопровождавшейся летом выездом в сельскую округу всей семьи в сопровождении прислуги. Дачный отдых был обеспечен рядом бытовых удобств и средств развлечений: обустройство ледников, мест для занятий спортом, купален, доставка продуктов питания, музыкальных инструментов.

Это явление было вызвано разветвлением железнодорожной сети, экономическими причинами (борьба с дороговизной жилья в городе), изменением отношения к культуре здоровья у городских жителей. Контакты горожан с жителями сельской округи на дачах не всегда складывались на основе взаимопонимания из-за разницы в культурных ориентациях и неодинакового отношения к природной среде.

Секция 27
ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ:
ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И НОВЫЕ МЕТОДИКИ

Новик Александр Александрович – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

E-mail: njual@mail.ru

Ушаков Никита Вадимович – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

E-mail: nikush@kunstkamera.ru

АБАЕВА Любовь Лубсановна

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(Улан-Удэ), luba-abaeva@mail.ru*

**ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ – БУДДИЗМА
И ХРИСТИАНСТВА – НА ТРАНСФОРМАЦИЮ
РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ТРАНСГРАНИЧНЫХ
ТЕРРИТОРИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Проблема заключается в анализе трансформационных процессов в сфере религиозных традиций, происходящих на территории Восточной Сибири в контексте развития таких крупных этнических культур, как якутская, бурятская, хакасская, тувинская. Религиозные традиции этих этносов неоднородны – хакасы, якуты, тувинцы и буряты в добуддийский период исторически являлись последователями шаманской религиозной традиции. Однако буряты и тувинцы в настоящее время на протяжении уже нескольких веков являются адептами буддизма. Кроме того, якуты, хакасы, равно как и метаэтническая монгольская общность (Хамаг Монгол) монголы переживают этапы христианизации и даже исламизации, что, естественно, повлияло на их традиционную ментальность и образ жизни. Более того, на территории Восточной Сибири и на ее сопредельных территориях всегда существовали мусульманские диаспоры, до сих пор слабо изученные с точки зрения социальной и культурной антропологии.

Вследствие этого наш доклад на основе полевых исследований ориентирован на анализ трансформационных и модернизационных процессов в религиозных культурах этих этносов – автохтонных насельников Восточной Сибири. Проблема решается с привлечением сопоставительных данных по религиозным традициям трансграничных территорий Восточной Сибири, к каковым относятся Китай, Корея и Монголия.

Актуальность доклада вызвана необходимостью изучения роли религиозных традиций в Восточной Сибири, их статуса, темпов модернизации и трансформации, адаптации к новым социокультурным и геополитическим условиям в новом постперестроенном жизненном пространстве.

АБСАЛЯМОВА Юлия Аликовна

*Институт истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН
(Уфа), yulchi81@mail.ru*

ОБ ЭКСПЕДИЦИИ К ИРАНСКИМ БАШКАРДАМ

В октябре 2014 г. группа уфимских этнографов организовала научную экспедицию в провинцию Хормозган

на юге Ирана. Целью ее было проведение исследований у малоизученной народности *башкард*. Немногочисленные работы, посвященные ей, касались языка (Э. Флоер, И. Гершевич, П.О. Скийарв). Башкарды в течение долгого времени проживали обособленно, не входя в тесные контакты с соседними народами. Этому способствовала и географическая изолированность – проживание в горах Башкард. В настоящее время активны контакты с белуджами. Несмотря на негласную позицию правительства представить башкардский язык диалектом персидского, национальное самосознание их находится на высоком уровне. В прошлом башкарды вели кочевой образ жизни, сейчас в хозяйстве преобладает растениеводство (финики, пшеница, гранаты, овощные культуры и т.д.). Из домашнего скота держат больше овец, в меньшем количестве крупный рогатый скот, ослов; очень редко лошади. Занимаются также пчеловодством: собирают мед у диких пчел, которые устраивают ульи в горах среди скал и на вершинах деревьев. Основная масса населения проживает в традиционных домах *гэртук*. Гэртук – тип шалаша овальной в плане формы, крытый циновкой из камыша. Традиционная одежда бытует наряду с современной. Мужчины носят широкие штаны и длинные рубашки. Женщины – свободное платье; под платьем видны штаны *шальвары*, сужающиеся книзу и декорированные вышивкой. Поверх платья женщины покрываются широким полотном в виде платка. По материалам экспедиции подготовлен короткий видеоролик (6 мин).

АБУБАКИРОВА (Кульбердина) Залифа Гарифулловна

*Институт истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН
(Уфа), Tam_gdetu@list.ru*

БАШКАРДЫ ИРАНА

Башкарды – малоизученный народ. В ходе экспедиции нами были исследованы языковые особенности, быт, обряды башкардского населения Ирана. В башкардском языке существует два диалекта: *марзигал* и *молкигал*. *Гал* в переводе с башкардского языка означает ‘слово’. Население, говорящее на молкигалском диалекте, проживает в отдаленной от столицы провинции Хормозган, в д. Гавр. Язык марзигалов, проживающих вблизи провинций Систан и Керман, утерял ряд черт. Язык имеет множество заимствований из персидского и его диалектов. Особенностью молкигалского диалекта является частое использование иносказаний.

Основными занятиями башкардов являются скотоводство и земледелие. Раньше в большом количестве разводили коней и верблюдов. До настоящего времени разводят овец, коз, крупный рогатый скот, ослов, лошадей. Традиционные ремесла: производство ковров, паласов и тканей из шерсти (этим занимаются башкардские женщины). Одним из древнейших и основных видов ручной работы у башкардов является *хасирбафи* – плетение циновки и различных камышовых и соломенных изделий. Популярное рукоделие – изделия из шерсти *бафтехай пашми*. Также к рукоделию относятся *голабтун дузи* (традиционное шитье), *заррибафи* (вышивка золотными нитями), шитье *борко* (маска) и *хоша-бе*. Во время праздников или свадеб башкардские девушки раскрашивают тело хной.

Анализируемые полевые материалы важны для изысканий возможной связи между башкирами и башкардами (самоназвания – *башкорт* и *башкард*).

БЕРЕЖНОВА Елена Викторовна

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Москва),
lina164@yandex.ru

ПРИЕМЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ НОРМ В ПРИКЛАДНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Образование как способ трансляции культуры всегда было в поле зрения исследователей разных наук, прежде всего педагогов-ученых. В педагогике, объектом которой является образование, долгое время господствовал идеал естественнонаучного познания. Однако будучи изначально обращенной к человеку, к целям, содержанию и способам его образования, педагогика как наука, имеющая черты гуманитарного и социального познания, не могла существовать вне контекста антропологической проблематики (включая полевые исследования). История педагогики свидетельствует о прерывистом характере развития антропологического подхода. Новый этап развития науки стимулирует дальнейшую его разработку. В частности, в поле зрения находятся прикладные педагогические исследования, результаты которых направлены на обоснование образовательных инноваций. Наше исследование показало, что кроме известных способов аргументации учеными используются специфические приемы. Аргументом, характерным для антропологического обоснования педагогических норм, является опытная работа автора норм, теоретика. Она переживается как значимый факт биографии исследователя. Особую значимость этому участию придает создание образовательных программ, определяющих неповторимое «лицо» региона, авторских школ, интересных средств педагогического воздействия. Еще одним антропологическим аргументом педагогического нормирования выступает оценка педагогической инновации со стороны тех, ради кого были созданы новые условия. Ее назначение показать, приводят ли новые способы деятельности педагогов к комфортному самочувствию обучающихся, что значимо для них и отмечается ими как заметный факт их биографии. Дальнейшая разработка педагогической антропологии покажет возможные пути ее использования в расширении круга приемов обоснования педагогических норм.

БУРАЕВА Ольга Владимировна

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), olgaburaeva@mail.ru

ИСТОРИЯ БУРЯТСКОГО СЕЛА ХАРА-ШИБИРЬ (материалы полевых и архивных исследований)

Есть в Забайкальском крае село Хара-Шибирь. История села начинается с 1930 г. На территории Хара-Шибирь были созданы три ТОЗа, которые в том же году были объединены в колхоз им. В.В. Куйбышева. На месте, где сейчас находится центр села, стояло несколько юрт с населением 42 человека, в колхозе имелось 500 овец, 100 голов КРС, небольшой табун лошадей. О хлебопашестве не имели понятия. В 1933–1934 гг. в Хара-Шибирь переезжают бурятские семьи из Турги, Адон-Челона. Коллективный труд, хотя и медленно, стал приносить результаты. Появились колесный трактор, первая автомашина. Одним из «секретов» быстрого подъема экономики села в 1950–1960-е годы явилось то, что в Хара-Шибирь значительно расширили производство за счет закрепления молодежи в селе и привлечения новых работников. В колхозе стало традицией торжественно встречать переселенцев. В 1954 г. колхоз принял 26 семей переселенцев из Горьковской области, в 1956 г. – 18 семей калмыков, в 1960 г. – 70 семей из бурятского села Ульдурга Тунгокоченского района, в 1963–1964 гг. – 40 семей из села Корсаково Бурятской АССР, в первой половине 1960-х годов – переселенцев из Татарской АССР, в 1969–1970 годы – семьи из Башкирии и Белоруссии. 23 марта 1981 г. указом Президиума Верховного совета СССР колхоз был награжден орденом Дружбы народов. Современная история многонационального села – яркий пример взаимопонимания, взаимоуважения и дружбы народов России.

ВАСИЛЬЦОВ Константин Сергеевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), vasiltskov@mail.ru

ПАМИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ Р. ГОТЬО И И.И. ЗАРУБИНА: СТО ЛЕТ СПУСТЯ*

В основу настоящего исследования легли полевые материалы экспедиционного проекта «Памирская этнографическая экспедиция. Памяти И.И. Зарубина». В 2014 г. исполнилось 100 лет научной экспедиции на Памир, которую возглавил известный французский иранист Р. Готьо совместно с молодым ученым И.И. Зарубиным. Исследования Зарубина 1914–1916 гг. во многом определили стратегию и направление современных памирских штудий. Жители Памира исповедуют ислам шиитского толка (исмаилизм). Исмаилитская традиция в Бадахшане складывалась под влиянием иранской низаритской ветви исмаилизма и других шиитских течений, мусульманского мистицизма, а также локальных религиозных культов и верований. Ее особенности нашли свое отражение в корпусе литературной продукции исмаилитов Бадахшана, представленных отдельными рукописями или рукописными сборниками, изучение которых стало одним из направлений полевых исследований. Наряду с этим существенной чертой, определяющей своеобразие памирской религиозности, является культ святых (вали) и святилищ (остон, мазар). К почитаемым святым в Бадахшане относят персонажей мусульманской священной

* Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14-01-18100.

истории (‘Али, Фатима, Хасан, Хусайн, Зайн ал-Абидин), исмаилитских даи (Насири Хусрав, Шах Бурхан, Шах Камбари Афгаб), религиозных авторитетов (Суфи Мубараки Вахани), пиров (Саййид Йусуф ‘Али Шах). Соответственно дифференцированы и места поклонения, которые в зависимости от объекта культа называются различными терминами (мазар, зийаратгах, кадамджой, остон).

ВИННИКОВА Мария Николаевна

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь), maria_vinnikova@tut.by

**ВОССОЗДАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ
ТРАДИЦИОННОГО БЕЛОРУССКОГО
КОСТЮМА НА ОСНОВЕ ПОЛЕВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И МАТЕРИАЛОВ
МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ**

Традиционный белорусский костюм еще в начале XX в. был ярким этническим маркером и одновременно отражал локальное своеобразие материальной культуры белорусов. Исторические события, приведшие к ломке патриархального уклада жизни, способствовали быстрому выходу традиционного костюма из повседневного употребления (однако до середины XX в. домотканую одежду продолжали использовать как праздничную и обрядовую, в том числе как погребальную). Таким образом, были утрачены многие памятники белорусского народного искусства. Большие потери культура белорусов понесла и в годы Великой Отечественной войны. Некоторые локальные варианты традиционного белорусского костюма сохранились лишь в памяти старожилов, на фотографиях и рисунках. Отдельные их компоненты хранятся в музеях Беларуси и за ее пределами, а также у местных жителей. В результате полевых исследований и работы с музейными артефактами автором данного материала было реконструировано более двадцати комплексов традиционного белорусского костюма. Параллельно велась совместная работа с Научно-производственным республиканским унитарным предприятием белорусских народных ремесел «Скарбница» по восстановлению традиционных техник ткачества, вышивки, кружевоплетения, что позволило воссоздать в материале утраченные варианты белорусского народного костюма. Особое внимание уделялось реконструкции способов ношения древних головных уборов замужних женщин, которые на территории Беларуси долго сохраняли архаичные общеславянские черты и при этом отличались широкой вариативностью.

ГУЛАКОВА Мария Анатольевна

Петербургский институт Иудаики (Санкт-Петербург), maria.gulakova@yandex.ru

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ПАТРИОТЫ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ С
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫМИ ЧЕРНОСОТЕНЦАМИ
(опыт полевого исследования)***

Моя работа связана с анализом идеологии объединений черносотенного типа: Союза Русского Народа, сформиро-

* При поддержке Центра «Сэфер» и Genesis Philanthropy Group (в рамках благотворительной программы Charities Aid Foundation «Еврейские сообщества»).

ванного в начале XIX в., и современного союза с таким же названием, позиционирующего себя как преемника тех же идей. Исследование нацелено на определение роли праворадикальной оппозиции в жизни Российского государства и обличение «псевдохристианской» идеологии как платформы для антисемитизма. С 2006 по 2008 гг. и с 2013 г. по настоящее время мною было проведено исследование, в результате которого удалось собрать достаточно репрезентативное количество экстремистской литературы. В течение нескольких месяцев мною производилось изучение методом включенного наблюдения в СРН; в дальнейшем, на протяжении трех лет, я собирала визуальные материалы, проводила интервьюирования, участвовала во встречах православных патриотов. Постепенно став в их глазах «своей», я выяснила, что их издания распространялись в нескольких точках центральных районов города. Среди adeptов было и некоторое количество шестнадцати-восемнадцатилетних юношей, откровенно называющих себя неонацистами. Главным для меня стало желание отделить их псевдопатриотические взгляды от чисто экстремистских воззрений и разобраться, насколько показная религиозность лидеров соответствует действительности.

ГУЧЕВА Анжела Вячеславовна

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, Северо-Кавказский государственный институт искусств (Нальчик), anggucheva@mail.ru

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ
МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ
ЧЕРКЕСОВ (АДЫГОВ) КАК ИСТОРИЧЕСКОГО
ИСТОЧНИКА (символический аспект)**

Адыгский нартский эпос является одним из наиболее древних источников бесписьменной традиции адыгов. В нем отражены технология изготовления первых музыкальных инструментов адыгов (камыш, бжамий, пхачич, пхашина и др.), которые до настоящего времени не вышли из обихода, а также их конструктивно-органологические особенности. Исследование базируется на полевых исследованиях.

Музыкальные инструменты – яркий этнический маркер со сложной структурированной знаковой системой или языком культуры, имеющим тесную связь с древнейшими мифологическими, космологическими, религиозно-магическими представлениями.

Каждый инструмент имеет свой рисунок, занимающий определенную площадь на поверхности (корпуса, деки, грифа и т.д.), выполненный с использованием определенного орнамента.

В целом вся композиция или отдельный орнаментальный мотив придает музыкальному инструменту определенную структуру, которая связана с определенными функциями бытования того или иного инструмента в том или ином обряде или ритуале и имеет свою цветовую символику и собственное тембровое звучание каждого отдельно взятого действия, которое реализуется, в последующем, через тон и ритм.

Рассматривая значение символики, включенной в орнамент, мы можем не только определить принадлежность

предмета культуры к той или иной социокультурной группе, но и локализовать факторы этногенеза.

ДУГУШИНА Александра Сергеевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), dygi@inbox.ru

ЖЕНСКИЙ ПЛЯЖ В ГОРОДЕ УЛЦИНЬ (ЧЕРНОГОРИЯ): проблемы метода и этики полевого исследования

Территория женского пляжа в черногорском городе Улцинь, расположенном на побережье Адриатического моря, известна как курортный объект – туристические форумы рекомендуют пляж женщинам, предпочитающим нудистский отдых вдали от мужчин. Одновременно пляж концентрирует вокруг себя особую субкультуру посетительниц – женщин, желающих забеременеть, поскольку считается, что морская вода в этих местах, насыщенная серным источником, благотворно действует на репродуктивное здоровье. Таким образом, целебный серный источник, бьющий на берегу, является как посещаемым местом в рамках мирового и внутрибалканского туризма, так и популярной «лечебницей» среди горожанок. Пограничное с Албанией положение г. Улцинь обуславливает этнически и конфессионально пестрый состав населения, в связи с чем пляж занимает особое место в развитии этноконфессиональных отношений в женской субкультуре городского сообщества. Поскольку подавляющее число жителей исповедуют ислам (ок. 70%), пляж является допустимым местом для женского отдыха и ритуальных омовений в среде балканских мусульманок. Полевые наблюдения, сделанные осенью 2014 г., свидетельствуют о том, что пляж и совершаемые в его пределах ритуальные практики для излечения от бесплодия – интереснейшая площадка для этнографического исследования. Очевидно, однако, что высокая степень интимности практики исключает традиционный метод интервьюирования и открытой фото- и аудиофиксации: подобное поле из-за своей специфики неизбежно приводит к поиску новых подходов к исследованию не только в жестких рамках гендера, но и с точки зрения этики и метода.

ДБЯКОВА Елена Васильевна

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), dyiakova_elena@inbox.ru

КОММУНИКАЦИЯ НА РАССТОЯНИИ В РАБОТЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ: возможности и вопросы

В современном мире человек окружен техническими средствами. Большинство владельцев телефонов, смартфонов, планшетов, фото- и видеокамер записывают много информации о себе. Благодаря сети Интернет человек распространяет информацию о себе (в том числе и этнографическую), которая становится доступной широкому кругу пользователей. Таким образом, сокращается расстояние и стираются границы между исследователями и информантами. В связи с этими процессами встает ряд вопросов, касающихся этической и практической стороны использования информации подобного рода в работе современного исследователя. Является ли использование возможностей Интер-

нета (беседы с информантами с использованием программы Skype, связь по электронной почте, изучение аккаунтов в социальных сетях и блогах и пр.) частью полевой работы? Какова роль дистанционных наблюдений за этнографическими реалиями? Может ли информация, полученная через Интернет, считаться источником, и каковы критерии достоверности и научности этого источника? Является ли коммуникация такого рода стиранием границ между исследователем и информантом или, наоборот, дополнительным «филтром», нуждающимся в специальной интерпретации?

ЗАХВАТОВА Елена Юрьевна

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск), ezahvatova@inbox.ru

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОРДВЫ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: традиционная культура в контексте проблем современности

Традиционная культура – важный объект государственной культурной и образовательной политики в стране. Актуальность проблематики заключается в том, что мордовский народ является одним из крупных народов финно-угорской языковой семьи в РФ. В Калининградской обл. в 1970 г. мордвы проживало 3280 чел., в 1979 г. – 3678 чел., 1989 – 3482 чел., 2002 – 2320 чел., 2010 – 1600 чел. 10–18 апреля 2014 г. под руководством Л.И. Никоновой и научных сотрудников отдела этнографии и этнологии НИИ состоялась этнографическая экспедиция по изучению мордвы Калининградской области (Балтийск; Правдинск; Гурьевский р-н (Добрино); Багратионовский р-н (Медовое); Полесский р-н (Ильичево, Саранское, Марксово, Шолохово, Мордовское, Ломоносовка)).

Мордва стала селиться здесь с первых дней становления Калининградской обл. Неслучайно на карте региона можно увидеть пос. Мордовское и Саранское – в память о малой родине. Собранный материал (архивные данные ЦГА РМ, музеев и сельских администраций Калининградской обл., полевые сведения), опубликованные источники и литература позволяют иметь представление о сложности процесса переселения. Народные знания (народная медицина) и традиционная культура (пища, обряды) оказали влияние на адаптацию к новым условиям жизни. Материал проанализирован, систематизирован в рукописи монографии «Мордва в поликультурном пространстве Калининградской области».

ИМБРИАНИ Эудженио

Краеведческий музей Джуджанелло (провинция Лечче, Италия), eimbriani@libero.it

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ: НОВЫЕ ТЕМЫ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ В XXI ВЕКЕ

Результаты полевых исследований автора в Южной Италии (области Апулия и Базиликата) можно распределить по трем основным темам, продиктованным требованиями времени. Первая тема связана с изучением популярных фестивалей в Апулии и Базиликате, проводимых с завидной регулярностью в последние годы. В течение многих лет на данных фестивалях проводились исследования различных

обрядов, например, зажигания ритуальных костров, употребления пищи согласно народному календарю, обрядов Страстной недели.

Вторая тема касается ритуала исцеления от укуса мифического существа – тарантула (к этому ритуалу восходит зарождение танца *тарантелла*). В настоящее время практика проведения этого обряда исчезла, но наблюдается его возрождение в зрелищных формах (музыка, танец) как символа идентичности. В новом рождении традиции большую роль сыграло желание развивать туризм в этом регионе (Саленто, юг Апулии).

Третий вопрос касается культурной памяти (а именно, реконструкции личного опыта – автобиографии), а также понимания памяти как социальной и культурной конструкции прошлого в контексте поиска объектов для установления их связи с настоящим (исторические события, нарративы, превращенные в полезные инструменты оправдания происходящих современных политических процессов).

С помощью этих механизмов определяется культурное наследие, возрождаются традиции. Патримонизация традиций и интенсивная фольклоризация культурной самобытности на юге Италии являются теми исследовательскими темами, которые являются в настоящий момент самыми актуальными.

ЛИТВИНА Наталья Викторовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), tartalja@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИЙ И МЕТОДИК ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ КОМПЛЕКСНЫХ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ МГУ С 1970-х ГОДОВ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Комплексные археографические экспедиции сложились как специфическое направление научных исследований традиционной культуры старообрядческих общин в самом начале 1970-х годов. Полевая археография 1970–1980-х годов была невероятно успешной по числу и редкости привозимых памятников кириллической книжности. У истоков этого направления стояли выдающиеся ученые – академики Д.С. Лихачев, Н.Н. Покровский, С.О. Шмидт.

В МГУ уже в начале 1970-х годов благодаря И.В. Поздеевой «путешествия за редкими книгами» были расширены до комплексных археографических экспедиций, где исследовательский приоритет археографов успешно дополняли лингвисты, фольклористы, этнографы, музыковеды. В 1982 г. был опубликован первый итоговый сборник, обобщающий достижения и методы экспедиций МГУ за 10 лет.

Фонды отдела редких книг и рукописей НБ МГУ благодаря экспедициям пополнились более чем 2000 памятников; активно формировались предметная, фотографическая коллекции в фондах археографической лаборатории Истфака МГУ; накапливались полевые дневники, письма, аудиозаписи; все это в 1990-е годы было осмыслено как поливидовой архив традиционной культуры старообрядцев.

С 1993 г. комплексные археографические экспедиции были расширены за счет сотрудничества с визуальными антропологами, с этого времени центр исследований постепенно сместился от книги к личности. Целью исследований стали различные аспекты традиции в старообрядческих общинах на примере отдельных старообрядческих семей.

Благодаря более чем двадцатилетним работам визуальных антропологов сформировался видеофонд, насчитывающий более чем 500 часов видеоматериала.

МОХТАРОВА Ирина Юрьевна
ПОРШУНОВА Лариса Сергеевна

Государственный музей Природы и Человека (Ханты-Мансийск),
imokhtarova@gmail.com, etnografika@mail.ru

УКРАШЕНИЕ ПУПИ НА МЕДВЕЖЬИХ ИГРИЩАХ

Медвежьи игрища, или Медвежий праздник – масштабный и яркий ритуал обских угров по случаю добычи медведя (и один из немногих, дошедших до наших дней). Это многодневное мероприятие, включающее в себя ритуальную подготовку, народный театр, обряды очищения и прощения. Являясь священным зверем, медведь «приглашается» в качестве гостя, родственника. Насколько многогранен праздник, настолько серьезна его подготовка, тщательно спланированы и структурированы действия хозяев и участников. Главного «героя» – медведя также готовят к торжеству. Процесс создания культурного образа – важная и в некоторой степени сакральная практика.

В научной литературе описание медвежьих игрищ представлено довольно широко. Однако существуют некоторые тонкости, оставшиеся без внимания как в филологическом аспекте, так и в этнографическом. Данное исследование является итогом полевой работы 2015 г. и анализа праздника, проведенного на территории ХМАО – Югры в 1995 г. Особое внимание уделяется украшению медведя (как процессу), а также атрибутике и терминологии, используемой в данном праздничном ритуале.

НОВИК Александр Александрович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), njua@mail.ru

СУЛОЕВА Марина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), suloevamarina@yandex.ru

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ АЛБАНЦЕВ ДЭВОЛА: МАТЕРИАЛЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2011–2014 ГОДОВ

В течение 2011–2014 гг. состоялись комплексные этнолингвистические экспедиции на юго-восток Албании (краины Корча, Дэвол, Колёнья), в районы со смешанным этноконфессиональным составом: здесь проживают албанцы-православные, албанцы-мусульмане, арумуны (по определению православные), цыгане (мусульмане и православные), греки (также по определению православные).

Одним из самых знаковых традиционных обрядов, сохраняющихся в *краине* Дэвол до настоящего времени, является свадьба. Обрядовые практики, фиксируемые во время полевой работы, свидетельствуют об устойчивом сохранении персонажного кода (здесь могут быть проведены параллели в терминологии отдельных лексико-семантических групп со свадьбой у албанцев Буджака и Приазовья: *nuse* ‘невеста, невестка, сноха, молодая жена’, *nip* ‘крестный отец, посаженный отец, кум’ и др.). В плане предметного кода свадебного обряда фиксируются многочисленные термины, обозначающие ритуальный хлеб и различные блюда

свадебной кухни (*bakllava me njëqind pete* 'баклава в сто слоев' и проч.). Акциональный код свадебного обряда албанцев Дэвола имеет множество параллелей с обрядовыми действиями, характерными в целом для Тоскереи и для Юго-Восточной Албании в частности. Вместе с тем, эти практики имеют много общего с обрядовыми действиями, распространенными среди македонцев, болгар и греков.

Собранные полевые материалы по свадьбе, а также привезенные предметы традиционной культуры легли в основу нового фонда отдела европейстики МАЭ и, по замыслу научного коллектива, должны пополнить заархивированный в музее фонд МДАБЯ (Малый диалектологический атлас балканских языков).

ПЕТРЕНКО Валерия Владимировна

Национальный исследовательский университет Томский государственный университет (Томск), vptomsk@mail.ru

АНТРОПОЛОГИЯ МОДЫ: МОДНАЯ ИСТОРИЯ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Антропологическое описание разных форм социально-сти связано с возможностью экстраполяции методологических схем и приемов культурной антропологии на новые, слабо освоенные в теоретическом отношении социокультурные практики. Так, изучение моды (в том числе полевыми методами) как самостоятельного социально-культурного феномена требует обоснования стратегий ее представления в институциональном, собственно социальном, историко-культурном и мировоззренческом горизонтах. Вопрос о генезисе, морфологии, возможных типологиях применительно к истории моды может быть решен в опоре на традиционную методологию культурно-антропологического исследования: этнологический эволюционизм или антиэволюционизм, этнодиффузионизм или неозволюционизм, культур-антропологический партикуляризм, этнокультурный релятивистский или классический структуралистский подходы. Однако теоретическая рецепция моды учитывает особый статус этой институции. мода традиционно существует на стыке искусства, потребления, экономики, политики. мода артикулирует социально-историческую динамику, выполняет функции социальной и культурной маркировки, формирует идентичности, служит проводником социальной нормативности. В качестве предмета анализа она имеет выходы в социологию, эстетику, политическую теорию, семиотику, структурную лингвистику и пр. Поэтому аналитика моды демонстрирует черты интердисциплинарного дискурсивного описания. Что прибавляет ему антропологическое измерение? Его ресурс заключается в том, что антропологическая оптика отчетливо фокусирует внимание на самоценности и самодостаточности – как выразилась бы философия, имманентности – моды как особого культурного проекта, на ее инаковости по сравнению с другими культурными практиками.

ПОНОМАРЕВА Ирина Семеновна

Мариупольский государственный университет (Мариуполь, Украина), irini2003@rambler.ru

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ МАРИУПОЛЯ В 2014 ГОДУ

Полевые исследования идентичности жителей украинского города Мариуполя позволили проследить трансформа-

цию ценностных ориентиров в соответствие и с событиями 2014 г. Были составлены вопросники и проведены встречи с респондентами (2000 чел.), которые относились к различным возрастным и социальным группам. Работа проводилась студентами и аспирантами Мариупольского государственного университета. Трагические события, которые имели место в городе, разделили жителей. В полиэтничном Мариуполе, где представлены более 100 этносов, наблюдается исключительно политическое противостояние. Так, на вопрос «Важна ли для Вас Ваша национальность?» только 59% респондентов ответили положительно, но при этом, 18% опрошенных своей родиной называют СССР. Очень высок процент (75%) молодых жителей (18–30 лет), желающих мигрировать из города в другие места (Европейские страны, Россия, США и др.). Горожане (35–50 лет), имеющие работу и семью, слабо себе представляют жизнь за пределами своего государства, и только 4% из них согласны на перемещение в другой регион или страну. 83% мигрантов, покинувших город летом и осенью, во время военных событий, возвратились в Мариуполь. К началу 2015 г. 91% респондентов главным приоритетом для себя выбрали мир в регионе.

ПОРШУНОВА Лариса Сергеевна

Государственный музей Природы и Человека (Ханты-Мансийск), etnografika@mail.ru

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА, НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «МЫС СВЯЩЕННОЙ СОБАКИ»

Проект «Мыс священной собаки» в Музее Природы и Человека (Ханты-Мансийск) создан по полевым музейным материалам 2012 г., собранным на территории Шурышкарского района ЯНАО. В основе проекта – логичные и понятные литературно-мифологические сюжеты хантов и ненцев о любви и верности. Они умело проиллюстрированы музейными предметами с данной территории, а также опирающейся на них и личные экспедиционные впечатления авторской графикой. Элементы светового дизайна, возможность взаимодействия с книгой в пространстве выставки, появление живой самоедской собаки органичны и соответствуют формату проекта.

Сотрудники музея ежегодно проводят экспедиционные исследования в Югре и соседних регионах. Подготовка каждого полевого выезда требует разработки особой программы, составления вопросников, определенных подходов к сбору материалов, но самое главное – это определение целей и задач экспедиции. Результатом работы в научном поле 2012 г. стало создание выставочной экспозиции, ставшей резонансной в ХМАО – Югра. Сбор материалов для выставочных проектов – необходимая составляющая полевой работы.

ПРИЩЕПОВА Валерия Александровна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), vapr@kunstkamera.ru

ИЗУЧЕНИЕ ТАДЖИКОВ ДОЛИНЫ ЗАРАВШАНА Г.Г. ГУЛЬБИНЫМ (1926–1927)

В 2015 г. исполняется 125 лет со дня рождения выдающегося востоковеда и музейщика Григория Григорьевича Гульбина, обзору полевых материалов которого посвящен

предлагаемый доклад. К сожалению, из его публикаций известна лишь одна статья 1928 г. о погребении у желтых уйгуров провинции Гань-су – тюрков Китая. Научное наследие ираниста Гульбина, который в 1926–1927 гг. изучал материальную культуру, особенно жилище, некоторые виды ремесел, собирал вещевые коллекции для Музея антропологии и этнографии, фотографировал, зарисовывал, а также вел полевые записи, не были введены в научный оборот.

В экспедиционных поездках Гульбин умело сочетал стационарную работу с маршрутными разъездами по таджикским городам и кишлакам, пребывая в них от нескольких дней и более, собирая коллекции, характеризующие население Ташкента, Самарканда, Пенджикента, Фальгара, Матчи, Искандеровской волости. Гульбин систематически занимался фотографированием этнографических объектов. В своей полевой работе ученый использовал включенное наблюдение и многократные расспросы сведущих людей. В своих отчетах о результатах полевых исследований он не раз упоминает о собственных научных выводах, относящихся к повседневному быту изучаемого им народа. Гульбин неустанно собирал материалы самого различного содержания – об обычаях, поверьях, записывал названия рек, гор, населенных пунктов, собирал экономические и статистические данные и т.п. Этнографические исследования Гульбина несомненно займут достойное место в истории отечественного востоковедения.

СКАЛАБАН Ирина Анатольевна

Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск), skalaban@ngs.ru

ГРУППОВОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Запрос на пространственные методы репрезентации сегодня актуализировал интерес к картированию. «Время изящных цитат и отсылок закончилось, настала эпоха точных списков, отчетов, карт, которые сами по себе требуют новых техник репрезентации» (Ж. Водэ). Будучи культурной универсалией, карта дает легкость понимания конструируемых явлений. Наряду с профессионалом, автором карт может быть дилетант или группа дилетантов – носителей знаний; карта представляется как механизм деконструкции их образов среды, дающий одновременно и визуальный, и повествовательный материал. Карта по своему характеру представляет уже не ментальный образ индивида, но социальный, согласованный, сконструированный в процессе взаимодействия «здесь и сейчас».

Карта строится и путем совместной работы, организованной исследователем. Информанты делятся знаниями, договариваются о значениях, воспроизводят, комментируют устоявшиеся местные образы, стереотипы, продуцируя новый образ пространства, который является уже результатом коллективного согласования,

Практика картирования пространств различными группами жителей трех крупных сельских поселений в 2012 и 2014 гг. показала возможность зафиксировать не только общие образы сообществ и поселений, но и изменение восприятия различными возрастными и культурными группами их границ и пространств. Карты продемонстрировали появление «спорных» пространств, наделяемых группами разными смыслами, сохранение и изменение мифологии места, смещение зон ак-

тивности, а вместе с ними и зон значимых практик. Выявлен компенсаторный характер формирования «чувства места»: между ценностью природного и антропогенного факторов; между эмоциональным и рациональным компонентами идентичности; между прошлым и будущим; между частным и публичным пространством активности их жителей.

СКИРО Стефано

Университет Палермо (Сицилия, Италия), stefanolisippo@live.it

ПОЯС НЕВЕСТЫ *BREZ* У АРБРЕШЕЙ СИЦИЛИИ: ПОЛЕВЫЕ ИЗЫСКАНИЯ В XXI ВЕКЕ

Арбреши Италии (потомки албанских мигрантов, перебравшихся с Балканского полуострова на Апеннины и Сицилию после османского завоевания в течение XV–XVIII вв.) до настоящего времени сохраняют традиционный костюм, который является важным маркером этнической идентичности. Одним из самых ярких элементов женского костюма является пояс невесты *brez* (арбр.). Данное исследование базируется на полевых изысканиях автора на Сицилии.

Важно отметить, что *brez* является не только элементом женского костюма или изящным примером сицилийского ювелирного искусства, но также выполняет ряд функций, прежде всего, религиозную и защитную. Подобные пояса до сих пор хранятся в домах многих жителей арбрешского села Пьяна дельи Альбанези (либо Хора-э-Арбрешевэ).

Внимание заслуживает пояс, который автор изучил в коллекции Allotta di Piana degli Albanesi (Сицилия). Центральный элемент этого пояса представляет редкую иконографию, которая после многочисленных сравнений с другими произведениями искусства была интерпретирована как «Мученичество святой Кристины Больсенской». Изучив три клейма, поставленные на этом поясе (вернее сказать, штамп производителя с указанной пробой и гарантией), можно сделать вывод, что этот пояс был изготовлен ювелиром Онофрио или, возможно, Орацио Меркурио в период с 14 апреля 1826 г. по 1834 г.

Арбрешский *brez* может рассматриваться как ювелирный артефакт, совершенно уникальный в своем роде, и как важный маркер арбрешской идентичности.

СТЕПАНОВА Ольга Борисовна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), stepanova67@mail.ru,
step67@kustkamera.ru

СЕЛЬКУПЫ СЕЛА СОВРЕЧКА ТУРУХАНСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Во время экспедиции 2014 г. к туруханским селькупам я попала в маленькое национальное село Совречка, расположенное на северо-западе Туруханского района Красноярского края, близ границы с Тюменской областью. По статистике, в нем прописано 160 человек: 119 эвенков, 32 селькупа, 5 кето и 4 ненца. Большинство жителей Совречки сохраняют традиционную систему жизнеобеспечения – занимаются оленеводством, охотой, рыболовством и ведут полукочевой образ жизни, круглогодично проживая на расположенных близ села стойбищах. Однако во время посещения других сел района мне неоднократно приходилось слышать, что

в Совречке селькупов нет, «там все эвенки». Это коллективное отрицание данных районной статистики побудило меня провести специальное исследование. Вопрос этнической принадлежности 32 жителей села Совречка был рассмотрен мной на материалах по местному оленеводству, а также с привлечением данных истории и ономастики, и решен в пользу селькупов. Был сделан вывод, что совреченские селькупы оказались устойчивыми к чужому культурному влиянию и не только не поменяли свою этническую принадлежность, но и оказали заметное встречное влияние на эвенков. В исследовании мной также ставится второй вопрос, связанный с этой маленькой селькупской группой (этот вопрос сложнее, я имею по нему ряд соображений, но пока не имею ответа): корректно ли рассматривать совреченских селькупов как группу туруханских селькупов, если по местоположению и некоторым культурным особенностям они ближе к селькупам бассейна Таза.

ТУРЬИНСКАЯ Христина Михайловна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), krikri75@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ АФРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ:

новые коллекции и полевые материалы

Этномузея ИЭА РАН

Новые коллекции и полевые материалы Этнографического кабинета-музея Института этнологии и антропологии РАН иллюстрируют вызовы и проблемы, с которыми сталкиваются исследователи при изучении современной социокультурной ситуации в странах Африки и при формировании собраний этнографических предметов. В докладе представлены результаты полевой работы сотрудников кабинета в Танзании и Эфиопии, а также коллекционные поступления последних лет из Танзании, Эфиопии, Ганы, Камеруна, Мали в фонды Этномузея ИЭА РАН. Особое внимание в докладе обращено на методику использования фото- и видеосъемки в ходе полевых исследований. Динамика экономического и социального контекста, изменение традиционной вещной среды африканцев, миграции, развитие туристической индустрии, сувенирного производства и антикварного рынка, появление новых материалов, технологий, предметов импорта и их функционирование в культуре – факторы, обуславливающие необходимость применения новых подходов в изучении современных реалий африканской повседневности.

УШАКОВ Никита Вадимович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), nikush@kunstkamera.ru

НАЗРЕВШИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЭТНОЛОГИИ

Российские этнографы конца XIX – начала XX в. собирали полевые материалы (текстовые, вещевые, иллюстративные, фото) по синхронному им времени, архивировали их в архивах и музеях и опубликовали значительную часть текстовых материалов. На этой базе были проведены многогранные по тематике фундаментальные этнографические исследования XX в. Однако при наличии отличных аналитических работ ощущается недостаток публикаций самих полевых материалов по XX в.

Проблема 1. Сбор полевых материалов, синхронных нашему времени. Техногенная цивилизация настолько изменила жизнь, что принятое полевое изучение сохранившихся традиционных реалий и отдельных нынешних явлений у конкретных этносов не отражает сумму этнических реалий современности. Необходимо планомерное полевое изучение суммы современных реалий многих этносов для получения компаративных данных. Начинать его необходимо с разработки комплексной тематической программы полевых исследований современности.

Проблема 2. Ввод в научный оборот современных цифровых материалов. В видах полевых материалов сейчас налицо смена аналоговой формы на цифровую. Это цифровые текстовые, иллюстративные, фото-, аудио-, видеоматериалы. Цифровая форма материалов (учетные единицы – файлы) позволяет их легко учитывать и описывать в поле и архивировать. Цифровая форма архивов позволит выставить все собранные материалы на сайтах, цифровая форма публикаций позволит опубликовать не только тексты, но и в разумных объемах фото-, аудио- и видеоматериалы. Вопрос состоит в методических разработках полевого учета, архивации и публикации цифровых материалов.

ШРАДЕР Татьяна Алексеевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), tatyana.schrader@gmail.com

СКАНДИНАВСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ФОНДЕ МАЭ РАН

Коллекции, касающиеся материальной культуры скандинавских народов, хранящиеся в фонде МАЭ РАН (как современные, так и собранные нашими предшественниками в XIX–XX вв.), являются одним из источников изучения истории развития культуры Северных стран. Они позволяют извлечь информацию о материальной культуре прошлого и сравнить ее с современной культурой скандинавов.

Старейшей коллекцией является собрание восьми рунических деревянных календарей XVI–XVII вв., переданное в музей в первой половине XIX в. академиком Шёгренем. Другим интересным собранием является коллекция, подаренная музею в 1898 г. вице-консулом Аргентинской республики Е. Эрнстом. В коллекцию входят 4 детали исландского костюма XVI–XVIII вв.

Ряд экспонатов был получен в дар от адмирала К. Посята, который привез их после посещения Скандинавских стран в 1870 г.: норвежская резная деревянная пивная кружка, деталь исландской кровати и др.

Материалы, представляющие культуру шведов, проживавших со средних веков в Эстонии на острове Рунё, собраны Экономическим бюро Рижского педагогического Общества. 67 предметов этого собрания поступили в музей в 1908 г. и отражают быт и культуру шведов-рыбаков в Эстонии.

Среди экспонатов можно выделить небольшую группу предметов, характеризующих самобытную культуру норвежских крестьян «русемалинг» (рисование роз): норвежская резная ложка для большого котла (1770 г.), настенная тарелка (1950-е годы), меха для камина (1960-е годы) Крестьяне расписывали красками предметы домашнего обихода, стены, потолки деревянных домов.

Секция 28
УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК МЕТОД И ИСТОЧНИК
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Корусенко Светлана Николаевна – к.и.н., доцент, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН (Омск)

E-mail: tomil65@rambler.ru

Щеглова Татьяна Кирилловна – д.и.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул)

E-mail: tk_altai@mail.ru

АНДЮСЕВ Борис Еромолаевич

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева (Красноярск), andjusev@yandex.ru*

**ПРОЕКТ «УСТНАЯ ИСТОРИЯ»:
Л.И. БРЕЖНЕВ И ЕГО ВРЕМЯ В ОБРАЗАХ
И ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОСТИ**

Актуальность устноисторических исследований определяется научным интересом к проблемам истории повседневности и менталитета в социальной истории, проблемам создания, фиксирования, введения в научный оборот и интерпретации новых источников (работы Н.Н. Козловой, И. Утехина, Т.К. Щегловой, Д.Н. Хубовой, М.В. Лоскутовой, С.А. Ковригиной). В КГПУ им. В.П. Астафьева под руководством автора осуществляется проект «Устная история: человек в повседневности XX века». Результатом стало создание банка источников – более 400 текстов интервью информаторов городов Красноярска, Назарово, Иланского, Железногорска и ряда сельских районов. Материалы интервью в 2010–2013 гг. изданы тремя выпусками в форме учебной хрестоматии, четвертый находится в печати. Одна из изучаемых тем – «Л.И. Брежнев и его время в образах и оценках современников». Целью работы по данной теме является изучение эпохи в динамике «народной памяти» по прошествии 30–50 лет в локальном измерении коллективной и индивидуальной исторической памяти населения Красноярского края. Исследование велось с применением методов устной истории – интервьюирования, анкетирования и целевого руководства записи воспоминаний. Составлены методические рекомендации для студентов, созданы временные научно-исследовательские коллективы, разработаны вопросники и анкеты. В докладе представлены результаты работы по проекту и выборочные оценочные свидетельства по отдельным вопросам, даются промежуточные выводы о преобладании позитивной оценки информаторами эпохи Л.И. Брежнева.

БЕРДИНСКИХ Виктор Аркадьевич

*Вятский государственный гуманитарный университет (Киров),
bva.prof@mail.ru*

**РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: ПРОБЛЕМЫ УСТНОЙ
ИСТОРИИ И ДЕМОГРАФИИ В XX ВЕКЕ**

Резкий слом материальной и духовной культуры русского крестьянства в XX в., связанный с мощной промышленной модернизацией и урбанизацией России, уничтожил

в нашей стране традиционное крестьянское общество, а также в целом русское крестьянство как уникальную социокультурную часть общества. В науке и культуре частично сформировалось негативное отношение к крестьянской культуре прошлых столетий. В борьбе парадигмы народничества и государственных советских идеологов последние победили, естественно, победили и государственно-партийные установки, определившие и формат, а также объемы дозволенного изучения русской крестьянской культуры. Существенные культурные ценности прошлого оказались вычеркнутыми из духовного наследия России. Разрыв в цепи поколений произошел в очень краткие сроки – на памяти одного поколения людей. В советские годы исследование русского крестьянства, фактически, не велось. Крайне узкие формы допустимого фольклора и материального наследия фиксировались, но не осмысливались в советской науке. Сейчас уже невозможно вести массовые опросы русских крестьян с помощью методик устной истории. Вместе с тем в архивах и разного рода хранилищах научных учреждений и музеев сохранились записи рассказов стариков-крестьян (нередко сделанные в ходе диалектологических и фольклорных практик). Такого рода записи – ценнейший исторический и этнографический источник. Явления и факты, содержащиеся в этих рассказах, не мертвы, они включены в систему ценностей человека, взаимоотношений людей. Это – часть пневмосферы русской традиционной жизни XX в.

БЕРЕЖНОВА Марина Леонидовна

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Сибирский филиал Российского института культурного и
природного наследия им. Д.С. Лихачева (Омск), berezhn@bk.ru*

**КОНФОРМИЗМ И ОППОЗИЦИОННОСТЬ
В РАССКАЗАХ РУССКИХ СИБИРЯКОВ**

Само появление устной истории как метода и методологии исторических исследований в России совпало по времени с периодом перестройки и переосмысления прошлого страны. Оппозиционность собираемых этим методом рассказов воспринималась как положительный результат применения методики. Считалось, что несовпадение оценок и самих приводимых фактов с «официальными» данными исторической науки позволяет расширить исследовательское поле, получить новое знание. Однако через некоторое время применение метода стало давать стандартные результаты.

Для доказательства высказанного тезиса в докладе будут проанализированы рассказы русских сибиряков, собранные в

1990–2000-х годах участниками этнографических экспедиций ОмГУ, по разным темам: этногрупповая структура русских Сибири, история групп русского населения конца XIX–XX века, хозяйственные занятия, погребальный обряд. Совершенно разные по проблематике рассказы показывают доминирование конформистских настроений респондентов, как правило, разделяющих общепринятую точку зрения. Особенно очевидно это при рассмотрении рассказов, активно обсуждаемых в общественном информационном пространстве: о переселениях, ссылке, колхозном строительстве. При этом фиксируется временной сдвиг: сначала определенная модель рассказа на определенную тему побеждает в общественном дискурсе, затем попадает в воспоминания респондентов. Наиболее показательны случаи, когда модус рассказа меняется в воспоминаниях людей одного поколения, но в разные периоды времени.

БЕРКУТОВ Кирилл Сергеевич

Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону), kirin1@yandex.ru

ВОЕННОПЛЕННЫЕ БЛОКА ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ (1914–1917)

Изучение жизни и быта военнопленных, оказавшихся на юге Российской империи, на основе перлюстрированных писем и протоколов обследований их положения представляет интерес. Проблемы, занимавшие умы военнопленных, условно можно разделить на три категории: обустройство жизни и быта (качество питания, место работы, условия жизни и т.д.); положение дел на родине и фронте; взаимоотношения с местным населением. Мнения пленных обо всех вышеперечисленных проблемах зависели от их этнического происхождения и подданства, ситуации на фронте, длительности плена, места пребывания и работы, уровня дохода. Так, например, военнопленные, занятые в сельском хозяйстве, чаще выражали недовольство обращением с ними и непривычной едой (хлеб, каша, малое количество мяса). В документах явно присутствуют признаки культурного конфликта. На промышленных производствах военнопленные чаще обнаруживали удовлетворение своим положением. В целом, если Первую мировую войну справедливо считают конфликтом новейшего типа в связи с ролью технологий в осуществлении и обеспечении боевых действий и вызванным этим невиданным уровнем безвозвратных потерь, то содержание военнопленных в русском тылу основывалось преимущественно на архаических принципах – расконвоированность, труд на рассеянных на большой территории хозяйственных объектах, свободное общение с местным населением. Это определило их последующее активное участие в революционных событиях и значительное число военнопленных, оставшихся в России.

БИНЕЕВА Наталья Камильевна

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), n.bineeva@gmail.com

ГЛУБИННОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА (на материале Ростовской области)

Во всякой культуре существует динамичное соотношение традиционности, поддерживающей стабильность,

и инноваций, благодаря которым общество продвигается вперед. Это вполне отчетливо можно проследить на примере эволюции городского свадебного обряда. Одним из проявлений данного процесса трансформации является, хоть и формальное, но поддержание традиционных ритуальных и обрядовых практик в современных свадьбах, наряду с которыми происходят и изменения в восприятии культурных норм свадебной процедуры, выраженных в символических и культурных кодах. Как институт, свадьба подвержена трансформации, обусловленной изменением культуры общества – при переходе от традиционного к современному. Также происходит модификация содержательных и символических практик свадебной процедуры, которая сопровождается сохранением и возрождением традиционных русских обрядов, обычаев и ритуалов. Исследование городского свадебного обряда на Юге России показало, что свадьба остается инструментом регулирования социальных отношений и способом реализации групповых интересов. Уменьшается степень формализации самой процедуры, происходит смешение символических кодов свадебной процедуры разных культур, характер свадьбы становится более утилитарным. То есть можно говорить о сложившемся комплексе современной свадьбы, включающем в себя традиционные черты (ритуальные и обрядовые практики) и элементы современной урбанистической культуры. В статье рассматриваются символические и культурные смыслы городского свадебного обряда и описано их восприятие современной молодежью. Эмпирический материал собран на территории Ростовской области методом глубинного интервью.

БУТОВСКАЯ Станислава Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), stanislava@bk.ru

ДВЕ ИСТОРИИ ПРО ДОБРЫНЮ И АЛЕШУ: МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ПОПУЛЯРНЫЙ БЫЛИННЫЙ СЮЖЕТ НА МЕЗЕНИ

Записи былин велись как от мужчин, так и от женщин, при этом сказывание старин считается большинством ученых мужской практикой, тогда как исполнение былин женщинами нередко связывается с угасанием былинной традиции. Многие исследователи указывают на преобладание в северных регионах исполнителей-мужчин, однако подсчеты, выполненные по материалам 1899–1985 гг. из сборников былин разных лет, демонстрируют иные пропорции. Былина про Добрыню и Алешу входит в число наиболее популярных на Русском Севере. На Мезени этот сюжет является самым распространенным и занимает первое место по частоте исполнения. Обращает на себя внимание тот факт, что число исполнительниц в два раза превышает число исполнителей. А текстов, записанных от женщин, в два раза больше, чем мужских записей. Необходимо указать на некоторые отличия, которые бросаются в глаза при сопоставлении мужского и женского вариантов этого сюжета и позволяють говорить о существовании двух более или менее автономных версий истории про Добрыню и Алешу. Несмотря на то, что на первый взгляд кажется, что мужчины и женщины расска-

зывают одно и то же, оказывается, что через один и тот же сюжет они по-разному реализуют свои взгляды на жизнь. Синхроническое описание комплекса мотивов позволяет почувствовать эту разницу и обнаружить в том числе, например, социальные конфликты, которые имели место в традиционном обществе.

ВОЛКОВ Евгений Владимирович

*Южно-Уральский государственный университет (Челябинск),
evgeny-volkov@mail.ru*

ИГРОВОЕ КИНО И УСТНАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Устная история как метод познания прошлого иногда используется в игровом кино. Применение данного метода, как правило, предполагает либо использование устных воспоминаний для написания сценария, либо включение отдельных частей интервью непосредственно в фильм. В качестве примеров включения интервью в кинокартину рассматриваются советский фильм «Проверка на дорогах», созданный в 1971 г. (режиссер А. Герман) и американская картина «Красные», снятая в 1981 г. (режиссер У. Битти). В первом случае речь идет об использовании одного интервью женщины, пережившей войну на оккупированной территории. Во втором случае включена мозаичная информация из нескольких интервью пожилых людей, современников американского журналиста и писателя Джона Рида. Посредством анализа особенностей использования метода устной истории в этих кинокартинах рассматривается вопрос, каким образом включение устных воспоминаний повлияло на информационную и эмоциональную конструкцию фильмов. Помимо этого стоит обратить внимание на изучение представлений и предпочтений зрителей о тех или иных художественных фильмах разных эпох. И здесь метод устной истории имеет большое значение для исследователя. В качестве примера приводятся промежуточные выводы исследований научно-образовательного центра «Устная история» (Южно-Уральский государственный университет) по проекту «Кино и зритель в пространстве советской культуры».

ГУЧИНОВА Эльза-Баир Мацаковна

*Европейский университет в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербург), bairjan@mail.ru*

ОТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ В РАССКАЗАХ О ДЕПОРТАЦИИ КАЛМЫКОВ

Выступление основано на полевых материалах автора, собранных в Калмыкии в 2002–2012 гг., и посвящено теме коммуникации высланных калмыков с местными жителями в районах, куда они были депортированы. Это Новосибирская область и Омская область, Красноярский край, Казахстан и Киргизия. В целом почти все нарративы отражают изменение отношения местных жителей от неприятия калмыков как предателей в 1944–1945 гг. до добрососедских и дружеских отношений в послевоенные годы. Местные жители (соседи, одноклассники, милиционеры, колхозники и коллеги на работе) в рассказах символизируют советских

людей (а также и само государство), которых, согласно распространенному дискурсу, можно ввести в заблуждение ошибочными решениями партии на начальном этапе высылки и расселения. Но в дальнейшем совместная жизнь в деревне, работа на заводе, учеба в школе снимали идеологические клише. В выступлении будут отражены как первые реакции местного населения на депортированных калмыков и противоречивые формы дискриминации, так и будет прослежено, как эти отношения развивались. Также будут проанализированы типичные сюжеты депортационного нарратива. Особое внимание будет уделено факторам пола и возраста рассказчиков, так как известно, что дети, подростки и взрослые воспринимают травматическое событие по-разному, – а также анализу образовательного и социального статуса информантов. В докладе будет проанализирована практика организации Поездов памяти в места высылки, позволяющая позитивно работать с травматическим прошлым и редактировать его.

ДАВЫДОВА Алена Сергеевна

*Центр Гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского НЦ РАН
(Апатиты), aliona-797@mail.ru*

СТРОИТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА КАК СОБЫТИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

На Кольском полуострове после создания Мурманской и Мончегорской епархии в 1995 г. отмечается значительное увеличение количества церквей. Данная тенденция продолжает сохраняться. Возрождение старых и строительство новых храмов не может оставаться за пределами внимания жителей городов области. В процессе наших исследований были выявлены сюжеты, связанные с появлением и строительством православных храмов в регионе. Основной корпус текстов записан в городах центральной части области (Полярные Зори, Мончегорск, Апатиты, Кировск). В исследовании принимали участие городские жители разных возрастных групп, а также разной степени воцерковленности (по самоидентификации). Результаты исследования позволили определить отношение различных категорий информантов к строительству храмов. Обстоятельства постройки церквей сказываются в дальнейшем на символическом статусе города. Появляясь, церковь меняет культурное пространство малого города, становится его частью, как и частью городской мифологии.

ЖАНБОСИНОВА Альбина Советовна

*Восточно-Казахстанский государственный университет
им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Республика Казахстан),
sovetuk@rambler.ru*

УСТНАЯ ИСТОРИЯ, ЕЕ РОЛЬ И МЕСТО В РЕГИОНАЛИСТИКЕ: НОВЫЙ ПОДХОД В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В Восточно-Казахстанском госуниверситете им. С. Аманжолова действует Научно-исследовательский центр Алтайтану. Научно-исследовательская деятельность центра находится в орбите двух окружностей – внешней и внутренней: внешняя орбита направлена на историческое и этнологиче-

ское исследование пространства «Большой Алтай», охватывающего часть территорий Казахстана, России, Китая и Монголии; внутренняя орбита – на один из регионов Большого Алтая – Восточный Казахстан. Новые возможности научно-исследовательской практики устной истории позволяют переосмыслить прошлое, когда во главу исторических исследований ставится человек. В этом ракурсе изучается советское общество в теме «История Восточного Казахстана (советский период)». Учитывая знаменательную дату 2015 г. – 70-летие Победы в Великой Отечественной войне, нами проведен комплекс полевых исследований, основным методом которых стала устная история. Эти полевые исследования показали неограниченные возможности комплексных гуманитарных исследований с использованием устной истории и ее колоссальное воспитательное и гражданское значение. На сегодняшний день нарабатана уникальная источниковая база, создан фонд редких источников, который после систематизации привлечет новые методы исследований уже на уровне междисциплинарных связей. Нами также начат проект «Мы из СССР: советская повседневность областной глубинки», что свидетельствует об абсолютной пластичности «устной истории», как метода, как источника.

ЖУНУСОВ Серик Казыркенович

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск), Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан), erosriman@mail.ru

УСТНАЯ ИСТОРИЯ И ФЕНОМЕН ШЕЖИРЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И ЭТНОГРАФИИ КАЗАХСТАНА

Среди методов в этнологии Казахстана большую популярность приобретает устная история. Востребованным источником являются *шежире*. Первые работы по *шежире* вышли в XVIII–XIX вв. Одновременно происходила письменная фиксация *шежире*, которые содержали не только генеалогические таблицы родов, но и летописи, легендарные и биографические нарративы. Эпизодически *шежире* использовались и советской этнографией, но большой популярности в силу идеологизированности гуманитарных, исторических дисциплин не имели.

В 1990-е годы *шежире* приобретают новое звучание. Они рассматриваются как историко-генеалогический свод, подтверждающий статус личности, рода в системе родоплеменных, жузовых отношений в исторической ретроспективе становления казахского этноса. Особенность *шежире* – в сакрализации прошлого, исторических личностей, этнической территории, в сакральном восприятии исторического времени. *Шежире* существовали как сложившийся институт, позволяющий реализовать социокультурные и политические ценности их хранителей. Также в 1990–2000-х годах в Казахстане, в порядке частных инициатив, были изданы десятки фолиантов. Стало престижным иметь свою родовую генеалогию. В 2000-е годы *шежире* активно используются при изучении истории Казахстана как альтернатива письменным источникам. Устная история, будучи методом оценки исторического прошлого, остается частью настоящего.

ЗАГИДУЛЛИН Ильдус Котдусович

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань), zagik63@mail.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ С МУСУЛЬМАНАМИ В ПЕРИОДЫ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ТАТАРСКИХ КРЕСТЬЯН В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1870–1890-е ГОДЫ

В мотивации антиправительственных выступлений местных народов региона этноконфессиональный аспект был тесно переплетен с социальным. Выступления были направлены против установления новых порядков и за сохранение сложившихся общественных отношений. В частности, боязнь крещения под воздействием различных слухов привела к широкому использованию татарскими крестьянами пассивного сопротивления, выражавшегося, прежде всего, в отказе выдавать общественные приговоры и исполнять предписания властей, которые, по их мнению, нарушали традиционный уклад жизни и задевали религиозные традиции в поземельной общине.

В докладе планируется проанализировать социальное поведение русских, марийских и чувашских крестьян и, соответственно, татар к соседям во время массовых волнений и неповиновения властям сельских обществ татар-мусульман Казанской губернии в 1878–1879 и 1896–1897 гг.

В этой связи важными представляются сюжеты:

- о социальном поведении нетатарского населения, проживающего совместно с мусульманами в периоды неповиновения властям по этноконфессиональным мотивам;
- о сотрудничестве и взаимодействии различных этноконфессиональных групп сельского населения с мусульманами в периоды антиправительственных выступлений татарских крестьян;
- о противодействии и конфликтах различных этноконфессиональных групп сельского населения с мусульманами в периоды антиправительственных выступлений татарских крестьян;
- о русских крестьянах, которые осуществляли массовые экзекуции провинившихся мусульман в присутствии войсковых частей в татарских селениях.

ЗАНДАНОВА Лариса Викторовна

САЛАХОВА Лариса Марсовна

Иркутский государственный университет (Иркутск), mars62@rambler.ru

АРХИВ УСТНОЙ ИСТОРИИ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Архив устной истории Байкальской Сибири был создан при научно-исследовательской лаборатории гуманитарных исследований Братского государственного университета в 2005 г. Однако в процессе оптимизации высшей школы лаборатория прекратила свою деятельность. В настоящее время работа продолжается на базе кафедры истории и методики Педагогического института ИГУ (Иркутск). За десять лет полевой деятельности собраны коллекции уникальных рас-

сказов респондентов от 1917 г.р. до 1960-х г.р. Работа велась по следующим направлениям исследований Байкальской Сибири: «История поселений, находившихся в зоне затопления искусственными водохранилищами на р. Ангара»; «История вынужденных миграций»; «Судьбы интеллигенции»; «Городское сообщество новых индустриальных городов»; «Дети войны»; «Повседневная жизнь сельских жителей в XX в.». Программы и темы обусловлены сложным культурным ландшафтом Байкальского региона: его поликультурностью (наличие представителей разных этносов), многоконфессиональностью и миграционной подвижностью. В этих условиях возрастает общественная роль культурного наследия. Большое значение имеет сбор и фиксация этнографического материала. На сегодняшний день в архиве хранятся визуальные образы одиннадцати поселений, ушедших под воды Богучанского водохранилища, двух поселений, ликвидированных как неперспективные в 1980-е годы, шести старожиловских поселений. Кроме устных источников, в архиве отложились письменные источники личного происхождения (дневниковые записи, письма, воспоминания), семейные фотоальбомы, фотокolleкции материальных источников. Материалы архивов ложатся в основу научных публикаций членов экспедиций, а также доступны широкой научной общественности.

КАЗБЕКОВА Айнура Татимбековна

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Республика Казахстан), akasbekova2008@mail.ru

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ И ЕЕ МЕТОДЫ
В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ: НА ПРИМЕРЕ
ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-ЧЕЧЕНЦЕВ
ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА**

В настоящее время в казахстанской исторической науке историками активно воспринимаются и актуализируются в исследованиях антропологически ориентированные подходы. Это получает отражение, в частности, в обращении к исторической памяти и повседневной жизни в условиях депортации. Большую роль играют устные источники. Отложившиеся в архивах письменные источники неполны: освещается обустройство спецпереселенцев, материально-бытовое положение депортированных народов. Основными задачами нашего исследования является исследование депортации чеченского народа в Казахстан в 1944 г., его пребывание в спецпоселениях и жизнь в послевоенное время, а также особенности и специфика повседневной жизни, быта и традиций. Сведения можно получить в ходе предварительного опроса респондентов, а для этого необходимо обратиться непосредственно к такому методу, как интервью. Этот вид источниковой работы позволяет отразить механизмы адаптации к социально-бытовым условиям, черты психологии людей, отражающие особенности ментальности. Воспоминания непосредственных свидетелей иной исторической действительности вносят неоценимый вклад в изучение исторических реалий, помогают понять настроения в обществе и оценить характер социально-экономических, политических, социокультурных изменений через восприятие простых людей. Полученная информация дает возможность историку-исследователю объективно

восстановить структуру исторической памяти депортированных народов, а также детали повседневной жизни, которые не могли быть артикулированы ранее, что способствует обогащению знания и повышения их объективности, реального отражения прошлого.

КАРЦЕВ Павел Петрович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), 0406pav@rambler.ru

**ДАННЫЕ ГЕНЕАЛОГИЙ ПРАВЯЩЕГО
РОДА САХА (ЯКУТОВ) КАК ИСТОЧНИК ПО
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ**

События дорусского периода истории якутов могут быть частично реконструированы на основании данных исторических преданий и генеалогий. Известна примерная дата смерти последнего дорусского правителя якутов Тыгына, бывшего на тот момент стариком. Исходя из даты этого события (начало 30-х годов XVII в.), можно отнести время его рождения к третьей четверти XVI в. Это позволяет приблизительно определить годы жизни других правителей из этой династии. Так, отец Тыгына Муннян-дархан, вероятно, родился во второй четверти XVI в. Соответственно, дед Тыгына должен был родиться в первой четверти XVI в. В якутских генеалогиях он известен как Дойдуса-дархан. По данным Я.И. Линденау, деда Тыгына звали Баджей. Полагаем, что Дойдуса-дархан – не имя, а почетное прозвище. Личное же имя этого человека было Баджей. Позднее он был отождествлен с Элэем, жившим за несколько поколений до него. Только так можно объяснить дату смерти Элэя, указанную на памятнике И.Г. Шадрину. Этот человек сыграл огромную роль в этнической истории якутов: именно под его руководством этот народ обрел свою нынешнюю родину. Высчитанное время его жизни позволяет приблизительно датировать время переселения саха из Прибайкалья на Среднюю Лену. Расчет по родословию Поповых из Хатылинского наслега (по 25 лет на поколение) дает 1490 г. как дату рождения Элэя Боотура, что еще раз подтверждает правомерность отождествления Элэя и Баджея.

КОБЫЛИН Игорь Игоревич

Нижегородская государственная медицинская академия (Нижегород), kigor55@mail.ru

НИКОЛАИ Федор Владимирович

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Нижегород), fvnik@list.ru

**ВОЕННЫЙ ПСИХОЛОГ В ЧЕЧНЕ
В 1999–2000 ГОДЫ: УСТНАЯ ИСТОРИЯ И
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ**

В докладе проводится сравнение нескольких документов личного происхождения, содержащих антропологический материал: дневника военного психолога Игоря В. «Записки охотника» – участника чеченского конфликта в 1999–2000 гг., его устные интервью и визуальные свидетельства. Авторами доклада проводится внутренний и внешний анализ разнопорядковых источников – устных повествований, письменных меморатов и визуальных документов. Ставится вопрос о том, каким образом происходит конструирование нарратива, субъектной дистанции и смысла в каждом слу-

чае? Делается сравнение под несколькими углами зрения. Авторы пытаются понять, как в дневнике «Записки охотника» и устных рассказах военного психолога связаны «антропологическое содержание» и «военная машина».

КОРУСЕНКО Светлана Николаевна

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
(Омск), tomil65@rambler.ru

АЛИМШИХ: РЕАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗА

Среди татар Среднего Прииртышья бытуют исторические предания как отражение коллективной памяти об обращении их предков к центральным властям для решения определенных проблем. В основном это небольшие рассказы, большая часть которых мифологизирована. Одним из ярких событий, которые отложились в коллективной памяти сибирско-татарского населения Среднего Прииртышья, являлась поездка некоего Алимшиха к царю. В ходе анализа нескольких рассказов выяснилось, что речь идет об Алиме Шихове или Алим-шайхе. Шиховы, наравне с Имяминовыми и Айтикиными – элитные бухарские роды, обосновавшиеся в Тарском уезде Тобольской губернии в XVII – начале XVIII века, потомки которых вошли в состав татар Западной Сибири. Имеется три варианта рассказа местных жителей о поездке Алима Шихова к царю. Первый вариант: поездка Алимшиха к царю без указания времени и его обращение по поводу закрепления земель за татарами (считай, бухарцами). Во втором рассказе идет речь о поездке Алимшиха к Петру I по поводу освобождения «татар из бухарцев» от службы. В третьем рассказе отражены частично те льготы, которые имели бухарцы благодаря указам различных правителей, ограничение которых происходит в XIX в. Таким образом, реальный Алимших стал ассоциироваться в коллективном сознании современных потомков бухарцев с борцом за права и привилегии данной группы, а его «поездка к царю» растянулась по времени на целое столетие.

КУЗНЕЦОВ Александр Сергеевич

Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул), gamer684@mail.ru

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ УСЛОВИЯХ (на примере интервьюирования ветеранов Великой Отечественной войны)

Великая Отечественная война не обделена вниманием историков, однако проблемы антропологического характера – такие, как взаимоотношения мужчины и женщины в экстремальных условиях военного времени, еще требуют своего изучения. Данная тема затрагивается в исследованиях Е.С. Сенявской, И.В. Ребровой, но стоит более подробно рассмотреть вопрос о восприятии отношений женщин и мужчин на фронте рядовыми солдатами и женщинами-фронтовичками. Проблему отсутствия источниковой базы по данной теме помогает решить использование устной истории как метода. Анализ интервью показывает, как в экстремальных военных условиях меняется отношение представителей традиционной культуры (большинство опрошенных автором являлись выходцами из сельской местности) к женщинам и к «легким»

отношениям с ними. Из высказываний респондентов можно выделить два вида восприятия участия женщин в войне. Первый – патриотический – отражает героическую сторону войны, участие женщин в войне наравне с мужчинами, их вклад в Победу. Второй – индивидуальный – показывает «изнанку» войны. Ветераны-мужчины говорят о частых явлениях добровольного и принудительного сожительства старших офицеров и санитарок, радисток, телефонисток на фронте. Таким образом, устная история как метод позволяет создавать источниковую базу для таких специфических направлений исследований, как гендерные отношения в экстремальных военных условиях.

ОВЧАРОВА Мария Александровна

Новосибирский государственный краеведческий музей
(Новосибирск), masha_pa@mail.ru

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В СИБИРЬ 1950-Х ГОДОВ*

Устная история – это метод сбора и сохранения исторической информации через запись интервью с участниками прошедших событий, фиксирование их жизненного пути. В ходе интервью, в котором участвуют респондент и интервьюер, происходит создание нового исторического источника. Важностью создаваемого источника является, то, что он содержит информацию, полученную человеком в ходе собственных переживаний, подчас не всегда имеющую полноценное отражение в других исторических источниках. Важное значение в развитии Сибири в XX в. имели переселения, в частности послевоенные переселения 1950–1960-х годов. В ходе освоения залежных и целинных земель в Сибири происходил процесс доприселения в регионы Сибири. Было выпущено постановление «О мерах помощи гражданам, изъявившим желание переселиться в колхозы Сибири». Это историческое событие было связано не только с важными экономическими, социальными изменениями в регионах освоения целинных земель, оно повлекло за собой изменение этнического состава регионов, изменение поселенческой структуры. Именно данные записанных интервью позволили в Кожевниковском районе Томской области восстановить причины увеличения численности чувашского населения, сеть моноэтнических и смешанных чувашских поселений, выяснить историю возникновения чувашских поселков, а также причины их исчезновения. Через судьбы отдельных людей удалось собрать исторические факты локальной истории, которые являлись следствием крупных социально-экономических событий в стране.

ОТЕПОВА Гульфира Елубаевна

Павлодарский государственный педагогический институт
(Павлодар, Республика Казахстан), g.oteпова.hist@mail.ru

РОЛЬ УСТНОЙ ИСТОРИИ В ИЗУЧЕНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

В современный период устная история уверенно вошла в комплекс новых дисциплин и направлений исторических

* Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 13-04-00123.

исследований развития советского общества в XX столетии, в странах бывшего СССР на всем постсоветском пространстве. И ее использование является важным, пока еще живы непосредственные участники тех или иных процессов, явлений, событий, в частности, ветераны Великой Отечественной войны. Новое социально-культурное антропологическое осмысление темы позволяет нам рассмотреть войну более объективно, комплексно, учитывая различные мнения, взгляды, индивидуальный эмпирический опыт. Кафедра истории Казахстана Павлодарского государственного педагогического института совместно с коллегами кафедры отечественной истории АлтГПУ (Барнаул, Россия) с прошлого года ведет работу над научным проектом по теме: «Человек и война». Источниковой базой проекта являются материалы интервью ветеранов (письменные фиксации опросов, аудио и видеозаписи, визуальные источники семейных архивов), собранные в рамках двух сопредельных территорий – Павлодарской области (Казахстан) и Алтайского края (Россия). В первую очередь, внимание сосредоточено на таких аспектах, как повседневная жизнь солдат; санитарно-бытовые условия; воздействие войны на личную жизнь солдат, на их миропонимание, ценности и навыки; фиксация новаций в поведении и жизненных установках. Исследование по данной теме, основанное на устных источниках, существенно обогащает антропологическое изучение военной истории Казахстана, сопредельных государств и регионов, воссоздает многие неосвоенные и обделенные вниманием исследователей вопросы истории Великой Отечественной войны, ее влияние на состояние и развитие послевоенных сельских и городских сообществ.

ПАШИНА Екатерина Владимировна

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань), tanja.paschina@mail.ru

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ РАТНЫХ СИЛ
КРЕПОСТИ ТЕТЮШИ (XVII – начало XVIII вв.)**

На территории Среднего Поволжья города-крепости возникли в результате завоевательной политики Московского государства во второй половине XVI в. С падением Казанского ханства начался новый – «русский» – этап истории народов Среднего Поволжья. С покорением бывших земель Казанского ханства перед правительством Ивана IV встают задачи определения новой политики управления. Одними из первоочередных проблем были колонизация земель, русификация народов завоеванных территорий. С этой целью в крае началось создание опорных военных пунктов – укрепление старых и основание новых крепостей, в которых сосредотачивались военная администрация и военные части. Одной из первых на правом берегу Волги в 1571 г. в виде сторожевого пограничного городка военного типа была возведена крепость Тетюши. Город является ярким примером развития русского города, возникшего на завоеванной Московским государством территории Среднего Поволжья во второй половине XVI в. Служилое население крепости разделялось на несколько категорий: служилые люди «по отчеству», служилые люди «по прибору» и казенные служилые мастеровые люди. Ядро военной силы в крепости состояло из представителей служилых людей «по прибору»: стрельцов, казаков, полоняников, затынщиков, пушкарей,

воротников и пр. Динамика численности состава воинского контингента крепости с течением времени изменялась, и к середине XVII в. военно-стратегическое значение Тетюшей как крепости трансформировалось.

ПОПОВА Анна Юрьевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь), annelle@mail.ru

**ИНТИМНОСТЬ В ЭПОХУ СОВЕТОВ
(на материалах интервью 2013–2015 годов)**

В докладе предполагается рассмотреть проблему влияния общественного мнения и конкретных институций на представления об интимности. Основанием явился мифологический сюжет о том, что в недалеком советском прошлом руководство педагогических и военных училищ использовало возможность устраивать совместные мероприятия как способ заключения эффективных брачных союзов. В качестве базы для исследования послужили глубинные интервью представителей студенческой молодежи 1980-х годов и современного студенчества, записанные в период с 2013 по 2015 гг. Под интимностью я буду понимать межличностные отношения, отличающиеся высоким уровнем доверия, персонализированностью и основанные на эмоциональной близости – любовь, дружбу. Данный феномен мы будем разбирать на нескольких уровнях: личностном, социальном и на уровне культуры (интеллектуальное и художественное отражение представлений об интимности).

САБАНЧИЕВА Любовь Хабижевна

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Нальчик), sablyu@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «МАТЕРИНСТВО»
В МИФАХ И РИТУАЛАХ АДЫГОВ И
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРЦЕВ**

Концепты «материнство» и «отцовство» занимают значительное место в языковой картине адыгов и карачаево-балкарцев. В лексике сформировались собирательные термины, свидетельствующие о понимании неразрывной связи двух феноменов: *адэ-анэ* и *ата-ана*. В языческом пантеоне адыгских божеств много женских: *Хадэ-Гуацэ* (богиня садов и огородничества), *Псыхо-Гуаши* (богиня рек), *Хы-Гуаши* (богиня морей), *Уна-Гуаши* (покровительница домашнего очага). Балкаро-карачаевская устная традиция сохранила образ широко распространенной в древнетюркской мифологии богини материнства, плодородия и охоты *Уммай* (*Уммай-бийче*). В нартской песне она предстает как дочь великого *Тейри*, наделенная божественными атрибутами. В древнем песенном искусстве карачаево-балкарцев можно заметить некоторые данные и о покровительнице младенцев *Ал Анасы* или *Ал Халасы*. Главные языческие божества адыгов *Тхэшихуэ* и карачаево-балкарцев *Тейри*, по своей сути, андрогинные. В повседневной и праздничной обрядовой жизни традиционных обществ адыгов и карачаево-балкарцев наряду с национальными символами материнства присутствует культ христианской Богородицы (*Маршем* и *Байрым*). С ними связаны культовые камни *Байрым-таш*, название одного из месяцев и дня недели. В семантике адыгских и карачаево-балкарских богинь превалирует идея

плодородия. Примечательно, что у адыгов покровителями матерей и детей зачастую выступают и языческие боги мужского пантеона (*Тхаголедж, Созырэш и Лъэпци*).

САВКА Виталий Профирович

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск), congress7@list.ru

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА МОРДВЫ В СИБИРИ, НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И СЕВЕРЕ: ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2004–2014 ГОДОВ

Для мордвы характерна миграция в Поволжье, на Дальний Восток, Север. Это происходило вследствие трех факторов: естественного движения населения, миграционных и этнических процессов. Имело место приспособление населения к изменившейся социально-культурной среде, что повлияло на хозяйство, жилище, пищу и др. Понятия «малая родина» и «наша земля» занимают ведущие позиции в самоидентификации. Именно поэтому в российской культуре повседневности такое значение приобретает реактуализация коннотативных смыслов, связанных с понятием «труд на земле», «земля-кормилица», «крестьянин-труженик». Р. Барт высказал идею о том, что труд, превращенный в миф, наполняет материю счастьем; В. Вейдле утверждал, что в природе и деревенском труде все пропитано символическими взаимосвязями. Метафора деревенского труда актуализируется через сюжеты деревенского труда, репрезентацию сельского быта (глиняная посуда, кадки, телеги и т.п.). Для российской культуры рубежа XX–XXI веков характерна возросшая символическая валентность народных праздников и обычаев. Духовная культура и народные знания мордвы обогатились и стали более разнообразными в новых условиях проживания. Среди больших праздников мордвой наиболее почитаются Рождество, Троица, Петров день, а также Масленица. Этнокультурная специфика проявилась и в фольклоре мордовских переселенцев: распространены песни, пословицы, поговорки. Несмотря на многочисленные научные исследования мордовской диаспоры, духовная культура мордвы Сибири, Дальнего Востока и Севера не была достаточно изучена. Анализ полевых исследований 2004–2014 гг. позволит восполнить этот пробел.

САВЧЕНКО Ирина Владимировна

Запорожский национальный университет (Запорожье, Украина), ivsav07@mail.ru

УСТОИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В ИЗУЧЕНИИ СЕМЕЙНЫХ ПРАКТИК В ГОРОДСКИХ СЕМЬЯХ 1950–1960-Х ГОДОВ (на материалах Юго-Восточной Украины)

На сегодня устноисторические источники играют важную роль в формировании источниковой базы для широкого круга гендерных исследований. Их роль является существенной и в исследовании семейных практик советского времени, что подтверждается наличием большого количества работ данного направления. Устные источники позволяют раскрыть широкий спектр семейных практик, показать различия между реалиями семейной повседневной жизни и «идеальными моделями советских семей», сформированными в официальном публичном дискурсе. Юго-Восточная

Украина в 1950–1960-х годах представляла собой быстро развивающийся в индустриальном отношении регион, с активными урбанизационными процессами. Активный экономический рост городов предоставлял дополнительные возможности для женской профессиональной реализации, и, соответственно, усиления роли женщин в формировании семейного бюджета. При этом, по данным респондентов, в большинстве семей традиционная роль мужчины как главы семейства не оспаривалась. Но в то же время профессиональная реализация женщин создавала условия для определенных изменений в традиционном «гендерном порядке».

САМИГУЛОВ Гаяз Хамитович

Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), gayas_@mail.ru

ЭТНИЧЕСКИЕ И СОСЛОВНЫЕ НОМИНАЦИИ НА УРАЛЕ XVII ВЕКА

Сегодня все яснее становится, что зачастую в документах XVI–XIX вв. понятия, которые мы привыкли воспринимать как этнонимы, использованы в другом значении. Чаще всего эти слова употребляли как сословные (этносословные) обозначения. В качестве сословного обозначения «этноним» обычно использовался в сочетании с прилагательным, характеризующим характеристики сословия – податного (ясачного) или служилого. При изучении документов и попытках разобраться с этнической ситуацией на Урале (в первую очередь Южном) XVII–XVIII вв. я столкнулся с противоречивостью многих текстов, когда в отношении одного и того же «объекта» использовались различные обозначения, например, «вогул» и «татарин», либо одни и те же группы людей в различные периоды названы разными терминами. Проанализировав достаточно большое количество документов, я пришел к выводу, что в XVII в. на Урале (по крайней мере, в Уфимском, Верхотурском, Тюменском и Туринском уездах) складывается довольно своеобразная ситуация, когда все ясачное население в пределах уезда «маркируется» одним этнонимом, вне зависимости от реальной языковой/этнической принадлежности. Такими обозначениями были: в Уфимском уезде – башкир, в Тюменском и Туринском – татарин, в Верхотурском – вогул. Уже в конце XVII в. эта схема разрушается, и часть бывшего вогульского сословия Верхотурского уезда оказывается башкирами и т.д. Но в течение большей части этого столетия описанная схема работала в делопроизводстве.

СТАРКОВ Валерий Андреевич

Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины (Киев, Украина), starkov48@ukrpost.net

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОЙ УКРАИНЫ

Формирование источниковой базы изучения традиционной игровой культуры населения Украины в XX в. существенно замедлилось. Действие инновационных факторов обуславливало постоянное сужение сферы бытования традиционной культуры. К тому же, в 1930–1980-х годах произошло резкое снижение конкретных этнографических ис-

следований, в т.ч. игровой культуры. Развитие упомянутой базы в последнее время возродилось благодаря публикации как архивных источников XIX–XX вв., так и достижений устной истории. Запорожским отделением Института украинской археографии и источниковедения НАН Украины в 1999–2007 гг. была проведена работа по записи воспоминаний пожилых людей, которая воплотилась в десять томов издания «Устная история Степной Украины», изданных в 2008–2012 гг. Рядом со многими историческими реалиями, отраженными в воспоминаниях, приведен большой фактический материал об игровой культуре различных половозрастных групп сельского населения. Игровая деятельность информаторов приходилась на 1920–1930-е годы, когда традиционная культура была еще широко распространена. При практически полном отсутствии в 1930-е и последующие годы источников для изучения игровой культуры, эти свидетельства имеют определенную ценность, к тому же они в достаточной мере паспортизованы. Корпус упомянутых описаний игр включает традиционные игры детей и подростков, обрядовые игры и развлечения, а также некоторые инновационные игры. В итоге, как свидетельствуют устные источники, на юге Украины в 1920–1930-е годы господствовал традиционный комплекс игр и игровых элементов общественной обрядовости.

ТЫЧИНСКИХ Зайтуна Аптрашитовна

*Тюменский государственный университет (Тобольск),
zaituna.09@mail.ru*

**УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ ТАТАР ЗАБОЛОТЬЯ**

Локальная группа сибирских татар – заболотные (ясколбинские) татары, выделяемая, согласно классификации Н.А. Томилова, в составе тоболо-иртышских татар в отдельную подгруппу, представляет интерес для многих исследователей благодаря сохранению уникальной традиционной культуры в условиях определенной территориальной изолированности. В настоящее время они компактно проживают в девяти населенных пунктах Заболотья и продолжают заниматься традиционными промыслами. Малоисследованной остается история формирования данной группы, особенно на ранних ее этапах. В данной ситуации актуальность имеют устные источники, которые являются одними из важнейших для написания этнической истории. Настоящее сообщение построено на основе собранных нами в течение ряда полевых сезонов (1987–1991, 2013, 2015) у татар Заболотья материалов, включающих предания, легенды, родословные и пр. До настоящего времени сохранились названия неко-

торых заболотных родов (*тугузов*) и предания об их происхождении. В комплексе сохранившихся здесь преданий о *сыбыр халык*, Яик бае, Сынгыре и Мангыре, Илак-алыпе, Пахты бабае отражаются отдельные моменты ранней истории тюркизации и исламизации края.

ЩЕГЛОВА Татьяна Кирилловна

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул), tk_altai@mail.ru*

**КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ
В УСТНОЙ ИСТОРИИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ
УСЛОВИЯХ XX СТОЛЕТИЯ:
адаптационные практики традиционной культуры
в годы Великой Отечественной войны**

Антропологические аспекты Великой Отечественной войны остаются малоизученными. Автором ставится проблема изучения адаптационных функций культуры жизнеобеспечения сельского населения в повседневных практиках военного времени. Перспективы изучения связаны с «устной историей» (oral history), ее технологиями создания новых источников путем интервьюирования очевидцев. Анализ полевых материалов за 1990–2014 гг. показывает, что благодаря старшему поколению, в деревне сформировался комплекс поведенческих действий и занятий, которые способствовали формированию стратегии выживания крестьянской семьи, основанной на использовании ресурсов кормящего ландшафта и элементах традиционной культуры жизнеобеспечения. На уровне семейной экономики наблюдался переход к присваивающим формам хозяйствования. В докладе характеризуются собирательство, ловчие промыслы мелких грызунов и птиц, сбор яиц и др. Выделяются виды собирательства – организованное коллективное, под присмотром и с участием «бабушек» и индивидуальное, представлявшее своеобразное пропитание «на подножном корму»; способы заготовки «даров природы», например, трав, служивших суррогатами для выпечки хлеба, а также основой для каш и т.д. Экстремальные военные условия повысили значение домашних промыслов, института семьи и семейных традиций по обеспечению питанием, топливом, одеждой. Борьба с голодом и холодом актуализировала трудовые традиции по освоению природной среды, например, в устройстве жилища с использованием земли, дерна, чащи, глины, соломы, камыша. В этом смысле традиционная культура жизнеобеспечения являлась одним из факторов Великой победы. Таким образом, устная история помогает восполнить бреши и лакуны в исторических реконструкциях.

Симпозиум 5 ТРАДИЦИЯ vs НОВАЦИЯ

Секция 29 НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Шерстова Людмила Ивановна – д.и.н., профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск)

E-mail: sherstova58@mail.ru

Руднев Вячеслав Валентинович – к.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: roudnev@mail.ru

АЛИГАДЖИЕВА Заира Алиевна

*Дагестанский государственный институт народного хозяйства
(Махачкала), blondinka_zaira@mail.ru*

СОВРЕМЕННАЯ СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ АВАРЦЕВ (соотношение традиционного и нового)

Вступление в брак – один из важнейших этапов в жизни человека. Брак создает семью – ячейку воспроизводства населения. В ее рамках в значительной степени происходит социализация личности, человек становится носителем традиций своего этноса. Поэтому изучение проблем, связанных с семейно-брачными отношениями, бытовой культурой, связанных с исторической памятью народа представляет особую актуальность, так как эпоха научно-технического прогресса внесла много нового не только в сферу материальной культуры, но и затронула семейно-брачные отношения, свадебную обрядность, отношение к ритуалу и церемониям.

Свадебная обрядность, сложившаяся в глубокой древности как комплекс действий и ритуалов с магико-символическим содержанием, развивалась на протяжении многих столетий, теряя частично или полностью некоторые старые свои элементы, обогащаясь новыми. Эти новации в каждый определенный исторический период были обусловлены особенностями экономического и культурного развития общества и господствующими идеологическими представлениями, а также существующими морально-этическими нормами и эстетическими воззрениями.

Совершение ритуалов, приуроченных к переходным периодам в жизни человека (одним из которых является свадьба) во всех социально-экономических формациях рассматривалось как необходимый способ для поддержания естественного порядка функционирования коллектива. Церемония брака – это всегда публичный акт соединения брачующихся. Исполнение ритуалов, сопровождавших различные стадии заключения брачного союза, становилось общественной обязанностью. В этом проявляются соционормативные свойства культуры, ее влияние на нормы поведения в будни и праздники. Все это убедительно свидетельствует о большом теоретическом и практическом значении всестороннего изучения брачных отношений.

БИТТИРОВА Назифа Хусеиновна

*Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова (Нальчик) nazifabittirova@mail.ru*

СЕМЕЙНАЯ КУЛЬТУРА КАРАЧАЕВЦЕВ, БАЛКАРЦЕВ И ОСЕТИН: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Интенсивные этногенетические и этнокультурные связи карачаевцев, балкарцев и осетин были чрезвычайно разнообразны в своих проявлениях (они включали в себя хозяйственные, культурные, военно-политические, кровнородственные и социально-иерархические связи и иные контакты) и уходят своими корнями в глубокую древность. Следствием этого стали этнокультурные параллели в таких аспектах семейной культуры, как особенности главенства в семье, особенности системы внутрисемейных отношений (например, уважительного отношения к старшим), обряды детского цикла, а также в системе традиционных морально-этических норм, связанных с функционированием комплекса обычаев и правовых норм.

В традиционно-бытовой культуре карачаевцев, балкарцев и осетин брачному институту как первооснове семьи отводилась весьма существенная роль. Об этом свидетельствует целый комплекс норм, установок, обрядовых действий, сопровождающих предсвадебный, свадебный и послесвадебный циклы.

При этом традиционная семейная культура карачаевцев, балкарцев и осетин имеет многочисленные параллели с семейной обрядностью автохтонных народов Кавказа. Географическая и социально-экономическая изоляция карачаевцев, балкарцев и осетин способствовали консервации целого ряда традиционных свадебных обрядов. Однако в последние десятилетия наблюдается их постепенная модернизация. Следует отметить, что новые элементы семейной обрядности больше распространены в городской среде, нежели в сельской.

Многие элементы традиционного культурного комплекса исследуемых народов сохраняются в модернизированном виде. Например, сохраняются основные черты семейной иерархии, можно наблюдать традиционное разграничение функций каждого члена семьи. При этом особое внимание уделяется основным аспектам социализации подрастающего поколения, факторам, обуславливающим трансмиссию культурного опыта.

ВОРОЖИЩЕВА Ольга Михайловна

Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск) olga_v86@sibmail.com

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ
РОССИИ (XX–XXI века)**

В настоящее время на территории России проживает около 250 тысяч этнических корейцев. Сегодня корейцы являются неотъемлемой частью жизни российского общества. Однако им пришлось пройти долгий путь социокультурной адаптации и интеграции в принимающее сообщество. Важную роль в данном процессе сыграло как правительство Российской Федерации, так и внешняя политика Республики Корея, направленная на поддержку зарубежных соотечественников. В СССР, в соответствии с идеологией страны, превалировала задача создания единого советского народа с общей культурой и ценностями. Вследствие этого, корейцами были утрачены многие этнокультурные черты. Современную российскую политику отличает плюрализм, нацеленный на межкультурный диалог. В 1996 г. Государственной Думой РФ был принят «Федеральный закон о национально-культурной автономии». По всей России были созданы Национально-культурные автономии корейцев (НКА). Также в процессе адаптации российских корейцев косвенное участие принимает и правительство Республики Корея, которое путем законодательных актов и деятельности различных фондов и организаций регулирует взаимоотношения с зарубежными корейцами. Таким образом, деятельность российского и южнокорейского правительства имеет важное значение для сохранения корейской диаспорой основных этнокультурных черт. В зависимости от того, какую политику проводит принимающее государство, а также от степени интенсивности контактов российских корейцев с исторической родиной зависит, в какой степени и каким образом происходит трансформация этнического сознания корейской диаспоры в России.

ДИНИКЕЕВА Юлия Геннадьевна

*Институт этнологических исследований им П.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), moshkinay26@rambler.ru*

**ПОСЛЕРОДОВЫЕ ОБРЯДЫ В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ РУССКИХ БАШКОРТОСТАНА**

Родинный обряд русских Башкортостана сохранил традиционную структуру и содержание, бытовавшие на исторической родине переселенцев (в губерниях Центральной России). К послеродовому периоду относятся обряды первого пеленания, очищения водой (первая баня, купание), обряды, направленные на защиту (от сглаза и болезней) и восстановление ребенка и матери, крещения ребенка. К настоящему времени лучше сохранились ритуалы очищения (часто они выполняются как гигиеническая процедура, а не обряд), защиты (чаще с помощью православных молитв, реже оберегами; обращение к языческим ритуалам не практикуется) и крещения. Сохранен и используется религиозный обряд очищения женщины, через шесть недель после родов. Сохранность семейной обрядности русских Башкортостана зависит от типа селений (деревни, хутора), удаленности от центров урбанизации, наличия близких родственников – носителей традиционной культуры. Своеобразие обрядности русских Башкортостана – в заимствовании

некоторых обычаев у народов региона. Это отмечается в полиэтнических селениях. Наряду с сохранением своеобразных, самобытных черт в обрядовой культуре русских, можно выделить и элементы, сформировавшиеся в результате культурного взаимодействия разных народов.

ЕГОРОВ Сергей Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), arshaht@mail.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЗНАНИЙ И
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СРЕДЕ РЫБОЛОВЕЦКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ВОДОЕМОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ
(вторая половина XIX–XX века)**

На территории северо-запада России располагаются несколько крупнейших озер Европы (Ладозское, Онежское, Чудское с Псковским, Ильмень, Белое и др.) и существует развитая речная сеть. Использование ресурсов водоемов определило своеобразную культуру населения, проживавшего по их берегам. Одним из основных занятий жителей региона издавна являлось промысловое рыболовство. Его специфика обусловила формирование особых рациональных знаний, отражающих многовековой опыт наблюдений за метеорологическими явлениями, гидрологией и этологией обитателей водной среды, выработку орудий, приемов лова, организацию промысла, а также иррациональные представления об окружающем мире. Традиционная культура населения, проживающего по берегам крупных водоемов, включала в себя как общерегиональные, так и специфически местные компоненты, связанные с природно-географическими, этническими и конфессиональными особенностями. В рассматриваемом регионе кроме русских, проживают прибалтийско-финские этносы: эстонцы, финны, карелы, вепсы, ижора, водь. Со второй половины XIX века все увеличивающаяся ориентация рыболовецкого хозяйства на рынок приводила к изменениям в организации лова, социальной дифференциации, повышению общекультурного и образовательного уровня населения, техническому совершенствованию промысловой деятельности. В то же время рыболовство являлось занятием, которое в значительной степени зависело от природных явлений, которые человек не мог изменить. Этот факт оказывал существенное влияние на устойчивое бытование в среде рыболовов архаичных верований, часть которых сохранялась на протяжении всего XX века. Кроме того, формирование мировоззрения промысловиков происходило под воздействием установлений православия.

ЖАРИКОВА Алла Андреевна

Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь), zh.alla@mail.ru

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ**

В культурной жизни Республики Беларусь происходят процессы, направленные на создание современного социокультурного пространства, воссоединяющего национальные традиции и современные формы межкультурного диалога. Особое место в этом пространстве занимает белорусская национальная культура, развивавшаяся в условиях полиэтничности, так как на исконных белорусских землях

всегда мирно жили (и живут по сей день) представители разных этносов и наций. В этом плане белорусская национальная культура, развитие которой в наши дни получает серьезную государственную поддержку, может служить примером межкультурного диалога.

Сегодня приоритетными для белорусского народа становятся такие ценности, как белорусская государственность, национальная культура, язык, собственная история, национальные традиции, общечеловеческие идеалы добра и справедливости. Именно духовным традициям, историческому наследию принадлежит исключительно важная роль в осуществлении процесса национальной консолидации Беларуси. Возвращение к духовным истокам, объективное изучение достижений прошлого, осознание своего исторического пути, приобщение ко всему богатству общечеловеческой культуры позволит белорусам на равных войти в мировое культурное пространство.

МАГОМЕДОВА Патимат Магомедовна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН (Махачкала), madam.patimat@inbox.ru

ГОРНО-ДОЛИННОЕ САДОВОДСТВО В ДАГЕСТАНЕ: ТРАДИЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Горно-долинное садоводство – традиционная отрасль хозяйства в Горном Дагестане. Важным фактором, определявшим характер развития горно-долинного садоводства и всей хозяйственной деятельности населения, являлись природно-климатические и географические особенности региона. В селениях, расположенных в горных долинах, садоводство было основной отраслью сельского хозяйства. Экономическая стабильность в горно-долинные зоны традиционно достигалась за счет обмена продуктами между жителями равнинных и высокогорных зон. Горно-долинное садоводство оставалось важной отраслью сельского хозяйства Дагестана вплоть до 1990-х годов. В настоящее время в Дагестане, как и в ряде других регионов Кавказа, горно-долинное садоводство переживает тяжелые времена. Существует угроза дальнейшему существованию этой отрасли хозяйства. Для восстановления и развития садоводства в Республике Дагестан принята республиканская целевая программа «Развитие садоводства в Республике Дагестан» на 2011–2016 гг., а 2015 г. объявлен годом садоводства. Цель одна: возродить горно-долинное садоводство. Желательно при этом учесть многовековые традиции и опыт народов Дагестана.

МАЛАКШАНОВА Виктория Баторовна

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова (Хабаровск), malak2801@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В МЕСТАХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

В 2012 г. в Хабаровском крае был проведен мониторинг состояния этноязыковой ситуации в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера

(КМНС). Анкетированием было охвачено 1127 чел., в том числе: нанайцы (792 чел.), ульчи (156 чел.); эвенки (88 чел.), негидальцы (33 чел.); нивхи (27 чел.). Затруднились в идентификации – 19 чел.

В ходе исследования установлено, что языком повседневного общения является русский. Свободно владеют родным языком и пользуются им в повседневной жизни лишь люди старшего поколения (старше 50 лет). Учащиеся (1–11 класс) владеют родным языком на уровне понимания отдельных слов. Наиболее частой причиной переезда из села в город респонденты назвали отсутствие работы, жилья, дошкольных и развивающих учреждений; сокращение медицинских учреждений, способных оказывать квалифицированную медицинскую помощь; низкую заработную плату. Респонденты высказались за внесение графы «национальность» в документы, удостоверяющие личность. Наибольшую угрозу для существования КМНС, по мнению опрошенных, представляют утрата языка, алкоголизм, разрушение природных ресурсов. Результаты анкетирования подтвердили неудовлетворительное состояние преподавания родного языка и культуры в местах компактного проживания КМНС. Расширение сферы общения на языках КМНС края может быть связано с развитием традиционных видов деятельности, обрядовой культуры, поддержанием языковой среды, наличием рабочих мест, социальной защищенностью. Представляется целесообразным проведение исследований с привлечением жителей северных районов края (эвенов, эвенков), ведущих традиционный образ жизни.

МИННИБАЕВА Заря Ибрагимовна

Институт истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН (Уфа), zarymin@mail.ru

НАРОДНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ЗНАНИЯ О РАКОВЫХ БОЛЕЗНЯХ И ИХ ЛЕЧЕНИИ У БАШКИР ЮЖНОГО УРАЛА

По традиционным представлениям башкир, источником некоторых болезней могут служить невидимые черви (*корттар*), т.е. живые вредоносные существа, появляющиеся под кожей по неизвестным причинам. Болезнь называется *сёсё*, *кара сёсё тошоу* («черный сёсё завелся»), или *нзек ауырыуы* («тонкая болезнь»). Эта болезнь приравнивается к раковым заболеваниям, так как *сёсё* также поедает человеческое тело изнутри. Информаторы приводили немало примеров, когда *сёсё* поедает губы, нос или часть лица. Считается, что эту болезнь нельзя вырезать ножом, потому что она имеет множество корней и будет распространяться по всему телу. Мусульманские врачеватели лечили *сёсё* молитвами из Корана. Некоторые знахари поврежденное место смазывали дегтем или же окуривали дымом серы. У татар Башкортостана подобная болезнь называется *тёче*, *тёче ашый* («тёче поедает»), у сибирских татар – *цеце*. Похожее описание болезни мы находим у Авиценны: «рак – это [опухоль] подвижная, разрастающаяся, вредоносная, у которой есть корни, растущие в органах тела»; «Если рак возникает во внутренних органах, то его лучше не трогать». В народе известен случай выздоровления от рака желудка при применении отвара из корней чертополоха. В последнее время при раковых болезнях широко употребляется березовая чага.

НИКИТИНА Галина Аркадьевна

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
(Ижевск), nikitina@udnii.ru

**ТРАДИЦИОННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА УДМУРТОВ**

Развитие кризисных явлений, появление болевых точек в социоприродных системах российских регионов актуализирует необходимость обращения к этноэкологическим знаниям народов России. Цель автора – проанализировать отношение удмуртов к земле, источникам воды, лесу, флоре и фауне, так как практически весь цикл их календарных обрядов был связан с поклонением земле и тому, что она родит. Став в конце XVIII в. православными, удмурты оставались убежденными язычниками по отношению к окружающей природе. «Не навреди, не убий» – таковы были главные принципы их отношения к природной среде. Попил воды – поблагодари источник, бросив в него зеленый листочек. Срубил живое дерево – отдарись куском хлеба, положив его на пень. Не руби дерево, если в семье есть больной: он тоже может умереть. Запрещалось убивать лебедей, ласточек; предупреждали от нанесения вреда лягушкам и жабам. Все в природе взаимосвязано, и убитая лягушка может стать причиной смерти коровы. Знахарки запрещали преемницам рвать лекарственные травы, ягоды и грибы с корнями. К сожалению, этноэкологические традиции забываются, а окружающая среда требует реабилитации. Ждет внимания человека и социоприродная система Удмуртии, особенно леса: после засухи 2010 г. 43 тыс. га занимают погибшие деревья, в 2013 г. было зафиксировано 70 лесных пожаров и 40 – полевых. В водоемах встречаются опасные для здоровья человека вещества.

НОСКОВА Наталья Геннадьевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), noskovanatalia@inbox.ru

**КОРЕЙСКИЕ МИФЫ ОБ ОСНОВАТЕЛЯХ
ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Мифология как неотъемлемая часть традиционной культуры на разных этапах существования общества выполняет свои определенные функции. На этапах становления общества наиболее важной является этиологическая функция. Так, корейские мифы об основателях государств давали объяснения, как и когда были созданы первые государства, рассказывали о предках родов. Позднее необходимость в таких мифах не утрачивается. Помимо того, что они не перестают быть значимым элементом духовной культуры, часть их начинает выполнять идеологическую функцию, как это произошло, например, с мифом о Тангуне. В таком случае сложно говорить о мифе в его первоначальной форме, его содержание корректировалось, а на первый план выходили те элементы, которые соответствовали требованиям времени. Сегодня, учитывая процессы глобализации, а на Корейском полуострове еще и специфику, обусловленную разделением единого этноса, вопросы идентичности становятся особенно актуальными. Представляется существенным обращение к вопросам значимости и применимости корейской мифологии, идей, заложенных в ней, к современности. В корейской

научной литературе эта проблематика активно разрабатывается (Чон Ёнхун, Ян Сынтхэ и др.). В отечественной же литературе этому не уделено достаточно внимания. В свете изучения корейской идентичности, важным, на современном этапе, является рассмотрение таких явлений и идей, непосредственно связанных с мифом о Тангуне, как *танги* (летоисчисления от основания государства Тангуном), государственный праздник *кэчхонджоль* и идея *хоникинган*.

ОМАКАЕВА Элара Уляевна

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста),
elomakaeva@mail.ru

**СУТОЧНОЕ ВРЕМЯ
В НАРОДНОМ КАЛЕНДАРЕ КАЛМЫКОВ:
ЗАПРЕТЫ И ПРЕДПИСАНИЯ**

В калмыцком календаре отражен многовековой опыт общения с природой, народное восприятие времени и единиц его измерения. Смена хозяйственных занятий, изменение ландшафта, природно-климатических условий, трансформация системы жизнеобеспечения определили этнолокальную специфику календарных знаний калмыков. Для отсчета суточного времени используются два синонимичных термина – *хонг* «ночевка; сутки» и *одр* «день», что указывает на то, что в прошлом время исчислялось не днями, как сегодня, а ночами. Дневное время определялось положением солнца на небосклоне в течение дня, ночное – положением луны, звезд и созвездий. Доминирующим маркером времени у калмыков выступает число 3. День, как и ночь, делится на три части: утро, полдень (середина дня) и вечер. Утро *өрүн* состоит из трех периодов: начинается с предрассветного сумеречного времени (*хар өрлэ* – полутьма, время пробуждения), затем наступает середина утра – рассвет (*шар өрлэ*), заканчивается утро восходом солнца. День начинается в *бах үд* (*өрүн үд*) – малый полдень (конец утра), середина дня – *нарн үд* (полдень), конец дня – послеобеденное время *удин хөөн*. Вечер *асхн* начинается с захода солнца, переходное время от вечера к ночи – сумерки, которые делятся на светлые *хо бүрүл* и темные *хар бүрүл*.

Сутки исчисляются 12 двухчасовками, начинаясь с утреннего часа Тигра и заканчиваясь часом Коровы. Разные части суток имеют свою ценность, традиционные табу и запреты актуальны и в контексте современности.

ПЕТРЯШИН Станислав Сергеевич

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
s-petryashin@yandex.ru

**КАЛЕНДАРНЫЙ КОНТЕКСТ В ПРАКТИКАХ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ ПО СОЗВЕЗДИЯМ
В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
(XIX–XXI века)***

Народная астрономия является малоизученной, но существенной составляющей традиционной культуры русских. Знания о созвездиях (Большая Медведица, Орион, Плеяды) были необходимы, прежде всего, для ориентации во времени в темное время суток. Эти знания получили выражение в

* Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14-01-12014.

особом типе текстов, стремящихся к «формульности», афористичности и содержащих описание положения созвездия и соответствующий ему момент времени (например: «Лось хвостом на восток – утро скоро»). Такое правило верно ориентирует человека во времени только в определенный календарный период, что эксплицитно в текстах не выражается, но может быть выявлено исследованием. На основе архивных материалов, данных картотеки СРНГ, Астрономической картотеки УрФУ была произведена астрономическая реконструкция 80 календарных контекстов. Анализ показал, что определение времени по созвездиям было особенно актуально в октябре–декабре и марте–мае. Молчание информантов относительно календарных контекстов правил объясняется тем, что правила актуализируются по традиции, привычке в конкретных ситуациях (зависящих от хозяйственного календаря) и не актуализируются в другие временные периоды, когда они стали бы нефункциональны и, как следствие, отрефлексированы и эксплицитованы. Анализ материала также позволяет утверждать о консерватизме и преемственности русской этноастрономии в XIX–XXI вв. Прагматическая мотивация знать созвездия исчезает с широким распространением часов, но легендарная привязка многих звезд/созвездий к персонажам христианской мифологии позволяет надеяться, что традиция в эпоху «постсекуляризма» не исчезнет.

ПЛЕБАНЕК Ольга Васильевна

Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова (Санкт-Петербург), plebanek@mail.ru

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ
ГЛОБАЛЬНОГО МИРА**

Существует два основных подхода в антропологии относительно традиционной культуры и будущего человечества. Первый формировался в русле классической научной парадигмы и получил концептуальное выражение в многочисленных теориях «плавления котла», глобальной культуры, теории конвергенции и т.д. Сущность его может быть кратко выражена в следующем: человеческая история универсальна, и культуральные различия обусловлены различной стадией социальной эволюции, а антропологическая перспектива – человечество, единое как антропологический и культурный тип.

Второй подход формировался в русле неклассической научной парадигмы, и он может быть коротко обозначен как диверсификационный. Заключается он в том, что человечество всегда организовано в замкнутые структуры различного типа (цивилизации, этносы) и этногенетические процессы имеют постоянный характер и будут иметь место в будущем.

Современность демонстрирует две противоположные социокультурные и антропологические тенденции: глобализация (унификация в форме вестернизации) и локализация. Постнеклассическая научная платформа позволяет предположить основные антропологические тренды:

- 1) цивилизационная мобилизация (нативизм, индигенизация и фундаментализм);
- 2) культурный ремемберинг: замена традиционализма (альтернативы архаических обществ: искусственная кон-

сервация или исчезновение) игровой и мемориальной формами (реконструкторы, индеанисты, неоязычники);

3) когнитивный поворот (глобальная ориентализация мышления), связанный с исчерпанием потенциала рационального мышления;

4) новая телесность (грациализация, цефализация и ювенализация – видовой тренд и брутальность, культ силы – культурный тренд) – появление нового механизма расообразования;

5) новый институт воспроизводства (семьи).

РОГОВАЯ Галина Николаевна

Институт юридических и политических исследований АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова), svitanoktv@yahoo.com

**МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ УКРАИНЦЕВ**

В современном обществе, где активно обсуждается проблема морально-нравственного воспитания, одновременно назрела необходимость изучения источников фундаментальных этических и нравственных идей и ценностей, которые определяют мировоззрение, стиль мышления и духовные устремления как отдельной личности, так и значительных общностей. В современном молдавском обществе действуют несколько таких мировоззренческих компендиумов, формирующих общественную мораль, в том числе и этнотрадиционный. При этом, значение традиционных культур увеличивается. Известно, что под знаменами «возвращения к самобытности» прошла демократическая революция 1990-х в Молдове. В результате демократических перемен украинцы Молдовы, как и иные этнические сообщества, получили широкие возможности для сохранения и развития родного языка, традиций, национальной культуры. Даже в условиях диаспоры украинцы остаются продуктом воспитания в традициях своего народа. Подтверждением тому является отношение к семье, как к домашней церкви, к ее созданию на основе любви. Требования морали воплощены в народных поговорках и присказках, в свадебных обрядах и песнях. Морально-нравственные регламентации присутствуют и воплощаются в поучениях украинцев почитания орудий труда, домашней утвари, дабы все это не нарушало семейной гармонии. В украинской народной традиции содержатся нормы и правила общежития, совместного труда и конструктивного общения. Важное морально-этическое значение имеют также обычаи, воспитывающие культуру взаимоотношений с природой, что происходит посредством участия в обрядах и обычаях, которые живы до настоящего времени в местах компактного проживания украинцев в Молдове.

РУДНЕВ Вячеслав Валентинович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), roudnev@mail.ru

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ПРОБЛЕМА
МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ**

Зависимость современного общества от природных ресурсов определяет актуальность внимания общества к состоянию возобновляемых природных ресурсов. Достижения индустриального общества способствовали рождению

представлений о том, что путь интенсивной эксплуатации природы позволяет решить большинство возникающих проблем. В XX в. радикальный рост достижений в разных сферах жизнедеятельности общества был связан с реализацией модели природопользования, ориентированной на постоянное увеличение прессинга на природу. Эта модель, исправно обеспечивавшая обществу успех хозяйственной деятельности, достаточно эффективно работала до тех пор, пока не заявила о себе проблема истощения и деградации ресурсов. Избыточный прессинг индустриального общества на природу непрерывно возрастал и негативно отразился на состоянии возобновляемых ресурсов (отмечается нарушение механизма естественной саморегуляции биосферы, имеющего фундаментальное значение для поддержания жизни на планете). В культуре народов Евразии доиндустриального периода представлены не только оригинальные технологии, эффективно адаптировавшие хозяйственную деятельность к локальным природно-климатическим особенностям, но и закреплены представления о зависимости человека от природы, о его органичной и сложной включенности в мир природы. Это обеспечивало народам доиндустриальной эпохи возможность вести из поколения в поколение достаточно успешную жизнеобеспечивающую деятельность и минимизировать последствия вмешательства в природу. Технологии индустриального периода способствовали снижению непосредственной зависимости человека от природы.

САВОСТЬЯНОВА Ольга Петровна

Московский государственный объединенный музей-заповедник (Москва), savostianovaolga@rambler.ru

**ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КРЕСТЬЯН СЕЛА КОЛОМЕНСКОГО XVII в. –
1940-е годы (традиционность и специфика)**

По сведениям письменных источников, в Подмоскovie на протяжении XVIII–XIX вв. прослеживалось увеличение размеров земель за счет осушения болот и расчистки поймы Москвы-реки, при этом расширялась территория огородничества и садоводства. К началу XIX в. определились два направления хозяйственной деятельности: в низменной пойме Москвы-реки развивалось овощеводство (капустники), на берегу – в возвышенно-овражной части – преимущество получило развитие садоводства. Одновременно сложилась местная специфика посева, сохранения урожая, его обработки и консервации. В результате, хозяйственная деятельность крестьян Нагатинской волости в конце XIX в. приобрела промышленное значение. Традиционные методы обработки и содержания земли, ведения хозяйства сохранялись крестьянами-единоличниками и после установления советской власти до 1930-х годов. В колхозном хозяйстве применялись новые агротехнические методы, однако, несмотря на это колхозники старались использовать известные им приемы. Местные оригинальные методы крестьян привлекли внимание ученых сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева. В 1960-е годы земли объединенного подмосковного колхоза имени Н.С. Хрущева вошли в состав Москвы. Деятельность колхоза была прекращена, но некоторые традиции бывшие жители сел сохранили.

СИВУРОВА Любовь Петровна

Белорусский государственный университет культуры и искусств (Минск, Республика Беларусь), lsivurova@tut.by

**ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В
ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
БЕЛОРУСОВ (XX – начало XXI века)**

Традиционное мировоззрение белорусов сформировалось в устойчивых условиях сельской жизни, где важное значение имели внутрисемейные связи, механизмы хозяйствования, отношения с окружающей социальной и природной средой. Отличительные качества традиционного мировоззрения выражаются в животноводческих обычаях, обрядах, ритуалах, народном устно-поэтическом творчестве. Жизненные цели белорусов в животноводческой деятельности – состоятельность, достаток, доходность хозяйства, прирост стада, сохранение его целостности, здоровья. Мировоззренческие принципы животноводческой деятельности белорусов: коллективность, добрососедство, взаимопомощь, рациональность, достаточность, экологичность. В календарных обычаях и обрядах проявились мифологические черты традиционного мировоззрения белорусов: разделение природного и социального окружения на «свое» и «чужое», дискретность в восприятии пространства и времени, подчиненность природным ритмам, магическая деятельность с целью установления гармонии и порядка, синкретизм сознания, рациональные принципы приобретения знаний и навыков ведения животноводческой деятельности; моделирующий, прогнозирующий характер обрядовой деятельности с целями очищения (катартическая магия), придания здоровья, предохранения от опасности и вредоносного воздействия (апотропейная магия), обеспечения плодovitости в будущем сезоне (продуцирующая магия). Традиционное мировоззрение – динамическая система, которая постоянно эволюционирует. В мировоззрении белорусов выделены этапы эволюции на протяжении XX – начала XXI века: (1) начало XX века – сохранность мифологических черт (антропоморфические, анимистические и тотемистические верования, метаморфизм, гомоморфизм); (2) вторая – третья четверть XX века – постепенная трансформация в каждом новом поколении (демифологизация, переход сакральных знаний, умений и навыков в пассивное состояние); (3) последняя четверть XX – начало XXI века – интенсивная динамика.

ТАДЫШЕВА Наталья Олеговна

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск), tadisheva@mail.ru

**ИЗМЕНЧИВОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ
СЕМЕЙНОЙ ОБЯДНОСТИ АЛТАЙЦЕВ:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ**

Представленный материал выявляет процессы трансформации и степень устойчивости традиций, отражает систему ценностей алтайского общества, а также гибкость и вариативность этнических ценностей. Следует отметить, что многие элементы семейных обрядов были трансформированы вследствие изменения образа жизни. Это касается поклонения духам-хозяевам (*ээзи*) гор, перевалов, *ээзи* огня, обряда *айылдатырганы* (гостевать), родильных

обрядов. Значительную роль в детерминации культуры играет внедрение предметов, рациональных норм, ценностей, а также инновационно-поисковая деятельность, направленная на сознательный отход от устоявшихся норм и использование новых образцов поведения. Современная трансформация традиционного мировосприятия провоцируется усилением этнической идентификации и «обновленным» позиционированием в социальном пространстве. Устойчивость общества достигается и путем современного восприятия прошлого – алтайское население активно обращается к традиции и формирует концепцию культурного наследия. Сохранение обряда *койу кёчэ* (при достижении ребенком 1 года), обряда заплетения кос (при замужестве), обряда чачылгы (во время поминок) и других свидетельствует о значимости обрядов в современном сознании алтайского населения. Культура содержит в себе как устойчивые, так и изменчивые моменты. Современная устойчивость, «инерционность» культуры базируется на традиции, которая сохраняется в некоторой степени благодаря новациям, то есть изменчивости. Хотя изменения коснулись представлений о некоторых обрядах, и значительно трансформировался внешний облик и даже внутреннее содержание ритуалов, но и сегодня семейная обрядность алтайцев включает в себя комплекс обычаев, представлений, семейно-родственных отношений, верований, которые характеризуются связью с прошлым, что обеспечивает сохранение преемственности.

ТЕМПЛИНГ Владимир Яковлевич

Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень)
tmp1@mail.ru

НАРОДНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ЗНАНИЯ: МЕЖДУ НАУКОЙ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ

Полевые исследования демонстрируют, что современные носители традиционных знаний, в частности врачевательных, для пополнения своего багажа в достаточной мере используют и научные публикации (Е.Е. Ермакова, Е.В. Публичук, А.Л. Топорков). Если раньше инкорпорация определенной части народных медицинских знаний в сферу научной медицины, включение фольклорных текстов в научный оборот, мыслились совершенно естественными, то сейчас ученые, собиратели и публикаторы фольклорных текстов и других материалов, относящихся к народной медицине, становятся своеобразными ретрансляторами традиционных знаний. Наблюдается как бы обратный переток знаний из сферы научной в сферу повседневности (информант > собиратель > информант). Создается впечатление, что это исключительно современное явление, сложившееся под влиянием целого ряда причин. Однако это утверждение может быть поставлено под сомнение. В докладе, на основе конкретно-исторических примеров (XVIII–XX вв.), будет продемонстрировано, что обратный переток информации существовал, по всей видимости, изначально, с тех самых пор, как начались процедуры собирания и, самое главное, широкой публикации материалов. Время внесло лишь определенные коррективы в этот процесс, и они связаны, прежде всего, с развитием грамотности и массового книгопечатания, с облегчением доступа к публикациям.

ТХАГАПСОВА Галина Григорьевна

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. Керашиева (Майкоп), galinatxa@mail.ru

РОЛЬ ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ «АДЫГАГЪЭ» В СОХРАНЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ В АДЫГСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Сложность социальных отношений в современном глобализирующемся мире актуализирует значимость изучения социального здоровья человека, которое рассматривается нами как состояние организма, определяющее способность человека контактировать с социумом. Этическая система «адыгагъэ» (адыгство) – это исторически сложившаяся духовно-нравственная модель мышления и поведения, в которой соединены воедино моральные (прежде всего, этикетные) и юридические правила и установления, являющаяся структурообразующим стержнем адыгского общества. Адыгство имеет пять этических постоянств: *цлыфыгъэ* – человечность, способность проявлять участие, оказывать помощь, поддержку; *нэмыс* – почтительность, деликатность, воспитанность; *акъыл* – разум, который позволяет контролировать чувства и эмоции; *лыгъэ* – мужество; *напэ* – честь, совесть, репутация; *гучлэгъу* – эмпатия. Этическая система «адыгагъэ» веками поддерживала жизнеспособность адыгского общества, являлась духовно-нравственным ориентиром в его историческом развитии. Образуя основу социального здоровья общества, адыгство способствовало социализации личности и минимизировало девиантные формы поведения адыгов. Нормы и правила поведения в семье (и обществе) снижали уровень стрессовых и конфликтных ситуаций, что объективно снижало риск заболевания сердечно-сосудистыми и нервно-психическими заболеваниями, т.е. способствовало увеличению продолжительности жизни. Отсутствие в адыгском обществе проблем беспризорности и брошенных детей обусловлено высоким уровнем требований, которые заложены в «адыгагъэ» и касаются ответственности семьи, рода и общества за воспитание детей. Таким образом, *адыгагъэ*, как система морально-правовых и этических норм, играло решающую роль в сохранении социального здоровья человека и общества, поддерживая устойчивость и поступательное движение общества.

ФАЕРМАН Андрей Валерьевич

ФАМ Кам Ньунг

Томский политехнический университет (Томск), andorey2010@mail.ru

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОГО ВЬЕТНАМА

История Вьетнама XX – начала XXI века полна потрясений и перемен, как политических, так и в системе общественных отношений, которые не могли не сказаться на состоянии семьи. Сложная иерархическая система отношений во вьетнамском обществе и семье нашла свое отражение в языке. Человек, говорящий от первого лица, всегда должен именовать себя не местоимением «я», а использовать соответствующий термин, указывающий на его положение относительно своего собеседника. Чаще всего для этого используются соответствующие термины родства – «ребенок», «племянник», «дядя» и т.п. Обращаясь к кому-либо, его также именуют

термином, обозначающим соответствующее положение относительно говорящего. Изменения, происходившие в колониальный период, а также произошедшие в результате освоения Вьетнама, и трансформация политического строя, отразились в языке: некоторые термины исчезли или стали употребляться в ином контексте; одновременно появились и новые термины. Чаще всего это проявляется в терминологии родства, характерной для каких-либо социальных слоев, либо присущих отдельным территориям. Это новое явление позволяет предположить, что изменения, происходящие сегодня во вьетнамской семье, также отразятся в использовании трансформированных терминов родства. Действительно, сложная система тесных семейных отношений постепенно изживает себя, вследствие чего постепенно уходят из обихода некоторые специфические термины, например, *thim* (жена младшего брата по мужской линии), *tho* (жена младшего брата по женской линии) и некоторые другие.

ФРОЛОВА Александра Викторовна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), alexnauka@rambler.ru

ПОМОРСКИЙ НОВЫЙ ГОД: К ВОПРОСУ О КОНТАМИНИРОВАННОМ ПРАЗДНИКЕ

Возникающие многочисленные формы празднеств – необходимый элемент социальной жизни человека, одно из проявлений его общественной силы. В современных условиях процессы развития и видоизменения праздничной культуры принимают свои интересные формы. К таким изменяющимся формам можно отнести своеобразный вид контаминированного праздника, возникшего посредством скрещивания, объединения элементов двух однородных созвучных форм. Насколько интересным явлением стал общероссийский праздник «Русская березка», настолько таким же становится и Поморский Новый год, который уже более десяти лет подряд организует областная Национально-культурная автономия поморов и проводит его в Архангельске. Организаторы не скрывают, что этот праздник – симбиоз поморских и древнехристианских традиций. Изучение современных праздников показывает, что на разных этапах истории появляются новые торжества, отвечающие запросам времени. Большинство из них – недолговечны, и лишь некоторые входят в праздничный календарь народа, если не навсегда, то на многие десятилетия.

ЧИГРИНА Елена Владимировна

Томский государственный педагогический университет (Томск),
lena4igrina@mail.ru

РОДИЛЬНЫЙ ОБРЯД ВЧЕРА И СЕГОДНЯ (на примере томских татар)

Общеизвестно, что татары строили семейную жизнь на основе Корана и шариата. Именно религия во многом послужила основой формирования современной культуры и традиций всех групп сибирских татар, в том числе, и томских татар. В обрядах, связанных с рождением, можно проследить соединение языческой и мусульманской традиции в культуре томских татар. Родильные обряды открывают жизненный цикл человека, так как в системе этнических ценностей особое место приходится факту рождения ребенка как наследника, про-

должателя рода. Согласно традиционным верованиям, строгое соблюдение обрядов, связанных с периодом беременности, родами и уходом за новорожденным, способствовало сохранению здоровья матери и ребенка, а также обеспечивало будущее благополучие и счастье родившемуся в течение всей последующей жизни. XX век внес существенные коррективы во все сферы жизни. Формирование общесоветских форм быта, сближение с русскими, оказало влияние на изменения в обрядах родильном и наречении именем. Ряд обрядов отошли сами собой, поскольку роды стали принимать в больнице.

ШЕВЧЕНКО Яна Сергеевна

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь),
Yana010891@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ БЕЛОРУСОВ О ДИКОРАСТУЩИХ РАСТЕНИЯХ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Мир дикорастущих растений в традиционных представлениях белорусов мог рассматриваться через призму верований о «своем» и «чужом» мире, а степень принадлежности и близости определенных растений к одному из полюсов данной оппозиции была обусловлена природными особенностями самого растения. Наличие или отсутствие плодов, местонахождение растения, лекарственные или ядовитые свойства и т.д. влияли на отношение представителей традиционного общества к дикорастущим растениям, и, соответственно, на использование растений в повседневной жизни, семейной и календарной обрядности. Спецификой представлений белорусов о дикорастущих растениях, в отличие от других славянских народов, является ее амбивалентный характер. Дикорастущие растения в рамках традиционной семейной обрядности белорусов были наделены мужской и женской символикой и отражали важнейшие периоды человеческого бытия, его переходные (лиминальные) этапы – рождение, свадьба, смерть и т.д. Дикорастущие растения использовались представителями традиционной культуры в ритуально-магических практиках и обладали определенными ритуальными функциями, важнейшими из которых являлись *медиативная* (связующее звено в ритуалах и обрядах), *апотропейная* (оберег от различных вредоносных воздействий) и др. Дикорастущие растения были неотъемлемой частью календарной и семейной обрядности белорусов и способствовали сохранению ощущения психологического комфорта, обеспечивая благополучие населения.

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), sherstova58@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ (КОНСТРУИРОВАНИЯ) ТРАДИЦИЙ*

Проблема изучения процесса и содержания конструирования этнических традиций является одной из акту-

* Исследование по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» выполнено при поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009.

альных в современной этнологии. При этом элементы «новых» «возрожденческих» идеологий и практик рассматриваются, как правило, вне изучения этнического состояния и направленности этнических процессов, протекающих в конкретных этносах. Следствием этого является невозможность определения значимости, закономерности и функциональной необходимости появления разнообразных идеологических конструктов. Между тем, следствием превалирования консолидации, даже локальной на каждом этапе существования этноса (этнических и этнографических групп, национальных меньшинств, диаспор) является реанимация либо актуализация оппозиции «свой–чужой». Это приводит к сознательному поиску национальной элитой того, что отличает «собственный» народ от других и сознательному гипертрофированию таких различий. При этом большие сложности создаются во взаимоотношениях с народами, чья культура наиболее близка. В этой ситуации выбираются символы этнического единства, прямо противоположные по своей значимости аналогичным в близкородственной культуре. Исходя из того, что любая традиция, когда-то бывшая новацией, полисемантична, она становится источником прямо противоположных «новых» конструктов. В качестве еще одного источника выступает историческая память, на основе которой также конструируются собственные маркеры.

ШМАКОВА Анна Сергеевна

Новосибирский государственный национальный исследовательский университет (Новосибирск), shmakovaa@yahoo.com

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОТОТИПОВ МЫШЛЕНИЯ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕЙЦЕВ

В первой половине XX века Корейский полуостров столкнулся с серьезной проблемой необходимости защиты собственной культуры от японских колонизаторов. Конфликт культуры-захватчика с доминирующей корейской культурой вызвал кризис этнокультурной идентичности, преодоление которого было бы невозможно без усилий интеллигенции, коллекционеров, литераторов, художников и теоретиков искусства, направленных на возрождение национальных традиций. Среди множества способов актуализации национального самосознания и определения места корейской культуры в условиях отсутствия поддержки со стороны колониального правительства наиболее действенной оказалась визуализация национальных прототипов корейского менталитета – предметов искусства, письменных, археологических и эпиграфических источников. Появление частных музеев и выставок способствовало консолидации

корейского этноса, укреплению ядра традиционной культуры, и, кроме того, препятствовало разграблению страны. Наиболее заметной и ценной коллекцией предметов корейского искусства является собрание коллекционера Чон Хёнпхилиа (1906–1962, литературный псевдоним Кансон), представленное в Музее искусства Кансона (Сеул) с 1938 г. В коллекции 5000 предметов, из них 12 включено в Список национального достояния. Для изучения предметов коллекции Кансон также основал исследовательский институт Пуктанджан. В настоящее время с данной коллекцией можно ознакомиться в Музее дизайна, который находится в комплексе «Дизайн-плаза и парк Тондэун» (Dongdaemun Design Plaza; DDP) (Сеул).

ШУМСКИЙ Константин Анатольевич

Институт культуры Беларуси (Минск, Республика Беларусь), k.shumski@tut.by

ТРАДИЦИОННЫЕ АГРОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ И СОВРЕМЕННОЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Начиная со второй половины XX века, земледелие перестало играть ведущую роль в жизнеобеспечении белорусского этноса, определять его материальную, духовную культуру, образ жизни, вследствие чего сфера применения традиционных агрономических знаний значительно сузилась. В практике хозяйственной деятельности используются только отдельные элементы народных знаний о зерновых культурах, связанные с последовательностью их посева и удобрением почв. В то же время сложились более благоприятные условия для сохранения и применения знаний, которые используются при выращивании огородных овощных культур и картофеля. Несмотря на то, что природно-климатические условия, образ жизни крестьян и способы проведения полевых работ кардинальным образом изменились, особенно в конце XX – начале XXI века, рациональные традиционные знания белорусов в области полеводства, огородничества, садоводства используются и в современном сельскохозяйственном производстве, особенно в фермерских и частных подсобных хозяйствах, работающих в сфере агротуризма и занимающихся выращиванием экологически чистой, «органической» продукции. Пристальное внимание не только ученых-этнологов, но и аграриев-практиков, в первую очередь, привлекают механические (ручной сбор) и биологические (посадка в междурядьях лука, чеснока, укропа) средства борьбы с вредителями овощных культур; народные способы сбережения влаги в почве, борьбы с сорняками; выявленные в результате многолетних наблюдений взаимосвязи между суточными сроками косы и качеством сена, а также влияние фаз луны на благоприятный или неблагоприятный результат различных агротехнических работ.

**Секция 30
РИТУАЛ И КУЛЬТ:
ОТ ПОЛЕВОЙ ЭТНОГРАФИИ К
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Николаева Дарима Анатольевна – д.и.н., профессор, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств (Улан-Удэ)

E-mail: darimn@rambler.ru

Кузнецов Игорь Валерьевич – к.и.н., доцент, Кубанский государственный университет (Краснодар)

E-mail: igorkuznet@gmail.com

АГАБАБЯН Арусяк Гришаевна

*Кубанский государственный университет (Краснодар),
agababyan.arusayk@yandex.ru*

**ФАМИЛЬНЫЕ МОЛЕНИЯ АБХАЗОВ
В БЗЫБСКОЙ (ЗАПАДНОЙ) АБХАЗИИ***

В системе религиозных воззрений абхазов (в том числе и бзыбских), согласно утвердившейся еще в советские годы формальной классификации, принято отдельно выделять фамильные или родовые моления. Консолидация и интеграция в рамках выделенных сообществ (род и его абипара – разветвленные абхазские линиджи) способствуют продолжению функционирования культов, несмотря на воздействие внешней селекции. Так, самыми известными церемониалами такого типа являются: Аг(а)-ныха («морское поклонение» рода Ампар, исторически связанное с черкесским культом Ахына), Лейаа-рныха (моление Лейба, имеющее параллельный вариант в Абжуйской Абхазии среди родственной фамилии Адлейба и восходящее к культу Псху-ныха/Инал-Куба), Лых-ныха (храмовый праздник в с. Лыхны, отмечаемый преимущественно родом Шакрыл в день Пасхи), Лапыр-ныха (на отправление культа претендуют несколько семей), Агырдз-ныха, Дыдрипш-ныха и др.

Рассматриваемые культовые практики, на первый взгляд совершенно самостоятельного характера, во многих случаях оказываются дочерними по происхождению или своего рода «осколками» основного, материнского культа (отсюда еще один вариант их названия – «доли божества»). Подобные ситуации становились допустимыми в силу разных обстоятельств: трансформация храмового или сельского праздника; выселения/переселения из мест, где располагалась главная святыня; частные случаи обращения к святыне, в честь которой при удачном разрешении проблемы принималось решение устраивать ежегодный молебен, позже адаптированный под культ на фамильном/родовом уровне и т.д. Эти явления свойственны для большинства бытующих по сей день фамильных молений в Бзыбской Абхазии.

* Работа выполнена по гранту фонда «Volkswagen Stiftung», программа «Between Europe and the Orient – A Focus on Research and Higher Education in/on Central Asia and the Caucasus», проект № 86427 «Transformation of Sacred Spaces, Pilgrimages and Conceptions of Hybridity in the Post-Soviet Caucasus» (Соруководители: Кевин Тьюйт, Флориан Мюльфрид, Левон Абрамян, Игорь Кузнецов).

АРТЕМОВА Ольга Юрьевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), artemova.olga@list.ru*

**ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ БУШМЕНОВ
ЮЖНОЙ АФРИКИ И КОРЕННЫХ
АВСТРАЛИЙЦЕВ: КАК ОНА ОТРАЖЕНА
В ИХ ФОЛЬКЛОРЕ**

В работе представлен сравнительный анализ фольклорных произведений бушменов *ксам* и австралийских аборигенов этнолингвистической общности *вик*. Демонстрируются существенные различия между первыми и вторыми в сюжетах, образах и художественных средствах, с помощью которых раскрывается содержание нарративов. Так, анализ оригинальных текстов и их подстрочных переводов на английский язык показывает, что мифы и былички *вик* представляют собой скорее сценарии для драматических инсценировок, нежели устные рассказы, в то время как мифы и былички бушменов *ксам* – это повествования в полном смысле слова, чрезвычайно длинные, изобилующие повторами. В произведениях *вик* с особым вниманием, можно сказать со вкусом, изображается множество ссор и драк между персонажами в сопровождении весьма реалистических деталей, отражающих бытовавшие у создателей текстов приемы боя в диадных поединках и групповых столкновениях. В текстах *ксам* этого почти нет, но напротив, есть указания на то, что ссоры и драки достойны осуждения и должны пресекаться. Наибольший накал эмоций в мифах и быличках *мункан* характерен для персонажей, которые показаны как мужья и жены или любовники, в то время как в текстах *ксам* отражаются эмоции, присущие близким кровным родственникам. Интерес представляет проблема поиска истоков этих различий в этнографической реальности бушменов.

АРТЕМОВА Юлия Александровна

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва), redfox712002@yandex.ru*

**ОБРАЗ ТРИКСТЕРА И ЕГО РОЛЬ
КАК КУЛЬТУРНОГО ГЕРОЯ**

Отталкиваясь от наблюдения Э. Лича о том, что все духовные идеи люди материализуют двумя основными способами – либо представляя их в мифологических и фольклорных сюжетах, либо создавая особые материальные объекты, которые служат воплощением метафизических идей и соответствующей им ментальной среды, – мы хотим рассмотреть в тексте

(миф) и практическом действии (ритуал) конкретную разновидность этих культурных явлений, а именно, смеховые мифы и ритуалы и попытаться ответить на вопрос, какие же идеи обретают метафорический облик конкретно в этих культурных явлениях. Культура снабжает человека готовыми, наработанными приемами поведения, которые позволяют с минимальными энергозатратами поддерживать существование как социума в целом, так и каждого человека в условиях социума. Одна из функций смехового поведения, во всех его разнообразных формах, – разрушение стереотипного и стандартного поведения и видения. На кросскультурном материале трикстерских сюжетов и ритуальной клоунады мы попытаемся показать, что непосредственная задача смехового поведения – никак не указание нового пути, но именно столкновение человека с пути привычного. Таким образом, функция трикстера/ритуального клоуна – не предлагать новую модель поведения, а разрушать старую, указывая людям на пределы ее состоятельности. В связи с этим рассматриваемый социальный феномен содержит большой потенциал для культурного развития.

БЕКМАГАНБЕТОВА Мадина Сериковна

Новосибирский государственный университет (Новосибирск),
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(Астана, Республика Казахстан), diks1991@mail.ru

КУЛЬТ СВЯТЫХ И МЕСТА ПОКЛОНЕНИЯ В МИФО-РИТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ КАЗАХОВ

В Казахстане высоким статусом священного места обладают мазары. В 2006 г. в урочище Ескельды Баянаульского района над могилой объявленного святым при жизни Машхур Жусупа был воздвигнут мавзолей. К культовому сооружению ведет лестница с 73 ступеньками, символизирующими его возраст. В первом пролете – 13 ступеней, остальные марши по 12 ступеней – согласно казахскому летоисчислению, Машхур-Жусуп прожил шесть *мушелей* (промежутков жизни в 12 лет), первый из которых наступает на 13 году жизни. По бокам лестницы установлены мраморные стелы со стихами святого.

В архитектуре мавзолея соединены исламский и казахский стили; он разделен на две залы. Первая предназначена для молитв и отдыха посетителей. На дверях, ведущих в следующий зал, начертаны суры из Корана.

Прах Машхур-Жусупа покоится под гранитным надгробием; у его изголовья *кулытас* высечены имена предков покойного. Надгробие состоит из трех частей: нижняя – загробный мир, средняя – царство живых, верхняя – мир духов.

В почитании этого места, как и других мазаров, соединяются канонический ислам и архаические традиции казахов. Обряд поклонения святыням включает в себя круговые обходы памятника (*таваф*); молитву у святилища и внутри; прикосновение как источнику силы; купание в ручьях и озерах у святого места (как очищение от грехов); повязывание лоскутков к деревьям, столбам, ручкам двери (как привязка просьбы о благословении к святыне); жертвоприношение.

БЕЛУРОССОВА Светлана Юрьевна

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург),
Svetlana-90@yandex.ru

ОБРЯД АШ БИРУ В КУЛЬТУРЕ НАГАЙБАКОВ

Аш биру («давать суп», «давать пищу», «давать обед») или Большие поминки – поминальный обряд, который про-

водит семья (или один человек) по усопшему близкому родственнику – отцу, матери, брату, сестре, мужу, жене, детям. В обряде принимают участие несколько десятков (не менее сорока) человек.

Аш биру проходит в течение двух дней – начинается ранним утром с закалывания жертвенной коровы, затем продолжается праздничной трапезой и заканчивается глубоко за полночь. На следующий день посещают могилы усопших родных, после чего вновь собираются на обед в доме покойного. Каждая семья приносит с собой на общую трапезу *таба* (чашу с угощениями). Пищей из разных *таба* за общим столом поминают по очереди всех родственников.

Распределение *таба* является ключевым эпизодом обряда, поскольку соединяет за одним столом души всех родных. Поминовение одного из них (того, по которому проводится *Аш биру*) оказывается поводом помянуть всех. Тем самым происходит ритуальное укрепление родства живых и умерших. Обряд убеждает в том, что после смерти человеку не грозит одиночество, он всегда будет окружен родней.

БОЛХОСОВ Станислав Борисович

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств (Улан-Удэ), stanislav_bolhos@mail.ru

ОБРАЗ БОГИНИ-МАТЕРИ В КУЛЬТЕ ГОР У ПРЕДБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ

В настоящее время наблюдается всплеск интереса к традиционным верованиям народов Сибири как уникальным культурным явлениям. В этом отношении среди изучаемых проблем, связанных с традиционными культами, вопросы, имеющие отношение к почитанию природы, ее объектов и стихий, занимают особое значение в этнографической науке. Так, у бурят почитание природных объектов носит архаические черты, оно не является канонизированным и вследствие этого дает основание для решения вопроса о его происхождении и ранних формах. Например, ритуалы, связанные с культом гор, еще не стали прерогативой шамана. Обрядовые действия совершаются при большом стечении народа старейшинами родов. Причем, молебствия сопровождаются грандиозными жертвоприношениями. Горы почитаются как обители божеств, а именно – чертоги богинь. К числу таких священных гор у предбайкальских бурят относится гора Байтог, которая по их представлениям считается главной святыней, сакральным центром эхиритского племени. Вершина горы считается местом пребывания богини-матери, с именем которой связано много мифов, мифологических мотивов и преданий, восходящих к древним культурам и этносам, населявшим много веков назад территорию Предбайкалья.

БРЕУС Елена Михайловна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), len-breus@yandex.ru

КУЛЬТ ГОСПОДИНА ЗЕМЛИ НА ТАЙВАНЕ – ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРАДИЦИИ

Культе Господина земли, или Тудигуна, распространен повсеместно на Тайване. Храмовые объединения этого божества выполняют социально-структурирующую роль. Они появились здесь гораздо раньше, чем остров был ох-

важен администрацией императорского Китая. В наши дни традиция сохраняется. Жизнеобеспечение храмовой жизни и самого сообщества поддерживается за счет финансовых операций, совершаемых от имени божества управляющими храма. Это позволяет аккумулировать большие суммы денег, которые расходуются на социальные мероприятия. Храм становится центром не только религиозной, но и политической жизни данной местности. Церемониал, в свою очередь, не только сохраняется, но и адаптируется к вызовам нового времени. Так, в канву ритуального празднования Дня Рождения Господина земли (Тудигуна) включаются не только традиционные сюжеты, но и, например, такие, как современные клубные танцы, позволяющие по-новому интерпретировать традицию.

БУРНАКОВ Венарий Алексеевич

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
venariy@ngs.ru*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ХАКАССКОГО ФЕТИШИЗМА: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ (конец XIX – XX век)

В духовной культуре хакасов существенное место отводилось фетишизму. В народе фетиши назывались *тöс* 'ами. Эти сакральные предметы на протяжении более чем трех столетий неизменно вызывали большой интерес у всех тех, кто соприкасался с культурой этого народа. В дореволюционной российской, а позже и советской и постсоветской этнографической науке к изучению данного этнокультурного феномена обращались многие исследователи. Среди них выделяются, такие, как П.С. Паллас, Г.И. Спасский, Д.А. Клеменц, А.В. Адрианов, Н.Ф. Катанов, Д.К. Зеленин и многие другие.

В мировоззрении хакасов *тöс* 'ы выполняли сакральную функцию и выступали в качестве семейно-родовых охранителей и покровителей, связанных с культом плодородия. В хакасской традиции был оформлен целый комплекс молитвенных обращений – *алгыс* 'ов, адресованных этим покровительствующим духам. Установлено, что почитание *тöс* 'ов было обусловлено шаманской практикой, тотемными культами и поклонением духам природы, а также предкам. С *тöс* 'ами была связана обрядовая практика посвящения определенных животных – *ызых* 'ов (коней, коров, баранов). В советский период истории данный культ был запрещен и в результате административных мер прекратил свое существование.

ВАСИЛЬЕВ Валерий Егорович

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), valera305@mail.ru

МОНГОЛЬСКИЙ ХУУР – ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ?

В государственном музее Улан-Батора выставлен инструмент *хуур*, найденный в результате раскопок древней могилы на Алтае. В аннотации экспоната написано, что древнетюркские руны, вырезанные вдоль грифа и на корпусе смычкового инструмента *йайалыг*, гласят, что он

принадлежал воину Чуре, известному в народе как «Йайа огыл» («Сын мелодии»). Подобный инструмент тюркские народы называют *кобыз*, а монголы – *морин хуур* (лошадь-хуур). Согласно легенде, *кобыз* создал первый шаман *огузов* Коркут, который был рожден кобылицей и появился на свет «в рубашке». Рождение *кама* Коркута из чрева лошади наводит на мысль о том, что полые шаманские инструменты были связаны с культом богини Умай, имевшей черты тотема. На это намекает сцена, вырезанная на днище *хуура*: охотник с пятью собаками гонится за пятью оленями. Видимо, здесь отражены пять месяцев весны и лета, которые у тюрков назывались по именам диких парнокопытных. Этимология термина *хуур* может восходить к древнетюркскому «хугурсах/хохурсах» (желудок). Корень этого слова сохранился в монгольском «хёхур» и якутском «кёгуёр» (мех для хранения кумыса). При этом у якутов орнамент лиры *кёгуёр* был символом женского начала. В свете этого *кобыс* можно сопоставить с якутским «хобусун» (колдовство). Очевидно, имя первого алтайского шамана *Абыс* также связано с чарующим инструментом. Таким образом, эти ритуальные инструменты должны были применяться в обрядах культов плодородия, промысловой охоты и скотоводства.

ДАШИЕВА Надежда Базаржаповна

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств (Улан-Удэ), dashieva-n@yandex.ru

КУЗНЕЧНЫЙ КУЛЬТ БУРЯТ В СВЕТЕ ИСТОРИИ МЕТАЛЛА В ЕВРАЗИИ

В конце XIX – начале XX века у бурят-шаманистов функционировала сложная система кузнечного культа. В его структуру входили мифы о происхождении кузнечества и металла с неба; пантеон небесных богов Грозы с функциями кузнецов; обряды поклонения божествам-покровителям кузнечного ремесла и духам-предкам кузнечных родов; сакрализация кузницы и кузнечных инструментов как семейно-родовой святыни; воззрения на кузнеца как на сакрального члена коллектива с функциями жреца и лекаря.

Несмотря на ряд особенностей, в кузнечном культе локальных групп достаточно четко проявляются два исходных архетипа, обусловленных хозяйственно-культурными типами кочевников с табунным разведением коней и оседлых и полuosедлых скотоводов с разведением крупного рогатого скота и земледелием. В своей основе кузнечный культ бурят обнаруживает множество параллелей у различных как по культуре, так по этническому и лингвистическому характеру народов, проживающих на евразийском пространстве. Его структурное ядро, ведущие термины и их мифологическая семантика имеет ряд параллелей у древних насельников Ближнего Востока – хаттов, хеттов с индоевропейским языком и народов абхазо-адыгской группы кавказских языков. Сочетание лингвистических и мифологических фактов кузнечного культа бурят с фактами археологии свидетельствует об универсализме и длительной временной стабильности воззрений о кузнечестве у населения евразийских степей, начиная с эпохи развитой бронзы, усиливаясь в железном веке, обусловленном складыванием кочевого скотоводства.

КАРА-ООЛ Чинчи Александровна

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств (Улан-Удэ), Chinchi.Karaool@mail.ru

ДЕТСКИЕ ОБЕРЕГИ КОЛЫБЕЛЬНОГО ПЕРИОДА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТУВИНЦЕВ

В традиционной культуре тувинцев обереги были весьма важными в деле магической и сакральной защиты ребенка, особенно на самом начальном этапе его жизни, который называется «колыбельным». Мы выделяем три вида оберегов. К первому относятся живые люди, а именно, родная по крови мать, поскольку считалось, что ребенок и мать являлись *торээн хан* – «частицами одной крови», благодаря чему ребенок получал мощную защиту от матери через ее молоко, грудь и тело. Но подобную защиту ребенок мог получить и от повитухи, которая перерезала пуповину и тем самым также имела дело с его кровью. Ко второму виду относятся предметы, связанные с культом матери-прародительницы Умай. Во-первых – колыбель (*кавай*), которую тувинцы ассоциировали с «гнездом ребенка». Во-вторых, нож и ножницы (*бижек*, *хачы*), которые клали под люльку (*кавай*), на которой лежал младенец. В-третьих, оберег в виде тряпчатой куклы (*чуглуг ээрен*). И, наконец, предметы, связанные с миром природы, когда младенец получал магическую защиту от сакральных животных – это когти медведя (*адыг дыргаа*) и клыки марала (*сыын дижи*). Данные обереги выполняли важнейшие функции, призванные защитить ребенка от злых духов, «дурного глаза», и в то же время наделить его силой, здоровьем и т.д.

КОЛЕСОВ Владимир Игоревич

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына (Краснодар), kolesov_v@yahoo.co.uk

ЛЕЧЕБНЫЙ ИСТОЧНИК И/ЛИ «СВЯТОЕ» МЕСТО (практики секулярно-религиозного гибрида на Северо-Западном Кавказе)*

В Крымском районе Краснодарского края недалеко от станицы Неберджаевской, в урочище Грушевая балка находится место, называемое населением «Святая ручка», представляющее на данный момент целый комплекс – несколько мест поклонения, оформленных за последние двадцать лет церковными строениями, источник со «свядой» водой, около которого ставят свечи, и купель для омовения.

По легенде место использовали местные адыги. Так рассказывают понтийские греки из с. Витязево, почитающие и посещающие святое место. В начале XX века греки построили часовню около источника. Для них это место связано с культом Богородицы (понтийское – Панагия, урумское – Мегуат-ана), а пик паломничества наблюдается 28–29 августа на праздник Успения Пресвятой Богородицы.

Помимо греков, святое место почитали казаки и прочее население Кубанской области и Черноморской губернии.

* Работа выполнена по гранту фонда «Volkswagen Stiftung», программа «Between Europe and the Orient – A Focus on Research and Higher Education in/on Central Asia and the Caucasus», проект № 86427 «Transformation of Sacred Spaces, Pilgrimages and Conceptions of Hybridity in the Post-Soviet Caucasus» (соисполнители: Кевин Тьюйт, Флориан Мюльфрид, Левон Абрамян, Игорь Кузнецов).

В советское время часовня была снесена, но люди продолжали посещать «Святую ручку», однако больше с лечебными целями.

С конца 1980-х годов отмечается возрождение паломничества и обустройство культовых мест. По нашим наблюдениям, посещающие данное место русские, греки, армяне, езиды преследуют различные цели – получить излечение (омовение в купели, набор воды с собой), принести жертву (быка, барана, петуха) во исполнение какого-либо обета (свеча около источника, ленточки на деревьях), поучаствовать в церковной службе (литургия). Такие разнородные практики приводят к конфронтации, обусловленной «борьбой за обладание» святыней (ресурсная конкуренция): казаки vs греки, священнослужители РПЦ vs жертвователи, паломники vs лечащиеся.

КУЗНЕЦОВА Рита Шалвовна

Кубанский государственный университет (Краснодар), ritakuznetsova2015@yahoo.com

АКАДАК: ЕЖЕГОДНОЕ МОЛЕНИЕ В АБХАЗСКОМ СЕЛЕ ЛИДЗАВА**

Объектом рассмотрения в докладе служит один из локальных культов, которому до сих пор следуют жители приморского абхазского села Лидзава. Десятки исторических документов, вкуче с нашими собственными полевыми данными, охватывают период от начала XVII века до настоящего времени, помогая проследить, как возникало священное место Лдзаа-ных, гибридное по своему характеру, перемещаясь между Пицундским православным храмом и соседним абхазским селом; как сменяли друг друга жреческие семьи, развившись в своего рода националистических лидеров; и как сам культ превратился в то, чем он сейчас является.

В настоящее время «языческий» храм в Лидзаве огорожен. Алтарь помещается внутри ограды. На развалинах деревянной часовни, разрушенной в 1930 г. сталинистами-безбожниками, возведена новая постройка. Эта постройка служит для важного акта – приготовления ритуального пирога с сыром. Видны изменения и в структуре святилища. С одной стороны, его территория ужалась из-за того, что за забором осталась роща, прежде священная. Но, с другой – пространство стало однородным, потому что новая постройка полностью интегрировалась в «языческий» культ, заменив часовню, которая в прежние времена представляла собой официальное христианство в населенном пункте «язычников».

Лидзавское моление (*акадак*) – одно из последних, по-прежнему консолидирующее собой не только отдельные семьи, но всех жителей в деревне. Акадак все более напоминает не столько религиозную, сколько светскую процедуру, служащую опорой для текущего проекта абхазского национализма.

** Работа выполнена по гранту фонда «Volkswagen Stiftung», программа «Between Europe and the Orient – A Focus on Research and Higher Education in/on Central Asia and the Caucasus», проект № 86427 «Transformation of Sacred Spaces, Pilgrimages and Conceptions of Hybridity in the Post-Soviet Caucasus» (соисполнители: Кевин Тьюйт, Флориан Мюльфрид, Левон Абрамян, Игорь Кузнецов).

КУЗНЕЦОВ Игорь Валерьевич

Кубанский государственный университет (Краснодар),
igorkuznet@gmail.com

**К ТИПОЛОГИИ СВЯЩЕННЫХ МЕСТ
НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ***

На сегодняшний момент на Западном Кавказе зафиксировано более двухсот святынь, из них до сих пор действующих – менее тридцати. В XIX в. наибольшая концентрация их наблюдалась в Черкесии. На протяжении следующего столетия картина резко менялась, и сегодня о неисламских местах поклонения коренного населения региона вообще ничего не известно. Лишь Абхазия еще представляет собой исключение. Кроме того, ряд новых локальных культов были привнесены сюда различными группами поздних колонистов.

Вызывает интерес то, как сами народы, проживающие теперь в регионе, типологизируют свои священные места. Абхазы называют их *ныха* («икона»), осетины – *дзуар*, используя грузинское заимствование *джвар-и* («крест»). Эти примеры красноречиво свидетельствуют в пользу исторической связи обоих культов с христианством. Удинское и карабахско-армянское *оджах* («очаг»), возможно, сигнализирует о более древних зороастрийских корнях соответствующих религиозных традиций, а адыгское *тхьальэIynI* (букв. «место для моления») – напротив, о времени, когда почитание церквями священных деревьев, грома и т.д., уже было в прошлом.

Для целей научной типологии необходимо учитывать: возникли ли соответствующие священные места и культы в результате миграции их адептов или нет; что стало объектом поклонения (природные объекты, руины древних храмов, зияраты); обслуживают ли они все сообщество или же только его часть (семью, линидж и др.); какие этнические или религиозные группы участвуют в молении, какие из них доминируют?

МАРСАДОЛОВ Леонид Сергеевич

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург),
marsadolov@hermitage.ru

СЕМАНТИКА ЧИСЕЛ 3, 9 И 40 В ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ РИТУАЛАХ

Согласно представлениям многих народов, в каждой Жизни содержатся элементы будущей Смерти, а Смерть содержит ростки Новой Жизни – Возрождения. Этого можно было достигнуть при соблюдении сложных ритуалов, основанных на сакрально-научных знаниях. С древности была осознана связь женщины с Луной и числом 9 – дней зачатия, месяцев беременности и рождения нового человека. Число 9 соответствует круговому циклу из трех основных чисел: 1 (Жизнь) + 2 (Смерть) + 3 (Небо, Погребение) + 2 + 1 = 9 (Поминание) или $9 = 3 \times 3$. Если годовой круг разделить на 9, то получим число 40, которое в библейской традиции связано с Богом и Небом: 40 дней небесного потопа, 40 дней общения Моисея с Богом на горе Синай, 40 дней поста Хри-

ста в пустыне. 40 день после смерти обычно ассоциируется с поминками и уходом души умершего в другой мир – на Небо или под Землю. Геродот отметил, что у скифов «простых людей возят... по округе сорок дней, а затем предают погребению». С числом 40 в Большом Салыкском кургане (Хакасия) связаны размеры основания надмогильных квадратных «пирамид» – из бревен (40 локтей) и камня (40 сажений). Поэтому $3 \times 3 = 9 \times 40 = 360 = 1 \text{ год} = \text{круг } 360 \text{ градусов}$ – завершение кругового цикла = надежда на новое Возрождение.

МАТЛИН Михаил Гершенович

Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова (Ульяновск), matlin@mail.ru

**РУССКИЙ НАРОДНЫЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД:
НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ****

Полевое исследование русского свадебного обряда сегодня основывается как на апробированных принципах и методах, так и на новых, обусловленных современным состоянием свадебной обрядности и ее теоретическим осмыслением. Важнейшей методологической основой является положение Н.И. Толстого о диалектной природе народной культуры. Оно определяет необходимость установления значимых для понимания природы свадебного обряда элементов и признаков, которые позволяют устанавливать его типы и варианты. Наиболее значимой, на наш взгляд, является концепция К.В. Чистова, согласно которой тип восточнославянской свадьбы понимается как вирилокальный «с определенными пережитками уксорилокальной стадии», включающий два подтипа, в которых «подобные пережитки играют несколько различную роль» [Чистов, 1979]. Это и определяет необходимость в полевых исследованиях обращать особое внимание на установление места совершения обрядов, санкционирующих брак, и роль в обрядах и актах двух брачующихся сторон.

Важно и то, что воспоминания информантов включают в себя не только личный опыт, но фрагментарные воспоминания их родителей, рассказы о свадьбах, которые играют в селе в момент записи. Большую роль в воспроизведении свадебной традиции играет личность информанта.

Значимыми источниками для изучения свадьбы сегодня являются бытовые фото- и видеодокументы, письменные документы, среди которых особо выделяются смеховые тексты, пародирующие разнообразные официальные документы.

НАМ Елена Вадимовна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), n.elvad@yandex.ru

**ШАМАНСКИЙ РИТУАЛ КАК АКТ
КОММУНИКАЦИИ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ СИМВОЛИЧЕСКИХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЙ**

Различные символические теории рассматривают, прежде всего, структуру представлений и придают осо-

** Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 14-14-73002 «Фольклорное пространство Ульяновского Поволжья во второй половине XX – начале XXI вв.» (рук. М.П. Чередникова).

* Работа выполнена по гранту фонда «Volkswagen Stiftung», программа «Between Europe and the Orient – A Focus on Research and Higher Education in/on Central Asia and the Caucasus», проект № 86427 «Transformation of Sacred Spaces, Pilgrimages and Conceptions of Hybridity in the Post-Soviet Caucasus» (соисполнители: Кевин Тьюйт, Флориан Мюльфрид, Левон Абрамян, Игорь Кузнецов).

бое значение мифологии и другим продуктам духовной деятельности человека. Позиция рассмотрения человеческого сознания с точки зрения его символической функции была представлена в сочинениях Э. Кассирера. Удвоение реальности, с его точки зрения, было связано с невозможностью открыть человеком свой внутренний мир иначе, чем через мифологические образы, которые и были ранними символическими формами. Использование символов необходимо, чтобы поток физического опыта сделать дискретным, ввести в него пространственно-временные границы и открыть каналы, позволяющие пересекать эти границы.

В сибирском шаманизме был в значительной степени аккумулирован опыт мифологического конструирования реальности и самого человека. Ритуальная актуализация каналов коммуникации в шаманской традиции открывает взаимообмен физического и метафизического, природного и культурного уровней существования. Особое значение в процессах культурной коммуникации имеет пограничное положение самого человека как биосоциального существа. Человеческий организм и, прежде всего, организм шамана можно рассматривать как естественную границу в культурном пространстве, а отдельные части тела как каналы коммуникации между мирами.

НИКОЛАЕВА Дарима Анатольевна
Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств (Улан-Удэ),
darimn@rambler.ru

КУЛЬТ МАТЕРИ В СИСТЕМЕ РОДСТВА У БУРЯТ

В традиционной культуре бурят институт родства имел более сорока обозначений по мужской и женской линиям. Анализ системы родства показал, что в основе его формирования лежал культ матери. Так, у бурят существуют разные термины, подчеркивающие наличие данного культа. Например, у бурят каждый род распадался на отдельные *уруки/ураки*, представители которых – кровные родственники 7–8-го поколения были по материнской линии. В системе родства каждый мужчина родственников жены по матери называл: *тай хадамууд* – всех мужчин, *тай хадам изыгнуд* – всех женщин. Исследование показало, что первоначальным значением термина «тай» было понятие «мать, божество», связанное с представлением о женщине-матери. Кроме того, в традиционной культуре бурят есть еще один термин родства *гарбали*, также обозначающий происхождение от одной матери-прародительницы. Производный от него глагол *гараха* означает «выходить, родиться, происходить от общей матери». И наконец, термин «удха» также обозначал кровное родство. Традиционно считается, что данный термин у бурят обозначает «происхождение или наследственность от шаманов, шаманок, кузнецов, родовых начальников». Но, данный термин возник в материнском строе. В нем присутствует корень «уд», который возник в далекую эпоху и был связан со жрицами огня *удаганками*, а с наступлением эпохи патрилокальных отношений он стал обозначать не происхождение от материнского рода, а наследование профессии или положения.

ПРОКОПЬЕВА Александра Николаевна
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Якутск), sendiele@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ШАМАНСКОГО КУЛЬТА НА САКРАЛИЗАЦИЮ ПРОСТРАНСТВА У СОВРЕМЕННЫХ ЯКУТОВ

В полевой сезон 2014 г. проводились исследования в области сохранения традиционной культуры у современных якутов. Особое внимание было уделено алаасам – основному месту жизненного пространства якутов Лено-амгинского междуречья. Сакрализация этого природного объекта традиционна для этой части якутского общества. В ходе изучения было выявлено, что на сакрализацию алаасов влияют несколько факторов, но основными являются пережитки шаманского культа. Даже сегодня это наиболее табуированная тема в материальной и духовной культуре якутов. С этим связано множество суеверий, легенд локального и повсеместного масштаба и порождаемая ими особая поведенческая этика. Исследование проводилось с помощью метода глубинного и экспертного интервью, включенного наблюдения, использовались архивные и музейные материалы.

САЛАЕВА Татьяна Александровна
Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева (Саранск),
tatyana_salaeva@mail.ru

СЕМЕЙНО-РОДОВЫЕ КУЛЬТЫ МОРДВЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Семейно-родовая культура является составной частью системы жизнеобеспечения мордвы. Как показывают собранные полевые материалы, отдельные ее элементы функционируют до настоящего времени.

Древнейшими культовыми символами служили: родовая свеча – «атянь штатол», священные рощи – «керемети», ритуальная посуда – ковши-братины, места проведения семейно-родовых молений. Они являлись предметом поклонения, имели сакральное значение, определяли многие этические нормы поведения.

Семейно-родовые моления проводились братчинами, куда входили члены одной группы домов, хозяева которых происходили от общего родоначальника. Такие родовые организации бытуют в среде мордвы-мокши и на современном этапе.

В 1990-е годы на волне этнического ренессанса стали возрождаться некоторые семейно-родовые культы и моления. В настоящее время родовая свеча, как символ единения мордвы, широко используется в проведении всех республиканских и международных праздников, съездов мордовского народа и т. д. С 1999 г. в республике возродили родовое моление – «Раскень Озкс», получившее статус государственного праздника.

Семейно-родовые культы и моления мордвы, являясь неотъемлемой составной частью духовной культуры этноса, неразрывно переплетаясь с повседневной жизнью, бытом, празднично-обрядовой культурой, продолжают выполнять важную функцию формирования этнической идентичности.

СЕФЕРБЕКОВ Магомедхабиб Русланович

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского НЦ РАН (Махачкала), mhabib-seferbekov@rambler.ru

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ОБРЯДОВЫЕ ФУНКЦИИ
ГОРЫ В ВЕРОВАНИЯХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА***

В мифологиях народов Дагестана функции горы были многообразны. Она являлась обиталищем и богов, и демонов. Эта двойственность объясняется отнесением горы к верхней сфере трехчленной картины мира по вертикали. Принадлежность же горы к локусам персонажей низшей мифологии объясняется ее принадлежностью к неосвоенному и враждебному человеку пространству. Гора использовалась в обрядах вызывания дождя и солнца и в народной медицине, была местом проведения календарных и аграрных праздников. На вершинах гор, их склонах, горных перевалах располагались культовые сооружения, трансформировавшиеся в дальнейшем в места мусульманского религиозного культа. Горные хребты рассматривались и как границы миров.

СЫСОЕВА Мария Эдуардовна

*Кубанский государственный университет (Краснодар),
le_pigeon_errant@mail.ru*

**ПРАЗДНИК СЯТОГО ГЕОРГИЯ В
ШОАНИНСКОМ ХРАМЕ С. КОСТА ХЕТАГУРОВА
(КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ): К ГИБРИДНОМУ
ХАРАКТЕРУ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТОВ****

Гибридные религиозные практики все больше привлекают внимание ученых. В качестве основного способа реализации гибридных форм религии выступают «святые места». К ним относится расположенная на горе Шоана в с. Коста Хетагурова (Карачаево-Черкесия) аланская церковь X в., которую переселенцы-осетины в 1870 г. сделали своим покровителем – дзуаром. Ранее рядом, на склоне все той же горы, находились и несколько других дзуаров – «языческих» святилищ, принадлежавших отдельным фамилиям основателей села.

В культовой практике осетин, вне зависимости от их религиозной идентичности, особое место отводится Уастырджи – божеству, которое ассоциируется со Святым Георгием. Ему посвящено большое количество святилищ по всей Осетии. В общеосетинской традиции праздник Джеоргуыба (груз. Гиоргоба) («день святого Георгия») приходится на вторую половину ноября – Чындзæхсæатымæй («месяц свадьбы»). Наряду с осенним Георгием существует и весенний, однако четкой даты для него в календаре нет: в 2013 г. он выпал на 19 мая, а в 2014 г. – на 4 мая.

Тем не менее, жители данного села отмечают Джеоргуыба ежегодно 6 мая, что совпадает с российской православной традицией. В празднике, помимо осетин, участву-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00079 «Демонология народов Дагестана: типология, характеристика образов» (рук. Р.И. Сефербеков).

** Работа выполнена по гранту фонда «Volkswagen Stiftung», программа «Between Europe and the Orient – A Focus on Research and Higher Education in/on Central Asia and the Caucasus», проект № 86427 «Transformation of Sacred Spaces, Pilgrimages and Conceptions of Hybridity in the Post-Soviet Caucasus» (соруководители: К. Тьюйт, Ф. Мюльфрид, Л. Абрамян, И. Кузнецов).

ют местные русские и греки. Таким образом, во взаимодействии различных конфессиональных и этнических групп происходит выработка новых принципов их совместного существования в современных условиях.

ФРОЛОВА Евгения Львовна

*Новосибирский государственный университет (Новосибирск),
janefr@mail.ru*

**НОВЫЕ «ОБРЯДЫ ПЕРЕХОДА»
В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

В современной Японии, как и во многих развитых странах, брачный возраст имеет тенденцию к повышению, что влечет за собой негативные изменения в обществе. Одной из причин этого является сдвиг возраста фактического взросления в общественном сознании. Сейчас средний возраст вступления в брак – около 29 лет для женщин и 32 лет для мужчин. Получается, что от формального наступления совершеннолетия (20 лет) до достижения фактической зрелости проходит 9–12 лет. Можно сказать, что в японском обществе наблюдается «феномен невзросления». Ритуалы инициации, проводимые в традиционной Японии с подросткового возраста (с 11 до 20 лет), готовили индивида к вступлению в брак. Начало нового периода жизни подчеркивалось с помощью новой одежды, прически и имени, ребенок подвергался различным испытаниям, часто включающим как обязательный компонент причинение боли и даже физических увечий. Из традиционных обрядов перехода в XX в. остался только День совершеннолетия, но наступление 20-летия не вносит особых изменений ни в статус молодого человека, ни в его сознание. Как правило, он продолжает образование в учебном заведении. После его окончания, при устройстве на работу, ему потребуется сменить одежду, прическу, пройти публичные испытания – посещение семинаров, иногда ночных. Таким образом, именно деятельность по поиску и устройству на работу выполняет роль новых обрядов перехода в современном обществе.

ШАРАЕВА Татьяна Исаевна

*Калмыцкий институт гуманитарных исследований (Элиста),
sharaevati@yandex.ru*

**АРХАИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ КУЛЬТА ПРЕДКОВ В
СОВРЕМЕННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ
КАЛМЫКОВ**

Выявление в современной свадебной обрядности архаических аспектов мифоритуального мировосприятия является актуальным в свете возросшего интереса молодежи к проблемам этнокультурного возрождения.

Современная калмыцкая свадьба имеет значительно трансформированную канву как следствие различных изменений, происходивших за последние сто лет в жизни этноса: исчезли многочисленные этапы, обусловленные в прошлом кочевым бытом; значительно утратилось понимание роли традиционных участников свадьбы и знаковых элементов.

Тем не менее, для современных калмычек свадьба продолжает оставаться наиболее сложным этапом перехода в жизни. Считается, что через различные ритуалы поклонения и жертвоприношения, невеста вступает под покровительство божеств и предков рода и семьи жениха, сохраняя

при этом покровительство предков своих родителей. У калмыков восточных районов республики имеет место ритуал поклонения невесты лампаде, зажигаемой ее свекровью, которая затем устанавливается в укромном месте. Вплоть до начала XX века сходная лампада «онгон-зул» зажигалась и устанавливалась на женской половине жилища под кроватью. Также во время свадьбы невеста, независимо от места проживания, привозит на сторону жениха особый набор атрибутов для ритуала поклонения душам предков өлгц – белый лоскут ткани с прикрепленными к нему монетами и цветными лентами. Обязательное их доставление, оформление, локализация в сакральной части жилища и ритуальные действия с ними позволяют предположить сохранение в данном случае тесной взаимосвязи с культом предков и онгонами.

ЯФАЕВА Гульназ Маратовна

Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета (Нефтекамск), nefertari06@inbox.ru

ПОМИНКИ НЫЛЛЕ КЕЧЕ У МАРИЙЦЕВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Похоронно-поминальные обряды марийцев Республики Башкортостан в научной литературе представлены недостаточно хорошо. В докладе на полевых материалах автора рассматривается поминальная обрядность марийцев Республики Башкортостан, в частности поминки нылле кече или

«сороковины, сороковой день».

В Республике Башкортостан проживают представители этнографической группы восточных марийцев. Данная этнографическая группа сформировалась в XVI–XVII вв. в результате продвижения луговых марийцев на восток, за реки Вятка и Кама. В результате длительного проживания в инокультурной среде марийцы сохранили свой язык, культуру и традиции, но в то же время испытали значительное влияние культуры соседних народов. Цель данного исследования – проанализировать обрядовые действия и локальные особенности поминок нылле кече у марийцев Республики Башкортостан.

В похоронно-поминальной обрядности марийского народа поминки нылле кече считаются главными после смерти человека, поскольку полагают, что после этого дня душа окончательно отправлялась в загробный мир (ад или рай). Именно поэтому все ритуальные действия необходимо было произвести в определенной последовательности. Обязательными элементами данных поминок было ритуальное заклинание овцы «вуредыш», «кормление», «одевание» души умершего, поминальные песни, а также так называемый «танец покойного», когда один или несколько человек одевали одежду умершего человека и танцевали в ней. В настоящий момент в наиболее полном варианте поминки нылле кече сохранились в Бирском, Мишкинском и Калтасинском районах Республики Башкортостан, в других районах имеются некоторые особенности.

Секция 31 КАЛЕНДАРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА

Золотова Татьяна Николаевна – к.и.н., Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Омск),

E-mail: tnz2002@rambler.ru

Черных Александр Васильевич – д.и.н., Пермский НЦ УрО РАН (Пермь),

E-mail: atschernych@yandex.ru

АКСЕНОВА Ирина Юрьевна

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск), tradition.aksenova@gmail.com

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ ЗИМНЕ-ВЕСЕННЕГО ЦИКЛА ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В XXI ВЕКЕ (по материалам этнографических экспедиций 2012–2015 годов)

Календарные праздничные традиции потомков переселенцев территории степного Алтая остаются актуальными сегодня, наряду с активным распространением массовой культуры в городской и сельской среде. Обращение к праздничному календарно-обрядовому комплексу русских Алтайского края предполагает обращение к переселенческой этнокультурной мозаике конца XIX – начала XX века, элементы которой сохранились и в XXI в. Значительной трансформации праздничная культура стала подвергаться с середины XX в., когда умышленно корректировалась структура некоторых традиционных праздников, что прослеживается по архивным материалам и воспоминаниям информантов. Однако, несмотря на все «испытания» советской культурой и атеистической идеологией, праздники зимне-весеннего цикла были и остаются в народном представлении основой всей календарной системы. Анализ зимне-весенних обрядовых комплексов, сохранившихся у жителей Алтайского края сегодня, позволяет рассмотреть традиционные элементы, а также выявить ряд новаций, отметить причины их возникновения. Особое внимание мы уделяем процессам трансформации календарной обрядности конца XX – начала XXI века, когда в современном мире отмечается развитие феномена неотрадиционализма, происходит активное обращение к собственным этнокультурным традициям. Основой для написания работы послужили полевые исследования автора 2012–2015 гг.

АЛЕКСАНДРОНЕЦ Владимир Николаевич

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь),
v.alexandronets@yandex.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ СЕЛЬСКИХ ПРАЗДНИЧНЫХ КАЛЕНДАРНЫХ ТРАДИЦИЙ БЕЛОРУСОВ ПОЛЕСЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Вторая половина XX – начало XXI века – один из определяющих периодов для народной традиционной культу-

ры. В это время традиционные календарные праздники белорусов ощутили на себе влияние общественно-политических процессов и изменений в культурной политике, были приспособлены к условиям советского образа жизни, некоторые – искоренены из быта белорусов Полесья. Начало XXI века характеризуется повышением интереса к праздникам белорусского народного календаря, отмечается результативная работа по их изучению и ревитализации учреждениями культуры и образования. Ряд календарных праздничных традиций отмечен определенной устойчивостью в культурной среде сельских жителей белорусского Полесья. Материалы полевых этнологических исследований показали определенную устойчивость во второй половине XX – начале XXI века таких зимних праздников, как Никола Зимний, Рождество («Каляды»), Крещение. Весенний цикл календарной обрядности белорусов Полесья был представлен такими праздниками, как Масленица, Сретенье, Сороки, Благовещение, Вербное воскресенье, Пасха, Радоница, Юрь, Троица. Белорусы Полесья отмечали такие летние и осенние праздники, как Петра и Павла, Ильи, жниво и дожинки, Спасы, Первая и Вторая Пречистая, Покрова и Деды. Вышеуказанные календарные праздники характеризуются своими уникальными локальными особенностями. Во второй половине XX – начале XXI века календарные праздничные традиции оставались важным элементом культурной традиции, особенно в семейной сфере.

БАКИЕВА Гульсифа Такиюлловна

*Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень),
gulsifa-bakieva@yandex.ru*

ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА У СИБИРСКИХ ТАТАР (по материалам юга Тюменской области)

В докладе рассматривается традиционная праздничная культура сибирских татар. Доклад основан на собственных полевых исследованиях, проводившихся в течение пятнадцати лет в сибирско-татарских аулах Тюменской области. Современные праздники сибирских татар можно условно разделить на семейные и общественные, в зависимости от того, на чьи средства проводится праздник – одной семьи или общины. К семейным праздникам относятся обряды: никах (сиб. тат. *никэ*), религиозного освящения новой семьи, *имянаречения* (сиб. тат. *исем кушыу*), *обрезания* (сиб. тат. *суннаткэ утырту*), ежегодный *аш/катым* – торжественная трапеза в память об умерших предках. В некоторых селах Вагайского и Тобольского районов день поми-

новения умерших проводится в начале мая и называется *цым*. Повсеместно распространен обряд *теляк/ниятлык/курманлык*, устраиваемый с целью пожелания благополучия семье или одному из ее членов. В последние годы увеличилось количество праздников в честь юбилеев, проводов и встреч сыновей из армии, окончания института, завершения строительства дома и т.д. Во всех указанных праздниках обязательно участвуют мулла, пожилые люди и родственники. Основными элементами семейных праздников являются чтение муллой Корана, общая молитва, раздача всем присутствующим милостыни *сатака/хаир* и торжественная трапеза из блюд традиционной сибирско-татарской кухни. К общественным праздникам относятся *курбан-байрам*, *ураза-байрам*, которые в последние годы стали проводить в мечети, а также *таверлек* – молитва и трапеза в честь святых шейхов.

БЛОЦКАЯ Екатерина Михайловна

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь), Gella333@yandex.ru

КУПАЛЬСКИЙ ОБРЯДОВЫЙ КОМПЛЕКС БЕЛОРУСОВ

Белорусское Купалье – один из наиболее сложных ритуальных комплексов, включающий в себя обычаи и обряды, верования и приметы, магические приемы, игры, танцы, которые сопровождалось исполнением специальных обрядовых песен. Обрядовые действия включались и в подготовительный этап праздника, к которому можно отнести следующее.

(1) Сбор купальских трав и снадобий, заготовка старых вещей для сжигания на купальском костре, изготовление купальского чучела.

(2) Защита от нечистой силы (пропашка сохой земли вокруг села, окуливание и украшение купальскими снадобьями и растениями жилых и хозяйственных построек).

(3) Вечерний обход деревни с целью сбора всех участников Купалья и общее шествие к основному месту проведения праздника.

Белорусское Купалье состояло из следующих обрядовых действий: (1) разжигание купальского костра (ранее – добывание живого огня); (2) сжигание старых вещей и куклы-ведьмы («Марэны»); (3) игрища-гадания около костра и на воде (в т. ч. с венками); (4) поиски «папараць-кветкі»; (5) шалости молодежи (игры, шутки над сельчанами); (6) ритуальное купание в водоемах; (7) наблюдение за игрой солнца.

Празднование Ивана Купалы встречается на всей территории Беларуси при значительном локальном разнообразии и сохранении множества архаических элементов.

БОРИСОВА Анастасия Михайловна

Институт психологии РАН (Москва), anamibo@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ ЛИЧНОСТЬЮ НОВОГО ПРАЗДНИКА

В докладе представлены результаты эмпирического исследования динамики социальных представлений о новом государственном празднике Дне народного единства. С 2007 г. за несколько недель до 4 ноября на сайте Института

психологии РАН выставлялась авторская анкета для заполнения в режиме онлайн. Для обработки данных использовалась методика П. Вержеса, позволяющая по составу ассоциаций выявить структуру социальных представлений (СП): ядро (основную, неизменную часть СП) и периферию (часть СП, подверженную изменениям под воздействием изменившихся социальных и других условий). Результаты исследования выявили противоречивую, во многом негативную, картину отношения к новому празднику и показали, что в ядро социальных представлений об этом празднике вошли ассоциации, которые не образовывали смыслового единства, целостности, что свидетельствует об отсутствии сформированного ядра, а значит – и четкого представления о том, «что» и «зачем» празднуется в этот день. В противовес этому, в предыдущих исследованиях представлений о «настоящем празднике» [Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003; Тихомирова, 2008 и др.] было обнаружено четко выраженное ядро, состоящее из двух-трех ассоциаций, отражающих саму суть праздника. Делается вывод о том, что существуют определенные предпосылки, влияющие на процесс принятия личностью нового праздника (знание истории праздника, включенность события в личностный контекст, воспоминания о праздниках детства и др.). Высказывается предположение, что изменения праздничного календаря требуют тщательной предварительной подготовки с привлечением ученых-исследователей, занимающихся проблематикой праздничной культуры.

ВАЙМАН Дмитрий Игоревич

Пермский НЦ УрО РАН (Пермь), dmitrii-vaiman@yandex.ru

РАЗВИТИЕ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ НЕМЦЕВ УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА*

На рубеже XIX–XX вв. в районах Среднего и Южного Урала происходило формирование сельской группы немецкого населения. Традиционный календарь немцев Урала, принесенный на новую родину выходцами из западных губерний страны, развивался на основе переселенческих традиций. Компактный характер расселения явился основной причиной сохранения комплексов традиционной культуры. Но происходило становление и новых вариантов традиций: этнокультурные комплексы адаптировались к природно-климатическим и ландшафтным условиям региона, к иному этническому окружению. В процессе интенсивного межэтнического взаимодействия второй половины XX века происходило знакомство с этническими традициями соседних народов, распространение билингвизма, смещения календарных границ в сроках проведения праздников и их приуроченности к календарной системе другого народа, появлению новых праздничных дат, с воспроизведением обрядовых действий и иноэтнической терминологии. Запрет на религиозную жизнь способствовал трансформации церковной основы календаря. В ряде случаев, религиозные праздники были приурочены к праздникам гражданского календаря, так, известны примеры, когда празднование Пасхи было приурочено к празднованию

* Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 14-11-59009 «Традиционная культура в условиях диаспоры» (рук. Д.И. Вайман).

1 мая, а основные обрядовые действия Рождества с участием ряженных были перенесены на 1 января. Во второй половине XX века в традиционную немецкую календарную систему также активно проникают праздники гражданского календаря: 8 Марта, 1 Мая, 7 Ноября, Новый год, 14 января (старый Новый год).

ГЛУХИХ Екатерина Игоревна

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
katushka5470@mail.ru*

НОВОСЕЛЬЕ КАК ТРАДИЦИОННЫЙ ПРАЗДНИК В КУЛЬТУРЕ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ПРИИРТЫШЬЯ

Обрядность, связанная с жилищем, занимает особое место в жизни русских старожилов Прииртышья, проживающих в поселениях, расположенных в бассейне реки Вагай. Дом, являющийся символом защиты всех членов семьи, противопоставлялся всему чужому. В течение нескольких лет Сибирский этнографический отряд Института археологии и этнографии СО РАН проводил в этом регионе полевые исследования, позволившие получить новые материалы по традициям проведения новоселья. Переезд в новый дом сопровождался проведением совокупности обрядов, которые несли будущим хозяевам благополучие. В начале новоселья (местн. «влазины»), хозяйка несли с собой веник, кошку, икону и хлеб с солью. В новый дом необходимо было впустить кошку, которая отгоняла злых духов (местн. «всяку нечисть»), затем хозяйка заносила икону, покрытую вышитым рушником, хлеб с солью. Домового в старом доме заматали на веник, зазывая в новый дом следующими словами: «Дедушка-со/у/седушка, поселись у нас, неси здоровье, мир». На празднование новоселья хозяева приглашали большое количество гостей, накрывали праздничный стол. Гости, в свою очередь, должны были принести подарки: дрова, поросят. При переезде в новый дом был обычай привязывать к матице веревку с хлебом, затем разрубить эту веревку топором и посмотреть, как хлеб упадет, если ближе к порогу, то у хозяев не будет благополучной жизни.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Варвара Евгеньевна

*Государственный республиканский центр русского фольклора
(Москва), dobrovol'ska@inbox.ru*

ПОСТНЫЙ ДЕНЬ vs БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК: АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ДНЯ УСЕКТНОВЕНИЯ ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КАЛЕНДАРНОЙ ТРАДИЦИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

День Усекновения главы Иоанна Предтечи является одной из наиболее значимых дат в календарной обрядности Владимирской области. Анализ архивных и экспедиционных материалов позволяет говорить о том, что для данной традиции свойственно двойственное отношение к этому дню. С одной стороны, он является одним из наиболее строгих постных дней. Ему присуща разветвленная система предписаний, связанных с христианской легендой, которая переосмысливается в народной традиции и порождает целый ряд нормативов, регулирующих обращение со всем, что так или иначе напоминает голову, блюдо, меч, кровь и т.д. Так, на территории Владимирской области до настоящего време-

ни в этот день нельзя употреблять (а в некоторых районах даже дотрагиваться) до круглых предметов, резать что-либо, использовать тарелки, танцевать, носить красное и т.д. Повсеместно в данной традиции строго соблюдали пост.

В то же время этот день является одним из великих праздников русского народа. Для данной традиции считается необходимым отмечать каждый из великих праздников, так как в противном случае деревенскому социуму будут угрожать различные опасности. Полагают, что если в этот день не будет праздничного гулянья и застолья, то весь следующий год будет неудачным.

Таким образом, в рамках рассматриваемой традиции данный день наделяется амбивалентными чертами, которые характеризуют его, с одной стороны, как постный день, требующий строгого соблюдения нормативов, а с другой – как праздник, в рамках которого эти правила нарушаются.

ЗОЛотова Татьяна Николаевна

*Сибирский филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева
(Омск), tnz2002@rambler.ru*

ДЕНЬ ВЛЮБЛЕННЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Празднование Дня влюбленных, или Дня Святого Валентина (14 февраля), в России получило распространение во второй половине 1990-х годов. Пик популярности праздника пришелся на конец 2000-х годов. По данным ВЦИОМ в 2008 г. отмечали этот праздник 48% опрошенных россиян, в 2014 г. – 37%, из которых 80% – молодежь 18–24 лет. Проведенный нами анализ СМИ и опросы жителей Западной Сибири подтверждают эти данные. Формы празднования самые разнообразные: тематические вечеринки в клубах, публикации историй любви, рок-концерты, выставки, различные конкурсы (например, на самый длинный поцелуй на морозе) и др. В учебных заведениях происходит активный обмен «валентинками» и мелкими подарками лично или через «почтальона». Среди подарков – сувениры (28% опрошенных), цветы (13%), конфеты (9%), парфюмерия, косметика, бижутерия (6%), игрушки (6%) и проч. В ЗАГСх 14 февраля желающих соединиться узами Гименея в два раза больше, чем в обычные дни. Большая популярность этого пришедшего с Запада праздника вызывает резкую критику представителей РПЦ, общественных организаций и органов государственного управления, считающих превращение этой новации в традицию негативным явлением, обесценивающим моральные ценности, развращающим молодежь, превращающим интимную жизнь в публично-показательную процедуру и являющимся стрессом для одиноких людей. Популярность праздника у россиян, на наш взгляд, обусловлена следующими взаимосвязанными факторами: поиском новых идей и ценностей после распада СССР, процессами глобализации и коммерциализации, влиянием СМИ, усилением сексуальной раскрепощенности в обществе. День семьи, любви и верности, учрежденный в память муромских чудотворцев Петра и Февронии (8 июля), значительно уступает по популярности Дню святого Валентина, в силу большей его ориентации на духовные ценности и создание традиционной семьи, находящейся сегодня в кризисе.

КИСКИДОСОВА Татьяна Александровна

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Абакан), tak_74@mail.ru

НОВАЦИИ В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В конце XIX – начале XX века в праздничную культуру горожан Восточной Сибири проникали новации. Они вытесняли старинные традиции и обычаи и являлись показателем дальнейшего формирования городского образа жизни. Первоначально новые элементы в проведении праздников касались представителей привилегированной части горожан, тогда как в простонародье в большей степени сохранялись праздники с традиционными обычаями. Постепенно нововведения охватили все слои городского населения. Характерной чертой праздничных мероприятий стало сочетание элементов просвещения и традиционной культуры. Большую популярность среди горожан получили концерты, этнографические, литературно-музыкальные и семейные вечера. Новшеством было проведение торжественных мероприятий, связанных с благотворительностью и благоустройством городов. Яркими примерами стали праздники «белого цветка», древонасаждения, а также балы-базары, устраиваемые с целью оказания помощи малоимущим.

КОВАЛЕНКО Кира Иосифовна

*Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург), kira.kovalenko@gmail.com*

НЕХРИСТИАНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ В РУССКИХ РУКОПИСНЫХ СЛОВАРЯХ XVI–XVII ВЕКОВ

Русские рукописные словари, называемые азбучниками, алфавитами или лексиконами, являлись основным справочным пособием на Руси в XVI–XVII вв. В них давалось объяснение преимущественно иноязычной лексике, вызывавшей затруднения при чтении переводной литературы. Среди толкуемых единиц имеется некоторое количество слов, обозначающих названия нехристианских праздников – языческих, иудейских и исламских.

О языческих праздниках можно узнать из словарных статей, посвященных рассказам о языческих богах и названных в их честь планетах. Например, в рассказе о звезде Арес (планете Марс) сообщается следующее: «і празнующе звѣздь Арію, творят между собою рать, біююще и рѣжуе даже до крови, являюще себе яры і гнѣвливы быти и дерзы в брани, сичево их скаредное празнество» [РНБ, собр. Погодина, № 1143]. Помимо этого, описываются римские календы: «Каландрь (!), д(е)нь жертвы, в няж бо дни римляне Дію, мнимому от них богу, жертвы приношаху, тѣ дни нарицаху каландами» [РНБ, собр. Погодина, № 1145].

Главный иудейский праздник объясняется в сопоставлении с христианским: «Фаска, еврей г(лаго)лють Фаска, а по хр(и)стиански Пасха, толкуетъ же Пасха преведеніе...» [РНБ, собр. Погодина, № 1145].

Исламским праздникам посвящена статья «Баирямъ, турски и татарски наричется праздникъ их большой» [РНБ, собр. Погодина, № 1145].

Наличие данных статей в рукописных словарях свидетельствует о знакомстве книжников Московской Руси с нехристианскими праздниками и об их интересе к другим религиям.

КРАШЕНИННИКОВА Юлия Андреевна

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
(Сыктывкар), krashennnikova@rambler.ru*

ОСОБЕННОСТИ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВОГО КОМПЛЕКСА РУССКИХ ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

На территории Республики Коми выделяется несколько компактных русских локальных традиций, которые формировались русскими переселенцами-мигрантами из северных, северо-восточных и центральных губерний России в условиях довольно тесного окружения коми населением и контактов с ним. Переселение русских происходило в силу различных социально-экономических, религиозных причин в XVI–XIX вв., в частности, в связи с зарождением и развитием промышленности (солеваренное, чугунолитейное производство), освоением северных территорий, конфессиональными процессами и др. Это локальные традиции сел Усть-Цильма (Усть-Цилемский р-н), Лойма (Прилузский р-н), Серегово (Княжпогостский р-н), поселков Нювчим (Сыктывдинский р-н), Кажим и Нюпас (Койгородский р-н). Справедливо замечание, которое подтверждается конкретными наблюдениями, о том, что плотное соседство с коми населением способствовало консервации многих элементов фольклорной культуры и мифологической картины мира, «указывающих» на историческую родину переселенцев [Власов, Канева, 2006: 25]. Довольно ярко признаки «материнской» культуры проявились в календарно-обрядовом комплексе и календарном фольклоре русского населения. Обращение к сфере календарной обрядности и поэзии проδικтовано наблюдениями исследователей в области взаимодействия этнически разных культур, формах, способах и «последствиях» этого процесса. В частности, Н.И. Толстой писал о проницаемости/непроницаемости явлений народной культуры и неоднородности жанров славянского фольклора в плане их восприимчивости к чужому фольклорному и нефольклорному фонду [Толстой, 1995: 53]. В числе «невосприимчивых», «закрытых» жанров исследователь называет, в том числе, и календарно-обрядовую поэзию; ее устойчивость и относительная непроницаемость поддерживается собственно обрядом, «а также поэтической и стихотворной структурой» [Толстой, 1995: 53].

МАРДОСА Йонас

*Литовский экологический университет (Вильнюс, Литва),
j.mardosa@gmail.com*

ТРАДИЦИИ ОСВЯЩЕНИЯ ПОЛЕЙ В ЛИТОВСКИХ СЕЛАХ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Общинный обряд освящения полей уходит своими истоками в первую половину XIX в. Традиция сформировалась как часть системы религиозных практик жителей уличных деревень. В начале XX века освящение широко бытовало на стыке деятельности католической церкви и проявлений народной религиозности. Крестьяне рассма-

тривали освящение как религиозный акт, а в магической перспективе как оберег. Во время церемонии ксендз вместе с членами общины обходил вокруг поля деревни и освящал земельные угодья, а иногда и водоемы. Обряд часто заканчивался общинным праздничным обедом. Этнографические данные позволяют судить, что после Первой мировой войны, в связи с переменами в поселенческой структуре и образованием хуторов, объем освящения снизился и иногда приобрел индивидуальный характер (например, с освящением пасхальной воды). Окончательно обряд перестал существовать в середине XX века, что было связано с переменами в хозяйствовании и борьбой советской власти с католической церковью. Основное внимание в докладе уделяется рассмотрению традиции освящения, которая в трансформированном виде продолжает бытовать в Польше среди литовцев, проживающих в приграничных с Литвой районах. Форма обряда приобрела символический характер, и освящение проводится на костельном дворе, где имитируется обход полей. Процессия жителей продвигается вокруг костела и в каждом углу двора ксендз освящает принесенную жителями в корзинке из полей села землю. Сакрализованную землю хозяева делят между собой и высыпают ее на свои угодья.

МОРОЗОВА Татьяна Николаевна

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова (Архангельск), morozovatn@gmail.com*

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПОМОРСКОЙ ПРОМЫСЛОВОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Поморский календарь представляет особый интерес для изучения, поскольку в нем нашли отражение как традиционные для русского населения аграрные обрядовые практики, так и промысловые, что объясняется прежде всего формированием поморской культуры в особых природных условиях: суровом климате (прохладное лето и длительная холодная зима), недостатке плодородных земель и обилии лесных и водных ресурсов. К его изучению обращались как фольклористы, так и этнографы, антропологи и историки, но в науке до сих пор отсутствует всестороннее исследование промыслового календаря поморов. В докладе рассматриваются работы собирателей и исследователей поморской промысловой обрядности.

РЫЧКОВА Надежда Николаевна

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва), nadya.vohman@gmail.com*

«МЭД ПОЕЛИ ВПЭРЭД»: РИТУАЛ ОПОВЕЩЕНИЯ О НЕВИННОСТИ НЕВЕСТЫ*

Жители украинского анклава Самойловского района Саратовской области (экспедиции 2012–2014 гг.) во время разговора о свадьбе охотно рассказывают об определенных фрагментах свадебного торжества, которые они вспоминают в первую очередь, например, о ритуале оповещения о

нормативном/ненормативном добрачном поведении невесты, то есть о ее «честности». Возможно, такое строение рассказа обусловлено тем, что информант хочет рассказать собеседнику о том, что, по его мнению, менее известно последнему.

В собранных нарративах можно выделить набор синонимичных сигналов, призванных продемонстрировать в иносказательной форме (в первую очередь, родителям невесты, а также остальным участникам свадьбы) честность/нечестность девушки. Данные ритуальные действия могут проявляться как в совокупности, так и отдельно, например, в рамках одной свадьбы могут использоваться сразу несколько элементов, а может присутствовать только один – просьба угостить медом, украшение красными лентами свадебного деревца, повязывание красной ленты дружке, подкидывание свернутой в комок ночной рубашки со следами крови.

Этот ритуал описывался только как часть свадебного обряда, в докладе планируется рассмотреть его в синхронической и диахронической парадигме, проанализировав формирование структуры этого ритуала в сопоставлении с «материнской» традицией, обычаями, зафиксированными на этой территории в конце XIX века, а также – в сравнении с фрагментами из других анклавных групп.

САЛИХОВ Ахат Губаевич

*Институт истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН
(Уфа), ahatsalikhov@mail.ru*

БАШКИРСКИЙ САБАНТУЙ В ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ

Сабантуй является одним из популярных традиционных праздников башкир, истоки которого уходят вглубь истории. Ценные сведения о сабантуе зафиксированы участниками академических научных экспедиций XVIII в. Например, И.Г. Георги сообщает о наличии «пахотного праздника» у башкир, называющегося сабантуй, похожего на черемисский (марийский) «Анга-Соарен». По его данным, сабантуй был общенародным праздником, во время которого «съезжается верхом всякая деревня, не исключая ни жен, ни детей, на свои пашни, слушает произносимое муллою моление о плодородии земли и изобилии в траве». После этого начинались различные увеселительные мероприятия.

В XIX – начале XX столетия в работах краеведов и в тюркоязычной печати появились подробные описания и сведения о проведении этого праздника.

23 апреля 1921 г. на заседании Коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции Башкирской АССР рассматривался вопрос об организации национального праздника сабантуй, где было принято решение оказать всемерное содействие проведению праздника и просить БашЦИК утвердить сабантуй всенародным спортивным праздником.

Известно, что во время Великой Отечественной войны в 1943 г. сабантуй проводился на фронте в подразделении Башкирской кавалерийской дивизии.

Таким образом, в исторических документах зафиксированы многочисленные сведения о праздновании башкирами сабантуя.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект №14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

СЕМЕНОВА Татьяна Витальевна

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
(Чебоксары), tanua-010383@mail.ru

**ЧУВАШСКИЙ ПРАЗДНИК АКАТУЙ:
ОТ ТРАДИЦИИ К НОВАЦИЯМ**

Акатуй – один из самых важных национальных праздников чувашского народа, пришедший из глубины веков и посвященный окончанию весенних полевых работ. *Акатуй* не имеет точно установленной календарной даты. Исконно его проводила каждая деревня по очереди. Праздник занимал одну неделю, затем сократился до одного дня. Жители деревни, проведя ритуальную часть праздника, выходили на весеннюю пахоту. Вслед за сакральными действиями приступали к праздничной части, основу которой составляли физические соревнования: борьба на поясах *кёреу*, бег, скачки.

В наши дни *Акатуй*, преодолев рамки сельских сообществ, становится общерегиональным праздником, который празднуют не только во всех районах Чувашии, но и в местах компактного проживания чувашей за пределами административных границ Чувашской Республики. С 1992 г. он проводится в Тюменской области, с 1997 г. – в Самарской области, с 2002 г. – в Красноярском крае. С 2013 г. в Чебоксарах проводится Всечувашский *Акатуй* в День Республики – 24 июня. На праздник приезжают представители чувашской диаспоры Российской Федерации и зарубежья. Это группы из Москвы, Санкт-Петербурга, Поволжско-Приуральского региона, Урала, Сибири и др. В 2014 г. впервые в праздничных мероприятиях участвовали чуваша из Крыма, Беларуси и Эстонии.

Акатуй хранит древние традиции чувашского народа, объединяет людей всех возрастов и профессий, приобщая их к творческому труду, искусству, спорту.

СЕИДОВА Гюльчохра Надировна

Филиал Дагестанского государственного университета в г. Дербент (Дербент), gseidova@yandex.ru

**ПРАЗДНИК «НОВРУЗ» В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ НАРОДОВ**

Традиционная празднично-обрядовая культура представляет поистине уникальные возможности для ее реализации. Жизнь человека развивается циклично, тот же принцип проявляется и в ежегодной повторяемости времен года и связанных с ними сезонных сельскохозяйственных работах. Поэтому появился один из двух основных видов обрядов календарно-земледельческого круга – «Новруз». Народы иранского культурного ареала и оказавшееся под их влиянием тюркское население Кавказа, Средней Азии и Казахстана, приняв ислам, продолжали праздновать Новруз как дань вековой традиции праотцев. Великий персидский поэт Фирдоуси (X в.), автор поэмы «Шах-наме» рассказывает о премудром правителе Джемшиде, на заре человечества учредившем праздник «новруз». В качестве одного из восточных вариантов Нового года этот праздник, на фарси означающий «Новый день», был посвящен огню, который, будучи жизненной силой, пронизывает все творения. По преданию, приурочил этот праздник к весеннему равноденствию пророк Заратустра. Самый главный атрибут наступления вес-

ны – «сэмени», красиво украшенная поросль семян пшеницы. Праздник Новруз свидетельствует о глубоких и древних корнях народных традиций, обычаев, уходящих в далекое прошлое человечества. Система обычаев, традиций любого народа – это результат его воспитательных усилий в течение веков. Именно через нее каждый этнос воспроизводит себя, свою духовную культуру, характер и психологию в ряду сменяющих друг друга поколений.

СУЛЕЙМАНОВА Маргарита Нугмановна

Башкирский государственный университет (Уфа),
suleymanie@mail.ru

**ТРАДИЦИОННАЯ ОБРЯДНОСТЬ И
ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА БАШКИР:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ**

Новые исторические условия (трансформация уклада жизни, переход к оседлости и земледелию, усиление межэтнических контактов), сложившиеся после вхождения в состав Российского государства, привели к многим изменениям в традиционной обрядности и праздничной культуре башкирского народа. Пережиточные формы традиционной культуры играют определенную роль и в жизни современного башкирского общества. С начала 1990-х годов наблюдается усиление интереса к обрядам и праздникам весенне-летнего цикла, что привело к их возрождению и активному бытованию. Стало уже привычным проведение весной в селах и городах республики праздников «Сабантуй», «Науруз». Однако, многие магико-ритуальные действия, их исконный смысл утрачены. Это характерно и для семейно-бытовой обрядности. Практически исчезли традиционные родильные обряды. Сохраняющиеся в башкирской свадьбе символическо-магические действия воспринимаются как увеселительный момент. Современные условия жизни внесли изменения даже в такую консервативную область традиционной культуры, как погребально-поминальные обряды. Разрушение целостности системы традиционной культуры, утрата многих ее элементов привели со временем к забвению значимости и содержания многих ритуалов, непониманию предназначения и изначального замысла. Предлагаемые толкования – попытка объяснить непонятное, причем, категориями сегодняшних реалий. Рассмотренные аспекты данной проблемы свидетельствуют о ее сложности. Отсюда необходимость специальных научных исследований для понимания закономерностей развития и сохранения форм народной культуры в условиях изменяющегося мира, модернизации и глобализации.

ТИТОВЕЦ Александр Викторович

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь), altsitavets@mail.ru

**БЕЛОРУССКИЕ «ДЕДЫ» («ДЗЯДЫ») КАК
КОНТЕКСТ СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ**

«Деды» («дзяды») как народный обычай и в настоящем сохраняет свои особенности проведения. Как и любое другое явление календарной или семейной обрядовой практики, белорусские «Деды» морфологизируются и структурируются по вертикальному и горизонтальному срезу на различные смылосодержательные доминантные константы. Белорусские «Деды» своей основой имеют труд земле-

дельческой направленности. Выделяются «Деды» осенние, масленичные, весенние, троицкие. Первые в зависимости от местных традиций могут иметь разное название: Покровские, Дмитриевские и др. Однако, отмечаются они всегда в первую субботу перед 7 ноября. В некоторых местностях Беларуси отмечаются еще и Михайловские, Филипповские «Деды». Масленичные же, весенние и троицкие привязаны к праздникам народного календаря – Масленице, Радунице, Троице. Из всех перечисленных «Дедов» троицкие связывали весну и лето, а масленичные – зиму и весну. Наблюдается ряд удивительных закономерностей в проведении «Дедов»! Эти закономерности состоят из временного компонента, кулинарного (состава обязательных блюд), порядка подачи блюд на стол, предписания очередности их употребления, норм поведения за столом. В отдельных локальных традициях понятие «Деды» объединяло в одно целое предков мужского и женского пола. В таком случае «Деды» отмечались в пятницу вечером как постные, а завершались в субботу утром как скоромные. Со стола все убрали только в субботу после скоромных «Дедов». В иных же местностях «Деды» подразделялись на «Бабы» и «Деды», которые отмечались соответственно в пятницу и субботу.

ФЕДОРОВА Елена Геннадьевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), elenfed@kustkamera.ru

ПРАЗДНИК ОЛЕНЕВОДОВ У СЕВЕРНЫХ МАНСИ

В хозяйстве ряда групп северных манси заметную роль играло оленеводство. Особенности оленеводческой традиции проявлялись в образе жизни, материальной и духовной культуре. Наиболее важные явления в оленеводстве отразились в названиях месяцев календаря уральских манси и отмечались жертвоприношениями. Главный праздник в прошлом был приурочен ко времени окончания периода линьки оленей (начало августа). Под влиянием христианства праздник переместился на Ильин день: в горах устраивали жертвоприношение оленей.

В советский период было проведено обобществление частных оленей. Процесс преобразований в производственной сфере закончился в начале 1960-х годов. На территории проживания северных манси был создан оленеводческий совхоз «Саранпаульский», в бригадах которого работали манси, коми, ненцы.

Изменения, произошедшие в традиционной культуре, в целом, и в оленеводстве, в частности, привели к смещению даты праздника, трансформации его характера. Праздник стали проводить в пос. Саранпауль в конце февраля, когда оленеводы вместе со стадами находятся рядом, на зимних пастбищах. Праздник стал общим для всего населения. Наиболее важная его часть – соревнования (гонки на оленьих упряжках, лыжах и др.). В целом праздник носит развлекательный характер.

Вместе с тем, к официальному празднику могут приурочить жертвоприношение животного, такие случаи и предполагается охарактеризовать в докладе. Обряд проводится в определенном месте, в нем участвует сравнительно небольшое число людей, в основном манси. Таким образом, традиция, хотя и в трансформированном виде, продолжает функционировать и сегодня.

ЧЕРЕДНИКОВА Майна Павловна

Научно-исследовательский институт истории и культуры
Ульяновской области (Ульяновск), maina@list.ru

ПЕСНИ СВЯТОЧНЫХ ОБХОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ (колядки и таусени)*

Колядки и таусени – песни благопожеланий – составляли основу святочного обхода дворов. Термины «колядки» и «таусени» в Ульяновской области не синонимичны. Колядки исполняли дети в утреннее время, а таусени пелись вечером взрослыми, чаще всего молодыми людьми – ряжеными. В некоторых селах колядовать ходили только мальчики. Одаривали традиционно – свиными ножками, лепешками или специальными обрядовыми печеньями – «колядочкой», или «колядой». Есть редкие свидетельства, что накануне Рождества коляду петь ходили взрослые парни и девушки. Однако по мере того, как рождественские обходы с пением колядок соединились с новогодними таусенями, установился другой обычай: утром колядовали дети, а вечером взрослые пели таусени. Сближение и даже совпадение по времени этих обрядов приводило к многочисленным контаминациям колядок и таусеней.

В некоторых селах петь таусень ходили преимущественно девушки. Они наряжались нищими, мазали лицо сажей и целенаправленно шли в дома своих женихов, где их будущие свекрови пекли им специальные пироги – «тусеньки». Основу таусеней составляют брачные мотивы, что сближает их со свадебными величаниями. В зачине некоторых таусеней есть присловье «посеваний» («сею-вею рассываю»), хотя сам обряд, включающий разбрасывание зерна поющими, забыт. За пение «усенек» хозяева дома угощали печением («колёдками», «усеничками»), которое часто делали в виде птички – лепешки размером с ладонь, с загнутым концом. В некоторых селах оно называлось «жараной».

ЧЕРНЫХ Александр Васильевич

Пермский НЦ УрО РАН (Пермь), atschernych@yandex.ru

ПРЕСТОЛЬНЫЕ ПРАЗДНИКИ В РУССКИХ ТРАДИЦИЯХ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ**

Престольный праздник – один из праздников годового календарного цикла, отмечаемый как главный местный праздник в одном или группе населенных пунктов, установленный в честь храма или часовни, либо определенный сельским обществом, связанный с обычаями приема гостей и осознаваемый как праздник данного сообщества местными жителями и их соседями. Престольные праздники явились самыми многочисленными в структуре местных праздников русского населения Пермского Прикамья. Они были распространены среди русских Пермского Прикамья повсеместно, за исключением ряда территорий со старообрядческим населением. Престольные праздники занимали центральное место в жизни местного сообщества, имели сложную структуру, включали различные празднично-обрядовые компоненты. Значительное место в структуре престольного праздника было отведено церковным ритуалам

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-14-73002.

** Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ, проект № 13-01-00072 «Этнокультурные процессы у народов Урала в конце XIX – начале XXI в.» (рук. А.В. Черных).

и торжествам – праздничным службам, крестным ходам и молебнам у часовен. Существенную роль в *престолах* играли и народные традиции, связанные с обычаями гостевания, праздничными гуляниями. Становление содержания престольных праздников происходило при взаимодействии храмовых и народных традиций. Локальные традиции характеризовались своими особенностями в выборе, характере распределения в округе деревень, чем объясняется значительная вариативность как в составе, так и в системах распределения престолов в разных группах сел и деревень. Структура и содержание престольного праздника зависела от нескольких факторов – статуса поселения (села и деревни), истории возникновения праздника, времени года, традиций гостевания и народных гуляний, наличия храма или часовни, сложившихся традиций приходской жизни, приуроченности к празднику ярмарок, включенности в него календарных обычаев и др. Все это также способствовало существенной вариативности традиции проведения престольных праздников.

ШЕЛЕГИНА Ольга Николаевна

Институт истории СО РАН (Новосибирск), oshelagina@yandex.ru

**МУЗЕЙНЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК ФОРМА
ТРАНСЛЯЦИИ РЕГИОНАЛЬНО-ЛОКАЛЬНОЙ И
РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(к постановке проблемы)***

Музеи как социокультурные точки пересечения прошлого, настоящего, будущего играют в современный период осо-

бую роль в освоении наследия, формировании социальной гармонии, культурной самоидентификации личности. С начала 1990-х годов в нашей стране накоплен значительный опыт проведения многофункциональных музейных праздников [Золотова, 2011]. В настоящее время, реагируя на социальные запросы и вызовы, российские музеи занимаются поиском форм межкультурной коммуникации, связанных с проблемами идентичности. Ярким примером модели мира и согласия является музейно-культурный комплекс «Национальная деревня» (Оренбург). Государственные, календарные, национальные праздники, проводимые там, способствуют межкультурному диалогу, проявлению региональной и российской идентичности на полиэтничной приграничной территории России. Приоритетное значение в организации музейных праздников, базирующихся на традиционной календарной обрядности, имеют средовые музеи, аккумулирующие материальное и нематериальное наследие [Шелегина, 2014]. Широкое распространение получили театрализованные представления (с использованием партисипативных технологий) традиционных русских праздников – Святка, Рождества, Масленицы, Ивана Купала, а также – хозяйственные праздники, с учетом этнических особенностей, проводимые в сибирских музеях. В проблемное поле входят вопросы выявления потенциала музейных праздников в освоении наследия, адекватной условиям глобализации трансляции регионально-локальной и российской идентичности. Необходима дальнейшая систематизация, научный анализ репрезентативной эмпирической базы, реализация междисциплинарных проектов.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных научных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

Секция 32
ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА НАРОДОВ МИРА:
САКРАЛЬНЫЕ И ПРОФАННЫЕ АСПЕКТЫ

Арутюнов Сергей Александрович – чл.-корр. РАН, профессор, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: gusaba@iea.ras.ru

Воронина Татьяна Андреевна – д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: russkie2@iea.ras.ru

АБДУЛВАХАБОВА Бирлант Борз-Алиевна

Комплексный научно-исследовательский институт им. И.Х. Ибраимова РАН (Грозный), birlant@list.ru

**ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА И КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ
ЧЕЧЕНЦЕВ (XIX–XX века)**

У каждого народа существует своя, исторически сложившаяся традиционная система питания. Это обусловлено укладом жизни, формами ведения этнического хозяйства, обычаями, традициями, вероисповеданием, особенностями географических и климатических условий и т.д. Национальная пища чеченского народа, составляющая органическую часть его культуры, также формировалась в тесной связи с преобладающим здесь хозяйственно-культурным типом, который представлял собой сочетание пашенного зернового земледелия с отгонно-пастбищным и оседлым скотоводством. Соответственно, в традиционной пище чеченцев сочетались растительные и мясо-молочные продукты. Традиционная пища – неотъемлемая часть основных этапов жизненного цикла чеченцев (от рождения до смерти). Она играла не только утилитарное, но и символическое значение. Пища в бытовом укладе чеченцев отражала определенные поведенческие и обрядовые функции в системе социальных связей, их взаимоотношения в обществе, нормы и формы поведения, а также отношения к различным событиям семейной и общественной жизни. В современных условиях стандартизации и унификации многих явлений культуры и быта сфера пищевых запретов и приоритетов сохраняет максимальное количество этнически значимых черт. Характерной чертой чеченцев являлась воздержанность и умеренность в еде. Обжорство, неумеренность в еде и выпивка всегда осуждались в народе. Поспешная еда и чрезмерная разговорчивость за столом считались признаком невоспитанности. В пище чеченцев много заимствований из национальной кухни других народов. Большие изменения претерпели обрядовые блюда. В обрядовое меню включаются те же самые продукты, которые используются и в повседневном быту.

АЗЕВИЧ Ирина Валерьевна

Полоцкий государственный университет (Новополоцк, Республика Беларусь), Azulaforever@mail.ru

**СИМВОЛИКА, СВОЙСТВА И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ
ТРАДИЦИОННЫХ ПОМИНАЛЬНЫХ БЛЮД
У БЕЛОРУСОВ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Белорусская кухня имеет давнюю историю. Из глубины веков дошли до наших дней многие самобытные блюда, ко-

торые изначально наделялись символическим значением. Во всех семейных обрядах существовала еда, которую готовили по определенному поводу, в соответствии с кулинарной традицией и с присущей ей глубокой смысловой насыщенностью. Следуя за традициями предков, на поминальном столе большинства белорусских семей в конце XX – начале XXI века присутствует каша (кутья, канун, коливо), кисель, блины. А на Витебщине (в некоторых районах) на поминках и в дни поминовения усопших предпочтение отдают «поливке» (грибной юшке), клецкам и кутье. Внимание уделяют не только качеству блюд на поминальном столе, но и их количеству. На поминках закрепился и порядок подачи пищи: сперва подают кутью (коливо, канун), затем блины, кисель с медом, а в некоторых районах Витебщины первой выносят кутью, затем клецки, последним блюдом традиционно выступает «поливка». По традиции, на поминальном столе должна стоять «дедовская миска», в которую хозяйка кладет ложку кутьи и клецку («гостям с того света»), ставит рюмку, и это все не убирается до следующего утра. Что же касается традиции приготовления, то кулинарные рецепты не только не забыты современным поколением, но и продолжают жить в традиционных формах, переданных нашими предками, поэтому эти блюда всегда являются самыми настоящими «хозяевами» белорусского поминального стола.

АЛЕКСЕЕВА Евдокия Кимовна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), Aeks07@mail.ru

**ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА
ТУНГУСОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ:
СЕМАНТИКА И ЗНАКОВАЯ ПРИРОДА**

Пища является одним из важных компонентов культуры жизнеобеспечения. Пищевая модель коренных народов Севера тесно связана с природой и обусловлена родом их занятий – оленеводством, охотой и рыболовством. В рамках данного доклада, на основе имеющихся данных в этнографической литературе и полевых материалов, хотелось бы осветить некоторые символические коды традиционных блюд, связанных с ритуальными обрядами и обычаями тунгусоязычных народов Якутии (эвенов и эвенков). Нужно отметить, что пища в культуре этноса, помимо своей основной роли удовлетворения витальной потребности организма, играет огромную символическую роль. Культура питания эвенов и эвенков наглядно показывает, что повседневные трапезы, как правило, являются узкими, домашними, а

праздничные и обрядовые трапезы – общественными и имеют более широкое символическое пространство. Значение обрядовой еды было особенно велико в обычаях, связанных с переломными моментами года (например, встреча Нового года), а также при начале и окончании трудовой деятельности коллектива: отел и забой оленей, рыболовная путина, охотничий сезон и т.д. Пища также занимала важное место в основных обрядах жизненного цикла: рождение, свадьба, похороны. У эвенов и эвенков все обряды и обычаи с жертвоприношением и «кормлением» духа огня, объектов природы, а также коллективные угощения и ритуальные блюда, нагруженные определенными символическими кодами, были направлены на защиту человеческого рода от недоброжелательных духов, на благополучие и сохранение рода или коллектива, а также сакрального животного – оленя – основного богатства тунгусов-кочевников.

АРУТЮНОВ Сергей Александрович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), gusaba@iea.ras.ru

НАПИТКИ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ И БЫТУ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

Индия не относится к числу стран с развитой традицией употребления алкогольных напитков. Данный доклад не касается практики высших слоев общества, среди которых более или менее копируется европейская модель. В основном к ней подогнано и промышленное производство крепких напитков – рома, бренди, «плодово-ягодных» вин. К массовой культуре относится окказиональное употребление пальмового вина и продуктов перегонки перебродившего сока ряда пальм и сахарного тростника. Эти напитки типа самогона под названием «арак» чаще распиваются в забегаловках, именуемых «арак шоп». Из неалкогольных напитков преобладают кисломолочные «ласси», пахтанье и т.п. Употребительны разные соки – пальмовый, тростниковый, фруктовые. Особую группу составляют горячие напитки – чай, кофе и др., бытующие в разных рецептурах.

Доклад основан на полевых материалах, собранных в 1974–1983 гг. в ходе работ Советско-индийской совместной этнолого-антропологической экспедиции в Индии.

БАСАНГОВА (Борджанова) Тамара Горяевна

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста), basangova49@yandex.ru

МЯСНЫЕ БЛЮДА В ОБРЯДОВОЙ ЖИЗНИ КАЛМЫКОВ

Традиционным занятием калмыков было скотоводство, поэтому даже в современной Калмыкии мясо является основным продуктом питания. Как правило, калмыцкая семья, живущая в сельской местности, заводит небольшое стадо овец для семейного питания, на случай семейных торжеств. Согласно полевым данным, домашние животные являются предметом дара на свадьбах, родине. После обряда стрижки волос трехлетнему мальчику обычно даровали жеребенка (*мал заах*), теленка или ягненка. На свадебном пиру предпочиталось жирное мясо как символ счастливой и богатой жизни. Сторона жениха привозила в качестве подарка

заднюю ногу барана, предварительно сваренную. Баранье мясо относилось как к обрядовой, так и к праздничной пище. Туша барана поедалась полностью, исключались только железы и лимфоузлы. Сваренная баранья голова относилась к праздничной пище. Из головы барана удаляли челюсть с языком и ее устанавливали во время праздника Цаган Сар на алтарь как жертвоприношение. У калмыков строго соблюдался древний народный этикет распределения кусков мяса во время трапезы – *шааа чимгн* (берцовая, бедренные кости, причем правые берцовые ценились выше бедренных) – на свадьбах. *Дал* (лопатка), *татур хавсн* (ребра) – подавали монахам или особо уважаемым гостям.

БУНКЕВИЧ Наталья Станиславовна

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь), laima77@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ МЯСНЫХ БЛЮД У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП БЕЛАРУСИ

Мясные блюда являются неотъемлемым компонентом рациона питания большинства жителей Республики Беларусь. Под воздействием климатических и географических факторов сформировались способы приготовления мяса и мясных продуктов, их заготовки для длительного хранения, что составляет основу своеобразия блюд у представителей различных этнических групп Беларуси. Вместе с тем, при сохранении традиционных форм питания происходят заимствования названий и значительное изменение рецептуры блюд. В меню предприятий общественного питания появились печеночные торты, а среди местного населения – «конфетки» из мясного фарша. При заимствовании рецептуры у представителей других национальностей зачастую блюда не получают такими вкусными. В свою очередь приезжие заимствуют от местного населения блюда из картофеля с мясом. У современных жителей Республики Беларусь значительно расширился ассортимент употребляемых ими продуктов по сравнению с серединой XX века. Благодаря усилившимся миграционным потокам, происходят заимствования блюд, в частности, приготовленных из мяса при непосредственном контакте с представителями других национальностей. Заимствованию также способствует уровень образования респондентов, интерес к другим культурам, использование для этих целей СМИ. В связи с доступностью разнообразных продуктов питания усложнилась рецептура мясных блюд. В них увеличилось содержание жиров и углеводов, что не соответствует общепринятым принципам здорового питания.

ВОЙТИШЕК Елена Эдмундовна

Новосибирский государственный научно-исследовательский университет (Новосибирск), elenavoyt@academ.org

ЧАЙ И ВИНО КАК МАРКЕРЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ (по материалам китайского манускрипта X в. «Диалог чая и вина»)

Китайский манускрипт «Диалог чая и вина» (茶酒論 *Чацзюлунь*) был обнаружен французским синологом П. Пельо в 1907 г. при обследовании пещер Дуньхуан на западе

Китай. В настоящее время это сочинение известно в шести списках, хранящихся в Национальной библиотеке Франции в Париже и в Британском музее в Лондоне. Памятник отражает роль двух цивилизационных напитков: вина и чая. Древние ритуалы, связанные с почитанием предков, высшими природными силами и с необходимостью жертвоприношений, диктовали выбор вина как сакрального напитка в течение длительного времени. Но на рубеже нашей эры вместе с распространением буддизма в Китае на авансцену истории выходит чайный напиток, который быстро завоевывает признание в разных сферах, тем самым составляя конкуренцию вину. Это противоречие нашло свое отражение в проблематике сочинения, написанного ученым-книжником Ван Фу в пору расцвета буддизма в Китае в X в. Произведение написано в форме полемики между Чаем и Вином, в результате чего становятся понятными духовные достоинства и практическое предназначение каждого напитка. Тайные и явные противоречия Вина и Чаю, раскрытые в произведении в даосско-буддийском ключе, примиряет и нейтрализует еще один участник этого действия – Вода. С помощью Воды, напитка без цвета, вкуса и запаха, лишённого свежего вкуса чая и терпкого вкуса вина, достигается синтез двух антитез и рождение долгожданной гармонии.

ВОРОНИНА Татьяна Андреевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), russkie2@iea.ras.ru

МИХАЙЛИНА Любовь Владимировна

Рязанский областной научно-методический центр народного творчества (Рязань), lubovmihaylina1990@ya.ru

**ЗАСТОЛЬНЫЙ ЭТИКЕТ
РЯЗАНСКИХ КРЕСТЬЯН
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

На протяжении XIX в. в большой (неразделенной) семье рязанских крестьян сохранялась строгая субординация, когда все ее члены подчинялись «большаку» – старшему по возрасту мужчине. Вместе с тем, женщины находились в подчинении его жены – «большухи», которая, в свою очередь, подчинялась большаку; на ней лежал надзор за всем женским хозяйством и приготовлением пищи. Престижность большака и большухи подчеркивалась уважительным отношением к ним остальных членов семьи. Взаимоотношения родственников проявлялись и в поведении за столом, где каждый из них имел определенное место в соответствии с его возрастом и статусом. Большак поддерживал как общий порядок за столом, так и правила употребления пищи, подавая участникам застолья особый знак. Таким образом, он играл большую роль в сохранении традиционного застольного этикета. Совместная трапеза имела много функций, но, что особенно важно, она скрепляла семейные и социальные связи.

В начале XX века патриархальный уклад жизни начал меняться. Немалую роль в этом играл отход рязанских крестьян на заработки в города, который приводил к разрыву связи с деревней и к семейным разделам. Более независимыми становились женщина и младшее поколение, что вело к потере авторитета большака и большухи и к нарушению традиций застольного этикета.

ГАВРИЛЕНКО Мария Витальевна

Новосибирский военный институт внутренних войск МВД России им. генерала И.К. Яковлева (Новосибирск), maria791@ngs.ru

**КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ РУССКИХ
ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ И САЯНО-АЛТАЯ
В КОНЦЕ XIX–XX ВЕКЕ: ЛОКАЛЬНЫЕ
ВАРИАНТЫ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Пища занимает важнейшее место в системе жизнеобеспечения любого этноса и является одним из источников изучения не только истории народов, но и механизмов функционирования культурного наследия в современных условиях. Этнокультурные различия между народами в сфере материальной культуры, в том числе и в питании, постепенно стираются. Вот почему исследования пищи в различных регионах с учетом природно-климатических, социальных и культурных факторов, имеют важное историко-культурное значение. Изучение кулинарных традиций русских может способствовать улучшению современной модели питания, ее обогащению элементами традиционной кулинарии, которые в силу тех или иных причин оказались сегодня не востребованными. Большое внимание в современной России уделяется пропаганде народной кухни – одного из знаковых этнических элементов, воспринимаемых как национальное достояние. Привлекательность традиционной пищи в глазах современного населения связана с общепринятыми представлениями о ее соответствии здоровому образу жизни. Изучение традиций питания вызывает все больший интерес.

ГАРИФАЛИЯ Теодориду

Фраккийский университет им. Демокрита (Комотины, Греция) gariftheo@otenet.gr

**ПИЩА В ГРЕЦИИ КАК ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ В
МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ
(«МЫ» И «ЧУЖИЕ»)**

В основу доклада лег полевой материал, собранный в течение последних восьми лет в г. Ксанти (Фракия, Северная Греция) в районах со смешанным населением. Целью исследования явилось сравнительно-типологическое изучение пищи в среде различных этнических и конфессиональных групп: христиан, мусульман турецкого происхождения и мусульман болгарского происхождения (помаков). Хронологические рамки исследования охватывают 1920–1990-е годы. В докладе рассматриваются следующие проблемы:

1. Организация ежедневного рациона: производство – заготовка – хранение («народы пшеницы»/«народы кукурузы», этническая и социальная оценка «чужого» и др.). (1) Подготовка к приготовлению пищи: (а) сочетаемость ингредиентов и микроэлементов, и их роль в культурной идентификации/различиях, (б) приготовление пищи, что находит отражение в языке каждой этнической группы. (2) Способы приготовления пищи – «от сырого до готового состояния»; прямое/косвенное воздействие огня и др. (3) Употребление пищи.

II. Ритуальная пища и ее социальное назначение, символика, идеологические представления. (1) Хронотоп ритуальной пищи. (2) Хлеб в символике местных этнических групп. (3) Культовая пища христиан/мусульман и ее употребление

внутри или вне семьи, внутри или вне соседствующих друг с другом семей, внутри или вне общины и т.д., а также место употребления ритуальной пищи: внутри или вне дома, в окрестностях поселения, в связанных с религиозными представлениями местах или на природе. (4) Христианская «литургия», хлеб – как религиозный символ и т.д. (5) жертвоприношения мусульман («Курбан»). (6) Социологизация ритуальной пищи, например «*βαρβάρα*»/«*asûge*»).

ГРИГУЛЕВИЧ Надежда Иосифовна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), nadia100@rambler.ru*

РЫБНЫЙ СТОЛ ЖИТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ (к проблеме экологии региона)

Богатство водных ресурсов Центральной России обусловило разнообразие ее рыбных запасов. Владельцами многих рыбных ловель на Волге и ее притоках в древности были монастыри, князья и частные лица. Рыба имела для русских особое значение, учитывая большое число постных дней в году. Рыбный стол на протяжении веков был самым разнообразным по количеству блюд и разносолов. Начиная с конца 1930-х годов, на Волге был построен каскад ГЭС, что существенно повлияло на водные экосистемы. Со временем видовой состав рыб стал беднее, так как были нарушены условия для их выживания и размножения. В настоящее время практически утрачен ряд ценных пород, включая русскую стерлядь. В ежегодных экспедициях на Верхнюю и Среднюю Волгу мы наблюдаем, как много рыбы погибает в Волге и ее притоках. Респонденты в Ярославской, Костромской, Тверской областях и в республиках Поволжья отмечают резкое сокращение рыбного поголовья в последние десятилетия. Все острее становятся экологические проблемы (загрязнение воды в Волге и ее притоках, вырубка лесов, несанкционированное строительство в водоохранных зонах, кратное увеличение антропогенной нагрузки, эрозия волжских берегов), что приводит к еще большему оскудению рыбных запасов и, соответственно, уменьшению рыбных блюд в повседневном и в праздничном застолье как городских, так и сельских жителей.

ДЗАРАХОВА Зейнеп Магомет-Тагировна

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева (Магас), zeini@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИРОГОВ «КХОТОР» У ИНГУШЕЙ И ИХ СИМВОЛИКА

Традиционная пища любого этноса является существенным элементом его культуры. Из мучных блюд почетным у ингушей являются тоненькие пироги (*чапильгаш* – мн. ч.) из пшеничной муки с начинкой из творога, картофеля, зелени. Их иногда называют «дедка чапильгаш», с указанием на тонкость – «дедка». Пироги пекут на сковороде, затем смазывают обильно сливочным маслом и подают к столу. Сложенные в три слоя эти же пироги называют «кхотор» (от слов «кхоъ» – три, и «чор» – шл – слой). Изготовление их требует высокого мастерства.

Существуют другие виды пирогов, которые готовят на масле и дрожжевом тесте с начинкой из сыра и картофеля, выпе-

кают в духовке и обильно смазывают топленым маслом («сом чапильгаш», т.е. объемные пироги). Сложенные в три слоя эти же пироги называют «кхотор» (от слов «кхоъ» – три и «тор» – вместилще, т.е. объем). На стол ингуши подавали непременно «кхотор», т.е. три пирога. Число «3» у ингушей имеет определенную сакральность. Название пирогов «кхотор» сохранилось у бацбийцев (*боацой* – родственник ингушам народ, проживающий в Ахметском районе Грузии).

Национальное название пирогов у ингушей – «кхотор» указывало на неразрывность их количества, связанного с определенной символикой. Это широко популярные кавказские пироги, имеющие у народов свои названия. В ингушской кухне готовят такие пироги, однако, большую популярность имеют «чапильгаш».

ЕСАКОВА Мария Николаевна

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва), maria_esakova@mail.ru*

ХАРАЦИДИС Элефтериос

*Фракийский университет им. Демокрита (Комотины, Греция),
romangr2008@mail.ru*

СОПУТСТВУЮЩИЕ ТРАПЕЗЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. БУЛГАКОВА НА ГРЕЧЕСКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ И АРМЯНСКИЙ ЯЗЫКИ

При переводе художественных произведений с одного языка на другой нередко перед переводчиком возникает ряд трудностей. Это связано, прежде всего, с различиями менталитета народов. Разные культуры смотрят на предметы с различных точек зрения. Довольно часто переводчик сталкивается с этнографическими загадками иной культуры. Он должен их разгадать и растолковать на своем языке.

Трапеза, застолье, еда – это то универсальное, свойственное каждому человеческому существу, которое получает уникальную реализацию в разных обществах, разных климатических условиях, в разных обстоятельствах общественной жизни.

Сравнивая русскую, армянскую и греческую традиции застолья, мы обнаруживаем множество несовпадающих элементов этнокультурного характера как в последовательности поступления блюд на стол, так и в составе блюд, в наборах посуды и сервировке стола и т.п.

Анализ описаний трапезы в текстах произведений М. Булгакова и их переводов на греческий, французский и армянский языки показал, что читатели переводных произведений, будь то греки, французы или армяне, видят русское застолье исключительно сквозь призму собственных представлений о том, что едят и как едят люди. Закономерно возникает вопрос о том, возможно ли передать в переводе описание трапез, застолья таким образом, чтобы у читателя переводного текста, так же как у читателя оригинала, «слонки потекли» при прочтении этих фрагментов текста, когда автор оригинала хотел вызвать у читателя именно эти ощущения. В нашем исследовании на материале произведений М. Булгакова и их переводов на французский, греческий и армянский мы постарались ответить на этот и другие вопросы.

КУСАЕВА Залина Константиновна

*Институт мировой литературы РАН (Москва),
Sozieva@mail.ru*

ЦАЛЛАГОВА Зарифа Борисовна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), Sozieva@mail.ru*

**НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ КАК КОМПОНЕНТ
СОВРЕМЕННОЙ ОСЕТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Национальная кухня оказалась одним из самых устойчивых компонентов этнического наследия в современной осетинской культуре. Более того, стержневые блюда праздничной трапезы стали концептами, несущими широкий этнокультурный смысл. Обычай подавать к праздничному столу три пирога, пиво и отварные части жертвенного животного, как и расположение за столом по старшинству, произнесение тостов, передача почетных бокалов, сохраняется в осетинском социуме до настоящего времени. В последние десятилетия, отмеченные глобализацией, осетинские пироги и пиво, ставшие гастрономическими брендами, широко представлены в Осетии и за ее пределами. Они являются «визитной карточкой» народа, почитаемой традицией и неотъемлемой частью культуры Осетии. Как и сотни лет назад, ни одно значимое застолье не обходится без пирогов, которым всегда отводится главное место на столе. Над ними произносятся молитвы и важнейшие тосты, только после этого их разрезают и раскладывают по тарелкам.

Древние стереотипы традиционного осетинского застольного этикета, как и сами национальные блюда, по-прежнему актуальны в семейной и общинной жизни осетин. По сей день в их бытовой лексике активно функционируют осетинские пословицы с ключевым понятием «фынг» (стол; угощение; застольный этикет, подчеркивающий святость, ритуальную чистоту трапезы): «Фынджы баркад бирæ у» («Изобилие, проистекающее из фынга велико»); «Ирон фынг зонд амон» («Осетинский фынг учит уму-разуму»); «Табу фынджы фарнаæн» («Почтение фарну (изобилию) фынга»); «Фынджы фарн бирæ уæд» («Да будет велико изобилие фынга»); «Фынг ныххатыр кæннаæд» («Да простит (мне) фынг»).

ЛИПИНСКАЯ Виктория Анатольевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), russkie@iea.ras.ru*

**ЖИРЫ В ТРАДИЦИОННОМ ПИТАНИИ
РУССКОГО НАРОДА
(ареалы, комплексы, специфика)**

В питании каждого народа большое значение имеют высококалорийные жировые вещества, получаемые при хозяйственной деятельности, употребляемые соответственно традиционным навыкам, вероисповедальным представлениям.

Русские исстари использовали комплекс жировых продуктов с преобладанием растительных. Древний набор различных культур русские пополняли подсолнечником, заимствуя при этом масло олив, горчицы и др.

Из животных жиров особенно ценилось масло, сбиваемое из коровьего молока. Русские путем его перетапливания увеличили срок хранения продукта (русское топленое масло).

Сало животных употребляли с мясом и в заготовках, доступнее было свиное сало. Жир иных животных использовали более в районах контактов с другими народами (на юге – бараний, на севере – олений, морских животных), рыбий жир – при соответствующих природных условиях. Способы употребления продуктов определялись традицией.

Соотношение растительных/животных жиров было установлено христианством. При развитии хозяйства возрастала доля животных жиров, что потребовало в конце XX века поиска новых диет.

Таким образом, древний базовый комплекс жировых веществ пополнялся за счет народных новаций, межэтнических контактов, хозяйственных успехов. В результате создавались региональные ареалы с широким спектром вариативности.

ЛОСЕЕВА Ирина Владимировна

*Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова (Магнитогорск), osipova.irina@mail.ru*

**ЛОКАЛЬНЫЕ ПИЩЕВЫЕ СИМВОЛЫ И КОДЫ
В КОНТЕКСТЕ КУЛИНАРНОГО КАЛЕНДАРЯ
РУССКИХ ЮЖНОГО УРАЛА**

Пища составляет основную и повседневную потребность человека, через нее осмысливаются многие явления, свойства и отношения в жизни людей. Культура питания – важнейший элемент повседневной жизни человека, пример трансформации биологических потребностей человека в поле культурных значений. Еда рассматривается нами как явление бытовой культуры, отражающее взаимоотношения людей в обществе, нормы и формы их поведения, традиционные для данного общества.

В процессе работы фольклорно-этнографических экспедиций в 1993–2014 гг. в русских селах Белорецкого района Башкортостана сотрудниками лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова собран материал, характеризующий специфику питания горнозаводского населения региона в прошлом и в наши дни. Отдельные блюда стали локальными символами, кулинарными атрибутами того или иного праздника: блины и яичница (Прощеное воскресенье); жаворонки (день Сорока мучеников, масленица); каленники, квас («Иван Постный» в с. Узья); косняки (Троица); окрошка, яичница, пироги (Сипенька); курник, пельмени, квас (ссыпки на Семенов день, день святых Космы и Дамиана, Филипповское заговенье); хлебцы в виде крестов (Крещение); крашеные яйца, куличи (Пасха и Красная горка). Как показывают наблюдения, большинство таких блюд из символа праздника перешли в разряд повседневных блюд. Однако отдельные из них в настоящее время воспринимаются и трактуются за пределами изучаемых сел как узколокальный кулинарный бренд территории.

ЛЬВОВА Элеонора Сергеевна

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва), eleonora.lvova@gmail.com*

**САКРАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ЭФИОПСКОЙ
КОФЕЙНОЙ ЦЕРЕМОНИИ**

В любом отеле Эфиопии вам не просто предложат выпить кофе, но продемонстрируют целую церемонию. Это

не случайно. Когда-то она имела глубокий сакральный смысл, связанный с культом плодородия. Это видно из всех предметов, использующихся в ней: травы, зерна, цветы – символы земледелия; масло для жарения кофе – символ скотоводства; только глиняная посуда – символ земли и т.п. Сами зерна кофе рассматривались как гаранты богатства, здоровья, плодovitости. Церемония проводилась на всех этапах жизненного цикла (особенно во время свадеб), при изгнании духов болезни, перед дальней дорогой, при приеме гостей и т.п. Каждый ее элемент был строго ритуализирован, сопровождался обращением к духам, у христиан и мусульман – к Христу или Аллаху. Наиболее разработан и долее всего сохранялся в первозданном виде ритуал у оромо, сейчас это общезионская и десакрализованная традиция.

ЛЮБАРТ Маргарита Кемальевна

*Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва),
margarita_lubart@mail.ru*

ПОСТНАЯ КУХНЯ ВО ФРАНЦИИ XIX ВЕКА: ТРАДИЦИИ И СИМВОЛИКА

Складывавшаяся в течение многих столетий, кухня религиозных постов во Франции имела (и отчасти еще имеет) свою специфику, объяснимую особенностями кулинарии общенациональной и региональной.

На XIX век приходится своего рода апогей развития традиций постной кулинарии и формирования ее в наиболее полном виде. Этот процесс, с одной стороны, совпал со взлетом светского кулинарного искусства, а с другой – явился последним «звездным часом» культуры постов, вслед за которым последовал период общего угасания религиозности в стране. Исследование опирается прежде всего на материалы старинной кулинарной прессы, ежегодников и альманахов того времени, ориентированных на практическое применение и позволяющих представить себе детали бытования постной кухни.

Кулинария французского поста в ее светском (не монастырском варианте) имеет также выраженные черты сезонности, местных особенностей, глубокого христианского символизма. Она предполагала наличие не только будничной, но и праздничной пищи, включая званые вечера и банкеты, которые организовывались и в период постов.

Особенностями французского поста является широкое употребление различных сортов рыбы, а также допущение яиц, как производного от птицы, сотворенной в один день с рыбой; использование (с некоторыми оговорками) мяса водоплавающей птицы (по этой же причине); полученное от папы Римского разрешение на употребление в ряде регионов Франции сливочного масла и др.

В силу того, что пост соблюдался широкими слоями населения, постная кулинария в немалой степени повлияла на формирование светской кулинарной традиции, и наоборот. Подъем французской кулинарии, появление известных мэтров поварского искусства, их книг и кулинарной печати, общий интерес населения к этой сфере жизни – все это оказывало свое влияние на облик и меню французского постного стола.

МАЛЬЦЕВА Надежда Александровна

Пермский НЦ УО РАН (Пермь), kududgu@yandex.ru

ХЛЕБ КАК САКРАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ В ПИЩЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Исторические предки коми-пермяков Верхнего Прикамья – одного из древних уральских народов питались в основном мясом и рыбой. С освоением пашенного земледелия хлеб (нянь) становится одним из основных продуктов питания. Из хлеба делались даже напитки («ырш» и «сур»). Однако в условиях зоны рискованного земледелия часто случались неурожаи, что, по-видимому, обусловило сакральность хлеба и отразилось в обычаях, обрядах, языке и в традиционной кухне коми-пермяков. Например, запрещалось шуметь, когда зацветали в поле зерновые. Первый хлеб из нового урожая жертвовался богу Шонди. С хлебом впервые посещали роженицу. Каравай играет важную роль в свадебном обряде и обряде проводов покойника. Ритуальные блюда коми-пермяков составляет хлеб с начинкой: «пельнянь» (хлеб с мясом, в древности, по-видимому, он предназначался богу Пелю); «черинянь» (прямоугольный хлеб с цельной рыбой). В новую избу коми-пермяки вселяются с квашней готового теста. Где пекут первый хлеб, примечают: каким получится хлеб, такой будет и жизнь. Сохраняется обычай приглашать души покойных к горячему хлебному изданию особым словом «вошшб». К хлебу как священному продукту запрещалось прикасаться режущими и колющими предметами, во время еды его ломали, готовые пельмени ели с дощечек руками. До сих пор соблюдается обычай разделывания теста без ножа. О дрожжевом тесте говорят: «Няньыс ловзьб (буквально: хлеб обретает душу)».

МЕСХИДЗЕ Джульетта Изауовна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), juleta.mesjidze@yahoo.com*

РЕГИОНАЛЬНАЯ БАСКСКАЯ КУХНЯ: ТРАДИЦИИ КОМАРКИ РИОХА АЛАВЕСА

Утверждение, что «любители хорошей кухни находят в Стране басков свой рай», уже вошло в поговорку. Ее своеобразным уточнением является другое высказывание: «Если ты влюблен в жизнь, то Алава – твое место назначения». Если же конкретизировать, то наиболее прославлена (прежде всего, своими винами) южная часть провинции Алава – комарка Риоха Алавеса – узкая полоса земли, ограниченная Кантабрийскими горами с севера и рекой Эбро с юга. Географические условия и исторически сложившиеся обстоятельства определили кулинарное своеобразие региона. Природная среда обеспечила идеальный для культивирования винограда микроклимат и сформировала характерный – с необозримыми виноградными плантациями – пейзаж. Крупнейшим владельцем виноградников в настоящее время является знаменитое семейное винодельческое предприятие «Бодегас Фаустино», основанное Элеутеро Мартинесом Арсоком в 1861 г. в г. Ойон. Ежегодно (с 1993 г.) в сентябре проводится Праздник сбора винограда, который каждый раз устраивается в разных населенных пунктах комарки и сопровождается дегустацией местных вин. Среди типичных блюд – чесночный суп с чорисо, картофель с чорисо по-риохански, фаршированный перец, котлеты с виноградными листьями. Особого внимания заслуживает «сартагинкада»

(баск. *zartaginkada*, исп. *sartenada*): в Мореде, например, ее готовят из картофеля, улиток, крабов, стручкового перца и перца чили. Своеобычный праздничный «риоханский» напиток – «сурракапоте» (баск. *zurgasarpotea*, исп. *zurgasarpote*) делается на основе красного вина.

МОЛЧАНОВА Елена Константиновна

Институт языкознания РАН (Москва), e_molchanova@mail.ru

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА ЗОРОАСТРИЙЦЕВ ИРАНА: САКРАЛЬНЫЕ И ПРОФАННЫЕ АСПЕКТЫ*

Доклад посвящен зороастрийским (иранским) традициям в области приготовления еды, используемой не только в быту, но и при исполнении религиозных обрядов и на праздниках. Некоторые традиционные зороастрийские блюда предположительно являются рефлексам древних жертвоприношений. В названиях других блюд отражаются элементы мифологии, фольклора и народной медицины. Количество и специфика зороастрийских блюд, по ходу глобализации, постепенно уменьшается и стирается. Одно и то же блюдо по содержанию и названию может различаться в своих локальных и временных вариантах.

ОСИПОВА Ксения Викторовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), kryankova@yandex.ru

КАША В РАЦИОНЕ ПИТАНИЯ КРЕСТЬЯН РУССКОГО СЕВЕРА: ТРАДИЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ОБРЯДОВЫЕ ФУНКЦИИ

На Русском Севере, как и во многих других регионах России, каша была одним из основных блюд крестьянского рациона. Ее готовили преимущественно из ячменной, ржаной, овсяной крупы или муки. Эти виды каш носили такие названия, как «заваруха», «заспа», «каша-повалиха» и др. Особые функции придавались каше в календарных и сельскохозяйственных обрядах (арх., волог. «каша» – праздник окончания жатвы), в свадебных (арх. «каша» – обед после свадьбы в доме молодоженов; арх. «солить кашу» – целоваться на свадьбе) и крестильных обрядах. С кашей был связан ряд детских и молодежных игр (арх. «варить кашки»). Специфическим ритуально значимым блюдом из крупы был «саламат» – каша с добавлением большого количества масла или сала. Его готовили по окончании полевых работ, а также на различных этапах свадебного обряда (ср.: волог. «соломата» – последний вечер невесты перед свадьбой, девичник), где он приобретал эротическую символику. В целом комплекс культурно-языковых представлений о каше включал в себя мотивы коллективности (множества), изобилия, плодородия и роста.

ОСИПОВА Марина Викторовна

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова (Хабаровск), ainu07@mail.ru

ПИЩЕВАЯ КУЛЬТУРА АЙНОВ В ИНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВЗАИМОВЛИЯНИЯ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

Знания о пище, пищевых традициях и инокультурных влияниях в этой области являются неотъемлемой частью

культуры народа. Айны Хоккайдо, в чей состав влились курильская и сахалинская этнические группы, подверглись аккультурации со стороны преобладающего японского населения. Это выразилось в смене хозяйственно-культурного типа – от присваивающего к земледельческому. Развитие рисоводства и животноводства на землях айнов привели к смене пищевых привычек этноса, осуществился переход от этнической пищи – лосося, оленя, диких трав и зерновых культур (просо) на инокультурную японскую – рис, свинину, говядину, конину, курицу и овощи. Значительно возросла доля употребления в пищу сырой рыбы и морепродуктов. Сахар заменил кленовый сироп, соль приобретается в магазине. В пищевой рацион прочно вошли такие продукты японской кухни, как бобовая и соевая пасты, соевый творог, бобовый соус. Наблюдается процесс заимствований блюд европейской и американской кухни. Традиционные айнские продукты питания, в основном, дикоросы – черемша и дикий лук за их специфический запах стали объектами насмешки и неприятия в японском обществе, что привело к отказу от их употребления айнами. Тенденция преобладания японской пищевой традиции среди населения Хоккайдо сохранялась до 2000-х годов, однако сегодня у жителей острова, в том числе и японцев, возник интерес к традиционной айнской пище. С 1996 г. в школе селения Биратори стали проводиться уроки, popularизирующие блюда айнской кухни. Ими заинтересовались жители селения, студенты университета г. Саппоро. С целью популяризации айнской культуры в токийском округе Окубо в 2011 г. открыт специализирующийся на приготовлении традиционных айнских блюд ресторан «ХаруКор», где подается только вареная или жареная пища. Процесс взаимообогащения японской и айнской пищевой традиции, взявший свое начало в ХХI в., продолжается.

ПОПОВА Елена Васильевна

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск), elvpopova@yandex.ru

«ЖИТЬ В МАСЛЕ...»: МАСЛО В ОБРЯДАХ И КУЛЬТУРЕ БЕСЕРМЯН УДМУРТИИ

Масло в культуре бесермян имеет высокий ритуальный и символический статус, считается лакомством, проявлением гостеприимства, главным блюдом ритуальных трапез, продуктом подношения божествам и духам. Сливочное, топленое масло используется как самостоятельное блюдо, в сочетании с хлебом, медом, в составе каш, молочных супов, мучных киселей. Сохраняются традиционные технологии домашнего производства. Масло наделяется такими символическими качествами, как «золотое», «желтое», «вкусное», «мягкое», олицетворяет легкость жизни и судьбы – «жить как по маслу», «жить в масле». Номинации «масленный путь», «дорога как по маслу» означают удачливость в пути, скорое возвращение. Символические качества масла старались перенести на предметы, урожай, судьбу и внешность человека. Масло подается на свадебных обрядах, трапезе в честь новорожденного, крестинах («есть масло», «ходить есть масло»), входит в состав ритуальных блюд в обрядах весенне-летнего цикла – на масленицу, при молении в поле на Петров день, при посещении семейно-родовых святилищ («место, куда льют масло», «амбар для литья масла»). В современных повседневных, ритуальных, гостевых трапезах

* Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 14-04-00453а.

отношение к маслу остается как к особому продукту, несмотря на его доступность и изменение рациона питания. Сохраняется приоритет за маслом из собственных продуктов. Наблюдаются новации в использовании, связанные с межкультурным взаимодействием, изменением целостности хозяйства, традиционного мировоззрения, обрядов. Наличие масла на столе по-прежнему считается символом достатка, качественной и обильной пищи, стабильности крестьянского хозяйства.

СИДОРОВА Ольга Григорьевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), ogs531@mail.ru

ЕДА НА СТЫКЕ КУЛЬТУР: ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ РОМАНЕ

Сформировавшийся и утвердившийся в сознании критиков и читателей в конце XX века англоязычный мультикультурный роман художественными средствами исследует культурные контакты, которые неизменно возникают при миграции большого количества граждан неевропейского происхождения в США и Великобританию. Важную роль в текстах и философии ряда романов приобретает мотив национальной кухни, то есть «кухни в изгнании» (П. Вайль, А. Генис), которая становится символом «своего/сакрального», на фоне которого ярче выделяется «чужое». Именно эти аспекты будут рассмотрены в докладе на материале трех мультикультурных романов: романа англо-китайского автора Тимоти Мо (Timothy Mo) «Кисло-сладкий соус» (1982), в котором повествуется о китайской эмиграции в Лондон в 1960-е годы; романа американо-китайской писательницы Эми Тан (Amy Tan) «Клуб радости и удачи» (1989), посвященного жизни китайской диаспоры в США, и романа американки иранского происхождения Фирузе Дюма (Firuzeh Dumas) «Смешно на фарси» (2003) с выразительным подзаголовком «Как вырасти иранкой в Америке». Описывая процесс сосуществования культур и по-разному оценивая его (от трагических мотивов у Мо и Тан до комических у Дюма), все авторы выделяют национальную кухню/еду как значимый культурный и идентификационный маркер. В тексте каждого из романов происходит осмысление существования национальной кухни в современном глобализованном мире.

ЮША Жанна Монгеевна

Институт филологии СО РАН (Новосибирск),
zhanna-yusha@yandex.ru

СЕМАНТИКА РИТУАЛЬНОЙ ПИЩИ В НОВОГОДНЕЙ ОБРЯДНОСТИ У ТУВИНЦЕВ КИТАЯ

У китайских тувинцев мясные и молочные продукты являются как повседневной, так и праздничной едой. В традиционной обрядности эти же продукты, как ритуальная еда,

приобретали сакральный характер. Новогодняя обрядность по лунному календарю (*Шагаа*) включает в себя три этапа: предновогодний, встречу Нового года и заключительную часть. Для каждого этапа характерен особый пищевой код.

В канун *Шагаа* главной обрядовой едой в каждом доме было вареное мясо берцовой кости коровы или овцы. Когда мясо поедается, то проводится специальный обряд «чилиг кагары» (разбивание бедренной кости). Считается, что с этим «открывается дорога всему новому», что символизирует скорое наступление Нового года. Молочные продукты назывались «белой пищей», их использовали в качестве жертвенного дара духам-хозяевам местностей, прося у них защиты и покровительства на будущий год.

Вместе с тем, в ритуальной пище заметна роль китайской культуры. На праздничном столе присутствуют орехи, семечки, символизирующие в китайской мифологии плодородие, изобилие и достаток. Для предновогоднего этапа свойственен подготовительный характер: праздничную еду заранее заготавливают для будущих гостей. Здесь прослеживаются мифологические воззрения китайцев, а также представления о том, что заранее заготовленная еда является символом семейного достатка, переходившего из одного года в другой. Таким образом, в пище новогодней обрядности тувинцев прослеживается взаимовлияние и смешение разных мифологических представлений: тувинской и китайской, а шире – скотоводческой и земледельческой культуры.

ЯХНО Ольга Николаевна

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
(Екатеринбург), mrsyakhno@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУХНИ В ГОРОДАХ УРАЛА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Первые полтора десятилетия XX века были периодом расцвета русской региональной кухни. «Достаточная публика» в городах Урала не отставала от столичных гурманов и расширяла свои познания в области кулинарии, черпая информацию из многочисленных поваренных книг, а также из женских и общественных журналов, где давались различные советы домашним хозяйкам относительно приготовления еды. Моду на новые блюда задавали и рестораны с разнообразным меню, в которое нередко включались блюда грузинской, польской, французской, немецкой и др. кухни, вносящие свой вклад в отечественные кулинарные традиции. Вместе с тем, сохранялись и традиции приготовления известных блюд русской кухни.

Источником для реконструкции послужили меню ресторанов, которые печатали в газетах Екатеринбурга. Они дают представление о составе повседневного и праздничного стола, включая закуски и основные блюда. Отчасти рецептура блюд была восстановлена по кулинарным книгам изучаемого периода («Образцовая кухня», «Подарок молодым хозяйкам» и др.). Рекламные объявления продуктовых магазинов, лавок и винных погребов также несут информацию о рационе питания уральских горожан среднего класса.

Секция 33
ЭТНОГРАФИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА:
МУЗЫКА, ТЕАТР, ТАНЕЦ

Рыжакова Светлана Игоревна – д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)
E-mail: lana@mega.ru
Сироткина Ирина Евгеньевна – к.пед.н., Институт истории науки и техники РАН (Москва)
E-mail: SRyzhakova@gmail.com

БАГЛАЙ Валентина Ефимовна
Краснодарский государственный университет культуры и искусств (Краснодар), baglayvalent@yandex.ru

**ЭТНИЧЕСКАЯ ХОРЕОГРАФИЯ ЗАПАДНОЙ
МЕКСИКИ И ПРОБЛЕМЫ КОНТАКТОВ И
КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА ИНДЕЙСКОЙ
И ЕВРОПЕЙСКОЙ МУЗЫКАЛЬНО-
ТАНЦЕВАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ**

Тараски создали одну из выдающихся доиспанских культур Западной Мексики. Их музыкально-танцевальная традиция – часть древней обрядовой практики. В доевропейский период было важным ее музыкальное оформление. Это подтверждают известные здесь до сих пор инструменты (глиняные флейты, духовые раковины). Археологи находят керамические фигурки музыкантов и танцоров. Индейцы были умелыми мастерами, поэтому испанцы поручали им делать колокола, трубы и др. Среди индейцев было много хороших певцов: как сообщал Ф. Рамирес в XVI в., по этой причине мессы проходили очень достойно [Basalenque D., fray. Historia de la provincia de San Nicolás de Tolentino de Michoacán del Orden de S. Agustín // Crónicas de Michoacán. México, 1940, p. 57]. Праздничная культура тарасков, как целое, формировалась на дуализме сакрального и профанного (человеческого), обе составляющие реализовывались как параллельно, так и пересекались друг с другом в рамках конкретных праздников. Так формировался праздничный «текст» культуры тарасков, где музыкально-танцевальная традиция, обращенная также к человеческим эмоциям, а не только к божественным силам, играла огромную роль, как в прошлом, так и настоящем. Отмеченное касается, например, древнего «танца стариков» (автор наблюдала его в Гвадалахаре), а также личного впечатления от песен знаменитых мексиканских марьяче. Для современных мексиканцев также характерна тяга к художественно-творческой деятельности: в каждом городе на центральной площади возведены большие круглые крытые беседки (сцены), на которых может выступать – как танцор, певец, музыкант – любой человек перед отдыхающими вокруг людьми. С учетом отмеченного, перспективным для исследования является: (1) выявление механизма развития и форм проявления музыкально-танцевальной традиции современных тарасков на основе анализа, как индейских, так и привнесенных образцов, особенно европейских; (2) анализ необычайно богатой музыкально-танцевальной традиции Мексики на основе изучения внешних и внутренних (межрегиональных) контактов в этой полиэтнической стране.

ГАЛИЕВА Фарида Габдулхаевна
Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского НЦ РАН (Уфа), afg18@mail.ru

**ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР РУССКИХ
БАШКИРИИ: СОХРАНЕНИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ
ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО РЕПЕРТУАРА,
МЕЛОДИКИ И ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ**

В ходе полевых исследований последних десятилетий автором в Башкирии записаны и нотированы сотни образцов русского песенного фольклора. Исследовательскую базу данных составили также записи песенных текстов филологов-фольклористов, ранее работавших в республике (экспедиции 1938 г. Н.П. Колпаковой, 1948–1949 гг. под руководством Э.П. Померанцевой, с 1960-х годов – И.Е. Карпухина, Л.И. Брянцевой и др.). Выявлено перенесение в Башкирию песенного репертуара носителей фольклора с прежней родины (северные, центральные и южные губернии России) и его частичное сохранение в ряде селений вплоть до наших дней (обрядовые, исторические, лирические песни). При этом изменения в мелодике незначительны, они не выходят за рамки вариационной природы музыкального фольклора и касаются упрощения мелодической линии. Тексты, напротив, характеризуются обновлением. Непонятные новому поколению исполнителей слова заменяются (чумачек – чувашек). В русско-украинских селениях иногда заимствуется украинская фонетика, песни родственных народов контаминируются, обмениваются, переводятся на родные языки. В русско-башкирских и русско-татарских селах проникновение тюркских слов носит эпизодический шуточный характер. Повсеместно формирование общего исполнительского репертуара народов республики. Особое место занимает мелодика русского обрядового фольклора. На одну мелодию исполняются тексты, приуроченные к разным этапам календарных и свадебных ритуалов, русских, украинцев и белорусов. Таким образом, на территории Башкирии бытуют песни, созданные на прежней родине. Изменяемость поэтических текстов уравновешивается стабильной мелодикой, обеспечивая песенной структуре узнаваемость и целостность.

КОМИССАРОВ Сергей Александрович
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), sergeai@mail.ru

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДА ТУЦЗЯ (КНР)**

Народ туцзя тибето-бирманской группы насчитывает около 8,4 млн человек. Палеогенетический анализ показы-

вает, что туцзя, как и родственные ицзу, содержат южные и северные факторы. Их прямыми предками были основатели государства Ба, которые почитали Белого Тигра. После 316 г. до н. э. они переместились из Сычуани на восток, в основном в Хунань. Они мало соприкасались с внешним миром, что способствовало сохранению многих элементов традиционной культуры. В деревнях люди часто живут в свайных домах, которые впервые появляются у аустроазиатских народов Восточного Китая. Большим своеобразием отличаются некоторые обычаи жизненного цикла и связанные с ними фольклорные памятники. Так, накануне свадьбы девушка-туцзянка должна плакать неделю (лучше – месяц). Вместе с ней в ночь накануне венчания непрерывно пели горестные песни девять незамужних девушек. В то же время похороны сопровождались громкой музыкой и особым танцем-песней. В движениях танцоры подражали повадкам животных, особенно тигра – изначального тотема-покровителя. Развитое устное творчество отчасти компенсировало отсутствие письменности. В песнях излагались древние мифы – например, о том, как герой Лююй сбил стрелами лишние солнца. Эта мифологема, свойственная тихоокеанским народам, указывает на направление контактов туцзя в древности. Изучение этнографии этого народа способствует реконструкции этнокультурной истории Восточноазиатского региона.

КУЛИКОВ Петр Викторович

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), kultura_log@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ РИТУАЛА ПРИВЕТСТВИЯ В КАЛАРИППАЯТТУ (к вопросу о транскультурных универсалиях)

Калариппаятту – традиционное искусство Кералы. Название буквально означает место/школу (*калари*) упражнений/борьбы (*паятту*). Исторические источники подтверждают существование *калариппаятту* с XII столетия нашей эры.

Во всех трех стилях *калариппаятту* (северный, южный и центральный) обучение боевому искусству сочетается с уникальной системой целительства (*панчакарма*), связанной с древнеиндийской медициной. Она включает в себя массаж, гомеопатию и учение о мармах – жизненно важных точках человеческого тела.

Некоторые элементы телесной практики, используемые в *калариппаятту*, являются общими и для таких традиционных форм исполнительского искусства Кералы, как *kathakali*, *krishnattam*, *kutiyattam*, *mohiniyattam*, а также народных видов исполнительского искусства, например, *kolkali*, *porkali* и *velakali*.

Не так давно *калариппаятту* стало изучаться при подготовке актеров и танцоров на Западе и совсем недавно в России. Первое, с чем сталкивается изучающий *калариппаятту* – ритуал приветствия. В этом ритуале с помощью языка тела практикующими устанавливаются пространство практики и субъектность. Значение этого ритуала чрезвычайно велико, особенно при изучении *калариппаятту* в инокультурной среде (за пределами Индии). Язык тела, который осваивается при обучении *калариппаятту*, отличается от языка тела той культуры, к которой принадлежат

обучающиеся. Более того, и сама субъектность, к которой обращается практикующий *калариппаятту*, не совпадает с западной концепцией субъектности. Предполагая, что в основе ритуала приветствия лежит инвариантная (универсальная) структура человеческого сознания, связанная с понятием вежливого поведения, которая во многих культурах является синонимом культурности вообще, можно считать именно этот ритуал своего рода ключом (или мостом) к вхождению в практику, принадлежащую иной культуре, и пониманию культурного слоя, стоящего за чисто технической стороной практики.

Проблематика доклада обусловлена взглядом на *калариппаятту* через призму театральной антропологии. Источниками доклада являются личный практический опыт занятий *калариппаятту* (под руководством мастера, с 2009 г.), общение с другими традиционными мастерами Кералы, а также исследования ведущих западных специалистов (прежде всего Ф. Зарилли и Д.Х. Люиндийка).

ОВАНЕСЯН Лариса Геннадьевна

Челябинский государственный педагогический университет (Челябинск), Chajka45@yandex.ru

ФОЛЬКЛОРНО-ПЕСЕННЫЙ ТЕКСТ «ОКРУЖНОЙ ДРАЗНИЛКИ» КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНЫХ ФАКТОВ ИСТОРИИ И БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Песня, называемая информантами «Окружная дразнилка», является редким фольклорным образцом в ряду песенных традиций Челябинской области. В ее поэтическом тексте перечисляются 14 населенных пунктов с меткой характеристикой их жителей. Все они относятся к одному селенческому кусту, сосредоточенному вокруг наиболее крупного села Селезьян Еткульского района – бывшего Еткульского станичного юрта Оренбургского казачьего войска.

В фольклористике данный жанр относится к прозвищным корильным песням, построенным на антитезе – противопоставлении своей деревни чужой. В найденном варианте мы имеем не столько противопоставление, сколько повествование, носящее информационный характер с оттенками юмора и гротеска. Исполнялась песня во время молодежных обрядовых гуляний в виде «словесной перебранки», «выхвалки» друг перед другом. Одних величали, других – корили: «В Шеломенцевой богаты мужики, / А в Назаровой попить-погулять». Третьи удостоились именования по занятиям и обычаям: «...В Белоусово коров обдирать, / А в Копытово маханы приедать».

Село Белоусово на рубеже XIX–XX столетий имело крупную скотобойню. Потому за ним закрепилась слава «обдиральщиков коров». В деревне Копытово отпечатался след двух культур – славянской и тюркской, поскольку прежнее название «поселок Шантропинский» связано с коренным населением Южного Урала – башкирами, которых называли «маханниками», т. е. поедающими конское мясо.

В результате экспедиционного исследования удалось выявить основания и время возникновения перечисляемых населенных пунктов, период создания и бытования; установить реальность фактов и характеристик, определить свидетельства архаичного происхождения песни.

ПЕКИНА Анна Михайловна

*Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск),
vdir@onego.ru*

ЦЕВЕК Юдит

*Институт этнографии и фольклора АН Венгрии (Будапешт,
Венгрия), czovek@etnologia.mta.hu*

**ИЗУЧЕНИЕ ПЕНТАТОНИКИ В МУЗЫКАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ**

Изучение пентатоники имеет определенное значение для понимания взаимодействия культур. Н.С. Трубецкой в работе «Наследие Чингисхана» затронул вопрос о происхождении и распространении пентатоники в Евразии. Однако автор не упоминал о венгерской пентатонике. Бела Барток, изучая народную музыку венгров, обратил внимание на то, что композиторы, сочинявшие классические произведения, «вплетали» в них народные мелодии. В «Варварском аллегро» Б. Бартока возникает особая первозданная музыка. Будучи основателем музыкальной этнологии, Б. Барток провел параллель между марийскими, чувашскими и венгерскими народными песнями, особенно в архаическом стиле. В венгерских школах на уроках пения звучат около 70 песен, которые практически совпадают с марийскими и чувашскими мелодиями, а иногда с мелодиями перуанских индейцев Южной Америки. Венгерская пентатоника старого стиля имеет непосредственное генетическое или ареальное отношение к народной музыке тюркских народов степной зоны. Сравнительное музыковедение было продолжено Золтаном Кодай, в творчестве которого переплетались традиции венгерского крестьянского фольклора с современными средствами музыкальной выразительности. Его ученики – финно-угровед Габор Берецки, этнографы Вильмош Диосеги и Ласло Викар в 1950–1960-е годы совершили этнографическую экспедицию по Поволжью, побывав во всех тюрко-язычных и финно-угорских регионах. Выводы: в степной зоне господствовала единая музыкальная система – пентатоника, но венгерская пентатоника лишь косвенным образом имеет отношение к марийцам, так как те, в свою очередь, позже заимствовали ее у чувашей, переселившихся в лесную зону.

РЫЖАКОВА Светлана Игоревна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), lana@mega.ru*

**ОДЕРЖИМОСТЬ, СЛУЖЕНИЕ,
ЛИЦЕДЕЙСТВО: О ГРАНИЦАХ
РЕЛИГИОЗНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В
ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМ ИСКУССТВЕ
(на материале традиций Bhoota-kolam (Daiva nyama)
и Theyuam Южной Канны и
Северной Кералы, Индия)**

Практики контролируемой одержимости, художественно оформленные и санкционированные в рамках определенных религий и культов, известны во всем мире, и особенно распространены в Индии, в отдельных региональных вариантах индуизма и ислама суфийского направления. Модель, сочетающая одержимость духами или божествами, культовое служение им и устройство театрализованного представления (в котором разыгрывается история этого божества,

божество является людям, происходит встреча, диалоги, обмен дарами, пророчеством, решением материальных споров, целительством, разрешением психологических проблем), с наибольшей полнотой представлена в области Тулунаду (Конканское побережье и часть северного Малабара, три района штата Карнатака – Шимога, Уттара и Дакшина Канныда и северная часть Кералы – районы Касаргод, Каннур, Вайнад, Каликат). Бхута-колам (*дайва ньяма*) и *тейям* здесь – тотальные консервативные социальные институты, в которые вовлечены все касты и локальные сообщества. Можно проследить высокую системность, инструментальность их внутренних частей (символика цветов, звуков, жестов, движений, социальных статусов), их связь с другими исполнительскими формами искусства (племенные танцы, игра на барабанах, *нагаманда*, *кадьаната*, театр *якшагана*). Традиции почитания дайвов (*тейямов*) и *бхутов* дают уникальный материал для наблюдения эволюции культов (от локального, семейного или кланового до регионального и национального), их полифункциональности и многослойности, а также для выявления процессов и проблем эмансипации светского искусства, его отделения от ритуального контекста.

СИРОТКИНА Ирина Евгеньевна

*Институт истории науки и техники РАН (Москва),
struna2006@mail.ru*

**КАК АНТРОПОЛОГИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ТЕАТРА И ТАНЦА ОБОГАЩАЮТ ДРУГ ДРУГА**

В 1970 г. вышла статья американского антрополога Джоан Кеалиинохомоку (Joann Keali'inohomoku), перевернувшая тогдашние представления об «этническом танце» и танце вообще. Называлась она провокационно: «Антрополог смотрит на балет как на форму этнического танца». Автор пыталась показать, насколько условны и зависимы от культуры формы танца, считающегося на Западе «высоким искусством». Она также писала о том, что эпитет «этнический», который антропологи прилагают к незападному искусству, нацелен на то, чтобы это искусство принизить, приписать ему более низкий ранг, по сравнению с искусством Запада. Автор призвала отказаться от мифов о танце, которые питают и поддерживают кабинетные антропологи, и перейти к полевому изучению танца, как западного, так и западного, соблюдая в этом симметрию. Примерно в это же время, в начале 1970-х годов, южно-африканская танцовщица Дрид Вильямс преподавала историю танца группе студентов в Гане. Это заставило ее пересмотреть западнотрические взгляды на танец; она занялась антропологией и защитила диссертацию, объединившую исследование католической мессы, академического балета и восточных единоборств. Вместе с Кеалиинохомоку и другими исследователями, Вильямс создала новую субдисциплину – антропологию движения, включавшую исследования танца, языка жестов и др. В то же время, театральные режиссеры Питер Брук, Ежи Гротовский, Эудженио Барба и другие, интересующиеся незападными театральными традициями и использующие их в своей художественной практике, способствовали созданию еще одной субдисциплины – театральной антропологии. Установление симметрии между западными и незападными формами танца в исследованиях и на практике

привело к возникновению performance studies – программы исследований перформативных искусств (театра, танца, перформанса, шоу и пр.), в которую могут интегрироваться данные этнологии и антропологии. В разных странах мира существуют учебные программы по этой специальности на уровне магистра и бакалавра. В докладе я расскажу также о прецедентах создания таких программ в нашей стране и, в частности, о собственном учебном курсе, посвященном исследованиям движения и танца, в Высшей школе экономики (Москва) и РГГУ.

СТРУЧКОВА Наталья Анатольевна

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Якутск), struna2006@mail.ru*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ СОВРЕМЕННОГО ТАНЦЕВАЛЬНОГО ИСКУССТВА ЯКУТОВ

В докладе представлены результаты историко-этнологического анализа содержания и формы современных сценических фольклорных якутских танцев конца XX – начала XXI века. На практических примерах работы якутских хореографов-постановщиков и созданных ими народно-сце-

нических танцев рассматриваются практические и теоретические проблемы состояния и развития кинетической культуры народа саха. В частности, на основе результатов социологических опросов, на примерах сценических постановок народных, обрядовых и современных национальных танцев анализируются вопросы соотношения традиционного и нового в культуре этноса, сохранения и развития в сценических танцах мировоззрения якутов, проводится анализ использования традиционных танцевальных терминов и традиционных танцевальных форм. Для создания истинно национальных образов в современном танцевальном искусстве необходим комплексный подход, включающий качественную подготовку специалистов в области постановки национальных танцев, участие в танцевальных постановках научных консультантов-этнологов, целенаправленно изучающих символический язык традиционного танца и консультантов-краеведов, занимающихся фиксацией и сбором полевых материалов на местах. Еще большее значение приобретает на современном этапе работа по популяризации народных танцев как своеобразного фактора гуманизации общества, так как с исторической точки зрения в основе их формирования лежат общие мифо-ритуальные, надэтнические принципы.

Секция 34
НАРОДНОЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Янес Мария Александровна – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

E-mail: yma@kustkamera.ru

Чвырь Людмила Анатольевна – д.и.н., Институт востоковедения РАН (Москва)

E-mail: lchvyrg@yandex.ru

БАТЫРЕВА Светлана Гарриевна

Музей им. Зая-пандиты, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста), sargerel@mail.ru

СУВЕНИР И НАРОДНОЕ ИСКУССТВО

Декоративно-прикладное искусство Калмыкии живет традициями народного искусства, переосмысливаемыми в современном художественном процессе. В поисках этнической идентичности мастеров и художников происходит становление сувенирного дела в республике. Реализация самосознания авторов приносит плоды в виде искусства, синтезирующего художественные традиции на новом уровне развития калмыцкой культуры. Освоение традиций происходит в процессе межэтнического культурного взаимодействия и способствует конструированию имиджа калмыцкой культуры, востребованной в качестве сувенирного изделия в кросскультурном диалоге традиций.

ГАДЖАЛОВА Фатима Амирбековна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН (Махачкала), f-gadzhalova@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ВЯЗАНЫЕ
ИЗДЕЛИЯ ДАГЕСТАНА

Вязание – одно из древних видов рукоделия, поэтому неслучайно, что вязаные изделия бытовали у всех народов Дагестана. Здесь зафиксировано вязание шерстяных носков (джурабов), обуви типа сапог и тапочек в виде чукяков. Изучением вязаных изделий как части традиционной одежды народов Дагестана занимались в разное время С.Ш. Гаджиева, Г.А. Сергеева, А.Г. Булатова, С.С. Агаширинова и др. При общей схожести приемов вязания, изделия у разных народов Дагестана отличались по видам, по декоративной отделке, по функциональным особенностям (обувь для выхода на улицу, для дома) и т.п. Известными районами, где джурабы производили не только для домашних нужд, но и для продажи в XIX–XX вв. являлись: у аварцев – Тляртинский район, у лезгин и лезгинских народов – Ахтынский, Докузпаринский и Рутульский районы. У других народов (лакцев, даргинцев и т.д.) вязали только для собственных нужд. По художественным особенностям вязаные изделия у народов Дагестана были двух видов – без узора и с декором (орнаментированные). В орнаменте вязаных изделий преобладал геометрический рисунок, реже геометризованный растительный. По композиции узора, его цветовому решению традиции вязания были близки к искусству ковроткачества. Производство вязаной обуви у народов Дагестана в связи с распространением фабричной обуви было утрачено в середине XX в. Носки и чукяки же вяжут по сей день.

ГАРУНОВА Саида Магомедхановна

Институт языка, литературы и искусства Дагестанского НЦ РАН (Махачкала), mkhan@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ МУЗЕЙНЫХ
КОЛЛЕКЦИЙ ДАГЕСТАНСКИХ КОВРОВ

Изучением дагестанского ковроткачества, его орнаментально-композиционного своеобразия в контексте внешнего (тюркского, иранского, переднеазиатского) влияния занимались, главным образом, отечественные этнографы и искусствоведы. Отдельную и важную часть работ по дагестанскому ковроткачеству составляют десятки статей, монографии и красочные книги-альбомы, изданные за рубежом. Среди них – серия посвященных кавказским коврам книг-альбомов, в которых отдельные разделы отведены рассмотрению дагестанских ковров. Во многих изданиях дагестанские ковровые изделия составляют большую (как, например, в книге «Сумах» итальянского исследователя Альберто Боралеви) или значительную часть иллюстрируемых и комментируемых образцов (как, например, в труде Ральфа Каффеля «Кавказские молитвенные ковры»).

Кавказские ковры принято группировать по административно-территориальным границам, а не социокультурным пространствам, которые, как известно, имеют этническую определенность. В этой связи, идентификация ковров «Куба», «Перебелиль», «Чи-чи», «Зейхур», «Зейва» (эксперты по кавказскому ковроткачеству называют его «Lezgi Stars» – лезгинские звезды) как азербайджанских (понятие не только административно-территориальное, но и этническое) может означать, что лезгины и цахуры не имеют к их производству отношения.

Аварские гладкотканые ковры «давагины» и «супрадумы» с их уникальным орнаментом, кумыкские паласы «думы», в которых сочетаются кавказские и древнетюркские орнаментальные мотивы, не имеют аналогов в мире, а потому их идентификация не вызывает сомнений.

Итак, существует солидная научно-информационная база, освоение которой является обязательным условием адекватной идентификации, паспортизации и описания музейных коллекций ковровых изделий.

ГЛУШКОВА Тамара Николаевна

Сургутский государственный педагогический университет (Сургут), tam.g@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ
ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПЛЕТЕННЫХ И
ТКАНЫХ ПОЯСОВ У ОБСКИХ УГРОВ

Изготовление плетеных и тканых поясов обскими уграми можно рассматривать как одну из традиционных техно-

логий, которая бытовала достаточно широко. В литературе подробно описаны сами материалы [например, Ермолова, 2005], а также технология их изготовления [Сирелиус, 1906; Попов, 1955]. Знакомство с культурой восточных хантов подтверждает, что эта традиция сохраняется, но она значительно видоизменилась, как это видно на примерах – узорных поясах, выработанных на хантыйском берде, где узор получается за счет закладывания по счету необходимого количества разноцветных нитей. Можно отметить, что тканые пояса на сегодняшний момент изготавливаются далеко не повсеместно, однако зачастую мужчины плетут вручную подвязки для меховой обуви. Интересно, что для этого используется технология «диагонального плетения в середину», которая скорее известна, как русская или зырянская традиция. В публикации [Две Югры, 2013, т. 3] имеется очень оригинальный образец плетения женщиной текстильного пояса по описанной схеме, но нетрадиционным способом, который позволяет получить фактуру полотна, очень похожую на фактуру бисерного плетения по внешнему виду. Можно предположить, что это попытка имитации бисерного пояса, но более простыми средствами при сохранении такой важной характеристики текстильного полотна, как прочность, которая в бисерном плетении отсутствует. Таким образом, можно констатировать, что технология производств явно трансформируется со временем под действием разных факторов.

ГЮЛЬ Эльмира Фатхлбояновна

Институт искусствознания АН Республики Узбекистан (Ташкент, Республика Узбекистан), egul@yahoo.com

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО УЗБЕКИСТАНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Политика национального возрождения, стартовавшая в Узбекистане с обретением независимости, пробудила интерес к художественному наследию. Государство выступило с законодательными инициативами, поддерживающими ремесленничество. Инициаторами проектов в сфере ремесел стали также международные организации. В результате увеличилось количество людей, занимающихся ремеслом профессионально, появились мастерские по производству кустарных изделий.

В докладе анализируются особенности развития ремесел на современном этапе. Ремесленничество вновь включается в систему рыночных отношений. Продукция мастеров перестает служить лишь пополнением музейных коллекций; она отходит от «сувенирности» и «возвращается» в повседневную жизнь. Меняется видовой ассортимент – появляются изделия, отвечающие требованиям современного быта, но сохраняющие свою этническую «узнаваемость».

В числе негативных тенденций – погоня за количеством, ведущая к снижению качества, и не всегда взыскательные вкусы, приводящие к появлению ширпотреба.

Наряду с сохранением художественных канонов на первый план выходит авторское начало. Народные мастера нередко выступают как художники, стремящиеся к созданию индивидуального, авторского стиля, – процесс, имеющий неоднозначные последствия.

Одна из актуальнейших на сегодняшний день задач – сохранение специфики локальных школ, проблема экологии

традиционного искусства. Программы по возрождению ремесел не всегда учитывают локальную специфику.

Традиционное прикладное искусство в наши дни – это и носитель вековых ценностей, и живой, развивающийся организм, с яркими достижениями и проблемами роста. Благодаря традиционному прикладному искусству современная культура сохраняет свою самобытность, столь ценную в век глобализационных процессов.

ДЕНИСОВА Наталья Геннадьевна

Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева (Саранск), nataliden21@yandex.ru

НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ МОРДВЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Несмотря на современные процессы глобализации и интеграции, мордва в значительной степени сохранила свои этнические традиции не только в сфере духовной жизни, но и в материальной культуре. Издавна широкое развитие у мордвы имели различные виды промыслов: резьба по дереву, шитье бисером, составление украшений из бусин, раковин каури. Подлинным произведением искусства являлась резьба на парях-кадушках, предназначенных для приданого. Ярким самобытным явлением национальной культуры предстает вышивка. Давние традиции имеют шитье блестящими, плетение тесьмы, поясов. Многие виды народных промыслов сохранили свои традиции и в настоящее время. Возрождается бисероплетение, ткачество, изготовление мордовских национальных костюмов, кукол, выполненных в национальных традициях. В современных условиях свое новое рождение получила резьба по дереву. Большую известность имеет тавлинская деревянная игрушка, отличающаяся особой манерой изготовления и художественно-пластическим стилем. Народная вышивка и резьба по дереву являются программными предметами республиканских и районных художественных школ и школ искусств, факультета национальной культуры МГУ им. Н.П. Огарева. Важную роль играет национальная политика, направленная на развитие промыслов. Мордовия становится центром проведения всероссийских, межрегиональных выставок и ярмарок народных художественных промыслов финно-угорских народов, в которых широко представлены работы мастеров декоративно-прикладного искусства. Развитие промыслов имеет большое значение не только в возрождении материальной и духовной культуры мордвы, но в этнической социализации личности.

ДОНИНА Лариса Николаевна

СУСЛОВА Светлана Владимировна

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань), lis.art@mail.ru, sv_suslova@mail.ru

ТАТАРСКАЯ ФИЛИГРАНЬ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Филигрань была известна еще ювелирам Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Наивысшего технологического совершенства она достигла в XVIII в., но к началу XX в. в силу различных исторических причин практически исчезла. В технике филигрании изготавливались женские украшения. Татарская филигрань была трех

типов: *накладная*, *напаянная* на основу изделия, *ажурная* (*плоская*) и *бугорчатая* (*рельефная*) – без основы, когда детали орнамента спаивались между собой. Новые материалы, полученные на базе исследовательского проекта РФФИ (№ 13-06-97056) «Ювелирные украшения тюркских народов Евразии», дополнили прежние результаты исследований в этой области. Так, удалось обнаружить определенную общность в изготовлении филигрانی у татар и ряда тюркских и тюрко-монгольских этносов Евразии (Центральной и Средней Азии, Кавказа). Общность наблюдается в приемах технологии, в используемых металлах, в сходстве художественно-конструктивных решений, мотивов орнаментации и др. Более того, изучение татарской филигрانی из Особых кладовых российских музеев при консультациях с практикующими ювелирами показало, что при ее изготовлении использовались три вида проволоки – *витая*, *штампованная* и *спиральная*. Витая и спиральная проволока круглого сечения применялась для оформления кастов и в качестве декора накладной скани; вальцованная витая – для элементов орнамента ажурной скани; вальцованная спиральная – для декора контура, штампованная – для бугорчатой филигрانی. В основе художественной образности ажурной и бугорчатой филигрانی лежит «спираль». В Республике Татарстан предпринимается попытка реконструкции уникальных технологий татарской филигрانی.

ИСАЕВА Татьяна Ивановна

Санкт-Петербургский государственный университет технологий и дизайна (Санкт-Петербург), old_chest@yandex.ru

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ И ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИЗАЙНЕРОВ

Этнический дизайн – течение, появившееся в общей картине направлений современного дизайна в 1960-е годы прошлого века. Русское направление в этническом дизайне было представлено стилем а la russe, который использовал популярные образы-штампы, приписываемые русскому национальному искусству.

В последние годы в российских мегаполисах развиваются клубы, деятельность которых направлена на изучение национального искусства, в частности, текстиля и костюма на уровне реконструкции. Деятельность таких клубов стимулирует развитие национального дизайна костюма.

В Санкт-Петербурге также появились объединения дизайнеров, творчество которых питается национальными источниками. В частности, студия авторского текстиля «Валежник» – неформальное объединение художников прикладного искусства и дизайнеров текстиля. Концепция студии предполагает создание объектов дизайна из рукотворных материалов с применением традиционных текстильных технологий: ручного вязания и ткачества.

Направление эко-этнодизайна представляет также дизайн-студия авторского текстиля «Windfall». В мастерской «Windfall» из хаоса кудели рождается войлок, в процессе ручного прядения – нить, а из нее – уникальные поверхности и формы текстиля.

В русле этой же тенденции возник арт-проект «Гнездо». В основе его концепции лежит идея возрождения русского национального костюма в новом формате: в качестве одеж-

ды для наших современников, проявляющих интерес к отечественной истории и культуре.

Приведенные факты позволяют утверждать, что в профессиональной среде дизайнеров текстиля и костюма поиски художественных образов переместились с внешних форм русского традиционного искусства на создание художественных проектов, основанных на авторском видении национальной культуры.

КОТЕЛЕВСКАЯ Зоя Александровна

Миасский филиал Челябинского государственного университета (Миасс), zoalko80@mail.ru

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ КАК СПОСОБ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО РЕМЕСЛА ПЛЕТЕНИЯ НА КОКЛЮШКАХ

Плетение на коклюшках является одним из самых красивых традиционных видов декоративно-прикладного ремесла. Исполнительский интерес к кружеву возрастает. Если раньше обучение шло «из рук в руки», то сейчас учиться плетению можно с помощью фото- и видео-уроков.

Если в 90-е годы XX века сведения о кружевоплетении приходилось собирать по крупицам, печатных изданий, посвященной этой теме, было очень мало и их трудно было найти, то в настоящее время выбор материалов достаточен. Есть возможность связаться с единомышленниками (как любителями, так и профессионалами) в разных уголках страны, спросить совета и поделиться опытом.

Одним из самых важных и трудоемких элементов кружевоплетения является сколок изделия. В Интернете представлены и энтузиасты, готовые предложить сколки в открытом доступе (чаще всего это сканированные книги, журналы), любую литературу о кружеве, и авторы, которые продают изделия и некоторые из сколков.

Те центры кружевоплетения России, которые достигли наибольшего расцвета на рубеже XIX–XX веков, являются наиболее представленными и в электронных ресурсах.

Использование Интернет-ресурсов может помочь в определении состояния промысла в том или ином центре на сегодняшний день. Если рассмотреть ряд публикаций, посвященных развитию кружевоплетения в различных центрах, то в 2004–2007 гг. их авторы отмечали, что его сохранение и развитие представляет собой серьезную проблему. Многим из центров требуется поддержка.

КРИКАУ Любовь Владимировна

Карасукский краеведческий музей Новосибирской области (Карасук), lkrikau@rambler.ru

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО УКРАИНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК СИМВОЛ ЭТНИЧНОСТИ

Сегодня музеи являются проводниками концепции неотрегидионализма, ориентированной на «обучение» традициям как одной из форм воспроизведения этничности. Сохранение и воспроизводство украинской культуры в рамках музейных практик характерно и для Новосибирской области: украинская бытовая и художественная культура представлена в Карасукском, Кыштовском районных краеведческих музеях, в Краснозерском художественно-крае-

ведческом музее. В их фондах хранятся образцы искусства выходцев из Полтавской, Черниговской, Киевской, Харьковской губерний. Но исследования показали, что большая часть этих вещей была произведена уже в Сибири. Приемы и технологии художественных ремесел сохранялись среди потомков украинских переселенцев вплоть до середины XX в. Одновременно по материалам коллекций можно проследить, как в культуре украинских сел появлялись элементы, связанные с унификацией быта и этнического стиля. Тем не менее, и сейчас отдельные образцы народного искусства, представленные яркой вышивкой, образцами домовой полихромной росписи, росписью по стеклу и проч., сохраняются не только в музеях, но и в домах украинцев. Эти изделия остаются заметной чертой повседневной культуры и своеобразным символом этничности до настоящего времени.

КУБЕЛЬ Елена Леонидовна

*Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
elenakubel@yandex.ru*

ПРОИЗВОДСТВО МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В КАРАКАЛПАКСТАНЕ

Традиция производства музыкальных инструментов у каракалпаков имеет глубокие корни. Специалистов, занятых только этим видом ремесла, было немного, раньше этим обычно занимались мастера-деревообделочники широкого профиля. Они владели навыками, позволяющими выполнять все виды работ, связанных с обработкой дерева, начиная от пахотных орудий и заканчивая тонкой резьбой на дверях юрты или сундуках. Современные условия диктуют необходимость узкой специализации мастеров, что связано с рядом факторов как экономического, так и социального свойства. Мастера, изготавливающие музыкальные инструменты оказались в более выгодных условиях по сравнению, например, с ювелирами, которые из-за отсутствия спроса вынуждены отказываться от производства традиционных украшений. Рынок сбыта музыкальных инструментов, напротив, расширяется, отвечая современным запросам всех слоев каракалпакского общества. Музыкальные инструменты преподносят в качестве подарка в торжественных случаях, их дарят на юбилеи, мужчины (даже не умеющие играть) заказывают их для себя у известных мастеров; дулар присутствует в интерьере как репрезентация родной культуры. Идея возврата к ценностям национальной культуры была провозглашена центральноазиатскими государствами в 1990-е годы и каракалпакская музыкальная культура, составляющая предмет национальной гордости, — одно из ее воплощений. По всей республике была открыта широкая сеть музыкальных школ, и это дало возможность для профессионального роста молодых мастеров.

ЛЫСИКОВА Наталья Павловна

*Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского (Саратов), 450885@list.ru*

СПЕЦИФИКА, УНИКАЛЬНОСТЬ И АКТУАЛЬНОСТЬ ИСКУССТВА «КОЛОКОЛЬЦЕВСКОЙ» ШАЛИ

Первые русские шали, созданные в сложной технике двустороннего ткачества, появляются в начале XIX века,

и уже тогда по своему качеству и эстетической привлекательности они не уступали заграничным образцам. Постепенно шаль становится обязательным атрибутом не только нарядного, но и повседневного платья. Большое значение придавалось умению носить шаль так, чтобы она искусно дополняла женский образ, делала более привлекательным и, одновременно, таинственным. XIX век можно смело назвать «веком шали» в туалете женщины. В Саратовском художественном музее им. Радищева на портретах княгини Щербатовой, купеческой жены А.Н. Батуриной изображены превосходные шали, дополняющие не только внешний облик, но и раскрывающие внутренний мир женщин. Заметное место среди отечественных производителей шалей занимает «колокольцевская» фабрика, основанная в начале XIX века статским советником Д.А. Колокольцевым в с. Ивановском Петровского уезда Саратовской губернии. Современники в превосходной степени отзывались об этих шалях, ценили их за уникальность техники, красоту, неповторимость узора, цветовую гамму, прочность, легкость. Одну шаль изготавливали за 1–1,5 года, и стоила она от 1 до 15 тыс. рублей. Несколько «колокольцевских» шалей хранятся в музеях (в Эрмитаже). Во второй половине XX века мода на шали вернулась, и очень хотелось бы надеяться, что лучшие традиции «колокольцевской» шали будут освоены и воссозданы.

МАГОМЕДОВ Амирбек Джалилович

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
(Махачкала), amirbek.49@mail.ru*

ТРАДИЦИОННЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ ДАГЕСТАНА В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Реалии последних десятилетий таковы, что дагестанские изделия из серебра, сувенирное оружие, ковры, другие изделия завоевали устойчивую нишу на рынке товаров России. В Дагестане интенсивно пошли процессы возрождения традиционных художественных промыслов. Важнейшим стимулом их развития стала свобода частной торговли, пришедшая на смену государственной торговле советского времени. Ко времени перехода России к рыночным отношениям (в начале 1990-х годов), благодаря перестройке зачатки новых отношений в промыслах уже давали о себе знать: на рынок работали индивидуальные мастера, кооперативы. Полевые и другие материалы, отражающие реалии конца XX века, свидетельствуют о значительном сходстве, чуть ли не «один к одному», изменений в развитии художественных ремесел с процессами в начале XX в.: они превращались в разновидность малого бизнеса. Это выражалось в усилении предприимчивости, в поисках рынков «ходового ассортимента», в широком использовании кооперационных связей, в восстановлении забытых художественных технологий, в выработке разнообразного ассортимента, в развитии традиций семейного художественного и трудового воспитания. Вместе с тем ликвидация советской монополии внешней торговли привела к конкуренции зарубежных товаров. Огромный поток импортной сувенирной, ковровой и иной художественной продукции заполнил «восточные» рынки городов республики, а из-за скачков цен на драгметаллы и драгоценные

камни (вследствие мировых финансовых кризисов) стало лихорадить ювелирные промыслы Дагестана.

МОСКВИНА Маргарита Васильевна

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
marg.moskvina@gmail.com*

НАКОСНЫЕ УКРАШЕНИЯ АЛТАЙСКИХ ЖЕНЩИН В ПРАКТИКАХ СИМВОЛИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

С 1990-х годов в Республике Алтай начали восстанавливать промысел по изготовлению этнического костюма и аксессуаров к нему. Основным направлением развития выбрана стилистика, объединяющая традиционные и новейшие тенденции. Символически значимыми элементами народного костюма всегда были женские накосные украшения «шанкы», считавшиеся неотъемлемым атрибутом образа алтайской женщины. В настоящее время не только производство, но и широкое использование одежды и украшений в этническом стиле становятся все более популярными в Республике Алтай. Сейчас этнический костюм приобретает новые смыслы, но прежде всего он является презентацией этнической идентичности алтайцев. В этом аспекте изменились и функции женских накосных украшений. Практики изготовления и широкого тиражирования этих традиционных изделий особенно востребованы в связи с развитием празднично-обрядовой сферы современной этнической культуры алтайцев. В рамках этих мероприятий костюмы с использованием накосных украшений получают уже своеобразную, более современную интерпретацию. Конкурс «Шанкы», начав свое бытование в рамках народного праздника Эл Ойын, стал своеобразной версией местного конкурса красоты, войдя в сценарии и некоторых других любимых народом праздников (Чага Байрам, школьные праздники и др.). Активное использование украшений в сценических, празднично-обрядовых и презентационных практиках дало импульс к появлению современной трактовки символики украшений, о чем будет подробнее рассказано в докладе. В целом, традиция изготовления украшений для волос продолжается, их значимость в структуре алтайского костюма сохраняется, однако их смысл и символика трансформируются.

ПАВЛОВА Елена Юрьевна

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
e_len@ngs.ru*

КОЛЫВАНСКИЙ КАМНЕРЕЗНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АЛТАЯ

Одним из центров русского камнерезного искусства, обладающих историческими традициями, является Колыванский камнерезный промысел. Произведения мастеров Колыванской шлифовальной фабрики в XIX в. имели мировую известность. Здесь создавались не только величественные вазы, чаши, детали интерьеров для парадных залов Петербурга из ревневской яшмы, коргонского порфира, белорецкого кварцита, но и предметы мелкой пластики – антики, камеи и печати. В специфике производства камнерезных изделий ярко проявилось слияние двух линий русской художественной культуры: профессиональной и народной.

Несмотря на все сложности, на протяжении XX в. на фабрике сохранялись традиции обработки камня, школа мастерства. С конца 1960–1970-х годов растет производство художественных изделий, развивается ювелирное направление, осваивается искусство флорентийской мозаики. В это время монументальные произведения камнерезного искусства – вазы, мозаичные панно – становятся частью городской архитектуры Алтайского края – г. Барнаула, Змеиногорска, пос. Колывань.

В настоящее время камнерезное дело Алтая вновь переживает возрождение. Наследие Горной Колывани рассматривается как уникальный ресурс Алтайского региона. Камнерезное искусство сегодня – это фактор конструирования экономического и культурного имиджа региона. Это отражено на современном гербе Алтайского края – с изображением колыванской «царицы ваз» – гигантской вазы, созданной в первой половине XIX в. и хранящейся в Государственном Эрмитаже. Она символизирует достоинство, храбрость и мужество мастеров Горной Колывани.

ПРИВАЛОВА Вера Михайловна

Самарский НЦ РАН (Самара), privalova@ssc.smr.ru

ОРНАМЕНТ КАК ЗНАКОВО- СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК РИТУАЛОВ КУЛЬТУРЫ

Символика орнамента представляет феномен homo sapiens в знаково-символическом языке его сознания. Семиосфера, как знаково-символическая летопись жизни народов, отражается в орнаменте «морфологией формообразования» (О. Шпенглер). Орнамент предшествовал осознанию числа в математике, в нем «пра-символ предвещает самого себя» (Вл. Луков). «Орнаментальная концепция относится к отдельным искусствам, как математика – к остальным наукам» (П. Валери). В представлении древних римлян «орнамент» был необходимым снаряжением воина, охраняя его жизнь в бою. Орнамент на керамике отражает «две линии изучения человеческой культуры: историю технического прогресса и развитие духовной культуры человечества» (П. Кожин). Орнамент изображает не отдельные вещи и не частные отношения, облекая наглядностью «мировые формулы бытия» (П.А. Флоренский). Д.С. Лихачёв выделял «орнаментальность» как «типичное явление древнеславянской прозы». С антропологической точки зрения функции орнамента как знаково-символического языка многочисленны и разнообразны (эстетическая, коммуникативная, арттерапевтическая, познавательная, воспитательная, этническая, ритуально-магическая и др.), о чем в докладе будет рассказано подробно.

РЕШЕТНИКОВА Раиса Германовна

*Объединенная редакция национальных газет «Ханты ясанг» и
«Луима сэрипос» (Ханты-Мансийск), raisareshetnikova@mail.ru*

ОРНАМЕНТ В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ОДЕЖДЕ ОБСКИХ УГРОВ

Обские угры сыграли большую роль в развитии орнаментального искусства народов Сибири. По мнению исследователей, они занимают одно из первых мест в этой области, как по богатству орнаментальных мотивов, так и

многообразие технических приемов. Народное искусство у обских угров пронизывает все сферы жизнедеятельности человека, способствует развитию его творческих способностей, формированию эстетического восприятия (представлений, навыков, вкусов, чувств и идеалов). Орнамент представляет собой относительно устойчивый элемент их художественной культуры, сохраняющий свою инвариантность на протяжении многих столетий и даже тысячелетий. Яркий пример – старинный женский костюм, одежда из меха. Сах в составе традиционного костюма обских угров занимает достойное место и является высокохудожественным произведением народа, хранящего традиции высокой культуры. Сейчас орнаментированные изделия и сам процесс орнаментального творчества становятся поводом для живого общения людей, принадлежащих к разным социальным группам и, что для нас особо важно, к разным возрастным категориям. Искусство орнамента у обских угров во многом сохранило архаичную символику, и поэтому в настоящее время оно превращается в один из факторов формирования этнического самосознания народа. Оно не только опирается на местные художественные каноны, обладает арсеналом собственных выразительных средств, но и развивается, выходит за пределы сугубо декоративно-прикладной сферы в более широкое культурное пространство.

СТАСЕВИЧ Инга Владимировна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), stinga73@mail.ru

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОГО ТВОРЧЕСТВА КЫРГЫЗОВ (теоретический и практический аспекты)

Начиная с 1991 г. – со времени объявления государственной независимости – одной из основополагающих линий официальной декларируемой политики Кыргызстана стало возрождение национальной кыргызской культуры, что повлекло за собой известную актуализацию (традиционных) архаичных ценностей. Это, несомненно, оказало влияние на современные этнокультурные процессы, протекающие в стране. Процесс так называемой «архаизации» затронул обрядовую сферу, повседневную культуру, включая нормы этикета, и, конечно, – материальную область. Современное прикладное творчество кыргызов, ориентированное на традицию, получило поддержку на государственном уровне и как одна из форм мелкого частного бизнеса, и как направление развития современного искусства, возрождающего традиционные национальные каноны. Однако обращение к традиционным ценностям не подразумевает их абсолютизацию. Нельзя не учитывать новых современных реалий жизни, специфику мировоззрения современного человека. Цель доклада – попытаться проследить динамику развития традиции декоративно-прикладного творчества кыргызов за последние несколько десятков лет как в ее естественной среде существования, то есть внутри культуры, так и вне этнической среды.

С определенной долей условности, в современном прикладном творчестве кыргызов можно выделить два уровня: традиционный и инновационный, что свидетельствует о наличии в культуре двух потребительских рынков. И, по всей

видимости, разрыв между этими направлениями развития национального искусства со временем будет только углубляться.

ТИТОРЕВА Галина Теодоровна

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова (Хабаровск), mazo2005@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РИТУАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ

Ритуальная скульптура коренных этносов Приамурья (*сэвэны*) – нанайцев, ульчей, нивхов, орочей, удэгейцев – представляет интерес не только с точки зрения функциональной значимости и семантической наполненности, но и как образец художественного творчества ее создателей. Важной семантической и художественной особенностью всех изображений является совпадение центра деревянной заготовки и вертикальной оси скульптуры. Являясь аналогом Мирового Древа жизни, соединяющего три уровня мироздания, *сэвэн* пропускает через свою сердцевину центральную ось земного дерева. Этот прием не только выявляет космогоническую символику образа, но предоставляет художнику возможность вариативного использования текстуры материала. Меняя угол среза, мастер добывается нужного рисунка и направления годовых колец дерева, создающих определенный декоративный эффект или моделирующих детали фигуры: глазницы, нос, грудь и т.п.

Стилистически культовая скульптура характеризуется как монументальная, конструктивно-обобщенная. Монументальной образности мастер добывается, используя простые геометрические объемы, массивные формы, отсутствие мелких деталей. Автор не применяет шлифовку, оставляя фактуру изделия слабо проработанной, что придает ей характер архаичности, первородной непосредственности, подчеркнутой рукотворности.

Зооморфная скульптура более детализирована и проработана тщательнее, чем антропоморфная. Вероятно, это связано с более древним ее происхождением, чем изображения человека. Ритуальная скульптура коренных этносов Приамурья – уникальное явление традиционной художественной культуры. Она отличается сильным эмоциональным звучанием, яркой образностью и выразительностью.

УНАРОКОВА Мира Юнусовна

Адыгейский государственный университет (Майкоп), nartic@yandex.ru

АДЫГСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛАГОРОДНЫЙ МЕТАЛЛ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Археологическое художественное серебро и золото, обнаруженное на этнической территории адыгов, представлено как в Национальном музее Республики Адыгея (более 2500 образцов), так и в ведущих музеях России (в Государственном Эрмитаже – шедевры Майкопского кургана IV тыс. до н. э.; в Государственном Историческом музее – синдо-меотский художественный металл I тыс. до н. э. и серебро из Белореченских курганов XIV–XV вв.; в Государ-

ственном музее искусства народов Востока – образцы меотской торевтики из Уляпских курганов).

Этнографическое художественное серебро экспонируется в Северокавказских музеях. Современная торевтика в Адыгее представлена творчеством двух ведущих художников – Аси Евтых и Мурата Гогуюкова. Орнаментальная палитра, художественные технологии, исходное сырье, номенклатура изделий – у каждого из художников-ювелиров сугубо индивидуальны.

Творчество Аси Евтых ориентировано на образцы археологического художественного металла, чаще избирается техника литья. Эти произведения отличаются монументальностью, один из излюбленных приемов – обильная позолота серебряных изделий. Творчество Аси Евтых сочетает в себе широкий ассортимент художественных изделий, востребованных как современным адыгским сообществом, так и иноэтничными заказчиками.

М. Гогуюков следует традиционным технологиям этнографического художественного серебра: гравировка, оброн, чернь, легкая позолота, филигрань, зернь, ложная зернь, инкрустация. Номенклатура его изделий ограничивается традиционными аксессуарами экипировки адыга. Несмотря на различия, творческие усилия обоих ювелиров служат возрождению и развитию художественных традиций данной отрасли прикладного искусства адыгов.

ЧВЫРЬ Людмила Анатольевна

Институт востоковедения РАН (Москва), lchvyr@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО ИСКУССТВА ПЕРИОДА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Изучать народное искусство сейчас сложно, поскольку сам предмет рассмотрения «ускользает» и с трудом поддается определению. Мощный поток массовой культуры вытесняет иные формы современного искусства, подделываясь то «под народное», то под «профессионально-академическое»; в итоге размываются границы между основными потоками художественного творчества в целом. Причины этой тенденции очевидны: радикальное переустройство окружающего мира на рубеже XX–XXI веков, процессы глобализации, глубокие социальные сдвиги в современном российском обществе – все влияет на искусство. Стремительный рост городского населения (за счет исчезающего сельского) обусловил бурное развитие именно в городах «низовой» культурной традиции с активным участием молодежи. Этнографы интенсивно изучают новейшие религиозно-магические практики, бытовое исполнительское искусство (фолк-рок, фолк-рэп и др. смешанные формы). На этом фоне продолжает существовать и народное декоративно-прикладное искусство, но уже сильно видоизмененное. Здесь явно выде-

ляются разные типы трансформации исходных этнических традиций. Прежде всего это стилизация, то есть изготовление вещей, довольно точно копирующих старинные образцы. Другой ее вариант – создание намеренно эклектичных предметов, в которых смешивают черты местной традиции и интернациональной моды. Особый интерес вызывают новые художественные практики, далекие от канонов традиционного искусства, но популярные среди горожан. В докладе будут приведены примеры из области современного художественного творчества, которые могут послужить основой для обсуждения основных свойств и характерных признаков подобного «нового народного искусства».

ЯНЕС Мария Александровна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), yma@kunstkamera.ru

«ГЛОБАЛЬНЫЙ» И РЕГИОНАЛЬНЫЙ СУВЕНИР

В современном, охваченном глобализацией мире, традиционному сувениру все сложнее сохранять свою функцию – транслирование культуры конкретного народа и региона. Сувенирные магазины заполнены одинаковыми для разных регионов магнитиками, тарелками и другими предметами, произведенными в Китае, и различающимися лишь наклейками с названиями городов. До недавнего времени создавалось впечатление, что такая «глобализация» затрагивает лишь предметы низкой ценовой категории и не распространяется на изделия ручного производства, в частности – на текстиль. Но уже и в эту сферу внедрились предметы, этническое происхождение которых спорно. В данном случае я хочу остановиться на вышитых лентах скатертей и салфетках. Впервые я столкнулась с ними в Ярославле, где они представляются как традиционные сувениры из Углича. По прошествии двух месяцев я вновь встретилась с подобными скатертями – на этот раз они считались традиционными сувенирами Черногории и активно приобретались туристами. Последняя моя встреча с этими «международными сувенирами» состоялась на одной из рождественских ярмарок Петербурга. На вопрос о происхождении продавец ответила: «Белоруссия»!

Вероятно, сейчас можно найти уже не один подобный пример «международного» сувенира. Но что же делать «гостю города», желающему привезти на память что-то действительно настоящее, созданное именно в этом городе? И тут сам собой напрашивается вывод: если в городе нет исторически сложившихся традиционных промыслов (таких, как Гжель, Хохлома и т.п.), то остается авторское искусство, произведения современных художников, зачастую выполненные с использованием традиций «своей», региональной культуры.

Секция 35
НОВАЯ МАТЕРИАЛЬНОСТЬ И ИССЛЕДОВАНИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Соколовский Сергей Валерьевич – д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)
E-mail: SokolovskiSerg@mail.ru
Керцева (Вольная) Галина Николаевна – к.и.н., доцент, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ)
E-mail: volnaia@rambler.ru

БАРАНОВ Дмитрий Александрович
Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
dmitry.baranov@list.ru

ВЕЩЬ КАК ВЕЩЬ

Поворот к материальному, наметившийся в гуманитарных науках в 1980-х годах, при всей своей революционности – явление в этнографической науке не новое. Для последней это означает скорее возвращение к первоначальному пониманию этнографического знания как знания, прежде всего, о вещах. Призывы современных обществоведов относиться к «вещи как к вещи» были актуальными для этнографии более века назад. В отечественной науке изучение материальных объектов включает их этническое атрибутирование, что делает границы объекта этнографии – этноса – ясными и четкими. Материальная культура связывается с конкретным народом, а народ благодаря этому получает предметную основу, которая до сих пор является «питательной» средой для примордиалистского дискурса.

В настоящее время консервативная линия в этнографическом подходе к материальной культуре остается доминирующей: в фокусе внимания оказывается либо «вещественное» (материал, техника изготовления, утилитарные функции), либо «символическое» (семантика, ритуальные функции и т.д.). Ждать признания вслед за социологами равенства в правах субъекта и объекта, человека и вещи, приводящего в итоге к замещению прежнего этнографического деления культуры на материальную и духовную утверждением новой дихотомии: сообщество людей vs сообщество вещей, не приходится. Для музейной этнографии это означало бы признание нелегитимности этнографического музея как институции, поскольку его деятельность основана на контроле движения вещей и их значений и предполагает, следовательно, асимметрию отношений. Для антропологии же в целом, которая не признает самодостаточности материального объекта по отношению к человеку, обращение интереса к «вещи в себе» грозит нарушением самих ее дисциплинарных оснований.

БАЯЗИТОВА Розалия Рафкатовна
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа), rosali8@mail.ru

ФУНКЦИИ ОДЕЖДЫ В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ БАШКИР

Традиционно предметы материальной культуры наряду с утилитарным предназначением наделялись и символи-

ческим смыслом. В традиционном мировоззрении башкир одежда осмысливается как предмет материальной культуры, выполняющий утилитарные и эстетические функции, как маркер, облегчающий общение, и как оболочка, наделенная сакральным, символическим значениями. Информация, которая передавалась посредством одежды, диктовала различия в поведении. По ней определяли этническую принадлежность, пол, возраст, социальное и семейное положение собеседника. В народной одежде нашли отражение природно-климатические особенности края, религиозные верования, тип хозяйствования и взаимоотношения с другими народами, а также эстетические и моральные нормы. В обращении с одеждой представляют интерес такие оппозиции как новая/старая, своя/чужая, целая/часть, одетость/нагота.

В представлениях башкир реальный мир противопоставлялся потустороннему, иному. Это сопоставление наиболее ярко прослеживается в обращении с предметами одежды. Понять природу этих воззрений помогают предписания и запреты, касающиеся одежды живых и умерших.

Таким образом, одежда, выказывая статус людей, соответствовала идеалам красоты, принятым в конкретной этнической среде. Обычаи и традиции поддерживали способы обращения с предметами одежды, в соответствии с практическими, религиозными, сакральными, эстетическими и этическими представлениями.

БОГАТЫРЬ Наталья Викторовна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), natalia_bogatyrv@yahoo.com

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТЕХНОЛОГИЙ И РАЗВИТИЕ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

С начала 2000-х годов в зарубежной антропологии все чаще говорят о том, что исследования технологий (как академические, но сделанные на периферии дисциплины, так и прикладные, принадлежность авторов которых к антропологическому цеху может быть оспорена в силу отсутствия формального образования) становятся мощным стимулом для этнографов, работающих в более традиционном поле, особенно – в исследованиях материальной культуры. Каждому, входящему в этнографическое поле, приходится размышлять о том, как адаптировать к своей ситуации метод включенного наблюдения, описание сути которого часто сводилось к формуле: «жить с исследуемыми людьми и участвовать в их жизни». Люди, их повседневная жизнь, способы взаимодействия,

отношение к месту и сообществу, понимание роли окружающих их людей и вещей быстро меняются. Иногда те, кто производит и продает людям, например, «мобильность» или возможность «быть на связи», в рыночной борьбе за потребителя вынуждены становиться этнографами, наблюдать и искать способы понимания повседневной жизни людей, которых они называют «пользователями». Изначально не скованные дисциплинарной традицией, они смело заимствуют, изобретают и комбинируют методы и теории, чтобы достичь «понимания пользователя». В докладе будут представлены наиболее интересные из таких комбинаций методов и теорий, а также показаны возможности их использования в исследованиях материальной культуры (material culture studies).

БУЧАТСКАЯ Юлия Валерьевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), julia.butschatskaja@yahoo.de

**ВЕЩИ-АКТАНТЫ И ВЕЩИ-СИМВОЛЫ В
ПРАКТИКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ
ГОРОДСКИХ ОВОЩЕВОДОВ БАМБЕРГА**

Постструктуралистские и постсемиотические концепции социальных наук, такие как акторно-сетевая теория (ANT), преодолевая привязанность производства действительности к знаковым системам, выдвигают на первый план социальные практики и рассматривают участие в культурных процессах как человеческих, так и вещных актантов, которые взаимодействуют, влияют друг на друга, трансформируются и производят действительность в конкретных практиках.

В исследовании профессиональной группы городских овощеводов южнотемского города Бамберг я пытаюсь соединить концепцию ANT с семиотическим подходом, анализируя переход вещей из активных деятелей производственных процессов в символы, материализующие профессиональную идентичность. Овощеводы (*Gärtner*) представляют собой контактное сообщество, доступное непосредственному наблюдению и изучению этнографическими методами. Их деятельность по обработке земли, уходом за саженцами, сбору урожая, его транспортировке и продаже связана с использованием обычных инструментов: лопат, мотыг, грабель, леек и пр. Прежде их изготовление требовало особых умений и составляло основную занятость в зимний сезон; инструменты формировали гартнера Бамберга, его профессиональные знания и навыки. Высокие объемы производства овощной продукции с одной стороны, и замкнутость профессионального сообщества – с другой, привели к появлению специфических видов инструментов, имевших яркие отличия от прочих подобных. Уникальность этих инструментов позволяет использовать их в качестве групповых объективированных символов профессиональной идентичности. Таким образом вещи актуализируют идентичность гартнеров.

БАТАНИНА Людмила Ивановна

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
(Саранск), vataninali@yandex.ru

**СОВРЕМЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ
МОРДВЫ-ЭРЗИ КАК МАРКЕР ЭТНИЧНОСТИ**

В современных условиях функциональное применение национального костюма все более перемещается в сторо-

ну использования его в качестве празднично-обрядового и сценического. И именно в этом качестве он является важным этническим маркером, способствующим не только сохранению определенных народных традиций, но и их обновлению и дальнейшему развитию. В связи с этим нами был проанализирован структурные элементы женского национального костюма эрзянских селений Большеберезниковского района Республики Мордовия. Основой его традиционно являлась рубаха – *панар*. Для ее изготовления изначально использовался домотканый холст, но со второй половины XX века, когда подобная одежда стала использоваться преимущественно в празднично-обрядовой сфере, рубахи стали шить из льняных или других плотных тканей промышленного производства. Панар до настоящего времени устойчиво сохраняется в праздничном обиходе эрзянок сел Старые Найманы и Пермиси. Его, как правило, носят в комплекте с набедренным украшением – *пулай*, в декоре которого встречаются раковины, цепочки, медные пуговицы и монеты еще дореволюционной России. Что касается комплекса национального костюма жительниц сел Симкино, Паракино, Шугурово и Косогоры, то в своей основе он представляет собой модернизированный комплекс общегородской одежды, которая получила распространение у мордвы в начале XX века. Главные его компоненты – широкая юбка из шелка, атласа, сатина ярких расцветок и кофта. Кофту, как правило, изготавливают из ткани другого цвета пастельных тонов. Украшением кофты служат бейка, кружево, ленты.

ВДОВЧЕНКОВ Евгений Викторович

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону),
vdovchenkov@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ДРЕВНИХ
НОМАДОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ
АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ**

Применение АСТ в археологии представляется продуктивным, поскольку объекты традиционной материальной культуры (артефакты, технические комплексы, животные и др.) могут рассматриваться в качестве единиц социальных отношений, что представляет особый интерес для социальной археологии. Социальные реконструкции на базе археологического материала нуждаются в новых методических подходах. Огромный массив археологических данных обрабатывается довольно стандартным набором приемов и методов (анализ погребального обряда, жилищ и поселений; подсчет трудозатрат; выявление уровня богатства и социальной стратификации; анализ мужской, женской и детской субкультур и т.д.). АСТ, выводящая в качестве активного участника сетевого взаимодействия артефакты материальной культуры, позволяет взглянуть на проблему с нового ракурса. Например, общество кочевников зависело от технических инноваций, которые существенно меняли культурное и социальное пространство кочевого мира. В весьма ограниченном наборе предметов материальной культуры кочевников каждая инновация существенно трансформировала деятельность людей, способствуя созданию новых сетевых форм взаимодействия. Известно, сколь значительные последствия у кочевников имели появление длинного меча, катафрактариев, стремени, жесткого седла, сабли. Появление

ние катафрактарной конницы изменило отношения между номадами и оседлой периферией, что, согласно экзополитарной концепции политической организации сарматов, не могло не сказаться на сарматском обществе и властных отношениях. Анализ нового явления с точки зрения акторно-сетевой теории акцентирует внимание на новых практиках (поведенческих, ритуальных и т.п.), связанных с внедрением новых артефактов.

ВОЛЬНАЯ Галина Николаевна

*Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ), volnaia@rambler.ru*

СОКАЕВА Диана Вайнеровна

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований (Владикавказ), socdial@yandex.ru

**ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К АНАЛИЗУ ИЗОБРАЖЕНИЙ БАРАНА
В КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Объемные изображения барана встречаются на предметах вооружения, костюма, наконечниках, навершиях жезлов, привесках с XII до V в. до н. э. Привески в виде головы барана – это наиболее ранний и распространенный зооморфный образ в искусстве центрального варианта кобанской культуры, свидетельствующий о местном производстве этих предметов. Скульптурные головы баранов из памятников Западного, Восточного и Центрального Закавказья указывают на импорт таких предметов с Центрального Кавказа.

На территории Центрального Кавказа достаточно много встречается наверший и наконечников жезлов в виде двоянных протом, голов и рогов баранов. Направленные в противоположные стороны головы и рога баранов на них маркировали пространство.

Для некоторых наверший и наконечников штандартов характерны изображения протом, голов и рогов баранов, кратные трем, что находит аналогии в традиционных обрядах осетин.

Баран в осетинской мифологии и фольклоре выполняет важную функцию. Он является воплощением фарна – благодати вообще. В волшебных сказках он часто фигурирует с мировым деревом, обладает способностью выражать суть вселенной: позитив или негатив.

В этнографических обрядах осетин баран функционирует в основном в культах грозового божества и плодородия. В древности образ барана имел высокую семантическую нагрузку, поскольку от изобилия баранов в стаде зависела экономическая составляющая населения Центрального Кавказа того времени.

ГОНЧАРОВА Елена Захаровна

*Алтайский государственный университет (Барнаул),
gelena080469@yandex.ru*

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОДЫ В ОФОРМЛЕНИИ
ФАСАДОВ ЖИЛЫХ ДОМОВ ЕВРЕЕВ
КРАСНОЯРСКА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ**

Экономический подъем Енисейской губернии на рубеже XIX–XX веков привел к усилению процесса региональной урбанизации, выразившемуся в количественном росте городского населения и качественных изменениях развития

города. Численность населения Красноярска увеличивалась не только за счет притока уроженцев волостей края, оно пополнялось переселенцами из европейских губерний Российской империи, принадлежавших к разным социальным слоям, этническим и религиозным сообществам.

Красноярская еврейская община, пополнявшаяся за счет ссыльных, мещан, купечества «черты оседлости» и получивших высшее образование, дает картину интеграции сибирских иудеев в региональный уклад. Сохранившиеся в историческом центре Красноярска жилые дома евреев демонстрируют не только успешность владельцев, но прямо или косвенно визуализируют их приверженность иудаизму, несмотря на процессы аккультурации.

Исследователями истории градостроительства и архитектуры всесторонне изучены сохранившиеся памятники зодчества Красноярска рубежа XIX–XX веков. Интересным может быть рассмотрение архитектурных сооружений с точки зрения выявления этнической и религиозной принадлежности владельцев недвижимого имущества. Важно и проектирование полученных результатов на выбор оформления фасадов эпохи стиля модерн, который «внес новое лишь в способ интерпретации историзма, противопоставляя стилизаторству эклектики метод символической стилизации». Можно выделить способ визуализации религиозной принадлежности евреев – владельцев зданий. Учитывая, что домовладелец-строитель являлся инициатором постройки, то он и задавал «программу проекта» архитектору. В оформлении фасадов использовались элементы исторических стилей, вписанных в модерн, ставшие символической частью истории сибирских евреев.

ДАВЛАТОВА Саодат Тиловбериевна

*Институт истории АН Республики Узбекистан (Ташкент,
Республика Узбекистан), saodatdavlatova@yandex.ru*

**К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
УЗБЕКСКОЙ ОДЕЖДЫ**

Сегодня наибольшую актуальность приобретает изучение этнокультурного многообразия историко-культурных регионов Узбекистана, являющегося частью мировой культуры. В регионах Узбекистана продолжают сохраняться элементы духовной и материальной культуры. Это своеобразие нашло отражение и в одежде, являющейся важным компонентом материальной культуры. История традиционной одежды населения Узбекистана, ее локальные особенности, связанные с ней обряды и обычаи не были до сих пор комплексно изучены. Сбор и анализ сведений, относящихся к традиционной одежде населения Узбекистана, имеют большое значение в сравнительном изучении причин, оказавших влияние на формирование традиционной одежды в регионе Центральной Азии. Под воздействием социально-экономических перемен, происходивших в регионе в конце XIX – начале XXI века, трансформировалась традиционная узбекская одежда, в частности, появились новые виды тканей, фасоны одежды, покрой которых был обусловлен новыми функциональными задачами. Все это требует всестороннего изучения методами этнологии. В традиционной одежде нашли отражение образ жизни народа, его этническая история, межэтнические отношения, происходившие в регионе. Изучение формирования одежды и изменений, которые имели место в определенные исторические периоды,

позволяет выявить непосредственную связь между одеждой и этнической историей, историческими процессами.

ЗАГИДУЛЛИНА Марина Викторовна

*Челябинский государственный университет (Челябинск),
mzagidullina@gmail.com*

**ТРАНСГРАНИЧНОСТЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
БУДУЩЕЕ МОБИЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СВЕТЕ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ**

АСТ предполагает включенность предметно-вещного мира в повседневность на равноправных основаниях (разнонаправленное приравнивание *human* и *nonhuman*). Признание такого подхода продуктивным ведет к реконфигурации представлений о «материальных зависимостях» разного рода как в исторической ретроспективе, так и в будущем. Мобильные технологии, ставшие в последнее время фокусом исследований массовых коммуникаций, позволяют описать новую трансграничность, в которой грань между материальным и виртуальным становится мембраной, обеспечивающей «оборотничество» этих сфер. Привязанность к мобильному телефону (и его аналогам), испытывающая воздействие фольклорной и обретающая поддержку в форматах «деления информацией» в сетевых сообществах, постепенно трансформируется в привязанность к самим способам доступа к «своей информации», когда эти способы эмансипируются от материально-конкретизированных платформ. Трансграничность материального и виртуального проявляется в постоянном перетекании значимости самих гаджетов к значимости услуг, ими предоставляемых, когда отделение материального от виртуального затрудняется. Полная виртуализация материальности в будущем может произойти в силу тех ограничений, порождающих зависимость личности от материального объекта (страх забыть, потерять, не суметь подзарядить и т.п.), однако дематериализация может повлечь за собой и появление новых форм материального, отражающего виртуальность (обратный симулякр). Управление социальными рисками требует постоянного мониторинга процессов «расчеловечивания» и «дематериализации» среды.

КАМАЛЕЕВ Эльвир Вилерович

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского НЦ РАН (Уфа), kamaleev-elvir@mail.ru*

**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ
ГОРОДОВ И НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЮЖНОГО
ПРИУРАЛЬЯ XVI–XX ВЕКОВ: К ПРОБЛЕМЕ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Современные этнографические исследования на территории Республики Башкортостан хронологически ограничены периодом XIX–XX вв. Более ранние сведения XVI–XVIII вв. о духовной, материальной культуре различных народов известны благодаря путешественникам, исследователям и краеведам, в том числе и зарубежным, которые сохранили ценные исторические материалы. В то же время этих сведений явно недостаточно для изучения духовной, материальной культуры народов, и их межэтнического взаимодействия. Раскрыть «темные страницы» истории культуры народов Урало-Поволжья XVI–XIX вв. на современном этапе во многом способна только археология. Краеведческие музеи изобилуют этнографическим материалом XIX–

XX вв., однако предметы быта различных народов более раннего периода зачастую не представлены вовсе. С точки зрения изучения традиционных археологических эпох, массовый материал культурного слоя городов и населенных пунктов XVI – начала XX веков становится обременением и не находит должного обращения среди специалистов-археологов. В этой связи совместное использование археологического материала выявляет огромные междисциплинарные возможности взаимодействия археологии и этнографии с целью интерпретации керамических комплексов и предметов материальной культуры народов Южного Приуралья. В дальнейшей перспективе результаты данного взаимодействия пополняют музейные коллекции археологическим материалом XVI – начала XX века, характеризующим материальную культуру населения Южного Приуралья.

КРУТКИН Виктор Леонидович

*Ижевский государственный университет (Ижевск),
krutkin1@yandex.ru*

**ДВИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ:
ЖЕСТ В АНТРОПОЛОГИИ АНРИ ЛЕРУА-ГУРАНА**

Человек находит себя в мире не как сознание, но как воплощенное существо, в деятельности которого возникает материальная культура, ее исследования побуждают отказываться от противопоставления телесного и духовного, природного и культурного. В движениях человека, а они столь же сложны, как сложен он сам, отражаются его чувственные, эмоциональные, интеллектуальные способности. Книга А. Леруа-Гурана «Жест и речь» (*Gesture and Speech*) дает впечатляющую картину эволюции, где доминирует идея непрерывности. Опираясь на огромную эмпирическую базу данных из археологии и теории эволюции, из истории техники и истории искусства, из этнологии и социологии, А. Леруа-Гуран показывает, что человек кровью и плотью принадлежит роду человеческому, но телесность через движения выступает и в роли медиума в предстоянии универсуму. Обычно жест понимается как движения тела или рук, которые имеют культурное значение для выражения мыслей и чувств. Поэтому здесь нужен адресат, который обладает символическими кодами. Семiotическому пониманию противостоит антропологическое понимание жеста. А. Леруа-Гуран обозначал «жестом» движения тела и рук, которые имеют культурное значение в том, что они делают, безотносительно к адресату и символическому коду. Через жесты осуществляется доместикация пространства и времени, формируется идентичность, закладываются основания для миграции жестов. Знания перестают отождествляться с абстрактными знаковыми построениями. Осмысление человеком мира идет не только через язык и логику, но через тело и чувства.

КУЗНЕЦОВ Андрей Геннадиевич

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), andrey.kuznetsov.29@gmail.com

**МОБИЛЬНОСТЬ И МАТЕРИАЛЬНОСТЬ:
СПРАВЕДЛИВЫЕ ФОРМЫ
ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА**

Виды городского общественного транспорта иногда называют формами мобильности. В докладе я предлагаю

всерьез отнестись к этому выражению, опираясь, с одной стороны, на различие Бруно Латура между формой и материей, а с другой – на идеи Петера Слотердайка о современной *автомобильности*. Для Латура форма – это то, что позволяет сущностям перемещаться из одной ситуации в другую, избирательно сохраняя неизменными некоторые их отношения с окружением и параметры, значимые для своеобразия сущности. Материей оказывается все то, что не может выдержать путешествия. Форма вырывает сущность из того контекста, в котором она укоренена, позволяет ей путешествовать благодаря разрыву связей с окружением, но при этом не разрушаться и не стать кардинально другой. Это различие позволяет мыслить материальность, а не только материалы, в контексте мобильности. Слотердаик говорит об эпохе самореференциальной мобильности, целью которой является не перемещение из точки А в точку Б, а повышение способности путешествовать. Современный (автомобильный) транспорт как типичный случай такой мобильности является выражением того, что субъективность в том смысле, в каком о ней говорили греки, как само-движение, само-улучшение становится массовым явлением. Отталкиваясь от этих идей и опираясь на данные этнографических наблюдений в салонах общественного транспорта в г. Волгограде, я попытаюсь показать различные способы формирования материальности пассажиров как различные способы (временного) разрыва отношений с их окружением. В контексте асимметрий, производимых формами мобильности, особое внимание уделяется проблеме справедливости.

ЛЕВИЦКАЯ Анна Сергеевна

*Удмуртский государственный университет (Ижевск),
Anni-levs@yandex.ru*

ОДЕЖДА КАК МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ГРАНИЦЫ ЯВНОГО И ТАЙНОГО

В исследованиях культуры привычно выделение ее материальной и нематериальной составляющих, например, одежды и убеждений людей. «Материальный поворот» конца XX века связан со стремлением преодолеть дуализм традиционного этнографического (одежда – единица музейного хранения) и семиотического подходов (одежда – знаковая система). Об одежде люди часто говорят, рассматривают, но ее еще и носят, вовлекая в самые разнообразные практики – работы, сна, купания, танца, спорта, молитвы, войны и т.д. Техники тела связаны со стереотипизацией («фреймы» И. Гофмана) как внутренней, так и внешней стороны деятельности, когда человек стремится реализовать базовые потребности – быть с другими и быть автономным. Одежда позволяет выявлять в мире не только то, что может быть явным, но и то, что должно быть скрыто. Если первое – это феномен, то второе – это тегимен. То, что феномен являет, то тегимен скрывает собой (М. Эпштейн). Глаза как зеркало души могут считаться феноменом, а как занавес души – тегименом. Скорлупа – тегимен ореха. Маска – тегимен лица. Одежда – тегимен тела. Тело – тегимен того, что называют душой. Одежда как медиум, не только средство, но и среда, располагающаяся между внешним миром и кожей. Соприкосновения с кожей формируют первый слой рефлексии – «кожное Я». Исследования этого медиума позволяют по-новому подойти к исследованию публичного

и интимного пространств, метаморфозам и экспериментам с телесностью.

ПОПРАВКО Ирина Геннадьевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), popravkoirina@yandex.ru

ЧАЛАКОВ Иван Христов

Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского (Пловдив, Болгария), tchalakov@gmail.com

УТРАТА ЗВЕЗДНОГО НЕБА И ГОРЕЧЬ РУССКОЙ БУЛКИ: НАБРОСКИ К АНТРОПОЛОГИИ ПРИВЯЗАННОСТИ

Проблема идентичности этнических и профессиональных сообществ рассмотрена с точки зрения теории самореферентных систем Никласа Лумана и социологии привязанности Антуана Хениона. Самореферентные системы наблюдают самих себя и способны настраивать свои операции на собственную тождественность, на основании различения, с помощью которого можно отличать свою идентичность от других. Основополагающей категорией системы выступает дискурс как средство ее описания и опредмечивания. Это понимание, однако, оставляет за пределами рассмотрения ключевые для построения идентичности процессы взаимодействия с материальностью, и саму материальность как элемент идентичности. Оно также игнорирует интенсивные взаимодействия на уровне микрообщностей, когда внутри гетерогенной пары человеческих и нечеловеческих деятелей рождаются новые значения – артефакты, слова, телесные умения. Привлекая идеи Хениона мы рассматриваем материальность в рамках гетерогенной пары, во-первых, как объект страсти, где мы открываемся ей, во-вторых, раскрывающую себя через «интертелесность», «молчание» и вновь возникшие слова «аутентичного языка» (Мерло-Понти). Только после их стабилизации внутри «пары» они становятся задачей дискурса, предметом трансляции в «большое» сообщество. Описанное понимание материальности иллюстрируется двумя кейсами: (а) речитатив-обращение оралмана из Китая (пережившего суровую зиму в малоприспособленном для этого доме) к президенту с рассказом о тяготах жизни на «новой Родине»; (б) желание астронома сохранить возможность работы на ручную управляемый телескоп, чтобы пережить «соприкосновение с небом», все более ускользающем из-за внедрения автоматизации.

РЫНДИНА Ольга Михайловна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), rymom_97@mail.tomsknet.ru

ДОМ И ДВОР НЕМЦЕВ ТОМСКОГО СЕВЕРА В СИСТЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КООРДИНАТ

В докладе на основе полевых материалов автора рассматривается жилищный комплекс в динамике этнической культуры немцев на протяжении второй половины XX – начала XXI века. Была обследована практически неизученная группа немцев, депортированных на север Томской области, на территорию Нарымского края, административно выделенного в связи с необходимостью размещения вынужденных переселенцев. На полученном материале прослеживается трансформация строительных традиций немцев Поволжья

в условиях адаптации к суровым природно-климатическим и социально-экономическим условиям, а также внедрение новаций под воздействием иноэтнического окружения, прежде всего русских, и процесса модернизации.

Трансформационная схема жилища такова: саманное жилье как исходная традиция – срубный однокамерный дом – пятистенки – типовые двухквартирные дома.

Подчеркивается актуализация в экстремальных условиях архаики (землянки) и этнических традиций (пластанки) в области домостроительной техники, сохранение пространственных характеристик подворья (слитная однорядная планировка хозяйственных построек) в период нормализации жизненного уклада и подчеркнутое стремление к эстетизации приусадебного участка в современности (роскошные цветники и разного рода дикивинки). Двор и жилище рассматриваются как системный элемент, вписанный в культуру этноса и выполняющий этноинтегрирующую функцию.

Раскрывается центрообразующая роль жилища в хозяйственной, семейной, обрядовой и религиозной сферах: дом как центр хозяйственной жизни, основанной на земледелии и скотоводстве, основное место межпоколенного общения домочадцев, важная часть обрядового пространства, центр религиозной жизни при отсутствии храмов. Устанавливается знаковый характер жилища в процессе этнической идентификации, в рассматриваемом случае как символ немецкой культуры.

СИВКОВ Денис Юрьевич

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград), d.y.sivkov@gmail.com

МОРАЛЬНЫЕ МИРЫ И РЕЖИМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГАДЖЕТОВ В МАРШРУТНЫХ ТАКСИ ВОЛГОГРАДА

Салон маршрутного такси находится на пересечении нескольких моральных миров. Каждый из них отличается своими правилами, обстановкой и способами использования гаджетов. В маршрутных такси Волгограда «нейтральное» публичное пространство зачастую является домашним миром водителя, в котором транспортное средство считается продолжением его дома. Домашний мир водителя является односторонним и асимметричным, и пассажиры не могут ответить взаимностью, например, громкой музыкой. Другой мир, в котором используются гаджеты, является мобильным сообществом незнакомцев, которые подчеркивают, что они чужие друг другу, их коммуникации сдержанны и формальны. Здесь практики использования гаджетов представляют собой создание во время поездки собственного мира, иногда основанного на мобильной коммуникации с друзьями и близкими. Такой режим не является закрытым. «Закрытость» как обозначение границ «своего мира» в то же время является демонстрацией определенного модуса существования пассажира. Интересным для исследования является использование медиа в «своем мире» между знакомыми и незнакомыми людьми, находящимися в транспортном средстве. Антропологические данные, полученные в маршрутных такси и другом общественном транспорте Волгограда опровергают или, по крайней мере, корректируют алармистскую риторику критических теорий медиа, со-

гласно которым гаджеты являются «аморальными» в смысле разрушения традиционных ценностей и социальных связей. Наблюдения в транспорте показывают, что пассажиры активно применяют технические средства для построения связей с близкими.

СОКОЛОВСКИЙ Сергей Валерьевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), SokolovskiSerg@mail.ru

НОВАЯ МАТЕРИАЛЬНОСТЬ И ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Вещный мир, представленный в классической этнографической триаде «пища – одежда – жилище» всегда интересовал российских этнографов. За последние четверть века в антропологии произошла революция в концептуализации и исследованиях предметного мира, кардинально изменившая взгляд на природу вещей и их взаимоотношения с человеком. В разрабатываемых Б. Латуром, Дж. Ло, Д. Миллером, Т. Пинчем, Дж. Аттфилд и др. исследователями подходах, в частности, в активно развиваемой ими акторно-сетевой теории, вещи выступают как актанты, эффективно модифицирующие деятельность человека и обладающие активным началом. В исследованиях телесности и взаимодействий человека и техники особое значение приобрела тема вещи, меняющей возможности и поведение человека, вещи как протеза – внешнего (очки, бинокль, микроскоп, автомобиль и т.п.), либо внедренного в тело (искусственные конечности, кардиостимуляторы и проч.). Эти подходы кардинальным образом изменили облик исследований материальной культуры, оформившихся в особую междисциплинарную область – исследования материальности и материального мира (material studies). Основное внимание стало уделяться трансформациям предметной среды и ее динамике, в противоположность прежнему взгляду на вещь как на неизменный и инертный объект. В докладе предполагается оценить перспективность новых подходов в исследованиях материальности в рамках традиционной области изучения материальной культуры в этнографии и археологии и поразмышлять над такими проявлениями материальной среды, как ее повседневные трансформации, «активное вмешательство» в решения человека, в его телесность и повседневное поведение.

ТАЖИДИНОВА Ирина Геннадьевна

Кубанский государственный университет (Краснодар) tajidinova@yandex.ru

МАТЕРИАЛЬНО-ВЕЩНАЯ СРЕДА ПОБЕЖДЕННОЙ ГЕРМАНИИ В ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКИХ КОМБАТАНТОВ

Экстремальный опыт Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. внес свои изменения в восприятие советскими людьми материальной составляющей жизни. В этом смысле, опыт комбатантов имел свою специфику. Фронтовая среда способствовала аскетизму, преодолению привязанности к вещам. Однако на последнем этапе войны закономерно происходили процессы «возвращения» заинтересованности в вещах, которые в немалой степени стимулировались

приобретением военными трофеев, знакомством с особенностями быта в европейских странах. Отношение к материальным ценностям на территории Германии, естественно, находилось под сильным влиянием психологического состояния комбатантов, в котором присутствовали физическая и эмоциональная усталость от войны, ненависть к врагу и желание мщения. Но, так или иначе, пребывание советских военнослужащих в Германии сопровождалось «погружением» в новую, непривычную для них материально-вещную среду. Процесс ее освоения был сопряжен с противоречиями. Под влиянием идеологических или собственных психологических установок «чужое», в том числе из сферы бытовых вещей, довольно часто маркировалось бойцами как чужеродное, невозможное для использования в своей практике. Отсюда – порча вещей, вандализм. Суета с посылками бедствующим родным в СССР, происходившая параллельно с военными действиями, гибель боевых товарищей, порой морально угнетала комбатантов, создавала мучительные этические дилеммы. С другой стороны, имело место любопытство к устоям повседневной жизни в Германии, сравнение их с теми, которые утвердились в Советском Союзе. Определенное привыкание к новой материально-вещной среде, существование «на всем трофейном» не проходили бесследно. Возникали новые представления о качестве вещей и жизни в целом.

ТЮЛЮПО Светлана Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), svetdy@mail.ru

ТЮЛЮПО Виталий Владимирович

АНО «Учебный комбинат СтройНефтеГаз» (Томск), vvt.70@mail.ru

ЖИЗНЬ В РЕЖИМЕ ВАХТЫ: ИНВАЗИВНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ, ОДУШЕВЛЕННАЯ МАТЕРИАЛЬНОСТЬ И УЯЗВЛЕННАЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

В докладе представлены результаты исследования устойчивых форм жизнедеятельности вахтовых коллективов строительных и нефтегазодобывающих предприятий Сибири. Вахтовая бригада рассмотрена как частный случай гетерогенной общности, фокусом жизнедеятельности которой является необходимость решения конкретных производственных задач с гарантированной степенью эффективности, надежности и безопасности.

Методологический фрейм исследования обеспечен сочетанием психологических и социологических подходов. Эмпирическое основание исследования составил пакет текстовых и нетекстовых материалов, включивший: документы, регламентирующие выполнение работ, акты расследований аварийных ситуаций, нарративы и самоотчеты рабочих, видеопротоколы производственных ситуаций, любительские видеоролики, произведения вахтового фольклора.

Анализу подвергнуты ключевые таксоны вахтового бытия, находящиеся на пересечении силовых полей социальной, материальной и индивидуально-человеческой природы. Выделенные феномены осмыслены в терминах ANT (B. Latour, M. Callon, J. Law), подвергнуты анализу с позиций феноменологии телесности (M. Мерло-Понти, А. Ш. Тхостов) и деконструкции текста (J. Derrida).

Это позволило: обнаружить метаморфозы телесности и социальности материальных и информационных составляющих деятельности при крайней уязвимости индивидуально-человеческого бытия; описать тенденции взаимовлияния и взаимопреобразования субъектно-человеческих, субъектно-социальных и актантных аспектов вахты; раскрыть многоуровневые семантические поля и семиотические коды обрамляющих его текстов; высветить элементы «вахтовой идентичности» в групповых аспектах, описать социокультурные паттерны, отражающие репрезентацию этих элементов; выдвинуть и обосновать гипотезу о культурно-исторических предпосылках специфического для Российской Северной вахты уклада отношений.

ТЯПКОВА Анна Ивановна

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь), tyapkova-anna@mail.ru

СТРУКТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МЕСТЕЧЕК БЕЛАРУСИ (конец XVIII – начало XXI века)

Густая сеть малых торговых городских поселений с плотной квартальной застройкой отличала вошедшие в конце XVIII века в Российскую империю белорусские земли от великорусских губерний, для которых была характерна разреженная структура расселения с преобладанием сельского типа поселения. Каждое местечко имело свои особенности в зависимости от местного ландшафта, наличия проезжих дорог, речных путей и т.д. Характерной чертой любого местечка являлась его центральная часть, главная площадь, застроенная в виде четырехугольника, где обычно проходили местечковые ярмарки или базары. В центре поселения находились деревянные и каменные дома с включением в единый архитектурный ансамбль церкви, костела и синагоги. Застройка белорусских местечек в основном состояла из жилых домов, производственных, торговых, общественных сооружений. В постройке и интерьере жилищ имелась и национальная специфика у представителей разных этнических групп.

Реконструкция малых городов (местечек) на белорусских землях в конце XIX века повлекла значительные изменения их облика и силуэта, что привело к уничтожению специфической архитектуры. Серьезный ущерб архитектурному облику белорусских местечек нанесли Первая и Вторая мировые войны, вследствие чего многие жилые и общественные здания были повреждены либо полностью разрушены.

В XXI в. многие местечки приобрели статус административно-территориальных центров и центров крупных хозяйств, в некоторых из них реконструирован или воссоздан аутентичный архитектурный облик данного типа поселений.

ЧЕБАН Елена Ивановна

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина), luna-lena@ukr.net

СОВЕТСКИЙ ДЕФИЦИТ В БЫТУ ГОРОЖАН И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ (1970–1990-е годы): ВОСПОМИНАНИЯ ОДЕССИТОВ

В изучении повседневности одесситов интересен феномен советского и постсоветского периода – «дефицит».

хватка определенных групп товаров обусловила в 1970-е годы первые повседневные очереди. Население Советских Республик столкнулось с нехваткой качественных продуктов, предметов одежды и быта. Эта нехватка не обошла стороной и город Одессу, горожане начали ощущать на себе дефицит товаров уже с начала 1980-х годов. В разряд дефицита попадали разные вещи и предметы быта (от посуды и мебели, до технических новшеств, таких как телевизор, магнитофон или телефон). Повсеместное явление дефицита породило череду социальных практик, побудило население к активному поиску источников для приобретения дефицитных товаров. В категорию дефицита стали попадать зарубежные товары. Особо интересен период конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда произошла кардинальная перемена в социальных практиках одесситов относительно дефицитных товаров. Изменения в экономике страны (УССР) повлекли изменения и на рынке товаров. В связи с тем, что в доступном количестве стали появляться, ранее такие редкие и желанные товары на прилавках базаров, и магазинов, то население Одессы, получив возможность распрощаться с понятием «дефицит товаров», приобрело понятие «дефицит денег». Горожане, столкнувшись с отсутствием дефицита, одновременно столкнулись и с необходимостью выработки новых социальных практик по зарабатыванию, собиранию и «доставанию» денег.

ЧУМАКОВА Варвара Павловна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), vchumakova@hse.ru

КОНТРОЛЬ ТЕЛА С ПОМОЩЬЮ МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК

В 2008 г. были открыты первые магазины мобильных приложений, в 2010-х годах эти приложения стали широко использоваться, что расширило функции контроля с помощью мобильного телефона над сферами жизни владельца (время, финансы, автомобиль, домашние животные, тело и др.). На основании изучения приложений и наблюдений в социальных сетях за пользователями (vk.com, facebook.com) предлагается карта практик контроля тела с помощью мобильных приложений (контроль физической формы, физиологических проявлений, ритмов, режима дня, лечения, вредных привычек, сексуальной жизни, репродуктивной функции, развития новорожденного и др.). То, что прежде осуществлялось с помощью частных дневников, в связи с переносом записей в мобильный телефон, интегрированный с социальными сетями, изменило границы между приватным и публичным в репрезентации телесного и усилило фрагментацию и стандартизацию представлений тела в публичном пространстве. Переход в публичное пространство одних телесных практик еще очевиднее на фоне усиления мер по поддержанию приватности других. Более публичными стали и некоторые практики контроля тела и за счет «селфи» (фотографический автопортрет) – фитнес-селфи; селфи, демонстрирующие достоинства тела; селфи стадий беременности и др., производимые с помощью мобильного телефона и сопутствующих приложений. Можно предположить, что между контролем тела и статусом его владельца есть взаимосвязь, отражающаяся в репрезентации телесности, свойственной современным пользователям «новых медиа».

ШКРАБОВА Татьяна Александровна

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Гомель, Республика Беларусь), tatyana-by@mail.ru

БЛАГОУСТРОЙСТВО ЖИЛЬЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Жилища сельчан Гомельской области в начале XXI века стали более благоустроенными: появилось значительное число нововведений, которые положительным образом отразились на материальной культуре сельских жителей. Большое влияние на эти процессы оказала городская мода.

В результате проведения полевого исследования автором был опрошен 51 человек в возрасте от 18 до 75 лет в разных районах Гомельской области.

Каждая семья среднего и молодого возраста, проживающая в селе, старается благоустроить свое жилье так, чтобы оно своим интерьером не отличалось от городского. У пожилого населения деревень сохраняются отдельные элементы традиционного интерьера, но вместе с тем главным украшением своего жилья они считают чистоту и порядок.

Такое понятие, как «евроремонт», знакомо сельским жителям Гомельщины. К этим понятиям сельчане причисляют отделку стен домов сайдингом, замену деревянных окон на окна из ПВХ со стеклопакетами, покрытие крыш черепицей из современных материалов. Однако всем этим занимаются сельчане от тридцати до пятидесяти лет. В большинстве случаев сельчане сносят ветхие дома или делают к ним современные пристройки.

В дома сельских жителей Гомельщины прочно вошла такая бытовая техника, как стиральная машина, кухонный комбайн, пылесос, микроволновая печь, морозильная камера, видео- и аудиотехника. Эти предметы в последнее десятилетие не являются роскошью для сельского населения. Тенденция к их широкому распространению стремительно усиливается. Однако они реже встречаются у людей пожилого возраста.

ЩЕПАНСКАЯ Татьяна Борисовна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), poehaly@yandex.ru

АВТОМОБИЛЬ: ПРЕДМЕТНЫЕ ПРОЕКЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Объектом данного этнографического исследования стала предметная среда (обстановка салона/кабины автомобиля, оформления самого автомобиля и значимые придорожные объекты) и их преломление в опыте водителя. Основной материал собран в поездках и интервью с водителями на Северо-Западе России. Предметная среда и отдельные ее элементы вовлекаются в процессы конструирования водительской идентичности и ее репрезентации в типовых формах коммуникации. Вещи рассматриваются как медиаторы коммуникаций в водительской среде, а также этой среды с внешними по отношению к ней акторами (семейными, религиозными и профессиональными, территориальными, государственными сообществами или институтами), как носители памяти об этих коммуникациях и институтах, а также проекции заданных ими норм

* Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 14-04-00453а.

взаимодействия. Прочитанные другими участниками движения, предметные характеристики автомобиля служат сигналами, позволяющими предвидеть тип поведения его водителя (конкретный вариант норм, которых он придерживается на дороге) и тем самым согласованию поведения множества водителей в реальном времени. Исследование автомобиля как формы материальной культуры позволяет поставить ряд теоретических вопросов. Например – об особенностях восприятия автомобиля как технически сложного устройства: одна из форм проекции идентичности водителя – это ритуализованные формы общения с машиной, т.е. виртуальная коммуникация, в которой собственная идентичность (водителя) конструируется как результат соотнесения с достраиваемой идентичностью виртуального «партнера» (автомобиля). Рассматривается также вопрос о соотношении материального (носитель образности, проекция социальности) и коммуникативного (медиатор коммуникации или ее воображаемый участник – «актор») аспектов вещественности.

ЯРЗУТКИНА Анастасия Алексеевна

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН (Магадан), jarzut@yandex.ru

АЛКОГОЛЬ В МИКРОСОЦИУМЕ ЧУКОТСКОГО СЕЛА: ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ, СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Для Крайнего Севера среди множества знаковых атрибутов современной жизни можно назвать алкоголь. Этот

нетрадиционный для коренных народов Северо-Востока России тип напитка, относительно недавно – с середины XIX века – стал доступен для приобретения местными жителями. С тех пор он постепенно входил в повседневную жизнь северных народов и в настоящее время стал ее неотъемлемой частью. Такой же неотъемлемой частью жизни современного общества стало моральное осуждение злоупотребления алкоголем и борьба за трезвость.

Для жителей Чукотки алкоголь представляет нечто большее, чем просто вещь, продукт питания, дар, валюта, товар, символ. Алкогольные дискурсы играют важную роль в политической и религиозной жизни чукотского села, а деятельность борцов за трезвость оказывает влияние на возврат коренного населения к традиционным ценностям и образу жизни. Этот артефакт современной культуры влияет на межэтнические отношения, культурный фон и социальное ранжирование в «закрытом» сообществе. В повседневной жизни чукотского села алкоголь является поводом для активных взаимодействий, характер которых определяется этнокультурными различиями, особенностями экономического поведения, принятыми негласными правилами. Соответственно, алкоголь может быть рассмотрен в качестве составляющей части сети социальных взаимодействий, участвующей наравне с другими объектами, людьми, понятиями в конструировании мира сельского микросообщества.

В докладе, на основе этнографических материалов, будут представлены примеры взаимодействий, возникающих внутри микросоциума чукотского села в связи с алкоголем, этнокультурные, социальные и экономические контексты этих взаимодействий.

Секция 36 АНТРОПОЛОГИЯ ДАРА

Ссорин-Чайков Николай Владимирович – PhD in Anthropology, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

Юдин Григорий Борисович – к. филос. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: ns267@cam.ac.uk

ВЕРХОВЦЕВ Дмитрий Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), dverhovtcev@gmail.com

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ИСТОКИ ДАРООБМЕНА*

Исследуя дарообмен, антропология следовала от древности, где он главенствовал, к современности, где дар по-прежнему играет важную роль. Обратное движение – в глубину эволюционной истории, совершали этологи, обнаружив обмен у многих животных, ведущих общественный образ жизни. Сформулированная этологами концепция взаимного альтруизма, имеющего решающее значение в эволюции человека, по сути, основывается на принципах дарообмена – особь оказывает услугу другой особи, чтобы получить симметричный ответ в будущем. Рассмотрение обменных транзакций у животных позволяет выделить те черты дара, которые основываются на эволюционно выработанных инстинктах и не относятся к вариативности человеческой культуры: это, во-первых, само явление дарообмена, во-вторых, его решающая роль в формировании сетей взаимопомощи, в-третьих – взаимовлияние дарообмена со структурами родства, в-четвертых – использование первого дара как универсального способа начать сотрудничество в случае проявления взаимности. Наши исследования обмена продуктами в русской деревне, а также обмена широким спектром ресурсов среди сотрудников строительной организации, подтверждают универсальный характер перечисленных черт дара. Дальнейшее применение данных этологии к современным исследованиям дарообмена позволит с большей ясностью выявить как базовые черты этого явления, объяснения которых необходимо искать в эволюционном пути человечества, так и вариативные, обусловленные культурными традициями и инновациями.

ГОРНОСТАЕВА Виктория Игоревна

КОЛОШЕНКО Юлия Александровна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), gvk@gorod.org.ru, ykoloshenko@gmail.com

«СПАСИБО ЗА ИНТЕРВЬЮ», ИЛИ ПРОБЛЕМА РЕЦИПРОКНОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ИНФОРМАНТА

Классик антропологии М. Мосс полагал отношения дарообмена основанием социальной жизни людей. Мосс ука-

зывал на наличие в таких отношениях определенных норм, а именно: обязанность дарить, обязанность принимать дар и обязанность отдаривать (т.е. давать ответный дар). В соответствии с подобной схемой может быть описана значительная часть человеческих взаимодействий (при этом стоит отдельно подчеркнуть, что в качестве дара могут выступать не только объекты материального мира, но и эмоции, время и т.д.).

Возникает вопрос: насколько взаимоотношения исследователя и информанта укладываются в обозначенную логику взаимодействия? С одной стороны, в качестве требований к исследователю зачастую предъявляются объективность, отстраненность, непредвзятость по отношению к информанту, не вовлечение в его жизнь и т.д. С другой стороны, по материалам глубинных интервью с полевыми исследователями было выявлено, что у исследователя могут возникать сложности с установлением договоренности на интервью, его проведением и завершением именно в силу того, что он чувствует свои обязательства по отношению к информанту. Обязательства эти порождаются тем даром (временем, откровенностью, доверием), который был/будет преподнесен ему информантом; отдар же, в свою очередь, затруднен. В данном докладе предполагается рассмотреть стратегии решения исследователями этой трудности, порожденной давлением правил реципрокности в человеческих взаимоотношениях, в конкретной ситуации «исследователь – информант».

ДОРЕНИН Дмитрий Юрьевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), demetra2@mail.ru

ДРОВА И МЕДАЛИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАКТИК ДАРЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

В алтайском обществе традиционные практики дарения по-прежнему являются важным механизмом регуляции отношений между своим и внешним миром, как в повседневности, так и в ритуальной сфере. Посещение дома начинается с принесения даров хозяевам и, через них, духу очага. Отношения между городской и сельской родней основаны на встречных потоках даров: мясо, картошка, дрова – городским; деньги, возможность воспользоваться городским жильем, развлечениями, образованием значимы для деревенских.

** Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 15-01-00452 «Антропология рынка и трансформация социальных связей у коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (рук. Н.В. Ссорин-Чайков).

* Работа выполнена по гранту РНФ, проект № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации» (рук. В.А. Попов).

Подчиненность экономических практик традиционным отношениям делает возможным их анализ с помощью классических моделей престижной/некапиталистической экономик Б. Малиновского, К. Полани. С другой стороны, существует несколько линий их трансформации, главными факторами являются не капитализация экономики, а незавершившиеся хозяйственные преобразования советского времени, вовлеченность алтайских элит в политику.

Становится значимой политическая составляющая практик дарообмена шаманистов: «шаманский дар» понимается через санкционированную духами политическую деятельность шамана. Наиболее статусные подношения шаману – символические дары госдеятелей (письма, фотографии, грамоты, медали).

Политический фактор значим для приобщения сторонних акторов к интересам своего социума: глава «Газпрома» А. Миллер за финансирование стройки национального музея получает чубарого жеребца, медаль Республики Алтай и «Оду Газпрому». На открытии музея осуществляется еще одна попытка символического отдарка алтайского народа: предложение присвоить новому аэропорту имя В.В. Путина. Проведенные исследования выявляют неоднозначность этих жестов дарения, сложную связь представлений о «находке», «краже», «даре» в «укокском дискурсе» археологов, «Газпрома» и алтайских националистов.

ДУБОВКА Дарья Григорьевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) (Санкт-Петербург), ddubovka@gmail.com

ПРИНОШЕНИЕ ДАРА ИЛИ ОТРАБОТКА ДОЛГА: ТРУДОВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ РПЦ

Проблематика долга и дара занимала антропологов со времен М. Мосса, описавшего обязывающую природу дара. В дальнейшем М. Гodelье, К. Грегори, Д. Гребер обратили внимание не только на обменные процессы между людьми, но и на отношения людей с богами. Сложность дарообмена с божествами в том, что у них по определению есть все желаемое, они выступают подателями благ человечеству, а люди – их изначальными должниками. Чем в таком случае является дар божеству: возможностью установить с ним договорные отношения или безусловным вручением себя в его власть?

В современных православных женских монастырях в качестве основной практики спасения души предлагается послушание. Послушанием называются как каждодневные трудовые обязанности, так и добродетель отсечения собственной воли и принесения ее в дар Богу. Таким образом, производственные отношения оказываются тесно переплетенными с духовной работой, а возвращение долга или подношение дара Богу помещаются в экономический контекст восстановления монастырей в постсоветском пространстве. Это делает православные обители удачным кейсом для сравнения антропологических теорий о природе долга/дара, выработанных в ходе исследований «примитивных культур», с возможной трансформацией подобных представлений для людей, прошедших социализацию в советское время.

Доклад основывается на материалах, полученных в ходе длительного включенного наблюдения в монастырях РПЦ.

ДУДЕНКОВА Ирина Васильевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), irinafil@bk.ru

НЕГАТИВНОСТЬ ДАРА

В докладе рассматриваются некоторые существенные аспекты современной этики дара, которая сложилась под влиянием христианской аскетической практики. Для современных социальных наук остается парадигмальной деонтологическая этика, однако она размещается внутри широкого парадокса, связанного с даром. Дело в том, что долг в определении Канта – это чистый, то есть абсолютно бескорыстный дар, который принуждает в любой ситуации совершать аскетическую процедуру отсечения желаний и интересов. Кант не просто эксплуатирует логику дара, но, поскольку дарение предполагает тройной гамбит – свободно давать, свободно получать, свободно отвечать, – здесь происходит преступное, с точки зрения Деррида или Бодрийяра, смешение понятий логики обмена и логики дара, когда дарение делается принудительным для того, чтобы «быть в состоянии обладать святостью воли самой по себе». Но дар не может быть благом в своей сущности, он не плох и не хорош. Этическая сущность дара отменяется опытом отравленного дара, или дара-шантажа. Греческое слово *doses*, означающее и дар, и яд, исторически имеет коннотации не позитивные, но двойственные. Амбивалентность дара, таким образом, входит в противоречие с основаниями деонтологической этики. Эта гипотеза будет проиллюстрирована не только примерами из сложившейся в Западной Европе практики кредитования в сфере образования, но и некоторыми актуальными дискуссиями о возможности политической позиции для исследователя.

КИМ Елена Алексеевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), kimea@mail.ru

«ПЛОДЫ ВЗРАЩИВАНИЯ ВЕРЫ ПО ВЕЛЕНИЮ ДУХА СВЯТОГО»: ДАР ВЕРЫ И ДАР ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПУТЕВЫХ ДНЕВНИКАХ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА*

Цель данного доклада состоит в следующем: исследовать, на основе анализа путевых дневников Д.Г. Мессершмидта, как понимал ученый «вращивание плодов веры», определить место и роль религиозных воззрений в научном дискурсе в первой половине XVIII века и рассмотреть соотношение религии и науки с точки зрения антропологии дара. Фокус доклада направлен на сложные и неисследованные взаимопроникновения «дара Просвещения» и «дара Веры».

Д.Г. Мессершмидт был первым ученым, отправившимся по указу Петра I в Сибирь для научных изысканий. Резуль-

* Работа выполнена по гранту Правительства РФ П 220 в рамках проекта № 14.825.31. 0009 «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (рук. Д.А. Функ).

татом семилетнего путешествия явились естественнонаучные, этнографические и археологические материалы и коллекции для Кунсткамеры. Как будет показано в докладе, его работа находится на пересечении нескольких линий дарообмена: научные открытия как дар, деятельность западноевропейских «экспертов» в России как дар Просвещения, миссионерская деятельность как дар, Божественное Откровение самому ученому как дар Веры.

Доклад основан на архивных материалах и путевом дневнике Мессершмидта, являющегося уникальным источником для реконструкции исследовательской «кухни ученого». Опубликованный текст дневников лишь частично может являться основой для решения этой задачи, так как в нем была исключена часть записей, связанных с интересующими нас аспектами. Это касается протестантского календаря и записей с апреля по декабрь 1726 г., последнего года «скитания» ученого по Сибири, с эпиграммами Аполлинария Лаодикийского, поэтическими толкованиями псалмов и др. Доклад представляет собой новое прочтение этих материалов с точки зрения теории дарообмена.

КОРМИНА Жанна Владимировна
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург),
jkormina@hse.ru*

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЯРМАРКИ: МЕЖДУ ДАРОМ И ТОВАРОМ

Характерным явлением современной религиозной жизни России являются православные ярмарки. Иногда организаторы предпочитают называть их выставками, или ярмарками-выставками, или фестивалями православной культуры, очевидно, чтобы избежать экономических коннотаций. Между тем прагматика этих мероприятий состоит именно в торговле, то есть извлечении прибыли от торговли предметами и услугами религиозного содержания. Удивительно широкая география таких выставок показывает, что они, в отличие от ординарных коммерческих, ориентированы на более бедные слои населения и предлагают товары насущно необходимые – то есть такие, которые все люди хотят и способны приобрести. Такие ярмарки представляет собой живую модель свободного рынка, такого места, реального или виртуального, где встречается продавец и покупатель, чтобы договориться о цене на товар. Морис Годелье, рассуждая о различии между даром и товаром, замечает: «вещи могут быть то даром, то товаром, в зависимости от социального контекста». В докладе речь пойдет об экономической природе коммуникации с сакральным (молитвы), по поводу которой договариваются продавец и покупатель ярмарки. Соглашения эти выражаются в номинации взноса, который делает покупатель в качестве оплаты за приобретаемое, и занимают разные позиции в пространстве возможных экономических взаимодействий между «даром» и «товаром». Это напряжение между «даром» по форме и товаром по содержанию выражается в виде моральных суждений и заставляет ответственную институцию (церковь) бороться за то, чтобы вещи, которым приписывается религиозная харизма, или благодать, не переходили в разряд «товаров».

МОСКАЛЕНКО Нелли Павловна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), nelly_moskalenko@mail.ru*

А РАЗВЕ ЭТО БЫЛ ДАР? СКУЛЬПТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ «ЦАРСКАЯ ОХОТА» КАК ДАР ТУВЕ*

Для Марселя Мосса, дар создает «триединство» социальных обязательств: (1) подарить, (2) принять (получить) и (3) ответить взаимностью, то есть, отдарить. Опираясь на современные тувинские материалы, автор доклада останавливается на второй части этой триады. Подарок, о котором пойдет речь – скульптурная композиция «Царская охота».

Осенью 2014 г. Республика Тува с большим размахом отметила столетие «единения Тувы и России» – в 1914 г. был подписан высочайший Указ российского императора Николая II об установлении протектората Российской империи над Урянхайским краем. Благодаря этому важному историческому событию, Тува на разных уровнях оказалась объектом повышенного внимания. К этой дате было приурочено и торжественное открытие на берегу Енисея нового архитектурного комплекса – «Царская охота». Автором данной композиции является известный скульптор и ювелир Даши Намдаков. Однако отношение жителей Тувы к этому дару до сих пор остается весьма неоднозначным. Ведь в традиционном понимании дар – это всегда неравнозначный, жертвенный обмен, продуманный по содержанию. А можно ли назвать даром композицию «Царская охота», если она стоила больших средств и слома старых советских символов? Ведь новый комплекс был поставлен на месте разрушенного памятника «Центр Азии» – символа советской эпохи.

Опираясь на мнения самих жителей Тувы, в работе сделана попытка ответить на вопрос, что является объектом недовольства – слом старого советского символа или количество затраченных средств? В том числе в исследовании ставилась цель – привлечь внимание не только к современным формам дара, но и к неисследованным аспектам теории дара.

ПЕШКОВА Вера Михайловна

*Центр региональной социологии и конфликтологии РАН (Москва),
pever@mail.ru*

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАКТИК ОБМЕНА ВЕЩАМИ СРЕДИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИИ**

Трудовые мигранты из Средней Азии в России не просто зарабатывают и отправляют деньги домой, их социально-экономическая активность в процессе миграции намного шире, и включает также движение вещей и идей между страной

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-01-00452 «Антропология рынка и трансформация социальных связей у коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (рук. Н.В. Ссорин-Чайков) и гранта РФФИ, проект № 15-06-99451 «Геоинформационное картографирование денежного обмена среди коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (рук. Н.В. Ссорин-Чайков).

** Работа выполнена по гранту РНФ, проект № 14-18-02149 «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России» (рук. С.Н. Абашин).

исхода и принимающей страной. Это и подарки, которые мигрант везет домой членам своей семьи. Это и предметы, которые мигрант привозит с собой, возвращаясь на заработки, чтобы доставить удовольствие друзьям и родственникам (если они не имели возможности побывать дома), и которые несут не только утилитарное, но и символическое значение. Сюда также можно отнести практики строительства мечети в кишлаке на деньги, собранные жителями этого кишлака, находящимися в трудовой миграции. Такая мечеть является своего рода даром мигрантов родному месту жительства. В выступлении будут рассмотрены транснациональные аспекты движения вещей между страной исхода и страной, принимающей мигранта. Особое внимание будет уделено отличиям дара, подарка, родственной помощи и пожертвований (как, например, на строительство мечети), соотношению в этом транснациональном движении вещей и денег, а также тому, какие социальные отношения сопровождают это движение. Выступление основано на анализе материалов коллективного проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в России» (грант РНФ), на примере трудовых мигрантов из Средней Азии.

ПISKУНОВА Лариса Петровна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), lppiskunova@gmail.com

МЕЦЕНАТСТВО (ФОРМА ДАРООБМЕНА В КУЛЬТУРЕ): СПОСОБЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С САКРАЛЬНЫМ

Меценатство рассматривается нами в рамках классической парадигмы дарообмена (М. Мосс, П. Бурдьё) как институция, формирующаяся и функционирующая посредством бескорыстных даров, и соучастие в жизни художественной среды. Обратной стороной этого процесса является складывание культурных иерархий и гегемоний, способ ценностных легитимаций предпринимательства, привнесение в жизнь творческого начала, а также способ самоудовлетворения бизнесмена (приписывание себе демиургических функций). Различные стратегии дарообмена у меценатов-спонсоров, а иногда и чистых манипуляторов-пиарщиков, способы сочетания государственного «заказа» и общественного ожидания, формы личного участия мецената в художественном процессе, все это задает рамки существования культурной среды города.

Главная задача исследования – дать представление об акторах социального поля искусства в контексте дарообменных церемоний, в пространстве современного российского мегаполиса.

В докладе будет представлен анализ специфики мотивов филантропической деятельности предпринимателей через призму категории «сакральное».

Как показало исследование, формы филантропической деятельности власти и современного бизнеса очень традиционны – поддержка социальных проектов (детские дома, больницы, церковь, спорт), помощь ученым, курирование и инициирование художественных проектов. Отдельные проявления подобной деятельности обусловлены исключительно персональными интересами и индивидуальными предпочтениями, в том числе религиозного или магического характера.

ССОРИН-ЧАЙКОВ Николай Владимирович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), Университет Кембриджа (Кембридж, Великобритания), nikolaissorinchaiikov@gmail.com

МОДЕРН КАК ДАР: «ПОМОЩЬ НАРОДАМ СЕВЕРНЫХ ОКРАИН»*

Вопрос о том, что такое «современный дар» – дар в так называемых «современных» обществах – все больше привлекает внимание антропологов. Но остается совершенно не исследованным, каким образом сама «современность» принимает форму дара – в виде «развития», «модернизации», «благ цивилизации» и «помощи». Классическая теория дара возникла как способ понять формы обмена и социальных взаимоотношений в традиционных обществах. После критики классификации обществ, исследуемых антропологами на традиционные и современные, возникло все более ясное понимание, что «традиционность» является конструктом «современности» – в частности, колониальной, советской, модернизационной и неолиберальной. Параллельно возникли исследования дарообмена в сфере благотворительности, биотехнологий, отношений с государством и пр. Однако классификация отношений дара внутри рамок «современности» или «традиционности» сама по себе еще не позволяет увидеть, что взаимодействие между «современным» и «традиционным» также является по существу дарообменом, в котором даром выступает сама современность. Эта новая проблемная область формирует главную тему данного доклада. В нем используется исторический материал по «помощи народам Северных окраин СССР», в частности, по культурной биографии денежных субсидий, которые, несмотря на свою денежную форму, существовали в форме дара, и демаркировали денежные и неденежные сферы обмена. Цель доклада – выработать этнографическую интерпретацию культурной истории Российского государственного патернализма, который оперирует языком современности как дара.

СУРАГАНОВА Зубайда Кабиевна

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан), suraganova_zk@mail.ru

ГОСТЕПРИИМСТВО КАК БЕЗВОЗМЕЗДНЫЙ ДАР**

Формирование полиэтнического состава населения Казахстана в течение XX в. проходило, в том числе, под знаком дара.

В основе доклада – исторические сведения рубежа XIX–XX веков и полевые данные, собранные в период с 1992 по 2014 год на значительной территории Казахстана (сельское и городское население разных этнических, социальных и половозрастных групп). Анализ источников отчетливо обозначил различие в понимании и представлениях о казахском

* Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 15-06-99451 «Геоинформационное картографирование денежного обмена среди коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (рук. Н.В. Ссорин-Чайков).

** Работа выполнена по гранту Института «Открытое общество», программа CARTI, проект «Transformation of the traditional practice of hospitality among Kazakhs in a modernizing society».

гостеприимстве и позволил сформулировать рабочую гипотезу о том, что в отношениях с «чужими» казахи, в процессе активной колонизации степи, выработали, в значительной мере, позитивный, основанный на традиции, сценарий.

В местах доминирования казахов традиционное гостеприимство оказалось способным выступить в форме коллективной организованной безвозмездной поставки крова, еды и т.п. пришлому населению. Причем, нередко такая поставка имела значительную временную протяженность. Личные истории респондентов (славяне, немцы, поляки, корейцы и др.) свидетельствуют о многочисленных примерах альтруизма со стороны казахов. В результате, по мнению информаторов, поддержка индигенного населения способствовала их выживанию и успешной адаптации к суровым условиям казахских степей. Более того, казахская традиция стала неотъемлемой частью культуры неиндигенного населения. Мигрируя из Казахстана, люди остаются верными этой традиции, как в близкородственных отношениях, так и в оценке ее как важного инструмента интеграции в новое сообщество.

Таким образом, несмотря на крушение кочевой культуры, гостеприимство обрело новую форму, которая стала основой для межэтнического диалога в Казахстане.

ТРЕПАВЛОВ Вадим Винцерович

Институт российской истории РАН (Москва), trepavlov@yandex.ru

ПОЖАЛОВАНИЯ И ПОДНОШЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ XVI – НАЧАЛА XX ВЕКА

В докладе рассматривается место дара в этнической политике Московского государства и Российской империи. Разнообразные пожалования и подношения, с одной стороны, выступали как форма репрезентации верховной власти в России XVII – начала XX века, с другой, являлись способом визуализации подданства со стороны неславянского населения государства. Разнообразные пожалования были материальным воплощением власти. На протяжении столетий их ассортимент и ценность радикально менялись: от отрезков сукна до орденов. Они заключали в себе как практический смысл (заинтересовать подданных выгодой от лояльности правительству), так и репутационный подтекст (продемонстрировать богатство казны, неисчерпаемость государственных ресурсов, незыблемость Российской державы). Визуальная репрезентация подданства «иностранцев» проявлялась, помимо депутатий от них с поздравлениями и прошениями, в подношениях различных предметов и (реже) торжественных текстов. Они изготовлялись и вручались не только для демонстрации верноподданнических чувств. Это была нечастая возможность рассказать о своем народе, его обычаях и жизненном укладе, продемонстрировать искусство местных умельцев. Расширить познания такого рода в среде высшей правящей элиты можно было самым наглядным способом: преподнести продукцию местных промыслов, предметы быта, религиозного неправославного культа, а также специально изготовленные стилизованные изделия с познавательной этнической символикой. В процессе своеобразного обмена культурными презентациями (жалование даров подданным и подношения царственным особам) объективно осуществлялась комбинация русских и «иностранческих» «культурных сценариев».

ТУТОРСКИЙ Андрей Владимирович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), tutorski@mail.ru

ПЕРВЫЙ ДАР МАКЛАЯ ТУЮ И ЕГО СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

Взаимоотношения Маклая и Туя воспринимаются русскими читателями дневников, в первую очередь, как дружеские. Отчасти это связано, во-первых, с задачей, которую ставил ученый при публикации дневников – показать в папуасах прежде всего людей и человеческие отношения между ними, а во-вторых, с «народническим взглядом» самого исследователя, его «народническими» интерпретациями того, что он видел. На основании собственных полевых записей 2010 г. и документов из Архива Объединенной Лютеранской миссии, я попытаюсь продемонстрировать, что отечественный ученый видел этот контакт глазами «народника». Он не замечал социальных отличий среди папуасов, не обращал внимания на ответные дары. В то же время в современных папуасских легендах Маклай воспринимается как одно из действующих лиц сложного обменного процесса (своеобразной тотальной поставки, по М. Моссу) между папуасами.

Первый контакт и первый дар Маклая воспринимаются сейчас как своеобразное время сновидений, «альчери́нга» современных взаимоотношений европейцев и папуасов. В этом смысле дар Маклая имеет важное значение для современной культуры, как дар, инициировавший обменный процесс. Появление в современных легендах ответного дара Туя Маклаю, а также «безответный» характер этого дара задают рамки для восприятия современных отношений папуасов и европейцев.

Современное восприятие дарообменных процессов через призму дара Маклая и дара Туя ведет к созданию новых смыслов при понимании современности и современных взаимоотношений европейцев и папуасов.

ЮДИН Григорий Борисович

Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики» (Москва), gregloko@yandex.ru

«ВЗЯТЬ КРЕДИТ, ЧТОБЫ НЕ БЫТЬ В ДОЛГУ»: ЗАКРЕДИТОВАННОСТЬ РОССИЙСКИХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ДАРООБМЕНА*

Быстрый рост задолженности по потребительским кредитам стал одной из основных проблем российской экономики в предкризисный и кризисный периоды. Вместе с тем, стремительное развитие кредитования существенно изменило моральные основания повседневной хозяйственной деятельности. Вопреки распространенному мнению о том, что легкий доступ к кредитам порождает безответственность и несамостоятельность потребителей, реально развитие кредитования имеет противоположные следствия. Со времен Малиновского и Мосса антропологической теории известно, что дарообмен способен создавать солидарность за счет производства моральных обязательств, возникающих у получателя благодеяния. Кредит представляет собой способ предот-

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Жизнь в долг: социальное значение долговых практик в жизни сообществ в России», выполненного в рамках Программы научных исследований Фонда развития ПСТГУ в 2014 году.

вращения отношений дарообмена: поскольку кредитование предполагает оплату за сам факт ссуды средств и за время пользования ей (процент), оно не создает моральных обязательств. Тем самым кредит функционирует как разрушитель солидарности: он позволяет предотвратить возникновение моральных обязательств перед окружающими людьми и создает у заемщика иллюзию независимости. Это означает, что еще одно расхожее убеждение, в соответствии с которым российский заемщик «держится» за патерналистские отношения зависимости и культивирует их при помощи кредитования, также не соответствует действительности. Основываясь на данных эмпирического исследования заемщиков, проведенного ПСТГУ в четырех российских городах в 2014 г. (Касимов, Рязань, Архангельск, Каргополь), мы продемонстрируем, что развитие кредитования стимулирует развитие морали индивидуальной ответственности и расчетливости. Именно формирование заемщика по неолиберальному моральному образцу приводит к бесконтрольному расширению кредитования, которое не сдерживается сообществом и оставляет заемщика один на один с кредитором.

ЯНКОВ Игорь Викторович

*Уральский государственный университет путей сообщения
(Екатеринбург), iyankov@yandex.ru*

НАРРАТИВ ДАРООБМЕНА КАК ФОРМА КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Идентичность понимается нами как динамический процесс взаимодействия с Другими, и с изменяющимся самим

собой. Процесс дарообмена можно рассмотреть как фундаментальный механизм конструирования идентичности. Дар является способом фиксации отношений, формирования иерархий и формой признания друг друга.

Дарообмен можно рассматривать как форму отношений на персональном уровне, так и как способ взаимодействия больших социальных образований со специфическими нарративами и мифологией.

В качестве объекта анализа предполагается рассмотреть тексты болгарских публицистов и ученых-филологов Тодора Христова, Йордана Люцканова, описывающих отношения Болгарии с Россией и с миром в целом, как процесс обмена дарами, в частности дара литературы и азбуки.

Взгляд на историю через призму дарообмена равных участников, а не иерархии отношений «развитого» благодетеля и обязанного ему всем получателю, позволяет, на взгляд этих авторов, преодолевать подчиненную позицию, навязываемую Болгарии европоцентричным колониальным дискурсом.

Доклад предполагает критический взгляд на интерпретацию истории как процесса дарообмена, выявление его методологических пределов и особенностей.

Анализ обращен к сложной структуре идентичности субъекта(тов), порождаемого такими нарративами, и различным способам обращения дара. Постколониальная ситуация ставит под вопрос прямые интерпретации субъекта, дара и исторического нарратива.

**Симпозиум 6
ИСТОРИЯ НАУКИ
И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ**

**Секция 37–38
ИСТОРИЯ ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЕВЕДЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ**

Хартанович Маргарита Федоровна – д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

E-mail: margaritakh@kunstkamera.ru

Терюков Александр Иванович – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

E-mail: tsan@kunstkamera.ru

Сирина Анна Анатольевна – д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: annas@iea.ras.ru

АЛТУХОВА Светлана Алексеевна

*Томский государственный педагогический университет (Томск),
lana.asol@mail.ru*

**РОССИЙСКИЙ ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО
ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА**

В российской гуманитаристике мультикультурализм как явление действительности изучается с 1990-х годов. За прошедшее двадцатилетие опубликовано множество статей и монографий, защищены десятки диссертаций, проведены тематические конференции, складываются авторские теории. Одним из основоположников отечественного изучения мультикультурализма считается В.А. Тишков. Ученый, являясь последовательным сторонником конструктивизма, придерживается «бартовского» понимания этничности как формы социальной организации культурных различий. Этнолог предлагает построение современных «многоэтнических согражданств» по принципу «нации наций», при этом первая лишается своих биосоциологических коннотаций и интерпретируется лишь как сообщество, заключенное в рамки государства. Особое внимание уделяется отражению культурного и этнического в человеке через механизмы самоидентификации. Огромное значение Тишков придает политическим и научным дискурсивным практикам, проведению последовательной национальной политики и сфере образования. Другой ведущий ученый, занимающийся мультикультуралистской проблематикой, Э.А. Паин, также приходит к выводу о необходимости развития индивидуальных форм идентификации в противовес групповым, зачастую аскриптивным, которые получили свое распространение в период «увлечения мультикультурализмом». В последнем политолог видит лишь кратковременный отход, «обратную волну» в процессе глобальной демократизации (согласно концепции С. Хантингтона), завершающий цикл индустриальной модернизации. Ученый, находясь на позициях инструменталистского понимания этничности, ведущую роль

в данном процессе отводит политическим элитам. Рассматриваемые теории различным образом трактуют феномен мультикультурализма и причины его появления, однако в одном ключе предлагают способ гармонизации современных межэтнических отношений, считают приоритетным влияние политиков и ученых.

АЛЫМОВ Сергей Сергеевич

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), alymovs@mail.ru*

К ПРЕДЫСТОРИИ ТЕОРИИ ЭТНОСА

Несмотря на то, что изучение «народностей» и «племен» в российской этнологии имеет давнюю историю, введение понятия «этнос» считается рубежом, положившим начало развитию «теории этноса» и этногенетических штудий. Известно, что первое обоснование «этноса» как предмета науки дано Н.М. Могилянским в 1916 г., однако в этой статье он цитирует собственное выступление в Русском антропологическом обществе в 1902 г. с критикой «Этнографии» Н.Н. Харузина, в котором уже говорилось о важности изучения «этноса». Это указывает на необходимость обратиться к изучению деятельности группы петербургских антропологов, работавших главным образом в Санкт-Петербургском университете и группировавшихся вокруг Русского антропологического общества (Э.Ю. Петри, Д.А. Коропчевский, Ф.К. Волков, Н.М. Могилянский), чтобы проследить интеллектуальные истоки теории этноса.

Представители петербургской школы антропологии понимали эту науку как естественноисторическую дисциплину, частью которой является этнография. Петри и Коропчевский находились под влиянием немецкой антропогеографии, Волков и Могилянский были близки к французской школе палеоэтнологии. Естественноисторический и географический подход к изучению этнических явлений ярко проявился, в частности, в диссертации Д.А. Коропчевского «Значение “географических” провинций в этногене-

тическом процессе» (1905). Н.М. Могилянский был хорошо знаком с автором этого труда, равно как и с другими указанными учеными. Немаловажное значение для формулировки понятия этноса имело, по-видимому, и участие Н.М. Могилянского вместе с Ф.К. Волковым, Д.А. Золотаревым, С.И. Руденко и С.М. Широкогоровым в Постоянной комиссии по составлению этнографических карт РГО.

БАБЕНКО Василий Яковлевич

Уфимский филиал Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (Уфа), ufamgu@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ

В специальной этнологической литературе на протяжении XX – начала XXI века подробно исследовались теоретические проблемы закономерностей возникновения, развития и исчезновения этносов и их структурных подразделений, этнических процессов и факторов, влияющих на эти процессы, их классификации, места и роли этнических территорий и территорий этноса, этнического ядра в этих процессах.

Этническая история человечества – это непрерывающиеся этнические процессы: этнообъединительные (этноконсолидационные), этноразделительные, этноэволюционные, этнотрансформационные, внутриэтнические, межэтнические. Названные процессы представляют сложную, разнонаправленную систему внутри- и межэтнического взаимодействия. Этнос одновременно может находиться в состоянии разновекторных процессов: внутриэтнической консолидации, межэтнической интеграции, этнокультурной аккультурации. Однако доминирующим выступает один из них. Этнические процессы протекают под влиянием следующих факторов: демографических и территориальных; социально-экономических и социально-политических; временных: (продолжительность этнокультурных контактов); этнопсихологических; этногенетических, этноисторических, этнокультурных.

В этногенезе и этнической истории всех народов можно выделить основные этапы: внутриэтническая консолидация; межэтническая интеграция; этническая адаптация, аккультурация, ассимиляция. В литературе разработана проблема этнического парадокса: чем ближе языковые, конфессиональные и иные характеристики, тем активнее протекают процессы межэтнического сближения и ассимиляции. Однако на конечном этапе может произойти взрыв этничности. Исследование этнических процессов в прошлом и на современном этапе позволило нам сформулировать второй этнический парадокс: в случае возникновения межэтнических конфликтов, они протекают тем острее, чем ближе в этнокультурном, языковом и конфессиональном отношении народы.

БАТЫРЕВА Светлана Гарриевна

Музей им. Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста), sargerel@mail.ru

ЭТНОГРАФИЯ КАЛМЫКОВ В МУЗЕЕ

Этнографические материалы, рассказывающие о калмыках, концептуально вписаны в структуру экспозиции Музея традиционной культуры им. Зая-пандиты Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. В основу воспро-

изведения культуры кочевников положено современное понимание культуры как способа бытия человека и искусства как «образной модели» и «кода» культуры. Культурное наследие калмыков включает в себя пространственно-временную модель Вселенной. В качестве экспозиционного модуля предлагаются системообразующие параметры – время и пространство традиционной культуры, заключенные в модели жилища, являющейся культурным мирозданием народа. Особая роль в восприятии этнокультурного наследия отведена произведениям прикладного и изобразительного искусства, составляющим выразительную часть экспозиционного ряда. Это предметы кочевого быта, представляющие художественные ремесла, иконописные и пластические образы буддизма, исполненные согласно иконографическому канону.

БАТЬЯНОВА Елена Петровна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), elena-batyanova@yandex.ru

КОРЕНЯКО Владимир Александрович

Государственный Музей искусства народов Востока (Москва)

ПИСЬМА ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА С.И. ВАЙНШТЕЙНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАУКИ*

В домашнем архиве известного специалиста по истории, этнологии и археологии Тувы доктора исторических наук Севяна Израилевича Вайнштейна (1926–2008) хранится значительное количество адресованных ему писем, датированных 1950–2000 гг. Это письма как от его друзей и коллег – ученых различных специальностей, так и от его учеников, а также от его информаторов, с которыми ему приходилось общаться в этнографическом поле. Среди корреспондентов С.И. Вайнштейна – историк и археолог академик А.П. Окладников, историк академик Н.Н. Покровский, антрополог академик В.П. Алексеев, археолог и этнограф А.Н. Липский, археолог и этнограф П.П. Хороших, археологи: В.М. Батчаев, Н.Л. Членова, искусствовед и этнограф С.В. Иванов, этнографы: В.Я. Бутанаев, Н.П. Денисова, Б.О. Долгих, Н.А. Томилов, филолог Л.В. Гребнев, историки: М. В. Крюков, Г.Н. Курбатский, В.А. Дубровский, Н.М. Моллеров, историк, филолог и археолог С.Г. Кляшторный, литератор и исследователь тувинского шаманизма М.Б. Кенин-Лопсан, директор Тувинского музея А.С. Комбу, исследователь бурятского шаманизма Т.М. Михайлов, литератор и историк Н.А. Сердобов и многие другие известные отечественные ученые. Кроме того, в архиве С.И. Вайнштейна хранится большое количество писем его зарубежных корреспондентов. В письмах часто обсуждаются планы совместных научных исследований, ведутся научные споры по тем или иным проблемам тюркологии, сибиреведения. Безусловный интерес представляет переписка С.И. Вайнштейна с директивными органами о мерах по улучшению экономического положения народов Сибири.

Авторы доклада рассказывают о проведенном ими анализе эпистолярных материалов из архива С.И. Вайнштейна, являющихся информативным источником по истории науки.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 1401.00519 «Научное наследие Севяна Израилевича Вайнштейна (неопубликованные материалы)».

БАТЯЕВА Татьяна Анатольевна

*Новосибирский государственный педагогический университет
(Новосибирск), t.batyayeva@yandex.ru*

**МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ II:
НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ КУНСТКАМЕРЫ**

Актуальность работы заключается в необходимости исследовать вклад Екатерины II в организацию музейного дела. Исследование вопроса позволит оценить степень влияния императрицы на организацию и деятельность музеев. В правление Екатерины была проведена каталогизация, систематизация «предметного мира» музея, в стремлении императрицы внедрить идеи просвещения в русское общество отчетливее проявляется просветительская функция музея.

БЕРЕЗНИЦКИЙ Сергей Васильевич

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), svberezniisky@yandex.ru*

**КАРАВАННАЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ С КИТАЕМ
В XVIII ВЕКЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ИЗУЧЕНИЕ НАРОДОВ АМУРА**

В 1784 г. в Санкт-Петербурге был опубликован фундаментальный труд: «Обстоятельное описание происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего». На русский язык (с 16-томного оригинала «Бацитунджи») он был переведен выдающимися отечественными востоковедами Алексеем Леонтьевичем Леонтьевым и Илларионом Калиновичем Россохиным. Биографии и научная деятельность Леонтьева и Россохина изучены достаточно хорошо, как и сделанный ими перевод, содержащий ценные этнографические, исторические, географические материалы о маньчжурах, китайцах, коренных народах Амура: предках современных нанайцев, нивхов, удэгейцев, ульчей [Д.Н. Бантыш-Каменский, 1836; В.П. Таранович, 1945; А.В. Стренина, 1950; С.А. Токарев, 1966; П.Е. Скачков, 1977; В.Е. Ларичев 1998; Т.А. Пан 2004; и др.]. В Россию из Китая «...описание манджурского народа...» было доставлено в середине XVIII века торговым караваном под управлением директора А.М. Владыкина. Российско-китайская караванная торговля в XVIII столетии являлась важной сферой межгосударственных отношений. Однако сведений о самом караване, об исследовательской и собирательской работе его участников известно мало. Поэтому рассмотрение этих аспектов позволит осветить роль торговых российских караванов в деятельности Пекинской духовной миссии, в процессе сбора музейных экспонатов для Кунсткамеры, китайских и маньчжурских исторических, географических и других изданий для Академии наук, для становления и развития отечественной этнографической науки.

БИБИК Евгения Евгеньевна

*Амурский государственный университет (Благовещенск),
bibikevgeniya@mail.ru*

**ЭЛЕМЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЭТНОГРАФИИ В ПРОЗЕ С.В. МАКСИМОВА
(сборник «На Востоке. Поездка на Амур»)**

Максимов Сергей Васильевич (25.09.1831–3.06.1901), писатель-этнограф, очеркист. Максимова часто сравнива-

ли с Лесковым и называли одним из самых «укорененных» в русской культуре писателей. Наверное, потому что ему удавалось анализировать не только бытовые и фольклорно-обрядовые пласты народной жизни, а передать миро-восприятие русского человека. А.С. Суворин выделял Максимова как одного из лучших российских этнографов-путешественников. Его книги «Год на Севере» и вышедшая ранее «Лесная глушь», стали отличной рекомендацией писателю для участия в «литературной экспедиции». Максиму достался Дальний Восток. Это было самое долгое путешествие С.В. Максимова. Путь продолжался в течение года, вместил множество впечатлений, зафиксированных с фотографической точностью. Книга «На Востоке. Поездка на Амур» абсолютно честная. Автор ничего не приукрашивает. Он просто запечатлевает реалии, которые встречается на своем пути, проводит их описание до мельчайших деталей. В главе «Заселение реки Амура» Максимов дает серьезный анализ этой проблемы, показывает главные трудные вопросы и делает вывод, который так актуален и сегодня: «Всякая насильственная мера ведет за собою неизбежную путаницу, никогда не достигнет успешных результатов не только в начале, но и далеко впоследствии». Дорожные заметки и воспоминания, как обозначил их сам исследователь, представляют огромную ценность. Они позволяют вернуться на полтора столетия назад и почувствовать тот ритм жизни, прикоснуться к судьбам людей, давно уже ушедших, но благодаря писателю Максиму зафиксированных в общей исторической памяти.

ВЕРЕЩАКА-ДАВЫДОВА Елена Андреевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), elenav0202@gmail.com*

**ДНЕВНИКИ ВАРВАРЫ ГРИГОРЬЕВНЫ
КУЗНЕЦОВОЙ: СПЕЦИФИКА И СОВРЕМЕННЫЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛЕВЫХ ЗАПИСЕЙ
СОВЕТСКОГО ЭТНОГРАФА***

Варвара Григорьевна Кузнецова, будучи аспиранткой отдела этнографии Сибири в МАЭ РАН, проводила полевую работу среди оленеводов Амгуэмской тундры Чукотского района (ныне Иультинский район Чукотского автономного округа) с 1948 по 1951 гг. Исследовательница три года прожила в стойбищах оленных чукчей, причем подавляющую часть времени она находилась в яранге одной семьи. Опыт исследовательницы представляет интерес для современной антропологии/этнографии в силу нескольких причин. Во-первых, анализ методики и способов работы В.Г. Кузнецовой в поле позволяет поднять вопросы о возможностях «включенного наблюдения», ценности телесного опыта этнографа, преимуществах и трудностях «породнения» исследователя и изучаемого им сообщества, значении дневника как метода полевой работы. Во-вторых, тщательное прочтение текстов ленинградского этнографа помогает увидеть новые грани социальной жизни амгуэмских оленеводов середины XX столетия, в частности, глубже понять природу властных и родственных отношений в чукотских

* Данное исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальной реальности в контексте процессов глобализации (рук. В.А. Попов).

стойбищах, а также процесс советизации оленеводческих семейно-родственных коллективов.

ГАВРИЛОВ Степан Сергеевич

*Амурский государственный университет (Благовещенск),
mr.deathless@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОГРАФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА В ТРАКТОВКЕ С.М. ШИРОКОГОРОВА

Значительный вклад в историю Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН внес С.М. Широкогоров, который занимал должность младшего антрополога. Сергей Михайлович в своих монографиях указывал на недостатки этнографии начала XX века и на необходимость перехода от сбора этнографического материала к его комплексному, с использованием данных этнографии, археологии и антропологии, методу изучения. По мнению С.М. Широкогорова, этнограф – это историк, вооруженный всевозможными теоретическими знаниями и с их помощью восстанавливающий, насколько это возможно, комплексы прошлого, а также описывающий и анализирующий «живые» по своим функциональным и историческим аспектам комплексы. И поэтому этнограф приближается к историку и всем тем специалистам, которые имеют дело с различными аспектами культуры (т.е. этнографии) среди так называемых цивилизованных этнических групп. С.М. Широкогоров пишет о том, что ряд этнографов под влиянием критики относительно методов и значения наблюдений этнических групп, исключают из своих отчетов все то, что могло быть подвергнуто критике теми авторами, которые никогда не видели никаких других людей кроме тех, в чьей среде они родились, или теми авторами, которые выдвигали новые гипотезы на основе изучения чужих трудов. Сам ученый говорит о том, что предпочел бы быть подвергнутым самой строгой критике, чем пренебречь наблюдаемыми фактами, и поэтому записывал наблюдаемые факты в своих отчетах максимально полно.

ГАВРИШИНА Валентина Владимировна

*Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
vgavrishina@yandex.ru*

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ А.К. СЕРЖПУТОВСКОГО

Среди основных задач, на решение которых направлено наше внимание в рамках темы, является определение значения А.К. Сержпутовского как этнографа-музееведа в кругу исследователей конца XIX – начала XX века. Существенно, что его исследования интересны для современного ученого, однако, на наш взгляд, необходимо дать актуальную оценку его коллекциям с точки зрения этномузеологического наследия: их репрезентативности среди коллекций Российского этнографического музея и других музеев; информативности и полноте отражения этнографической действительности. Для этого необходима разработка методики комплексного научного описания, проведение атрибуции предметов и систематизация коллекций А.К. Сержпутовского на основе разработанных типологий; изучение архивных материалов А.К. Сержпутовского, их анализ и систематизация. Работа

должна включать единовременную обработку всего комплекса источников: рукописных материалов (программ сбора экспонатов, полевых дневников, отчетов о поездках А.К. Сержпутовского и др.), музейных описей, вещевых и фотоколлекций.

Кроме этого, необходима интерпретация и оценка научного наследия А.К. Сержпутовского в исследованиях его современников, а также изучение целого ряда общих концептуальных аспектов, к которым следует отнести, к примеру, влияние социально-политических процессов на изменения идентичности белорусов и их этнического самосознания (конец XIX – начало XX века).

ГАНТИМУРОВА Мария Ивановна

*Государственный архив Забайкальского края (Чита),
gantmary@yandex.ru*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКЦИИ ИЗУЧЕНИЯ И УЛУЧШЕНИЯ БЫТА ТУЗЕМЦЕВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ОТДЕЛА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (1922–1929 годы)

При Забайкальском отделе Русского географического общества в 1922 г. была организована Секция изучения и улучшения быта туземцев Дальнего Востока. Цель ее деятельности определялась следующим образом: всестороннее изучение быта, духовной и материальной культуры, современного экономического положения, форм хозяйственной деятельности, промысла туземных племен Дальнего Востока, оказание им помощи в деле просвещения путем краткосрочных курсов, лекций и т.п.

Ее деятельность в области туземного вопроса должна была объединить всю работу по изучению коренного населения Забайкалья и Дальнего Востока. Кроме этой работы, секция имела научно-вспомогательное значение для проведения мероприятий органов власти по многим вопросам: предоставление статистических данных, справок исторического и экономического характера, выработка планов, определение границ экономического и физического районирования, издание и редактирование научных трудов и т.д.

Секция занималась экономическими и географическими исследованиями, разрабатывала маршрут экспедиции с целью комплексного изучения эвенкийских племен. К сожалению, она не состоялась из-за отсутствия средств. Но ее программы, планы представляют определенную научную ценность. Секция собирала этнографические экспонаты для Московской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в 1923 г.; участвовала в формировании фондов Краеведческого музея. В период острого кризиса в 1922–1924 гг. среди коренного населения она содействовала снабжению племен продуктами и другими средствами к существованию.

ГЕРАСИМЕНКО Елена Евгеньевна

*Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
ger@ethnomuseum.ru*

ЭКСПОНИРОВАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ КАК ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Как элемент социальной структуры память является результатом процесса институционализации, включающе-

го стадии типизации, объективации, легитимации, и реализуемого в многообразных культурных практиках, одной из которых является музей. Проводя постоянную работу по комплектованию и экспонированию коллекций, распространяя знания о прошлом, музей создает социальную память. Понятие «этнографическая коллекция» в самом общем плане обозначает совокупность артефактов, которые, по мысли их собирателя, характеризуют какой-либо фрагмент этнокультурной реальности и являются источником ее изучения. В России целенаправленное собирание этнографических коллекций ведется начиная с середины XIX века. Отечественными музеями скомплектованы этнографические собрания, насчитывающие сотни тысяч единиц хранения. Сохраняемые артефакты объективируют уникальный опыт бытия человечества в этнически разнообразных культурных формах. Экспонируя этнографические коллекции, музей вводит в широкий оборот новые или актуализирует ранее сохраненные фрагменты коллективного опыта, задает определенное понимание их воспринимающим субъектом. В докладе анализируется тематика временных выставок Российского этнографического музея, состоявшихся в музее в период с середины 1990-х годов до 2014 г., рассматриваются категории, интерпретационные схемы, посредством которых концептуализируется этнокультурная действительность, выявляются основные темы музейного нарратива о прошлом.

ГЛЕБОВА Елена Викторовна

*Союз театральных деятелей России (Москва),
elena. glebova@mail.ru*

ЭТНОГРАФИЯ АРКТИКИ В РИСУНКАХ ЛУКИ ВОРОНИНА

Визуализация культуры, как один из приемов ее фиксации и последующего анализа, составляет важнейшую часть этнографической работы. Рисовальщики были обязательными участниками российских экспедиций, начиная с XVIII в. В числе крупнейших экспедиций того времени – Северо-восточная географическая и астрономическая экспедиция Биллингса – Сарычева (1785–1795), в ходе которой решались научные и геополитические задачи, были собраны этнографические сведения о чукчах, алеуках, ительменах, якутах, зафиксированные в бортовых журналах, дневниках. Особое место занимают выполненные с натуры этнографические рисунки Луки Воронина, великолепно отразившие антропологические и этнографические особенности культуры и быта северных народов. Они иллюстрируют рукописи Карла Мерка о чукчах, книгу Г.А. Сарычева «Путешествие по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану» (1802); гравюры с экспедиционных зарисовок и сегодня обогащают научные издания. О выпускнике Академии художеств Луке Алексеевиче Воронине (1765–?), который совершил поход по Восточной Сибири с лейтенантом Сарычевым, плавал на судах «Паллас» и «Слава России» с капитаном Биллингсом и вернулся в Петербург только в 1793 г., сохранились скудные сведения. В докладе, на основе архивных документов Северо-восточной экспедиции и литературных материалов, будет создан портрет талантливого рисовального мастера, ставшего первым русским арктическим художником, чью тематику в значитель-

ной степени определил интерес к новым землям и населяющим их народам.

ГОСТИЕВА Лариса Казбековна

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
Владикавказского НЦ РАН (Владикавказ),
lagost@mail.ru*

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОСЕТИНОВЕДЕНИЯ: С.В. КОКИЕВ

С.В. Кокиев (40-е годы XIX – 1910 г.) – один из первых осетинских этнографов и просветителей. С 1869 по 1891 гг. он работал учителем во Владикавказском реальном училище, позже – в Ташкенте и Ревеле. Формирование научных интересов С.В. Кокиева проходило под влиянием представителей русской академической науки В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского. В 1880-е годы. С.В. Кокиев был привлечен В.Ф. Миллером к сбору лингвистического, фольклорного и этнографического материалов по осетинам, которые стали одним из источников знаменитого труда В.Ф. Миллера «Осетинские этюды». В 1880 г. С.В. Кокиев сопровождал Миллера в полевой экспедиции по Осетии.

В 1885 г. в I выпуске редактируемого В.Ф. Миллером серийного издания «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее», была издана статья С.В. Кокиева «Записки о быте осетин», в которой дана обстоятельная характеристика материальной и духовной культуры равнинных осетин. Статья была написана по программе для собирания этнографических данных и была высоко оценена В.Ф. Миллером и М.М. Ковалевским, который широко использовал ее в своем фундаментальном труде «Современный обычай и древний закон». С.В. Кокиеву принадлежит также ряд статей по этнографии осетин, опубликованных в областной газете «Терские ведомости»: «Сел. Христиановское. Путевые заметки» (1881), «Калым у осетин» (1887), «Похоронные обряды у осетин» (1901). С.В. Кокиев внес значительный вклад в этнографическое осетиноведение.

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), anthropolog@rambler.ru*

СИРИНА Анна Анатольевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), annas@iea.ras.ru*

КНИГА С.М. ШИРОКОГОРОВА «SOCIAL ORGANIZATION OF THE NORTHERN TUNGUS»: ИСТОРИЯ, СТРУКТУРА, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Книга о социальной организации северных тунгусов была опубликована С.М. Широкогором в китайской эмиграции на английском языке [Social Organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups). Changhai: The Commercial Press, Ltd., 1929]. Ее основу составили тунгусские полевые материалы. На этих же материалах им была разработана теория этноса, которую он применил и к анализу тунгусской социальной организации. Содержание книги шире ее названия, т.к. Широкогор включил в нее описание природной (первичной) среды (mellieu), происхождение

и историю тунгусских групп, считая, что явления социального порядка не могут быть поняты без исчерпывающего изложения тунгусской этнографии.

В докладе будут рассмотрены история написания книги, методологические подходы автора, проведены сопоставления с тематикой, характерной для советской этнографии. Так, например, тема этногенеза и этнической истории в книге Широкогорова и в трудах советских ученых расходятся во времени на 25–30 лет, но свидетельствуют об объективно сложившихся подходах и темах в российском тунгусоведении, не в последнюю очередь обусловленных особенностями сибирского «поля».

Другая грань интереса к книге – это попытки ее перевода на русский язык в контексте доминирующей в 1930-е годы научной парадигмы. В докладе на основании анализа научного языка перевода 1930-х годов и правок рукописи, сделанных в 1960–1970-е годы, будут показаны способы адаптации изначального авторского текста к господствующей научной теории.

В заключение авторы поделятся опытом перевода книги на русский язык для ее последующей публикации в серии «Этнографическая библиотека» (при поддержке проекта РГНФ 13-01-00117).

ДАНИЛОВА Ольга Сергеевна

*Университет Париж VII им. Д. Дидро (Париж, Франция),
danilova78@mail.ru*

ПАНИНА Светлана Николаевна

*Свердловский областной краеведческий музей (Екатеринбург),
snpanina@yandex.ru*

КОЛЛЕКЦИИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И АРХЕОЛОГА Ж. ДЕ БАЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И РОССИЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Археолог, историк, этнограф, искусствовед и коллекционер барон Жозеф де Бай (1853–1931) неоднократно посещал Россию по заданию Министерства народного просвещения. Публикации, отчеты Ж. де Бая о путешествиях и доставленные им во Францию археологические и этнографические коллекции «открыли» для Европы древние исторические памятники Урала и Сибири. В России об этом разноплановом ученом-самоучке, которого коллеги с упреком называли «человеком, хватающимся за все», и его трудах известно лишь специалистам. Археологами СОКМ в 2011 г. была создана выставка «Уральские экскурсии барона де Бая», на которой впервые экспонировались копии предметов из коллекции Шигирского торфяника, хранящиеся в Париже, среди них – третий деревянный Шигирский идол. Материалы этой выставки опубликованы в сборнике «Шестые Берсовские чтения». Во Франции имя барона несправедливо забыто. Если брошюра «От Волги до Иртыша; археолого-этнографическая экскурсия по Приуралью и Западной Сибири в 1896 г.» переведена на русский язык, то отчет «Археологическая и этнографическая миссия в Россию и Западную Сибирь в 1895 г.» – нет, также не описаны и не атрибутированы многие коллекции, переданные им в хранилища основных музеев Парижа (Национальный музей естественной истории, Музей национальной археологии в Сан Жермен ан-Ле). В докладе будут введены в научный оборот неизвестные

дневниковые записи и документы барона, хранящиеся в архивах Франции (замок де Бая в Шампани, Национальный архив, архив Института славяноведения).

ДЕНИСОВА Ирина Михайловна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), irinamikhdenisova@yandex.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ, ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Сравнительно-типологический и сравнительно-исторический анализ явлений народной культуры дает возможность выявить определенные общие закономерности в их развитии, а в области духовной культуры – их исконное смысловое содержание и пути его трансформации. Поразительное сходство сюжетов и мотивов в фольклоре и мифологии различных народов, не связанных генетически или территориально, отмечено исследователями уже на первых этапах становления этнографической науки и породило научные направления эволюционистов, диффузионистов, структуралистов и пр. Широко применяли сравнительный метод А.Н. Афанасьев, В.Н. и Н.Н. Харузины, Д.Н. Анучин, Л.Я. Штернберг, Г.Н. Потанин, А.А. Потебня, Д.К. Зеленин, и хотя многие теории этих ученых устарели, приводимый ими богатый сравнительный материал обладает непреходящей ценностью. Еще в 1870-х годах А.Н. Веселовский писал, что данное направление в будущем должно стать «новой наукой», основанной на сборе и обобщении материала по всему миру.

Перспективность этого метода проявилась в работах В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова, С.В. Иванова. Несколько критически к сравнительным исследованиям был настроен Н.И. Толстой. По мнению В.Я. Проппа, именно сравнительный метод позволяет нащупать верный подход в вопросах генезиса мифологических представлений.

Теоретическое обоснование метода дал Б.Н. Путилов, отметив, что «любой вариативный комплекс одной этнической традиции наилучшим образом прочитывается... в соотносительности с его иноэтническими вариантами». Перспективной является работа под руководством Ю.Е. Березкина по созданию единого Тематического каталога по мифологии народов мира.

ДУВАКИН Евгений Николаевич

Независимый исследователь (Киров), e.duvakin@gmail.com

ЭВЕНКИЙСКИЕ МАТЕРИАЛЫ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА (1723–1724)*

Среди ранних источников по этнографии и языку эвенков одно из ключевых мест принадлежит материалам Д.Г. Мессершмидта, проводившего исследования в Сибири в 1719–1726 гг. Рукописное наследие этого выдающегося ученого опубликовано лишь частично и хранится в СПФ АРАН. Основная масса эвенкийских данных сосредоточена в путевых дневниках 1723–1724 гг. и трактате «Sibiria perlustrata», оконченном в 1728 г. по возвращении в Петербург.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-01-00058 «Тунгусо-маньчжурские народы России» (рук. Л.И. Миссонова).

В рукописях Мессершмидта содержатся разнообразные сведения о нижнетунгусских, верхнеленских, ангарских и даурских эвенках. Материалы по первой из этих групп он собрал в июне–сентябре 1723 г. во время пребывания в Тунгуске и в ходе дальнейшего путешествия до верховий Нижней Тунгуски. Описание, составленное Мессершмидтом, включает данные об оленеводстве, охоте, жилище, одежде и татуировках. В июле 1723 г. он сделал рисунок, который является, вероятно, первым достоверным изображением нижнетунгусского эвенка.

Эвенкийские словарные материалы, собранные Мессершмидтом, в современных лексикографических работах, как правило, не учитываются либо упоминаются вскользь, между тем их значение для тунгусоведения трудно переоценить. В 1723–1724 гг. он записал более 500 эвенкийских слов, среди которых – эндоэтнонимы, числительные, названия частей тела, животных, растений и металлов, а также термины родства и свойства. По существу, это первый в истории документированный и пространственный словарь эвенкийского языка. По объему и репрезентативности он значительно превосходит записи, изданные Н. Витсенем, и опубликованные материалы Ф.И. Страленберга и Г.Ф. Миллера.

ЕРШОВА Галина Гавриловна

Российский государственный гуманитарный университет, Учебно-научный Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова (Москва), ga.gav@mail.ru

ДОЛГОВА Евгения Андреевна

Российский государственный гуманитарный университет, НОЦ «Центр Междисциплинарных гуманитарных исследований» (Москва), dolgova-evg@rambler.ru

«ВЫБИВАЮ ПЫЛЬ ИЗ ТУРКМЕНСКИХ КОВРОВ...»: РАБОТА Ю.В. КНОРОЗОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР (1948–1952)

В докладе освещается малоизученный период жизни и деятельности Ю.В. Кнорозова (1922–1999) – лингвиста, этнографа и историка, специалиста по эпиграфике и этнографии; основателя отечественной школы майяистики. На основе неизвестных архивных материалов реконструируются направления деятельности Ю.В. Кнорозова: участие в плановой работе Музея (экспедиции и подготовка выставок), работа по систематизации и описанию материалов Этнографического бюро Тенишева; восстанавливается круг знакомств молодого ученого (его научное окружение), характеризуются его ранние научные разработки по дешифровке письменности майя. Исследуемый этап биографии Ю.В. Кнорозова рассматривается докладчиками в контексте послевоенного этапа истории Государственного музея этнографии народов СССР под руководством Е.А. Мильштейна.

ЖДАНОВА Марина Геннадьевна

Новосибирский государственный медицинский университет (Новосибирск), jda13@ua.ru

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ЭТНОГРАФИИ

В СССР культура была элементом, прежде всего, идеологическим. Так, согласно В.И. Ленину, основной предпосылкой культурной революции является утверждение в массах новой

идеологии – коммунистической. Духовная культура понималась как элемент идеологии политической элиты, и только потом как форма проявления творчества человека, его осмысление жизни. В период правления И.В. Сталина этнографы мало занимались культурой. В этот период культура трактовалась как программа, выполнение которой обеспечивается аппаратом государства и политической организацией советского общества. Идеология и культура стали жестко взаимосвязаны. После смерти Сталина в советской этнографии стали появляться концепции культуры, рассматривающие ее как знаковую систему, как средство адаптации человека к его среде обитания. Появилась возможность вести относительно свободную дискуссию по вопросам культуры, ее исследованию.

ИВАНОВСКАЯ Наталья Ивановна

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), n_iva@mail.ru

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ-ЭТНОЛОГОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В СЕМИНАРЕ Ф.К. ВОЛКОВА (1907–1917)

Федор Кондратьевич Волков (1847–1918) известен как крупный ученый, основатель школы палеоэтнологии, антрополог, археолог, этнограф. Еще одной сферой приложения его творческой энергии была педагогическая деятельность в Санкт-Петербургском университете. Всего лишь за десятилетие работы (1907–1917) на естественном отделении физико-математического факультета он подготовил целую плеяду видных ученых – археологов и этнографов: П.П. Ефименко, С.И. Руденко, С.А. Теплоухова, Д.А. Золотарёва, Г.А. Бонч-Осмоловского, Б.Г. Крыжановского, А.З. Носова, А.Г. Алешо, Л.Е. Чикаленко и др. На кафедру географии и этнографии Санкт-Петербургского университета Волков пришел в 1907 г. с выработанной им эффективной методикой преподавания антропологии, археологии и этнографии. Особенностью преподавательской деятельности Волкова было привлечение студентов с первых занятий к самостоятельной научной работе. Ф.К. Волков, обладая многими личными качествами, притягательными для его учеников, смог объединить в своем семинаре очень разных молодых людей, разных и по происхождению, и по национальной принадлежности, и по политическим взглядам. Можно выделить три фактора в образовательно-педагогической деятельности Ф.К. Волкова, которые позволили ему достичь столь впечатляющих результатов в подготовке специалистов-антропологов. (1) Блестящий личный научный потенциал в сочетании с эффективной методикой преподавания антропологических дисциплин. (2) Умение благодаря профессиональному и педагогическому опыту отобрать для научной деятельности наиболее способных студентов. (3) Доверительные межличностные отношения учителя с учениками, способствовавшие результативной передаче профессиональных ценностей, традиций, норм профессионального поведения.

ИСТОМИН Алексей Александрович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), alaist-2009@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЫ И ДИЛЕТАНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДЕАНИСТИКЕ

Перемены в России начала 1990-х годов вызвали такое явление в гуманитарных науках, как сосуществование, а

чаще конфликт профессионалов и дилетантов, вторгшихся в пространство, находившееся ранее в компетенции специалистов, работников госучреждений – институтов, вузов, музеев. Особенно остро это проходило в истории и археологии.

В индеанистике это протекало не столь драматично. Не позднее 1980-х годов в СССР получила распространение молодежная субкультура индеанистов, которые имитировали жизнь североамериканских индейцев, занимались изготовлением их одежды и утвари, собирали о них сведения и по возможности публиковали. В 1990-е годы эта субкультура еще более окрепла. Между ее представителями и учеными-специалистами начали складываться определенные отношения. Если ряд профессионалов ставил под сомнение подобные контакты, то ряд других такие контакты поддерживал, прежде всего д.ф.н. А.В. Ващенко, который выступил посредником между «официальной» наукой и любителями-индеанистами. Эта поддержка носила как информативный, так и образовательный характер, давая его аудитории представление о научных подходах к предмету. С другой стороны, ряд любителей-индеанистов, получив историческое образование, смогли выступать в роли профессионалов (к.и.н. Д.В. Воробьев), а также полупрофессионалов (к.и.н. Г. Борисов), совмещающих научную деятельность с внеаудиторной практикой. При резком сокращении российских специалистов по этнографии североамериканских индейцев непрофессионалы становятся основными носителями соответствующих знаний, хотя их интерес к этой информации носит в основном справочный характер. Случалось, их даже приглашали для написания статей в БРЭ.

КАРАЖАЕВА Эльмира Ибрагимовна

Российский государственный лингвистический университет (Москва)

ПАЛЛАГОВА Зарифа Борисовна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), sozieva@mail.ru

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ И СОБИРАТЕЛИ ОСЕТИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Современному фольклорно-этнографическому осетиноведению предшествовали десятилетия накопления разносторонней и разноплановой информации об осетинах. Фольклорно-этнографическое изучение осетин в XIX в. осуществлялось в специфических социально-экономических, военно-политических и социокультурных условиях, связанных с процессом колонизации и освоения северокавказских территорий, событиями Кавказской войны, удаленностью от столичных научных центров. Работы, созданные в этот период знатоками и любителями этнографии, были определенным этапом на пути создания обобщающих трудов по этнографии Осетии.

Первые собирательские и исследовательские работы по осетинскому фольклору и этнографии были близки по структуре, форме изложения материала, тематике исследований и по методам историописания, они способствовали накоплению источниковой базы в таких областях этнической, как мифологические представления, религиозные культы и семейно-бытовая обрядность, углублению и дифферен-

циации этнографической тематики (очерки С.В. Жускаева, Н.Г. Берзенова, В.С. Толстого, И.Г. Тхостова, А.А. Гассиева, М.Г. Баева, К.И. Красницкого, И.Д. Канукова).

Особо важную роль в формировании фольклорно-этнографических знаний об осетинах сыграла дореволюционная периодическая печать Кавказа (газеты «Терские ведомости», «Кавказ», «Казбек», «Закавказский вестник» и др.).

КЕРИМОВА Мария Мустафаевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), mkerimova@yandex.ru

РОССИЙСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ

В докладе основное внимание будет уделено как основным тенденциям в российской этнологии на рубеже веков, так и рецепции российской наукой зарубежных течений и направлений: эволюционизма, культурно-исторической школы, диффузионизма, социологической школы Э. Дюркгейма, американской исторической школы. Наиболее последовательными сторонниками эволюционной школы в российской этнографии/этнологии были Э.Ю. Петри, Д.А. Коропчевский, Н.Ф. Сумцов, М.В. Довнар-Запольский, И.Н. Смирнов. Последователями культурно-исторической школы стали А.Н. Максимов, В.В. Богданов, Б.А. Куфтин, П.Ф. Преображенский, Д.К. Зеленин, В.Г. Богораз, С.П. Толстов. Сторонником диффузионизма в русской науке, например, был В.Г. Богораз. Трудам некоторых российских этнографов (А.Н. Максимов, В.Г. Богораз) была присуща рецепция некоторых идей американской исторической школы Ф. Боаса. Отдельные положения социологической школы Э. Дюркгейма в российской этнологии восприняли такие ученые, как М.М. Ковалевский и Л.Я. Штернберг.

В конце XIX – начале XX столетия появилась российская историческая школа В.Ф. Миллера. В числе ее последователей оказались Харузины, П.Г. Богатырев, В.А. Гордлевский, Е.Н. Елеонская, Б.М. и Ю.М. Соколовы и др.

На протяжении 1920-х годов складывается советская этнографическая школа, основанная на марксистской методологии. П.И. Кушнер был одним из наиболее ярких ее представителей.

КИССЕР Татьяна Сергеевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), tkisser@bk.ru

НАРОДОВЕДЕНИЕ П.С. ПАЛЛАСА И И.Г. ГЕОРГИ: ОТ ОПИСАНИЯ К СИСТЕМАТИКЕ*

Общепризнанно, что наука о народах родилась в середине XIX века в лоне европейского эволюционизма. Однако за столетие до этого вышли в свет труды академиков-путешественников П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» и И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». Паллас и Георги были участниками «екатерининских экспедиций», которые развернули свои исследования природного и культурного достояния империи. По ходу

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-01-00413 «Антропология путешествия в этноисторическом контексте» (рук. А.В. Головин).

путешествия ученый-натуралист Паллас переживает «этнографический сдвиг», и в его описания природы включаются описания народов. Георги доводит народописание до уровня систематики, используя собственный опыт и наработки предшественников (Г.Ф. Миллера, В.Н. Татищева и др.). Герой и предмет четырехтомного труда Георги – народ (вернее народы), прежде в науке и литературе не фигурировавший. Тем самым «этнографический сдвиг» достиг своего максимума, создав новую область знания. «Описание» Георги представляет собой систематический этнографический свод и дает общую картину национального состава Российской империи. Всего он описал 80 народов, следуя единой схеме описания. Он использует ряд признаков для объединения народов в группы и для разделения их на этнографические или территориальные подразделения – по государственно-административной принадлежности, происхождению, языку, социальному статусу, особенностям культуры и хозяйства. Георги был новатором в этнографической систематизации и выделении этнографических критериев для сопоставления народов, тогда как его предшественники ограничивались описанием отдельных народов.

КОПАНЕВА Наталья Павловна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), nkopaneva@mail.ru

**ОПИСАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ЭКСПОНАТОВ В ПЕРВОМ
ОПУБЛИКОВАННОМ КАТАЛОГЕ
КУНСТКАМЕРЫ (1741)**

В докладе будут проанализированы описания этнографических экспонатов в первом каталоге Кунсткамеры «*Musei Imperialis Petropolitani vol. 2 pars 1*» (МІР), опубликованном в 1741 г. Первые предметы этнографического характера поступили в Кунсткамеру с их описанием в 1716 г. вместе с собранием амстердамского аптекаря А. Себы. Дальнейшие основные поступления связаны с экспедициями в Сибирь Д.Г. Мессершмидта и участниками Второй Камчатской экспедиции. Все посылки в Петербург сопровождалась реестрами, которые использовались для описаний экспонатов в каталоге. В реестрах давалась информация о том, какому народу принадлежит предмет; мужчине, женщине или ребенку; для чего предназначен, из какого материала изготовлен; точно фиксировалось место сбора.

В каталоге «МІР» этнографические описания сосредоточены в основном в разделе, названном «Предметы быта скифов, китайцев, индийцев и всяческих восточных и северных народов: одежда, оружие, утварь, идолы и прочие любопытные предметы»

Предметы в них распределялись в основном по географическому (Россия, отдельно Китай, «азиатские народы») и функциональному (быт, предметы, связанные с верованиями) признакам. Сбор этнографической коллекции для Кунсткамеры и описания предметов давали возможность выработать инструментарий для науки, а уже собственные коллекции становились объектом изучения и решающим фактором в формировании нового гуманитарного знания.

КРАСНОДЕМБСКАЯ Нина Георгиевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (Санкт-Петербург), nigekrasno@mail.ru

**ШРИ ЛАНКА: РУССКИЕ ЭТНОГРАФЫ В
ПАМЯТИ СИНГАЛОВ***

В середине 1970-х годов остров Цейлон (ныне Шри Ланка) посещал основатель русской индологической школы Иван Павлович Минаев (1840–1890) для изучения местного буддизма и этнографических наблюдений. Минаев пользовался поддержкой видных местных деятелей буддизма, в частности, настоятеля монастыря в городке Васадува – достопочтенного Шри Субхути. Автору доклада в 2009 г. удалось посетить названный монастырь, где до сих пор хранится память о Минаеве и его письма. Современный настоятель монастыря приезжал в Петербург за письмами своего предшественника к Минаеву.

В 1914–1918 гг. состоялась первая этнографическая экспедиция русских на Цейлон и в Индию. Тогда Л.А. Мерварт удалось прожить несколько месяцев в деревне Ампития, где она смогла изнутри и глубоко узнать многое о традициях сингалов. В 2013 г. состоялась поездка автора доклада и в эту деревню. Здесь также не забыли посещения русского ученого, воспоминания о котором сохранились как глубоко уважительные. В обоих местах люди открыты к продолжению контактов, что говорит об их соответствующей культурной развитости и об интересе к русскому миру.

ЛАВРЕНТЬЕВА Людмила Сергеевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), lavrentyeva@yandex.ru

**ИСТОРИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ РУССКОГО
ФОНДА В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ РАН**

В настоящее время в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) имеется богатейший фонд, который получил название – фонд Европы. Значительную долю данного фонда составляют коллекции по русскому населению. Но так было не всегда. Предметы быта русского народа, как не представлявшие экзотического интереса, долгое время не коллекционировались.

В путеводителях по Кунсткамере конца XVIII – начала XIX века русских этнографических коллекций почти нет. В эти годы, как и в предшествующее время, основной упор в пополнении фондов Музея делается на приобретение зарубежных собраний и «экзотических» народов России. Вплоть до конца XIX века в МАЭ насчитывалось всего несколько предметов, собранных у русских. Возможно, музею никогда бы и не удалось восполнить XIX век по русскому населению России, если бы не одно обстоятельство.

В 1911 г. Этнографический музей РГО расформировывается, и его коллекции передаются в Кунсткамеру. Среди них значительную долю занимают коллекции по русскому населению России.

К началу XX века положение в Музее меняется. В эти годы музей возглавляет В.В. Радлов (1894–1918), который

* Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 13-01-00168 «Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг.: История, коллекции. Научное наследие» (рук. Н.Г. Краснодембская).

организовывает планомерное пополнение фондов восточнославянскими материалами. Правда, коллекции по русским собираются главным образом на севере европейской части России. Для пополнения фонда русскими коллекциями привлекаются частные собиратели, местные музеи, члены Археологического общества, РГО, корреспонденты МАЭ и др.

ЛЕБЕДЕВА Валентина Владимировна

*Санкт-Петербургский филиал архива РАН (Санкт-Петербург),
vallebedeva@yandex.ru*

**К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЭТНОГРАФИИ
В СИСТЕМЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РАБОТАХ Л.Я. ШТЕРНБЕРГА,
Ф.К. ВОЛКОВА И Н.М. МОГИЛЯНСКОГО
(по материалам архива ИРГО)**

В конце XIX века в большинстве российских университетов функционировали четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский.

Согласно Проекту нового Университетского устава 1884 г. в русских университетах вводилась самостоятельная кафедра этнографии. Долгое время оставался невыясненным вопрос, к какому факультету этнография как учебная дисциплина будет принадлежать? Этнографы Л.Я. Штернберг, Ф.К. Волков, Н.М. Могилянский предлагали свой путь решения проблемы, аргументируя каждый свою точку зрения, иногда диаметрально противоположную мнению оппонента.

Л.Я. Штернберг отмечал, что прошло то время, когда на этнографию смотрели, как на собрание описаний образа жизни диких или полудиких племен. Этнографию он считал сравнительно-исторической наукой, связанной самым тесным образом со всем циклом гуманитарных наук, в первую очередь с историей, лингвистикой, психологией. Следовательно, этнография, по его мнению, должна быть отнесена к циклу гуманитарных наук, именно к группе историко-филологических.

Ф.К. Волков считал, что ни цель этнографии, ни ее приемы и методы не имеют ничего общего ни с историей, ни с другими гуманитарными знаниями. Поэтому, в смысле исследования и преподавания этнография должна составлять одну из дисциплин физико-математического факультета.

Н.М. Могилянский, присоединяясь к Волкову, отмечал, что лекции по этнографии должны читаться на естественном факультете, но идеальным было бы создание антропологического факультета.

ЛУПАНОВА Евгения Михайловна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), lupanova@kunstkamera.ru*

**ЖИВЫЕ РАРИТЕТЫ –
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДАРЫ ПЕТРА I**

Увлечение диковинками и редкостями, породившее в Европе XVII–XVIII вв. моду на коллекционирование, привело и к появлению Петербургской Кунсткамеры.

Желание удивлять, собирать у себя все необычное толкало европейских монархов к тому, чтобы держать у себя

при дворе слуг необычной внешности – великанов, карликов, арапов.

Документы, хранящиеся в РГДА, свидетельствуют о том, что во время второй заграничной поездки Петр I как минимум дважды отправлял распоряжения об организации присылки живых диковинок для последующей передачи их в качестве дипломатических даров. 22 февраля 1717 г. он писал казанскому губернатору П.С. Салтыкову: «Понеже королевское величество полское просит нас дабы ему прислать маленких калмыченков четыре или пять, того для по получении сего велите сыскать некрещеных, которые бы были лет по десять или меньше и пришлите с сим посланием».

6 марта 1717 г. последовало распоряжение на другой конец страны – Архангельскому вице-губернатору П.Е. Лодыженскому: «Господин вице-губернатор. По получении сего указу сыщите двух человек самоедов молодых ребят, которые б были дурная рожей и смешные, летами от 15 до 18, в их платье и уборах, как они ходят по своему обыкновению, которых надобно послать в подарок грандуке флоренскому».

Позже праздный интерес, тщеславие и отношение к живым диковинкам как к вещам трансформировалось в этнографический исследовательский подход.

ЛЫСЕНКО Олег Викторович

*Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
n_lysenco@mail.ru*

**ИССЛЕДОВАНИЕ НАСЛЕДИЯ
А.К. СЕРЖПУТОВСКОГО В СОБРАНИИ
РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ (1906–1930) КАК
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

А.К. Сержпутовский (1864–1940) – один из основателей белорусской этнографической школы, фольклорист, этнограф и музеевед. С 1906 по 1930 гг. – сотрудник Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. Его этномузеологическое наследие включает более 1500 этнографических предметов и около 500 фотографий по этнографии белорусов, собранных в 1906–1914 гг. и 1923–1929 гг., а также уникальный архив рукописных материалов (неопубликованные исследования, статьи, полевые дневники, фольклорные тексты). Комплексное исследование предполагает описание, атрибуцию и систематизацию музейных коллекций предметов и фотографий, исследование текстов коллекционных описей и их синхронизацию с материалами рукописей. Актуальность исследования заключается не только во введении в научный оборот ценного этнографического материала. Представляется не менее важным при изучении наследия наших предшественников понять природу формирования музейных собраний – важнейшего компонента сохраняющегося культурного наследия, их научного описания и позиционирования в актуальных культурных текстах как естественного, эпистемологического процесса. Впервые музейное собрание на примере коллекций одного собирателя и одной этнокультурной традиции становится самостоятельным объектом исследования. Прикладные музеологические задачи и этнографические цели объединяются для исследования опыта изучения этнокультурных традиций в целом и культурного наследия белорусов

в частности. В результате рассмотрения этих материалов в одном проекте возникает новое качество, расширяются возможности междисциплинарных исследований в области гуманитарных наук: этнографии, культурной антропологии, искусствоведения, музееведения и др. С позиции эпистемологического процесса выбранный комплексный подход оказывается продуктивным не только в изучении локальных этнокультурных традиций белорусов, но и для исследования современных этнических процессов в постсоветском пространстве, проблем идентичности и исторической памяти народов Восточной Европы.

МАКАШИНА Татьяна Сергеевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), russkie@iea.ras.ru*

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕСЛАВСКОГО НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА В 1920-Е ГОДЫ

Яркой страницей в культурной жизни Переславского края являются 1920-е годы. Это были годы бурного развития массового краеведческого движения на просторах страны. Расцвет его во многом обязан подъему социальной активности народных масс, вызванному революционными событиями. Энтузиазм участников этого движения основывался, главным образом, на местном и общероссийском патриотизме. Патриотизм в сочетании с надеждами населения на открывшиеся возможности творческой самореализации, обновление и выход за рамки повседневной рутинной жизни, а также с традиционной для интеллигенции идеей долга перед народом, явились мощным толчком к просветительству и полезной культурной деятельности для своей малой родины. Это стремление захватило как местную интеллигенцию и учащуюся молодежь, так и близких к ним по общественному положению выходцев из других групп населения – мелкой городской буржуазии, церковных служащих. Многие из них были по происхождению связаны с крестьянством и рабочими. На волне этого подъема 15 февраля 1919 г. благодаря творческой энергии замечательного местного краеведа М.И. Смирнова, был организован городской музей и Переславль-Залесское научно-просветительское общество (Пезанпроб), которое вскоре стало заметным краеведческим центром в провинциальной России. Его появление стало стимулом к целенаправленному изучению родного края и, в первую очередь, фольклора и этнографии Переславщины.

МЕЛЬНИК Элеонора Валерьевна

*Екатеринбургский колледж транспортного строительства
(Екатеринбург) ilichev851@rambler.ru*

САХИБГАРЕЕВА Лилия Фанилевна

*Башкирский институт физической культуры (Уфа),
sakhibgareevalf@yandex.ru*

ПЬЕР-ШАРЛЬ ЛЕВЕК – АВТОР ПЕРВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ПО ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ РОССИИ

«История различных народов, находящихся под властью русских» (ИРН) выдающегося французского исследователя

истории России Пьера-Шарля Левека (1736–1812) – это практически неизвестная отечественным ученым французская энциклопедия XVIII в. о народах Российской империи. В основе ИРН лежит труд И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...» (ОВН). Основываясь на творческом соединении немецкого оригинала и французского перевода ОВН, Левек создает собственный текст. Повествование разбито на тематические параграфы (именуемые автором главами) и по-новому скомпоновано. Если ОВН является описанием народов Российской империи, претендующим на определенную полноту, то целью ИРН становится четкая систематизация материала и его философское осмысление. Сведения о большой и пестрой по составу российской цивилизации преподнесены в доступной для понимания европейскими читателями форме. Левек в определенной степени привлекает в качестве источников сочинения И.И. Лепехина, П.С. Палласа, П.И. Рычкова, полемирует с ними и другими авторами, приводит не использованные ранее учеными материалы по этногенезу «подвластных» народов. Работа по совершенствованию ИРН частично была продолжена в 1812 г., когда ее научные редакторы Мальт-Брюн и Деппинг снабдили текст дополнительными этнографическими комментариями.

МИХАЙЛОВА Алена Алексеевна

*Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
alena-muzej@yandex.ru*

ЭТНОГРАФО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ А.З. НОСОВА В КОРОЛЕВСТВО СЕРБИЯ (1911–1912): РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗНАЧЕНИЕ

В 1911–1912 гг. студент Императорского Санкт-Петербургского университета Анатолий Зиновьевич Носов (1883–1941), ученик знаменитого Ф.К. Волкова, по заданию Этнографического отдела Русского музея императора Александра III и Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете был командирован в Королевство Сербию для сбора этнографических ценностей и проведения антропологических измерений в научных целях. В ходе двух непродолжительных экспедиций А.З. Носов побывал в двенадцати округах королевства, собрал 434 материальных памятника сербской этнической культуры, сделал 192 фотоснимка, изображающих типажи, традиционные постройки и разнообразные сюжеты городской и сельской жизни сербов, провел антропологические измерения 195 человек и оставил отчет об одной из поездок. Все эти материалы сегодня составляют уникальную базу для изучения сербской традиционной культуры конца XIX – начала XX века. Их особая ценность связана с тем, что они были собраны буквально накануне череды разорительных для Сербии войн (1912–1913, 1913, 1914–1918). Результаты экспедиций продемонстрировали высокий профессионализм А.З. Носова, обретенный им на семинарах Ф.К. Волкова. Приверженность делу и продолжение дела учителя стали причиной ссылки ученого и отстранения его от академической работы в 1930-е годы. Материалы по сербской этнографии, собранные А.З. Носовым, сегодня позволяют судить о том, как изменилась традиционная культура обследованного им региона за последние 100 лет.

НАУМОВА Ольга Борисовна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), olganumova@mail.ru*

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ
ЭТНОГРАФИИ В 1950–1970-Х ГОДАХ ПО
МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ О.А. СУХАРЕВОЙ**

Ольга Александровна Сухарева (1903–1983) – крупнейший отечественный специалист по этнографии Средней Азии, вела активную переписку с коллегами этнографами, искусствоведами и историками-востоковедами. Работая в 1950–1960-е годы зав. сектором этнографии Института истории и археологии АН Узбекской ССР, она переписывалась с учеными Москвы, Ленинграда, Душанбе. Переехав в конце 1960-х годов в Москву, она стала работать в секторе Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР. Ее корреспондентами в это время были среднеазиатские коллеги. Дочь О.А. Сухаревой, Е.Р. Акбальян, сохранила письма, написанные такими известными исследователями, как Т.А. Жданко, Б.Х. Кармышева, Г.П. Снегосарев, Б.А. Литвинский, Е.А. Давидович, Е.М. Пещерева, Н.А. Кисляков, А.К. Писарчик, А.С. Морозова. Всего сохранилось 93 письма, адресованных О.А. Сухаревой этими учеными, а также 35 писем учеников и других коллег. Письма охватывают период с сентября 1949 по декабрь 1981 г. В переписке активно обсуждались научные и научно-организационные вопросы: темы будущих статей и монографий корреспондентов, диссертации их аспирантов, текущая научная работа, организация исследований в тех научных подразделениях, где они работали. Письма содержат обсуждения крупных научных мероприятий того времени – конгрессов и конференций, мнения о проблематике, которой занимался Институт этнографии, в частности, замечания о новом направлении исследований – этнографии современности. В целом, переписка О.А. Сухаревой – ценный источник, уточняющий и детализирующий представления о проблематике среднеазиатских этнографических исследований и организации науки в середине прошлого века.

ПАНЧЕНКО Алексей Борисович

*Сургутский государственный педагогический университет
(Сургут), alexeypank@rambler.ru*

**ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К НАРОДОВЕДЕНИЮ:
СТАНОВЛЕНИЕ Д.А. КЛЕМЕНЦА
КАК ЭТНОГРАФА**

Дмитрий Александрович Клеменц на протяжении своей жизни прошел длинный путь от одного из лидеров революционного движения 1870-х годов до руководителя Этнографического отдела Русского музея имени Александра III. Еще в период «хождения в народ» он проявлял интерес к быту русского крестьянства, интересовался фольклором. Будучи сослан в Минусинск в 1881 г., Д.А. Клеменц включился в этнографическое и археологическое изучение края, выступив в качестве автора «Древностей Минусинского музея» (1886). Его научные взгляды были близки эволюционизму, но в вопросе о культурных заимствованиях он сближался с зарождавшимся диффузионизмом. После переезда в 1886 г. в Томск активно участвовал в изучении быта русских приисковых работников, а также был одним из организато-

ров Томской этнографической выставки (1887). С 1890 г. Д.А. Клеменц проживал в Иркутске и занимался этнографией бурят. В 1894 г. он организовал Сибиряковскую экспедицию, целью которой стал сбор сведений о населении Якутии, коренном и русском. В 1897 г. Дмитрий Александрович покинул Сибирь и занял место консерватора в МАЭ, в 1901 г. возглавил ЭО РМ. На этой должности он проработал до конца 1909 г., превратив Этнографический отдел в один из центров российского народоведения. В это время его взгляды стали ближе к диффузионизму, о чем свидетельствуют его «Заметки о кочевом быте» (1903).

ПСЯНЧИН Айбулат Валиевич

*Институт истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН
(Уфа), psyanchin@mail.ru*

**С.И. РУДЕНКО – УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ КИПС
(К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

В январе 2015 г. исполнилось 130 лет со дня рождения выдающегося этнографа, археолога, антрополога и гидролога Сергея Ивановича Руденко (1885–1969 гг.). Эта дата позволяет еще раз обратиться к научной деятельности ученого. Следует отметить, что в отечественной историографии получили достаточно подробный анализ исследования С.И. Руденко в области этнографии, археологии и антропологии, в университетском образовании. Однако малоизвестной стороной его деятельности остается его работа в Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС). На Общем собрании Академии наук 14 февраля 1917 г. была организована Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей России (КИПС). Первоначальной задачей Комиссии было выяснение границ расселения различных племен в Литве, Польше, Галиции, Буковине, а затем – в пограничной части Малой Азии, Азербайджане и Северной Персии. Ученым секретарем КИПС был назначен Сергей Иванович Руденко. В работе в КИПС ярко проявился его организационный талант. При деятельном участии С.И. Руденко разрабатываются методологические подходы в области этнической картографии, антропологии, осуществляются экспедиционные выезды. При непосредственном участии С.И. Руденко подготавливается инструментарий к Всесоюзной переписи населения 1926 г., в том числе и перечень народов СССР. В данный период Руденко тесно взаимодействует с ЦСУ страны. Таким образом, доклад будет посвящен малоизвестным страницам деятельности С.И. Руденко в КИПС.

РЕВУНЕНКОВА Елена Владимировна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), evrevu@gmail.com*

**НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БУТИНОВ
В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ**

19 декабря 2014 г. исполнилось бы 100 лет со дня рождения Н.А. Бутинова – крупного ученого, с именем которого связано становление и развитие особого направления в отечественной этнографии – океанистики, а также существенное теоретическое обновление в изучении ранней истории человечества. Его творческая биография представляет собой определенный этап в истории отечественной этнографии и

является отражением общих веяний в обществе и гуманитарной науке в период с середины 1940-х годов до 2000 г., когда ученый ушел из жизни. Вся жизнь Н.А. Бутинова связана с Музеем антропологии и этнографии, но прошел он весьма нетривиальный путь от коменданта и электромонтера до доктора исторических наук, несколько десятилетий возглавлявшего отдел Австралии, Океании и Индонезии. Особую страницу в его творческой биографии занимает изучение трудов Н.Н. Миклухо-Маклая, последователем которого он был в своей научной деятельности. С середины 1950-х годов Н.А. Бутинов с большими трудностями публиковал статьи и часто выступал с докладами, в которых критиковал устоявшиеся догмы в изучении первобытнообщинного строя. Его взгляды вызвали возмущение со стороны ученых, осуществляющих идеологический контроль и стоящих на защите «чистоты» марксизма, не допускавших ни малейшей возможности развития этого учения. В настоящее время идеи, за которые когда-то пострадал Н.А. Бутинов, получили признание. Преодолев собственный консерватизм в науке, он стал мужественным борцом за развитие научных идей и новых подходов в изучении этнографической действительности.

САПАЛОВА Дария Усеновна

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск), dsapalova@mail.ru

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КЫРГЫЗОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современные этнографические исследования кыргызов имеют свои особенности и трудности, которые связаны с переоценкой целого ряда концептуальных положений и идей. Трудности в пересмотре концепций обусловлены становлением независимого суверенного государства, созданием собственной модели развития, сложностью и противоречивостью этнических процессов, присущих многонациональному государству. Вместе с тем, данные коренные изменения привели к расширению предметной области кыргызской этнологии. На современном этапе в историографии проблемы отчетливо выделяются следующие направления: изучение этногенетических и этнокультурных связей кыргызов с тюркскими народами и народами сопредельных государств (А.А. Асанканов, С.К. Алымкулова, Н.В. Екеев, О.К. Каратаев, Д.У. Сапалова и др.); исследование зарубежных кыргызов: синьцзянских, фуюйских, афганских (А.А. Асанканов, В.Я. Бутанаев, О.К. Каратаев, Э.Д. Кубатов и др.); рассмотрение этнологического соотношения традиционного и инновационного в этнической культуре кыргызов (К.С. Кокомбаев, А.С. Кочкунов, А.Ю. Мальчик и др.); описание на основе новейшего материала религиозных культов погребальной обрядности кыргызов (А.С. Кочкунов, Г.Ю. Ситнянский, Ю.С. Худяков, К.Ш. Табалдиев и др.), освещение межэтнических взаимоотношений и конфликтов (С.С. Иманова, А.Б. Элебаева, М.С. Мурзаев, Дж.А. Омукеева и др.); вопросы становления и развития кыргызской государственности (А.М. Мокеев, Т.К. Чоротегин, З.Д. Чотаев, Ж.Р. Байдилдеев и др.). Таким образом, новые исторические обстоятельства и общественные проблемы значительно расширяют рамки этнологической науки, а также приводят к использованию в науке методов различных смежных дисциплин.

СИРИНА Анна Анатольевна

ЗАКУРДАЕВ Алексей Александрович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), annas@iea.ras.ru, zhongguo56@mail.ru

С.М. ШИРОКОГОРОВ О КИТАЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ И РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ СИНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИИ НАУКИ (по письмам к В.М. Алексееву)*

Находясь с 1922 г. в вынужденной эмиграции в Китае, С.М. Широкогоров вел обширную научную переписку. Среди корреспондентов С.М. Широкогорова особое место занимал Василий Михайлович Алексеев, академик, синолог, стоявший у истоков российского научного Китаеведения. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранились 18 писем С.М. Широкогорова к В.М. Алексееву из китайских городов Амой (ныне Сямьнь), Кантон (ныне Гуанчжоу), Юньнаньфу (ныне Куньмин), Пекин периода 1927–1932 гг. общим объемом около 19 тыс. слов.

В письмах нашли отражение темы, которые ученые обдумывали и над которыми работали: общие, специальные и прикладные вопросы лингвистики (урало-алтайская языковая семья; китайская фонетика и иероглифика и языки народов Китая; латинизация китайской письменности); антропология науки, по преимуществу этнологии и синологии; тунгусо-маньчжурская этнография; общетеоретические размышления, в т.ч. об этносе.

С.М. Широкогоров был одним из первых этнологов, обративших внимание на антропологию науки как научную проблему. В докладе анализируются мысли С.М. Широкогорова, высказанные в письмах к В.М. Алексееву, по поводу антропологии науки, включая китайскую этнографию и европейское и российское Китаеведение.

ТЕРЮКОВ Александр Иванович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), tsan@kunstkamera.ru

ОТ «ВВЕДЕНИЯ В ЭТНОГРАФИЮ» Л.Я. ШТЕРНБЕРГА ДО «ВВЕДЕНИЯ В ЭТНОГРАФИЮ» Р.Ф. ИТСА

Начало преподавания этнографии в традиционном смысле как специального предмета в Петрограде-Ленинграде на Этнографическом отделении Географического института связано с именем Л.Я. Штернберга. Именно он впервые в отечественной науке начал читать курс «Введение в этнографию» как введение в специальность. Л.Я. Штернберг понимал этнографию в широком смысле как науку о возникновении, творчестве и эволюции человеческой культуры. По его мнению, этнография ставит своей целью восстановить историю развития общечеловеческой культуры и картину распространения и взаимодействия культур самых отдаленных друг от друга народов. Он считал этнографию исторической наукой. Он впервые дает такие понятия, как предмет и содержание этнографии, методы и термины этой науки, историю этой науки и т.д. На этой основе формировалось то поколение отечественных исследователей, которые

* Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ, проект № 13-01-00117.

являются основателями «советской школы в этнографии». К сожалению, этот курс лекций не был опубликован и остается неизвестным для большинства отечественных ученых.

Судя по всему, необходимость в подобном курсе вновь возникла после восстановления этнографического образования в Ленинградском университете. Именно тогда появился одноименный курс Р.Ф. Итса, изданный в качестве учебного пособия. Он надолго стал той книгой, которая знакомила студентов с этой специальностью. Она в некоторых моментах близка к лекциям Л.Я. Штернберга, но так как написана в совершенно другое время, имеет и много отличий.

ТУМАРКИН Даниил Давыдович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), dan.tumarkin@yandex.ru

РОССИЙСКАЯ ЭТНООКЕАНИСТИКА: ЕСТЬ ЛИ У НЕЕ БУДУЩЕЕ?

Океания несравнима с другими регионами мира по численности населения и экономическому потенциалу. Однако острова Южных морей – гигантская естественная лаборатория для этнографов. Материалы, привезенные отсюда русскими мореплавателями-кругосветниками и Н.Н. Миклухо-Маклаем, заложили основу для многолетних кабинетных исследований. В 1970-х годах эти материалы были дополнены участниками двух экспедиций на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев». Значительный вклад в развитие этноокеанистики внесли Н.А. Бутинов, Л.А. Иванова, А.Б. Пиотровский, П.И. Пучков, С.А. Токарев, Д.Д. Тумаркин, И.К. Федорова, Т.К. Шафрановская и др., а также те сотрудники ИЭА РАН и МАЭ, основные интересы которых лежали за пределами Океании, – В.Н. Басилов, Н.М. Гиренко, Е.Н. Кальшиков, Б.Н. Путилов, Е.В. Ревуненкова, В.Н. Шамшуров и др.

Сегодня отечественная этноокеанистика переживает кризис, связанный прежде всего с естественной сменой поколений. Перечисленные исследователи ушли из жизни или переступили пенсионный порог. Молодых ученых, заинтересовавшихся этноокеанистикой, можно буквально на пальцах перечесть. На этом фоне наблюдаются попытки, к счастью единичные, принизить результаты деятельности предшественников, а также возродить появившийся в годы расцвета «культ личности» культ Миклухо-Маклая. Для успешного развития рассматриваемой отрасли этнографии необходимы появление в ней молодых ученых-энтузиастов, их всемерная поддержка, а также обеспечение им возможности выездов «в поле» по примеру западных коллег. Я верю в будущее отечественной этноокеанистики.

ХАРТАНОВИЧ Маргарита Федоровна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), margaritakh@kunstkamera.ru

ФОРМИРОВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ: ОТ КУНСТКАМЕРЫ К УЗКОСПЕЦИАЛЬНЫМ НАУЧНЫМ ЦЕНТРАМ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В первой половине XIX века в жизни Кунсткамеры происходили значительные перемены. Накопление коллекций вело к специализированному разделению материалов. Еще

в 1785 г. на основе кунсткамерных коллекций был сформирован Минералогический музей. В 1818 г. на базе большой коллекции восточных рукописей создан сначала Азиатский кабинет, а затем Азиатский музей. В 1823 г. – Зоологический и Анатомический музеи. В 1825 г. был создан Египетский музей. Формирование музеев способствовало интенсивному развитию новых научных направлений.

ХАРТАНОВИЧ Мария Валерьевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), markhan@kunstkamera.ru

ПРОГРАММА Г.Ф. МИЛЛЕРА ПО ОПИСАНИЮ НАРОДОВ КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

В 1730–1740-е годы академические экспедиции занимались этнографическим изучением Сибири и Дальнего Востока. Важнейшую роль в их работе играли ученые, становление которых произошло в сфере влияния немецкой научной школы. Наиболее ярким представителем этого направления был Герард Фридрих Миллер, который не только разработал подробнейшие анкеты по сбору этнографических, лингвистических, экологических материалов, но и одним из первых использовал методику сбора и анализа историко-архивных источников. Полученная информация позволяла составить полную картину жизни не только конкретного этноса, но и многих языковых семей. Важно, что в инструкции говорилось о необходимости фиксирования явлений и предметов этнической культуры в виде зарисовок. Частью этнографической программы Г.Ф. Миллера была инструкция по сбору вещевых коллекций для Кунсткамеры Академии наук. Структура описания какого-либо народа, предложенная Миллером, легла в основу антропологического и этнографического представления различных народов на экспозиции Кунсткамеры Академии наук второй половины XVIII века. Вклад Г.Ф. Миллера в становление российской этнографической науки заключается в том, что он использовал метод анкетирования, кросскультурный метод исследования этнографических сведений, которые он сопоставлял с историческими, археологическими, географическими, социологическими данными. Для XVIII в. это был грандиозный шаг к построению концепции объективного познания научной истины.

ШАНГИНА Изабелла Иосифовна

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

АКСЯНОВА Галина Андреевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), gaksyanova@gmail.com

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА:

Д.А. ЗОЛОТАРЁВ – ЭТНОГРАФ, АНТРОПОЛОГ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

В 2015 г. исполняется 130 лет со дня рождения одного из видных ученых петербургской школы этнологов – Давида Алексеевича Золотарёва (1885–1935). Уроженец г. Рыбинска Ярославской губ., он изучал антропологию, этнологию и географию в Париже и Петербургском университете. Ученик одного из мэтров отечественной науки Ф.К. Волко-

ва (Вовка: 1847–1918), профессор (1918), он читал лекции по антропологии студентам. В 1910-е годы принял участие в пяти антропологических экспедициях для обследования севернорусского населения, организованных Постоянной комиссией по составлению этнографических карт России при РГО (4 статьи). По словам современников, он работал тщательно, не делал поспешных выводов, в чем легко убедиться, читая его монографии по физической антропологии кольских лопарей (1928) и карелов СССР (1930). Был последовательным преемником междисциплинарного подхода к изучению этнической истории народов; участвовал в разработке «великорусских опросных листов» по разделу «Одежда и украшения». Д.А. Золотарёв широко известен как собиратель и хранитель предметов традиционной культуры северо-западной России. В полевой деятельности он являлся сторонником продолжительных стационарных экспедиций, сбора фотоматериалов, тесного сотрудничества с краеведами, а в проблеме комплектации фондов – исследовательского и культурно-исторического подходов. Большое место в его деятельности занимала работа в качестве заведующего отделением русско-финской этнографии Этнографического отдела Государственного Русского музея (ныне – РЭМ), разрядами этнической антропологии и этнографии ГАИМК, Европейским отделом КИПС, председателя северной комиссии КЭИ АН СССР, члена Центрального и Областного бюро краеведения, члена редколлегии журналов – «Известия РГО», «Этнография», «Человек», организатора и руководителя Верхневолжской (1920–1925), Юго-Восточной (1925–1929), Северо-Западной (1926–1930) комплексных экспедиций. В конце 1930 г. ученый был арестован по «делу Центрального бюро краеведения»; скончался в лагере от болезни. Реабилитирован в 1956 г.

ШИНКОВОЙ Анатолий Иванович

*Иркутский областной краеведческий музей (Иркутск),
anshin.789@gmail.com*

**ИССЛЕДОВАТЕЛИ СИБИРСКОГО
ШАМАНИЗМА И ИХ КОЛЛЕКЦИИ
В ИРКУТСКОМ ОБЛАСТНОМ
КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ**

История этнографического музееведения в Иркутске связана с Сибирским отделом Императорского Русского географического общества (1851 г., с 1877 г. Восточно-Сибирский отдел ИРГО), правопреемником которого стал Иркутский областной краеведческий музей.

Внимание к духовной жизни народов Сибири и собирание предметов шаманского культа стало одним из основных направлений в собирательской работе и в этнографических исследованиях ВСОИРГО. В формировании музейных фондов ВСОИРГО по шаманству сыграли свою роль как приезжие путешественники и ученые, так и местные промышленники, предприниматели, учителя и священники, любители старины, а также, с конца XIX века, представители бурятской интеллигенции. Отдел выпустил программу по исследованию шаманства Н.Н. Агапитова. Коллекция принадлежностей шаманского культа из музея Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества экспонировалась в 1892 г. в Москве на первом Международ-

ном конгрессе доисторической археологии, антропологии и зоологии.

В докладе на основе архивных материалов и музейных этнографических коллекций дается характеристика истории формирования коллекций музея по теме шаманизма, начиная с XIX в., рассматривается деятельность отдельных ученых и дарителей в формировании шаманской коллекции, дается характеристика наиболее значимых из них.

Современное возрождение шаманизма в новых формах и всплеск интереса к этому феномену вновь актуализирует эту тему, как с точки зрения истории науки, так и в рамках музееведения.

ЭЛЕРТ Александр Христианович

*Институт истории СО РАН (Новосибирск),
alexandreiert@yahoo.com*

**К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ
КАК НАУКИ: Г.Ф. МИЛЛЕР И ЕГО
ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ
О НАРОДАХ СИБИРИ**

До недавнего времени о Герарде Фридрихе Миллере (1705–1783) как об этнографе судили в основном по материалам, вошедшим в его «Историю Сибири». Архивные разыскания в конце XX – начале XXI века, публикации этнографических трудов и материалов Миллера, в числе которых фундаментальное «Описание сибирских народов», опубликованное в 2009 и 2010 гг. на русском и немецком языках, позволяют по-новому поставить вопрос о начальном этапе формирования этнографии как науки. Основываясь на этих данных, ряд ученых России, Германии, Франции и Голландии считают, что в истории становления этнографии как науки приоритет переходит от А.В. Шлецера к Г.Ф. Миллеру. Для объективной оценки вклада Миллера в изучение народов Сибири необходима публикация целого ряда экспедиционных немецкоязычных рукописей ученого, насчитывающих многие сотни страниц текста. Прежде всего, это касается описаний религиозных верований и обрядов народов Сибири. Важным также представляется изучение того влияния, которое оказали программные документы Миллера (в числе которых «Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно», состоящее из 923 пунктов) и его инструкции, адресованные С.П. Крашенинникову и Г.В. Стеллеру, на работы участников Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) и последующих исследователей (П.С. Паллас, И.Г. Георги и др.).

ЯКУПОВ Риф Исмагилович

*Институт истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН
(Уфа), jakob_rif@inbox.ru*

**НАРРАТИВ МУХАММАДА РИЗА АССАФАИХИ.
К ВОПРОСУ ОБ «ОПИСАНИЯХ»
РОССИЯН ИНОСТРАНЦАМИ**

Для восприятия любой этнической культуры особенно важен общий информационный контекст, включая и предварительные знания, их качество и объем. В условиях глобального пространства человек оказывается фактически в безграничном пространстве и с точки зрения собственной этнической культуры, равно как и в отношении доступа к феноменам дру-

гих культур. Меняет ли фактическое отсутствие информационных границ представления человека об иной культуре, об иных национальных или этнических сообществах? Логично предположить, что современные информационные ресурсы вместе с остальными следствиями глобализации должны, как минимум, делать эти представления более адекватными, точными. Но, несмотря на кажущуюся «интернационализацию» и «информатизацию», восприятие иной культуры современниками зачастую оказывается сродни восприятию давнего времени, когда уровни информированности об окружающем мире были иными, значительно более скудными. Разбор этой проблемы предлагается на примере современного нарратива – «краткого описания Мухаммада Риза Ассафаихи». Документ является показательным источником, иллюстрирующим особенности современного межкультурного диалога и бытующих стереотипов в восприятии иной этнической культуры. С другой стороны, данный пример подтверждает необходимость продолжения настойчивой работы в отношении этнографического источниковедения текстов и критического использования нарративов в этнографии.

ЯКОВЛЕВ Валерий Иванович

*Казанская государственная консерватория (академия)
им. Н.Г. Жиганова (Казань)*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЕВЕДЕНИЯ КАЗАНИ

На современном этапе развития этнологической науки и практики особую актуальность и значимость приобретает

этнографическое музееведение. По-видимому, это связано с тем, что, несмотря на активные процессы глобализации, как никогда ранее, особенно среди молодежи, проявляется повышенный интерес к проблемам этнической, этноконфессиональной идентификации, проблемам этногенеза, этнической истории, к традиционно-бытовой культуре.

В роли носителей, хранителей трансляторов этой культуры выступают этнографические музеи, в которых экспонируются уникальные предметы.

Согласно работам выдающихся представителей Казанской этнографической школы Н.И. Воробьева, Е.П. Бусыгина, Н.В. Зорина – история возникновения и развития этнографического музейного дела в Казанском университете, Казани имеет свои особенности, свои этапы и отличается от развития других музеев Казани. В истории этнографического музееведения в Казанском университете условно можно выделить пять основных периодов: первый период – 1804–1860 гг.; второй период – 1860–1911 гг.; третий период – 1911–1922 гг.; четвертый период – 1922–1945 гг.; пятый период – с 1945 г. и по настоящее время.

Предлагаемая в докладе периодизация этнографического музейного дела в Казанском университете дает возможность, на наш взгляд, более четко представить основные этапы его формирования и развития, очертить пути дальнейшего изучения истории этнографического музееведения, этнографической науки в Казани, Татарстане, Волго-Уральском регионе. Открывается последующая перспектива решения ряда отмеченных практических задач, связанных с использованием реконструктивного потенциала этнографических музеев.

Секция 39
ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ:
АНТРОПОЛОГИЯ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Бочаров Виктор Владимирович – д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)
E-mail: victana2007@rambler.ru

Попов Владимир Александрович – д.и.н., профессор, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

БИКЕНОВ Асылхан Хамитович

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(Астана, Республика Казахстан), Asil_Bikenov@mail.ru*

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАХСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Традиционное кочевое общество казахов как социально-политическая система состоит из ряда подсистем. Публично-политическая власть (аппарат принуждения) есть всего-навсего одна из них, являясь в то же время первейшим признаком государственности. Она здесь присутствует в форме ханской власти. Можно также выделить экономическую, территориальную, социальную, этническую, духовную подсистемы. В последнюю входит и общественное самосознание, которое уникально тем, что даже в архетипе автономно сохраняет идею государства. Только при наличии государственного самосознания общество переходит в государственное состояние. У казахов многие исторические предания и фольклор содержат идею «ел-журт болу». А согласно средневековым источникам тюрко-монгольских народов, «ел» (или «киль») – это специфическая форма организации государства кочевников Евразии.

Функционирование такой социально-политической системы, как казахское ханство невозможно без всенародных Курултаев, мажлисов, советов ханов и биев, институтов жырау и батыров. По законам Тауке-хана «Жеты Жаргы», «всякий, могущий носить оружие» свободный казах, достигший 15-летнего возраста, имел право не только участия в них, но и обладал голосом при решении государственных вопросов. Таким образом, специфика традиционной казахской государственности состояла не столько в управлении, сколько в защите интересов кочевого социума и сохранении целостности всего этноса.

БОЧАРОВ Виктор Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), victana2007@rambler.ru

**ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ
«ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
СОЛИДАРНОСТИ»***

Стартовой точкой процесса модернизации Запада и Востока является традиционное общество. Если на Западе его

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации» (рук. В.А. Попов).

распад, приведший к «войне всех против всех» был преодолен самоорганизацией посредством религии (протестантизма), права, основанного на правах человека, национального государства, «органической солидарности» (профессиональной этики), то на Востоке этого не случилось. Попытки использовать западные инструменты солидаризации с целью обуздания социального индивидуализма, создания лояльных власти корпораций здесь заканчиваются провалом. Поэтому политические элиты вынуждены обеспечивать/формировать общественную солидарность, полагаясь на механизмы, которые были характерны для традиционного общества («механическая солидарность»), в котором власть традиции была абсолютной. Этот тип солидарности определяется как «принудительный». Главным инструментом «принудительной солидарности» является вертикаль власти, подчиняющая себе все сферы деятельности, включая экономику, харизматическое лидерство, историю (исторический миф), идеологию и др.

БУРЫКИН Алексей Алексеевич

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), albury@rambler.ru

**ТРАДИЦИИ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ:
К ПРОБЛЕМЕ ТИПОВ СУЩЕСТВОВАНИЯ****

Традиционализм в его узком специальном антропологическом понимании осознается как установка на довольно жесткие следования стереотипам, приемам, представлениям, имеющим моделирующий потенциал, ценностям и их системам (составу и иерархии), характерным для всех сфер материальной и духовной культуры или для большинства сфер культуры. В более модернизированном (в приближении к современной реальности) понимании традиционализм выглядит как один из ориентиров активного бытия духовной культуры этноса или какой-то группы внутри этноса, берущей на себя роль лидеров развития социума и его микрокосма.

Устанавливаются два понимания традиционализма, отвечающие его разным формам: (1) традиционализм с общей для этноса или каких-то групп историей, тесными межличностными связями, наличием собственных лидеров (таковы обычно этноконфессиональные группы, например, старообрядцы) и ценностями в архаике (к этому

** Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации» (рук. В.А. Попов).

близка британская традиционность, объединяющая общество вокруг королевской семьи); (2) традиционализм как выражение умонастроений и системы ценностей дисперсной части социума, объединяемой по возрастному, гендерному признаку или признаку общности судьбы (например, ветераны войны), стремящейся извлечь из своей позиции максимум выгоды преподнести их властным структурам как направление и инструмент социальной и культурной политики, либо использующей их как средство воздействия на зависимые социальные группы (дети, молодежь).

Традиционализм первого типа представляет собой одно из естественных состояний этнических субкультур или субэтнических культур. Традиционализм второго типа – социальное изобретение со своей собственной прагматикой.

ВАЛИЕВА Елена Георгиевна

*Российский этнографический музей (Санкт-Петербург),
u-chernogo-volka@yandex.ru*

СТРУКТУРА ВОЖДЕСТВ ЗУЛУ: СИНТЕЗ ИНСТИТУТОВ*

Зулу (amaZulu) принадлежат к группе бантуязычных народов нгуни (язык isiZulu), численность зулу сейчас превышает 10 миллионов человек, проживают они в основном в ЮАР. Вождество (англ. chiefdom) – потестарная структура, возглавляемая верховным вождем, характеризующаяся централизованным управлением, относительной автономией и объединяющая несколько поселений или общин. Задолго до начала колонизации региона (минимум с XV в.) нгуни представляли собой отдельные развитые вождества и обладали лучшей, нежели у соседей, военной организацией. Для данной группы народов были характерны набеги на соседей с целью захвата скота. Войны с целью подчинения и получения «дани» до конца XVIII в., по-видимому, не были известны. Положение изменилось в первой половине XIX в., с началом расширения власти небольшой группы, именуемой «зулу», под предводительством верховного вождя («инкоси» на исизулу, «короля» – в зарубежной терминологии) Чака Зулу (период Мфекане: 1810–1830-е годы). С этого же времени начинается постепенное формирование зулусского этноса.

Рассматриваемый автором институт вождеств, упрочившийся благодаря военизированности общества «зулу» и явившийся инструментом расширения их влияния в регионе, видится автором не однородной иерархией, а тесно переплетенной с родовыми, общинными и половозрастными структурами. Кроме этого, автор рассматривает изменения вождества со временем: увеличение военизированности в период Мфекане, корректирование данного института колониальной администрацией и современное положение «королевства» зулу (в какой мере сохраняется власть наследственного вождя).

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации» (рук. В.А. Попов).

ВЕРЕЩАКА-ДАВЫДОВА Елена Андреевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), elenav0202@gmail.com*

ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АМГУЭМСКОЙ ТУНДРЕ: АНАЛИЗ ПОЛЕВЫХ ДНЕВНИКОВ В. Г. КУЗНЕЦОВОЙ, ЧУКОТКА, 1948–1950 гг.**

В докладе будут рассмотрены властные отношения в чукотских оленеводческих стойбищах на основе анализа полевых дневников Варвары Григорьевны Кузнецовой. Исследовательница провела среди амгуэмских оленеводов три года (1948–1951 гг.). Ведя полевые записи практически ежедневно, она запечатлела на страницах полевых тетрадей повседневную жизнь чукотских семей, которые еще не вступили в колхоз или делали это буквально на ее глазах. Данные дневники представляют интерес для современных исследований по политической антропологии по следующим причинам. В. Г. Кузнецова оказалась в отдаленных, еще мало затронутых советскими преобразованиями районах Чукотки и детально описала традиционную культуру, в том числе традиционную политическую культуру амгуэмских чукчей. Однако власть не была для нее сферой теоретического интереса. Данный аспект культуры был рельефно отражен в ее дневниках в силу того, что исследовательница сама стала субъектом властных отношений в чукотских стойбищах, заняв в них одну из самых низких позиций в социальной иерархии. В.Г. Кузнецова делилась этим непростым опытом в дневниках, рефлексировав свою жизнь в стойбищах оленеводов чукчей. Варвара Григорьевна не описывала власть, а проживала ее на личном опыте. Таким образом, анализируя статус этнографа в амгуэмской тундре, я выйду на проблемы традиционных оснований власти в оленеводческих стойбищах чукчей в середине XX столетия.

ГЕГАМЯН Варужан Гегамович

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург/Ереван, Республика Армения)

«ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК ПОСЛЕ ПЕРВОГО»: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ТУРЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА И. ИНЕНЮ

В докладе рассматривается преемственность власти и властных отношений в период правления президента Турции И. Иненю (1938–1950), сменившего на этом посту основателя республиканской Турции М. Ататюрка (1923–1938). Вопрос существования преемственности реформ Ататюрка и Иненю требует проблематизации, с целью переоценки республиканской истории Турции и понимания современных трансформаций турецкого общества. Как преемник Мустафы Кемаля, Исмет Иненю сыграл главную роль в обозначении новых границ кемалистских модернистских реформ и в переоценке наследия Ататюрка. При И. Иненю изменилось отношение к религии и к «османскому прошлому», а также идеология проводимой политики. Некогда законсервированные традиции начали «всплывать» с позволения И. Иненю. Отношение между традицией и инновацией стало одним из

** Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации» (рук. В.А. Попов).

главных вопросов в повестке дня турецкой социально-политической жизни. Инено, будучи продолжателем дела Ататюрка, изменил курс реформ, завершившийся установлением многопартийной системы и окончанием диктатуры правящей Народно-республиканской партии.

ГЕРШТЕЙН Илья Захарьевич

Поволжский филиал Открытого университета диалога цивилизаций (Нижегород), zaharych77@mail.ru

**ТРАДИЦИОНАЛИСТСКАЯ МОДЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ: СИМВОЛИКА И ОБРАЗЫ**

Традиционалистская модель национально-государственной идентичности – одна из трех базовых моделей добровольного ролевого взаимодействия государства и общества, закреплённая в «штампах» и «маркерах» массового сознания, как властной элиты, так и большинства населения. В центре внимания концепций данной модели могут лежать, к примеру, как особые, так и общие критерии типологизации политической культуры, заданные, в частности, спецификой цивилизационного устройства государств Запада и Востока, ценности и традиции которых являются фундаментом практически всех существующих в мире идентичностей. Государство в структуре традиционалистской модели – это большая семья с соответствующими отношениями между властью и обществом. Горизонтальные связи – идентификация соотечественника, базируется на единых, «семейных» ценностях, происходящих из «общего корня» (языка, культуры, религии и т.д.), либо, в полиэтнических обществах, на идее «братских народов». На современном этапе традиционалистская модель идентичности является ограниченно распространённой. Из числа мировых лидеров на базе национально-государственных интересов строят свое политическое единство такие страны, как Россия и Китай. При всей уникальности и неповторимости каждой концепции национально-государственной идентичности, используемые символы и образы во многом тождественны, несмотря на выраженную национальную специфику. В российской традиционной патриотической риторике государь – «батюшка» (или «отец народов»), Родина-Россия – «матушка», а герои страны – «верные сыны и дочери» Отчизны. Традиционная китайская конфуцианская модель, «осовремененная» Мао и сохранённая его преемниками до сих пор, также – «государство-семья».

ГРОТ Лидия Павловна

Консалтингово-образовательное предприятие «НОРПКОН АБ» (Лулео, Швеция), lpgroth@gmail.com

**ВЛАСТЬ И ЕЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ:
У ИСТОКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ТРАДИЦИИ**

(1) Реинкарнация и «второе рождение» для получения властного статуса – эти архаичные формы дополняли в русской традиции передачу власти по праву родства и важны при исследовании русского традиционализма.

(2) Представлениями о переселениях душ умерших правителей, на мой взгляд, объясняется такой феномен, как самозванцы Смутного времени. Отыскание перерожденца всегда было миссией религиозных деятелей. Например,

в Польше Отрепьев рассказывал, что некий монах узнал в нем царского сына по осанке и «героическому виду». Представления о переселении душ были укоренены в русском обществе, что и сделало возможным появление «самозванцев», начиная с Лжедмитрия I и кончая Пугачевым.

(3) «Второе рождение» через удочерение для передачи сверхъестественной силы описано в «Уральских сказах» Бажова. Повелительница подземного мира Хозяйка Медной горы назвала своей дочерью дочку горного мастера Степана. Ритуал удочерения описан так: «Танюшка встала, а женщина давай ее потихоньку гладить по волосам, по спине. Всю огладила...». Возложение рук на макушку/затылок для передачи сверхъестественной силы описано во многих религиозных системах. Специфичность русской традиции в «Уральских сказах» заключается в том, что властный статус передается согласно матрилинейной традиции – от матери к дочери с использованием механизма удочерения: «Сказывали, будто Хозяйка Медной горы двоиться стала: сразу двух девиц в малахитовых платях люди видели».

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), anthropolog@rambler.ru

**ЭВЕНКИЙСКИЙ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ
НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ И В ЗАБАЙКАЛЬЕ***

В докладе на примере полевых материалов, собранных в Северобайкальском районе Республики Бурятия, а также в Каларском районе Забайкальского края, будут рассмотрены основные стратегии апелляции к архаике. Обращение к прошлому может преследовать прагматические цели. В Сибири данный процесс часто включает одновременную со-реконструкцию различных традиций, закреплённую на институциональном уровне. Примером такого процесса может быть актуализация в постсоветский период на Северном Байкале и в Забайкалье эвенкийских родов, которые в царское время являлись политико-административными единицами. Названия родов вошли в официальные документы и стали использоваться как способы легитимации прав на определенные виды деятельности, а также прав на использование местных ресурсов и территорий. Большую роль в мобилизации традиций играют эвенкийская национальная интеллигенция, многие представители которой получили образование в крупных городах и являются инициаторами возрождения национальной культуры. Национальная интеллигенция как раз и участвует в реализации процесса рефлексии и рационализации традиций и является инициатором создания новых социальных объединений (клубы, кружки, политические движения, общественные организации), которые активно участвуют в «производстве» новых традиций, представляющих собой синтез архаичного и современного. Потенциальной нишей для неотрадиционализма является сфера этнотуризма, в рамках которого традиционная эвенкийская культура превращается в товар и предмет потребления. Местная администрация пытается развивать данную сферу деятельности, активно привлекая знатоков традиционной культуры.

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации» (рук. В.А. Попов).

ЗАВЕРШИНСКИЙ Константин Федорович
*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург), zavershinskiy200@mail.ru*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК «ТРАДИЦИЙ» И «ИННОВАЦИЙ»

В антропологических исследованиях природы и роли политического мифа распространена теоретическая посылка, что традиционность является имманентным свойством мифического. Вместе с тем, размышляя о возникновении симбиоза мифа и власти, следует избегать упрощенной трактовки противопоставления «традиционности» и способности мифа инициировать социальные реформы.

Миф возникает посредством «семиотизации космоса» в «холодных обществах», существовавших в «абсолютном» прошлом и сохранявших «равное расстояние» от настоящего. Продолжает же миф свое социальное бытие в «горячих», «государственных» обществах посредством «семиотизации истории», где прошлое постоянно интериоризируется настоящим (Я. Ассман). В связи с чем перспективным представляется видение специфики политического мифотворчества в его «прагматике», а не «регрессивности» или «прогрессивности» содержания или притязания на истину (С. Bottici).

Политический миф – драматическое повествование о героической истории политических или неполитических сообществ, стремящихся к обретению политической солидарности. Любой политический миф вписывает эпизоды повседневной деятельности людей в нарратив драмы коллективного существования. В основе мифической символизации политики лежат «симбиотические символы», выражающие связь политических действий с «телесностью», телесно-чувственную осязаемость и действенность власти посредством многообразных фигур («героического»). Поэтому политический миф – всегда не только объяснение, но и «практический аргумент» (Н. Tudor). Миф может драматически обосновывать историю существующих политических обществ, отсылая к прошлому, трансформируясь в «традицию», но он же может освящать политическое устройство через настоящее или отсылку к будущему, превращаясь в источник социальных реформ.

МАСЛЮЖЕНКО Денис Николаевич

РЯБИНИНА Елена Алексеевна

*Курганский государственный университет (Курган),
denmas13@yandex.ru*

СИМВОЛЫ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВА В ТЮМЕНСКОМ И СИБИРСКОМ ЮРТАХ

В средневековых государствах Великих степей лидеры имели определенный набор символов государственной власти. Обладание ими было неотъемлемо от владения самими властными полномочиями. Список подобных потестарных символов выявляется для Улуса Джучи (Золотой Орды). Однако, для государственных объединений постордынского мира выявление этих символов затруднительно в силу специфики источников, особенно для северной (сибирской) периферии этого пространства. Для Сибирского юрта периода правления ханов Муртазы и его сыновей Ахмад-Гирея и Кучума в качестве таких предметов упоминаются государственные печати различной формы и т.н. «Сибирская корона» (шлем хана Кучума). Возможно, в придворных ритуалах использовался ба-

рабан. Кроме того, существовала тамга ханского рода, которая могла выступать аналогом печати, особенно при Кучумовичах. Для Шибанидов более раннего времени, правивших в Тюменском юрте, выявление подобной символики не проводилось. Письменные источники позволяют говорить о наличии трона, царской юрты и халата, которые могли служить символами власти. Особое значение для тюменских династов имел трон правителей Улуса Джучи, который в источниках фигурирует как престол (трон, стул) Саин-хана, то есть Бату. По всей видимости, речь идет о легком переносном сидении, которое действительно могло быть связано с ордынскими правителями. Его в разное время захватывали вместе с кочевой ставкой (Орда-Базар) Большой Орды Ахмад ханы Абу-л-Хайр и Ибрахим (Ибак). Владение этим предметом играло значительную роль в политических играх и претензиях Шибанидов XV в.

МИХАЙЛИН Вадим Юрьевич

*Саратовский государственный университет (Саратов),
vmikhailin@yandex.ru*

БЕЛЯЕВА Галина Анатольевна

*Саратовский государственный художественный музей
им. А.Н. Радищева (Саратов), galina-bva@mail.ru*

ОБРАЗ МАТЕРИ: МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЦИПРОКНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ

Образ матери, весьма распространенный в традиционных обществах, стал одним из ключевых в советской пропаганде, хотя его прагматическое наполнение неоднократно корректировалось в разные советские эпохи. Мобилизационный потенциал этого образа интуитивно, на уровне «общего знания», ассоциируется с двумя когнитивными доминантами.

Во-первых, он отсылает адресата к системам смыслов, относящихся к т.н. семейному уровню ситуативного кодирования, усваиваемых еще в дорефлексивный и не оставляющий следа в системной памяти индивида период раннего детства: смыслов, которые представляются индивиду вмененными и по определению не подлежащими анализу, и которые наделяют теми же качествами другие, сцепленные с ними смыслы, привносимые в пропагандистских целях в тот или иной конкретный сюжет, в ту или иную образную систему извне, из более широких публичных контекстов.

Во-вторых, он отсылает адресата к практикам семейной генерализованной реципрокности, облегчая манипуляцию как на уровне свойственных индивиду предпочтений и установок, так и на уровне поведения в конкретных ситуациях.

Базовым материалом для данного сообщения стали советские кинофильмы периода зрелого (конец 1930 – начало 1940-х годов) и позднего (послевоенного) сталинизма, а также плакатные и живописные изобразительные ряды, связанные с образом матери.

МУХИН Дмитрий Александрович

*Архитектурно-этнографический музей Вологодской области
(Вологда), muxin@mail.ru*

ВЫБОРЫ В ВОЛОГОДСКОЙ ДЕРЕВНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, создавало единую нормативную базу для

крестьянского общественного управления. Однако нормы, касавшиеся структуры и выборов должностных лиц, были размытыми и не пригодными для реализации в конкретных условиях. В результате, в конце XIX века сельские общества самостоятельно формировали свою структуру управления, а также свои правила выбора должностных лиц.

Избирались должностные лица двух категорий: селенные и сельские. Особенностью селенных должностных лиц была их массовость (одновременно служили представители примерно $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{5}$ всех семейств деревни) и относительно небольшой круг обязанностей. Поэтому сложилась четкая традиция очередности семей при избрании (например, по расположению домов в деревне). Причем избежать выбора было практически невозможно.

Количество сельских должностных лиц было значительно меньшим, и многие семьи могли не служить на протяжении нескольких поколений. Круг обязанностей оказывался настолько широким, что семья практически теряла работника на время службы, а жалование было минимальным и не покрывало расходов семьи. Поэтому к концу XIX века формируется ряд локальных приемов, направленных на достижение «справедливости» при выборах. Среди них различные варианты жребиев, чередование деревень, из которых избирались крестьяне, избрание не только должностных лиц, но и ряда односельчан, обязанных оплачивать работу избранного и т.д.

Подобные приемы могли противоречить законодательству, но позволяли сохранить взаимоотношения внутри деревни.

ПАПЦОВА Алла Константиновна

Комратский государственный университет (Комрат, Республика Молдова), papcova@mail.ru

САХАРНЯНУ Евдокия Дмитриевна

Молдавский государственный университет (Кишинев, Республика Молдова)

ПОЛИТОГЕНЕЗ У СЕВЕРНЫХ ФРАКИЙЦЕВ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Становление национальных историографических школ Юго-Восточной Европы было вызвано интересом к государственным образованиям древности. В российской историографии интерес к ним активизировался в связи с постановкой проблемы институционализации власти в догосударственных образованиях в рамках нового предметного поля постарно-политической этнографии (в определении Л.Е. Кубеля). Позже была обоснована закономерность развития в российском научном пространстве новой дисциплины – политической антропологии. Актуальной стала проблема многолинейности и альтернативности социальной эволюции. В то же время попытки применить теоретические конструкции политической антропологии к интерпретации археологических материалов или подкрепить теоретические выкладки ссылкой на археологические данные всегда содержат элемент допущений. Однако именно такой путь междисциплинарного исследования представляется наиболее результативным. Поэтому изучение процесса политогенеза у северных фракийцев представляется перспективным направлением. Археологический материал, значимый для анализа, в конце XX века был систематизирован и интерпретирован, но лишь

некоторые из найденных артефактов могут достаточно прямолинейно свидетельствовать об изменениях в структуре исследуемых обществ. Но интерпретируются и косвенные данные. Важным позитивным обстоятельством, расширяющим возможности исследования, является то, что отдельные моменты политической истории и особенности культуры северных фракийцев были зафиксированы античными авторами, хотя фрагментарность источников затрудняет выстраивание доказательств этнокультурного значения. Результативность процесса политогенеза у северных фракийцев была отмечена достаточно давно: Иордан от гетов начинает мифическую историю готов. В целом, изучение проблемы политогенеза у северных фракийцев представляется важной теоретической задачей, решение которой может иметь и практическое и методологическое значение.

ПОПОВ Владимир Александрович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), popoff@kustkamera.ru

АРХАИЧЕСКИЙ СИНДРОМ И КОНСТРУИРОВАНИЕ НЕОТРАДИЦИОННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Концепция архаического синдрома как возрождения архаического сознания, а также стереотипов и норм поведения в экстремальных жизненных ситуациях и закрытых культурных средах была впервые сформулирована в начале 1990-х годов.

Исследования архаического синдрома приобрели актуальность в нашей стране после распада СССР, когда обозначилась явная иррационализация массового сознания и массовой культуры, вызванная кризисом советской картины мира. Стало понятно, что в периоды общественно-политических кризисов и дезинтеграций активизируются наиболее архаические формы социальных и потестарных отношений. Во многих случаях наблюдаемые в условиях глобализации схемы выстраивания связей являются репликами традиционных общинных отношений – консервативность традиционной социальной среды ощущается как фактор безопасности, как противовес неструктурированным стихиям современного макросоциума.

Однако в настоящее время архаическому синдрому как особому явлению эпохи глобализации уделяется неоправданно мало внимания, хотя за последние двадцать лет конструирование неотрадиционных форм социальности превратилось в глобальный процесс и в значительной степени обеспечивает динамику социального развития человечества. Имеющиеся публикации не удовлетворяют научные и практические потребности, поскольку архаизация рассматривается как пережиток, сохраняющийся в том или ином обществе в силу некой исторической инертности, вопреки вектору прогресса. За рубежом эта проблематика вообще выпала из поля зрения исследователей.

Иными словами, архаический синдром и неотрадиционная социальность эпохи глобализации должны стать

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке РНФ, проект № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации» (рук. В.А. Попов).

главным предметом комплексных междисциплинарных исследований современного обществоведения и прежде всего социальной и политической антропологии.

САЛЬНИКОВ Вячеслав Иванович

*Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Воронеж),
vyachs@yandex.ru*

**ТРАДИЦИОНАЛИЗМ vs РЕВОЛЮЦИОНАРИЗМ?
(политико-антропологический аспект проблемы)**

В социогуманитарных дисциплинах существует устойчивая традиция противопоставления традиционализма и революционаризма. Однако практика протекания революционных процессов в значительной степени опровергает данные предубеждения. Во-первых, этимологией термина «революция», первоначально понимаемой как «возврат к истокам» – «естественному состоянию», трактуемому различными философами по-своему. Во-вторых, ниспровергая «Старый Порядок», революционная стихия ввергает общество в состояние хаоса, преодолеваемое через создание нового «космоса» – революционного порядка, при рождении которого активно проявляются архаические черты. По мере институционализации этот порядок ритуализируется, создавая новые традиции, но уже коренящиеся в революции. И, наконец, феномен «консервативной революции» – идейно-политического течения, отрицающего философию Просвещения и миропорядок, построенный на ее идеалах, породившего фашизм, национал-социализм, сионизм, арабский социализм и прочие идеологии «национального возрождения», которые роднит стремление «прорыва в будущее» с опорой на традиции. Поэтому от современной науки требуется отказаться от противопоставления традиционализма и революционаризма и заняться установлением их взаимосвязи. Особую актуальность это приобретает в свете событий «арабской весны» и «евромайдана», когда свободолюбивые устремления оборачиваются погружением общества в хаос, для управления которым применяются технологии, использующие в том числе и традиционалистские установки. А политическая антропология, изучающая традиционную политическую культуру и ее проявление в политическом процессе современных обществ, вполне может помочь в создании методологии такого рода исследований.

САМУШКИНА Екатерина Викторовна

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
Khakassie@yahoo.com*

СИВАЧЕНКО Оксана Юрьевна

*Новосибирский государственный медицинский университет
(Новосибирск), sivachenko@nm.ru*

**ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО ОЙРОТОВ
В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ***

В докладе рассматривается формирование образов прошлого автохтонного тюркоязычного населения в советском общественно-политическом дискурсе 1920-х – 1930-х годов.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 14-50-00036.

Ссылаясь на ценности традиционной культуры, советская власть пыталась создавать свои эпические формы. В Ойротии появились новые легенды, посвященные истории края, оригинально трактующие известные события: присоединение к России, промышленное развитие региона и т.д. Эти символы, включенные в структуру традиционных фольклорных форм, по мысли администраторов, были близки и понятны населению Ойротской автономной области. Анализируя выставочные практики советского государства, посвященные ойротам (алтайцам), можно сделать вывод, что их идеологию определяло двойственное отношение к традициям. С одной стороны, традиции рассматривались как воплощение архаики и «отсталости туземцев»; с другой – свидетельствовали об их творческом потенциале. Их поддержка в масштабах выставок демонстрировала успехи новой власти в этнонациональной политике. «Народная культура» рассматривалась как результат творческой деятельности трудящихся – представителей коренного населения.

СИИМ (Москвитина) Анна Юрьевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), anna.siim@gmail.com*

**РЕФОРМАТОРСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ
В АФРОБРАЗИЛЬСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ
СИСТЕМАХ****

Кандомбле, умбанда, макумба и другие афробразильские мировоззренческие системы сложились как синкретические культы, основанные на поклонении божествам африканского происхождения, предкам и духам природы в образе католических святых и на синтезе их качеств. После отмены рабства в Бразилии (1888 г.) интерес к истории бразильского общества и происхождению отдельных его элементов стимулировал антропологические исследования по этногенезу афробразильцев и компаративному изучению параллелей между креольской и собственно африканской культурой, особенно в сфере ритуальных практик. В интеллектуальной среде возникло отношение к *кандомбле* как к тайному знанию и своеобразной философской системе. Постепенная легитимация культов во второй половине XX века и возвращение бразильских креолов к историческим корням вплоть до восстановления родственных связей на африканском континенте способствовали внутреннему развитию системы *кандомбле*, ее институционализации. В начале 1980-х годов главы старейших домов *кандомбле* в г. Салвадор провозгласили *кандомбле* религией (а не комплексом культов и верований), настаивая на главенстве традиции в смысле священного предания и отказе от синкретизма божеств со святыми как вынужденной меры в эпоху рабства и период гонений. Обновленное традиционалистское *кандомбле* по сей день привлекает немало последователей неафробразильского происхождения и иногда – в субъективных суждениях – позиционируется как одна из мировых религий.

** Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации» (рук. В.А. Попов).

СКРЫННИКОВА Татьяна Дмитриевна

Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург),
skryta999@mail.ru

**ТРАДИЦИОННЫЕ СИМВОЛЫ
СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ МОНГОЛИИ***

В границах монгольского национального движения конца XX – начала XXI века наиболее расширенной интерпретации подвергаются образы и символы Монгольской империи, правопреемниками которой считают себя власти современной Монголии, где единственно истинной политической идентичностью считается *халхаская* идентичность, как противопоставление монголам Китая, что легитимизирует следующее равенство: *чистый монгол* = *халха* = *чингисид*. Образ Чингис-хана является одним из важнейших для исторического и национального сознания монголов, «национальных» образов. Связанные с ним символы имеют религиозный смысл: в Монголии Чингис-хан обожествлен по буддийскому образцу (Чингис-хан перерожденец Ваджрапани, чакравартин и т.п.) и почитается как исторический основатель монгольской нации. На иконе, заказанной Президентом Монголии в 2006 г. и хранящейся в Доме правительства, Чингис-хан изображается согласно буддийскому канону: в образе перерожденца Ваджрапани он сидит на троне и держит книгу.

С началом перестройки в Республике Монголия создаются сакральные центры, подтверждающие связь истинно монгольской идентичности с отцом-основателем. В 1991 г. в Хентэе, где родился Чингис-хан, была установлена стела с совершением ритуала ее почитания. Семантически значимым атрибутом было и есть *знамя-бунчук* Чингис-хана: символом единства монгольской (халха) нации – сакральным центром новой (постсоциалистической) монгольской общности – являются четырехбунчукное Черное и восьмибунчукное Белое знамена Чингис-хана, которые также хранятся в Доме правительства. Так в конструировании политической идентичности современных монголов продолжают использоваться традиционные символы – маркеры центра.

СОБОЛЕВА Елена Станиславовна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), essoboleva@yahoo.com

НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ ПО-МАКАУАНСКИ**

Община португалоязычных макауанцев составляет 1% населения Специального Автономного района КНР Макау (Аомынь). До 2049 г. они, как и население соседнего Гонконга (Сянган), должны выработать способы сохранить свой особый статус в составе КНР. Ряд влиятельных макауанцев уже приняли китайское гражданство.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-01-00170 «Эволюция представлений о власти в монгольском обществе XIII–XX вв.» (рук. Т.Д. Скрынникова).

** Доклад подготовлен при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации» (рук. В.А. Попов).

Анализируя опыт более чем 400-летнего существования в составе Португальской Азии, лидеры макауанских общин акцентируют этнографическую и психологическую составляющие своего имиджа. В его основе чувство привязанности к родине – Макау и Португалии, миру лузофонов. Опасаясь синизации, макауанцы стремятся усилить общину многодетными браками, создать переходное общество. Настаивают, что макауанцы – часть Азии, естественные хранители традиций. Подчеркивают мультикультурализм, космополитизм и чувство свободы, объединяющие их вне Макау. Молодежь должна знать язык (патуа) и ключевые фигуры общины. Трактовка специфики пищи и архитектуры как синтеза элементов, заимствованных из разных культур и приспособленных к местному климату, особенно привлекает туристов.

Тактика сосуществования требует, чтобы макауанцы в будущем были социально активными профессионалами во всех сферах (повар, врач, юрист). Макауанцы сравнивают себя с «птицами без ног», которые могут летать меж культур, но внутри общины очень восприимчивы и обладают коллективной эмпатией. Неотрадиционализм составляет важную часть этнополитического механизма сохранения макауанской идентичности.

СТШЕМЖАЛЬСКА Анята

Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург/Польша), astrzemzalska@gmail.com

**СОВРЕМЕННАЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ
МЕЙХАНА: МЕЖДУ ПРАКТИКОЙ
МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ИДЕОЛОГИЕЙ
ЭТНИЧЕСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА**

Мейхана – это направление музыкально-поэтического творчества, речитативные импровизации. В советское время *мейхана* считалась малоизвестным, полуподпольным направлением, у которого была репутация «низкого» жанра. Однако на рубеже XX и XXI веков, вместе с зарождением рыночной экономики, она завоевала популярность у большей части азербайджанцев: ее исполняют в самых престижных местах, а не только в чайханах, на свадьбах, как это было раньше; *мейханистики* стали местными знаменитостями, которые выступают на государственных праздниках. В СМИ, на телевидении и в интеллектуальных кругах Баку обсуждается название жанра, его происхождение, содержание, способ и форма исполнения. Наблюдая за процессом популяризации словесных речитативов, можно поставить вопрос: что они собой представляют? С одной стороны, это просто импровизация, вид творчества, способ развлечения. С другой стороны, это предмет горячего спора на тему, чем *мейхана* должна стать для нового Азербайджана. Цель этой дискуссии – придание словесным речитативам статуса фольклорного жанра, наполненного жестко фиксированными смыслами. В этой трактовке *мейхана* – это национальный проект. Двойственный характер словесных речитативов станет отправной точкой данной презентации. В моем выступлении я расскажу, как феномен *мейханы* понимается современными азербайджанцами, как они его оценивают и какой смысл ему приписывается, а также уделю внимание вопросу влияния на нее национальной идеологии.

СУЛАБЕРИДЗЕ Юрий Семенович
Независимый исследователь (Тбилиси, Грузия),
iuri.sulaberidze@mail.ru

МИФОЛОГИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ГРУЗИИ

Процесс демократизации в постсоветском евразийском обществе носит противоречивый характер, как и формирование постсоветской власти. Пришедшие к власти в результате «цветной революции» реформаторы («мини-отцы»), как «локомотивы» неолиберальной глобализации на периферии евразийского мира, вступили в острое противостояние с существующей традиционно-консервативной культурой Грузии. В современной историографии очевидна актуальность обсуждения геокультурных основ постсоветской власти. Культуроцентричный подход к определению природы грузинской власти позволяет обнаружить ее особенности, специфику. «Революция роз» вскрыла архетипы кавказского культурного мира, позволила обнаружить глубинные пласты мифологических представлений, стереотипов, воздействующих на процесс генерации клановой власти. Обращение к исследованиям Н.Я. Марра о кавказской культуре, подходам к изучению «культурно-исторического вопроса», «способа живого проявления» предоставляет новые возможности для познания архитектоники постсоветской власти в Грузии. Парадокс «ментальной революции», затеянной «цветными революционерами», заключается не только в порождении новых мифов, но и в инверсии фундаментальных основ традиционной культуры.

ТАДИНА Надежда Алексеевна
ЯБЫШТАЕВ Тенгис Степанович
Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск),
ntadina@yandex.ru, teng7891@mail.ru

О СООТНОШЕНИИ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ В РОДОВОЙ ПОТЕСТАРНОСТИ АЛТАЙЦЕВ*

В российской этнографии возрастает интерес к изучению проблем трансформации посттрадиционной власти (В.А. Попов, В.В. Бочаров, Н.Н. Крадин, Н.И. Новикова и др.). На примере этнического возрождения народов Южной Сибири создана «родовая теория» (А.М. Сагалаев). В докладе на основе полевых материалов предлагается рассмотреть вопрос о соотношении традиционного и нового в трансформации родовой потестарности алтайцев. Возрождение родовой должности *зайсана* и съездов-курултаев на основе актуализации патронимических статусных отношений является инициативой южных алтайцев, для которых важно соблюдение родовых обычаев. В этническом возрождении северные алтайцы пошли путем создания организаций, в которых не существенна родовая принадлежность, что объясняется высокой степенью ассимиляции их в русскоязычной среде. Сочетание родового (*зайсан*) и административно-территориального принципов руководства (сельский глава) свидетельствует об уровне адаптации и механизмах трансформации потестарной культуры в иноэтнической (русские, казахи) и конфессиональной (православные, мусульмане) средах, условиях парламентаризма и многопартийной

системы управления. Характер взаимодействия традиционного потестарного института в лице *зайсаната* (совета родовых глав) с административными структурами власти проявился на примере актуализации алтайскими старейшинами вопросов о составлении Карты священных мест, захоронении мумии «Принцессы Укока» (VI–V вв. до н. э.). На интернет-сайтах с разных позиций освещается роль *зайсанов* в этнополитических процессах Республики Алтай как борцов за права малочисленных народов и как этнических символов потестарности.

УСПЕНСКАЯ Елена Николаевна
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), elerani@yandex.ru

КАСТОПОДОБНЫЕ ОБЩНОСТИ И ИХ ОСОБЕННОСТИ**

Кастоподобная самоорганизация – явление нередкое и характерное для таких моделей этнокультурных контактов, которые могут быть описаны бытовым понятием «культурный шок». Различные этносоциальные группы прибегают к механизмам защитной социальной и топологической сегрегации и капсуляции по кастовому типу как к способам самосохранения в условиях форсированных и/или пролиферативных этнических контактов, территориально-захватнических, прозелитических и иных мощных угроз для своей культуры и идентичности. Капсуляция и сегрегация по кастовому типу вполне успешно и «ненасильственно» противостоят ассимиляции и в современных условиях проявляют себя как структурно-модулирующие основы мультикультурных сообществ.

В подобных условиях кастоподобные общности формируют «валентные связи» для выстраивания взаимоприемлемых по интенсивности и форме, необходимых и достаточных контактов с окружающим населением, преимущественно в экономической сфере взаимодействия, подтверждая тем самым свою кастоподобную природу и включенность в социальную макроструктуру по кастовому типу. Для данного процесса характерны влияние идеологии (религии, новой учительской традиции) и акцентирование этничности, родства, гендера и иных традиционных статусов как «якорных» идентичностей, как определяющих факторов социальной стратегии капсулирующей общины.

Исследование различных видов сегрегации/капсуляции и причин их воспроизводства в современных обществах позволяет представить широкий спектр вариантов капсулированных идентичностей, как этнических, так и конфессиональных, гендерных, возрастных, профессиональных и т.д.

ШУРЫГИН Евгений Ильич
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), gobseque@yandex.ru

СИСТЕМА ГАДА: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ТРАДИЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ»

В последние два десятилетия в Эфиопии наблюдается рост политической активности среди этнических общно-

* Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 15-11-04003a(p).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-00794 «Сегрегация и капсуляция как механизмы формирования кастоподобных этносоциальных общностей» (рук. Е.Н. Успенская).

стей «периферийных» районов. В их число входит общность *борана*, которая ассоциирует себя со старшей ветвью конгломерата общностей *оромо*. Еще в начале второй половины XX века *борана* обратили на себя внимание многих антропологов, что привело к появлению большого количества работ, в которых социальное устройство *борана*, так называемая система *гада*, преподносится в виде стройной системы. В середине 1990-х годов начался заметный отток *борана* из деревень в небольшие города. Так как традиционная культура *борана* обслуживает определенный тип производства, переезд в город и смена способа заработка стали

причиной разрушения связи с «деревней» и уменьшения роли некоторых социальных институтов данной этнической общности. Однако последующее формирование образованной элиты, претендующей на политическую власть в городах Ябелло, Негеле и Мояле, послужило базой для создания образа «традиционной демократии», который в первое время конструировался на основе вышеупомянутых работ антропологов-структуралистов. «Традиционная демократия» в понимании современного поколения *борана* – оптимальная политическая модель, выработанная предками и почти уничтоженная колонизаторами-амахара.

Секция 40 ЧЕЛОВЕК И ПРАВО НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

Новикова Наталья Ивановна – д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: natinovikova@gmail.com

Уилсон Эмма – PhD, Международный институт экологии и развития, Полярный институт им. Скотта, Университет г. Кембридж (Лондон, Кембридж, Великобритания)

АНТОНОВА Екатерина Евгеньевна

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург), ee-antonova@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК В «ЛАБИРИНТЕ» РЕЕСТРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?

Возникновение государства поставило такую управленческую задачу, как сбор и систематизация информации о своих гражданах, чтобы в той или иной мере контролировать отдельно взятого человека в его повседневности. Виртуализация, как одно из глобальных проявлений современной культуры, и сопутствующее ей развитие информационных технологий вносят существенные коррективы в социальные отношения, когда осуществляется массовый переход органов государственной власти на электронную платформу реализации своих функций (э-правительство). Любой человек с момента рождения, его права, обязанности, виды деятельности становятся объектами государственного учета, элементами огромного количества списочной информации, которое в информационном обществе только увеличивается, создавая все более запутанные «лабиринты» реестров, регистров, кадастров, перечней, табелей, списков, описей, номенклатур, классификаторов, каталогов, фондов, баз и др., а сами они приобретают автоматизированный вид. Это обстоятельство предъявляет особые требования к их формированию, поскольку все АИС используют язык алгоритмов (максимально формализованный язык), где исключается участие человека, т.к. выполнение многих операций делегируется машинам. От того, насколько слаженно они работают, зависит качество и оперативность оказания публичных услуг населению. Представляется, что введение в российское законодательство такого понятия как «реестровая информация», выделение основных ее видов («регистр», «реестр», «кадастр», «классификатор») позволит упорядочить существующее множество списков, а значит, совершенствовать государственное управление, и в конечном счете обеспечить максимальную защиту прав и интересов каждого человека, помогая ориентироваться в номенклатурном «лабиринте».

БАДМАЦЫРЕНОВА Елизавета Леонидовна

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ),
el.leonidovna@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЖЕНЩИН БУРЯТИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Правовой статус женщины представляет собой систему прав и обязанностей, закрепленных в нормах права и гарантированных государством. В Бурятии он имеет исторические и функциональные особенности, связанные с влия-

нием не только формальных юридических норм, но и норм обычаев, морали и т.д. Женщины в советском праве были определены как особая категория граждан, имеющая значимые отличия от мужчин, трактуемые в терминах права. С одной стороны, женщины были представлены как «отсталый элемент», нуждающийся в целенаправленном модернизующем государственно-политическом воздействии. С другой, женщины рассматривались и как «матери», и как «строители социалистического общества». В этих качествах они должны были быть мобилизованы пролетарским государством. Формирование современного правового статуса женщин Бурятии проходило в послереволюционный период коренного преобразования структур и институтов традиционного общества. Сложившиеся трайбалистские устои и традиции, преобладание сельского населения, господство негосударственных правовых институтов и практик, а также почти полная неграмотность выступали условиями, в которых были начаты революционные преобразования в сфере законодательного оформления прав и свобод женщин на новых принципах. Были созданы особые формы работы: делегатские собрания, Красные юрты, кочевые женорганизаторы, результатом деятельности которых стали повышение правовой культуры женщин и адаптация к новому правовому статусу через представительство в государственных и партийных органах, общественных организациях, женский партийный и общественный актив.

БАУЭР Татьяна Владимировна

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск),
taty-lis@yandex.ru

КАТЕГОРИЯ ПОЗОРА В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОРОВСТВЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ ПРАКТИКИ В КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ (по материалам середины XIX – начала XX веков)

В контексте представлений о воровстве чрезвычайно значимую роль в крестьянской культуре играла категория позора, поскольку воровство в отвлечении от конкретики воспринималось как позорное деяние. С этой категорией связан особый статус обвинений в воровстве, практика обыска при отсутствии прямых доказательств, отношение крестьян к различным видам наказаний. Совершение воровства могло нанести непоправимый ущерб репутации, как индивидуальной, так и групповой (семейной, родовой, деревенской), что в дальнейшем оказывало влияние на разнообразные практики деревенского взаимодействия. Однако категория позора, если так можно выразиться, «работала» избирательно, поскольку далеко не во всех случаях крестья-

не стремились публично «опозорить» совершившего кражу, и не каждая кража наносила урон репутации. Так, деревенская община соблюдала права собственности в основном на своей территории, допуская их нарушение за пределами деревни. Более того, в некоторых случаях дополнительным источником доходов жителей деревни становилась скупка краденого на стороне. Все это, с одной стороны, свидетельствует о прагматизме крестьян, а с другой, показывает, что морально-этические нормы в случае с воровством имели некую локальную приуроченность: то, что было недопустимо в отношении к «своим» и на своей территории, считалось вполне приемлемым по отношению к чужакам за пределами деревни. Категория позора в силу своей неэффективности отступала на второй план и в отношениях с крупными ворами, нарушавшими принцип неприкосновенности собственности в отношении односельчан.

БЕЛЯКОВА Елена Владимировна

Институт Российской истории РАН (Москва), elbel@list.ru

РАЗВОД ПО «ГРЕЧЕСКОМУ ЗАКОНУ»: ПОЛЬСКИЙ КОРОЛЬ КАК ЗАЩИТНИК РУССКИХ ЖЕНЩИН

В докладе будет дан анализ правовой ситуации в Великом Княжестве Литовском. Здесь для православных в брачных делах признавался «греческий закон», открывающий большие возможности для развода, чем каноническое право католиков. Это создавало определенные правовые коллизии. Сохранились документы XVI в., в которых женщины обращаются с жалобами на незаконный развод, произведенный православной церковью, а также грамоты, в которых король требует от православных иерархов неуклонно соблюдать «греческий закон» и воспрепятствовать самовольным разводам. Будут проанализированы нормы брачного права, которые содержались в Кормчих: канонических сборниках, используемых в это время на польско-литовских территориях, и содержащих нормы, как пришедшие из Византии, так и созданные на Руси. Предметом рассмотрения станут также созданные в Литве поучения к священникам, в той части, где они касаются вопросов брака, а также статья «О еже не звати жену госпожею», впервые появившаяся в составе Кормчих русской редакции [ГИМ. Син. 132]. Эта статья имела разную судьбу в канонических сборниках Литвы и Московской Руси. Будет сделана попытка сопоставления правового положения женщин в Московской Руси и в Великом княжестве Литовском и рассмотрены причины, определившие это различие.

БРУСИНА Ольга Ильинична

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), brusina@inbox.ru

ОБРАЗ ПРЕДВОДИТЕЛЯ В СИСТЕМЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ И СУДЕЙСТВА У ЮЖНОРУССКИХ ТУРКМЕНОВ*

На основе архивных и полевых материалов автора были воссозданы истории жизни лидеров южнорусских туркмен конца XIX – начала XX веков. После образования

в 1825 г. в Ставропольской губернии Туркменского приставства эта этническая группа официально осуществляла автономное самоуправление на основе традиционных социально-правовых институтов. Доминировали родоплеменные отношения, родовые группы образовывали аулы с патриархом, родовым лидером по типу «патрон и его клиенты». Аульные общины управлялись старейшинами, которые наиболее важные решения принимали на своих советах, связь с администрацией приставства осуществляли выборные старшины. Третейский суд совета старейшин «маслахат» или «генеш» разбирал гражданские дела по обычному праву – адату. Основной судебной властью обладали *кадии*, которые вели дела по шариату. В системе народного управления не существовало лидера более высокого уровня: каждого племени, а тем более всей этнической группы. Однако с развитием капиталистических отношений из туркменской среды выдвинулись скотоводы-предприниматели, богачей из которых остался в народной памяти как «туркменский князь». Воспитанный в традиционной системе правовых отношений, он стал выступать в роли покровителя и предводителя своего народа, как патриарх нес ответственность за своих сородичей перед российской администрацией. При этом «туркменский князь» сумел не только адаптироваться, но и интегрироваться в модернизированное российское общество, по сути, стал капиталистом. То есть, он стал предводителем традиционного этнического сообщества, опираясь на достигнутое положение во «внешнем мире».

ДЖЕНАКОВА Екатерина Всеволодовна

Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург), djencath@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА – ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА?

В конце XX века под влиянием научно-технических условий значительно изменился характер информационных потребностей общества. Информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью функционирования всех социальных структур. Их стремительное развитие оказало серьезнейшее влияние на создание различных видов социальных контактов и отношений, формирование настроений, мнений, убеждений, становления новой системы ценностей. Переход всех сфер жизнедеятельности в информационно-технологическое пространство обострил существующие социокультурные проблемы и обозначил новые проблемы информационной культуры: противозаконное, безнравственное использование информации, нарушение пределов личной информационной неприкосновенности, информационная незащищенность. Информационная культура является частью общей культуры, а общепринятые нравственные принципы и устои являются непреложными и обязательными и в реалиях нового информационного социокультурного пространства. В связи с этим решение проблемы собственно информационной культуры представляет собой решение проблемы сохранения и устойчивого совершенствования существующей системы общечеловеческих ценностей, но в жестких условиях нового – информационного – этапа развития общества.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 12-01-00235 и № 15-01-00450.

ЕГОРОВ Дмитрий Владимирович

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
(Чебоксары), egorov2202@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ НАКАЗАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Во второй половине XIX – начале XX веков значимым институтом крестьянской юстиции тюркских (чувашей, татар, башкир) и финно-угорских (марийцев, мордвы, удмуртов) этносов Волго-Уралья являлась система наказаний. В атмосфере правовой обособленности населения полиэтнического и поликонфессионального региона сформировались особые санкции, отличавшиеся от государственных. Регулирование общественных отношений осуществлялось через нормы обычного права и шариата. Традиционные наказания выносились в зависимости от вида правонарушения, репутации и этнической принадлежности нарушителя, социального статуса потерпевшего, с учетом религиозных воззрений. При назначении мер принуждения народная юстиция стремилась сохранить согласие в обществе и реноме конфликтовавших сторон. Общественное мнение осуждало любые формы социальной девиации. Самыми эффективными санкциями являлись народное осуждение и порицание, публичные порки, позорящие наказания и расправа. Социально опасные крестьяне подвергались крайней мере – удалению из общины и деревни. Одним из народных наказаний было «спивание с виновного» – штраф в размере ведра или полведра водки (вина). К числу серьезных и действенных мер крестьяне относили человеческое проклятие, которое вызывало суеверный страх у населения. В целях отпущения обидчикам сельчане обращались к колдунам и знахарям, проводили ритуалы в священных рощах и церквях. Крестьяне были глубоко убеждены в неотвратимости земного или божьего возмездия за совершение преступных деяний. Традиционные наказания гарантировали исполнение правовых обычаев, защищали интересы мира и его членов, играли превентивную и воспитательную роли, поддерживали социальную справедливость в крестьянском социуме.

ЕНЧИНОВ Эркин Валериевич

Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск),
enchinov_e@mail.ru

БЕРЕМЕННОСТЬ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ЗАПРЕТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В АЛТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В жизни современного алтайского социума по сей день бытуют системы норм и запретов в рамках обычного семейного права, регламентирующие жизнь и быт беременной женщины. Беременность (*барлу*) воспринимается как дар за «правильную» жизнь, как знак того, что данный человек заслужил право обрести ребенка, право продолжить жизнь семьи и рода и быть полноценным членом общества. Периоды беременности имеют собственные обозначения. Члены семьи, родственники и посторонние люди, говоря о беременной женщине, называют ее описательно: «руки и ноги ее тяжелы» (*колы-буды уур*), «с двумя

головами/началами» (*эки башту*). Беременной женщине запрещается посещать места скопления людей, похороны, злословить, употреблять алкогольные напитки, работать с шерстью, употреблять в пищу мясо кабарги и т.д. При этом запреты и ограничения двусторонни, родственники и посторонние люди также должны соблюдать их в отношении беременной. В случае нарушений запретов и ограничений все случившиеся неудачи, сложности, в т.ч. и с родами, представляются как санкции, налагаемые духами за несоблюдение норм.

ИВАНОВА Айталина Николаевна

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Якутск), ivanovaaytalina@mail.ru

ШТАММЛЕР Флориан

Арктический Центр, Университет Лапландии (Рованиemi,
Финляндия), stammmler@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ*

В докладе рассматривается полевое исследование как ключевой метод сбора материала при междисциплинарном подходе. Что антрополог выигрывает от присутствия юриста в общении с партнерами в поле? Почему для юриста важно ехать туда и узнать, как применяются законы? На примере отношения между коренными и местными сообществами, промышленными компаниями и органами власти Камчатского края, Республики Саха (Якутия) и Ненецкого автономного округа мы покажем тот «added value» – дополнительный эффект, который мы получаем в результате совместных полевых исследований и правового анализа. Без партнера-юриста антрополог теряет авторитет среди информантов, поскольку люди его могут воспринимать как этнографа, который изучает «лишь культуру». А без партнера-антрополога юрист остался бы без связи с реальной жизнью, проводя правовой анализ без учета каких-либо социально-культурных нюансов, которые и определяют то, как воспринимаются и применяются законы. На примере трех регионов мы покажем регулятивный процесс как живой, который не заканчивается с принятием закона, а начинается с него. Таким образом, мы сможем объяснить, как и почему столь различны отношения и правовые взаимодействия ключевых заинтересованных групп в процессе промышленного освоения. На Камчатке этот процесс почти полностью находится под доминированием промышленной компании, в Республике Саха (Якутии) региональная власть играет важную роль через принятие региональных законов, а в Ненецком округе представители коренных народов стараются выступать инициаторами процесса складывания транспарентных партнерских отношений с промышленными компаниями.

* Доклад подготовлен в рамках проекта “Indigenous Peoples and Resource Extraction in the Arctic – Evaluating Ethical Guidelines” Árran Lule Sami Centre (Norway) и проекта СВФУ «Народы северо-востока Российской Федерации: выбор новой адаптивной стратегии в условиях глобализации. Социально-антропологический подход».

КАЙБАРА Евгения Александровна

*Компания «Эксон Нефтегаз Лимитед» (Южно-Сахалинск),
Evgenia.kaybara@exxonmobil.com*

**ИСТОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОМПАНИИ
«ЭКСОН НЕФТЕГАЗ ЛИМИТЕД»
С КОРЕННЫМИ МАЛОЧИСЛЕННЫМИ
НАРОДАМИ СЕВЕРА САХАЛИНСКОЙ
ОБЛАСТИ И УЛЬЧСКОГО РАЙОНА
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

В начале 2000 г. компания-оператор проекта «Сахалин-1» «Эксон Нефтегаз Лимитед» (далее – «ЭНЛ»), еще только планируя буровые работы и строительство трубопроводов и других производственных объектов, начала выстраивать добрососедские отношения с коренными малочисленными народами (далее – КМНС) и их общественными организациями на севере Сахалина и в Ульчском районе Хабаровского края. Первое заявление о взаимопомощи и сотрудничестве между Ассоциацией КМНС Сахалинской области и «ЭНЛ» было подписано в декабре 2001 г. Как и на Сахалине, «ЭНЛ» подписала Заявление о взаимопомощи и сотрудничестве с Ульчской районной общественной организацией коренных малочисленных народов Севера и Приамурья. В рамках сотрудничества были созданы консультативные советы, которые действуют по настоящее время. На сегодняшний день на Сахалине действует трехстороннее соглашение о сотрудничестве между компанией «ЭНЛ», региональным Советом и Правительством Сахалинской области, которое было подписано 4 сентября 2012 г. С 2002 по 2014 г. Консорциум «Сахалин-1» по рекомендации консультативных советов профинансировал 380 благотворительных проектов, направленных на сохранение культуры, традиций и национальных языков коренных малочисленных народов Севера на общую сумму около 46 млн рублей (свыше 1,7 млн долл. США). Кроме того, в местах компактного проживания КМНС в Охинском, Ногликском и Ульчском районах профинансировано более 250 благотворительных проектов в социальной сфере на сумму свыше 70 млн рублей (около 2,5 млн долл. США).

КАМКИЯ Фатима Гурамовна

Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов (Сочи), jurfak-sfrudn@yandex.ru

**ОБЫЧНОЕ ПРАВО АБХАЗИИ В КОНТЕКСТЕ
ПРАВОВОГО ПЛЮРАЛИЗМА**

Абхазия была инкорпорирована в состав Российской империи в XIX в., а до этого времени обладала значительными особенностями во всех сферах жизнедеятельности общества: социально-экономической, политической и культурной. Своеобразие заключалось, на наш взгляд, как в значительной устойчивости традиционных институтов, так в наличии перманентно усиливающегося влияния извне других цивилизаций. Последнее было обусловлено геополитическим расположением Абхазии, что подводит нас к формулированию предположения о том, что правовой плюрализм для данного региона – данность длительного периода в истории. Последние два столетия, в продолжение которых сказывалось сильнейшее влияние российской (в том числе советского периода) цивилизации, существенно преобразили многие стороны жизни абхазского общества. Ретроспек-

тивный взгляд позволяет сделать вывод о весьма сложном характере модернизационных процессов, переживаемых абхазским обществом на протяжении указанных двух столетий. Оставаясь в основе традиционным, абхазское общество, приспособившись к изменяющимся условиям, пытается выработать механизмы самовоспроизводства и поддержания стабильности, включающие элементы иных укладов.

КОРНИЛОВА Екатерина Ивановна

*Якутский экономико-правовой институт (Якутск),
tyrmas@mail.ru*

**СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ПРОМЫШЛЕННОГО И ТРАДИЦИОННОГО
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ У КОРЕННЫХ
НАРОДОВ ЯКУТИИ**

Правовая культура коренного населения Якутии, ведущего традиционный образ жизни и занимающегося традиционными видами хозяйственной деятельности, как объект, исследования представляет собой особый интерес в связи с развитием промышленных МЕГА-проектов на территории Республики Саха (Якутия). За последние двадцать лет российскими учеными-этнографами проделана большая работа по изучению обычного права народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также европейской части России. Однако за рамками исследований остается достаточно большая «локальная» территория западных и южных промышленных районов Якутии, где продолжает развиваться алмазо-золотодобывающая, нефтегазовая и угольная промышленность. В данном контексте научный интерес вызывают этнологические экспертизы по нефтепроводу «Восточная Сибирь – Тихий океан». Обращаем внимание на то, что обычное право якутов в сфере природопользования является исключительно локальным правом, за пределами «своего» общества оно может терять юридическую силу. Сочетание правовой и нормативной культуры коренных народов на промышленно освоенных территориях, основанное на устойчивых формах общения, выполняет функцию трансформации и регулирования отношений в современных социально-экономических условиях. Земельные и хозяйственные вопросы в населенных пунктах и национальных общинах решаются в целом на основе обычно-правовых норм, особенно если это касается вопросов определения территорий традиционного природопользования. В обычном праве коренных народов существует положение о том, что земля неотчуждаема, а земельные права являются относительными.

КОЧ Светлана Вадимовна

КОЧ Елена Владимировна

*Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова
(Одесса, Украина), svkoch@mail.ru, e.v.koch@mail.ru*

**ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ В БЕССАРАБИИ
КАК УСЛОВИЕ ФРАГМЕНТИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Правовая ситуация в Бессарабии никогда не отличалась устойчивостью и единообразием, что обусловлено ее политическим и культурным пограничным статусом. Эта территория находилась под воздействием великих империй и их культур (Рима, Византии, Османской империи, России), каждая из которых была заинтересована в закреплении сво-

их форм правового регулирования и контроля. Здесь длительное время сохраняется рецептированное византийское и римское право, местное молдавское и валахское право. Наслоение правовых источников в региональной правовой традиции стало отражением частой смены государственной принадлежности данной территории. За последние 200 лет она пять раз меняла национальную систему законодательства, находясь в составе Молдавского княжества, Российской империи, Румынии, СССР, Украины. Формирование региональной правовой системы происходило при сохранении значительного влияния локальных норм обычного права в среде каждой из переселившихся групп (старообрядцев, болгар, греков, гагаузов, немцев, албанцев и др.). Сохранение внутригрупповых механизмов социального регулирования было не только условием успешной адаптации переселенцев на приграничной малоосвоенной территории, но и фактором поддержания социальных статусов и экономических льгот отдельных групп. Организация внутреннего управления этих территорий предполагала предоставление местным жителям «их законов» и постепенное формирование обособленной системы управления и правового регулирования. Наслоение правовых источников и фактически сложившаяся практика правового плюрализма обусловили длительное сохранение социо-культурных границ отдельных этнических и конфессиональных групп региона, которые сегодня демонстрируют успешную практику самоорганизации и управления, способность контролировать значимые сегменты социального пространства в регионе.

КРЮКОВА Светлана Станиславовна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), krjukova@list.ru

ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ XIX–XXI ВЕКОВ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИСТОРИКО- СРАВНИТЕЛЬНОГО МЕТОДА

«Теневое право», «фактическое право», «неофициальное право», «псевдоправо», «параправо», «переходное право», «неформальное право» – это отнюдь не полный перечень понятий для обозначения тех проявлений современной правовой жизни России, которые выходят за рамки государственного регулирования. Рожденные текущим временем категории отражают работу научной мысли в попытках осмысления последствий кризиса политико-правовой системы в постсоветский период. Изменившееся понимание права резонирует обсуждением ряда проблем, связанных с наличием очевидной дистанции между так называемым «правом в общесоциальном смысле» (закрепившемся в социальных нормах – обычаях, религиозных нормах, нормах морали) и «правом в юридическом смысле», т.е. закрепленном в нормах, исходящих от государства. Эти дискуссии возвращают нас в общественно-политическую и научную полемику эпохи «Великих реформ». Именно тогда было «открыто» обычное право, т.е. система неписаных норм, имевших в повседневности гораздо большую значимость, нежели закон писанный. Однако, если раньше речь шла об обычном праве крестьян, представлявших численное большинство русского народа, то в настоящее время право «вне закона» пронизывает все российское общество, в котором

деревня представлена уже сравнительно небольшим сегментом. Имеем ли мы дело с преемственностью правовых представлений и традиций общества? Можно ли говорить о тождественности обычного права русских крестьян и правовых стратегий современных сельчан? Ответить на эти вопросы позволяет предпринятый опыт сопоставления собранного в ходе полевых исследований материала о правовых предпочтениях современного сельского населения России с конструкцией правовой жизни русской деревни во второй половине XIX века, воспроизвести которую позволяет комплекс архивных и литературных источников.

НОВИКОВА Наталья Ивановна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), natinovikova@gmail.com

НАША СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ – НЕФТЬ ДОБЫВАТЬ: МОЗАИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА САХАЛИНЕ*

В докладе рассматривается политика корпоративной социальной ответственности (КСО) нескольких нефтегазовых компаний в Сахалинской области, он строится на полевых материалах 2014 г. Исторически сложилось несколько вариантов их взаимодействия с коренным и местным населением. Предыдущий опыт корпораций и их преемников склывается и в настоящее время. Старейшей здесь является «Сахалинморнефтегаз», сегодня «Роснефть», сравнительно недавно началась деятельность Газпрома в том же регионе. Также здесь работают международные компании «Сахалин энерджи» и «Эксон нефтегаз». Опыт «Сахалин энерджи» стал уже почти хрестоматийным в литературе по КСО, поэтому основное внимание в докладе уделяется политике КСО «Эксон нефтегаз». КСО этой компании включает несколько направлений: программы поддержки коренных малочисленных народов, поддержка просветительских и образовательных программ и т.д. Особое внимание уделяется порядку работы сотрудников компании, рассмотрению их представлений о КСО, регламентах деятельности сотрудников, отвечающих за КСО, значению опыта работы в компании для представителей коренных малочисленных народов.

ПОПОВА Анна Дмитриевна

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина (Рязань), a.d.popova@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕНТАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

В период перестройки в конце 1980–1990-х годов изменения коснулись всех сфер, в том числе деятельности государственных органов и правовой системы. В конце 1980-х годов в организацию и механизмы государственной власти стали проникать традиции западной буржуазной демократии – был утвержден пост Президента, стала намечаться тенденция разделения власти на три ветви. Изменения коснулись и право-

* Доклад подготовлен в рамках проекта “Indigenous Peoples and Resource Extraction in the Arctic – Evaluating Ethical Guidelines” Årran Lule Sami Centre (Norway).

вой системы: стало меняться гражданское право, регулирующие вопросы собственности, были приняты новые законы в этой сфере. Анализ писем, которые отправлялись гражданами на имя Б.Н. Ельцина, М.С. Горбачева, депутатов Съезда народных депутатов, показывает, что советские люди горячо выступали за обновление, но происходящие преобразования в государственной и правовой сфере оценивали в рамках советских ментальных установок. Граждане активно выступали за ликвидацию привилегий советской номенклатуры, разделение полномочий государственных и партийных органов, ослабление власти КПСС. В то же время советские ментальные установки мешали принять новые элементы государственного механизма, пришедшие из западного правового опыта, в частности, неодобрение вызвало учреждение поста Президента. Для граждан наиболее привычным был советский тип государственных органов, именно с обновленными Советами люди связывали надежды на решение экономических и социальных проблем. Также ментальные установки советского общества проявились в оценке происходящих изменений в гражданском праве: принятие нового закона «О собственности», введение индивидуальной предпринимательской деятельности не вызвало одобрения граждан.

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), gorot@mail.ru

МЕСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКИХ ИМПЕРСКИХ ВЛАСТЕЙ НА ЗАПАДНОМ ПАМИРЕ (конец XIX – начало XX века)*

По итогам «англо-русского разграничения» 1895 г. часть областей Западного Памира, ранее принадлежавших Афганистану, попала под контроль Российской империи, но формально эти территории оказались под властью Бухарского эмирата, распространившего на них систему управления, характерную для бухарских владений. Однако на Западном Памире в течение веков складывались собственные традиции управления и правового регулирования, экономические отношения. Местное население исповедовало шиизм, что также отличало его от бухарцев-суннитов. Кроме того, в силу постоянных пограничных конфликтов Бухары и Афганистана этот регион неоднократно разорялся, и благосостояние его населения постоянно снижалось. Все эти обстоятельства не учитывались бухарскими властями, стремившимися обложить местное население всеми налогами, существовавшими в эмирате. Против подобного подхода активно выступали представители имперской администрации Туркестанского края, прекрасно осведомленные о специфике политического, правового, экономического и религиозного развития Западного Памира в результате деятельности научных и военных экспедиций в этом регионе. На протяжении десятилетия имперская администрация Туркестана и российские представители в Бухаре старались убедить власти эмирата в необходимости выработки особой политики для областей Западного Памира, установления налоговых льгот и пр. Поскольку эти предложения не были учтены бухарскими властями, российские военные чиновники, обеспечивавшие имперские интересы на Западном Памире,

* Исследование выполнено по гранту РГНФ, проект № 14-03-00322.

ограничивали деятельность бухарских администраторов, de-facto осуществляя прямое имперское управление в этом регионе при поддержке местного населения.

ТЮРИКОВА Ирина Игоревна

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (Архангельск), tyurikova_irina@mail.ru, i.tyurikova@narfu.ru

ПРЕОДОЛЕНИЕ КОНФЛИКТА ГРУППОВЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРАВ В СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЯХ И ПРАКТИКАХ ЛИБЕРАЛЬНОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

В 1960–1980-е годы для обеспечения интеграции культурных меньшинств в культуру принимающего сообщества многие либерально-демократические государства (например, Швеция, Канада, Германия и др.) обращаются к политике мультикультурализма. Мультикультурализм предполагает преодоление дискриминации культурных меньшинств посредством предоставления им определенных привилегий, в том числе особого рода *групповых прав*, которые позволили бы представителям иной культуры поддерживать свою культурную идентичность. Введение групповых прав, направленных на защиту интересов культурных групп как целостностей, фактически поставило под сомнение индивидуалистическое ядро классического либерализма. Из-за расхождений с установками классического либерализма, допущенных на уровне теории, политика мультикультурализма в итоге привела к обострению ряда существующих проблем, а также возникновению новых конфликтных зон. Как на уровне теории, так и на уровне политической практики возникли правовые конфликты нового типа. Речь идет о конфликтах между групповыми правами культурных меньшинств и правами индивидов, которые являются членами этих культурных меньшинств, но дискриминируются внутри групп. В докладе предполагается рассмотреть, какие пути предлагает современная политическая и правовая теория для решения подобных рода конфликтов между индивидуальными и групповыми правами. В частности, рассматривается делиберативная модель либерального мультикультурализма, разрабатываемая современным философом права Сейлой Бенхабиб.

УИЛСОН Эмма

Международный институт экологии и развития, Полярный институт им. Скотта, Университет г. Кембридж (Лондон, Кембридж, Великобритания), emma.wilson@iied.org

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ НА ЗАПАДЕ И ЗНАЧИМОСТЬ ЭТОГО ДЛЯ РОССИИ**

Корпоративная социальная ответственность (КСО) часто используется для обозначения вклада компании в устойчивое развитие. В Европе термин первоначально возник в литературе и практике XIX в. как ответственность компании перед своими сотрудниками и местным сообществом. В 1950–1990 годы значение этого термина расширилось и много обсуждалось в литературе, оно включало более широкие практики и рассмо-

** Доклад подготовлен в рамках проекта “Indigenous Peoples and Resource Extraction in the Arctic – Evaluating Ethical Guidelines”. Årran Lule Sami Centre (Norway).

трение новых понятий, таких как корпоративное гражданство. В 1970 г. Милтон Фридман ввел «модель акционерного бизнеса», предполагая, что социальная ответственность бизнеса заключается в максимизации прибылей. Опираясь на моральные аргументы, «теория заинтересованных сторон» впоследствии привела к пониманию того, что компании должны поделиться своим богатством не только с акционерами, но со всеми заинтересованными сторонами, включая местные сообщества. На протяжении многих лет понятие КСО было поставлено под сомнение как заблуждение, так как казалось неэффективным инструментом для улучшения жизни местных жителей. Корпоративная ответственность была вновь востребована бизнесом через понятия «общая выгода» и «социальная лицензия». Руководящие принципы по вопросам бизнеса и прав человека ООН пересмотрели относительные обязанности государства и компаний по защите и соблюдению прав человека. В докладе исследуется эволюция западных представлений о КСО, относительности роли правительства и промышленных корпораций, а также значимость этой дискуссии для внедрения стандартов КСО в России.

ХУРЬЮН Александра Владимировна

Региональный совет уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области (пос. Некрасовка, Сахалинская область), alexkhyun@mail.ru

О ДОБРОСОСЕДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ И ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ

Регулярное сотрудничество коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области и нефтяных компаний на севере Сахалина имеет не очень давнюю историю. Достаточно сказать, что сотрудничество ограничено более или менее налаженными отношениями только с иностранными компаниями, такими как «Эксон Нефтегаз Лимитед», «Сахалин Энерджи» и, до недавних пор, – «Бритиш Петролеум». О российских компаниях этого, к сожалению, сказать невозможно. Если с «Бритиш Петролеум» сотрудничество было налажено с 1999 г., «Эксон Нефтегаз Лимитед» с 2001 г., с «Сахалин Энерджи» с 2006 г., то с «Роснефть-Сахалинморнефтегаз» такого планомерного сотрудничества нет. Несмотря на то, что «Сахалинморнефтегаз» уже 87 лет работает на севере острова, и из-за деятельности этой компании безвозвратно нарушена экологическая обстановка мест нефтяных разработок, компания, как и Газпром, взаимодействует только с Правительством Сахалинской области, а не с коренными малочисленными народами Севера.

ЭННС Ирина Андреевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), irnns609@yandex.ru

АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА: ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЖ. РОУЛЗА В ГОРИЗОНТЕ АНТРОПОЛОГИИ

В контексте социальных и экзистенциальных трансформаций современности как никогда актуален вопрос о природе и смысле права. Что такое право: формальная система правил, фундированная *cogito*, рациональным образом регулирующая отношения между субъектами социального действия, или система содержательных по своей сути принципов,

укорененная в социальных и антропологических практиках? Современные дискуссии о праве связаны с ответом на этот вопрос. Особый интерес вызывает фигура Дж. Роулза, несомненной заслугой которого является возвращение в философско-правовой дискурс идеи справедливости. Теоретико-методологическую базу исследования Дж. Роулза составляет классическая либеральная традиция общественного договора и теория рационального выбора. В основе построения теории справедливости Дж. Роулза мы находим онтологию intersubjectivity. Человек изначально вовлечен во всякого рода институциональные, антропологические практики, изначально является субъектом коммуникации, социального взаимодействия. Как эта вовлеченность влияет на субъекта права, какое воздействие она оказывает на принципы справедливости? Должны ли принципы справедливости, являющиеся своеобразным регулятивом нормативного действия, зависеть от случайных по сути исторических обстоятельств (природной, социальной и антропологической фактичности)? Эти вопросы предполагается рассмотреть в данном докладе.

ЯКЕЛЬ Юлия Яковлевна

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (Москва), uyakel@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РФ

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока выделены российским законодательством в особую группу, наделенную рядом специфических прав, в том числе и на ведение традиционного образа жизни, природопользования, сохранения исконной среды обитания. Это обусловлено зависимостью традиционных видов хозяйственной деятельности (оленоводство, охота, рыболовство и других) от состояния окружающей природной среды. Промышленное освоение северных территорий и Арктики, которые являются домом для коренных малочисленных народов, сопряжено с нарушением природного баланса и во многих случаях происходит без понимания, что такое тундра для оленевода, лес для охотника, река для рыбака. Отсутствие четких механизмов в законодательстве позволило освоить огромные территории без реального учета мнения коренных жителей. В некоторых случаях такой подход уже привел к серьезным негативным последствиям и полной утрате возможностей вести привычный образ жизни. Как выяснить мнение коренных малочисленных народов? Как учесть интересы бизнеса и местного населения? Как построить диалог и найти точки соприкосновения и поиска взаимовыгодных решений? Как повысить социальную ответственность промышленных компаний на всех стадиях осуществления хозяйственной деятельности? Ответ на эти и другие вопросы можно найти в проекте Федерального Закона «Об оценке воздействия на исконную среду обитания, традиционный образ жизни и традиционное природопользование коренных малочисленных народов Российской Федерации», разработанном комитетом Государственной Думы при поддержке Ассоциации КМНСС и ДВ РФ и экспертного сообщества.

Секция 41
МЕХАНИЗМЫ, КРИТЕРИИ И ПРИНЦИПЫ
ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Ерохина Елена Анатольевна – к.ф.н., доцент, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

E-mail: leroh@mail.ru

Ямсков Анатолий Николаевич – к.и.н., доцент, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: yamskov@iea.ras.ru

АНЖИГАНОВА Лариса Викторовна

ТОПОЕВА Марика Викторовна

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан), alv_9@mail.ru, Princessik14@inbox.ru

СУБЪЕКТНОСТЬ ЭТНОСОВ В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ:
РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В начале XXI века этносы оказываются перед серьезным выбором: сохранить, потерять или усилить собственную субъектность. Последняя означает способность этнического сообщества к самопознанию, самоуправлению, самоорганизации и саморазвитию. Под влиянием глобальных и трансформационных процессов существенно изменились факторы и механизмы развития этносов во времени и пространстве, усилились ассимиляционные процессы. С другой стороны, благодаря деятельности акторов этнического развития (общественные организации, объединения, научные сообщества, социальные институты, отдельные личности и пр.) проявились устойчивые тенденции самоорганизации и новые формы этнического развития. Следует отметить, что темпы и направленность этнического развития у различных народов существенно разнятся. Это, в немалой степени, зависит от типа государственного устройства и доли коренного этноса в общем населении региона. В докладе рассматриваются этнические процессы в сибирских регионах: Республика Тыва (около 80% составляют тувинцы), Республика Алтай (около 30% составляют алтайцы), Республика Хакасия (12% населения составляют хакасы). Проведенные в этих республиках в 1990–2014 гг. социологические исследования продемонстрировали разную степень развития этнического самосознания и разную глубину скрытой межэтнической напряженности. В последние годы одним из негативных факторов являлся приток трудовых мигрантов из республик Средней Азии, которые позиционируют свое пребывание в регионе Саяно-Алтая как возвращение на свою историческую родину, что с тревогой и опасением воспринимается коренным населением. Этноконфессиональный фактор только усиливает нарастающие противоречия, в том числе между приверженцами христианства и ислама.

БАЛОВНЕВА Алла Николаевна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск), alla_tpu@rambler.ru

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Студенческая среда вуза является единым функциональным пространством, в котором представители разных

этносов взаимодействуют друг с другом. Инструментом оценки стабильности этнокультурной ситуации является этнологический мониторинг. Систематические наблюдения по сопоставимым критериям, этнологическая экспертиза студенческой среды позволяет определить факторы конфликтности. Для формализации анкетирования «Межэтническая коммуникация» создан программный комплекс, который включает в себя: модуль анкетирования, базу данных результатов, модуль обработки результатов. Программный комплекс реализован с использованием web-технологий PHP+Apache+MySQL, что позволяет осуществлять статистическую обработку полученных результатов анкетирования с использованием методики Г.У. Солдатовой (1998) и, формируя различные запросы, получать характеристики как для всей совокупности респондентов, так и для отдельных выборок по определенным критериям (национальность, возраст, пол и т.д.).

Значения индикаторов мониторинга и формализованное анкетирование в академических группах студентов можно использовать для поиска и анализа закономерностей в исходных данных, а также для всесторонней оценки межнационального взаимодействия в образовательном учреждении в целом и в каждой академической группе в частности. Этнологический мониторинг – это способ видеть этнические явления в широком социальном контексте и выявлять потенциальные источники конфликтов.

БОГАТОВА Ольга Анатольевна

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск), bogatovaola@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОПТИМИЗАЦИИ
СБОРА ЭТНОСТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ
В КОНТЕКСТЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО
МОНИТОРИНГА

Совершенствование существующих процедур сбора этнодемографических данных представляет собой актуальную проблему вследствие использования этностатистики в принятии политических решений в области культуры, образования и регионального развития. Анализ динамики численности этнических групп в сравнении с данными массовых социологических опросов на примере Республики Мордовия и Удмуртской Республики позволяет сопоставить долговременные тенденции в изменении численности отдельных этнических групп, проживающих как в данных республиках, так и в ряде других субъектов РФ, с кратковременными сдвигами на уровне региона и страны в целом.

Данные репрезентативных опросов населения также дают возможность выявить ряд социальных факторов, влияющих на результаты учета этнического состава населения в субъектах РФ, включая «мягкие» (медийное позиционирование имиджа региона, а также региональная политика идентичности и этнополитика) и «жесткие» (изменение процедур сбора данных в период Всероссийской переписи населения 2010 г.) социальные технологии. Оптимизация этностатистического учета населения, цель которой заключается в достижении максимально точного соответствия данных переписей населения реальной этнической самоидентификации населения, может быть достигнута посредством снижения влияния этнического фактора на организационные политики (запрет сбора и публикации данных о национальности работников, студентов и клиентов государственных учреждений) и уточнения условий фиксации этнической принадлежности в переписных документах, включая обязательный личный опрос и институционализацию контроля за действиями переписчиков по образцу контроля выборки.

БРУСИНА Ольга Ильинична
ЯМСКОВ Анатолий Николаевич

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), brusina@inbox.ru, yamskov@iea.ras.ru*

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРУПП СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ*

Изучение взаимодействия малых этнокультурных сельских сообществ с доминирующим обществом подводит к проблеме оценки перспектив сохранения либо ассимиляции таких групп. Наши работы по аульным сообществам ставропольских туркмен [Брусина, Ямсков, 2014], выполненные на основе полевых материалов О.И. Брусиной 2012 г. и с опорой на имевшуюся методику [Ямсков, 1999], позволили предложить обновленный ряд социально-демографических индикаторов благополучия сельских групп. К этим индикаторам, рассчитываемым по данным хозяйственных книг, относятся: доля моноэтнических полных домохозяйств (включают обоих супругов в возрасте до 59 лет и хотя бы одного ребенка или подростка до 17 лет включительно); доля моноэтнических домохозяйств пенсионеров (с одиноким человеком или обоими супругами в возрасте от 60 лет и старше); индекс постарения населения (отношение процентной доли в селе последних к первым). Целесообразно учитывать полиэтнические домохозяйства, а не семейные пары, ибо в процессе социализации детей поколение бабушек и дедов оказывает на них не меньшее влияние, нежели родители, вынужденные большую часть дня проводить на работе вне дома. Данные показатели позволяют обоснованно судить о ближайших перспективах как собственно демографического, так и этнокультурного воспроизводства в селе членов изучаемой этнической или социально-культурной общности. Если такие перспективы, судя по указанным индикаторам, выглядят надежными, то можно говорить об этносоциальном благополучии данной группы сельского населения.

* Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 15-04-02309.

ВАСИЛЬЕВ Владимир Георгиевич
НЕДЗЕЛЮК Татьяна Геннадьевна

*Сибирский институт управления, филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
РФ (Новосибирск), kaf-conslaw@sapa.nsk.su, tatned@mail.ru*

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Необходимость религиоведческой экспертизы очевидна. Конституционное право граждан Российской Федерации – исповедовать религиозную веру в соответствии со своими убеждениями или оставаться атеистом. Конституция РФ не делает ограничений или исключений для каких-либо религиозных организаций, за исключением тех, что признаны в установленном порядке тоталитарными сектами. В соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г., действующая редакция от 22.10.2014), Постановлением правительства РФ «О порядке проведения религиоведческой экспертизы», целью данного вида экспертизы является установление религиозного либо нерелигиозного характера организации на основании учредительных документов, сведений об основах вероучения и соответствующей им практики. Перед экспертами не ставится вопрос об истинности или ложности религиозных представлений. В компетенцию экспертного совета входит проверка и оценка достоверности сведений, содержащихся в представленных на экспертизу документах. Определен круг проблем, связанных с деятельностью экспертных религиоведческих советов, к которым отнесем: недооценку светского религиоведения, уровень компетентности и профессионализма экспертов, отсутствие единой методики проведения религиоведческой экспертизы. Кроме того, экспертные советы, являясь консультативными органами, не несут никакой ответственности за допущенные в ходе экспертизы ошибки (в том случае, если экспертиза проводилась некомпетентными экспертами либо заинтересованными лицами, ошибки неизбежны). Помимо объективных проблем, представители разного рода религиозных организаций изъясляют опасение, не станут ли экспертные религиоведческие советы цензорами религиозной литературы?

ГЛЕБОВ Евгений Владимирович

*Новый Сибирский институт, Новосибирский государственный
медицинский университет (Новосибирск),
glebov99@ngs.ru*

МОДИФИКАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ В АСПЕКТЕ НЕЙРОФИЛОСОФИИ

Традиционно мировоззрение делят на мировосприятие, мироощущение, миропонимание и собственно мировоззрение. Первый уровень, мировосприятие, функционирует преимущественно на субстрате гипоталамуса и системы зеркальных нейронов. Второй уровень, мироощущение, интегрирует сигналы мировосприятия, в основном базируясь в правом полушарии мозга, и обеспечивает эмоциональную специфику поведения личности. Третий уровень, миропонимание, активизирует соответствующие структуры левого полушария, и ответственен за рациональные паттерны личности. И наконец, собственно мировоззрение отвечает

за континуальность сознания, являясь, по сути, пространственно-временным интегратором всех сигналов, поступающих в мозг, и всех управляющих сигналов, исходящих из мозга. Требуется значительно расширить исследование активности мозга (неинвазивными методами) преимущественно здоровых людей. Необходимо углубленное исследование связи ментальных и нейрофизических состояний личности, изучение процесса мышления и принятия решений в содружестве философов, антропологов и специалистов по томографии. Желательно введение в программы обучения философии и смежных дисциплин материала по функционированию ЦНС, полученного в последние годы, особенно в программы курсов для аспирантов и соискателей, а также повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Особого внимания требует изучение телерадиоаддикции, с прицелом на разработку методов реабилитации и восстановление нормального хода работы систем зеркальных нейронов. В этой области возможно взаимодействие нейрофилософских исследователей со структурами гражданского общества, и хотелось бы надеяться, ответственной (или хотя бы циничной, достаточно озабоченной уровнем социального доверия к ним) части госструктур.

ГРОШЕВ Игорь Львович

Тюменский государственный нефтегазовый университет (Тюмень), grosh@nextmail.ru

**ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
ДИАСПОРАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

Концепция этносоциальной экспертизы эффективности деятельности этнического (диаспорального) предпринимательства дает характеристику экономической среде под разным углом зрения. Представленный доклад основывается на материале полевых исследований, осуществленных в Тюменской области. Затруднения при осуществлении подобной экспертизы возникают на этапе систематизации специфических особенностей этнического бизнеса. Во-первых, диссонанс может возникнуть на низовых уровнях и имеет при этом дискретный, неподдающийся систематизации характер, но оказывающий определенный негативный экономический эффект (низкий спрос, ограниченный выбор поставщиков и т.п.). Во-вторых, диаспоральное предпринимательство необходимо рассматривать не только в легальном, но и в теневом воплощении, что может оказывать существенное влияние на исследование (в частности, вопросов: какова доля теневых доходов в общей структуре этнического бизнеса? какова целевая направленность расходования средств, отчисляемых на нужды общины и т.д.). В-третьих, имеются обоснованные опасения представителей диаспор по поводу положений дел своей диаспоры на региональном рынке (отчасти это обусловлено конкурентной борьбой и недостаточным знакомством с особенностями других диаспор). Очевидно, что вероятность раскрытия научной темы путем дезагрегированного (детализированного) анализа весьма низка, поэтому автор полагает целесообразным использование дедуктивного метода с признанием возможности ряда допущений аксиоматического характера.

ГРОШЕВА Ирина Александровна

Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права (Тюмень), grosh@nextmail.ru

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА
В ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ**

В ходе продвижения общественных интересов очень важно провести оценку целей, принципов, привлекаемых ресурсов, последствий, возможности реализации управленческих решений как принятых, так и еще предполагаемых к принятию, соответствия этих решений тем самым общественным интересам. В связи с этим приобретает особую актуальность общественная экспертиза, результатом которой должна быть оценка влияния управленческих решений на условия жизни граждан, на социальные стандарты и др. В ходе экспертизы устанавливается соответствие деятельности органов управления жизненным приоритетам граждан и задачам социальной политики. В. Римский (2004) полагает, что мониторинг законотворческой деятельности, проводимый структурами гражданского общества, выполняемый во многих регионах, не отличается высокой эффективностью. Для успешного проведения общественной экспертизы необходимо наличие: (а) адекватной законодательной базы, создающей возможность учета результатов на уровне принятия решений; (б) активных и успешных общественных организаций, работающих в регионе; (в) независимой научной общественности, способной выступать в качестве экспертного сообщества; (г) желания власти знать реальное состояние дел в этноконфессиональной сфере; (д) материальных ресурсов, достаточных для обеспечения процедуры.

В реальной жизни осуществление общественной экспертизы сталкивается с определенными затруднениями. Фактически складывается парадоксальная ситуация: новые, демократические по форме методы управления оказываются менее эффективными, чем существовавшие ранее административные. Боязнь увидеть реальную картину событий порождает со стороны власти эффект «страуса в пустыне».

ЕРОХИНА Елена Анатольевна

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), lero@mail.ru

**ЗНАНИЕ, ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ЗАПРОС НА ЭТНОЭКСПЕРТИЗУ:
ЗАДАЧИ, КРИТЕРИИ И ПРИНЦИПЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ**

Союз науки и власти в процессе производства экспертного знания обусловил, по мнению французского исследователя М. Фуко, формирование дисциплинарной матрицы управления, ориентированной на рациональность и анонимность норм. Однако вместе с этим дисциплинарная матрица власти породила противоречие между идеологией модерна с его пафосом равенства, прогресса и развития, с одной стороны, и техническим расширением контроля над обществом, с другой стороны. Одной из попыток снятия данного противоречия стала общественная экспертиза. Ее важным звеном остается публичная дискуссия с участием всех заинтересованных сторон:

власти, структур гражданского общества, экспертного сообщества. В числе значимых направлений общественной экспертизы остаются проблемы сохранения природного и этнокультурного многообразия, гармонизации и оптимизации межэтнических отношений, гражданской интеграции. Как объединить многообразие направлений и объектов этноэкспертизы? Каковы должны быть формы предъявления общественного запроса на этноэкспертизу? В каких формах должно происходить публичное обсуждение ее результатов? В докладе предполагается обсудить ключевые вопросы развития данной формы публичного контроля в России. Во-первых, согласования требуют критерии этнологической и этносоциологической экспертизы, во-вторых, обсуждения заслуживают принципы взаимодействия экспертов и общественных субъектов как потенциальных заказчиков экспертного знания в сфере культурной политики, миграции, межэтнических отношений; в-третьих, в обосновании нуждается инструментарий получения экспертного знания. Этнологическая и этносоциологическая экспертиза остаются одними из самых востребованных направлений экспертного знания. Данное обстоятельство актуализирует необходимость рефлексии ее оснований.

ИЛЮХИНА Евгения Олеговна

Новый Сибирский институт (Новосибирск), ilyukhina95@mail.ru

НЕЙРОФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Показано, что этносы различаются по балансу активности правого или левого полушария мозга. От природы амбидекстральны не более 0,7% населения, и культура, как правило, лишь усугубляет диверсификацию психотипов. Рациональная культура европейского типа, особенно с эпохи Просвещения, тем более нацелена на поддержание активности левополушарной деятельности, даже в ущерб обретенности восприятия. Казалось бы, просвещенческая программа такого типа, наложившись на группу наиболее рациональных специалистов, должна была дать явный перекося в сторону аккуратного, но не творческого копирования. В евроатлантической культуре зачастую так и происходит, направление искусства, созданное малой группой правополушарных творцов, затем поддерживается (ибо нельзя сказать, что оно развивается) плеядой левополушарных копиистов и подражателей. Однако современные средства СМИ нивелируют этнические различия. Сейчас накапливается все больший материал, основанный на наблюдениях мозговой активности в реальном времени, и тот факт, что телеаддикции изменяют эволюционно сформировавшуюся структуру принятия решений, подтвержден прямыми наблюдениями. Насколько существенно это отличие для трансформации политических, экономических и социальных процессов, предстоит выяснить. Необходима исследовательская программа междисциплинарного характера, нацеленная на анализ изменений в мышлении человека, в том числе на нейрофизиологическом уровне, и влияния этих изменений на рациональность принятия решений в различных областях деятельности.

КЛИМАКОВА Екатерина Валерьевна

Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск), klimakova07@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

Художественная литература является одним из важных механизмов фиксации и сохранения культурной памяти, а также одним из инструментов трансляции ее последующим поколениям. В советское время происходил организованный и управляемый процесс обмена культурными ценностями между различными этносами на территории СССР посредством художественной литературы. Кроме того, активно переводилась и издавалась зарубежная литература, созданная на языках самых разных народов. В современной России эти процессы существенно замедлились и сузились, что не могло способствовать развитию межэтнического общения. Началом постсоветского периода в отражении этнического вопроса в отечественной литературе можно считать повесть А.И. Приставкина «Ночевала тучка золотая» (1987). В современной отечественной литературе с данной темой работают А. Волос, Н. Абгарян, В. Голованов, А. Ганиева, М. Ахмедова, Г. Садулаев и др. Если говорить о современной мировой литературе, то специальное отражение названная тема получила в произведениях Б. Чатвин, Х. Хоссейни, Дж.С. Фоер, А. Нотомб, З. Смит и др. В 2008 г. Нобелевская премия по литературе была присуждена Ж.-М.Г. Леклезю за «исследование человечества вне пределов правящей цивилизации». Обращает на себя внимание тот факт, что вне обостренного и относительно крупного межэтнического конфликта данная тема мало интересна современным авторам. Между тем социальный конфликт не равен художественному, а социокультурная роль литературы в числе прочего заключается в том, чтобы преобразовывать конфликт, пробуждая взаимный интерес сторон друг к другу.

КОБЫЛЯНСКИЙ Евгений Давыдович

Университет г. Тель-Авив (Тель-Авив, Израиль)

ДУБОВА Надежда Анатольевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), dubova_n@mail.ru

К ВОПРОСУ О БИОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЯХ УСПЕШНОСТИ АДАПТАЦИИ ЭТНОСА

Для оценки успешности адаптации группы к условиям среды медико-биологические критерии применяются не часто. Обычно анализируется встречаемость ряда заболеваний и/или распространение «социальных болезней». Но даже те антропологические показатели, которые известны уже не одно столетие, дают достаточно богатую «пищу для ума», раскрывая действие биологических приспособительных механизмов. Если субпопуляции народа живут на протяжении многих поколений в различных условиях среды, их антропология в результате морфо-физиологических организменных реакций претерпевает изменения. Было проведено изучение головного указателя (ГУ) более 50 еврейских семей (три поколения). ГУ, характеризующий рост головы в продольном и поперечном направлениях и скоррелированный с другими размерами головы и лица, считается стабильным и часто ис-

пользуется в межгрупповых сопоставлениях. Тем не менее, значительные различия были обнаружены между ГУ братьев и сестер, родившихся в Израиле и вне его. Разница между не родственниками, родившимися в Израиле, была ниже. Не отмечено ни одного случая, когда ГУ родившегося в Израиле превысил бы большее из двух родительских индексов. Эта закономерность прослежена только в семьях, чьи родители родились в Европе, а дети в Израиле. В случае, когда родители были родом с Ближнего Востока или из Северной Африки никаких существенных различий по ГУ между родителями и детьми, родившимися в Израиле, не было. Авторы исследования Е. Кобылянский и Б. Аренсбург предполагают, что в разных условиях среды одна и та же «норма реакции» организма проявляется по-разному, хотя генетическую основу таких изменений также нельзя полностью исключить.

МАДЮКОВА Светлана Александровна

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), sveiv7@mail.ru

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОБЛЕМ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ В РЕГИОНАХ СИБИРИ

Одним из ключевых фокусов экспертного и массового социологического исследования, проводимого новосибирской этносоциологической школой в 2013–2015 гг., являлся вопрос социального самочувствия, этнокультурных и социальных проблем представителей коренных малочисленных народов. Проанализированы мнения респондентов и экспертного сообщества регионов о проблемах коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории ХМАО – Югры и Республики Алтай. Выявлен социальный оптимизм представителей данных народов. В ходе проведенных исследований были выявлены проблемы, актуальные для коренных малочисленных народов: сохранение и развитие родного языка, традиционных культур и традиционной природной среды обитания; алкоголизация населения, необходимость улучшения условий жизни. В Российской Федерации в целом создана правовая база в сфере защиты прав представителей коренных малочисленных народов Севера. Законодательно закреплены меры государственной поддержки: льготы, субсидии и квоты на использование биологических ресурсов. Однако такого рода льготы предусмотрены только для представителей коренных малочисленных народов, проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, не распространяясь на городских жителей. Это обуславливает отличие мнений городских и сельских респондентов о роли их этнической принадлежности в решении жизненных проблем. Государственная и региональная поддержка в решении выявленных проблем будет способствовать сохранению и развитию народов Севера в условиях современных социокультурных трансформаций.

МЕЖЕКОВА Вероника Михайловна

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан), Alv_9@mail.ru

МИР ХАКАССКОЙ ЖЕНЩИНЫ: АНАЛИЗ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ

В условиях нарастающей гендерной асимметрии активно используются понятия «женский мир», «мир женщин» и

т.п. как устойчивые конструкты. Анализ динамики гендерной идентичности выявляет стереотипы, укорененные в культуре, в том числе этнической. Поэтому исследователи привлекают данные этнологии, которые носят описательный и подчас фрагментарный характер и не отвечают возросшим потребностям современного человека в поисках его этнической и социокультурной идентичности. Вместе с тем, необходимо признать, что академический и практический интерес представляет исследование «женского мира» как целостного феномена, непосредственно связанного со способами существования его в прошлом (традиционном обществе) и современности. Крайне важным кажется анализ механизмов трансляции и адаптации этого опыта к изменяющимся политическим, экономическим, социокультурным условиям, т.к. реальность демонстрирует появление новых противоречий в системе ценностей общества, в т.ч. в их гендерном аспекте. В условиях растущей тяги общественного сознания к трансцендированию также требуют специального анализа процессы сакрализации, десакрализации и ресакрализации ценностей, символов и ритуалов «женского мира».

Традиции формирования и развития женского мира различных этносов, населяющих Россию, с одной стороны, уникальны. И в этом смысле введение в научный оборот результатов исследования эволюции мира хакасской женщины в синхронном и диахронном аспектах представляется своевременным и необходимым. Спецификой традиционного хакаского общества является высокий, практически равный мужскому, статус женщины, что зафиксировано в историко-культурном наследии этноса, в т.ч. в богатейшем хакасском героическом эпосе.

НАМРУЕВА Людмила Васильевна

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста), lnamrueva@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО (на материале Республики Калмыкия)

Сельское расселение в Калмыкии имеет свои исторические особенности, связанные с этническим составом населения и его хозяйственными практиками и укладами. В десяти районах, находящихся в центральной и восточной зонах республики, где преобладает калмыцкое население, основными отраслями являются мясное скотоводство, овцеводство, дополнительными – коневодство и верблюдоводство, производство зерновых. Западная зона (Городовиковский и Яшалтинский районы), где доминирует русское население, специализируется на производстве зерна и подсолнечника. Результаты последних Всероссийских переписей (2002, 2010 гг.) позволяют охарактеризовать русское население как убывающую этническую группу. За период между переписями численность русских сократилась с 33,6% до 29,6% к общей численности населения республики. Представители из соседней северокавказской Республики Дагестан (даргинцы, аварцы) переезжают в сельскую местность региона, где занимаются развитием животноводства. Сформировавшиеся за 1990–2000-е годы мощные диаспоры привлекают соплеменников, что приводит к усилению межэтнической напряженности (особенно среди менее толерантной молодежи) в тех селах, где доля выходцев из Северного Кавказа

увеличилась и превысила в среднем 30%. Миграционный отток из сельских поселений наиболее активной и трудоспособной части населения является индикатором особой социальной среды с преобладанием старших возрастов и с разнообразными социальными патологиями (включая алкоголизм), разрушающими сельские сообщества и делающими невозможным развитие аграрной сферы. Эти социальные явления требуют своего глубокого изучения и эффективных управленческих решений.

НИЗАМОВА Лилия Равильевна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань),
linizamova@yandex.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ МОНИТОРИНГА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: ПРИНЦИПЫ, ДИЛЕММЫ И ПРАКТИКИ

Задача укрепления единства российской нации и этнокультурного развития народов России, поставленная в последние годы на федеральном уровне, предполагает формирование системы мониторинга климата этноконфессиональных отношений в стране и регионах. Дискуссия о принципах, содержании и механизмах реализации мониторинга выявила отсутствие консенсуса среди экспертов относительно возможных подходов и вариативность существующих практик. Обозначился ряд дилемм: (1) создание единого общенационального механизма мониторинга или дифференцированного, учитывающего специфические особенности регионов; (2) выявление социального самочувствия населения территории или интересов этнорелигиозных сообществ, в том числе и меньшинств; (3) применение в качестве инструмента политического действия и оценки эффективности деятельности региональных властей или научного анализа и прогнозирования; (4) проведение мониторинга с периодичностью, определяемой в широких пределах: раз в несколько лет или ежеквартально (что влияет на выбор методики, техники, технологии сбора и качество информации); (5) финансирование из федерального бюджета или обременяющее регионы; (6) под непосредственным патронажем государства или без него; (7) по максимально широкому перечню показателей или «необходимому и достаточному»; (8) с применением традиционного инструментария этносоциологических обследований или современных онлайн технологий и изучения социальных медиа. На основе опыта реализации мониторинга в Республике Татарстан последнего десятилетия раскрываются способы разрешения имеющихся противоречий, положительные и отрицательные стороны предлагаемых вариантов проведения мониторинга, возможности формирования многоуровневой и комплексной программы обследования территорий многонационального государства.

НОВОЖИЛОВ Алексей Геннадьевич

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), novogilov@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ИНДУСТРИАЛЬНО-РАЗВИТОМ РЕГИОНЕ

Проведение этноэкологической экспертизы в индустриально-развитых регионах имеет свою очевидную специфи-

ку, которая определяется принципиальной трансформацией территорий традиционного природопользования в ходе промышленного развития. Одним из примеров такого региона может служить западная часть Ленинградской области, являющаяся зоной традиционного проживания воды и ижоры – этнокультурных групп, включенных в число коренных малочисленных народов Российской Федерации. Разрушение модели традиционного природопользования воды происходило в период капитализации пригородного сельского хозяйства Санкт-Петербурга уже с середины XIX века. Та часть этого народа, которая сохранилась до XX в., перешла на ижорские модели освоения ландшафта и населяла только долину Луги. Что же касается ижоры, территорией традиционного природопользования которой были берега Финского залива и рек его бассейна (включая Невский бассейн), то цивилизационное давление на эти земли растянулось на три века. Сначала основание Санкт-Петербурга, затем строительство пригородов, в XX в. создание атомной станции (ЛАЭС) и модернизация рыболовного промысла – эти процессы служили ассимиляции и сокращению автохтонной территории ижоры. В этой связи строительство нового индустриального порта в Усть-Луге разрушает не столько традиционную ижорскую модель освоения ландшафта, сколько советскую аграрно-индустриальную систему в низовьях Луги и на Кургальском полуострове, в которую, наряду с пришлым, преимущественно русским населением, были вплетены оставшиеся в местах традиционного проживания представители ижоры и воды.

ОРЛОВ Сергей Борисович

Бийский технологический институт Алтайского технологического университета им. И.И. Ползунова (Бийск), sborlov@mail.ru

ШЕЛЕГИНА Ольга Николаевна

Институт истории СО РАН (Новосибирск), oshelegina@yandex.ru

СОЗДАНИЕ МУЗЕЕВ РЕГИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

Процессы глобализации стимулируют изучение проблем актуализации национального наследия. Взаимозависимость между степенью и характером освоения наследия и состоянием духовных аспектов жизни местного социума, роль в этих процессах музеев практически не исследованы. Решение этих проблем было успешно начато в проекте «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство» [Шелегина, Чувилова, Орлов, 2013]. На первом этапе его реализации достаточно эффективно использовался социологический инструментарий (экспертный опрос, фокус-группа), результаты этносоциологических исследований образа Сибири, соотносящиеся с вопросами региональной идентичности. Была развита идея создания «Музея Сибири» [Орлов, Шелегина, 2014] в форме комплексной (визуально-виртуальной с элементами средовой) модели представления регионального наследия,

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных научных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

а также определены его ключевые позиции как информационного центра по истории культурного наследия региона, института социальной адаптации. Полученные результаты позволяют в рамках проекта «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе» продолжить изучение социокультурного потенциала региональных музеев с учетом проблем мифологизации наследия, новационных технологий его представления, проведения этносоциологической экспертизы для адекватного решения вопросов культурного разнообразия и идентичности. Музеи регионального наследия при междисциплинарном подходе могут стать перспективным направлением сохранения этнокультурного многообразия в современном мире.

ОСИПОВ Константин Иванович

*Кемеровский государственный университет (Кемерово),
constantine-osipov@yandex.ru*

**АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
АСПЕКТОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
УСТОЙЧИВОСТИ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ
В ПРАКТИКЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО
МОНИТОРИНГА И ЭКСПЕРТИЗ
(на примере локальных групп теленгитов,
кумандинцев и челканцев)**

В докладе обобщаются результаты экспертных исследований современной демографической ситуации, выполненных при участии автора в 2013–2014 гг. в местах проживания теленгитов, челканцев и кумандинцев. На современном этапе в условиях реформирования всех сторон жизни общества проблема устойчивого демографического развития приобретает особую актуальность. Анализ аспектов демографической устойчивости коренных малочисленных этносов представляет особый интерес в силу ряда причин: во-первых, позволяет прогнозировать этносоциальные последствия выбранного государством курса национальной политики, во-вторых, дает возможность увидеть механизмы адаптации этносов к меняющимся социально-экономическим и экологическим условиям, а также способствует объективному анализу уровня жизнеобеспечивающей эффективности практикуемых автохтонным населением традиционных форм хозяйственно-экономической деятельности.

ОХЛОПКОВ Василий Егорович

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), suottu@gmail.com

**ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРОЕКТИРУЕМЫХ
ОБЪЕКТОВ НА ЭТНИЧЕСКУЮ СРЕДУ
В РАЙОНЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАМЕЧАЕМОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕТОДОМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

В основе доклада лежит опыт выявления влияния деятельности хозяйствующего субъекта – месторождение «Таежное» (Республика Саха (Якутия), Нерюнгринский район) – на экологическую обстановку, а также оценки местных жителей характера этого влияния на традиционный быт, хозяйство и культуру. Методом включенного на-

блюдения проанализированы особенности хозяйствования общины «Бугат». В докладе поднимаются вопросы промышленного освоения Севера в целом, а также ключевые аспекты хозяйствования общины коренных малочисленных народов Севера «Бугат», с 1980-х годов, граничащей с зоной промышленного освоения.

ПЕРСИДСКАЯ Ольга Алексеевна

*Институт философии и права СО РАН (Новосибирск),
olga_alekseevna@mail.ru*

**МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ
СООБЩЕСТВО ЮГРЫ КАК «СВОИ» И
«ЧУЖИЕ»: ОПЫТ ОБОБЩЕНИЯ ВЫВОДОВ
ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Изучение характера взаимоотношений людей разных национальностей в условиях увеличения доли мигрантов в составе населения Российской Федерации в настоящее время актуализировано для сообщества ученых-обществоведов. Попытка рассмотреть межэтнические отношения как с точки зрения принимающего сообщества, так и со стороны мигрантов, была предпринята в 2014 г. в исследовании, проведенном в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН (Новосибирск) в рамках проекта «Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири», руководитель – Ю.В. Попков (грант РГНФ № 13-03-00417).

Согласно выводам исследования, современный процесс роста этнической мозаичности приобретает негативную окраску в глазах жителей ХМАО: в обществе зреет убеждение, что в ухудшении межнациональной ситуации виноваты мигранты. У принимающего сообщества и мигрантов в Югре сложились следующие установки: первое настороженно, замкнуто и считает мигрантов «чужими», а мигранты чувствуют себя «своими» и в целом оценивают состояние межэтнических отношений оптимистично. В связи с этим очевидно, что в Югре как можно скорее следует приняться за решение не столько проблемы, связанной с адаптацией и интеграцией в принимающее сообщество иноэтничных мигрантов, сколько проблемы, вызванной с чувством незащищенности принимающего сообщества и, как следствие, его низким уровнем толерантности.

ПОДДУБИКОВ Владимир Валерьевич

*Кемеровский государственный университет (Кемерово),
poddub@gmail.com*

**ЗЕМЕЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ТЕРРИТОРИЯХ
ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
КАК ОБЪЕКТ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
(на примере коренных малочисленных этносов
Южной Сибири)**

В докладе обобщаются результаты экспертных исследований причин и механизмов развития земельных конфликтов на территориях традиционного природопользования, выполненных при участии автора в 2004–2014 гг. в местах проживания и хозяйственной деятельности шорцев, телеутов, теленгитов, челканцев и кумандинцев. Исследования выявили ряд конфликтных ситуаций с участием корен-

ных малочисленных этносов. Они находятся на различной стадии конфликтогенеза, различаются по напряженности возникших конфликтных отношений, степени активности конфликтной деятельности, причинам, обусловившим возникновение и развитие конфликтов, а также составу и числу вовлеченных в конфликт субъектов. По последнему признаку предлагается следующая классификация выявленных конфликтов: (1) общины коренных малочисленных этносов и предприятия добывающей промышленности; (2) коренное население и особо охраняемые природные территории; (3) традиционно-хозяйственная практика локальных групп коренных малочисленных этносов и аренда земель лесного фонда; (4) предприятия лесозаготовительной промышленности и местные сообщества коренного населения. Выполненные исследования показывают, что основной причиной конфликтогенеза в местах традиционного природопользования является нерешенность (правовая неурегулированность) вопроса о статусе земель традиционно-хозяйственного назначения, которые большей частью коренного населения воспринимаются не иначе, как этническая территория. В докладе также иллюстрируются некоторые лучшие практики урегулирования земельных конфликтов на территориях традиционного природопользования.

ПОПКОВ Юрий Владимирович

*Институт философии и права СО РАН (Новосибирск),
yuripopkov54@mail.ru*

МОНИТОРИНГ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕВЫХ УСТАНОВОК НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Доктринальная основа публичной национальной политики постсоветского периода в качестве одного из главных механизмов ее реализации определяет создание мониторинга межнациональных отношений. Однако полноценный мониторинг ни на федеральном, ни на региональном уровнях до сих пор не организован. Не определена такая система его показателей, которая в наибольшей степени отражала бы актуальные проблемы национальной политики. Часто мониторингами неправомерно называются элементарные повторные исследования (опросы, анализ статистических данных и т.п.) по единой или схожей (частично совпадающей) методике. Как представляется, реализации провозглашенных целей государственной национальной политики может способствовать мониторинг межэтнического сообщества, выполненный в парадигме социокультурного подхода. Основопологающими принципами предлагаемой модели мониторинга являются: (1) рассмотрение в качестве объекта мониторинга не только межнациональных отношений, но более широко – этносоциальной ситуации, локализованной в рамках конкретного межэтнического сообщества на муниципальном и региональном уровнях; (2) выделение для диагностики и регулирования этносоциальной ситуации трех групп показателей, включающих, в соответствии с реализуемым социокультурным подходом, социальный, культурный и личностный компоненты; (3) представление такого мониторинга не только как элемента системы научных знаний, но и важного инструмента системы управления, обеспеченного необходимыми материальными, финансовыми и правовыми ресурсами.

Предлагаемая система мониторинга позволяет диагностировать и регулировать, в частности, не только собственно межнациональные отношения, но и социальное самочувствие представителей разных этнических групп, оказывающее существенное влияние на их реальное поведение в межэтническом сообществе.

САНДАКОВА Людмила Борисовна

*Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск), l.sandakova@mail.ru*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ*

Методологические парадигмы экспертной деятельности, восходящие к мировоззренческим основаниям ее субъектов, не только обнаруживают границы и перспективы тех или иных исследовательских практик, но и открывают возможность для анализа их ценностных оснований. В докладе предлагаются теоретико-методологические и прикладные принципы анализа некоторых методологических проблем этноэкологической и этносоциальной экспертизы. Во-первых, анализ проблемы цели этноэкологической и этносоциологической экспертизы. Общеизвестно, что одной из важнейших является защита этнокультурной среды (В.В. Степанов). При этом объявляется, что защита не означает консервации. Этнокультурная среда развивается, и, соответственно, претерпевает качественные трансформации, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами. В этой связи возникает вопрос: где же проходит граница между теми изменениями, которые принимаются как результат развития и теми, от которых надлежит защищать этнокультурную среду? Во-вторых, заслуживает внимания проблема предпосылочности экспертного знания, которое, в силу своего высокого статуса, претендует на объективность. В-третьих, возникает целый ряд этических проблем. В частности, любая экспертиза в современном обществе связана с реализацией управленческих решений. В условиях противоречия интересов общественных субъектов экспертиза может стать средством манипуляции. На это накладывается полипарадигмальность научных подходов, что приводит к рассогласованию критериев, используемых в экспертной работе.

СИДОРОВА Татьяна Александровна

*Новосибирский государственный университет (Новосибирск),
vasinatan@mail.ru*

ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД В ГУМАНИТАРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Гуманитарные и социальные науки часто объединяют в общий класс, однако важно установить специфические черты, которые могут сказываться на теоретическом содержании, на проведении экспертизы, на интерпретации результатов. Различение гуманитарной и социальной экс-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-03-00173.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-03-00173.

пертизы (ГЭ, СЭ) может быть проведено по характеру, методам, цели. ГЭ является способом оценивания тех или иных социальных явлений и фактов с позиции гуманитарных наук, общим предметом которых является бытие человека. ГЭ опирается на умозрительные методы, мысленные эксперименты, осуществляется посредством дискуссий. Цель ГЭ – выявление смыслов и значений социальных явлений, которые лежат в основании отстаиваемых ценностей. СЭ апеллирует к изучению социальных фактов с помощью конкретно-научных методов качественного и количественного анализа. Ценности изучаются в социальных науках как факты мотивированного выбора. Поэтому целью СЭ будет сопоставление выявленных ценностных предпочтений с нормативным порядком, согласно которому осуществляются социальные действия. Следует предположить, что СЭ и ГЭ можно рассматривать в качестве двух уровней ценностного анализа проблемных ситуаций с целью установления соответствия фактического состояния предпочитаемому ценностному выбору индивидов и социально-этнических образований.

ТАРБАСТАЕВА Инна Семеновна

*Институт философии и права СО РАН (Новосибирск),
inna-tarbasteva@yandex.ru*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В документе стратегического планирования «Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г.» сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России провозглашается одной из главных целей. В Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» этнокультурное многообразие признается важной ценностью, «конкурентным преимуществом, неотъемлемой частью мирового духовного наследия, необходимым элементом российского международного имиджа». Вместе с тем в собственно законодательной базе эта целевая государственная установка должного обеспечения не нашла. Нет ни одного закона, который бы напрямую касался этнокультурного многообразия. В нормативно-правовых актах, где используется это понятие, оно не несет подобающей содержательной нагрузки. Таким образом, понятие «этнокультурное многообразие» с правовой точки зрения не эксплицировано. Очевидно, что без этого невозможна эффективная реализация провозглашенной целевой установки на его сохранение и развитие. В полноценном законодательном обеспечении нуждается не только регулирование этнокультурного многообразия, но вся государственная этнонациональная политика в целом. В настоящий момент основными документами федерального уровня в этой области являются законы, посвященные коренным малочисленным народам Севера и Федеральный закон «О национально-культурной автономии». Последний касается интересов не всех общностей, а только тех, которые оказались в численном меньшинстве на определенной территории. Вне правового поля зрения остаются важные вопросы, в том числе развитие русского народа как единого целого в этнокультурном пространстве России.

ЧЕМЧИЕВА Аржана Петровна

*Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),
arjana@ngs.ru*

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПОЛОЖЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Территории традиционного расселения коренных малочисленных народов все чаще оказываются под растущей угрозой реализации широкомасштабных экономических программ развития. Представители коренных малочисленных народов пытаются привлечь внимание общественности к своим проблемам и нередко ратуют за проведение этнологической экспертизы, выдвигая ее как лозунг легитимной защиты своих прав на земли и природные ресурсы. Однако Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», обозначая этнологическую экспертизу как научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса, не содержит механизма ее проведения. В этой связи в России в отношении коренных малочисленных народов ни разу не проводилось государственной этнологической экспертизы. Тем не менее востребованность этнологической экспертизы в России стремительно растет. Российское общество неуклонно приближается к развитым странам в понимании необходимости постоянного использования этого важнейшего инструмента. Показателен пример Республики Саха (Якутии), принявшей в 2010 г. закон об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. В отечественной науке идет процесс формирования экспертного сообщества из специалистов, располагающих реальным опытом проведения этнологических экспертиз в отношении коренных малочисленных народов. В то же время результаты этнологических экспертиз редко оказывают прямое воздействие на политический курс органов власти и планы бизнес-структур.

Шадт Александр Александрович

*Сибирский государственный университет путей сообщения
(Новосибирск), shadt@mail.ru*

УРОВНИ РАЗВИТИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ

Уровни развития этнополитических рисков:

(1) Фоновый, на котором фиксируются риски, существующие в современном обществе перманентно, вне зависимости от состояния социально-экономической и политической ситуации. Возникнув однажды, они циркулируют в общественном сознании, обсуждаются специалистами на гипотетическом уровне, являются сферой интересов локальных общественных групп, но не способны перерасти в дестабилизирующие. Вероятность превращения рисков данного уровня в реальные минимальна.

(2) Актуальный. Актуализация риска в социальных институтах. Проявляется в условиях реформ или кризисов. Лидеры мнений повышают частоту обращений к конкретной теме. Происходит перенос риска из формального состояния

в неформальное. Начинают возникать слухи о вероятности события, возможность возникновения события активно обсуждается в блогосфере.

(3) Вероятный. Риск является неотъемлемым фактором оценки ситуации. Связан с изменением социально-экономического или политического статуса. Характерен в условиях «несоответствия ожиданий», с одной стороны, лидеров мнений, недовольных изменением своей позиции, с другой – малообеспеченных и деклассированных групп населения. Типично широкое распространение слухов. Проявляется в условиях затяжных социально-экономических или политических преобразований, кризисов.

(4) Дестабилизирующий. Характерен для условий социально-экономической или политической нестабильности. Событие активно обсуждается в публичной и непубличной сфере. Для данного уровня типично повсеместное распространение слухов и апелляция к ним со стороны населения. Состояние риска определяется как заражение общественного сознания.

(5) Катастрофический. Перерастание риска в событие. Проявляется в условиях углубления социально-экономического или политического кризиса. Отсутствует реальная возможность предотвратить исполнение идентифицированного риска.

Секция 42
МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И
ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Харитонов Валентина Ивановна – д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

Михель Дмитрий Викторович – д.филос.н., профессор, Саратовский государственный технический университет (Саратов)

E-mail: medanthro@mail.ru

БАСАНГОВА Тамара Горьевна

*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста),
Basangova49@yandex.ru*

КОСТОПРАВСТВО У КАЛМЫКОВ

От предшествующих поколений калмыкам достались уникальные знания в области народной медицины, богатый целительский опыт. Тех, кто занимался врачеванием, называли по-разному в зависимости от способа лечения: *эмч* (лечащие лекарствами, в том числе травами), *отч* (костопрывы), *бэрэч* (массажисты), *шархч* (специалисты по лечению ран), *эк болсн ээжэ* (повивальные бабки), *бө, медлнч* («знающие»), *домч* (специалисты по лечебной магии), *тэрнч* (лечили заговором, заклинанием).

У калмыков, согласно полевым данным, активно практикуют костопрывы и массажисты. В народной лечебной практике процесс излечения имел название *яс бэрх* (букв.: брать кость), *көл хар орулх* (поставить на место руки и ноги), *моч оруулх* (поставить на место конечности). Согласно народным представлениям, причиной ломки костей было влияние потусторонних сил, персонажей низшей мифологии (*шулмус*), а также неподходящее время (*харш цаг*), неподходящее место (*харш газр*), влияние произнесенного проклятия. Костопрывы лечили людей и животных. В процессе лечения применяли топленое масло в качестве жертвоприношения «хозяину болезни», окуливали можжевельником. Костопрывство у калмыков является наследственным даром, передающимся от одного человека другому по родственной линии. Сохранилась линия передачи данного дара в семье костопрыва Цаганкаева Модла из рода *асмуд*. Способностью править кости обладали два брата, один из сыновей и племянница.

Предполагается создать банк данных костопрывов, практикующих на территории Калмыкии.

БАТЬЯНОВА Елена Петровна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), elena-batyanova@yandex.ru

**ИЗ ИСТОРИИ ФЕЛЬДШЕРСКОЙ СЛУЖБЫ
В ГОРНОМ АЛТАЕ**

Начало приобщения коренного населения Алтая к конвенциональной медицине связано с деятельностью Алтайской духовной миссии. Основной формой медицинского обслуживания населения, используемой миссией, была фельдшерская служба.

В докладе анализируется найденный в Государственном архиве Алтайского края документ «Записка за 1907 г. миссионерского фельдшера Алексея Нелюбина», где автор делится своими воспоминаниями и впечатлениями о девятилетней службе в миссии и соображениями о проблемах медицинского обслуживания на Алтае.

Трудности оказания медицинской помощи коренным жителям региона были связаны не только с высоким уровнем общей заболеваемости, нехваткой лекарств, большими расстояниями, которые приходилось преодолевать медикам по долгу службы, но и неприятием многими алтайцами средств и методов конвенциональной медицины вследствие их приверженности шаманскому мировоззрению и признания за шаманами едва ли не исключительного права врачебной помощи при определенных болезнях. О роли Православной миссии в преодолении этих трудностей, о ее здравоохранительной деятельности свидетельствует анализируемый в докладе архивный документ.

БЕЛЯЕВА Мария Алексеевна

Уральский государственный педагогический институт (Екатеринбург), 2012marysia@mail.ru

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ
РЕПРОДУКТИВИСТИКА КАК НОВОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научная область, исследующая внеприродные регулятивы репродуктивного поведения человека, может быть обозначена как *культурологическая репродуктивистика*. Данный сегмент социогуманитарного знания является новым и перспективным направлением антропологических исследований, в том числе медико-антропологических, предмет которых – репродуктивная культура.

Репродуктивная культура – это динамическая ценностно-нормативная система, предназначенная для регуляции исторически трансформирующихся репродуктивных потребностей человека и общества за счет амбивалентного сдерживания и реализации фертильности. Внутренняя структура репродуктивной культуры включает три подсистемы: ментальную, пронатальную, антинатальную.

Ментальная подсистема выполняет роль ядра, объединяющего ценности как ключевого элемента, а также нормы, традиции, знания, верования, определяющие отношение к способности продолжения рода.

Пронатальная подсистема несет в себе социокультурную регламентацию усилий, направленных на рождение де-

тей и включает две подструктуры: перинатальную культуру и субкультуру, связанную с применением вспомогательных репродуктивных технологий.

Антинатальная подсистема отвечает за противодействие природе с целью поддержания обратимой/необратимой инфертильности. В рамках антинатальной подсистемы репродуктивной культуры сосуществуют контрацептивная культура и «абортная культура». Развитие культурологической репродуктивистки отвечает глобальной задаче удержания человечества в ситуации техно-био-гуманитарного баланса. Актуальны следующие направления разработки культурологической репродуктивистки: теоретическое – уточнение контента структурных подсистем репродуктивной культуры; историческое – исследование динамики репродуктивной культуры, ее исторических типов на примере различных стран и народов; прикладное – проектирование решений локальных и глобальных проблем, связанных с репродукцией человека, проведение социогуманитарной экспертизы управленческих решений и новаций в репродуктивной сфере.

БОРОЗДИНА Екатерина Александровна

Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург), eborozdina@eu.spb.ru

НЕЗАВИСИМАЯ АКУШЕРСКАЯ ПРАКТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ

Распространение практики «домашних» родов и становление сообщества независимых акушерок – одно из самых ярких изменений, которые переживает современное российское родовспоможение. В своей работе я рассматриваю дискурсы, к которым акушерки апеллируют для обозначения собственной, отличной от врачебной, юрисдикции и утверждения своей деятельности в качестве самостоятельной профессии. Я выделяю четыре таких дискурса: (1) медицинский, (2) либеральный, (3) спиритуалистический, (4) гендерный.

В рамках феминистской критики акушерскую модель помощи в родах принято связывать с преодолением патриархатного взгляда на женственность и с обретением женщиной новых сил (*empowerment*). На примере российского акушерского движения я определяю возможности и ограничения, которые существуют для того, чтобы акушерство могло реализовать себя в этой роли. В теоретическом плане исследование опирается на неовеберовский подход в социологии профессий. Эмпирическую основу работы составляют материалы включенного наблюдения на конференциях, посвященных «домашним» родам; данные, полученные в ходе анализа текстов (российских журналов и книг о независимой акушерской практике), а также интервью с акушерками и их клиентками.

ВАЩЕНКО Ирина Сергеевна

ФАХРУДИНОВА Эльмира Рэстэмовна

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского (Саратов), vaschenkoira@mail.ru, elmirafah@ya.ru

БИМЕДИЦИНСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ГЕДОНИСТИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА» Д. ПИРСА

В будущем «наши потомки, возможно, будут жить в цивилизации хорошо мотивированных, многого достигаю-

щих людей, движимых различными градиентами блаженства, им будут неведомы не только страдания и болезни, но и малейший психологический дискомфорт». Так считает Д. Пирс, один из идеологов аболиционизма и «парадайс-инжиниринга».

В случае реализации аболиционистских проектов потребуется тщательное соизмерение целей и возможных средств их достижения, возникающих в связи с этим рисков и выработка определенной концепции развития цивилизации.

Никто не может гарантировать врачебному сообществу, что новые биотехнологии, тем более, экспериментальные методики, безопасны для пациентов и их будущих детей. Очевидно, что медики, специалисты в области биоэтики должны быть вовлечены также и в дискуссии по выработке собственной идеологической платформы для существования «постдарвинистического» общества.

Вполне вероятно, что человечество не пойдет по пути реализации данных программ, либо будут воплощены в жизнь только некоторые их этапы, однако необходимо извлечь из них максимальную пользу.

ВЕРГЕЛЕС Марина Олеговна

Научно-исследовательский институт и Музей Антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва), vergeles@rocketmail.com

ПОНЯТИЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ РАСЫ В АМЕРИКАНСКОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Понимание биологической расы и ее места в системе знаний о человеке менялось с течением времени. Для стран, в которых население состоит не только из разных этносов, но и из разных расовых вариантов, вопрос об их происхождении и их равенстве или неравенстве всегда был и остается актуальным. В шестидесятые годы XX в. в США типологический подход к рассмотрению разнообразия человечества, подразумевающий существование дискретных групп индивидов, между которыми есть четкие биологические границы, сменяется на понимание изменчивости, основанное, в основном, на новейших достижениях генетики. Данные, впервые полученные Р. Левонтиным в 1972 г., позднее были повторно получены многими учеными с использованием различных генетических маркеров.

Результаты этих исследований говорят о том, что внутригрупповая изменчивость у современного человечества многократно превышает межгрупповую, и, следовательно, расы как биологическое деление не существуют. Утверждается, что клинальность лучше описывает современную изменчивость, чем расовые классификации. Также неоднократно была показана прямая связь генетического и географического расстояния между группами. Несмотря на все это, при достаточно большой выборке возможно разделение индивидов на отдельные группы (популяции) на основании данных генетики. При том что в американской науке раса, в большинстве случаев, отрицается как биологическая категория, признается социальная значимость данного феномена и на данном этапе развития антропологии ищутся связи между этими подходами.

ВЕРЕНИЧ Сергей Вячеславович

Белорусский государственный педагогический университет
им. М. Танка (Минск, Республика Беларусь), verense@mail.ru

ФОРМА ПОЗВОНОЧНИКА И СОМАТОТИП

Осанка формируется в постнатальном онтогенезе и является следствием адаптации человека к прямохождению. На состояние осанки оказывают влияние мышечный тонус и общий двигательный стереотип при опосредованном воздействии центральной нервной системы. При этом правильной форме позвоночника соответствует гармоничное развитие внутренних органов и систем, а отклонения от нормальной осанки ассоциируется с теми или иными функциональными нарушениями.

Существует ли зависимость между телосложением и формой позвоночника? Какие соматотипы в большей мере подвержены нарушению осанки? Для исследования этих взаимосвязей проанализированы данные о форме позвоночника и типах телосложения 2984 детей и подростков 8–16 лет, проживающих в южных регионах Беларуси. У каждого ребенка визуально определяли форму позвоночника. Из нарушений осанки во фронтальной плоскости диагностировали сколиотическую форму, в сагиттальной – выпрямленную, сутуловатую, лордотическую и кифотическую. Соматотип оценивали по методике Штефко-Островского и выделяли астеноидный, торакальный, мышечный, дигестивный и смешанный типы.

Проведенное исследование позволило выявить неслучайную ассоциацию между нарушением осанки и соматотипом. Так, дети и подростки астенического телосложения в большей мере подвержены нарушению формы позвоночника; в отношении мышечного соматотипа соотношения обратные. Таким образом, дети астенической конституции составляют группу риска по нарушению осанки, что требует проведения целенаправленных лечебно-профилактических мероприятий.

ВЕРШУБСКАЯ Галина Григорьевна

Научно-исследовательский институт и Музей Антропологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
(Москва), ggver@ya.ru

**МЕДИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И
ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ
ДЕТЕРМИНАНТ МИНЕРАЛЬНОГО
ОБМЕНА В КОСТИ***

В тропиках и субтропиках основным регулятором обмена фосфора и кальция в организме служит витамин D, образующийся под влиянием УФ-облучения. Во внетропических широтах УФ-уровень недостаточен для аутосинтеза витамина D. Нормализация минерального обмена обеспечивается получаемой с пищей формой витамина и повышением поступления кальция с пищей. Важный источник кальция – молоко, но его усвоение детерминировано активностью расщепляющего молочный сахар фермента лактазы (генотип C/C гена LCT). Чувствительность тканей к витамину D определяется внутриклеточным рецептором, кодируемым геном VDR.

На материале 36 популяций Европы выявлена корреляция между носительством генотипа лактазы (LCT) и D-ви-

таминным статусом ($R_s = -0,375$, $p = 0,04$). В выборке коми ($n = 95$) установлена связь полиморфизмов VDR (FokI, BsmI) с содержанием костной ткани в организме, что соответствует данным, полученным в популяциях Северо-Западной Европы, но не европеоидов Южной Европы, Ближнего Востока и Индии, или представителей других рас. На материалах выборки восточных финнов ($n = 226$) показано, что у носителей признаков стабильной и ограниченной активности лактазы (ген LCT) распределение вариантов генотипа FokI гена VDR различается ($p = 0,037$ по Фишеру). Делается заключение о том, что нормальный метаболизм кости обеспечивается балансом продукции и поступления витамина, чувствительности к нему тканей и потребления кальция. Превалирование каждого из факторов определяется экологическими условиями, отражающимися в традициях питания популяции.

ВИНОГРАДОВ Андрей Александрович

Независимый исследователь (Канада), aav242@mail.usask.ca

**ДУХОВНОЕ ЦЕЛИТЕЛЬСТВО СРЕДИ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ
АМЕРИКИ: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИИ**

Автор исследовал (включенное наблюдение и участие) церемонии различных народов Северной Америки: Алгонкинов (Кри, Оджибве, Metis, Наскапи), Сиу (Дакота, Стоуни) Дене и других на регулярной основе (еженедельно) в течение двадцати лет. Абсолютно все церемонии ориентированы на разные виды «духовного целительства», т.е. целительство является их целью. При этом надо отметить, что целительство (medicine) является в культурном контексте коренных народов Америки очень широким понятием; обсуждению семантики целительства будет посвящена часть доклада.

Большинство антропологов, изучающих духовное целительство народов Северной Америки, пытаются обозначить некое «аутентичное» или традиционное целительство в противовес неким «синкретическим» или менее аутентичным его формам. Проведя двадцать лет в сугубо «эмическом» положении, т.е. в положении погруженности в участие в церемониях, я убедился в том, что авторы большинства антропологических статей, посвященных поиску пресловутой «аутентичности», мягко говоря, не в курсе того, что происходит на церемониях и что является критериями их истинности или валидности. Обсуждению этих критериев будет посвящена основная часть доклада.

ВОЛЧЕК Ольга Дмитриевна

Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования
(Санкт-Петербург), volchekod@mail.ru

ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕЧИ И ПОГОДА

В медицинской антропологии активно используется музыка и речь. Т.М. Рогожниковой показан суггестивный потенциал имени, определяемый его формой и сочетанием звуков (2013). Нами обнаружена сопряженность динамики показателей музыки и погодных условий, зависимость восприятия речи от текущих условий природной среды обитания (2010, 2014).

Сказанное позволило выдвинуть гипотезу об адаптивных изменениях языка. Проверка гипотезы проводилась пу-

* Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 15-04-02309.

тем анализа 2286 поэтических текстов песен, написанных в 1935–1985 гг. Для каждого года с помощью компьютерной программы определялась частота звукобукв в процентах. Выявлены значимые и достоверные изменения в многолетних вариациях частоты всех звуков по критерию Фишера, $p \leq 0,00$. Проведен корреляционный анализ полученных данных со среднегодовыми значениями ведущих факторов погоды за 1935–1960, 1935–1970, 1971–1985, 1935–1985 гг. Во всех случаях зафиксировано наличие многочисленных сходных корреляций, $p \leq 0,05 \div 0,001$. Лидируют индексы межпланетного магнитного поля, геомагнитной активности и возмущенности, осадков. По-видимому, генерация тех или иных звуков речи происходит успешнее и с минимумом затрат при особых сочетаниях погодных условий. Вывод: изменения природной среды обитания сопровождаются адаптационными изменениями языка, что повышает эффективность речевого воздействия.

ГОЛОВИЗНИН Марк Васильевич

БУЛДАКОВА Юлия Рафаэлевна

Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова (Москва), mvasilef@mail.ru

МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ» ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

Медицинская система Колымского ГУЛАГа конца 1930-х – начала 1950-х годов обеспечивала функционирование «макросистемы» принудительного труда, ставшего кардинальным социальным и производственным фактором сталинского СССР. Важнейшим источником о здоровье, точнее сказать, о выживании заключенных ГУЛАГа стали произведения художественной литературы, в первую очередь, «Колымские рассказы» Варлама Тихоновича Шаламова, из которых почти 50% посвящены описанию лагерной медицины. Писатель, много лет проработавший лагерным медиком, оставил детальную картину самой медицинской системы ГУЛАГа и многочисленных ее особенностей: образов медиков, больных, «симулянтов», администраторов, описание лагерных больниц, характеристику взаимоотношений врач – пациент – лагерное начальство, врач – пациент – уголовный мир, клинических случаев, которые он наблюдал, описание лагерной гигиены и санитарии.

Писатель недвусмысленно характеризует врачей как единственных защитников заключенных, наделенных большой властью, ибо никто из лагерного начальства не мог контролировать действия специалиста. «Почти всегда лагерные начальники были во вражде со своими медиками – сама работа разводила их в разные стороны». Гуманитарные качества медика Шаламов ставит на ступень выше узко понятого профессионального долга. Врач, делающий заведомо излишнюю аппендэктомию ради спасения заключенного от расстрела, является большим профессионалом, чем тот, кто видит достойное применение своим знаниям в искусстве разоблачения «симулянтов» – голодных людей, вырвавшихся из золотого забоя. В то же время, не имеют оправдания те медики, которые готовы поступиться своими знаниями и принципами, будучи подкупленными и прирученными уголовным миром.

ГРЕЧКИНА Людмила Ивановна

КАРАНДАШЕВА Виктория Олеговна

Научно-исследовательский центр «Арктика» ДВО РАН (Магадан), ludmila-50@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ – УРОЖЕНЦЕВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ – ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ ПРИШЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

На Северо-Востоке России происходит формирование устойчивой популяции уроженцев из числа приехавших восточных славян. Детский контингент Магаданской области представлен в основном их потомками в первом-втором поколениях, что позволяет отнести их к укорененным жителям региона. Был проведен сравнительный анализ физического развития подростков 11–17 лет – уроженцев Магаданской области (МО) 1 и 2 поколений, предки которых – мигранты. Обследовано 1890 школьников. Из них: 418 мальчиков и 381 девочка – представители 1-го поколения (их родители приехали из других регионов РФ) и 463 мальчика и 424 девочки – 2-го поколения (их родители родились в МО). Измерения длины и массы тела, окружности грудной клетки осуществляли по общепринятым методикам. По разработанным нами региональным центильным таблицам соматометрических показателей определяли соматотип и гармоничность физического развития.

Сравнительный анализ распределения мальчиков по соматотипу показал, что среди представителей 1-го и 2-го поколения к мезосоматотипу относились 62,4% и 64,7%, микросоматотипу – 20,9% и 22,8%, а макросоматотипу – 16,7% и 12,5% соответственно. Среди девочек 1-го поколения микросоматики составляли 26,5%, а среди 2-го поколения – 25,8%, мезосоматики – 61,9% и 63,4%, макросоматики – 11,6% и 10,8%, соответственно. Результаты оценки физического развития подростков по уровню гармоничности показали, что среди мальчиков и девочек больше всего лиц с гармоничным развитием 67,3% и 65,4% (1 поколение) и 75,1% и 65,8% (2 поколение), соответственно.

ГРИГОРЬЕВА Ольга Анатольевна

Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина (Саратов), grigorievaoo@mail.ru

НАРОДНЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА

Культурные и социальные изменения в современном обществе тесно связаны с трансформирующей ролью профессий и свидетельствуют о том, что характер медицинской профессии также меняется. Из специфической деятельности с четкими границами между теорией и практикой, она эволюционирует в направлении признания партнерских отношений специалиста и клиента, где практический опыт имеет все больший вес наряду с академической подготовкой. В контексте антропологического направления акценты научного интереса перемещаются из области потребления услуг народных целителей к конструированию профессиональной субкультуры.

Мы апеллируем не столько к социальной идентичности народного целителя, сколько к социокультурной идентичности

кации его профессиональной субкультуры, которая складывается из норм поведения и форм дискурса, принятых в сообществе, посредством традиций в рамках профессиональных практик и ритуализованных действий. Специально организованное поле деятельности является одним из приемов формирования образа народного целителя, одним из условий самоидентификации. Профессиональная среда народных целителей образует модели поведения в контексте властных и экономических отношений.

ГРИШЕЧКИНА Наталья Васильевна

*Саратовский государственный медицинский университет
им. В.И. Разумовского (Саратов), nat2@pisem.net*

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИАФОРМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА БОЛЕЗНИ

Современная медиасреда характеризуется интерактивностью, возможностью для пользователя создавать свой собственный контент, активно участвовать в коммуникативном процессе, полинаправленностью коммуникативных потоков. Социальные медиа – это вид массовой коммуникации, в которой участники создают, распространяют и обмениваются информацией и идеями в виртуальных сообществах и сетях. Развитие социальных медиасистем затрагивает и институт медицины. В институциональном поле медицины данный процесс характеризуется возникновением новых форм организации деятельности (телемедицина, Интернет-медицина, электронное здравоохранение).

Социальные медиасистемы качественно изменяют процесс производства и распределения информации о болезни, размыывают четкую дифференциацию между публичным и приватным пространством болезни, влияют на его общую конфигурацию. Социальные медиа предоставили платформу людям в состоянии болезни для получения и обмена информацией. Они меняют характер взаимодействия врачей и пациентов и участников здравоохранения. Это взаимодействие характеризуется активным участием пациента в терапевтическом процессе, наличием постоянной социальной сетевой поддержки, быстрой передачей информации и открытым двусторонним диалогом. Таким образом, социальные медиа трансформируют коммуникативное пространство болезни, генерируя практики поиска решения индивидуальных проблем со здоровьем.

ЙОКИЧ Желько

Независимый исследователь (Канберра, Австралия)

ДВА ПУТИ К ИЗЛЕЧЕНИЮ: БИОМЕДИЦИНСКОЕ И ШАМАНСКОЕ ЛЕЧЕНИЕ У ЯНОМАМИ В ВЕРХНЕМ ОРИНОКО

В Платанале и других районах верховья реки Ориноко биомедицинские и традиционные шаманские системы существуют без особого синкретизма. Врачи и некоторые антропологи, работающие среди населения яномами, часто сравнивают шаманов с психотерапевтами, полагая, что те играют важную психологическую, эмоциональную роль, а также выполняют функцию социальной интеграции, решая личные и социальные конфликты пациентов через катарсис, не устраняя при этом органических нарушений. Когда

пациент выздоравливает после лечения шамана, они часто приписывают позитивный результат эффекту плацебо. Другими словами, шаманское целительство интерпретируется как оказывающее воздействие на психику человека, также считается, что врачи лечат физический организм.

Однако эти взгляды находятся под влиянием картезианского дуализма ума и тела; они не признают, что не все проблемы со здоровьем, с которыми сталкивается шаман, расположены в психосоциальной сфере, требующей социальной ре-интеграции пациента. Шаманы в своей целительской деятельности также работают с жалобами на физическое здоровье, как, например, жар, головная боль или спазмы тела. Учитывая тот факт, что психосоматический компонент может играть важную роль в ритуальном целительстве, в этой работе я утверждаю, используя подходящие этнографические примеры, что большинство, если не все, болезни, независимо от своих причин, имеют определенным соматическим проявления (такие симптомы, как жар, головная боль, остановка дыхания и др.). То есть шаманы пытаются облегчить, прежде всего, проблемы, испытываемые в теле.

ИСАЕВА Юлия Анатольевна

Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород), 120009@yandex.ru

«МЫ ТАК ПРИВЫКЛИ К ЖИЗНИ, ЧТО МОЖЕМ ДУМАТЬ, БУДТО МЫ САМИ ДАЕМ ЖИЗНЬ ДРУГИМ СУЩЕСТВАМ»: К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ МЕДИЦИНСКОГО НЕРАВЕНСТВА

В медицинской антропологии уже сложилась традиция рассматривать проблему медицинского неравенства сквозь призму марксистских идей, а также гендерных и постколониальных исследований. Биомедицину стремятся вписать в глобальную модель, испещренную разнообразными социальными процессами и практиками. Можно сказать, что медицинская антропология стремится в своем развитии к тому размаху «великих парадигм», по которым ныне так тоскуют гуманитарные науки. Эти весьма здоровые амбиции делают честь развивающейся области, однако биомедицину также возможно изучать и как вполне самостоятельное пространство, наполненное определенным содержанием и регулируемое своей внутренней логикой. Попробуем показать, что, функционируя в конвенциональной медицине, мы сталкиваемся с таким медицинским неравенством, которое происходит из самой сердцевины ее идеологии и не сводится только лишь к доступности или недоступности высоких и дорогостоящих медицинских технологий.

Биомедицина, в отличие от других медицинских практик, не желает мириться со смертью, случай летального исхода трактуется как болезненное поражение. Особенно это становится заметным в родильных домах, где смерть младенца рассматривается как выбраковка, несрабатывание по той или иной причине родильной машины, продуцирующей жизнь. Подобные случаи учитываются в рамках биомедицины исключительно как единицы статистики и материал для научного анализа, но не как часть объективной реальности, требующей определенного социокультур-

ного контекста. Мы наблюдаем то, что можно также причислить к разряду медицинского неравенства: несчастные родильницы не получают необходимой помощи, оказавшись в общих палатах и без элементарной психологической поддержки.

КАСМЕЛ Тийу Яановна

КАСМЕЛ Яан Яанович

Тартуский Университет (Тарту, Эстония), jaanjasmel@hotmail.ee

**О ЗНАЧЕНИИ ДОКТОРСКОЙ
ДИССЕРТАЦИИ КАРЛА ЭРНСТА ФОН БЭРА
«ОБ ЭНДЕМИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЯХ ЭСТОНЦЕВ»
ДЛЯ ЭСТОНСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ**

Во второй главе своей первой научной работы – докторской диссертации, написанной на латыни и защищенной в 1814 г. в Тартуском (бывшем Императорском Дерптском) университете, Карл Эрнст фон Бэр – естествовед, приобретший позднее мировую известность – характеризовал строение тела и склада ума эстонцев (мужчин, женщин, детей) значительно более подробно, чем это делалось ранее в коротких обзорах такого рода: эту работу можно считать началом антропологических исследований эстонцев.

Во вступительной части диссертации Бэр обещал «достичь изучения человеческого организма как в здоровом, так и болезненном состоянии». В пяти главах диссертации рассматриваются: физическая география среды обитания эстонцев (почва, климат и пр.); бытовые условия жизни, гигиена, образ жизни в разные времена года, указываются факторы, способствующие появлению некоторых болезней; природные и социальные причины, порождающие появление болезней, наиболее частотные болезни с точки зрения местной патологии и доступности медицинской помощи (нехватка врачей, почти полное отсутствие больниц в сельской местности, народная медицина).

В финале он вносит предложения для улучшения санитарно-медицинских условий и жизненного уклада эстонских крестьян.

Представленные в диссертации взаимосвязи между здоровьем, благосостоянием, культурой, обществом и природой содержат в себе те признаки, которые наполняют понятие «медицинская антропология». Исходя из этого, можно сказать, что докторская диссертация К.Э. фон Бэра положила начало эстонской медицинской антропологии.

КИРИЛЕНКО Елена Николаевна

Сибирский государственный медицинский университет (Томск), e.kirilenko@ngs.ru

ЛЕКАРСТВО КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ

Для традиционного сознания человек – часть универсума, все элементы структуры его существования симметричны космическим структурам. Исцеление здесь мыслится как возвращение к мировому порядку. Средства исцеления принадлежат самому миру. В природном универсуме лекарство существует от любой болезни, его только надо найти. В современном атомизированном социуме лекарство – нечто внешнее по отношению к человеку, средство исцеления, является продуктом цивилизации.

Культурно-национальные контексты вносят свою специфику в понимание природы лекарства. В Германии, где коренящийся в романтическом прошлом медицинский опыт сохраняет в качестве доминирующей тему сердечно-сосудистых патологий, отмечена ситуация широкого использования малых доз дигиталиса не только для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, но в качестве символа определенного социального статуса. Во Франции с ее традициями мягкой терапии обычные малые дозы лекарств, в то время как в активно ориентированной североамериканской медицине, где болезнь может мыслиться как нападающий извне «некоторый... монстр, который будет пойман в аккуратных медицинских сетях дифференциальной диагностики и лечения» (Л. Пейер), типичны большие дозы лекарств. Специфика терапевтической практики Великобритании находит выражение в клиниках боли (pain clinic) в соответствии с культурным стандартом «жесткой верхней губы».

КЛЮКИНА Элина Сергеевна

Кольский филиал Петрозаводского государственного университета (Апатиты), elina_klukina@mail.ru

**ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ
КОЛЬСКОГО СЕВЕРА**

В современном обществе неопределенности и рисков реализация права ребенка на здоровое развитие представляет особую проблему. Необходимость научного анализа формирования здоровья детей вызвана той неблагоприятной ситуацией, которая сложилась в России и особенно на Крайнем Севере в этом отношении.

Исследования, проведенные в промышленных центрах Севера и Северо-запада России, установили, что состояние здоровья детей во всех возрастных группах можно оценить как неблагоприятное. Увеличилась частота рождения детей с врожденными пороками развития и маловесных. Среди всех возрастных групп отмечается рост общей заболеваемости и числа хронических болезней. В структуре повозрастной заболеваемости увеличивается доля заболеваний, являющихся маркерами воздействия антропогенно загрязненной окружающей среды. По оценкам исследователей, низкие показатели здоровья детей формируются под воздействием комплекса социально-биологических, медико-социальных и экологических факторов. В возрасте до 7 лет преимущественное влияние на детей оказывают социально-биологические факторы, а в школьном возрасте – условия и образ жизни.

По данным экспертов, с продвижением на Север значительно возрастает патологическая пораженность, меняется структура заболеваемости. За последние годы произошли значительные «качественные» изменения в состоянии здоровья населения, отмечается рост заболеваемости по всем возрастам и фактически по всем нозологическим группам.

Изучение проблемы формирования здоровья детского населения Мурманской области, продолжающего жить, учиться в условиях Крайнего Севера, должно являться одним из ведущих исследовательских направлений социальной науки региона.

КЛЮС Юрий Анатольевич

КОМИССАРОВА Елена Николаевна

*Санкт-Петербургский государственный педиатрический
медицинский университет (Санкт-Петербург),
komissaren59@mail.ru*

МОНИТОРИНГ СОСТАВА ТЕЛА НА ОСНОВЕ БИОИМПЕДАНСНОГО АНАЛИЗА С УЧЕТОМ СОМАТОТИПА ОБСЛЕДОВАННЫХ

В настоящее время для мониторинга изменений состава тела в клинической, спортивной медицине, фитнесе и т.д. активно применяется биоимпедансный анализ. Он позволяет оценивать объемы клеточной и внеклеточной жидкости, жировую, безжировую и активную клеточную массу тела, а также показатели индекса массы тела (ИМТ) и основного обмена. Общеизвестно, что состав массы тела определяет конституциональную принадлежность человека.

Было обследовано 80 девушек 17–18 лет методом биоимпедансного анализа с оценкой соматотипов (СТ) по методике Р.Н. Дорохова (1991). Установлены основные соматотипы – макросомный (МаС), мезосомный (МеС), микросомный (МиС). Дискриминантный анализ разделил группу девушек на три непересекающиеся группы по СТ, установлены значимые различия по тотальным размерам тела, значениям основного обмена (ОО), общей воды (ОВ) и объема общей жидкости (ООЖ) ($P \leq 0,05–0,01$).

Выявлена достаточно тесная корреляция во всех группах между соматотипом и ОО ($r=0,62–0,89$), соматотипом и ОВ ($r=0,68–0,83$), соматотипом и ООЖ ($r=0,7–0,89$). Множественный регрессионный анализ позволил составить уравнения регрессии и свидетельствует, что у девушек МаС типа ОО связан с количеством жировой массы (ЖМ) и ООЖ ($r=0,84–0,93$), у представительниц МеС типа ОО связан с ИМТ, ЖМ и количеством общей воды ($r=0,81–0,87$), а у МиС типа – с ИМТ, ЖМ и безжировой массой ($r=0,82–0,87$).

Таким образом, при проведении биоимпедансного анализа необходимо учитывать тип телосложения обследуемых.

КОЗЛОВ Андрей Игоревич

*Научно-исследовательский институт и Музей Антропологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
(Москва), drkozlov@gmail.com*

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ И ТРАДИЦИОННОГО ПИТАНИЯ НА D-ВИТАМИННЫЙ СТАТУС ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ КОМИ-ИЖЕМЦЕВ И НЕНЦЕВ*

Проведен анализ содержания витамина D в форме сывоточного 25(ОН)D у детей 13–16 и взрослых 18–59 лет в выборках коми и коми-ижемцев Республики Коми и ненцев Ненецкого АО. Обследованные разделены на группы согласно сезону обследования, поселенческому критерию (полукошечные оленеводы, малый национальный поселок, крупное село, город), роду деятельности (вовлеченность в оленеводство). Анализ в возрастных группах проводился отдельно, поскольку содержание 25(ОН)D у детей ниже, чем у взрослых ($p < 0,001$). Показано, что обитание в высо-

коширотных регионах на D-витаминный статус популяции негативно не влияет, но концентрация 25(ОН)D зависит от продолжительности светового дня.

Доля местной и традиционной пищи в питании коренных северян снижается с переходом от близкого к традиционному полукошечного образа жизни к посттрадиционному (в поселках) и модернизированному (в городах). С изменением питания ассоциировано снижение содержания сывоточного 25(ОН)D. У занятых в оленеводстве и жителей малых поселков, D-витаминный статус в среднем лучше, чем у жителей крупных сел и городов. Резко снижен D-витаминный статус у учащихся интернатов и воспитанников домов ребенка. Традиционная диета внутриматериковых аборигенов Европейской Арктики, включающая большое количество мяса северного оленя и рыбы, эффективно предотвращает опасность развития D-гиповитаминозов.

КОМИССАРОВА Елена Николаевна

*Санкт-Петербургский государственный педиатрический
медицинский университет (Санкт-Петербург),
komissaren59@mail.ru*

ПАНАСЮК Татьяна Владимировна

*Российский государственный университет физической культуры,
спорта, туризма и молодежи (Москва)*

ГОМОВА Ольга Владиславовна

ГБОУ № 687 Центр реабилитации ребенка (Санкт-Петербург)

ТИП КОНСТИТУЦИИ КАК МАРКЕР ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ У ДЕТЕЙ

Для предупреждения болезни необходимо знать глубину индивидуальной жизни и связи со степенью риска того или иного заболевания в зависимости от конституционального статуса ребенка.

Обследовано 608 детей первого и второго детства обоего пола, из них 80 часто болеющих детей (ЧБД), 80 детей с выражом туберкулиновых проб (ТП), 118 детей с аутизмом и 330 человек специальной медицинской группы (СМГ). Проведены антропометрические измерения и оценка соматотипов по методике Р.Н. Дорохова (1991), показателей физического, моторного развития детей и функциональных проб кардиореспираторной системы (КРС). Установлены основные соматотипы – макросомный (МаС), мезосомный (МеС), микросомный (МиС) и переходный микромеzosомный тип (МиМеС). Анализ показал, что у ЧБД и детей с выражом ТП обоего пола доминируют МиС- и МиМеС тип от 55% до 90%. Показатели физического развития, функциональные возможности КРС детей ниже возрастных норм. У девочек с аутизмом преобладает МаС и МеС тип (66%), у мальчиков – МиС тип (34%), определена гетерохронность ростовых процессов. У детей СМГ, имеющих МаС тип выявлена заболеваемость органов зрения, дыхания и ОДА, дети МиС типа чаще страдают болезнями нервной и сердечно-сосудистой систем. Представители МеС типа одинаково часто болеют практически всеми заболеваниями, что предполагает более равномерное развитие всех систем организма.

Таким образом, принадлежность ребенка к определенному соматотипу позволяет прогнозировать его склонность к тем или иным заболеваниям.

* Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 15-04-02309.

КОРСУН Владимир Федорович

Институт восточной медицины Российской государственной академии дружбы народов (Москва), korsun_vf@mail.ru

БАРТАНОВА Елена Алексеевна

Республиканская больница восстановительного лечения Центра восточной медицины (Улан-Удэ)

МАТХАНОВ Иринчей Эдуардович

Комитет ГД по охране здоровья (Москва)

**РОЛЬ ЭМЧИ-ЛАМ В СОХРАНЕНИИ
ТРАДИЦИЙ ВРАЧЕВАНИЯ**

Распространение тибетской медицины на территории России неразрывно связано с буддийской конфессией: она проникла на территорию Забайкалья в XVII в. вместе с буддизмом из Тибета и Монголии. Тибетская медицина Бурятии и сейчас широко использует многовековой опыт применения лекарственных средств природного происхождения (лекарственные растения, минералы, продукты животного происхождения). В 1991 г. при Иволгинском дацане был открыт буддийский университет «Даши Чойнхорлин». 16 июня 1999 г. он получил лицензию высшего учебного заведения. В институте обучаются около 100 хуварак-студентов (будущих эмчи-лам) из разных регионов России; изучают буддийскую философию, тантру, медицину, астрологию, иконографию, иностранные языки и другие науки. Большую роль в сохранении традиций врачевания эмчи-лам выполняют специалисты Бурятского научного центра СО РАН. Сегодня БНЦ – единственное в стране место, где в полном объеме изучают технику, приемы и методы лечения, используемые в тибетской медицине. Сотрудники центра переводят и расшифровывают древние трактаты с рецептурниками основных лекарственных средств. Изложенные в древних трактатах методы тибетских врачей по укреплению здоровья и повышению его резервов, «очищению» (детоксикации) организма, увеличению продолжительности жизни и др. представляют несомненный профессиональный интерес для врачей.

КЫЙВА Маре

Эстонский литературный музей (Тарту, Эстония), mare@folklore.ee

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АНТРОПОСОФСКОЙ
МЕДИЦИНЫ В XXI ВЕКЕ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ**

В докладе рассматриваются сферы использования антропософской медицины (в т.ч. медицины Вальдорфа и Штайнера), ее особенности и использование соответствующих медикаментов в XXI в. Также на основе интервью 2002–2004 гг. и 2014–2015 гг. дается краткая характеристика деятельности нескольких наиболее известных врачей вальдорфской школы.

Альтернативный медицинский подход, предложенный Рудольфом Штайнером в 1920-е годы, является продуктом развития его антропософской философии. Уже в 1921 г. в Европе была открыта первая клиника Штайнера. В Эстонии воззрения Штайнера были популярны в течение всего XX столетия. Открытие вальдорфских школ и распространение практики антропософского лечения рака послужило опорой для медицины. В Эстонии вальдорфские школы были основаны в 1990-е годы и все они обслуживаются дипло-

мированными врачами, владеющими навыками медицины Вальдорфа. Это означает, что гомеопатические лечебные средства и приемы, как и учение Штайнера о четырех измерениях человеческого тела (физическое, эфирное, астральное тело и эго) и влияющих на них растениях, минералах и космосе, лежат в основе лечения. В обществе практика лечения рака высоко ценилась среди людей, имеющих опухоль любой стадии и нуждающихся в последующем лечении, а также среди их близких.

ЛЕХЦИЕР Виталий Леонидович

Самарский государственный университет (Самара) lekhtsiervitaly@mail.ru

**ЛИНДА ГАРРО И ЕЕ МЕДИКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ**

Доклад посвящен концептуальному обзору основных научных работ и идей президента исполнительного совета Society for Medical Anthropology (США) Линды Гарро и ее вкладу в современную медицинскую антропологию. Все работы Гарро – и автора, и редактора тематических сборников – демонстрируют образ современного антрополога как полевого исследователя и одновременно как теоретика, уделяющего много внимания методологической рефлексии. Раскрываются самые важные темы и направления исследований Гарро, такие как этнография решений в области здравоохранения, нарратив и культурное конструирование болезни и лечения, культура и личный опыт, воспоминание о болезни как активный процесс реконструкции, здоровье как семейное дело.

Анализируется собранный и отредактированный Гарро тематический сборник «Этнография решений в области здравоохранения» (1982), посвященный исследованию принятия решений в контексте изучения альтернативных медицинских услуг и систем, которые выбирают люди. Тема продолжается в монографии «Медицинский выбор в мексиканской деревне» (1994), где вводятся и систематически обосновываются такие понятия, как «Study of Medical Choice», «Decision-Making Approach», «Model Treatment Decision Making», дается обзор повседневной жизни народа Pichátaro.

Рассматривается составленный Гарро совместно с профессором антропологии Черил Маттингли номер «Social Science and Medicine» – «Нарративные репрезентации болезни и лечения», целиком посвященный нарративу в медицинской антропологии (1994), а также важнейший по данной проблематике сборник статей «Нарратив и культурное конструирование болезни и здоровья» (2000).

ЛИХОМАНОВ Александр Евгеньевич

Волгоградский государственный медицинский университет (Волгоград), Natura-kunst@yandex.ru

**ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ИНТЕГРАТИВНЫЕ
ПСИХОТЕХНИКИ В СОВРЕМЕННОЙ
МЕДИЦИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Современная научная медицина западного типа часто критикуется за редукционизм. Интегративность и холистический подход (не только в медицине) становятся «девизом

века». В области психотерапии в конце XX столетия появились такие прикладные направления, которые в самом общем виде можно обозначить как «интегративные психотехнологии». По словам приверженцев этих направлений, разрабатываемые и/или изучаемые ими теории, концепции, навыки и умения, ставят человека на путь к обретению целостности. Целостности сознания, а значит меньшей конфликтности с окружением. В конце XX – начале XXI столетия наблюдается чрезвычайное распространение различных психотехник, используемых в индивидуальной и групповых формах работы психотерапевтической направленности. Массовые эксперименты и манипуляции со своим сознанием и телом внедрились психотехники в повседневную жизнь людей. Трансформация личности посредством различных психотехник вызывает беспокойство со стороны близких практикующих. Часть самих практикующих стараются узнать больше не только о возможностях своего тела и разума, но и стремятся узнать больше о самих психотехниках и механизмах их работы.

Сами психотехники сегодня представляют непосредственный интерес для ряда различных специалистов: антропологов, религиоведов, психиатров, физиологов.

В докладе будут представлены основные результаты исследования применения интегративных психотехник в рамках холистического подхода с позиции медицинской антропологии. Исследование опирается на изучение современной ситуации и новейшие полевые материалы, собранные автором.

МАРКОВ Борис Васильевич

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), bmarkov@mail.ru

ТРАДИЦИОННАЯ МЕДИЦИНА И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПАТРОНАЖ

В силу развития медицинских технологий возникают новые морально-этические проблемы. Сегодня значительную, если не большую часть времени нашей жизни мы являемся перманентно больными. Гуманность в медицине необходима не только потому, что человек существо телесно-духовное, что его болезни психосоматические, но и потому, что больной должен и может жить более или менее полноценно и комфортабельно в состоянии болезни. Медицинские технологии не ограничиваются конструированием новых приборов и лекарственных препаратов, они должны включать гуманистический патронаж. Согласно господствующему пониманию медицины как науки, идеальный больной – это пассивный объект, покорно принимающий как диагноз, так и методы лечения. Необходимо преодолеть эту субъектно-объектную модель и выстроить новые нонобъектные, респонзивные отношения врача и пациента.

В этой связи обращение к традиционной медицине вызвано не только дороговизной лекарств и усложнением методов исследования, вытесняющих проблему лечения на второй план. Старинное искусство врачевания было нацелено на облегчение страданий больного и включало духовные практики, направленные на оздоровление его личности. Если современный врач стремится к тому, чтобы пациент снова мог вести прежний образ жизни, то целитель пытался привести его тело и душу в согласие с ритмами космоса, т.е.

изменить прежний образ жизни, который как раз и считался причиной болезни.

МИХЕЛЬ Дмитрий Викторович

Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина (Саратов), dmitrymikhel@mail.ru

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В середине 1980-х годов как реакция на клинически прикладную медицинскую антропологию начали формироваться новые теоретические подходы, ориентированные на то, чтобы максимально демедицилизировать язык антропологических исследований и освободить медицинскую антропологию от биомедицинской парадигмы. Вместо устранения культурных барьеров между врачами и пациентами антропологи поставили себе новые задачи: анализировать социально-экономическую природу медицинских систем, специфику медицинского плюрализма в условиях глобализации, неравенство в сфере глобального здоровья, социально-политические смыслы распространения биомедицинских и фармацевтических технологий и т.д.

Политико-экономическая медицинская антропология встроилась в систему современного социально-политического образования, повлияла на работу экспертов в сфере здравоохранения, превратилась во влиятельный масс-медийный проект. Важный вклад в данное направление внесли Х. Баер, М. Зингер, З. Мурси, М. Нихтер, Н. Шейпер-Хьюз. Основные выводы, сделанные ими: (1) состояние здоровья серьезно зависит от социально-экономических и политических факторов, (2) болезнь – это медиализированная форма социального страдания, (3) медицинские системы – продукты развития социально-экономических систем, (4) путь к здоровью лежит через борьбу с глобальной несправедливостью, насилием и глобальным капитализмом.

МИХЕЛЬ Ирина Владимировна

Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина (Саратов), irinamikhel@yandex.ru

РОДОВСПОМОЖЕНИЕ В ФОКУСЕ МЕДИЦИНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В начале XX века в индустриально развитых странах произошла медиализация системы родовспоможения и всей сферы человеческой репродукции. Основанием для утверждения медицинского подхода к родовспоможению стала потребность общества устранить фактор родильных осложнений, с которым не могла справиться традиционная система родовспоможения. Средствами медицинского контроля и снижения материнской и младенческой смертности стали медицинское консультирование беременных, их госпитализация, экстренные медицинские вмешательства в родовую деятельность женского организма, врачебный контроль над здоровьем новорожденных.

В условиях демократизации общественной жизни в 1970-е годы феминистски ориентированные исследователи и некоторые медицинские антропологи поставили на повестку дня вопрос о гуманизации биомедицинской системы родовспоможения и изучения опыта традиционных систем родовспоможения. Первое из направлений работы

способствовало развитию критических представлений о технократизме всей современной биомедицины (Б. Джордан, Э. Мартин), второе – обеспечило интенсивное изучение традиционного повивального искусства и этномедицинских практик в развивающихся обществах и на культурной периферии западного мира (Р. Дэвис-Флойд, Г.И. Кабакова, Т.Б. Щепанская). Становление потребительской культуры в развитых обществах способствовало частичному снятию антропологической критики в адрес технократизма репродуктивной медицины в 1990-е и 2000-е годы, но при этом она была дополнена выводами о кризисе доверия между специалистами репродуктивной медицины и пациентами в условиях роста коммерциализации данной сферы (М. Ривкин-Фиш, А.А. Темкина, Е.А. Здравомыслова).

Полевые наблюдения в большом Волжском городе подтверждают многие из этих выводов.

НИКОЛАЕВ Валериан Георгиевич

СИНДЕЕВА Людмила Викторовна

ЕФРЕМОВА Влада Петровна

ХАПИЛИНА Елена Алексеевна

*Красноярский государственный медицинский университет
им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого (Красноярск),
anatomy_kgma@bk.ru*

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БИОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Скорость старения и продолжительность жизни определяется рядом факторов, среди которых в качестве наиболее значимых указываются генетические, социально-экономические, климато-географические и экологические. Этноты, населяющие Восточную Сибирь, проживают в неоднозначных геоклиматических и социальных условиях. В связи с этим, по нашему мнению, среди представителей различных этнических групп скорость старения может иметь некоторые особенности.

Проведен анализ скорости старения по методике А.Г. Горелкина и Б.Б. Пинхасова. Анализ бурятского, хакаского и тувинского этносов на примере юношеского возраста выявил статистически значимые различия коэффициента скорости старения (КСС). Женщины бурятского этноса характеризовались самыми низкими значениями КСС – $1,37 \pm 0,02$ ($p < 0,001$). Наибольший КСС обнаружен у представительниц хакаского и тувинского этносов. В мужской выборке самые высокие значения КСС регистрировались у представителей тувинского этноса – $1,50 \pm 0,02$ ($p < 0,001$). По скорости старения буряты и хакасы достоверно не различались ($p = 0,986$), при этом в данных этнических группах выявлены наименьшие значения КСС ($1,29 \pm 0,02$ и $1,28 \pm 0,01$ соответственно).

В разных этносах различия по КСС между мужчинами и женщинами проявляются неодинаково. Во всех этнических группах, кроме тувинцев, скорость старения женщин выше, чем мужчин. Особенно отчетливо это проявляется у хакасов. Если мужчины-хакасы характеризовались сравнительно низкими показателями скорости старения, то женщины, напротив, отличались высокими значениями КСС. У тувинцев половой диморфизм скорости старения проявляется слабо.

ОЖИГАНОВА Анна Александровна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), anna-ozhiganova@yandex.ru*

ДВИЖЕНИЕ ЗА «ЕСТЕСТВЕННОЕ РОДИТЕЛЬСТВО» И ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ НИГИЛИЗМ

Концепция «естественного родительства» включает домашние роды, отказ от вакцинации, настороженное отношение к медицинской помощи и лечению фармакологическими препаратами, длительное грудное вскармливание и тактильный контакт матери и ребенка, закаливание, здоровое питание.

Хотя число людей, выбирающих домашние роды в целом невелико, феномен «естественного родительства», по сути, являющийся декларацией нового альтернативного отношения к медицине, здоровью, телесности, представляется в высшей степени значимым для современной культуры. Движение объединяет энтузиастов здорового образа жизни, профессиональных и непрофессиональных акушеров, врачей акушеров-гинекологов, представителей комплементарной и альтернативной медицины.

Интервью с женщинами, решившимися на домашние роды, подтверждают, что в большинстве случаев этот выбор совершается под влиянием собственного травматического опыта госпитализации во время беременности или рассказов знакомых об опыте госпитальных родов. В конечном счете, этот выбор обусловлен чрезмерной медикализацией беременности и родов, сохраняющейся в современной акушерской практике. Впоследствии именно опыт домашних, «естественных» родов становится для многих женщин решающим для формирования негативного отношения к медицинским практикам. Они становятся поборниками концепции «естественного родительства», отказываются от медицинского патронажа своих новорожденных детей и прививок. Очень часто семьи, разделяющие идеи «естественного родительства», приходят к терапевтическому нигилизму, который в широком смысле можно трактовать как скептическое отношение к эффективности любого терапевтического лечения, фармакологии, физиотерапии.

ПЕТРОВА Лариса Евгеньевна

*Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург), docentpetrova@gmail.com*

АНТРОПОЛОГИЯ МЕДИЦИНСКИХ ПРОФЕССИЙ: ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА В ПОЛЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Этномедицинский подход атрибутивен не только медицинской антропологии, но и социологии медицины в современной ее версии. Российская традиция этнографического и антропологического анализа редко содержит классические эмпирические приемы – например, включенное наблюдение. Здравоохранение открыто для наблюдений с позиции пациента. Анализ медицинских профессий предполагает большую степень погруженности в рабочую среду. Но врачи – не социологи, а социологи не могут работать врачами.

Первая проблема сбора данных: в отличие от зарубежных коллег, российские исследователи редко используют

возможность скрытого включенного наблюдения – устраиваются на работу в исследуемую сферу. Объяснение – в материальных и ментальных причинах, особенностях занятости российских социологов. Другая давняя проблема, справедливо отмеченная Д.В. Михелем, – сфера медицинских исследований до сих пор существенно удалена от сферы социально-гуманитарного знания. Тренд современного российского здравоохранения – технократизм в ущерб гуманизации.

Шанс на «проникновение» в рутину медицинских профессий дают приемы, которые автор использует в исследовательской практике: (1) привлечение к сбору данных студентов-заочников, которые работают в здравоохранении: они легче и эффективнее получают доступ в поле, располагают большими временными ресурсами для наблюдения, обладают определенным уровнем исследовательской культуры, мотивированы учебными достижениями; (2) использование профессиональных социальных сетей медработников («Врачи РФ», «Врачи вместе» и пр.). Однако не все они бывают открыты для исследователей. Издержки использования такой информации сопоставимы с издержками онлайн исследований вообще и соцсетей в частности.

РАЗИНА Анастасия Олеговна

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Москва), electrum_raz@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОМПОНЕНТНОГО СОСТАВА ТЕЛА У СТУДЕНТОК С ИЗБЫТОЧНЫМ ВЕСОМ И ОЖИРЕНИЕМ

Учебные нагрузки, нездоровое питание и низкий уровень физической активности способствуют развитию хронических заболеваний, в том числе ожирения, у студенческой молодежи.

В России в 2012 г. распространенность избыточного веса у подростков 5–17 лет составила 6,8% для мужского и 5,3% женского пола (у взрослых – 21,9 и 29,7%). По данным диспансеризации ПМГМУ в 2013 г. избыточный вес и ожирение выявлены у 13,4% студентов.

Для диагностики и оценки динамики лечения ожирения среди морфологических исследований наиболее информативна биоимпедансометрия. При обследовании 124 студенток 1–2 курса ПМГМУ с избыточной массой тела и ожирением, включенных в научное исследование по разработке комплексных оздоровительно-тренировочных программ, 67% (83 чел.) – имели избыточный вес ИМТ 25–29,9; 33% (41 чел.) – ожирение I степени ИМТ 30–34,9. Средний рост 168,1±0,01 см, вес 84,3±11,5 кг.

По данным биоимпедансометрии (АПК «Медасс») среднее содержание жировой массы составило 37,4% (норма до 27), доля скелетно-мышечной – 48,3% (норма ~50). У 56% (70 чел.) отмечено повышение содержания общей жидкости в организме от 0,5 до 4 л (за счет избытка внеклеточной жидкости). При анализе рациона студенток помимо повышенной калорийности питания выявлен избыток соли. Данные биоимпедансометрии коррелируют с показателями калиперометрии, корректность результатов которой зависит от опыта исследователя и плотности исследуемых тканей.

РИВКИН-ФИШ Мишель Ребекка

Университет Северной Каролины (Чапел-Хилл, США), mrfish@unc.edu

МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ: АНАЛИЗ КОМПЛЕМЕНТАРНЫХ И КОНТРАДИКТОРНЫХ ПОДХОДОВ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ ФОКУСОМ НА ИССЛЕДОВАНИЯ АБОРТОВ

Эта работа анализирует комплементарные и контрадикторные подходы, которые медицинская антропология и социальная демография предлагают для исследования абортов в советской и постсоветской России.

Как медицинская антропология, так и социальная демография являются важными научными дисциплинами, которые помогают объяснить социальные изменения, связанные со здоровьем, процессами формирования семьи и гендером. Они демонстрируют воздействие макроуровневых сил – государственной политики, экономических условий, профессиональных компетенций – на повседневную жизнь людей. Однако эти дисциплины часто работают с различными теоретическими и методологическими подходами.

Социальная демография анализирует массовые опросы и актуальную статистическую информацию и часто привлекает рационалистические теории спланированного поведения. Она может сравнивать совокупные тенденции за определенное время и между различными обществами.

Медицинская антропология, напротив, исследует аборты этнографически, анализируя их символическое значение в публичных и частных дискурсах, СМИ и нарративах, а также то, как аборты становятся объектом биополитического управления. Она фокусируется на культурной специфике более, чем на сравнении в различных контекстах.

Рассматривая социально-демографические исследования (панельный опрос «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе») и этнографический анализ абортов и формирования семьи, этот доклад сравнивает и противопоставляет медицинскую антропологию и социальную демографию с целью обогатить наши подходы и углубить наше понимание проблемы.

САПАРМАМЕДОВА Оразнабат

Институт истории АН Туркменистана (Ашхабад, Республика Туркменистан), nurgozel-b@mail.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЗАБОЛЕВАНИЙ ЗУБОВ У ДЕТЕЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ (по антропологическим материалам Гонурдепе)

На памятнике Гонурдепе, расположенном в Марыйском велаяте Туркменистана, в течение многих лет ведутся полевые археологические раскопки, где параллельно изучается и антропологический материал.

Исследованный материал получен в результате проведенных в 2010–2011 гг. работ. Установлены некоторые часто встречаемые заболевания у детей эпохи бронзы. Среди них имеются одонтологические заболевания, такие как гиперцементоз, кариес, парадонтоз, гиперплазия и др. Известно, что

кариес встречается, хотя довольно и редко, уже у населения эпохи мезолита, а начиная с эпохи бронзы это явление становится вполне обыденным.

При анализе антропологического материала из Гонурдепе зафиксировано также присутствие у детей и подростков дискретно-варьирующих признаков (поперечное расщепление 6-го шейного позвонка, отсутствие фосетки, кондиллярный канал затылочной кости, отверстие теменной кости, костный отросток эпиптерион височной кости). Эти признаки представлены как вариант нормы и аномалии. Если это вариант нормы, то функция кости не нарушается, но возможно нарушение функции соседнего органа (сустава или мышцы). Если имеется аномалия костной ткани, тогда будет иметь место отрицательное воздействие на функционирование всей костной системы.

Таким образом, в результате изучения краниологического и остеологического материала из Гонурдепе, памятника относящегося к эпохе бронзы, установлено, что частота встречаемости заболеваний зубочелюстной системы у детей и подростков связана с щадящим режимом питания и усовершенствованием способов приготовления пищи.

САТАЕВА Лилия Вакиловна

*Бакирский государственный аграрный университет (Уфа),
lvsataeva@mail.ru*

РАСТЕНИЯ В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ДРЕВНЕЙ МАРГИАНЫ

В Древней Маргиане, занимавшей юг современного Туркменистана, экспедициями В.И. Сарияниди были открыты уникальные памятники, среди которых выделяются своими храмовыми комплексами Тоголок 1, Тоголок 21 и Гонур-Депе.

Характер ритуалов, зафиксированных на археологическом материале этих памятников, по мнению В.И. Сарияниди, соответствует протозорастрийским культам, среди которых видное место занимал культ сомы-хаомы. Здесь обнаружены большие чаны и ванночки для предварительного отмачивания растений, из которых могла изготавливаться сома-хаома, а также каменные терки, пестики, ступки и цедилки – конические сосуды с отверстием в центре дна. В хумах и различных изделиях на памятнике Тоголок 21 Н.Р. Мейер-Меликян обнаружила обломки стеблей и листьев, пыльцу эфедры, пыльцу мака и маковые зерна. Среди растений, произрастающих на юге Средней Азии на роль сомы-хаомы можно определить следующие, обладающие наркотическим, возбуждающим или стимулирующим действием: эфедра хвощевая и промежуточная, мак снотворный, конопля посевная, мандрагора туркменская, гармала обыкновенная, софора толсто-плодная. Сравнительный анализ действия этих растений на организм выявил особый эффект эфедры хвощевой в качестве противонаркотического и тонизирующего средства.

В Средней Азии естественным образом произрастает много наркотических растений, и возможно, использование эфедры как противоядия было весьма актуальным и применялось для отрезвления злоупотреблявших наркотиками.

СКЛЯРОВА Татьяна Валентиновна

*Саратовский государственный технический университет
им. Ю.А. Гагарина (Саратов), skliarova@yandex.ru*

ПРАВА ПАЦИЕНТА В БИОМЕДИЦИНЕ (анализ особенностей отношений «врач – пациент» в Саратове)

Медицина сегодня представлена новейшими высокоэффективными технологиями, требующими новых подходов в построении взаимоотношений не только в профессиональной среде (врач–врач), но и в других плоскостях (пациент, общество). Принципы биоэтики предписывают менять привычные подходы к пациенту, который перестает быть пассивным участником процесса по восстановлению собственного здоровья. Специалисты должны по-новому взглянуть на вопросы, связанные с конфиденциальностью, правдивостью изложенной информации, неприкосновенностью частной жизни и добровольным информированным согласием пациента. Это ставит перед медицинским сообществом чрезвычайно важный вопрос о регулировании отношений врач–пациент.

В конце 2013 г. в Саратове на базе клиник медицинского университета, городских амбулаторно-поликлинических и стационарных медицинских учреждений и двух университетов города (медицинского и технического) было проведено социологическое исследование двух аспектов: проблемы внедрения комитетов по этике и проблемы соблюдения прав пациентов. В результате исследования было выявлено, что представители профессионального сообщества считают государственные позиции по соблюдению прав пациента существенным изменением в современном российском здравоохранении. Однако с точки зрения трети респондентов, в настоящее время работающих в лечебных учреждениях, необходимость соблюдения этих прав мешает врачу в лечении пациента. Это, к сожалению, свидетельствует о сохранении жесткой патерналистской установки части представителей профессионального медицинского сообщества, что противоречит принципам Всеобщей Декларации о биоэтике и правах человека.

СТАДНИК ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

*Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
(Санкт-Петербург), semeyskaya@bk.ru*

СЕМЕЙСКАЯ ЗНАХАРКА – МАРИЯ ПАВЛОВНА МАРМАНИДИ

Обычно контакты и взаимодействия культур изучаются на материале социальных групп. В данном случае этот вопрос рассмотрен на примере одного отдельно взятого человека, русской забайкальской знахарки. Семейская знахарка Мария Павловна Леонова вышла замуж за грека и оказалась в греческой семье Марманиди, проживавшей в Советском Узбекистане в Ферганской долине. При лечении одних болезней эта знахарка использует мусульманские способы, при лечении других – русские народные. В некоторых лечебных магических формах, записанных от нее в 1998 г., сочетаются элементы разных религий и традиционных народно-медицинских культур. Например, в вербальном компоненте магического лечения перед русским заговором вместо «Отче наш» произносится мусульманская молитва

на арабском языке «Во имя всемогущего Господа». Экстрасенсорика тоже не чужда М.П. Марманиди. В комментариях о каких-либо народных лечебно-магических способах она пользуется объяснениями, характерными для экстрасенсов. «Этот палец у меня – очень чувствительный. Я всегда работаю им». Сравнение материалов показывает, что в магических лечебных, зафиксированных от М.П. Марманиди, взаимодействие культур проявляется преимущественно в плане выражения. При этом структура лечебно-магических форм остается неизменной и соответствует народно-медицинской традиции семейских Забайкалья.

ТЕЛИЦЫН Василий Валерьевич

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), vtelitsyn@mail.ru*

ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ВОСТОЧНЫХ ЕДИНОБОРСТВАХ (на примере боевого цигун и айкидо)

Во всех боевых искусствах Востока огромное внимание уделяется энергии в человеческом организме (ци/ки, инь, ян). Одним из основных моментов философии цигун и айкидо является внутренняя гармония энергий, следовательно, нарушения в организме объясняются дисбалансом этих энергий. Сохранение здоровья не является основной целью боевых искусств. Оздоровительные практики в боевых искусствах направлены, прежде всего, на укрепление здоровья и повышении боевого мастерства.

Большинство оздоровительных практик, так или иначе, связаны с дыханием и включают в себя различные дыхательные техники, а также упражнения на напряжение и расслабление мышц. Важную роль также играют медитации и расслабляющие техники, призванные, прежде всего, обеспечить формирование правильной структуры тела (физической и энергетической). В боевых искусствах большое внимание уделяется правильному построению «центральной линии» (позвоночника). Без такого построения невозможно выполнение многих техник, более того, исправление осанки положительно влияет на здоровье.

Техники управления энергиями призваны также оказывать положительное влияние на психоэмоциональное состояние человека, из-за чего боевые искусства так популярны в современном мире. Цигун значительно в большей степени является оздоровительной практикой (медицинский цигун), в то время как в айкидо основное внимание уделяется гармонизации межличностных отношений и отношений человек – мир через изучение боевого искусства.

ТУТОРСКАЯ Мария Сергеевна

*Первый Московский государственный медицинский университет
им. И.М. Сеченова (Москва), tutorskaya@mta.ru*

«СИНДРОМ ТРЕТЬЕГО КУРСА» В ЛИТЕРАТУРЕ И В ЖИЗНИ

Что такое «синдром третьего курса»? Это нозофобия, ипохондрия, своеобразная форма «шаманской болезни» или часть студенческого фольклора?

Доклад посвящен рассмотрению литературных примеров болезни студентов-медиков и анализу медицинских исследований, посвященных этой проблеме.

Medicalstudentitis – это заболевание, которым страдают будущие доктора, приступившие к изучению терапии и пропедевтики. Возможными причинами болезни считаются стресс, который испытывают перегруженные учебной студентами, и понимание ими ограниченности возможностей медицины и хрупкости человеческого здоровья и жизни. Открывая для себя мир бактерий и вирусов, знакомясь с генетическими и хроническими болезнями, тренируясь в постановке диагноза и сталкиваясь со своими первыми пациентами, студенты зачастую начинают искать болезни у самих себя и у своих близких. Нередко найденные болезни проходят и сменяются новыми с каждой новой лекцией или новым интересным случаем в университетской клинике.

Медицинское сообщество рассматривает эту болезнь как часть медицинского образования. Как своего рода инициацию, которая, подобно «шаманской болезни», свидетельствует о врачебном призвании и принятии нового статуса.

В докладе приводятся примеры «синдрома третьего курса», описанные в произведениях писателей-врачей: В.В. Вересаева, А. Конан Дойла, А. Кронина, Э. Сигала, и других авторов: Джерома К. Джерома, А.И. Солженицына, К. Булычева.

ХАРИТОНОВА Валентина Ивановна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), medanthro@mail.ru*

СОВРЕМЕННОЕ «ЦЕЛИТЕЛЬСТВО» КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

«Целительство» – термин, актуализированный в начале 1990-х годов (с введением статей 56 и 57 в Закон об охране здоровья граждан РФ). Отчасти он повторяет судьбу синтезированного исследователями термина «шаман». Введенный для обозначения новой формации представителей неконвенциональной медицины в России – двух различающихся по особенностям практики групп (лиц, получивших специальное образование, официальные дипломы и лицензии на ведение практики: (а) народного лекаря и (б) народного целителя), он изначально дезориентировал использовавших его исследователей и практиков. Сейчас им могут обозначать: народных лекарей, знахарей, колдунов, (нео)шаманов, адептов духовных практик, хилеров, (нео)психологов... Эта среда изучалась в рамках медицинской этнографии, что наблюдается и сейчас: есть множество работ, продолжающих описательно-классификационную традицию в европейской и российской науке.

С началом формирования медицинской антропологии в США исследовательский акцент сместился на биомедицину и новые, антропологические, подходы работы с неконвенциональными системами профилактики и лечения. В России сейчас развивается то, что можно было бы назвать медицинской этнологией/антропологией: описательно-классификационные варианты работ охватывают комплексы различных медицинских систем по регионам или рассматривают отдельные системы = «субкультуры» здоровьесбережения. Изучение «целительства», кроме привычных вариантов материалов и анализа, настоятельно требует, например, исследования процессов и адептов галлюциногенного этноту-

ризма, глобализационных процессов неошаманизма, формирования и распространения клиник интегративного типа, клиентской сети в НКВМ и т.д. Обзор будет представлен в докладе.

ХУСНЕТДИНОВА Айгуль Кимовна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), aigul.khousnetdinova@yandex.ru*

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА «ОБ ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ»: ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Согласно определению, данному в Ст. 50 Закона «Об охране здоровья» (2012 г.), народной медициной являются методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья. К народной медицине не относится оказание услуг оккультно-магического характера, а также совершение религиозных обрядов.

Этот Закон отличается от Закона 1993 г., где впервые было введено понятие о народном целительстве. Разница между старым и новым законом такова, что народная медицина в новом Законе более четко отделена от медицинской деятельности. Услуги по диагностике, лечению, реабилитации раньше были прописаны применительно к народному лекарству и целительству.

Для исключения тождественности терминологии в медицине и народных практиках указано, что в медицинской деятельности используется термин «диагностика», а в народной медицине та же функция именуется оценкой состояния здоровья. Аналогично, в медицинской деятельности – лечение и реабилитация, а в народной медицине – восстановление здоровья.

На практике возникает ряд вопросов, связанных как с регламентацией деятельности целителей (выдача разрешений, наличие специализированного образования и др.), так и с дальнейшим применением закона (нормотворчество). Обзор будет представлен в докладе.

Доклад основан на полевых материалах автора, в т.ч. экспертных интервью.

ЧЕРНЯЕВА Наталья Анатольевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), n.a.cherniaeva@urfu.ru

РАЦИОНАЛИЗИРУЯ «КУЛЬТУРНУЮ АНОМАЛИЮ»: ПУБЛИЧНЫЕ И ПРИВАТНЫЕ ДИСКУРСЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИИ

Суррогатное материнство (СМ), больше чем любая другая из ВРТ, воспринимается в российском обществе как нарушение норм и глубокая дестабилизация культурных конвенций и отношений, которые ассоциируются с нормативным материнством. СМ разрушает концептуальную рамку, в которой воспроизводство считается природным процессом, основанном на любви, семейных узах и естественном зачатии. СМ конструирует материнство в контексте рыночных отношений, превращая родительство, материнство в потребительский выбор. Концепт «природы» заменяется концептом

«технологии», что разрушает традиционалистский взгляд на семью и материнство как «естественные феномены».

Доклад посвящен стратегиям и тактикам нормализации суррогатного материнства как в рамках публичного (медицинского) дискурса, так и в рамках частных индивидуальных нарративов, артикулируемых участниками договоров о СМ – генетических родителей и суррогатных матерей. Материалом для анализа послужили дискуссии на форумах суррогатных матерей, а также результаты анонимного анкетирования посетителей клиники семейной медицины, специализирующейся на ВРТ. Медикализация СМ остается мощной стратегией нормализации этого явления в публичных выступлениях экспертов и представителей клиник. В частных индивидуальных нарративах нормализация СМ идет за счет выведения данного явления из калькулятивной инструментальности и описания его в категориях «дара», обмена немонетарными ценностями, эмоциональной, а не финансовой транзакции.

ЮХАС Каталин

*Институт этнологии, Венгерская АН (Будапешт, Венгрия),
drjuhaszkatica@gmail.hu*

ЧИСТЫЕ ЖЕНЩИНЫ – ГРЯЗНЫЕ МУЖЧИНЫ: ГИГИЕНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ В ВЕНГЕРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ И БАЛЛАДАХ

Я изучала проблему «мытья» с 1989 г. и опубликовала несколько исследований об отдельных его аспектах. Цель данного доклада – найти и проанализировать случаи встречаемости воды и актов омовения в стихах народной поэзии. Основные анализируемые вопросы: (1) С какой целью используется вода (для мытья человека, стирания одежды, купания; рациональное или ритуальное/магическое мытье/купание), и каким символизмом она обладает в венгерской народной поэзии? (2) Какие связи она обнаруживает между обычаями и фольклорными стихами? (3) Каким элементам венгерских обычаев и представлений, связанных с водой, придается значение, а какие элементы игнорируются в анализируемых фольклорных текстах?

Разница между картиной, получаемой при анализе реально записанных обычаев и традиций, связанных с чистотой, и фольклорных стихов, может быть весомой. Однако основные тенденции иногда бывают схожи. Большой акцент роли женщин не является чем-то удивительным, так как в большинстве культур забота о муже и семье (сохранение семьи и дома в чистоте и порядке) является одной из первичных традиционных женских ролей. Поражает, однако, то, что чистота тела (и морального состояния) как социальное ожидание появляется только в отношении женщин. Чистота мужчин (и детей) не является их собственной ответственностью, но обязанностью жены или матери, которая живет с ними в семье.

На протяжении моей полевой работы и процесса сбора материалов особая роль женщины в этом отношении стала очевидной, однако еще ярче она проявилась в стихах народных песен и баллад, которые я анализировала. В любом случае это открытие мне кажется очень красноречивым, так как я считаю, что фольклорные тексты всегда инкорпорируют самую суть ценностей и взглядов социальной группы, которая их создала и использовала.

ЯРИНСКАЯ Анна Михайловна

*Сибирский государственный медицинский университет (Томск),
yam-8@mail.ru*

МЕДИКО-ГИГИЕНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЕКТА ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА – ПРИЮТА ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И.И. БЕЦКОГО

Призрение сирот и незаконнорожденных детей в России впервые становится частью целенаправленной государственной политики в правление Екатерины II, смотревшей на благотворительность как на одну из первых и главных своих обязанностей по отношению к подданным. Стратегии организации воспитания полезных обществу граждан из оставшихся без родительского попечения детей были изложены сподвижником Екатерины II И.И. Бецким (1704–1795) в манифесте об учреждении в Москве Воспитательного Дома (1763).

При Воспитательном доме «в особливых покоях» учреждался госпиталь для бедных родильниц, куда принимали всех беременных женщин, вынужденных рожать тайно.

Назначение этого госпиталя состояло в том, чтобы дать роженицам убежище, оказать любую медицинскую помощь, в том числе сделать при необходимости надлежащую операцию.

В одном из зданий Воспитательного дома была организована больница для детей, «одержимых заразительными болезнями». В ней размещалось 100 коек, работала операционная. Для содержания госпиталя, больницы и аптеки при Воспитательном доме и лечения больных выписывались разные аптекарские материалы из-за моря, как, например, в 1769 г.

Таким образом, демографическая и медицинская задачи воспитания детей-сирот состояли в сохранении им жизни и здоровья; педагогическая (просветительская) заключалась в том, чтобы дать питомцам всестороннее образование, направленное на их физическое, нравственное и умственное развитие. Выпускники Воспитательного дома должны были в дальнейшем пополнить слой людей, приносящих пользу государству трудами своих рук в различных искусствах и ремеслах.

Секция 43
ОТНОШЕНИЕ К ИНВАЛИДНОСТИ И ЛЮДЯМ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ
В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

Носенко-Штейн Елена Эдуардовна – д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: nosenko1@iea.ras.ru

Лапина Светлана Валентиновна – д.соц.наук, профессор, Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

E-mail: lapina_gi@pac.by

АЛЕЙНИКОВА Светлана Михайловна

Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь), alejnsvetlana@yandex.ru

ЛЮДИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И
СТЕРЕОТИПАХ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

В докладе будут представлены результаты ассоциативного эксперимента и экспертного опроса, проведенных среди белорусской студенческой молодежи и госслужащих в социальной сфере, а также среди руководителей медицинских учреждений. В ходе опросов были выявлены различия в представлениях и стереотипах в отношении людей с ограниченными возможностями, характерными для молодежи и госслужащих.

БЕЛЕЦКАЯ Екатерина Михайловна

Тверской государственный университет (Тверь), Ekaterina46@mail.ru

МЕТАМОРФОЗЫ СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ
И ОТНОШЕНИЕ НАРОДА К ДРУГИМ

В устном народном творчестве положение *Других* изначально определяется низким статусом (младший сын, падчерица, слуга, дурочка и др.). Однако поведение *Других* нередко характеризуется благородством и милосердием. Волшебные помощники помогают им в достижении высокого общественного статуса, приобретении нового прекрасного облика. В бытовых сказках высмеиваются «набитые» дураки – глупцы.

Увечье или болезнь в народных представлениях связаны с особым предназначением юродивых, слепых и пр. В русской народной культуре слово «инвалид» в прошлом трактовалось как «отслуживший, заслуженный воин, неспособный к службе за увечьем, ранами, дряхлостью». Уважение к воинам, сражавшимся за родину, сохранилось и в XX в. В частушках времен Великой Отечественной войны раненый, получивший увечье на войне, вызывает сочувствие; в женских частушках демонстрируется верность любимому, в мужских нередко присутствует самоирония. В позднем песенном фольклоре сообщение жене (любимой девушке) об увечьях (мнимых, что выясняется в момент встречи) служит проверкой ее любви и верности.

Таким образом, *Другие* в фольклоре наделяются особыми качествами, в результате испытаний они приобретают высокий социальный статус.

БИРЮК Алексей Владимирович

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

ФРОЛОВА Александра Викторовна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), alexnauka@rambler.ru

СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ
ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ:
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ МОСКВЫ

В последние годы в России происходят большие изменения в отношении к статусу инвалида и лицам с ОВЗ (лицо с ограниченными возможностями здоровья – так стали называть их в СМИ). Государство проводит антидискриминационную политику по отношению к ним. Закладываются основы формирования новой культурной нормы: уважения и толерантности к различиям между людьми. Происходит переход от жесткого противопоставления общества и инвалида к интеграции человека с ограниченными возможностями в различные структуры общества. На этот процесс направлены многие информационные и рекламные ресурсы страны. В докладе делается попытка выяснить, насколько российское общество готово принять людей с ограниченными возможностями, признать их основные ценности и, в свою очередь, в какой степени сами инвалиды принимают ценностные установки городской среды. Исследование проводилось среди старшеклассников московской школы надомного обучения № 1673 «Поддержка» и студентов МГППУ, на основе специализированного анкетного опроса.

ЗАБРОДСКАЯ Анастасия Николаевна

Таллиннский университет (Таллинн, Эстония), anastassia.zabrodskaia@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЮДЕЙ СО СПЕЦИАЛЬНЫМИ
ПОТРЕБНОСТЯМИ И ЗДОРОВОГО ОБРАЗА
ЖИЗНИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
ПЕЙЗАЖЕ ЭСТОНИИ

В докладе используется термин «лингвистический пейзаж» (*linguistic landscape*), предложенный В. Landry и R. Bourhis [В. Landry and R. Bourhis, 1997: 25]. Согласно ему, язык государственных дорожных знаков, рекламных щитов, уличных табличек, коммерческих вывесок и др. образует лингвистический пейзаж определенной территории. Так как

вывески созданы человеком, то я расширяю значение термина и изменяю его на *социолингвистический пейзаж* [Laitinen и Zabrodskaja, 2015]. Рассматривая мультимодальность каждой отдельно взятой вывески, я использую качественный метод микроанализа социолингвистического пейзажа. В докладе рассматривается репрезентация людей со специальными потребностями на плакатах, которые можно увидеть на улицах Эстонии. В связи с дискуссией о законе о трудоспособности на улицах эстонских городов было достаточно много социальной рекламы, посредством которой делалась попытка привлечь внимание к проблемам людей со специальными потребностями. Хотя в Эстонии активно рекламируется здоровый образ жизни, слоганы или тексты (часто без каких-либо сопроводительных иллюстраций) представляют этот рекомендуемый образ жизни как явление, выходящее за рамки принятых в обществе культурных и поведенческих норм.

КЛЕПИКОВА Анна Александровна

Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург), Anna.klepikova@gmail.com

УМСТВЕННО ОТСТАЛЫЕ 18+: ВЗРОСЛОСТЬ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ

В докладе речь пойдет о социальном конструировании взрослости у людей с умственной отсталостью, достигших совершеннолетия. Физическая и социальная зрелость – различные явления. Однако общество стремится провести четкие границы и оформить их ритуалами перехода. В отношении индивидов с отклонениями развития эта граница еще более условна, потому что менее очевидна связь психической и физической «зрелости».

В российской культуре отклонения в умственном развитии рассматривается через приписывание взрослому умственно отсталому индивиду статуса «вечного ребенка», «ребенка в теле взрослого». Современные западные интерпретации отношения к людям с ограниченными возможностями предлагают иные, новые для российской культуры способы интерпретации отклонений развития. Человека с умственной отсталостью, достигшего 18 лет, предлагается рассматривать как взрослого, со «взрослыми» потребностями и интересами.

Доклад опирается на материалы полевой работы автора, в частности, включенного наблюдения в психоневрологическом интернате и на обучающих семинарах для родителей и специалистов, вовлеченных в сферу опеки над людьми с умственной отсталостью. Результаты анализа взаимодействия со взрослыми людьми с отклонениями умственного развития, а также дискурса родителей и профессионалов позволяют рассматривать не только детство (традиционный объект социально-антропологического анализа), но и взрослость как социальный конструкт.

КУРЛЕНКОВА Александра Сергеевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), askurlenkova@yandex.ru

РОЛЬ ТВОРЧЕСТВА В ИНТЕГРАЦИИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Занятия творчеством обладают огромным потенциалом для самореализации и социализации людей, в том числе тех,

кому интеграция в общество дается особенно нелегко ввиду социальных и культурных барьеров. Творческая работа с людьми, имеющими телесные и/или психические отклонения от принятой в данной культуре нормы, помогает им в познании себя и мира, обретении собственного «голоса» (понимаемого, в том числе, как средство коммуникации) в обществе, и, таким образом, интеграции в него. Любого рода творчество – живопись, театральная игра, лепка, сочинение историй, музыка и т.п. – включает такие элементы, как визуализация, игра, вовлеченность в процесс, поиск материальных возможностей для воплощения задуманного, напряжение от преодоления границ, удивление от полученных результатов. В докладе будут представлены промежуточные результаты исследования, проведенного в творческих группах людей с ограниченными возможностями г. Москвы и нацеленного на изучение потенциала творческой деятельности как инструмента их интеграции в социум.

ЛАПИДУС Рина

Университет Бар-Илан (Тель-Авив, Израиль), Rina.Lapidus@biu.ac.il

ОТНОШЕНИЕ К ЛЮДЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В ЕВРЕЙСКИХ ТОЛКОВАНИЯХ ПЯТИКНИЖИЯ (МИДРАШАХ)

В докладе я рассматриваю отношение к людям с ограниченными возможностями в *агадических мидрашах* – иудейских книгах толкований Пятикнижия, созданных в начале новой эры. В этих книгах упоминаются в основном следующие категории инвалидов: слепые, глухие, немые, хромые, безрукие и умалишенные. Отношение к ним было реалистичным и лишенным каких-либо мистических черт. Например, слепой воспринимался как хоть и несчастный, но умный и образованный, зачастую даже хитрый и обманывающий здоровых. В отличие от него, глухой часто представлен отстающим в развитии. Причина такого стереотипа кроется в том, что во время создания разбираемых текстов все обучение было устным. Таким образом, слепой мог получить полноценное образование, а глухой – нет. Немного человека не вызывают для чтения недельных глав Пятикнижия и произношения благословений. Тем не менее, если его слух не поражен, и он получил образование, то он считался полноценным членом общества и т.д.

В целом, увечья и болезни рассматриваются как несчастие, а человека, пораженного ими, предписывается жалеть, помогать ему. Здоровый человек, который помогает инвалиду или больному, совершает богоугодное дело и достоин подражания. Такое поведение особенно ценилось в еврейском обществе рассматриваемого периода.

ЛАПИНА Ирена Александровна

Республиканский институт высшей школы (Минск, Республика Беларусь) rena.lapina@gmail.com

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

В докладе анализируются сущность и основные принципы правового обеспечения социальной защиты лиц с ограниченными возможностями в условиях различных моделей социального государства.

Приводятся в систематизированном виде результаты исследований в области социальной защиты людей с ограниченными возможностями в белорусской модели социального государства. Анализируются также правовые аспекты социальной защиты лиц с ограниченными возможностями в исторической динамике и социальные основы правовых актов в этой сфере.

ЛАПИНА Светлана Валентиновна

Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь), lapina5053@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: ОПЫТ СТРАН БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В докладе рассматриваются особенности трактовки понятий «лица с ограниченными возможностями» и «инвалидность» в социокультурном и социолингвистических аспектах. Анализируются общие черты и различия в организации социальной работы с разными категориями лиц с ограниченными возможностями в различных условиях.

Проводится также сопоставление факторов социокультурной адаптации в региональных и страновых аспектах и систематизируется опыт, накопленный в этой области в Беларуси и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

МАРКИНА Валерия Михайловна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), leramarkina@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ И ИНАКОВОСТИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ КАК ДРУГИХ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНОДИСКУРСЕ

В докладе отражены результаты исследования процесса производства инаковости – «othering», на примере репрезентации людей с ограниченными возможностями как *Других* в российском кинодискурсе. На основе систематизации теоретических и эмпирических исследований мной были выделены способы понимания этого процесса, стратегии и приемы репрезентации *Другого* и перечень признаков, указывающих на отчуждение. Среди них: (1) противопоставление (использование бинарных категорий), (2) дистанцирование (укрепление границ), (3) выстраивание иерархии, (4) подчинение и уничтожение *Другого*. Разработанная теоретико-методологическая схема была апробирована путем дискурс-анализа фильма «Класс коррекции», 2014 г. (режиссер И. Твердовский), который анализируется не только потому, что в нем поднимаются проблемы социального неравенства – инвалидности и т.д., но и потому, что сюжет отражает реальную ситуацию в сфере образования. Закон об образовании (№ 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г.) сделал приоритетным «инклюзивность» образования: в результате ученики с инвалидностью в Москве лишились девяти из десяти коррекционных школ и части квалифицированных педагогов со специальным образованием. Это свидетельствует об усугублении проблемы исключенности незащищенных групп инвалидов, отражение которой можно наблюдать, анализируя продукты современной медиа-сферы.

В результате были описаны такие механизмы отчуждения, как: гомогенизация, десубъективация, маргинализация, инфантилизация, пристыжение, феминизация, а также способы сопротивления ему: пародизация, харизматизация, деиерархизация, субъективация, протест.

НОСЕНКО-ШТЕЙН Елена Эдуардовна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), nosenko1@iea.ras.ru

«ОНИ БОЯТСЯ НАС»: ОТНОШЕНИЕ К ИНВАЛИДНОСТИ И ЛЮДЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В докладе рассматривается отношение разных категорий людей с ограниченными возможностями к инвалидности, а также к людям с другими категориями инвалидности. Основными источниками мне послужили тексты глубинных интервью и данные анкетного опроса, проведенных в Москве и Нижнем Новгороде в 2014–2015 гг. В докладе проводится различие между различными категориями людей с ограниченными возможностями: (1) в зависимости от заболевания; (2) в зависимости от возраста, в котором была получена инвалидность (инвалиды детства и люди, получившие инвалидность в возрасте старше 18 лет). В последних двух группах резко отличается отношение к инвалидности как феномену. Степень стигматизации инвалидности, в том числе собственной, ее восприятие как «изгойства», собственной неполноценности, отчуждения значительно выше у людей, приобретших инвалидность во взрослом возрасте. Инвалиды детства чаще разделяют стереотипы относительно других категорий людей с ограниченными возможностями.

В докладе также рассматривается отношение здоровых людей к людям с ограниченными возможностями, данное сквозь призму восприятия самих этих людей (сопереживание/равнодушие, гиперопека/самоустранение, желание/нежелание прийти на помощь и т.д.).

ПАРФЕНЦОВА Елена Викторовна

Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь), 25-98@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЧЕРЕЗ СПОРТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В Республике Беларусь важнейшим направлением реабилитации людей с ограниченными возможностями и их интеграции в обществе являются физическая культура и спорт. В докладе говорится о том, что в последние годы в стране стало уделяться значительно больше внимания реабилитации этих людей и «инвалидному» спорту как эффективному средству возврата людей с ограниченными возможностями к участию в общественной жизни. Подчеркивается, что в Беларуси принят ряд законов и нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность различных учреждений и предприятий в сфере развития спорта для людей с ограниченными возможностями; причем, приоритет отдается физкультурно-оздоровительной направленности. И, хотя участие белорусских спортсме-

нов-инвалидов в летних и зимних Параолимпийских играх и других соревнованиях поднимает престиж государства и спорта для инвалидов, существует и ряд проблем, препятствующих массовой реабилитации людей с ограниченными возможностями через спорт. Среди них: ограниченная территориальная и транспортная доступность физкультурных объектов и адаптированных спортивных сооружений; недостаток тренеров со специальной подготовкой; низкая мотивация самих людей с ограниченными возможностями к занятиям спортом. Эти и другие факторы препятствуют интеграции людей с ограниченными возможностями в общество, а также возникновению чувства нужности и социальной защищенности.

РАДЫГИНА Вероника Валерьевна
СКРИГАН Галина Владимировна

*Белорусский государственный педагогический университет
им. Максима Танка (Минск, Республика Беларусь),
radygina@yandex.by galanca@mail.ru*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С СЕНСОРНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ В КОНТЕКСТЕ ИХ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Важнейшим условием социализации человека с ограничениями жизнедеятельности является успешность овладения профессией и востребованность в реальной жизни. В докладе речь идет о том, что на современном этапе в Республике Беларусь занятость людей с сенсорными нарушениями связана преимущественно с ручным трудом. Ключевыми критериями профессиональной пригодности в данном случае являются: уровень физического развития и физической работоспособности, состояние основных систем жизнеобеспечения организма. Также подчеркивается, что в стране осуществлена оценка физического развития детей и подростков 9–16 лет, имеющих нарушения зрения и слуха. Выявлены следующие особенности: мальчики с нарушением зрения отличаются низкой частотой встречаемости гармоничного физического развития, за счет повышения доли детей с дефицитом и избытком массы тела; у девочек с нарушением зрения часто встречается избыточная масса тела и ожирение. Структура распределения оценок физического развития у школьников с нарушением слуха очень сходна с нормально развивающимися сверстниками. Таким образом, необходимо оптимизировать физическую подготовленность детей и подростков с сенсорными нарушениями, особенно с нарушениями зрительной функции, что увеличит перспективы их физических сил и меру дееспособности, а, следовательно, обеспечит повышение успешной социализации.

СНЕЖКО Галина Евгеньевна

*Ростовский областной центр обработки информации в сфере
образования (Ростов-на-Дону), nova@161.ru*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ПОСТРОЕНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

В настоящее время в России насчитывается более двух миллионов детей с отклонениями в развитии. Около 700 тысяч из них – дети с ограниченными возможностями, из них

около 80 тысяч имеют нарушения физического статуса. Эти цифры свидетельствуют о масштабности двуединой социальной задачи: создания доступной среды для людей с ограниченными возможностями и формирования восприятия этой группы людей как равных, с точки зрения возможностей их интеграции во все сферы функционирования общества. В докладе подчеркивается, что задача создания доступной среды, прежде всего, в юридическом и инфраструктурном плане, решается государством. Не менее важной является деятельность таких институтов, как семья и образовательная система, которые ответственны за формирование индивидуальной психологической установки и социального капитала ребенка с ограниченными возможностями здоровья для конструирования и реализации полноценной жизненной стратегии. Исследования институциональных условий показывают, что информационно-технологический потенциал современного общества (реабилитационная медицина, образовательные технологии, информатизация рабочих мест) опережают темпы деконструкции социокультурных барьеров и преодоления стереотипа «инвалид», ассоциируемого с болезнями, нетрудоспособностью и пассивностью. К социокультурным барьерам относятся уровень образования родителей, престижность их профессии и места работы, неравенство территориальных условий жизни (уровень урбанизации, разнообразие школ, доступность транспорта). Проведенные в 2013–2014 гг. эмпирические социологические исследования в Ростовской области показывают непосредственную связь социокультурных барьеров с укорененностью стереотипа «инвалид» во всех социальных группах поселенческой общности даже в крупном промышленном городе.

ХАБИБУЛЛИНА Виолетта Максудовна

*Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский
университет им. академика И.П. Павлова (Санкт-Петербург),
vioksu@gmail.com*

ПЛАТНЫЕ УСЛУГИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЖИЛЫХ: КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ОПРЕДЕЛЯЕТ СТРУКТУРНЫЙ ПРОФИЛЬ ЗАБОТЫ

С начала 2000-х годов в рамках модернизации социального обслуживания в государственных учреждениях стала активно внедряться концепция *co-payment*. Цель доклада – представить внедрение системы платных услуг с фокусом на культурно-этнические особенности принятия этой системы. На примере казанских семей с применением интервью (иногда с посещением) мы изучали уход за тяжело болеющими пожилыми родственниками как в ситуации совместного, так и раздельного проживания. Забота представляется в виде дискретной единицы платных услуг, которую можно формализовать и определить ее структурный профиль для каждого клиента.

В докладе я представляю свое видение того, каким образом новая система предлагаемых платных услуг использовалась семьями среднего класса с русской и татарской этнической идентичностью. Информационное насыщение модернизации социального обслуживания привело к тому, что потребители различают государственных и частных

производителей заботы, однако зачастую автономные учреждения воспринимаются как коммерческие. Эмоционально окрашенная *забота* не поддается инструментальному воплощению и реализации в системе платных услуг. Данная коммуникация остается сферой родственников, осуществляющих уход, в чем также видится возможность различного влияния *этнически* обусловленной культурной среды.

ШЕВЫРЕВА Елена Геннадиевна

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону),
devalena12@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Проводимая в настоящее время политика по отношению людям с ограниченными возможностями является результатом развития общества в течение последних двухсот лет. В разных странах созданы организации для инвалидов, которые выступают за улучшение условий жизни этих людей.

В докладе рассматривается ситуация в России, где до сих пор не создан комплексный механизм обеспечения прав людей с ограниченными возможностями, соответствующий международным стандартам, включая защиту их прав. Особенно часто трудности у таких людей возникают при трудоустройстве; они нередко сталкиваются с проблемой непонимания со стороны окружающих; считают себя «изгоями общества».

В докладе подчеркивается, что анализ положения людей с ограниченными возможностями следует проводить в контексте различных уровней экономического и социального развития общества с учетом разных культурных традиций.

ЩЕПАНСКИЙ Борис Константинович

Свободный исследователь (Санкт-Петербург),
Sche-boris@yandex.ru

СРЕДА ДЛЯ ИНВАЛИДОВ: ОГРАНИЧЕНИЯ / ВОЗМОЖНОСТИ ДОСТУПА В ФИЗИЧЕСКОМ И ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Доклад написан на основе практики работы в системе социальной реабилитации инвалидов в Санкт-Петербурге. Предметом изучения являются антропологические аспекты реализации госпрограммы «Доступная среда», в рамках которой я проводил исследования физической доступности объектов, связанных с оказанием услуг населению (торговых центров, магазинов, парикмахерских, госучреждений и др.), для людей с ограничениями по здоровью. Основные материалы относятся к 2012–2013 гг. Другой массив источников – сайты, предоставляющие информацию о доступной среде в Интернете, интерактивные карты и прочие инструменты, позволяющие людям с ограниченными возможностями здоровья ориентироваться и выбирать маршруты передвижения в пространстве города. Данное сообщение является своего рода экспериментом, попыткой антропологического исследования опыта тех, кто отвечает за формирование доступной среды и тех, кому предстоит ею пользоваться. Я также затрагиваю формы социальной коммуникации между представителями государственной системы социальной реабилитации и представителями бизнеса, с одной стороны, и людьми с ограниченными возможностями здоровья – с другой, т.е. артикуляцию интересов и их различий, конфликты и решения, – как аспекты совместной работы по формированию нового типа городского пространства, доброжелательного к различным вариантам телесности. Опираясь также на личный опыт (пребывание в статусе инвалида), я рассматриваю соотносимость опыта людей с ограничениями здоровья с пространственными структурами современного города.

Секция 44А
ЖЕНСКОЕ vs МУЖСКОЕ В КУЛЬТУРАХ МИРА.
РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО (XVIII – НАЧАЛО XXI В.)

Пушкарёва Наталья Львовна – д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: pushkarev@mail.ru

Белова Анна Валерьевна – д.и.н., доцент, Тверской государственный университет (Тверь)

E-mail: belova_tver@rambler.ru

АГЕЕВА Елена Андреевна

Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва),

ageeva_elena_andreevna@mail.ru

ЖЕНЩИНА И РОСКОШЬ
(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ
ВЫСШЕГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД
ВСЕРОССИЙСКОГО КРИЗИСА 1916–1917 ГГ.)

Роскошь – социально-экономический феномен, который волновал мыслителей с момента появления неравенства в обществе. Одна из наиболее известных концепций принадлежит классику немецкой социологии и экономики Вернеру Зомбарту, в ней присутствует и гендерный подход (автор полагал, что стремление женщины к роскоши явилось двигателем развития производства и прогресса экономики). Тезис В. Зомбарта о гендерном характере роскоши нашел убедительное подтверждение в кризисный период российской истории – во время Первой мировой войны и Февральской революции. В тылу, как утверждали очевидцы, господствовали вакханалия и безумное мотовство, особенно заметное в дамских туалетах, еде, формах проведения досуга. Идея патриотизма не спасала положения. Решение «Всероссийского общества противодействия роскоши и расточительству» о создании отечественной дешевой моды осталось декларацией. «Модоборчество» не было реализовано. Потребление роскоши ограничивалось государством различными средствами: от запрета импорта до воздействия на патристические чувства населения через печать, посредством увещеваний, выраженных публично политиками, например, депутатом Государственной Думы А.А. Бубликовым. Однако попытки ограничения государством потребления предметов роскоши также не привели к ощутимым результатам. Современная женщина во время кризиса испытывает те же чувства, что и россиянка в 1917 г., в ее поведении, например, проявляется эффект Веблена – из двух одинаковых вещей покупается та, что стоит дороже. Современные гендерные пропорции в потреблении предметов роскоши имеют несомненные особенности.

БАДАНИНА Ирина Васильевна

Московский педагогический государственный университет

(Москва), irinabadanina@gmail.com

ЖЕНСКИЕ И МУЖСКИЕ ВАРИАНТЫ НАЗВАНИЙ
ПРОФЕССИЙ И СТАТУСОВ В СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ СМИ

Слова, называющие женщин по профессиям, должностям, а также социальным, психологическим, нравственным

и другим качествам, переживают период все более заметной дифференциации в плане употребления вариантов мужского и женского рода. Выбор слова во многих случаях зависит от интенции пишущего и от ограничивающих факторов. Так, влиянием таких факторов можно объяснить употребление слов мужского рода для обозначения должностей женщин в политике, сферах управления экономикой, бизнесом: *президент, канцлер, председатель палаты парламента, лидер партии, заместитель председателя, официальный представитель правительства*. Эти и подобные обозначения деятельности женщин не заменяются парными им словами женского рода, независимо от отношения к их деятельности или отдельным поступкам, высказываниям. Если должность женщины не связана с официальным статусом, хотя и является социально значимой, в номинациях может проявляться личное отношение пишущего – негативное или позитивное. Например, когда речь идет о действиях женщины, порицаемых автором, она может получать, в зависимости от должности, номинации мужского и женского рода: *полицейский, полицейская, полисудмен; журналистка, блогерша, скандалистка*. Вместе с тем нередки случаи нейтрального употребления номинаций женского рода, например, в сообщениях о спортсменках – *биатлонистках, фигуристках, лыжницах* и т.д., артистках, участницах специфических для женщин мероприятий, где они не конкурируют с мужчинами.

БРАНДОВА Татьяна Леонидовна

Европейский университет в Санкт-Петербурге; Национальный

исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Российская академия народного хозяйства и государственной

службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург),

tbrandova@hse.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ РЕЖИМОВ
В СОВРЕМЕННЫХ ФОРМАХ ПРОТЕСТА

Исследование репрезентаций гендера (методом этнографии – наблюдения в социальных сетях с позиции пользователя сетей - и проективных техник) проведено в сегменте несистемных акторов протеста 2011–2012 гг. в России. Выражение несогласия реализовалось в форме акционизма как постмодернистского типа протеста, демонстрирующего не/конвенциональные практики сопротивления гегемонным дискурсам и гендерным порядкам [Risman, 2004; Ridgeway, 2011]. Репрезентации формируются под влиянием исторически обусловленной социальной реальности и практики, объекты восприятия выступают как пространственно-временные процес-

сы. Исходное предположение состоит в том, что вовлеченные в протест группы создавали контр-дискурс(ы), чтобы: (1) через плюрализацию отразить запрос на демократическое развитие общества, (2) артикулировать разнообразие социальных групп и спектр (недопредставленных) интересов, (3) обозначить разрывы в официальном дискурсе и общественных/повседневных практиках. Общий вектор «протестного нарратива» позволял представителям протестных сообществ репрезентировать предпочтительные гендерные режимы и через «цитирование» элементов меганарратива истории, являя попытку резистентной артикуляции иных мнений.

БЕЛОВА Анна Валерьевна

Тверской государственный университет (Тверь), belova_tver@rambler.ru

АНТРОПОЛОГИЯ ЖЕНСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Антропология женской дворянской повседневности – новая предметная область исследований в российской исторической этнологии, позволяющая отказаться от ряда предубеждений традиционной историографии в отношении дворянок – таких, как отнесение их к так называемому «праздному классу»; сплошная вестернизация их стилей жизни; необразованность; отсутствие письменной нарративной идентичности; отсутствие связей с русской крестьянской культурой; отказ от опоры на традицию и традиционную культуру. Как показывает анализ писем, мемуаров, автобиографий, дневников, оставленных образованными дворянками и отражающих многообразный спектр их субъективного мировосприятия, жизненных опытов и практик, провинциальные дворянки в большей степени сохраняли приверженность в повседневной жизни традиционным ритуалам и обрядам, связанным с замужеством, беременностью и родами как основными антропологическими опытами женского бытия. При этом маргинальность провинциальных дворянок становилась для многих из них стимулом к самореализации через неформальные «сети влияния» и вербальное конструирование собственной идентичности в разнообразных автодокументальных текстах. Этногендерный анализ участия женщин в традиционных обрядах жизненного цикла, не исследованных применительно к дворянской культуре, позволили по-новому интерпретировать социокультурные роли провинциальных дворянок. Разработка аспектов женской телесности, сексуальности и религиозности в контексте дворянского быта (усадебного, городского, столичного, провинциального) как культурно-антропологического феномена дает возможность сопоставить и типизировать повседневные опыты и переживания дворянок с учетом возрастных, статусных, локальных, конфессиональных, этнокультурных отличий и решить проблему этнокультурного конструирования гендера.

БОРИСОВ Сергей Борисович

Шадринский государственный педагогический институт (Шадринск), borisov@glstar.ru

АНТРОПОЛОГИЯ РУССКОГО ДЕВИЧЕСТВА И АНТРОПОЛОГИЯ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

За последние полтора десятка лет автором были опубликованы научные работы, которые явились попыткой

создать новое направление в антропологии и культурологии – антропологию русского девичества. Их можно рассмотреть и как попытку развить исследовательский проект на пересечении антропологии русского детства и антропологии русской женщины. Предпринятая автором попытка наметить контуры «антропологии русского детства» – это распространение проблемно-тематического поля «антропологии русского девичества» за пределы одного пола внутри той же возрастной категории. Число работ по антропологии русского детства и девичества не очень велико, говорить об их конституировании (институционализации) как развитых областей российской антропологии не приходится. В докладе будут рассмотрены состояние исследований в данных направлениях и перспективы их развития.

БУДЮКИН Дмитрий Анатольевич

Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Липецк), boudukin@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ БРАКОВ НА ЦЕРКОВНО-КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПРАВОСЛАВНЫХ ДВОРЯН В РОССИИ В XVIII–XIX ВЕКАХ

Одной из основных христианских религиозных практик является молитвенное поминовение живых и умерших. Связанные с ним практики, включающие вклады и пожертвования, храмоздательство и выбор алтарного посвящения, похоронные обряды и обустройство мест погребения, можно охарактеризовать как церковно-коммеморативные. Гендер оказывает влияние на церковную коммеморацию, тесно связанную с социальным статусом и престижем. Традиции церковной коммеморации, в течение нескольких веков развивавшиеся в России и Западной Европе независимо, пришли в соприкосновение в XVII в. после воссоединения Украины с Россией. Дальнейшее развитие этот процесс получил после петровских реформ, в рамках которых имело место, в частности, разрешение православным вступать в межконфессиональные браки, которым воспользовались в первую очередь дворяне. Супруги, принадлежащие к различным конфессиям, по общему правилу должны были делать пожертвования в различные церкви, часто не имели возможности церковного поминовения друг друга и должны были быть похоронены раздельно. Однако правила, представления и практики, тем более при рассмотрении в историческом аспекте, не могут соответствовать друг другу в полной мере, и необходимость согласования единства супружеской пары с религиозным разделением порождала множество интересных практик. Так, например, инославный определенно не мог быть погребен внутри православного храма, однако даже это вроде бы очевидное правило имело исключение: супруга царевича Алексея Петровича Шарлотта была похоронена в Петропавловском соборе в Петербурге.

БУРМИСТРОВА Светлана Владимировна

Томский государственный педагогический университет (Томск), t-svet2007@yandex.ru

ДИАЛОГ ЖЕНСКОГО И МУЖСКОГО В ТЕКСТАХ, НАПИСАННЫХ ЖЕНЩИНАМИ (на примере «Воспоминаний» П.Е. Анненковой)

Незаконченные «Воспоминания» П.Е. Анненковой (1800–1876) вышли в свет в 1888 г. в журнале «Русское слово».

В 1861 г., побуждаемая М.И. Сemeвским, Анненкова продиктовала по-французски свои воспоминания дочери – О.И. Ивановой, которая записала их в русском переводе. Концептуальной основой данного мемуарного текста выступает принцип диалога, определяющий структурно-содержательные компоненты мемуарного повествования и выступающий как ведущий способ авторефлексии и самоописания. Актуализация диалоговой модели в построении концептосферы мемуаров и образа автогероини объясняется особенностями биографического контекста, вводящего дихотомию Франция–Россия. Образы двух стран постоянно присутствуют в сознании мемуаристки, определяя в тексте «двойную» перспективу восприятия окружающей действительности и особенности самоинтерпретации. Диалоговая интенция воспоминаний усиливается также эстетическим контекстом: мемуарами декабристов и их современников, художественными произведениями, посвященными восстанию 1825 г. и судьбам его участников, в т.ч. супругам Анненковым, ставшим действующими лицами оперы А.Д. Шапорина «Декабристы», романа А. Дюма «Учитель фехтования» (1840) и др.

Важна в воспоминаниях и гендерная составляющая, выраженный в тексте диалог женского и мужского. Духовно-нравственные категории, используемые мемуаристкой для самоописания и осмысляемые как ключевые в характеристике собственной личности, соотносятся не столько с закрепленными патриархальной традицией качествами женского психокосма (кротость, смирение, послушание и др.), сколько с моральным кодексом мужского мира (стойкость, отважность, храбрость, целеустремленность и др.).

ВАСЕХА Мария Владимировна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), maria.vasekha@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ СИБИРЯЧЕК ПОД ВЛИЯНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ

(по материалам женской прессы 1920-х годов)*

Освещение вопросов новой советской политики в отношении семьи, брака и положения женщины в обществе происходило наиболее ярко и полно на страницах федеральной и, особенно, региональной женской прессы. Моделирование и популяризация новых поведенческих стратегий и стереотипов в художественной форме активно проводились на страницах журналов «Коммунистка», «Крестьянка», «Красная сибирячка» и «Сибирская деревня».

Рассказы в стиле «из народной жизни» создавали картину тяжелого положения женщин и молодежи в сибирской глубинке. Советские идеологи использовали «наболевшие» женские темы (унизительный обряд подклета, бесправность перед мужчинами, мужское пьянство и т.д.). В рассказах «ломались» поведенческие стереотипы женщин в крестьянской патриархальной семье. Все пути решения сводились к разрыву со старыми отношениями и поведенческими стереотипами, призывам получать образование, вставать на активную жизненную позицию, вливаться в ряды советских активистов наравне с мужчинами, «перевоспитывать» других женщин. Из литературного контекста вырисовывался

* Исследование ведется при поддержке Программы Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

портрет: молодые незамужние одиночки, либо разочарованные в семейной жизни женщины, иногда вдовы.

Предлагаемые стереотипы поведения не отличались особым разнообразием, по сути, агитируя освободиться от «семейного гнета», все предлагаемые сценарии опять же сводились к мысли о служении, но уже общественным интересам. Таким образом, политика «раскрепощения женщин» по большей части сводилась к вовлечению женщин в общественное пространство, без попыток понять их истинные потребности, учесть их чаяния и, в конце концов, защитить их насущные интересы.

ВЕРЕМЕНКО Валентина Александровна

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), valentina.veremenko@ya.ru

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ РОССИЙСКИХ ДВОРЯНОК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Вопросы религиозного воспитания занимают незначительное место в воспоминаниях российских дворянок второй половины XIX – начала XX века. При этом воспитанницы закрытых учебных заведений уделяли данной теме больше внимания, чем обучавшиеся в открытой школе. Характеризуя обрядовую сторону религиозного воспитания, мемуаристки-институтки отмечали необходимость соблюдения постов, посещения церковных служб и чтения молитв. Вместе с тем, в воспоминаниях приводятся многочисленные факты нарушения воспитанницами требований распорядка. В открытых учебных заведениях значительная часть вопросов религиозной обрядности передавалась на откуп семье, и, судя по текстам воспоминаний, в большинстве дворянских семейств не соблюдались (или соблюдались выборочно) посты, а посещение церковных богослужений не являлось обязательным.

Закон Божий характеризуется мемуаристками как обязательный учебный предмет, связанный с формальным освоением определенного количества церковных текстов и получением за это баллов. Крайне редко в воспоминаниях встречается описание эмоционально-нравственных переживаний, вызванных поднятыми на данном уроке вопросами. В большинстве случаев перечисляя своих учителей, мемуаристки вообще ничего не пишут о законоучителях. Если же последние и появляются на страницах воспоминаний, то они либо представлены в очевидно смешном, а то и карикатурном виде, либо «удостоены» двух-трех холодно-равнодушных предложений.

Знакомство с мемуарами дворянок демонстрирует, сколь незначительное место занимала вера в их детской жизни, несмотря на то, что формирование религиозных установок являлось одной из официальных и постоянно артикулируемых задач семьи и школы.

ВИНИЧЕНКО Ирина Владимировна

Омский государственный институт сервиса (Омск), irvin61@mail.ru

МОДА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ (1950–1970-е годы)

Детальное рассмотрение приватного пространства и его составляющих, изучение практик обращения с одеждой

является одним из рельефных примеров, позволяющих сделать заметными многие невидимые особенности повседневной жизни советского человека. С одной стороны, костюм и мода отвечали идеологическим предписаниям о том, какими должны быть вещи массового производства, а также, каким требованиям в целом должен был отвечать внешний облик советского человека. С другой стороны, одежда как вещь наиболее близкая к человеку, обладает наилучшим потенциалом для иллюстрации того, как происходит приспособление идеологических догм в повседневности. Костюм выступает индикатором процессов, происходящих в культуре в целом, а мода не только отражает материальные и духовные процессы, происходящие в обществе, находит конкретное выражение во вкусах и пристрастиях людей, но и сама формирует их.

Мода, став одной из составляющих повседневной жизни советских людей, обеспечивала приобщение участников модного процесса к социальному и культурному опыту, способствовала процессу социализации. Мировые тенденции в моде трансформируются в каждой отдельно взятой стране в зависимости от ее общественной жизни. Процесс внедрения культурно-эстетических образцов в повседневную жизнь советских женщин сталкивался с определенными трудностями. В условиях невозможности полного удовлетворения своих потребностей в качественной и модной одежде женщины вырабатывали собственные стратегии для реализации эстетических требований в бытовой практике, трансформируя декларируемые модные тенденции в реально бытовавший костюм.

ВЛАСКИНА Татьяна Юрьевна

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН (Ростов-на-Дону), vlaskiny@mail.ru

ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПРАКТИКИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ВОЙНЫ В ТРАДИЦИЯХ СЛУЖИЛЫХ СООБЩЕСТВ РОССИИ (на примере донского казачества)

Донское казачество исторически и культурно принадлежит к числу сообществ, для которых война была нормативным элементом системы жизнеобеспечения и естественной частью повседневности. Сопоставительный анализ программ переживания вызовов войны, разработанных в течение XX в. народами Европы, показывает своеобразие опыта служилых сообществ. Донское казачество было лишь одной из наиболее показательных и самодостаточных в данном плане общностей. Исследование обеспечено основательным корпусом источников – полевыми материалами, собранными на территории бывшей Области Войска Донского, архивными документами и публикациями личных дневников и писем, фольклорных текстов, краеведческих записок. Традиции донского казачества, рассмотренные с позиций социально-психологической функциональности, направленные на легитимацию войны в повседневной жизни всех членов служилого сообщества, на преодоление ее травматических последствий, позволяют выйти на уровень теоретических обобщений и углубления представлений о войсковом этносоциальном образовании как об особом типе внутризитнической структуры.

ГАФИАТУЛИНА Наталья Халиловна

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), gafiatulina@yandex.ru

ГЕНДЕРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ И КУЛЬТУРЫ ТЕЛЕСНОСТИ МОЛОДЕЖИ

В основании неравенства социального здоровья молодежи лежат преимущества или депривации, связанные с атрибутами общественной иерархии, разновидностью которой является гендерная иерархия. Гендерное измерение базируется на идее о том, что значимы не биологические различия между женским и мужским началом, а то социокультурное значение, которое молодежное сообщество придает этим различиям. Гендер выступает важным фактором, определяющим социальное здоровье и формирующим культуру телесности. Культура телесности – это результат процесса онтогенетического и интеллектуально-личностного развития молодежи, совокупность культурно детерминированных феноменов гендерной культуры: восприятия телесности, саморегуляция телесности и ее самореализация. Гендерная культура социального здоровья и телесности молодежи детерминирована двумя уровнями: внешней культурой как цивилизационной идентификацией и внутренней культурой телесности как самоидентификацией. Культура телесности выражается в выборе образа жизни и отражается на социальном здоровье молодежи. Социокультурные факторы, проявляясь в традиционном ролевом поведении юношей и девушек, влияют на различия в состоянии их социального здоровья. Приводим некоторые выводы нашего социологического исследования: (1) выделены два типа культуры социального здоровья – патриархальный и эгалитарный; (2) гендерный подход к социальному здоровью молодежи признает характер гендерных дифференциаций в культуре телесности, отраженной в гендерных стереотипах и воплощенной в гендерной культуре здоровья; (3) показатели заболеваемости имеют гендерные дифференциации: заболеваемость девушек несколько выше, чем юношей; (4) по итогам социологического опроса выделены четыре группы респондентов, имеющих различия между собой по уровню социального здоровья и обнаруживающих живучесть гендерных стереотипов: «позитивисты», «пессимисты», «равнодушные» и «маргиналы».

ГИЗУЛЛИНА Анна Владимировна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), gizullina@yandex.ru

СПЕЦИФИКА И СТРУКТУРА ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Одна из заметных тенденций в развитии личностной структуры современного человека – все более выраженная интеграция во взаимодействие двух начал, казавшихся ранее альтернативными. Нарастающий синтез маскулинного и фемининного, происходящий в рамках одной и той же индивидуальности, становится все более очевидным во всех сферах деятельности человека – от вскармливания и воспитания младенцев до государственного управления. При этом культура выступает особой конструирующей силой, формирующей новое гендерное и сексуальное поведение и новые

стереотипы взаимного восприятия партнеров и их отношения друг к другу. Создавая невероятные ранее прецеденты на социальном и индивидуально-психологическом уровне, современная культура выступает одним из основных источников прямого влияния на общественные и семейные нормы. Новый тренд антропогенеза может проявляться в феноменах нарастающей андрогинизации и трансгендерности, которые если еще и не выражены существенно морфологически, тем не менее, все более проявляются как новая реальность в установках и стереотипах восприятия себя и других.

В 2012–2014 гг. на кафедре клинической психологии и психофизиологии департамента психологии ИСПН УрФУ был проведен целый ряд исследований, посвященных проблемам становления гендерного сознания и гендерной идентичности, а также выявлению представлений об идеальных и наиболее типичных психологических характеристиках современных мужчин и женщин.

ГОДОВОВА Елена Викторовна

*Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Оренбург),
godovova@mail.ru*

**ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБОГО ТИПА
ЖЕНЩИНЫ-КАЗАЧКИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ
ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ**

Казачки – особые женщины. Сильные, волевые, уверенные в себе. В отсутствие мужа казачка заботилась о благополучии семьи, занималась хозяйством, поддерживала дом, заботилась о детях.

Казачка была неутомимой труженицей и организатором. Номинально руководил большим семейным коллективом старик-дед, но далеко не все казаки доживали до старости. Дед мог быть уже и недееспособным, инвалидом, и работу по хозяйству организовывали бабки, матери, жены казаков. Распределяли обязанности между домашними, нанимали работников и руководили ими. Казачки умели и торговать, чтобы часть продукции обратить в деньги и приобрести необходимое. По сравнению с крестьянками женщины-казачки имели большую свободу и большие права. Это объясняется тем, что во время войн и в мирное время женщины, дети и старики были основной рабочей силой.

Постоянный труд и заботы казачек способствовали формированию сильного характера, развивали здравый смысл, решительность и стойкость. За внешней их застенчивостью зачастую скрывался сильный и неукротимый нрав, сознание хранительницы семейного очага и хозяйки дома. Атаман Платов в 1816 г. в приказе по Войску Донскому писал о казачках: «Пускай верность и усердие их, а наша за то к ним признательность, взаимное уважение и любовь, послужат в позднейшем потомстве правилом для поведения жен казачьих».

ГРОМОВА Анна Игоревна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), anna4gromova@yandex.ru

**ОТНОШЕНИЕ К МАТЕРИНСТВУ
В БОГЕМНОЙ СРЕДЕ РУССКИХ СТОЛИЦ В
КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(по источникам личного происхождения)**

Период конца XIX – первой четверти XX века был переломным для России и знаменовался трансформацией

устоявшихся социальных отношений и моделей поведения; подвергалась изменению и сфера брачно-семейных отношений. В так называемой «богемной среде» появился новый тип девушек и женщин, начинающих осознавать себя вне укоренившегося в общественном сознании предназначения женщины и стереотипных полоролевых моделей поведения. Главная исследовательская задача – на основе источников личного происхождения провести анализ отношения к процессу беременности, материнству и семейным ценностям у «представительниц богемной среды» Санкт-Петербурга и Москвы. Рабочая гипотеза – девиантность поведения представительниц артистической среды, художественной элиты, светских и литературных салонов в целом была следствием ломки в их сознании традиционных воспитательных установок, отрицания женского предназначения (материнства). Женщины, о которых пойдет речь в докладе, – как известные, так и рядовые личности. Источниковой базой исследования являются его-документы (воспоминания, дневники, письма – как женские, так и мужские), собранные в архивах г. Москвы (НИОР и ГАРФ).

ЕЛЬНИКОВА Галина Алексеевна

*Белгородский университет кооперации,
экономики и права (Белгород),
elnikova.galina@gmail.com*

**ЖЕНЩИНА ЗА РУЛЕМ:
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ**

На современных автомобильных дорогах женщина за рулем – типичное, хотя и достаточно новое явление. Женщины составляют около 40% всех автомобилистов. При этом российские дороги – арена сексизма и мужского шовинизма. Женщины на дорогах сталкиваются с таким отношением, которое недопустимо в других ситуациях.

Дорога воспринимается мужчинами как последний оплот их доминирования, посягательство на который ощущается ими крайне болезненно. Дорога, по высказыванию многих мужчин, это мужская территория, на которой царят свои особые правила, и женщины, попав на эту территорию, должны придерживаться их. По отношению к женщине за рулем мужчины ведут себя не только снисходительно-пренебрежительно, но часто и агрессивно. В их глазах женщина априори – неумелый водитель, не знающий правил дорожного движения и не разбирающийся в устройстве автомобиля. У участников дорожного движения сильны гендерные стереотипы и суждения о женщинах как представительницах «второго пола». Для аргументации своего мнения о женщинах-водителях мужчины вспоминают о пресловутой «женской логике». Мужчинами создаются мифы о повышенной опасности женщины за рулем.

Но факты говорят скорее об обратном. Женщины, в целом, оказываются более внимательными на дорогах, гораздо реже мужчин садятся за руль в нетрезвом состоянии, более ответственно относятся к безопасности самого автомобиля. ^{2/3} аварий на дорогах происходят по вине именно мужчин, причем аварии с участием женщин, как правило, имеют менее серьезные последствия.

ЖИДЧЕНКО Александр Владимирович

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск), zhidchenko220689@yandex.ru

**ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПОМИНАНИЙ
СТАРОЖИЛОВ ГОРОДСКОГО РАЙОНА
(по материалам омского городка нефтяников)**

Социологические инструменты сегодня становятся все более актуальными в исторических исследованиях. Особенно востребованы они в работах, основанных на применении междисциплинарного подхода, объектом изучения которых являются этносоциальные процессы определенного исторического периода. В предлагаемом исследовании мы рассмотрим гендерный аспект воспоминаний старожилов одного из городских районов в Сибири, построенного в середине XX в., омского Городка нефтяников. Сбор устных рассказов жителей района 1950–60-х годов об их повседневной жизни, истории строительства жилых домов, о быте и семейной биографии был произведен автором в 2007–2008 гг.

Основываясь на данной коллекции, можно сделать несколько выводов:

(1) Среди респондентов преобладающим большинством (свыше 70%) оказались представительницы женского пола. Главная причина заключается в средней продолжительности жизни на данном возрастном этапе.

(2) Отличительным признаком воспоминаний женщин является их основная тематическая направленность, связанная с домом (воспитание и рождение детей, очередь на квартиру, очереди в магазинах, дефицит продуктов, мебели, бытовой техники). Мужчин – производственные трудности, связь повседневной жизни с событиями в стране. Частыми были рассказы о знакомстве со своими женами и о повседневности, связанной с ними.

(3) Полнота рассказа зависела от гендерного и профессионального признака. Среди мужчин, как правило, были представители профессий, не связанных с общением (водители, операторы нефтяных установок), среди женщин – наоборот (экономисты, лаборанты, продавцы).

ЖУКОВСКАЯ Татьяна Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), tzhukovskaya@yandex.ru

**СТУДЕНЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО РОССИЙСКИХ
УНИВЕРСИТЕТОВ В 1830–1850-х ГОДАХ:
МОДЕЛИ ГЕНДЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ
И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Исследуются особенности социального облика студентов дореформенных российских университетов. В формировании студенческой корпоративности были задействованы разнообразные социальные связи, которые могут быть описаны в гендерном измерении. Исследователи этой темы констатируют смену идеалов «мужественности» в студенческой среде в рассматриваемые десятилетия. [См.: Friedman Rebekka. Masculinity, Autocracy and the Russian University. 1804–1863. L.–Berkeley, 2003]. Есть возможность детально проследить этот процесс на материале университетских мемуаров и архивных материалов по истории Петербургского университета. Будут рассмотрены такие сюжеты, как внешнее регулирование и саморегулирование нравствен-

ных норм в замкнутой среде казеннокоштных студентов, конфликты «перехода», корпоративные традиции, столкновения студентов с конкурентными социальными группами (офицерами, солдатами) на территории города, отношения с женщинами и их присутствие на территории университета.

ЖУРАВЛЕВА Надежда Ивановна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), nadic1@mail.ru

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖЕНСКОЙ ДРУЖБЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В истории культуры, и отечественной в том числе, дружба предстает как преимущественно мужская добродетель. Но даже в традиционном обществе существовали женские ритуализированные взаимоотношения, связанные с символическим породнением. Представления о дружбе, и в частности женской дружбе, отражают не только половозрастные особенности или распространенные в обществе гендерные стереотипы, но могут быть свидетельством более масштабных социокультурных процессов. Рассуждения о женской дружбе, размещаемые на пространстве российских интернет-сайтов для женщин, демонстрируют торжество консьюмеристской идеологии гламура. Дружеские отношения женщин представляются здесь своего рода суррогатом подлинной – мужской дружбы. Свойственные женщинам зависть, эгоизм, недоверие, соперничество не способствуют бескорыстным взаимоотношениям и, конечно, важнейшим препятствием на пути женской дружбы становится мужчина, а, кроме того, деньги. Такая апелляция к неким биологическим свойствам – это не просто «натурализация» женской сущности, которая в зависимости от цели может получать прямо противоположную интерпретацию, так маскируются ценностные установки общества потребления. Женский опыт сводится к самоосознанию себя как тела, провоцирующего желание, но не личности, способной стать субъектом дружбы.

ЗАЙЦЕВА Татьяна Игоревна

Томский государственный педагогический университет (Томск), tatiana_zaytseva1@mail.ru

**КОНЦЕПТЫ «ЖЕНЩИНА», «МУЖЧИНА»,
«ГЕНДЕР» В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Активно используемый в российских научных текстах, имеющий англоязычные корни и широко принятый в международном коммуникативном пространстве термин «гендер» практически не находит места в Русском ассоциативном словаре, других словарях, отражающих узус, лексический запас повседневной речи – что может свидетельствовать о слабости общественного интереса к изучаемой посредством данной лексемы социальной заданности отношений полов.

В то же время, несмотря на вырисовывающуюся замкнутость академического сообщества в обсуждении названной проблемы, научные тексты в силу национальной и культурной принадлежности их авторов являются отражением ситуации в российском обществе в целом. Проведение

лингвокультурологического анализа заголовков публикаций и названий конференций российских историков позволяет через выражение в языковой форме выявить и охарактеризовать связанные с гендером составляющие современного общественного сознания.

Анализ таких признаков, как обозначение гендера через женское и относительная редкость употребления в связи с рассматриваемой проблематикой слова «мужчина»; частое упоминание таких концепций, как существование полов в различных сферах или обретения женщинами видимости/власти/истории, могут пролить дополнительный свет на ценности современной российской культуры в ее сравнении с другими национальными культурами.

КАИЛЬ Максим Владимирович

*Смоленский государственный университет (Смоленск),
mvkail@mail.ru*

ВЕРА В ЭПОХУ ПОТРЯСЕНИЙ: ЖЕНСКИЕ И МУЖСКИЕ ПРОЕКЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ НА СЛОМЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Запоздалый модернизационный переход в России, начавшийся на рубеже XIX–XX вв., как и любое отставание в развитии, спровоцировал взрыв секуляризационных настроений (являющихся частью модернизации), явлений, практик, а также сопряженный с ними рост эмансипации полов и поиски новой гендерной идентичности. В значительной степени этот всплеск и был обусловлен деформацией (вплоть до разрушения) уходящей в прошлое религиозной морали и этики, диктовавшей модели гендерного поведения, специфике брачности, репродуктивных практик. Эмансипация личности породила всплеск нехарактерных прежде для российского общества приемов самовыражения. Перевернуло ли это мир межличностных отношений в православном обществе? Пострадала ли «традиционная православная семья» и что правомерно вкладывать в этот концепт применительно к началу XX в.? Ответ на эти вопросы, как представляется, следует искать в казуальной истории на необъятных просторах российской провинции (положение в столицах сравнительно неплохо изучено). Материалами для анализа служат документы церковного делопроизводства о семье и браке, мемуарные и антропологически насыщенные источники участников событий, фиксирующие индивидуальное переживание той эпохи, а также официальная церковная и светская статистика. Отдельное внимание будет уделено проблеме восприятия самих революционных событий мужским и женским сознанием.

КАШИНА Марина Александровна

Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), Kashina_soc@inbox.ru

ОМЕГАВЕРС КАК НОВОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ПАТРИАРХАТА: ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сетевая литература или произведения непрофессиональных авторов, размещенные в сети Интернет, например,

на порталах Журнал «Самиздат» (samlib.ru) или Книга фанфиков (ficbook.net), не претендует на многое. Зачастую ей не хватает не только выстроенности сюжета, но и элементарной грамотности. Это скорее хобби, позволяющее авторам выразить себя и свое мировоззрение. Возраст авторов в основном молодежный, как и сама аудитория, к которой они обращаются. Тем не менее, эти тексты представляют научный интерес, прежде всего с точки зрения идеально-типических образов, которые они создают, нередко с помощью своих читателей, а также их участия в процессах социализации подрастающего поколения. Рассмотрим в этом контексте одно из направлений фанфиков (любительских сочинений), называемое омегаверс. Особенность омегаверса – возможность мужской беременности и во многих случаях отсутствие женщин среди героев. Это мир мужчин, разделенный на три пола: мужской (альфы), женский (омеги) и средний (беты). Прототипом служат истории о собачьих (волчьих) стаях и оборотнях. Важно, что авторами таких произведений часто являются женщины, как, впрочем, и многих романов в стиле «слэш». С точки зрения З. Фрейда можно увидеть в этом проявление фаллоцентризма, с точки зрения гендерной теории – пример женской самодискриминации, признания мужского в культуре в качестве эталона.

КОБОЗЕВА Зоя Михайловна

*Самарский государственный университет (Самара),
zoya_kobozeva@mail.ru*

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЛЮБВИ В МЕЩАНСКИХ СЕМЬЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Мещанская любовь не воспета в художественной литературе. Мир чувств этого сословия стал частью антимещанского комплекса русской культуры, получив обвинение в слезливости и надрывности, заметных в жанре мещанского «жестокоего романа». Опровергнуть или подтвердить это сложно: исследователь не может опереться на значительный пласт источников личного происхождения, ведь мещане почти не писали дневников и мемуаров. Но применительно к Самаре, нами было обнаружено весьма эмоциональное делопроизводство, сосредоточенное в фондах тех структур, которые были тесно связаны с мещанской повседневной жизнью: фонде мещанской управы и фонде городской думы. Мещанин апеллировал к власти в различных ситуациях своей жизни в форме прошений, жалоб, заявлений и порой доносов. В этих, казалось бы, официальных бумагах, содержится значительный материал по истории частной жизни мещанских семей, полной переживаний любви родительской, а также мужчин и женщин. Делопроизводство просто содрогается от страстей. Мир чувств мещанской семьи рубежа XIX–XX вв., как следует из данного вида источников, отражал сложные процессы превращения горожанина традиционной культуры в человека Нового времени, подверженного всем влияниям модернизирующегося города, распрощавшегося с бахтинским хронотопом «провинциального города N», стремящегося к индивидуализму и моде во всех сферах повседневности. Это было время моды на эмансипацию, на революцию, на независимость и время немодной тоски по потерянному патриархальному раю традиционной городской культуры.

КОЗЛОВА Ирина Владимировна

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (Москва), tatira@dobro.ru*

**ЖЕНСКАЯ СУДЬБА СКАЗИТЕЛЬНИЦЫ
(на примере автобиографической прозы
сказительницы М.Р. Голубковой)**

Маремьяна Романовна Голубкова – печорская сказительница, прошедшая жизненный путь от крестьянки-батрачки до члена Союза писателей. Она родилась в 1893 г. в деревне Голубково Архангельской области. С шести лет пришлось ей «по миру ходить», с восьми – работать на чужих людей, в 16 родители против воли выдали ее замуж за незнакомого человека. К 1938 г., когда ее встретил собиратель фольклора Н.П. Леонтьев, Маремьяна сумела уйти от нелюбимого мужа, выйти замуж второй раз, овдоветь, оставшись с пятью детьми, вступить в колхоз и обрести репутацию лучшей пельменицы и плачеи в своей деревне. Встреча с Леонтьевым принесла в ее жизнь большие перемены: заметив в ее плачах импровизаторский талант, собиратель предложил попробовать сочинить песню-сказ о новом времени. Сказ Маремьяны о новом времени вместе с плачем о ее горькой доле, Леонтьев отправил в журнал «Народное творчество», где они вышли через месяц после записи. После дебюта М.Р. Голубкова при помощи Леонтьева стала сочинять другие новые сказы, которые публиковались в районной, областной и центральной прессе, к началу 1940-х годов она стала одной из самых известных сказительниц Советского Союза. К этому времени жанр сказа-новины показался Голубковой и Леонтьеву тесен, они задумали написать повесть. Текст доклада посвящен осмыслению биографии сказительницы – особенностей ее женской жизни.

КОЛЯСКИНА Елена Александровна

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина (Бийск), istorik8881@mail.ru*

**ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РУССКИХ
СЕЛАХ АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Принято считать, что управленческие функции в русском сельском обществе принадлежали мужчине, а пропагандируемый в советское время образ раскрепощенной женщины-общественницы стал приживаться лишь в 30–40-е годы XX в. Противниками участия женщин в управлении обществом выступали мужчины, которые считали женщин аполитичными, неспособными к самостоятельной деятельности. Однако в социальной практике все было не так однозначно. Наряду с мужчинами и до советского времени в селе встречались женщины, обладавшие общественным весом, причастные к управлению сельской жизнью. Выделяются две сферы, в которых они проявляли себя: социально-политическая и религиозная. В первом случае властный авторитет женщины строился на большой житейской прозорливости, организаторских способностях, волевых качествах и материальном благосостоянии. В дискурсе источника такой персонаж – исключительный, «неженский», редкий. Причастность женщины к управлению религиозной общиной встречалась гораздо чаще, особенно у старообрядцев-беспоповцев: они дьячили, содержали моленные, были

начетчицами и даже наставницами. В данном случае общественное положение основывалось на религиозных знаниях и безупречной репутации. Женщин-наставниц в дореволюционный период было не так много, как в советское время. При выборе наставницы предпочтение отдавалось пожилым, но физически крепким женщинам. В случае с начетчицами, вероятнее всего, не было жесткой привязки к возрасту и семейному положению.

КОНТАЛЕВА Евгения Александровна

*Амурский государственный университет (Благовещенск),
narbeleth@bk.ru*

**ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В КУЛЬТУРЕ КОРЕННЫХ
НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

В докладе исследуется соотношение женского и мужского в культуре коренных народов Сибири и Дальнего Востока: эвенков, нанайцев, орочей, эвенов, удэгейцев и др. Гендерный аспект рассматривается на разных уровнях культуры, жизни и быта коренных народов со сравнительно-религиоведческой точки зрения. Особое внимание автор уделяет традиционной религии – шаманизму; выявляет роль женского и мужского аспектов в религиозных представлениях; выделяет ряд особенностей шаманов обоих полов; обращает внимание на феномен так называемого травестиизма (обрядового переодевания мужчины-шамана в женщину).

КОТОВСКАЯ Мария Григорьевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), etgender@mail.ru*

**ЖЕНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
НАЧАЛА XX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ
ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ**

К началу 1920-х гг. многие женские повседневные практики навсегда остались в прошлом. Советские женские журналы («Работница», «Делегатка», «Крестьянка») – интересный источник, позволяющий исследовать, как это произошло.

Женские журналы, первые из которых появились еще в начале XIX в., – «Московский Меркурий» (1805), «Ваза» (1832), «Магазин мод и рукоделье» (1851), «Модный магазин» (1861), «Дамский мир» (1907) и другие – были достаточно выгодными частными коммерческими проектами. Они издавались преимущественно мужчинами и представляли читательницам широкий спектр публикаций от новинок литературы до советов по домоводству и парижских модных картинок.

С первых дней существования нового государства на смену этим модным дамским журналам, которые вскоре были закрыты, пришли новые – «Коммунистка», «Делегатка», «Общественница», «Крестьянка», «Колхозница», «Коммунарка Украины», «Красная сибирячка», «Ударница Урала», а оставшаяся с прежних времен «Работница» получила «верное» идеологическое наполнение.

Изображения женщин в пропагандистских журналах призваны были показывать новый статус свободной и равноправной женщины. Для таких публикаций характерна репрезентация равенства через асексуальность женских образов. В указанный период не существовало особых различий между мужчиной и женщиной в способах репрезентации.

В изображениях мужчин и женщин акцентировались одни и те же качества, обозначенные в контексте культуры 1920–1930-х годов как положительные: сила, мощь, здоровье, трудолюбие. Например, в журнале «Делегатка» за 1923 г. № 3 на второй странице обложки помещен рисунок, долженствующий символизировать союз рабочего и крестьянки: женщина и мужчина одной рукой поднимают вверх перед собой советский герб. Примеры советских плакатов того времени умножают эти наблюдения.

ЛЕБЕДЕВА Лариса Витальевна

*Пензенский государственный технологический университет
(Пенза), lebedevalv@list.ru*

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Познание повседневной жизни социумов предполагает особое отношение исследователей к источнику. Среди них особое место занимают ранее не считавшиеся достаточно важными свидетельства личного происхождения. Именно они воссоздают живую картину обыденности. Воспоминания, письма, дневники людей рассматриваемой эпохи, свидетельства информаторов – все помогает раскрыть мир повседневных отношений, жизнь «обычного человека». Одним из них, жившим в плоскости крестьянских интересов, была О.В. Лебедева (1904 г.р.). Ее личные бумаги хранятся в ГАПО [Ф. Р-2835] и имеют характерное название «Жизнь маленького винтика».

В воспоминаниях О.В. Лебедевой описан быт русской крестьянской семьи первой четверти XX в. села Казанская Арчада Чембарского уезда Пензенской губернии, показаны пути выживания в период экономических трудностей, реакция на текущие исторические события. В повествовании представлены различные сферы материальной и духовной культуры крестьян: дом, хозяйственные постройки, участие членов семьи в домашних и сельскохозяйственных работах, питание, одежда, воспитание детей, игры, поверья, обрядность. С позиции женской ментальности уделяется внимание таким картинам жизни, как роды в поле, домоводство, ухаживания молодых людей, свадьба.

Изучение воспоминаний позволяет проследить трансформацию культурной жизни крестьян, дает возможность восстановить не только фактическую обстановку женской повседневности, но и способствует реконструкции их поступков и переживаний.

ЛИСИЦЫНА Ольга Игоревна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), lisichka-vokalistka@yandex.ru*

РОЛЬ МАТЕРИ В ВОСПИТАНИИ РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Отношение к детям в российской дворянской семье принципиально отличалось от современного, что обусловило специфику системы воспитания, в том числе и женского. Мать, несмотря на наличие в семьях российского дворянства значительного числа агентов воспитания, оказывала, тем не менее, существенное влияние на формирование личности дочери. Если гувернантка прививала дворянской

девочке светские, то есть по сути «публичные» этикетные нормы, то мать служила для нее образцом повседневного поведения в приватном семейном кругу. Многие дворянки отмечают определяющий материнский вклад в свое становление, внесенный не столько вербально, сколько через демонстрацию нормативной модели поведения, которая в условиях традиционного патриархального общества оставалась фактически неизменной.

Дворянка-мать посвящает значительное время воспитанию, это распространяется и на те случаи, когда отношения с дочерью были достаточно напряженными или попросту плохими. Очевидно, чем меньше поведение дочери соответствует материнским представлениям о должном, тем более жесткий контроль за девочкой она организует, чтобы направлять в «нужное» русло ее развитие.

Этим определяется влияние, которое личность матери-дворянки оказывала на воспитание дочери, и которое в ситуации ограниченного круга общения девочки способствовало воспроизводству устойчивых поведенческих моделей: дочери должны были вырастать похожими на своих матерей, чтобы выполнять впоследствии те же социальные функции.

ЛЫТКИНА Татьяна Степановна

ФАУЗЕР Виктор Вильгельмович

ФАУЗЕР Галина Николаевна

*Институт социально-экономических и энергетических проблем
Севера Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар), tlytkina@yandex.ru,
fauzer@iespn.komisc.ru, gfauzer@iespn.komisc.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Данная работа посвящена анализу особенностей положения женщин на рынке труда, в том числе влияния гендерного разделения на их материальное благополучие в современных российских условиях. Информационная база – статистические материалы, а также глубинные полуструктурированные интервью 1999–2010 гг. с респондентами (30 женщин и 30 мужчин моложе и старше 35 лет, у половины из которых нет высшего образования), испытывавшими проблемы на рынке труда, что вынудило их обратиться в органы социальной защиты за получением помощи. Основной тезис, выносимый на обсуждение: особенности российского рынка труда приводят к усилению патриархального доминирования через различные виды исключения – политического, экономического и социального. Доказывается, что в условиях современного российского рынка труда возможности для реализации профессиональных и должностных притязаний женщин в публичной сфере сократились. Дифференциация в заработной плате между женщинами и мужчинами возросла. Сохраняется гендерная сегрегация труда, которая по-прежнему вытесняет женщин в сферу социального обслуживания, что приводит к (вос)производству гендерных ролей и оправданию низкой заработной платы в непрестижной сфере труда. Данные негативные тенденции в сфере занятости в контексте изменений жизненных приоритетов россиян в сторону материальных ценностей приводят к росту экономической зависимости женщины от мужчины.

МАРЧУК Мария Ивановна**ТЕРНОПОЛ Татьяна Вячеславовна***Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского (Ярославль), timar77@yandex.ru,
ternopoldp@mail.ru***ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ КАК ИДЕАЛЬНЫЙ
БРАЧНЫЙ ПАРТНЕР: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Социокультурное исследование, проведенное в 2014 г. среди студентов факультета русской филологии и культуры ЯГПУ им. К.Д. Ушинского включало анализ ответов 95 девушек и 14 юношей на следующие два вопроса: (1) Назовите литературного героя, в которого Вы могли бы влюбиться; (2) Назовите литературного героя, который был бы для Вас идеальным супругом.

Анализ ответов респондентов выявил, что большинство студенток выбирает персонажей зарубежной литературы. В то же время ответы юношей разделяются поровну, а в неоднократных выборах лидируют героини отечественной классики. В ответах девушек прослеживается тенденция выбора героя, который в рамках произведения не вступает в брачные или любовные отношения с противоположным полом, либо делает это неудачно. Юноши выбирают героинь, которые в пространстве текста раскрываются либо как возлюбленные, либо как жены. Молодые люди не склонны останавливать свой выбор на конфликтных личностях, а в ответах девушек прослеживается тенденция выбора «неудобных» партнеров. Мы отмечаем разницу в возрасте выбираемых персонажей. Традиционная модель отношений, при которой мужчина старше женщины, остается для женской части опрошенных очень желательной, тогда как для юношей не играет решающей роли. Для юношей незначимо социальное положение партнерши, а выбранные девушками герои, напротив, финансово благополучны. Анализ ответов демонстрирует, что выбор виртуального партнера для брака основывается на тех же гендерных стереотипах, что и реального.

МИХАЙЛОВА Мария Викторовна*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва), maryl701@mail.ru***АПЕЛЛЯЦИЯ К «ЖЕНСТВЕННОСТИ»
КАК СПОСОБ ВЫЖИВАНИЯ**

Актуализацией женственности как способа адаптации к неблагоприятным обстоятельствам отмечено художественное творчество ряда женщин-писательниц. Об одной из представительниц этой социальной группы пойдет речь в докладе. В качестве эмпирического материала взята семейная ситуация в семье писателя И.А. Бунина, в которой его жена, Вера Николаевна, и возлюбленная (Г. Кузнецова) проживали в одном доме. Пребывание возлюбленной в семье писателя было, несомненно, травматичным. Она выступала в качестве ученицы великого мэтра и его секретаря, как подруга жены писателя и даже в чем-то ее наперсница, ей приходилось быть в какой-то степени и хозяйкой дома, принимающей множество гостей. Одновременно она пыталась сама стать полноценным литератором. Социальные роли, которые была вынуждена играть эта женщина, довольно

плохо корреспондировали друг с другом, что обусловило своеобразие женских образов, воплощенных в ее творчестве. Педальирование слабости, беззащитной женственности, гонимости должно было вызывать сочувствие и сострадание окружающих, которые она пыталась продуцировать через творчество вовне. Но в реальной жизни возникало и аккумулировалось сопротивление, приведшее в конце концов к поступку, который можно квалифицировать как вызов: возлюбленная покинула писателя, выбрав в качестве спутника жизни женщину (М. Степун). В докладе анализируется, как «женское» творческое поведение (элемент женского мира и женской культуры) помогло прожить тяжелое десятилетие и накопить силы для проявления подлинных личностных качеств

МИЦЮК Наталья Александровна*Смоленская государственная медицинская академия (Смоленск),
Ochlokratia@yandex.ru***ЭТНОКУЛЬТУРА ЭМОЦИЙ: ГЕНДЕРНЫЕ
РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ РОДОВОГО АКТА
(на примере высших слоев общества
индустриальной России)**

Аристократки пореформенной России на страницах принадлежавших им эго-документов часто описывали, как именно и что они переживали во время родов. В известной степени, эта откровенность была связана с трансформацией гендерного порядка и формированием культа «истинной матери». Ввиду распространения средств контрацепции и частичного получения аристократками репродуктивной свободы, рождение детей стало восприниматься как уникальное событие, требующее словесной фиксации. В описании родов преобладали формулировки, подчеркивающие собственные страдания. Для благородных дам роды являлись вторым драматичным потрясением после первой брачной ночи. Они ни физически, ни психически не были готовы к предстоящим испытаниям. Характеризуя собственные чувства, они ассоциировали себя с Другим, как правило, с животным. Среди наиболее часто встречающихся описаний своего состояния: «бесконечные мучения», «страдала, как смертельно раненная», «животная боль», «кричала, как безумная», «страшные мучения», «ужасные страдания». Мысль о приближающейся смерти, ее предчувствие были свойственны практически всем авторшам. В описании родов присутствовала высокая степень депривации женского «Я».

Устойчивой тенденцией родин в аристократических семьях было в начале XX в. пребывание мужа в родильной комнате. Несмотря на то, что мужчине, находящемуся в рациональном символическом мире, было тяжело смириться со всей драматичностью, иррациональностью родового акта, он являлся активным участником процесса. Роженица акцентировала внимание на пережитых чувствах, описывала собственные страхи и мучения, переживания окружающих. Она была погружена в аффективный мир эмоций, страха, физического кошмара. Мужчину заботил реальный мир действий, поэтому в мужских «текстах» того времени практически нет места эмоциям. Все мужчины-авторы были сосредоточены на цифрах, акушерских манипуляциях и их эффектах.

МИЩЕНКО Татьяна Александровна

Брянский государственный университет им. академика
И.Г. Петровского, филиал в Новозыбкове (Новозыбков),
mtapost@yandex.ru

**ИГРУШКИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК: ИЗ
ВОСПОМИНАНИЙ О СОВЕТСКОМ ДЕТСТВЕ**

Советская игрушка 1960 – начала 1980-х годов – яркий пример проявления культурно-исторического контекста через материальный предмет. Игрушка как исторический источник отражает не только технические достижения общества, но и гендерные стереотипы, так как является средством передачи социального опыта и участвует в формировании гендерных ролей. Рождение «массовой советской игрушки» приходится на 1960-е годы. Технический прогресс принес тогда в отрасль новые материалы: пластмассу, ПВХ, полиизолят. Возник новый метод художественного конструирования игрушки: дизайн вместо декоративно-прикладного искусства. К игрушкам предъявлялись следующие требования: сочетание материалов, мягкость, эластичность, подвижные конечности, возможность игрушки служить манекеном, чтобы шить на нее одежду. Первостепенными стали психолого-педагогические требования: игрушка должна была развивать творческую активность, самостоятельность, инициативу, учитывать возрастные особенности ребенка.

На страницах журнала «Дошкольное воспитание» были озвучены некоторые проблемы, с которыми столкнулись создатели советских игрушек: можно ли производить милитаризированные игрушки, какие игрушки адресовать мальчикам, а какие – девочкам, как отобразить пол и возраст куклы и является ли это необходимым? Основываясь на данных «устной истории» (анкетирование, глубинные интервью, анализ блогов коллекционеров), мы стремимся решить несколько исследовательских задач: (1) Выявить гендерные стереотипы в восприятии игрушек как «для мальчика» и «для девочки»; (2) Создать собирательный образ советской куклы как «культурного кода» нескольких поколений; (3) Проанализировать решение проблемы демонстрации пола и возраста в советской кукле.

МОРОЗОВА Ольга Михайловна

Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону), olgaifrost@gmail.com

**ОДЕЖДА КАК ДЕКЛАРАЦИЯ:
ЖЕНСКИЙ И МУЖСКОЙ КОСТЮМ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА***

В начале XX в. разрушение традиционной сословной системы, новые занятия, миграции населения, расширение зоны влияния городской культуры и события общественно-политической жизни привели к возникновению новых ассоциативных связей как со старым костюмом, так и с вновь появившимися типами платья. Появление слоя «полуинтеллигентов» вызвало новый стиль в одежде, характерными элементами которого были короткие драповые пальто, брюки, ботинки, кепки. Девушки из интеллигентских семей отказывались от традиционного признака взрослости – платья на основе корсета, продолжали носить «детский» костюм свободного покроя, что сближало их силуэт

с одеждой простонародья. Матроска из одежды ребенка из хорошей семьи превратилась за счет ассоциативной связи с событиями Революции 1905 г. в признак независимости и даже анархизма носящих ее. Она же продолжала лидировать среди атрибутов революционности в первый год Гражданской войны. Женский костюм в это время приобрел многие детали мужского как за счет солдатской формы – основного источника ткани для пошива, так и по причине необходимости соответствовать исполнению новых ролей. Но истинным символом принадлежности к революционному истеблишменту стала кожаная тужурка – форма курсантов военно-технических школ и военнослужащих технических родов войск, что было связано с их ролью в формировании отрядов, ставших зародышем Красной армии.

МУХИНА Зинара Зиевна

Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова
(филиал) Национального исследовательского технологического
университета «МИСиС» (Старый Оскол), mukhin@yandex.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ
ВОСПРИЯТИЯ ЖЕНСКОГО МИРА В ФОЛЬКЛОРЕ
И НОВАЦИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ВРЕМЕНИ**

Фольклорные материалы являются ценным дополнительным источником для воссоздания повседневного уклада жизни русской крестьянки. Используемые в докладе фольклорные материалы можно разделить на две группы. В источниках первой группы через призму мужского восприятия транслируется традиционная система ценностей (поговорки и пословицы). Другую группу составляют тексты, созданные в женской среде (колыбельные, причеты, часть присловий и т.д.). Все материалы, как в мужской, так и в женской группах содержатся в двух пластах: старые, традиционные и новые представления, явившиеся порождением пореформенного периода. Первый пласт состоит из пословиц, поговорок, песен, плачей, причитаний. Часть из них является нейтральной, в равной степени отражая мужскую и женскую позиции. Это касалось отношения к детям, браку, к семье и т.д. Но в таких аспектах, как место женщины в семье и социуме, ее права и обязанности, женщина как личность, – взгляды мужчин и женщин были иной раз противоположны. Изменения пореформенного времени более всего отражены в частушках, без которых невозможно представить жизнь русской деревни рассматриваемого периода. Они были творчеством молодых, позволяющим также вычленив мужской и женский взгляд на мир. Анализ частушек показывает, что в пореформенный период прежние расхождения в этих взглядах уже сглаживались, зато куда глубже стали противоречия между поколениями матерей и дочерей (отцов и детей).

НЕДЗЕЛЮК Татьяна Геннадьевна

Сибирский институт управления, филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
РФ (Новосибирск), tatned@mail.ru

**ПАРАДОКС ЖЕНСКОЙ РОЛИ
В КАТОЛИЧЕСКОМ СОЦИУМЕ СИБИРИ**

Гендерный статус и гендерные роли в католической общине закреплены каноническим правом католической

* Доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ № 13-01-00025.

церкви. В Европе, в регионах, где католицизм традиционно является осью мировоззрения и базисом культуры, канонически закрепленные роли воспроизводятся из поколения в поколение. Сибирский регион России с начала XVII столетия стал реципиентом переселенцев, ссыльных, беженцев. Жены ехали вслед за ссыльными мужьями, одинокие беженки с детьми стремились устроиться за Уралом в поисках сытой жизни. Мужчина как глава семьи часто отсутствовал. В Сибири, с 1830 (первая массовая волна ссыльных из западных регионов Российской империи) по 1991 гг., сложилась устойчивая практика главенства женщины не только в семье, но и в католической общине. Старшая в роду (в селении, в общине и т.д.) женщина выполняла функции церковного старосты, она же крестила детей в отсутствие священнослужителя, давала напутствие молодоженам, читала Евангелие над усопшими. Сложившаяся традиция закрепились. Анализ обращений в органы власти с просьбами о регистрации религиозных общин в 1980–1990-е годы позволил выявить круг инициаторов легитимации, – обращения составлены женщинами. Основная масса прихожан католических приходов Сибири на рубеже XIX–XX вв., в ситуации дефицита священнослужителей, – женщины. После восстановления церковных структур наблюдался отток прихожанок из общин, объяснявшийся невостребованностью их активной жизненной позиции, ломкой сложившихся гендерных стереотипов.

НИЖНИК Надежда Степановна

Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург)

МИРОНЕНКО Вера Андреевна

*Компания «Талосто» (Санкт-Петербург),
n.nishnik@bk.ru*

**ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА МЕНТАЛЬНЫХ
УСТАНОВОК И САМОМОБИЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Вступление государства в войну всегда влечет за собой трансформацию всей общественной жизни. Первая Мировая война привела к серьезным изменениям в сфере гендерных отношений, поставила большое количество вопросов о свойственном и несвойственном поведении с точки зрения традиционных мужских и женских социальных ролей и поведенческих норм, о механизмах адаптации к изменению общественно-политической системы в условиях военного времени.

С началом Первой Мировой войны начали формироваться новые тенденции социального поведения и настроений россиянок. Созданные уже в первые дни и недели войны женские патриотические организации были свидетельством модернизации общественного сознания и психологического восприятия россиянками военных событий. Большинство женских обществ подчинили свою работу потребностям фронта и тыла.

Женщины, скрыв свой пол, отправлялись добровольцами в армию. Проявление патриотических чувств осуществлялось и в рамках традиционных сфер деятельности: благотворительности и заботы. Деятельность женщин в тылу сравнивали с «мобилизациями», подчеркивая, что она тоже свидетельствовала о высоком гражданском развитии россиянок, их общественной активности и зрелости.

Увеличилась значимость женщин в общественном производстве. Востребованным стал труд женщин с высшим образованием, они получили доступ к высшему университетскому образованию. В деревне выросла роль крестьянки, на плечи которой легла вся ответственность за хозяйство.

Служение Родине и работа на ее нужды были для женщин символическим вхождением в категорию граждан и рассматривались как гражданская ответственность.

НОВИНСКАЯ Таисия Юрьевна

*Пензенский государственный технологический институт (Пенза),
golub_00@mail.ru*

ИЗ СЕЛА В ГОРОД: ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Особенности источниковой базы исследований повседневности создают возможность для автора обратиться к изучению «живой истории». И если помнить, что «реальное поле деятельности устной истории хронологически измеряется продолжительностью жизни последнего поколения», то становится понятной ценность «воспоминаний» о военном и послевоенном времени – периоде трудном и противоречивом в истории нашей страны.

Описание жизни шести родных сестер, родившихся в крестьянской семье, – это иллюстрация к исследованиям в области повседневности: социально-экономических отношений, ценностей, структуры материальной среды, социальной стратификации, культуры, занятий и др.

Все сестры вышли замуж. У всех, кроме одной, было трое и более детей. Из шестерых пятеро занимались домашним хозяйством, имели большие огороды. Две сестры совмещали это с необходимостью отрабатывать трудодни в колхозе. Еще три «городских» сестры были домохозяйками. И лишь одну из четверых переселившихся можно назвать «горожанкой». Работая государственной служащей, она полностью порвала с крестьянским образом жизни.

Изучение конкретных судеб позволяет автору сделать следующие выводы. Образ жизни сестер имеет значительное сходство, несмотря на то, что двое проживали в сельской местности, а четверо практически в одно и то же время переехали в город. Это проявляется как в социально-экономической сфере – в большой слитности труда и быта, в неравномерной загруженности трудом в течение года, так и в культурной сфере – через особый менталитет, который переселившиеся в город крестьяне долго сохраняли.

ПЕТРЕНКО Ирина Николаевна

Полтавский университет экономики и торговли (Полтава, Украина), petr-ir@rambler.ru

**ДВОЕЖЕНСТВО И ДВОЕМУЖИЕ В БРАЧНО-
СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ МИРЯН
РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В XVIII ВЕКЕ**

В архивных документах духовных правлений и консисторий сохранилось немало дел, в которых идет речь о многобрачии – двоеженстве и двоемужии. Эти неопубликованные источники содержат важную информацию о конфликтных моментах в жизни людей, которые выливались

в судебные коллизии. Изучение документов позволяет сделать выводы о законопослушности или ее отсутствии, религиозности, особенностях общественного поведения и ежедневной жизни людей XVIII в. Мужские нарративы свидетельствуют, что основными мотивами для двоеженства были: заработок, участие в военных кампаниях, несогласия в супружеской жизни, разврат жен, реже – болезнь жены, своеволия помещика, и насильственные браки. Рекрутчина, служба в армии, плен приводили к длительному отсутствию мужей. Женщины, так и не дождавшись их возвращения, считая погибшими, опять выходили замуж. Иногда причиной двоемужия был обман, побег женщин от законных мужей, которые, скрыв свое настоящее семейное состояние, опять выходили замуж. Часто на такой отчаянный шаг их толкали ссоры в семье. Следовательно, в результате анализа архивных документов выявляются такие главные причины двоеженства и двоемужия, которые, в принципе, совпадали для мужчин и женщин: военная служба (рекрутские наборы); заработок, желание переселиться, обжиться на незаселенных слободах; несогласия в супружеской жизни. Нужно иметь в виду, что женщины, которые имели детей, не могли покинуть свой дом (хотя были и исключения), потому и повиновались горькой судьбе.

ПИВОВАРОВА Лидия Николаевна

Староскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (Старый Оскол), lidia.pivovarova@yandex.ru

О СВЯТОЧНЫХ ГАДАНИЯХ ДЕВУШЕК В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Повсеместно на территории Курской губернии во время Святков девушки проводили гадания. Особо «вещими» для гадания считались Васильев день и Крещенский сочельник. В русской традиции эти дни были самым удачным временем для узнавания будущего. Наиболее распространенным желанием было узнать, кто из девушек выйдет замуж в течение наступающего года, получить сведения о своем суженом и его родственниках. Для этого гадающие ходили в церковь и слушали: если послышится что-либо подобное пению, то на будущий год обязательно выйдут замуж, а если послышится плач, то ждать надо смерти. Чтобы определить, в какой стороне живет суженый, девушки ходили на перекресток дорог, ложились на землю и слушали, в какой стороне слышится лай собаки или другой звук, и по нему делали заключение, в какую сторону они выйдут замуж. Гадали и с помощью башмака, который бросали за ворота. Девушки, которые хотели увидеть своего суженого во сне, ложились спать и ставили у своего изголовья блюдо с водою, на котором «мостили мост» из маленьких прутьев. Некоторые для этого клали у изголовья гребешок, веник. Другие девушки ложились спать и не разували левую ногу. Многие действительно уверяли, что видели во сне своих суженых. Многочисленные сведения информаторов, архивные источники свидетельствуют о большом разнообразии святочных гаданий, их значительной устойчивости, направленности на семью и брак и обеспечение всяческого благополучия в новом году.

ПОПОВА Ольга Дмитриевна

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина (Рязань), od-popova@mail.ru

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА «МУЖСКИХ» И «ЖЕНСКИХ» ВОСПОМИНАНИЙ ВОСПИТАННИКОВ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

В докладе предполагается проанализировать гендерные особенности мемуаров воспитанников духовно-учебных заведений конца XIX – начала XX в. Ценностью данного вида источника являются интересные подробности повседневной жизни и быта закрытых учебных заведений. Очень важно при работе с данным видом документов учитывать психологические особенности создания таких источников, условия, при которых они создавались, задачи и цели их написания. Серьезное влияние на то, что решали поведать читателю авторы, был кризис системы духовного образования и дискуссии о путях развития духовной школы. Анализ воспоминаний воспитанниц женских епархиальных училищ показывает, что они передают специфику психологических переживаний девушек, которые были вызваны особенностью внутреннего режима закрытых учебных заведений, а также идейными исканиями о месте женщины в обществе. В воспоминаниях получило красочное отражение наличие в епархиальных училищах такого явления, как «обожание». Мемуары семинаристов являются более глубоким отражением дискуссий о путях развития духовного образования. Их отличительной чертой является, то, что они выражают отрицательное или положительное отношение авторов к духовной школе. Авторы негативных мемуаров не скупились на описание недостатков своего образования. Даже те, кто писал о своей духовной семинарии с теплотой, также указывали на проблемы в воспитательном или учебном процессе. Во многих «мужских» мемуарах отражалось отношение авторов к введению новых семинарских уставов в середине и конце XIX в.

ПРИКАЗЧИКОВА Елена Евгеньевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), miegata-logos@yandex.ru

ГЕНДЕРНЫЙ МАСКАРАД И РЫЦАРСКИЕ КАРУСЕЛИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГИНЕКРАТИЧЕСКОГО НАЧАЛА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII ВЕКА

XVIII в. принято рассматривать как «классический век женщины» (Э. Фукс), когда реализует себя принцип гинекократии – исключительной власти и силы женщин. Парадокс гинекократии в России заключался в том, что женщины-правительницы, в соответствии с принципом андрогинности, должны были непременно обладать набором мужских качеств. Об этом с достаточной степенью откровенности писала Екатерина II в своих мемуарах, подчеркивая свой «мужской ум» в соединении с «женской приятностью в общении». Одним из направлений реализации принципа андрогинности был в XVIII в. гендерный маскарад, во время которого женщины и мужчины на время «менялись» ролями. Императрице Елизавете Петровне, по свидетельству той же Екатерины II, мужской костюм шел необыкновенно и «не находилось никакого предмета, который бы с ней сравнялся». В духе традиции гендерного маскарада

во время дворцового переворота 1762 г. Екатерина II и Е. Дашкова предстали перед верными войсками в гвардейских мундирах, что было зафиксировано во многих мемуарных источниках эпохи. Являясь элементами праздничной культуры, гендерные придворные маскарады могут быть соотнесены с «конными балетами – каруселями», во время которых дамы, включая императрицу, могли демонстрировать свои доблести амазонок. Описание подобных каруселей, например, «великолепной карусели» 1766 г. можно найти в поэзии В. Петрова и Г. Державина. По справедливому мнению В. Проскуриной, в первые годы своего правления Екатерина II разыгрывает образ «амазонки на троне», что должно было соответствовать ее желанию продемонстрировать свою мужественность, необходимую для российской правительницы.

ПТИЦЫНА Наталья Алексеевна

Ивановский государственный университет (Иваново),
narticyna@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЖЕНЩИН ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА

Полемический накал обсуждения темы пенсионного обеспечения, развернувшегося в российском медиапространстве, свидетельствует о значимости изучения проблем женщин зрелого возраста, обусловленных спецификой их профессиональной деятельности, местом проживания, возрастом. Социальная работа, отождествляемая в нашей стране с «социальным материнством», во многом ограничивает возможности самореализации женщин в профессии.

Основные положения доклада базируются на данных анализа 20 глубинных интервью женщин зрелого возраста (от 50 до 60 лет), на момент интервьюирования работающих в органах социальной защиты населения (Иваново, 2014). Исследование позволило вскрыть ряд проблем, возникающих у женщин в профессиональной сфере. Так, подавляющее большинство опрошенных не удовлетворены своим социально-экономическим положением, негативно воспринимают модернизацию, не имеют инструментов влияния на принятие управленческих решений, допускают возможность смены места работы, несмотря на высокую степень вовлеченности в профессию. Особое внимание женщины обратили на изменения социально-трудовых отношений, например, в контексте «руководитель–подчиненный» (амбициозность и агрессивность, проявляемые руководителями более «молодых» возрастных категорий по отношению к сотрудникам предпенсионного и пенсионного возраста, превалирование «силовых» решений проблем, схематизм в оценках и др.). Можно предположить, что «омолаживание» культуры в целом обуславливает дискриминацию женщин зрелого возраста, затрудняет их профессиональную социализацию.

ПУШКАРЕВА Наталья Львовна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), pushkareva@mail.ru

ЖЕНЩИНА-ИНТЕРВЬЮЕР ПЕРЕД ЖЕНЩИНОЙ-РЕСПОНДЕНТКОЙ: СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ СБОРА ПОЛЕВОГО МАТЕРИАЛА

Убежденность феминистски-ориентированных исследователей в возможности преодолеть андроцентризм в ан-

тропологии заставила сформулировать некоторые основные приемы и методы работы, которые могут сделать эту науку из мужских исследований мужского общества [Джесси Бернхард, 1973] наукой, которая замечает женский социальный опыт, наукой женщин. Первый и главный – отказ от «смешения» мужских и женских нарративов в полевой работе. Второй – «понимать женщин, принимая их жизненную перспективу». Если в 1970-е годы превалирующей была идея общности женского социального опыта как опыта страдания, то в 1990-е на первый план вышла задача изучения множественности женских социальных практик. Если традиционная наука стремилась непременно найти наиболее типичное из бытующего, то обновленная призывает стараться выявлять все инвариативное множество и *позиционировать женщин как «ключевых информаторов»*. Особое внимание – фиксации *женского опыта с точки зрения самих его носительниц*, изучению женского опыта на «ближайшем окружении» (рефлексивная антропология, самоантропология, *anthropology at home*: «Личное – это политическое»). Как особая задача реализуется изучение *аспектов, которые не всегда исследуются* учеными-мужчинами (роль дочерей в семье, практики женской повседневности в гигиене и лечении женских болезней, своеобразие женского аутосексуального опыта, вообще *пристальное внимание к телу* и его роли в культуре). Гендерно-чувствительное исследование *учитывает разные эмоциональные среды и состояния объектов* в зависимости от их гендера и предполагает *сопоставление информации* об одном и том же явлении, *сообщенной мужскими и женскими информаторами*, так как только таким способом можно реконструировать «мужской» и «женский» дискурсы. Только при таком компаративистском подходе возможно ставить вопрос о постоянном, хотя и скрытом, действии механизмов воспроизводства власти и гендерной асимметрии в обладании ею. Задача сопоставления ответов на одни и те же вопросы анкеты *удлиняет этап изучения и наблюдения*. Однако без этой длительности не может быть глубоко и подробно исследован контекст явления, а контекстуальность – обязательное требование новейших этнологических штудий. Исследователи 1970–1980-х годов изучали различия *между полами*, нынешние – различия *внутри* гендерно-гомогенного сообщества, в том числе путем *воссоздания «женских генеалогий»* – сети связей подруг и родственниц. Вместо «самоустранения» (дистанцирования) от объекта изучения и хваленой мужской «объективности» на первый план они выдвигают эмпатию и инсайдинг, выясняют значимость влияния близких (например, членов семьи) *на поступки личностей*. Гендерно-чувствительное исследование – не нудная работа, не способ заработать побольше, но радость от возможности помочь другому и знания способов этой помощи.

РАЗЖИВИНА Дарья Андреевна

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль), daryarazzivina@mail.ru

ПЕРЕПИСНЫЕ ЛИСТЫ 1897 ГОДА ПО г. ЯРОСЛАВЛЮ КАК ИСТОЧНИК О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ В КОНЦЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Первичные Переписные листы I Всероссийской переписи населения 1897 года являются ценными источниками

информации по социальной, демографической, экономической жизни населения Российской империи конца XIX в. Несмотря на то, что к проведению всеобщей переписи населения в классическом понимании Россия подошла позже многих европейских стран, она превзошла эти страны по уровню методологической разработанности, широте охватываемых признаков, организации работ Первой всеобщей переписи населения 1897 года. Она проводилась по оригинальной программе, при этом учитывала особенности российской жизни. Переписной лист дает нам массу разнообразных сведений, начиная от того, какое место в семейной иерархии женщина могла занимать, указаны ее возраст, место рождения, социальный статус, место ее реального проживания, вероисповедание, количество ее детей и внуков, родной язык, образование, род занятий и физические недостатки. Вследствие того, что переписные бланки должны были быть уничтожены сразу же после получения агрегированных статистических данных, они сохранились далеко не на всей территории бывшей империи. Вторые экземпляры переписных листов предписывалось хранить в местных органах министерства внутренних дел, поскольку разработка переписного материала занимала много времени, да и материал мог пострадать во время перевозки. В Ярославском государственном областном архиве сохранился большой комплекс первичных переписных листов. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что первичные переписные бланки являются бесценным источником информации о повседневной жизни русской женщины конца XIX в.

РАЗИНА Татьяна Валерьевна

Ярославский филиал Московского психолого-социального университета (Ярославль), razinat@mail.ru

ПОЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Несмотря на юридическое равенство в правах, наблюдается скрытая дискриминация женщин в сфере науки: при поступлении в аспирантуру, на работу, оценке творческого вклада в науку, профессиональных качеств, что отмечают как отечественные [Агамова Н.С., Аллавердян А.Г., 2000; Винокурова Н.А., 2009 и др.], так и зарубежные ученые [Shen H., 2013; Feist G. J., 2006; Smith D.R. et al., 2001]. В ходе наших эмпирических исследований в научно-исследовательских институтах Республики Коми мы установили, что количественные показатели научной продуктивности женщин (статьи, монографии, индексы цитирования, количество защищенных аспирантов и др.) в целом ниже, чем у мужчин, за исключением патентов. Однако при этом выборка мужчин по критериям продуктивности значительно более разнородна. Диагностируя мотивацию научной деятельности, мы установили, что ее общий уровень у мужчин статистически значимо выше, чем у женщин. Выше уровень мотивов, связанных с личностными качествами мужчин (конкуренции, достижений), ответственных за статус (внешние), а также познавательная мотивация. Уровень когерентности системы мотивации научной деятельности у мужчин выше, чем у женщин, однако структуры системы показали высокую степень подобия ($\chi^2 = 0,65$ при $p = 0,04$). Взаимосвязь мотивационных подсистем с типично мужскими личностными качествами (т.е. их обусловленность дей-

ствием личностной метасистемы) позволяет предположить, что отличия в мотивации – скорее причина, а не следствие явления, которое выглядит как скрытая гендерная дискриминация.

РАФИКОВА Светлана Анатольевна

Сибирский государственный технологический университет (Красноярск), svet4786@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК СИБИРСКИХ ГОРОЖАНОК В УСЛОВИЯХ ЖИЛИЩНО-БЫТОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1960-х ГОДОВ

Согласно авторскому определению, повседневность – это субъективно значимая реальность, запечатленная в типичных поведенческих практиках и ментальных структурах. Несмотря на наличие таких имманентных признаков как устойчивость, повторяемость, типичность, повседневность способна трансформироваться в результате изменения объективных условий ее протекания. Шестидесятые годы прошлого века стали временем кардинальных изменений условий и «среды обитания» сибирских горожан, формирования новых стандартов городского образа жизни. В частности, представляется актуальным проанализировать взаимосвязь перемен в жилищно-бытовой сфере (первый индустриальный переворот в оснащении быта, массовое строительство благоустроенного жилья, создание государственной службы бытового обслуживания населения и проч.) и жизнедеятельности женской части городского населения сибирского региона. Реконструирование повседневных практик опирается не только на материалы социальной статистики и бюджетов времени, но и на воспоминания и фото из личных архивов сотен информаторов, собранные в ходе реализации проекта «Живая история: народные мемуары». Также используются данные этнографических, художественных, сатирических описаний, городской фольклор, кинофильмы и другие неформальные источники. Изменения в жилищно-бытовой сфере набирали в 1960-е годы революционные обороты, существенно изменяя сами алгоритмы повседневности и модели женского поведения.

РЯБКОВА Екатерина Сергеевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), katerinaspositiv@gmail.com

ТЕНДЕНЦИИ СМЕНЫ ЖЕНСКОЙ ТЕМАТИКИ В СОВЕТСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПРЕССЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950–1960-х ГОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

На основе выпусков советских журналов середины 50-х – начала 70-х годов XX в., таких, как «Работница», «Крестьянка», «Здоровье», «Советская женщина», «Женский журнал», «Домоводство», с помощью историко-типологического анализа в исследовании планируется изучить актуальность темы здоровья советских женщин и девушек, а также проследить и проанализировать отраженную в прессе тенденцию смены приоритетных вопросов женского здоровья. Производственные темы и агитационные лозунги, нацеленные на восстановление промышленного комплекса после окончания Великой Отечественной войны, сменились во второй

половине 1950-х – начале 1960-х годов более близкими женщинам вопросами повседневности, в том числе, вопросами о здоровом питании, о сохранении фигуры, о вынашивании детей и родах, о психологическом климате в семье.

В этот период женские журналы видели свои задачи в формировании образа счастливой и здоровой советской женщины, в то время как в соседней КНР в женской прессе (в журналах «Женская газета», «Китайские женщины», «Женский труд», «Обновление женского общества», «Женский вестник», «Новые женщины») вопросы здоровья и повседневности тоже не были забыты, а наоборот, популяризировались в обществе с подачи Коммунистической партии Китая для повышения производительности женского труда.

САВЕЛЬЕВА Татьяна Викторовна

Миасский филиал Челябинского государственного университета (Миасс), tatjana-saveljeva2010@yandex.ru

ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ РОЖЕНИЦ: XXI ВЕК

Вера в приметы актуализируется в ситуациях, связанных с риском, к которым, безусловно, относятся роды. Исследование основывается на анализе интернет-форумов будущих мам, а также на материалах полевых исследований в г. Миассе. Собран обширный комплекс бытующих в наши дни примет, касающихся пола, здоровья, судьбы будущего ребенка. Под приметами в работе подразумеваются имплицативные высказывания о взаимосвязи двух событий, характер отношений между которыми не очевиден. Собранный комплекс примет условно разделен на три группы:

- (1) запреты, оберегающие роженицу и будущего ребенка от злых сил (нельзя ходить на кладбище, стричь волосы и т.п.);
- (2) предписания, влияющие на судьбу ребенка (смотреть на красивых людей, умываться молоком и т.п.);
- (3) суеверия, связанные с тем, что беременная женщина является носителем плодородной силы (угостить беременную яблоком, чтобы был хороший урожай яблок).

Рассматривая генезис собранных примет и суеверий, мы видим, что многие из них были не лишены рационального смысла. Однако сегодня среди примет, основанных на традиционных народных представлениях о приходе человека в этот мир, выделены и суеверия, не имеющие под собой основы (для легких родов нужно трижды обойти вокруг стола, по углам которого насыпана соль). Двойственное отношение современного человека к приметам отмечено многими исследователями. Зачастую женщины, которым не удалось перед родами сблизиться с какой-либо приметой, даже если они не верят в нее, психологически настроены на роды негативно, что осложняет их течение.

СЕЛЕБИНКО Зинаида Владимировна

Томский политехнический колледж (Томь), zhzina@mail.ru

ПОИСК ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ (в разрезе неформальной субкультуры)

Известно, что «гендер» – не природная данность, а социокультурный конструкт. Идентичность – поиск самого себя, которая предполагает самоопределение и самосознание. Гендерная идентичность характеризуется степенью идентификации себя «мужчиной», «женщиной» или сочетанием

того и другого социокультурного конструкта. В процессе становления и развития подросток вступает во взаимодействие своей природной характеристики с окружающей его культурной действительностью, таким образом, он создает «свой гендер». Он либо принимает роли и модели поведения общества, либо отвергает их, в том числе через неформальную субкультуру. Э. Эриксон назвал данный феномен «психосоциальным мораторием», который как бы дает подростку время на самоопределение. Субкультура, таким образом, становится «пространством для игр», где молодые люди могут экспериментировать, в том числе и с гендерной идентичностью. Андрогинный характер, выраженный в одежде и атрибутике молодежных субкультур, позволяет юношам и девушкам избегать не нужных для них «взрослых» вопросов «Кто ты есть?». Многие считают, что молодежные субкультуры негативно сказываются на социализации личности, но, на мой взгляд, молодежные субкультуры – это еще один из возможных путей к поиску своей идентичности.

СЕМЕНОВА Антонина Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), mercadera@yandex.ru

ЖЕНСКИЙ И МУЖСКОЙ ПЕСЕННЫЙ РЕПЕРТУАР НА МЕЗЕНИ

Первые паспортизованные записи мезенских песен были выполнены участниками экспедиции секции крестьянского искусства ГИИИ в 1928 г. Помимо свидетельства популярности определенных песен эти записи дают представление о песенной компетенции женщин и мужчин. Выбор тех или иных песен для исполнения позволяет говорить о гендерных предпочтениях в сфере пения. Эти предпочтения напрямую связаны с прагматикой пения: ничто не поется без цели, поскольку пение, как и фольклор в целом, – это речевая деятельность.

Значительная часть материала экспедиции ГИИИ и экспедиций Сектора народного творчества ИРЛИ АН СССР 1958 и 1961 гг. остается не опубликованной. Этот доклад основан на работе с архивными материалами, публикациями, а также с полевыми записями фольклорно-антропологических экспедиций Санкт-Петербургского государственного университета.

Помимо общих выводов на основании статистических подсчетов на данный момент описан индивидуальный репертуар нескольких десятков исполнителей. Критерием для отбора исполнителей служило наличие хотя бы минимальных биографических сведений о них. Краткие биографические справки составляли собиратели. Имеется несколько достаточно подробных биографических очерков, написанных со слов исполнителей, а также одна автобиография. Исполнители, от которых записывались песни в экспедициях СПбГУ, рассказывали о себе в ходе интервью. Включение в исследование фигуры поющего человека позволяет увязать статистику с прагматикой исполнения.

СЕРОВА Ирина Анатольевна

Пермский государственный медицинский университет им. академика Е.А. Вагнера Минздрава РФ (Пермь), berrymoor@perm.ru

ГЕНДЕР-СЮРПРИЗ: ДИНАМИКА ЖЕЛАНИЙ

В начале перестройки предлагалось много грантов по гендерной проблематике. Используя эту ситуацию, был

проведен опрос среди студентов-второкурсников о желании сюрприза: «Какой подарок Вы хотели бы получить от Сороса для наиболее полного раскрытия своих мужских или женских качеств?» В 1990-е годы 100% юношей желали автомобиль, девушки – любви. Через пять лет автомобиль потребовался лишь двум молодым людям, остальным стали нужны деньги. Появились новые идеалы: власть («пульт дистанционного управления людьми»), образование, хороший набор инструментов, среди романтических – гитара. В ответах девушек на первом месте – автомобиль, на втором – красивая одежда, далее – квартиры, путешествия, кулинарные книги, услуги по сохранению здоровья, совершенствованию тела, цветы. Многие мечтали о частных медицинских центрах. Традиционно был актуален «квартирный вопрос». Потребность в мужчинах камуфлируется. Еще через пять лет на первое место для мужчин выходит спорт. Стремление к власти представлено желаниями иметь пистолет, трон, счет в швейцарском банке, хорошие наручные часы, не просто автомобиль, а автомобиль определенной марки. Большинству женщин, как и прежде, требовалось решить квартирный вопрос, вторая половина ценила бриллианты. Желание получить в подарок частный медицинский центр исчезло.

СИДОРОВА Галина Петровна

Ульяновский государственный технический университет (Ульяновск), gala_si_61@mail.ru

**КИНОРЕЖИССЕР – НЕ ЖЕНСКАЯ ПРОФЕССИЯ:
«КЛИШЕ И АТАВИЗМ» ИЛИ ОСОБЕННОСТИ
ПСИХОЛОГИИ?**

Изучая советскую повседневность по фильмам 1960–1980-х, я впервые заметила, что в моем списке среди режиссеров всего одна женщина – Татьяна Лиознова. Составляя тематический каталог современных российских фильмов, посвященных советской эпохе, снова обнаружила, что среди режиссеров почти нет женщин. Профессия режиссер никогда не входила в «Перечень тяжелых работ...», где запрещается женский труд, но выборка «самых-самых» из российских кинорежиссеров дала ожидаемый результат: 153 мужчины / 10 женщин. Пробный контент-анализ высказываний представителей профессионального сообщества выявил попытки объяснить численное превосходство мужчин и две позиции в отношении к гендерному аспекту этой профессии. Первая: представление, что кинорежиссер – мужская профессия, – это «клише, не имеющее отношения к реальности», «атавизм» (Ангелина Никонова). «Сексистское отношение, мол, режиссер – не женская профессия, больше ни на чем не основано» (Вадим Рутковский). Вторая позиция: «кинорежиссер – не женская профессия» (Владимир Меньшов). У женщины, которая становится высококлассным режиссером, «возникают очень серьезные потери в женщине. Потому что это слишком жесткая профессия, требующая... принятия решений мгновенно» (Никита Михалков). В осмыслении проблемы важную роль играют высказывания: «Как правило, у всех женщин-режиссеров мужской характер» (Маша Соловьева), Татьяна Лиознова – «железная леди» советского кинематографа (Вячеслав Шмыров). Гипотеза: в контексте современной культуры число женщин-режиссеров растет, но успешными становятся те, чей инди-

видуальный способ поведения в профессии оценивается по традиционным социокультурным нормам как «мужской».

СИНОВА Ирина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург), s-irina@yandex.ru

**ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ И
БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА**

Анализ детских воспоминаний о войне и блокаде способствует выявлению и классификации вопросов, которые представляли для мальчиков и девочек наибольшую значимость и сохранились в их памяти, порой в деталях подробностях, несмотря на давность лет, а также позволяет выделить в их содержании общее и особенное с учетом гендерной принадлежности авторов. Мальчики и девочки запомнили то, что для них казалось самым важным, при этом в памяти у них запечатлелись разные сюжеты и события. Мальчики больше внимания в нарративах уделяют военным действиям, девочки же преимущественно сосредоточены на вопросах быта. Глубокий след в памяти детей оставили потери родных и близких, которые им пришлось пережить. Дети сталкивались с не свойственными их возрасту вопросами, существуя на грани жизни и смерти, им хотелось хотя бы ненадолго отвлечься от мыслей о еде, обстрелов и бомбежек. Они, несмотря на быстрое взросление в условиях военного времени, сохранили в своей памяти не только учебу в школе, но и те немногочисленные и не очень разнообразные игры, праздники и развлечения, которые все же были в осажденном Ленинграде. Отличительными чертами детских нарративов является то, что они вспоминают горькие потрясения, свои личные переживания, страхи, необычные впечатления, порой обрывки событий, но при этом в рассказах отсутствует целостная картина происходившего, имеет место определенная схематичность восприятия сюжетов и конкретных людей.

СПИЦЫНА Наиля Хаджиевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), nailya.47@mail.ru

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ
ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗМЕРОВ СЕМЬИ**

Институты брака и семьи неразрывно связаны с демографическими процессами воспроизводства народонаселения, отличающимися чрезвычайной сложностью и зависящими от совокупности факторов как биологической, так и социальной природы, географических условий проживания и экологии окружающей среды. В обществе весьма велики индивидуальные различия между людьми (от случаев гибели индивидов до достижения репродуктивного возраста, безбрачия, бездетности, до многодетности в браках). На популяционном уровне процессы репродукции также имеют свои характерные особенности проявления, зависящие от влияния совокупности социальных, экономических, этнических, географических условий проживания, экологии окружающей среды, а также целого комплекса биологических факторов [Курбатова О.Л., 1992, 2014; Спицына, 1993, 2006, 2014; Курило, 2009, 2010 и др.]. Размеры семьи определяют

ся каждой брачной парой и во многом зависят от совокупности социально-экономических, этноконфессиональных и биологических факторов. К числу последних можно отнести случаи безбрачия, бесплодия, бездетности, смертности в младенческом, дорепродуктивном, репродуктивном возрасте. Именно репродукция является универсальным индикатором социального и биологического состояния общества. В исследовании отмечаются такие тенденции, как снижение фертильности, рост патологии и осложнений в родах, пренатальной и постнатальной смертности, бесплодия в браках. Усиление искусственного контроля рождаемости в популяциях вместе с увеличением пропорции естественной убыли населения представляют серьезную проблему не только для настоящего, но и будущих поколений. Особую востребованность исследование антропогенетических основ биологической компоненты процессов воспроизводства приобретает в РФ в период происходящих социально-экономических преобразований.

СТОЯНОВА Галина Николаевна

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина), z_galya@mail.ru

МОРЯЧКИ: СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА, СУБКУЛЬТУРА, ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ

Жены моряков (морячки) – определенная социальная группа, численно присутствующая в любом портовом городе. На первый взгляд, представители данной группы ничем особым не выделяются. Они, как и все женщины, выполняют привычный набор функций: заботятся о муже, детях, доме. Но к этому перечню добавляется еще одна – они ждут... Жизненное время жен моряков подвержено своеобразному делению: время ожидания/время совместного пребывания с мужем. В зависимости от этого и выстраивается собственная жизненная стратегия. Но только ли этим морячки отличаются? Можно ли их определить как особую субкультуру? И, если существование такой субкультуры, как морячки, не подвергается сомнению, хотя и требует более детального изучения, здесь мы имеем дело не просто с объединением сугубо по роду занятий. Налицо и явные признаки субкультуры – свой жаргон, набор определенных суеверий, наличие некой ритуальной практики, плюс особенности жизненного цикла (наличие двух жизней – одна – в рейсе, другая – дома). С женами дело обстоит иначе. В докладе на основе личных наблюдений, опросов, мониторингов форумов и специализированных групп в социальных сетях делается попытка определить специфику такой особой группы женщин, как морячки. Пропуск в нее дает наличие мужа/жениха, сына/отца моряка. О специфике данной группы говорит определенная статусность (жена матроса, стармеха, капитана), наличие Кодекса жены моряка, предположение особым источникам информации и т.д.

СТРОГАНОВА Евгения Нахимовна

Тверской государственный университет (Тверь)

Е.П. РОСТОПЧИНА КАК СТИХИЙНАЯ ФЕМИНИСТКА

В России феминизм как идеология и общественное движение оформился в конце XIX в., но его истоки можно найти раньше, в том числе в творчестве писательниц первой

половины века. И одной из первых надо признать Е.П. Ростопчину, за которой и при жизни, и в XX в. утвердилась репутация поэтессы «бальной, салонной».

Ростопчина едва ли не первой в русской литературе показала ценность женской жизни с ее бытовыми особенностями и психологическими нюансами. В лирике поэтессы выражаются особенности женского мировосприятия, женского взгляда на мир, женских ожиданий. Но есть у нее и гражданские стихи, которые не только свидетельствуют об интересе к общественным явлениям, но самим фактом своего существования утверждают право женщины выражать свою позицию. И в творчестве пишущих современниц она ценила собственное слово, особую женскую интонацию. Таким образом, тексты Ростопчиной, независимо от их тематики, утверждали право женщины-гражданки иметь свое мнение, право женщины-автора создавать свои формы для выражения собственного взгляда на мир.

Разумеется, феминизм Ростопчиной неотрефлексированный, стихийный, своего рода предфеминизм. Она не ратовала за экономическую независимость женщин или за их право получать равное образование с мужчинами, но своей личностью, общественным поведением и творчеством она утверждала равноценность женского мира мужскому и право женщин на участие в общей жизни.

ТИТОВА Иванны Владиславовна

Воронежский областной краеведческий музей (Воронеж), ivannatv@gmail.com

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКИХ СУЕВЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МИФОЛОГИЧЕСКИМ ПРОСТРАНСТВОМ ДОМА (домовой vs кикимора)

Анализ суеверных рассказов, связанных с мифологическим пространством дома, позволяет выделить целый ряд особенностей народных представлений о мужских и женских персонажах, которыми воображение крестьян населяло свой дом. Доминантным образом мифологического пространства дома являлся домовый. Его образ был (и остается) максимально самодостаточным. Однако в ряде случаев он мог дополняться сопутствующими персонажами.

В образе духа-хозяина дома и двора содержится весь спектр патриархальных представлений о главе большой крестьянской семьи. Образ домашнего пената в представлениях крестьян коннотируется положительно. Значимость его присутствия в крестьянском доме или на подворье, а также важность его благорасположенности к семье и всему крестьянскому хозяйству были чрезвычайно велики. Будучи подчас кровно связанным с родом и семьей, домовый выступал не только как защитник и гарант достатка и благополучия, но и как нравственный цензор, ревностно следящий за поведением всех членов семьи.

Женские персонажи мифологического пространства дома можно условно разделить на две группы.

Первая – это второстепенные образы, сопряженные с поверьями о домашнем пенате. Вторая – это самостоятельные женские персонажи. Коннотация женских образов, как правило, отрицательная. Отождествляясь с утратами, они являлись предвестницами, а то и персонализациями болезней, смерти и прочих несчастий.

Самым репрезентативным среди женских персонажей мифологического пространства дома можно считать образ кикиморы. Не являясь женской параллелью образа домашнего пената, кикимора в целом ряде случаев сближается с образом домового.

ТРОПОВ Игорь Анатольевич

*Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
(Санкт-Петербург), itropov@ya.ru*

**СОЛДАТКИ В РЕВОЛЮЦИОННОМ
ПЕТРОГРАДЕ (1917 г.)**

Падение самодержавия в России, расширение гражданских прав и свобод, усиление роли женщин в общественно-политической жизни на фоне серьезных экономических проблем в стране привели к резкой активизации движения солдаток за право на достойное существование. Новым явлением в 1917 г. стали организованные политические манифестации солдаток с целью оказания давления на Временное правительство. Жены солдат вошли в состав попечительств, кроме того, в столице сформировался «Союз солдаток Петрограда», представительницы которого приняли деятельное участие в работе образованной Временным правительством междудементальной комиссии по пересмотру законоположений о призыве семейств солдат под председательством товарища министра внутренних дел С.М. Леонтьева.

Однако появление новых организационных форм выражения гражданской активности не изменило общей направленности движения солдаток. Проявления эгалитарности, антибуржуазности и крайнего нетерпения в 1917 г. только усилились. Доводы экономистов об отсутствии в казне средств для увеличения пайка не были услышаны. Изнуренные тяготами повседневной жизни, уставшие и озлобленные, солдатки уже не могли оценить того «малого», что было сделано для них государственными и общественными органами; они не слышали тех, кто обосновывал гибельность для экономики страны их завышенных материальных ожиданий. Вопросы экономической жизни все теснее увязывались в сознании солдаток с вопросами политическими. Невозможность выполнения властями сформулированных солдатками и поддерживавшими их социалистами требований была одним из важнейших факторов дестабилизации обстановки в России осенью 1917 г.

ФИЛАТОВА Светлана Владимировна

*Пензенский государственный технологический университет
(Пенза), col4uginasvetlana@yandex.ru*

**«МУЖСКИЕ» ИНТЕРЕСЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ РУССКИХ ЖЕНЩИН
ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСЛОВИЙ**

И в научном, и в обыденном сознании существовало и существует условное разделение на «женские» и «мужские» занятия. К последним – особенно в традиционном представлении – относили интерес к собакам, лошадям, охоте. Однако подобные стереотипы далеко не всегда соответствовали действительности. И в повседневном мире женщины находилось место для занятий вне рамок уютной гостиной. Многие знали и любили собаководство. Так, одна из пензенских

мемуаристок, описывая спальню своей тетки, сообщала, что «над кроватью там висел большой ковер, на котором были изображены собаки всех пород». Две барышни – юная и не очень – отлично проводили время в беседах о четвероногих красавцах. И.М. Сеченов писал в своих воспоминаниях, что его сестра Серафима «страстно любила всех вообще животных, преимущественно собак, и воспитывала в этом году волчонка». Интерес к животным со стороны женщин мог достигать по-настоящему впечатляющих масштабов. В частности, Наталья Николаевна Устинова, супруга действительного статского советника, содержала конный завод при селе Грабово Пензенского уезда, где разводила упряжную породу лошадей. Хозяйка (разумеется, не без помощи управляющего) лично занималась делами завода. Таким образом, подчеркнем: круг интересов женщины никогда не ограничивался исключительно домом, семьей, детьми. Общественное мнение вполне толерантно относилось к нетрадиционным интересам женщин, при условии, что в целом их поведение отвечало принятым стандартам.

ХЛЫЗОВА Александра Александровна

*Южно-Уральский государственный университет (Челябинск),
klyzova_a.a@mail.ru*

**ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ КАК ОСНОВНАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ
НА СОВЕТСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ**

Женские образы, репрезентировавшиеся Центральным телевидением СССР, интересны, самобытны и полностью соответствуют противоречивой идеологии советского государства. Несмотря на стремление женщин-журналисток воплощать образы тружениц, активисток, инициативных работниц, они были больше объектом действия, нежели субъектами, играя роль партнера мужчины и, работая в большей степени в развлекательных телепередачах, старались быть женственными, привлекательными, модными, красивыми и даже сексуальными, а также в некоторой степени воплощали материнские черты. Они стремились стать «своими» для аудитории, быть женщинами из народа, но их сравнение с реальными советскими женщинами, попадавшими на телеэкран, показывает, что труженицы, крестьянки, работницы, спортсменки в большей степени воплощали силу, атлетичность, мужество, но не женственность. Репрезентация реальной советской женщины как матери практически отсутствовала вплоть до 1970-х годов, что свидетельствует о нивелировании роли матери в воспитании ребенка, характерное для советской гендерной политики того времени. Репрезентация женщины-матери усилится после утверждения «идеологии домашнего очага», и в 1980-е годы основной станет репрезентация «работающей матери». При этом можно говорить о некоторой взаимодополняемости женских образов, репрезентировавшихся Центральным телевидением СССР: если реальные советские женщины сталкивались со сложностями в реализации материнской функции, то эту функцию опосредованно осуществляли женщины-журналисты, создавая образовательные и развлекательные телепередачи для детей. Поэтому женские образы Центрального телевидения, несмотря на репрезентацию противоречивых идеологических требований, в какой-то

степени воплощали те характеристики, которые были общественно необходимы.

ШАЛЫГИНА Наталья Валентиновна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), etgender@mail.ru*

**ГЕНДЕРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА
В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ
(свободный выбор или современные
технологии «промывания мозгов»?)**

Проблемы культурных взаимовлияний сегодня, в условиях глобализации, приобретают новые смыслы и значения. Если классические школы в сфере культурной антропологии, начиная с XIX в. закладывали базовые, фундаментальные основы изучения процессов культурного обмена (Л. Фробениус, Л. Леви-Брюль, М. Мосс, А. Кребер), то в конце XX – начале XXI в. акценты сместились почти исключительно к политической/геополитической стороне вопроса. Любое направление междисциплинарного пространства в современной науке, затрагивающее проблемы культурных взаимовлияний, так или иначе имеет в виду их прагматическое значение для глобализирующегося мира.

Ломка традиционных для российской ментальности гендерных ценностей (полная семья, доминирование зрелой маскулинности в брачных отношениях, паритетная основа воспитания детей и т.п.), продолжавшаяся без малого три последних десятилетия, в отечественной науке нередко объясняется вхождением России в так называемое «открытое общество» западного мира и проникновением в нашу культуру его либеральных ценностей. Но насколько естественным для гендерных архетипов россиян стал такой выбор? Гипотеза, предполагающая направленное воздействие культурного обмена, который и инициировал трансформацию гендерных стереотипов в современной России, сегодня становится все более и более актуальной. Автор доклада предлагает рассмотреть конкретные технологии, известные под общим названием «промывание мозгов» (Р.Д. Лифтон), и их интерпретации применительно к современным теориям социального конструирования гендера в условиях глобального культурного обмена.

Доклад построен по принципу критического анализа технологий «промывки мозгов» в сфере гендерных отношений и оценки их успешности в современной России.

ШИХОВА Светлана Владимировна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), Simigr@yandex.ru

**ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ
ФАКТОРЫ ТРАНСГЕНДЕРНОСТИ И
ИНТЕРСЕКСУАЛЬНОСТИ**

Существование в нашем обществе таких явлений, как трансгендерность (явление несовпадения социального и биологического пола) и интерсексуальность (присутствие у одного человека признаков обоих полов), заставляет нас задуматься о том, насколько сложен процесс формирования биологического и социального пола. Каким образом наши гены формируют наш биологический пол и пол нашего мозга? Существуют ли физические различия в работе мозга лю-

дей, чей биологический пол соответствует социальному, и тех, чей биологический и социальный пол различаются? Какой вклад в половую самоидентификацию вносит социум? И к какому полу может быть причислен человек, имеющий физические признаки обоих полов? На данные вопросы докладчик постарается дать ответы в ходе своего рассказа.

ШНЫРОВА Ольга Вадимовна

*Ивановский государственный университет (Иваново),
olgashnyrova@mail.ru*

**«И ДЕВУШКА НАША ПРОХОДИТ В ШИНЕЛИ»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В
ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ В РОССИИ 1918–1920 ГОДОВ**

Россия является исключительным примером привлечения женщин в регулярную армию еще во время Первой мировой войны. Последовавшие за ней революция и гражданская война разделили российское общество на два враждующих лагеря. Обе стороны испытывали острую нужду в ресурсах, включая людские, что привело к тому, что процесс привлечения женщин к военной службе стал осуществляться не только на добровольной, но и на мобилизационной основе. Женщины служили в госпиталях, штабе, и разведке, трудовых отрядах, в рамках партийной мобилизации – в регулярных частях Красной Армии. Свыше 79 тыс. женщин сражались в рядах Красной Армии, 55 из них были награждены за героизм орденом Красного знамени. Это составляло около 6% от общей численности красноармейцев, но вместе с тем, сам факт их участия опровергал последний довод против женского равноправия: женщина не может иметь тех же политических и гражданских прав, так как не может выполнять равных с мужчиной обязанностей, в том числе служить в армии. Новым было то, что женщины теперь служили не в специальных женских батальонах, но в обычных частях регулярной армии, вторгаясь в мир, традиционно считавшийся исключительно мужским. Это неизбежно приводило к изменениям в гендерных ролях и нормах, трансформации телесных практик, что, в свою очередь, нашло отражение в новых репрезентациях революционной и героической женственности в раннесоветской живописи и литературе.

ШУБИНА Полина Владимировна

ШУБИНА Татьяна Федоровна

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова (Архангельск), polinashubina@mail.ru*

**ЖЕНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ
(по материалам этносоциологического
исследования в Архангельской области)**

Российская Федерация (тогда СССР) ратифицировала Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в 1980 г., а Конституция РФ (ст. 19, часть 3) закрепляет идею гендерного равенства: «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Но многими осознается дискриминация женщин в различных сферах: от семьи до политики. Сами женщины отмечают, что дискриминация в политической сфере проявляется наиболее часто (по срав-

нению с профессиональной сферой, семьей, общественной жизнью, наукой и образованием), а мужчины (около половины опрошенных) указывают, что во всех сферах, кроме политики, равноправие уже достигнуто.

С другой стороны, характерной чертой политического мировоззрения гражданина РФ на протяжении многих лет является неверие в возможность влиять на политические процессы и решения даже на местном уровне, но в последнее время заметно увеличение доли активных женщин в общественно-политических движениях или НКО. Дело в том, что в РФ – да и в постсоветском пространстве вообще – установка на гражданскую активность характерна для женщин не меньше, чем для мужчин. Они заявляют о том, что хотели бы участвовать в работе общественной организации, хотя довольно редко реализуют эту установку.

Одним из наиболее мощных побудительных мотивов к участию женщин в деятельности общественных организаций является стремление компенсировать слабость социальной политики государства. По-видимому, этим же объясняется одобрение участия женщин в политике.

ШУЛЬГА Руслан Юрьевич

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Москва),
ruslan.shulga@gmail.com*

БУДУЩЕЕ МАТЕРИНСТВА И ОТЦОВСТВА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ СЕМЬИ И РАЗВИТИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ

В настоящее время в вопросах заботы о детях, выполнения социальных функций в семье в обществе преобладают гендерные стереотипы в отношении «особой роли» матери, осуществляющей уход за детьми, а мужчин (отцов) рассматривающих как основных кормильцев в семье. Действующие подходы в российском праве и правоприменительная практика ориентированы главным образом на женщину (мать), при этом, практически ничего не делается для повышения авторитета отцовства, ответственности обоих родителей за воспитание детей. Родительство фактически приравнивается к материнству, что не учитывает последние тенденции в изменении подходов к понятию семьи (когда под семьей понимаются любые союзы между двумя физическими лицами, независимо от их пола, для организации совместной жизни) и роли родителей в воспитании детей, а также развитие новых биотехнологий (эктогенезис), открывающих путь для «нового отцовства» (в том числе, если мужчины в будущем смогут рожать с помощью биотехнологий). Эти проблемы в свете изменяющегося представления о понятиях «мужчина», «женщина», «семья», «родительство», «материнство», «отцовство» ставят перед исследователями задачи разрешения сложных правовых, социальных и этических вопросов. Требуется воплощать на практике подлинный смысл принципа равноправия между мужчиной и женщиной в достижении более справедливого распределения семейных обязанностей, где во главу угла должно ставиться благополучие ребенка; и стремиться к постепенному отказу от дискриминационных практик ограничения прав в воспитании детей одинокими людьми и фактически существующими различными типами семей.

ШУСТРОВА Ирина Юрьевна

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
(Ярославль)*

ЗАНЯТИЯ ЖЕНЩИН В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ КОНЦА XIX ВЕКА (по материалам Переписи 1897 года по Ярославской губернии)

Материалы Первой всеобщей переписи Российской империи представляют собой важный источник, позволяющий проанализировать не только состав семьи, уровень образования ее членов, но и занятия населения. На основе данных, содержащихся в первичных листах, можно судить о том, что женский труд оставался наиболее востребованным в домашнем хозяйстве. Горожанки, особенно из крестьянского и мещанского сословий, были востребованы в качестве домашней прислуги (речь идет не только о постоянной занятости в той или иной семье, но и о разовых работах). Вместе с тем заметен рост применения женского труда в промышленности, особенно текстильной. Предпринимательская деятельность женщин чаще всего была связана с семейным бизнесом. Так, нередко именно вдовы возглавляли небольшие мастерские различного профиля, трактиры, пекарни, кондитерские, магазины, лавки. Часть женского населения была занята в сфере производства одежды. Наиболее часто встречаются упоминания портних, белошвеек, модисток, мастериц дамских шляп, кружевниц, вязальщиц чулок. Значительная доля женского труда была связана с торговлей. Единичными являются упоминания о службе женщин в почтово-телеграфном ведомстве. В системе образования и здравоохранения женский персонал (учительницы, повивальные бабки, акушерки, костоправки) упоминается не столь часто, как мужской. В целом, анализ первичных материалов Переписи позволяет выявить тенденции формирования профессиональной деятельности женщин в зависимости от темпов урбанизации и модернизации российского общества в пореформенный период.

ЯВНОВА Лариса Александровна

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина (Бийск), lar.javnova@yandex.ru*

РОЛЬ ЖЕНЩИН В РАБОТЕ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ АЛТАЯ

Обзор исторического опыта женского движения в регионе позволил обобщить материалы по истории возникновения женских организаций на Алтае, показать их разностороннюю деятельность, имевшую значительную социальную эффективность. Организованные специальные органы по работе с женщинами – женотделы, женсоветы, иные формы женских объединений за время своей деятельности показали эффективную работу по вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь. Именно все это повлияло на дальнейшее развитие женского образования на Алтае. Хотя начало массового движения по ликвидации неграмотности положил декрет СНК РСФСР от 26 декабря 1919 г., эта работа в Алтайской губернии началась только с 1920 г. В Бийске в 1920 г. при уездном отделе народного образования был создан отдел национальных меньшинств. Тем не менее, темпы данной работы в 1920-е годы в Горном Алтае были невысоки. Основными причинами этого были недостаточность

квалифицированных кадров и финансирования. Сложно было привлечь к обучению девочек-алтаек, родители которых считали, что главная задача в жизни любой женщины – это ведение домашнего хозяйства. При формальном равноправии сохранялось фактическое неравенство женщин по многим аспектам трудовой деятельности, в системе общественного и политического управления, в семье. Биографии делегатов показывают, что многие женщины оказывались в ситуации выбора между общественной деятельностью и личной жизнью, при этом, они готовы были успешно совмещать обе сферы.

ЯЛОЗИНА Елена Алексеевна

*Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва),
elena_yalozina@mail.ru*

ИСТОРИКО-ГЕНДЕРНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРОБЛЕМА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТИ

Развитие России в начале XX в. было отягощено социальными проблемами патриархальной «недокапиталисти-

ческой» деревни. Общества Русских Врачей, Детских Врачей, Всероссийский Союз борьбы с детской смертностью проявляли серьезную озабоченность причинами растущей смертности детей, достигавшей 300–800 человек на тысячу умерших. В России начала XX в. на 10 тыс. населения приходилось 1,3 врача, 1,7 фельдшера, 1,7 повивальных бабок. Деревенские роды проходили в «варварских условиях». Повитухи подвешивали рожениц, встряхивали, перетягивали, «вместо акушерских щипцов ковыряли палкой во внутренностях роженицы». Младенца парили в бане, обкуривали, трясли головой вниз. Первые месяцы новорожденного были критически опасны для его жизни. Крестьянская работа в поле заставляла мать оставлять младенца на попечение малолетних или престарелых родственников. Дети гибли от инфекционных заболеваний, голода или от «отравы» – соски из жеваного хлеба или каши, которую давали вместо материнского молока. Материнство крестьянок, сопряженное с муками рождения, трудностями вскармливания, выхаживания ребенка, зачастую его преждевременной потерей, несло отпечаток трагедии российских крестьянских семей.

Секция 44Б
ЖЕНСКОЕ vs МУЖСКОЕ В КУЛЬТУРАХ МИРА.
КУЛЬТУРА ЭТНОСА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО
С ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Пушкарева Наталья Львовна – д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

E-mail: pushkarev@mail.ru

Белова Анна Валерьевна – д.и.н., профессор, Тверской государственный университет (Тверь)

E-mail: belova_tver@rambler.ru

АХМЕДОВА Фатима Ахатовна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва), fatimaahmedova@yahoo.com*

**ТАДЖИКСКАЯ ЖЕНЩИНА
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ**

Пожалуй, первые описания женского населения региона Средней Азии принадлежат русским ученым. В качестве наиболее яркого примера, доказывающего разницу в положении женщин – представительниц различных культур (оседлой и кочевой), используется сравнение женщины-таджички с женщиной-киргизкой. Последняя, по словам русского и советского востоковеда, профессора А.А. Семёнова, не скрывает внешность от посторонних, и не изъята из общества гаремным затворничеством. Голова же женщины-таджички покрыта халатом, концы его она придерживает руками, которые старательно скрываются также. Рукава халата закидываются назад и связываются узлом у самых пят. Лицо закрывается черной сеткою из конского волоса, лицо незамужних девушек закрывается вместо черной сетки белой кисеи.

Так же, как мальчики, девочки оседлых народностей, прежде всего таджиков, посылаются на обучение в школу к женам имамов, обучающим их грамоте, слову Божьему и сказаниям о житиях мусульманских святых. Если мальчики прерывают обучение на время лета для оказания помощи своим родным на полях, то девочки получают свое образование и летом. Надо сказать, что период обучения девочек гораздо короче по сравнению с периодом обучения мальчиков, поскольку девочки рано выходят замуж в 10–11 лет. Мальчики обучаются лет до 16, хотя родители при необходимости могут прервать их учебу и раньше.

Положение женщины конца XIX в. описывается как довольно «грустное», часто она подвергалась насилию. Известно, что женщину со свету не составляло никакого труда, она – пария, отверженная обществом.

БЕКТУРГАНОВА Гульжан Кыдырбаевна

*Казахский государственный женский педагогический университет
(Алматы, Республика Казахстан), gulzhan_999@mail.ru*

**ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ТРАДИЦИОННОМ
ВОСПИТАНИИ ДЕВУШЕК В КАЗАХСТАНЕ**

Гендерное воспитание является важным аспектом развития в процессе социализации индивида, личности, общества, общности, нации. Гендерный подход в воспитании

включает в себя биологические, психологические, социальные и историко-культурные составляющие.

Женская тематика на фоне историко-культурного возрождения и семейных традиций казахского народа, а также проблема материнства, роль женщин в формировании института семьи и роль матери в нравственном воспитании личности непосредственно связаны с воспитанием подрастающего поколения казахских девушек.

В соответствии со своеобразными особенностями социально-экономических, культурно-исторических, природно-климатических условий у казахов-кочевников сложились свои требования к обучению и воспитанию детей, в частности, девушек. В традиционной семье девочку с малых лет очень берегли, баловали, а в переходный период, в возрасте 12–13 лет, после окончания двенадцатилетнего цикла (*мушел*), девочка из возрастной группы «кыз бала» переходила в группу девушек (*кыз*). В 14–15 лет начиналось воспитание девушки с учетом этикетных норм, в строгости, начиналась подготовка к замужеству. Особое внимание уделяли формированию личностных качеств, таких, как скромность, миролюбие, доброта, искренность, чистота поступков, слов, взглядов. В нынешние годы независимости Казахстана, в связи с изменением социально-экономического положения страны, казахские девушки получают традиционно-европеизированное воспитание нового времени, ориентированное на равноправие во всех социальных сферах.

БУЦЫКОВА Оксана Александровна

Дом дружбы народов (Самара), oksana77786@mail.ru

**ЖЕНСКОЕ БОЖЕСТВО В СИСТЕМЕ
РЕЛИГИОЗНО-ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЫ
ЧУВАШЕЙ**

Религиозно-мифологическая информация о мире представляла собой синкретичное знание. Она являлась одним из источников для анализа этноса, его менталитета, образа жизни, традиций и обрядов, т.е. его материальной и духовной культуры. Чуваша в прошлом, как и все народы мира, выработали свое особое видение реальной действительности, которое проходит через призму национального переживания этноса, чувства и смысла жизни, запросы и идеалы, что в итоге определяет специфику народной души и образа жизни.

Как известно, одной из характеристик человеческого мышления является биполярность. В культуре, в том числе

и чувашской, это выражается в существовании символов, образов, понятий, которые образуют антагонистические пары: космос – хаос, свет – тьма, добро – зло. Еще одной универсальной бинарной парой является мужское – женское. При этом доминирующую позицию в большинстве этнических культур и мифологических систем занимают мужские образы, но это не исключает глубину и значимость женских образов, что в большей степени обусловлено воспроизводящей функцией женщины, ее близостью к природе. Это нашло отражение и в религиозно-обрядовой культуре чувашей.

В докладе будет представлен гендерный анализ пантеона традиционной религии чувашей с выделением женских божеств, а также рассмотрен календарно-обрядовый цикл с точки зрения роли и значимости женской половины общины в нем.

ВЕРЖИБОК Галина Владиславовна

*Минский государственный лингвистический университет
(Минск, Республика Беларусь),
galina_minsk@mail.ru*

СЕЧКО Нина Федоровна

*Международный гуманитарно-экономический институт
(Минск, Республика Беларусь),
ninelle05@mail.ru*

ВКЛАД МАРГАРЕТ МИД В ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

Центральным для концепции Маргарет Мид является утверждение, что «культурный характер есть совокупность закономерностей психической жизни, обусловленных культурой». Основой концепции послужили двадцатипятилетние исследования архаических культур с применением проективных тестов, фото- и киноописаний.

Важным направлением исследований Мид были проблемы пола: закономерности дифференциации мужских и женских социальных ролей, половое разделение труда, стереотипы маскулинности и фемининности и связанные с ними психологические и поведенческие черты, включая сексуальное поведение мужчин и женщин. На основании сравнительного изучения племен Новой Гвинеи ею выдвинута гипотеза о зависимости сексуального поведения от принципов культуры и относительности норм сексуального поведения.

Мид называют «первым антропологом детства и юности», т.к. она была первым антропологом, изучившим практику воспитания детей у разных народов. Большое внимание в исследованиях ею уделялось различиям в способах воспитания, физического развития и поведения мальчиков и девочек.

Основное внимание Мид посвящено исследованию проблем юности, воспитания детей и сексуальных ролей. Наиболее знамениты книги «Достижение совершеннолетия на Самоа», «Как взрослеют жители Новой Гвинеи» и «Секс и темперамент в трех примитивных обществах». В книгах «Пол и темперамент» и «Мужчина и женщина: изучение полов в изменяющемся мире» эта проблема – центральная. Идеи М. Мид продолжают оказывать влияние на этнографические и культурологические исследования.

ГИМБАТОВА Мадина Багавутдиновна

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
НЦ РАН (Махачкала), gimbatova@list.ru*

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

В устном народном творчестве тюркоязычных народов Дагестана тема взаимоотношений полов занимает большое место, особенно в афористическом жанре – пословицах, поговорках. В них встречается немало конкретных рекомендаций и по выбору жены. Так, например, у дагестанских азербайджанцев говорят: «Хваленную матерью не бери, хваленную соседями – не оставляй», у дагестанских терекменцев – «Берешь дочь, смотри, какова мать, берешь бязь, смотри, какая кайма», у ногайцев – «Посмотрев на мать – дочь бери, посмотрев на чашку – еду ешь», у кумыков – «Если женишься, то не женись вслепую, расспроси соседей».

Много пословиц и поговорок посвящено согласию или, наоборот, разладу в семье. Так, у кумыков говорят: «В семье, где царит согласие, горе не задержится». Особое положение в семье, несмотря на то, что главой семьи являлся мужчина, занимала женщина, именно она, судя по поговоркам и пословицам, являлась хранительницей семейного очага. Ногайцы говорят: «Муж – голова, жена – шея», кумыки – «И мужчиной делающая мужчину, и недостойным делающая мужчину – женщина». Хорошую жену сравнивали с золотом, ее боготворили и восхваляли. Так, у кумыков существует пословица – «Основа счастья мужчины – жена», «Жены – опоры дома», «У кого не умерла жена, тот горя не познал», у ногайцев – «Жена – светоч дома», «Хорошая жена – богатство, плохая жена – беда», у дагестанских азербайджанцев – «Муж у хорошей жены – будто князь, у плохой жены – втопан в грязь».

ГОРБУНОВА Елена Михайловна

*Арбитражный суд Московской области (Москва),
lenastar26@yandex.ru*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА: ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА И РОССИЯ

Одно из важнейших предназначений человека – продолжение рода. Но желание иметь детей не всегда может быть реализовано. Причины тому – сместившиеся жизненные ориентиры (стремление к карьерному росту, достижению определенного уровня материальной обеспеченности, вступление в брак в более позднем возрасте), изменения в экологической обстановке, состояние здоровья, обуславливающее неспособность к естественному деторождению, рост числа одиноких и разведенных. Во всем мире множество семейных пар детородного возраста в силу различных причин не могут иметь детей. Но возможность иметь детей – одно из важнейших прав каждого человека. И задача государства состоит в том, чтобы создать условия для реализации этого права, в том числе и путем создания правового режима для репродуктивной деятельности. Суррогатное материнство – явление позитивное, преследующее благородную цель предоставления возможности семье или одиноким женщинам, по каким-либо причинам не способным самостоятельно зачать и выносить ребенка, решить проблему.

Соглашения о суррогатном материнстве между гражданами разных стран уже практикуются, вследствие этого возникают и будут возникать коллизии, ответ на которые нельзя найти в рамках существующих законодательных запретов на уровне одной страны. В этой связи разработка международно-правовых документов, регулирующих институт суррогатного материнства, имеет огромное значение

ГУГОВА Марина Хабасовна

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского НЦ РАН (Нальчик), gugowa@mail.ru*

ЖЕНЩИНА В СЕМЬЕ И ДОМАШНЕМ ХОЗЯЙСТВЕ: СООТНОШЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ УСТАНОВОК И УНИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (на примере Кабардино-Балкарии)

На фоне происходящих в настоящее время социальных, политических и экономических изменений во всем мире, содержание гендерных ролей подвергается трансформации и в Кабардино-Балкарии. Полоролевая идентичность как мужчин, так и женщин формируется и изменяется в зависимости от условий воспитания, обучения и степени давления полоролевых стереотипов, прививаемых средствами массовой информации.

В современной жизни кабардинцев и балкарцев взаимоотношения полов не вполне одинаковы в семье и за стенами дома. Это относится как к существу дела, так и особенно к сопровождающему его этикету общения. В семье положение жены довольно крепко, отношение к ней уважительно, при обсуждении неординарных семейных дел супруги стремятся к единодушию, а бывает, что решающим является именно мнение жены. Власть мужа в большинстве семей стала намного менее авторитарной, и уж совсем редко – деспотичной. Но при этом в широких слоях населения крепко держится народная традиция главенства в семье мужа. Жена почти всегда принимает фамилию мужа, как и дети – фамилию отца. Принято, чтобы жена, по крайней мере, на людях, щадила самолюбие главы семьи и подчеркивала его превосходство. Не забылись, хотя и заметно ослабели, обычаи избегания между супругами. За стенами дома новое положение кабардинок и балкарок, в прошлом полностью отстраненных от общественной жизни, создавалось в прошедшие десятилетия буквально с нуля.

ДАДАДЖАНОВА Ирода Абдулазизовна

*Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека
(Ташкент, Республика Узбекистан), dad-iroda@yandex.ru*

«ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ПОЕТ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ УЗБЕКСКИХ ДИВ В НОВОМ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Новейшая четвертьвековая история изменила Узбекистан, другим стало общество и культура в нем. Определелись новые ценностные ориентации, конструирующие национальную идентичность региона. Охранительное отношение к исконным традициям, с другой стороны – открытость всему прогрессивному, – эта действенная культурная

политика сказывается во всем. В этом многосложном и парадоксальном социально-культурном пространстве особое место занимают женщины-музыканты, ключевые выразители и распространители культурных (нео)ценностей.

В связи с ростом масс-медиа и интенсивно развивающейся глобальной поп-индустрии, на узбекской музыкально-развлекательной арене значительно увеличилось число женщин-исполнителей. Ощутимые трансформации в матрице культурного производства начали генерировать новоявленные форматы поп-звезд. Появились «другие» героини, «другие» песни.

Чем же мотивируется такого рода «гендерный баланс» в секулярно-мусульманском обществе? Кто она, эта «женщина, которая поет», осмелившаяся реализовать себя в сфере, считавшейся в течение многих столетий сугубо «мужским делом»? Кем она себя представляет в данном, по сути маскулинном, социуме? Как и почему репрезентирует себя именно так? Отвечая на эти вопросы, я попытаюсь определить новую культурную роль и социальное положение «поющих» узбечек. Основой данного исследования являются беседы, проведенные мной с востребованными представительницами национальной поп-музыки разных поколений и квалификаций.

ДЕРЯБКИНА Любовь Валентиновна

*Кубанский государственный университет (Краснодар),
derLV@mail.ru*

АГУНОТ – «СОЛОМЕННЫЕ ЖЕНЫ» СОВРЕМЕННОГО ИЗРАИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

В Израиле воздействие религиозного фактора на законодательство во многом определяется соображениями государственной политики страны на том или ином этапе развития взаимодействия конфессиональных и политических систем. Основные законы, на которых базируется юридическая система страны, не предусматривают регулирования брачно-семейных отношений отдельно от религиозного вмешательства со стороны раввинских, мусульманских, христианских судов.

Поэтому проблему разводов между евреями решают религиозные суды. Процедура расторжения брака происходит в несколько этапов, заключительным считается этап, когда супруг дает своей жене «разводное письмо» (*гет*). В иудейской традиции все инициативы и действия, касающиеся окончательного решения вопроса о разводе, исходят от мужчины. Женщина может выступать инициатором развода, но если муж отказывается ей его дать, то она считается замужем и приобретает статус *агуны*.

Положения *агуно́т* является остро дискуссионным вопросом не только в ортодоксальном религиозном секторе израильского общества. Основная проблема заключается в том, что пока идет бракоразводный процесс, и у еврейки нет *гета*, она считается *агуной*, что ставит ее в зависимое положение от ее супруга. В раввинских судах заявляют, что таких женщин не много, так как раввины учитывают лишь тех женщин, которые не могут получить *гет* на протяжении многих лет, но Комитет по делам *агуно́т* Израиля заявляет о тысячах женщин, которые не могут добиться освобождения от брака.

ДОКИНА Светлана Андреевна

Институт истории, государства и права АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова), svetlaia7317@mail.ru

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОЙ БОЛГАРСКОЙ СЕМЬЕ ЮГА БЕССАРАБИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Первые болгарские переселенцы появляются в Бессарабии еще в начале XVI в. На новых местах обитания, в иных исторических и региональных условиях культура и быт переселенцев развивались по путям, отличным от путей развития в Болгарии. Поэтому болгары Бессарабии трансформировались в особую этническую группу болгарского народа со специфическими чертами в культуре – первозданной чистотой нравов и обычаев.

Болгарская женщина должна была знать свое место в семье. Она деятельно участвовала во всех сторонах жизни семьи, вела домашнее хозяйство, но все же ее положение оставалось приниженным.

Невестка, живя в доме свекрови, должна была вставать раньше всех, готовить еду для домочадцев и кормить скотину. Перед уходом на поле вся семья собиралась за общим столом. Без молитвы за еду не принимались. Если в семье появлялась невестка, то свекровь оставалась дома, и в поле больше не работала.

Основная функция женщины – это рождение и воспитание подрастающего поколения. Болгары Бессарабии до недавнего времени отличались традицией многодетности.

Женщина у болгар была не только матерью и хранительницей очага, но и хранительницей культурного наследия и традиций, в первую очередь, религиозных.

Несмотря на приниженное положение женщины, болгары все же признавали большую роль жены в семье. Не случайно в народе были сложены такие пословицы: «Мъжет се познава по жената» («Муж узнается по жене») или «Мъжет в къща – глава, жената – душа» («Муж в доме – голова, а жена – душа»).

ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна

Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Краснодар), erana@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ: РОССИЯНКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ИТАЛИИ (на примере судьбы Анны Кулишевой)

Имя Анны Кулишевой (Anna Kuliscioff) – Анны Моисеевны Розенштейн, уроженки Симферополя, больше известно на Западе. Она стала одним из 14-ти персонажей масштабного музейного проекта Еврейского музея Нью-Йорка 2005 г. «Сила общения: еврейские женщины и их салоны» («The Power of Conversation: Jewish Women and Their Salons»). В экспозиции был представлен миланский салон Кулишевой как место бурных политических дебатов. Количество работ о ее роли и месте в социалистическом и феминистском движении, научной и культурной жизни Италии исчисляется десятками. Среди них монографии, публикации переписки с соратниками. В Милане существует фонд Anna Kuliscioff.

Одним из первых биографов Розенштейн-Кулишевой стал видный деятель российского социалистического движения Л.Г. Дейч, предрекший, что имя его «большой приятельницы»

«совсем забудется в России, но, несомненно, займет видное место в истории социалистического движения Италии». Советская историография представлена, главным образом, трудами, посвященными Юга России до ее эмиграции. Год рождения Розенштейн-Кулишевой неизвестен: данные варьируются (с 1853 по 1857 г.). Не воссозданы в полной мере ее контакты с россиянами в конце XIX – первой четверти XX века. Дальнейшие изыскания могут существенно расширить источниковую базу и ответить на вопрос о том, как сумела вписаться эта россиянка в социокультурный контекст другой страны.

ЃВИЧИЧ Петрија

Этнографический институт Сербской академии наук и искусств (Белград, Сербия), petrija.jovicic@ei.sanu.ac.rs

ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Доклад ставит своей целью анализ картин художниц Сербии в контексте феминистских исследований и антропологии изобразительного искусства. Мультидисциплинарный взгляд позволяет выйти за пределы традиционного искусствоведческого исследования, распространив его на более общие вопросы культуры и политики. Подход к теме заключается в актуализации не всегда очевидных проявлений, воплощаемых в форму символических трансформаций женственности и их игру с заданной природой, половой идентичностью. Новые культурные измерения (визуальный нарратив) открывают поле для возможных интеракций с подсознательным, порождая вопрос о том, как «культура натурализации» показывает (доносит до зрителя) эту «натуру». Исследование выявляет новый контекст – децентрализованность художественной практики, опровергающей и критикующей логоцентризм, искусственное конструирование дисконтинуитета. В роли наблюдателя я углубилась в нарративный сюжет исследования, поставив своей целью показать, что художественное произведение, как текстуальное полотно, оперирует между художником и социумом, рисует сущностные последствия силы не/осознанной социальной манипуляции. Заданные природой отношения в визуальном нарративе показывают различие места культурологических категорий «мужское» и «женское» в историческом концепте.

Этим исследованием я хотела подтвердить гипотезу, что нет единственного универсального нарратива, фиксированной символизации, которая всегда будет давать точный ответ на поставленный вопрос, но во множестве галлюцинаций заключена истинная парадигма конституирования между видимым и читаемым, которая воспринимает женщину в роли идеологического субъекта с позиции двойной презентации, феномена тела и половых, заданных природой, отношений. (перевод М.Ю. Мартыновой).

ЗАБОЛОТНАЯ Лилия Павловна

Институт истории АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова), lilia_zabolotnaia2000@yahoo.com

ОБРАЗ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОЛДОВЕ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ (XVI–XVII вв.)

Образ мужчины и женщины, их взаимоотношений, роли и статуса в домашней частной и публичной жизни позволя-

ют реконструировать письменные источники разных типов и видов: летописи, хроники, работы Д. Кантемира, записки иностранных миссионеров, которые видели воочию жизнь, традиции и быт жителей Молдовы.

Особый интерес в данных описаниях вызывает информация о свадебных обрядах, о семейной жизни, о заключении и расторжении браков, о смешанных браках, о воспитании детей и т.д. Исключительно все описания подчеркивают необыкновенную красоту женщин, их аккуратность и *относительную правовую свободу*. К примеру, большим удивлением для иностранцев было право женщин в Молдове на развод. Большое внимание в записках уделено вопросам религиозных традиций, праздников, отношению к церкви. В Молдове тогда проживало значительное число католиков, особенно в городах (от 5 до 40%), поэтому интересным аспектом исследования могут быть темы, связанные с морально-правовыми сторонами жизни семьи.

В многочисленных воспоминаниях и записках иностранцев, посетивших Молдову в указанный период, встречаем самые разнообразные, иногда довольно противоречивые, отзывы о молдавских женщинах и мужчинах. Единственное, что их объединяет, так это то, что в большинстве случаев о женщинах пишется с позитивной точки зрения, чего не скажешь о мужчинах.

ЗАХАРОВА Наталья Андреевна

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль), barbara777@list.ru

ЖЕНЩИНЫ-ЙОРУБА В БИЗНЕСЕ НИГЕРИИ

В культуре народа йоруба положение женщины традиционно определялось через ее семью. Выражение преданности семье могло проявляться в виде принесения дополнительного дохода женщины. Производительный труд женщины рассматривался как часть ее домашних функций в качестве помощницы мужа и примера для детей. Женщины-йоруба выделялись деловой активностью. Мелкая розничная торговля всегда была традиционным занятием йорубских женщин, в то время как мужчины занимались сельским хозяйством и ремеслом. Еще в доколониальном Йорубаленде существовала развитая система товарно-денежных отношений, чему способствовало географическое положение этих территорий. Среди женщин существовали торговые союзы, которые были призваны защищать их интересы. Во главе женского союза стояла ийалода, «главная женщина», которая обладала большим уважением среди йоруба, а ее влияние часто распространялось и на вопросы управления. В XX в., особенно в 1930-е годы, в Нигерии происходил активный процесс урбанизации. Йоруба принимали участие в торговых операциях, заняв важное место в качестве производителей сельскохозяйственных культур и потребителей импортных товаров. Женщины-йоруба продолжали активно участвовать в торговой жизни, приобретали частную собственность. В 1970-е годы Нигерия пережила «нефтяной бум». Изменения в экономике страны способствовали активизации женщин в бизнесе, связанном с нефтяной промышленностью.

ИЛИКЕЕВА Юлия Айдаровна

Башкирский государственный университет (Уфа), yuliya-ilikeeva@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРЫ СЕМЬИ НА ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАШКИРСКОМ ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

На гендерные отношения в семье непосредственно влияет тип семейной организации – большая (сложная неразделенная) или малая семья. Неразделенная семья у башкир существовала в период господства малой и регенерировалась на основе последней. В сложной неразделенной семье сноха должна была неукоснительно придерживаться тех норм поведения, которые были приняты. Элементы затворничества относились прежде всего к молодым снохам, обязанных угождать и мужьям, и свекровям. Жизнь снохи в малой семье значительно отличалась: если молодых отделяли сразу после свадьбы, то женщина становилась полновластной хозяйкой. Единственным человеком, кому она должна была повиноваться, был ее муж. Но не всегда женившегося сына сразу отделяли в самостоятельное хозяйство. Иногда проходило несколько лет, пока не женился другой сын, и молодой снохе приходилось жить в семье, где домашними делами управляла свекровь, чей авторитет был достаточно высоким. Если сын был младшим, то молодые жили в родительском доме. Личные права хозяйки (не старшей женщины-матери) в малой семье были больше, чем в неразделенной. Положение женщины в малой семье было прочней, ярче были видны и результаты ее труда. Роль ее как хозяйки была очевидно выше, чем бесправной снохи.

КАВЕЦКАЯ Вера Вячеславовна

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток), veravmuseum@mail.ru

КУЛЬТУРА КОРЕННОГО ЭТНОСА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

**(анализ дневниковых записей участников музейной экспедиции 1950-х годов по изучению быта удэгейцев
Пожарского района Приморского края)**

Осенью 1950 г. состоялась рабочая поездка трех сотрудников Приморского Краеведческого музея им. В.К. Арсеньева в поселки Сяин и Олон Пожарского района Приморского края с целью изучения быта удэгейцев – одного из коренных этносов региона. По окончании командировки на основании дневниковых записей были составлены два отчета, 69 листов машинописного текста которых хранятся в архиве Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева. Данные материалы представляют интерес не только как источник этнографических данных о малочисленном народе, условиях его жизни в послевоенное время и постепенном переходе к новому укладу бытования. Созданные в одно и то же время и повествующие об одних и тех же событиях, дневниковые записи участников экспедиции отражают гендерные особенности восприятия традиционной культуры удэгейцев, проживающих в таежной глуши, представителями славянских народов, являющимися также носителями городского уклада жизни. В составе экспедиции работали директор музея А.С. Запорин, зав. отделом

истории Е.Н. Смола и скульптор художественного училища В.Е. Гринев. Отчет составляли музейщики: мужчина и женщина акцентировали внимание на разных аспектах быта аборигенов, с некоторыми различиями характеризовали то, что видели и слышали в ходе 26-дневной экспедиции, маршрут которой был весьма непростым, и преодолевался на разных видах транспорта: по железной дороге, на грузовой лодке-бате и, наконец – на самолете.

КАШУ Диана Юрьевна

*Институт истории АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова),
casudiana@yahoo.com*

ОБРАЗ ЖЕНСКОГО В СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ (контент-анализ журнала «Женщины Молдавии»)

Журнал «Женщины Молдавии» являлся первым информационным источником, предназначенным для женского чтения в Молдавской ССР (публикуется с 1954 г.). Он стал аналогом союзного журнала «Крестьянка» – первого советского издания для женщин, который выпускался Отделом по работе среди женщин ЦК РКП(б) с 1922 г.

Анализируя журнал «Женщины Молдавии», можно понять динамику изменений в репрезентации образа молдавской женщины и его соотношение со стереотипным идеалом женственности в советских женских изданиях своего времени.

В 1950–1960-х годах наблюдается гомогенизация общества с целью формирования единого советского народа в контексте советской национальной политики. В представлении женского социума присутствуют пропагандируемые советской национальной политикой «стереотипные образы», как в профессиональном, так и в повседневном ключе (к примеру, рекомендации из тематических рубрик журнала: что носить, читать, как готовить, как лечиться).

В 1970–1980-е годы политические акценты меняются: цель формирования *советского народа* остается, но наблюдается поворот идеологии к расцвету наций, а не слиянию. Это изменение можно заметить на страницах журнала: выразительны женские образы в национальной одежде или стилизованной в национальном стиле. Наблюдается тенденция возврата к этническим реалиям в публикациях о традициях и обрядах наций и народностей СССР.

КИСЛОВА Лариса Сергеевна

*Тюменский государственный университет (Тюмень),
lorkis05@mail.ru*

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В ТРАДИЦИОННОМ ТУРЕЦКОМ ДИСКУРСЕ

Турецкая культурная среда, в которой веками наблюдалась глобальная конкуренция с западным миром, в XX в. начинает последовательно ассимилировать европейские ценности. Но приняв иные культурные реалии, Турция сохранила свою ментальность. Сегодня турки остаются самобытным этносом, не утратившим накопленные традиционные приоритеты. Этапы развития тюркской цивилизации от первых поселенцев в Чаталхюйке до рождения Османской империи, от провозглашения в 1923 г. Турецкой Республики и реформ Мустафы Кемаля Ататюрка до возвращения на рубеже XX–XXI вв. традиционных исламских ценностей,

становятся вехами на пути к формированию уникальной ментальности современных турок.

Женщина в турецком обществе всегда демонстрирует внешнюю отчужденность в общении с мужчиной и предпочитает сохранять дистанцию. Подобное поведение распространено даже в крупных городах западной и центральной Турции, где активно внедряются европейские жизненные принципы. На востоке же Турции, в пространстве традиционной исламской культуры, женщинами неукоснительно соблюдаются все предписанные религией правила. При этом в арсенале турецкой женщины наблюдаются знаки и коды, демонстрирующие абсолютную внутреннюю независимость, например, умение при разговоре смотреть не в глаза собеседнику, а словно сквозь него.

Мужчина же в Турции при всей своей мужественности и соблюдении личного кодекса чести остается чуть более эмоциональным, чем это допускают определенные полоролевые стратегии. Турецкая мужская ментальность базируется отчасти и на публичном мелодраматизме, который не всегда возможен для большинства европейских этносов.

КОДАР Замза Муташовна

*Казахский государственный женский педагогический университет
(Алматы, Республика Казахстан), kodarzamza@yandex.kz*

КАЗАХСКАЯ ЖЕНЩИНА – ХОЗЯЙКА ДОМАШНЕГО ОЧАГА

Патриархальная картина мира характеризуется концептом: «Мужчина – кормилец, женщина – хранительница очага». Эту картину мы наблюдаем и у кочевников. Казашка, в отличие от других восточных женщин, обладает независимым характером, она не носит паранджу. Французский путешественник Гийом Капю писал о мужественности и самоотверженности казашек, о работоспособности и «наличии своего мнения». У казахов есть пословица: «Девочка в доме – чужестранка» (потому что она, достигнув совершеннолетия, покинет отчий кров). С 14 лет в одежде и украшениях девушек и юношей появляются элементы, указывающие на принадлежность к более взрослой возрастной категории предбрачного периода. Изменения в одежде и ношение дорогих украшений, видимо, должны были символизировать готовность молодых людей к браку, желание нравиться, поиск любовных отношений. Некоторые девичьи украшения, например, накосные, носились именно в предбрачный период. Перед замужеством девушкам давали большую свободу. Как пишет Н.Ж. Шаханова, «актуализируется усиление половых ролей, хозяйственная специализация и т.п. В определенном смысле можно говорить о первичной сексуальной социализации».

Гендерное равноправие в кочевом обществе проистекает из родового сознания. В эпоху древнетюркского каганата действовали на равных отцовское и материнское право.

КОЛОБОВА Светлана Анатольевна

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова (Нижегород), dipin2012@mail.ru*

ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Существуют типологии политических культур, основанные на разных признаках, включая гендерные. Равенство

полов не означает их идентичность, равно как и то, что это равенство не должно устанавливаться в качестве нормы условия и образ жизни, присущий мужчинам. Для определения смысла равенства полов первостепенную важность имеют: социальная сущность рода (мужского или женского) и отношения между полами. Разделение на мужской и женский род проистекает со времени социально-дифференцированной идентификации мужчин и женщин. Оно носит, прежде всего, культурный характер, варьирует в зависимости от времени и места. Равенство между полами является составной частью прав личности. Однако в условиях постмодернизма, ставка делается на равенство полов де-юре, что не всегда эффективно защищает против различных видов дискриминации женщин. Женщины, работая над законодательством, не учитывали общую картину функционирования общества. Во многих странах участие женщин в принятии решений остается еще недостаточным. Большинство принимаемых мер касаются, в основном, специфических потребностей женщин. Они адресованы непосредственно женщинам, даже в тех случаях, когда преследуют целью исправление имеющихся нарушений в положении обоих полов. Проявление неравенства между полами требует новых подходов для осуществления принципа равенства. «Традиционное» видение проблемы равенства полов приводит к стратегиям приспособления к существующим условиям, а не преодоления препятствий. Необходима разработка более широкой концепции равенства полов с учетом всех возможных их навыков и способностей.

КУРТО Ольга Игоревна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), panlija@gmail.com

МУЖСКАЯ СИМВОЛИКА В ХАНЬСКОМ ТЕКСТИЛЬНОМ ОРНАМЕНТЕ

Традиционные орнаментальные комплексы ханьского костюма являются одними из самых древних в мире. Многие элементы орнамента, популярные среди китайцев в наши дни, прослеживаются непрерывно на протяжении нескольких тысячелетий. Передаваясь из поколения в поколение, они не только превратились в священные символы ханьской культуры, но и стали свидетельством родства народов, проживающих по берегам реки Хуанхэ. Комплексное изучение развития орнаментов, украшавших одежду ханьцев, позволяет выявить наиболее архаичные элементы, прояснить процесс развития и трансформации древних архетипов.

Патриархальность китайского общества и особое уважение, проявляемое к мужчине, среди прочего нашли свое отражение в манере оформления традиционного ханьского костюма. Крой, используемые материалы, элементы декора и т.п. – все это призвано было демонстрировать социальное положение его владельца. Особой наглядностью в этом плане обладал орнамент, «читать» который в старом Китае умел каждый. Современные китайцы зачастую утратили подобный навык. В нашей историографии трактовке традиционных орнаментальных комплексов народов Китая уделялось и вовсе мало внимания. Изучение и анализ ханьского текстильного орнамента (в том числе с точки зрения его маскулинности и фемининности) и его символического значения заполнит возникший пробел.

КЮН Катарина

Международный центр изучения культуры (Гиссен, Германия), katharina_kuehn@email.de

ФЕМЕН, ИЛИ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КАЖДАЯ ЖЕНЩИНА ВОПЛОЩЕНИЕМ БУНТА?

Симпатичные блондинки, не надевающие бюстгалтеры, образуют группу *Фемен*. Провокаторы и скандалистки, они обращают внимание всего мира на свою «деятельность». Кто не знает о них – женщинах из Восточной Европы, смело выставляющих на морозе обнаженные груди, специально поближе к международным журналистам? Эта группа претендует на то, чтобы считаться самой заметной (не скажем: влиятельной!) феминистической группой Европы. *Фемен* заявляют, что хотят изменить мир, ходят с развевающимися волосами, венками из цветов, используя свои груди как оружие.

Но почему они голые? Почему они провоцируют своей женственностью? И можно ли это считать феминизмом? Наталья Пушкарева, Ирина Жеребкина не раз писали о том, что акцентуация женской идентичности есть ответ на «тоталитарную андрогинию» (Н.Л. Пушкарева), на подчеркнутую социальность женщин (И.А. Жеребкина), в которых видели «советских товарищей», а не индивидов с особыми биологическими потребностями. В докладе будет доказано, что биологическое – ключ к «освобождению от социального» и утверждение личности женщины. Выступления *Фемен* – осознанные инсценировки с использованием гендерных различий, а сама группа – является постсоветским, пост-пост-феминистическим, украинским женским объединением, которое, чтобы стать свободным от советского прошлого, возвращается к биологическому понятию пола.

ЛЕЛЕКО Виталий Дмитриевич

Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой (Санкт-Петербург), idmle@yandex.ru

ПОЭТ И МУЗА: К КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ВАРИАНТОВ ОТНОШЕНИЙ

Отношения между художником и его музой весьма различны, если взглянуть на мировую историю культуры. В данном тексте сопоставляются два варианта. Первый заставляет вспомнить культуру позднего средневековья. Рыцарская любовь и культ Прекрасной Дамы предполагали ухаживания (дарение подарков), служение, участие в ритуально и поэтически оформленных «судах любви», свидания, на которых возможны были поцелуи, но не предполагалось телесное сближение. Этому сублимированному чувству средневековье обязано расцветом поэзии, особенно любовной (Й. Хейзинга).

Второй вариант – тандем творца и музы, при котором роль музы исполняла натурщица. Ею могла быть – и часто была – любовница или жена. Пример – гетера Фрина, которая покоряла всех красотой и умом и позировала Праксителью, когда скульптор ваял статую Афродиты. Не менее известна в этой роли вторая жена Рубенса Елена Фоурмен, охотно позировавшая ему, в том числе и обнаженной.

Творческое вдохновение стимулировалось влюбленностью как родственным ему состоянием, что отмечал в свое время еще Платон. Тандем поэта и музы дожил до настоящего времени.

МУСАЕВА Майсарат Камилловна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН (Махачкала), majsarat@yandex.ru

«ОБРЕЗАНИЕ» ДЕВОЧЕК У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ОБРЯДОВЫЕ ПРАКТИКИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ*

Бытование обряда «обрезания» (удаления крайней плоти полового органа), являющегося частью сунны (пути) пророка Мухаммада, рассматривают, как правило, в контексте реализации одного из механизмов приобщения ребенка к миру мусульманской культуры и его половой идентификации. Обрезание повсеместно практикуется у мальчиков среди мусульманского населения всех регионов России. Когда говорят об обряде «суннат», как-то все привыкли, что речь идет только о мальчиках. Однако у некоторых народов Дагестана, а также в горной части Чечни и Ингушетии, и у девочек принято проводить этот обряд. Объясняют наличие этой практики не только у мальчиков, но и у девочек, не только религиозными мотивами. «Суннат» у девочек, как и у мальчиков, не имел и не имеет строгой возрастной привязанности, его проводят с 2–3 лет, но желательно не затягивать дольше, чем до исполнения 7 лет, поскольку этому возрасту на Кавказе традиционно придавалось особое значение и его достижение сопровождалось социомаркирующими обрядами. День проведения «сунната» у девочек не афишируется в мужском сообществе. Это только праздник женщин. Процедура, заключающаяся в надрезе на клиторе и обязательном выдавливании трех капель крови, проводится специальной женщиной, которая обладает необходимыми знаниями и навыками. У народов Дагестана и Северного Кавказа, практикующих эту обрядовую практику, существуют различные представления о суровом наказании «на том свете» за отсутствие «сунната» у женской половины человечества.

МУТИЕВА Оксана Саидовна

Дагестанский государственный институт народного хозяйства (Махачкала), mutiewa.oksana@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПРАВОВОЙ СТАТУС МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ XIX в.

Общественный и правовой статус мужчины в традиционном дагестанском обществе был намного выше статуса женщины. Объясняется это тем, что мужчина нес ответственность перед законом и обществом не только за себя, но и за всех членов семьи. Мужчины, являясь полноправными членами сельской общины, не только обладали правом голоса, но и представляли и защищали интересы своей семьи и своего *тухума* (рода).

Что касается женщин, то в общественной жизни их участие сводилось к минимуму. Как субъект права женщина имела определенные ограничения, связанные с ее представительскими возможностями. Многочисленные факты указывают на то, что горянка за редким исключением не допускалась в свидетели. По словам М.М. Ковалевского, недопущение женщин к свидетельствованию составляло «общую черту в быте кавказских народов». Кавказская

женщина в большинстве случаев не могла участвовать и в работе сельского схода. Исследователь Б.Р. Рагимова подтверждает данный факт, указывая, что «женщина не обладала правом голоса и не могла представлять на сельском сходе свое хозяйство, даже если она была единственным взрослым его представителем. Это право она должна была делегировать одному из своих родственников-мужчин». Исключением является ногайский народ, где, в силу кочевого уклада жизни, пожилая уважаемая женщина могла присутствовать на сельском сходе. Анализ приведенного в работе материала дал возможность представить мужчину и женщину в традиционной культуре дагестанских народов в XIX в. и определить возможности их участия в общественной жизни.

НАЛЬЧИКОВА Елена Аниуаровна

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (Нальчик), eltnalchik@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОЙ СЕГРЕГАЦИИ МОЛОДЕЖИ У КАБАРДИНЦЕВ

Традиционные институты половозрастной дифференциации сохраняли свое место и значение в Кабарде вплоть до Великой Отечественной войны. Конкретные возрастные рамки молодежи не были четко определены, но имели гендерную специфику – девушка, не вышедшая замуж, после 20–25 лет к категории молодежи не относилась, в отличие от мужчины, не создавшего семьи, который и в 40–45 лет воспринимался обществом молодым. В письменных источниках подчеркивался «подчиненный», «второстепенный» статус молодых. Эта социальная группа была значительно ограничена в правах. В религиозном церемониале доисламского периода существовал запрет на право молодых заходить в церковь (места для молитв). Об участии девушек и женщин в богослужениях речь не шла, они заведомо исключались из публичной религиозной жизни. Еще одно ограничение, налагаемое на кабардинскую молодежь – неучастие в застольях. В особых случаях, когда юноша мог быть допущен к столу, табуировалось распитие спиртного. Молодежь, которая последней участвовала в трапезе, при принятии пищи также дифференцировалась – «последними из последних» становились девочки и девушки. И даже смерть молодого человека показательно воспринималась как незначительное событие (если речь не шла о героической гибели на поле боя), при этом смерть девочек и женщин, вообще, находилась на последнем месте в своеобразной иерархии, зафиксированной Д. Беллом. Несмотря на активную политику эмансипации в семейном быту кабардинцев до последнего сохранялись строгие правила регламентации молодежи в зависимости от пола и возраста.

ПЛОШНИЦА Елена Федоровна

Национальный музей истории Молдовы (Кишинев, Республика Молдова), rackayskaine@yahoo.com

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЕДЕНИЯ В МУЗЕЕ

Частные музеи появились в Бессарабии в первой половине XIX в., а первый публичный музей, созданный по инициативе и при поддержке Бессарабского губернского земства, был создан в 1889 г. К концу 2014 г. в Республике

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 13-01-00079.

Молдова было официально зарегистрировано 123 музейных учреждения, четыре из которых имеют статус национального музея. Одновременно с появлением и развитием публичных музеев появляется и статистика музейных посетителей. В разные исторические периоды развития республики (и музееведения) существовали различные критерии учета посетителей музеев. Но, начиная с XIX в., всегда указывался пол посетителей. На основании музейных записей и результатов социально-психологических исследований, проводившихся на протяжении развития музейной системы страны, можно утверждать, что большинство посетителей музеев до 1940 г. составляли мужчины – 67%, а в послевоенный период эта цифра почти сравнялась: 51% составляли женщины, 49% – мужчины. Сегодня 63% музейных посетителей составляют женщины. Представители двух гендерных категорий в музейном пространстве ведут себя по-разному. Их поведение анализировалось в соответствии со следующими критериями: мотивация посещения музея; время, проведенное в музейной экспозиции; время, проведенное в музейном магазине; какие экспонаты вызывают особый интерес; предложения по усовершенствованию работы музея; степень удовлетворенности посещением музея.

Последние исследования, проводившиеся в 2013 г., свидетельствуют о том, что интересы женщин и мужчин при посещении музея отличаются, их привлекают различные категории экспонатов.

ПОГОСЯН Светлана Гайковна

Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения (Ереван, Республика Армения), sv_ethnomuseum@yahoo.com

АРМЕНИЯ В ОБРАЗЕ ЖЕНЩИНЫ: ЭТНИЧЕСКИЕ И ИНОЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

Нередко страна Армения изображается в образе женщины в национальном костюме. В художественном ткачестве на одном из ковров Армению олицетворяет женщина («Мать Армения»). Также известные ковры под названием «Дух Армени» символизировали разрушенную историческую Армению. Примечательно, что на одной из монет Первой Республики Армении изображена молодая прядильщица в традиционном головном уборе и в модернизированной одежде. На женском лице выражены черты, свойственные половому идеалу: кротость, скромность, трудолюбие.

Армению в образе женщины и, что важно, в традиционном наряде, представляли не только армяне, но и иностранцы. Женщина как представитель «слабого пола» во многих культурах имеет пассивный статус, поэтому в XIX в. и в начале XX в. на европейских гравюрах Армения предстает в образе молодой женщины, Турция – старой, больной, Греция – женщины маленького роста. В самой Армении страну олицетворяет мужской образ. Заметны особенности ценностных ориентаций и предпочтений: женские образы в городской скульптуре имеют обобщенные черты. Памятники конкретным женщинам в общественных местах отсутствуют, так как культурное пространство архайчески имело две стороны: мужскую и женскую, внешнюю и внутреннюю.

ПОПКОВА Людмила Николаевна

Самарский государственный университет (Самара), lpopkova@yandex.ru

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПРАВА ЖЕНЩИН: ФЕМИНИСТСКИЕ ДЕБАТЫ

Концепция мультикультурализма сравнительно недавно стала осваиваться рядом общественных организаций в России. Между тем, в современной феминистской теории и политике дискуссии по этой проблеме ведутся уже в течение двух десятилетий. В докладе анализируются феминистские дебаты о мультикультурализме, связанные с соблюдением прав женщин. Движения за национальную идентичность, базирующиеся на требованиях признания той или иной культуры, часто превращаются в ревностных охранителей традиционных гендерных норм, ценностей и практик. За женщинами закрепляется культурное воспроизводство нации, именно им предписывается сохранение и укрепление символических культурных кодов и границ. Поэтому в рамках «фундаменталистского» дискурса мультикультурализма ограничение свободы выбора и ущемление прав женщин обосновывается задачей сохранения культурной особенности. В современной России мы можем фиксировать широкий спектр подобных идей, от несовместимости западной концепции прав человека с православной культурой до запрета прав женщин на аборт, ограничения права на развод и введения полигамии. Какие культурные различия должны поддерживаться, что должно стать принципом феминистской позиции в этом вопросе? Автономия человеческой личности, право выбирать образ жизни и равенство гражданских прав должны обозначать принципиальные подходы к политике мультикультурализма, актуальные и для российских реалий. Главным в феминистской концепции становится тезис о том, что суждения о взаимном приспособлении культур должны исходить из приверженности демократической модели мультикультурализма, которая исходит из признания культурно-национального разнообразия исключительно в условиях приоритета прав и свобод личности.

ПУЗАНОВ Даниил Викторович

Удмуртский институт истории языка и литературы УрО РАН (Ижевск), lpdmor@gmail.com

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ ОСНОВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ВАРИАНТОВ СЮЖЕТА ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ «ЧУДЕСНЫЕ ДЕТИ» (СУС 707)

Сказочный сюжет 707 известен многим народам мира. Исследователи связывали его возникновение с первобытным обычаем убивать близнецов и необычных детей, переходом от парной семьи к моногамной (и утверждением идеалов последней), древними тотемическими представлениями. Восточнославянский вариант сюжета сопоставляли с заговорами на суд, былинами, традицией символического выражения красоты у славян, верой в сверхъестественный коитус. Однако анализу с позиции гендерных ролей сказка подвергнута не была. Исследователи уделяли особое внимание самим чудесным детям. В то же время связь их матери и ее основных противников с магическими функциями была исследована слабо. По мнению, Т.Ю. Хэмлет, мать чудесных детей так-

же неистребима, как сами дети. Следует отметить, что свои сверхъестественные способности дети получали именно от матери. Во многих сюжетах сказочного мотива 707 и мать детей, и ее противницы могут быть интерпретированы как ведьмы. Кроме того, все три (две) сестры обладают важными сверхъестественными способностями, но только младшая имеет наиболее необходимое для жены царя качество. Там, где упоминается социальное происхождение сестер, особо подчеркивается их бедность. Социальная роль женщины в сказке полностью соответствуют гендерным нормам патриархальных обществ. Однако женское начало в ней, несомненно, более активно, чем мужское. Сюжет действительно может восходить к первобытному обряду охоты на ведьм, некоторые элементы которого со временем (убийство необычных детей и их матери) стали непонятны.

САВЧУК Анна Александровна

*Дальневосточный федеральный университет (Владивосток),
adas_87@mail.ru*

РОЛЬ КРАСНОЙ ЮРТЫ В ИЗМЕНЕНИЯХ СЕМЕЙНО-БРАЧНОГО УКЛАДА КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ (по воспоминаниям А.П. Путинцевой)

А.П. Путинцева в 1929–1932 гг. возглавляла Красную Юрту, занимавшуюся просветительской работой среди нанайцев на территории нынешнего Хабаровского края. В задачи Красной Юрты входило санитарно-гигиеническое просвещение коренных народов, обучение женщин-туземок основам ухода за ребенком, привитие навыков элементарной гигиены. Также Красная Юрта оказывала медицинскую помощь женщинам-туземкам, боролась с калымом, способствовала получению образования девушками-аборигенками, противодействовала жестокому обращению мужей с женами. В своих дневниках А.П. Путинцева подробно описала, с какими трудностями пришлось столкнуться коллективу Красной Юрты в деле раскрепощения туземок, и как работа Юрты повлияла на изменения семейно-брачных отношений среди коренного населения Приамурья. Она рассказывает, как боролись мужья-аборигены с А. Путинцевой и ее соратницами – политпросветчиком Б. Павличенко и фельдшером-акушеркой Васильевой, как население принимало в штывы медицинско-просветительскую работу Юрты, считая ее ненужной и вредной (якобы именно из-за нее умирали дети аборигенов). Особенный резонанс среди населения стойбищ вызвали дела о калыме. Дневники Путинцевой стали доступны исследователям только в 2010 г., после их публикации коллективом Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова, и содержат уникальные сведения о культурно-просветительной работе среди женщин-аборигенок Приамурья в конце 1920-х – начале 1930-х годов.

САГИРОВА Мадина Джалалудиновна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН (Махачкала)

ДВОЕЖЕНСТВО И ЛЖЕДВОЕЖЕНСТВО В ДАГЕСТАНЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

В Дагестане двоеженство как регулируемый шариатом союз между мужчиной и двумя-четырьмя женщинами воз-

никло в связи с исламизацией края и не имело широкого распространения. В старом Дагестане взятие второй жены оправдывалось политическими причинами (в правящих кругах), бесплодием первой жены, в особых случаях многодетностью, болезнью, нетрудоспособностью последней. «Брак уводом» и «брак уходом», если таковые были связаны с обоюдными или односторонними («брак уходом») чувствами, порицались общественным мнением, но не столь жестко, как случаи «ухода» женщины в дом женатого мужчины. В любом случае брак считался действительным только после совершения религиозного обряда (*никах*, *магьар*).

С советского времени двоеженство считается преступлением, «закрепощением» женщины, но существует нелегально и, в отличие от традиционной формы бытования, приобрело характер лжедвоеженства. Шариатское оформление брака со второй женой в сущности превратилось в форму без содержания и правовых последствий. Изменились не только мотивации двоеженства, но и сам статус второй жены, которую в наши дни часто считают не женой, а любовницей. Показательными признаками лжедвоеженства являются «тайные махары» с малосведущими в шариатских нормах девушками (особенно с новообращенными в ислам), отдельное проживание второй жены, сокрытие ее существования от первой жены, от ее и своих родственников.

САЖИНА Лилия Валерьевна

*Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону),
lil1970@yandex.ru*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ КРОССНАЦИОНАЛЬНОЙ БРАЧНОЙ МИГРАЦИИ

Процессы глобализации оказывают двойное воздействие на межкультурные контакты, включая интеракции мужчин и женщин в процессе кросскультурной брачной миграции. С одной стороны, усиливается взаимосвязь стран, их взаимное проникновение и переплетение, а с другой – интенсифицируется процесс экспликации самобытности культур. Мы выделили следующие основные ценностные факторы микросоциального порядка: (1) инициативность; (2) фамилияцентричность; (3) экономическое положение; (4) здоровье; (5) нравственность; (6) эстетичность; (7) интеллектуальный уровень. Мы рассматриваем их как базовые аспекты личности субъектов брачного рынка (мужчин и женщин), которые значимы в диалоговом отношении и используются сознательно при поиске партнера. Большая или меньшая сочетаемость аспектов определяет успешность/неуспешность диалоговых отношений между самими взаимодействующими субъектами международного брачного рынка. Некоторые выводы нашего исследования следующие (использованы методы контент-анализа, биографический, элементы кейс-стади): (1) усиление коммуникативных процессов между разными гендерными культурами, (2) интенсификация процессов «публичности» приватной жизни, (3) проявление в брачной миграции гендерной асимметрии и стремления западного актора (мужчины) к доминированию, (4) усиление «западоцентричности» молодых брачных мигранток россиянок, (5) детерминация диалоговых характеристик акторов международного брачного рынка национально-гендерными факторами (мезо- и микросоциальные уровни), (6) наличие дискордантных характеристик диалога акторов брачного

рынка по одним аксиологическим параметрам и конкордантных – по другим, (7) неадекватные представления западных мужчин о современных россиянках, которые поддерживают как эгалитарный, так и патриархатный гендерный порядок.

СИНЕЦКАЯ Эльвира Андреевна

Институт востоковедения РАН (Москва), elvirasin@mail.ru

НОВЫЕ ФОРМЫ ЖЕНСКОЙ ЗАНЯТОСТИ В ПОРЕФОРМЕННОМ КИТАЕ

Провозглашенные в КНР в 1978 г. реформы и политика открытости привели не только к резкому росту производственного потенциала страны, но и к определенным социальным изменениям. И современная китайская литература свидетельствует об этом. «Народилась» новая генерация женщин, известных под названием «городские красавицы». Этот социальный феномен – женщины с успешной карьерой, средний класс или «белые воротнички», нередко служащие высокого ранга или же хозяева предприятий, преимущественно с вузовскими дипломами. По зримым чертам их стиля и манеры поведения, ценностям, целям и даже трудностям, с которыми они сталкиваются в своей жизни, они практически ничем не отличаются от соответствующего слоя любого мегаполиса мира. Но появилась и иная весьма немалочисленная группа раскованных молодых женщин, как будто сошедших с рекламных баннеров мировых фирм, – это элитные проститутки, «работающие» преимущественно на иностранцев, и т.н. «второстепенные жены» – любовницы преимущественно чиновников, порой весьма высокого ранга. Есть и не так бросающиеся в глаза явления: по-прежнему процветают публичные дома (неофициальные, иногда под вывеской массажного салона); мигрантка посредством определенных свих устраивается в содержанки, «временные жены» к предпринимателю, тоже мигранту (естественно, скрывая от родственников свое истинное «место работы»). Кто-то говорит о возрождении обычаев Старого Китая, освященного конфуцианской традицией и всем укладом жизни. Но все согласны: как социальное явление эти феномены сформировались на фоне бурного экономического роста в годы реформ.

СОН Жанна Григорьевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), jannason@mail.ru

ЖЕНЩИНЫ-КОРЕЯНКИ В СССР В 1920–1930-е ГОДЫ

В сообщении представлен анализ публикаций в дальневосточных СМИ за 1920–1930-е годы. Процесс адаптации и ассимиляции в русскую (советскую) культуру женщин-кореенок проходил с определенными трудностями, связанными с переходным этапом от традиционной корейской в инокультуру. Женщины-корейки сыграли существенную роль в ускорении адаптации корейского населения на ранних стадиях формирования СССР. С середины 1920-х годов в корейской семье происходили коренные изменения. Для кореенок представлялась возможность учиться, получать профессию, активно решался вопрос об организации детских яслей, детских площадок, куда можно было привести детей и заниматься профессиональной деятельностью. Корейки проявляли мо-

бильность в организации шелководческих артелей, столовых, пошивочных мастерских, где главным образом требовались женские трудовые ресурсы. Шелководство на Дальнем Востоке появилось благодаря корейкам, переселяясь на русскую территорию, они непременно везли с собой тутовые саженцы, разводили плантации для откорма шелковичных червей и ручным способом изготавливали шелк. В экстремальных условиях перемен, включая иммиграцию, суровые изменения социалистической действительности в принимающем государстве, женщины-корейки принимали активное участие в строительстве нового советского общества.

СОРОКИНА Елена Анатольевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), 119019@mail.ru

ГЕНДЕРНОЕ ВОСПИТАНИЕ В ШВЕЦИИ

В Швеции образование и образовательная политика – важная составная часть общей государственной политики и политических программ всех партий страны. В Швеции существует государственное обеспечение образования, в первую очередь, дошкольного и школьного. В политических кругах есть понимание важности поддержания хорошего уровня и качества обязательного школьного образования, что необходимо для успешного социально-экономического и политического развития страны. Одной из главных задач государства в сфере образования провозглашается создание равных стартовых возможностей для всех детей (независимо от происхождения, вероисповедания, социально-экономического положения и т.д.). Образовательная политика – важная часть социально-политической стратегии в целом и государственной семейной политики (familjepolitik) в рамках политики достижения равенства на рынке труда и гендерного паритета в обществе. Система образования представляет важную составную часть общей концепции «государства всеобщего благосостояния». Важным компонентом шведской системы образования является дошкольное воспитание в детских садах и досуговых центрах. Уже на протяжении самых первых лет жизни детей проявляются и основы воспитания, направленного на развитие гендерного паритета в шведском обществе и формирование независимой самостоятельной личности ребенка. Воспитание девочек и мальчиков в семье и школе происходит одинаково, без разделения на мужские и женские виды деятельности и труда. Общеобразовательные школы и церковные приходы (низовое звено Шведской церкви и свободных общин) являются теми местами, где зачастую происходит воспитание молодежи в традициях терпимости и взаимного уважения к представителям разных культур.

СПАНКУЛОВА Лазат Сейтказиевна

Казахский Национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан), spankulova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН НА ПРОТЯЖЕНИИ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

За последние двадцать лет в постсоветских странах, где существуют различные модели социальной политики и

различные установки в отношении гендерных ролей, произошли изменения в модели трудового поведения женщин. Занятость стала добровольной, но большинство женщин по-прежнему остались занятыми. Согласно стандартной модели неоклассической экономической теории, женщины будут работать за плату, если альтернативные издержки работы на рынке труда превышают альтернативные издержки работы по дому. Все данные взяты с UNECE Statistical Database. Выявлено, что в Казахстане, Грузии, Латвии, Литве и России, Молдове спад уровня экономической активности у женщин наступает в возрастной когорте 50–54 лет. В Кыргызстане, Азербайджане, Армении он наступает немного раньше, в возрастной когорте 45–49 лет. Начиная с 1990 г., динамика уровня экономической активности женщин в Кыргызстане неизменно падает, а в Казахстане, Грузии, Латвии, Литве и России, наоборот, неизменно растет. В этих странах наблюдается модель непрерывной занятости, повсеместно характерная для мужчин. Рождение детей не является здесь основанием для сколько-нибудь длительных перерывов в работе. Рынок стремительно растет, требования повышаются, и женщины сами не заинтересованы на долгий срок уходить в отпуск по уходу за ребенком. Указанные различия между странами связаны, прежде всего, с государственной политикой поддержки занятости матерей. Еще одно объяснение этих различий лежит в плоскости культуры и традиций.

СУКОВАТАЯ Виктория Анатольевна

*Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
(Харьков, Украина), semiramida7@rambler.ru*

АНТРОПОЛОГИЯ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ: ДИСКУРСЫ НОРМЫ

На наш взгляд, древние греки первыми в истории артикулировали связь между расой, гендером, сексуальностью и социальным статусом субъекта в своих культурных практиках и текстах. Древнегреческий герой-победитель – это всегда мужчина, как, например, Одиссей, Язон, Парис, Тезей, Геракл, каждый из которых прославился не только своими победами над архаическими чудовищами, но и умыканием женщин. Женское тело или чувство рассматривалось как наиболее доступный ресурс формирования мужественности древнегреческого героя: Тезей использует ради своего спасения нить Ариадны, Язон – любовь Меден. Специфика древнегреческой сексуальности проанализирована М. Фуко, где философ показал, что единственным принципом античной сексуальности было утверждение власти доминирующего субъекта. Согласно античной концепции, наслаждение субъекта не должно разделяться с объектом наслаждения. Отсюда, пассивность в любви со стороны мужчины расценивалась как преступление, в то время как активность женщины была недопустимой. В своей работе мы планируем проанализировать наиболее распространенные массовым сознанием версии античных мифов с точки зрения создания ими определенных гендерных стереотипов в европейской культуре, прежде всего, доминирования мужчин и оправдания «священного насилия» над женщинами. Также в рамках работы мы планируем рассмотреть, как формировались дискурсы гендерной и телесной нормы в античной мифологии,

и сопоставить античные дискурсы гендерной и телесной нормы с индийскими и древнеегипетскими.

СУШКОВА Юлия Николаевна

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
(Саранск), yulenkam@mail.ru*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ МОРДВЫ

Основным способом заключения брака и формирования семьи у мордвы был брак сватовством, сопровождаемый свадебным ритуалом. Данный обычно-правовой обрядовый комплекс отражает все историческое прошлое мордовского этноса. В нем обнаруживаются пережитки родового строя (широкое участие в свадьбе родственников, посещение невестой дома своего дяди, ритуальное противостояние родов жениха и невесты и др.), былого золотоордынского господства (представление стороны жениха «ногайцами», «татарами», «башкирами», взаимопроникновения язычества и христианства (показ молодой колодца, зажигание свечи, расставание ее с дохристианскими божествами дома, двора, прощание с предками своего рода и представление предкам рода жениха, культ медведя, обсыпание молодых хмелем, битье горшков, благословение родителей, венчание и др.). Например, встреча жениха у дома невесты сопровождалась ритуальным преграждением его входа в ворота дома. Вероятно, обряд преграждения пути жениха был пережитком ранее бытовавшей формы брака умыканием. На это указывало, в частности, имитация женихом и его родственниками борьбы за обладание девушкой. Поезжане входили в избу в шапках, активно пытались разгонять гостей с мест и садиться сами. В этом обряде прослеживалась реминисценция истории мордовского народа, долгое время боровшегося с золотоордынским, а затем казанско-ханским господством, и сопротивлявшегося похищению татарами мордовских женщин и девушек. Особая социальная значимость брака обусловила сложность и многоаспектность обычно-правовых свадебных церемоний, проходивших в несколько этапов, каждый из которых имел строго определенную функцию и предназначение.

ТЕКУЕВА Мадина Анатольевна

БИТОКОВА Тамара Владимировна

*Кабардино-Балкарский государственный университет (Нальчик),
tekmad@rambler.ru*

ЖЕНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ПЕСНЯХ ВРЕМЕН КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Кавказская война известна нам только по тому, как проявили себя в ней мужчины и как потом мужчины же написали ее историю. Можно только догадываться, сколько в стенах домашнего женского пространства было пережито чувств: ожидания, терпения, страха, гордости, боли. Эти нематериальные и незадокументированные аспекты истории являются несчитываемой эмоциональной составляющей частной женской истории. Исследование фольклорных источников с применением гендерного подхода позволяет «озвучить» роль женщин в пространстве военной повседневности. Для анализа выбраны песня «Разорение селения» (о событиях 1765 г.) и сказание о Кази Ханифа (1840-е го-

ды). «Женские» песни отличаются большей исторической информативностью и драматическим накалом. Отказ от пафоса, присущего историческому жанру фольклора, в пользу выражения чувственных переживаний, мелких и интимных подробностей описываемых событий позволяют ощутить чувство сопричастности. В отличие от «мужских» песен здесь на фоне масштабной трагедии просматриваются антропологические детали, которые дополняют объективное представление о периоде войны, ярко высвечивая реальные предметы, ситуации, чувства, давая полное представление о самом событии и о предыстории «мирного счастья». Называние реальных женских имен, реальных мужских поступков конкретизируют абстрактные исторические факты. Ценный этнографический материал содержится в каждой фразе: в описании деталей одежды и внешности, в кратких оговорках о семейных связях и бытовых обычаях. Женские тексты передают объективные сюжеты истории через свое субъективное восприятие, что делает их понятнее и приближеннее.

ТЛЕУКЕНОВА Жанар Сайрамбековна

Казахский государственный женский педагогический университет (Алматы, Республика Казахстан), zhanar.tleukenova@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
КАЗАХСТАНСКОЙ СЕМЬИ:
ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Социализация – это процесс формирования личности, усвоения знаний, ценностей и норм, традиций и культуры, присущих данному обществу, социальной общности, группе.

Социально-экономическая трансформация и развитие индустриально-рыночной цивилизации казахстанского общества оказали значительное влияние на состояние брака и семьи. Таким образом, проблематика развития традиционных семейно-гендерных ценностей и казахской культуры в контексте данного изменения и процесса их закономерной трансляции в современном мире казахстанского общества является на сегодняшний день одной из актуальных тем.

Казахстанская семья за последние годы пережила кризис. Социально-экономические изменения привели к разрушению традиционных культурных связей, семейно-брачных отношений казахских семей, трансформации культурных символов и образцов, снижению ценности брака, снижению уровня рождаемости, увеличению уровня разводов, распространению идеала однодетной семьи и т.д. Также неадекватная социализация современной молодежи подорвала действие сложившегося этнокультурного механизма передачи национальных традиций из поколения в поколение.

И поэтому, сегодня назрела необходимость возрождения лучших семейных этнокультурных традиций, способствующих укреплению духовных и нравственных основ брака и семьи казахстанского общества. За последние годы в Казахстане была создана надежная правовая база защиты семьи, женщин и детей. Данная мера направлена на создание благоприятной экономической среды, улучшение качества и уровня жизни, а также достижение гендерного равенства в семейных отношениях, обеспечивающих социальную и культурную преемственность поколений и являющихся фактором стабильности и устойчивого развития гражданского общества.

ТУРЫШЕВА Ольга Наумовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), oltur3@yandex.ru

**ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В КИНЕМАТОГРАФЕ
ЛАРСА ФОН ТРИЕРА**

В докладе будет предпринят опыт реконструкции важнейшего смыслового пласта в кинематографе датского режиссера и сценариста Ларса фон Триера, связанного с характером авторского осмысления положения женщины в культуре. В фильмах фон Триера очевидна эволюция в изображении женщины. В «Медее» женщина осмысливается в героическом ключе: ее самый жестокий бунт против мужского предательства получает авторское оправдание. В трилогиях «Золотое сердце» и «USA» исследуется жертвенность женской природы, ее истоки и возможности. В заключительной трилогии «Депрессия» предметом авторского анализа становится «гиноцид» (слово, изобретенное фон Триером) маскулинной культуры в отношении женщины. В докладе доказывается, что фильмы фон Триера обладают замыслом утверждения вины христианского мира перед женщиной. Конечно, этот замысел не является исчерпывающим, но в самых разных интервью фон Триер всегда противопоставляет себя своим героинями, настаивая на героическом содержании их поведения – даже в фильмах «Трилогии депрессии» («Антихрист», «Нимфоманка»). Однако у публики, и профессиональной, в том числе, эта трилогия, наоборот, вызвала возмущение – в силу однозначного присвоения героиням преступной девиантности поступков, что представляется вряд ли верной расшифровкой авторской концепции. Думается, что, наоборот, его интенция связана с переживанием трагических последствий христианского антифеминизма, что подтверждается и самохарактеристикой фон Триера («Я – феминист»).

УРАНХАЕВА Гульмира Тельмановна

ДЖУМАХАН Айгерим

Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет (Семей, Республика Казахстан), gulmira63@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРОДВИЖЕНИЯ
ЖЕНЩИНЫ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ**

Казахстанский опыт характеризуется проблематичностью перспективы продвижения женщины по ступенькам служебной карьеры, в особенности, если эта карьера государственного политического руководителя. Это связано с такой спецификой профессионального роста женщин, как их сильная зависимость от социально-экономических условий жизни.

Несмотря на то, что в Казахстане создана достаточно современная модель государственной службы, сформированы ее основные элементы, существует необходимость совершенствования ее и создания эффективной системы гендерной составляющей в кадровой политике по использованию интеллектуально-профессионального женского потенциала в органах управления.

Отсутствуют глубокие исследования гендерных отношений с точки зрения института государственной службы. Нет оценки политического потенциала, перспектив исполь-

зования творческих и профессиональных возможностей женщин на уровне принятия решений и исполнительных органов власти в условиях политической модернизации страны.

УРСАН Олег Иванович

Институт истории, государства и права АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова), ursanolegivanovici@mail.ru

ЕВГЕНИЯ ОСТАПЧУК – ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПАРЛАМЕНТА МОЛДОВЫ

Евгения Владимировна Остапчук – первая женщина, возглавившая Законодательный орган власти Республики Молдова. Карьерный рост в политике начался в 1998 г., став депутатом парламента XIV созыва от партии коммунистов Молдовы. Затем занимала должность секретаря парламентской фракции ПКРМ, была членом Постоянной комиссии по социальной защите, здравоохранению и семье.

С 20 марта 2001 г. по 24 марта 2005 г. являлась председателем Парламента Республики Молдова XV созыва. С сентября 2009 г. – член Комиссии по внешней политике и европейской интеграции. Ее представления о политической деятельности и роли женщины в политике были выражены в работе «Достигнутые рубежи» (2011 г.).

По словам автора, женщины составляют большинство населения Молдовы, однако, о гендерном равенстве в молдавском обществе говорить до сих пор сложно. Хотя в этой области есть заметные продвижения. В период правления ПКРМ политическая элита Республики Молдова впервые представлена десятками женщин, занимающие самые высокие государственные посты. Спикер Парламента – Евгения Остапчук, премьер-министр и кандидат на должность Президента РМ – Зинаида Гречаная, вице-спикер и председатель Парламентской фракции ПКРМ – Мария Постоюк, а также пять женщин-министров, четыре чрезвычайных и полномочных посла Молдовы за рубежом.

Своим примером и чувством гражданского долга Евгения Остапчук доказала, что в политике есть место и для женщин, которые наравне с мужчинами могут активно работать на благо молдавского общества.

ХАБЕКИРОВА Хабиба Адамовна

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований (Черкесск), Kchigi@mail.ru

О «ЖЕНСКОМ» В КУЛЬТУРЕ ЧЕРКЕСОВ

В традиции черкесов наблюдается ярко выраженное и довольно жесткое противопоставление «женского» и «мужского», жизненного мира женщин и мужчин. В мифологических воззрениях черкесов такие природные субстанции и объекты природы, как вода, земля, дерево, луна ассоциируются с женским началом. Комплекс понятий и образов, символизирующих «женское» в культуре черкесов, обширен. К ним относятся магические способности, колдовство, целительство, которыми, как считается, обладают женщины. Колдуньями – «уд» бывают только женщины. Существует представление, что все женщины, в отличие от мужчин, обладают определенными медицинскими знаниями, а большинство народных лекарей у черкесов – женского пола, в особенности, практикующих лечебную магию. «Женским»

в культуре видится и сфера обрядности, связанная с плодородием – воздействие на засуху и вызывание дождя, прекращение обильных осадков, грозы с сильным ветром и градом, стимулирование роста огородных растений (в прошлом и полевых). Все обряды и ритуальные действия в этих случаях проводятся обычно женщинами, и эта область находится в их компетенции. Если обратиться к народным медицинским знаниям, то болезни подразделяются на категории «бзы» – «женское» и «хьу» – «мужское». Относящиеся к первой считаются наиболее опасными, трудно излечиваемыми и угрожающими жизни, а болезни «хьу» – менее опасными, легко поддающимися лечению. Такая классификация, основана, очевидно, на представлении о том, что «женское» связывается с размножением, распространением, плодородием, то есть, с увеличением, которое в данном контексте негативно.

ХАНИПОВА Ильнара Ильдусовна

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань), ihanipova@mail.ru

ИГРЫ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

(на примере материалов Республики Татарстан)

Игры играют важную роль в формировании мировоззрения детей. Социальное конструирование различий между мужским и женским в ходе игры традиционно использовалось в воспитании подрастающего поколения. В частности, в татарских семьях игры мальчиков были ориентированы на приобретение трудовых навыков. Девочек в ходе игры приучали к ведению домашнего хозяйства, рукоделию, послушанию не только родителям, но старшим братьям. Через игру шла подготовка детей к взрослой жизни.

В 1920–1930-е годы в детской среде в Татарской АССР были распространены разные виды и типы игр. Продолжали пользоваться популярностью, особенно в сельской местности, традиционные игры. Народные игры использовались и как средство формирования этнического самосознания ребенка. Однако в эти годы идет активная политизация детской игры, в связи с чем последняя претерпевает трансформацию и приобретает новое звучание, в то же время нивелируя ребят в единое целое – будущих строителей социализма. Государственными структурами насаждаются военизированные игры, посвященные защите завоеваний СССР. Распространяются спортивные игры, в процессе которых стираются различия между мальчиками и девочками. Тем не менее, политизированные детские игры оставались иррелевантными, особенно для сельских детей, и первые советские десятилетия мальчики и девочки по-прежнему играли в традиционные игры.

ХИСАМУТДИНОВ Амир Александрович

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток), khisamut@yahoo.com

РУССКИЕ ЖЕНСКИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ШАНХАЕ

Лигу русских женщин была основана в Шанхае 2 ноября 1930 г. Она занималась благотворительной и обще-

ственно-культурной деятельностью среди русских женщин, помогала им получать образование через сеть собственных курсов. «В Шанхае, как и везде в местах эмигрантского рассеяния, женская доля мало завидна. Везде предложение женского труда превалирует над спросом. Семейный очаг – мечта каждой женщины – для многих так и остается только мечтой» [Слово, 1930]. Деятели Лиги, приехав через Тубо-бао в Сан-Франциско, продолжили свою деятельность. Тогда же она была переименована в Лигу Русско-Американских женщин. Второй организацией являлась Профессиональная школа, которую основало издательство «Заря» под названием «Женская студия “Шанхайской зари”» (1933). Работали двухгодичные курсы сестер милосердия. Высоко ценились в Шанхае и русские медицинские сестры, которые прошли обучение на курсах сестер милосердия и врачебного массажа (с 1937 г.). «При внимательном отношении со стороны французских властей к концессии, которой пользуется сейчас школа, есть все шансы рассчитывать, что дело будет развиваться и процветать. Жизнь этой школы означает, что русским безработным женщинам будут открыты и др. пути, не одно лишь – тяжкая доля партнерш для танцев в барах и данс-холах» [Рубеж, 1941]. Женские благотворительные организации успешно способствовали русским эмигранткам адаптироваться в Китае.

ХОЗЯЕВА Наталия Петровна

ОО «Сотрудничество деловых и творческих женщин» (Минск, Республика Беларусь), natakhos@gmail.com

«БЕЛОРУССКАЯ ЖЕНСКАЯ СЕТЬ» КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ

Гендерная коммуникация в сети Интернет является важным компонентом современной гендерной культуры, а анализ трансформации женской идентичности в информационном обществе представляется актуальной междисциплинарной задачей. Пространство Интернет считается свободным от стереотипов и иерархий, однако гендерный анализ онлайн-репрезентаций говорит об обратном. Условное деление контента белорусского сегмента Интернет на две части – «косметическую» и «социальную» – помогает выявить особенности этого контента и соответствующих ему коммуникаций. С одной стороны, было выявлено, что гендерные стереотипы перекочевали в виртуальное пространство Интернет и во многом определили как контент интернет-ресурсов для женщин, так и специфику онлайн-коммуникаций. С другой стороны, необходимость преодоления гендерных стереотипов в отношении женских репрезентаций в Интернете привела к появлению интернет-ресурсов, отражающих альтернативные модели женской идентичности. Появились примеры виртуального активизма со стороны участников женского движения, научных исследователей и других сторонников гендерного равенства, использующих возможности Интернет для разработки интернет-ресурсов по гендерным вопросам, для общения по электронной почте и в социальных сетях. Заинтересованная мужская и женская аудитория пользователей получает опыт взаимодействия с самыми широкими кругами людей по всему миру, что приводит к реальным изменениям в личностном самосознании и к реальным сдвигам в сторону достижения гендерного равенства во всех сферах жизни

общества во всех регионах мира. В качестве примера в докладе рассматривается интернет-ресурс «Белорусская женская сеть» (<http://belwomnet.by>), предоставляющий широкие возможности для гендерной коммуникации.

ХОХОЛЬКОВА Надежда Евгеньевна

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль), khokholkova@gmail.com

АФРИКАНСКИЙ ВУМАНИЗМ

В 1980 г. Молефи Кете Асанте, профессор университета Темпл (Филадельфия) предложил новую парадигму трансформации афроамериканского общества. Его концепция афроцентризма призвана стать образом мысли и жизни, проникнуть в повседневность, регламентировать все: от норм морали до имиджа, от образования до семейного поведения. Согласно его мнению, представители африканских диаспор, воспринявшие афроцентризм, могут изменить общество к лучшему. Один из коллег М. К. Асанте, Нэй Дав, спустя несколько лет развил его идею, заявив о том, что в качестве тех, кто активно и положительно меняет общество, выступают женщины, «африканские матери», с молоком которых молодое поколение впитывает традиции и ценности. Концепцию африканского вуманизма (*african womanism*), к которой Н. Дав относит свои исследования, принято рассматривать в контексте афроцентризма. Появление термина «африканский вуманизм» связано с именем профессора Университета Миссури Кленоры Хадсон-Уимс. В 1987 г. на конференции в Университете Айовы она выступила с критикой черного феминизма (*Black feminism*) и предложила альтернативную концепцию, призванную отражать истинные ценности и интересы чернокожих женщин. Будучи убежденной в том, что феминизм – европейский феномен, К. Хадсон-Уимс полагала, что он абсолютно противоречит природе всех представительниц африканской диаспоры, формирующих семейные ценности и настроенных на позитивное сотрудничество с мужчинами. Инициированные ею терминология и парадигма, подобно теории афроцентризма, в русле которой они возникли и развивались, представлялись вызовом, брошенным европейской цивилизации.

ЦЫПИЛОВА Снежана Сергеевна

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), ai_qing@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Положение женщины значительно изменилось в современном монгольском обществе, представляющим собой синтез традиционного кочевого общества и достижений современной цивилизации. Монголия сохранила свою национальную идентичность, одной из основ которой остаются пастбищное скотоводство и кочевой образ жизни большей части сельского населения. Вместе с тем развитие страны неотделимо от современных мировых процессов, таких как глобализация, демократизация, модернизация и др. В современном монгольском обществе изменяются ценности культуры, характер социального взаимодействия и поведения, присущий женщинам и мужчинам. Современная монгольская женщина достигла значительных успехов в сфере образования, права,

политики, науки. В общественной, а также и в семейной жизни, женщины приобретают некоторые черты маскулинности. Реализация личностных возможностей, профессиональных навыков, активная общественная позиция монгольских женщин отразились и на характере развития института брака и семьи. Однако говорить о полном равноправии между мужчиной и женщиной в современном монгольском обществе будет неверно. В отдельных сферах деятельности (политика, экономика) роль женщин продолжает оставаться невысокой.

ЧУРАКОВА Ольга Владимировна

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова (Архангельск), ochurakova@yandex.ru

СТАТУС «ЖЕНСКОГО» В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

Казус статуса женщины в традиционных культурах «стран полуденного солнца» в двойственном положении феминного. В священном ландшафте арктической мифологии царит гендерный паритет. В мифопоэтических представлениях наряду с божествами мужского рода миром управляют прародительницы, заступницы за род человеческий: у якутов Иэйхсит – покровительница людей, Айыы-сыт – богиня плодородия, Аан Алахчин – богиня земли, у ненцев – жена демиурга Нума Я-небя, у эвенков – божество Солнца Энекан-Сигун. Сакральный характер имеют архитектура женской одежды и символические репрезентации ее внешних форм, особенно – орнаменты. Деятельность женщин по украшению предметов обихода сепаратно может быть приравнена к шаманской.

В обыденной жизни северянка зачастую была дискриминирована, ее поведение – табуировано. Пространство жизненного ареала мужчин было ориентировано вовне, женщин – вовнутрь. В жилище (коте, чуме, веже, тупее, яранге, джу) женщине отводилось место с учетом стороны света, близости к выходу и очагу; строги были предписания поведения хозяйки на «чужой» половине дома.

Кроме того, у народов Крайнего Севера существовала дифференциация предметного мира: были предметы мужские (орудия труда и охоты), женские (сумочка для швейных принадлежностей, игольник и пр.) и «гендерно маркированные». Например, у эвенков (*ламатов*) были мужская (*нимка-ми*) и женская (*тийун*) палка-посох. У ненцев были мужские и женские нарты.

На этой особой конвенциональности держался порядок мироздания, – жилище представляло собой модель вселенной, а «неправильное» поведение женщины могло обернуться катастрофой.

ШЕВЕЛЕВА Александра Игоревна

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва), asheveleva@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИИ И СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖЕНСКОЙ СУДЬБЕ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ УКРАИНОК САМОЙЛОВСКОГО РАЙОНА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Доклад основан на материалах этнолингвистических экспедиций Центра типологии и семиотики фольклора

РГГУ 2012–2014 гг. в Еланско-Терсянском украинский анклав Саратовской области, сформированный переселенцами с восточных земель Украины в первой половине XVIII в. Несмотря на оторванность от материнской культуры, жители этого анклава до сих пор сохраняют как собственную идентичность («мы – хохлы», «говорим по-хохлацки»), так и мифологические представления, свойственные «классической» украинской традиции (это касается как календарных обрядов, так и мифологических представлений). Так как большинство наших информантов – женщины 1920–1940-х годов рождения, кроме сохранившихся традиционных верований нас заинтересовали и автобиографические нарративы, благодаря которым возможно воссоздать присущий данной локальной традиции нормативный образец жизни (так называемый «культурный жизненный сценарий»). В докладе будет предпринята попытка показать, как в таком автобиографическом нарративе соединяются традиционные представления о «правильной» женской судьбе с требованиями советского времени к равноправному участию женщин в общественной жизни. В советские годы этим женщинам пришлось выйти за пределы патриархальных схем жизненных сценариев: кто-то работал в колхозе за трудовни, кто-то пошел на войну добровольцем, а кто-то выбрал путь магического специалиста или «хождение по покойникам». (В советское время из-за отсутствия возможности церковного отпевания в традиции возникла заместительная форма отпевания покойников, которой в большинстве случаев занимались пожилые женщины).

ШИШЕЛЯКИНА Алёна Леонидовна

Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень),
Shishelyakina@mail.ru

ФЕНОМЕН ЭТНИЗАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ: МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТАТАРСКОГО ЭТНОСА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В условиях ревитализации традиционных ценностей в российском обществе и новой волны татарского национализма в Тюменском регионе были сформулированы «новые» конструкты для воспроизводства татарского этноса. Одним из таких конструктов является этнизация гендера. Если *этнизация* – это придание этнических характеристик социальным отношениям, то *этнизация гендерных отношений* – это усложнение этническими нормами правил взаимодействия, прав и обязанностей, распределения труда между женщинами и мужчинами, в том числе, принадлежащим к разным поколениям. Это означает, что представления о женственности и мужественности дополняются представлениями об этнической женственности и мужественности; распределение прав и обязанностей – регламентируются традиционным укладом; натурализация женской роли (идеология материнства как естественного предназначения женщины), как и вступление в брачные союзы внутри этнической группы – аргументируются необходимостью воспроизводства этноса и т.д. Что касается жизни, то этнизация гендера проявляется как в публичном дискурсе общественных деятелей-татар, так и в повседневных практиках женщин и мужчин, соотносящих себя с татарской этнической группой. Таким образом, представляется, данный феномен заслуживает внимания.

ШТЫЛЕВА Любовь Васильевна

*Институт социальной педагогики Российской академии
образования (Москва), tanyu-ny@rambler.ru*

**СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ
ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО
НЕРАВЕНСТВА В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ
(Ж. Ж. РУССО)**

Ж.Ж. Руссо известен как автор либеральных философских трудов, основоположник теорий общественного договора и «свободного воспитания», но одновременно он является и основоположником поло-ролевого подхода в гендерной социализации подрастающего поколения. Нормативная модель воспитания юноши и девушки, описанная им в романе «Эмиль, или О воспитании» – убедительный пример социально-педагогической технологии воспитания, основанной на идеологии врожденных различий и неравенства полов в физической, моральной и интеллектуальной сферах. Фундаментальные различия закреплены в целях, содержании и методах воспитания мальчиков и девочек.

Из «богоданности» различий между полами Руссо пришел к выводу о «богоданности» различий в ролях мужчин и женщин в семье и обществе. Суть концепта поло-ролевого воспитания, обоснованного Руссо – сохранение и усиление различий между полами через обучение мальчиков и девочек «подобающих их полу» ролям, противопоставление сфер и целей самореализации, выстраивание зависимых и иерархических межполовых отношений в семье. Таким образом, педагогическая система «естественного» поло-ролевого воспитания Ж.-Ж. Руссо ориентирована на: (1) усиление различий и неравенства между полами в духовно-ценностной сфере: «Совершенный мужчина и совершенная женщина должны так же мало быть сходными духом, как они мало схожи своим обликом»; (2) противопоставление сфер жизни (самореализации) и интересов: «Чем больше разделены жизни женщины и мужчины, тем лучше для них обоих». Даже сближение и смешение женщин и мужчин в обществе представлялось Руссо свидетельством упадка, не говоря уже об идеях равенства полов; (3) стереотипизацию полоролевого поведения.

КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

Круглый стол 1

УРАЛ: ГРАНИЦА ЕВРОПЫ ИЛИ ЦЕНТР ЕВРАЗИИ?

Калуцков Владимир Николаевич – д.г.н., профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

E-mail: bratynia@rambler.ru

Зубков Константин Иванович – к.и.н., доцент, Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

БУТУЗОВ Алексей Геннадьевич

Финансово-технологическая академия (Копелев), sarmatant@inbox.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УРАЛА И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА ОБРАЗА ЖИЗНИ

Уральский регион, благодаря особенностям своего географического положения, органичному и оригинальному единству социально-исторической среды лесных, лесостепных и степных территорий, с глубокой древности играл системообразующую этнокультурную роль в масштабах всей Северной Евразии. Неповторимый калейдоскоп этнокультурных традиций как современных, так и культурно предшествовавших им этнических групп Урала во многом определил аутентичную евразийскую сущность, проверенный тысячелетиями евразийский ориентир развития современной российской цивилизации.

«Туризм образа жизни» обладает очевидным преимуществом перед другими видами этнокультурного туризма прежде всего своим богатым и разнообразным ресурсным потенциалом. Гипотетически каждый район Урала как «сердца» Евразии при достаточном уровне развития туристической инфраструктуры, эффективном продвижении и благоприятной рыночной конъюнктуре может претендовать на обретение статуса полноценной этнокультурно-туристической дестинации. При этом в качестве особенно перспективной зоны можно выделить Урало-Каспийские «ворота» – степные пространства Южного Урала, кладезь археологического и этнографического достояния России.

При формировании и продвижении новых этнокультурных туристских продуктов следует акцентировать внимание на этнокультурной преемственности, сопряженности и параллелизме развития древних и современных народов, целостности и многообразия территорий, слагающих регион, в противовес продвижению тупиковой для будущего этнокультурного туризма идеи европейско-азиатской рубежности Урала.

ВАМПИЛОВА Людмила Борисовна

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), histgeo@mail.ru

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ВКЛЮЧЕНИЯ УРАЛА В КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

При анализе проблемы должны быть рассмотрены все событийные процессы, связанные с ландшафтными, этни-

ческими, природопользовательскими аспектами, нашедшими отражение в пространственно-временной дифференциации Уральского региона. Древнейший этап освоения человеком ландшафтов Урала охватывает хронологический срез от эпохи камня до позднего железного века. Археологические находки имеют различный уровень представления материалов, показывают многообразие форм древней культуры, подтверждают специфику культурно-исторических процессов. В конце эпохи средневековья захват Казани и Сибирского ханства изменил характер колонизации Каменного Пояса. Северная часть Урала становится доходной колонией Московии. Закладывается Чердынь – удобный транспортный узел водных артерий, центр Камского Предуралья, первый крупный ареал русского расселения.

Нужда в собственном металле для медных пушек и для торговли приводит к снаряжению в 1491 г. первой правительственной поисковой геологоразведочной партии. Во второй половине XVI века формируются старинные династии промышленников Строгановых и Демидовых, с которыми связано культурное наследие индустриального прошлого Урала. Имперский этап стал решающим в развитии Урала – это старейший район металлургического производства, кузница военной мощи России, порубежный регион, ставший исторической зоной первых опытов формирования новой «русскости» путем массовой вольно-крестьянской колонизации. В советский период Урал – горнозаводской промышленный центр, имеющий связи с международным рынком металлов и приобретший, по мнению П.С. Богословского, особые черты «уральской горнозаводской цивилизации». За историческое время на Урале сформировалась масштабная система расселения, состоящая из более чем 200 городов-заводов. Помимо этого, Урал – самобытный регион, обладающий уникальными особенностями духовной и материальной культуры, образа жизни населяющих его людей.

ГЕРАСИМЕНКО Татьяна Ильинична

Оренбургский государственный университет (Оренбург), tanyag26@yandex.ru

ДЕЛИМИТАЦИЯ ЕВРОПЫ И АЗИИ: МНОВОВАРИАНТНОСТЬ ГРАНИЦЫ

Вопросы разграничения геопространства всегда интересовали географов, хотя любые границы условны и подвижны, а делимитация зависит от ее целей и критериев. В слу-

чае разграничения Европы и Азии невозможен единственно верный вариант. Так, отечественная традиция относит Закавказье к Азии, а европейская – к Европе. Восточные склоны Урала как физико-географическая граница привычны и логичны. Экспедиция РГО уточнила эту границу. Но Урал расположен на стыке не только природных, но и геокультурных и других структур. При этом геокультурная делимитация весьма затруднительна, поскольку Урал – это этноконтактная зона. В эпоху глобализации мировая цивилизация приобретает новый географический рисунок, границы смещаются и «размываются». Пограничные территории, так же как и пограничные эпохи, порождают пограничные состояния и пограничное сознание. Точные рубежи, за редким исключением, каковым являются, например, проведенные субъективно политические границы, установить невозможно. Есть переходные и пограничные территории, рубежи, разломы, контактные зоны цивилизаций и их частей.

Геокультурные границы представляют собой модель, или схему; это – способ структуризации знания о дифференциации геопространства. При определенных условиях практически любой участок геокультурного пространства можно считать границей. В докладе на конкретных примерах будет охарактеризовано геокультурное пространство Уральского региона как этноконтактной зоны, сложившейся в течение длительного периода времени на стыке ландшафтов, культур и цивилизаций. В связи с вышесказанным вопрос геокультурной делимитации Европы и Азии не представляется актуальным. Гораздо важнее изучение межкультурных контактов.

ЗАЛИХАНОВ Алим Михайлович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), bulungu@yandex.ru

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Уральский регион, особенно южная часть этой обширной физико-географической области, всегда представлял собой интересный культурно-исторический феномен. В южном Предуралье уже в V–VI тыс. до н. э. сложилась развитая неолитическая культура, характерной особенностью которой явилось возведение больших курганных насыпей над погребениями, что определило ее современное археологическое название – курганная культура. Быстрое ее распространение на юг, юго-восток и юго-запад привело к появлению локальных вариантов, к развитию и ассимиляции местных культур. Известные майкопская, северо-кавказская, как и многие другие археологические культуры Кавказа, Крыма, Средней Азии, – наследницы этой культуры древних жителей Южного Урала. Есть мнение, что курганная культура оказала влияние на появление зиккуратов в Двуречье и пирамид в Египте. Богатые месторождения меди, золота, других цветных и черных металлов в это время позволили региону стать одним из мировых лидеров производства ранней бронзы. Имеются и данные об экспорте металлов с Урала в города-государства Шумера 5 тыс. лет тому назад. Народы Урала в течение тысячелетий снабжали металлами и знаменитыми уральскими самоцветами окрестные народы и государства – скифов, сарматов, болгар,

хазар, Золотую Орду, русские княжества, а с включением в Российское государство Уральский регион стал стержнем, вокруг которого развилась российская промышленность. Эта роль Урала ярко проявилась и в период советского строительства, особенно в военные и послевоенные годы. И сейчас Уральский регион не исчерпал своего гигантского промышленного, сельскохозяйственного, культурного и человеческого потенциала.

ЗУБКОВ Константин Иванович

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), zubkov.konstantin@gmail.com

УРАЛ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ «ГРАНИЧНОСТИ» И «ЦЕНТРАЛЬНОСТИ»

Геоконцепт Урала как границы между Европой и Азией формировался как под влиянием восходящих к античности представлений о горах «Земного пояса», так и в контексте реального опыта русской колонизации (походы русских через Северный Урал во второй половине XV века, роль Уральских гор как водораздела между бассейнами Волги – Камы и Оби – Иртыша, предопределившая локализацию здесь таможенной границы между Русским государством и Сибирью). Вместе с тем, относительная легкость преодоления Уральских гор в их средней, пониженной, части, со времен расцвета пушной торговли Волжской Булгарии, масштабных миграций кочевых народов и походов ушкуйников снижала «барьерную» функцию Уральских гор, приводя в ряде случаев к их «исчезновению» из историко-нарративного дискурса.

Роль Урала как одного из узловых, «срединных» центров организации евразийского пространства следует связывать с отмеченным В.П. Семеновым-Тянь-Шанским аazonальным переходом равнинных участков суши к горной стране, что обусловило зарождение на Урале расширяющегося ареала горной промышленности и развитие здесь ранних – со времен Строгановых – процессов регионообразования.

Исторически изменявшиеся представления о роли Урала в евразийском пространстве лучше всего могут быть осмыслены в контексте его социально-исторической эволюции от «пространства-среды» к территории, а затем к региону.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович

Институт географии РАН (Москва), kaganskyw@mail.ru

СТАТУС ГРАНИЦЫ «ЕВРОПА/АЗИЯ» С ПОЗИЦИЙ ОБЩЕЙ ЛИМОЛОГИИ

Граница «Европа – Азия» может рассматриваться двояко: (1) как симметричная, где Европа и Азия – равноправные макрорегионы, (2) как асимметричная, где эта граница – граница Европы. Первый случай представляет разграничение, второй – отграничение. В первом случае переходная зона симметрична, нанизана на границу (Урал как переходная зона), во втором – размещается по одну сторону границы, совпадающей с западной границей Урала. Исторический сдвиг этой границы на восток – расширение Европы – свидетельствует о реализации первого случая. Однако Урал как целостный комплексный регион природного и культурного ландшафта не может рассекается границей, и если Урал – граница «Европа/Азия», то эта граница – широкая полоса, но не переходная зона.

Налицо противоречие между самостоятельным существованием макрорегиона Урала и его функциями переходной зоны, хотя ее атрибутов ландшафт Урала почти лишен. Подобные семантические парадоксы разрешает понятие «дизъюнктивная граница=зона» – обобщение понятий промежуточной разделительной, разграничительной зоны. Выполняя функцию различения и расчленения, она имеет собственное содержание, не сводимое к сочетанию элементов смежных районов. Она не может быть присоединена к одному из смежных районов или расчленена между ними; может образовать вместе с ними новый комплексный район с принципиально новым содержанием, где будет центральным, осевым элементом. Новое культурное самоопределение Урала основано на символически значимой оси границы «Европа/Азия»; контактно-интегративная макропространственная роль Урала в этом самоопределении не заметна.

КАЛУЦКОВ Владимир Николаевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), bratynia@rambler.ru

ГЕОКОНЦЕПТ «ГРАНИЦА МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ ПО УРАЛУ»: КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

На протяжении двух столетий (до последней четверти XVIII века) Урал являлся таможенной границей России. Устойчивое пограничное состояние региона запечатлелось в языке: мы говорим на Урале (также как для других пограничных регионов – на Алтае, на Кавказе и т.п.).

Авторами геоконцепта «Граница между Европой и Азией по Уралу» являются В.Н. Татищев и П.С. Паллас. Важнейшим геополитическим стимулом данного проекта стал перенос столицы в Петербург и связанная с этим реорганизация всего российского пространства. Свои варианты проведения границы предлагали М.В. Ломоносов, С.Г. Гмелин, Э. Реклю, Д.Н. Анучин, Л.С. Берг и многие другие крупные ученые. Тем самым, занимаясь данной проблематикой, современный исследователь может «приобщиться» к сонму великим.

Другая группа известных исследователей, к которой принадлежали Н.Я. Данилевский, Д.И. Менделеев, П.Н. Савицкий, А. Геттнер, рассматривая проблему уральской границы как цивилизационную и культурно-географическую, считали, для России такой границы не существует.

Ныне «азиатско-европейскую» границу на Урале можно рассматривать как феномен регионального историко-культурного наследия. Она маркирована памятными знаками (первый памятный знак был сооружен в 1837 г.), мемориальными акциями, культурными традициями, специализированными туристическими маршрутами.

КОРНЕВ Иван Николаевич

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), kornev_in@mail.ru

О ГРАНИЦАХ УРАЛА КАК ГЕОКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА РОССИИ

Концепт «Урал» многозначен по своему содержанию. Урал – это физико-географическая страна; Уральский экономический район; Уральский федеральный округ. Каждое из названных пространственных образований имеет свои границы, соответствующие целям районирования и изучается

именно в этих границах. Развитие в последние годы культурно-географических исследований регионов России поставило исследователей перед проблемой культурно-географического или геокультурного районирования страны, которое должно осуществляться на основе историко-геокультурного подхода, поскольку он является наиболее комплексным. Данный подход мы применили при определении границ геокультурного пространства Урала (ГКП). Для большинства населения нашей страны образ Урала ассоциируется с «Каменным Поясом» и горнозаводской культурой. В этот пояс входят территории Свердловской, Челябинской областей, Пермский край, приуральские районы Оренбургской области и горные районы Башкирии. К Уральскому ГКП следует также отнести близлежащие сориентированные на Урал территории, тесно связанные с горнозаводским комплексом региона – это прикамские районы Удмуртии, восточные районы республики Коми с Ненецким АО, западные (приуральские) районы Курганской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО. Именно в таких границах Урал, на наш взгляд, представляет собой целостное геокультурное пространство на географической карте России.

КУРЛАЕВ Анатолий Евгеньевич

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), aekurlaev@gmail.com

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОСНОВА ГЕОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА УРАЛА: ПЕРСПЕКТИВЫ АКТУАЛИЗАЦИИ

Промышленное развитие Урала послужило катализатором культурных процессов, в конечном счете, сформировав урбанизированную общность, в которой находят отражение элементы этнических, религиозных, космополитических парадигм. Промышленное освоение региона было напрямую связано с сооружением и функционированием транспортных путей, способствуя увеличению мобильности населения внутри региона, притоку переселенцев, развитию транзитных маршрутов, торговли. Основание новых заводов требовало консолидации трудовых ресурсов, в связи с чем в промышленную деятельность, наряду с коренным населением, вовлекались иностранные специалисты. Индустриальная деятельность обеспечила не только экономическую, но и культурную целостность Урала, «сшившего» таким образом пространство на границе Европы и Азии. Эти свойства региона оказываются актуальными с позиций современного значения геоконцепта, в рамках которого воссоздается образ Урала как экономического и культурного связующего звена между Европой и Азией. Используемый как в туристических, так и в экономических проектах геоконцепт может быть существенно усилен составляющими промышленной истории и культуры, представляющими многообразие индустриального наследия Урала.

КУРЛАЕВ Евгений Анатольевич

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), kurlaev@e1.ru

ТОПОНИМ «УРАЛ» В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XVII – СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

В отечественном историческом нарративе появление топонима «Урал» связывают либо с башкирским эпосом

«Урал-батыр», либо с «Аральтовой горой», локализуемой у р. Яик. По нашим данным, первое аутентичное упоминание топонима «Урал» связано с организацией в 1670-х годах нескольких крупных геологоразведочных экспедиций, направленных на поиски серебра во главе с казацким головой М.П. Селиным, воеводами П.И. Годуновым и Я.Т. Хитрово в район современного Златоуста. В нескольких километрах к востоку от города находится гора «Урал-тау». Топоним был основным ориентиром в текущей переписке и даже отразился в названии крепости «Новый Уральский городок», так как гора находилась вблизи места дислокации экспедиции и района проведения горных работ. К середине XVIII века этот топоним распространился на всю горную цепь, на что указывают картографические источники. Изучение следов и маршрута экспедиций позволяет выявить известные в древности местонахождения полезных ископаемых, районы расселения народов в Южном Приуралье в XVII–XVIII вв., соотнести старинную топонимику с современными названиями местности. Присутствие топонима «Урал» в русских источниках позволяет также предметно обсуждать вопрос о времени выделения Урала из общесибирского пространства конца XVI–XVII века и зарождения его самобытной региональной идентичности.

КЫРЧИКОВ Максим Сергеевич

*Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург),
maksim_kyrchikov@mail.ru*

**ВОПРОС О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРАНИЦАХ
УРАЛА В 1920-Е ГОДЫ**

Географически центральное положение Урала между европейскими и азиатскими владениями России делало вопрос о его позиционировании в территориально-экономической структуре страны чрезвычайно сложным и подверженным постоянному переосмыслению. В период кампании по районированию территории СССР в начале 1920-х годов упор на создание мощных и экономически самостоятельных областных и краевых объединений актуализировал вопрос: что же представляет из себя Урал как региональная целостность? В качестве критериев определения границ созданной в 1923 г. Уральской области принимались не только географические реалии (вытянутая по меридиану область Уральского горного хребта) и заметно изменившийся с начала XVIII века ареал распространения горнозаводской промышленности (что отсекало от Урала территорию бывшей Вятской губернии на западе), но и намечаемые перспективы хозяйственного развития (присоединение к Уральской области богатых лесных ресурсов Обь-Иртышского бассейна на востоке как базы расширения древесноугольной металлургии). На фоне дискуссий о принципах экономического районирования руководство Уральской области на практике применило в качестве руководящей идеи регионообразования не столько структуру промышленного «комбината», сколько стихийное экономическое тяготение к промышленной области Урала, расположенных к западу и востоку аграрных территорий, стремясь тем самым усилить «центральные» функции региона в экономической организации евразийского пространства.

МИХЕЕВ Михаил Викторович

*Институт истории и археологии УРО РАН (Екатеринбург),
mikheev666@yandex.ru*

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ УРАЛА
В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЕ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА**

С первых пятилеток Урал рассматривался в качестве опорного плацдарма для индустриального освоения Сибири и Дальнего Востока, приобретая таким образом качество одного из перспективных центров организации евразийского пространства. Соединив магистральным сообщением уральскую железную руду и уголь Кузбасса, правительство сумело создать на востоке страны мощную угольно-металлургическую базу для экономического подъема всей советской Азии. Великая Отечественная война, стянув на Урал многие эвакуированные предприятия и усилив промышленный потенциал региона, превратила его в «опорный край державы» – стратегический тыл страны. Также размещение на Урале в послевоенные годы мощностей атомной индустрии создавало предпосылки для усиления «центральной» роли Урала в территориальной организации экономики страны, но в очень узком диапазоне обеспечения геополитической безопасности государства. При этом, однако, Урал утратил многие свои функции в качестве плацдарма дальнейшего продвижения индустрии на восток страны. Несмотря на планы правительства сохранить тенденцию «восточного сдвига», уральская промышленность в 1950-е годы все больше превращалась в базу послевоенного экономического восстановления западных районов СССР, переключаясь на снабжение европейского Центра сырьем и полуфабрикатами. Это вновь усилило черты периферийности в развитии Урала, закрепляя за ним роль медленно перемещаемой на восток «подвижной границы» между экономически развитой Европейской части России и сырьевым хинтерландом Азиатской России.

ПИРОГОВА Ольга Вячеславовна

*Уральский международный институт туризма (Екатеринбург),
olga-pirogova@inbox.ru*

**РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА НА ГРАНИЦЕ ЕВРОПЫ
И АЗИИ – РАСШИРЕНИЕ КОНТАКТОВ И
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР**

В мире три четверти туристического бизнеса приходится на рынок внутреннего туризма. Для того чтобы развивать внутренний и въездной туризм в России важно знать и грамотно использовать для этого исторические, этнографические, археологические, культурные, природные и иные ресурсы. Одним из самых интересных и привлекательных объектов для туристов является проходящая по Уралу граница Европы и Азии. Это уникальный туристский ресурс России: протяженность границы между Европой и Азией составляет 5524 км, из них 2000 км проходит по Уральскому хребту. Как правило, все туристы, посещающие Урал, выражают горячее желание посетить памятный знак границы Европы и Азии. Важно рассматривать такие объекты как возможность развития целого комплекса мер по привлечению туристов из разных городов и стран для встречи именно на границе Европы и Азии, проведения здесь целого

ряда событийных мероприятий, объединяющих традиции европейских и азиатских культур. Исследование границы между Европой и Азией имеет давние традиции, отсылающие к античным географам, эпохе Великих географических открытий, научному этапу определения границ материков и континентов. К определению границы Европы и Азии применялись культурологические (исторические, этнографические, лингвистические), административно-политические, ландшафтно-орографические, гидрологические подходы. С позиций развития туризма все эти маркирующие признаки должны использоваться комплексно, давая представление о том, как была открыта и проведена граница Европы и Азии, какие экспедиции посещали эти края, какие этносы и этнические культуры развивались на границе и по разные ее стороны. Все это должно найти отражение в памятных знаках на границе Европы и Азии, что, несомненно, будет привлекать туристов.

ПОБЕРЕЖНИКОВ Игорь Васильевич

*Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург),
pober1871@mail.ru*

**ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И МЕХАНИЗМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА УРАЛА
(имперский период)**

В концепции географических образов, разработанной Д.Н. Замятиным, они понимаются как достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные геопространственные представления, соотносимые с политико-, историко- или культурно-географически выделенными территориями. Важнейшим фактором формирования регионального образа Урала выступало административно-территориальное устройство края, постепенно «отсекавшее» Урал от сибирских просторов и Поволжья, и «находившее» собственные управленческие центры. Существенное влияние на процесс региональной идентификации Урала оказало складывание здесь в XVIII в. системы местной горной администрации (Уральское горное управление), которое проходило параллельно со становлением уральской крупной горно-металлургической промышленности. Функционирование региональной системы управления горнозаводской промышленностью ускорило выделение уже в XVIII в. Уральского горнопромышленного региона, окончательно приобретшего самостоятельный административно-территориальный облик во второй половине XIX века. Индикатором динамики регионоформирования и генезиса краевой идентичности выступало выделение территории в качестве сложившегося

региона в схемах районирования, которые разрабатывались учеными-современниками в XIX – начале XX века. Урал как геокультурный объект довольно часто присутствовал в русской литературной традиции, символизируя как российскую мощь, так и выполняя функцию элемента «каркаса», на котором выстраивался образ Европейской России. Региональный образ формировался постепенно, складываясь благодаря административным практикам, научным классификациям, литературным опытам, будничному осмыслению и т.д., которые отражали «естественные» процессы регионального структурирования, оформления места и функций региона в экологических, геоэкономических, этносоциальных и прочих контекстах.

ПУШКИН Сергей Николаевич

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина (Нижний Новгород), spushkin1949@mail.ru*

ЕВРАЗИЙЦЫ ОБ УРАЛЕ КАК ЦЕНТРЕ ЕВРАЗИИ

Евразийцы утверждали, что Евразия отнюдь не является механическим объединением Европы и Азии, но представляет собой особый континент, целостную мощную цивилизацию. Им разделение Евразии на две части – Европейскую и Азиатскую – виделось ошибочным, ибо Уральские горы не разъединяют, а, напротив, объединяют евразийскую территорию. И по ту, и по другую сторону от Урала находятся те же самые почвенно-ботанические и климатические зоны тундры, лесов и степей, играющие одинаково важную роль в развитии Евразии. В этой связи евразийцы предпочитали изображать ее географический мир в виде полос горизонтально разделенного флага, что постоянно подталкивало европейские и азиатские народы России к созданию единого государства. Здесь, по убеждению евразийских мыслителей, получило развитие чрезвычайно сильное братство народов, которые Россия-Евразия объединила в единое целое. При этом стихия леса, как правило, была представлена славянами, а степь – туранцами – народами «урало-алтайской группы». Между степью и лесом складывались различного рода связи, формировались этносы, отличавшиеся присущим им своеобразием. Нет ничего удивительного в том, что между отдельными представителями этнических групп наглядно проявлялись различия. Однако, как утверждали евразийцы, между ними формировалась и «целая непрерывная цепь промежуточных переходных звеньев». В жилах русских евразийцев вместе со славянской течет и туранская кровь. А поэтому характер русского народа имеет сходство с национальными особенностями как славянского Запада, так и туранского Востока.

Круглый стол 2
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ
«АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ»

Смирнова Татьяна Борисовна – д.и.н., профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск)

E-mail: smirnovatb@omsu.ru

Трушкова Ирина Юрьевна – д.и.н., профессор, Вятский государственный гуманитарный университет (Киров)

E-mail: arina_trushkova@mail.ru

БАЛЫБЕРДИН Юрий Александрович

*Вятский государственный гуманитарный университет (Киров),
baliberdin@vshu.kirov.ru*

**РАЗВИТИЕ АСПИРАНТУРЫ ПО ЭТНОГРАФИИ
В РЕГИОНАХ РОССИИ**

Актуализация образовательной программы для вузов «Антропология и этнология» делает востребованными расширенные научные исследования в ее рамках. Обучать научным исследованиям студентов в бакалавриате и магистратуре целесообразно посредством аудиторной занятости, самостоятельной работы, на стажировках и практиках, включая экспедиционные. Должны быть перспективы продолжения образования в аспирантуре. В ряде регионов Российской Федерации до сих пор ощущается дефицит специалистов в сфере этнологии и антропологии как с высшим образованием, так и с ученой степенью.

Как известно, по существующим на сегодня правилам для открытия аспирантуры по направлению подготовки необходимо наличие трех докторов наук с опытом исследований по проблемам специальности. Не во всех российских регионах имеется по три доктора исторических наук по специальности 07.00.07. – этнография, этнология, антропология. Разумеется, в каких-то случаях можно привлекать коллег из смежных наук. При кооперации регионов более эффективно происходило бы пополнение Банков региональных этнографических данных, введение в научный оборот этнографических источников XIX, XX и даже начала XXI веков.

Современное развитие аспирантуры по этнологии и антропологии, в том числе, и через сетевое сотрудничество, призвано обеспечить кадровое будущее этнологической науки в регионах и удовлетворить их потребность в высокопрофессиональном общественно-политическом менеджменте.

БОГОВ Владимир Алексеевич

Фонд развития культуры (Рига, Латвия), vlad.bogov@gmail.com

ГУЩИН Виктор Иванович

Балтийский Центр исторических и социально-политических исследований (Рига, Латвия), viktor/gushchin@gmail.com

**ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ
МОБИЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В РАМКАХ
РЕАЛИЗАЦИИ ВУЗОВСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ПРОГРАММЫ «АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ»**

Международная мобильность преподавателей в рамках реализации университетской образовательной про-

граммы «Антропология и этнология» раскрывается на примере сотрудничества вятских/кировских и латвийских коллег: совместное участие в научных конференциях в Риге и Кирове, чтение отдельных лекций, работа на часть ставки латвийских коллег на кафедре в вятском вузе. Содержательная база для этого немалая: в области археологической антропологии – тема «финно-угры, балты и славяне», в области этнополитики – «история и опыт работы некоммерческих объединений в России и странах Балтии», где латвийские коллеги делились своим страсбургским и брюссельским опытом структур гражданского общества. Учебный курс «страноведение» на региональном материале без труда дополняется изучением жизни и деятельности Яниса Райниса в вятской ссылке, установлением советской власти на Вятке латышскими красными стрелками, этнографией «столыпинских» и «сталинских» переселенцев в Вятский край.

Эффективно проводилось руководство курсовыми работами вятских студентов латвийскими преподавателями: сравнивались научно-исследовательские школы, вводились в научный оборот новые источники. Студенты знакомились с заграничным стилем преподавания. Аналогичная картина проявилась при проведении практик, стажировок по этнографическому туризму, при которых студенты знакомились с балтийскими этнографическими и другими музеями, туристическими ресурсами. Началось взаимодействие по линии аспирантуры.

Пример преподавательской мобильности в рамках реализации образовательной программы для университетов «Антропология и этнология» выявляет достаточные возможности для сотрудничества вузов регионов и стран.

ВЛАСОВ Юрий Викторович

*Тартуский государственный университет (Тарту, Эстония),
seeteine3@gmail.com*

**ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ
МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ
В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ВУЗОВСКОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ
«АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ»**

Международная научная и учебная мобильность студентов при изучении этнографии конкретных регионов и стран может быть раскрыта на примере сотрудничества вятских и эстонских исследователей. Два больших на-

правления – этнография эстонцев в северном вятском пограничье и этнографический туризм (внешний и внутренний). Первое направление предстает учебной практикой студентов – антропологов и этнографов, историков и др. Здесь они осваивают азы классической экспедиционной работы, знакомятся с расширением хронологических рамок за счет изучения материала XX в. Эффективно участие эстонских исследователей при фиксации диалектов эстонского языка, фольклора, соотношения местностей выхода переселенцев в исторической родине. Отдельная тема – экспедиционные изыскания по этнической истории эстонцев в ВятЛАГе.

Студенческое сотрудничество включает и мастер-классы эстонских коллег по сопутствующим темам: творческие занятия по этнодизайну, фотоискусству (на вятском материале). Будущие специалисты учатся не просто проводить фото- и видеофиксацию этнокультурных объектов, но и получать максимально информативные или достаточно художественные (эстетичные) снимки.

На сегодняшний день сотрудничество подошло к вопросам проведения практики по этнографическому туризму в Эстонии и в Кировской области, к проработке маршрутов под виды туризма, под категории потребителей туристического продукта.

ВОЛКОВА Люция Аполлосовна

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко (Глазов), snovaluciya@mail.ru

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА В КОНТЕКСТЕ СТУДЕНЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Этнографические материалы Даниэля Готтлиба Мессершмидта стали известны научной аудитории благодаря публикации В.В. Напольских «Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта» (Ижевск, 2001), в которую автор включил дневниковые записи ученого (21–27 декабря 1726 г.) о чепецких удмуртах, татарах, бесермянах и русских. В профессиональной подготовке учителей-краеведов в Глазовском пединституте содержанию названной книги уделяется серьезное внимание как историческому и этнографическому источнику. Одной из форм работы является проведение индивидуальных и групповых исследований, условно называемых «по следам Мессершмидта». По предварительно составленной программе студенты собирают «полевой» материал, который затем сравнивают с источниками XVIII в. Первое впечатление от этнической специфики культуры соседних народов постепенно меняется в сторону обнаружения типичности. Углубленное изучение и сравнение современного стандартизированного «этноокрашенного» материала со сведениями Мессершмидта позволяют выявить факторы, влияющие на типичность, и увидеть эволюцию культуры народа. Образовательная и воспитательная цель охарактеризованной работы – формирование у студентов этнографического кругозора и этнической грамотности, а также воспитание толерантного отношения к окружающей многонациональной среде, изживание комплексов этнического нигилизма и предрассудков урбанизированного шовинизма.

КАЙСИН Алексей Олегович

Вятский государственный гуманитарный университет (Киров), akai_slob@mail.ru

РОЛЬ И МЕСТО АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ «АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ»

Археологическая антропология (Archaeological anthropology) – это исследование прошлого человечества по материальным свидетельствам. Археологическая антропология не ограничивается научной атрибуцией культурного памятника (техническим описанием времени, места, исторических деталей, культурной спецификацией), техническим описанием. Она идет гораздо дальше, используя памятники не как самоцель, а как средство раскрытия общественных отношений, существовавших в отдаленную эпоху.

Содержание соответствующих предметов в образовательной программе вуза выявляет особенности исследований. Совокупность культурных черт, в комплексе характеризующих жизнедеятельность того или иного народа в отдаленную эпоху, получила название археологической культуры. Археологическая культура – совокупность остатков человеческой деятельности, извлекаемая при исследовании археологических памятников и по ряду уловимых признаков отличимая от другой такой же совокупности. Археолог может оперировать понятием «археологическая культура» как некой самостоятельной сущностью, которую в определенном смысле можно рассматривать отдельно от ее бывшего носителя – человеческого коллектива. Антрополог, занимающийся изучением древнейших времен на основе археологических данных, исследует свидетельства древних миграций зачастую очень больших коллективов людей, приносящих на новые территории обитания свою культуру в самых различных ее проявлениях, различным образом взаимодействующих с аборигенным населением этих территорий.

Изучение этносов через призму археологической антропологии способствует формированию компетенций из ФГОС, важных умений и навыков для профессиональной деятельности.

КРИГЕР Ольга Владимировна

Вятский государственный гуманитарный университет (Киров), krigerolga2009@yandex.ru

ПОДГОТОВКА ДИДАКТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ «АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ» ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОЙ ЛАБОРАТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В процессе обучения по образовательной программе «Антропология и этнология» у студентов должны сформироваться качественные умения и навыки для будущей профессиональной деятельности. Для этого целесообразно использовать разные источники. Наилучшим способом для реализации этой цели является работа с Банком данных в профильной лаборатории, который включает предметы и записи из экспедиций, фото коллекции, копии ценных этнографических источников из центральных собраний, «клас-

сических» монографий. Наглядное восприятие студентами особенностей жизни этносов через предметы того времени способствует реконструировать события, повседневную жизнь народа. Образные представления весьма доступны для понимания, они задействуют чувственное восприятие человека, вызывают эмоциональный отклик. Сюжеты этнической истории с такими дидактическими материалами изучаются качественнее.

Для студентов-антропологов можно не только проводить семинары в научно-исследовательской лаборатории. Они могут принимать участие в каталогизации и оцифровке артефактов, найденных в ходе этнографических экспедиций в Кировской области, выполнять работы в совместных с другими структурами проектах по созданию 3D-моделей, металлографическому анализу, по вопросам генетики, биологии восприятия визуальных образов в культурах и т.д. Отчеты и другие результаты пограничных исследований могут выступать также своеобразными дидактическими материалами.

Предметы из фондов лаборатории могут выступать и экспонатами для выставок, подготовленных для студентов и самими студентами.

ЛЕБЕДЕВА Диана Васильевна

ПУШКОВ Егор Аркадьевич

*Вятский государственный гуманитарный университет (Киров),
kaf_arh@vssu.kirov.ru*

ОПЫТ ЭТНОЛОГО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ВЯТГУ

На базе археологической лаборатории разработан проект историко-археологической школы для учащихся школ города и области. Основными целями данного проекта являются расширение знаний по истории и археологии родного края, а также формирование у молодого поколения исторического и национального самосознания, патриотизма, чувства ответственности за сохранение памятников истории и культуры.

По мере достижения поставленных задач старшеклассники вовлекаются в научную деятельность и получают навыки полевых исследований.

На первом этапе планируется проведение практических занятий с использованием материалов археологической лаборатории ВятГУ (этнографических и археологических). По результатам лекционных и практических занятий учащиеся должны ознакомиться с историей родного края, а также овладеть основами археологической науки в контексте Вятско-Камского региона.

На следующем этапе предусмотрены натурные выезды на археологические объекты культурного наследия Кировской области. Натурные выезды, в свою очередь, способствуют расширению кругозора учащихся, воспитанию любви к родному краю и повышению общей культуры поведения.

Третий этап включает в себя камеральную обработку найденного материала, что способствует повышению уровня грамотности и расширению объема знаний по ранней истории Вятской земли, этнологии края, а также осознанию роли Вятского края в контексте общерусской истории.

Последний этап предусматривает подготовку и написание старшеклассниками научно-исследовательских работ, докладов для участия во Всероссийской конференции «Шаг в будущее» и др.

ЛИХАЧЕВА Наталья Николаевна

*Вятский государственный гуманитарный университет (Киров),
likhachovndrjj@mail.ru;*

ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНТОВ В НАУЧНОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Одно из направлений работы этнографической лаборатории – организация научно-исследовательской деятельности студентов. Банк данных лаборатории помогает им при написании курсовых и дипломных проектов, докладов для научно-практических конференций, при участии в грантовых работах.

Предметы быта вятского крестьянства из фондов лаборатории – необходимая наглядность при изучении русского населения в рамках подготовки курсовых работ. По вещам прослеживаются изменения, происходившие во времени, и региональные (в рамках Кировской области) особенности, сравниваются жизненные условия в разных частях области. О быте населения Вятского края студенты узнают из фотографий, находящихся в фондах лаборатории, располагающей письменными источниками о колхозах, образовании и быте людей в середине XX века.

Студенты этнологи и антропологи, историки в ходе лабораторных занятий учатся работать с разными видами источников, классифицировать и обрабатывать полученную информацию. В учебный процесс научные исследования в лаборатории вводятся блоками, по частям.

Углубление научных изысканий происходит при организации выставок, при экспонировании традиционных костюмов этнических групп населения Вятского региона. Непосредственное изучение народной одежды мотивирует студентов к углублению исследований. Знакомство с вятскими обрядами, участие в некоторых их инсценировках, проводимых в лаборатории, воспроизводит некое «включенное наблюдение». Студенты пользуются электронными ресурсами лаборатории (отчетами этнографических экспедиций, монографиями и др.).

Изучая различные виды источников, в этнографической лаборатории студенты используют благоприятные условия для успешной научно-исследовательской деятельности.

СМИРНОВА Татьяна Борисовна

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск), smirnovatb@omsu.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ»

Подготовка специалистов по государственной национальной политике и межэтническим отношениям в настоящее время оказалась разделенной между разными направлениями подготовки кадров, так же, как сама национальная политика разделена между разными ведомствами. В университетах обучение ведется в основном в рамках направления «История». Сокращение бюджетных мест для историков автоматически привело к сокращению специализирующихся

по этнологии, мест в аспирантуре и докторантуре, ставок преподавателей. Реформа образования привела к тому, что перестали финансироваться студенческие экспедиции и полевые практики, конференции, существует дефицит учебников, отсутствует УМО. Тяжелое положение сложилось в регионах, особенно, если региональные университеты не относятся к категории научно-исследовательских. Между тем, именно в регионах, благодаря научным школам, поддержке местных властей, энтузиазму сотрудников или по инерции, еще сохранились центры этнологического образования. Ситуация, однако, такова, что этим центрам требуется фактическая реанимация. В 2010/2011 гг. был утвержден ФГОС ВПО по направлению подготовки «Антропология и этнология», в настоящее время утверждены новые редакции стандартов (ФГОС ВО), направление лицензировано в восьми университетах. Первоочередными задачами являются: формирование УМО; вовлечение в образовательную деятельность ААЭР (возможно, создание Центра ответственности); НИР студентов, организация студенческих форумов, конференций, школ; сетевое взаимодействие университетов, мобильность преподавателей, возможность организации обменов, совместных полевых работ; методическое обеспечение. Необходимо развивать подготовку этнологов в рамках исторического образования.

ТРУШКОВА Ирина Юрьевна

*Вятский государственный гуманитарный университет (Киров),
arina_trushkova@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ «АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ» ДЛЯ РЕГИОНА

Регионы России имеют неповторимый опыт историко-культурного развития, деятельности в них образовательных учреждений. Вятская губерния/Кировская область обладает весомой научной и образовательной школой гуманитарных исследований. Разработка и реализация вузовской образовательной программы должна учитывать этноконфессиональный состав региона, систему связей с другими субъектами РФ, зарубежными странами.

Исходя из превалирования агрикультуры в истории Вятки, как региональная составляющая в вузовскую программу «Антропология и этнология» (бакалавры, магистры) включен комплекс предметов. Один из основополагающих – курс по истории крестьянства, корреспондирующий с «Историей Вятского края», посвященный закономерностям развития крестьянства, главного носителя этничности в крае. Традиционный образ жизни, созерцательность в восприятии мира, соответствующая производственная активность отражена в сюжетах курса по этноэкологии, которая актуализируется в наши дни. Практико-ориентированные и востребованные именно в Кировской области – учебные предметы «Этнографические туристические ресурсы», «Этнографические музеи». По рекомендации работодателя (Правитель-

ство Кировской области, Департамент культуры и туризма») углублен курс по экскурсоведению. Благодаря сотрудничеству с Общественной Палатой Кировской области, национально-культурными объединениями (НКО), включены спецкурсы по этнополитике в Приуралье и Поволжье и об НКО. Тематика курсовых и дипломных работ изначально ориентирована на решение повседневных вопросов в этнокультурной жизни области, они могут быть использованы как методические разработки учреждениями образования и культуры. Набор практик предполагает работу по проектам органов власти, работодателей в своем регионе, учебную и научную мобильность в рамках России и за ее пределами.

ЮШИНА Елена Александровна

*Вятский государственный гуманитарный университет (Киров),
dinik@vshu.kirov.ru*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ВУЗОВ «АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ» И «ПОЛИТОЛОГИЯ»: ВОЗМОЖНОСТИ КООПЕРАЦИИ

Современная этнополитическая ситуация в мире делает востребованной подготовку антропологов и этнологов, в чьи профессиональные компетенции входит работа по профилактике конфликтов, гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, по регулированию миграции и адаптации мигрантов, недопустимости в регионах ксенофобии и экстремизма.

Образовательные программы для вузов «Политология» и «Антропология и этнология» имеют немало возможностей для сотрудничества. Достаточно новые, отвечающие запросам современного общества, данные программы могут сотрудничать по содержанию и формам обучения. Координация учебного процесса более уместна при изучении этнополитологии и этноконфликтологии. Яркие темы здесь – «Причины и типологии этнических конфликтов», «Модели межэтнических взаимоотношений», «Национальная политика в современной России» и т.п. Особого внимания может заслуживать спецкурс «Этнические конфликты на постсоветском пространстве и пути их разрешения». На уровне конкретного региона возможны спецкурсы о национальных культурных объединениях в контексте муниципального управления.

Немало возможностей для сотрудничества в формах совместной образовательной и научной деятельности. Кроме дискуссий и деловых игр эффективны этносоциологические опросы, приобщение будущих политологов к методу «включенного наблюдения» в современной этноконфессиональной среде, стажировки и практики студентов обеих образовательных программ в органах власти и в отделениях политических организаций на уровне регионов и муниципалитетов, проведение совместных заседаний студенческого научного общества и конференций. Сотрудничество данных образовательных программ диверсифицирует образовательное предложение вузов.

Указатель авторов

- Абаева Л.Л. 310
 Абазов А.Х. 292
 Абазова М.М. 292
 Абдулвахабова Б.Б. 352
 Абетова З.Т. 208
 Аблажей Н.Н. 162
 Абрамов В.К. 282
 Абрамов И.В. 272
 Абрамов Р.Н. 121
 Абрамова М.А. 97
 Абрамова О.В. 282
 Абрамова С.Р. 53
 Абриев Р.Б. 261
 Абсальямова Ю.А. 310
 Абубакирова (Кульбердина) З.Г. 310
 Авксентьев В.А. 255
 Агабабян А.Г. 336
 Агаджанян Л.А. 255
 Агапов М.Г. 261
 Агафонова А.Б. 168
 Агеева Е.А. 229
 Агеева Е.А. 448
 Агилера А. 79
 Адаев В.Н. 168
 Азаматова Г.К. 255
 Азевич И.В. 352
 Азнабаев Б.А. 178
 Айничева А.Ю. 139
 Акимов И.А. 79
 Аккиева С.И. 52
 Аксенова И.Ю. 344
 Аксенова Н.В. 261
 Аксюмов Б.В. 52
 Аксянова Г.А. 149, 399
 Актамов И.Г. 168
 Алейникова С.М. 443
 Александрова Н.Н. 222
 Александронец В.Н. 344
 Алексеев А.А. 272
 Алексеев А.К. 79, 222
 Алексеева Е.К. 352
 Алексеева С.А. 185
 Алексеевский М.Д. 262
 Алексеенко С.С. 53
 Алигаджиева З.А. 327
 Алиева В.Р. 65
 Алтухова С.А. 386
 Алымов С.С. 386
 Альмеева Н.Ю. 282
 Амелин В.В. 80
 Аминев З.Г. 185
 Амоголонова Д.Д. 222
 Анайбан З.В. 53
 Ананьев А.В. 169
 Андерсон Д.Д. 302
 Андюсов Б.Е. 318
 Анжиганова Л.В. 418
 Аникин Д.А. 121
 Антонов И.В. 282
 Антонова Е.Е. 411
 Антропов Е.В. 262
 Ануфриев О.Н. 66
 Анчабадзе Ю.Д. 292
 Аполлонов И.А. 67
 Арбачакова Л.Н. 162
 Аргудяева Ю.В. 229
 Арзютов Д.В. 302
 Артемова О.Ю. 202, 336
 Артемова Ю.А. 336
 Арукаск М. 243
 Арутюнов С.А. 353
 Архипова А.С. 202
 Асанканов А. 185
 Астафьева О.Н. 121
 Астахова И.С. 272
 Атнагулов И.Р. 66
 Ахатов А.Т. 283
 Ахмедова Ф.А. 470
 Ачкасов В.А. 66
 Бабенко В.Я. 387
 Бабенкова Н.А. 223
 Бабковская К.В. 66
 Багашев А.Н. 149
 Багдасарова А.Б. 293
 Баглай В.Е. 360
 Баданина И.В. 448
 Бадараев Д.Д. 178
 Бадмацыренов Т.Б. 223
 Бадмацыренова Е.Л. 411
 Базаров Б.В. 18
 Базиева Г.Д. 256
 Баимов А.Г. 237
 Баишева С.М. 178
 Байбурун А.К. 53
 Байгожина А.М. 67
 Байдаров Е.У. 223
 Байдуж М.И. 202
 Бакаева Э.П. 186
 Бакиева Г.Т. 344
 Балахонова Е.И. 156
 Балдано М.Н. 80
 Балзер М.М. 34
 Балинова Н.В. 150
 Балова М.Б. 273
 Баловнева А.Н. 418
 Балтабаева К.Н. 162
 Балыбердин Ю.А. 492
 Банаева М.Г. 80
 Банников К.Л. 179
 Барабошина Н.В. 126
 Барандова Т.Л. 448
 Баранникова А.Б. 262
 Баранов Д.А. 371
 Барганова Е.А. 435
 Бартош Т.П. 97
 Басангова (Борджанова) Т.Г. 353, 428
 Басирова К.К. 293
 Батомункуев С.Д. 256
 Батырева С.Г. 364, 387
 Батыршина Э.Н. 256
 Батьянова Е.П. 387, 428
 Батяева Т.А. 388
 Бауэр Т.В. 411
 Башкарев А.А. 243
 Баязитова Р.Р. 371
 Бекмаганбетова М.С. 337
 Бектурганова Г.К. 470
 Белецкая Е.М. 443
 Белова А.В. 449
 Белова Н.А. 80
 Белова О.В. 203
 Белоруссова С.Ю. 337
 Бельгибаев Е.А. 54
 Беляева Г.А. 405
 Беляева Л.А. 54
 Беляева М.А. 428
 Беляева Н.Ф. 208
 Беляков А.О. 81
 Белякова Е.В. 412
 Бердинских В.А. 318
 Бережнова Е.В. 311
 Бережнова М.Л. 318
 Березкин Ю.Е. 203
 Березницкий С.В. 388
 Березович Е.Л. 139
 Беркович Н.А. 54
 Беркутов К.С. 319
 Бирик Е.Е. 388
 Бикенов А.Х. 402
 Бинеева Н.К. 319
 Бирюк А.В. 443
 Битокова Т.В. 481
 Биттирова Н.Х. 327
 Биттирова Т.Ш. 208
 Благовещенская Л.Д. 139
 Блажко В.А. 81
 Блохин И.Н. 113
 Блоцкая Е.М. 345
 Бобрин А.А. 243
 Бобров И.В. 67
 Боброва А.И. 163
 Бобылева Н.И. 263
 Богатова О.А. 418
 Богатырь Н.В. 371
 Богов В.А. 492
 Бойко В.С. 209
 Болхосоев С.Б. 337
 Бондаренко Д.М. 97
 Борисенко А.Ю. 122
 Борисов С.Б. 449
 Борисова А.М. 345
 Бороздина Е.А. 429
 Боруцкая С.Б. 150
 Боукал Т. 169
 Бочарников В.Н. 169
 Бочаров В.В. 402
 Брага Л.И. 67

- Бреславский А.С. 305
 Бреус Е.М. 337
 Бродский Ю.И. 98
 Бронштейн М.М. 273
 Бруси́на О.И. 412, 419
 Буганов А.В. 140
 Будаева С.В. 68
 Буденкова В.Е. 68
 Будюкин Д.А. 449
 Булдакова Ю.Р. 431
 Бункевич Н.С. 353
 Бураева О.В. 311
 Буркова В.Н. 98
 Бурлина Е.Я. 122
 Бурмистрова С.В. 449
 Бурнаков В.А. 338
 Бурыкин А.А. 402
 Бусырева Е.В. 244
 Бутовская М.Л. 98, 109
 Бутовская С.А. 319
 Бутузов А.Г. 487
 Буцыкова О.А. 470
 Бучатская Ю.В. 372
 Буянова А.Ю. 113
 Быстрова Т.Ю. 263
 Быховская И.М. 122
 Вайман Д.И. 345
 Валиев Р.А. 108
 Валиева Е.Г. 403
 Вампилова Л.Б. 487
 Ванхоннакер М. 186
 Варавина Г.Н. 186
 Варивода Н.В. 293
 Варламова Е.П. 163
 Васеха М.В. 450
 Васильев А.Г. 122
 Васильев В.Е. 338
 Васильев В.Г. 419
 Васильев С.В. 150
 Васильева (Чистякова) В.О. 123
 Васильцов К.С. 311
 Васильченко В.А. 55
 Ватанина Л.И. 372
 Ващенко И.С. 429
 Вдовченков Е.В. 372
 Вежбицки А.Р. 179
 Вергелес М.О. 429
 Веремченко В.А. 450
 Веренич С.В. 430
 Вереш П.Т. 244
 Верещака-Давыдова Е.А. 388, 403
 Вержибок Г.В. 471
 Верняев И.И. 140
 Верховцев Д.В. 380
 Вершубская Г.Г. 430
 Веселовская Е.В. 151
 Викторин В.М. 294
 Виниченко И.В. 450
 Винникова М.Н. 312
 Виноградов А.А. 430
 Виноградов А.В. 170
 Виноградова О.В. 229
 Винокурова А.В. 81
 Винокурова И.Ю. 244
 Винокурова Л.И. 187
 Винокурова У.А. 273
 Владимиров Т.Е. 99
 Власкина Т.Ю. 451
 Власов Ю.В. 492
 Власова В.В. 245
 Власова Т.А. 249
 Возчиков Д.В. 230
 Войтишек Е.Э. 353
 Волдина Т.В. 245
 Волжанина Е.А. 302
 Волков В.В. 135
 Волков Е.В. 320
 Волкова Л.А. 493
 Волкова М.С. 245
 Воловикова М.И. 99
 Волчек О.Д. 430
 Вольная Г.Н. 373
 Воробьев Д.В. 170
 Ворожищева О.М. 328
 Воронина Т.А. 354
 Воронцова Е.В. 203
 Воропаева А.Г. 302
 Вртанесян Г.С. 303
 Вуквукай Н.И. 187
 Вятчина М.В. 257
 Габдрафиков И.М. 82
 Габдрахманова Г.Ф. 123
 Габриелян А.А. 294
 Гавриленко М.В. 354
 Гаврилов С.С. 389
 Гавришина В.В. 389
 Гавронова Ю.Д. 99
 Гаджалова Ф.А. 364
 Гайворонская А.А. 100
 Галеева Н.Ф. 274
 Галиева Ф.Г. 360
 Галимова Л.Н. 82
 Ганопольский М.Г. 170
 Гантимурова М.И. 389
 Гарин Н.П. 274
 Гари́фалия Т. 354
 Гари́фуллин И.З. 283
 Гарунова С.М. 364
 Гафиатулина Н.Х. 451
 Гафурова З.Р. 123
 Гегамян В.Г. 403
 Гейбель Ю.В. 163, 234
 Герасименко Е.Е. 389
 Герасименко Т.И. 487
 Герасимова М.М. 151
 Герштейн И.З. 404
 Гизуллина А.В. 451
 Гилярова Н.Н. 187
 Гимбатова М.Б. 471
 Главацкая Е.М. 224
 Глашева З.Ж. 294
 Глебов Е.В. 419
 Глебова Е.В. 390
 Глухих Е.И. 346
 Глушкова Т.Н. 364
 Година Е.З. 151
 Годовова Е.В. 452
 Голант Н.Г. 203
 Голбцева В.В. 274
 Голева Т.Г. 245
 Голикова С.В. 263
 Головашина О.В. 124
 Головизнин М.В. 431
 Головкин Е.В. 274
 Головинёв А.В. 5, 30
 Головнева Е.В. 305
 Гололобов Е.И. 170
 Голубинов Я.А. 124
 Голубкова О.В. 140
 Гомова О.В. 434
 Гончарова Г.С. 97
 Гончарова Е.З. 373
 Гончарова Т.А. 68
 Горбачев О.В. 224
 Горбунова Е.М. 471
 Горностаева В.И. 380
 Горошков Н.П. 82
 Гости́ева Л.К. 390
 Готи́шан Н.Г. 61
 Граматчикова Н.Б. 164
 Гречкина Л.И. 431
 Григоричев К.В. 305
 Григорьев Д.С. 112
 Григорьева О.А. 431
 Григорьева Р.А. 55
 Григулевич Н.И. 355
 Гринько И.А. 124
 Гриценко А.А. 113
 Гриценко В.В. 100
 Гриценко Г.Д. 230
 Гришечкина Н.В. 432
 Гришкина А.А. 285
 Громов Д.В. 114
 Громова А.И. 452
 Громова А.В. 55
 Грот Л.П. 404
 Грошев И.Л. 420
 Грошева Г.В. 68
 Грошева И.А. 420
 Грошева Л.И. 257
 Губжоков М.Н. 294
 Губогло М.Н. 55
 Гугова М.Х. 472
 Гудкова Л.К. 152, 156
 Гулакова М.А. 312
 Гулиева (Занукоева) Ф.Х. 295
 Гурбо Т.Л. 152
 Гурко (Верещагина) А.В. 257
 Гурко А.В. 114
 Гусева Ю.Н. 237
 Гуськова А.О. 82, 83
 Гутыра В.И. 306
 Гучева А. В. 312
 Гучинова Э.-Б. М. 320
 Гушан Л.В. 125
 Гуштин В.И. 492

Гушина В.Н. 171
 Гушина Е.Г. 257
 Гюль Э.Ф. 365
 Давлатова С.Т. 373
 Давлетшин А.И. 204
 Давыдов В.Н. 390, 404
 Давыдова А.С. 320
 Дагбаева С.Б. 100
 Дададжанова И.А. 472
 Данилко Е.С. 229
 Данилова Н.К. 188
 Данилова О.Н. 283
 Данилова О.С. 391
 Данченко Е.М. 56
 Дашиева Н.Б. 338
 Дегальцева Е.А. 69
 Делова Л.А. 295
 Денисов В.И. 237
 Денисова А.В. 101
 Денисова Г.С. 141
 Денисова И.М. 391
 Денисова Н.Г. 365
 Денисова Н.Н. 295
 Дерендяева А.Д. 141
 Дери́га Е.С. 141
 Дерябкина Л.В. 472
 Джалабадзе Н.Г. 188
 Дженакова Е.В. 412
 Джоошбекова А.Р. 188
 Джумахан А. 482
 Дзарахова З.М.-Т. 355
 Диникеева Ю.Г. 328
 Дмитриев В.А. 189
 Добжанская О.Э. 189
 Добровольская В.Е. 346
 Добрыднев В.А. 83
 Докина С.А. 473
 Долгова Е.А. 392
 Донгак А.С.-О. 189
 Донина Л.Н. 215, 365
 Доронин Д.Ю. 380
 Дранникова Н.В. 142
 Дроздова Ю.А. 264
 Дубашинский Р.Ю. 142
 Дубова Н.А. 152, 421
 Дубовка Д.Г. 381
 Дубровская Е.Ю. 246
 Дувакин Е.Н. 391
 Дугушина А.С. 313
 Дуденкова И.В. 381
 Думбрава Е.А. 125
 Дьякова Е.В. 313
 Дьяконов В.М. 190
 Дьяконова В.Е. 190
 Ёвичич П. 473
 Евсеева Т.И. 190
 Егоров Д.В. 413
 Егоров С.Б. 328
 Егорова О.В. 284
 Ельников Г.А. 452
 Енчинов Э.В. 413
 Еремеева А.Н. 473

Еремин Л.В. 164
 Ермак Г.Г. 83
 Ермакбай Ж.А. 56
 Ермолаев Т.С. 171
 Ермолин Д.С. 135
 Ерохина Е.А. 306, 420
 Ершова Г.Г. 392
 Есакова М.Н. 147, 355
 Есеева О.В. 263
 Есикова Т.В. 101
 Ефимова В.В. 275
 Ефремова В.П. 437
 Жаде Д.Э. 296
 Жамбалова С.Г. 179
 Жанбосинова А.С. 320
 Жапаров А.З. 190
 Жарикова А.А. 328
 Жданова М.Г. 392
 Желтова Е.А. 135
 Жигальцова Т.В. 101
 Жигунова М.А. 56
 Жидченко А.В. 453
 Жуков А.Ю. 246
 Жукова В.С. 306
 Жукова Н.В. 101
 Жуковская Н.Л. 191
 Жуковская Т.Н. 453
 Жунусов С.К. 321
 Журавлева Н.И. 60, 453
 Забияко А.П. 180
 Заболотная Л.П. 473
 Забродская А.Н. 443
 Завершинский К.Ф. 405
 Загидуллин И.К. 321
 Загидуллина М.В. 374
 Зазулина М.Р. 209
 Зайцева Т.И. 453
 Закурдаев А.А. 398
 Залиханов А.М. 488
 Замятин Д.Н. 191
 Занданова Л.В. 321
 Запорожченко А.В. 296
 Запорожченко А.В. 69
 Заседателяева Л.Б. 296
 Захарова Н.А. 474
 Захватава Е.Ю. 313
 Зеленева Г.С. 84
 Зинеева З.З. 57
 Златанович С. 136
 Змеева О.В. 275
 Золотарева Н.В. 209
 Золотова Т.Н. 346
 Зориктуев Б.Р. 191
 Зорин В.Ю. 84
 Зубков К.И. 488
 Зусина С.А. 209
 Ибрагимов М.-Р.А. 84
 Иванов К.Ю. 230
 Иванова А.Н. 413
 Иванова Л.И. 246
 Иванова Н.И. 192
 Иванова С.Ю. 57

Ивановская Н.И. 392
 Игнатьев Р.Н. 84
 Игнатъева В.Б. 192
 Игнатъева О.В. 125
 Игнатъева Т.И. 200
 Идиатуллов А.К. 230
 Изергина Е.Н. 136
 Измоденова Н.Н. 264
 Иконникова С.Н. 264
 Иливицкая Л.Г. 126
 Иликеева Ю.А. 474
 Илюхина Е.О. 421
 Имамутдинова З.А. 237
 Имбриани Э. 313
 Иникова С.А. 231
 Иноятова Д.М. 224
 Исаева Т.И. 366
 Исаева Ю.А. 432
 Истомин А.А. 392
 Истомин К.В. 275
 Исхаков Д.М. 284
 Иткулова Л.А. 164
 Йокич Ж. 432
 Кабицкий М.Е. 136
 Кавецкая В.В. 474
 Каганский В.Л. 488
 Казанцев Д.А. 141
 Казарцева Е.В. 102
 Казачков Г.В. 192
 Казбекова А.Т. 322
 Казурова Н.В. 114
 Каиль М.В. 454
 Кайбара Е.А. 414
 Кайсин А.О. 493
 Каксин А.Д. 180
 Каландаров Т.С. 85
 Калинин А.А. 102
 Калининченко О.В. 102
 Калущков В.Н. 489
 Камалеев Э.В. 374
 Камалова Г.Р. 69, 210
 Каменских М.С. 114
 Камкин А.В. 142
 Камкия Б.А. 70
 Камкия Ф.Г. 414
 Кан В.С. 115
 Кантемиров А.А. 155
 Караваева Д.Н. 70
 Каражаева Э.И. 393
 Каракин Е.В. 246
 Караман Ю. 210
 Карандашева В.О. 431
 Каранов Д.П. 115
 Кара-Оол Ч.А. 339
 Карапетова И.А. 276
 Карлов В.В. 210
 Карцев П.П. 322
 Касмел Т.Я. 433
 Касмел Я.Я. 433
 Касперович Г.И. 142
 Като Х. 192
 Кашина М.А. 454

- Кашницкий Д.С. 85
 Кашу Д.Ю. 475
 Квашнин Ю.Н. 171
 Квилинкова Е.Н. 126
 Квилинкова Е.Н. 211
 Керимова М.М. 393
 Кешева З.М. 211
 Кикнадзе Д.Г. 165
 Ким Е.А. 381
 Ким Е.В. 79, 165
 Кимеев В.М. 57
 Киньябаева Г.А. 180
 Кириленко Е.Н. 433
 Кириллова А.И. 85
 Кириченко О.В. 143
 Кириченко С.В. 80
 Кирчанов М.В. 265
 Кискидосова Т.А. 347
 Кислова Л.С. 475
 Киссер Т.С. 393
 Клепикова А.А. 444
 Климакова Е.В. 421
 Клишева В.А. 231
 Клоков К.Б. 172
 Ключева В.П. 225
 Клюкина Э.С. 433
 Клюкина-Боровик Ю.В. 225
 Клюс Ю.А. 434
 Ключева М.А. 204
 Кобозева З.М. 454
 Кобылин И.И. 322
 Кобылянский Е.Д. 421
 Коваленко К.И. 347
 Ковальская С.И. 181
 Кодар З.М. 475
 Кожин П.М. 165
 Козлов А.И. 434
 Козлов В.Е. 259
 Козлова И.В. 455
 Козлова М.А. 211
 Кознова И.Е. 126
 Колесов В.И. 339
 Колобов О.А. 103
 Колобова С.А. 475
 Коломиец О.П. 276
 Колошенко Ю.А. 380
 Кольдина А.С. 225
 Коляскина Е.А. 455
 Комаров С.Г. 153
 Комарова Г.А. 58
 Комиссаров С.А. 360
 Комиссарова Е.Н. 434
 Кондакова Н.С. 231
 Конкка А.П. 247
 Константинов В.В. 104, 116
 Конталева Е.А. 455
 Коньков А.Н. 103
 Копанева Н.П. 394
 Копецка Л.А. 86
 Коптяева Е.А. 284
 Кореняко В.А. 387
 Кормина Ж.В. 382
 Корнев И.Н. 489
 Корниенко Д.С. 103
 Корникова Н.В. 306
 Корнилова Е.И. 414
 Корнишина Г.А. 285
 Коробейникова Я.П. 104
 Коровина Н.С. 247
 Коровушкин Д.Г. 70
 Королева С.Ю. 247
 Коростелев А.Д. 285
 Корсун В.Ф. 435
 Корусенко С.Н. 323
 Коршунков В.А. 219
 Косенок А.И. 104
 Космарская Н.П. 86
 Костенюк Н.В. 285
 Костюк В.Г. 97
 Котелевская З.А. 366
 Котова М.В. 104
 Котовская М.Г. 455
 Коч Е.В. 414
 Коч С.В. 86, 414
 Кочеляева Н.А. 127
 Кочергин А.А. 87
 Кочкунов А.С. 193
 Кравцова Е.С. 232
 Крадин Н.Н. 181
 Крамынина К.М. 297
 Красиков М.М. 265
 Краснодембская Н.Г. 394
 Крашенинникова Ю.А. 347
 Краюшкина Т.В. 143
 Кржижевский М.В. 258
 Кривошапова Ю.А. 139
 Кригер О.В. 493
 Крикау Л.В. 68, 366
 Кротова М.В. 193
 Крумплевская А.А. 225
 Крумплевский В.С. 153
 Круткин В.Л. 374
 Крылов М.П. 58
 Крюкова С.С. 415
 Ксенжик Г.Н. 181
 Кубанова Л.В. 71
 Кубель Е.Л. 367
 Кузнецов А.С. 323
 Кузнецов А.Г. 374
 Кузнецов И.В. 340
 Кузнецова Р.Ш. 339
 Кузовенкова Ю.А. 122
 Кукаренко Н.Н. 136
 Куква Е.С. 270
 Куликов П.В. 361
 Куликова А.Н. 258
 Кулимеева В.К. 164
 Кульбачевская О.В. 87
 Кульганек И.В. 181
 Куперьянов А. 248
 Куприянов П.С. 143
 Курилова С.Н. 193
 Курлаев А.Е. 489
 Курлаев Е.А. 489
 Курленкова А.С. 444
 Куропатов Д.А. 306
 Курто О.И. 476
 Курьянова Т.С. 212
 Кусаева З.К. 356
 Куфтерин В.В. 153
 Кучерова И.А. 204
 Кучкаров З.А. 127
 Кучумов И.В. 285
 Кызласова И.С. 143
 Кыйва М. 248, 435
 Кырчилов М.С. 490
 Кюн К. 476
 Кюршунова И.А. 248
 Лаврентьева Л.С. 394
 Лазарева О.В. 265
 Лаллукка С. 219
 Ламажаа Ч.К.-О. 182
 Лapidус Р. 444
 Лапина И.А. 444
 Лапина С.В. 445
 Лапкина Н.А. 87
 Латыпов И.А. 212
 Лбова Л.В. 153
 Лебедева В.В. 395
 Лебедева Д.В. 494
 Лебедева Л.В. 456
 Левицкая А.С. 375
 Левкиевская Е.Е. 204
 Левочкина Н.А. 265
 Лейдiker В.Л. 137
 Лелеко В.Д. 476
 Лепилкина О.И. 115
 Лесникова А.В. 232
 Лехциер В.Л. 435
 Лимеров П.Ф. 248
 Липинская В.А. 356
 Лисицына О.И. 456
 Лискевич Н.А. 172
 Листов В.С. 127
 Листова Т.А. 144
 Литвина Н.В. 314
 Лихачева Н.Н. 494
 Лихоманов А.Е. 435
 Логинов К.К. 58
 Локтионова А.А. 303
 Лосева И.В. 356
 Луговой К.В. 296
 Лукичева Л.Ю. 71
 Лупанова Е.М. 395
 Лыгденова В.В. 226
 Лысенко О.В. 395
 Лысенко О.В. 127
 Лысикова Н.П. 367
 Лыткина Т.С. 456
 Львова Э.С. 356
 Любарт М.К. 330, 357
 Любимова Г.В. 172
 Лян Кунь 173
 Ляпкина Т.Ф. 266
 Магидович М.Л. 115
 Магомедов А.Д. 367

- Магомедова П.М. 329
 Магомедханов М.М. 297
 Мадюкова С.А. 422
 Мазаева О.Г. 128
 Мазур Л.Н. 226
 Майборода Э.Т. 115
 Макаров Л.Д. 226
 Макарова Г.И. 59
 Макашина Т.С. 396
 Макеева А.И. 154
 Максимова И.Е. 163, 166
 Максимова О.Н. 71
 Малакшанова В.Б. 329
 Малахаева С.К. 212
 Малахов И.З. 238
 Малашкин А.В. 105
 Маликова Н.Р. 105
 Малыгина И.В. 59
 Малькова В.К. 115
 Мальцева Н.В. 173
 Мальцева Н.А. 357
 Мальцева О.В. 173
 Мамажонов Д.С. 128
 Мамедли А.Э.О. 212
 Манкевич И.А. 128
 Маннапов М.М. 286
 Манолис С. 129
 Манышев С.Б. 297
 Манькова И.Л. 238
 Маратканова Е.В. 105
 Мардоса Йонас 347
 Маремшаова И.И. 266
 Маркина В.М. 445
 Марков Б.В. 436
 Марков В.И. 213
 Марсадилов Л.С. 340
 Мартыненко А.В. 227
 Мартынова Е.П. 276
 Мартынова М.Ю. 87
 Марфина О.В. 154
 Марчук М.И. 457
 Маслюженко Д.Н. 405
 Матвеев А.В. 166
 Матвеев О.В. 59
 Матлин М.Г. 340
 Матусовский А.А. 205
 Матханов И.Э. 435
 Махмутов З.А. 71
 Машарипова А.Х. 174
 Медведев В.В. 286
 Медведева Н.Н. 154
 Межекова В.М. 422
 Меликишвили Л.Ш. 194
 Мельник Э.В. 396
 Мельникова С.В. 60, 266
 Месарош Ч. 194
 Месхидзе Д.И. 357
 Микиденко Н.Л. 88
 Минвалеев С.А. 249
 Миннибаева З.И. 329
 Миннихметова Т.Г. 249
 Мироненко В.А. 459
 Миронова Н.П. 249
 Миссонова Л.И. 194
 Митрофанова А.В. 232
 Михайлин В.Ю. 405
 Михайлина Л.В. 354
 Михайлов Д.А. 303
 Михайлова А.А. 396
 Михайлова Л.П. 195
 Михайлова М.В. 457
 Михалева А.В. 233
 Михеев М.В. 490
 Михель Д.В. 436
 Михель И.В. 436
 Мицюк Н.А. 457
 Мищенко О.В. 106
 Мищенко Т.А. 458
 Мокшин Н.Ф. 250
 Мокшина Е.Н. 286
 Молотова Т.Л. 287
 Молчанова Е.К. 358
 Молчанова Е.А. 106
 Монгуш А.А. 89
 Мороз Я.И. 137
 Морозов А.В. 267
 Морозова О.М. 458
 Морозова Т.Н. 348
 Москаленко Н.П. 382
 Москвина М.В. 368
 Мостовенко М.С. 174
 Мохтарова И.Ю. 314
 Мун Дэвид Д. 174
 Мурашенкова Н.В. 106
 Муртузалиев С.И. 267
 Мусаева М.К. 477
 Мусина Р.Н. 287
 Мустафина Л.Ш. 107
 Мутиева О.С. 297, 477
 Мутина А.С. 233
 Мухаметзарипов И.А. 258
 Мухаметзянова-Дуггал Р.М. 238
 Мухаметшина Н.С. 88
 Мухин Д.А. 405
 Мухина З.З. 458
 Мызников С.А. 60
 Мыльникова С.А. 107
 Надыршин Т.М. 239
 Надькин Т.Д. 227
 Назаров И.И. 166
 Назаров Р.Р. 107
 Назукина М.В. 267
 Нальчикова Е.А. 477
 Нам Е.В. 340
 Нам И.В. 60
 Намруева Л.В. 422
 Нанзатов Б.З. 195
 Наумова О.Б. 397
 Наумова Ю.Н. 205
 Недзелюк Т.Г. 419, 458
 Немыченков В.И. 72
 Нечаева М.Ю. 250
 Нечвалода А.И. 155
 Нечвалода Е.Е. 287
 Ниглас Л. 236
 Нижник Н.С. 459
 Низамова Л.Р. 423
 Никитин М.А. 108
 Никитина Г.А. 296
 Никитина Г.А. 330
 Никитина Е.С. 129
 Никогло Д.Е. 60
 Николаев В.Г. 154, 437
 Николаев В.В. 233
 Николаев В.В. 54
 Николаева Д.А. 341
 Николаева Е.В. 268
 Николаева Е.Н. 233
 Николаева О.В. 61
 Николаи Ф.В. 322
 Никонова Л.И. 276
 Новик А.А. 137, 314
 Новикова А.А. 116
 Новикова Н.И. 415
 Новикова О.В. 288
 Новинская Т.Ю. 459
 Новожилов А.Г. 423
 Носенко-Штейн Е.Э. 445
 Носкова Н.Г. 330
 Носов Д.А. 205
 Нувано В.Н. 277
 Нурулла-Ходжаева Н.Т. 129
 Оболенская А.Г. 108, 213
 Ованесян Л.Г. 361
 Овдиенко В.И. 72
 Овчарова М.А. 323
 Овчинников А.В. 268
 Ожиганова А.А. 437
 Окладникова Е.А. 213
 Октябрьская И.В. 166
 Омакаева Э.У. 330
 Омарова Г.А. 298
 Омельченко Е.А. 88
 Ооржак С.У.-О. 89
 Орлов С.Б. 423
 Орлова О.В. 89
 Осин Р.В. 116
 Осинцев А.В. 233
 Осинцева М.А. 234
 Осипов В.И. 234
 Осипов К.И. 424
 Осипова А.В. 234
 Осипова К.В. 358
 Осипова М.В. 358
 Осипова Н.П. 288
 Осипова О.В. 277
 Остапенко Л.В. 72
 Осьмук Л.А. 268
 Отепова Г.Е. 323
 Охлопков В.Е. 424
 Охотников А.Ю. 174
 Ошроев Р.Г. 73, 211
 Павлинская Л.Р. 195
 Павлова Е.Ю. 368
 Панасюк Т.В. 434
 Панина С.Н. 391

- Панкина М.В. 175
Пантюхин Д.А. 206
Панченко А.Б. 397
Папцова А.К. 73, 406
Парамонова В.А. 196
Парфенцова Е.В. 445
Патрушев А.Ю. 277
Патрушева Г.М. 214
Пашалы П.М. 61
Пашина Е.В. 324
Паштова М.М. 298
Певнов А.М. 196
Пежемский Д.В. 155
Пекина А.М. 362
Пелевина О.В. 234
Перевалова Е.В. 278
Перевозчиков И.В. 156
Перевозчиков Ю.А. 307
Пермиловская А.Б. 278
Персидская О.А. 424
Петренко В.В. 315
Петренко И.Н. 459
Петров И.Г. 288
Петров С.А. 182
Петрова Г.И. 61
Петрова Л.Е. 437
Петрунина Л.Я. 130
Петряшин С.С. 170, 330
Печняк В.А. 144
Пешкова В.М. 382
Пивнева Е.А. 278
Пивоварова Л.Н. 460
Пирогова О.В. 490
Пискунова Л.П. 383
Плебанек О.В. 331
Площина Е.Ф. 477
Побережников И.В. 491
Поворознюк О.А. 279
Погодаев Н.П. 89
Погосян С.Г. 478
Подвинцев О.Б. 269
Поддубиков В.В. 424
Подлесных О.Н. 89
Покатилова Н.В. 196
Полина Н.И. 156
Полонец И.И. 90
Поляков Е.М. 269
Помазанов Н.Н. 156
Пономарева И.С. 315
Попков Ю.В. 425
Попкова Л.Н. 478
Попов В.А. 406
Попов М.Е. 62
Попова А.Д. 415
Попова А.Ю. 324
Попова Е.В. 358
Попова Л.Ф. 182
Попова М.П. 138
Попова О.Д. 460
Поповкина Г.С. 259
Поправко И.Г. 375
Попытаев Д.С. 144
Поршнева О.С. 108
Поршунова Л.С. 314, 315
Почекаев Р.Ю. 416
Прасолов Д.Н. 298
Прелич М. 138
Привалова В.М. 368
Приворотная А.А. 108
Пригарин А.А. 235
Приказчикова Е.Е. 460
Приль Л.Н. 167
Прищепова В.А. 315
Прокопьева А.Н. 341
Псянчин А.В. 397
Птицына Н.А. 461
Пузанов Д.В. 478
Пушкарев А.А. 214
Пушкарева Н.Л. 461
Пушкин С.Н. 491
Пушков Е.А. 494
Пчельникова Д.В. 130
Рабинович Р.А. 73
Раджабов М.О. 156
Радина Н.К. 269
Радойичич Д. 138
Радыгина В.В. 446
Ражев Д.И. 157
Разживина Д.А. 461
Разина А.О. 438
Разина Т.В. 462
Разлогов К.Э. 130
Разумова И.А. 279
Ракачев В.Н. 130
Ракачев Д.Н. 90
Ракачева Я.В. 90
Распопова С.Л. 116
Рафикова С.А. 462
Рахимов Р.Х. 175
Рвачева О.В. 131
Рева Л.Г. 74
Рева Н.М. 74
Ревуненкова Е.В. 397
Резяпкин М.А. 214
Рейс Е.С. 154, 157
Рейфман Б.В. 131
Решетникова Р.Г. 368
Ривкин-Фиш М.Р. 438
Ринчинова Б.П.-Д. 259
Рогова А.С. 274
Роговая Г.Н. 331
Рожков А.Ю. 116
Рожнова О.Ю. 74
Романова Е.Н. 197
Руднев В.В. 331
Рудь А.А. 175
Русакowa Г.С. 109
Рыбакова Л.А. 101
Рыжакова С.И. 362
Рыкун М.П. 158
Рындина О.М. 375
Рычков С.Ю. 289
Рычкова Н.В. 289, 348
Рябинина Е.А. 405
Рябкова Е.С. 462
Рябцева С.С. 73
Рягузова Е.В. 145
Сабанчиева Л.Х. 324
Саввинов А.И. 197
Савельева Е.Н. 131
Савельева Т.В. 463
Савенкова Т.М. 154, 157
Савин И.С. 90
Савинов Д.Г. 197
Савинова О.Н. 116
Савка В.П. 325
Савоскул М.С. 91
Савостьянова О.П. 332
Савченко И.В. 325
Савчук А.А. 479
Сагдиева Э.А. 215
Сагирова М.Д. 479
Сагитова Л.В. 116
Садиков Р.Р. 219
Садыкова Л.Р. 239
Сажина Л.В. 479
Сайнакова Н.В. 303
Сакович В.А. 211
Салаева Т.А. 341
Салахова Л.М. 321
Саливон И.И. 157
Салихов А.Г. 348
Салмин А.К. 235
Салохин Н.П. 74
Сальников В.И. 407
Самаркин С.В. 75
Самашев З. 155
Самигулов Г.Х. 325
Самкова В.А. 54
Самойлова И.Г. 109
Самушкина Е.В. 167, 407
Сандакова Л.Б. 425
Сапалова Д.У. 398
Сапармамедова О. 438
Сасаки С. 198
Сатаев Р.М. 206
Сатаева Л.В. 439
Сафин Ф.Г. 62
Сафина Э.Ф. 119
Сахарняну Е.Д. 406
Сахибгареева Л.Ф. 396
Свахина О.В. 132
Свиридов А.А. 158
Сеидова Г.Н. 349
Селебинко З.В. 463
Селезнев А.Г. 307
Селезнева И.А. 308
Сем Т.Ю. 198
Семенова А.С. 463
Семенова Т.В. 349
Семибратов В.К. 198
Сергеева Е.В. 289
Сергиенко Т.Ю. 145
Серова И.А. 463
Сефербеков М.Р. 342
Сечко Н.Ф. 471

- Сиваченко О.Ю. 407
 Сивков Д.Ю. 376
 Сивурова Л.П. 332
 Сигнаевская О.Р. 62
 Сидоренко Н.С. 72
 Сидоров О.Г. 119
 Сидорова Г.П. 464
 Сидорова Л.А. 115
 Сидорова О.Г. 359
 Сидорова Т.А. 425
 Сиим (Москвитина) А.Ю. 407
 Силин Я.П. 24
 Симакова Ю.А. 119
 Синдеева Л.В. 437
 Синецкая Э.А. 480
 Синова И.В. 464
 Сирагуза Л. 250
 Сирина А.А. 390, 398
 Сироткина И.Е. 362
 Скалабан И.А. 141, 316
 Скиро С. 316
 Склярова Т.В. 439
 Скоробогатая А.А. 109
 Скриган Г.В. 446
 Скрынникова Т.Д. 408
 Славолубова И.А. 161
 Слепченко С.М. 149
 Смирнов А.В. 108
 Смирнова А.Ю. 132
 Смирнова Т.М. 75
 Смирнова Т.Б. 494
 Смолина Н.С. 75
 Смотрицкий А.В. 110
 Снежко Г.Е. 446
 Снежкова И.А. 119
 Соболева Е.С. 408
 Содномпилова М.М. 91
 Созина Е.К. 198
 Сокаева Д.В. 373
 Соколов П.В. 127
 Соколовский С.В. 376
 Солдатов А.А. 132
 Солдатова А.Е. 215
 Соловьева Л.Т. 299
 Солодова Г.С. 91
 Сон Ж.Г. 480
 Сорокина Е.А. 480
 Соукупова Б. 63
 Спанкулова Л.С. 480
 Спасенкова И.В. 145
 Сперанская Г.Л. 110
 Спицын В.А. 158
 Спицына Н.Х. 158, 464
 Сподина В.И. 220
 Ссорин-Чайков Н.В. 383
 Стадник Ю.А. 439
 Старков В.А. 325
 Старостин А.Н. 239
 Старченко Р.А. 63
 Стасевич И.В. 369
 Стась И.Н. 269
 Степанов В.В. 91
 Степанова О.Б. 316
 Столярова Г.Р. 289
 Стоянова Г.Н. 465
 Стрелкович Н.Н. 154
 Строганова Е.Н. 465
 Стручкова Н.А. 363
 Стшемжальска А. 408
 Субботин С.В. 215
 Субботина И.А. 92
 Суворова Н.Г. 63
 Сударева Ю.Г. 270
 Суковатая В.А. 481
 Сулаберидзе Ю.С. 409
 Сулейманов Раис Р. 239
 Сулейманова М.Н. 349
 Сулейманова О.А. 92
 Сулоева М.А. 314
 Султанова Н.Д. 110
 Сунагатуллина З.Х. 119
 Сураганова З.К. 383
 Сурво А. 251
 Сурво В. 251
 Сулова С.В. 215, 365
 Сухова А.В. 156
 Сушкова Ю.Н. 481
 Сысоева М.Э. 342
 Тадина Н.А. 409
 Тадышева Н.О. 332
 Тажиудинова И.Г. 376
 Таймасов Л.А. 76
 Такакура Х. 199
 Такова А.Н. 299
 Тарбастаева И.С. 426
 Татаринцева М.П. 235
 Текуева М.А. 481
 Телебаев Г.Т. 216
 Телицын В.В. 440
 Темплинг В.Я. 333
 Теребихин Н.М. 251
 Терентьев В.И. 183
 Терентьев Е.А. 121
 Терещенко Т.С. 76
 Тернопол Т.В. 457
 Терюков А.И. 398
 Титова Е.В. 92
 Титова И.В. 465
 Титова Т.А. 259
 Титовец А.В. 349
 Титорева Г.Т. 369
 Тишков В.А. 7
 Ткаченко Н.В. 111
 Тлеукенова Ж.С. 482
 Тогаева А.З. 308
 Толокнов В.С. 93
 Томаска А.Г. 199
 Топоева М.В. 418
 Трегубова Д.Д. 216
 Тrepавлов В.В. 384
 Тропов И.А. 466
 Трошина Т.И. 279
 Трошкина И.Н. 183
 Трубина Е.Г. 132
 Трухан Н.В. 146
 Трушкина Е.Ю. 123
 Трушкова И.Ю. 495
 Туаева Б.В. 299
 Тузбеков А.И. 240
 Тулуз Е. 236
 Тумаркин Д.Д. 399
 Тур С.С. 158
 Тураев В.А. 183
 Турышева О.Н. 482
 Турьинская Х.М. 317
 Турская М.С. 440
 Турской А.В. 384
 Тучина О.Р. 111
 Тхагапсова Г.Г. 333
 Тхамокова И.Х. 146
 Тычинских З.А. 326
 Тэмина М.Г. 199
 Тюганкова Е.В. 290
 Тюлюпо В.В. 377
 Тюлюпо С.В. 377
 Тюрикова И.И. 416
 Тяпкова А.И. 377
 Уварова Т.Б. 216
 Уилсон Э. 416
 Ульянова М.В. 159
 Унарокова М.Ю. 369
 Уразманова Р.К. 123
 Уранхаева Г.Т. 482
 Урсан О.И. 483
 Урушадзе А.Т. 299
 Успенская Е.Н. 409
 Устинкин С.В. 227
 Ушаков Н.В. 317
 Ушницкий В.В. 304
 Фаерман А.В. 333
 Файзуллина А.Р. 240
 Файзуллина Г.Ш. 217
 Фам Кам Ньунг 333
 Фаузер В.В. 456
 Фаузер Г.Н. 456
 Фахрудинова Э.Р. 429
 Феденок Ю.Н. 111
 Федина Н.Г. 69
 Федоров Р.Ю. 182
 Федорова Е.Г. 350
 Федорова Н.В. 280
 Федотова Н.Д. 217
 Филатова С.В. 466
 Филимончик С.Н. 251
 Филиппова В.В. 280
 Филиппова И.А. 241
 Фишер Т.А. 182
 Фишман О.М. 241
 Фомина И.А. 157
 Фролова А.В. 334, 443
 Фролова Е.В. 93
 Фролова Е.Л. 342
 Функ Д.А. 38
 Фурсова Е.Ф. 146
 Хабекирова Х.А. 483
 Хабибуллина В.М. 446

Хабибуллина З.Р. 241
Хадикова А.Х. 300
Хайницкая Э.А. 227
Хайруллина А.И. 259
Халдеева Н.И. 159
Халиулина А.И. 62
Ханипова И.И. 483
Ханова Г.С. 290
Хапилина Е.А. 437
Харацидис Э. 147, 355
Харитонов А.М. 76
Харитонов В.И. 440
Харламова Н.В. 159
Хартанович В.И. 159
Хартанович М.Ф. 399
Хартанович М.В. 399
Харченко В.А. 120
Харючи Г.П. 280
Хасаншин Р.Р. 259
Хасаншина Л.В. 290
Хаховская Л.Н. 280
Хилажева Г.Ф. 93
Хисамутдинов А.А. 483
Хить Г.Л. 160
Хлызова А.А. 466
Хозяева Н.П. 484
Хомякова И.А. 150, 151
Хопёрская Л.Л. 93
Хоппал М. 252
Хотинец В.Ю. 112
Хотко С.Х. 300
Хохлов А.А. 160
Хохолькова Н.Е. 484
Христофорова О.Б. 206
Худавердян А.Ю. 160
Худяев А.С. 200
Худяков Ю.С. 122
Хўжахонов И.М. 77
Хурьон А.В. 417
Хуснетдинова А.К. 441
Хуснутдинова Л.Г. 94
Цаллагова З.Б. 300, 356, 393
Цевек Ю. 362
Целищева В.Г. 133
Цеханская К.В. 217
Цыбенков Б.Д. 206
Цыдендамбаева Е.Б. 112
Цыпилова С.С. 484
Чалаков И.Х. 375
Чвырь Л.А. 370
Чебан Е.И. 377
Чемоданов И.В. 94
Чемчиева А.П. 426
Чередникова М.П. 350
Черепанов М.С. 67
Черниенко Д.А. 220
Черницын С.В. 147

Чернова И.В. 94
Черных А.В. 350
Черняева Н.А. 441
Четина Е.М. 252
Чибисов Б.И. 220
Чигрина Е.В. 334
Чиркина Е.М. 77
Чистов Ю.К. 44
Чистяков А.Ю. 270
Чубукова Д.Г. 83
Чувьуров А.А. 95
Чугаева И.Г. 77
Чулуун С. 189
Чумакова В.П. 378
Чуракова О.В. 485
Чурилова Л.А. 304
Чуркин М.К. 63
Шабаетов Ю.П. 252
Шагапова Г.Р. 207
Шаджа А.Ю. 270
Шадт А.А. 426
Шакиров И.А. 217
Шалагина Г.Э. 271
Шалыгина Н.В. 467
Шангина И.И. 399
Шапинская Е.Н. 133
Шараева Т.И. 342
Шарапов В.Э. 220
Шафиева Г.М.К. 95
Шевелева А.И. 485
Шевцова А.А. 124
Шевцова А.А. 301
Шевченко Я.С. 334
Шевырева Е.Г. 447
Шейбак В.В. 95
Шейкин Ю.И. 200
Шелегина О.Н. 351, 423
Шерстова Л.И. 334
Шидловский С.О. 176
Шилов Н.В. 78
Шинковой А.И. 400
Шипилло В.А. 160
Ширинских Ю.Н. 290
Широкалова Г.С. 176
Шитов А.В. 147
Шитова Н.И. 147
Шитова Н.И. 176
Шихова С.В. 467
Шишелякина А.Л. 485
Шкерин В.А. 147
Шкрабова Т.А. 378
Шляхтина Н.В. 148
Шмакова А.С. 335
Шнырова О.В. 467
Шомахов З.Х. 301
Шорин А.Ф. 253
Шпак Л.Ю. 161

Шпилькин Ю.И. 78
Шрадер Т.А. 317
Штаммлер Ф. 413
Штылева Л.В. 486
Шубина П.В. 467
Шубина Т.Ф. 467
Шубникова Е.И. 177
Шульга Р.Ю. 468
Шумский К.А. 335
Шурыгин Е.И. 409
Шурыгина Е.Г. 260
Шустрова И.Ю. 468
Щеглова Т.К. 326
Щеклачева Т.В. 95
Щепанская Т.Б. 378
Щепанский Б.К. 447
Щербаков А.С. 291
Щербина Е.А. 62
Щербина Е.Е. 308
Элерт А.Х. 400
Эннс И.А. 417
Юдин Г.Б. 384
Юдина А.М. 161
Юнусова А.Б. 241
Юрганова И.И. 260
Юрченкова Н.Г. 253
Юхас К. 441
Юша Ж.М. 359
Юшина Е.А. 495
Ябыштаев Т.С. 409
Явнова Л.А. 468
Ягафова Е.А. 291
Яданова К.В. 200
Якель Ю.Я. 417
Якимова О.А. 120
Якина Л.Н. 133
Яковлев А.И. 308
Яковлев В.И. 401
Яковлева К.М. 304
Яковлева С.В. 253
Якубова Т.А. 227
Якупов Р.И. 400
Ялозина Е.А. 469
Ямаева Л.А. 291
Ямсков А.Н. 177, 419
Янес М.А. 370
Янков И.В. 385
Янкова В.П. 62
Ярзуткина А.А. 379
Яринская А.М. 442
Ярлыкапов А.А. 201
Яушкина Н.Н. 236
Яфаева Г.М. 343
Яхно О.Н. 359
Ященко О.И. 309

Научное издание

XI Конгресс антропологов и этнологов России
Сборник материалов
Екатеринбург 2–5 июля 2015 г.

*Утверждено к печати
Ученым советом Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Ответственный за выпуск: *Д.В. Громов*
Редакторы: *Д.В. Громов, О.Л. Милова*
Корректоры: *Н.А. Белова*
Компьютерная верстка: *О.Г. Симонова*
Дизайн обложки: *Д. Куканов*

Подписано к печати: 19.06.2015. Формат: 60×84¹/₈.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 70,75.
Усл.-печ. л. 63,7. Тираж ~~250~~ экз.
Заказ – 3391

Отпечатано в ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»
620030, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Карьерная, дом №14
8 (800) 300-16-00